

С. С. ЧЕТВЕРИКОВ

**НАУЧНОЕ
НАСЛЕДСТВО**

**СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
ЧЕТВЕРИКОВ
ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ
ПЕРЕПИСКА И ВОСПОМИНАНИЯ**

Сергей Сергеевич
ЧЕТВЕРИКОВ
(1880–1959)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАУК

АРХИВ

ИНСТИТУТ ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ
им. Н. И. ВАВИЛОВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик В.С. Мясников (председатель)
кандидат исторических наук Н.В. Бойко (ученый секретарь)
академик Г.М. Бонгард-Левин
доктор исторических наук В.Д. Есаков
кандидат технических наук Э.П. Карпеев
член-корреспондент РАН В.П. Козлов
доктор исторических наук Б.В. Левшин
академик И.М. Макаров
доктор экономических наук В.М. Орел
академик Н.А. Платэ
доктор исторических наук Е.В. Соболева
академик Б.С. Соколов
доктор химических наук Ю.И. Соловьев
академик Российской академии образования С.О. Шмидт

МОСКВА «НАУКА»

2002

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 28

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕТВЕРИКОВ ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ ПЕРЕПИСКА И ВОСПОМИНАНИЯ

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев
доктор биологических наук Т. Е. КАЛИНИНА

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН И. А. ЗАХАРОВ

МОСКВА «НАУКА»

2002

УДК 575
ББК 28.04
С 32

Рецензенты:

кандидат исторических наук Т.И. КОВАЛЕВА,
доктор биологических наук В.И. ЩЕРБАКОВ

Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания / Сост. Т.Е. Калинина; Отв. ред. И.А. Захаров – М.: Наука, 2002. – 641 с.; ил. – (Науч. наследство; Т. 28).

ISBN 5-02-002766-9

Книга содержит ранее не публиковавшиеся автобиографические документы из жизни генетика, энтомолога, биолога-эволюциониста профессора С.С. Четверикова (1880–1959). В нее вошли материалы о трудовой деятельности ученого, его неопубликованные при жизни работы, переписка с единомышленниками и друзьями, воспоминания о нем его учеников и коллег.

Профессор Четвериков известен в мире как основоположник популяционной генетики и ученый, заложивший основы современной эволюционной биологии. Имя его на родине, благодаря неоднократным преследованиям и репрессиям, мало известно российской молодежи.

Для генетиков, экологов, биологов широкого профиля и историков науки.

ТП-2002-I-272

ISBN 5-02-002766-9

© Российская академия наук
и издательство “Наука”,
серия “Научное наследство”
(разработка, оформление),
1948 (год основания), 2002

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕТВЕРИКОВ – ПЕДАГОГ, ЭНТОМОЛОГ, ГЕНЕТИК

В истории советской генетики Сергей Сергеевич Четвериков – одна из самых значительных и вместе с тем трагичных фигур.

Талантливейший ученый и замечательный педагог, он почти сразу после того, как от энтомологии переключился на занятия генетикой, заложил основу одного из важнейших разделов этой науки. В то же самое время он создал наиболее яркую в СССР научную школу, из которой вышли три академика (Б.Л. Астауров, С.М. Гершензон, П.Ф. Рокицкий) и неувенчанный советскими званиями, но особенно знаменитый, Н.В. Тимофеев-Ресовский.

С.С. Четвериков – автор опубликованных при жизни всего лишь двух–трех десятков статей – по праву считается основоположником огромного научного направления – генетики популяций. Признание, однако, пришло к нему только в самом конце жизни. В полной мере вклад С.С. Четверикова в становление отечественной генетики и развитие такого важного ее раздела, как популяционная генетика, был оценен и широко признан уже после смерти ученого. Основная причина этого – в трагических обстоятельствах жизни С.С. Четверикова: он был “выбит” из науки в период наивысшего творческого взлета. Труды С.С. Четверикова и его ближайших учеников, вклад в науку четвериковской школы были представлены и проанализированы в двух монографиях*, что позволяет нам здесь лишь кратко остановиться на главном.

В отличие от основоположников российской генетики, Н.К. Кольцова и Ю.А. Филипченко, которые обратились к науке о наследственности и изменчивости, работая ранее как экспериментальные зоологи, С.С. Четвериков был зоологом-натуралистом, проводившим свои исследования не в лаборатории, а природе. С юности увлекшись собиранием бабочек, их красотой и изяществом, азартом их ловли, С.С. Четвериков всю жизнь оставался лепидоптерологом. Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства жизни и некрепкое здоровье, С.С. Четвериков собрал огромную коллекцию бабочек, а его знания систематики этой группы насекомых были поразительны (читатель может в этом убедиться, познакомившись с публикуемой в настоящем томе перепиской С.С. Четверикова). Работы по систематике и фаунистике чешуекрылых, опубликованные С.С. Четвериковым, малочисленны и по своей научной значимости не соответствуют знаниям и талантам этого ученого. И дело, очевидно, не только в обстоятельствах жизни С.С. Четверикова: он не любил или не хотел писать и оформлять к печати свои работы. Что поделаешь – ученые в этом, как и во многих других отношениях, очень различные.

* *Бабков В.В.* Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. 216 с.; *Артемов Н.М., Калинина Т.Е.* Сергей Сергеевич Четвериков. М.: Наука, 1994. 160 с.

Вместе с тем среди немногих опубликованных лепидоптерологических работ С.С. Четверикова есть одна, которая (будь она даже единственной) сохранила его имя в истории биологической науки. Речь идет о статье 1905 г. “Волны жизни”*, в которой молодой автор продемонстрировал способность к глубоким теоретическим обобщениям на основе сделанных им наблюдений. С.С. Четвериков обратил внимание на постоянно происходящие в природе колебания численности особей того или иного вида и образно назвал это явление – “волны жизни” (это название закрепилось по крайней мере в отечественной литературе) и рассмотрел его эволюционное значение.

Четвериков дает следующее определение понятию “волны жизни”: «как всякие волны [они] состоят из подъема и падения; те случаи, когда происходит внезапное массовое появление какого-либо вида, продолжающееся некоторое время и кончающееся уменьшением численности его снова до прежней нормы, будем называть “приливами жизни”. И обратно, – в тех случаях, когда численность какого-нибудь вида внезапно опускается ниже его обычной нормы, происходят “отливы жизни”. Вот вся совокупность этих явлений, этих приливов и отливов видовой жизни, и образует “волны жизни”»**. Эти волны происходят непрерывно и приводят не только к изменениям численности вида, но и к постоянным колебаниям границ его ареала, который никогда не является постоянным и неизменным.

В дальнейшем эта проблема была глубоко разработана в популяционной генетике, в ее разделах, посвященных “дрейфу генов” и “принципу основателя”. Отметим, что в отечественной науке, одновременно с западными теоретиками, концепция “дрейфа генов” под названием “генетико-автоматических процессов” была сформулирована и обоснована учениками С.С. Четверикова Д.Д. Ромашовым и Н.П. Дубининым. Теоретический анализ и накопленные позднее наблюдения в природе и эксперименте показали важное значение колебаний численности популяций в изменении их генетической структуры.

Крупнейший ученый Н.К. Кольцов, старший коллега и дальний родственник С.С. Четверикова, отметил способности последнего к теоретическим обобщениям и привлек его к преподаванию генетики (наиболее строгой и математизированной из биологических наук) и исследовательской работе в этой области. Выбор Н.К. Кольцова оказался исключительно справедливым и удачным.

Удивительным в деятельности С.С. Четверикова-педагога было то, сколь сильных талантливых молодых людей ему удалось привлечь в генетику, направить на разработку своих научных идей. Имена его ближайших учеников, образовавших знаменитый кружок СООР***, хорошо известны. Это Б.Л. Астауров (будущий академик АН СССР), Е.И. Балкашина, Н.К. Беляев, С.М. Гершензон (будущий академик АН УССР), А.Н. Промптов, П.Ф. Рокицкий (будущий академик АН БССР), Д.Д. Ромашов, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Е.А. Тимофеева-Ресовская (Фидлер), С.Р. Царапкин. В этот кружок не входил, но учился у С.С. Четверикова и, пожалуй, в наибольшей степени среди генетиков, работавших в СССР, в дальнейшем развил заданное им направление исследований, Н.П. Дубинин, также будущий академик АН СССР.

* Четвериков С.С. Волны жизни: Из лепидоптерологических наблюдений за лето 1903 г. // Дневник Зоол. отд. Импер. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1905. Т. 3 № 6. С. 106–111.

** Четвериков С.С. То же // Проблемы общей биологии и генетики. Новосибирск.: Наука, 1983. С. 77.

*** Кружок СООР – “совместные орангия”.

1920-е годы были для С.С.Четверикова годами вдохновения как в экспериментальной и теоретической работе, так и в педагогической деятельности. Примечательно, что позже в Горьком, где С.С. Четвериков преподавал и заведовал кафедрой на протяжении 13 лет (1935–1948 гг.), он не воспитал ни одного сколько-нибудь заметного и талантливого ученика. Вероятно, дело не в том, что Горьковский университет не был столичным университетом, а в том, что арест и ссылка надломили С.С. Четверикова, погасили в нем то творческое вдохновение, которое притягивало к нему способную молодежь в Москве.

Говоря о С.С. Четверикове как о педагоге, напомним, что он был первым лектором по генетике в Московском университете. В МГУ кафедра генетики была организована лишь в 1930 г. (А.С. Серебровским), а в 1920-е годы значительное число студентов-биологов знакомилось с генетикой на лекциях С.С.Четверикова. Многие из них впоследствии внесли заметный вклад в науку.

К выбору собственного направления и объекта научных исследований С.С. Четвериков подошел как натуралист-энтомолог. Собирая и изучая бабочек в природе, С.С. Четвериков обратил внимание на природные популяции, как оказалось, наиболее подходящего для лабораторного культивирования и изучения насекомого – плодовой мушки дрозофилы – и занялся со своими учениками разносторонним исследованием этого объекта.

Необходимо подчеркнуть, что в представлениях многих биологов начала 1920-х годов генетика была сугубо экспериментальной наукой, решавшей свои задачи в ходе лабораторных опытов, и как экспериментальная наука она не имела тесного соприкосновения с теорией эволюции, бывшей в то время преимущественно умозрительной. В частности, выдающийся генетик Ю.А. Филипченко, основатель ленинградской школы, настойчиво противопоставлял генетику как экспериментальную науку теории эволюции.

Когда Четвериков приступил к работе в области генетики, перед ним встал вопрос: как разрешить этот конфликт? Он следующим образом сформулировал свою задачу: “Как связать эволюцию с генетикой, как ввести наши современные генетические представления и понятия в круг тех идей, которые охватывают эту основную биологическую проблему? Можно ли подойти к вопросам изменчивости, борьбы за существование, отбора – словом, дарвинизма, исходя не из тех совершенно бесформенных, расплывчатых, неопределенных воззрений на наследственность, которые только и существовали во время Дарвина и его непосредственных преемников, а из твердых законов генетики?”*

В 1926 г. в “Журнале экспериментальной биологии” С.С.Четвериков опубликовал главную работу своей жизни – “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”**, где он говорил о том, что основные положения генетики – этой “самой позитивной, победоносной отрасли биологии” – должны проникать в глубь разных разделов науки, в том числе и в теорию эволюции.

В начале XX столетия некоторые ученые относились к генетике крайне сдержанно и недоверчиво. Успехи генетики слишком жестко ломали привычные, ставшие рутинными представления биологов о процессе эволюции. Теоретики биологии трудно воспринимали новые знания и построения, соответствующие последним достижениям науки. Поэтому менделизм был враждебно встречен многими эволюционистами, последователями Дарвина. Эволюциони-

* Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. С. 134.

** То же // Журн. эксперим. биол. Сер. А. 1926. Т. 2. № 1. С. 3–54.

сты-дарвинисты считали, что признание существования практически неделимого материального носителя наследственных признаков – гена – является утверждением, отрицающим возможность биологической эволюции. Генетики в свою очередь обвиняли “истинных дарвинистов” в том, что они очень часто в своих убеждениях скатывались к ламаркизму или ортогенезу, игнорируя новейшие достижения биологии, оставаясь на уровне знаний конца XIX в., полагая, что все разнообразие признаков, по которым происходит эволюция видов, изначально заложено в наследственном веществе организма.

Окончательно антагонизм между дарвинизмом и учением Менделя будет преодолен позднее, и решающее слово в этом вопросе сказано С.С. Четвериковым в рассматриваемой нами его работе 1926 г. Основные моменты в этом исследовании автор определил следующим образом: “1) возникновение мутаций (или, как я буду их в дальнейшем называть, геновариаций) в природе, 2) роль свободного скрещивания при менделевской наследственности и 3) значение при этих условиях отбора”^{*}.

В своей работе Четвериков анализирует действия отбора и возникновение новых генотипических изменений. Поскольку нет оснований отрицать существование в природе постоянно идущего процесса появления новых геновариаций, то можно считать, что количество последних непрерывно и бесконечно возрастает. Геновариации при этом должны появляться повторно. Новые геновариации обычно возникают в гетерозиготном состоянии и чаще всего являются рецессивными. Некоторые из геновариантов, перешедших в гомозиготное состояние, уничтожаются отбором из-за отрицательного влияния на жизнеспособность особи. По законам Пирсона и Харди–Вайнберга в составе популяции появляется значительное число фенотипически нормальных, но гетерозиготных по генному составу особей. Это состояние всегда будет равновесным из поколения в поколение, но в N-поколении возможна встреча двух гетерозиготных особей и появление гомозиготного рецессива с ничтожной вероятностью. Однако в следующем поколении рецессивная геновариация вновь перейдет в гетерозиготное состояние и снова восстановится равновесие Харди–Вайнберга. Но геновариация не исчезнет, а сохранится в генофонде внешне нормальных особей.

Главное, согласно С.С. Четверикову, заключается в том, что “вид, как губка, впитывает в себя гетерозиготные геновариации, сам оставаясь при этом все время внешне (фенотипически) однородным”^{**}.

Весьма важным фактором, связанным с вероятностью накопления и проявления геновариаций в сообществе, С.С. Четвериков считает численность последнего. Чем многочисленнее популяция, тем больше вероятность появления, но меньше шансов проявления новых геновариаций. И наоборот, чем малочисленнее сообщество (т.е. меньше величина N), тем больше вероятность проявления в нем геновариаций в гомозиготном виде. Таким образом, “частота проявлений геновариаций обратно пропорциональна численности сообщества”^{***}, а между частотой появления и частотой проявления благодаря свободному скрещиванию в сообществе существует определенное равновесие.

Такое равновесие нарушается, когда ограничивается свобода скрещивания в пределах вида, что случается, когда численность одного вида (N) разбивается

^{*} Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. С. 154.

^{**} Там же. С. 147.

^{***} Там же. С. 148.

на ряд изолированных колоний (популяций). В пределах вида процесс возникновения различных новых геновариаций в целом не пострадает, но проявление их в разных колониях будет находиться в зависимости от малой численности (n) той из них, в которой возникла данная геновариация.

Изоляция части населения вида создает изолированной малой группе благоприятные условия для проявления различных наследственных изменений благодаря повышению вероятности встречи одинаковых гетерозигот, дающих гомозиготное потомство, отличное от основной массы данного вида.

Таким образом, любая изоляция (пространственная, географическая, временная или экологическая) популяций вида приводит к появлению внутривидовой дифференциации. Взаимодействие всех внешних и внутренних факторов определяет состояние равновесия, а также степень свободы скрещивания. “Чем сильнее действуют факторы изолирующие, разъединяющие, тем сильнее выступает внутривидовая изменчивость, тем чаще в отдельных колониях должна проявляться скрытая внутри вида генотипическая дифференциация. Таким образом, можно установить закон, что при прочих равных условиях степень дифференциации внутри вида прямо пропорциональна степени изоляции отдельных его частей”^{*}.

Если свободное скрещивание, стабилизируя данное сообщество, является, как говорит С.С. Четвериков, фактором консервативным, сохраняющим структуру вида в неизменном состоянии, то естественный отбор действует как антагонист, выводя вид или популяцию из состояния равновесия, а потому является эволюторным фактором, ведет к постоянному изменению вида.

Таким образом, состояние сообщества является функцией двух противоположно действующих факторов: отбора и стабилизирующего скрещивания, а сообщество постоянно переходит из одного равновесного состояния в другое, пока существует действие отбора, и переход этот пропорционален интенсивности или силе отбора.

При этом отбор может быть либо искусственным (целенаправленным), либо естественным – автоматическим. Интенсивность естественного отбора, говорит Четвериков, определяется в конечном итоге значением отбираемого признака для выживания и приспособления. При искусственном отборе интенсивность его может быть доведена до 100% особей, обладающих отбираемым признаком. При естественном отборе выживают особи с разными признаками, и доля полезного признака может составлять всего 1/5 или 1/10 совокупности особей, которые составляют сообщество. Во всех случаях Четвериков вслед за математиком Нортоном вводит понятие “интенсивность отбора” данного признака, имея в виду вероятность выживания в борьбе за существование особи, не обладающей благоприятным признаком по сравнению с особью, таким признаком обладающей. Интенсивность отбора выражается процентом числа выживающих особей от общего числа особей, обладающих отбираемым признаком.

“Один и тот же ген будет проявлять себя различно в зависимости от того комплекса других генов, которыми он окружен”^{***}. Этот комплекс генов Четвериков назвал генотипической средой. Следовательно, каждый признак в своем выражении фенотипически зависит от окружающей среды, внешней среды раз-

^{*} Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. С. 151.

^{**} Там же. С. 164.

вития организма, и генотипически – от строения всего генотипа, от определенных внутренних условий.

Один и тот же ген в разных “генотипических средах” будет проявляться по-разному. Таким образом, внешнее проявление его будет наследственно “флуктуировать”, колебаться. Признак может ослабляться, усиливаться и модифицироваться. Если качественные признаки определяются обычно одним или немногими генами, то количественные (мерные) обнаруживают существенную амплитуду наследственных колебаний в своем выражении благодаря генотипической среде. Учитывая понятие “генотипической среды”, необходимо принять, что для естественного отбора открывается новое поле деятельности. Согласно общепринятым представлениям отбор в популяции действует до тех пор, пока все особи по отбираемому признаку не перейдут в гомозиготное состояние и не превратят ее в чистую (или чистокровную) линию. После этого действие отбора прекращается независимо от положительных или отрицательных флуктуаций признака. В дальнейшем действие искусственного отбора с признака переносится на весь генотип. “Отбирая один признак, один ген, отбор косвенно отбирает и определенную, наиболее благоприятную для проявления данного признака генотипическую среду – генотип”. Таким образом, “отбор ведет к усилению признака и в этом смысле он активно участвует в эволюционном процессе”^{*}.

Итак, основные выводы, сделанные С.С. Четвериковым:

1. Внутри природных сообществ (популяций) происходит непрерывное самопроизвольное изменение их генетического состава (генофонда), появление геновариаций, как правило, в гетерозиготном состоянии, которые в своем большинстве являются менее жизнеспособными и даже летальными.

2. Свободное скрещивание поддерживает видовое сообщество в равновесном состоянии стабилизации численных соотношений составляющих его аллеломорфных пар (гомо- и гетерозиготных).

3. При отсутствии отбора новые геновариации сохраняются в гетерозиготном состоянии и в таком виде накапливаются в неограниченном количестве, распространяются и комбинируются по законам случайности, расшатывая все более и более генофонд видового сообщества, “заражая” геновариациями все большее количество особей.

4. По закону вероятностей со “старением” вида появляется все большее количество гомозиготных особей с измененными наследственными признаками. Вероятность встречи и проявления в гомозиготном состоянии при скрещивании носителей двух однотипных мутаций тем больше, чем меньше численности популяций и чем изолированнее от других видовых групп ее ареал.

5. Генотипическая изменчивость вместе с изоляцией являются основными факторами внутривидовой изменчивости. На стадии проявления измененных признаков включается естественный отбор, подавляющий распространение и даже уничтожающий маложизнеспособные геновариации и сохраняющий, закрепляющий полезные изменения, даже самые слабые, очищая вид от избытка неблагоприятных геновариаций и усиливая моноформность вида.

6. Если такой отбор происходит до полной замены более приспособленными особями менее приспособленных (как по доминантным, так и по рецессивным признакам), то он и ведет либо к трансформации всего вида, либо к появлению его разновидностей и вычленению нового вида (в условиях изоляции популяции). При отсутствии действия отбора вид сохраняется полиморфным.

^{*} Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. С. 166.

7. Отбор, как и свободное скрещивание, способствует накоплению в населении вида рецессивных генов в гетерозиготном состоянии; число таких генов может превосходить число доминантных геновариаций.

8. Специфический характер адаптивных признаков путем отбора способствует развитию адаптивной эволюции. Но наряду с ней существует и неадаптивная эволюция, когда отбор безразличных, нейтральных для вида признаков усиливает появившееся расхождение между изолированными сообществами (видами или популяциями одного вида).

9. Для понимания действия отбора важно не забывать о плейотропии (многожественности действия генов). Она связана с понятием генотипической среды как совокупности генов, внутренне и наследственно воздействующей на проявление каждого гена в его признаке. “Каждый индивид есть неделимое не только в смысле своей сомы, но и в смысле проявления каждого своего гена”^{*}.

10. Плейотропное действие генов объясняется наличием усилителей, ослабителей, модификаторов и постоянной полимерии количественных признаков. Наряду с отбираемым признаком подвергается отбору весь генотип (генотипическая среда). Отбор ведет к усилению отбираемого признака и поэтому может считаться активным участником эволюционного процесса. Понятие о плейотропии позволяет обосновать явление соотносительной изменчивости и генотипической корреляции признаков.

Генетическая гетерогенность природных популяций была предсказана Четвериковым дедуктивным путем^{**}, и его публикация 1926 г. должна считаться теоретической работой. В то же время под руководством С.С. Четверикова группой его учеников были развернуты и экспериментальные работы по анализу популяций нескольких видов дрозофил. Эти исследования, проводившиеся методом, который был рекомендован Четвериковым, а именно инбридингом в потомстве особей, собранных в природе, показали предсказанную Четвериковым насыщенность популяций разнообразными мутациями.

Признанные основоположники популяционной математической генетики на Западе – Фишер, Райт, Холдейн – ограничивались только теоретическим анализом генетических процессов в популяциях (хотя ими этот анализ был выполнен на значительно более высоком математическом уровне), не проводя самостоятельных экспериментальных работ, в то время как Четвериков и его молодые сотрудники совместили и теоретические, и экспериментальные исследования.

Результаты работ были доложены на представительных научных конгрессах, но в свое время остались неопубликованными в полном объеме. Следует привести слова Четверикова из резюме его доклада на Берлинском Международном генетическом конгрессе (1927): «Все эти факты приводят к заключению, что обычные “дикие” популяции в высшей степени гетерозиготны в самых различных отношениях и поэтому предоставляют богатый материал наследственных изменений, которые могут быть использованы при изменении среды и поэтому должны играть решающую роль в эволюционном процессе»^{***}.

Каково же значение идей С.С. Четверикова, изложенных в его работе 1926 г. и последующих докладах, с которыми он успел выступить до трагедии

^{*} Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. С. 168.

^{**} Глотов Н.В. Очерк развития отечественной популяционной генетики // Исследования по генетике. Л.: 1981. № 9. С. 85–105.

^{***} Цит. по: Глотов Н.В. Очерк развития отечественной популяционной генетики // Исследования по генетике Л., 1981. № 9. С. 87.

1929 г.? Во-первых, Четверикову удалось разрешить конфликт, который не затухал два-три десятилетия между последователями Дарвина, с одной стороны, отрицавшими корпускулярную природу наследственности, якобы исключающую возможность изменчивости и эволюции видов, и генетиками – с другой; последних обвиняли не только в антидарвинизме, но и в антиэволюционизме. Во-вторых, С.С. Четвериков и его сотрудники получили объективные доказательства существования в природных популяциях достаточного для эволюции вида количества наследственных изменений (геновариаций), которые постоянно поставляют для естественного отбора обширный материал, включающий как доминантные, так и рецессивные изменения генотипа разнонаправленного значения для организма. Летальные мутации генов самоуничтожаются, биологически отрицательные уничтожаются отбором, а нейтральные и полезные для вида сохраняются и даже усиливаются. Отбор превращается в активный фактор эволюции видов.

Наконец, в-третьих, значение работы Четверикова заключается в том, что он убедительно показал невозможность возникновения нового вида от единичной мутировавшей особи. Появление новых популяций и видов происходит всегда на массовой основе, причем отбор осуществляется не только по одной полезной геновариации, но и по генотипу в целом, включая все генотипические изменения, благоприятные для развития вида. Эволюирует не особь, а популяция или сообщество при относительной или полной изоляции от свободного скрещивания. Без такой изоляции (любого типа) новообразование видов невозможно из-за стабилизирующего скрещивания (закон Харди–Вайнберга).

Сущность вклада С.С. Четверикова в развитие биологии XX в. заключается в убедительном доказательстве, что единицей эволюционного процесса является не отдельный организм, а популяция. Он показал, что популяция, как губка, впитывает возникающие мутации (геновариации) и служит резервуаром, накапливающим и хранящим эти мутации в гетерозиготном состоянии. Таким образом, и учение о генетическом грузе, являющееся одним из важных разделов современной генетики популяций, непосредственно проистекает из идей и экспериментальных результатов С.С. Четверикова.

В результате работ С.С. Четверикова эволюционное учение получило мощный стимул для дальнейшего развития. Теория эволюции перешла на новый, более высокий уровень. На пути, проложенном Четвериковым, она стала “современной эволюционной теорией” или “синтетической теорией эволюции”. Научный вклад Четверикова в биологию оказался столь весомым, что он сопоставим с таким эпохальным открытием, как установление законов Менделя или создание хромосомной теории наследственности.

Член-корреспондент РАН
И.А. Захаров

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА ЧЕТВЕРИКОВА. ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

В этой главе мы постарались изложить те факты о происхождении и жизни Сергея Сергеевича Четверикова, которые не будут (или почти не будут) освещены в дальнейших разделах. Мы считали особенно важным описать характеры предков и родственников С.С. Четверикова, чтобы создать представление об условиях формирования личности и психологии ученого.

Анализ происхождения С.С. Четверикова основан на письменных источниках (автобиографии Ивана Ивановича (деда), Сергея Ивановича (отца), Николая Сергеевича (брата), публикациях в газетах начала XX в., переписке между родными и с друзьями), а также устных рассказах самого Сергея Сергеевича, его брата Николая, их племянников, внуков и правнуков.

Большое значение для сбора материалов имели многочисленные записанные Сергеем Ивановичем (отцом ученого) воспоминания, эссе и даже изданная в двух экземплярах книга о его деятельности в Сибири по освоению приенисейских степей (два экземпляра – подарок семье к 75-летию Сергея Ивановича по числу внуков – Николая и Александра). Одна из этих книг была подарена через составителя данного тома Д.К. Беляеву, директору ИЦиГ СО АН СССР в 1977 г. Второй экземпляр книги хранится в Цюрихе у его правнуков.

Поколение Сергея Сергеевича в генеалогии Четвериковых является четвертым среди переселившихся в Москву из городка Перемышль Калужской губернии в конце XVIII и в первые годы XIX столетия.

Предки Четвериковых содержали небольшую харчевню при дороге на Москву. После смерти мужа Василия Никитича в 1781 г. его жена Авдотья Степановна была не в состоянии устроить судьбу своих детей на более чем скромный доход от харчевни и решила отпустить старших сыновей на заработки в Москву, снабдив их на дорожные расходы по двугривенному. Первыми в 1791 г. уехали старший сын Андрей и племянник Герасим, считавшийся в семье приемным сыном.

Когда подросли еще трое ребят, Иван большой, Илья и Иван меньшей, они тоже уехали в Москву, имея надежную поддержку со стороны Андрея и Герасима. Последние же помогли и с первыми шагами на трудовом поприще (от мальчика на побегушках до приказчика в торговых лавках). Так, Иван большой дослужился до приказчика у Герасима, а затем в 1805 г. открыл свое дело, торгуя шерстяными тканями. По его стопам последовали и оба младших брата.

Собрав сведения о десяти поколениях московских Четвериковых, мы склонны полагать, что члены этого клана в большинстве случаев имели черты характера и поведения, присущие лучшим представителям русской интеллигенции XIX и первой половины XX в. Одними из таких качеств являются преданность семье и друзьям, постоянная готовность прийти им на помощь, а также бескоры-

стие и честность. Так, Иван большой, кроме своих восьми детей, воспитывал четверых племянников: двух сыновей сестры Арины, рано потерявшей мужа, Ивана и Василия Михайловых, Дмитрия – сына брата Ивана меньшого и Константина Водопьянова – племянника жены. Эти мальчики учились вместе с его собственными детьми и жили в его доме.

Кроме родных, Иван Васильевич постоянно подкармливал и посторонних людей, часто не имевших даже крова. Его сын Иван Иванович вспоминает, что к столу всегда выходили какие-то чужие старушки. Некоторые из них жили в доме постоянно. Иные, погостив два-три месяца, уходили в другие зажиточные дома, стараясь не обременять собою добрых людей.

Иван Васильевич (большой) – прадед Сергея Сергеевича – не ограничился торговлей суконным товаром и в 1831 г. приобрел сукновальную фабрику на р. Клязьме в селении Городищи в 22 км от Богородска*, на восток от ж.-д. станции Щелково. Это было важным шагом для повышения качества четвериковского товара. Вторым шагом была аренда северокавказских степных земель для выпаса тонкорунных овец, обеспечивающих высокосортным волокном тонкие суконные ткани. То есть появилась собственная сырьевая база, хотя дополнительные закупки меринсовой шерсти производились постоянно.

Иван Иванович – дед Сергея Сергеевича – управлял фабрикой и занимался торговлей вместе с братьями Николаем и Семеном, а после их смерти – в одиночку. В Русском биографическом словаре о нем говорится следующее**.

“ЧЕТВЕРИКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ. Действительный статский советник, известный ревнитель православия и храмосоздатель Ч.[етвериков] род[ился] в 1809 г. и происходил из купеч[еского] сословия г. Москвы. Когда было решено принять издержки по постройке и приведению в сносный вид православных церквей юго-западного края на счет казны, а также отчасти искать вспомоществования у частных благотворителей, Митрополит Филарет указал на Ч[етвериков]а П.Н. Батюшкову, в специальное ведение которого было передано дело о пособии православным церквам в Западном крае. С этих пор в течение десяти лет Ч[етвериков] деятельно трудился на этом поприще. Имя Ч[етверикова] неразрывно связано с историей возобновления православных храмов в западных губерниях. Он не только жертвовал из собственных средств, но еще больше собирал для той же цели среди московского купечества.

С 1861 по 1871 год Ч[етвериков] помог различными пособиями более чем 4000-м церквей – вдвое больше того, что сделала сама казна при ежегодном расходе в полмиллиона рублей. Государыня императрица***, принимавшая самое деятельное участие в благотворительной деятельности Ч[етверикова], передала ему в дар “на добрый подвиг” икону и неоднократно потом принимала его и выслушивала его представления о нужде церквей и о том, что было сделано для них путем частной благотворительности. Ч[етвериков] был щедро награжден за свои труды многими орденами, дарованием ему потомственного дворянства и пожалованием ему сначала чина статского, а затем и действительного статского советника. Когда в западных губерниях стали возникать церковные братства, Ч[етвериков] явился им на помощь. Он также немало помог балтийским и гельсингфорским церквам. На его средства окончена постройка Гельсингфорского собора. Для духовенства Московской епархии Ч[етвериков] также нема-

* Ныне – Ногинск.

** Русский биографический словарь. СПб. 1905. № 23. С. 361.

*** Имеется в виду императрица Мария, жена Александра II.

ло потрудился, главным образом, устройством эмеритальной кассы*. Ч[етвериков] собрал капитал, легший в ее основание, а также принимал деятельное участие в составлении устава кассы и был на съезде духовенства избран казначеем Московской эмеритальной кассы. Ч[етвериков] скоропостижно скончался от разрыва сердца 4 дек[абря] 1871 года на своей Городищенской фабрике Богородского у[езда] Московской губ. и похоронен на Кладбище Алексеевского девичьего монастыря.

Источники:

1. Волынск. Епарх. Ведомости – 1872. № 2. С. 66, 67;
2. Литовск. Епарх. Ведом. – 1872. № 1. С. 22–26 и № 3. С. 75, 76;
3. Моск. Епарх. Ведом. – 1871. № 50. С. 121, 122;
4. Соврем. известия – 1871. № 388, 343;
5. Моск. Ведом. – 1871. № 268;
6. Соврем. Русский Календарь – на 1873 г.;
7. Иллюстр. газета – 1871. № 49. С. 784.”

И еще несколько слов о личности Ивана Ивановича, о его человеческих качествах: он был музыкально образован, очень любил оперу и регулярно посещал оперный театр; на вечерних сборищах друзей охотно играл на фортепиано в четыре руки вместе со своим учителем. Любил гулянуть, был щедр и благожелателен, охотно выпивал в хорошей компании. Но, когда серьезно заболел и услышал от доктора, что дела с печенью очень плохи, решительно отказался от употребления спиртного. Воля у него была.

Отец Сергея Сергеевича, Сергей Иванович, вместе с племянниками (детьми Дмитрия Ивановича) и своими сыновьями Сергеем и Николаем более 45 лет содержали в Крыму (Кореиз–Олеиз) большую туберкулезом костей и ревматизмом Марию Николаевну Алексееву – дочь трагически погибшего брата матери Сергея Сергеевича (ур. Алексеевой) Николая Александровича Алексеева, который в течение восьми лет был городским головой Москвы. Кстати, Сергей Иванович, выезжая в Швейцарию, поселил Марию Николаевну в Крыму, оставив предназначенную на ее содержание часть унаследованной от отца суммы (часть – потому, что ее отец скончался в 1893 г., и унаследованная сумма существенно уменьшилась).

Пожилая больная женщина в годы нэпа горячо полюбила молодого врача, определенного после окончания мединститута в район Кореиза. Молодой человек был женат. Понимая ситуацию как бесперспективную для создания семьи, Мария Николаевна решила помочь молодому участковому доктору, не имевшему клинической практики, и вложила все свои деньги в строительство больницы (а затем и роддома) и подарила их городу. При этом поставила два условия: главврачом должен работать только он (доктор Алексин), и второе: поскольку у женщины-инвалида не осталось средств к существованию, больничная кухня должна будет отпускать ей трехразовое питание (жила она в комнате глинобитного дома на больничном дворе).

К окончанию войны 1941–1945 гг. Мария Николаевна была уже инвалидом I группы, не вставала с постели, о ее эвакуации во время войны из Крыма никто не позаботился. После изгнания немецких оккупантов она была обвинена в сотрудничестве с немцами, так как, зная три европейских языка, она, чтобы не умереть от голода, печатала различные документы, которые ей приносили ок-

* Эмеритура – эмеритальные кассы – капитал, созданный из обязательных отчислений сотрудников какого-либо учреждения или ведомства и расходующийся на оказание помощи его служащим (например, на дополнительные пенсии и т.п.). БЭС. Москва, 1998.

купанты. Однако никаких репрессий в отношении прикованной к постели старой женщины (ей было уже за 60 лет) не было, ее оставили в покое. Вернувшийся с фронта знакомый врач, приступив к работе в подаренной больнице, забыл о принятых на себя обязательствах. Мария Николаевна осталась без пенсии и совсем заброшенной. И только после восстановления связи с Москвой и Горьким племянники – Сергей Сергеевич, Николай Сергеевич и Сергей Дмитриевич – до самой её смерти в 1974 г. посылали деньги и посылки, поддерживали письмами и вниманием. Нашлись и посторонние отзывчивые люди: участковый врач лично напомнила городскому начальству о договоре, заключенном при получении от Марии Николаевны в дар городской больницы и роддома. М.Н. Алексеевой стали присылать на дом обед.

Брат матери Сергея Сергеевича Н.А. Алексеев в 35 лет был выбран городским головой Москвы и за два срока выполнения этих обязанностей (восьми лет) сделал для Москвы очень многое. Он интенсивно превращал Москву из деревянного в каменный город, построив, в том числе, здание Государственной Думы, в помещении которой накануне очередных выборов на третий срок был застрелен психически больным человеком. В свои 42 года он был еще полон творческих планов и сил для их выполнения. Незадолго до смерти он вложил миллион рублей из личных средств в строительство дома для психически больных людей. Денег не хватало, и он вынужден был обратиться к одному из московских толстосумов, попросив у него 300 тыс. руб. Тот, куражась, ответил: – “Я тебе дам, голова, денег, да только ты поклонись мне в ноги.” “Изволь”, – произнес Николай Александрович, встал на колени и отвесил земной поклон самодуру, бывшему ранее приказчиком у отца Алексеева. Так было закончено строительство больницы.

Ранее Н.А. Алексеев за свой счет и с помощью знакомых купцов выстроил за 700 тыс. руб. Московско-Баевский дом призрения.

Одновременно Н.А. Алексеев выполнял обязанности председателя Правления Товарищества Владимира Алексеева с их крупными золотоканительными фабриками. Москве он служил без вознаграждения, считая должность московского головы высочайшей честью для себя*.

Отец С.С. Четверикова Сергей Иванович кроме заботы о племяннице жены стал опекуном, а затем и приемным отцом Наташеньки Четвериковой, дочери младшего брата Дмитрия, потерявшей родителей в 10 лет и страдавшей параличом ног после полиомиелита. Уезжая в Швейцарию, он забрал ее с собой. После его смерти Наталия Дмитриевна, передвигаясь в инвалидной коляске, зарабатывала на жизнь, преподавая русский и европейские языки, сначала в Швейцарии, а затем Австрии, где и скончалась в 1974 г.

В 1912–1914 гг. Наталия Дмитриевна на материнское наследство с помощью опекуна С.И. Четверикова построила в Сокольниках ортопедическую детскую клинику.

Широту души унаследовали и следующие поколения Четвериковых: в 1926 г. в трехкомнатной квартире по улице Машкова (ул. Добрая Слободка, д. 17, кв. 15), ютились две семьи: Сергея Сергеевича и Николая Сергеевича. Лишних комнат не было. Несмотря на это, они пригласили к себе товарища Николая по институту Евгения Слуцкого с женой до получения ими собственной комнаты от Моссовета. Более года Николай Сергеевич с женой Верой Алексеевной Севериной спали на полу.

* *Амфитеатров А.В.* Честь служить Москве // Памятники отечества: Альм. М., 1994. № 1–2, С. 63–69.

Двоюродная сестра Сергея и Николая Четвериковых, Екатерина Дмитриевна, дважды выходила замуж, но имела лишь одного ребенка – сына Дмитрия Георгиевича Штекера (р. 1921). Он добровольно ушел на фронт в 1941 г., а в 1942 г. погиб. Екатерина Дмитриевна взяла на воспитание мальчика-сироту из блокадного Ленинграда, дала ему высшее образование и воспитала здорового, отличного человека и гражданина.

Мы не искали специально среди родных Сергея Сергеевича лиц, совершавших благородные поступки, аналогичные описанным выше. Эти факты сами пришли в наши руки, так сказать – попутно, без прямых поисков; конечно, в каждом поколении (а семьи были многодетные) встречались люди и безынициативные (беспомощный кузен Александр Дмитриевич – “Бусенька”), гуляки и жуиры (прапрадед), авантюристы и эгоисты (по рассказам А.И. Майкова – мужа Марии Сергеевны – старший брат Сергея Сергеевича, Иван, увез из Красноярского банка после революции по отцовской доверенности все деньги, отложенные на содержание Сибирской экономии, и “профукал” их за пару лет, сославшись на китайский банк, куда он их якобы вложил. Отец лично ездил в Шанхай, но следов своих капиталов там не обнаружил). Но тем ярче оттеняются добром, честностью и предприимчивостью характеры остальных членов Четвериковско-Алексеевского клана.

С праправнуком Сергея Сергеевича, Георгием Валентиновичем Риле, нам удалось посетить живописное родовое имение Четвериковых – Кашинцево, окруженное старым лесом на берегу Клязьмы, расположенное неподалеку от селения Райки (д/о Солнцево), своими глазами увидеть и запечатлеть на фото остатки барского дома (подвальное помещение и бетонный фундамент, сохранившиеся после пожара, уничтожившего деревянное жилое строение). В советские годы дом использовался как административное здание санатория Министерства иностранных дел. Пожар начался с подвала. Подозревают неисправности в электропроводке. Второй – “мусин”* двухэтажный деревянный дом сохранился (считалось, что в нем она будет жить после замужества), конюшня отстроена заново под дом отдыха Солнцево.

Нам посчастливилось найти краеведа, 50 лет проработавшую заведующей библиотекой санатория МИД, Фадееву А.С. Она была уже на пенсии, но энергична и моложава. Александра Степановна показала нам “американский домик” в Райках, в котором жили последние годы жена и дочь Дмитрия Ивановича Четверикова, привела к домам крестьян и рабочих Городищенской фабрики, построенным при материальной поддержке отца Сергея Сергеевича. Она рассказала ряд легенд о семье Четвериковых – владельцах Городищенской фабрики. В этих рассказах Сергей и Дмитрий Ивановичи, как и их жены, в памяти местных жителей живут как рачительные хозяева, отзывчивые и бескорыстные в своей доброте люди. Когда в главном жилом доме решили разместить администрацию санатория, погибло очень много ценных вещей и произведений искусства. Часть их передали на реализацию в антикварный магазин в Шелково, остальные уникальные предметы обстановки разбивались, распиливались, раскалывались и сжигались. Александра Степановна смогла уберечь от уничтожения одно резное кресло на львиных лапах темного дерева. Она разобрала его на детали и вынесла в качестве дров. Оно украшает ее маленькую однокомнатную “хрущевку”.

Страстный краевед, она много писала об истории Городищенской фабрики и о семьях Четвериковых. Сохранила у себя небольшую книгу, в которой типо-

* Сестра С.С. Четверикова М.С. Майкова.

графским способом напечатан перечень нескольких сот книг как для взрослых, так и для детей, приобретенных Сергеем Ивановичем Четвериковым для заводской библиотеки. К сожалению, как профессиональный библиотечный работник, она очень дорожила этим уникальным изданием и не согласилась отдать книгу в архив музея ННГУ или в кабинет истории генетики ИОГен РАН.

Поликлиника, больница, школа, общежитие для рабочих, построенные купцом и фабрикантом С.И. Четвериковым, окружают производственное здание сукновальной фабрики. Сушильные и складские помещения расположены изолированно от фабрики и представляют собою ангары, сплошь покрытые металлическими листами, что является разумной защитой в случае пожара.

* * *

В Кашинцеве дети С.И. Четверикова проводили весь дошкольный период жизни и школьные каникулы. Только сестра Мария всегда была в имении с родителями, так как получила лишь домашнее образование. Она много читала, обладала обширной эрудицией, начиная с иностранных языков и литературы, домоводства и сельских работ, и кончая богословием и медициной. Во время войны 1914–1916 гг. Мария работала в госпитале, созданном отцом и старшим братом, в качестве старшей медсестры. А в пожилом возрасте, находясь в Швейцарии, написала книгу о воскрешении Иисуса с точки зрения современной медицины, издав ее за свой счет тиражом 100 экз. Марию беспокоила реакция на книгу пастора из ближайшей протестантской церкви, но, к ее облегчению, пастор после прочтения книги тепло поздравил ее с умным и удачным анализом этого исторического события.

В качестве гувернеров у детей С.И. Четверикова служили Александр Густавович Лист и Адель Христиановна Будреева. К школе (реальному училищу) Николая готовил репетитор Николай Котов.

* * *

Вернемся к родителям Сергея Сергеевича.

Широкий размах благотворительной деятельности Ивана Ивановича (деда) обернулся трагедией: Городищенская фабрика очутилась на грани банкротства. Долги банкам и частным лицам оказались намного выше доходности фабрики и торговых предприятий. Содержание семьи, обучение сына за границей, посещения царской семьи, содержание имения и т.п. стали непосильным грузом. В 1871 г. Иван Иванович скоропостижно скончался прямо на фабрике. Сын Сергей Иванович срочно вернулся из Германии, где осваивал все этапы сукновального производства, начиная с простого рабочего.

Отцу Сергея Сергеевича, потрясенному юноше, едва достигшему 21 года, пришлось прервать обучение в Германии и взять на себя руководство производством. Дела на фабрике оказались в катастрофическом состоянии, семье грозило полное разорение.

На помощь пришел муж родной сестры Сергея Ивановича, Марии Ивановны, Протопопов Степан Алексеевич, старшина Московского купечества. Он открыл племяннику широкий кредит. Зная партнеров Четвериковых как людей исключительной честности, открыло им кредит и Правление Товарищества Владимира Алексеева, в состав которого входили и купцы Четвериковы, а после убийства Н.А. Алексеева 9 марта 1893 г. Сергей Иванович даже был избран

председателем этого Правления, так как городской голова Н.А. Алексеев не имел детей мужского пола.

Восстанавливая и модернизируя Городищенскую фабрику, Сергей Иванович 38 лет (!) рассчитывался со своими и отцовскими кредиторами, многие из которых даже не дожили до возврата долга. Деньги были отданы их потомкам. При этом обеспечивалось безбедное существование семьи и воспитание детей*. Он был горд тем, что на семье не осталось ни пятнышка бесчестия.

Сергей Иванович был человеком либеральных убеждений, был знаком с трудами К. Маркса и в известной степени разделял его экономические и политические взгляды. Он первый в России ввел укороченный (с 12 до 9 часов) рабочий день для женщин и детей, а впоследствии – для всех рабочих, не снижая заработка.

В 1907 г. Сергей Иванович Четвериков опубликовал брошюру, посвященную созданию при фабриках и заводах Рабочих Комитетов (Советов), которым владельцы должны передать часть административных и экономических функций на производственных предприятиях**. В частности, вопросы зачисления на работу и увольнения, если поведение и качество работы работника идут во вред коллективу и авторитету производства. Были скрупулезно расписаны функции руководителей производства. Шла речь и о распределении части (до 30 %) доходов между рабочими и служащими предприятия.

Брошюры предназначались для распространения как среди рабочих, так и среди владельцев предприятий. Однако специальным приказом правительства обсуждение содержания брошюры и реализация предложенных мероприятий были запрещены, а за отцом Сергея Сергеевича был установлен негласный надзор.

Когда в соответствии со столыпинскими реформами начиналось выделение наделов крестьянам, организующим собственное хозяйство с выходом из общин, северокавказские земли, арендуемые Четвериковыми и Алексеевыми под овцеводство, по требованию правительства было предложено освободить под наделы. Это были большей частью засоленные земли, степи со скудной солончаковой растительностью, которая не промерзала зимами (овцы легко добывали зимний корм, копыта снег), что облегчало содержание овец в теплом климате Предкавказья. Таким образом снижалась себестоимость сырья для производства сукна и повышалась конкурентоспособность на рынке. Необходимость отказаться от северокавказских пастбищ вынудила отца Сергея Сергеевича перевезти 1000 овец и 100 баранов за Урал на приенисейские степи (на р. Чулым, 25 км от ж.д. станции Ужур, на 100 км к югу от г. Ачинска), севернее Абакана и Минусинска. Он там очень выгодно арендовал у государства земли на 70 лет***.

Очень важно, что в договоре с Министерством земледелия об аренде были оговорены следующие условия:

1) до перевоза овец необходимо построить серию колодцев на расстоянии дневного перегона отары овец, так как естественных водоемов в приенисейских степях нет;

* О доходности Городищенской фабрики в 1899 г. сказано следующее: (...) Другое значительное селение на р. Клязьме выше устья Вори (22 версты от Богородска; здесь нах[одится] крупная сукновальная фабрика фирмы Четвериковых, производящая на 850 тыс. руб. при 800 рабочих". См. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова, Т. 1. С-Пб, 1899. С. 291.

** Брошюра сохранилась (1 экз.) у бывшего библиотекаря санатория МИД Фадеевой А.С. От нее нам известна и ее судьба.

*** Четвериков С.И. Сибирь и моя в ней деятельность. Веве, Швейцария, 1925.

- 2) выстроить жилой поселок для обслуживающего персонала;
- 3) построить школу для детей и церковь для исправления церковных обрядов и служб;
- 4) построить конный завод, организовать разведение верховых и тягловых лошадей для нужд артиллерии.

Кстати, конный завод, созданный С.И. Четвериковым, функционирует до сих пор.

В настоящее время, по словам овцеводов из Новосибирского академгородка (Г.А. Стакан, акад. А.Е. Луценко), четвериковская порода мериносовых овец извелась вследствие систематической гибридизации с высокопородными мериносами-производителями, завозимыми в Красноярский край и Алтай, в том числе из-за рубежа. Но еще в 1973 г. в письме к Г.Ф. Кушнareвой (уроженке Абакана) проживавшая в г. Фрунзе ее сестра сообщала, что по радио прозвучало сообщение об итогах выполнения планов по сельскому хозяйству. И, в частности, что план приплода по четвериковской породе мериносовых овец выполнен, и в предгорьях Алатау выпасается до 10 000 голов четвериковских овец и 500 голов крупного рогатого скота четвериковской породы – гибридов швицев с местной малоудойной, но выносливой скотиной.

Считая разорение Сибирской экономии после революции свершившимся фактом, Сергей Иванович чрезвычайно остро переживал эту утрату: «Погибло самое чистое дело моей жизни, потому чистое, что при его осуществлении вопрос наживы не играл никакой роли. Это было дело идейное, культурное, которое в своем развитии давало мне много моментов высшего морального удовлетворения (...) Мне всегда казалось, что смысл жизни (...) не в ее радостях (к ним я относился довольно равнодушно), но в ощущении радости “самой” жизни, а нигде ее пульс не ощущается так сильно, как в процессе творчества»*.

На самом деле крестьяне, разобравшие овец по дворам, по решению правительства вернули их в четвериковскую экономию**. И хозяйство было восстановлено. После войны 1941–1945 гг. из Сибири Сергею Сергеевичу от знакомых (по словам С.С. автору) приходили сведения, что четвериковские отары мериносов существуют и выпасаются в степях вдоль Енисея и в предгорьях Алтая.

О качестве шерсти четвериковских овец говорит результат представления на Международной выставке мериносовой шерсти в 1914 г., когда она была признана сверхэлитной и экспериментальной. Из нее можно было выпрясти тонкие нити 90-го номера, в то время как элитная шерсть годилась лишь для нити 70-го номера. На самом же деле эта “экспериментальная” шерсть уже была внедрена в сукновальное производство. Хотя сейчас полагают нецелесообраз-

* Четвериков С.И. Сибирь и моя в ней деятельность. Веве, Швейцария, 1925.

** В статье С.С. Крымского “Алтайская новая порода тонкорунных овец” (Новосибирск, 1950) упоминается о подписанном Лениным 3 октября 1919 г. декрете “Об охране и развитии тонкорунного (мериносового) овцеводства и возвращении овец, разобранных крестьянами из племхозов”. Мы этого указа в сборнике документов “Декреты Советской власти” не нашли. Однако 13 июля 1918 г. был издан “Декрет о племенном животноводстве”, в статье 5 которого сказано: “Необходимые для удовлетворения потребностей местного хозяйства племенные животные передаются в распоряжение местных органов Советской власти, необходимые же для удовлетворения потребностей государственного хозяйства поступают в распоряжение Народного комиссариата земледелия”. Декреты Советской власти, М.; 1964. Т. III. С. 20.

Позднее (1 октября 1918 г.) был издан декрет о национализации племенных животных, находящихся в частном владении или в различных видах сельскохозяйственных предприятий, к коим относились и “имения с развитыми специальными отраслями животноводства, как-то: коннозаводством, племенным скотоводством и овцеводством”. Декреты Советской власти. Т. III. С. 385.

ным разводить овец со столь тонким руном из-за их малой выносливости. В то же время можно встретить утверждения, что при зимнем окоте овцы проявляют большую выносливость и имеют больший вес тела по сравнению с весенне-летними ягнятами.

Четвериковская овца впервые была получена случайно, когда после доставки овец в Сибирскую экономию бараны случайно вырвались из загона и покрыли большую часть маток. Окот пришелся как раз на середину зимы. Были приняты меры по спасению приплода (заглубленные в землю крытые кошары, обильная соломенная подстилка). Ягнята получились крепкие, выносливые и к осени были уже готовы к первой стрижке руна.

Как уже упоминалось выше, тем семейным рабочим, которые соглашались переселиться в ближайшие селения, например, в Райки или Кашинцево, Сергей Иванович выдавал беспроцентную ссуду и стройматериал на строительство дома, выделяя и приусадебный участок земли. План дома составлял сам. Это, как нам удалось увидеть в 1997 г. с праправнуком С.С. Четверикова, Г.В. Риле, были просторные дома, возведенные на бетонном кирпиче, в домах были подвалы, изолированные от почвенных вод, террасы, выходящие в сад, кладовые и несколько жилых комнат.

Условия жизни, отношение руководства, почти поголовная грамотность (более 70%, а к революции – около 90% работавших были грамотны), наличие медицинской помощи, владение акциями (доход по ним зависел от общего дохода фабрики) при хорошем заработке – все это положительно сказывалось на производительности труда и на качестве выпускаемой продукции. Четвериковские сукна славилась своей высокой конкурентоспособностью. А число желавших работать на Городищенской фабрике достигало такого количества, что будущие рабочие по три–четыре года дожидались своей очереди для поступления на работу к Четвериковым.

В 1912 г. Сергей Иванович, с помощью родственников, членов Думы и Сената, добился проведения через Государственную думу закона, запрещавшего использовать на производственных предприятиях труд детей моложе 12 лет, а также введения для детей и женщин укороченного рабочего дня (раньше восьмилетние дети работали, как и взрослые, полный рабочий день – 12 часов).

Творческое отношение к делу всей своей жизни и глубокое чувство ответственности в сочетании с высокой культурой (родители С.С. Четверикова знали несколько иностранных языков, хорошо разбирались в искусстве, музицировали на фортепиано), дружили с музыкантами (Рахманинов), с художниками (Левитан), много читали) явились качествами, на базе которых формировались мировоззрение и характер будущего ученого.

Большинству членов семейного клана Четвериковых (и Алексеевых, с которыми Четвериковы неоднократно заключали семейные союзы) было присуще стремление к достижению поставленной цели и завершению начатого дела; ученик С.С. Четверикова и один из друзей Николая (брата С.С. Четверикова), С.Р. Царапкин, эту черту характера связывал с особым геном и называл его “четверикомой” (вспомним о гене гениальности, предполагаемом учеником С.С. Четверикова, В.П. Эфроимсоном).

Сергей Иванович пользовался авторитетом и уважением как купеческого окружения, так и рабочих фабрики и крестьян – жителей деревень, окружавших Кашинцево. После революции 1917 г. он был принят в крестьянскую общину, признан ее руководителем вопреки общепризнанному распоряжению о выселении старых владельцев поместий и получил надел земли, который сам и обрабатывал. Кажется, не был отобран и сад, а стадо швицев стало общинным.

Смотрителем над ним был назначен сам Сергей Иванович. Рабочих в доме практически не осталось, так как все они получили личные земельные участки. Все садово-огородные и полевые работы легли на плечи Сергея Ивановича и его незамужней дочери Марии. Мать и Наталия Дмитриевна были беспомощны, старшая – почти слепая, вторая, как уже упоминалось, страдала параличом ног после полиомиелита.

На Городищенской фабрике и на селе Сергей Иванович по особому разрешению некоторое время оставался консультантом и старостой, но без содержания. Ему было уже около 70 лет. Укреплению здоровья сложившаяся ситуация не способствовала.

Дважды в 1919 г. Сергея Ивановича как “недобитого буржуа” арестовывали. По его воспоминаниям,* в первый арест Сергея Ивановича доставили на Лубянку, где за пять месяцев задержания подвергли **одному** допросу. Затем перевели в Бутырскую тюрьму и вскоре освободили. Когда его впервые вывели на улицу, от свежего воздуха Сергей Иванович едва не потерял сознание и вынужден был сесть на тротуар.

Второй раз его арестовали (в том же 1919 г.) вместе с женой и содержали в Богородске (Ногинск). В тюрьме места не хватило, и старую женщину четыре дня продержали в баньке на голом полу, пока не выяснили, что арест был ошибочным. Марию Александровну приняли за трактирщицу Марию Ивановну Четверикову. Обвинений предъявлено не было ни жене, ни мужу.

После этих арестов у Сергея Ивановича стало сдавать сердце, отекали ноги, появились приступы слабости. Пришлось принять решение выехать в Швейцарию вместе с тремя женщинами, из которых только дочь Мария была трудоспособным человеком. После обращения к Ленину, через зам. председателя Совнаркома РСФСР А.Д. Цюрупу с просьбой дать согласие на выезд для лечения в Швейцарию, в 1922 г. такое разрешение было получено, и Сергей Иванович с тремя женщинами выехал за границу. В Швейцарии они приобрели дом на берегу Женевского озера вблизи г. Веве. О личной подписи Ленина на заявлении о выезде в Швейцарию автору дважды писала сестра Сергея Сергеевича после его смерти (письма были переданы директору ИЦиГ СО АН СССР акад. Беляеву Д.К.), рассказывал и муж Марии Сергеевны, добавив, что они хранят этот документ в банке. Наконец, эта история изложена в воспоминаниях Сергея Ивановича “8 лет моей жизни. 1914–1922”. Рассказывал об этом при личных встречах и Николай Майков – старший сын Марии Сергеевны, когда я навещала их семью в Цюрихе. После смерти в 1995 г. Николая Александровича Майкова авторы обратились к его младшему брату Алексу для выяснения этого вопроса и возможности получить ксерокопию документа с подписью Ленина. Попытка оказалось неудачной. Родители и брат Николай уже скончались, Александр (младший племянник Сергея Сергеевича), во-первых, был тяжело болен, во-вторых, никогда не интересовался историей семьи, и, в-третьих, сообщил, что эти разговоры, если и были, то они – просто красивая легенда, кем-то придуманная. В банковское хранилище он, видимо, запросов не делал.

Сыновья Сергей и Николай отказались покинуть родину. Первое десятилетие после революции для двух ученых, лишенных как купеческие дети гражданских прав, было очень трудным. Сергей Иванович с 1926 г. организовал регулярную материальную помощь своим детям и внучке Елене Сергеевне – дочери Сергея Сергеевича, которая в это время, будучи замужем за инженером Василием Ивановичем Воздвиженским, воспитывала дочек-близнецов.

* С.И. Четвериков. 8 лет моей жизни. 1914–1922. Рукопись 1923–1924 гг. Музей ННГУ.

За свою жизнь Сергей Иванович написал не менее двух десятков эссе, воспоминаний и размышлений о судьбах России, автобиографий.

Мать Сергея Сергеевича, Мария Александровна (ур. Алексеева), получила прекрасное домашнее образование. Богатая семья Алексеевых владела золотоканительным производством. Эта семья дала России целый ряд известных общественных деятелей, ученых и талантливых представителей искусства. Двоюродный брат Марии Александровны – знаменитый актер, режиссер и теоретик театрального искусства Константин Сергеевич Станиславский (сценический псевдоним). Его братья и сестра – актеры и певица.

Градоначальник Москвы Николай Александрович, родной дядя Сергея Сергеевича по матери, был душеприказчиком С.М. Третьякова и добился в 1892 г., чтобы галерея, созданная П.М. и С.М. Третьяковыми, была передана в ведение города. Восемь лет Н.А. Алексеев украшал, благоустраивал и обогащал свой город*.

Среди родственников будущего профессора были такие люди, как старшина московского купеческого сословия С.А. Протопопов, Самгины (бабушка Анна Дмитриевна), Н.П. Агеев (секретарь сената и министр внутренних дел), упоминавшиеся уже миллионеры и талантливые люди Алексеевы, с которыми заключались браки в нескольких поколениях, Бостанжогло, Житковы и непобежденный чемпион мира по шахматам Алехин (его бабушка была Алексеевой), а через них Ляпуновы, Крыловы, Сеченовы, Филатовы и другие фамилии, которые оставили след во многих областях науки и искусств России. Эти блестящие представители российской интеллигенции, по-видимому, обладали “геном гениальности” (или талантливости).

О важнейших качествах русских интеллигентов в одном из своих эссе отец Сергея Сергеевича пишет так: “Чистота помыслов, вера в окончательное торжество правды и способность свои личные интересы приносить в жертву общему благу – вот черты (...) русской интеллигенции”**.

Таким образом, личные качества С.С. Четверикова–Человека складывались под влиянием ярко выраженных семейных традиций и требований безупречной честности, высокого чувства долга, заботы не только о членах семьи, но и о подчиненных (прислуга, рабочие и служащие), готовности прийти на помощь как государству – Родине, так и просто отдельным гражданам, нуждающимся в опеке и поддержке.

Каким же был сам Сергей Сергеевич?

Он был вторым ребенком среди четверых (три брата и сестра), выросших в семье Сергея Ивановича и Марии Александровны (кроме того, по различным письменным упоминаниям – двое или трое ребятишек умерли, не дожив до года). Мать отличалась трудолюбием, была талантливым воспитателем, обладала терпением и тактом.

Мать сама участвовала в подготовке детей для поступления в школу. На уроки грамоты и счета приглашались дети из окрестных селений. Летом это были уроки шитья и рукоделия. Брат Сергея Сергеевича, Николай, отменно штопал и латал свою одежду, умело готовил. А вот Сергей ко всякого рода домашним работам относился с некоторым пренебрежением. Здесь сказалось, видимо, общее отношение к Сергею родных. Считая его самым одаренным и перспективным ребенком и возлагая на него большие надежды в будущем,

* Недавние люди: Альм. С.-Пб. 1901. № 1–2; *Амфитеатров А.* Честь служить Москве // Памятники отечества: Альм. М., 1994. № 1–2. С. 67.

** *Четвериков С.И.* Воспоминания. Шардон, 1923–1925 гг.

Сергей Иванович строжайше запрещал всем членам семьи отвлекать Сережу от тех занятий, которыми он сам с увлечением занимался, или от книг, которые он читал.

Как это часто бывает, подобная атмосфера содействовала развитию болезненного самолюбия, завышенной самооценки и некоторого высокомерия по отношению к другим членам семьи (не могу подобрать более мягкого выражения) у подрастающего ученого. Возможно, эти качества в период расцвета его научной деятельности явились тормозом для публикации текущих исследований. То, что выходило на страницы печати, должно было быть только совершенным и абсолютно безупречным. К нему, пожалуй, вполне применимо выражение “комплекс отличника”, который довольно часто встречается у молодых (и не очень молодых) учащихся, ученых и даже руководителей, с детства привыкших к тому, что они все делают лучше всех, и любую слабость, недоделку или провал переживают как глубокую трагедию.

В доме Четвериковых дети по-немецки начинали говорить раньше, чем по-русски. Гувернеры и гувернантки были немцами, управляющий на фабрике – немец. В юности Сергей Иванович и сыновья дальнейшее образование после школы получали в Германии. Кроме того, в школе (в реальном училище К.П. Воскресенского) мальчики овладевали французским и английским языками. Дети с раннего возраста выезжали с родителями в театры, посещали культурные центры за границей.

В период сенокосной страды на луга выходили не только рабочие, но и все члены семьи, даже дети-дошколята вместе с гувернерами или гувернантками, горничными и другим обслуживающим персоналом. Так преодолевались словесные предрассудки.

Одежду дети должны были беречь, к труду прислуги относиться с уважением. Зимних пальто мальчикам никогда не шили. Поэтому всю жизнь братья Николай и Сергей носили демисезонные пальто. У Сергея Сергеевича до конца жизни сохранилась стремительная походка (если ходить “прогулочным шагом” недолго и промерзнуть).

Увлечения детей различного рода деятельностью всегда поощрялись. Если сестра Мария хотела иметь собаку – она ее получала – однако при строгом соблюдении одного условия: она сама кормит, купает и выгуливает собаку, возится с приплодом и воспитывает щенков. Никто в имении не имел права покормить или вывести на прогулку принадлежавшую Марии собаку. Если старший брат Иван захотел иметь верховую лошадь, таковая ему была приобретена. Но на плечи Ивана ложилась полностью забота о кормлении, чистке и выезде лошади. Конюх, возивший отца, не вмешивался в дела, связанные с верховой лошастью Ивана. Ну, как тут не вспомнить А. Экзюпери: “Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил”^{*}.

Сергей рано проявил интерес к природе, уже в юном возрасте он любил наблюдать за живностью лужаек, луж и ручьев, с детства начал коллекционировать насекомых. А в реальном училище (1892–1897) увлекся астрономией, сохранив это увлечение до старости, пока в 1954–1955 гг. у него не появилась прогрессирующая слепота (склероз сосудов у основания мозга, сдавливающих зрительные нервы в области их перекреста, что вызвало атрофию сетчатки). К этому времени (1950-е годы) коллекция бабочек, которыми он особенно увлекался и слыл одним из самых знающих лепидоптерологов, по его словам, достигла 300 000 экз. Коллекцию Сергей Сергеевич сдал в ЗИН АН СССР (Ленин-

^{*} А. Экзюпери. Маленький принц. Москва.: Росмэн, 1999. С. 70.

град). Акад. Е.Н. Павловский предлагал ему за нее (в середине 1950-х годов) оплату в 15–20 тыс. рублей, но Сергей Сергеевич от денег отказался. В ЗИН коллекцию по акту оценили в 100 000 экз. Так же впоследствии оценили и коллекцию друга и последователя С.С. Четверикова профессора А.А. Бунделя, переданную после его смерти женою Е.В. Киселевой в ЗИН. Однако, когда автор поинтересовалась у сотрудников лепидоптерологического отделения ЗИН, действительно ли эти две коллекции были равными, ей убежденно ответили: “Что Вы, конечно, коллекция Бунделя была в полтора-два раза меньше, но кто подсчитывал число бабочек в них? Кому это нужно?” Правда, Сергей Сергеевич за несколько лет перед смертью очень щедро делился своими коллекционными материалами с находящимися с ним в переписке профессиональными энтомологами-собираателями и любителями чешуекрылых, особенно дублями и ватными сборами, которые сам не успел систематизировать. Поэтому сокращение объема коллекции, естественно, было, но не столь значительное.

Сбор, систематизация, наблюдение за количеством и изменчивостью бабочек в разных популяциях послужили первым толчком к размышлениям о причинах популяционных различий. Первым итогом такого анализа явилось издание в 1905 г.* серьезной печатной работы “Волны жизни”***, содержание которой впоследствии органически вошло в учение популяционной генетики.

Увлеченное коллекционирование чешуекрылых, таким образом, не было просто хобби, занимательным времяпрепровождением юного зоолога. Оно развивало наблюдательность Сергея Сергеевича и направляло его научные искания к глубокому анализу проблем видообразования.

После блестящего окончания реального училища Воскресенского в 1897 г. перед Сергеем Четвериковым встал вопрос о дальнейшем жизненном пути. Отец хотел видеть в нем своего талантливого преемника – руководителя сукновального производства и товарищеского объединения Алексеевых и Четвериковых.

У Сергея Ивановича, которому в ту пору было 50 лет, все помыслы о будущем были связаны именно со вторым сыном – Сергеем. Первый – Иван – много помогал отцу на Городищенской фабрике и впоследствии в Сибирской экономике, но он не обладал организаторскими способностями, часто бывал непрактичным, авантюрным, не имел достаточно серьезного образования и, в конце концов, был ограничен в решении непосредственных производственных проблем. Другое дело – Сергей, вдумчивый, решительный, увлекающийся и практичный одновременно, способный к совершенствованию производственного процесса на фабрике.

Однако за годы пребывания в реальном училище Сергей Сергеевич под влиянием своих учителей, многие из которых были преподавателями вузов, в том числе Императорского Московского Университета (ИМУ), был увлечен естественными науками. Живую природу преподавал будущий известный химик и академик Иван Алексеевич Каблуков, физическую географию – Владимир Павлович Зыков. Последний оказал решающее влияние на формирование биологических интересов Сергея. В.П. Зыков по согласию отца Сергея даже каникулярное время проводил в имении Четвериковых в Кашинцево. Таким образом, плодотворное общение с учителем не прерывалось и в летние месяцы. Впервые

* С.С. Четвериков был в это время студентом IV курса.

** Четвериков С.С. Волны жизни: Из лепидоптерологических наблюдений за лето 1903 г. // Дневник Зоол. отделения Импер. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1905. Т. 3. № 6. С. 106–111.

от него С.С. Четвериков слышал о трудах Ч. Дарвина и его эволюционном учении.

Когда отец предложил сыну продолжить образование в специальном технико-экономическом учебном заведении, Сергей, привыкший к доброжелательному, снисходительному отношению отца и любовному подчинению его воле, решительно отказался. “Я хочу быть профессором зоологии”, – заявил он. Потрясенный отец предложил ему выкинуть из головы свои детские увлечения, всю эту “зоологическую дурь” и здраво подумать о своей будущей жизни, о семье и детях и разумно решить этот вопрос. И хотя сын продолжал настаивать на своем, осенью отец отослал Сергея в Германию в промышленно-экономическое училище (г. Миттвейде, к западу от Дрездена).

Семейные предания утверждают, что в конце первого учебного семестра 1897–1898 гг. Сергей, не выдержав отрыва от любимых занятий зоологией и крушения своих планов, написал отцу такое обстоятельное письмо, что отец не только согласился с его доводами, но разрешил ему оставить училище в Миттвейде, вернуться на родину и заняться подготовкой к поступлению в университет. Письмо сына он якобы перечитывал много раз и показывал его своим родным и друзьям.

К сожалению, следов этого письма мы не смогли найти ни в частных, ни в государственных архивах, только упоминание о нем в одном из писем отца.

Так Сергей Сергеевич проявил генетическое свойство “четверикомы” и добился осуществления мечты – получить биологическое образование.

Но с реализацией этого плана были связаны значительные трудности. Для поступления в Университет необходимо было получить аттестат зрелости, который выдается только по окончании гимназии. Надо было сдать экзамены экстерном за полный курс обучения в гимназии, включая три древних языка, которые в реальных училищах не преподавались, – латынь, греческий и старославянский – по два экзамена по каждому (переводы с русского на древние языки и с древних – на русский). Всего набиралось 18 экзаменов. Длительность сессии – один месяц.

По настоянию семьи Сергей для подготовки и сдачи экзаменов уехал в Киев (отец боялся дурного влияния, которое мог оказать Сережа на младшего сына Николая, так как Коля боготворил своего старшего брата). В Киеве недалеко от места проживания Сергея находился книжный магазин Просняниченки. Здесь он имел широкую возможность получать не только биологическую и другую естественно-историческую литературу, но и “запретные” книги политического и экономического содержания. Так Сергей прочел труды Маркса, что отразилось впоследствии на избранной теме для сочинения в период сдачи экзаменов. Кроме чтения подобной литературы, он охотно посещал лекции доцента В.Я. Железнова по политической экономии в Киевском университете.

До 1900 г. Сергей с его феноменальной памятью подготовился к экзаменам, получил разрешение на их сдачу и, приступив к испытаниям, с блеском написал сочинение на тему “Почему мы должны дорожить памятниками древности?” (русский язык, литература), приведя в восторг преподавателей, успешно прошел экзамены по предметам, которые были знакомы по реальному училищу. А при сдаче древних языков произошел срыв.

Еще при сдаче старославянского и латыни Сергей себя чувствовал совершенно больным: донимали головная боль, дурнота, слабость. Он связывал эти симптомы с переутомлением. На последнем экзамене – перевод с русского на греческий – ему стало совсем плохо. Текст он перевел неудовлетворительно. Не зная еще оценки, он пришел к себе в комнату и свалился без сознания в го-

рячке. Через две недели он впервые пришел в себя и увидел, что у его постели сидит мать, хозяйка квартиры ее вызвали телеграммой.

На заседании экзаменационной комиссии преподаватели настояли на том, чтобы “грек” поставил С. Четверикову тройку с двумя “вожжами”, уж очень хорошо он сдал остальные экзамены, особенно сочинение.

Сергей Сергеевич перенес тяжелейший брюшной тиф, осложнившийся тромбозом магистральной вены ноги. На всю жизнь в ноге осталась недостаточность кровообращения, и даже по комнате он мог свободно передвигаться, лишь забинтовав ногу эластичными бинтами.

Несмотря на запреты врачей, мать увезла еще не выздоровевшего Сергея домой в Москву. А на все лето вместе с другими детьми и семьей купца Кулакова Мария Александровна выехала в Крым. Осенью Сергей Сергеевич стал студентом ИМУ, поступив на естественное отделение физико-математического факультета.

Перенесенная в Киеве болезнь (ослабившая память и работоспособность), трудность адаптации к университетскому стилю учебы, волна революционных выступлений студентов 1901–1905 гг., в которых Сергей Сергеевич, увлеченный содержанием книг Маркса, Ленина, Плеханова и других марксистов, тоже принимал самое активное участие, поездки в экспедиции в каникулярное время, требующие камеральных работ в зимние месяцы – все это вынудило Сергея Сергеевича остаться на повторение курсов на первом и последнем (четвертом) годах обучения. Это отодвинуло срок окончания университета и получение диплома до декабря 1906 г. За годы студенчества С. Четвериков опубликовал около 10 научных исследований и активно участвовал в работе студенческого научного кружка.

Одной из экспедиций на озеро Зайсан и хребет Тарбагатай в 1904 г. руководил зоолог, профессор Петр Петрович Сушкин. В этой экспедиции произошла встреча Сергея Сергеевича с женой мэтра Анной Ивановной, урожденной Кулаковой. С нею он был знаком и раньше (в 1900 г. их семьи вместе отдыхали в Крыму); в 1909 г. она станет его второй супругой, а ее дочка Ася – падчерицей.

Первой женой Сергея Сергеевича была Елена Яковлевна Пархоменко; они познакомились и поженились в Киеве в доме ее тетки, где Сережа снимал комнату. В 1900 г. Елена Яковлевна поступила на Московские высшие женские курсы Герье. Родные Сергея Сергеевича о ее существовании узнали лишь после рождения внучки в 1903 г. Слабенькая девочка, тоже Елена, не дала возможности маме окончить МВЖК, в 1904 г. ее вывезли за границу; с 1904 до 1912 г. она с мамой и бонной жила вне родины, изучая русский язык дома, а в школе – немецкий и французский. Отец и его родные всегда заботились о ней. Приезжая в Швейцарию, чтобы повидаться, оплачивали прислугу, гостиницы, квартиры и бытовые нужды, посылали книги и подарки, переписывались с дочкой и внучкой.

После развода П.П. Сушкина с женой в 1909 г. Сергей Сергеевич расстался с Еленой Яковлевной и женился на Анне Ивановне Сушкиной, которая взяла его фамилию, став его другом и помощницей в научной работе (она окончила естественное отделение МВЖК).

В 1923 г. дочь С.С. Четверикова, Леночка, очень счастливо вышла замуж за прекрасного человека – инженера Василия Ивановича Воздвиженского и в 1924 г. родила ему двойняшек Ирину и Елену. Девочки росли общительными, обожали деда Сергея, бывали с мамой у него в гостях в Доброй Слободке (ул. Машкова). Он тоже их навещал, но все же главное внимание и отцовскую заботу он отдавал падчерице Асянке Сушкиной. Брат Николай, не имевший

своих детей, считал, что племянница Лена и ее девочки лишены отцовской ласки и заботы, и в меру своих сил всегда старался восполнить этот дефицит. Правда, если учесть, что с 1930 по 1934 г., а затем с 1937 по 1946 г. он находился в Темниковских ИТЛ, на Магаданской каторге и ссылке в г. Миасс, не менее ужасной, чем каторжные работы, то становится ясным, что его внимание к дочке брата, к внукам и правнукам было в значительной степени ограниченным.

Семья Четвериковых не была обделена вниманием советских карательных органов, и многие ее члены подвергались необоснованным репрессиям. По два раза подвергались аресту Сергей Иванович и его сыновья Николай и Сергей, а также близкие родственники их дяди Дмитрия Ивановича, постоянного друга и брата Сергея Ивановича, совладельца сукновальным производством. Его сын и двоюродный брат Сергея Сергеевича тоже был арестован в начале 1930-х годов. Отбыв срок, больной туберкулезом Александр Дмитриевич был выслан во Владимир, где пользовался поддержкой Сергея Сергеевича. А в начале Великой Отечественной войны в 1941 г. он снова был выслан из Москвы и умер от пневмонии и истощения.

Следующей жертвой репрессий был племянник Сергея Сергеевича, Дмитрий Александрович – внук Дмитрия Ивановича. Он с 1947 по 1962 г. отбыл срок каторжных работ в Сибири и вольнонаемным руководителем лесопользовательного производства в ИТЛ Сибири и Горьковской области и только в 1962 г. смог получить место зав. отделом Лесохимического НИИ в г. Горьком. К сожалению, к этому времени С.С. Четвериков уже умер.

Подвергались репрессиям и муж внучки Сергея Сергеевича, Елены Воздвиженской, Валентин Карлович Риле и его отец, Карл-Бертольд Риле. Первый сначала был выслан в Горький (1946–1947 гг.), где ему дал приют Сергей Сергеевич, сам находившийся под негласным наблюдением. Затем его выслали в г. Бердск Новосибирской области. Семья выехала следом за ним (1947–1957 гг.).

Карл Риле происходил от швейцарских немцев (Риль), переехавших в Прибалтику. Он тоже дважды репрессировался (в 1932–1935 гг. и 1937–1945 гг.)

Таким образом, безосновательные политические обвинения преследовали почти все поколения широко разветвленной семьи Четвериковых и их близких.

Но вернемся к главному герою нашего повествования. Мы не описываем здесь детали участия студента С. Четверикова в студенческих волнениях 1901 и 1905 г. Они описаны в его воспоминаниях* и представлены в настоящем томе документами в разделе “Годы учебы”. Хочется отметить лишь два момента: Сергей Сергеевич был увлечен социал-демократическими идеями и принимал участие в студенческих волнениях. В начале 1901 г. дважды на малые сроки попадал в Бутырскую тюрьму. Многие студенты за эту политическую “бузу” были исключены из университета с правом восстановления через год или навечно. С.С. Четвериков попал в группу “беспокойных” студентов, с которых решили взять лишь письменные обязательства больше никогда не принимать участия в студенческих беспорядках и разрешили продолжать обучение... Дело окончилось повторением обучения на первом курсе. Он привык обходиться без сереньких не только оценок, но и знаний. Только “отлично” (“весьма удовлетворительно”)! Ведь он готовился стать **профессором** зоологии!

Однако в 1905 г. общим собранием студентов ИМУ С.С. Четвериков был включен во Всероссийский стачечный комитет и активно в нем работал по организации стачек на окраинном заводе, противостоя влиянию эсеров.

* Природа. 1974. № 2; там же. 1980. № 5. С. 50–55; там же. 1980. № 11. С. 80–94; там же. 1980. № 12. С. 76–85.

В начале 1906 г. Сергея Сергеевича вновь арестовывают, и он попадает в Бутырскую тюрьму, но за неимением улик его быстро освобождают. На этот раз никаких претензий со стороны администрации ИМУ Сергею предъявлено не было. Зато брат Николай, из-за которого Сергей и попал в Бутырку за хранение в доме отца марксистской литературы и ее распространение, был судим и получил восемь месяцев заключения. Забавная деталь: тюрьма была переполнена, и исключенного из ИМУ Николая отпустили домой дожидаться, пока для него освободится место. Ждать пришлось несколько месяцев: “отсидка” состоялась с конца 1907 по 1908 г. А после освобождения – путь в Московский университет был закрыт – Николай Сергеевич уехал в Петербург в Политехнический институт. Это решило его судьбу: он стал учеником А.А. Чупрова, математика, статистика, экономиста, философа.

В 1907 г. как студента, проявившего блестящие успехи, Сергея Сергеевича было решено оставить на два года при кафедре сравнительной анатомии и зоологии ИМУ под руководством проф. М.А. Мензбира для подготовки к профессорскому званию.

Несмотря на то, что С. Четвериков 20 октября 1905 г. принимал участие в похоронах известного революционера Баумана, а днем раньше – в массовой демонстрации около Бутырской тюрьмы с требованием освобождения политических заключенных, ни эти факты, ни работа в стачечном комитете не упоминались руководством университета в его характеристике и не явились препятствием для его дальнейшей научной карьеры. Лишь дипломное сочинение С.С. Четвериков получил разрешение предъявить не до, а после государственных испытаний, которые состоялись весной 1906 г., а выдача ему диплома была перенесена на декабрь.

Для нашего поколения подобная “забывчивость” для преподавателей и руководителей была бы чревата большими неприятностями. И уж во всяком случае столь инакомыслящему студенту дорога в науку была бы закрыта. Что это? Снисходительное отношение к ошибкам молодости? Интеллигентская вера в скоротечность “кипения юношеской крови”? Возможно.

А брат Николай был судим и отбыл наказание в заключении как раз в период обучения Сергея Сергеевича в двухгодичной магистратуре у Мензбира.

В 1909 г. Сергей Сергеевич завершил магистерскую подготовку у М.А. Мензбира, сдав все необходимые экзамены: сравнительную анатомию, зоологию позвоночных, зоологию беспозвоночных, палеонтологию, ботанику и физиологию. Работа над магистерской диссертацией по анатомии водяного ослика (“Beitrag zur Anatomie der Wasserassel (Asellus aquaticus L.)”) также была завершена и опубликована в Бюллетене Московского общества испытателей природы на немецком языке*. В 1911 г. диссертация была защищена. На русском языке она была издана лишь в 1983 г. в сборнике трудов С.С. Четверикова “Проблемы общей биологии и генетики”***.

В 1909 г. Н.К. Кольцов пригласил С.С. Четверикова на работу лаборантом в зоологическую лабораторию в МВЖК Герье. Приступив к работе, очень скоро С.С. Четвериков стал читать на кафедре сравнительной анатомии и зоологии Кольцова лекции по энтомологии, а затем – биометрии. В 1918 г. в списках сотрудников он уже именуется штатным профессором. При образовании в 1918 г. из ВЖК II МГУ за ним сохранилось это звание.

* Bull. Soc. Imp. Natur. Moskou, 1910. T. 24. № 4. S. 377–509.

** Четвериков С.С. Проблемы общей биологии и генетики // Отв. ред. З.С. Никоро. Новосибирск. Наука, 1983. С. 84–169.

После окончания ИМУ все годы С.С. Четвериков продолжал заниматься изучением бабочек и к 1911 г. опубликовал еще пять лепидоптерологических работ.

Для Московского университета 1911 г. был очень тяжелым. Министр народного просвещения Л.А. Кассо устроил настоящий разгром в ИМУ: исключил за инакомыслие многих студентов, уволил некоторых преподавателей. Возмущенные профессора и преподаватели стали покидать стены университета в знак протеста против репрессий, предпринятых Кассо. В их числе были К.А. Тимирязев, Л.З. Мороховец, Н.Д. Зелинский, В.И. Вернадский, П.Н. Лебедев и многие другие.

Профессор М.А. Мензбир в это время был проректором ИМУ и также был уволен. Н.К. Кольцов покинул свою кафедру. Ряд кафедр были закрыты. Научная жизнь университета замерла, учебные занятия проводились нерегулярно.

В 1919 г. кафедра сравнительной анатомии и зоологии во II МГУ, руководимая Н.К. Кольцовым, была переведена вместе с другими биологическими кафедрами в I МГУ. При кафедре была образована лаборатория большого зоологического практикума, где Сергей Сергеевич получил должность самостоятельного преподавателя. Вскоре он читал уже два курса лекций: биометрию и энтомологию, а с 1925 г. вместо энтомологии стал преподавать генетику. В области генетики сосредоточились и главные научные интересы Четверикова. Его внимание давно привлекали вопросы соотношения новейших достижений генетики и дарвиновские законы эволюции.

Затем С.С. Четвериков получил должность и звание доцента, а научные исследования стал проводить в недавно (1917 г.) организованном Институте экспериментальной биологии (ИЭБ) Наркомздрава, созданном и руководимом проф. Н.К. Кольцовым.

В 1921 г. Н.К. Кольцов предложил Сергею Сергеевичу возглавить в ИЭБ группу (затем – отделение), ведущую генетические исследования. С 1922 г. С.С. Четвериков в должности лаборанта без вознаграждения начал руководить деятельностью “своей” группы и генетическими работами таких же сверхштатных лаборантов и аспирантов I МГУ, КЕПС, Сельскохозяйственной академии (“Тимирязевки”), а также сотрудников других лабораторий ИЭБ (например, евгеники).

Жена Сергея Сергеевича Анна Ивановна стала работать в библиотеке ИЭБ, одной из наиболее богатых по количеству иноязычной литературы (выписывалось до 50 иностранных изданий). Анна Ивановна выросла в обеспеченной семье купца И.И. Кулакова, окончила ВЖК Герье, знала несколько иностранных языков. Получая в библиотеке новую литературу, отбирала наиболее интересные работы для группы Сергея Сергеевича, а также активно помогала мужу в биометрической обработке результатов исследований.

В летние месяцы группа генетиков работала на Звенигородской гидробиологической станции. К ним присоединялось значительное число учителей, преподавателей школ, вузов и сотрудников НИИ, врачей – в конечном счете собиралось несколько десятков добровольных сотрудников и учеников под руководством Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, А.С. Серебровского и С.Н. Садовского – директора биостанции.

Группа генетиков работала коллективно. Перед молодыми коллегами основной задачей Сергей Сергеевич поставил исследование наличия и количества мутаций (“геновариаций”, вариаций генотипа) в естественных условиях существ-

вования популяций. В качестве объекта для работы была выбрана плодовая мушка – дрозофила.

Виды дрозофил (*Drosophila funebris*, *Dr. obscura*, *Dr. falerata* и др.), обитающих в окрестностях Москвы, оказались сложными для лабораторного содержания, для них пришлось изобретать особую кормовую смесь, содержащую отвар грибов. Но вскоре (1922 г.) ИЭБ посетил американский генетик Г. Мёллер и привез около 20 культур *Dr. melanogaster*, которая к этому времени была классическим объектом генетических исследований. Эти культуры Мёллер привез из лаборатории Т. Моргана, в которой работал он сам. Доклад Мёллера произвел громадное впечатление на слушателей и завершился шумным обсуждением.

С целью получения популяции свободно живущих дрозофил меланогастер из лаборатории генетики были посланы в экспедицию П.Ф. Рокицкий и С.М. Гершензон для отлова плодовых мушек в окрестностях Геленджика. Они привезли 239 геленджикских линий. На этих мушках были выполнены исследования, опубликованные в 1926 г. и доложенные затем в Берлине и Ленинграде (1927 г., 1929 г.).

А на III съезде зоологов в Москве в докладе “Теоретическая предпосылка генотипического анализа видов рода *Drosophila*” (опубликован в 1928 г.) С.С. Четвериков сделал обзор по подмосковным видам плодовых мушек.

Для своих учеников С.С. Четвериков организовал постоянно действующий генетический семинар для всестороннего ознакомления с литературой по генетике, издававшейся за рубежом. Участники этих семинаров тщательно штудировали работы на немецком, английском и французском языках и должны были кратко и четко излагать товарищам их сущность, основные выводы, а также дать критическую оценку полученным результатам.

Научные семинары в ИЭБ под руководством Н.К. Кольцова существовали и ранее, до прихода С.С. Четверикова. Это были обычные обсуждения вопросов, касающихся проблем всего института или его отдельных лабораторий. Как отличный педагог Четвериков, работая с аспирантами и диссертантами, поставил целью подготовить из них специалистов высокого класса европейского типа, широко эрудированных, знающих уровень генетических исследований всего мира, владеющих основными иностранными языками, умеющих свободно, кратко и критично передавать содержание чужих исследований и самостоятельно определять перспективы собственных работ.

Сергей Сергеевич лично проверял каждое очередное сообщение, заставлял найти главное в реферируемой работе, слабости в ее выводах или расчетах, помогал увидеть направление дальнейших своих исследований и работ коллег. Среди его учеников многие в будущем заняли видные места в научном мире и некоторые стали академиками (Б.Л. Астауров, Н.П. Дубинин, П.Ф. Рокицкий, С.М. Гершензон, В.П. Эфроимсон, Е.И. Балкашина и др.).

Участники научного семинара имели право задавать вопросы и высказывать свои замечания прямо по ходу сообщения. Часто вспыхивали споры, взаимные перебивки, нарушался академический стиль дискуссии, поэтому заседания получили название “совместных ораний” или кратко СООРов.

Из-за горячности молодежи в пылу полемики часто взаимная критика переходила на неформальную лексику типа: “только идиот может не понимать...”, “сам дурак, а туда же...”, “не знаешь – не суйся!” и т.п. Было очень важно, чтобы молодые ученые не страдали болезненным самолюбием и подобные вспышки обид за раненое самолюбие не переносили в сферу дальнейших рабочих и дружеских отношений. Поэтому коллеги не любили присутствия случайных лиц, которые их близкие, товарищеские, добрые и дружеские отношения могли

сделать предметом недоброжелательного осуждения за пределами лаборатории. С.С. Четвериков как чуткий педагог, учитывая, что молодым всегда присущ некоторый романтизм и стремление к таинственности, ввел условием включения в число участников СООРа тайное голосование. Одного “черного шара” достаточно было для отказа в допуске. Так в числе не допущенных в СООР оказалась подросток-школьница, а затем студентка – падчерица Сергея Сергеевича, Анна Петровна Сушкина.

Число соорозцев было ограничено 10–12 персонами, учениками и последователями С.С. Четверикова: Н.В. Тимофеев-Ресовский, его жена Елена Александровна, Н.К. Беляев, Е.И. Балкашина, Д.Д. Ромашов, Б.Л. Астауров, А.П. Промптов, С.М. Гершензон, С.Р. Царапкин, Н.И. Шапиро, П.Ф. Рокицкий, Л.В. Ферри. В качестве почетных участников СООРы посещали старшие товарищи: Н.К. Кольцов, С.Л. Фролова, Л.И. Живаго, А.С. Серебровский, В.В. Сахаров.

Собирались у кого-нибудь на квартире, покупали сахар, печенье. Часто собирались на квартире Сергея Сергеевича, тогда Анна Ивановна, тоже член СООРа, готовила пироги, которые с восторгом поглощались молодежью.

Работа семинара привлекла внимание не только сотрудников ИЭБ – генетиков, но и коллег С.С. Четверикова по лаборатории большого зоологического практикума. Однажды одна очень активная дама подала прошение о включении ее в состав участников СООРа. Но она не получила 100% согласия на допуск к семинару. Возможно, этот факт послужил сигналом к началу низкопробной травли не только Сергея Сергеевича, но и его аспирантов и даже руководства ИЭБ и лаборатории большого зоологического практикума в ИМГУ Н.К. Кольцова. Эта политическая травля в 1940 г. довела проф. Кольцова до инфаркта со смертельным исходом, его жену – до самоубийства. Некоторые ученики Сергея Сергеевича и Николая Константиновича подверглись репрессиям и погибли.

Дискредитирующие честных ученых статьи появлялись не только в институтской, но и в центральных газетах*. Еще раньше, в апреле, в сатирическом журнале “Чудак”** было опубликовано с иллюстрациями Кукрыниксов облыжное обвинение С.С. Четверикова, его аспиранта Н.К. Беляева, проф. Н.К. Кольцова, а заодно и проф. Г.А. Кожевникова в антисоветских высказываниях, в преклонении перед капиталистическими странами, их культурой и традициями. А в июне 1929 г. С.С. Четверикова арестовали. Не зная, что ему вменяется в качестве преступления, он просидел в Бутырской тюрьме до августа. Не предъявляя обвинения, без суда его выслали из Москвы в Свердловск (Екатеринбург) на три года. Решение приняла особая тройка, присутствие обвиняемого не считалось необходимым.

Н.К. Кольцов, считая арест Четверикова необоснованным и вредным для науки, обратился за помощью к министру здравоохранения Н.А. Семашко. Тот пообещал помощь, но у него наступил отпуск, и он уехал из Москвы. Кольцов пишет письмо М. Горькому, умоляя о помощи своему талантливому коллеге. Что ответил ему Максим Горький, неизвестно, но особое совещание ОГПУ собралось на повторное заседание, после которого Четвериков и был выслан на три года. Может быть, начальное решение тройки было более жестоким, а на повторном заседании под влиянием М. Горького решение было смягчено? Ответа на этот вопрос у нас нет. Впрочем, по первому решению С.С. Четверикову запрещалось проживание в 12 пунктах и Уральской области с прикреплением сроком на 3 года.

* Комсомольская правда, 31 июня 1929.

** Чудак. 1929. № 14. С. 6–7.

Судьба С.С. Четверикова оказалась сломанной. Три года ссылки затем перешли в шесть лет. Добавление трех лет сопровождалось ограничением мест проживания Сергея Сергеевича во всех приграничных республиках и всех столицах и крупных университетских центрах, даже в Свердловске он не имел права на дальнейшее проживание. Он выбрал Владимир.

Душевная рана, нанесенная арестом и отрывом от дорогого его сердцу дела – науки, преподавания, обучения молодежи в момент высокого творческого взлета, не заживала в нем до конца его жизни.

Ведь в 1926 г., опубликовав самую главную работу своей жизни, С.С. Четвериков рассматривал ее лишь как первый шаг на пути углубленного изучения законов наследственности в естественных условиях и ведущих факторов видообразования. Эта работа была доложена в 1927 г. на V Международном конгрессе генетиков и селекционеров, в том же году – на III Всероссийском съезде зоологов, анатомов, гистологов, а в 1929 г. – в Ленинграде на III Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. Но доклад С.С. Четверикова на пленарном заседании “Мутационная изменчивость” не вошел в труды съезда, изданные в 1930 г.

Не стоит полагать, что в душе Сергея Сергеевича полностью растворился осадок от событий 1929–1935 гг. И до того обладавший болезненной впечатлительностью и самолюбием, он на всю жизнь остался недоверчивым и скрытным по отношению к молодым и инициативным коллегам. Ведь именно молодежная часть коллектива университета была зачинщиком его травли в 1926–1929 гг., и по доносу, который они, вероятно, считали проявлением коммунистической бдительности, Четвериков был вырван из ставшей родной среды, питавшей его творчество, как научное, так и педагогическое.

Именно поэтому у Четверикова зачастую не складывались отношения с аспирантами и молодыми коллегами по кафедре Горьковского университета. Чем выше была активность в науке и преподавании, чем откровеннее были стремления их к сближению с руководителем, тем настороженнее вел себя Сергей Сергеевич и тем большее разочарование испытывали его подчиненные. Он явно опасался их неискренности и подвохов. В результате ушла с кафедры глубоко уважающая и ценящая его как ученого и пригласившая С.С. Четверикова на свое место заведующего кафедрой доцент, чистейшей души человек, Зоя Софроновна Никоро. Следом за ней уехал доцент Ю.П. Мирюта, ушел из аспирантуры А.П. Дроздов и т.д. Только среди студентов Сергей Сергеевич оставался открытым и отечески заботливым.

После событий 1948 г., когда мне довелось регулярно навещать одинокого профессора, в течение нескольких лет я ощущала определенную невидимую глазом границу между нами при всем его очень добром и внимательном отношении. Ведь я была членом КПСС и, видимо, это внушало Сергею Сергеевичу некоторые опасения. Он никогда не рассказывал о людях, посещавших его в первые годы изгнания из университета; некоторых я заставляла у него, приходя без предупреждения (телефонной связи не было), но и о них он никогда не рассказывал. Не желая бередить его раны, я никогда не поднимала разговоров о генетике и лысенковщине, не пыталась откровенно высказывать свою точку зрения и не ждала того же и от него. Многое было понятно и я старалась не задавать вопросы, которые могли быть Сергеем Сергеевичем восприняты болезненно. Лишь с годами наши отношения стали более открытыми и непринужденными. Хотя, уважая друг друга, мы оба продолжали обходить некоторые темы и научились понимать друг друга без слов. Он очень боялся преследательства.

Зерна, посеянные С.С. Четвериковым среди его учеников, дали плодотворные всходы. Идеи популяционной генетики, получившей законное право на существование, перестроили мировоззрение биологов об эволюции и получили дальнейшее развитие в трудах Н.В. Тимофеева-Ресовского и его жены, в работах Д.Д. Ромашова, С.М. Гершензона, Н.П. Дубинина, Ф. Добржанского и других его последователей и учеников, которым историк науки В.В. Бабков посвятил монографию “Московская школа эволюционной генетики”^{*}.

В.В. Бабков показал значительность личности и творческой деятельности С.С. Четверикова и доказал его приоритет в решении важнейшей проблемы эволюционной биологии и огромный вклад в науку, который был сделан его учениками на протяжении последующих лет и под влиянием идей Учителя.

1929 год – год Великого перелома в стране – стал и годом развертывания правительственного похода против дореволюционной интеллигенции. Правда, фактически уничтожение интеллигенции началось сразу после 1917 г. Необходимость восстановления разрушенной войнами страны заставляла производить эту акцию выборочно: нужны были опытные кадры для восстановления промышленности и экономики, а также для срочной подготовки собственных, революционно мыслящих специалистов.

Спустя 10–12 лет Комакадемия, ФЗУ, партшколы уже подготовили ряд специалистов и руководителей для производств и предприятий. Для малообразованных вождей государства появилась возможность, как им казалось, обходиться без услуг “буржуазной” интеллигенции. Под этот “девятый вал”, налетевший на лучших представителей общества, одним из первых попал Сергей Сергеевич Четвериков. В дальнейшем пострадали многие ученые, а из биологов главным образом генетики.

В Свердловск Сергей Сергеевич приехал глубоко раненый несправедливостью. Долгие месяцы он не мог справиться с нервным потрясением и вернуться к своим исследованиям. Анна Ивановна, жена, друг и помощница, прилагала невероятные усилия, чтобы вывести его из апатии, вернуть веру в себя и в друзей. Она при участии его сестры Марии Сергеевны высылала ему *всю выходящую в мире* литературу по генетике. Как библиотекарь ИЭБ она ее прочитывала и пересылала ему для ознакомления в Свердловск.

Анна Ивановна в течение многих месяцев в своих письмах описывала, как его ученики по-человечески скучают о Сергее Сергеевиче, беспокоятся о его судьбе и как им необходимы его публикации по дрозофильным опытам последних трех лет (после 1926 г.), что отсутствие его установочных и обобщающих публикаций задерживает публикации их частных исследований. Однако психологический шок был слишком глубок, справиться с ним Сергею Сергеевичу оказалось не по силам.

Сестра обеспечивала литературой, которую нельзя было найти в Союзе. Мария Сергеевна регулярно высылала денежную (валютную) поддержку братьям и племяннице, переводя деньги через Торгсин и Госбанк.

С 1930 г. Анна Ивановна разрывалась между мужем и его братом Николаем, арестованным в 1930 г. по делу кондратьевщины^{**} (крестьянской партии) и отбывавшим незаслуженный тюремный срок в Темниковских ИТЛ. Таким образом, семья не только лишилась материальной помощи от Николая Сергеевича, но он и сам оказался нуждающимся в материальной и психологической поддержке.

^{*} Бабков В.В. Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. С. 216.

^{**} В 1930 г. Кондратьев Н.Д. – директор – и ведущие научные сотрудники Института конъюнктуры Наркомфина были арестованы как организаторы и члены “Трудовой крестьянской партии”.

За годы, проведенные в ссылке, Сергей Сергеевич ежемесячно получал денежные переводы, продуктовые посылки. Визиты Анны Ивановны и других родных и друзей тоже происходили ежемесячно.

В тот же период Анна Ивановна дважды посетила Николая Сергеевича в Темниковских ИТЛ, десятки раз съездила к Сергею Сергеевичу в Свердловск и Владимир, выслала им более 80 посылок. Ученики Николая Сергеевича выслали ему 16 посылок с книгами по математике и статистике.

Трудно представить, какую физическую и моральную нагрузку пережила в 1929–1935 гг. Анна Ивановна – маленькая пожилая женщина, больная тяжелой стенокардией. Именно болезнь сердца стала причиной ее смерти в 1947 г.

Первые полтора года свердловской ссылки Сергей Сергеевич не имел оплачиваемой работы. Для поддержки своего финансового положения он подрабатывал репетиторством школьников. В этом деле он проявил свой необыкновенный педагогический талант. По словам Зои Софроновны Никоро, с которой автор часто встречалась в Новосибирске и Кемерове, однажды к Сергею Сергеевичу в Свердловске обратились с просьбой помочь мальчику, которому совсем не дается математика, и педагоги в школе настаивают на переводе его в спецшколу для умственно отсталых детей. Отцу мальчика очень не хотелось смириться с тем, что его сын – “недоумок”. Сергей Сергеевич согласился побеседовать с мальчиком, учащимся пятого класса. С удивлением он обнаружил, что мальчик хорошо развит для своих лет, но безумно запущен: он не знал самых простых арифметических действий. Через три месяца мальчик догнал одноклассников, а впоследствии успешно учился и хорошо закончил десятый класс, поступил в технический вуз и стал инженером.

Со временем встал вопрос о необходимости освобождения Анны Ивановны от службы, так как сердце ее все чаще напоминало о себе, а дочка – Анна Петровна Сушкина – закончила университет, работала и могла помогать матери деньгами. Сергей Сергеевич устроился на работу ученым консультантом при госкомхозе по планированию и организации в Свердловске зоопарка лишь в конце 1930 г.* После окончания трехгодичного срока ссылки на Урал новое совещание тройки продлило ее срок без обязательного определения места поселения, но с теми ограничениями, о которых мы уже говорили выше.

Сергей Сергеевич отбыл во Владимир. Там он имел возможность преподавать свои апробированные курсы энтомологии и биометрии в своеобразном сельскохозяйственном учебном заведении, на полеводческом отделении которого он вел еще и курс экологии насекомых.

Это учебное заведение – нечто среднее между рабфаком, техникумом и вузом – возникло в 1931 г. при Наркомземе СССР на базе отделения защиты растений Московского сельскохозяйственного института и ленинградских техникума и рабфака. Название этого учебного заведения было – Учкомбов (учебный комбинат по борьбе с вредителями сельского хозяйства и леса). Выпускались специалисты узкого профиля, но преподавание велось на очень высоком уровне, многие преподаватели приезжали из московских и ленинградских вузов. В книге мы приводим воспоминания двух слушательниц С.С. Четверикова во Владимире, З.Д. Федоровской и И.В. Ждановой, об этом периоде жизни проф. Четверикова. К сожалению, в 1934 г. существование Учкомбова завершилось. В сохранившейся его части – сельскохозяйственном техникуме – Сергей Сергеевич преподавал лишь математику.

* К сожалению, каких-либо сведений о С.С. Четверикове из Свердловска, несмотря на официальный запрос, нам получить не удалось.

Кроме преподавания, С.С. Четвериков, по воспоминаниям И.В. Ждановой, во Владимире работал над какой-то книгой, она предполагала, что над учебником. На самом деле это был не учебник, а оригинальное научное исследование “Опыт построения объективной системы организмов”, иначе говоря, определение возможностей и границ применения математических методов в биологии, т.е. биометрическое исследование. Оно продолжалось Сергеем Сергеевичем и позднее, когда он работал в ГГУ*.

Этот факт – важное свидетельство того, что С.С. Четвериков по окончании уральской ссылки начал освобождаться от психологического шока и его мозг снова включился в творческий анализ назревших к тому времени важнейших биологических проблем.

Чрезвычайно печальным итогом пребывания в свердловской ссылке является утрата следов его исследований фауны чешуекрылых окрестностей Свердловска. Несмотря на предписанные Сергею Сергеевичу ограничения в передвижениях, он отдыхал душой, выезжая за пределы города для сбора бабочек. Из писем Анны Ивановны известно, что он собрал приличную коллекцию тамошних бабочек и при их определении обнаружил около 60 нигде не описанных видов. Анна Ивановна писала мужу, что показывала присланные ей мужем списки друзьям и коллегам, что все были рады узнать об успехах по изучению любезных его сердцу бабочек. Однако нам не удалось выяснить судьбу этих списков. Тех, кто их видел, держал в руках, нет среди живых.

Также не удалось найти ни в Симферополе, ни в С.-Петербурге списка бабочек Крыма, собранных лично Четвериковым, и получаемых в посылках от крымских энтомологов. С.С. Четвериков упоминал, что, закончив эту работу, составил списки для крымских энтомологов (Симферополь) и для ЗИН (Ленинград). Николай Михайлович Артемов (любитель-лепидоптеролог, проф. Нижегородского университета) предпринял тщательные поиски, но до сих пор основные списки фауны чешуекрылых Крыма ни в одном из архивов не обнаружены. Насколько серьезно относился Сергей Сергеевич к исследованию фауны чешуекрылых Крыма, можно узнать по переписке проф. С.С. Четверикова с проф. И.И. Пузановым при их дискуссии о происхождении живого мира Крыма, Южной части России, Кавказа и Присредиземноморья. Сохранились лишь “Примечания к списку лепидоптерологической фауны Крыма”, публикация которых здесь без основного списка просто нецелесообразна.

Вернемся к Владимирской ссылке. По воспоминаниям З.Д. Федоровской и И.В. Ждановой (см. раздел “Воспоминания”) можно получить представление, каким учителем в эти годы был Сергей Сергеевич. Лекции и лабораторные занятия Четверикова были столь увлекательны и богаты содержанием, что студенты были твердо убеждены, что энтомология и систематика являются его основной специальностью, и не подозревали, что имеют дело с крупнейшим генетиком, имя которого скоро громко прозвучит в мировой биологической науке.

На лабораторных занятиях Сергей Сергеевич учил препарировать и зарисовывать насекомых, тщательно проверял все работы и писал в тетрадях свои замечания и пожелания. Таким способом он вырабатывал у будущих специалистов наблюдательность, внимание к деталям и обучал их научному рисунку, не говоря уже о формировании научного мышления.

В Горьковском университете в эти годы, годы владимирского жития Сергея Сергеевича, биофак заканчивал формирование своих ведущих кафедр. На кафедре генетики была приглашена доцентом и заведующей кафедрой

* К сожалению, эта книга так и не была закончена, а поэтому не издана.

Зоя Софроновна Никоро. Поработав пару лет, Зоя Софроновна поняла, что ее молодость, энергия, добросовестность и любовь к работе не заменят широты знаний и заслуженного уже авторитета крупного ученого. Кроме того, она занимала еще должность заместителя декана биофака, деканом же был профессор зоологии И.И. Пузанов.

В начале 1934 г. Зоя Софроновна высказала идею о том, что неплохо бы на должность заведующего кафедрой генетики пригласить опального талантливого ученого и блестящего преподавателя, отбывающего административную ссылку в 200 км от Горького. И.И. Пузанов немного знал Сергея Сергеевича по учебе в МГУ и последующим встречам на съездах зоологов. Он не просто признал предложение Зои Софроновны приемлемым, но и немедленно связался с ректором Л.А. Маньковским. Ректор предложение декана биофака поддержал и тут же выслал письмо в Наркомат просвещения с ходатайством о замене С.С. Четверикову проживания во Владимире на работу по его специальности в Горьком. И.И. Пузанов выслал С.С. Четверикову приглашение поработать в ГГУ. Зоя Софроновна съездила во Владимир для личных переговоров. Сергей Сергеевич выразил согласие на это предложение.

Однако прошел год, но Министерство не откликнулось на ходатайство Горьковского университета. В июле 1935 г. закончился срок вынужденного проживания во Владимире. Вернувшись в Москву, С.С. Четвериков написал в ГГУ письмо, подтверждающее ранее принятое им приглашение и выясняющее, не изменилась ли там ситуация. От приглашения Н.К. Кольцова вернуться в ИЭБ С.С. Четвериков отказался. Душевные раны еще кровоточили.

С 1 сентября 1935 г. Сергей Сергеевич приступил к работе заведующего кафедрой генетики и селекции биофака ГГУ. С первых же дней он занялся не только преподаванием, но и научными исследованиями (см. планы и отчеты научной работы кафедры). Одновременно, встретив доброжелательных и интеллигентных товарищей по МГУ и работе на биофаке в лице проф. И.И. Пузанова, А.Д. Некрасова, Н.П. Красинского и С.С. Станкова, он добивается организации Горьковского отделения Московского общества испытателей природы. На заседания общества приглашались и студенты. Сергей Сергеевич сам неоднократно выступал на этих заседаниях. Студенты от преподавателей узнавали о новейших проблемах естествознания, о путешествиях преподавателей в различные страны мира, о зоо- и фитогеографических особенностях разных зон, о лабораториях, в которых нашим учителям доводилось работать. Тогда же мы впервые услышали дискуссии и прочитали о лысенковских бредовых идеях.

В 1936 г. ректор ГГУ подает в ВКВШ предложение назначить С.С. Четверикова деканом биофака. Ответа мы не нашли. Деканом биофака С.С. Четверикова ректор назначил лишь в начале 1938 г. без разрешения свыше. Официально деканом числилась О. Шалыганова, помощником декана – ассистент Г. Кипарисов. Так продолжалось до 1940 г., когда из Наркомпроса наконец пришло официальное утверждение С.С. Четверикова в должности декана биофака, обязанности которого он исполнял до 1947 г. После второго инфаркта он уже не смог совмещать работу на селекционном пункте по китайскому дубовому шелкопряду, должность заведующего кафедрой и исполнять многотрудные обязанности в деканате, и все это при 22–26-часовой учебной нагрузке еженедельно.

В 1936 г. по представлению Н.К. Кольцова к Сергею Сергеевичу обратились из Наркомзема с предложением организовать в Горьком селекционный пункт по выведению моновольтинной (одноурожайной) расы китайского дубового шелкопряда. Гусеница этой бабочки при окукливании завивает кокон из длинной и прочной нити, использовавшейся для изготовления парашютного

шелка. Советская страна, укрепляя свой оборонный потенциал, вынуждена была экспортировать этот шелк из Китая и Японии, затрачивая на это большие средства.

Надо было разводить своего шелкопряда. Но в Японии и Китае этот вид дает за длинное и теплое лето два поколения и зимует в стадии куколки. В нашем же климате второе поколение развивается в холодные осенние месяцы и не успевает окуклиться. Осеннее поколение, таким образом, погибает.

Вот и решили в Госкомитете по шелководству всюду, где растет дуб, попытаться вырастить новую породу китайского дубового шелкопряда, пригодного для наших климатических условий.

В настоящем томе представлена работа С.С. Четверикова “Итоги трех лет селекции китайского дубового шелкопряда”, рукопись которой проф. Н.М. Артемов нашел в личном архиве акад. Б.Л. Астаурова, хранящемся после его смерти у дочери академика. В работе приведены и проанализированы итоги трех лет исследований, доложенные С.С. Четвериковым шелководам Наркомзема и затем дополненные результатами четвертого года работы. Полученные результаты были столь эффектны, что Сергей Сергеевич в 1944 г. был награжден Орденом Знак Почета. Однако лысенковские погромы генетических исследований были столь угрожающими, что ни этот отчет, ни последующие отчеты за 1944 и 1945 г. в труды по шелководству Наркомзема и ВАСХНИЛ включены не были. Наши попытки разыскать их в отделе рукописей архива ВАСХНИЛ не увенчались успехом. Можно предположить, что они были просто уничтожены.

О том, как проявил себя С.С. Четвериков в качестве организатора учебной работы и преподавателя, читатели узнают из главы “Воспоминания современников”. Ссылка, идеологические преследования после дискуссий 1930-х годов не повлияли на отношение профессора к селекционной работе с шелкопрядом. Особенно тяжело приходилось ему на встречах с коллегами-шелководами в ВАСХНИЛ, где административные и идеологические “вожди” полностью были сосредоточены в руках лысенковцев. Тяготы военного времени осложнялись трудностями, связанными с научными исследованиями на Опорном пункте (гибель гусениц от желтухи, нарушения графика отопления помещения и др.). Тем более, что и среди сотрудников (И.Н. Грязнов), и среди специалистов-студентов (А. Долинин, С. Сергеев, А. Ефимов и ряд других) были преданные поклонники основных положений абсурдного “учения” о наследственности Трофима Лысенко. Молодежь завораживали “коммунистическая” фразеология, размахивание идеологическим знаменем марксизма-ленинизма. Уж очень хотелось поскорее построить земной рай для советского народа.

Сергей Сергеевич тосковал, сделался замкнутым, перестал делиться своими тревогами и обидами с близкими... Одним из итогов глубоких раздумий по поводу предъявляемых ему обвинений в середине 1940-х гг. явилась рукопись “Мысли об инбридинге” как одном из методов, который профессор использовал в своей селекционной работе с шелкопрядом. Этот метод являлся основной мишенью для жестокой критики не только со стороны лысенковцев-биологов, но и со стороны лиц, вообще не имеющих представления о биологической науке и ее законах. Надо было не только “отбиваться” от непрерывной травли, но и самому окончательно убедиться в правомерности использования методики близкородственного скрещивания и определить возможные пределы этого использования.

Среди неопубликованных работ мы приводим эту работу Сергея Сергеевича, хотя, возможно, автором к публикации она не готовилась, была написана для самоконтроля.

Работа по шелкопряду двигалась к завершению и была высоко оценена правительством. Новая порода шелкопряда была официально зарегистрирована и названа Горьковской моновольтинной I. Профессор начал второй незапланированный этап исследований – приучение гусениц дубового шелкопряда к питанию березовыми листьями. Уже были получены первые обнадеживающие результаты.

Но критика не прекращалась. Товарищи по работе, с которыми так хорошо жилось на биофаке, начали разъезжаться (С.С. Станков, И.И. Пузанов, А.Д. Некрасов, Н.П. Красинский, В.В. Попов...). Появилось чувство тоскливого одиночества. Оно обострялось тем, что новые дружеские контакты после ареста и ссылки у С.С. Четверикова не складывались, мешало чувство настороженного недоверия, особенно к молодым “активистам”. Они его пугали возможностью предательства. 1929 г. не забывался. Это недоверие почувствовала и Зоя Софроновна Никоро, бесконечно уважавшая Сергея Сергеевича. Она решила не доводить дело до объяснений и ссоры и в 1942 г. уехала из Горького.

Здоровье Сергея Сергеевича серьезно пошатнулось. В 1946 г. профессор перенес инфаркт миокарда. В 1947 г. – второй инфаркт и смерть жены. В 1948 г. в августе – злосчастная сессия ВАСХНИЛ. Изгнание из университета с 1-го сентября (по приказу министра просвещения от 23 августа). 6–18 сентября состоялись заседания Ученого совета биофака, на котором от Сергея Сергеевича и его исследований отрекается его коллега по кафедре доцент А.Ф. Шереметьев, в октябре – третий инфаркт, течение которого затянулось до весенних месяцев, а последствия – до конца жизни.

С.С. Четвериков не позаботился, пока работал в университете, похлопотать о пенсии, хотя уже достиг пенсионного возраста. Перипетии с получением пенсии изложены в воспоминаниях известного адвоката А.Н. Смысловой.хлопоты по поводу пенсии продолжались почти полтора года, прежде чем Сергею Сергеевичу пришла полагающаяся ему профессорская пенсия. Он был готов к такому повороту событий (жизнь научила всегда быть готовым к переменам): в течение всех 13 лет работы в ГГУ Сергей Сергеевич значительную часть заработанных денег откладывал “на черный день”. Растянувшийся на полтора года этот “день” был благополучно пережит, хотя и не без отказа от удовлетворения многих желаний и потребностей. Но домработница регулярно получала свои 300 руб. в месяц (правда, не без поддержки Алексея Дмитриевича Некрасова, которого она тоже обслуживала), ежемесячно посылались 300 руб. больной кузине М.Н. Алексеевой, живущей в Крыму, помогал он и брату Николаю, который после магаданской каторги и миассовской ссылки, вернувшись, не мог ни поселиться в своей квартире в Москве (запрет!), ни найти удовлетворительную работу и обеспечить таким образом себя жильем и средствами к существованию. Перебивался он случайными заработками. Все документы, подтверждающие трудовой стаж, после арестов и ссылки были утеряны, как это было ранее и у Сергея Сергеевича.

Николай Сергеевич пытался устроиться в Москве, но ему не разрешили. Он поселился в г. Александро-Владимирской области. Было удобно по делам бывать в Москве, но и из Александрова его выселили. Устроился Николай Сергеевич с жильем во Владимире, на середине между Москвой и Горьким, где он навещал брата.

В Москве Николай Сергеевич получил работу. Поступить в штат института ему не удавалось: нет московской прописки. Работу организовал старый товарищ, доктор биологических наук Соломон Наумович Ардашников. Врач, занимающийся рентгенотерапией, а в прошлом – генетикой человека, нуждался в

помощи математика. Он знал Н.С. Четверикова как талантливого, высококвалифицированного статистика еще до ареста и высылки его в Магадан (кстати, тоже, как и Сергея Сергеевича, без суда). Причиной этой ссылки на каторгу, видимо, послужил предыдущий арест и заключение в 1930–1935 гг., хотя из ИТЛ Н.С. Четвериков был выпущен досрочно с отличной характеристикой.

С.Н. Ардашников предложил Николаю Сергеевичу участие в его исследованиях, совместное авторство в будущих публикациях и гарантировал оплату труда размером 500 руб. в месяц из собственного заработка. Таким образом, материальная помощь брата-профессора и гарантированный заработок, предоставленный Соломоном Наумовичем, обеспечили Николаю Сергеевичу скромное существование и оплату жилья. Впоследствии С.Н. Ардашников рекомендовал Николая Сергеевича в реферативный биологический журнал. Вместе они сделали перевод двух солидных английских монографий по генетике. Это была настоящая дружба двух талантливых ученых.

Что касается Сергея Сергеевича, то он, освобожденный от обязательных требований официальной службы, погрузился в приведение в порядок своей огромной лепидоптерологической коллекции: ремонт поврежденных экземпляров, определение и помещение в ящики необработанных сборов, борьба с вредителями и т.п. К этому прибавилась работа с бабочками Крыма, которых ему регулярно присылали для научной обработки. Сидел он с лупой и микроскопом по много часов ежедневно и чувствовал себя удовлетворенным.

Однако к 1953 г. из-за резкого ухудшения зрения занятия с бабочками стали невозможными. А затем стало невозможным и чтение. Николаю Сергеевичу пришлось уехать из Владимира и перебраться к брату в Горький. Не оставляя своих занятий математическими проблемами, рефератов и переводов, Николай Сергеевич стал секретарем, доверенным лицом, санитаром, а часто и домработником слепого и gloхнущего, страдающего рядом старческих недугов старшего брата.

В это время у Сергея Сергеевича сложились дружеские отношения с рядом лепидоптерологов Москвы, Ленинграда, Украины и Зауралья. Активная переписка осуществлялась через Николая Сергеевича. Особенно богатая по числу писем и по содержанию оказалась переписка с профессором, доктором химических наук Андреем Андреевичем Бунделем, который впервые обратился за консультацией к Сергею Сергеевичу в 1950 г. С женой Екатериной Васильевной Киселевой (тоже химик, преподаватель вуза) они несколько раз навещали Сергея Сергеевича в Горьком, снабжали его фруктами, шоколадом, колбасой, кофе и другими вкусами.

Переписка двух одухотворенных, интеллигентных и высоко эрудированных ученых настолько интересна, что мы поместили ее отдельно от остальных писем, расположенных по календарным датам.

Кроме связей по переписке в 1940–1950-е гг., Сергей Сергеевич пользовался вниманием некоторых коллег – жителей Горького (проф. А.Г. Майер, проф. Н.М. Артемов и его жена – сотрудница кафедры физиологии человека и животных Шухгалтер Тамара Александровна с детьми Шурой и Ниной, доцент ГГУ П.А. Суворов), учеников (М.М. Рудакова, Е.Ф. Бондаренко, Л.Ф. Кулакова, Т.С. Станкова с дочкой), соседей (проф. Г.С. Горелик с женой, соседи по подъезду) и студентов университета, пединститута, мединститута и даже московских вузов (В.Н. Сойфер и другие друзья).

Конечно, для слепого и почти глухого профессора Сергея Сергеевича, ослабленного кучей болезней, эти визиты оживляли жизнь, однако не могли полностью снять с его души все те незаслуженные огорчения и боль, которые причинило ему общество, и досаду на изнуряющие болезни и физическую слабость, ко-

торые лишили его активной творческой деятельности. Жалобы от Сергея Сергеевича слышал только его брат Николай. Гости же пользовались его консультациями, интересом и вниманием к их работе, учебе, семье, удачам и неудачам, событиям в политической жизни страны, международным происшествиям. Они отвлекали больного от душевных и физических страданий, вызывали чувство удовлетворения и признательности. Но в глубине его души оставалось непреходящее чувство огорчения от своей “отделенности” от жизни, текущей вне квартиры.

По приведенным в книге письмам Сергея Сергеевича можно проследить, как всеми силами он боролся с физической слабостью, с каким потрясающим блеском он сохранял способность консультировать своих корреспондентов, щедро используя накопленный в течение жизни и хранящийся в его памяти научный материал (имена ученых, мельчайшие детали анатомии и морфологии насекомых и т.п.), высказывая свои личные взгляды на спорные вопросы энтомологии и общебиологические проблемы.

И это в то время, когда он физически не мог пользоваться справочной литературой, которую он подарил своим друзьям и последователям. Читать ее из-за слепоты он был не в состоянии. Его память удивляет и восторгает, ведь у пожилых людей, кому за 60, память часто резко ослабевает. Имена, фамилии, названия, стихи на трех европейских языках, не считая классических древних, – у Сергея Сергеевича все могло быть извлечено из хранилища мозга.

К 1958 г. здоровье Сергея Сергеевича ухудшилось. В 1959 г. он уже практически не только не выходил из квартиры, но и по квартире передвигался с трудом, преодолевая слабость. Росло чувство близости конца. И здесь пришла неожиданная радость: в марте из Германии пришло письмо из Академии естествоиспытателей Леопольдина, приглашающее проф. С.С. Четверикова принять участие в торжественном международном форуме в честь 100-летия со дня публикации книги Ч. Дарвина “Происхождение видов”. Одновременно Сергей Сергеевич извещался, что ему предлагают присудить памятную плакетку (прямоугольную медаль) Дарвина как ученому, имеющему особые заслуги в развитии эволюционного учения и генетики. Однако Сергей Сергеевич поехать в Берлин был уже физически не в состоянии. Официальное письмо о состоявшемся награждении пришло в июне, когда Сергея Сергеевича поразил инсульт и он периодически терял сознание и впадал в бредовое состояние. В один из светлых моментов Николай Сергеевич прочел ему это письмо. Долгожданное признание заслуг талантливого ученого пришло слишком поздно, и лауреат лишь грустно покивал головой. И все-таки признание состоялось!

Дарвиновская плакетка – последнее радостное событие в жизни основоположника современной эволюционной генетики. Через несколько дней Сергея Сергеевича не стало (2 июля 1959 г.).

Похоронен он в Нижнем Новгороде (Горьком) на Бугровском кладбище. Биофак Нижегородского университета следит и ухаживает за могилой. В 1990 г. (110-летие со дня рождения С.С. Четверикова) был обновлен мемориал: заменена ограда, на надмогильной плите закреплена мраморная доска с именем брата Н.С. Четверикова, прах которого помещен в ту же могилу.

В память ученого, к которому судьба была не очень багосклонна и уготовила ему пережить так много гонений, несправедливостей, отрыва от любимой работы, арестов и т.д., была названа улица в Советском районе в верхней части города (б. 3-й Заярский проезд).

Научный потенциал не был использован и наполовину. Перипетии жизни и их воздействие на творческий потенциал ученого – живая школа для молодых ученых.

В книге о Марии Кюри ее младшая дочь Ева приводит слова матери М. Кюри-Склодовской, сказанные болезненно скромной женщиной американскому репортеру при его попытке проникнуть в ее “творческую кухню”, в события личной жизни, понять психологию женщины-ученого: “В науке мы должны интересоваться фактами, а не личностями”. Мы позволили себе не согласиться с этим утверждением первой женщины – лауреата Нобелевской премии. Жизнь талантливого ученого наполнена терниями, безумными сложностями, а научное творчество – крайним напряжением умственных, физических и психологических сил, направленных на преодоление всех препон и неудобств, включая зачастую открытую травлю и материальную необеспеченность. Знание истории жизни таких ученых позволяет судить и об этапах развития науки, которой она отдана. Именно это убеждение позволило нам создать эту книгу.

Член-корреспондент РАН Ю.И. Полянский так отозвался о С.С. Четверикове: “Конец 20 – начало 30-х годов был периодом необычайного взлета биологической научной мысли в России... С.С. Четвериков, выдающийся мыслитель и биолог того времени, заложил основы популяционной генетики и синтетической теории эволюции... Работы Н.И. Вавилова и С.С. Четверикова были, безусловно, достойны Нобелевской премии, они вполне соответствовали уровню этих высоких премий”^{*}.

Доктор биологических наук
Т.Е. Калинина

^{*} ж. Природа. 1988. № 9. С. 67.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Талантливый ученый, профессор, доктор биологических наук, блестящий педагог, человек высоконравственный с чистой и доброй душой, Сергей Сергеевич Четвериков достоин более широкой известности и признания на Родине, чем получил при жизни.

Представленные в настоящем томе документы, письма и воспоминания учеников и коллег ученого раскрывают масштаб личности С.С. Четверикова, его полную драматизма жизнь, глубокую преданность науке и значительность научного вклада С.С. Четверикова в генетику.

В 1964 г. вместе с заведующей библиотекой Горьковского университета (ГГУ) Галиной Васильевной Бруснигиной мы начали по крупинкам собирать документы, письма, воспоминания о С.С. Четверикове его коллег и учеников. После образования музея истории университета этот архив лег в основу фонда С.С. Четверикова. Сбор материалов продолжила директор музея Тамара Ивановна Ковалева.

После возвращения из Сибири, где я проработала 13 лет в Кемеровском медицинском институте, мы с профессором ГГУ Николаем Михайловичем Артемовым решили написать о С.С. Четверикове книгу и издать ее в серии Российской академии наук "Научно-биографическая литература". Она вышла в свет в 1994 г. Однако небольшая книга (160 страниц) имела тираж 600 экз. и осталась практически неизвестной широким слоям общественности.

Продолжая пополнять фонд С.С. Четверикова в музее ГГУ, мы собрали большое количество документов, которые не только дополнили, но и скорректировали нашу предыдущую работу. С предложением публикации материалов, характеризующих все этапы жизни С.С. Четверикова, его неопубликованных работ, воспоминаний, а также избранной переписки мы обратились в редакцию "Научное наследство".

В 1998 г. архивные исследования получили грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило обнаружить ценные, ранее неизвестные документы, письма и фотографии.

Архивные материалы собирались в течение ряда лет и были получены из архива РАН, Государственного исторического архива города Москвы, Государственного архива Российской Федерации, архива кабинета истории генетики ИОГен РАН, Государственного архива Нижегородской области и Нижегородского университета, частных архивных собраний родственников С.С. Четверикова. Несколько поездок в Швейцарию к сестре и племянникам позволили составителю привезти фотографии и около 20 рукописей отца С.С. Четверикова Четверикова Сергея Ивановича, а встречи в Москве с двоюродной племянницей Натальей Александровной Добрыниной, ее сестрой Татьяной и их кузиной Людмилой Сергеевной Четвериковой, праправнуком Георгием Валентиновичем Риле дали возможность получить в наше распоряжение большое количество ксеро- и письменных копий, фотодокументов.

Более 20 человек откликнулись на просьбу представить нам свои воспоминания о С.С. Четверикове, в том числе недавно скончавшийся профессор генетики, академик Украинской АН Сергей Михайлович Гершензон, дочь которого была настолько любезна, что после смерти отца переслала нам копию рукописи через профессора Алексея Константиновича Загуляева (Лепидоптерологическое отделение ЗИНа, СПб.).

Предлагаемая книга построена так, чтобы наиболее полно отобразить и представить научную судьбу и личность С.С. Четверикова, показать среду, в которой складывались его характер и научные интересы, рассказать о семье Четвериковых и связанных с ними семейными узами и предпринимательской деятельностью членах семьи Алексеевых, об их кругозоре, широте интересов, творческом отношении к труду. Отсюда – довольно объемная вступительная статья о С.С. Четверикове – ученом и о его месте в современной науке с характеристикой родных и близких, от которых зависела судьба Сергея Сергеевича. В “Приложении” представлены родословные Сергея Сергеевича и первых его прародителей, поселившихся в Москве, а также его потомков вплоть до наших дней.

В разделе “Годы жизни” документы расположены в хронологическом порядке; в конце представлены документы, полученные в ответ на запрос Нижегородского университета из Центрального архива Федеральной службы безопасности.

Важное значение имеют неопубликованные научные работы С.С. Четверикова. Они подчеркивают его заслугу в развитии генетики, ее фундаментальных основ. Эти работы интересны, актуальны и значимы и в настоящее время – период интенсивных молекулярно-генетических исследований и современных биотехнологий.

Представленные в книге развернутые планы лекций, которые С.С. Четвериков читал студентам ГГУ, показывают талант педагога и воспитателя научных кадров и молодых ученых.

Раздел “Переписка” начинается с заботливо-озабоченных писем отца Сергея Ивановича Четверикова сыну-студенту, датированных 1897 г. Далее в хронологическом порядке расположены письма – к родным и от родных – открытые, добрые, внимательные; к ученым-коллегам – научно-значимые и интересные.

Переписка С.С. Четверикова наряду с приведенными официальными документами наиболее полно раскрывает этапы жизни Четверикова, его характер, перипетии его тяжелой, но достойной жизни.

Особое место занимает переписка С.С. Четверикова и профессора А.А. Бунделя. Письма были переданы нам, а затем в архив Российской академии наук вдовой А.А. Бунделя Е.В. Киселевой. Вниманию читателя представлена только часть этой обширной переписки. Письма двух талантливых ученых, ярких личностей настолько интересны, что помещение их вперемешку с письмами других авторов уменьшило бы впечатление от них. По совету ответственного редактора настоящего тома члена-корреспондента РАН И.А. Захарова они выделены в особый отдел переписки.

Учитывая огромный объем архивного материала, при воспроизведении писем Сергея Сергеевича Четверикова и его корреспондентов мы зачастую выпускали часть текста с повторяющимися сведениями бытового характера и другими фактами, о которых уже рассказывалось в других письмах и которые не имеют познавательного значения, обозначая сокращения отточиями в угловых скобках.

Слова и фразы, которые не удалось расшифровать, по возможности восстанавливались и заключались в квадратные скобки.

Текст документов печатается, как правило, в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

Том снабжен научно-справочным аппаратом, куда входят комментарии и текстуальные примечания, список сокращений и именной указатель.

Комментарии по содержанию, служащие дополнением и уточнением и характеризующие события и факты, вынесены в конец книги.

Всем сотрудникам архивов, родственникам Сергея Сергеевича, всем лицам (многие уже ушли из жизни), приславшим нам свои воспоминания, мы выражаем свою самую глубокую, горячую признательность.

Особую благодарность выражаем профессору Н.М. Артемову за постоянный интерес к нашей работе и полезные рекомендации, которые он давал нам, имея большой опыт работы в области истории науки.

Постоянным советчиком и корректором нашей работы служила ученица Сергея Сергеевича Четверикова кандидат биологических наук Мария Михайловна Рудакова, человек четкого мышления и тонкого ощущения письменного слова.

Большую, неоценимую помощь в течение почти 15 лет нам оказывали сотрудники музея истории университета (ГГУ), начиная с директора Музея Т.И. Ковалевой и хранителя фондов Л.Д. Ведерниковой и кончая лаборантами и препараторами. Без их бескорыстной и повседневной поддержки вряд ли бы эта книга была скомпонована и написана. Спасибо им огромное.

Выражаем благодарность кандидату технических наук Калинин Сергею Алексеевичу за выполнение очень большой и трудоемкой работы – компьютерного набора рукописи.

Мы благодарим сотрудников ИОГен РАН к.б.н. Гришаеву Т.М. и Рязанцеву Е.В. за подготовку к публикации работы “Мысли об инбридинге” и участия в составлении именного указателя.

Мы признательны ученому секретарю редакционной коллегии серии “Научное наследство” кандидату исторических наук Надежде Владимировне Бойко за ценные советы и консультации при работе над томом научного наследства С.С. Четверикова.

Доктор биологических наук
Т.Е. Калинина

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ

ГОДЫ УЧЕБЫ (1892–1909)

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ. ГИМНАЗИЯ (1892–1900)

1.

Аттестат об окончании частного реального училища Воскресенского, выданный потомственному дворянину Сергею Сергеевичу Четверикову

Москва

30 апреля 1896 г.

Аттестат

Дан сей потомственному дворянину Сергею Сергеевичу Четверикову, вероисповедания православного, родившемуся в городе Москве 1880 года, апреля 24 дня, в том, что он, вступив в частное реальное училище Воскресенского в августе 1892 года, при отличном поведении, обучался по 30 апреля 1896 года и окончил полный курс по основному отделению. На окончательном испытании он, Четвериков Сергей, оказал следующие успехи:

В законе Божьем	отличные (5)
“ Русском языке	отличные (5)
“ Немецком языке	отличные (5)
“ Французском языке	отличные (5)
“ Географии	отличные (5)
“ Истории	отличные (5)
“ Математике, а именно:	
“ Арифметике	отличные (5)
“ Алгебре	отличные (5)
“ Геометрии	отличные (5)
“ Тригонометрии	отличные (5)
“ Физике	отличные (5)
“ Естественной истории	отличные (5)
“ Рисовании	хорошие (4)
“ Черчении	отличные (5)
“ Гимнастике	хорошие (4)

При вступлении в гражданскую службу он, Четвериков Сергей, на основании ст. 99 Устава о службе по определению от правительства, пользуется правами, общими с воспитанниками средних учебных заведений. По отправлению

воинской повинности он пользуется льготами, предоставленными второму разряду по образованию, ныне первому.

Во свидетельство чего и выдан ему, Четверикову Сергею, сей аттестат за надлежащею подписью, с приложением печати училища. Москва, 30 апреля 1896 года.

Директор	Н. Воскресенский
Инспектирующий	О. Воинов
Законоучители	Священник Симеон Уваров Священник К. Зверев
Преподаватели	В. Беркут, Н. Струве, К. Высотский, Н. Мочарский, А. Драбов, Н. Берви. Гартман, А. Ивановский и др.
Секретарь Совета	О.А. Ляцкий

Гербовая печать круглая частного реального училища Воскресенского в Москве.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 42. Л. 1. Подлинник

2.

Свидетельство об окончании Сергеем Сергеевичем Четвериковым дополнительного 7-го класса реального училища Воскресенского*

Москва

6 июня 1897 г.

Дано сие ученику дополнительного класса Московского Частного Реального Училища Воскресенского Потомственному дворянину Сергею Сергеевичу Четверикову, родившемуся 24 числа апреля месяца 1880 года, в том, что он обучался в сем классе с 6-го числа сентября месяца 1896 года. По 6 число июня месяца 1897 года при отличном поведении и на окончательном испытании оказал успехи:

В Законе Божием	отличные (5)
“ русском языке	отличные (5)
“ немецком языке	отличные (5)
“ математике, а именно:	
“ арифметике	отличные (5)
“ алгебре	отличные (5)
“ геометрии	отличные (5)
“ тригонометрии	отличные (5)
“ приложении алгебры	
“ к геометрии	отличные (5)
“ истории	отличные (5)
“ естествоведении	отличные (5)
“ физике	отличные (5)
“ математической географии	отличные (5)
“ рисовании	отличные (5)
“ проекционном черчении	отличные (5)
“ гимнастике	хорошие (4)

Посему он, Четвериков Сергей, на основании ст. 90 уст[ава] Реальных училищ может поступить в высшие специальные училища, подвергаясь только по-

* 7-й класс дает знания, дающие право поступить в высшее техническое учебное заведение.

верочному испытанию, что свидетельствуется надлежащей подписью с приложением казенной печати.

Москва, 6-го числа июня месяца 1897 года.

Директор Н. Воскресенский
Секретарь Совета Евг. Ляцкий

Гербовая печать частного реального училища Воскресенского

Помета: на левом поле № 228

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 42. Л. 3. Подлинник.

3.

Из свидетельства аттестата зрелости воспитанника Киево-Печерской гимназии Четверикова Сергея: оценки знаний, выявленные на заключительных экзаменах

Киев

[Декабрь] 1900 г.

[Дисциплины]	[Оценки]
Закон Божий	4
Русский язык с церковно-славянским и словесность	5
Логика	5
Латинский язык	3
Греческий язык	3
Математика и математическая география	4
Физика	4
История	5
География	5
Немецкий язык	5

Секретарь А. Колечицкий

Печать Импер[аторского] Моск[овского] Ун[иверсите]та.

ЦИАМ. Ф.418. Оп. 85. Д. 398. Л. 9. Заверенная копия.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ИМУ) (1900–1906)

4.

Из списка студентов – участников митинга 23 февраля 1901 г.

Москва

[февраль] 1901 г.

[Списки участников митинга.] Естественники <...> [всего – 47 человек.]
№ 42 – Четвериков Сергей.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 232. Д. 31. Л. 9. Подлинник

5.

О наказаниях студентов – участников митинга против политических репрессий, примененных к киевским студентам

Москва

23 февраля 1901 г.

Выговор с предупреждением [за участие в беспорядках]: <...>

Четвериков Сергей – студент 1-го курса.

[Всего наказаны, включая исключение с восстановлением через год по прошению и увольнение без права на восстановление, – 495 чел.]

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 232. Д. 31. Л. 25. Подлинник.

6.

Из списка арестованных после сходки 23 февраля и последующих беспорядков студентов, допущенных в дальнейшем к продолжению обучения на своем курсе.

Москва

Март – апрель 1901 г.

Арестованы: <...>

Естественники: 1 курс – Четвериков Сергей. 1901 г.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 232. Д. 49. Лл. 99. 100. Машинописная копия.

7.

Из списка студентов ИМУ, подлежащих вторичному испытанию (экзамену) по физике и химии

Москва

Апрель 1901 г.

Список студентов Медицинского факультета, 4-го семестра 1900–1901 учебного года, подлежащих вторичному испытанию по физике:

1-я группа – 5-го мая

2-я группа – 7-го мая

3-я группа – 8-го мая.

[В последнюю включен естественник Четвериков Сергей.]

[То же по органической химии]:

1-я группа – 1-го мая

2-я группа – 2-го мая

3-я группа – 3-го мая.

[В последнюю включен Четвериков С.]*

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 232. Д. 49. Лл. 110–114. Машинописная копия.

8.

Удостоверение студенту С.С. Четверикову о завершении экспериментального исследования по анатомии водяного ослика и допущении к заключительным экзаменам

Москва

9 марта 1906 г.

* Неизвестно, сдавал ли С.С. Четвериков экзамены, но по документам он обучался в университете еще 1901–1902 учебный год.

Удостоверение

Сим удостоверяю, что студент Сергей Сергеевич Четвериков, работая над сочинением на тему “*Asellus aquaticus* L.”* сделал по этой теме достаточно, чтобы эту работу можно было зачесть ему. Но для окончательной отделки работы в письменном виде ему не хватает времени, вследствие чего она будет подана после экзаменов.

Э[стра]. о[рдинарный] пр[офессор] Г. Кожевников

На бланке: Министерство Народного просвещения. Зоологический музей Императорского Московского Университета. Марта 9 дня 1906 г. № **. Москва. Зоологический музей в Университете.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 462. Д. 2261. Л. 2. Подлинник.

9.

Прошение студента 7-го семестра естественного отделения ИМУ С.С. Четверикова о допуске к заключительным испытаниям без представления сочинения по зоологии

Москва

13 марта 1906 г.

Его превосходительству Господину Председателю Физико-математической Испытательной комиссии при Императорском Московском Университете

Прослушавшего 7 семестров Физико-математического факультета (естеств[енное] отд[еление]) при Императорском Московском Университете Сергея Сергеевича Четверикова.

Прошение

Представляя при сем 1/ Фотографическую карточку, 2/ Свидетельство Университетской инспекции о безупречном поведении, 3/ Квитанцию Университетского казначейства о взносе 20 руб., 4/ Свидетельство о выдержании полукурсового испытания с обозначением полученных отметок, 5/ Удостоверение от Э.О. проф. Г.А. Кожевникова в том, что я, работая над сочинением на тему “Материалы по анатомии *Asellus aqaticus* L” по предмету зоологии, сделал по этой теме достаточно, чтобы получить зачет, честь имею просить Ваше Превосходительство о допущении меня к испытаниям в означенной Комиссии весною текущего года при Императорском Московском Университете.

Студент 7-го семестра

С. Четвериков

Адрес: Новая Басманная, д.5

Пометы: 1906, № 85

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 79. Д. 2148. Л. 1. Автограф.

10.

Из журнала регистрации приема экзаменов испытательной комиссией по отделению естественных наук в ИМУ

Москва

май 1906 г.

* *Asellus aqaticus* L. – водяной ослик (лат.)

** Номер не указан.

Список лиц, подвергшихся испытаниям в Физико-математической испытательной Комиссии при ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ Университете в Марте, Апреле и Мае 1906 года (по отделению ЕСТЕСТВЕННЫХ наук).

Четвериков Сергей студ[ент] 7-го семестра
Предмет дополнительного испытания – Зоология.

Сочинение	-в.у.*
Письменный ответ	-в.у.
Химия [общая]	-в.у.
Химия органич.	-в.у.
Морф. и сист. раст.	-в.у.
Гист. и физиол. раст.	-в.у.
Зоол. со срав. анат.	-в.у.
Физиол[огия] [животных]	-в.у.
География	-в.у.
Физич[еская] геогр[афия] + метеорология	-в.у.
Минералогия	-в.у.
Геология с палеонт[ологией]	-в.у.

[Решение:] [Диплом] I степени по представлению удовлетворительного сочинения.

К. Андреев

ЦИАМ. Ф.418. Оп. 462. Д. 2261. Лл. 1, 7-8. Подлинник.

11.

Прошение потомственного дворянина С.С. Четверикова в канцелярию Московского учебного округа об отсрочке отбывания воинской повинности

Москва

24 августа 1906 г.

В канцелярию Попечителя Московского Учебного округа
Потомственного Дворянина Сергея Сергеевича Четверикова

Прошение

Желая приступить к отбыванию воинской повинности вольноопределяющимся в 12 гренадерском Императора Александра III полку, честь имею просить уведомить Командира полка в том, что весною сего 1906 года мною действительно сданы все экзамены в Государственной Испытательной Комиссии по естественному отд[елению] физико-математического факультета, причем требуемое зачетное сочинение мне отсрочено до декабря сего года, почему мне не может быть выдано диплома.

Сергей Четвериков

Штамп : Канцелярия попечителя Московского учебного округа 25 авг. 1906 г. № 022998
Стол**. Дело**.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 3. Автограф.

* В.у. – весьма удовлетворительно. Равноценно оценке отлично.

** Номер стола и дела не указаны.

ПОДГОТОВКА К ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНИЮ В ИМУ
(1907–1909)

12.

Ходатайство проф. М. Мензбира перед деканатом физико-математического факультета ИМУ об оставлении при кафедре зоологии и сравнительной анатомии С.С. Четверикова, окончившего курс обучения с дипломом I степени.

3 сентября 1907 г.

Имею честь покорнейше просить Физико-Математический Факультет ходатайствовать перед г. Попечителем об оставлении при университете для усовершенствования в науках по кафедре зоологии и сравнит[ельной] анатомии, на два года, без содержания окончившего курс с дипломом I степени С.С. Четверикова.

В течение своего пребывания в Университете г. Четвериков всегда отличался выдающейся успешностью в занятиях, вместе с д[окто]ром зоологии Сушкиным совершил поездку на Алтай и окончил весьма трудное с технической стороны исследование по анатомии *Asellus aquaticus* L. (при сем прилагаются). Вместе с тем могу засвидетельствовать, что г. Четвериков свободно владеет иностранными языками.

Инструкцией для занятий С.С. Четверикова может служить инструкция, предоставленная мною факультету для занятий г. Ко[...]*

Орд[инарный] Пр[офессор] М. Мензбир

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 7. Подлинник.

13.

Обращение декана физико-математического факультета ИМУ к ректору с просьбой оставить С.С. Четверикова на два года при кафедре зоологии и сравнительной анатомии для подготовки к профессорскому званию

10 сентября 1907 г.

Представить 11.IX.907 г. Его Превосходительству Господину Ректору Университета.

Физико-Математический Факультет имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство об оставлении при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре зоологии и сравнительной анатомии С.С. Четверикова, на два года, без содержания, согласно заявлению орд[инарного] проф[ессора] М.А. Мензбира.

При сем прилагается сочинение г. Четверикова.

Декан

К. Андреев

Секретарь

Э. Лейст

Штамп: Министерство Народного просвещения. Императорский Московский Университет. Физико-Математический факультет. Москва. Сентября 10го дня 1907 г. № 170

Карандашная помета: NB Сочинение доставить М.А. Мензбину

Помета красным карандашом: НД
907

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 3. Подлинник.

* Фамилия далее не прочитывается.

Письмо ректора ИМУ господину попечителю Московского учебного округа об оставлении при Московском университете Сергея Четверикова для подготовки к профессорскому званию

18 сентября 1907 г.

Г[осподину] Попечителю Московского Учебного Округа

Вследствие представления Физико-Математического Факультета и на основании ст. 427 § IV п. 4 св. зак. т. XI ч. I изд. 1893 г., имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о разрешении на оставление при Московском Университете для приготовления к профессорскому званию окончившего курс с дипломом первой степени Сергея Четверикова по кафедре зоологии и сравнительной анатомии, сроком на два года без содержания.

При сем представляются требуемые циркуляром Г. Министра Народного Просвещения 21 мая 1884 года за № 7186 и поименованные в особо прилагаемой описи документы г. Четверикова.

На бланке: Министерство Народного просвещения. Ректор Императорского Московского Университета. Москва. Сентября 18 дня 1907 г. № 2523.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 4. Машинописная копия.

Свидетельство о состоянии здоровья студента, окончившего обучение на естественном отделении физико-математического факультета Сергея Четверикова.

Дано сие окончившему курс на Физико-Математическом Факультете по Естественному отделению Сергею Четверикову в том, что он вполне здоров и не имеет физических недостатков, которые бы могли ему мешать в научных занятиях.

В чем удостоверяю: студенческий врач доктор медицины Н. Лебедев
Сентября 21 дня 1907 г.

Подпись руки врача студентов Императорского Московского университета доктора медицины Николая Дмитриевича Лебедева сим с приложением казенной печати удостоверяется 19 $\frac{22}{IX}$ 07 года.

Секретарь Совета С. Преображенский.

На бланке: Министерство Народного просвещения. Врач студентов Императорского Московского Университета. Москва.

Печать Императорского Московского Университета

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 6. Подлинник.

Письмо попечителя Московского учебного округа А. Жданова к господину ректору ИМУ об оставлении при Московском университете для подготовки к профессорскому званию Сергея Четверикова.

24 сентября 1907 г.

Господину ректору Императорского Московского Университета.

Вследствие представления от 18-го сентября, за № 2523, основанного на ходатайстве Физико-Математического Факультета, и руководствуясь ст. 427 § IV п. 4 Св. зак. т. XI ч. I изд. 1893 г., я разрешаю оставить при Московском университете для подготовки к профессорскому званию окончившего курс с дипломом первой степени Сергея Четверикова по кафедре зоологии и сравнительной анатомии сроком на два года без содержания.

Об этом уведомляю Вас, Милостивый Государь, для зависящих распоряжений.

Приложения при сем возвращаются.

Попечитель

А. Жданов

За Правителя Канцелярии

А. Ку[...]*

На бланке: Министерство Народного просвещения. Попечитель Московского Учебного округа. Канцелярия. Стол I. 24 сентября 1907 г. № 23369. Москва.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 10. Подлинник.

17.

Сообщение ректора ИМУ в Физико-Математический Факультет о разрешении господина попечителя Московского Учебного округа оставить Сергея Четверикова при ИМУ для подготовки к профессорскому званию

29 сентября 1907 г.

В Физико-Математический Факультет.

Предложением от 24 сего сентября за № 23369 Г. Попечитель М[осковско-го] У[чебного] О[круга] вследствие представления г. Ректора Университета сообщил, что он разрешает оставить при Московском университете для подготовки к профессорскому званию окончившего курс с дипломом первой степени Сергея Четверикова на кафедре зоологии и сравнительной анатомии сроком на два года без содержания. Об этом имею честь уведомить Физико-Математический Факультет впоследствии ходатайства его от 10 сентября за № 170.

Помощник Ректора

На бланке: Министерство Народного просвещения. Ректор Императорского Московского Университета. Москва. Сентябрь 29 дня 1907 г. № 2633.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 11. Незаверенная машинописная копия.

18.

Опись документов оставляемого при Московском Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре зоологии и сравнительной анатомии окончившего курс с дипломом первой степени Сергея ЧЕТВЕРИКОВА

1) Сочинение г. Четверикова под заглавием: "Материалы по анатомии водяного ослика" (*Asellus aquaticus* L.).

2) Заявление ординарного профессора Мензбира об оставлении Четверикова при Университете.

* Подпись далее не прочитывается.

3) Копия инструкции, данной Четверикову для его занятий на время оставления при Университете.

4) Свидетельство университетского врача о состоянии здоровья г. Четверикова.

5) Выписка из аттестата зрелости Четверикова о полученных им отметках.

Секретарь Совета

С. Преображенский

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 5. Подлинник.

19.

Инструкция для подготовки к профессорскому званию при кафедре зоологии и сравнительной анатомии Московского университета Сергея Четверикова

Москва

[1907]*

Главный предмет – сравнительная анатомия и зоология.

1) Тщательное изучение строения главных представителей животного царства на собственных препаратах по преимуществу.

2) Основательное знакомство с литературой по сравнительной анатомии с обязательным знанием классических работ старых авторов и важнейших работ последнего времени.

3) Изучение систематики позвоночных и беспозвоночных в пределах знания характеристики важнейших групп, независимо от их таксономического значения.

4) Изучение гистологии и эмбриологии.

5) Изучение географического распространения животных и биологических явлений.

6) Изучение палеонтологии, насколько это необходимо для сравнительного изучения организации современных животных.

Подлинную подписал: ординарный профессор

М. Мензбир.

Верно: Секретарь

С. Преображенский.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 1609. Л. 8. Заверенная копия.

ГОДЫ РАБОТЫ И ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ (1909–1959)

ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ ГЕРЬЕ (1909–1919)

20.

Служебное письмо директора Московских женских курсов г. С. Чаплыгина С.С. Четверикову об утверждении в должности лаборанта по зоологии

Москва

16 ноября 1909 г.

* Датируется по содержанию других документов.

Милостивый Государь Сергей Сергеевич!

Отношением от 12-го сего ноября за № 34686 г. [Господин] Попечитель Московского Учебного округа уведомил меня, что Вы утверждены за Министра Народного Просвещения г. Товарищем Министра предложением от 5-го сего ноября за № 26961 в должности лаборанта по зоологии на Московских Женских Высших Курсах, о чем имею честь сообщить Вам.

Директор

С. Чаплыгин

Его Высокородию С.С. Четверикову

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 44. Л. 1. Авторизованная машинопись.

21.

Официальное письмо-извещение от Президента РЭО Тайного Советника П. Семенова Тян-Шанского о приеме С.С. Четверикова в действительные члены общества

С.-Петербург

8 ноября 1910 г.

Милостивый Государь Сергей Сергеевич!

Русское Энтомологическое Общество в С.-Петербурге, желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, в заседании сего 1910 года октября 11-го дня, на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Устава общества, избрало Вас, Милостивый Государь, своим Действительным Членом.

Извещая Вас о сем и препровождая особо под бандеролью экземпляр Устава, Общество изъявляет надежду, что вы будете содействовать, зависящими от Вас средствами, процветанию и пользам наук.

Президент, Сенатор, член Государственного Совета Действительный Тайный Советник*

Ученый секретарь*

На бланке: Русское энтомологическое общество в Санкт-Петербурге. Ноябрь 8 дня 1910 г.

Помета (под штампом): № 188, (слева): Его В[ысокород]-ию С.С. Четверикову.

Архив МОИП. Фонд Четверикова. Подлинник.

22.

Протокол общего собрания крестьян д. Новой Слободы о приеме С.С. Четверикова в крестьянскую общину

Новая Слобода Московской губернии

25 марта 1918 г.

Мы, нижеподписавшиеся граждане Московской губ[ернии] Богородского уезда, Гребневской волости деревни Новой Слободы имели общее собрание под председательством Крюкова и обсуждали вопрос о принятии С.С. Четверикова в наше общество, с какими условиями и какими правами:

1) Обсудив вопрос, с какими условиями, решили: что мы приняли его в свое общество, чтобы его земля вся как пашня, покосная и лес целиком принадлежала нашему обществу без выкупа.

2) С какими правами: на таких правах, чтобы он пользовался такой же частью земли, какая падает и крестьянину, в чем и подписуемся [следуют 26 подписей].

* Подпись не прочитывается.

С настоящего протокола снята была рукописная копия 11 апреля 1918 года, переданная в земельный отдел Гребневского Совета Раб[очих] и Кр[естьянских] депутатов.

Настоящим мы, нижеподписавшиеся, подтверждаем протокол от 25 марта 1918 г. о принятии С.С. Четверикова в наше общество и уполномочиваем наших сограждан Василия Николаевича Воронцова и Сергея Сергеевича Четверикова обратиться в соответствующие учреждения, чтобы наше постановление о принятии С.С. Четверикова в наше сельское общество получило законную силу.

В чем и подписуемся Петр Трепкин, Сергей Вахломов, Василий Воронцов и другие.

Председатель

В. Соловьев

Печать Ново-Слободского Совета Гребневской Волости Московской губернии РСФСР.
АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 1. Заверенная рукописная копия.

23.

Из ведомости на выплату зарплаты <...> штатным и нештатным преподавателям <...> II Московского Госуниверситета за январь 1919 г.

Москва

Февраль 1919 г.

№ 3

Требовательная ведомость для выдачи содержания штатным, заштатным и нештатным профессорам, штатным и нештатным преподавателям и препараторам физико-математического факультета II Московского Государственного университета за январь 1919 г.

Штатные профессора

№ 7	Четвериков С.С.	Часы занятий	Месячный оклад содержания
		1–2, 2–3–12	1200 р.
Оплачивается на дополнительные часы	Итого причитается к выдаче	Выдается на руки	Расписка в получении:
200 р.	1400 р.	1400 р.	тысяча четыреста (1400) рублей получил С. Четвериков

ЦИАМ. Ф. 714. Оп. 2. Д. 30. Л. 1. Подлинник.

I МГУ (1919–1929)

24.

Личный листок научного работника I МГУ Сергея Сергеевича Четверикова.

Москва

10 ноября 1923 г.

I Московский Государственный Университет
Физико-Математический Факультет
Естественное отделение

Личный листок научного работника

1. **Фамилия, имя и отчество:** Четвериков Сергей Сергеевич
2. **Занимаемая должность в настоящее время с указанием штатная или сверхштатная:** Самостоятельный преподаватель, штатный.

3. **Время и место рождения:** Москва, 1880 г.
4. **Пол:** Мужской
5. **Образовательный ценз:** (когда и какой ВУЗ окончил): Московский университет в 1906 г.
6. **Специальность (указать читаемый курс):** Зоолог. Читаю:
 - 1) Курс энтомологии;
 - 2) Введение в теоретическую систематику (биометрию);
 - 3) Практические работы по сист[ематике] позвоночных.
7. **Квалификация и категория, установленная экспертной Комиссией ЦК УБУ:** II-я катег[ория].
8. **Отношение к воинской повинности:** не служил.
9. **Партийность:** беспартийный.
10. **В каком профсоюзе состоит и с какого времени:** В Союзе Работников Просвещения с 1919 г.
11. **Семейное положение (женат или холост); состав семьи:** женат, имею жену и дочь (учится).
12. **Получаемое вознаграждение и разряд тарифной ставки:** 30 р. 36 к. в черв[онном] исчислении по 16-му разряду.
13. **Начало службы и занимаемая должность:** начал служить в 1909 г.; на настоящей должности с 1920 г.
14. **В каких других учебных заведениях ведет педагогическую работу:** не веду.
15. **В каких еще учреждениях состоит на службе одновременно с вышеуказанной:** В Российском Государственном Политехническом Музее.
16. **Начало научной деятельности по специальности:** 1904 г.
17. **Предшествовавшая научная деятельность:** а) работа в парторганах; б) в Советских учреждениях; г) в муниципальных органах; д) в научных обществах:
 - 1) Состою членом-учредителем и Товарищем Председателя Московского Энтомологического Общества;
 - 2) Действительным членом Московского Общества Испытателей природы;
 - 3) Действительным членом Русского энтомологического общества;
 - 4) Действительный член Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии;
 - 5) Действительный член Московского Общества Акклиматизации животных и растений.
18. **Краткое изложение предшествующей службы:** Поступил в 1909 г. ассистентом на Московские Высшие Женские курсы. В 1919 г. был профессором энтомологии там же (II Государственный Московский Университет); в 1920 г. переведен в I Московский Государственный Университет самостоятельным преподавателем.
19. **Перечисление важнейших научных работ и трудов с указанием времени их напечатания:** всего имеется 18 печатных работ. Важнейшие: 1) Beitrage zur Anatomie der Wasserassel /Asellus aquaticus/. Bull Soc. Imp. Natur. Moscow. 1910. То же отдельным оттиском в М. Типолитография т-ва Кушнерева 1911–1912 год. 2) Основной фактор эволюции насекомых. Последняя работа в 1920 году переведена в Америке на английский язык и выпущена в Трудях Смитсоновского Института в Вашингтоне под заглавием: The fundamental factor of insect evolution, Smithsonian Report for 1918. Wash. (Д.С.), 1920, Publ. 2566. P. 441–448.
20. **Последние перемещения по службе:**
21. **Время выбытия из ВУЗа:**
22. **Особые замечания:**

С. Четвериков

Анкета научного сотрудника и преподавателя естественного отделения физико-математического факультета I МГУ.
 Москва
 Не ранее 1926 г.*
 В[есьма] Срочно

Просьба заполнить и вернуть в канцелярию Правления I МГУ, пом[ощник] секретаря Правления – подпись.

Фамилия, имя, отчество	Читаемый курс и выполняемая работа в Университете с указанием числа часов [в неделю]	Читаемый курс и выполняемая работа в других ВУЗ'ах, с указанием ВУЗ'а и числа часов	Где основная служба	Читаемый курс и выполняемая работа на других факультетах У-та с указанием числа часов	Начало научной деятельности	Начало административной деятельности	Год рождения	Партийность и партстаж (с указанием с какого срока)
Четвериков Сергей Сергеевич	1) Курс генетики – 2 ч. 2) Курс биометрии – 2 ч. 3) Курс энтомологии – 2 ч. 4) Практические работы по биометрии 4 ч. 5) Практические работы по энтомологии 4 ч. 6) Специальные семинары по генетике – 2 ч.	Нет	I МГУ	Нет	1909	Нет	1880 г.	Беспартийный

* Датируется по содержанию документа.

25 (окончание)

Фамилия, имя, отчество	Читаемый курс и выполняемая работа в Университете с указанием числа часов [в неделю]	Читаемый курс и выполняемая работа в других ВУЗах, с указанием ВУЗа и числа часов	Где основная служба	Читаемый курс и выполняемая работа на других факультетах У-та с указанием числа часов	Начало научной деятельности	Начало административной деятельности	Год рождения	Партийность и партстаж (с указанием с какого срока)
Четвериков Сергей Сергеевич	7) Спец[иальный] практи[кум] по генетике – 2 ч.							

Социальное происхождение	Отношение к воинской повинности	В каком Совете состоит	Список ученых трудов (разборчиво) и краткое изложение предшествовавшей службы
Трудовая интеллигенция	Не служил	С 1919 г. В.С. Рабпрос	Имеется 20 научных и отчасти научно-популярных работ. Последняя работа "О некоторых моментах эволюции с генетической точки зрения". Журн. Эксперим. Биология 1926 г. Другие работы помещены частью в русских, частью в иностранных научных журналах. С 1909 г. состоял преподавателем] М[осковских] В[ысших] Женск[их] К[урсов]. В 1919 г. перешел в I МГУ при слиянии Университетов. (Член многих научных обществ).

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Лл. 3–4. Автограф.

Охранное свидетельство Совета РЭО на коллекцию чешуекрылых С.С. Четверикова, подписанное его Президентом проф. Семеновым-Тянь-Шанским

Ленинград

18 августа 1924 г.

Охранное свидетельство

Совет Русского энтомологического Общества настоящим удостоверяет, что коллекция Действительного Члена Общества Сергея Сергеевича Четверикова представляет исключительную научную ценность и как таковая требует особых мер сохранения в специально приспособленном помещении, находясь в то же время в непосредственной близости от ее владельца, что необходимо для его весьма ценных, как с научной, так и с практической точки зрения работ. Всякое перемещение этой ценнейшей коллекции самым губительным образом может отразиться на ее целостности.

Президент Русского Энтомологического общества
проф.

Семенов-Тянь-Шанский

Зам. Ученый Секретарь

А. Штакельберг

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 105. Л. 1. Подлинник.

Из программы курса генетики [МГУ, читавшегося С.С. Четвериковым с 1925 года]

[1925/1926 уч. год]

<...>

VII. Сцепление генов <...> притяжение и отталкивание.

VII. Явление перекреста. Построение плана хромосом. Интерференция. Совпадение. Запретители. <...>

X. Выпадения (deficiency), перемещение (translocation) и удвоение (duplication).

XII. Сущность гена. Теория “присутствия” и “отсутствия”, моргановское представление о гене. Ген и признак. Учение о “плейотропии”. Изменяемость и неизменяемость генов (см. Johansen и Castl). Усилители, ослабители и модификаторы <...> Геновариация и перекомбинация.

XIII. Наследственность плазменная. Наследственность длительных модификаций. Критика опытов Каммерера. Ламаркизм и генетика. Наследственность материнская.

XIV. Неразрешимые задачи генетики. Соматическое расщепление (Bateson) Межвидовые гибриды <...>

XV. Генетическое разрешение трудной задачи (Muller, Beaded)

XVI. Полиплодия и полисоматичность. Опыты (Blakeslee).

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 101. Л. 1 об. Автограф.

Письмо преподавателя I МГУ С.С. Четверикова в редакцию газеты “Известия” по поводу публикации открытки, полученной Коммунистической академией с поздравлением по случаю самоубийства австрийского ученого-биолога П. Каммерера и подписанной “профессор Четвериков”

Москва

7 октября 1926 г.

Уважаемый редактор!

В № 231 “Известий” от четверга, 7 октября с.г. помещена статья, посвященная памяти Каммерера и подписанная президиумом Коммунистической академии, в которой мы читаем следующее: «тем постыднее отдельное выступление одного “ученого”, превзошедшего даже своих зарубежных коллег. Коммунистическая академия получила от проф. Четверикова открытку, в которой он Академию поздравляет с самоубийством Каммерера».

Ввиду того, что я не раз выступал с публичной критикой научных взглядов Каммерера, всего естественнее может возникнуть предположение, что этим “ученым” являюсь я, а потому считаю необходимым заявить, что никаких писем в Коммунистическую академию не писал и органически не способен к подобного рода идейной борьбе.

Преподаватель I МГУ

С.С. Четвериков

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Л. 74. Автограф.

29.

Извещение Управления делами I МГУ Н.К. Кольцову о разрешении ректора Университета о возложении обязанностей заведующего зоологической лабораторией на время его командировки на доцента С.С. Четверикова.

Москва

18 апреля 1927* г.

Профессору Н.К. Кольцову,

В ответ на Ваше заявление, препровожденное деканатом Физмата в Правление Университета, Управление Делами сообщает Вам, что ректор Университета согласен поручить обязанности заведования по Вашей лаборатории с 1 мая сего года на доцента С.С. Четверикова вследствие отъезда Вашего в командировку за границу, а также вследствие отъезда за границу вместе с Вами ассистентки М.И. Садовниковой-Кольцовой ее обязанности по заведованию хозяйством на время ее отсутствия возложить на ассистента Г.И. Роскина.

Управляющий делами
Заведующий Канцелярией

Купчинский
[Акимов]

Помета: УК/ 2409

Помета: дело № 623/1919

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 15. Подлинник.

30.

Из постановления научно-технической секции ГУСа Наркомпроса РСФСР

18 декабря 1927 г.

Научно-техническая секция ГУСа в заседании 18.XII с.г. постановила назначить на должность сверхштатного профессора по курсу химии <...> [1 чел.], на должность доцентов по курсу математики <...> [4 чел.], по курсу астрономии <...> [1 чел.], по курсу механики <...> [1 чел.], по курсу химии <...> [5 чел.], по курсу зоо-

* Датируется на основании документа с прошением Н.К. Кольцова декану физмата I МГУ 15 апреля 1927 г.

логии Э.Е. Макугина, Б.С. Матвеева, Д.В. Ненюкова, А.В. Румянцева, С.С. Четверикова, по курсу географии (...) [2 чел и др.].

Подписали Зав. Отд. ВУЗ
Секретарь

Челяпов
[Некрасов]

Штамп: РСФСР, Наркомпрос, Главпрофобр ВУЗ.
Пометы: 19 декабря 1927 г. № 31501. В правление I МГУ.
Помета: На вх. № 31/1.

ГИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 18. Заверенная копия.

31.

Удостоверение, выданное Управлением делами I МГУ доценту физико-математического факультета С.С. Четверикову, о его переводе из II МГУ на должность самостоятельного преподавателя кафедры зоологии I МГУ

21 марта 1929 г.

Удостоверение

Управление делами I Московского Государственного Университета удостоверяет, что Сергей Сергеевич Четвериков состоит на службе I МГУ – доцента Физико-математического факультета с 30 сентября 1926 года. С 1 ноября 1919 г. был переведен из II МГУ на должность самостоятельного преподавателя кафедры зоологии.

Настоящее удостоверение выдано для представления в Институт Экспериментальной биологии.

Управляющий делами
Зав. Столом личного состава

[З. Лева]
Д. Соболев

Печать: Управление делами, Первый Московский Государственный Университет, Наркомпрос РСФСР

Помета: 21 марта 1929 г. № 3233

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 54. Л. 1. Подлинник.

32.

Удостоверение С.С. Четверикова о его службе в I МГУ

25 марта 1929 г.

Удостоверение

Управление делами I-го Московского Государственного Университета удостоверяет, что Сергей Сергеевич Четвериков состоял на службе I МГУ в должности оставленного при университете для приготовления к профессорскому званию по каф[едре] зоологии и сравн[ительной] анатомии с 24 сентября 1907 по 24 сент[ября] 1909 года.

Настоящее удостоверение выдано для предоставления*

* На этом текст обрывается.

Управляющий делами
Зав. столом личного состава

[З. Лева]
Д. Соболев

Печать: Управление делами. Первый Московский Государственный Университет. Нарком-прос РСФСР
25.III.1929 г.
№ 3275

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 54. Л. 2. Подлинник.

33.

Уведомление Московского Губизбиркома № 10585 в районную избирательную комиссию, в местком ИЭБ и по месту жительства о восстановлении С.С. Четверикова в избирательном праве

29 марта 1929 г.

Московская Губернская избирательная комиссия
Москва, Советская площадь, д. 31, тел. № 77-61
В Рог[ожско-] Симо[новскую] избирательную комиссию.
В фабзав местком Инстит[ута] Эксперимент[альной] биологии.

В домоуправление д. № 6 по Воронцово Поле улице гр. Четверикову, проживающему по Воронцово Поле д. № 66, кв. № *

Московская Губернская Избирательная Комиссия сообщает, что Четвериков Серг[ей] Серг[еевич] постановлением Губизбиркома от 29 марта 1929 г. (протокол № 30 п. 58) в избирательных правах ВОС-СТАНОВЛЕН.

Зам. секретаря Губизбиркома

В. Тарас[кин]

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 55. Л. 1. Подлинник

34.

Выписка из протокола № 41 заседания Правления I МГУ в связи с арестом и высылкой из Москвы доцента С.С. Четверикова

<...>

13 сентября 1929 г.

п. 28. Доклад т. Месяцева

Слушали: о приват-доценте физмата С.С. Четверикове

Постановили: ввиду ареста приват-доцента Четверикова С.С. исключить его из списка преподавателей I МГУ с 1 сентября сего года.

Препровождается

И.о. секретаря правления Ив. Утьям [...]**

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 19. Подлинник.

* Так в тексте: № квартиры не указан; фактически С.С. Четвериков с семьей проживал по ул. Добряя Слободка, а по улице Воронцово Поле находился ИЭБ, где Сергей Сергеевич работал.

** Фамилия не прочитывается.

Уведомление Правления I МГУ об исключении доцента С.С. Четверикова из состава научных работников

9 октября 1929 г.

В Правление МГУ

На представление Правления от 1 сентября сего года за № 548 138 сообщается об исключении доцента С.С. Четверикова из состава научных работников I МГУ с 1 сентября сего года.

Зав. ГПФ

Зав. орг. отделом

Справку получил 1935. VIII.I

Вышинский

Потемкин

Четвериков

Штамп: РСФСР Народный Комиссариат просвещения 9.X.1929 г.

Московский Государственный университет

Пометы: № 31501. Дата поступления 11 октября. Вх. № 458/177

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 20. Подлинник.

ИЭБ НАРКОМЗДРАВА (1922–1929)

Из списка сверхштатных сотрудников ИЭБ ГИНЗа

[1922 г.]

1) Четвериков Сергей Профессор Добрая Слободка*, 17–15.
Сергеевич тел. 2-93-20

2) Четверикова Анна Научный сотрудник "
Ивановна

⟨...⟩

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. Подлинник.

Отчет генетической группы С.С. Четверикова о научной работе за июль, август и сентябрь 1924 г., представленный зам. директора ИЭБ Лебедевым в Наркомздрав

Москва

15 октября 1924 г.

Состав группы: Кроме руков[одите]ля группы С.С. Четверикова в состав её входят еще следующие лица: Астауров Б.Л. (с августа месяца), Балкашина Е.И., Беляев Н.К., Ромашов Д.Д., Тимофеев Н.В., Тимофеева Е.А., Царапкин С.Р., Четверикова А.И. и принимали деятельное участие в работе группы еще П.И. Живаго и С.Л. Фролова.

* Добрая Слободка – ныне ул. Машкова.

Характер и направление работ группы: Согласно ранее выработанному плану работы велись в направлении изучения законов изменчивости и законов наследственности главным образом у русской плодовой мухи *Drosophila funebris*, а отчасти и на других насекомых, между прочим и на тутовом шелкопряде (Н.К. Беляевым). Изучение изменчивости велось методами биометрии, изучение наследственности – методами генетического анализа.

Результаты работ: По изменчивости работали Н.В. Тимофеев, А.И. Четверикова и С.С. Четвериков. Продолжалось изучение признаков у самок *Drosophila funebris*, причем было проведено под микроскопом 6750 измерений. Прежде чем не будет закончена измерением вся серия мух (еще около 3000 измерений), говорить о полученных теоретических выводах является преждевременным.

По генетике работали все члены группы за исключением С.С. и А.И. Четвериковых. Работа всех шла до известной степени сообща, при постоянной взаимной поддержке и помощи.

Начался отчетный период при очень тяжелых условиях: в конце июня, вследствие отсутствия у группы необходимых термостатов, так что мух приходилось держать в кухне, погиб в одну ночь ряд самых ценных культур и опытных скрещиваний, так что значительную часть последующего труда и времени приходилось уделять на восстановление пострадавших линий и на повторение уже ранее почти законченных экспериментов. Все же целый ряд линий* оказался погибшим безвозвратно; к числу их относятся: у Н.В. Тимофеева погибли обе линии с усилителями (рецессивным и доминантным) “radius incompletus”, основная чистая линия “undulatae” и три линии другой дрозофилы, пока ближе не определенной, провизорно называемой нами “divos”; линия, аналогичная “divergens”, затем “undulatae” и линия с черными пятнами у основания крыла. У Е.А. Тимофеевой погибли окончательно линии “pedes taxi”, т.н. “divergens № 2” и ряд линий по сцеплению других ген и “plexus”. У С.Р. Царапкина безвозвратно погибла линия “vortex” и вновь возникшая г[ено]в[ариация] “alae excisae” – крылья с вырезками.

Но все же, несмотря на этот тяжелый удар, постепенно удалось восстановить большинство пострадавших линий и в настоящее время работа снова бодро идет вперед.

Б.Л. Астауров, начавший работу в группе только с августа месяца, работает с так называемой нами *Drosophila “divos”*. Культура ее представляет большие трудности, так как она является типично грибной мухой и на обычном лабораторном корме выживает очень плохо. Ему дано задание разработать методику разведения грибных мух, так как среди них встречается немало интересных для работ объектов. Несмотря на краткость своей работы ему уже удалось найти две геновариации: “venae incompletae” и “venae transversae nullae”, рецессивного характера. Вообще, по-видимому, данная мушка является чрезвычайно удачным объектом для генетических работ, если удастся выработать для нее вполне подходящую питательную среду.

Балкашина Е.И. вела все время работу с генами, изменяющими характер крыльев “curvatae”, “naucellae” и “pseudo undulatae”. Работа очень сложная и запутанная ввиду совершенно неожиданных взаимоотношений указанных трех признаков. Были поставлены ряды скрещиваний на влияние отбора в линиях, обнаруживающих крайнее непостоянство в указанных признаках, причем этот отбор дал положительные результаты по отношению признаков “curvatae” и

* Вместо слово культур.

“naucella”, и совершенно отрицательный результат по отношению к “pseudoundulatae”, обнаружив таким образом чисто фенотипический характер этого последнего проявления, вероятно, того же гена “curvatae”. Вообще выясняется, по-видимому, присутствие одного лишь гена, изменяющего форму крыла, при наличии еще модификатора, в присутствии которого проявление данного гена принимает характер – “curvatae”. На тесное взаимоотношение между признаками “curvatae” [и] “naucella” указывает и факт многократного возникновения “curvatae” каждый раз из культуры “naucella”.

Беляев Н.К. – продолжал свою работу по изменчивости диких сообществ *Spilosoma lubricipeda* L., подтверждающую, по-видимому, представление о сложности и разнообразии генотипических структур естественных сообществ вида. Велась им работы и по генотипическому анализу крови у этих насекомых, а в конце лета он приступил к изучению фенотипической изменчивости рисунка на брюшке у “*Drosophila “divos”*”, обнаруживающей целый ряд переходов от очень сильного до очень слабого выражения данного признака. В дальнейшем предполагается произвести генетический анализ этого признака и проследить, не имеем ли мы и в данном признаке в условиях естественного сообщества дело с генетически разнородным материалом.

Ромашов Д.Д. ввиду пошатнувшегося своего здоровья большую часть лета был принужден провести в санатории в Крыму и смог вновь приступить к работе лишь с половины августа. Им готовится к печати работа по генетическому анализу “divergens”, работа по которой им в основной своей части уже закончена. Далее им велась работы по дальнейшему анализу “abdomen abnormalis”, и опять-таки в сторону окончательного выяснения некоторых еще темных деталей его проявления, после чего и работу с этим геном в ее первоначальной стадии можно будет считать законченной и о полученных результатах можно будет сделать соответственный доклад. В связи с последней работой им предпринят ряд исследований, долженствующих выяснить природу стерильности многих геновариаций, так как его наблюдения над этим явлением не вполне сходятся с обычным представлением о его природе.

Тимофеев Н.В. продолжил свою работу с “radius incompletus”, которая в настоящее время заканчивается и готовится к печати.

Кроме того, им обнаружена новая г[ено]в[ариация] “venae transversae nullae”, играющая роль усилителя по отношению к “radius incompletus”. Непостоянство фенотипического проявления признака побудило Н[иколая] В[ладимировича] приступить в настоящее время к постановке ряда скрещиваний, долженствующих обнаружить оптимальные условия, при которых данный признак проявляется наиболее сильным образом.

Затем им ведутся в настоящее время ряд скрещиваний, поставленных на сцепление “radius incompletus” с другими генами, причем им уже установлено сцепление этого гена с “divergens” и с “naucella” (хромосома II), тогда как “curvatae” находится, вероятно, в другой хромосоме. О добытых результатах Н[иколай] В[ладимирович] предполагает сделать в недалеком будущем соответственный доклад.

Тимофеева Е.А. вела свою работу с “plex”-ом, сильно пострадавшим во время июньской катастрофы. Окончательно удалось установить его рецессивный характер, несцепленность с полом и крайне непостоянный характер его фенотипического проявления. Была поставлена работа с влиянием отбора (на усилителя), обнаружившая однако отсутствие такового, так что крайнюю изменчивость проявления данного признака приходится целиком относить к воздействию внешних условий. В настоящее время ведутся ряд скрещиваний, направ-

ленных на то, чтобы обнаружить оптимальные условия проявления данного признака, причем имеются уже некоторые указания на то, что сухость культуры является одним из условий, способствующих проявлению данного гена.

Царапкин С.Р. предпринял ряд скрещиваний по влиянию отбора на* население. Как было обнаружено прежними биометрическими исследованиями, ряд признаков дикого населения (сообщества) *Drosophila funebris* обнаруживает в ходе своей изменчивости неправильности, дающие право предполагать присутствие в данном сообществе по отношению к этому признаку гетерогенности. С[ергей] Р[оманович] предпринял работу, долженствующую разрешить этот вопрос при помощи генетического анализа, взяв в качестве изучаемого признака длину крыла, графика которой обнаруживает явную двугорбность. Хотя пока еще работа далеко не закончена (потребуется, вероятно, не менее 10 поколений отбора), но все же как будто намечается положительный результат, так как уже и сейчас в результате отбора намечаются длиннокрылые и короткокрылые линии. Кроме того, С[ергеем] Р[омановичем] ведется культура крымских *Dr. funebris* интересных тем, что, являясь совершенно обособленным от московских мух сообществом, должна заключать в себе ряд своеобразных генотипических отличий.

В общей сложности всей генетической группой, как явствует из протоколов, было поставлено более 1000 скрещиваний.

В заключение необходимо упомянуть о том, что в течение отчетного периода генетическая группа имела 9 коллоквиумов, посвященных как реферированию текущей генетической литературы, так и специальным вопросам текущей работы Группы. На этих коллоквиумах заслушаны доклады следующих лиц: Астаурова Б.Л., Беляева Н.К., Живаго П.И., Промптова А.Н., Ромашова Д.Д., Тимофеева Н.В. (3), Фроловой С.Л., Царапкина С.Р., Четвериковой А.И. и Четверикова С.С.

Заканчивая на этом свой отчет по работам генетической группы, не могу не высказать пожелания, чтобы с переходом Института экспериментальной биологии в новое помещение этой группе была предоставлена возможность развернуть работу во всю ширину, для чего необходимы некоторые технические приспособления и, в первую очередь, достаточное количество подходящих термостатов, отсутствие которых не только бесконечно тормозит работу, задерживая иногда (особенно осенью и весной) нормальный выход мух на целые месяцы, но, как это случилось минувшим летом, грозит разрушить подчас работу ряда месяцев или даже совсем погубить ценные чистокровные линии.

С. Четвериков

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 6. Лл. 29, 30. Авторизованная машинопись.

38.

План работы, составленный заведующим генетическим отделением ИЭБ С.С. Четвериковым, для аспирантов и лиц, специализирующихся в области экспериментальной генетики

Москва

[1924–1925 гг.]**

* Далее одно слово неразборчиво.

** Датируется по тематике исследований.

Примерный план работы аспиранта в генетическом отделе.

Настоящий план составлен, исходя из предположения, что руководствующий им аспирант специализируется не в области генетики и работает в генетическом отделе лишь с целью расширения своего кругозора и пополнения общебиологического образования.

Аспиранты, желающие специализироваться в области генетики, должны наметить себе иной, более широкий и углубленный план по соглашению с руководителем.

В зависимости от направления общей подготовки аспиранта в сторону медико-биологического круга вопросов или в сторону чистой экспериментальной биологии возможны варианты этого плана, имеющие, однако, общую основную задачу.

Основная часть представляет из себя практическое ознакомление, путем постановки соответствующих скрещиваний, с основными законами наследственности.

Объектом работы является *Drosophila melanogaster*. Подобного рода работа уже становилась в лаборатории для приезжающих практикантов и занимает приблизительно 2–3 месяца, далеко не загружая, однако, полностью рабочего дня, что позволяет совмещать ее с работой в каком-либо отделе (например, с изучением микроскопической техники).

Более подробно план этой основной части складывается так:

1. Ознакомление с объектом работы – *Drosophila melanogaster* и существующими у нее мутационными наследственными признаками.
2. Обучение практической методике работы с дрозофилой: ведение культур, изготовление питательной среды, постановка скрещиваний, их просмотр и регистрация.
3. Демонстрация основных Менделевских правил:
 - А) Доминантные и рецессивные признаки; однородность первого поколения;
 - Б) Чистота гамет; расщепление признаков во втором поколении; числовые отношения при моно- и дигридном скрещивании, а также при скрещивании возвратном.
4. Сцепление группы признаков; аутосомные и сцепленные с полом признаки. Особенности наследственной передачи последних. Цитологическая интерпретация наблюдающихся здесь явлений.
5. Понятие о локализации наследственных факторов в хромосомах и построение хромосомных карт с помощью [их] изучения.
6. Летальные гены – демонстрация летали, сцепленной с полом.
7. Роль статистического метода в работах по наследственности.

Биометрическая обработка полученных результатов.

К этой основной части для лиц с преимущественно медицинским направлением подготовки можно добавить как желательные для отработки следующие дополнения:

1. Понятие о фенотипике как играющее большую роль в наследственности человека. Причины, участвующие в реализации наследственных факторов в фенотипе. Иллюстрация изменчивыми ...* признаками:
 - А) Признаки, изменчивость которых строго зависит от изменений внешних условий воспитания.

* Слово не прочитывается.

Б) Признаки, зависящие от наследственной конституции [гено]типической среды.

В) Самостоятельная фенотипическая изменчивость признаков, не зависящая от вариации генотипической и внешней...* на примере неполно проявляющихся признаков.

Для лиц, специализирующихся в области экспериментальной генетики, можно наметить следующие добавления:

1. Изучение специальных отклоняющихся случаев наследования и их объяснение хромосомными aberrациями.

А) Линия спаянных Х-ов.

Б) Нерасхождение половых хромосом.

В) Нехватки (deficiency) и связанные с ними явления.

2. Множественный аллеломорфизм** как явление, играющее большую роль в теоретической генетике.

В зависимости от наличия в лаборатории неисследованных вариаций проработка основной части может быть поставлена в виде самостоятельного изучения нового признака, что может потребовать большего времени, но представляет то преимущество, что дает аспиранту возможность приучиться к самостоятельной исследовательской работе. Параллельно с практическими проработками указанных вопросов, аспиранту указывается соответствующая литература на русском и, в случае знакомства с немецким или английским, и на этих последних языках.

С. Четвериков

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 24. Л. 42. Авторизованная машинопись.

39.

Отчет группы сотрудников ИЭБ, руководимых С.С. Четвериковым, о ходе работ по исследованию изменчивости и наследственности *Drosophila* с 1 октября по 31 декабря 1924 г., представленный в Наркомздрав и КУНИ

Москва

30 декабря 1924 г.

Как и за прошлый отчетный период работа велась в двух направлениях: по изучению изменчивости при помощи биометрического метода и по изучению наследственности при помощи генетического анализа. Состав работников тоже остался старый: общее руководство работами принадлежало С.С. Четверикову, работу вели: Б.Л. Астауров, Е.И. Балкашина, Н.К. Беляев, Е.А. Тимофеева, Н.В. Тимофеев, Д.Д. Ромашов, С.Р. Царапкин и А.И. Четверикова.

Как и раньше, работа велась все время сообща, задания и получаемый материал распределялся между всеми сотрудниками.

В отчетный период биометрическую работу вели только двое: С.С. и А.И. Четвериковы, причем ими закончены промеры самок, взятых из естественного сообщества на Звенигородской Биологической Станции и в настоящее время производится разработка полученного обширного цифрового материала, по окончании которой полученные результаты будут доложены на Коллокви^{3*} Института.

* Слово не прочитывается.

** Множественный аллеломорфизм – множественность вариантов (аллелей) одного и того же гена.

^{3*} Так в тексте.

По генетике Б.Л. Астауров и Н.К. Беляев работали над *Drosophila transversae*, изучая ее геновариации. Объект оказался крайне благодарным, потому что в течение небольшого срока им удалось выделить и отчасти уже очистить ряд интересных форм. В частности, Б. Астауров выделил и изучил геновариацию *venaе incompletae*, но вследствие почти полной стерильности этой г[ено]в[ариации] работа с ней представляет очень большие затруднения. Установлено отсутствие ее сцепления с полом. Установлена г[ено]в[ариация] *ramus cubiti*, причем констатирована ее несцепленность с полом и крайне сильная изменчивость в проявлении (рецессивна). Найдена г[ено]в[ариация] *alae undulatae**, фенотипически похожая на таковую у *Dr. funebris*. Эта г[ено]в[ариация] подобно предыдущей рецессивна, не сцеплена с полом и сильно варьирует в своем проявлении. В настоящее время ведется работа по изучению форм с деформированными глазами, с добавочным отрезком продольной жилки, с прерванной *mediana* и с опущенными с боков крыльями. Все эти формы появились по несколько раз в культурах, что заставляет предполагать наследственный характер этих изменений. В настоящее время все они находятся в работе, но до получения поколения G_2^{**} с уверенностью говорить о наследственности их нельзя.

Н.К. Беляеву удалось выделить и установить первую в нашей работе г[ено]в[ариацию], сцепленную с полом *alae emarginatae*, по фенотипическому проявлению чрезвычайно напоминающую американскую *beaded*. Далее им найдены и в настоящее время прорабатываются формы, аналогичные *alae curvatae* у *Dr. funebris* и *radius incompletus*. Им велась также работа по анализу естественного населения при помощи метода отбора, давшая очень интересный материал в смысле понимания гетерогенности строения естественных населений.

Удалось вывести две чистокровные линии, из которых одна обладает половым диморфизмом окраски, а другая нет. Наконец, Н. Беляевым проводится окончательная обработка значительного материала, собранного им по изменчивости *Spilosoma jubricipeda* Esp.

Работа остальных сотрудников велась на *Dr. funebris*. Е.И. Балкашина вела работу по анализу г[ено]в[ариаций] *alae curvatae* и *alae undulatae*, именно по очищению этих г[ено]в[ариаций] при помощи отбора и влияния на них внешних условий. В результате многочисленных скрещиваний выясняется, по-видимому, невозможность выделить самостоятельно в чистом виде признак волнистых крыльев и в то же время положительный результат отбора в *alae curvatae*. При этом обнаружился интересный результат очень различного поведения признака в различных линиях: в то время как в некоторых из них отбор не приводил ни к каким результатам, а в других (при предварительном прилитии чужих кровей) отбор дал совершенно определенный результат, приведший к линиям, дающим в настоящее время до 96% измененных мух. Также удалось при помощи отбора вывести линию мух *alae undulatae* – *pau-cella*, дающую в настоящее время до 30% измененных мух. Производится анализ фенотипически различного проявления гена *alae curvatae*. Далее был поставлен ряд опытов с воздействием на признак *alae curvatae* различной высоты температуры, выяснившие, что те неправильности в проявлении этого признака, которые наблюдаются при скрещивании, не могут быть отнесены

* Волнистые крылья.

** G_2 – вторая генерация.

за счет указанного фактора. Наконец, Е. Балкашина вела еще ряд линий по анализу некоторых вновь появившихся признаков, а именно вырезка на крыле, приведшей к выводу о фенотипичном характере этого признака; укорочение крыла, давший тот же результат, и, наконец, признак нерасправленных крыльев, пока еще не законченный.

Д.Д. Ромашов закончил и подготовил к печати свою работу по анализу г[ено]в[ариаций] *alae divergens*. Далее им была сделана сводка по вопросу о природе г[ено]в[ариационных] явлений в условиях лабораторной работы и о генетическом строении естественных сообществ, о чем им был сделан доклад на Коллоквиуме Института под заглавием: “Генетическое строение природных сообществ *Drosophila* в связи с анализом некоторых геновариаций”. В настоящее время им ведутся скрещивания для окончательного завершения работы по *abdomen abnormalis*.

Е.А. Тимофеева-Ресовская продолжала свою работу по анализу гена *plexus*. Были, главным образом, поставлены опыты в направлении влияния различных внешних условий на проявление этого крайне непостоянного признака. В общем, результаты их приводят к выводу, что это постоянно колеблющееся проявление признака не зависит ни от температуры, ни от сухости корма. В настоящее время приводится весь обширный материал в порядок с тем, чтобы подвести итоги анализа этой г[ено]в[ариации]. Кроме того, находятся в проработке г[ено]в[ариации] *pedes taxi* и *alae incisae*, но пока еще говорить о результатах их анализа было [бы] преждевременно.

Н.В. Тимофеев-Ресовский закончил и подготовил к печати работу о трех геновариациях у *Dr. transversae*, из которых одна обнаружила чрезвычайно интересный пример частичной стерильности самцов. Им подготавливается к печати и к докладу на ближайшем Коллоквиуме Института большая работа по взаимоотношениям между геном *radius incompletus* и остальным генотипом, его сопровождающим. Работа дает очень интересные данные для понимания природы т[ак] н[азываемых] “усилителей” и “ослабителей” ген[а]. Н. Тимофеев продолжает работу по анализу признака *venae transversae nullae* и по определению сцепленных групп ген[ов] у *Dr. funebris*. Удалось установить пока наличие двух групп, не сцепленных с полом, из которых одна провизорно приурочена к II, а другая к III аутозомам*.

С.Р. Царапкин продолжал свою работу по разложению естественного сообщества на его отдельные биотипы при помощи метода отбора. Взятый им для того, на основании предыдущих биометрических работ, признак: длина *mediap*а – оказался чрезвычайно удачным, и в результате сравнительно короткого отбора, всего в продолжении четырех месяцев, можно с большой долей уверенности говорить о том, что удалось из естественного населения выделить два биотипа мух длиннокрылых и короткокрылых. Эта работа потребовала значительной работы по измерению, причем С.Р. Царапкиным было промерено около 1000 мух. Кроме двух крайних линий им выведена еще средняя – промежуточная. Затем С. Царапкин ведет еще анализ трех появившихся форм: 1) крылья подняты вертикально вверх (парусом), 2) крылья не расправлены и 3) вырезка на крыле, напоминающая американскую *potch*. Анализ этих трех форм пока не закончен.

Кроме указанных здесь работ, группа имела 10 малых дрозофильных коллоквиумов, на которых реферировалась новейшая генетическая литература (главным образом по генетике *Drosophila*), а также намечался и разрабатывался план совместной работы.

* Аутозома – неполовые хромосомы.

Москва, 30 декабря 1924 г. [Копия без подписи, но в скобках С. Четвериков]

С подлинным верно.

Секретарь ИЭБ

Д. Беккер

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 10. Лл. 9, 10. Заверенная копия.

40.

Из списка лиц, служащих или работающих по найму в ИЭБ с октября 1924 по март 1925 г.

Москва

8 апреля 1925 г.

<...>

Четвериков Сергей Сергеевич

Адрес: Машкова ул., 17, кв. 15

Должность: ст. лаборант

Размер получаемого содержания во всех местах службы за 1924/25 г.

Работа в учреждении	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
ИЭБ НКЗдрава	80 р. 40 к.	80 р. 40 к.	80 р. 40 к.	80 р. 40 к.	80 р. 40 к.	80 р. 40 к.
Основная – проф. 1 МГУ	54 р.	54 р.	63 р.	67 р. 50 к.	67 р. 50 к.	67 р. 50 к.
Зав[едующий] Биол[огическим] Отд[елом] Политехн[ического] Муз[ея]	23 р. 40 к.	23 р. 40 к.	23 р. 90 к.	23 р.	23 р. 40 к.	23 р. 55 к.
Хранитель Зоол[огическо-го] Отделения Полит[ехнического] Музея	55 р. 65 к.	55 р. 57 к.	54 р. 90 к.	56 р. 94 к.	55 р. 35 к.	55 р.
Работа в учреждении	Среднемесячн. содержание	Категория и группа	Полугодовой оклад			
			Госуд.	Местн.		
ИЭБ НКЗдрава	221 р. 50 к.	Ав	15	3,75		
Основная – проф. 1 МГУ						
Зав[едующий] Биол[огическим] Отд[елом] Политехн[ического] Муз[ея]						
Хранитель Зоол[огическо-го] Отделения Полит[ехнического] Музея		Ав	15	3,75		

Директор ИЭБ

Секретарь

Н. Кольцов

Д. Беккер

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 116. Заверенная копия.

Автобиография С.С. Четверикова, сотрудника ИЭБ

19 марта 1925 г.

- 1) **И.О.Ф.** Четвериков Сергей Сергеевич
 2) **Год и место рождения:** 1880 г., гор. Москва
 3) **Занимаемая должность:** ст. лаборант
 4) **С какого времени занимает настоящую должность:** с 1 апреля 1922 г.*

Curriculum vitae** С.С. Четверикова

Родился в 1880 г. в г. Москве. Среднее образование получил в реальном училище Воскресенского, которое окончил в 1897 г. Затем около года пробыл за границей (в Германии), по возвращении откуда подготовился на аттестат зрелости и в 1900 г. поступил в Московский университет, на Физико-Матем[атический] факультет, который окончил с дипломом первой степени в 1906 году.

В 1909 г. был приглашен ассистентом по кафедре зоологии на Высшие Женские Курсы, переименованные впоследствии во II МГУниверситет, где с самого начала вел курс Энтомологии. В 1918 г. был назначен профессором того же университета. В том же году начал читать курс биометрии.

В 1919 г. после слияния физико-математического факультета обоих университетов автоматически перешел в I МГУниверситет, где получил должность самостоятельного преподавателя, которую занимаю до настоящего времени.

В 1922 г. был приглашен в Институт экспериментальной биологии ГИНЗа для руководства работами по генетике и биометрии.

В течение своей научной деятельности совершил ряд исследовательских экспедиций и поездки в различные части СССР: в 1904 г. исследовал природу Тарбагатайского хребта, в 1912 г. обследовал северо-западный Кавказ, в 1921 г. русскую Лапландию и в течение ряда лет разные части Крымского полуострова. О результатах этих работ своевременно делались доклады на заседаниях различных ученых обществ.

В течение того же периода мною напечатано 17 научных и научно-популярных работ.

С. Четвериков

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Лл. 41, 42, 43. Авторизованная машинопись.

Список публикаций С.С. Четверикова, представленный им в ИЭБ

19 марта 1925 г.

1. Руководство к коллекционированию чешуекрылых (Lepidoptera). [Руководство к зоолог[ическим] экскурс[иям] и собиранию зоолог[ических] коллекций. Под ред[акцией] проф[ессора] Кожевникова, Москва, 1902 г.]

2. Addenda ad fauna Mosquensis-Lepidoptera. Часть 1. [Дневник Зоологического Отд[еления] И[мператорского] О[бщества] любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. III, № 4. Москва, 1902 г.]

* До 1925 г. должность ст. лаборанта С.С. Четверикова не оплачивалась, т.к. была сверхштатной.

** Curriculum vitae – жизненный путь (лат.).

3. То же, часть 2. Ibid*, № 6. Москва. 1905.
 4. Волны жизни. Ibid, № 6, 1905.
 5. Чешуекрылые полуострова Ямала, добытые экспедицией Б.М. Житкова в 1908 г. [Ежегодник Зоолог[ического] Музея И[мператорской] Акад[емии] Наук. Т. XVI. 1911.]
 6. Beitrage zur Anatomie der Wasserassel (Asellus aquaticus L). Bull. Soc. Imp. Natur. Moscou. 1910.
 7. Список бабочек с берегов Аральского моря. [Научн[ые] Резулът[аты] Аральской Экспед[иции]. VII. 1906 г.].
 8. Pyrrhia experimens Walker-vexilligern Chr.-acontii Holzermann в палео-арктической области. Rev. Russe d'Entomologie, 1903. Т. 3, № 6.
 9. Lepidoptera palaeartica nova [Ibid, 1904].
 10. Dendrolimus laricis Tcshtv, ein neuer schadlicher Spinner Russlands [Societus** Entomol. 1903].
 11. Noch einmal über Dendrolimus pini L., D. segregatus Btlr und D. sibiricus Tshvt; nom. novi (Laricis Tschtr) [Rev. Russe d'Entom[ologie]. 1908].
 12. Описание гусеницы Catocala adultera Men. [Изв. Моск. Энт[омол. об-ва. 1915].
 13. Основной фактор эволюции насекомых. [Ibid, 1915].
 - 13а. Перевод указанной работы на английский язык, сделанный в Америке и изданный в "Smithsonian Report for 1918" под заглавием "S. Chetverikov. The fundamental factor of Insect Evolution". Washington. 1920.
 14. Статья "Бабочки" в Календаре Русской природы, 1916 г. [Изд. журн. "Природа"]].
 15. Краткое руководство к собиранию насекомых. [Изд. Госиздата. 1919].
 16. Энтомологические экскурсии в окрестностях Старого Крыма летом 1913 года. [Изв[естия] Моск[овского] Энт[омологического] О-ва. 1915].
 17. Macrolepidoptera-Heterocera окрестностей Кара[даг]ской Станции. [Труды Кара[даг]ской Научной Станции, 1917].
- Кроме того, имеется ряд ненапечатанных рукописей по систематике, ойкологии^{3*} и генетике.

С. Четвериков

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 44. Автограф.

43.

Обращение зам. директора ИЭБ в правление ГИНЗа от 20 мая 1927 г. о переводе С.С. Четверикова на должность старшего ассистента как выполняющего обязанности заведующего отделением генетики

В связи с вопросом об увеличении окладов научных сотрудников, Институт обращает внимание на существующие у него несоответствия в составе служащих: профессор Четвериков С.С., руководящий целым отделением, в состав которого входит более 10-ти научных работников, значится в должности лаборанта.

Институт просит назначить С.С. Четверикову, согласно фактическому его положению заведующего отделением, оклад старшего ассистента – 135 руб. и

* Ibid – там же (лат.).

** Societus – общество, товарищество (лат.).

3* Ойкология = экология.

считать впредь Четверикова С.С., состоящим в должности старшего ассистента, а Пешковскую Л.С. в должности старшего лаборанта.

Зам. директора
Делопроизводитель

В. Лебедев
Е. Иванова

Печать Института экспериментальной биологии.
С подлинным верно: секретарь ИЭБ

Е. Иванова

Помета: 20 мая 1927 г. № 255

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 18. Л. 6. Заверенная копия.

44.

Обращение руководства ИЭБ в Наркомат здравоохранения с просьбой разрешить ст. ассистенту ИЭБ, заведующему генетическим отделением проф. С.С. Четверикову заграничную командировку в Берлин на V Международный съезд генетиков

14 июля 1927 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В связи с имеющим быть в сентябре с.г. в Берлине МЕЖДУНАРОДНЫМ СЪЕЗДОМ ГЕНЕТИКОВ Институт экспериментальной биологии просит Вас разрешить старшему ассистенту Института заведующему генетическим отделением проф. С.С. Четверикову *заграничную командировку* на означенный съезд за его личный счет.

Зам. директора Института
экспериментальной биолог[ии]
Секретарь

В. Лебедев
Е. Иванова

Пометы: 19 июля 1927 г.; № 378; д. 4.
Печать ИЭБ'а

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 18. Л. 117. Заверенная копия.

45.

Из дела “Сводная переписка по личному составу”. Сверхштатные сотрудники*

Январь–июнь 1927 г.

⟨...⟩

Гайсинович – ст[удент] 4-го к[урса] МГУ – сверхштатный сотрудник ИЭБ с 1928 г. в генетич[еском] отдел[ении]. Исследует явление бессамцовости у *Dros[ophila] falerata*.

Балкашина Е.И. Окончила ф[из]мат I МГУ. Работает сверхштатно с 1921 г. в генетическом отделении. Сотрудник Генетического отдела КЕПС.

Темы: “Коловратки планктона дна Москва-реки”, “Влияние генотипа на множественное выражение геновариаций *Alae curvatae* у *Dros[ophila] funebris* Meig.”, “Новый наследственный гомеозис (геновариация *Aristopedia*) у *Dros[ophila] melanogaster* M.”

* В выборку включены лишь сотрудники генетического отделения ИЭБ.

Серия работ по изучению Москва-реки в районе Звенигор[одской] Гидро-физ[иологической] станции.

Гершензон Серг[ей] Мих[айлович]. Окончил физмат МГУ, работает в ИЭБе с 1925 г. в Генетич[еском] отд[елении]. Аспирант I МГУ. Темы: “Генетический анализ неправильного менделирования пола у *Drosophila obscura* Fall.” (совм[естно] с Гайсиновичем). “Новый аллеломорф *Beadox* у *Drosophila melanogaster*”. “Исследование хромосомного комплекса *Calandra granaria*”.

Рокицкий Петр Фомич. Окончил физмат. I МГУ. [Работает] в ИЭБ’е с 1926 г. в Генетич[еском] отд[елении]. Аспирант I МГУ. Темы:

“Генетический анализ наследования числа грудных щетинок у *Drosophila melanogaster*”. “Опыты по доминированию *Var* у *Dr[osophila] melanog[aster]*”. “Можно ли улучшить человеческую природу?”.

Промтов Ал[ександ]р Никол[аевич]. Окончил физмат I МГУ. В ИЭБе с 1918 г. в Генетич[еском] отдел[ении]. Аспирант I МГУ. Темы: “Аберрация песни певчих птиц как критерий в изучении постоянства [среды] обитания особи.” “Гибридизация вьюрков. Наследование пегости, окраски и др. признаков у плодовых гибридов чижа и канарейки.” “Изучение изменчивости выражения геновариаций *Polimorpha* у *Drosophila melanogaster* под влиянием внешних условий.” “Гибридизация вьюрковых птиц.” “Гибридизация фазана и курицы.” Популярные статьи по биологии птиц.

Астауров Б.Л. Окончил физмат I МГУ. В ИЭБ’е с 1924 г. в Генетич[еском] отделении. Аспирант I МГУ. Сotr[удник] КЕПСа ([генетический] отд[ел]). Темы: “Исследование наследственного изменения галтеров у *Drosophila melanogaster* Scheis”. “Исследование корреляции симметричных органов”.

Четверикова А.И. Окончила естественный факультет Московских женских высших курсов. В ИЭБе с 1922 г. Заведующая библиотекой. <...> [Участвовала в коллективной работе Генетического отдела по темам: “Анализ дикого населения” и “Биометрия”]. <...>

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 21. Л. 28, 28– 29. Подлинник.

46.

Обращение руководства ИЭБ в правление ГИНЗа с просьбой о командировании С.С. Четверикова и Г.И. Роскина в Ленинград на съезд зоологов, анатомов и цитологов

8 декабря 1927 г.

В правление ГИНЗа

Препровождая заявления С.С. Четверикова и Г.И. Роскина, Институт экспериментальной биологии ГИНЗа просит выписать им аванс* на командировку в Ленинград на съезд в срочном порядке, т.к. отъезд сотрудников предполагается в воскресенье 11-го сего декабря.

Зам. директора

Делопроизводитель

Пометы: Дек[абрь] 1927 г.; № 588.

В. Лебедев

Е. Иванова

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 18. Л. 149. Заверенная копия.

* Руб. 100 – вписано над строкой.

Ответ дирекции Политехнического музея на просьбу проф. Н.К. Кольцова от 24 марта 1928 г. об освобождении С.С. Четверикова от работы в должности зав. отделом прикладной зоологии

31 марта 1928 г.

Директору Института экспериментальной биологии ГИНЗа. Профессору Н.К. Кольцову. Воронцово Поле, 6.

Правление Государственного Политехнического Музея сообщает, что освобождение проф. С.С. Четверикова от должности Хранителя Отдела Прикладной Зоологии Музея может быть осуществлено лишь к 15.04 с.г.

Правление Музея, учитывая ценность деятельности С.С. Четверикова в Отделе Прикладной Зоологии, однако, не может согласиться на полное прекращение его работы в Музее и оставляет за собой право просить С.С. Четверикова уделить для работ в Музее хотя бы ограниченное число часов, совершенно свободных от его работы по своей основной должности в Институте экспериментальной биологии.

И.о. директора
Ученый секретарь

Р. Ларикова
В. Вильямс

На бланке Политехнического музея.

Помета: № 979.

АРАН. Ф. 570. Оп. 1-1920/1928. Д. 21. Л. 34. Авторизованная машинопись.

Из пятилетнего плана работы отдела генетики ИЭБ. 1929–1934 гг.

Отдел генетики – должен оставаться на высоте современного уровня генетического анализа. В пятилетний план входит развитие биометрической методики и включение в штаты специалиста–математика, а также технических работников–вычислителей; должен быть пополнен инвентарь для биометрических вычислений (арифмометры и пр.).

[Научные проблемы]

Проблема искусственного получения мутаций. Предложены обширные серии опытов по воздействию на дрозофил и др[угих] экспериментальных объектов [для] получения различного рода* звуковых колебаний, температурных и химических воздействий с целью выяснить, в каких пределах те или иные внешние факторы могут поколебать стойкость хромосомного аппарата и вызвать или поколебать возникновение мутаций. Из объектов, имеющих практическое значение, в первую очередь предполагается продолжать соответствующие опыты с шелковичным червем.

[Предполагается согласно 5-летнему плану увеличить штат генетического Отделения с 2-х до 4-х сотрудников в 1932–1933 г.: зав[едующий]? ас[систент], преп[аратор], лабор[анты] – 2.]

* Далее пропущено одно слово.

Извлечение:	Выполнение:
[Генетический анализ ряда мутаций извлеченных в прошлом году из естественных популяций. Под руководством С.С. Четверикова продолжают свои работы в качестве сверхштат[ных] сотр[удников] асп[иран]ты I МГУ Гершензон, Беляев, Промтов, Рокицкий, Балкашина и Астауров.]	[Опубликованы работы по генетике Промтова, Рокицкого, Гершензона, Балкашиной, Астаурова, Ромашова и Беляева.]

Отдел Генетический [проблемы]. [Извлечение]

А) Работы по генетике разных видов *Dros[ophila]*.

Б) Анализ естественных популяций.

В) Работы по генетике шелковичного червя.

АРАН. Ф. 570. Оп. 1–29–1933. Д. 23. Лл. 4, 14, 20. Подлинник.

49.

Письмо директора ИЭБ в Правление ГИНЗа об открытии конкурса на должность заведующего генетическим отделением в связи с арестом и ссылкой С.С. Четверикова

1929 г.

В правление ГИНЗа

От директора Института экспериментальной биологии.

За последнее время освободились обе штатные должности по Генетическому отделу ИЭБ: заведующего отделом (был С.С. Четвериков) и лаборанта (был Н.К. Беляев). Но работа отдела не может остановиться в виду наличия нескольких сверхштатных сотрудников и наличия большого спроса на аспирантскую подготовку в этом отделе со стороны внесмоковских учреждений: так я не мог отказать в просьбе двух тифлиских учреждений и тверского педагогич[еского] ин[ститута], которые просили принять трех аспирантов для 2–3 месячной работы в генетическом Отделе. Подыскание заместителя заведующего Генетическим отделом представляет очень большие трудности ввиду отсутствия не только в Москве, но и в Союзе научных работников с квалификацией С.С. Четверикова. Поэтому я принял на себя временное заведование Генетическим отделом и буду об этом докладывать Научному Совету ГИНЗа. Но необходимо немедленное приглашение даже до конкурса лица, временно исполняющего обязанности лаборанта, т.к. без этого я не могу руководить работой трех присланных из провинции аспирантов. Поэтому я прошу открыть конкурс на должность лаборанта и временно допустить к несению лаборантских обязанностей по Генет[ическому] отделу П.Ф. Рокицкого, прошение которого при сем прилагается.

Директор ИЭБ

Помета: № 613

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 88. Отпуск рукописный.

ССЫЛКА (1929–1935)

50.

Справка, подтверждающая факт работы С.С. Четверикова во Владимирском Учкомбове

3 октября 1934 г.

Выдана тов. Четверикову С.С. в том, что он работал во Владимирском Учкомбове в должности доцента энтомологии и биометрии Института с 1.X.1932 г. по 1.X.1934 года.

Заведующий Столом личного состава Учкомбова
Зав. отделом личного состава

Елисеев
Даниленок

Печать: Владимирский Опорный пункт с[ельско]х[озияйственный] техникум и рабфак, НКЗ СССР.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 1. Подлинник.

51.

Справка о работе Четверикова во Владимирском сельскохозяйственном техникуме и рабфаке

26 июня 1935 г.

Дана настоящая Четверикову С.С. в том, что он действительно работал во Владимирском с[ельско]х[озияйственном] техникуме и рабфаке в должности преподавателя с 1 октября 1934 г. по 1 июня 1935 г.

Освобожден от работы по личному желанию.

Директор
[Секретарь]

Шалахов
Даниленок

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 2. Подлинник.

ГГУ (1935–1948)

52.

Справка от 1 августа 1935 г. из архива Московского университета о работе С.С. Четверикова в I МГУ

Гр. Четвериков Сергей Сергеевич был переведен из II-го МГУ в I МГУ 1 ноября 1919 г. и был исключен* из состава преподавателей I МГУ 1 сентября 1929 года.

* Исключен в связи с арестом и ссылкой.

⟨...⟩

Архивариус

Гаврилин

Печать Архива МГУ им. Покровского

На бланке: РСФСР, Московский Государственный Университет имени Покровского; Архив, Москва, Моховая, д. № 9, 640, 1 августа 1935 г.

№ 640

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 54. Л. 4. Подлинник.

53.

Из приказа № 162-а директора ГГУ Л. Маньковского от 25 февраля 1936 г. о распределении педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава профессоров биологического факультета с 1 марта 1936 г.

Во изменение ранее данного плана поручений, установить с 1 марта следующую педнагрузку профессорско-преподавательского состава:

проф. Станков С.С. – 170 час. лекций + 100 ч. за 6 дипломников

проф. Красинский Н.П. – 120 ч. лекций

⟨...⟩

проф. Некрасов А.Д. – 312 ч. лекций

проф. Пузанов И.И. – 238 ч. лекций + 14 дипломников

⟨...⟩

проф. Четвериков С.С. – 236 ч. лекц. + 10 дипломников

⟨...⟩

Директор ГГУ

Л. Маньковский

ГАНУ. Ф. 377. Оп. 6. Д. 30. Л. 34. Подлинник.

54.

Автобиография, написанная С.С. Четвериковым для представления в ГГУ

Горький

26 февраля 1936 г.

Curriculum vitae С.С. Четверикова

Родился в Москве, в 1880 г. В 1897 г. окончил реальное училище Воскресенского (в Москве) и осенью того же года уехал за границу в Саксонию, где поступил в техническое училище. За границей проучился 2 семестра и весной 1898 г. вернулся в Россию, где начал готовиться по латинскому и греческому языкам для сдачи экзамена на аттестат зрелости. В 1900 г. сдал экзамен и осенью того же года был зачислен студентом Московского Университета по Физико-математическому факультету.

Из-за студенческих беспорядков, имевших место в 1901 и 1905 г., окончил Университет лишь в 1906 г. и был оставлен при кафедре сравнительной анатомии (Мензбира) для подготовки к профессорскому званию.

В 1909 г. был приглашен на Высшие Женские Курсы ассистентом при кафедре зоологии и в том же году начал читать там курс Общей Энтомологии, который и вел до слияния Курсов (переименованных во II М[осковский] Г[осударственный] Университет) с I Моск[овским] Госуд[арственным] Университетом в 1919 г.

Перейдя в 1919 г. в I М[осковский] Г[осударственный] Университет я продолжал чтение курса Энтомологии и в том же 1919 г. начал читать курс Биометрии, сначала под названием “Введение в теоретическую статистику”. В 1924 г. я прекратил чтение курса Энтомологии, а вместо него начал читать курс Генетики. Таким образом я читал все время два курса (Биометрия и Генетика) до 1929 г., когда был выслан в г. Свердловск, что прервало мою педагогическую работу.

В Свердловске в 1931–1932 г. работал научным консультантом при Горкомхозе по организации Свердловского зоопарка. В 1932 г. переехал из Свердловска во Владимир, где поступил доцентом по биометрии в Народный Институт системы ОБВ Наркомзема, в котором и преподавал до его закрытия в 1934 г. В 1934–35 уч. году работал преподавателем математики в Техникуме, оставшемся на месте закрытого Института, с осени 1935 г. занял должность завед[ующего] Кафедрой генетики в Горьковском Государственном Университете, где продолжаю работать и сейчас.

Кроме перечисленной службы работал в целом ряде других учреждений, из которых укажу следующие: в 1919–1924 гг. был хранителем зоологического отдела Политехнического музея в Москве и одно время и/о его заведующего, а также заведывал библиотекой (биологическим отделом) при этом музее, с 1921 по 1929 г. заведывал лабораторией генетики в Институте экспериментальной биологии Наркомздрава (в Москве), в 1928–1929 г. заведывал лабораторией общей генетики при Центральном генетическом институте Наркомзема (в Москве).

В течение своей жизни совершил ряд научных экспедиций, из которых привез обширные материалы, главным образом по фауне чешуекрылых, по которым являюсь одним из крупнейших специалистов в СССР. Мною собраны материалы из Тарбагатая, Крыма, Кавказа, Лапландии, Урала и целого ряда других мест нашего союза, не говоря уже о центральных областях.

В 1927 г. был командирован Наркомздравом за границу на V Международный генетический конгресс (в Берлин), где выступал с докладом о результатах работы моей лаборатории в Институте экспериментальной биологии.

В течение моей жизни напечатал 24 работы (не считая мелких заметок и статей в Больш[ой] Сов[етской] Энциклопедии), список которых прилагается.

С. Четвериков

ННГУ. Музей. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 13. МИГУ НВ 11323. Машинописная копия.

55.

Выписка из протокола заседания Совета ГГУ от 17 мая 1936 г. о представлении проф. С.С. Четверикова в ВАК для утверждения в ученой степени доктора биологических наук

Слушали: Предложение Биологического факультета о представлении проф. С.С. Четверикова в Высшую Аттестационную Комиссию НКП[роса] на утверждение в ученой степени Доктора Биологических наук.

Постановили: Совет Университета единогласно принимает предложение Биофака.

Верно: Секретарь Ун-та

Винтер

ГАНУ. Ф. 377. Оп. 6. Д. 23. Л. 29. Заверенная копия.

Ходатайство ректора ГГУ Л.А. Маньковского перед ВАК от 22 мая 1936 г. об утверждении проф. С.С. Четверикова в ученой степени доктора биологических наук

В Высшую Аттестационную комиссию Наркомпроса.

Прилагая при сем выписку из протокола заседания Совета Университета, жизнеописание и список трудов проф. Четверикова С.С. – ходатайствуем об утверждении проф. Четверикова в ученой степени доктора биологических наук.

Приложение на 3-х листах*

Директор ГГУ

Секретарь

Маньковский

Винтер

Помета: Исх. № 290/л

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 23. Л. 30. Подлинник.

Из приказа директора ГГУ проф. Л.А. Маньковского от 1 июля 1936 г. о премировании ряда преподавателей ГГУ за отличную педагогическую и воспитательную работу

Приказ №**

За большую и эффективную работу профессорско-преподавательского состава, отличную и хорошую успеваемость студентов, в связи с окончанием учебного 1935/36 года и первого выпуска биологического факультета, по согласованию с общественными организациями Университета, премировать следующих товарищей:

⟨...⟩

4. Профессора Четверикова С.С. – руководителя генетической специальности, внимательного и заботливого педагога – 500 руб.

5. Доцента Никоро З.С. – организатора генетической специальности, прекрасного воспитателя и друга студенчества – 500 руб.

⟨...⟩

Директор ГГУ

Л. Маньковский

ГАНО. Ф. 377. Оп.7. Д. 23. Л. 127. Подлинник.

Перечень тем лекций профессоров биологического факультета ГГУ для прочтения населению Сормовского района г. Горького в университете выходного дня в 1935–1936 учебном году

1. Профессор Некрасов	– "Вторичные половые признаки и половой отбор".
2. Его же	– "Дарвин и Уэльс"
3. Профессор Четвериков	– "Определение пола"
4. Его же	– "Искусственное вызывание мутаций"
5. Его же	– "Новейшие достижения в области генетики"

* Приложение не печатается.

** Номер в документе не проставлен.

6. Профессор Станков	– "В каменноугольном лесу"
7. Его же	– "Всесоюзная здравница"
8. Его же	– "Карл Линней"
9. Его же	– "Растение и человек"
10. Профессор Пузанов	– "Черное море"
11. Его же	– "Ландшафтный профиль Крыма"
12. Его же	– "Происхождение жизни на Земле"

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 23. Л. 130. Машинописная копия.

59.

Из письма директора ГГУ начальнику Управления высшей школы тов. М.А. Орахешвили от 29 июля 1936 г. с просьбой об утверждении в должности декана биологического факультета С.С. Четверикова

Начальнику Управления Высшей школы тов. М.А. Орахешвили

Просим утвердить в должности декана биологического факультета профессора Сергея Сергеевича Четверикова, заведующего кафедрой генетики.

⟨...⟩ Анкета С.С. Четверикова прилагается

Директор ГГУ

Л. Маньковский

Помета: Исх. № 401 29.07.36 г.

ГАНО. Ф. 377. Оп.6. Д. 23. Л. 223. Подлинник.

60.

Из приказа № 645 декана биофака ГГУ проф. А.Д. Некрасова от 19 сентября 1936 г., об определении учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава на I семестр 1936–1937 учебного года

Учебная нагрузка [по кафедре генетики]:

проф. Четвериков С.С.	лек. 78 ч.,	практ. занятий	106 ч.	всего	184
проф. Живаго П.И.	40 ч.		–		40 ч
доц. Никоро З.С.	80 ч.		193 ч.		273
асс. Грязнов И.Н.	218 ч.		430 ч.		619

ГАНО. Ф. 377. Оп.6. Д. 31. Л. 13, 39. Подлинник.

61.

Письмо из Управления Высшей школы Наркомпроса директору ГГУ Л.А. Маньковскому от 10 октября 1936 г. об организации аспирантуры по изучению и освоению шелководства под руководством проф. С.С. Четверикова

Народный комиссариат Земледелия СССР обратился в Наркомпрос с просьбой организовать в Горьковском Госуниверситете и ряде других вузов аспирантуры по профилям, связанным по изучению и освоению шелководства.

Наркомпрос, не считая возможным для своих аспирантов создавать столь узкие специальности, договорился в том направлении, что Наркомзем будет прикомандировывать своих аспирантов к определенным профессорам Университета с тем, чтобы и стипендия, и общежитие, и оплату руководства НКЗ берет на себя, Университет же должен создать условия, необходимые для работы.

Эти аспиранты в контингент Наркомпроса не входят и по окончании поступают в распоряжение НКЗ.

Как сообщает НКЗ, он уже имеет согласие проф. С.С. Четверикова на руководство двумя аспирантами.

И.о. начальника Управления Высшей школы

Белов

На бланке: Наркомпрос РСФСР. Москва. Чистые пруды, 6. Тел. 1-05-80.

Помета: № 0408 3-в

ГАО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 23. Л. 254. Подлинник.

62.

Выписка из приказа № 835 зам. директора ГГУ проф. С.С. Станкова от 29 ноября 1936 г. о командировке проф. С.С. Четверикова и других в Москву на Совецание по зоологии при АН СССР

Командировать с 21 ноября по 5 декабря с.г. проф. проф. Некрасова А.Д., Четверикова С.С. и Пузанова И.И. на Совецание по зоологическим проблемам, организуемое АН СССР.

Выдать каждому по 1000 рублей на проезд в Москву и обратно.

Зам. директора ГГУ

проф. С.С. Станков.

ГАО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 31. Л. 57. Подлинник.

63.

Выписка из приказа № 863 зам. директора ГГУ проф. С.С. Станкова от 8 декабря 1936 г. о командировке С.С. Четверикова для переговоров об открытии в г. Горьком исследований по дубовому шелкопряду

Разрешить проф. Четверикову С.С. научную командировку с 10 по 12 декабря в Москву – в Главшелк – для переговоров по поводу организации при Университете лаборатории по дубовому шелкопряду.

Выдать на командировку 150 руб.

Зам. директора ГГУ

проф. С.С. Станков

ГАО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 31. Л. 61. Подлинник.

64.

Из приказа № 869 директора ГГУ Л. Маньковского от 10 декабря 1936 г. о выделении бригады для проверки выполнения научной работы по кафедрам биофака

Согласно инструкции Управления Высшей школы НКП от 29.XI.с.г. за № 143 по составлению отчета о выполнении планов научной работы в 1936 г. выделить бригады для проверки выполнения научной работы по кафедрам в следующем составе:

По биофаку: проф. Четвериков С.С.

асс. Гусева В.А.

асп. Никитенко М.Ф.

Директор ГГУ

Л. Маньковский

ГАО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 31. Л. 63. Подлинник.

Проект помещений кафедры генетики, предложенный Сергеем Сергеевичем Четвериковым при строительстве нового здания биологического факультета ГГУ

1936 г.

Набор помещений для кафедры генетики:

Наименование	количество	рабочих мест	площадь в м ²
Аудитории	1	70 чел.	96
Лаборатория общ. практ.	1	25 чел.	72
Лаборатория больш. практ.	1	25	72
Лаборатория спец. практ.	1	15	48
Итого	4	135	288
Кафедральные помещения:			
Кабинет профессора	1	—	24
" доцента	1	—	24
" асс. зав. хоз.	1	—	24
" дипломн. и аспирантов	2 · 24	—	48
Библиотека	1	—	48
Цитологическая	1	—	48
Селекционная	1	—	24
Дрозофильная	1	—	12
Виварий	1	—	24
Фотолаборатория	1	—	12
Препараторская	2 · 24	—	48
Склад	1	—	12
Реактивная	1	—	24
Мастерская	1	—	24
Всего	20	—	684 м ²

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 54. Л. 48. Автограф.

Предложения С.С. Четверикова о планировании учебной работы кафедры генетики биофака ГГУ на 1937 и последующие годы

1. Обязательные курсы:

	слушатели	лекции	лабораторные для одной гр.	для курса
Общая генетика	все биологи II к.	40	40	240
Спецкурс по генетике	генетики III к.	60	60	120
Цитология наследственности	генетики III к.	40	120	240
Биометрия	генетики III к.	20	60	120
Всего		160	—	720

2. Курсы, обязательные для уклонов и факультативные:

	слушатели		лекции	лабораторные для одной гр.	для курса
Частная генетика животных	генетики	IV–V к.	40	40	80
Частная генетика растений	"	"	40	40	80
Селекция растений	"	"	30	30	60
Селекция животных	"	"	30	30	60
Большой практикум	"	"	240	320	680
Специальные главы частной генетики	"	"	240	–	–
Всего			380	–	960
Итого			540	–	1680 ч.

Штаты и число часов:

	Проф.	Доц.	Ассистент	Всего
Общее число часов	160	480	1580	2200
Число работников	1	2	5*	8

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 54. Л. 89. Машинописная копия.

67.

Письмо дирекции ГГУ в Наркомпрос РСФСР от 1 декабря 1936 г. с ходатайством о назначении персональных окладов ряду профессоров ГГУ

Дирекция Университета, обсудив вторично вопрос о зарплате профессоров Горьковского Госуниверситета и предоставлении в предстоящем 37-м бюджетном году, подтверждает свое ходатайство от 22.XI.36 г. (исх. № 587/л) о назначении персональных окладов лицам, ранее их получавшим: проф. И.Р. Брайцеву, С.И. Дьячковскому, К.К. Дубровскому, А.Д. Некрасову, И.И. Пузанову, С.С. Станкову, С.С. Четверикову.

⟨...⟩

Дополнительное ходатайство посылается по поручению директора Университета тов. Маньковского.

Зам. директора по учебной и научной части

проф. Станков

Помета: Исх. № 610/3-в

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 23. Л. 292. Подлинник.

68.

Из отчета о выполнении планов научной работы по биофаку ГГУ в 1936 г.

[Состав бригады по проверке выполнения планов научной работы: проф. Четвериков, асс. Гусева, асп. Никитенко].

* Один ассистент – заведующий хозяйством.

Проф. Четвериков С.С.

1. Опыт построения объективной системы организмов.	В осн[овном] выполнена. Доложена ОИП. Необход[има] доработка.
2. Критическая проработка методики вызывания геновариаций высокими температурами	Окончание 1.VI.37 г.

Доц. Никоро З.С.

1. Закономерности полового отбора при конкуренции самок	Оконч[ание] 1.V.37 г. Нужны дополн[ительные] экспер[именты].
2. Экспериментальная проверка действия генетико-автоматических процессов в популяциях	В печати, "Биологич. журн.", 1937 г.
3. Генетический анализ поглотительного скрещивания в работе об-разцовой метизации	Не выполнено, ввиду непредставления кредитов
4. Роль инбридинга в поглотительном скрещивании	"

Флесс В.Э.

1. Динамика генного состава популяции крупного рогатого скота Приветлужья	"
2. Закономерности полового отбора при конкуренции самцов	Экспер[именты] закончены 1.V.37 пойдет в печать

Асс. Грязнов И.Н.

1. Плейотропное действие гена чешуйчатости на хозяйственно полезные признаки карпа	Частично окончена. Доложена в НИИ рыбхоза. Опубл. в "Биол.ж.", 1936. Окончание к 1.IV.37 г. (внепланово)
2. Результаты гибридизации карпа с волжским сазаном в Горьковском крае	Окончание к 1.IV.1937 г.

[С.С. Четвериков]

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 63. Л. 60. Автограф.

69.

Письмо начальнику отдела кадров Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР т. Павловцеву от ректора ГГУ Л.А. Маньковского с характеристикой членов Совета ГГУ в ответ на запрос № К-2 от 20/VII-1937 г.

Горький

Август 1937 г.

В прилагаемом списке состава Университета из 17 членов Совета 6 чел. являются членами партии и 1 – комсомольцем.

Беспартийные члены Совета – Брайцев, Дубровский, Онищенко – несомненно будут всегда поддерживать точку зрения и мероприятия партчасти Совета.

В критических случаях против точки зрения и мероприятий партчасти Совета могут выступить – Дьячковский, Андронов, Четвериков, Пузанов. В этих

же случаях Некрасов и Станков, в зависимости от обстановки, могут как занять какую-нибудь среднюю позицию, так и примкнуть к точке зрения партчасти Совета.

Во всяком случае при указанном составе Совета большинство членов Совета будет поддерживать мероприятия Совета.

Мы считаем целесообразным утверждение всех представленных кандидатур, так как отрицательный результат в отношении какой-нибудь из них может привести к изоляции того или иного профессора и к ухудшению работы.

Общий состав научных работников Университета в настоящее время достаточно прочен для того, чтобы мы могли осуществлять не только контроль, но и оказывать безусловное воздействие на не вполне надежных научных работников.

В числе 78 научных работников имеется 18 членов ВКП(б), 17 членов ВЛКСМ. Нет почти ни одной кафедры, в составе которой не было бы коммунистов или комсомольцев.

Директор Горьковского госуниверситета
Секретарь парткома университета

проф. Маньковский
Николаев

ННГУ. Архив спецчасти. Д. 4. Л. 6. Незаверенная машинописная копия.

70.

Письмо из Управления Высшей школы Наркомпроса директору ГГУ от 24 декабря 1937 г. о передаче дела С.С. Четверикова в ВАК ВКВШ при СНК СССР о присвоении ему ученой степени доктора биологических наук

Директору Горьковского госуниверситета

Управление Высшей школы сообщает, что Дело Четверикова С.С., представленного к утверждению в учебной степени доктора биологических наук, передано 13.XII – 1937 г. в Высшую Аттестационную Комиссию Всесоюзного Комитета при СНК СССР – на рассмотрение.

В дальнейшем по всем вопросам, связанным с рассмотрением данного дела, следует обращаться в ВАК ВКВШ (Москва, ул. Куйбышева, 21).

Начальник Управления Высшей школы

Двухшерстов

Штамп: РСФСР, Народный Комиссариат Просвещения, Управление высшей школы, Квалификационная комиссия

Помета: № 616 [исх.]

Помета: Вх. № 5/л 7.1. – 1938 г.

ГАНУ. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 4. Л. 38. Подлинник.

71.

Из приказа № 14-а от 16 января 1938 г. и.о. директора ГГУ Шевелева о зачислении в штат С.С. Четверикова

В соответствии с приказом за № 62 от 5.I.1938 г. о штатах Горьковского Госуниверситета и на основании представления деканатов зачислить в штат Университета:

По химическому факультету*:

Кафедра генетики и селекции – и.о. проф. Четверикова Сергея Сергеевича.

п.п. И.о. Директора

Шевелев

Верно: Управделами – Делопроизводитель

Герасимова

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 43. Заверенная копия.

72.

Из приказа № 26 и.о. директора ГГУ В.Д. Семенова от 29 января 1938 г. об утверждении проф. С.С. Четверикова зав. кафедрой генетики и включении его в состав Совета ГГУ

⟨...⟩

§ 4. Впредь до утверждения состава Совета Университета Всесоюзным комитетом по делам высшей школы членами совета полагать следующих лиц:

1. Шевелева Л.К.

2. Станкова С.С.

3. Некрасова А.Д.

4. Четверикова С.С.

5. Пузанова И.И.

⟨...⟩**

Вр.и.о. директора

Семенов В.Д.

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 71. Л. 14. Подлинник.

73.

Выписка из протокола № 6/57 ВАК ВКВШ от 5 февраля 1938 г. об утверждении С.С. Четверикова в ученом звании профессора и ученой степени кандидата биологических наук

Высшая Аттестационная Комиссия Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР

§ 26. Об утверждении Четверикова Сергея Сергеевича в ученом звании профессора и в ученой степени доктора без защиты диссертации.

Представлен Государственным Университетом (Горький).

Постановили:

Утвердить Четверикова Сергея Сергеевича в ученом звании профессора и в ученой степени кандидата биологических наук без защиты диссертации.

Отклонить ходатайство об утверждении Четверикова Сергея Сергеевича в ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации.

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии

С. Кафтанов

Ученый секретарь

П. Павлецов

Верно: Ученый секретарь Высшей Аттестационной Комиссии П. Павлецов

22.II.1938 г.

* Опечатка машинистки. Следует читать: "По биологическому факультету".

** Совет Университета состоял из 23 человек.

Вх. № 55/а

Помета: 22 февраля 1938 г. На бланке: ВАК Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР. Москва, ул. Куйбышева, д. 21, подъезд 4. Телеграфный адрес: МОСКВА КОМШКОЛ.

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 4. Л. 41. Заверенная копия.

74.

Из дополнительных сведений о научно-преподавательском и административно-обслуживающем персонале ГГУ

26 февраля 1938 г.

Профессор Четвериков С.С. – отец имел в Москве суконную фабрику.

За границей живут: брат, сестра, отец и мать. Сам Четвериков много раз до революции ездил за границу.

⟨...⟩

Помета: оглашению не подлежит.

ННГУ. Музей; Папка 1 Архива Спецчасти. Л. 11. Подлинник.

75.

Из характеристик членов Совета, подписанных и.о. директора ГГУ Семеновым В.Д.

2 марта 1938 г.

⟨...⟩

6. Четвериков С.С. – работает в университете с 1935 г. в качестве профессора и зав[едующего] каф[едрой] генетики. Утвержден в 1938 г. профессором и канд[идатом] биол[огических] наук. Хороший педагог. До поступления в университет находился в течение трех месяцев в административной ссылке в г. Владимире. Педагогический стаж с 1906 г. Мало участвует в общественной жизни университета.

[В.Д. Семенов]

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 96. Л. 3. Незаверенная копия.

76.

Представление и.о. директора ГГУ В.Д. Семенова в Управление Высшей школы НКПроса от 3 марта 1938 г. с просьбой об утверждении проф. Четверикова С.С. в должности заведующего кафедрой генетики и селекции ГГУ

В Управление Высшей школы НКП

Горьковский Государственный Университет просит утвердить зав. кафедрой генетики и селекции профессора Четверикова С.С.

И.о. директора ун-та

проф. Семенов

Помета: Исх. № 154/а

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 44. Заверенная копия.

Из списка членов Совета ГГУ для направления в ВКВШ при Наркомпросе

1938 г.

⟨...⟩

Биологи:

Ф.И.О.	Партийность	Ученое звание	Утвержден дата №	Ученая степень	Утвержден дата №	Должность в ГГУ	Стаж в должности
Некрасов А.Д.	Б/п	Проф.	29.06.28 г. ГУСНКП № 371	Д.б.н.	ВАК 15.01.36 г. № 1/30	Зав. каф. с 23.11. 31 г.	19 лет
Пузанов И.И.	Б/п	Проф.	9.11.23 г. № 2483	Д.б.н.	–	Зав. каф. с 4.01. 34 г.	15 лет
Четвериков С.С.	Б/п	Проф.	ВАК ВКВШ 5.11.38 г. пр. № 6/57	К.б.н.	ВАК 5.11.38 г. № 6/57	Зав. каф. с 1.09.35 г.	
Попов В.В.	Б/п	Проф.	ВАК 17.01.38 г. пр. № 3/54	Д.б.н.	ВАК 11.01.38 г. пр. №2/53	Зав. каф. с 5.02.35 г.	7 лет

Всего 35 человек.

В.и.о.

В.Д. Семенов

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 95. Лл. 1, 2. Автограф В.Д. Семенова.

Из протокола расширенного заседания деканата биофака ГГУ о работе аспирантов

15 апреля 1938 г.

⟨...⟩ Сообщение аспиранта Белова П.Ф. о состоянии аспирантской учебы.

Тема: “Акклиматизация китайского шелкопряда в наших условиях; селекция на скороспелость”. Методика – по Лысенко, как при селекции с зерновыми культурами. Разница: Белов вместо физиологической стадии брал морфологическую. Причина: с дубовым шелкопрядом не велось еще никакой генетической работы, он представляет собой совершенно нетронутый генетический материал, где не выведено пока никаких пород. Селекция велась путем исследования морфологических стадий. Работал в Башкирии. Будет работать на Опорном пункте. ⟨...⟩

В этом году проходил четыре дисциплины: два языка, высшую математику и генетику. Учебный план недовыполнен ⟨...⟩ часов на 11 по каждому предмету – и перенесен на осень ⟨...⟩ Осенью буду сразу сдавать экзамены по 4-м дисциплинам. Хуже с социально-экономическими дисциплинами. У меня в плане стоит философия и история философии, но я не имею возможности ее где-либо слушать и прорабатывать. Хорошо, если бы заменить философию историей партии. Нужно организовать семинар для всех аспирантов по философии, по возможности начать с осени.

В учебном плане стоит 11 дисциплин, причем я закончу во время практики еще три дисциплины. Учебный план должен быть выполнен к 1.01.1939 г., я думаю, что я сумею выполнить.

В отношении руководства, я считаю, что у нас было довольно благополучно, т.к. Сергей Сергеевич Четвериков с нами занимался по 4 ч[аса] в шестидневку, организовал выполнение учебно-производственного плана.

Выступление проф. Четверикова С.С.: Не совсем благополучно обстоит с подбором преподавательского состава. Я не совсем доволен курсом математики, который они прошли у т. Лебедева Н.Н., в частности, аспиранты сами виноваты, т.к. мало прошли, а т. Лебедев дал не то, что следовало. Тов. Лебедев ссылался на то, что им много времени потратилось на высшую математику и на теорию вероятностей. Из 70 выполнено 60 часов.

Я недоволен преподаванием английского языка. Прежде всего, они изучали английский язык в университете три года, и т. Тубалкайн с ними занималась не так, как нужно. Полную противоположность представляют занятия по немецкому языку у тов. Корнеевой Л.А. По немецкому яз[ыку] они сделали за один год больше, чем по английскому языку за четыре года. На будущий год нужно будет оставить т. Корнееву, а в отношении английского языка, видимо, нужно будет просить другого преподавателя.

Асп. Белов П.Ф. принимал участие в Москве в Совещании по дубовому шелкопряду – в Главшелке, где он делал доклад о результатах летней работы. У нас т. Белов тоже делал сообщения об итогах летней работы и о Совещании в Москве. [На кафедре было несколько совещаний, где Белов докладывал по своей специальности.]

... При нашей кафедре был организован семинар, где прорабатывалась иностранная литература. Я на это обращаю серьезное внимание и все время слежу за текущим материалом.

Проф. Станков С.С. – ⟨...⟩ первый доклад [отчет т. Белова] дает почти во всех отношениях картину благополучную. Подготовка асп. Белова идет, по-моему, во всех отношениях удовлетворительно. Недостаток тот, что у аспиранта остались некоторые “хвосты” по ряду предметов, но, правда, это большого опасения не внушает. Дальше во всех отношениях обстоит дело благополучно, кроме недочетов, на которые указал проф. С.С. Четвериков. Здесь особенно следует отметить, что действительно проф. С.С. Четвериков знает все подробности подготовки т. Белова: по языку, математике, исследовательской работе. Руководитель заставляет делать доклады по кафедре, на Совещаниях в Москве и в Башкирии. ⟨...⟩

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 43. Лл. 1, 2, 3. Подлинник*.

79.

Из протокола заседаний Совета биологического факультета от 14 мая 1938 г. по вопросу о научно-исследовательской работе факультета за первый квартал 1938 г.

Повестка дня:

⟨...⟩

Доклад декана биофака ГГУ А.Д. Некрасова о научно-исследовательской работе биофака за первый квартал 1938 г. ⟨...⟩

* Совещание проходило в кабинете у директора ГГУ.

<...>

III раздел. “Экспериментальные работы кафедр”

По теме “Чешуекрылые Горьковской области” проф. С.С. Четвериков обработал весь имеющийся материал за I кварт[ал]. Окончательная обработка для печати – после командировки летом в АН СССР.

По кафедре генетики доцент З.С. Никоро наметила тему: 1) Изучение гомологии II и III хромосом у дрозофилы. 2) Селекция на скороспелость у дубового шелкопряда. Работа же ее “Генетический анализ транслокации” заканчивается.

Проф. С.С. Четвериков и Белов П.Ф. проводят работы по изучению стадийности дубового шелкопряда.

А.П. Дроздов проводит работу “Селекция на моновольтинность дубового шелкопряда”.

И.Н. Грязнов – “Генетический анализ причины депрессии инбридинга” (разработан план работы и подготовлен материал).

В прениях по докладам [содокладчик предс[едатель] Комиссии И.Н. Грязнов*. В.Э. Флёсс указал, что комиссия отнеслась слишком формально к своей задаче, ограничившись лишь имеющимися в ее руках документами. Если им казалось, что какая-нибудь тема не является актуальной, например, тема “Половой аттракции”, то она могла бы выяснить у работающих по теме или на кафедре значение этой темы.

Председатель

А.Д. Некрасов

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 45. Лл. 16, 17. Подлинник.

80.

Приказ № 175 и.о. директора ГГУ В.Д. Семенова от 11 июля 1938 г. об установлении стажа преподавательской работы и ставок заработной платы С.С. Четверикову и другим лицам с 1-го января 1938 г.

В соответствии с постановлением СНК от 21.IV.38 № 516-пи распоряжением НКП РСФСР от 27.V.38 с.г. за № 80/ф установить следующий стаж работы и соответственно изменить с 1-го января 1938 г. ставку зарплаты нижеследующих лиц профессорско-преподавательского состава:

				Стаж	Оклад
1. Четвериков С.С.	Проф.	Зав. каф.	К.н.	15 лет	1200 р.
2. Андронов А.А.	–	–	Д.мат.н.	14,5 лет	1500 р.
3. Черневский А.Н.	Доц.	–	К.н.	8 лет	1300 р.
4. Горелик Г.С.	Проф.	–	Д.ф.-м.н.	7 лет	1300 р.

Директор ГГУ

Семенов

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 72. Л. 80. Подлинник.

81.

Из плана научных исследований по биологическому факультету, представленного деканом биофака А.Д. Некрасовым в научную часть университета

27 января 1939 г.

<...>

* Доклад И.Н. Грязнова в протоколе отсутствует.

Генетика. IX тема:

Акклиматизация и селекция животных

Подтема: Акклиматизация и селекция китайского шелкопряда в условиях средней полосы Советского Союза
(...)

	Начало	Окончание	Исполнители
37. Анализ стадийного развития китайского дубового шелкопряда (диссертационная работа Белова)	V.1938	X.1942	Проф. Четвериков, асп. Белов П.Ф.
38. Выведение бивольтинной скороспелой расы	V.1938	X.1942	Доц. Никоро З.С.
39. Выведение моновольтинной расы (диссертация)	V.1938	X.1942	Асп. Дроздов

Командировки (6–10 дней) в Москву (5) и Ленинград (1) – на средства Главшелка (Четвериков, Никоро, Грязнов, Флёсс, Белов, Дроздов).

Декан

А. Некрасов

ГАНО. Ф.377. Оп. 6. Д. 88. Лл. 22, 28. Подлинник.

82.

Из отчета декана об учебной работе на биологическом факультете ГГУ за 1-й семестр 1938–1939 учебного года

27 апреля 1939 г.

Раздел: Учебная работа

[Докладывает А.Д. Некрасов] (...)

5) Кафедра генетики

Проф. Четвериков читал курс “Теоретические основы генетики и селекции”. Относительно этого курса группа студентов сделала заявление в дирекцию, что проф. С.С. Четвериков не упоминает в своем курсе таких советских ученых, как Мичурин и Лысенко, и что в Большом практикуме слишком много места отводится генетической работе над дрозофилой. Было созвано заседание кафедры с участием студентов, деканата и представителей дирекции. Относительно первого пункта Четвериков объяснил, что он будет излагать работы Мичурина и Лысенко в своем курсе, где он посвятит им специальные часы. Относительно же практики заявление студентов было принято во внимание и решено отразить его в расписании второго полугодия, где выделить большее количество часов на практику селекции растений за счет часов работы над дрозофилой.

Но вопрос о Мичурине и Лысенко поднялся вновь в связи с заявлением Четверикова, что он считает нерациональным обсуждать в курсе “Общей генетики и селекции” генетические позиции Лысенко и Мичурина, не подвергая разбору их генетические взгляды. Но все эти вопросы им разбирались в другом курсе

“Теоретические основы генетики и селекции”. И теперешние студенты III курса услышат этот разбор в курсе следующего года. Этот вопрос был перенесен на Совет университета и составление резолюции поручено особой комиссии, которая еще не представила ее Совету.

Декан биофака ГГУ

проф. А. Некрасов

ГАНО. Ф.377. Оп. 6. Д. 82. Л. 195. Подлинник.

83.

Из приказа № 101 ректора ГГУ М.А. Шеронина от 26 июня 1939 г. проф. Пузанову И.И., Четверикову С.С. и Романову Н.М. о представлении расчета потребных штатов на 1939–1940 учебный год

⟨...⟩

Заведующие кафедрами зоологии беспозвоночных – проф. Некрасов, зоологии позвоночных – проф. Пузанов, генетики и селекции – проф. Четвериков, геологии – проф. Романов Н.М. не выполнили моего указания о предоставлении расчета потребных штатов на 1939–1940 уч[ебный] г.

Указывая на недопустимость подобного отношения к поручениям, обязываю профессоров Некрасова А.Д., Пузанова И.И., Четверикова С.С. и Романова Н.М. 28.VI. с.г. представить в учебную часть полный расчет штатов на 1939–1940 уч. год.

Ректор ГГУ

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 103. Л. 223. Подлинник.

84.

Из приказа № 251 ректора ГГУ М.А. Шеронина от 16 июля 1939 г. о включении проф. С.С. Четверикова в состав конкурсной комиссии на замещение вакантных должностей на кафедре селекции и генетики

⟨...⟩

Для рассмотрения заявлений, поступивших по объявленному конкурсу на замещения вакантной должности по каф[едре] селекции и генетики назначить конкурсную комиссию в следующем составе:

1. Проф. Станкова С.С. – предс[едатель]
2. Проф. Четверикова С.С.
3. Тов. Грязнов И.Н. – уч[еный] секретарь

Ректор ГГУ

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 66. Д. 1033. Л. 251. Подлинник.

85.

Из приказа № 134-а ректора ГГУ М.А. Шеронина от 11 сентября 1939 г. о вынесении благодарности проф. С.С. Четверикову за большую работу, проведенную по приему студентов в университет

⟨...⟩

За большую работу, проведенную в июле и августе месяцев с.г. по приемной комиссии профессорам С.С. Станкову и С.С. Четверикову вынести благодарность.

[Прием групп на биофак: А-28 ч., Б-28 ч., В-23 ч.]

Ректор ГГУ

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 103. Л. 291. Подлинник.

86.

Заявление проф. С.С. Четверикова ректору ГГУ от 10 октября 1939 г. о разрешении ему командировки для поездки в Москву

Ректору ГГУ

В Москве с 5 по 18-е с.м. созывается совещание по исследовательской работе с шелкопрядом, на которое меня вызывает Комиссия шелководства ВАСХНИЛа и в Главшелк НКЗ РСФСР. За эти дни у меня ни лекций, ни практических занятий нет, а потому прошу разрешить мне означенную поездку.

Проф. генетики

С. Четвериков

Помета: Разрешающая приписка помощника декана Г. Кипарисова 10.X.1939 г.

Помета: Виза ректора Шеронина – “в приказ”

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 112. Л. 112. Автограф.

87.

Заявление ректору университета М.А. Шеронину от группы студентов – зоологов V курса и лаборантов биологического факультета с просьбой о прочтении проф. С.С. Четвериковым курса энтомологии

22 октября 1939 г.

⟨...⟩

Ректору Горьковского университета от ст[уденто]в V курса зоологов Пономаревой, Овсянниковой, Кленкиной, Шиндермана, Копыловой, ст. лаб. Правдиной и лаб. Бронниковой

Заявление

Просим разрешить нам слушать факультативный курс энтомологии, который изъявил согласие читать проф. Четвериков.

Подписи: Овсянникова, Л. Пономарева, А. Кленкина, Копылова, Шиндерман, Бронникова, Правдина.

Помета: Разрешаю

Шалыганова

Помета: В приказ отдано

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 112. Л. 183. Подлинник.

Из приказа № 158 ректора ГГУ М.А. Шеронина от 22 октября 1939 г., разрешающего проф. С.С. Четверикову прочесть факультативный курс энтомологии (...)

Разрешить проф. Четверикову С.С. провести для студентов V к[урса] биофака факультативный курс энтомологии.

Ректор ГГУ

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 103. Л. 9, 10. Подлинник.

Из плана научно-исследовательских работ кафедры генетики ГГУ на 1940 г.

Конец 1939 г.

Кафедра генетики. Проф. Четвериков

	Нач[ало]	Окон[чание]	Исполнитель Ассигнования
1. Пробл[ема]: Эволюция и систематика. Т[ема]: Опыт объективного построения системы организмов	Перех[одная] 1940	1.X.1941	Госбюджетная. 4800 р.
2. Пробл[ема]: Изучение природы Горьковской области. Т[ема]: Фауна Lepidoptera	Перех[одная] 1938	1.X.1940	Проф. С.С. Четвериков. Госбюджетная 3400 р.
3. Пробл[ема]: Выведение хозяйственно полезных пород дубового шелкопряда. Т[ема]: Селекция шелкопряда на скороспелость и моновольтинность. П[од]/т[ема]: Селекция на моновольтинность	Перех[одная] 1938	1944	Из средств НКЗ СССР. 4000 р.
4. Пробл[ема]: та же. Т[ема]: методы общей селекции на скороспелость китайского дубового шелкопряда	Перех[одная] 1938	1.01.1940	Доц. З.С. Никоро. Из средств НКЗ СССР. 6000 р.
5. Пробл[ема]: та же. Т[ема]: селекция на скороспелость на основе стадийного развития шелкопряда. П[од]/т[ема]: Установление стадий развития (по Лысенко) у дубового шелкопряда	Перех[одная] 1938	1.X.1940	Аспир. Белов. Из средств НКЗ СССР. 6000 р.
6. Пробл[ема]: та же. Т[ема]: Выведение линий с различной окраской коконов.	Перех[одная] 1938	1945	Лабор. Флёсс. НКЗ. 3000 р.
7. Пробл[ема]: Улучшение сортов с/х растений. Т[ема]: Выведение сорта однодомной конопли для Горьковской области	1940	1942	Доц. Мирюта. Госбюджетная. 3000 р.

	Нач[ало]	Окон[чание]	Исполнитель Ассигнования
8. Пробл[ема]: та же. Т[ема]: Изучение свободного и комплексного сочетания отцовских и материнских хромосом в редукционном делении	1940	1941	Доц. Мирюта. Госбюджетная. 2000 р.
9. Пробл[ема]: та же. Т[ема]: Генетический анализ некоторых признаков у <i>Arachis hypogea</i> .	1.01.1940	1.09.1941	Доц. Мирюта. Госбюджетная. 1000 р.
10. Пробл[ема]: Разработка методики селекции. Т[ема]: Генетический анализ депрессии инбридинга	Перех[одная] 1938	1.06.1940	Ст. лабор. Грязнов. Госбюджетная. 400 + 700 р.
	Госбюджет		11900 р.
	Наркомзем		17600 р.

Декан

С.С. Четвериков

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 163. Лл 15, 16. Подлинник.

90.

Из приказа № 44 ректора ГГУ М.А. Шеронина от 15 мая 1940 г. о возложении обязанностей декана биологического факультета на проф. С.С. Четверикова

[Шалыганова О.Н. уезжает на 10 дней в Москву, обязанности декана на этот срок возлагаются на проф. С.С. Четверикова*].

Ректор ГГУ

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 153. Л. 85. Подлинник.

91.

Из приказа № 52-а ректора ГГУ М.А. Шеронина от 1 июня 1940 г. о разработке деканом биофака ГГУ проф. С.С. Четвериковым плана ликвидации академической задолженности студентами

Обязать декана Биофака проф. С.С. Четверикова разработать план ликвидации академической задолженности студентами будущего IV курса в период с 23 по 29 сентября с.г., а студентами V к. – в период с 1 по 5 октября с.г.

Ректор ГГУ

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 153. Л. 105. Заверенная копия.

* Мы уже упоминали ранее, что со 2-го семестра 1937–1938 учебного года проф. Четвериков С.С. фактически исполнял обязанности декана, неутвержденного Управлением по делам университетов НКП РСФСР, а доц. Шалыганова, числясь деканом, оставалась его помощником.

Приказ № 57 ректора ГГУ М.А. Шеронина от 11 июня 1940 г. об утверждении проф. С.С. Четверикова в должности декана биофака ГГУ

Объявляю распоряжение Управления по делам Ун[иверсите]тов и НИИ Наркомпроса РСФСР от 9 июня 1940 г. № 50.

Утвердить профессора Четверикова С.С. в должности декана биологического факультета Горьковского Госуниверситета.

И.О. начальника Управления по делам Университетов и НИИ Щеголев.

Ректор

М. Шеронин

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 153. Л. 114. Заверенная копия.

Из отчета декана биологического факультета ГГУ С.С. Четверикова о научно-исследовательской работе кафедры за четвертый квартал 1940 г.

По кафедре генетики и селекции.

Зав. каф. С.С. Четвериков.

1. Проф. Четвериков

1) Фауна Lepidoptera Горьковской обл. Выполнено 75% – недостаток времени*.

2) Опыт объективного построения систематики организмов – не выполнена. Отсутствие средств.

3) Селекция дубового шелкопряда на моновольтинность – переходящая тема с 1938 г. на 6 лет, отпущено НКЗ 10 000 р.

2. Доц. Никоро З.С.

1) Методы общей селекции на скороспелость китайского дубового шелкопряда (НКЗ) – переходящая с 1938 г. на 6 лет.

2) Селекция на скороспелость на основе стадийного развития дубового шелкопряда – переходящая с 1938 г. на 6 лет (в плане – аспирант Белов – уехал).

3. Ст. лаб. Флесс В.Э.

1) Выведение линий дубового шелкопряда с различной окраской коконов – с 1939 г. на 6 лет.

4. Доц. Мирюта Ю.П.

1) Выведение сорта однодомной конопля для Горьковской области. Результаты – в рукописи. Переходящая до 1942 г. Выполняется успешно.

2) Изучение свободного и комплексного сочетания отцовской и материнской хромосом в редукционном делении. Окончание в 1941 г. Эксперименты на шпинате.

3) Генетический анализ некоторых признаков у *Arachis hipogaeae*. Рукопись выполненной темы. Предполагается комплексное исследование с кафедрой химического анализа – проф. И.М. Коренман.

Сверх плана изучались:

1. Управление соотношением мужских и женских цветов на растениях тыквы и клецвины. Влияние внешних факторов.

2. Цитоэмбриологическое изучение *Cucurbita pepo* – собран материал.

* Впоследствии проф. Н.М. Артемов на основе переданной ему С.С. Четвериковым картотеки с описанием собранных им бабочек Горьковской области издал этот труд, сохранив авторство С.С. Четверикова (1993, Н.Б., ННГУ).

3. Выведение сортов дыни для Горьковской области. Выделены лучшие сорта для высева в 1941 г. Разработан план скрещивания.

4. Повышение махровости у левкоя. Продолжится в 1941 г.

5. Ст. лаб. (бывший) И.Н. Грязнов – Генетический анализ депрессии инбридинга. Нет подробных данных. Выполняется. Грязнов вышел из штата кафедры*.

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 99. Лл. 101, 102. Автограф.

94.

Заявление С.С. Четверикова ректору ГГУ о командировке в Москву для участия в похоронах акад. ВАСХНИЛ Н.К. Кольцова

Горький

4 декабря 1940 г.

Ректору ГГУ

Ввиду полученной мною телеграммы о скоропостижной смерти акад. ВАСХНИЛ Н.К. Кольцова прошу дать мне командировку в Москву на срок от 5 по 8 декабря с.г. для присутствия на его похоронах.

С. Четвериков

Помета в конце заявления: В приказ. Разрешить командировку проф. С.С. Четверикову в Москву на похороны акад. Н.К. Кольцова на срок с 5.XII по 8.XII.40 г.

Проректор

К. Новосельцев.

Помета на правом верхнем углу: № 155 – § 6

3.XII.40**

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 153. Лл. 30. Автограф.

95.

Из отчета о научно-исследовательской работе ГГУ за 1940 г.

[Декабрь] 1940 г.

Выполнение плана по Университету. <...>

Кафедра Генетики и селекции продолжала работу по селекции дубового шелкопряда по заданию НКЗ СССР.

<...> На кафедре генетики (зав. каф. проф. Четвериков) велась работа гл[авным] обр[азом] по договорной тематике. По заданию НКЗ СССР ведутся работы по селекции дубового шелкопряда (селекция на моновольтинность, селекция на скороспелость и др.). Все темы явл[яются] переходящими. Работа контролируется НКЗ СССР.

Госбюджетные темы проф. Четверикова “Фауна чешуекрылых Горьк[овской] области” и “Опыт объективного построения системы организмов” не выполнены в связи с занятостью по выполнению договорной тематики.

Доц. Мирюта работал над вопросами выведения сорта однодомной конопли для Горьк[овской] области (тема переходящая), в настоящее время выращено

* И.Н. Грязнов в это время работал ученым секретарем ГГУ.

** Можно предположить, что данное разрешение ректора было включено в приказ № 155, § 6 от 3 декабря 1940 г.

третье поколение. Подобран материал для Горьк[овской] области. Им же закончена в 1940 г. работа на тему “Генетический анализ некоторых признаков у арахиса”. Работа подготовлена к печати. {...}

Проректор

К. Новосельцев

ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 163. Лл. 70, 78. Подлинник.

96.

Извещение кафедры марксизма-ленинизма ГГУ проф. С.С. Четверикову о проведении теоретической конференции на тему “Тихоокеанская проблема”

Март 1942 г.

Заведующий кафедрой профессор Четвериков С. С.

Сообщается план проведения теоретической конференции на тему “Тихоокеанская проблема” с просьбой оповестить всех сотрудников кафедры и обеспечить их присутствие на конференции 11 марта (среда).

1. Профессор Четвериков “Роль тихоокеанского бассейна в мировой экономике”.

2. Профессор М.Б. Нейман “История тихоокеанской проблемы”.

18 марта

1. Профессор А.А. Андронов “Современная тихоокеанская война”.

2. Выступления профессора И.И. Пузанова, доцента А.Г. Майер, доцента А.В. Видмановой и ассистента А.И. Кокорина.

3. Заключительные слова.

Заседания конференции будут проходить на химическом факультете в аудитории № 18 с 7 часов вечера.

Кафедра марксизма-ленинизма.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 39. № 2. Подлинник.

97.

Объяснительная записка проф. С.С. Четверикова ректору ГГУ Яковлеву А.А. по поводу выговора, объявленного ему приказом от 5 мая 1944 г.*

Горький

15 мая 1944 г.

Ректору ГГУ

По поводу выговора, объявленного Вами мне в приказе № 59 п. 5 от V.1944 г., считаю необходимым дать следующие разъяснения.

Не отрицая факта грубого обращения с моей стороны с В.Д. Смирновой, решительным образом протестую против квалификации его “при исполнении служебных обязанностей”. Никаких служебных взаимоотношений между мной и В.Д. Смирновой не существовало – аспирантуру она закончила еще в 1943 г., а на службе Опорного пункта по дубовому шелкопряду, где я являюсь директором, она никогда не состояла. Поэтому вышеуказанную квалификацию считаю неправильной и прошу ее снять.

* Докладную записку с жалобой В.Д. Смирновой на грубость С.С. Четверикова найти не удалось, так же как и оригинал или копию приказа ректора о выговоре.

Кроме того считаю необходимым добавить, что грубость с моей стороны была вызвана глубоким личным оскорблением, которое В.Д. Смирнова себе позволила перед тем нанести мне.

Проф. С. Четвериков

Помета: т. Фрум: В личное дело проф. Четверикова. Автограф ректора Яковлева.

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 56. Автограф.

98.

Характеристика администрации и партийного бюро ГГУ на проф. С.С. Четверикова, зав. каф. генетики и селекции

[Конец 1944 г. – январь 1945 г.]*

Профессор Четвериков Сергей Сергеевич, 1880 г. рождения, по соц. происхождению сын фабриканта, по национальности русский. В Горьковском Университете Четвериков С.С. работает с 1935 г. в качестве заведующего кафедрой генетики. В настоящее время является деканом биологического факультета.

Профессор Четвериков С.С. является организатором Горьковского Опорного пункта по селекции дубового шелкопряда, где, начиная с 1937 г., проводит большую научно-исследовательскую работу по выведению моновольтинной породы китайского дубового шелкопряда. В 1944 г. по этой теме С.С. Четвериков сделал ценный доклад на научной конференции в Горьковском Университете и на VII пленуме Комиссии Шелководства ВАСХНИЛ, а сейчас работа с дубовым шелкопрядом принята к печати Всесоюзной Академией СХ наук (ВАСХНИЛ). Эта работа представляет большой научный интерес и решает важную народно-хозяйственную задачу дубового шелководства на большой территории Европейской части СССР.

Профессор Четвериков С.С. является представителем современной школы советских генетиков. Среди его учеников имеется ряд выдающихся молодых советских генетиков, как например, доктор биологических наук Н.П. Дубинин, Б.Л. Астауров и др., кончивших университетский курс и проходивших аспирантуру под его руководством. Еще в 1926 г. проф. С.С. Четвериков дал крупную содержательную работу по генетическому строению естественных популяций в связи с общими проблемами эволюционного учения на основе дарвиновской теории. Его по праву можно считать основоположником интенсивно разрабатываемой ныне у нас и за границей главы генетики, занимающейся экспериментальным изучением эволюционных процессов на основе современных генетических представлений, что и подчеркнул акад. М.М. Завадовский в тезисах своего доклада на научной конференции МГУ (5–12 июня 1944 г.), посвященной роли русской науки в развитии мировой науки и культуры.

Профессор Четвериков С.С. является прекрасным лектором, пользуется заслуженным уважением студентов. В своих лекциях он твердо стоит на позициях диалектического материализма, проводя последовательную борьбу с механистическими установками некоторых, особенно американских учений.

* Датируется по содержанию документа.

В прошлом (1929–1935 г.) профессор Четвериков С.С. подвергался административной высылке из Москвы. В настоящее время профессор Четвериков С.С. является политически выдержанным человеком.

Ректор Горьковского университета
Секретарь Партбюро ГГ университета

Яковлев
Гусева

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 65. Заверенная копия.

99.

Автобиография проф. С.С. Четверикова, написанная в связи с представлением ГГУ ходатайства в ВАК о присуждении ему ученой степени доктора биологических наук

29 января 1945 г.

Родился я 24 апреля (ст. ст.) 1880 г. в г. Москве в семье фабриканта. Среднее образование я получил в Москве, в реальном училище Воскресенского, которое окончил в 1897 г. По настоянию отца я уехал в том же году в Германию, где поступил в *technicum Mittweide* (Саксония), но, проучившись там один семестр, добился своего возвращения в Россию и согласия семьи на поступление в Университет, на Естественное Отделение Физико-Математического факультета. Весной 1900 г. сдал экзамены на аттестат зрелости при Киевской пятой гимназии (без чего в Университет не принимали) и осенью того же года был зачислен в Московский Университет. В связи с происходившими тогда студенческими революционными беспорядками, в которых принимал активное участие (был членом центрального Университетского Органа, представителем Университета во Всероссийском Стачечном Комитете 1905 г., был дважды арестован), а также в связи с научной экспедицией на Тарбагатай (в 1904 г. под начальством П.П. Сушкина) окончание Университета затянулось до 1906 г. По окончании Университета был оставлен при кафедре сравнительной анатомии (М.А. Мензбира) для подготовки к профессорскому званию.

В 1909 г. был приглашен ассистентом* при каф. зоологии на Московских Высших Женских Курсах, где сразу приступил к самостоятельному чтению курса Общей Энтомологии, который и продолжал вести до 1919 г. В этом году в связи со слиянием Московских Высших Женских Курсов (II Московского Университета) с I Московским Государственным Университетом, автоматически перешел в него, где в звании доцента продолжал чтение курса Энтомологии до 1924 г. В том же 1919 г. впервые поставил в I МГУ курс Биометрии, посвященный явлению изменчивости организмов (под названием “Введение в теоретическую систематику”), пользовавшийся большой популярностью у студентов. Этот курс я читал до 1924 г. В 1924 г. я получил предложение поставить впервые в I МГУ курс Генетики, который и вел с 1924 по 1929 г.**

В течение этого же периода я занимал по совместительству ряд других должностей: 1) Временного заведующего и хранителя Зоологического Отделения Государственного Политехнического Музея (и его Библиотеки с 1920–1924 гг.); 2) заведующим отделом генетики в Институте Экспериментальной Биологии Наркомздрава с 1921–1929 гг.; 3) заведующим лабораторией генетики на Центральной Генетической Станции Народного Комиссариата Зем-

* Первоначальная должность – лаборант.

** Даты приведены не точно (см. Комментарии).

леделия с 1927–1929 гг. В 1927 г. был командирован на V Международный конгресс по генетике (в Берлине), где выступал с докладом о своих работах (и моих учеников) по изучению генетического строения естественных (диких) популяций.

В июне 1929 г. был арестован, а затем выслан в административном порядке на три года в г. Свердловск. Причина моей высылки до сих пор остается для меня неизвестной и непонятной, т.к. никакого конкретного обвинения мне предъявлено не было (допроса не было), а сам я за собой никакой серьезной вины не знаю. Могу только предполагать, что поводом к этому крайне тяжелому обстоятельству моей жизни мог послужить донос кого-либо из моих коллег, которому моя деятельность и популярность мешали делать свою карьеру. Очень возможно, что эта высылка стояла в связи с гнусной клеветой, которая перед тем была пущена и направлена против меня, и выразившаяся в том, что (вероятно) этим же лицом была прислана в Коммунистическую академию, *якобы от моего имени*, открытка с поздравлением по поводу самоубийства Каммерера*. Тяжело сейчас все это вспоминать...

В г. Свердловске я работал в 1930–1932 гг. в качестве ученого консультанта при Горкомхозе по планированию и организации зоопарка при Парке Культуры и Отдыха.

По окончании срока высылки в 1932 г. я переехал в г. Владимир, где поступил доцентом в “Учкомбов” (Высшее учебное заведение Наркомзема) и читал курсы “Биометрии” и “Энтомологии”***.

В 1935 г. был приглашен заведующим кафедрой генетики Горьковского Государственного университета, где работаю и по настоящее время (1945 г.).

В 1937 г. Наркомзем СССР обратился ко мне с предложением взять на себя работу по внедрению в наш Союз дубового шелководства путем выведения пригодной для этого породы китайского дубового шелкопряда (*Antheraea pernyi* Jek. Men). Эту работу я веду и до настоящего дня в специально для того построенной лаборатории близ г. Горького и уже добился хороших положительных результатов. Полученная мною порода “Горьковская моновольтинная № 1” сейчас находится на испытании.

За мои работы в области педагогической и научной работы я удостоился высокой награды – указом Президиума Верховного Совета СССР от 4.XI.1944 г. я награжден орденом “Знак Почета”.

Такова внешняя, фактическая сторона моей рабочей деятельности. Что же касается внутреннего ее содержания, этапов исследовательской и педагогической работы, то можно сказать следующее.

Начал я свою научную и педагогическую работу как энтомолог – систематик и фаунист, специализировавшийся на отряде Чешуекрылых (*Lepidoptera*). И по настоящее время я являюсь одним из крупнейших специалистов по этой группе насекомых, и не раз Зоологический музей Академии наук обращался ко мне за советом и содействием. Мое собрание чешуекрылых является у нас в СССР самым крупным после Академии наук и содержит не менее 300 000 экземпляров.

* Самоубийство австрийского ученого коммуниста Каммерера произошло в октябре 1926 г. в связи с подложными результатами экспериментов, якобы доказывавших наследование приобретенных анатомических признаков.

** Справки из Владимира свидетельствуют, что в Учкомбове С.С. Четвериков работал два учебных года 1932–1933 и 1933–1934, а в 1934–1935 уч. годы он вел математику в с.-х. техникуме – рабфаке [АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 65. Л. 1; Д. 97. Лл. 1, 2].

По мере углубления в вопросы зоогеографии и систематики я все более и более убеждался в том, что разрешение возникающих проблем возможно только на базе четкого и детального знания процесса видообразования. Конечно, основой этого знания должно быть эволюционное учение Чарльза Дарвина, но все же целый ряд конкретных вопросов мог быть разрешен только путем углубленного изучения законов *изменчивости* и *наследственности*. Эти законы разрабатывались и изучались двумя молодыми биологическими дисциплинами, возникшими уже *после* Дарвина – Биометрией и Генетикой. Так, оставаясь энтомологом-систематиком, я стал генетиком и биометриком.

Этот период совпал с Великой Октябрьской Революцией, и последующий затем период моей жизни является самым плодотворным, самым интересным периодом моей творческой деятельности. В эти годы я создал свой лучший курс – “Введение в теоретическую систематику”, который некоторые глубоко интересующиеся студенты (напр. В. Говорухин) находили для себя интересным слушать по три года подряд. В эти годы (с 1921 г.)* я стал работать по Генетике в Институте Экспериментальной Биологии, где вместе со своими талантливыми учениками (Н.П. Дубининым, Б.А. Астауровым, Н.К. Беляевым, С.М. Гершензоном и др.), из которых большинство является теперь докторами биологических наук и крупными советскими учеными, начал разработку основных процессов видообразования так, как они протекают в естественных совокупностях (популяциях) на основе законов наследственности и изменчивости. В 1926 г. я напечатал свою работу “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики” – первой в мировой литературе, посвященной генетической структуре естественных популяций и основным путям видовой и адаптивной дифференциации. Эта работа должна была послужить отправной точкой и вместе с тем программой большого исследования в этом направлении.

В 1927 г. я делаю доклад по этому же вопросу на V Международном Генетическом Конгрессе в Берлине, затем выступаю с пленарными докладами по эволюционным вопросам на Всесоюзном зоологическом съезде (Ленинград, 1927 г.) и Генетическом съезде (Ленинград, 1929 г.). Работа ширится, растет, открываются все новые факты, новые проблемы, новые закономерности... и все обрывается в июне 1929 г. ...

Правда, начатое мною дело не заглохло. Мои ученики (особенно Н.П. Дубинин, Д.Д. Ромашов, С.М. Гершензон)** талантливо продолжают разработку намеченной мною проблематики. За границей, независимо от моих работ, та же тема разрабатывается крупнейшими генетиками и биометриками, как R. Fischer, Добржанский и другие. На основе наших знаний законов изменчивости и наследственности процесс видообразования принимает в нашем понимании все более и более конкретные и четкие формы.

Сам же я работаю в настоящее время уже в другой области. Как я уже упоминал выше, наше Правительство поставило передо мной задачу – содействовать широкому внедрению в наше хозяйство дубового шелководства. Для этого необходимо вывести такую породу китайского Дубового шелкопряда, которая могла бы разводиться в широкой полосе Европейской части СССР, занятой так называемыми дубравами. Шелк, даваемый Дубовым шелкопрядом, идет не

* В некоторых документах указывается январь 1922 г. как период начала работы С.С. Четверикова в ИЭБе Наркомздрава (Москва).

** Имя Н.В. Тимофеева-Ресовского не упоминается, так как с 1926 по 1945 г. он жил и работал в Берлине, ВОВ 1941–1945 гг. еще не была завершена.

только на производство обыкновенных материй (“чесучи”), но это лучший материал для изготовления парашютов, а потому дубовое шелководство имеет не только народно-хозяйственное, но и большое оборонное значение.

После четырех лет работы, на основе своих генетических знаний, мною нужная порода была выведена (“Горьковская моновольтинная № 1”) и в настоящее время она проходит период испытания. Конечно, она потребует еще много работы по максимальному улучшению ее производственных показателей, хотя уже и сейчас, так как она есть, она обладает рядом очень хороших качеств шелка.

В течение моей долгой исследовательской жизни я многократно принимал участие в различных зоологических экспедициях в разные области нашей обширной Родины, сначала в качестве рядового сотрудника, затем в качестве начальника экспедиции. Мною подробно обследованы такие места, как Тарбагатай, Средний Урал, Крым, сев. Кавказ, Лапландия, не говоря уже о центральной России. Результаты этих экспедиций были мною доложены на заседаниях различных ученых Обществ (Московское Общество Испытателей Природы и его Горьковское Отделение, Русское Энтомологическое О-во, Московское Энтомологическое О-во), а фактические материалы в виде обширных сборов чешуекрылых хранятся в моей коллекции.

С. Четвериков

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Лл. 8–10. Автограф.

100.

Докладная записка декана биофака ГГУ С.С. Четверикова ректору ГГУ А. Яковлеву о состоянии учебного процесса на кафедре биохимии и физиологии растений

9 марта 1945 г.

Настоящим сообщаю Вам о неблагоприятном положении на кафедре физиологии растений и биохимии проф. Н.П. Красинского.

Проф. Н.П. Красинским в очень большой степени невыполнен учебный план по дисциплине физиологии растений. Объясняется это частыми поездками в Москву (около 1½ месяцев) и болезненным состоянием.

Фактически дело обстоит так:

I семестр – по плану и расписанию полагалось	108 часов
II семестр “ “ “ до 10 марта полагалось	4 часа
Итого 112 часов	
Фактически прочитанные лекции:	
I семестр	62 часа
II семестр	7 часов
Итого 69 часов	

Таким образом, недочитано 43 часа!

В целях ликвидации получившегося прорыва мною в расписание занятий на II сем. введен лишний недельный час по физиологии растений, что даст 12 часов дополнительно в семестр. Кроме того, я по возможности прошу проф. Н.П. Красинского занимать часы отсутствующих лекторов (напр. проф. Станкова). Однако последняя мера не всегда приводит к цели, т.к. проф. Красинский

отказывается иногда от предлагаемых часов лекций на том основании, что не может читать лекции каждый день по 2 часа.

Обо всем этом довожу до Вашего сведения.

Декан биологического факультета

проф. С.С. Четвериков

Пометы: 1) Переговорить с проф. Красинским об использовании каждого свободного часа и о переводе Асташевой на 1/2 ставки, а Красинского на почасовую оплату в связи с назначением Федорова. 2) А.И. Маркову Ваши соображения? А.Я.

ГАНО. Ф. 377. Д. 2250 папка 1*.

Автограф.

101.

Из протокола № 13 ВАК ВКВШ при СНК СССР от 9 июня 1945 г. об утверждении Четверикова С.С. в ученой степени доктора биологических наук

29 июня 1945 г.

Слушали: § 28. Об утверждении Четверикова Сергея Сергеевича в ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации (Московский орден Ленина Государственный университет им. М.В. Ломоносова и Горьковский Государственный университет).

Постановили: Утвердить Четверикова Сергея Сергеевича в ученой степени доктора биологических наук.

Зам. председателя Высшей

Аттестационной Комиссии

Ученый секретарь

Верно: Ученый секретарь Высшей

Аттестационной Комиссии

И. Кузьминых

Н. Денисов

Н. Денисов

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 60. Заверенная копия.

102.

Из приказа № 69 ректора ГГУ А.А. Яковлева от 4 июля 1945 г. об утверждении проф. Четверикова С.С. в ученой степени доктора биологических наук

В связи с присуждением проф. Четверикову С.С. ученой степени доктора биологических наук установить ему с 1 июля с.г. зарплату 2300 р. в месяц.

Ректор

Выписка верна: Секретарь**

Яковлев

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 59. Заверенная копия.

103.

Из стенограммы беседы журналиста Горьковского радио с ректором ГГУ А.А. Яковлевым и проф. С.С. Четвериковым в связи с указом правительства о введении нагрудного значка для лиц, закончивших курс обучения в университете

5 ноября 1945 г.

* Документы в деле 2250 не пронумерованы.

** Подпись неразборчива.

Получив Указ президиума Верховного Совета СССР, в тот же день ректор Университета А.А. Яковлев и декан Биологического факультета проф. С.С. Четвериков выступают по радио Горьковской станции. Они подчеркивают важное значение нагрудного знака для оканчивающих университет*.

Корреспондент: Попросим уважаемого Сергея Сергеевича Четверикова сказать несколько слов о начале учебного года.

Выступление профессора Четверикова:

Что нового принесет наступающий учебный год студентам Биологического факультета? Прежде всего надо отметить организацию на факультете ряда новых кафедр и расширение некоторых существующих, но сильно сократившихся в годы войны. Вновь утверждается кафедра геоботаники и географии растений, кафедра экологии животных, окончательно формируется кафедра микробиологии. Привлекаются новые преподаватели на кафедры: геологии, гистологии и генетики. Благодаря этому мероприятию значительно расширяется объем научной и педагогической работы Биологического факультета и увеличивается число дисциплин, по которым будут специализироваться студенты.

Другим важным улучшением работы моего факультета явится восстановление летней производственной практики старших курсов в том виде, как она была до войны. Во время войны приходилось ограничивать производственную практику работой в научных учреждениях самого университета: в университетском ботаническом саду, на биологической станции или в ближайших к Горькому научно-исследовательских институтах и учреждениях. Теперь, с восстановлением мирных условий снова предоставляется возможность посылать студентов в дальние и более интересные места (Ледовитый океан, Каспийское и Черное моря, Крым, Кавказ, Ср. Азия и др.), что значительно увеличивает интерес студентов к исследовательской работе и расширяет их общий и научный кругозор. К такой практике частично мы прибегали уже в нынешнем году.

ГАНО. Ф. 377. Д. 2250. Папка 1. Лл. 3–5. Расшифрованная стенограмма. Машинопись.

104.

Из приказа № 81 и.о. ректора ГГУ Фадеева от 7 мая 1947 г. об увольнении С.С. Четверикова с должности декана биофака по состоянию здоровья**

На основании приказа зам. министра высшего образования СССР от 28 апреля с.г. за № 701/в освободить от должности декана биологического факультета профессора Четверикова Сергея Сергеевича с 1 мая 1947 г. по состоянию здоровья.

И.о. ректора

Фадеев

Выписка верна: Секретарь

Бологова

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 62. Заверенная копия.

105.

Из программы курса “Общая генетика и селекция”, прочитанного С.С. Четвериковым в ГГУ студентам, специализирующимся на кафедре генетики^{3*}.

1947 г.

* Фамилия и имя журналиста, подготовившего передачу, неизвестны. Текст выступления А.А. Яковлева опущен.

** С.С. Четвериков подал заявление об увольнении в связи с перенесенным вторым инфарктом.

^{3*} Выбраны лишь пункты, касающиеся осложнений и усложнений при анализе менделевских законов наследования.

⟨...⟩

4) [Осложнения менделевских закономерностей:] ⟨...⟩

Промежуточное доминирование; явления взаимодействия генов (комплементарные гены; новообразования вследствие перекombинации генов. Эпистаз и гипостаз; расщепления в отношениях 9:7; 13:3; 9:3:4 и т.д.

5) Множественный аллеломорфизм; плейотропия генов; генотипическая среда: усилители, ослабители и модификаторы генов. Полимерия генов (множественные факторы); наследование количественных признаков.

⟨...⟩

15) Реализация признака: его “проявление”, “выражение” и “специфичность”. Факторы, влияющие на реализацию признака. Явление доминирования и его объяснение *Фишером и Мичуриным – Лысенко*. Явление перемены доминирования и непроявления признака.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 96. Л. 1. Подлинник.

106.

Из отчета о научно-исследовательской работе кафедр биофака ГГУ за 1947 г.

Горький

23 июня 1947 г.

⟨...⟩

Кафедра генетики

Ведутся в настоящее время три темы:

1. Селекция дубового шелкопряда.
2. Влияние на мутационный процесс температурного фактора.
3. Влияние на мутационный процесс химических факторов.

По первой теме в течение первого квартала текущего года проводилась камеральная обработка результатов выкормки прошлого года и подготовка к выкормке настоящего года: в частности составлялся план скрещивания, учитывая главным образом вес оболочки кокона и показатели разматываемости нити (рандеман), далее заново обтягивались все садки, дезинфицировались помещения, приводился в порядок рабочий инвентарь и т.д. ⟨...⟩

Зав. каф. генетики

проф. С. Четвериков

Помета: в ответ на запрос от 5.VI.1947 г.

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 255. Л. 6. Автограф.

107.

Докладная записка зав. кафедрой генетики и селекции С.С. Четверикова ректору ГГУ проф. А.Н. Мельниченко

6 декабря 1947 г.

Кафедра генетики и селекции

[Проф. Четвериков, изучив приказ Министра Высшего Образования СССР т. С.В. Кафтanova от 24 ноября 1947 г. за № 1739, сообщает о необходимости:]

1. Тщательного пересмотра программ всех читаемых курсов [с целью:]

а) Привести в максимальное соответствие содержание курса с марксистско-ленинской философией, указывая всюду, где только это оказывается возможным, правильный диалектический подход к рассматриваемым фактам и подвергая четкой критике недиалектические, неправильные теории западноевропейских ученых (Лотси, Бэтсона, Гальтона и др.) [см. Комментарий].

б) Усилить до возможного предела (не нарушая однако целостность курса и равновесие отдельных его частей) изложение работ русских ученых, относящихся к генетике и селекции (работы К.А. Тимирязева, И.В. Мичурина, Н.И. Вавилова, С.Г. Навашина, Г.Д. Карпеченко, Н.К. Кольцова, Т.Д. Лысенко, Н.В. Цицина, Мейстера, Лебедева, Державина, Хижняка и еще многих других). Работы перечисленных ученых и практиков-селекционеров проложили совершенно новые пути как в области Генетики, так и в области селекционной практики, разработав в условиях Советского строя чрезвычайно интересную обширную плодотворную область отдаленной гибридизации.

Наши настоящие, крупные русские ученые, такие как проф. Тимирязев, акад. Навашин, акад. Мичурин, акад. Лысенко и многие другие, высоко и гордо несли в мировую науку знамя РУССКОЙ НАУКИ! Никогда они не страдали низкопоклонством перед западными учеными и горячо, убежденно отстаивали честь и достоинство своей РОДИНЫ в общей сокровищнице человеческих знаний. Учить нашу молодежь брать с них пример – наша святая обязанность. <...>

Зав. каф. генетики и селекции

проф. С. Четвериков

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 246. Л. 4. Автограф.

108.

Из протокола заседания кафедры генетики и селекции ГГУ об утверждении индивидуальных планов сотрудников по повышению идейно-политического уровня

Горький

7 мая 1948 г.

Повестка дня:

1. Утверждение индивидуальных планов членов кафедры по повышению идейно-политического уровня.

Слушали:

Сообщение проф. Четверикова.

Постановили:

Доц. Шереметьев. Труд Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” – до 1.X.48 г.

<...>

Асс. Грязнов. К 1 июля 1948 г. – произведение т. Сталина “Изучение послеоктябрьского периода”, тт. IV, V, VI и VII к 1 янв[аря] 1949 г.

<...>

Проф. С.С. Четвериков – подготовить доклад для философского семинара на тему “Роль случайности в закономерных процессах” [к] 1.I.49 г.

Секретарь [кафедры]

Дегтярева

Зав. кафедрой

проф. С. Четвериков

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 246. Л. 46. Подлинник.

Из приказа № 201 ректора ГГУ проф. А.Н. Мельниченко от 31 августа 1948 г. об увольнении профессора, доктора биологических наук С.С. Четверикова из числа сотрудников Горьковского университета

Во исполнение приказа министра высшего образования от 23 августа с.г. № 1208 зав. каф. генетики и селекции профессора Четверикова С.С. от работы в Университете освободить с 1 сентября с.г.

Ректор
копия верна: Секретарь*

Мельниченко

ГАНУ. Ф. 377 Оп. 8-а. Д. 97. Л. 63. Заверенная копия.

Приказ № 204 ректора ГГУ проф. А.Н. Мельниченко от 6 сентября 1948 г. о проведении Советов биофака и университета с обсуждением итогов августовской сессии ВАСХНИЛ

Доклад академика Т.Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ “О положении в биологической науке”, [постановление] ЦК ВКП(б) и решение сессии имеют историческое значение для дальнейшего успешного развития самой передовой в мире советской мичуринской биологии.

Полная победа последовательно материалистической советской мичуринской биологии над идеалистическим, реакционным дейсманизмом-морганизмом является большим и радостным событием не только для биологов-мичуринцев, но и для всех советских людей.

Идейно и организационно разгромленный в СССР дейсманизм-морганизм, антинаучный в своей основе, практически бесплодный и вредный, был и остается опасным прикрытием идеологической и политической реакции в мировой науке.

Для дальнейшего плодотворного развития советской биологии необходимо не только полностью изгнать из учебной и научной работы даже малейшие остатки реакционного дейсманизма-морганизма, но необходимо немедленно обеспечить все условия для господства и расцвета мичуринской биологии.

Приказ Министра высшего образования СССР т. Кафтанова от 23 августа с.г. № 1208, а также решение Всесоюзного Совещания актива работников высших учебных заведений СССР “О мерах по улучшению преподавания биологических наук в высшей школе” указывают пути и способы решения этой большой государственной задачи. Научные работники – биологи и весь коллектив Горьковского университета обязаны выполнить решения августовской сессии ВАСХНИЛ и приказ Министра о развитии мичуринской биологии с чувством высокой ответственности, инициативы и большевистской принципиальности.

В деле исполнения этого ответственного задания Партии и Правительства Горьковский государственный университет обязан проявить особо значительные усилия. Ведь в стенах Горьковского университета в течение 13 лет (с 1935 г.) работал в качестве заведующего кафедры генетики и селекции проф. Четвериков С.С., – один из давних и закоренелых морганистов-менделистов, который с университетской кафедры свободно и широко пропагандировал схола-

* Подпись неразборчива.

стику и мистику вейсманизма-морганизма, не встречая организованного отпора со стороны руководства и работников биологического факультета. Более того, в течение ряда лет, до мая 1947 г., проф. Четвериков был деканом биологического факультета, что давало ему возможность использовать административное положение для пропаганды лженаучного морганизма-менделизма и задержки развития в стенах университета мичуринской биологии.

Такие пороки в научной работе биологического и других факультетов университета, как грубый отрыв ряда тем от практики социалистического строительства, отход некоторых научных работников от местной актуальной тематики, наличие элементов аполитичности, объективизма в преподавании учебных дисциплин, отсутствие в ряде случаев в процессе преподавания боевой критики идеализма, поповщины и др. прикрытий идеологической и политической реакции, обнаружены не только на бывшей кафедре генетики и селекции, но и на некоторых других кафедрах университета.

В Ботаническом саду университета за 16 лет его существования не только не исполнена ни одна научная работа в плане развития мичуринской биологии, но там даже не заложены хотя бы с учебной целью классические опыты Мичурина и Лысенко по вегетативной гибридизации, по яровизации растений и др. Еще более оторвана от вопросов передовой советской биологии “Биологическая станция” университета, на которой за 14 лет ее существования не выполнена ни одна сколь-нибудь значительная научная работа.

Все это прямо или косвенно связано с тем зловредным влиянием, которое оказывал на работу кафедр биологического факультета свой доморощенный вейсманизм-морганизм при отсутствии организованного отпора со стороны руководства и научных работников факультета. В связи с этим необходимо отметить, что и кафедра основ марксизма-ленинизма университета, в среде которой имеются специалисты по вопросам марксистской философии, не помогала кафедрам биологического факультета своевременно разобраться в реакционно-идеалистической сущности вейсманизма-морганизма.

Полностью изгоняя остатки вейсманизма-морганизма из научной и учебной работы, коллектив биологов университета обязан в ближайшее время овладеть высотами передовой мичуринской биологии и все свои силы и опыт приложить к дальнейшему развитию и расцвету советского творческого дарвинизма. Необходимо в плане принципов мичуринской биологии коренным образом перестроить научно-исследовательскую работу кафедр биологического факультета, срочно пересмотреть учебные программы, учебники и учебные пособия, устраняя из них все несоответствующее задачам укрепления мичуринского направления в биологии, необходимо организовать углубленное изучение преподавателями и студентами работ классиков советского творческого дарвинизма – Тимирязева, Мичурина, Лысенко, Вильямса, Северцова и др. Биологам университета необходимо принять самое активное участие в пропаганде мичуринской биологии среди широких слоев населения.

Во исполнение этой большой идейно-научной работы коллективу биологов университета приказываю осуществить следующие мероприятия:

1. К 1-му сентября с.г. выполнить приказ Министра высшего образования СССР от 23 августа 48 г. № 1208 об организации в университете кафедры дарвинизма.

2. 6 сентября с.г. созвать расширенное заседание Совета биологического факультета для обсуждения доклада: “Итоги работы и решения августовской сессии ВАСХНИЛ о развитии мичуринской биологии и наши задачи” (докладчик проф. А.Н. Мельниченко).

3. 8 сентября с.г. на общем собрании студентов биологического факультета поставить доклад-лекцию: «Доклад академика Т.Д. Лысенко “О положении в биологической науке” и наши задачи по развитию мичуринской биологии» (лекция проф. А.Н. Мельниченко).

4. 15 сентября с.г. созвать расширенное заседание Ученого Совета университета для обсуждения доклада: “Итоги работ и решения августовской сессии ВАСХНИЛ о развитии мичуринской биологии и наши задачи” (докладчик проф. А.Н. Мельниченко).

5. До 12 сентября с.г. на всех кафедрах факультета произвести углубленный пересмотр учебных программ и учебников, перестроив преподавание биологических дисциплин в полном соответствии с принципами мичуринской биологии. Это же относится к учебным планам аспирантов биологического факультета (ответ[ственные] зав. каф. и декан).

6. До 10-го сентября с.г. на всех кафедрах закончить пересмотр тематики научно-исследовательских работ, подвергнув немедленному изъятию темы заведомо антинаучные, морганистские, а также темы, неактуального значения, оторванные от практики социалистического сельского хозяйства (ответ[ственные] зав. каф., декан и проректор по научной работе).

7. Тематику научно-исследовательских работ биологических кафедр в ближайшее время, не позднее, чем до 25 сентября, пополнить темами, имеющими актуальное сельскохозяйственное или теоретическое значение в плане задач советской мичуринской биологии (ответ[ственные] зав. каф., декан и проректор по научной работе).

8. До 15 сентября с.г. на каждой кафедре обсудить печатные научные работы сотрудников кафедр, опубликованные в “Ученых Записках” университета или в других изданиях, подвергнув суровой принципиальной критике работы антимикуринского направления (ответ[ственные] зав. кафедрами).

9. Обязать директора Ботанического сада университета тов. Горохову заложить на территории Сада уже осенью этого года питомник мичуринских плодово-ягодных растений, а также показательные опыты мичуринцев по вегетативной гибридизации, по яровизации и др.

10. Обязать зав. каф. зоологии беспозвоночных и зав. каф. зоологии позвоночных до 15 сентября с.г. пересмотреть план научной работы Биостанции, включив в план исследований актуальные темы местного значения.

11. Предложить кафедральным коллективам научных работников биологического факультета включиться в работу по составлению учебников и учебных пособий по соответствующим биологическим дисциплинам. Конкретные предложения по этому делу представить в учебную часть университета не позднее 20 сентября с.г. (ответ[ственные] зав. кафедрами).

12. Декану совместно с заведующими кафедр и научной общественности факультета немедленно организовать повседневное, углубленное изучение преподавания биологических дисциплин, помогая преподавателям факультета в процессе строгой, большевистской критики и самокритики устранить элементы формалистического подхода к явлениям и проблемам биологии.

13. В целях скорейшего освоения теории и методов мичуринской биологии обязать всех научных работников факультета немедленно приступить к углубленному самостоятельному изучению научных трудов Тимирязева, Мичурина, Лысенко, Вильямса.

14. В целях контроля, а главное – помощи изучающим теорию мичуринской биологии обязать зав. кафедрами созывать 1–2 раза в месяц кафедральные за-

седания, специально посвященные обсуждению результатов изучения трудов классиков мичуринской биологии.

15. С этой же целью рекомендовать декану биологического факультета созывать 2–3 раза в течение семестра общефакультетский научный семинар, поставив на обсуждение участников семинара наиболее сложные вопросы мичуринской биологии.

16. В целях популяризации и широкой пропаганды советской мичуринской биологии и ее замечательных достижений организовать на факультете и в общеуниверситетском лектории мичуринские чтения для студентов, выделив для этого лучшие силы научных работников факультета (ответственные декан факультета и секретарь партбюро факультета).

17. Призвать всех квалифицированных научных работников – биологов факультета принять активное участие в пропаганде мичуринской биологии среди широких слоев городского и сельского населения.

18. Программы работ научных студенческих кружков факультета построить полностью на основах мичуринской биологии, широко вовлекая студенческую молодежь в научно-исследовательскую работу кафедр (ответствен[ные] зав. кафедрами).

19. В конце 1-го семестра и в середине 2-го семестра текущего учебного года созвать общефакультетские учебную и научную конференции для обсуждения итогов перестройки учебно-воспитательной и научной работы биологического факультета на основах передовой мичуринской биологии.

20. Обязать научных работников кафедры основ марксизма-ленинизма, в частности, специалистов-философов оказывать работникам биологического факультета систематическую квалифицированную помощь в деле овладения высотами марксистско-ленинской философии – методологической основы мичуринской биологии.

21. Обязать учебную и научную часть ректората университета оказывать декану и заведующим кафедрам биологического факультета организационную и материальную помощь в деле перестройки работы факультета на основах мичуринской биологии.

Ректор Горьковского гос.
университета проф.

Мельниченко

ГАНО. Ф. 377. Оп. 71. Д. 473. Лл. 96–102. Подлинник.

ИЗГНАНИЕ. ЖИЗНЬ НА ПЕНСИИ (1948–1959)

111.

Извещение С.С. Четверикову о назначении ему Министерством социально-го обеспечения “академической” пенсии в размере 300 рублей в месяц

7 июня 1949 г.

Гр. Четверикову
г. Горький, ул. Минина, д. 5, кв. 6

Отдел персональных пенсий сообщает, что Постановлением Комиссии при Министерстве Социального обеспечения РСФСР от 6 мая 1949 г. протокол 12^а Вам назначена академическая пенсия в размере 300 рублей в месяц с 1 мая 1949 г. пожизненно. Пенсионная книжка выслана в Горьковский горсо.

Зав. Отделом п/пенсий Министерства
Социального обеспечения РСФСР

[Л. Русакевич]*

На бланке: РСФСР. Министерство социального обеспечения. Отдел персональных пенсий.
7 июня 1949 г. № А/10766. Москва, Шаболовка, 14. Тел. комм. В-1-95-79

Личный архив Г.В. Риле. Подлинник.

112.

Повторное извещение С.С. Четверикову о назначении ему Министерством
социального обеспечения пенсии работника науки в размере 1600 рублей в месяц

9 февраля 1950 г.

Гр. Четвериков С.С.

г. Горький, ул. Минина, д. 5, кв. 6

Отдел персональных пенсий сообщает, что Постановлением Комиссии при
Министерстве Социального Обеспечения РСФСР от 1 февраля 1950 г. протокол
№ 26 Вам назначается пенсия работника науки в размере 1600 руб. в месяц с
1 января 1950 г. пожизненно. О высылке пенсионной книжки будет сообщено
дополнительно.

Зав. отделом п/пенсий Министерства
Социального Обеспечения РСФСР

Л. Русакевич

На бланке: РСФСР. Министерство социального обеспечения. Отдел персональных пенсий.
9 февраля 1950 г. № 7-467/РН. Москва, Шаболовка, 14. Тел. комм. В-1-95-70

Личный архив Г.В. Риле. Подлинник.

113.

Охранное свидетельство Академии Наук СССР на коллекцию чешуекры-
лых, собранную С.С. Четвериковым

13 июня 1953 г.

Коллекция чешуекрылых насекомых, составленная за многолетнюю науч-
ную деятельность профессором Сергеем Сергеевичем Четвериковым, находя-
щаяся в занимаемом им помещении по улице Минина д. 5, кв. 6, ввиду ее боль-
шой научной ценности взята на учет Академией наук СССР в целях обеспе-
чения ее неприкосновенности и сохранности.

Президент Академии наук СССР
академик

А.Н. Несмеянов

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик

А.В. Топчиев

На бланке: Академия наук СССР. Москва, Б. Калужская, 14; коммутатор В 2-00-00; канцеля-
рия: В 2-49-83

Помета: № 1-343

Личный архив Г.В. Риле. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

Извещение С.С. Четверикову об избрании его почетным членом Всесоюзного энтомологического общества*

Ленинград

21 февраля 1957 г.

Доктору биологических наук Сергею Сергеевичу Четверикову

ВЫПИСКА из протокола № 1 заседания Президиума Совета Всесоюзного Энтомологического общества АН СССР от 30-го января 1957 г.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить почетным членом ВЭО доктора биологических наук С.С. Четверикова, старейшего ученого энтомолога (лепидоптеролога), организатора Московского Энтомологического общества, знатока фауны чешуекрылых Московской области, Крыма и Закавказья и многих других районов Союза.

Ученый секретарь

А.К. Загуляев

Пометы: 21 декабря 1957 г. № 243/09. Адрес ЗИНа в г. Ленинграде 164, Университетская наб., д. 1, здание Зоологического института АН СССР.

Печать Всесоюзного энтомологического об-ва АН СССР.

Архив ВЭО. Ф. С.С. Четверикова. Подлинник.

Дарвиновская плакетта, присужденная проф. С.С. Четверикову Немецкой Академией естествоиспытателей Леопольдина за выдающиеся исследования в области эволюционного учения в 1959 г. в связи со столетием выхода в свет Дарвиновского труда "Происхождение видов" (стр. 118)

а) Текст диплома к Дарвиновской плакетте за подписью президента Академии Леопольдина;

б) Герб Немецкой национальной Академии естествоиспытателей Леопольдина.

в) Лицевая и г) – обратная стороны Дарвиновской плакетты.

Размеры плакетты: 92 × 126 × 1,7 мм.

Перевод надписи на дипломе к Дарвиновской плакетте:

"Немецкая Академия естествоиспытателей Леопольдина награждает по поводу столетия, исполнившегося с момента издания дарвиновской книги "Происхождение видов" господина С.С. Четверикова, Горький-на-Волге, СССР, Дарвиновской плакеттой за выдающиеся успехи в области эволюционных исследований и генетики. 10 мая 1959 г."

Подпись президента

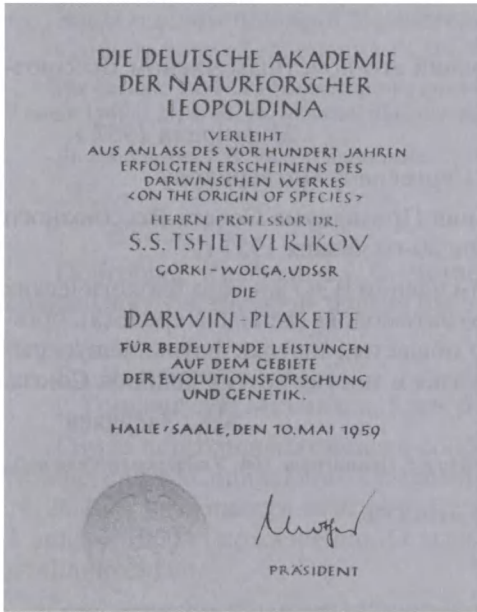
Курт Мотес (Kurt Motes)

ЭПИЛОГ. РЕАБИЛИТАЦИЯ

Ответ из Верховного суда РСФСР на ходатайство профессоров Н.М. Артемова, Т.Е. Калининой и В.В. Бабкова о реабилитации проф. С.С. Четверикова, поддержанное дирекцией Института истории естествознания и техники АН СССР

21 февраля 1989 г.

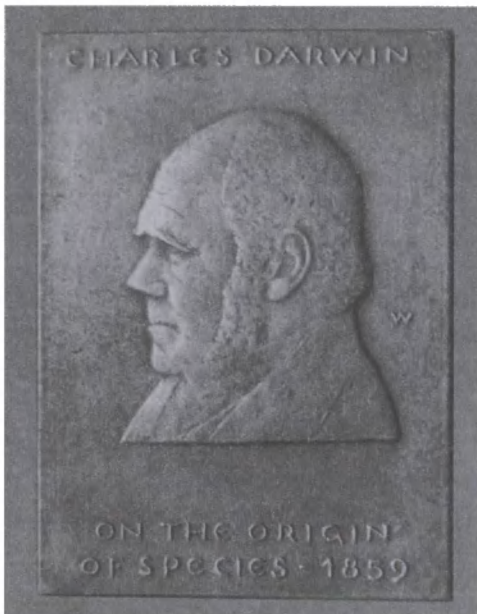
* Документ на бланке ВЭО АН СССР.

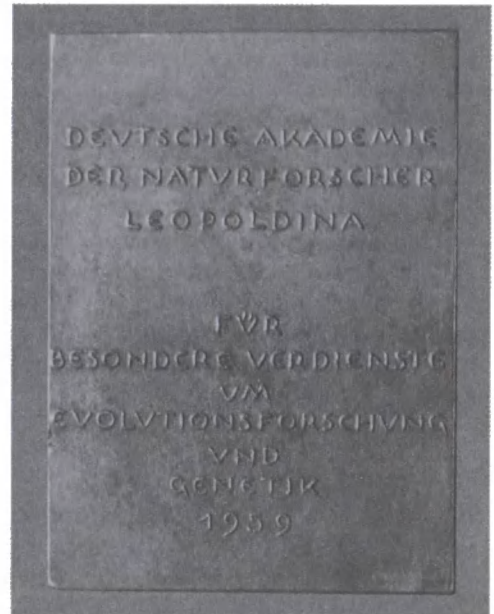
a)

b)

B)

Г)

Заместителю директора Института истории естествознания и техники тов. С.Т. Кара-Мурзе

Сообщаю, что определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 17 февраля 1989 года постановления Особого совещания при коллегии ОГПУ от 26 июля 1929 года, 16 августа 1929 года, 13 апреля 1932 года в отношении Четверикова Сергея Сергеевича отменены и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Член Верховного Суда РСФСР

П.П. Луканов

На бланке: Верховный суд РСФСР.103289, Москва, пл. Куйбышева, д. 3/7. 21.02.89, № ОС89-14

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 10. МИГУ НВ 1334. Ксерокопия. Подлинник находится в личном архиве В.В. Бабкова.

117.

Ответ Управления ФСБ по Нижегородской области на запрос ректора Нижегородского университета проф. А.Ф. Хохлова о причинах ареста проф. С.С. Четверикова в 1929 г. и обвинениях, послуживших основанием для его высылки из Москвы

18 марта 1994 г.

Ректору Нижегородского университета Хохлову А.Ф.
603600, Нижний Новгород, ГСП-20, пр. Гагарина, 23
На № 01-209-33/39 от 26 января 1994 года

На Ваше письмо, поступившее из Управления Федеральной службы безопасности по Нижегородской области, сообщаем, что Четвериков Сергей Сергеевич, 1880 года рождения, уроженец города Москвы, до ареста работал ассистентом Института экспериментальной биологии и приват-доцентом I МГУ. Арестован в г. Москве 4 июня 1929 г. по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде. Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 26 июля 1929 года на основании ст. 58–10 УК РСФСР “лишен права проживания в Москве, Ленинграде, означенных губерниях и округах сроком на 3 года”.

16 августа 1929 года особое совещание при Коллегии ОГПУ свое постановление от 26 июля 1929 г. в отношении Четверикова С.С. отменило, постановив выслать его по тем же основаниям на Урал сроком на 3 года.

Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 13 апреля 1932 года Четвериков С.С. по отбытии срока наказания лишен права проживания “в 12 пунктах и Уральской области с прикреплением сроком на 3 года”.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 17 февраля 1989 года Четвериков С.С. реабилитирован.

Направляем Вам ксерокопии некоторых документов из архивного уголовного дела на Четверикова С.С.

Одновременно сообщаем, что каких-либо материалов, связанных с поведением в заключении и ссылке Четверикова С.С в указанном деле не имеется.

Приложение: ксерокопии документов по тексту на 7 листах.

Заместитель начальника архива

А.Т. Жадобин

Штамп: Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Центральный архив. 18.03.94, № 10/А-1170. Москва.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 11. Подлинник

Ордер № 7683 ОГПУ на арест и обыск гражданина Четверикова Сергея Сергеевича

СССР

Объединенное Государственное Политическое Управление

ОРДЕР № 7683*

Июня 4 дня 1929 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела ОГПУ Садовскому на производство ареста, обыска г-на Четверикова Сергея Сергеевича по адресу: Машкова ул. дом № 17 кв. 15.

Зам. Председателя ОГПУ**

Начальник Оперативного Отдела**

ННГУ. Музей. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 2. Подлинник.

Анкета арестованного Четверикова Сергея Сергеевича (дело 75750)

Анкета № 2520

для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ.
Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты
строжайшей ответственности

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1-я часть (заполняется заключенным)	
1) Фамилия	Четвериков
2) Имя и отчество	Сергей Сергеевич
3) Гражданин (ка) какого государства	СССР
4) Национальность	русский
5) Место прописки (откуда происходит)	губ. г. Москва уезд вол. село (город)
6) Возраст (год рождения) 1880	49 лет; родился в мае месяце 1880 г.
7) Образование:	
а) грамотен ли	а) да
б) какую школу окончил	б) окончил 1 Мос[ковский] Гос[ударственный] Универ[ситет] школу
в) если не окончил, то ск. класс. (курс.) прош.	в) прошел – курс (класс) – школы

* *Примечание:* Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения (примеч. документа).

** Подписи неразборчивы.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:				
	Степень родства	Фамилия имя и отчество	Воз- раст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)
8) Состав семьи, место жи- тельства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер)	1. Жена	Четвери- кова Анна Ивановна	47	Сверхит[ат- ный] науч- н[ый] работ- [ник] Инст[и- тута] Экспе- р[именталь- ной] Биоло- гии	Машкова ул. д. 17 кв. 15
	2.				
	3. Падче- рица	Сушкина Анна Петров- на	22	Студент I МГУ	г. Астра- хань
	4.				
	5.				
9) Партийная принадлежность: а) в какой партии состоит, б) с какого времени	Беспартийный				
10) Профессия	Научный работник				
11) Род занятий и место служ- бы в момент ареста	Ст[арший] ассистент Инст[итута] Экспер[иментальной] Биол[огии] Воронцово поле, 6				
12) Состоял ли на государст- венной службе в момент ареста	Был ассистентом на Моск[овских] Выс[ших] Женск[их] Курсах				
13) Владел ли недвижимым имуществом, каким и где	Нет				
14) Если не служил и не рабо- тал по найму, то на какие средства жил	Жил на свой заработок				
15) Если служили или рабо- тали по найму, укажите в хронологическом порядке:					
	Наименование учреждения или предприятия		Должность и профессия		
До 1917 года	Москов[ские] Высш[ие] Женск[ие] Курсы		Ассистент		
С 1917 г. по посл[еднее] место службы	I Мос[ковский] Госуд[ар- ственный] Университет		Доцент		
	Инст[итут] Экспер[и- ментальной] Биологии		Ст. ассистент		
16) Привлекался ли к ответ- ственности по суду или в административном порядке	Привлекался в 1905 году по полит[ическому] делу				

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:	
	Наименование учреждения или предприятия	Должность и профессия
17) Отношение к воинской повинности: а) воинское звание, род оружия или специальность; б) если освобожден, то на каком основании	<i>Не служил</i>	
18) Когда арестован	<i>4 июня 1929 г.</i>	
19) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	<i>По ордеру "ОГПУ"</i>	
20) Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, гор., улица № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собран[ии] и проч.)	<i>г. Москва, Машкова ул. 17, кв. 15</i>	

Примечания заключенного: _____

Подпись заключенного

С. Четвериков

" 4 " июня 192 9 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

24) Официальное название места заключения

25) По чьему ордеру арестован и № ордера

26) За кем зачислен

27) Приметы заключенного

Примечания: _____

Подпись заведующего местом заключения _____

Ответы на вопросы надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом) четко, разборчиво, полностью выписывая слова, по возможности без помарок и поправок.

Помета: Орд. 7683; помета: –5СО О.Г.П.У.

Помета: д[ело] 75750; помета в конце: К № Зед/25.03.94

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 3. Ксерокопия автографа.

Выписка из протокола Особого Совещания при коллегии ОГПУ по делу С.С. Четверикова, обвиненного по 58/10 статье Уголовного Кодекса в контрреволюционной пропаганде

26 июля 1929 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 75750 по обв[инению] гр. ЧЕТВЕ-РИКОВА Сергея Сергеевича по 58/10 ст. У.К.	ЧЕТВЕРИКОВА Сергея Сергеевича из под стражи ОСВОБОДИТЬ, лишив права проживания в Москве, Ленинграде, означенных губерниях и округах сроком на ТРИ года. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ*

Помета в конце листа справа: К № 3ед
25.03.94

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 4. Ксерокопия подлинника.

Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ по делу Четверикова, отбывающего трехгодичную ссылку в г. Свердловске по обвинению в контрреволюционной агитации

13 апреля 1932 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Пересмотр дела № 75750 гр. ЧЕТВЕРИКОВА Сергея Сергеевича ...** постан[овлением] Ос[обого] Сов[ещания] от 16/8-[1929] к высылке на Урал сроком на ТРИ года. Обвин[ение] по 58/10 ст.	По отбытии срока наказания ЧЕТВЕРИКОВА Сергея Сергеевича лишить права проживания в 12 п. и Уральской обл. с прикреплением сроком на ТРИ года.

Секретарь Коллегии ОГПУ^{3*}

Помета в конце документа: К № 3ед
25.03.94

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 5. Ксерокопия подлинника.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР о пересмотре дела Четверикова С.С. и вынесении решения о его полной реабилитации за отсутствием состава преступления

17 февраля 1989 г.

* Подпись неразборчива.

** Слово на ксерокопии не читывается возможно, “приговоренного”?

^{3*} Подпись неразборчива.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе: председательствующего – Луканова П.П.
членов суда – Полетаева О.П. и Гаврилина К.Е.

рассмотрела в судебном заседании от 17 февраля 1989 г. дело по протесту заместителя Генерального прокурора СССР Сороки О.В. на постановление Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 26 июля 1929 г., которым –

ЧЕТВЕРИКОВ Сергей Сергеевич, 1880 года рождения, уроженец города Москвы, русский, беспартийный, образование высшее, до ареста работавший старшим ассистентом Института экспериментальной биологии, проживавший в городе Москве

– на основании ст. 58–10 УК РСФСР (в редакции 1926 года) “лишен права проживания в Москве, Ленинграде, означенных губерниях и округах сроком на 3 года”.

16 августа 1929 г. особое совещание при Коллегии ОГПУ свое постановление от 26 июля 1929 г. в отношении Четверикова С.С. отменила, постановив выслать его по тем же основаниям на Урал сроком на 3 года.

Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 13 апреля 1932 года Четвериков С.С. по отбытии срока наказания лишен права проживания “в 12 пунктах и Уральской области с прикреплением сроком на 3 года”.

В протесте заместителя Генерального прокурора СССР поставлен вопрос об отмене постановлений Особого совещания и прекращении дела производством за отсутствием состава преступления.

Заслушав доклад члена суда Гаврилина, выступление прокурора Весновской Г.Ф., поддержавшей протест, судебная коллегия

у с т а н о в и л а :

В заключении, составленном старшим уполномоченным 5 отделения секретного отдела ОГПУ указано, что процесс “советизации” института экспериментальной биологии натолкнулся на активное сопротивление реакционно настроенной профессуры, среди которой наиболее видное место занимал старший ассистент института приват-доцент Четвериков С.С., создавший в институте группировку антисоветски настроенных научных работников. Указанная группировка, созданная под видом семинара, собиралась на квартире Четверикова С.С. и решала вопросы, связанные с формами и методами деятельности, направленной к “спасению института от большевиков”. Группировка была организованно оформлена, вела журнал заседаний и принимала в свои члены новых лиц после тайной баллотировки.

Судебная коллегия находит протест подлежащим удовлетворению. Однако выводы заключения материалами дела не подтверждены.

Так, допрошенный в ходе следствия Четвериков С.С. показал, что он как руководитель научной подготовки считал, что аспирантами, то есть будущими творцами науки, могут стать только студенты, по своим интеллектуальным способностям действительно обещающие вырасти в настоящих научных работников, а не ремесленников от науки. Он считает, что не может входить в оценку тех сторон деятельности аспирантов, которые оцениваются другими организациями. Какие-либо другие критерии при подборе аспирантов, кроме научной пригодности, он решительно отвергает.

Приобщенные к делу документы (копии заметок в стенгазете института, протокол общего собрания и другие) свидетельствуют, что в связи с заметкой

Вендровского группа сотрудников, в том числе и Четвериков С.С., выступила в защиту упомянутого в заметке аспиранта Беляева, которого автор охарактеризовал как “врага советского государства” на том основании, что Беляев высказал свою точку зрения, отличную от официальной, по вопросам соглашения с Амануллой-ханом, захвата коммунистами берлинской радиостанции, а также на мотивы, которыми руководствуются рабочие, примыкая к коммунистическому движению.

Как видно, обращения и разъяснения, подписанные указанными сотрудниками, а также инкриминируемые Беляеву высказывания призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти не содержат и состава преступления не образуют.

Таким образом, никаких доказательств, свидетельствующих о том, что Четвериков С.С. совершил какое-либо уголовно наказуемое деяние, в деле не имеется, и мерам уголовного преследования он был подвергнут незаконно и необоснованно.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР, судебная коллегия

о п р е д е л и л а:

постановления особого совещания при Коллегии ОГПУ от 26 июля и 16 августа 1929 года, 13 апреля 1932 года в отношении Четверикова Сергея Сергеевича отменить и уголовное дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председательствующий –
Члены суда –

П.П. Луканов
О. Полетаев
К. Гаврилин

Помета: Дело № ОС-89-14.

Пометы на каждом листе документов: К № 3 ед
25.03.94

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 29. № 6. Ксерокопия подлинника.

НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ

1.

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА “МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМАТИКИ И БИОЛОГИИ”, ПРОЧИТАННОГО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ОПЫТНОГО ДЕЛА

Москва

26 декабря 1921 г.

Издавна установилось деление естественных наук, наук о природе на две большие категории. Мы выделяем там науки точные или науки математические, куда относятся астрономия, физика, химия, и науки описательные, куда относятся, так называемые, биологические науки. Если мы взглянем в тот основной критерий, который лежит в этом делении, то мы увидим, что здесь не столько деление в самом объеме наук, сколько в тех методах, которые в этих науках применяются. Точные методы, методы математические, методы числа и меры, вот что определяет критерий точных наук, и отсутствие числа и меры определяет принадлежность науки к группе так называемых описательных наук. Наши биологические науки, и ботаника, и зоология, и другие принадлежат к этой второй группе описательных наук. Но для каждого из нас ясно, что в смысле метода группа точных наук стоит неизмеримо выше, чем группа наук описательных, и задачей каждого исследователя является стремление приобщить так или иначе тот предмет, над которым он работает, к категории наук точных, дающих точные и безупречные выводы.

Конечно, в глубине души каждый естествоиспытатель желал бы видеть и свои науки в числе этих привилегированных точных наук, и, если до сих пор [это] не удалось, то не удастся только потому, что применить число и меру во все науки почти не удавалось. Но сейчас мы переживаем такой момент, когда делаются попытки приобщить биологические науки к чистым наукам, точным, и вот рассказать вам о некоторых этих попытках является моей задачей.

Вглянемся ближе в окружающую нас жизнь. От былинки до величайшего мирового тела один закон царит над всей этой жизнью, это закон непрерывного движения, непрерывной изменчивости. Банальной русской поговорке – “Ничто не ново под луной” противопоставляется величайшее откровение греческой мудрости, выраженной в словах знаменитого Гераклита Темного: “...”^{*} – “Все течет,

^{*} В машинописи 1921 г. фраза, произнесенная на латинском (или греческом) языке, выпущена, оставленный пропуск заполнен не был (*прим. сост.*).

все изменяется” в любой момент. И вот это понятие, что все течет, все изменяется, является тем величайшим законом, которому подчиняется все. Разница только в скорости этого процесса: то этот процесс развивается с головокружительной быстротой, быстротой курьерского поезда, пушечного ядра, то он тянется медленным шагом геологических или космических процессов. Но все-таки все течет, все изменяется каждую минуту и перестает быть тем, чем было минуту тому назад. И в этот же процесс вечного течения, вечного изменения включены и мы. Мы сами изменяемся, изменяются наши знания, наша наука, наш мир...

Одной небольшой, крошечной частичкой громадного космического процесса давно интересовалась человеческая мысль. Эта небольшая частичка заключается в тех изменениях, которые претерпевает окружающий нас живой мир. Что все течет, что этот мир изменяется, что он постоянно переживает то, что мы называли эволюцией, в этом никто не сомневается, но если мы постараемся подойти к этому процессу поближе и постараемся понять, как этот процесс происходит, тогда мы столкнемся с такими проблемами, которые до сих пор еще не решены. Был такой момент приблизительно 60 лет тому назад, когда казалось, что этот вопрос, наконец, решен. Появилось учение Дарвина, которое, казалось, давало на некоторые вопросы вполне научный строгий ответ, но “все течет”, и постепенно в этом стройном, красивом, изящном здании, в этом дворце стали показываться трещины. Сначала показалась трещина с мутационной теорией*, потом появилось учение Менделя, потом учение...**, генотипы, фенотипы и от здания Дарвина стали отваливаться часть за частью и мы теперь стоим перед грудой развалин, из которой ничего нельзя построить.

Но если мы теперь, спустя 100 лет, стоим так же нерешительно и недоуменно перед вопросом о происхождении видов, как наши предки стояли во времена Кювье и Ламарка, то все-таки мы стоим иначе, чем они. “Все течет” – наше положение далеко лучше тех условий, что были 100 лет тому назад. Мы за это время многому научились и овладели теми методами, которые даже не снились нашим предкам, и мы стоим теперь перед этим зданием эволюционного учения уже далеко не с таким растерянным чувством, с каким стояли в то время наши учителя. Уже перед нами рисуются новые перспективы, намечается новое строительство, и дело только в том, чтобы дружно приняться за это строительство, и новое, еще более красивое, более стройное здание, чем было здание дарвинизма, скоро появится на его месте.

Если нас интересует процесс изменения, если нас интересует то, как все течет, то для того, чтобы понять этот процесс, нам необходимо прежде всего понять известное положение во времени^{3*} того явления, которое нас интересует в данный момент, для того, чтобы судить, как в течение следующего момента это явление изменяется. Одно явление не может существовать в двух разных местах и не может существовать одновременно. Для того, чтобы понять это понятие изменения, нужно ухватить два состояния данного явления в два различных момента.

Если же перейдем с вами к учению Дарвина, то в основе этого учения лежат две основные предпосылки, две само собой разумеющиеся аксиомы, которые в

* Мутационная теория – это научное направление, утверждающее, что эволюционный процесс развития живых организмов осуществляется на основе изменений наследственного вещества. Накопление этих изменений – мутаций ведет к появлению новых форм организмов. Но как это происходит, оставалось неясным.

** Далее пропущено одно слово.

^{3*} Так в тексте.

глазах Дарвина и не требовали никаких доказательств. Эти две простых аксиомы заключаются в следующем:

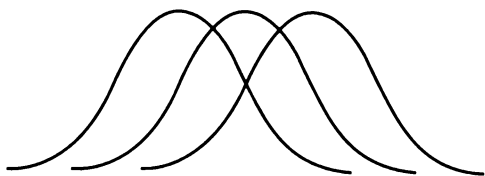
- 1) все организмы изменяются, все они друг от друга отличаются;
 - 2) родители передают своим потомкам особенности своего организма.
- Это закон наследственности.

И вот в представлении Дарвина и его последователей самый процесс эволюции происходил весьма простым и наглядным образом. Позвольте представить вам графически, каким образом этот процесс рисовался Дарвину и его последователям. Прибегаю к графическому методу потому, что он нас и введет отчасти в методику, к которой придется прибегнуть дальше, и потому, что он является весьма наглядным.

В известный исторический момент мы имеем группу индивидов, обладающих известным признаком – этот признак является не постоянным во всей группе индивидов, а колеблется вокруг некоторой средней величины, то усиливаясь, то ослабляясь. Если мы графически изобразим изменчивость этого признака, то она представится знакомой нам кривой. И здесь будет находиться та средняя арифметическая, вокруг которой в отрицательную и положительную сторону колеблется данный признак.

Дарвин говорил так, что родится живых существ гораздо больше, чем сколько их может выжить. Предположим, их родится 100, а может выжить только 70. Что это значит? Это значит, что из всей этой площади, которая представляет собою всю сумму индивидов, обладающих данным признаком, должна быть отсечена какая-то площадь, которая должна умереть. Если этот признак подлежит естественному отбору, если его нужно культивировать для того, чтобы данный организм мог существовать, если, положим, нужно культивировать его положительное отклонение, то очевидно, что из всей этой площади отсечется некоторая часть, равная 30 умирающим индивидам, причем эти 30 индивидов как раз придутся на долю тех, у кого этот признак развит всего слабее.

В результате получится, что при свободном скрещивании оставшихся индивидов эта часть индивидов, обладающих слабым признаком, в этом скрещивании участия не примет и потомства не даст. Следовательно, в следующем потомстве получится некоторый сдвиг этого признака. Положительная сторона останется, отрицательная отпадет и в результате в следующем поколении уже получится некоторое смещение средней величины значения данного признака от предыдущей точки. Следующее поколение уже представится нам в таком виде:

И здесь уже повторится тот же самый процесс. Если должны отпасть 30 индивидов, то они опять-таки отпадут от этого первого конца, неблагоприятного для существования данного индивида, и в результате следующее

отклонение среднего арифметического переместится вправо и так далее, и так далее до того момента, пока естественный подбор не перестанет производить самого действия. В этом заключалось все основное представление дарвинизма о ходе эволюции.

Но эта основная предпосылка дарвинизма, повторяю, считалась очевидной как бы сама собой; фактического подтверждения этого процесса ни Дарвин, ни его ближайшие сотрудники, как Уоллес, ни его талантливые последователи, как Вейсман и Геккель, не давали, они исходили из этого, как очевидного. Но все-таки этот вопрос интересовал некоторых из его последователей и знамени-

тый отец современной биометрики Френсис Гальтон, который, кстати сказать, был двоюродным братом знаменитого Чарльза Дарвина, явился первым ученым, который постарался подвести научный фундамент под эту основную предпосылку Дарвинизма. Одной из величайших, интереснейших заслуг Гальтона является его крупная работа, в которой он подводит именно научный математический фундамент под эту логическую предпосылку дарвинизма. Гальтон установил закон, который получил название закона регрессии или просто Гальтоновского закона наследственности. Проследим в качестве иллюстрации одну из работ, которую Гальтон проделал для подтверждения только что указанного закона.

Гальтон проделал следующее исследование: он взял 204 английских семьи, причем обследовал рост как родителей этих семей, так и их детей и вывел соответствующее математическое заключение из этого своего обследования. Если мы с вами возьмем и составим таблицу из роста родителей, то мы увидим, что этот рост, конечно, колебался от известного минимума до известного максимума. Этот рост Гальтон разбил на ряд классов, как мы называем, на ряд групп, причем для характеристики каждой группы он ввел некоторые условные определения. Он эти группы характеризовал не в каких-нибудь определенных, известных нам мерах длины, а создал свою определенную шкалу роста, которая представляла известные удобства. Шкала эта заключается в том, что средний рост всех родителей, тот класс, который был в самой середине этого вариационного ряда роста родителей, он обозначил цифрой 100 и отсюда уже, вводя соответствующий коэффициент, он выразил следующий ряд цифр. Следовательно, он в середине брал 100, влево шли с уменьшающимся ростом, а вправо с увеличивающимся ростом

94 95,5 97 98,5 100 101,5 103 104,5 106

Когда Гальтон таким образом расположил рост родителей по классам, то ему оставалось только сделать одно: измерить рост детей этих родителей соответствующих групп, вывести средние арифметические этого роста детей и подписать их под соответствующими группами. Он так и сделал, приняв ту же самую условную меру, т.е. обозначив средний класс детей цифрой 100, и тогда пропорциональный рост детей оказался выраженным следующими цифрами:

96 97 98,5 99 100 101 101,5 102 103

Если вы взглянете в эти два представленных перед вами ряда, то вы увидите характерную картину: вы увидите, что рост детей до известной степени следует за изменением роста родителей. По мере того, как увеличивается рост родителей, увеличивается средний рост их детей; наоборот, по мере того, как рост родителей падает, уменьшается и средний рост детей. Если мы выразим соответствующие отклонения каждой группы от среднего, то эти отклонения представятся в следующем виде.

Для среднего класса, обозначенного цифрой 100, отклонение будет 0, отклонения влево и вправо будут представляться таким образом:

-6 -4,5 -3 -1,5 +1,5 +3 +4,5 +6

И, если мы соответствующим образом подсчитаем отклонения роста детей, то они окажутся такими: средний класс будет равен 0

-4 -3 -1,5 -1 0 +1 +1,5 +2 +2,5

Вот эти два получившихся ряда отклонений от среднего значения Гальтон назвал: верхний – независимым рядом, а второй ряд – его функциональным. Та-

ким образом, следовательно, ряд отклонений роста детей является как бы функциональным отклонением от родителей. И вот теперь оставалось только одно: определить, в какой степени выражается отклонение детей по отношению к отклонению их родителей.

Вы видите, что дети тоже отклоняются. Этот факт так называемой коррелятивной изменчивости ясен сам собой, но хотелось бы выразить эту связь в цифровой форме. Вы видите, что дети отклоняются меньше, чем родители: родители на 6 единиц, дети на 4. Вот это отношение функционального отклонения к независимому, отношение $-4/-6$ Гальтон назвал регрессией данной группы, а для того, чтобы представить себе выражение полной формулы всех этих двух рядов, Гальтон сделал следующее: он взял среднее арифметическое всех регрессий. Он написал, следовательно, так:

$$\left(\frac{-4}{-6} + \frac{-3}{-4,5} + \frac{-1,5}{-3} + \frac{-1}{-1,5} + \frac{+1}{+1,5} + \frac{+1,5}{+3} + \frac{+2}{+4,5} + \frac{+5,5}{+6} \right) : 8$$

Вот если мы произведем сложение всех этих величин и возьмем их среднее арифметическое, если сложим и разделим затем на 8, то мы получим среднее арифметическое всех регрессий. Это получилась величина равная 0,62. Вот, следовательно, общая регрессия всего ряда потомков по отношению к их родителям.

Что же эта регрессия нам говорит? Эта регрессия говорит нам, во-первых, что дети унаследуют уклонения своих родителей, и, во-вторых, что это наследование не полное, [что] это наследование выражается лишь в степени 0,62 или приблизительно 2/3 качеств родителей. Стало быть, если родители уклоняются на три единицы, их потомство в среднем уклонится, но только на две единицы.

Вот, следовательно, тот основной закон регрессии или наследственности, который был выведен Гальтоном. Этот закон, следовательно, как бы подводит определенный, фактический фундамент под тот закон эволюции, который рисовался старым дарвинистам. Стало быть, фактически действительно, если родители отклоняются в какую-нибудь одну сторону больше, чем в другую, то потомки в среднем отклоняются в эту сторону тоже больше и, таким образом, сдвиг среднего арифметического значения произойдет постепенно в ту сторону, в которую отбираются данные признаки.

Но как ни интересен этот закон Гальтона, как ни убедителен он по своей форме, как ни подкупает прием математического обоснования, все же этот закон при дальнейшем исследовании оказался лишь весьма и весьма условного значения. Дальнейшее изучение показало, что в этом законе Гальтона кроется один коренной дефект и этот дефект произошел от того, что Гальтон, выводя свой закон, шел путем чисто математическим.

Явление наследственности по существу своему есть прежде всего явление биологическое, и подход к биологическим явлениям с чисто математическим методом является одной из тех величайших ошибок, которых не прощает биология. Как сказал один из величайших современных ботаников Иогансен, биологические задачи должны решаться при помощи математики, но не как математические задачи. Вот это основное положение Гальтон забыл и поэтому его вывод оказался не вполне справедливым и, во всяком случае, далеко не таким всеобъемлющим, как это кажется на первый взгляд.

Величайшая заслуга критики закона регрессии или закона наследственности Гальтона принадлежит этому известнейшему датскому ботанику Иогансену. Я остановлюсь в нескольких словах на том, что было сделано в этом отно-

шении Иогансеном. Сначала Иогансен был убежден в справедливости только что указанного мною закона наследственности Гальтона и, желая сам проработать этот закон, он проделал целый ряд опытов над растениями, которые должны были подтвердить справедливость этого закона. И, действительно, оказалось, что все обстоит в высокой степени благополучно. Оказалось, что все примеры, которые он брал, все в том или [ином] случае показывают явление регрессии, дают определенный коэффициент регрессий, которые в разных случаях могут выражаться различными цифрами, но всегда они являлись налицо, всегда потомки в том или ином случае наследовали особенности организации своих родителей.

И вот однажды, работая над бобами – излюбленный объект, над которым Иогансен производил свои исследования, – он определял особенности веса бобов. Он сажал бобы разного веса, собирал затем соответствующую жатву и, взвешивая потомков, определял среднее арифметическое их веса. Составляя такую же таблицу, какая здесь была составлена для среднего арифметического роста детей по отношению к росту родителей, он определял коэффициент регрессии своих объектов и он как раз получил коэффициент для бобов 0,24–0,25. Все обстояло как будто бы благополучно. Но тут сказалась колоссальная разница между методом работы Иогансена и Гальтона: в то время как Гальтон работал чисто математически, Иогансен работал и математически, и биологически, он все время вел анализ и биологический, и, комбинируя между собой эти два метода, он пришел к другому результату. Иогансен все время тщательнейшим образом определял тех потомков, которые получались от каждого отдельного посаженного им боба, и получилась замечательная вещь: оказалось, что потомки совершенно одинаковых родителей до чрезвычайности сильно между собою разнятся. Так, беря потомки бобов, которые весили 80 сг*, и взвешивая отдельных потомков каждого боба, он мог определить, что вес этих потомков колеблется в чрезвычайных пределах; были случаи, когда средний вес этих потомков, происшедших от этих бобов, равнялся всего 35 сг, тогда как потомки других бобов, весивших тоже 80 сг, весили 60 сг.

Таким образом определилось, что эти родители, такие сходные по своему весу, оказываются совершенно различными по весу тех потомков, которых они производят. И тогда Иогансену пришла мысль подвергнуть более детальному математическому обследованию весь собранный таким образом материал. Он взял как раз эту группу бобов, которая весила 80 сг, и подверг ее более обстоятельному математическому анализу. Вот посмотрим, что у него при этом получилось. Оказалось, что вес бобов, полученных от родителей, из которых все имели 80 сг, колебался до чрезвычайных пределов, от 20 до 80 сг. Стало быть, если мы напишем ряд цифр, прибавляя по 5 сг, то получится такой вес:

20 25 30 35 40 45 50 55 60 65 70 75 80

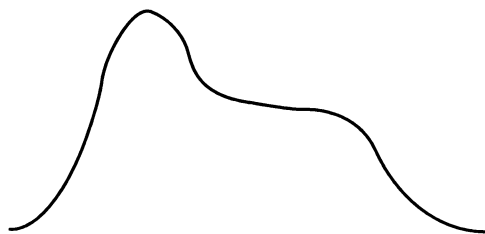
А число экземпляров, которое приходилось на каждую такую группу, следующее:

5 18 46 144 127 70 70 63 28 18 15 8 4

Если вы взгляните в этот вариационный ряд, вам сразу бросится в глаза некоторая определенная незакономерность этого ряда. Вместо того, чтобы совершенно постепенно, как подобает всякому порядочному вариационному ряду, подниматься с левого бока к середине и потом опускаться к правому боку, вы

* Центиграмм – 1/100 часть грамма; 80 сг = 800 миллиграммам.

видите быстрый подъем в четвертый класс, затем некоторое падение, остановка и затем медленное падение дальше. Если бы мы с вами захотели графически изобразить этот вариационный ряд при помощи того метода, с которым мы знакомы, о нем не стоит мне говорить, мы получили бы такую картину:

Эта кривая указывает вам, что что-то неблагополучно, что нет простой изменчивости, а изменчивость какая-то особенная, ненормальная. И это прежде всего указывает на то, что этот материал является не однородным, а разнородным, он является не гомогенным, а гетерогенным, как мы сейчас говорим.

И вот этот анализ математический и заставил Иогансена проделать опять-таки анализ биологический при помощи все того же математического метода. Раз этот материал является неоднородным, раз этот материал является гетерогенным, то решение при помощи этого совершенно разнородного материала вопросов наследственности, ясно, являлось делом нелогическим. Нельзя работать над вопросом, не зная того объекта, с которым работаешь. И прежде всего Иогансену надо было очистить свой объект, сделать его безупречным с точки зрения его однородности. Самая простая мысль, которая при этом явилась, состояла в том, чтобы изолировать целый ряд потомств, происшедших от одного индивида, и только с этими потомками, происшедшими от одного индивида, и иметь дело.

Здесь этот вопрос облегчался в значительной степени тем, что бобы, как вы знаете, являются самоопыляющимися, следовательно, ни о каком перекрестном опылении здесь речи не могло быть. И, следовательно, если взять растение, выросшее из одного боба, и затем проследить в целом ряде потомств этого одного растения тот закон регрессии, который был выведен Гальтоном, в таком случае мы могли быть уверены, что мы имеем дело с однородным материалом, и, следовательно, если закон Гальтона подтвердится, в таком случае это растение было бы безупречным. Иогансен и прибег к тому методу, который он называл чистыми линиями. Он взял потомство одной особи, самоопыляющейся, и над этим потомством продолжал производить свои опыты. В 1901 г. он посадил таким образом 19 бобов, которые отличались своим весом, и затем стал следить за тем, как будет отражаться на весе потомков отбор в ту и в другую сторону. Если мы будем отбирать в правую сторону, в сторону увеличения веса, то, если справедлив закон Гальтона, потомки должны постепенно увеличивать свой вес; если отбирать в левую сторону, ясно, потомки должны уменьшать свой вес. И, если мы в таких чистых линиях будем отбирать и самые крайние левые, и самые крайние правые, значит, с наибольшим положительным и отрицательным отклонением, то ясно, что средние веса потомков вот этой группы и этой группы (показывает) должны между собой постепенно расходиться, должен получиться разрыв средних весов между этими двумя поколениями.

И вот Иогансен проделал очень длительную и кропотливую работу, которая была направлена в этом направлении. Я не имею возможности вам подробно описывать всю обстановку этого опыта и прямо приведу те числовые результаты, которые при этом получались Иогансеном. Оказалось, что в результате первого года такого отбора, когда он, следовательно, отобрал самые легкие и самые тяжелые бобы, посадил их, отобрал их потомков и взвесил этих потомков, то разница между этими весами дала величину 1,7 cg. Оказалось, что более тя-

желые бобы дали в среднем и более тяжелых потомков, более легкие бобы дали более легких потомков. Но Иогансен продолжал дальше этот опыт. Он опять отобрал самые тяжелые и самые легкие бобы из этой группы бобов, снова посадил и на следующий год получил результат $-4,1$. Оказалось, что более легкие бобы дали в среднем более тяжелых потомков, чем более тяжелые бобы. Следующий год дал опять $-2,09$, затем следующий год $+1,09$, следующий год дал $-1,38$, следующий год дал $+1,41$.

Даже из простого рассмотрения этого ряда вы видите, что фактически никаких положительных результатов не получилось: три года дали положительные отклонения, три года – отрицательные. Если вы просуммируете положительные и отрицательные отклонения, то они с лихвой покроют друг друга. Как будто бы никакого результата. В действительности получился громаднейший результат, но совсем в другом направлении, чем это думал Иогансен, когда ставил свои опыты. Оказалось, что в таких чистых линиях отбор, самый строгий, абсолютно ничего проверить не может. Раз мы имеем дело с однородным гомогенным материалом, с чистыми линиями, то, сколько бы мы из него ни отбирали, ни положительные, ни отрицательные качества в наследство не передаются: постоянно потомки возвращаются к тому основному типу, который был взят в самом начале, и никаких, следовательно, результатов этот отбор дать не может.

Но тогда является вопрос: как же связать этот совершенно неожиданный результат, полученный Иогансеном, с тем опять-таки математически доказанным законом, который я здесь перед вами демонстрировал? Этот результат, оказывается, связать очень просто, если опять-таки мы с вами будем работать, все время помня о том, что биологические задачи решаются при помощи математики, но не как математические задачи.

С чем работал Гальтон? Гальтон работал с совершенно не исследованным по своим наследственным качествам материалом. Что из себя представляли эти 204 английские семьи, которые он исследовал, никто, конечно, этого не знал и знать не мог. Это были гетерогенные сообщества и в этих гетерогенных сообществах существовало весьма большое число вот таких чистых линий, которые, накладываясь друг на друга, составили эти гетерогенные сообщества. И вот до тех пор, пока Гальтон работал именно с такими гетерогенными сообществами, оказывался справедливым его закон наследственности, – как только сообщество, над которым работал Иогансен, стало гомогенным, так этого результата не оказалось.

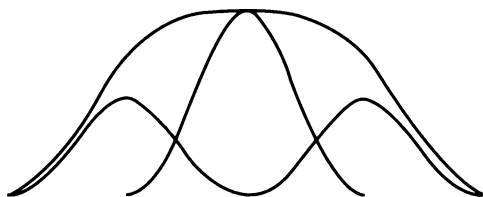
Следовательно, каким образом мы можем себе мыслить значение естественного отбора в этих гетерогенных сообществах?

Представьте себе, что у вас имеются некоторые гетерогенные сообщества, которые в своей совокупности дают эту характерную вариационную кривую.

Фактически эта кривая до чрезвычайности сложная, она складывается из целого ряда мелких вариационных кривых, которые характеризуют отдельные гомогенные сообщества.

Я вам для примера нарисую три кривые; если вы эти кривые между собою сложите, то у нас получится эта одна кривая.

И вот если вы будете работать с таким сообществом при помощи отбора, то тогда у вас, действительно, отбор будет совершенно ясен.

Представьте, что отбор отсекает некоторую часть, – что это значит? Это значит, что он не касается вот этой линии, слегка касается вот этой чистой линии и очень резко отсекает эту линию (поясняет на рисунке)*. Следовательно, соотношение этих трех различных чистых линий получается уже совершенно другое, чем оно было первоначально.

В результате получается, что часть сообщества со слабо выраженным признаком, с отрицательным отклонением будет представлять меньшее число, чем часть потомства с более сильно выраженным отклонением, и в результате среднее арифметическое этой сложной кривой передвинется в следующем поколении в правую сторону. Произойдет именно то, что предполагал Дарвин и что было показано Гальтоном. Но это будет идти до тех пор, пока естественный отбор не отсечет всех тех отдельных чистых линий, которые в данном случае являются в смеси между собой, пока не останется только одна чистая линия.

Но как только останется одна чистая линия, так уже естественный отбор оказывается бессильным, он ничего изменить уже будет [не] в состоянии. Таким образом, роль естественного отбора при этом математическом анализе выясняется какова же? Естественный отбор ничего создать нового не может. Единственное, что он может, это отсортировать те разнородные чистые линии, которые входят в эти смешанные сообщества, и, следовательно, он действует не создающим образом, а действует лишь сортирующим образом. Естественный отбор – как бы громаднейшее сито, сквозь ячейки которого проваливаются в места небытия все те чистые линии, или как вернее принято называть в генетике, все те биотипы, которые, оказывается, не выдерживают этого естественного отбора. Вся его роль сводится к тому, чтобы удержать на своей поверхности жизнеспособные биотипы и провалить сквозь себя все биотипы нежизнеспособные. Создать новые биотипы он не может, все равно они будут возвращаться к своему среднему значению, если они принадлежат к одному биотипу.

Итак, какой же вывод из того, что только что было сказано. Вывод определенный и печальный для классического дарвинизма, вывод тот, что индивидуальная изменчивость, та изменчивость, над которой оперировал, собственно, дарвинизм, никакого материала для возникновения новых форм дать не может. Естественный отбор является лишь сортирующим ситом, которое уничтожает то, что негодно, уничтожает те биотипы, которые нежизнеспособны, но новых биотипов, новых элементов изменчивости создать он не в силах. Но наши знания все время идут вперед и то, что в свое время Дарвину казалось однородной массой явлений, то, что он называл общим именем изменчивости, то в настоящее время расчленилось на ряд самостоятельных понятий, которые подчас ничего общего между собой не имеют и значение которых в процессе видообразования является совершенно несоизмеримым. И невольно человеческая мысль в поисках за тем материалом, который мог бы дать основу для понятий процесса эволюции, ищет новые типы изменчивости и эти новые типы изменчивости она находит в том, что у нас теперь принято называть географической изменчивостью.

Что такое географическая изменчивость? Это изменчивость, которая обусловливается фактором географического распространения видов. Виды, занимающие различные площади земли, в различных местах занимаемого ими ареала являются не с одинаковыми признаками. И вот это-то различие в признаках, которое совершенно не поддается какому бы то ни было учету с точки зрения борьбы за существование, это различие признаков и привлекает в настоящий

* Здесь и далее пояснения в скобках сделаны стенографисткой.

момент к себе внимание эволюционистов и является тем материалом, который, по-видимому, даст нам ключ для понимания процесса эволюции.

Но если это так, если, действительно, мы в географической изменчивости, а не в индивидуальной должны искать ключ к пониманию процесса эволюции, то невольно опять-таки является вопрос: являются ли достаточными наши познания этой географической изменчивости для того, чтобы мы могли на нем базироваться?

Если вы возьмете любую работу, посвященную фаунистике или флористике, безразлично, то вы увидите, что редкая из этих работ не включает в себе нового жизнеописания новых географических рас, подвидов, но если вы взгляните в эти описания, вы увидите, до какой степени жалки, беспомощны, наивны эти описания. Сделанные по 1–2, редко больше, экземплярам, эти описания представляют собой лишь самую наивную характеристику новых форм терминами, которые нам абсолютно ничего не говорят, терминами, которых мы не можем себе ни представить, ни вообразить.

В лучшем случае эти описания снабжаются жалкими попытками дать чистый материал. Эти жалкие попытки заключаются ли в том, что на глаз сравниваются какие-нибудь части между собой, причем говорится, что часть больше или меньше другой, или даются самые величины, в громадном большинстве случаев выражающие границы изменчивости от какой-то величины до такой-то величины в миллиметрах, сантиметрах. И вот, если вы возьмете все эти крайне плачевные характеристики этих рас, вы ясно почувствуете, что с таким материалом работать серьезно, работать точно нельзя.

Если мы должны стремиться к тому, чтобы ввести биологические науки в число привилегированных точных наук, мы должны стремиться к тому, чтобы всячески устранять подобного рода неточные, ненаучные характеристики, мы должны стремиться к тому, чтобы ввести всюду основные методы математики, ввести всюду число и меру. И вот перед нами является вопрос, можно ли ввести методы числа и меры и в изучение географической изменчивости так, как вы это вводили в изучение изменчивости индивидуальной.

На первый взгляд как будто бы это и трудно и, тем не менее, это оказывается возможным, и самую классическую, самую образцовую работу в этом отношении дал немецкий ученый Фридрих Гейнеке. В своей знаменитой книге, вышедшей в 1898 г., он дал образец такого рода изучения географической изменчивости, которое было основано целиком на числе и мере. Эта работа носит название “Естественная история сельдей” и она вся исключительно посвящена изучению сельдей. Но как ни специальна самая тема работы, она содержит такое колоссальное богатство общих методологических соображений, что она является до сих пор недостижимым образцом. Гейнеке было измерено до 6000 особей сельдей, причем было снято свыше 100 000 измерений. И вот, обработав весь этот колоссальный материал, он и создал свой метод, который только в настоящее время постепенно начинает проникать в сознание биологов, как величайший математический метод изучения изменчивости.

Перед Гейнеке, не касаясь его частных задач, стояли две задачи. Одна задача заключалась в том, чтобы найти математический характер географической расы, другая задача – чтобы найти метод, при помощи которого данный индивид математически мог бы быть определен, т.е. при массовом измерении признаков можно было бы решить, к какой географической расе принадлежит данный индивид. Теперь, когда мы владеем уже разнообразной методикой биометрических вычислений, метод Гейнеке представляется до чрезвычайности про-

стым, но в то время, когда биометрика только-только что нарождалась, его труд являлся трудом величайшего значения.

Первая задача – найти математический характер географической расы или подвида – является сравнительно довольно легкой. Если вы представляете себе, что мы имеем две какие-нибудь географические расы, которые отличаются в ряде признаков между собой, поддающихся математическим измерениям, то стоит только эти величины измерить и мы с вами получим математический характер данных географических рас.

Но фактически это все-таки не так просто. Фактически дело заключается в том, что именно географические расы отличаются тем, что все их признаки относительны: у них нет абсолютных различий, которые давали бы возможность резко и определенно отличать одну расу от другой. Мы говорим: их признаки трансгрессивны, они заходят друг на друга в большей или меньшей степени.

Вот на этой таблице мною дан пример такого характера. Если вы посмотрите на этот рисунок, изображающий крыло лютки*, то вы увидите, что здесь представлены ряды клеток, расположенных в 10 продольных рядов. Я пробовал считать число клеток в каждом ряду и оказалось, что число клеток колеблется от индивида к индивиду, причем у разных форм это число бывает различное. Вот здесь, в этой таблице я как раз дал два ряда чисел, которые характеризуют различное число клеток (показывает таблицу). Вот если возьмем этот ряд, увидим, что число клеток колеблется.

Вы видите все время, что эти крайние пределы в значительной степени убегают друг на друга. И если бы на основании этой таблицы мы могли бы предположить, найдя какую-нибудь лютку с 17 клетками, что она принадлежит к этой форме, то, найдя какую-нибудь лютку с 12 клетками, мы абсолютно не в состоянии решить, к какой форме она принадлежит. Глядя на этот ряд чисел (показывает), вы совершенно не в состоянии решить, к какой же из этих двух форм принадлежит крыло, которое мною здесь было изображено.

Вот так и обстоит дело у географических рас. У них все признаки трансгрессивны, они все находят один на другой и, таким образом, если мы дадим их эмпирические границы, как я дал на этой таблице, мы никакой характеристики этих географических рас не получим. Но есть тут совершенно другой выход: мы можем дать не границы, а те основные кардинальные величины, которые характеризуют каждый вариационный ряд. Эти две величины будут следующие: среднее арифметическое и так называемое квадратическое отклонение. Что такое представляет из себя среднее арифметическое, для вас понятно. [Следует] пару слов сказать об этом отклонении.

Представьте себе, что у нас есть вариационный ряд, который мы графически можем изобразить в виде кривой. Квадратическое отклонение определяется следующим образом. Графически эта кривая имеет чрезвычайно характерный изгиб. Если мы проведем касательные, то в этой части выйдет внутри кривой (поясняет на рисунке).

Зная величину среднего арифметического и квадратическое отклонение данного вариационного ряда, мы знаем все элементы, характеризующие данный вариационный ряд. Как показывает теория вероятностей, от среднего арифметического до конца этой кривой заключается около $3-4\sigma$, так что, следовательно, вся величина абсциссы будет в среднем равняться 7σ и мы можем легко вычислить размах изменчивости данного ряда, стоит взять σ , увеличить эту σ в $3\frac{1}{2}$ раза, прибавить к среднему арифметическому. И, та-

* Небольшое насекомое из отряда равнокрылых.

ким образом, чисто математически мы определим изменчивость данного признака в данной географической расе. Вот, следовательно, те необходимые элементы, которые нам нужны для того, чтобы характеризовать математически данную расу.

Вот здесь в этих таблицах я попробовал дать такую характеристику, чтобы дать нам некоторое представление относительно того, какой это принимает характер (поясняет на таблицах).

Теперь перед нами другая, уже более трудная задача. Эта трудная задача заключается в том, чтобы найти метод, при помощи которого можно было бы определить принадлежность данного индивида к той или другой географической расе. Этот метод и представляет из себя главную заслугу Фр. Гейнеке.

Гейнеке установил весьма простой, но до чрезвычайности важный принцип изменчивости индивида. Он установил, что отклонение разных признаков индивида от среднего арифметического той расы, к которой этот индивид принадлежит, бывает тем реже, чем оно больше, и, наоборот, чем меньше отклонение от среднего арифметического, тем чаще оно встречается. Этот принцип до чрезвычайности напоминает принцип, который лежит в основе ошибок наших наблюдений и который гласит точно так же, что ошибки наблюдений бывают тем реже, чем они больше, и, таким образом, между этими двумя родами явлений устанавливается полная аналогия и оба эти явления, оказывается, подчиняются одному и тому же математическому закону.

Если это так, если, действительно, отклонение индивидуума от среднего арифметического той расы, к которой он принадлежит, встречаются тем реже, чем они крупнее, то ясно, что эти отклонения, взятые по разным признакам, будут представлять из себя тот же вариационный ряд, который вполне будет графически выражаться вот такой биномиальной или идеальной вариационной кривой, и, следовательно, в таком случае различные уклонения в различных признаках от среднего арифметического значения для данной географической расы будут располагаться тем теснее, чем более будут ближе к среднему арифметическому, и тем реже, чем они будут от него дальше.

Если это так, тогда вопрос решается как будто бы просто: надо, следовательно, взять эти величины, которые у нас эмпирически найдены для данного крыла, сравнить их со средними арифметическими значениями различных имеющих у нас географических рас и посмотреть, от каких же величин эти величины менее всего отличаются. Если сравнить эти величины с этим рядом и с этим рядом, то окажется, что они отличаются от этого ряда на одну величину, от другого ряда на другую величину. Какая величина больше, такая показывает, что данный вид дальше, меньшая величина показывает, что ближе.

Но тут является главное и на первый взгляд непреодолимое затруднение: оказывается, что если мы обозначим различные отклонения, которые показывает данный индивид по отношению к средним арифметическим различных рас, через буквы δ , и снабдим соответствующим знаком a, b, c, d , то отклонения от среднего арифметического по сравнению с расой α выразится у нас в ряде величин $\delta\alpha a, \delta\alpha b, \delta\alpha c, \delta\alpha d$, а по отношению к географической расе β у нас выразится таким образом $\delta\beta a, \delta\beta b, \delta\beta c, \dots$

Что же нам нужно сделать? Нам нужно эти величины, конечно, сложить для того, чтобы получить общий итог отклонений, но тут является самое большое затруднение: как сложить между собой эти величины? Эти величины малы и должны быть между собой несоизмеримы. И такой красивый метод терпит, на первый взгляд, фиаско. Но вот тут Фр. Гейнеке и показал свою полную гениальность.

Представим себе, что мы имеем другую кривую, которая равна этой кривой по площади, но она будет несколько шире и несколько ниже. Следовательно, каждая кривая имеет свою собственную σ , но всегда σ совершенно строго определяет характер данной кривой. Как показывает теория вероятностей, в пределах отрицательной сигмы до положительной сигмы заключается приблизительно 68% всей этой площади и раз эта площадь соответствует количеству индивидов, то 68% всех индивидов заключается в пределах от одной σ до другой. Если у нас процент изменчивости больше, у нас сигма разлтая [так в тексте]; если у нас кривая крутая, размах изменчивости меньше, то сигма больше нас приближает к середине, но она все-таки от сигмы положительной до сигмы отрицательной содержит 68%. Раз это так, раз вы вспомните, что общий размах изменчивости приблизительно определяется сигмами, какая бы ни была кривая, то сигма является единицей, которая характеризует любую кривую (показывает примеры на таблицах).

Таким образом, в квадратическом отклонении мы получим как раз ту единицу, ту меру, которая дает нам возможность в одинаковых единицах, в нормальных интервалах выразить отклонения известных признаков, и мы, таким образом, можем сказать, какое же отклонение больше, какое меньше. Отклонение в $\frac{3}{4}$ фута больше или меньше отклонения в $2\frac{1}{2}$ вершка? Это на первый взгляд парадоксальное положение фактически при помощи нормальных интервалов оказывается возможным решить.

Вот, в сущности говоря, и весь метод Фр. Гейнеке оказывается перед вами. Он заключается в том, чтобы эти первоначальные отклонения от средней арифметической величины данной расы перевести затем в нормальные интервалы, т.е. перевести их в соответствующие сигмы или в соответствующие отклонения (показывает на таблицах).

Теперь нам остается только суммировать эти отклонения и посмотреть, какая сумма будет наименьшая; она и покажет, к какой из данных форм принадлежит данный индивид. Вот, в сущности говоря, весь принцип метода Гейнеке.

Таким образом, в наши руки попал совершенно исключительный по своей ценности математический метод. Мы при помощи чисто математического приема, совершенно устраняя всякую субъективность, всякое умозаключение, всякий личный элемент, в состоянии определить, к какой географической расе принадлежит тот индивид, который попал нам в руки. Таким образом, мы, с одной стороны, можем математически характеризовать данную географическую расу, с другой стороны, мы можем в любой момент сказать, к какой географической расе принадлежит попавший в наши руки индивид.

Но в этом методе есть одно чрезвычайно слабое место, которое в свое время Гейнеке не отметил, но которое приходится отметить теперь, это то, что все это так до тех пор, пока все признаки совершенно друг от друга независимы и свободны. Только когда все признаки друг от друга независимы, когда они меняются совершенно самостоятельно, только в этом случае имеет место тот основной закон, который лежит в основе метода Гейнеке, только в этом случае отклонения группируются вокруг среднего арифметического значения данной расы по закону ошибок, так что чем больше отклонение, тем реже оно встречается. Представьте себе, что это не так, представьте себе, что два признака, тесно связанных друг с другом, образуют то, что мы называем корреляцией; тогда, конечно, картина совершенно изменится и метод Гейнеке потеряет свое основное значение.

Если вы представите, что один признак, отклонившись от среднего арифметического вправо, тащит за собой и другой признак, заставляет его отклоняться тоже в эту сторону и тем сильнее, чем сильнее он сам отклоняется, получается более или менее асимметричная кривая и все значение метода Гейнеке при этом нарушается. В сущности говоря, в таком случае тесной коррелятивной связи мы имеем дело не с двумя признаками, а с одним признаком, имеющим двойное значение, и мы в таком случае берем два раза один признак, тем самым нарушая метод Гейнеке. Вот эта двойная связь и должна всегда учитываться, прежде чем приступить к пользованию методом Гейнеке. Правда, это значение корреляции имеет и некоторое ослабление, так как корреляция всегда бывает неполной, но во всяком случае при большой степени корреляции этот метод применим быть не может.

Итак, мы подошли к третьему элементу математического метода в биологических вопросах, мы подошли к корреляции, к тому моменту, который представляет из себя одну из интереснейших глав биометрики...

Что же мы называем корреляцией? Мы знаем очень хорошо, что в организме человека и животного существует целый ряд признаков, которые более или менее тесно друг с другом связаны. Эта тесная связь может иметь самые разнообразные степени. Напомню вам о такой связи, которая, собственно, уже является не коррелятивной, а функциональной, которая является обязательной связью, которая сопутствует обязательно данному явлению. Как пример такой функциональной связи напомню вам хотя бы вторичные половые признаки. Вы знаете хорошо, что самцы и самки животных и человека отличаются целым рядом внешних признаков, которые тесно, неразрывно связаны с их полом, а, с другой стороны, вы знаете целый ряд других признаков, которые связаны далеко не так тесно. Можно привести и целый ряд примеров хотя бы из различных частей тела, которые будут вам говорить в пользу этого. Вы очень хорошо знаете, что размах человека от конца пальцев одной руки до другой приблизительно соответствует высоте тела: чем выше тело, тем больше размах. Но уже эта связь неполная, всегда известные колебания в этой закономерности могут быть указаны. Длина руки или ноги находится в известной коррелятивной связи. И целый ряд других примеров может быть. Есть, например, и такие признаки, которые совершенно никакой корреляции не подлежат. Так, например, размер глаз и высота тела ни в какой коррелятивной связи не состоят.

Эти различные степени коррелятивной связи и являются как раз тем элементом в биологии, который тоже требует определенной математической сводки. Мы очень любим ссылаться на эту корреляционную связь. Вспомните старый дарвинизм, который в минуты наиболее критические, когда уже человеческой фантазии не хватало для того, чтобы объяснить тот или иной признак с точки зрения полезности или естественного отбора, прибегал к своему излюбленному объяснению – коррелятивной изменчивости. В сущности, эти ссылки были произвольны и мы никогда в этих ссылках не встречали попыток подкрепить определенным образом правильность подобного рода ссылки, а между тем, эта правильность, эта математическая доказательность коррелятивной связи вполне нам доступна.

Я приведу вам маленький пример для того, чтобы показать вам, каким образом определяется характер коррелятивной связи (показывает на таблицах). Попытаемся определить характер и степень этой коррелятивной связи вот на этом крыле (показывает). Вот это число ячеек вызывает как бы такое же число ячеек в другом ряду.

Мы чертим прямоугольник, который разбиваем на столько столбцов вертикальных и горизонтальных, сколько классов имеется в данной расе.

	5	6	7	8	9	10
5	1	1				
6		5	2			
7			34	16		
8			4	28	6	
9			1	6	5	
10						11

Это расположение цифр и характеризует собою коррелятивную изменчивость: чем шире эти цифры раскидываются по площади, тем меньше коррелятивная связь, наоборот, чем ближе они к диагонали, тем больше коррелятивная связь. Таким образом, эта коррелятивная табличка вам дает первое наглядное представление о существовании коррелятивной связи. Но, кроме того, эта табличка дает вам такое указание: слева верх и [в]низ* направо диагональ – положительная коррелятивная связь, слева низ [см. предыдущую сноску] и вверх направо – отрицательная коррелятивная связь.

Вот те первоначальные, если хотите, эмпирические числа, которые нам характеризуют коррелятивную связь. Но больше того, мы умеем теперь выражать эту коррелятивную связь и определенными числовыми величинами. Есть определенная формула знаменитого математика Браве, которая дает нам возможность и в числовых величинах выражать эту коррелятивную связь.

Если у нас есть два признака x и y , относительно которых мы хотим установить коррелятивную связь, то эта коррелятивная связь устанавливается следующим образом: мы берем индивид за индивидом и смотрим, как велики отклонения этих индивидов от среднего арифметического значения x и y . Предположим, что эти отклонения для индивидов, которые мы обозначим через δ , будут выражаться величинами:

$$\begin{array}{ccc} \delta x_a & \text{и} & \delta y_a \\ \delta x_b & & \delta y_b \\ \delta x_c & & \delta y_c \\ . & & . \\ . & & . \end{array}$$

Все эти отклонения нам нужно перевести на нормальные интервалы, тогда мы получим эти отклонения, выраженные нормальными единицами:

$$\begin{array}{ccc} \Delta x_a & \text{и} & \Delta y_a \\ \Delta x_b & & \Delta y_b \\ \Delta x_c & & \Delta y_c \\ . & & . \\ . & & . \\ . & & . \end{array}$$

И вот если мы перемножим между собой эти выражения и затем суммируем между собой все эти произведения и всю эту величину разделим на число

* “Верх” и “низ” – так в тексте.

этих произведений, на n , то у нас получится формула Браве, которая определит нам величину корреляции, которую мы определяем буквой r :

$$\frac{\sum \Delta x \Delta y}{n} = r$$

r может получить выражение равное 0, когда все числа распределяются более или менее равномерно по всей этой корреляционной таблице. В таком случае корреляции не существует и коэффициент корреляции равен 0. Напротив, если все числа будут располагаться строго по диагонали, то у нас получится $r = \pm 1$. Этот коэффициент корреляции говорит нам об определенной связи между двумя рассматриваемыми нами признаками.

Мы можем подвести и некоторое определенное представление под этот коэффициент корреляции.

Как мы можем себе представлять эту коррелятивную связь? Представьте себе, что мы имеем какие-нибудь явления, которые мы графически изобразим в виде кружков, целый ряд причин, определяющих в совокупности данные явления, мы обозначим точками.

Если мы представим, что причины, вызывающие это [левое] явление, и это [правое] явление, совершенно ничего общего между собой не имеют, то мы можем говорить о полном отсутствии коррелятивной связи. Но мы можем представить такие явления, которые имеют целый ряд общих причин. Одни и те же причины вызывают и это явление, и отчасти это явление. Если эти причины закреплены и определенным образом вызывают соответствующее изменение в этом явлении, то вот эти причины являются свободными и они могут вызывать изменение этого явления, не отражаясь на этом явлении. Наоборот, если здесь эти причины являются закрепленными, то эти причины опять-таки могут изменяться, вызывая соответствующие изменения этого явления, которое с ним связано коррелятивно.

Вот, собственно говоря, каким образом мы можем представить графически эту коррелятивную связь. И вот тут коэффициент корреляции показывает нам, в каком соотношении находятся эти причины связанные и причины свободные. Если коэффициент 0,80, то это говорит, что очень большое число, 80% всех причин, действующих на этот комплекс явлений, являются связанными и только 20% являются свободными. А если коэффициент 0,10, это показывает, что только 10% причин являются связанными, а 90% свободными. Следовательно, изменчивость одних причин не зависит от изменчивости других.

Еще много и много можно было бы коснуться в вопросе применения методов математики к изучению явлений изменчивости. Скажу только, что это явление корреляции до чрезвычайности широко. Мы можем изучать не только коррелятивную изменчивость двух органов в одном и том же организме, мы можем изучать коррелятивную зависимость плеча и предплечья, мы можем изучать коррелятивную изменчивость роста следующего поколения, мы можем с вами изучать и явления, которые протекают самостоятельно одно от другого, но которые в то же время стоят в коррелятивной связи.

И вот мы как раз здесь, в этой самой зале слышали интереснейший доклад В.П. Пospelova относительно лугового мотылька. Мы слышали о том, что как и он сам, так и особенно некоторые из говоривших после него подчеркнули, что развитие лугового мотылька стоит в тесной коррелятивной связи с явлением климата и, в частности, с явлением влаги. Но это утверждение до сих пор остается до известной степени голословным, оно ничем не подтверждено, оно ничем не доказано, а, между тем, можно было бы установить вполне определенно математически доказанную и математически выраженную коррелятивную связь

между этими явлениями, если они, действительно, фактически существуют. Мы могли бы при помощи теории корреляции установить неоспоримый факт зависимости размножения лугового мотылька от известных метеорологических явлений и тогда разговор о том, может ли быть связь, потерял бы смысл, — мы знали бы наверное, есть это или нет. Мы можем сказать, что в том чрезвычайно интересном докладе, который был сделан проф. Казанским относительно паразита капустницы *Br. brassicae** и относительно той связи, которая существует между этим паразитом и жизненным циклом боярышницы, мы опять-таки имеем явление корреляции, которое опять-таки может быть переведено на язык цифр и может быть математически строго доказано, и мы тогда в состоянии будем учесть математическим способом, как велика зависимость биологического цикла боярышницы от цикла развития этого паразита *Br. brassicae*.

И таких вопросов у нас бесчисленное множество. В сущности говоря, вся наша биология может быть выражена этим рядом коррелятивных сопоставлений.

На этом я, пожалуй, сейчас и окончу. Мне хочется только сказать одно в заключение, что, конечно, сейчас мы стоим только у самого начала, у самого исхода этой дороги, этого пути приложения математики к биологическим вопросам. Впереди бесконечные дали и обозреть эти дали сейчас, когда мы только что становимся на эту дорогу, не представляется абсолютно никакой возможности. Но я глубоко убежден в том, что постепенно и довольно быстро математический метод будет все более и более завоевывать право при изучении биологических явлений. Я думаю, что этот метод, метод числа и меры, будет в конце концов надеть принцем на нашу бедную Золушку, которая до сих пор так робка, не смеет смотреть в глаза своим более богатым сестрам, которые уже владеют этим математическим методом. Будем же надеяться, что это наступит скоро и будем всячески стараться со своей стороны способствовать этому самому процессу. Но только я предупреждаю: не нужно этим методом увлекаться, нужно помнить все-таки то, что биологические задачи неизмеримо более трудны, чем задачи физики и химии, и что тот основной афоризм, о котором я уже вам говорил, все-таки всегда у нас должен быть в памяти: — “Биологические задачи должны решаться при помощи математики, но не как математические задачи”.

(Аплодисменты)

Машинописная расшифровка стенограммы хранилась в личном архиве акад. Б.А. Астаурова, после его кончины — у его дочери. Ксерокопия хранится в архиве музея ННГУ, Ф. С.С. Четверикова. Получена от проф. Н.М. Артемова.

2.

ДОКЛАД

“О ТРАНСГРЕССИЯХ И РЕГРЕССИЯХ ВИДОВ” НА СЕМИНАРЕ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ ИЗБ

Москва

1924 г.

Ровно 20 лет тому назад зимой 1903–1904 г. я делал свой доклад о “Волнах жизни”**. Если я сейчас вспоминаю об этом, то, конечно, не для того, чтобы отметить юбилейную дату. Тема моего сегодняшнего доклада очень близко касает-

* *Brevicoryne brassicae* — капустная тля.

** Опубликовано в “Дневнике Зоол. отд. Импер. О-ва люб. естествознания, антропологии и этнографии”. 1905. Т. 3, № 8. С. 55–57.

ся тех вопросов, которые я забросил тогда. Я старался показать в моем докладе, что фауна какой-либо местности никогда не остается спокойной, что жизнь каждого вида подобна волнам моря, [которые] то вздымаются вверх грозными валами, то разбегаются мелкой рябью. Сегодня мне хочется продолжить эту аналогию между видовой жизнью и морем, которую я начал тогда. Мы привыкли представлять себе море окруженным твердыми берегами, и точно так же мыслим себе и виды в более или менее тесных пределах. Мы говорим о “границах вида”, говорим о том, что*(...) находится внутри или вне “ареала его обитания”.

Но мы знаем, что море не всегда занимало ту площадь, где мы видим его теперь, берега, о которые оно бьется сейчас, не всегда были его берегами. Мы знаем, что на том самом месте, где мы находимся с вами сейчас, когда-то в необозримо далекие времена, во времена каменноугольного периода и Юры бушевали морские волны и плавали аммониты и ихтиозавры. Мы знаем, что море то наступает на сушу, заливая своими волнами иногда громадные площади земли, то снова отходит назад, обнажая значительные участки своего дна. Мы знаем о трансгрессиях и регрессиях моря... Знаем ли мы что-либо подобное и о движениях видов?

Я не стану останавливаться на тех случаях внезапных нарушений границ ареала обитания вида, которые мы знаем. И море иногда, в силу каких-либо внезапных причин, выходит на время из своих берегов, затопляя большую или меньшую площадь и вызывая иногда ужасные катастрофы. Подобные случаи, иногда, как при перелетах саранчи, имеющие тоже катастрофическое значение, всем хорошо известны. Напомню о случаях миграции белок и леммингов, и случаях залета сажки** из Киргизских степей в Англию, о массовых перелетах стрекоз, капустниц. Я сам был свидетелем такого массового перелета чертополоховой ванессы (*Parnassius cardui*) из Малой Азии через Черное море в Крым, когда бабочки, достигнутые ночью над морской поверхностью, продолжали свой путь в темноте и как безумные налетали в 10, 11 часов вечера на выставленную на берегу лампу.

Все эти случаи, хотя и очень интересные и очень важные с точки зрения как приводящих к ним инстинктов, так и тех последствий, которые могут получиться в результате этих переселений, не будут нас здесь занимать, т.к. подобные явления достаточно подробно регистрируются обычно в зоологической литературе и уже неоднократно подвергались обсуждению.

Не будем мы останавливаться и на других случаях, правда, более медленно, но все же бросающегося в глаза распространения на новые области некоторых видов. Напомню о дубровнике (*Emberiza aureola* Pall), проникшем на памяти людей с востока в Европейскую Россию, о металловидке (*Plusia moneta* F.), лет 30 тому назад заселившей Северо-Западную Европу с Англией, напомню о *Tephroclistia sinnasuria* Ev., последовательно обнаруженной из-под Иркутска, Казани, Москвы, Петрограда и, наконец, найденной в Восточной Германии. Но как и эти случаи, так и предыдущие являются редкими и бросающимися в глаза исключениями, которые как будто только еще резче подчеркивают общее правило, что громадное большинство видов приурочено к совершенно прочным берегам-границам.

Правда, мы знаем еще одну категорию трансгрессивных и регрессивных движений видов. Но эти явления относятся к далеким геологическим временам. Мы знаем, что в связи с коренными колебаниями климата и строения поверхности разных мест, колебалась и изменялась и фауна, их населяющая. Мы знаем о нахождении ископаемых остатков льва и гиппопотама в Англии, о постепен-

* Далее пропуск в тексте, видимо, не вписано латинское наименование вида.

** Саджа (копытка) – степная птица из отр. Рябки.

ном перемещении на север полярной фауны, некогда населявшей почти всю Европу. Мы знаем, что в пределах хотя одной Московской губернии со времени только ледникового периода сменились друг за другом последовательно три фауны: арктическая, пришедшая с севера с ледником, пустынно-степная, пришедшая с юга и юго-востока, и, наконец, таежная, надвинувшаяся на нас из Сибири.

Но все эти факты относятся к уже давно минувшим временам, грандиозные трансгрессии и регрессии фауны, вызванные грандиозными же геологическими процессами, постепенно затихли, виды пришли в равновесие, заняли определенные ареалы обитания. Изучение вопросов, связанных с этими минувшими перемещениями, представляет одну из интереснейших глав зоогеографии; но в настоящее время все как-будто успокоилось, встало на свои места. Однако, мне кажется, что это спокойствие только [кажущееся]. Вглядываясь в жизнь отдельных видов, нам удастся подметить продолжающиеся явления их трансгрессий и регрессий. В своем докладе “Волны жизни” я старался провести ту мысль, что характер фауны вечно колеблется, волнуется под влиянием настилающихся друг на друга волн жизни отдельных видов. Фауна никогда не остается постоянной, то, что было вчера редким, сегодня становится частым, и наоборот.

Сегодня я хочу несколько расширить эту картинку видовой жизни. Я всецело поддерживаю свою точку зрения, высказанную 20 лет назад, на то, что характер фауны вечно колеблется под влиянием колебаний волн жизни отдельных видов, но к этому основному фактору, меняющему физиономию фауны, я хочу прибавить сегодня еще другой, правда, менее резкий, менее заметный, но с теоретической точки зрения не менее интересный.

1) Впервые на эти мысли я натолкнулся еще в 1905 г. в связи с биологией одной из интереснейших, можно сказать, загадочных бабочек нашей среднерусской фауны – *Oeneis tarpeja* Pall. История ее открытия: Умнов (Московская губерния), С.С. Четвериков (1897 г. Богородский уезд Московской губернии); Яхонтов (Ярославль, Владимир, Н. Новгород), восток Екатеринославской губернии (Heine) и горы северо-западного Кавказа (С.С. Четвериков); сплошная область распространения от Уфимской губернии и Оренбургской области к востоку через лесостепную полосу до Иркутска и Забайкалья. “Бабочка летала в большом количестве под Омском, но отдельными экземплярами встречалась почти всюду” (Щуко, рукопись).

1-я стадия. Прилив жизни. Исчезновение ее из Богородского уезда в 1904 г. в связи с холодным мокрым летом. Недостаточность “плацдарма”.

Нарушение характера фауны вследствие исчезновения вида, его “регрессии”. Единичное ли это явление?

Трудность установления факта исчезновения вида (“отлив жизни” – тоже выводит из рамок наблюдения).

Факты, которые можно провести в пользу явления “регрессий” и “трансгрессий видов”.

2) *Vanessa io* L., ее биология, ее исчезновение в начале нынешнего века.

3) *Vanessa polychloros* L. – ее биология, ее исчезновение. Сомнения в ее существовании (старые коллекции). Появление ее вновь в 1919 г. по Кавказской железной дороге, нахождение в 1920–1921 и последующих годах.

4) *Limenitis camilla* L. Обычность его, исчезновение в начале текущего века, появление его вновь в 1918 г., обычность его.

5) Трудность уследить за ночными бабочками.

История *Syntomis phegea* L. Внезапное появление ее в 1898 г. в Богородском уезде и последующее исчезновение.

6) *Agrotis puella* L. Ульянин в 1867 г. ее не знал для Московской губернии. В настоящее время она одна из обыкновенных [бабочек] (следом за *Ag. hastulatum* charp). В прошлом 1923 г. докатилась до Петроградской губернии.

Как ни мало приведенных случаев, все же если только наблюдаемые факты верны, они могут дать повод к некоторым интересным соображениям.

История о *Oeneis tagreja* поможет нам легче истолковать все эти явления.

Две категории видовых границ: физические и биологические.

Особенности биологических границ. Широтные границы, долготные границы.

Зона жестокой борьбы за существование. Возможности вымирания вида в указанной зоне – явление “регрессии”, постепенное расширение области обитания – “трансгрессия”.

Нормальность такого состояния границ вида.

Итак, состав фауны какой-либо местности постоянно колеблется не только в относительной численности отдельных видов, но и в самом составе фауны. Ряд видов, для которых “зона жестокой борьбы” проходит как раз через рассматриваемую область, то заселяет ее в своем “трансгрессивном” движении, то снова сбегает с его территории в тяжелые годы “регрессивного” движения.

И вот в настоящее время, когда меня спрашивают о границах какой-либо*

Рукопись хранится в личном архиве дочери Б.Л. Астаурова, которому она была передана Н.С. Четвериковым после смерти брата.

3.

РАЗВЕРНУТЫЙ ПЛАН ДОКЛАДА, “О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СУЩНОСТИ МУТАЦИОННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ”, ПРОЧИТАННОГО В МОИПЕ

Москва

21 марта 1929 г.

Введение. Цель доклада: новые факты, новые точки зрения на взаимоотношение гена и организма, на сущность мутационной изменчивости, на ее причины.

Генетика оторвалась от общей биологии**.

Прежде: чтобы быть генетиком, надо быть биологом.

Теперь: чтобы быть образованным биологом, надо быть генетиком.

1) Вопрос: *Что мы знаем о природе мутаций? Как они возникают?*

Но прежде кратко другой вопрос: 2) *Какую изменчивость мы называем мутационной; каковы ее критерии?*

* * *

Эволюция понятия “мутация”:

1) Waagen (1869) – *Ammonietes subradiatus*^{3*};

2) De-Fries (1901) – *Sprungvariation* – *Sport*^{4*};

* Далее рукопись обрывается.

** Далее две строки тщательно зачеркнуты.

^{3*} Один из морских ископаемых головоногих моллюсков, близких к современному наутилусу.

^{4*} Вариации “прыжков” – “Спорты” – внезапное появление вариаций.

3) Morgan (1910) – Изм[енения] наслед[ственного] вещества-генотипа;

4) Muller (1921) – Изменения *гена*.

Соответственно:

1) Мутации

2) Сальтации

3) Геновариации

4) Трансгенации

Ва[жны] 3 и 4.

Характеристика “сальтаций”. *Критерии*. (Отличие от флюкт[уаций]).

1) Размах отклонения

2) Редкость появления

3) Ненаправленность

4) Наследственность

5) Кривая распределения

Анализ сальтаций. – *Ненаправленность* изменчивости, отсутствие соответствия между внешними факторами и мутационной изменчивостью, как единственный критерий.

Геновариации как изменчивость наследственного вещества, выражающаяся в признаках – сальтациях.

Сравнение с медициной.

Обзор таблицы геновариаций: – их характеристика и систематизация.

Особое место трансгенаций.

Взаимоотношение *гена* и *признака*. Учение о плейотропии, “об организме как целом”.

Непроявляющиеся геновариации.

? *Что знаем мы о происхождении мутаций?*

Образование признаков. *Три силовых поля*. *Первопричина* изменчивости наследственности.

? *Каким образом возникают трансгенации?*

? *Какие факторы изменяют строение наследственного вещества?*

Понять причину мутаций мы сможем только тогда, когда будем иметь представление о *строении гена*.

Трудности изучения гена:

1) Его *редкость* возникновения;

2) Его *случайность*, отсутствие специфичности возникновения. Опыты *Muller'a* с X-лучами.

Результаты:

1) Увеличение частот возникновения в 150 раз.

2) Совпадение новых генов со старыми [18]. Это дает повод видеть в новых генах нечто принципиально тождественное с прежним геном.

3) *Неспецифичность* геновар[иационной] изменчивости, ее *ненаправленность*.

4) Непропорцион[ально] большое число “хромосомных aberrаций”

Вопрос о влиянии внешних факторов на геновариационный процесс.

Неудача предыдущих опытов:

? Почему ?

Клеточный механизм – устойчивая физиологическая машина. Закон “все или ничего”.

Учение о *балансе** хромосом. Учение о *плейотропии*.

* В тексте – “балансе”.

Учение “об организме как целом”.

? Каково же действие X-лучей?*

...(Воскрешение теории “присутствия или отсутствия”. Объяснение его аллеломорфизма.

Необъяснение доминантности.

Физиологическая точка зрения.)

Факты, дополняющие картину действия:

- 1) Несовпадение действия X-лучей в аналогичных хромосомах (против химического действия через среду).
- 2) Действие X-лучей зараз** на два соседних гена.
- 3) Одинаковость действия на оба пола, в разных стадиях развития гамет.
- 4) Одинаковое действие на соматические клетки. Воскрешение теории “присутствия и отсутствия”.

Факты, говорящие против:

1) Обратимость процесса геновариирования [eosin, scute, forced, white (Т.Р.)]³.*

2) Доминирование “eye less”⁴.*

Физиологическая точка зрения:

? Какие же факты еще могут помочь нам углубить наши представления о гене и природе геновариационной изменчивости?

- 1) Данные по “очищению” данной популяции (1923–1924 гг.)
- 2) Теория Кольцова о строении хромосомы (1928)
- 3) Взгляды Muller’a на дробность (двойность) гена в связи со случаями мозаичности.

Объединение их всех.

Заключение:

Возвращаюсь назад к вопросу об отношении теперешних наших представлений о сущности и причинах мутационной изменчивости и вопросу “о наследовании благоприобретенных признаков”.

Полное отсутствие поводов для таких утверждений.

Характернейшая особенность действия X-лучей: их *ненаправленность*, их *неспецифичность*, их *случайность* реакций (совпадение с “сальтациями”).

И теперь тверже, чем когда-либо, мы можем настаивать на *ненаследовании* благоприобретенных признаков, потому что мы получили возможность заглянуть вглубь причин, вызывающих мутационную изменчивость и полнее познать ее характер.

? Каковы же источники мутационной изменчивости в природе?

Возможность лучистой энергии как природного источника мут[ационной] изменчивости.

X-лучи в природе.

Действие радиоактивных [излучений] (Надсон).

Возможность источника радиоактивности в самом организме (атомы калия).

Овладеем ли мы когда-нибудь процессом мутационной изменчивости?

Конкретизация задачи, ее безнадежность.

* Далее следуют 4 строки зачеркнутого текста.

** Так в тексте.

³* Виды обратимых геновариаций (эозиновая, белая окраска, отсутствие или искривление щетинок). Перечислены признаки, некоторые из которых изучались Тимофеевым-Ресовским (Т.Р.).

⁴* Eye less (англ.) – уменьшенные глаза, малоглазость.

Микрокосм и макрокосм.
Значение понимания процесса.
(Протеиды и аминокислоты).

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 10. Лл. 1, 2. Автограф.

4.

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ

“ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ПОЛ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ” ИЗ ЦИКЛА “ЛЕКЦИИ ВЫХОДНОГО ДНЯ” ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ СОРМОВСКОГО РАЙОНА г. ГОРЬКОГО

Горький

25 октября 1937 г.

Лекции выходного дня

Вступление: Постановка проблемы; ее практическая значимость.

Отставание теории от практических потребностей и отрицательные последствия такого расхождения; суеверия, знахарство, шарлатанство.

Различные “теории” определения пола: влияние возраста родителей, температура, питание матери и т.п.

“Верные средства” и причина их популярности.

Изложение: Две науки: цитология и генетика разрешили поставленную проблему.

Сущность процесса оплодотворения: слияние ядер мужской и женской половой клеток.

Хромосомы, их индивидуальность и их значение в наследственности.

Процесс образования половых клеток (мужских и женских), уменьшение наполовину числа хромосом.

Восстановление числа хромосом при слиянии ядер (оплодотворении).

Приблизительное равенство числа особей мужского и женского пола (самцов и самок).

Какой механизм обуславливает эту закономерность.

Первые наблюдения *Хеннинга* над образованием мужских половых клеток у клопа “солдатики”; существование непарной хромосомы и особенности ее поведения (конец XIX в.).

Гипотеза *Мак-Кленга* (1902 г.) об определении пола в зависимости от распределения хромосом.

Работы *Стевенса* и *Вильсона* и окончательное установление хромосомной теории определения пола.

Половые хромосомы (X и Y) и аутосомы.

Определение пола у плодовой мушки, домашних животных, у человека.

Сложность проблемы определения пола, опасность механистического подхода к ней.

Теория “полового хромосомного баланса” *Бриджеса*. Борьба двух начал: мужского и женского.

Теория *Гольдшмидта* об образовании “интерсексов”.

Случаи превращения пола у курицы.

Значение гормонов.

Значение внешних условий.

Опыты произвольного определения пола будущего потомства.

Направление этих работ: использование различий сперматозоидов, несущих X и Y хромосомы.

Искусственное осеменение.

- 1) *Механический способ* разделения (центрифугированием). Это неудача.
- 2) *Химический способ*, путем помещения сперматозоидов в более кислые и более щелочные среды. Указание на положительные результаты.
- 3) *Физические способы*:
 - A. *Катафорез*. Указание на положительные результаты; мировой интерес к этим опытам. Основания.
 - B. Поле ультравысокой частоты (конденсаторное поле). Указание на положительные результаты.

Заключение. Теоретическая ясность внесена генетикой и цитологией в поставленную проблему. Эта ясность является залогом того, что и практически эта задача будет разрешена уже в недалеком будущем.

Профессор

С. Четвериков

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 20. Л. 15, 16. Авторизованная машинопись.

5.

РАЗВЕРНУТЫЙ ПЛАН ЛЕКЦИОННОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО КУРСОВ ПО ЭНТОМОЛОГИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ГГУ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ ПО ЗООЛОГИИ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ

Тетрадь 1.

Горький

[Сентябрь-октябрь 1939 г.]*

Вопросы по курсу общей энтомологии (Четверикова):

- 1) К какому типу животных относятся насекомые и какие другие классы относятся к этому типу?
- 2) Чем отличаются насекомые от других классов членистоногих. Их краткая, точная характеристика?
- 3) Что такое склерит?
- 4) Что такое “первичные склериты” и “вторичные склериты”, чем вызывается появление “вторичных склеритов” (примеры)?
- 5) Как построен сегмент тела насекомого (полная схема)?
- 6) В чем заключается закон дифференцировки членов гомодинамического ряда (формулировки и объяснение)?
- 7) Что такое аналогичные органы (примеры)?
- 8) Что такое гомодинамичные органы (примеры)?
- 9) Что такое гомологичные органы (примеры)?
- 10) Сколько сегментов в теле насекомого?
- 11) Почему мы насчитываем 5 сегментов в голове насекомого при морфологическом изучении?
- 12) Какие мы знаем брюшные конечности у насекомых?

* Дата установлена на основании других документов.

- 13) Как устроен ротовой аппарат у хоботных (Rhynchota)?
- 14) Как устроен ротовой аппарат у жующих насекомых?
- 15) Какие отряды насекомых с жующим и какие с сосущим ротовым аппаратом (перечислить все)?
- 16) Чем отличается ротовой аппарат перепончатокрылых (Hymenoptera)?
- 17) Как устроен ротовой аппарат у двукрылых (Diptera) с колющими ротовыми органами?
- 18) Как устроен ротовой аппарат у бабочки? Как она может сосать своим хоботком?
- 19) Какие виды крыльев различаются по их компетенции?
- 20) Как устроена нога насекомого и как изменяются передние ножки?
- 21) Как изменяются задние ноги насекомых?
- 22) Где прикрепляется яйцеклад у прямокрылых и из скольких пластинок он обыкновенно складывается?
- 23) Что такое жало насекомых?
- 24) Что такое эндоскелет, для чего он служит и как образуется?
- 25) На основании какого признака устанавливается гомология органов и их частей у насекомых?*
- 26) Как расправляется крыло у насекомых при переходе в стадию imago?
- 27) Для чего служат жилки крыла?
- 28) Общая схема жилкования крыла?
- 29) В каком направлении шла эволюция крыла?
- 30) Какое строение мы называем примитивным и какое прогрессивным?
- 31) В каком направлении шла эволюция приспособления к полету?
- 32) Как объяснить особенности строения тела стрекозы?
- 33) Как образуется хитин? Его строение в связи с вопросом о действии контактных ядов?
- 34) Химический состав хитина, наиболее характерная для него реакция?
- 35) Как образуются волоски, чешуйки, шипы?
- 36) На какие группы делятся кожные железы по их строению?
- 37) Какие бывают одноклеточные железы (по функциям)?
- 38) Какие бывают мешковидные железы (по функциям)?
- 39) Какие бывают сложные железы (по функциям)?
- 40) Почему трутень не может жалить?
- 41) Почему мы считаем нижнюю губу насекомого парным придатком?
- 42) Как можно на примере строения ротового аппарата (у кузнечика, у слепня) иллюстрировать закон дифференциации членов гомодинамичного ряда?
- 43) Как можно на примере ножек насекомого показать закон дифференциации членов гомодинамичного ряда?
- 44) Как применяется закон дифференциации членов гомодинамичного ряда по отношению к брюшку насекомого?
- 45) Что характерно для жующего и сосущего ротового аппарата у насекомых?
- 46) Какие отряды имеют неполное превращение (дать характеристику каждого отряда)?
- 47) Какие отряды имеют полное превращение (дать характеристику каждого отряда)?

* Этот вопрос был ошибочно повторен еще раз под № 26, что вызвало необходимость сменить нумерацию последующих вопросов на единицу.

Дополнительно:

- 1) Провести гомологию между нижней губой и нижней челюстью.
- 2) Будут ли волос кошки и волос пчелы органами аналогичными или гомологичными?
- 3) В каком направлении шла эволюция нервной системы у насекомых?
- 4) В каком виде принимается мозаичная теория зрения?
- 5) Можно ли бороться с тлями (*Rhynchota*)* при помощи кишечных?
- 6) Какие примитивные анатомические и морфологические признаки можно указать для *Apterygota*?**
- 7) Возможно ли получение насекомых из яиц, вырезанных из тела насекомого?
- 8) Если перерезать обе коннективы между первыми и двумя ганглиями пчелы, будет ли она улетать при испуге?

Раздел общей биологии насекомых

- 1) Что такое индивидуальная борьба за существование и что такое видовая борьба за существование? Какой вид борьбы подчинен один другому? Как понять существование у социальных насекомых особей с недоразвитыми органами размножения?
- 2) В каком направлении шло развитие индивидуальной борьбы за существование у насекомых?
- 3) В каком направлении шло развитие пассивных средств борьбы за существование у насекомых?
- 4) Какие мы знаем активные средства борьбы у насекомых?
- 5) Какие существуют формы охранительной окраски, какие цвета участвуют в предупреждающей окраске?
- 6) Какие существуют объяснения значения глазчатых пятен, контрастной окраски?
- 7) Что такое мимикрия, каким условиям она должна удовлетворять?
- 8) В каком направлении шло развитие видовой борьбы за существование у насекомых?
- 9) Какие знаем мы морфологические приспособления у насекомых в видовой борьбе за существование?
- 10) Что такое партеногенез, педогенез, полиэмбриония и какое они имеют значение?
- 11) В каком направлении шла эволюция психической деятельности?
- 12) Что такое таксис и какие существуют таксисы?
- 13) Какая разница между таксисом, инстинктом и разумной деятельностью?
- 14) Что показывает нам опыт Фабра с пчелой каменщицей (халикодмой)?
- 15) Что такое индивидуальная изменчивость? Какой она носит характер?
- 16) В чем выражается половой диморфизм? Каково его вероятное происхождение?
- 17) Что такое кастовый полиморфизм социальных насекомых и какое он имеет значение?
- 18) Какие существуют формы массовой изменчивости?
- 19) Что такое морфа (*morpha*)^{3*}, какие существуют формы морфической

* *Rhynchota* – хоботные

** Группа низших первично бескрылых насекомых.

^{3*} Форма изменчивости, встречающаяся в некоторой группе того же вида организмов (дополнительные пятна на крыльях бабочки, яркость или оттенок общей окраски).

изменчивости, в чем ее главная особенность с точки зрения наследственности?

- 20) Что такое географическая изменчивость, какая ее главная особенность, в чем у ней сходство с межвидовой изменчивостью?
- 21) Что такое триноминальная номенклатура, как обозначаются подвиды, морфы и индивидуальные отклонения?
- 22) К какой зоогеографической области принадлежит СССР и каковы в общих чертах границы этой области?
- 23) Как называется площадь земли, на которой распространен тот или иной вид животного?
- 24) Какие причины определяют собой современный ареал обитания вида?
- 25) Что такое “станция”?
- 26) Что такое “биоценоз”? Какая разница между ним и “станцией”?
- 27) Какие изменения происходят в видовой жизни биоценоза и какой они носят характер?
- 28) Какого рода факторы влияют на видовую жизнь насекомого?
- 29) Какие элементы климата играют первенствующее значение?
- 30) Что такое климограф (климатограмма) и какие результаты были с ними получены?
- 31) В чем сущность правила “сумм тепла” Блумка? В чем оно расходится с действительностью?

Характеристика примитивного насекомого

1. Жующие ротовые органы.
2. Равномерное строение груди.
3. Ходильные ноги.
4. (Бескрылые) Крылья перепончатые.
5. Оба крыла развиты одинаково.
6. Обильное жилкование.
7. Крылья не складываются назад.
8. 10 сегментов брюшка.
9. (Брюшные ножки)* Церки.
10. (Ametabola L. Hemimetabola).

ПРОГРАММА КУРСА ОБЩЕЙ ЭНТОМОЛОГИИ

Для студентов-специалистов Горьковского университета

Раздел I – Лекция:

2 ч. – *Введение*. Насекомые – как составная часть природы, и их значение в природе. Количество насекомых – видовое и индивидуальное.

Значение насекомых в жизни и деятельности человека (в сельском хозяйстве, лесоводстве, садоводстве, огородничестве, в животноводстве, быту, производстве). Динамика вредоносной деятельности насекомых, волны жизни.

Выделение энтомологии в самостоятельную науку, развитие из “забавы” в описательную науку (систематика, морфология, биология) и в экспериментальную. Развитие прикладной энтомологии параллельно с развитием техники сельского хозяйства. Борьба с вредителями по линии: а) истребления, б) защиты растений (селекционные и агрокультурные мероприятия).

* В дальнейшем эти брюшные придатки С.С. Четвериков называет по-латински – cerci.

1-ая тема: Общая морфология насекомого

2 ч. – 1. Общая характеристика класса насекомых и отличие его от других классов членистоногих.

2. Морфология хитинового скелета насекомых. Склериты, их значение, первичные и вторичные склериты. Расчленение тела и закон дифференцировки членов гомодинамического ряда.

Основная схема внешнего строения головы, груди и брюшка насекомого.

2 ч. – Конечности нижней стороны: головные, грудные и брюшные. Их гомология. Изменение их по отрядам в соответствии с высотой организации и образом жизни насекомого. Внешнее половое вооружение насекомого, генитальные придатки самца и самки. Яйцеклад, жало. Спинные придатки груди: а) первостепенные – крылья, их строение; жилкование; общая схема жилкования по Констоуму и Нидгему; б) второстепенные – патагии и тегулы, их значение в гомологическом ряду придатков.

2 ч. – 3. Хитин и его строение. Гиподерма и ее хитинизация. Структура хитинового скелета, химический состав хитина, проницаемость (контактные яды).

Волоски, щетинки, шипы, чешуйки, их образование из трикаденных клеток; специализация волосков и гиподермы: ядовитые волоски, гиподермальные железы (воскоотделительные, линочные, пахучие, ядовитые).

Специализация волосков и щетинок в органах чувств.

2 ч. – 4. Физикохимические основы окраски насекомых.

а) Пигменты: хитиновые, гиподермальные и субгиподермальные и вызываемые ими окраски.

б) Структурные окраски: явления преломления, отражения света, дифракции и цвета тонких пластинок.

в) Смешанные окраски.

2-ая тема: Анатомия и физиология насекомого

2 ч. – 1) Мышечная сома. Основная схема сегментного строения мускулатуры. Изменение схемы в связи со специализацией в грудном отделе и в голове. Мускулы конечностей и крыльев: прямые и косвенные мышцы крыла. Строение мышц. Общая физиология мышечного движения.

2 ч. – 2) Органы пищеварения насекомого. Общая схема органов пищеварения, разделение их на три отдела: переднюю, среднюю и заднюю кишку; особенности гистологического строения их отделов.

Специализация органов пищеварения у разных отрядов. Железы, связанные с пищеварительным трактом (слюнные, прядильные и др.).

Физиология пищеварения; действия отравляющих веществ.

2 ч. – 3) Органы кровообращения. Кровь, ее составные части, спинной сосуд; его строение и функция; крыловидные мышцы; фагоциты, дополнительные сердца; очаги кроветворения.

Физиология кровообращения и роль последнего при действии ядов.

2 ч. – 4) Органы выделения и жировое тело. Мальпигиевы сосуды, их строение и функционирование. Перикардиальные клетки, как органы выделения ("почки накопления").

Жировое тело, как склад запасных питательных веществ и как орган выделения. Физиология выделительного процесса и отношение его к отравляющим веществам. Эноциты и железы внутренней секреции.

2 ч. – 5) Органы дыхания. Общая схема строения дыхательной системы. Трахеи, стогмы и их функционирование. Взаимоотношение с органами кровообращения. Дыхание у водных насекомых, трахейные жабры. Трахейные пузыри и

их вероятная связь с полетом. Физиология дыхания, действие ядов, проникающих через дыхательную систему.

2 ч. – 6) Нервная система. Центральная нервная система: брюшная цепочка, головной мозг. Гистологическое строение нервной системы. Типичное строение брюшной цепи: ганглии, коннактивы, комиссуры.

Ход нервных волокон. Эволюция нервной системы в сторону концентрации ганглиев. Подглоточный узел, его сложное строение и функция.

Головной мозг, его деление на 3 отдела; грибовидные тела. Гистологическое строение головного мозга. Развитие его у насекомых с высокой психикой (у пчел, муравьев). Периферическая нервная система: нервы, отходящие от головного мозга, от подглоточного узла, от брюшных ганглиев. Симпатическая нервная система.

Физиология нервной системы. Рефлексы.

2 ч. – 7) Органы чувств. Усло[вно]сть* понятия “чувств” у насекомых, аналогия их “чувствам” человеческим.

а) Чувство осязания; волосок, как основной орган осязания, его изменения, специализация.

б) Чувство обоняния; преимущественная роль усиков; волосок, как основной орган обоняния, его изменение и специализация. Усложнение обонятельного аппарата в ряду насекомых. Роль обоняния в жизни насекомого.

с) Чувство вкуса; положение вкусовых органов, сходство их с обонятельным.

д) Органы неизвестных чувств. Щупиковые органы бабочек.

е) Чувство слуха и равновесия. Группа хордотональных органов, их усложнение. Слуховой аппарат кузнечика, саранчи, комаров. Галтеры двукрылых, как органы равновесия.

ф) Чувство зрения. Глазки и глаза у насекомых. Глазки, их строение и видоизменения. Фасеточные глаза, их строение из омматидий; строение отдельного омматидия. Омматидии эвконические и аконические.

Физиология зрения простым глазком и фасеточным глазом. Мозаичная теория зрения, ее первоначальная формулировка; критика и дальнейшее развитие. Теория Экснера.

2 ч. – 8) Органы размножения. Главенствующее значение этих органов у насекомых в стадии imago. Основные и второстепенные части полового аппарата. Половой аппарат самца, его первоначальное посегментное строение. Семенники. Семепроводы, выводной канал, придаточные железы. Положение полового аппарата самки (между 8 и 9 сегментом – типично). Сравнение полового аппарата самца и самки. Особенности его в некоторых отрядах. Физиология полового аппарата у насекомых. Оплодотворение, сперма, сперматофоры, семеприемник самки и его функции при откладке яйца. Способы откладки яиц, случаи живорождения.

3-я тема: Эмбриональное и постэмбриональное развитие насекомого

2 ч. – 1) Яйцо насекомого, его строение, хорион, микро...**. Процесс оплодотворения яйца, партеногенетическое развитие яйца. Искусственный партеногенез.

2) Дробление яйца, полное и поверхностное, полиэмбриония. Закладка зародыша; зародышевая полоса, зародышевая борозда. Сегментац[ия] зародыша,

* Так в тексте; возможно, описка в слове “условность”.

** Далее слово не прочитывается.

закладка конечностей грудных и брюшных. Общее число сегментов. Зародышевые оболочки (сериза и амнион), их назначение и оборудование. Движение зародыша.

2 ч. – 3) Закладка внутренних органов. Образование зародышевых листков, полость тела. Органы, развивающиеся из эктодермы, энтодермы и мезодермы (особенности развития кишечного тракта, нервной системы, трахей, сердца, половых органов).

2 ч. – 4) Постэмбриональное развитие. Выход личинки из яйца; насекомые с полным и неполным превращением. Постепенное усложнение процесса метаморфоза по мере усложнения строения и образа жизни насекомого. Гиперметаморфизм. Куколка, процесс гистолиза и гистогенеза. Имагинальные диски.

4-ая тема: Общая биология насекомых

2 ч. – 1). Видовая и индивидуальная жизнь насекомого, подчинение последней задаче размножения.

а) Борьба за индивидуальную жизнь. Биологическое значение окраски насекомого (покровительственная мимикрия, охранительная).

Движения и позы угрозы. Орудия активной и пассивной защиты насекомого: покровы, шипы, ядовитые волоски, вонючие железы, восковые отделения, чехлы, маскировка автономия, жало. Свойство притворяться мертвым.

б) Борьба за видовую жизнь. Приспособление к откладке и сохранение яиц (яйцеклады, волоски, гнезда и т.п.). Рефлексы, тропизмы, инстинкт и “разум” у насекомых. Богатство инстинктов, связанных с охраной потомства; работы Фабра. Психическая деятельность высших насекомых (пчел, муравьев).

Паразитизм и сверхпаразитизм, полиэмбриония и педогенез.

Половой диморфизм и полиморфизм, его происхождение и значение в отношении насекомых. Развитие этой теории.

2 ч. – 2). Изменчивость и наследственность у насекомых. Понятие о виде, объективное существование его. Высшие (надвидовые) и низшие (подвидовые) систематические категории. Географическая и негеографическая изменчивость: подвид, морфа, абберация.

2 ч. – Распространение насекомых, активное и пассивное. Энтомологическая зоогеография. Распространение вредителей человеком вместе с растениями.

2 ч. – 3). Общая экология насекомых. Зависимость насекомых от окружающей среды. Влияние температуры и влажности. Диапаузы у насекомых (яйцевая, личиночная, куколочная, имагинальная). Взаимодействие между растением и насекомым.

2 ч. – Насекомые монофаги и полифаги. Ядовитые растения и отношение к ним насекомых. Иммуитет растений к вредителям (подсолнух, виноград). Взаимодействие между насекомыми.

2 ч. – Болезни и эпизоотии у насекомых.

2 ч. – 4). Основные законы эволюции насекомых. Палеонтологическое прошлое их, родословное дерево насекомых. Основной фактор эволюции насекомых.

Раздел II – Лабораторные занятия

16 ч. 1-ая тема: Общая морфология насекомого

Расчленение хитинового скелета кузнечика. Брюшко, сегменты брюшка (склериты). Придатки брюшка (церки, яйцеклад, генитальная пластинка самца). Грудь (передне-средняя и заднегрудь). Склериты груди. Эндоскелет. Придатки груди (ножки и крылья).

Голова, головная коробка, глаза (простые и сложные), придатки головы: усики, верхняя губа, жвалы, нижние челюсти, нижняя губа (epipharynx – нёбо, hypopharynx – язык).

2. Сравнительно-морфологический очерк хитинового скелета насекомого (кузнечик, жук, шмель, слепень, клоп, бабочка):

а) Изменения ножек, их специализация: ножки бегательные, прыгательные, плавательные, копательные, хищные, присасывательные, собирательные.

б) Изменение формы и прикрепление брюшка: брюшко сидячее, висячее и стебельчатое. Уменьшение числа сегментов.

в) Изменение крыльев в связи с защитой более нежных частей: крыло перепончатое, кожистое, элитры, полуэлитры. Жилкование крыла (стрекоза). Тегулы и патагии (бабочки).

г) Подвижность и слияние переднегруди со среднегрудью.

д) Морфология ротовых органов у разных отрядов насекомых: 1) серия жующих (кузнечик, майский жук), 2) серия жующих-лакающих (шмель), 3) серия сосущих (слепень, клоп, бабочка). Гомология ротовых органов (по положению, а не по форме и функции).

2-ая тема: Внутренняя анатомия насекомого

Строение внутренних органов таракана: сердце, трахейная система, мышцы, жировое тело, органы пищеварения и выделения, половые органы, нервная система. Изучение с зарисовкой соответствующих препаратов.

3-я тема: Постэмбриональное развитие насекомых

Различные типы личинок: хищные (комподевидные), растительноядные (эруковидные), червеобразные. Определение их по Филиппеву. Различные типы куколок: свободная куколка (pupa libera), спаянная куколка (pupa obsecta) пупарий. Личинки и нимфы насекомых с неполным превращением. Яйца прямокрылых (кубышки), клопов, жуков, бабочек, мух.

Рассмотрение препаратов по эмбриональному развитию*.

4-ая тема: Систематика насекомых

Умение определить (без помощи определителя) подотряды, отряды, главные семейства насекомых:

А. Низшие насекомые (4 отряда)

В. Высшие насекомые

1. Надотряд прямокрылых (4 отряда)

2. Надотряд ложносетчатокрылых (5 отрядов)

3. Надотряд хоботных (отряд полужесткокрылых (8 сем.) и отряд равнокрылых (5 сем[ейств])

4. Надотряд сетчатокрылых (4 отряда)

5. Отряд жесткокрылых (с 18 сем.)

6. Отряд пухокрылых (ручейников)

7. Отряд чешуекрылых (с 15 сем.)

8. Отряд перепончатокрылых (с 10 сем.)

9. Отряд двукрылых (с 10 сем.)

* Авторская сноска:

а) образование бластодермы,

б) первичная сегментация зародыша. Зародышевая полоса и борозда.

в) закладка передней и задней.

По разделу II – “Биология насекомых” практические занятия осуществляются экскурсионным способом (совместно с экскурсиями по систематике), причем на этих экскурсиях студенты знакомятся по-возможности со всеми биологическими явлениями (полиморфизм насекомых, биологическое значение окрасок, волны жизни и т.п.) прямо в поле, с последующей проработкой материала, если окажется необходимым – в лаборатории.

Литература

1. Основная:

- 1) Холодовский – Курс энтомологии (3 тома)
- 2) Кузнецов (редакт.) – Общая энтомология, ч. II
- 3) Филиппев (редакт.) – Определитель насекомых. 1928 г.

II. Дополнительная:

- 1) Шестаков – Основы энтомологии. 1932 г.
- 2) Богданов-Катьков – Практическая энтомология.
- 3) Фридерик – Экологические основы прикладной энтомологии. 1932 г.
- 4) Ауци Д. – Сельскохозяйственная экология. 1932 г.
- 5) Фабр – Инстинкт и нравы насекомых.
- 6) Майер – Биологический метод борьбы с вредителями.
- 7) Шванвич – Насекомые и цветы.
- 8) Филиппев – Некоторые закономерности распространения и размножения массовых вредителей. 1929 г.
- 8а) Пospelов – Бесплодие у бабочек и попытки его объяснения.
- 9) Фриш – Из жизни пчел.
- 10) Шарп – Насекомые.
- 11) Брем – Жизнь животных. Т. IX, СПб. 1905 г.
- 12) Дамперт – Атлас бабочек Европы, СПб. 1913 г.
- 13) Якобсон и Бианки – Прямокрылые и ложносетчатокрылые Российской империи, СПб. 1904 г.
- 14) Якобсон – Жуки России и Западной Европы. 1905–1915 гг.
- 15) Четвериков – Основной фактор эволюции насекомых. 1914 г.
- 16) Рейтер – Фауна Германии – Жуки. 5 т.
- 17) Шмиденект – Перепончатокрылые Средней Европы.
- 18) Гинер – Фауна Австрии – Двукрылые, 2 тома.
- 19) Список вредных насекомых. 1933 г.

Дополнения из программы Владимирского [Учкомбова]

Раздел 2-ой “Общая биология насекомых”

2 ч. Видовая и индивидуальная жизнь насекомого.

(видовая жизнь, окраска, орудия защиты, значение этих средств в борьбе за жизнь).

2 ч. Борьба за видовую жизнь.

(приспособления к откладке яиц, паразитизм, полиэмбриония и др.)

2 ч. Богатство инстинктов, связанных с размножением

(разум, психологическая деятельность, рефлексy, тропизмы).

2 ч. Изменчивость и наследственность у насекомых

(вид, систематические категории, изменчивость географическая и негеографическая, полиморфизм, диморфизм).

2 ч. Распространение насекомых. Энтомологическая зоогеография

- 2 ч. *Экология насекомых* (влияние внешних факторов, диапаузы).
 2 ч. *Взаимодействие насекомых между собой и с растениями и животными*
 2 ч. *Эпидемиология насекомых*
 2 ч. *Основные законы эволюции насекомых*

Раздел 3-ий “Систематика насекомых”

- 2 ч. Лекция. Необходимость Систематики. Систематика категории.
 4 ч. Груп[повые] занятия. Характеристики отдельных отрядов.
 2 ч. Лекция-беседа. Значение работы. Родственные отношения отрядов.
 2 ч. Групповые занятия. *Отряд бескрылых* – переходная группа, семейство *Protura*^{*}, *Collembola*^{**}.

Отряд ложносетчатокрылые

- 8 ч. (2 ч. – лекции, 4 ч. – практика, 2 ч. – групповые занятия)
 (п/отр. Поденки, стрекозы, сеноеды, пухоеды, вши – 5).

Из полевой тетради 2. *Заметки по полевой практике и программе*

Оборудование, необходимое на практику

1) сачки	29) вата
2) морилки	30) кисточки
3) хлороформ	31) обрезки фильтровальной бумаги
4) банки большие	32) хлорат-гидрат
5) банки маленькие	40) чернила ^{3*}
6) пробирки с пробками	41) ручки
7) ящики для сборов	42) чернильницы
8) ящики для коллекций	43) перья
9) иголки энтомологические	44) карандаши
10) булавки	Определители:
11) расправилки	Линейка
12) чашки Петри	Стекла
13) бумага писчая	45) копалка
14) картон	46) препаровальные иглы
15) ватманская бумага калька	47) этикетки
16) спирт	48) бачок
17) NaOH	Есть на станции:
18) гвоздичное масло	Пинцеты
19) канадский бальзам	Лупы экскурсионные
20) клей столярный	Лупы штативные
21) клей канцелярский	Лопаты
22) чернила	Топорики
23) тушь	Предметные стекла
24) тушевые	Садочки
25) нитки	Ножницы
26) шнур	Экскурсионные сумки
27) нафталин	Скальпель
28) мел	Бинокляр

^{*} Бессаяжковые, похожи на личинок.

^{**} Ногохвостки (в сырых местах).

^{3*} Такая нумерация в рукописи – с пропуском от 32 до 40. После № 48 нумерация отсутствует.

Программа полевой практики

I. Характеристика всех отрядов.

II. Знакомство с главнейшими семействами. Их морфологическая и биологическая характеристика.

III. Изучение важнейших представителей (смотри список (50)) с латинскими названиями (для 50) и с биологическими особенностями.

IV. Ватные сборы по всем отрядам.

V. Коллекция на булавах по 10 экземпляров на студента (с правилами монтирования и этикетирования).

VI. Знакомство с методами определения насекомых.

VII. Дневник практики, запись каждой экскурсии.

VIII. Изготовление коллекции по биологии насекомых.

I день. Общее знакомство с практикой. Экскурсия на капустник. Знакомство с отрядами и семьями Hymenoptera. Разбор материала и монтировка.

II день. Экскурсия на суходольный луг. Отряды Lepidoptera и Orthoptera. Разбор материала и монтировка.

III день. Экскурсия на вырубку и по прибрежным кустарникам. Определение повреждений деревьев. Отряды Hymenoptera и Diptera. Вечерняя экскурсия по некрофитам.

IV день. Экскурсия на заливной луг и пойменную дубраву. Отряды Coleoptera и Odonata. Разбор материала и монтировка.

V день. Экскурсия в лес; по вредителям леса. Изучение биологии усачей и короедов. Отряд Hymenoptera.

VI день. Работа над биологической коллекцией. Зачет.

Список примерных биологических коллекций:

1) Коллекция отрядов насекомых; 2) коллекция представителей с[емей]ств; 3) коллекция отдельных видов нас[екомы]х; 4) угрожающая окраска; 5) предупреждающая окраска; 6) покровительственная окраска; 7) мимикрия; 8) типы личинок насекомых; 9) вредители леса; 11) насекомые луга; 12) насекомые водоема; 13) повреждения кустарников и деревьев; 14) насекомые прибрежной зоны; 15) типы крыльев насекомых; 16) типы ног у насекомых; 17) забота о потомстве у насекомых и пауков; 18) насекомые луга*; 19) насекомые леса; 20) галлообразования; 21) насекомые сапрофиты; [22) ротовые органы насекомых]**

Задания:

1) Охотничий орган муравьиного льва. 2) плотность населения жуужелиц в различных типах леса. 3) Видовой состав моллюсков^{3*} и их распределение по типам леса. 4) Распределение муравейников в лесу и их картирование.

Список видов, необходимых к запоминанию:

1) *Cordulia aenea*

2) *Acridium bipunctatum*

3) *Decticus verrucivorus*

4) *Eridema oleracea* (или *Caprocaria pudica*)

5) *Ligus pratensis* (*Miris dolobrarus*)

6) *Myocerus marginatus*

7) *Pyrrhocoris opterus*

8) *Cimex lectularius*

9) *Carabus cancellatustuberculatus*

* Повтор пунктов 11 и 18 – в тексте.

** Пункт 22 взят в квадратные скобки автором.

3* Так в тексте.

10) <i>Staphylinis caesarens</i>	30) <i>Lucilia caesar</i>
11) <i>Necrophorus vespilla</i>	31) <i>Musca domestica</i>
12) <i>Cantharis fusca</i>	32) <i>Bombus (Lapidarius)</i>
(или <i>Lamphyrus noctiluca</i>)	33) <i>Apis mellifera</i>
13) <i>Buprestis mariana</i>	34) <i>Vespa crabro</i>
14) <i>Coccinella 7-punctata</i>	35) <i>Formica rufa</i>
15) <i>Melasoma populi</i>	36) <i>Pieris brassica</i>
16) <i>Hylobius abietis</i>	37) <i>Papilio podalirius (или machaon)</i>
17) <i>Apion</i>	38) <i>Phryganea grandis</i>
18) <i>Ips thypogra[phus]</i>	39) <i>Forficula auricularia</i>
19) <i>Cetonia aurata</i>	40) <i>Centrotus cornutus</i>
20) <i>Sialis lutaria</i>	41) <i>Chermes abietis</i>
21) <i>Rhaphiolia ophiopsis</i>	42) <i>Taeniothrips vulgarissimus</i>
22) <i>Panorpa communis</i>	43) <i>Cicidella hybrida</i>
23) <i>Chrysopa vulgaris</i>	44) <i>Coleas myrmidone</i>
24) <i>Culex pipiens</i>	45) *
25) <i>Anopheles maculipennis</i>	46) <i>Hydrous piceus</i>
26) <i>Tipula oleracea</i>	47) <i>Dytiscus marginalis</i>
27) <i>Nabianus bovinus</i>	48) <i>Nepa cinerea</i>
28) <i>Laphria flava</i>	49) <i>Notonecta glauca</i>
29) <i>Volucella bombylans</i>	50) <i>Gerris rufoscutellatum</i>

Повреждения деревьев и кустарников

- 1) *Дубовая широколистная галлица* – *Macrodiplosis dryobial* (сем. Cecidomiidae) – листовые пластинки загнуты внутрь*.
- 2) *Яблководная орехотворка* – *Diplolegis quercus folliis* (сем. Cynipidae)
- 3) *Andrieus ostreus* – устрицеобразная орехотворка.
- 4) *Осиновый бородавчатый клещик* – *Eryophies diversipunctatus* (клещи – сем[ейство] Eryophiidae) Красная бородавка у основания листа.
- 5) *Осиновый бугорчатый клещик* – *Philocoptes populi* (клещи). Галлы в виде небольших светло-зеленых (или красноватых) выпуклостей.
- 6) *Липовый клещик* – *Eryophis tiline* – красные рожки на лист[овой] пластинке.
- 7) *Липовый войлочный клещик* – *Eryophis tilinae var. Liasoma* – войлочки на листьях.
- 8) *Ивовый волнистый пилильщик* – *Pontania pedunculus* (сем[ейство] Tentredinae) волосистые орешки.
- 9) *Ивовый ягодный пилильщик* – *Pontania verminolis* галлы в виде голых ягод.
- 10) *Елово-лиственничный хермес* – *Adelges laricis* (сем. Chermesidae).
- 11) *Смоляная ухвертка* – *Eoctriae restinella* (сем. Tortricidae).
- 12) *Вязовый мешетчатый клещик* – *Eryophyes ulmicola brevipunctatus* – мелкие галлы в виде беловатых стянутых у основания мешочков.
- 13) *Стягивающая орехотворка* – *Andicus cumsator* – галлы с обеих сторон, бледно-зеленые, стягивают и обезображивают лист.

Музей ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 61. № 2. Автограф.

* Здесь был дан рисунок дубового листа, пораженного галлицей.

Годовой отчет Горьковского Опорного пункта по селекции дубового шелкопряда за 1941 оперативный год

**ИТОГИ ТРЕХ ЛЕТ СЕЛЕКЦИИ
КИТАЙСКОГО ДУБОВОГО ШЕЛКОПРЯДА
(ANTHERAEA PERNYI GUER. MEN.) НА МОНОВОЛЬТИННОСТЬ. 1942**

ТЕМА: “Селекция на моновольтинность”

Ответственный руководитель – ученый консультант проф. С.С. Четвериков

Оглавление

Введение	
Исходный материал	
Селекционный материал	
Селекция 1939 года (1-й год)	
Селекция 1940 года (2-й год)	
Селекция 1941 года	

**ИТОГИ ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ РАБОТЫ
ПО ВЫВЕДЕНИЮ МОНОВОЛЬТИННОЙ ПОРОДЫ**

Число выкормленных семей (диаграмма № 1)	
Общее число полученных коконов (диаграмма № 2)	
Общее число полученных моновольтинных коконов (диаграмма № 3)	
% моновольтинных коконов в общем числе коконов (диаграмма № 4)	
% моновольтинных семей в общем числе (диаграмма № 6)	
Средний % моновольтинности по моновольтинным семьям (диаграмма № 6)	
% семей с 20 % и более моновольтинности в общем числе моновольтинных семей (диаграмма № 7)	
Наибольший % моновольтинности в семье (диаграмма № 8)	
Родословные	
Закключение	

Введение

В текущем отчетном году (1941 г.) исполнилось 4 года работы Опорного пункта и проведено три поколения селекции на моновольтинность (1939–1941 гг.). Чтобы дать общее представление о достигнутых результатах укажу только следующее: 1) получена одна семья с 100% моновольтинности (правда, очень маленькая – всего 11 коконов); 2) получена другая семья уже с 56 коконами, давшая 84% моновольтинных коконов; 3) эта же замечательная семья дала *средний вес* коконов самца 6,54 г (отдельные коконы еще значительно тяжелее), а для коконов самки – 9 г при среднем % шелконосности 11,28%; 4) целый ряд семей дал очень хороший средний % шелконосности, доходящий до 12,28% и т.д. Таким образом, полученные в текущем году результаты являются настолько удачными, можно сказать – настолько превзошли самые сме-

лые ожидания, что представляет интерес дать общую картину хода селекции за все 4 года работы.

Конечно, тот, кто будет интересоваться работой только отчетного (1941 г.) года, может смело пропустить первые разделы и сразу перейти к селекции в 1941 г. Но для получения более цельной, более полной картины хода всей работы, для более правильной оценки достигнутых результатов такое связное изложение хода всей работы является совершенно необходимым.

Особенностью селекции на моновольтинность является то, что величина признака “моновольтинности” определяется не индивидуально, а посемейно или полинейно. Наша задача – получить 100% моновольтинность коконов, а это значит, что все коконы *семьи* или *линии* должны остаться зимовать, как моновольтинными. Следовательно, *качество* производителя определяется не его индивидуальным качеством (моновольтинностью), а % моновольтинности той семьи, к которой он принадлежит.

Поэтому каждый производитель в наших скрещиваниях несет № своей семьи, а % моновольтинности этой семьи определяет наследственную ценность принадлежащего к ней производителя. Конечно, индивиды одной семьи могут быть качественно очень различны между собой (хотя все они являются моновольтинными), но эти различия выступают только в их потомстве, в проценте моновольтинности полученных от них семей. Таким образом № производителя – это и № его семьи, и все производители одной семьи несут один и тот же №; но само собой разумеется, что потомства разных производителей, хотя бы из одной и той же семьи (с одним и тем же Nj), получают различные дополнительные индексы: это надо иметь в виду при анализе настоящей селекционной работы.

В процессе селекции мы широко пользовались как инбридингом*, так и аутбридингом**, причем и в том, и в другом случае получались положительные, хорошие результаты. Однако следует отметить, что пока в селекционном материале нет семей, прошедших более трех поколений инбридинга (J₃).

Во избежание каких-либо недоразумений я считаю целесообразным повторить здесь еще раз то, что я понимаю под *моновольтинной породой*^{3*}. Я конечно очень далек от того, чтобы приписывать наследственным факторам (генам) исключительную роль при определении вольтинности. Совершенно очевидно, что чисто физиологические и внешние (паратипические) воздействия имеют чрезвычайно важное значение при решении каждого конкретного случая, окажется ли данный кокон бивольтинным или моновольтинным. Но также совершенно очевидно и нашими данными неопровержимо доказано, что способность давать моновольтинные коконы поддается действию отбора, а это значит, что эта способность, является наследственной. *На основании определенных наследственных факторов (генов)*, при наличии определенных физиологических и экологических условий данный кокон остается моновольтинным. Без наследственной базы те же внешние факторы моновольтинизма вызвать не могут.

Таким образом, *под моновольтинной породой мы понимаем такую породу, которая обладает наследственной способностью при обычных лабораторных условиях наших весенних выкормок* (в средней полосе европейской части СССР) *давать всего лишь одно поколение в год*, переходя в состояние зимней диапаузы в конце июля или в августе.

* Инбридинг – скрещивание особей, состоящих в близкородственных отношениях.

** Аутбридинг – скрещивание особей, не состоящих в близком родстве.

^{3*} См. С.С. Четвериков. “Селекция китайского дубового шелкопряда (*Antheraea pernyi* Guer-Men.) на моновольтинность”. Селекция и акклиматизация дубовых шелкопрядов. Москва, 1940. С. 17.

Исходный материал*

Работа 1938 г. и отчасти 1939 г.

Исходный материал для селекции был доставлен из Крымской конторы как “моновольтинный”. Он был получен в Крыму из Башкирии летом 1937 г., как обычный бивольтинный материал, но не дал там второго (летнего) поколения. В дальнейшем он именуется “башкирский моновольтинный”.

Основной задачей выкормки 1938 г. было получение возможно большого и разнообразного материала для последующей селекции. Поэтому выкормка 1938 г. характеризуется большим количеством семей (106) и большим числом полученных коконов (4500 шт.) соразмерно с площадью лаборатории. Правда, это было связано с большим перенаселением садков (почти вдвое против нормы) и сопутствующим этому сильным развитием эпидемических заболеваний (главным образом флашерий и “черных пятен”), и только непрерывная борьба с заразой в виде тщательного ухода и профилактических мероприятий (дезинфекции) помогла сохранить выкормки. Но надо было получить большой исходный материал.

Летом из полученных 4500 коконов начался массовый вылет второго поколения, и к осени осталось всего лишь 104 моновольтинных кокона, принадлежащих к 39 семьям. Среди этих семей % моновольтинности был очень низким и только во одной семье достиг 20% (при трех коконах), и лишь три семьи имели % моновольтинности от 15% до 20%. Средний % моновольтинности в моновольтинных семьях** был 5,3%. Всего за выкормку 1939 года из башкирского моновольтинного материала было получено только 7 моновольтинных семей – 3 аутбридных и 4 инбридных.

Как уже указывалось выше, кроме башкирского моновольтинного материала в выкормку 1939 г. было поставлено еще 90 скрещиваний из “Воронежского моновольтинного”, давшего 28 моновольтинных семей.

Селекционный материал

Селекция 1939 г. (1-й год)

Весной 1939 г. из перезимовавших коконов вылетело около 80 бабочек, принадлежащих 27 семьям, из которых было поставлено 37 скрещиваний, в том числе 16 инбридных. Однако большинство этих семей или погибло или не дало моновольтинных коконов, так что в дальнейшую селекцию перешло из этого материала только 4 семьи.

Вот краткая характеристика из этих семей (к весне 1939 г.) и, следовательно, принадлежащих к ним производителей выкормок этого года.

Из таблицы 1 видно, что вообще % моновольтинности в селекционных семьях очень низкий, в лучшей семье № 5 всего 18%; общее число моновольтинных коконов в этих семьях тоже ничтожное – 18. Дальнейший анализ показы-

* Необходимо отметить, что селекция на моновольтинность была начата аспирантом А.П. Дроздовым (под моим непосредственным руководством), который довел ее до завивки коконов летом 1939 г., после чего он работу оставил. Дальнейшее проведение этой темы было взято целиком мною (*Примеч. С.С. Четверикова*).

** В дальнейшем под термином “моновольтинные семьи” мы понимаем такие семьи, которые дали хотя бы один моновольтинный кокон (*Примеч. С.С. Четверикова*).

Таблица 1. Семьи, взятые в селекцию весной 1939 г.

№ семьи	Число коконов	% моновольтинности	РОДИТЕЛИ
5	12	17,9	"Моновольтинные башкирские" (из Крыма)
58	3	5,2	"
160	1	4,3	"
X*	2	?	"

Таблица 2. Семьи, взятые в селекцию весной 1940 г.

№ семьи	Число коконов		% моновольтинности	№№ семей родителей		% моновольтинных родителей	
	♂	♀		♂	♀	♂	♀
J ₁ 4/1	15	15	57	X*	X	?	?
J ₁ 5/1	10	12	32	5	5	18	18
J ₁ 5/2	5	9	28	5	5	18	18
№ 1	4	2	28	58	160	5	5
№ 14	8	?	33	"Воронежский моновольтинный" 1939 г. То же " "			
№ 21	5	6	41				
№ 28	15	18	43				
№ 84	4	7	41				
	66	72					
	138						

вает, что в следующем ходе селекции из этих 4-х семей три семьи постепенно отпали, так что осталась лишь лучшая семья № 5, которая и является родоначальницей ряда первоклассных современных семей, полученных в результате соединения ее генотипа с генотипами других семей.

Кроме указанного "башкирского материала" в выкормку следующего 1939 г. были поставлены еще скрещивания из материала, полученного в этом году от Воронежской конторы тоже как "моновольтинный", и получившего в дальнейшем название "Воронежского моновольтинного". Из поставленных в 1939 г. 90 скрещиваний было получено 78 семей, среди которых оказалось 28 моновольтинных.

Таким образом, в общей сложности по всему материалу, давшему 2684 кокона, было получено 35 моновольтинных семей с 283-мя моновольтинными коконами, что составляет 40% от всего числа выкормленных семей. По сравнению с предшествующим годом не только возросло число моновольтинных коконов, но очень возрос как наивысший % моновольтинности в семье (до 57%), так и число семей с процентом моновольтинности выше 20%. Наконец, значительно возрос (по сравнению с 1938 годом) и средний % моновольтинности по всем моновольтинным семьям (до 17,5% вместо 5,3%).

Краткая характеристика семей выкормки 1939 г., пошедших в дальнейшую селекцию весной 1940 г., дана в табл. 2.

* X – "дезертиры", т.е. гусеницы, уползшие из садка (вероятно из одного и того же). (Примеч. С.С. Четверикова).

Анализ этой таблицы показывает, что число отселекционированных семей возросло до 8-ми, причем одна половина их происходит от “Башкирской моновольтинной”, другая же от “Воронежской моновольтинной” популяций. % моновольтинности в этих семьях уже не ниже 28% и достигает 57% в семье J₄. (Впрочем, надо оговориться, что инбридный характер этой семьи не вполне достоверен, т.к. она получена от уползших (вероятно из одного садка) гусениц.)

Из Воронежского материала особенно выделяется семья № 28 как по высокому % моновольтинности (43%), так и по большому числу оставшихся коконов (33).

При сравнении табл. 1 и 2 видно, какой значительный сдвиг в селекционном материале получился в результате работы 1939 г. Это давало надежду на дальнейшее быстрое улучшение селекционного материала.

С указанными в табл. 2 семьями селекция на моновольтинность вступила в 1940 г. работы.

Селекция 1940 г. (2-й год)

В этом году очень большое внимание было обращено на то, чтобы поставить выкормки в наилучшие условия. Допускавшееся ранее перенаселение садков было решительно ликвидировано, причем число выкармливаемых семей было значительно сокращено в пользу получения возможно большего материала по лучшим семьям. В результате число поставленных на выкормку семей упало более, чем вдвое (41 семья), но число полученных коконов возросло до 3505 шт. (против 5684 шт. предыдущего года).

Однако, надежды, порожденные успехом селекции предыдущего года, не оправдались. По самым главным, самым важным показателям моновольтинности существенного изменения 1940 г. не принесли: средний % моновольтинности по моновольтинным семьям остался прежний – 17,8% (против 17,5% прошлого года), а наивысший % моновольтинности в семье не только не показал никакого улучшения, а даже немного снизился с 57 до 48%, хотя эта разница, вероятно и не реальна.

Но все же в общем материал показал определенный селекционный сдвиг: резко возросло (более чем вдвое) число моновольтинных коконов (613 шт.), а также более чем вдвое возрос % моновольтинных семей (95% против 40%), так что практически вся выкормка оказалась моновольтинной. Наконец возрос несколько и % и высокомоновольтинных (более 20%) семей (с 40% до 47,4%).

Чему приписать слабый селекционный эффект выкормки 1940 г.?

Первое предположение, естественно приходящее на ум, что дело зависит от особенностей лета 1940 г., едва ли правильно. Ведь первая половина лета этого года, когда производилась моновольтинная выкормка, ничем особенным не отличалась, да кроме того, в условиях лабораторного содержания внешние условия вообще относительно мало сказываются на ходе выкормки. Мне думается, что причину относительной неудачи селекции этого года надо искать в малом числе поставленных семей и в неудачной комбинации поставленных скрещиваний, т.е. в факторах генотипических, а не паратипических.

Из полученного в 1940 г. моновольтинного материала было выделено для работы в следующем (1941-м г.) снова 8 семей, из которых половина семей была инбридных (по второму и первому году инбридных), а другая аутбридных. Вот их краткая характеристика:

Таблица 3. Семьи, взятые в селекцию весной 1941 г.

№ семьи	Число коконов		% моновольтинности	Средний вес кокона (без отбора), в граммах		№№ семей родителей		% моновольтинных родителей	
	♂	♀		♂	♀	♂	♀	♂	♀
J ₂ 5-1/2	25	16	38,0%	4,72	6,42	J ₁ 5/1	J ₁ 5/1	32%	32%
J ₂ 5-1/7	17	12	33,7%	5,00	6,39	J ₁ 5/1	J ₁ 5/1	32%	32%
J ₁ 21/3	17	16	44,5%	5,04	6,11	21	21	41%	41%
J ₁ 18/2	10	9	35,8%	4,49	6,54	28	28	43%	43%
№ 17	9	17	46,0%	4,16	5,40	J ₁ 4/1	J ₁ 5/1	57%	32%
№ 23	29	16	48,0%	4,96	6,69	28	J ₁ 5/1	43%	32%
№ 47	26	14	34,7%	4,62	5,66	14	28	33%	43%
№ 55	16	14	37,5%	5,43	6,67	14	J ₁ 5/2	33%	28%
	149	114							
	263								

Из рассмотрения табл. 3 видно, что из семей селекции предыдущего (1939) года выпали семьи № 1 и № 84, а вместе с ними выпали совершенно семьи № 58 и № 160 первого (1938) селекционного года, так что из “Башкирского моновольтинного” материала остались только семьи № 4 и № 5 (см. табл. 1), из которых только последняя сохранилась до конца как в инбридных, так и аутбридных семьях.

В общем же можно отметить, что % моновольтинности в отселектированных семьях колеблется от 33,7% до 48%, т.е. колебался меньше, чем в предыдущем году: материал получился более выровненным, однородным.

Самый высокий % моновольтинности в этом материале дает аутбридная семья № 23 (48%), которая получилась путем сочетания генотипов лучшей “Башкирской моновольтинной” семьи № 5 с лучшей “Воронежской моновольтинной” семьей № 28. Эта семья № 23 дала и наибольшее число коконов (45), и занимает первое место по весу кокона ♀. Эта семья в следующем (1941 г.) селекционном году даст прекрасных производителей и войдет в ряд лучших семей.

Селекция 1941 г. (3-й год)

Селекционная работа 1941 г. начиналась при довольно неопределенных перспективах: по самому главному, основному показателю моновольтинности – % моновольтинности в наилучшей семье – предыдущий (1940) год не только не дал повышения, но показал даже некоторое маленькое (по всей вероятности случайное) снижение с 57% до 48%. Точно так же не изменился и другой важный показатель – средний % моновольтинности по всем моновольтинным семьям – 17,8%. Тов. Ишмаев А.Н. (Башкирская станция) в своем докладе на Всесоюзном совещании по селекции дубового шелкопряда в Горьком (январь 1941 г.)*, посвященном вопросу по селекции на моновольтинность в Башкирии, дает те же 50% моновольтинности, выше которых поднять этот показатель путем селекции ему не удалось.

* Ишмаев А.Н. “Селекция дубового шелкопряда на моновольтинность” (Селекция и акклиматизация дубовых шелкопрядов. М., 1941. С. 28).

Не являются ли эти 50% естественным пределом селекции, пределом, зависящим от каких-то неизвестных физиологических или экологических факторов, и через который путем чистой селекции перешагнуть не удастся? Вот эти тревожные мысли невольно приходили в голову весной 1941 г.

Сама весна началась очень неудачно. После очень раннего потепления начались затяжные холода с исключительно холодным маем. 15 апреля коконы были вынесены из подвала в нетопленное помещение с температурой 10–12 °С. Через пять дней (20 апреля) температура была поднята до 18–22 °С и с этого дня началась инкубация.

Первый вылет бабочек (семьи J₂ 5–1/2 и № 23) был отмечен 13 мая через 23 дня после начала инкубации, последняя бабочка вылетела 31 мая (через 41 день после инкубации), хотя практически вылет закончился через 9 дней после начала, т.е. 22 мая. Максимум вылета был 17 мая – через 27 дней после начала инкубации. Всего вылетело (из 263 коконов) 128 самцов и 97 самок (соответственно 86% и 85% всех коконов). Особенно рано и дружно вылетела семья № 23 (в 5 дней); напротив – растянутым вылетом отличалась семья № 55.

Всего за время с 13 по 31 мая было поставлено 87 скрещиваний, дающих грену, из которых инбридных 52, а аутбридных 35.

Как уже упоминалось май был очень холодный: заморозки, холодные ветра, дожди задерживали развитие растительности. Только 10 мая показались первые листочки на дубе – это самый поздний срок распускания дуба, известный мне для Горького.

Ввиду отсутствия корма было решено десятидневную грену задержать в развитии на льду. Первая порция грены, отложенная 14 и 15 мая, была вынесена 26 мая, а затем каждый день выносилась на лед очередная порция грены. Так было до 8 июня включительно, когда наконец определилось скорое распускание дуба, и 9 июня вся грена была взята со льда на инкубацию.

Выход мурашей* начался 15 июня. Необходимо отметить, что задержка развития грены на льду оказалась для десятидневной грены очень вредной. Целый ряд кладок (31 или 36%), отчасти очень интересных, погиб совсем, но все же большинство кладок (56 или 64%) дали мурашей, хотя % оживления был очень низкий, в среднем 40–50%.

Вот при таких сравнительно малоблагоприятных условиях началась выкормка 1941 г.

В связи с ограниченностью площади лаборатории, где можно было разместить лишь 94 садка, в основу работы был положен принцип – выкормить все ожившие семьи, даже если в них сохранилось лишь малое число гусениц. Неудачный результат селекции прошлого года отчасти можно было объяснить недостаточным числом семей, слишком малым разнообразием поставленных скрещиваний. Поэтому малые семьи (менее 100 гусениц) выкармливались целиком, в больших же семьях оставлялось лишь 100 гусениц, которые размещались в двух садках по 50 штук в каждый. Первый возраст выкармливался, как всегда в нашей лаборатории в литровых стаканах, и окончательная рассадка по садкам производилась с начала второго возраста.

Теснота помещения очень ограничила число контрольных семей: было поставлено лишь четыре контрольных семьи по 50 гусениц в каждой (садки №№ 44–47), всего 200 гусениц. Таким образом, под селекционным материалом было занято 90 садков с 56 семьями.

В общей сложности на выкормку в начале второго возраста было поставле-

* Мураши – гусеницы самого младшего возраста.

Таблица 4. % моновольтинности в семьях выкормки 1941 г.

№№ семей инбридные	Число коконов		Число моновольтин- ных коконов		% моновольтинности	№№ семей аут- бридные	Число коконов		Число моно- вольтинных коконов		% моновольтинности
	♂	♀	♂	♀			♂	♀	♂	♀	
J ₃ 5-1,2/2	18	18	10	4	39	№ 1	14	21	8	10	51,5
J ₃ 5-1,2/3	27	27	8	7	28	№ 2	41	44	15	12	32
J ₃ 5-1,2/8	26	21	7	8	32	№ 3	35	35	20	16	51,5
J ₃ 5-1,7/1	4	8	2	0	16,5	№ 6	36	36	21	20	57
J ₃ 5-1,7/2	31	28	1	1	3,5	№ 8	36	28	9	3	19
J ₃ 5-1,7/4	32	26	15	12	46,5	№ 9	40	39	2	1	4
J ₂ 21-3/2	33	38	6	6	17	№ 10	37	19	32	15	84
J ₂ 21-3/3	14	27	4	16	49	№ 15	48	31	6	1	9
J ₂ 21-3/4	11	7	5	7	67	№ 16	21	16	15	9	65
J ₂ 21-3/6	16	14	2	4	20	№ 19	7	10	0	1	6
J ₂ 21-3/8	5	6	5	6	100	№ 25	18	21	6	3	23
J ₂ 28-2/4	1	2	0	0	0	№ 26	32	30	11	4	24
J ₁ 17/1	33	31	15	15	47	№ 27	13	16	0	2	7
J ₁ 17/2	21	10	7	5	39	№ 30	22	16	6	4	26
J ₁ 23/1	33	31	14	7	33	№ 33	39	34	5	2	9,5

J ₂ 23/2	21	23	11	9	45,5	№ 36	11	8	1	2	16
J ₁ 23/3	41	37	21	13	43,5	№ 38	34	31	17	8	38,5
J ₁ 23/4	40	42	18	6	29	№ 42	22	28	8	15	46
J ₂ 23/5	41	34	8	3	14,5	№ 44	32	37	11	4	22
J ₁ 23/6	29	35	21	25	72	№ 45	39	31	14	10	34
J ₁ 23/7	23	21	4	1	11,5	№ 48	46	41	5	2	8
J ₁ 23/8	37	41	11	7	23	№ 49	19	26	0	6	13,5
J ₁ 23/9	11	16	4	5	33	№ 51	29	29	18	15	57
J ₁ 47/1	27	31	17	13	52	№ 52	44	34	7	3	13
J ₁ 47/2	14	17	7	5	39	№ 57	38	35	17	17	46,5
J ₁ 47/6	11	9	6	5	55	В среднем на семью	753	696	254	185	
J ₁ 55/1	15	11	3	3	23		30	28	10	7	
J ₁ 55/2	16	8	6	2	33						
J ₁ 55/4	25	14	3	4	18						
J ₁ 55/6	7	7	2	0	14,5						
J ₁ 55/8	32	30	12	12	39	Всего	144 8	136 6	509	396	
	695	670	255	211			2814	905			32,2
В среднем на семью	22,5	22	8	7		Моновольтинных коконов дали			Самцы Самки		35% 29%

но 3938 гусениц. Из этого числа исходных гусениц в конце выкормки было получено 2931 кокон, что составляет 74,5%, отход же гусениц выразился числом 1007 шт. или 25,5%. В это последнее число включены гусеницы как погибшие от болезней, так и пропавшие от других причин (механические повреждения, утеря при кормлении, уползаний и др.). Таким образом, на отход по болезням можно положить примерно около половины всех пропавших гусениц или около 13%, что составляет очень маленький %, хотя в будущем и его надо стремиться снизить.

Также в общем благоприятные результаты выкормки объясняются в первую очередь тем чрезвычайно тщательным, внимательным уходом, которым пользовались гусеницы со стороны моего старшего лаборанта З.Е. Фролищевой и всего остального обслуживающего персонала. За все время выкормок среди них ни разу не появилось каких-либо заболеваний, принимавший эпидемический характер. Каждый садок ежедневно раз (или даже два) просматривался, и если обнаруживалась гусеница, показывавшая хоть какие-либо подозрительные симптомы, то она немедленно и беспощадно удалялась. В этом тщательном ежедневном просмотре всего материала конечно большую помощь оказывали и опытные, хорошо обученные и сознательно относящиеся к работе червокормильщицы. Наконец, очень важным условием благополучной выкормки являлось и отсутствие перенаселения садков – не более 50 гусениц второго возраста на садок размером $60 \times 40 \times 40$ см³.

В указанных условиях протекала выкормка 1941 г. Первый кокон завился в семье J_2 21–3/2 18 июля, через 33 дня после выхода первых гусениц; последний кокон был снят 3 сентября. Первый вылет бивольтинных коконов начался 15 августа и продолжался до 16 сентября.

К концу вылета, после удаления больных куколок, было установлено, что из 2914 здоровых коконов осталось моновольтинных 905, что составляет по всей моновольтинной популяции 1941 г. 32,2%. По полу – самцы дали 509 (35%) моновольтинных коконов, самки – 396 (29%). Как видно из приведенных чисел, % общей моновольтинности по сравнению с прошлым годом возрос чуть не вдвое. Вообще можно сказать, что результат селекции 1941 г. оказался чрезвычайно удачным и намного превзошел наши самые смелые надежды.

Общая характеристика всех 56 семей, полученных от выкормки 1941 г., дана в прилагаемой табл. 4.

Из просмотра приведенного материала сразу видно, что селекция на моновольтинность дала в истекшем году очень значительный эффект. Этот эффект проявился по всем показателям моновольтинности:

- 1) все семьи кроме одной оказались моновольтинными, т.е. дали большее или меньшее число моновольтинных коконов;
- 2) резко увеличилось число полученных моновольтинных коконов – 905, что составляет 32,2% (против 613 – 17,8% предыдущего года); особенно же важны и ценны результаты по двум главным показателям;
- 3) одна семья (инбридная J_2 21–3/8) дала 100% моновольтинных коконов (правда, при всего 11 коконах), другая – аутбридная № 10 дала 84% моновольтинности при 56 коконах (эта семья № 10 замечательна и в других отношениях, о чем речь будет ниже);
- 4) очень сильно возрос процент моновольтинных семей с хорошим показателем моновольтинности (т.е. выше 20%) – таких семей оказалось 38 из 56, что составляет 68% (против 47,4% прошлого года).

Просматривая приведенный материал, мы видим, что процент моновольтинных коконов в инбридных семьях (34,1%) несколько выше, чем в аутбрид-

ных (30,3%). Но зато число коконов, приходящуюся на одну аутбридную семью (58) заметно больше, чем на инбридную семью (44,5). Последнее обстоятельство, помимо возможных других причин, зависит, вероятно, от действия инбридинговой депрессии.

Среди полученных 56 семей – 11 семей (J_2 21–3/4, J_2 21–3/8, J_1 23/6, J_1 47/1, J_1 47/6, № 1, № 3, № 6, № 10, № 16 и № 51) дали процент моновольтинности выше 50%, т.е. *выше наилучшей семьи прошлого года*. Из них 10 семей (кроме J_1 47/6, о которой ниже) пойдут в селекцию будущего года. Интересно отметить, что из этих 11 семей – 5 инбридных и 6 аутбридных, т.е. высокий % моновольтинности более или менее распределился по обеим этим группам.

Но кроме основного момента селекции – моновольтинности, интересно проследить наш материал и по другим показателям, а именно по весу кокона и по шелконосности (% оболочки). Правда до сих пор прямого отбора по этим показателям не велось, так как в первую очередь стояла задача выведения моновольтинной породы. Но косвенно, попутно все же отбор велся и по этим показателям, поскольку по крайней мере для наиболее ответственных, важных скрещиваний, отбирались наиболее тяжелые и наиболее плотные коконы. См. табл. 5.

При анализе настоящей таблицы обращают на себя внимание следующие факты:

1) Средний вес кокона самца (4,85 г) и самки (6,6 г) в инбридных семьях ниже, чем соответственные веса (5,09 г и 7,0 г) в аутбридных семьях.

2) Точно так же вес оболочки кокона самца (0,579 г) и самки (0,614 г) в инбридных семьях несколько ниже соответственных весов (0,603 и 0,646 г) в аутбридных семьях. В обоих этих случаях несомненно сказывается инбридинговая депрессия. Однако значения этим низким показателям от депрессии в селекции придавать не следует, так как эта депрессия снимается нацело при первом же аутбридинге.

3) Шелконосность (% оболочки) как в инбридных, так и в аутбридных семьях практически одинакова и соответственно равна 10,61% и 10,55%; это происходит очевидно потому, что снижение веса оболочки и веса всего кокона у инбридных семей идет пропорционально.

1) Особенно интересны результаты по весу кокона. Два нижеследующих вариационных ряда дают характеристику материала по этому признаку:

Вес коконов самцов (средний по семьям)

К	4,0	4,4	4,8	5,2	5,6	6,0	6,4	6,8 г
f	6	12	23	11	2	0	1	

Вес коконов самок (средний по семьям)

К	5,4	5,8	6,2	6,6	7,0	7,4	7,8	8,2	8,6	9,0	9,4 г
f	4	4	15	17	7	4	1	1	0	1*	

При просмотре этих рядов бросается в глаза то, что в каждом из них есть по одной семье, оторванной от остальной массы материала и отличающейся особо тяжелыми коконами. Оба эти случая, и по самцам и по самкам, относятся всё к

* Средний вес коконов (♂ ♀)

К	4,2	4,6	5,0	5,4	5,8	6,2	6,6	7,0	7,4	7,8	
f	1	3	4	16	20	5	4	0	1		n = 54
f %	2	5	7,5	30	37	9	7,5	0	2		

Таблица 5. Вес кокона и шелконосность в семьях выкормки 1941 г.

№№ семей	% моно- вольтин- ных коко- нов	Самцы		Самки		Средний % оболочки
		Средний вес кокона	Средний вес обо- лочки	Средний вес кокона	Средний вес обо- лочки	
J ₃ 5-1,2/2	39	4,3	0,483	5,45	0,467	9,92
J ₃ 5-1,2/3	28	4,4	0,492	6	0,58	10,4
J ₃ 5-1,2/8	32	4,1	0,453	5,9	0,510	9,88
J ₃ 5-1,7/1	16,5	4,75	0,517	6,4	0,55	9,7
J ₃ 5-1,7/2	3,5	5,0	0,545	6,7	0,620	10,08
J ₃ 5-1,7/4	46,5	4,65	0,547	6,2	0,571	10,48
J ₂ 21-3/2	17	5,1	0,550	6,95	0,602	9,73
J ₂ 21-3/3	49	5,8	0,677	7,45	0,650	9,65
J ₂ 21-3/4	67	5,3	0,559	7,6	0,721	10,0
J ₂ 21-3/6	20	4,25	0,472	5,9	0,581	10,48
J ₃ 21-3/8	100	5,0	0,562	6,7	0,684	10,75
J ₂ 28-2/4	0	—	—	—	—	—
J ₁ 17/1	47	5,05	0,662	6,95	0,733	11,83
J ₁ 17/2	39	5,1	0,574	6,2	0,575	10,33
J ₁ 23/1	33	4,9	0,624	6,4	0,674	11,6
J ₁ 23/2	45,5	4,7	0,652	6,8	0,708	12,15
J ₁ 23/3	43,5	4,6	0,641	6,2	0,658	12,28
J ₁ 23/4	29	5,15	0,665	7,15	0,714	11,45
J ₁ 23/5	14,5	5,3	0,699	7,35	0,773	11,85
J ₁ 23/6	72	4,75	0,652	6,60	0,710	12,26
J ₁ 23/7	11,5	5,0	0,627	7,3	0,698	11,08
J ₁ 23/8	23	5,15	0,649	6,8	0,665	11,2
J ₁ 23/9	33	5,35	0,681	6,8	0,670	11,3
J ₁ 47/1	52	4,6	0,576	6,4	0,594	10,9
J ₁ 47/2	39	4,15	0,380	6,95?	0,401?	8,11?*
J ₁ 47/6	55	4,3	0,391	5,45	0,394	8,18**
J ₁ 55/1	23	5,15	0,555	6,7	0,597	9,85**
J ₁ 55/2	33	4,7	0,457	6,4	0,494	8,75**
J ₁ 55/4	18	4,75	0,547	6,2	0,549	10,18**
J ₁ 55/6	14,5	5,0	0,457	6,85	0,593	8,9
J ₁ 55/8	39	5,35	0,630	7,3	0,698	8,94
В среднем		4,85	0,579	6,6	0,614	10,61

* Знаки вопроса – в тексте.

** В тексте автор лично вписал данные показатели среднего % оболочки вместо первоначальных 9,85; 8,75; 10,18; 8,7 соответственно (сверху от J₁ 47/6 по J₁ 55/4).

Авторское примечание:

Для инбридных самцов средний % оболочки – 11,93%.

Для инбридных самок средний % оболочки – 9,30%.

Для аутбридных самцов средний % оболочки – 11,86%.

Для аутбридных самок средний % оболочки – 9,24%.

Таблица 5 (окончание)

№№ семей	% моно- вольтин- ных коко- нов	Самцы		Самки		Средний % оболочки
		Средний вес кокона	Средний вес обо- лочки	Средний вес кокона	Средний вес обо- лочки	
№ 1	51,5	4,2	0,489	5,55	0,517	10,6
№ 2	32	4,9	0,621	6,6	0,617	11,03
№ 3	51,5	5,4	0,575	6,95	0,669	10,14
№ 6	57	4,8	0,605	6,2	0,628	11,35
№ 8	19	5,2	0,562	6,5	0,571	9,8
№ 9	4	4,8	0,557	6,8	0,630	10,43
№ 10	84	6,55	0,858	9,0	0,858	11,28
№ 15	9	5,0	0,579	6,85	0,647	10,49
№ 16	65	5,05	0,670	6,7	0,672	11,65
№ 19	6	5,7	0,770	7,9	0,749	11,48
№ 25	23	4,4	0,505	5,5	0,471	10,15
№ 26	24	5,0	0,593	7,05	0,592	10,15
№ 27	7	5,0	0,620	6,1	0,637	11,4
№ 30	26	5,45	0,543	7,75	0,615	8,94
№ 33	9,5	5,4	6,16	7,25	0,684	10,44
№ 36	16	5,0	0,577	8,4	0,815	10,6
№ 38	38,5	4,95	0,662	7,15	0,738	11,83
№ 42	46	5,05	0,538	6,5	0,587	9,83
№ 44	22	5,4	0,560	6,7	0,594	9,63
№ 45	34	5,15	0,626	6,9	0,670	11,0
№ 48	8	4,6	0,535	6,2	0,583	10,53
№ 49	13,5	5,0	0,620	6,25	0,625	11,2
№ 51	57	4,7	0,518	6,25	0,589	10,4
№ 52	13	5,4	0,584	6,45	0,589	10,0
№ 57	46,5	5,25	0,692	7,50	0,800	11,95
В среднем		5,09	0,603	7,0	0,646	10,55

Примечание*:

1) Как вес (в граммах) кокона, так и вес оболочки в этой таблице приведены со сдором**. Я считаю гораздо правильнее взвешивать со сдором, т.к. при снятии сдора можно либо часть сдора оставить на коконе, либо, напротив, *снять вместе со сдором и часть оболочки*. Поэтому и % оболочки (шелконосность) высчитывался везде вместе со сдором. Чтобы перечислить соответственные веса "со сдором" на веса "без сдора" можно принять, что вес сдора составляет $\frac{1}{4}$ веса оболочки со сдором. Таким образом "вес кокона без сдора" = "весу кокона со сдором" минус (-) $\frac{1}{4}$ "веса оболочки со сдором"; в общем это составляет небольшую разницу от 0,1 до 0,2 гр.% шелконосности "без сдора" = $\frac{3}{4}$ % шелконосности "со сдором". Если без сдора селекционный процент шелконосности = 8%, то "со сдором" это составит $\frac{8 \cdot 4}{3 \cdot 100} = 10,66\%$.

2) Так как % оболочки самцов всегда выше % оболочки самок, то для каждой семьи дан *средний % оболочки, получаемый по формуле* $\left(\frac{\% \text{ самца} + \% \text{ самки}}{2} \right)$.

* Авторское примечание – в тексте.

** Сдор – самый наружный слой оболочки кокона, который прикрывает его шелконосную структуру и при обработке может (и должен) быть снят (содран) с кокона. (Примеч. С.С. Четверикова.)

той же замечательной семье № 10, упоминавшейся выше, и давшей 84% моновольтинности. Таким образом, эта семья является выдающейся не только по своим моновольтинным качествам, но и по исключительно тяжелым коконам. Если вспомнить, что по существующим инструкциям принято считать уже племенным (селекционным) весом для самцов 5 г, а для самок 7 г (без сдора)*, то в семье № 10 мы имеем *средний* вес кокона самцов 6,54 г, а у самок 9 г, отдельные же особи имеют еще много более тяжелые коконы.

Что касается *остальной* массы коконов, то для самцов мы имеем средний вес коконов *в семье* $M_1 = 4,93$ г при $\Delta_1 = 0,4$ г, а для самок $M_2 = 6,7$ г при $\Delta_2 = 0,58$ г. Как видно, средний вес коконов *в семье* довольно близок к стандартному – селекционному (самец – 5,2 г, самка – 7,2 г), а некоторые семьи дают значительно лучшие показатели: это будут семьи по самцам J_2 21–3/3 – 5,8 г и № 19 – 5,7 г, а по самкам № 19 – 7,9 г и № 36 – 8,4 г. Из этих семей *инбридная* семья J_2 21–3/2 дает % моновольтинности 49% и, конечно, должна быть включена в число селекционных семей, у двух других семей (№ 19 и 36) % моновольтинности такой низкий (6% и 16%), что серьезного значения в селекции они иметь не могут.

2) Переходя к шелконосности или % оболочки (вес оболочки 100%), мы должны отметить прежде всего вес кокона, что он везде определялся нами вместе со сдором, что мы считаем, как указывалось выше, более правильным**.

По существующим инструкциям селекционным % оболочки считается 8% (без сдора)^{3*}. Если построить вариационный ряд по шелконосности нашего материала, то получится следующий ряд чисел:

К	8	8,4	8,8	9,2	9,6	10,0	10,4	10,8	11,2	11,6	12,0	12,4
f	1	1	2	0	9	8	12	4	8	6	34*	
f %	2	2	4	0	17	15	22	7,5	14	11	5,5	

* “Со сдором” это составит 5,2 г и 7,2 г (см. “Руководящие материалы по разведению дубового шелкопряда на 1939 год”. – Харьков, 1939, Инструкция № 2-а, с. 27). (Примеч. С.С. Четверикова.)

** По поводу показателя шелконосности считаю необходимым высказать некоторые свои соображения. В шелководстве этот показатель считается чуть ли не самым главным, во всяком случае важнее, чем вес оболочки, не говоря уже о весе кокона. При этом очень тяжелые коконы, даже при большом абсолютном весе оболочки, показывают меньший % шелконосности, чем более легкие коконы даже при меньшем весе оболочки. Также более легкие коконы, но с большим % оболочки, считаются более выгодными, чем тяжелые коконы, но с меньшим % оболочки, хотя бы у последних абсолютный вес оболочки и был бы больше, чем у первых. С чисто коммерческой, финансовой точки зрения органов, покупающих коконы, это, конечно, совершенно верно: при одной и той же сумме, выплачиваемой за коконы (по весу) наибольшее количество шелка будет получено с той партии, % оболочки которой больше. Однако, если посмотреть на этот вопрос с более широкой, не узко-коммерческой, с общепроизводственной точки зрения, этот подход является совершенно неправильным. При решении этого вопроса надо учитывать не только деньги, уплаченные за коконы, но и количество труда, положенного на их получение. А в конечном счете труда по получению положим 100 шт. легких коконов (с большим % оболочки, но с меньшим абсолютным весом шелка) затрачивается столько же, как на получение тех же 100 коконов, но тяжелых, дающих абсолютно больше шелка, хотя бы и с меньшим % оболочки. Таким образом, с производственной точки зрения конечно всегда выгоднее коконы с большим абсолютным весом шелка и в этом направлении должна идти селекция на шелконосность. Чисто же денежные, коммерческие соображения выгодности тех или других коконов должны регулироваться установлением соответствующих цен на сырье так, чтобы учитывался не только общий вес коконов, но и абсолютный вес оболочки. Селекцию надо вести в первую очередь по весу кокона, а затем уже из этого материала – по % шелконосности. Иначе селекция может пойти по совершенно ложному, опасному пути. (Примеч. С.С. Четверикова.)

^{3*} “Со сдором” это составит 10,66% шелконосности (см. “Руководящие материалы и т.д.”. Инструкция № 2-а, с. 27). (Примеч. С.С. Четверикова.)

^{4*} Так в тексте: в ряду “К” – 12 чисел, в рядах f и f % – 11.

Этот ряд показывает три “моды” и соответственно распределение нашего материала в три группы. Из этих трех групп самая левая (семьи J₁ 47/6, J₁ 55/2, J₁ 55/6 и № 30) является явно маловольноносной, а потому безусловно должна быть исключена не только из селекции, но и вообще из племенного дела (сюда входит и семья J₁ 47/6, давшая хороший % моновольтиности – 55%). Средняя, наиболее многочисленная, является, так сказать, нормальной, обычной, крайняя же правая группа, особенно крайние 9 семей (J₁ 17/1, J₁ 23/1, J₁ 23/2, J₁ 23/3, J₁ 23/5, J₁ 23/6, № 16, № 38 и № 57) дают очень высокие показатели шелконосности, а потому должны быть по возможности включены в селекционный материал, тем более, что шесть из них дают и очень хорошие показатели по моновольтиности (от 43,5 – 72%). Особенно обращает на себя внимание большое количество семей из линии № 23 (5 из 9-ти) – лучшей линии по ряду биологических признаков прошлого года.

Следует отметить также, что семья № 10, замечательная по другим показателям, и по % оболочки относится к правой, лучшей группе и находится в пределах класса 11,2–11,6% (точно 11,28%).

Подытоживая общие результаты выкормки минувшего (1941 г.) сезона и намечая семьи, идущие в селекцию на 1942 г., можно кратко суммировать результаты в следующей таблице:

Таблица 6. Семьи, намеченные в селекцию весной 1942 г.

№№ семей	Число моновольтиных коконов		% моновольтиных коконов	Средний вес кокона		Средний % шелконосности	№№ семей родителей		% моновольтиности родителей	
	♂	♀		♂	♀		♂	♀	♂	♀
J ₃ 5–1,2/2	10	4	39	4,3	5,45	9,92	J ₂ 5–1/2	J ₂ 5–1/2	36	36
J ₃ 5–1,2/3	8	7	28	4,4	6,0	10,4	J ₂ 5–1/2	J ₂ 5–1/2	36	36
J ₃ 5–1,7/4	15	12	46,5	4,65	6,2	10,48	J ₂ 5–1/7	J ₂ 5–1/7	33,7	33,7
J ₂ 21–3/3	4	16	49	5,8	7,45	9,65	J ₁ 21/3	J ₂ 21/3	44,5	44,5
J ₂ 21–3/4	5	7	67	5,3	7,6	10,0	J ₁ 21/3	J ₁ 21/3	44,5	44,5
J ₂ 21–3/8	5	6	100	5,0	6,7	10,75	J ₁ 21/3	J ₁ 21/3	44,5	44,5
J ₁ 17/1	15	15	47	5,05	6,95	11,83	№ 17	№ 17	46	46
J ₁ 23/2	11	9	45,5	4,7	6,8	12,15	№ 23	№ 23	48	48
J ₁ 23/3	21	13	43,5	4,6	6,2	12,28	№ 23	№ 23	48	48
J ₁ 23/6	21	25	72	4,75	6,60	12,26	№ 23	№ 23	48	48
J ₁ 47/1	17	13	52	4,6	6,4	10,9	№ 47	№ 47	34,7	34,7
№ 1	8	10	51,5	4,2	5,55	10,6	№ 23	J ₁ 5–1/2	48	36
№ 3	20	16	51,5	5,4	6,95	10,14	№ 23	J ₁ 21/3	48	44,5
№ 6	21	20	57	4,8	6,2	11,35	J ₂ 5–1/2	№ 23	36	48
№ 10	32	15	84	6,54	9,0	11,28	№ 23	J ₁ 21/3	48	44,5
№ 16	15	9	65	5,05	6,7	11,65	J ₂ 5–1/2	J ₂ 5–1/2	33,7	36
№ 51	18	15	57	4,7	6,25	10,4	J ₂ 5–1/7	J ₂ 5–1/2	33,7	36
№ 57	17	17	46,5	5,25	7,5	11,95	J ₂ 5–1/7	J ₁ 21/3	33,7	44,5
	263	229								
	492									

Выбор перечисленных линий для селекции определяется следующими соображениями:

1) По признаку большого % моновольтинных коконов (более 50%) – семьи №№ J₂ 21–3/4, J₂ 21–3/8, J₁ 23/6, J₁ 47/1, 1, 3, 6, 10, 16 и 51.

2) По признаку большого веса коконов (самцы более 5,5 г, самки более 8,5 г) – семьи №№ J₂ 21–3/3 и 10.

3) По признаку высокого % шелковистости (более 11%) – семьи №№ J₁ 17/1, J₁ 23/2, J₁ 23/2, J₁ 23/6, 6, 10, 16, 57.

4) Семьи №№ J₃ 5–1,2/2, J₃ 5–J₂3 и J₃ 5–1,7/4 оставлены как инбридированные семьи линии № 5, лучшей из Башкирского моновольтинного материала, генотип которой в комбинации с генотипами других линий дал целый ряд очень хороших семей (например № J₁ 23/6 и др.). Остальные инбридированные семьи имеют все относительно хороший % моновольтинных коконов (28–46,5).

Лучшей по всем трем селекционным признакам является семья № 10, затем целый ряд других семей (например, J₂ 21–3/3, J₁ 23/6, 6 и др.) имеют хорошие показатели по двум признакам, и нет ни одной семьи с плохими показателями, хотя бы по одному признаку.

При планировании скрещиваний основное внимание будет обращено, конечно, на % моновольтинности. Но в то же время будут серьезно учитываться и остальные показатели, причем ставится цель – возможно полнее сочетать высокий % моновольтинных коконов с большим весом их и с хорошим % шелконосности. В этом отношении семья № 10 является образцом, и наша задача заключается в том, чтобы закрепить и расширить достигнутые результаты. Как и раньше широко будет практиковаться инбридинг, который в удачном чередовании с аутбридингом обещает дать наиболее быстро наилучшие результаты.

ИТОГИ ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ РАБОТЫ ПО ВЫВЕДЕНИЮ МОНОВОЛЬТИННОЙ ПОРОДЫ

Общий краткий обзор итогов четырехлетней работы лучше всего представить в виде прилагаемой сводной табл. № 7.

Число выкормленных семей (диаграмма № 1)

Число выкормленных семей колебалось довольно резко: от 106 в 1938 г. до 41 в 1940 г. Это объясняется отчасти различной техникой выкормок в разные годы (в 1938 г., в начале работы, мы допускали значительное перенаселение садков в связи с необходимостью получения массового исходного материала), отчасти же поисками наиболее удачного сочетания числа различных семей и числа особей в каждой семье.

В настоящее время мы остановились на норме 100 особей в каждую семью (два садка), и лишь для самых интересных, ценных семей повышаем эту норму до 150 штук (три садка). Таким образом, число выкармливаемых семей определяется числом имеющихся садков, а это последнее, в свою очередь, лимитируется площадью лаборатории. В предстоящем сезоне выкормок (1942 г.), в связи с расширением лаборатории под моновольтинными выкормками число семей предполагается довести приблизительно до 80-ти.

Общее число полученных коконов (диаграмма № 2)

Число выкормленных коконов колеблется тоже довольно значительно, достигая своего максимума (4500 шт.) в 1938 г., в начале выкормки, что объясняется причинами, изложенными в предыдущем параграфе. В настоящее время число это более или менее стабилизировалось и может быть определено, в сре-

**Таблица 7. Сводная таблица по селекции на моновольтинность
за период с 1938 по 1941 г.**

Селекционные показатели	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
1. Число выкормленных семей	106	88	41	56
2. Общее число полученных коконов	4500	2684	3505	2814
3. Общее число полученных моновольтинных коконов	104	283	613	905
4. % моновольтинных коконов в общем числе коконов	2,5%	10,5%	17,5%	32,2%
5. % моновольтинных семей в общем числе семей	37%	40%	95%	98%
6. Средний % моновольтинности по моновольтинным семьям	5,3%	17,5%	17,8%	32,2%
7. % семей с 20% и более моновольтинности в общем числе моновольтинных семей	2,5%	40%	47,4%	68%
8. Наибольший % моновольтинности в семье	20%	57%	48%	84(100)%

днем, как 30 шт. на садок. Таким образом, в предстоящем сезоне можно рассчитывать получить около 5000 коконов.

Общее число полученных моновольтинных коконов (диаграмма № 3)

Начиная с этого параграфа, таблица 7 и соответственные диаграммы отражают уже результаты селекционной работы за 1939, 1940 и 1941 годы. Как хорошо видно на диаграмме абсолютное число моновольтинных коконов непрерывно и резко возрастает: со 104 коконов в исходном материале до 905 коконов после трех лет селекции. Это несмотря на то что абсолютное число коконов резко упало с 4500 шт. в первом году до 2814 в последнем. Таким образом, непрерывно рос селекционный фонд, из которого представлялась возможность отбирать все лучшие и лучшие семьи для дальнейшей селекции. В результате такого значительного нарастания племенного моновольтинного материала уже в 1941 г. образовался значительный излишек коконов, который с большим успехом можно было бы использовать на колхозных (промышленных) выкормках. Несомненно, еще большее число моновольтинных коконов, отчасти из чень хороших семей, останется в выкормку 1942 г., и было бы непростительной расточительностью, если бы наши племпункты и шелководственные конторы не нашли способов использовать этот материал.

% моновольтинных коконов в общем числе коконов (диаграмма № 4)

Тот же рост числа моновольтинных коконов, но уже в % к общему числу выкормленных коконов (а не в абсолютных числах) представлен на диаграмме № 4. Начавшись всего с 2,3% в 1938 году, этот процент возрос через три года селекционной работы до 32,2%. Таким образом, уже в настоящее время, если рассматривать весь наш материал как одну популяцию, можно сказать, что она дает в общем уже почти 1/3 моновольтинных коконов. В то же время бивольтин-

Число
выкормленных семей.

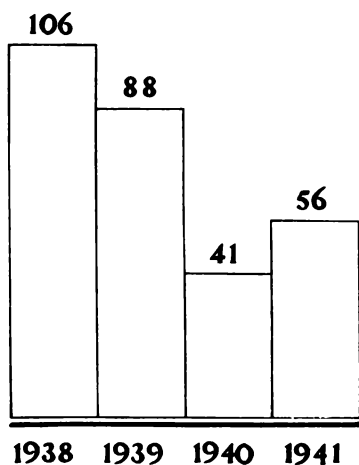

Диаграмма 1

Общее число полученных коконов.

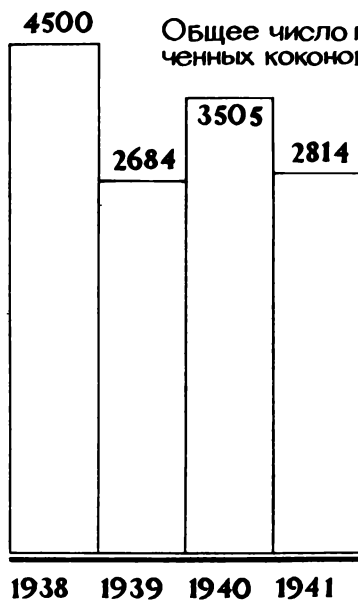

Диаграмма 2

Общее число полученных моновольтинных коконов.

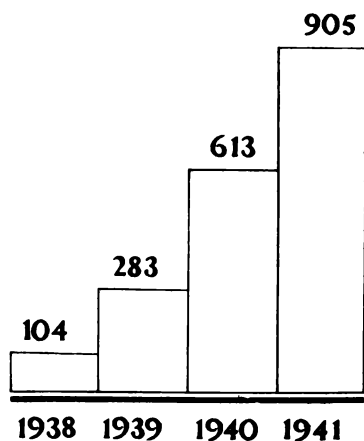

Диаграмма 3

% моновольтинных коконов в общем числе коконов.

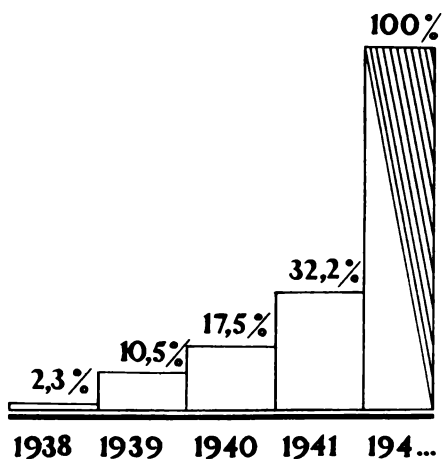

Диаграмма 4

ный (контрольный) материал дает вообще около 1% моновольтинных коконов или даже менее. Конечно, идеал породы должен давать 100% моновольтинности, и дальнейшая селекция должна непрерывно приближать нашу популяцию к этому идеалу породы.

% моновольтинных семей в общем числе семей (диаграмма № 5)

**% моновольтинных семей
в общем числе семей .**

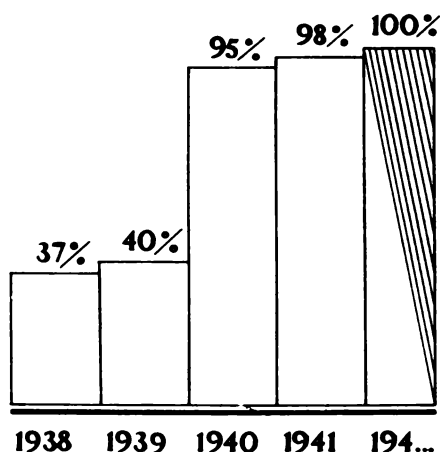

Диаграмма 5

**Средний % моновольтинности
по моновольтинным семьям .**

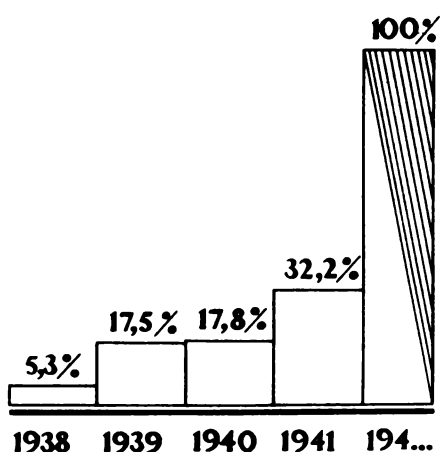

Диаграмма 6

**% семей с 20% и более
моновольтинности в общем
числе моновольтинных семей .**

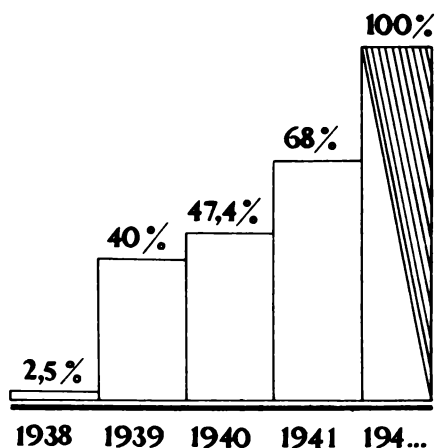

Диаграмма 7

**Наибольший % моновольтин-
ности в семье .**

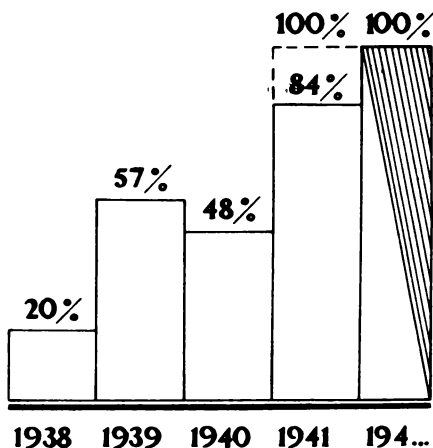

Диаграмма 8

Это очень интересный и важный показатель хода селекции. В то время как в начале работы (в 1938 г.) из исходного “Башкирского моновольтинного” материала всего только 37% семей (39 из 104-х) дали хотя бы по одному моновольтинному кокону, в дальнейшем ходе селекционной работы этот процент быстро возрастает и в 1941 г. достигает уже 98%, т.е. практически все селекционные семьи являются моновольтинными. Очевидно случайная моновольтинность из

нашего материала устранена. В отношении этого показателя можно, пожалуй, уже считать нашу селекцию законченной. Таким образом, весь наш материал является моновольтинным, в дальнейшем усилия селекции должны быть направлены к тому, чтобы непрерывно повышать в каждой семье % моновольтинности коконов, стремясь довести его до 100%.

Средний % моновольтинности по моновольтинным семьям (диаграмма № 6)

Диаграмма № 6 дает наглядное представление о росте среднего процента моновольтинности в семье за время селекционной работы. В то же время в исходном (“Башкирском моновольтинном”) материале средний % моновольтинных коконов в моновольтинных семьях был очень низкий, достигая всего 5,3%, после трех лет селекционной работы этот процент возрос до 32,2%. Таким образом, средний % моновольтинности в моновольтинных семьях возрос в шесть раз: если при этом вспомнить, что и процент моновольтинных семей практически достиг 100% (см. предыдущий параграф), то общее огромное возрастание моновольтинизма в селекционном материале станет очевидным. Это возрастание среднего процента моновольтинизма в семье идет за счет непрерывного нарастания в популяции числа высокопроцентных по моновольтинизму семей, что наглядно видно из следующей (№ 7) диаграммы.

% семей с 20% и более моновольтинности в общем числе моновольтинных семей (диаграмма № 7)

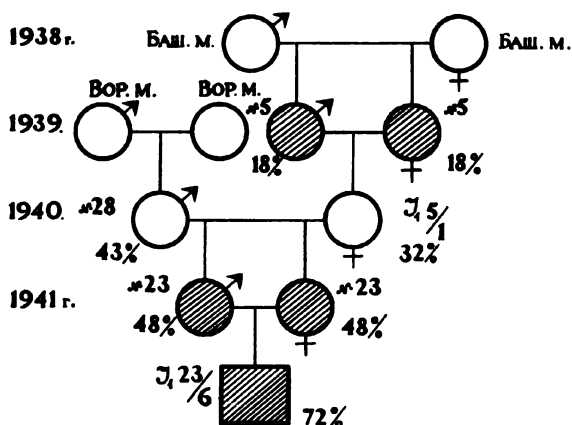
В 1938 г. – в первом году работы – наивысший % моновольтинности, показанный одной семьей из 39 моновольтинных семей, был 20%. Таким образом, 20% моновольтинности стали условной гранью, выше которой процент моновольтинности характеризовал “хорошие” семьи, а ниже – “плохие”. На диаграмме № 7 виден непрерывный рост числа “хороших” семей в результате селекционной работы. Если в исходном материале (“башкирском моновольтинном”) оказалась всего одна “хорошая” семья, что составило всего 2,5% числа всех семей, то к отчетному 1941 г. процент “хороших” семей возрос до 68%, т.е. более 2/3 всех семей популяции показывают более 20% моновольтинности. Если в 1938 г. одна семья из 104 выкормленных показала 20% моновольтинности, то в 1941 г., через три года селекции, 8 семей из 86, т.е. каждая 7-я семья давала уже свыше 50% моновольтинных коконов.

Таким образом, наблюдается непрерывный рост процента моновольтинных коконов в лучших семьях. Этот рост выступает особенно ярко при сравнении процента моновольтинности лучшей семьи в течение всех четырех лет работы, представленном на диаграмме № 8.

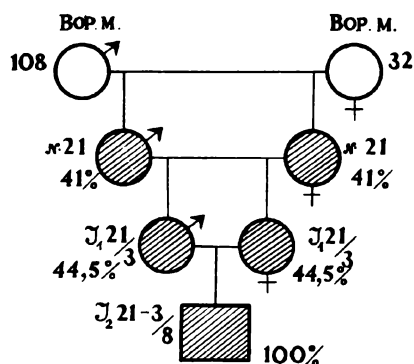
Наибольший % моновольтинности в семье (диаграмма № 8)

Как хорошо видно на указанной диаграмме в течение всех четырех лет работы наблюдается хотя [и не] непрерывный, но быстрый рост % моновольтинности в лучшей из семей. Если в 1938 г. лучшая семья давала лишь 20% моновольтинных коконов, то уже через три года селекционной работы была получена семья (J_2 21–3/6), давшая 100% таких коконов, т.е. достигшая идеала моновольтинной породы. Правда, эта семья состояла всего из 11 коконов, не отличающихся притом другими хорошими показателями (см. табл. 6).

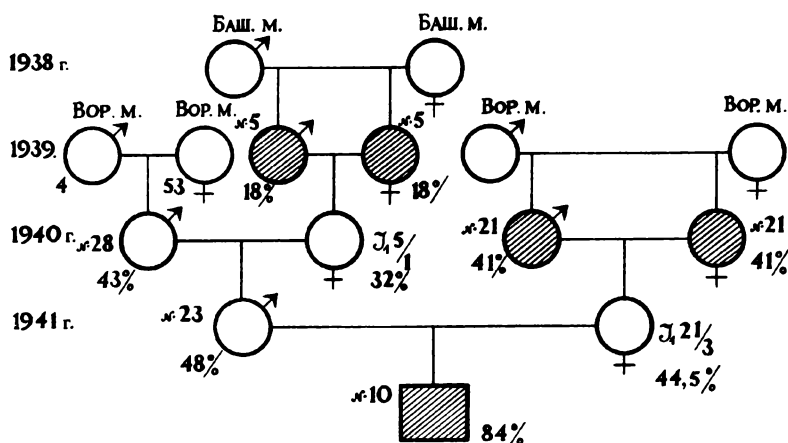
Поэтому несравненно большую селекционную ценность представляет аутбридная семья № 10 (56 коконов), которая при 84% моновольтинности обладает рекордным весом коконов и очень хорошей шелконосностью (см. табл. 6). Задача дальнейшей селекции должна заключаться в том, чтобы, с одной стороны, закрепить все эти положительные качества семьи № 10, а с другой, – путем соответственных скрещиваний добиться распространения всех этих высоких показателей на наивозможно большее число семей.

Три лучшие семьи выкормки 1941 г. (1)

Три лучшие семьи выкормки 1941 г. (2)

Три лучшие семьи выкормки 1941 г. (3)

Родословные

На родословных № 1–3 я даю педигри наилучших семей по трем главным показателям: 3 семьи с наибольшим % шелконосности, 3 – с наибольшим весом коконов и 3 – с наибольшим % моновольтинности. Анализ этих родословных вскрывает ряд очень интересных и знаменательных фактов.

Оказывается, что все наилучшие семьи по всем трем основным показателям ведут свое происхождение всего от двух линий: инбридной $J_1 21/3$ и аутбридной № 23! В образовании второй, аутбридной линии принимали участие как “Башкирская моновольтинная” № 5, так и “Воронежская моновольтинная” № 28, в то время как инбридная линия ведет свое начало от Воронежской моновольтинной № 21.

По % шелконосности наилучшие показатели дали инбридные линии $J_1 23/2$ (12,28%), $J_1 23/3$ (12,28%) и $J_1 23/6$ (12,26%), все сестринские семьи одной и той же линии № 23! (см. родословную № 1).

По наибольшему весу коконов наилучшие показатели, кроме семьи № 10, о которой речь будет ниже, дали две дважды инбридные семьи $J_2 21-3/3$ (сред-

ний вес кокона самца 5,8 г) и J_2 21–3/8 (сред[ний] вес кокона самок 6,7 г), тоже сестринские семьи одной и той же инбридной линии J_1 23/2 (см. родословную № 2)!

Наконец, по наиболее важному для нас показателю – % моновольтинности – лучшими семьями оказались:

1) Семья J_2 21–3/8 (100%) (см. родословную № 2), давшая и тяжелые коконы самок.

2) Семья J_1 23/6 (72%) (см. родословную № 1), давшая отличный % шелконосности.

3) Наилучшая семья № 10 (84%) (см. родословную № 3), которая получилась в результате аутбридного соединения обеих лучших линий: отец № 23 и мать J_1 21/3!

При анализе указанных 9 лучших семей обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Оказывается, что из этих 9-ти семей 8 семей являются инбрированными и лишь одна самая лучшая семья № 10 – аутбридная. Правда, инбридинг не идет дальше второго поколения (J_2) и при дальнейшем инбридинге депрессия начинает сказываться очень определенно (особенно на жизнеспособности), но самый факт высоких показателей у инбрированных семей остается в силе и говорит за то, что умеренный инбридинг (правильно чередуемый с аутбридингом) является не только не вредным, а напротив, полезным селекционным мероприятием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отчетном году селекция дубового шелкопряда на моновольтинность переживает кризис: Горьковский Опорный пункт как таковой распоряжением правительства ликвидирован, и продолжение работы по селекции на моновольтинность передано ГГУ на договорных началах.

Само оформление договора непомерно затянулось, еще хуже обстоит дело с финансированием, которое по нынешний день (середина июля 1942 года) не отрегулировано. А между тем шелкопряд не ждет, нужны рабочие руки... Только безграничная преданность своему делу старых работников бывшего Опорного пункта, сознание необходимости и ответственности за порученное им важное дело удерживает их в этих трудных условиях на работе. А впереди нет уверенности, что в будущем работа будет обеспечена.

Все это заставляет меня дать настоящий четырехгодичный отчет в развернутом виде, чтобы оставить след о своей работе и о тех хороших результатах, которых можно добиться в намеченном направлении. Я глубоко убежден в том, что проблема дубового шелкопряда в пределах Европейской части СССР должна разрешаться именно в направлении разведения моновольтинной породы, и я уверен, что в этом направлении она может и будет разрешена.

Моновольтинная порода имеет преимущество перед бивольтинной не только в том, что она гарантирует удачу выкормки, но еще и в том (а это очень важно), что при моновольтинной породе срок выкормки падает на июнь и июль, т.е. на сравнительно “тихий” сельскохозяйственный сезон, когда рабочие руки относительно свободны, тогда как при бивольтинных выкормках наиболее трудная, ответственная вторая выкормка падает на самое горячее, уборочное время, когда каждая рабочая пара рук необходима на основных сельскохозяйственных работах. Об этом обстоятельстве никогда не надо забывать.

В настоящее время работа по выведению моновольтинной породы дубового шелкопряда уже так далеко подвинулась вперед, что вполне созрело

время вынесения племенного материала на колхозный (промышленные) выкормки. Это должно стать очередной задачей центральных шелководческих организаций. Будет совершенно непростительной расточительностью, если благодаря организационным неполадкам достигнутые результаты погибнут, не принеся государству никакой пользы. К сожалению, в конструкции Опорного пункта, как чисто селекционного, нет никаких возможностей самостоятельно наладить это важнейшее дело. Наши попытки организовать колхозные выкормки собственными силами не увенчались успехом, хотя нами было предпринято подробное обследование ряда районов, которыми можно было бы руководить из Опорного пункта. Необходимо, чтобы Главшелко-сырье уже заранее наметил пути полного использования имеющегося на Селекционной лаборатории ГГУ племенного материала и в то же время обес-печил этой лаборатории дальнейшую работу по улучшению моновольтин-ной породы и углублению достигнутых в этом направлении положительных результатов.

Автограф

Оригинал находится в семейном архиве Н.Б. Астауровой, фотокопия оригинала пе-редана Н.М. Артемовым в архив музея ННГУ.

7.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА О ДУБОВОМ ШЕЛКОПРЯДЕ В ГОРЬКОВСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

21 мая 1943 г.

Введение

Если в прошлом году я мог говорить о том, что выведение мною моноволь-тинной породы *очень вероятно* и в недалеком будущем, то сейчас я могу уже сообщить Вам, что такая порода *есть!* Правда, еще не оформленная, не консо-лидированная, но факт на лицо: если в прошлом году было всего 1 семья с 84% моновольтинности (№ 10), то в нынешнем году уже имеется 9 *семей с 100% мо-новольтинности*, давших в общей сложности 831 100%-моновольтинный кокон (только от 100%-ных семей)!

Остановимся несколько подробнее на *ходе и результатах* минувшего се-лекционного года.

1. Расширение площади – 84 семьи (против 56).
2. Увеличение размера выкормки – 8146 мурашей (против 3938) и 7051 кокон (против 2841).
Отход 1095 шт., что составляет 13,5%! Рекорд (против 26,5%).
3. Как же изменился % моновольтинных семей?
100% в 1942!
4. Как изменился средний % моновольт[инности] по моновольт[инным] семьям?
75,2% (против 32% в пр[ошлом] году)!
5. Как изменяется число семей с высоким (> 50%) моновольтинности?
6. Каков % моновольтинности в лучших семьях?
7. Сдвиг? Как сказался отбор в 1942 г. во всей выкормке по % моновольти-низма?
8. Как же изменилось число коконов в общей выкормке? в %?

9. Абсолютно?
10. Сводная таблица.
11. Итоги (главнейшие):
 Быстрый рост основных показателей моновольтинности:
 а) % моновольтинных семей с 37 до 100%;
 б) 9 семей с 100% моновольтинности (831) коконов;
 в) Общий % моновольтинности с 2,3% – 75,2%;
 д) Абсолютное число моновольт[инных] коконов возросло с 104 – 5300.
12. Рапорт, его относительность.
13. Как сказывается отбор по весу кокона?
14. Как сказывается отбор по шелковистости?
15. Как ведется отбор (наиболее интересные родословные)?
16. Заключение = “Вот с чего я начал в 1938 г., и вот что я имею в 1943г.!”

С. Четвериков

Фотокопия оригинала, который хранится в личном архиве Н.Б. Астауровой. Автограф.

8.

РАСШИРЕННЫЙ ПЛАН ВВОДНОЙ ЛЕКЦИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ГГУ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ В ОБЛАСТИ ГЕНЕТИКИ И СЕЛЕКЦИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕЛЕКЦИИ. 1947–1948 уч. г.

Лекция 1. Селекция (от латинского *selectio* – выбирать) значит выбор или отбор. Но часто под словом “селекция” подразумевают выведение новых пород домашних животных или новых сортов культурных растений.

Селекция – это эволюция, направленная в сторону удовлетворения наших человеческих потребностей.

Основная разница между естественной эволюцией и селекцией лежит в характере отбора: естественном и искусственном.

Значение Дарвина для понимания роли отбора в селекции. *Изменчивость и наследственность* – два момента, лежащие в основе всякого эволюционного процесса, в том числе и селекции.

Генетика – наука о законах наследственности (она уже несколько знакома).

Биометрия – наука о законах изменчивости, и настоящий курс мы начинаем с изучения явлений изменчивости, без знания которой немыслима никакая селекция.

Биометрия – наука об изменчивости.

Висс – жизнь, метреω – меряю. Самая *точная* (вместе с генетикой) биологическая дисциплина. История биометрии: Кетлэ (*Quetelet*) “Социальная физика”, 1835 и “Антропометрия”, 1871.

Гальтон (F. Galton): “Family likeness stature”, 1886 и “Natural inheritance”, 1889.

Карл Пирсон (K. Pearson); основание “Биометрики”, 1902 – “*Biometrika*”.

Биометрия развивалась на основе “Теории ошибок” Гаусса и “вариационной статистики”.

Широкое применение вариационной статистики в социально-экономических науках (страховое дело, планирование и учет производства и др.), в физи-

ке (молекулярная физика), в химии (теория массовых реакций), в биологии (явления изменчивости, экспериментальные работы) и др.

Что же объединяет эти вопросы? – *Массовость явлений!*

Случайность единичного события и *неизбежность* массового проявления случайности.

Случайно то, что в силу того или другого стечения причин может быть или не быть (несчастный случай...)

Неизбежно, необходимо то, что не может не произойти (падение брошенного камня, восход солнца в определенный час и т.п.).

Анализ “случайности” как перекрестка в пространстве или во времени двух или нескольких *независимых* закономерных явлений (встреча по дороге в Университет знакомого Петра Ивановича) – эта встреча *случайна*. Случайно то, что осуществляется только при *стечении определенных условий*.

Элемент субъективности в понимании “случайности”.

Случайно то, что осуществляется *редко*, т.е. с малой вероятностью (несчастный случай).

Отличие субъективной случайности от объективной.

С точки зрения объективной случайности всякое событие, вероятность которого менее 1, будет случайным, потому что оно может быть и может не быть.

Случайность *закономерна* в том смысле, что она причинно обусловлена. Но случайность *индивидуальна*, поскольку определяющее ее стечение причин может не повториться.

Случайность – это то, что *индивидуализирует* течение закономерного процесса, т.е. непрерывного, единого ряда (цепи) причин и следствий, которые объединяют множество отдельных событий, каждое из которых несет свой собственный, индивидуальный характер, то есть является в некотором отношении случайным.

Так, появление *именно Наполеона* в конце Французской революции было случайностью. Но если бы не было Наполеона, то, вероятно, явился бы кто-либо другой, и неповторимый, индивидуальный характер исторических событий конца 18-го и начала 19-го века пошел бы иначе. И все-таки *общая закономерность* хода исторического процесса (замена феодального строя буржуазным) осталась бы неизменной.

Каким же образом мы можем перейти от случайности отдельного индивидуального явления, не поддающегося вследствие своей сложности полному причинному анализу, к общим закономерностям аналогичных явлений? – Путем перехода от единичного – случайного к *массовому* явлению, путем абстрагирования от индивидуального. Встреча по дороге в Университет именно с Петром Ивановичем – явление случайное, но если отвлечься от определенного человека, то встреча с *n* людьми (безразлично – Семеном, Иваном, Владимиром, Сергеем и т.д.) уже является простой закономерностью, обусловленной тем, что люди ходят в это время по Свердловской улице. При определенных условиях встреча с некоторым количеством людей “не может не быть”, а потому является необходимостью.

Но при этом мы *абстрагируем* явление встречи от индивидуальности того лица, с которым мы встречаемся. Таким образом, путем *массового абстрагирования* от индивидуального случайность переходит в свою противоположность, т.е. в неизбежность. (Единство противоположностей.)

Примеры с письмами, отправленными без адреса, с статистикой “несчастных случаев” и т.д.

Таким образом, *задачей* математической статистики (а значит, и биометрии) является *установление закономерностей массовых случайных явлений*.

Для иллюстрации возьмем случай борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Когда какой-нибудь вредитель появляется в *массовом* количестве, нас не интересует появление индивидов А или В или С и т.д., а нас интересует та *закономерность*, которая проявляется в *массовом процессе* появления вредителя. Точно так же, с тем же *массовым процессом*, абстрагированным от индивидуального, имеем мы дело и тогда, когда мы учитываем тот вред, который был принесен нашему хозяйству деятельностью этих вредителей, и тогда, когда мы учитываем эффективность наших мер по *массовому* истреблению этих последних. Таким образом, во всей нашей деятельности по борьбе с вредителями нам неизменно приходится иметь дело с явлениями, носящим ярко выраженный *массовый* характер. И если мы ставим себе задачей овладение этими явлениями, освоение этих процессов, то нам прежде всего необходимо научиться возможно *точно* *учитывать* их, возможно полно и всесторонне изучить их характер, объем и содержание.

Совершенно то же можно сказать и про селекционную работу. Мы выделяем лучших производителей из *массы* сходных с ними особей; мы определяем достоинства взятых для размножения особей по качествам *многих* их потомков, мы разводим новую породу (или сорт) в *массе*. И мы должны овладеть теми закономерностями, которые управляют этими явлениями.

Если мы не хотим бессильно и беспомощно нестись по волнам стихийных природных сил, не хотим быть игрушкой слепого случая, а хотим по своему желанию *регулировать* и *направлять* эти силы в своих *целях*, то нам необходимо прежде всего уметь правильно *учитывать* эти силы, правильно оценивать их природу и значение. В нашей деятельности мы прежде всего сталкиваемся с *массовыми явлениями*, и без правильного их учета, без точного их знания и понимания не может быть и речи ни о каком их планировании или регулировании. Правильному *учету* этих *массовых явлений*, их *точному знанию* и *пониманию* и должна нас научить *Биометрия*.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 95. Лл. 1, 2, 3. Машинопись.

9.

ИЗ “ЗАВЕЩАНИЯ” С.С. ЧЕТВЕРИКОВА. КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОКЛАД

1. Доклад должен заинтересовать слушателя. Для этого предисловие должно быть построено так, чтобы перед слушателями возник интересный вопрос, на который он бы ждал ответа.
2. Через весь доклад должна проходить “красная ниточка”, т.е. все его содержание должно быть объединено вокруг основной центральной мысли, составляющей ответ на поставленный в предисловии вопрос. Все не относящееся к этой “красной ниточке”, должно быть либо совсем опущено, либо сведено до минимума, даже если вопрос сам по себе является интересным.
3. Доклад должен быть построен красиво, стройно, логично, четко. Очень хорошо выходит, если изложение разбито на отдельные вопросы, подчиненные одной основной теме, причем изложение ведется в форме поставленного вопроса, на который сейчас же дается развернутый ответ.
4. Доклад должен быть не более, чем на один час, более долгий доклад утомляет слушателя, как бы хорош он ни был.

Ксерокопия хранится в архиве музея ННГУ, Ф. 11. С.С. Четверикова. Д. 11. № 22. Авторизованная машинопись.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ИНБРИДИНГА

Тетрадь 1

1. Степень инбридинга соответствует % тождественных хромосом (не принимая во внимание возможность перекреста), полученных от отца и от матери = % *изохромосом*.
2. Т[ак] к[ак] каждая зигота получает только по одной хромосоме каждого сорта как от отца, так и от матери, то для степени инбридинга данной зиготы совершенно безразлично, какова была степень независимого* инбридинга каждого из родителей.

Но для хода всего инбридинга (в целом) это совсем не безразлично!**

3. В силу п. 2 всякий аутбридинг между неродственными линиями полностью снимает инбридинг (со всеми его последствиями).
4. Для степени инбридинга важно *только* число (%) тождественных хромосом, полученных как от отца, так и от матери.
5. Анализ инбридинга достаточно провести по одной хромосоме (А). При большем количестве пар хромосом (В, С, D...) можно воспользоваться теоремой умножения или сложения вероятностей, т.к. вероятности каждой отдельной пары хромосом *независимы* от других.

Анализ инбридинга брата на сестру

Пусть мы имеем две особи (♂ и ♀), дихахромосомные^{3*} по хромосоме А:

$$\frac{A_1}{A_2} \times \frac{A_3}{A_4} \rightarrow (F_1) \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_4} \right\} \quad (\text{от } \delta i x \alpha = \text{разно})$$

При дальнейшем скрещивании на инбридинг I_1 , т.е. при получении (F_2) возможны внутри этой семьи 16 случайных комбинаций скрещивания ♂ × ♀. Т.к. все четыре группы потомков в семье F_1 ^{4*} являются дихахромосомными^{5*} (т.е. аналогичными^{6*} по строению), то все 16 комбинаций представляют собой 4 типа потомков с соответственными вероятностями: так, от скрещ[ивания] $\frac{A_1}{A_3}$ с четырьмя групп[ами]

$$1. \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}^{8*}$$

$$2. \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\};$$

Итак, в I_1 (F_2) наступает расщепление в отношении $\frac{1}{4}$ изохромосомн[ых] зигот^{7*} $\frac{1}{4} : \frac{3}{4}$ дихахромосомн[ых] зигот^{7*}

Колебания в отдельных семьях от 0 (4) до $\frac{1}{2}$ (1) изохромосомных.

* Это слово вставлено сверху.

** Данное предложение записано с новой строки как более поздняя вставка перед п. 3.

^{3*} От $\delta i x \alpha$ (греч.) = разно. Первоначально было написано “гетерохромосомные”, затем “гетеро” зачеркнуто.

^{4*} Слова, выделенные курсивом, вставлены в текст сверху.

^{5*} См. сноску 3.

^{6*} Первоначально в рукописи вместо “аналогично” было написано “одинако”, затем зачеркнуто.

^{7*} Первоначально написано “особей”, потом зачеркнуто.

^{8*} Здесь и далее полужирным шрифтом выделены изохромосомные особи.

далее

$$3. \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

Семьи 2 и 3 можно объединить в один тип с удвоенной вероятностью.

$$4. \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_4} \right\}$$

При получении следующего инбридного поколения $I_2 (F_3)$ возможны следующие комбинации скрещиваний внутри семей I_1 ; в потомстве $I_1 (F_2)$ имеется три типа семей с соответственными вероятностями:

$$1. \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}$$

$$2. \frac{2}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

$$3. \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

Каждая из этих трех типов семей, скрещенная внутри себя, может дать потомство I_2 с соответственными вероятностями:

Семьи типа 1. ($P_1 = \frac{1}{4}$) $\rightarrow$

$$\frac{1}{16} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$\frac{2}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_3}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

Объединяя эти семьи I_2 от семьи 1 по типам, и давая им общую вероятность

$$\frac{2}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{1}{16} \left\{ \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

($P_1 = \frac{1}{4}$), получаем:

$$\frac{1}{16} \left\{ \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{16}{16}$$

$$\frac{1}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$\frac{2}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{1}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{4}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}$$

$$\frac{4}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{2}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_3}{A_3} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{2}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}$$

$$\frac{1}{16} \left\{ \frac{A_3}{A_3} \right\}$$

$$\frac{8}{32}$$

$$\text{Семьи типа 2 } (P_2 = 1/2) \rightarrow \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right) \rightarrow$$

$\frac{1}{16} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_4}{A_4} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} + \frac{2}{4} \frac{A_3}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_4}{A_4} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$
$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_4}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$	$\frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_4}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$

Объединяя эти семьи I_2 от семей 2. по типам и давая им общую вероятность ($P_2 = 1/2$), получим:

$\frac{1}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$	$\frac{3}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}$
$\frac{2}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right\}$	$\frac{6}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$
$\frac{4}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$	$\frac{16}{32}$

Семьи типа 3 ($P_2 = 1/4$) $\left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right)$ дадут семьи I_2 по тому

же типу, как были получены семьи I_1 , т.е. 3 типа семей с соответственными вероятностями:

$$\frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\} \cdot \frac{1}{4} = \frac{2}{32}$$

$$\frac{2}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\} \cdot \frac{1}{4} = \frac{4}{32}$$

$$\frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\} \cdot \frac{1}{4} = \frac{2}{32}$$

$\frac{8}{32}$

Объединяя все типы семей $I_2 (F_3)$ с их вероятностями, получаемые внутри скрещивания в семьях $I_1 (F_2)$, получим след[ующие] результаты (7 типов):

$$\frac{2}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$\frac{1}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{8}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{2}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$\frac{7}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}$$

$$\frac{10}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

$$\frac{2}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

$\frac{32}{32}$ Итак, общая вероятность изохромосомных особей в

$$I_2 = \frac{2}{32} + \frac{4}{32} + \frac{7}{64} + \frac{5}{64} = \frac{24}{64} = \frac{3}{8},$$

т.е. расщепление в I_2 наступит $\frac{3}{8}$ изохромосом[ных] : $\frac{5}{8}$ дихахромосом[ных]*

При получении следующего инбридного поколения $I_3(F_4)$ возможны следующие комбинации скрещиваний внутри семей I_2 :

в потомстве $I_2(F_3)$ имеются 7 типов семей с соответственными вероятностями

$$1. \frac{2}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$2. \frac{1}{32} \left\{ \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$3. \frac{8}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$4. \frac{2}{32} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$5. \frac{7}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}$$

$$6. \frac{10}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

$$7. \frac{2}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

Семьи типа 1.

$$\left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\} (P_1 = \frac{1}{16}) \rightarrow \frac{1}{16} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

Семьи типа 2.

$$\left\{ \frac{A_1}{A_3} \right\} (P_2 = \frac{1}{32}) \rightarrow \frac{1}{32} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right\}$$

* “Диха” написано поверх “гетеро”.

Семьи типа 3.

$$\left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\} (P_3 = \frac{1}{4}) \rightarrow \frac{1}{4} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \left(\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right) + \right. \\ \left. + \frac{1}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right) \right\}$$

Семьи типа 4.

$$\left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\} (P_4 = \frac{1}{16}) \rightarrow \frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right) + \right. \\ \left. + \frac{3}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right) + \frac{1}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right) \right\}$$

Семьи типа 5.

$$\left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\} (P_5 = \frac{7}{32}) \rightarrow \\ \rightarrow \frac{7}{32} \left\{ \frac{1}{8} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{8} \frac{A_1}{A_2} + \frac{4}{8} \left(\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right) + \frac{2}{8} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right) \right\}$$

Семьи типа 6.

$$\left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\} (P_6 = \frac{5}{16}) \rightarrow \\ \rightarrow \frac{5}{16} \left\{ \frac{1}{16} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{16} \left(\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right) + \frac{4}{16} \left(\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right) + \right. \\ \left. + \frac{3}{16} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right) + \frac{6}{16} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right) \right\}$$

Семьи типа 7.

$$\left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\} (P_7 = \frac{1}{16}) \rightarrow \\ \rightarrow \frac{1}{16} \left\{ \frac{1}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{3}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right) + \frac{3}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right) + \right. \\ \left. + \frac{1}{4} \left(\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right) \right\}$$

Объединяя все типы семейств $I_3(F_4)$ с их вероятностями, получаемые внутри скрещивания в семьях $I_2(F_3)$, получаем след[ующие] 7 типов:

$$1/64 \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$7/256 \left\{ \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$5/16 \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$5/128 \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$65/256 \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}$$

$$23/128 \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

$$1/64 \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

$$256/256$$

Итак, общая вероятность изохромосомных особей в

$$I_3 = 1/64 + 5/32 + 65/512 + 23/512 = 1/2,$$

т.е. расщепление в I_3 наступает в отношении $1/2$ изохромосомн[ых] : $1/2$ дихромосомн[ых]*

При получении следующего инбридного поколения $I_4(F_5)$ возможны следующие комбинации скрещиваний внутри семей I_3 : в потомстве $I_3(F_4)$ имеются те же 7 типов семей, как и в потомстве $I_2(F_3)$, только с другими вероятностями:

$$1. \quad 1/64 \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$2. \quad 7/256 \left\{ \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$3. \quad 5/16 \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$4. \quad 5/128 \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$5. \quad 65/256 \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}$$

$$6. \quad 23/128 \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

$$7. \quad 1/64 \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

* “Диха” написано поверх “гетеро”.

$$\text{Семьи типа 1.} \rightarrow \frac{1}{64} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$\text{Семьи типа 2.} \rightarrow \frac{7}{256} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}$$

Семьи типа 3.

$$\rightarrow \frac{5}{16} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \left[\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right] + \frac{1}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right] \right\}$$

Семьи типа 4.

$$\frac{5}{128} \left\{ \frac{1}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right] + \frac{2}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right] + \right. \\ \left. + \frac{1}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right] \right\}$$

Семьи типа 5.

$$\rightarrow \frac{65}{256} \left\{ \underbrace{\frac{1}{8} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{8} \frac{A_1}{A_2}} + \underbrace{\frac{4}{8} \left[\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right]} + \right. \\ \left. + \underbrace{\frac{2}{8} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right]} \right\}$$

Семьи типа 6.

$$\rightarrow \frac{23}{128} \left\{ \underbrace{\frac{1}{16} \frac{A_1}{A_1}} + \frac{2}{16} \left[\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_4} \right] + \frac{4}{16} \left[\frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right] + \right. \\ \left. + \frac{3}{16} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_3} \right] + \frac{6}{16} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right] \right\}$$

Семьи типа 7.

$$\rightarrow \frac{1}{64} \left\{ \frac{1}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right] + \frac{2}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right] + \right. \\ \left. + \frac{1}{4} \left[\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right] \right\}$$

Объединяя все типы семейств $I_4(F_3)$ с их вероятностями, полученные внутри скрещивания в семьях $I_3(F_4)$, снова получим 7 следующих типов с их вероятностями:

$$1. \frac{75}{256} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$2. \frac{65}{2048} \left\{ \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$3. \frac{21}{64} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$4. \frac{23}{1024} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$5. \frac{463}{2048} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}$$

$$6. \frac{97}{1024} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

$$7. \frac{1}{256} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

Итак, общая вероятность изохромосомных особей в $I_4(P_{I_4}) = \frac{75}{256} + \frac{21}{128} + \frac{463}{4096} + \frac{97}{4096} = \frac{19}{32}$, т.е. расщепление в I_4 наступает в отношении $\frac{19}{32}$ изохромосомн[ых] : $\frac{13}{32}$ дихахромос[омных]*. Рассчитывая аналогичным образом для $I_5(F_6)$ типы семейств с их вероятностями, мы получим:

$$1. \frac{417}{1024} \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\}$$

$$2. \frac{463}{16384} \left\{ \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$3. \frac{77}{256} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\}$$

$$4. \frac{97}{8192} \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\}$$

$$5. \frac{3281}{16384} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\}^{**}$$

* “Диха” написано поверх зачеркнутого “гетеро”.

** В рукописи дробь $\frac{3281}{16384}$ стоит в конце формулы.

$$6. \frac{399}{8192} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\}$$

$$7. \frac{1}{1024} \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\}$$

Итак, общая вероятность изохромосомных особей в $I_5(F_6)$ будет

$$P_{I_5} = \frac{419}{1024} + \frac{77}{512} + \frac{328}{16384 \times 2} + \frac{399}{8192 \times 4} = \frac{43}{64},$$

т.е. расщепление в I_5 наступает в отношении $\frac{43}{64}$ изохромосомн[ых] : $\frac{21}{64}$ диха-

хромосомн[ых]* особей, или, округляя, приблизительно** в отношении $\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$.

Объединим результаты расщепления по особям на изохромосомных и гетерохромосомных по всем проведенным пяти поколениям инбридинга. Получается следующая таблица:

	Изохромос[омных] особей		Гетерохромос[омных] особей	округляя:
$I_0(F_1)$	0	+	2/2	0 : 1
$I_1(F_2)$	1/4	+	3/4	1/4 : 3/4
$I_2(F_3)$	3/8	+	5/8	
$I_3(F_4)$	8/16	+	8/16	1/2 : 1/2
$I_4(F_5)$	19/32	+	13/32	
$I_5(F_6)$	43/64	+	21/64	2/3 : 1/3

Просматривая приведенную сводку, можно заметить известную закономерность в рядах полученных чисел:

1. Знаменатели дробей вероятностей равны 2 в степени индекса^{3*} F ;

2. Числители дробей вероятностей дихахромосомных^{4*} особей получаются путем суммирования числителей двух вышестоящих вероятностей.

Так, вероятность дихахромосомных^{4*} особей в $I_5(F_6) =$ дроби, у которой знаменатель = $2^6 = 64$, а числитель = $8(I_3) + 13(I_4) = 21$, т.е. вероятность = $21/64$; вероятность изохромосомных особей получается, конечно, как дополнительная вероятность

$$(1 - 21/64) = 43/64$$

На основании этой закономерности предскажем расщепление в I_6 ; оно будет:

$$94/128 \text{ изохромос[омных]} : 34/128 \text{ дихахром[осомных]}^{4*}.$$

Рассчитаем для I_6 типы семей с их вероятностями:

$$1. \left\{ \frac{A_1}{A_1} \right\} = \frac{2099}{4096}$$

* "Диха" написано поверх "гетеро".

** Слово дописано сверху.

^{3*} Перед этим словом зачеркнуто слово "показателя".

^{4*} "Диха" написано поверх "гетеро".

$$\begin{aligned}
2. \quad & \left\{ \frac{A_1}{A_2} \right\} = \frac{3281}{131072} \\
3. \quad & \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} \right\} = \frac{269}{1024} \\
4. \quad & \left\{ \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{2} \frac{A_1}{A_3} \right\} = \frac{399}{65536} \\
5. \quad & \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{2}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_2} \right\} = \frac{22127}{131072} \\
6. \quad & \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_1} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} \right\} = \frac{1617}{65536} \\
7. \quad & \left\{ \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_2} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_3}{A_4} \right\} = \frac{1}{4096}
\end{aligned}$$

Итак, общая вероятность изохромосомных особей в $I_6(F_7)$ будет:

$$P_{I_6} = \frac{2099}{4036} + \frac{269}{1024 \times 2} + \frac{22127}{131072 \times 2} + \frac{1617}{65536 \times 4} = \frac{94}{128},$$

т.е. расщепление в I_6 наступает в отношении 94/128 изохромосом[ных] : 34/128 дихахромосомных* особей, что и было предсказано на основании выведенной закономерности.

Рассчитаем отношение изохромосомных особей к гетерохромосомным для 12 поколений инбридинга:

общ[их] хром[осом]:	1	0
$I_0(F_1)$	0	2/2
$I_1(F_2)$	1/4	3/4
$I_2(F_3)$	3/8	5/8
$I_3(F_4)$	8/16	8/16
$I_4(F_5)$	19/32	13/32
$I_5(F_6)$	43/64	21/64
$I_6(F_7)$	94/128	34/128
$I_7(F_8)$	201/256	55/256
$I_8(F_9)$	423/512	89/512
$I_9(F_{10})$	880/1024	144/1024
$I_{10}(F_{11})$	1815/2048	233/2048
$I_{11}(F_{12})$	3719/4096	377/4096
$I_{12}(F_{13})$	7582/8192	610/8192

* “Диха” написано поверх “гетеро”.

Тетрадь 2

6. Пусть имеются ♂ и ♀ с одной парой хромосом каждый:

♂ $\frac{A_1}{A_2} \times$ ♀ $\frac{A_3}{A_4}$. Равновозможны 4 комбинации потомков F_1 :

$$\frac{1}{4} \frac{A_1}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_1}{A_4} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_3} + \frac{1}{4} \frac{A_2}{A_4} (F_1)$$

Если одна из хромосом (напр[имер] A_1) имела леталь, то половина потомков эту леталь получит, другая [половина потомков] – нет.

7. Пусть имеются ♂ и ♀ с 2 парами хромосом:

♂ $\frac{A_1}{A_2} \frac{B_1}{B_2} \times$ ♀ $\frac{A_3}{A_4} \frac{B_3}{B_4}$; каждая из пар хромосом может дать *независимо* 4 ком-

бинации, а всего получается $4 \times 4 = 16$ равновозможных комбинаций в F_1^* . При трех парах хромосом – $16 \times 4 = 64$ равновозможных комбинаций в F_1 и т.д.

Вообще, число равновозможных комбинаций при n парах хромосом равно 4^n (в F_1).

7а. При 2-х парах хромосом 16 комбинаций в F_1^* будут следующие:

$$\begin{array}{l} \frac{A_1}{A_2} \frac{B_1}{B_2} \times \frac{A_3}{A_4} \frac{B_3}{B_4} \rightarrow \begin{array}{llll} 1. \frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_3}; & 2. \frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_4}; & 3. \frac{A_1}{A_3} \frac{B_2}{B_3}; & 4. \frac{A_1}{A_3} \frac{B_2}{B_4}; \\ 5. \frac{A_1}{A_4} \frac{B_1}{B_3}; & 6. \frac{A_1}{A_4} \frac{B_1}{B_4}; & 7. \frac{A_1}{A_4} \frac{B_2}{B_3}; & 8. \frac{A_1}{A_4} \frac{B_2}{B_4}; \\ 9. \frac{A_2}{A_3} \frac{B_1}{B_3}; & 10. \frac{A_2}{A_3} \frac{B_1}{B_4}; & 11. \frac{A_2}{A_3} \frac{B_2}{B_3}; & 12. \frac{A_2}{A_3} \frac{B_2}{B_4}; \\ 13. \frac{A_2}{A_4} \frac{B_1}{B_3}; & 14. \frac{A_2}{A_4} \frac{B_1}{B_4}; & 15. \frac{A_2}{A_4} \frac{B_2}{B_3}; & 16. \frac{A_2}{A_4} \frac{B_2}{B_4}. \end{array} \quad F_1 \end{array}$$

При дальнейшем скрещивании внутри семьи (брата $\times$ сестру), т.е. при I^1 , если взять самцом 1 особь $\frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_3}^*$, вероятность того, что не встретятся ни одна

тождественная хромосома, т.е.

[Таблица А]

число тождественных хромосом

1) 1 и 16	= 0	будет 1/16
2) 1 и 8, 1 и 12, 1 и 15, 1 и 14	= 1	будет 4/16
3) 1 и 4, 1 и 6, 1 и 7, 1 и 10, 1 и 11, 1 и 13	= 2	будет 6/16
4) 1 и 2, 1 и 3, 1 и 9, 1 и 5	= 3	будет 4/16
5) 1 и 1	= 4	будет 1/16

Такие же вероятности будут для *любого** другого самца

число тождественных хромосом	0	1	2	3	4
число равновозможных комбинаций	1	4	6	4	1

* Выделенное курсивом дописано сверху.

Вообще, относительная вероятность того, что две случайные родительские особи из поколения F_1^* при общей численности хромосом $= 2n$ окажутся сходными (или различными) по m хромосом, будут соответствовать коэффициентам разложенного бинома Ньютона $(1 + 1)^{2n}$, т.е. C_{2n}^m .

8. Какое же при этом будет получаться потомство I_1 ?

Общий суммарный результат для всего потомства I_1 в целом легко получить на основании расщепления потомства по одной паре хромосом (стр. 2), [стр. 187 настоящего тома] пользуясь теоремой умножения вероятностей для двух независимых событий.

При одной *паре** хромосом

Вероятность *дихахромос[омной] особи** 0* тожд[ественных] хром[осом] $= \frac{3}{4}$

[При одной паре хромосом

вероятность] *изохромосомн[ой] особи* 1* тожд[ественная] хром[осома] $= \frac{1}{4}$

При двух парах хромосом (I_1):

Число тожд[ественных] пар хромосом у <i>одной особи*</i>	0	1	2
Вероятности:	$\frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ $\frac{9}{16}$	$2 \left(\frac{1}{4} \times \frac{3}{4} \right)$ $\frac{6}{16}$	$\frac{1}{4} \times \frac{1}{4}$ $\frac{1}{16}$

При трех парах хромосом:

Число тожд[ественных] пар хромосом	0	1	2	3
	$\frac{27}{64}$	$\frac{6}{16} \times \frac{3}{4} + \frac{1}{4} \times \frac{9}{16}$ $\frac{27}{64}$	$\frac{6}{16} \times \frac{1}{4} + \frac{1}{16} \times \frac{3}{4}$ $\frac{9}{64}$	$\frac{1}{16} \times \frac{1}{4}$ $\frac{1}{64}$

Очевидно, расщепление потомства идет по закону разложения Бинома Ньютона $(\frac{3}{4} + \frac{1}{4})^n$, где n = числу пар хромосом^{3*}.

Вообще вероятность *какого-либо потомства в I_1 будет** $= C_n^i \cdot 3^{n-i} \left(\frac{1}{4} \right)^i$, где i число тождеств[енных] хромосом.

9. Но предыдущий анализ можно вести и более подробно, по каждому из пяти вышеуказанных (стр. 14) [стр. 199 настоящего тома]^{4*} типов скрещиваний.

Тип 1. Число тождеств[енных] хромосом $= 0$ ($P_0 = 1/16$).

Это скрещивание в точности повторяет скрещивание F_1 , и следов[ательно], все потомство будет гетерохромосомным по всем 4-м хромосомам (стр. 13) [стр. 197 настоящего тома].

Итак: скрещивание тип 1 (число тожд[ественных] хромосом $= 0$ ($P_0 = 1/16$).

Потомство: число пар тожд[ественных] хромосом:	0	1	2
Общая вероятность	$\frac{1}{16} \times \frac{1}{16}$ $\frac{16}{256}$	$\frac{1}{16} \times 0$ 0	$\frac{1}{16} \times 0$ 0

Тип 2. Число тожд[ественных] хромосом $= 1$ ($P_1 = 4/16$).

Совершенно безразлично, которая из хромосом будет тождественна; поэтому мы имеем лишь один тип скрещивания, напр. $\frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_3} \times \frac{A_1}{A_4} \frac{B_2}{B_4}$, которое дает

* Выделенное курсивом дописано сверху.

** Выделенное курсивом дописано сверху, а “диха” написано вместо “гетеро”.

3* Часть текста с расчетами зачеркнута.

4* См. стр. 1 части 2.

особей, изохромосомных по хромосоме $A_1(1/4)$ и дихахромосомных* по всем 4-м хромосомам (3/4).

Итак: скрещивание тип 2 (число тожд[ественных] хромосом = 1 $P_1 = 4/16$).

Потомство: число пар тожд[ественных] хромосом	0	1	2
Общая вероятность	$\frac{4/16 \times 12/16}{48/256}$	$\frac{4/16 \times 4/16}{16/256}$	$\frac{4/16 \times 0}{0}$

Тип 3 (число тожд[ественных] хромосом = 2, $P_2 = 6/16$).

При этом возможны два случая:

а) обе одинаковые хромосомы принадлежат к одной и той же паре хромосом, напр[имер] скрещивание $\frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_3} \times \frac{A_1}{A_3} \frac{B_2}{B_4}$; к этой группе скрещивания принадлежат 1 и 4; 1 и 13 (2/16).

б) обе тождественные хромосомы принадлежат разным парам хромосом, напр[имер], скрещ[ивание] $\frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_3} \times \frac{A_1}{A_4} \frac{B_1}{B_4}$; к этой группе скрещиваний принадлежат: 1 и 6; 1 и 7; 1 и 10; 1 и 11 (4/16).

Группа а) дает комбинации

$$\frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_2}, \frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_4}, \frac{A_1}{A_1} \frac{B_2}{B_3}, \frac{A_1}{A_1} \frac{B_2}{B_4}$$

$$2 \left(\frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_2} \dots \dots \dots \right)$$

$$\frac{A_3}{A_3} \frac{B_1}{B_2}, \frac{A_3}{A_3} \frac{B_1}{B_4}, \frac{A_3}{A_3} \frac{B_2}{B_3}, \frac{A_3}{A_3} \frac{B_2}{B_4}; \text{ т.е. дает } 8/16 \text{ с } 1 \text{ парой** тождественных хро-}$$

мосом и 8/16 с 0 тождеств[енных] хромос[ом].

Итак: скрещив[ание] группы а), число тожд[ественных] хромосом 2 ($P_{2a} = 2/16$)

Потомство – число пар тождеств[енных] хромосом	0	1	2
Общая вероятность	$\frac{2/16 \times 8/16}{16/256}$	$\frac{2/16 \times 8/16}{16/256}$	$\frac{2/16 \times 0}{0}$

Группа б) дает комбинации

$$\frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_1}, \frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_4}, \frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_3}, \frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_4}$$

$$\frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_1}, \frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_4}, \frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_3}, \frac{A_1}{A_3} \frac{B_1}{B_4}$$

$$\frac{A_1}{A_4} \frac{B_1}{B_1} \dots \dots \dots$$

$$\frac{A_3}{A_4} \frac{B_1}{B_1} \dots \dots \dots \frac{A_3}{A_4} \frac{B_3}{B_4}$$

* “Диха” дописано поверх “гетеро”.

** Слово, набранное курсивом, вставлено сверху.

т.е. дает 1/16 с 2 парами тождественных хромосом, 6/16 с 1 парой тождественных хромосом и 9/16 с 0 тождественных хромосом.

Итак, скрещивание группы б), число тождественных хромосом 2 ($P_{2b} = 4/16$).

Потомство: число пар тождественных хромосом	0	1	2
Общая вероятность	$\frac{4/16 \times 9/16}{36/256}$	$\frac{4/16 \times 6/16}{24/256}$	$\frac{4/16 \times 1/16}{4/256}$

Тип 4 – число тождественных хромосом = 3 ($P_3 = 4/16$).

Если оба родителя разнятся только по одной хромосоме, то совершенно безразлично, которая это будет хромосома, поэтому мы имеем лишь один тип комбинаций, напр[имер] $\frac{A_1 B_1}{A_3 B_3} \times \frac{A_1 B_1}{A_3 B_4}$, который дает в потомстве расщепление:

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{A_1 B_1}{A_1 B_1}, \frac{A_1 B_1}{A_1 B_3}, \frac{A_1 B_1}{A_1 B_4}, \frac{A_1 B_3}{A_1 B_4} \\ 2 \left(\frac{A_1 B_1}{A_3 B_1}, \frac{A_1 B_1}{A_3 B_3}, \dots \dots \dots \right) \\ \frac{A_3 B_1}{A_3 B_1}, \frac{A_3 B_1}{A_3 B_3}, \frac{A_3 B_1}{A_3 B_4}, \frac{A_3 B_3}{A_3 B_4} \end{array} \right\}$$

т.е. дает 2/16 с 2 парами тождественных хромосом
8/16 с 1 – ” – и
6/16 с 0 – ” –

Итак, скрещивание типа 4 – число тождественных хром[осом] = 3, $P_3 = 4/16$.

Потомство: число пар тождественных хромосом	0	1	2
Общая вероятность	$\frac{4/16 \times 6/16}{24/256}$	$\frac{4/16 \times 8/16}{32/256}$	$\frac{4/16 \times 2/16}{8/256}$

Тип 5 – число тождественных хромосом = 4 ($P_4 = 1/16$)

Скрещивание типа $\frac{A_1 B_1}{A_3 B_3} \times \frac{A_1 B_1}{A_3 B_3}$; дает комбинации

$$\begin{array}{l} \frac{A_1 B_1}{A_1 B_1} \quad \frac{A_1 B_1}{A_1 B_3} \quad \frac{A_1 B_1}{A_1 B_3} \quad \frac{A_1 B_3}{A_1 B_3} \\ 2 \left\{ \frac{A_1 B_1}{A_3 B_1} \quad \frac{A_1 B_1}{A_3 B_3} \quad \frac{A_1 B_1}{A_3 B_3} \quad \frac{A_1 B_3}{A_3 B_3} \right\} \\ \frac{A_3 B_1}{A_3 B_1} \quad \frac{A_3 B_1}{A_3 B_3} \quad \frac{A_3 B_1}{A_3 B_3} \quad \frac{A_3 B_3}{A_3 B_3} \end{array} \quad \text{т.е. дает расщепление}$$

4/16 с 2 парами тождественных хромосом
8/16 с 1 – ” –
4/16 с 0 – ” –

Итак, скрещивание типа 5 – число тожд[ественных] хромосом = 4; $P_4 = 1/16$.

Потомство: число пар тожд[ественных] хромосом	0	1	2
Общая вероятность	$\frac{1/16 \times 4/16}{4/256}$	$\frac{1/16 \times 8/16}{8/256}$	$\frac{1/16 \times 4/16}{4/256}$

Суммируем все вероятности по всем типам скрещиваний

Потомство: число пар тожд[ественных] хромосом		0	1	2
Общая вероятность:	тип 1	16/256	0	0
	тип 2	48/256	16/256	0
	тип 3a	16/256	16/256	0
	тип 3b	36/256	24/256	4/256
	тип 4	24/256	32/256	8/256
	тип 5	4/256	8/256	4/256
Суммарная вероятность		$\frac{144}{256}$ $\frac{9}{16} +$	$\frac{96}{256}$ $\frac{6}{16} +$	$\frac{16}{256}$ $\frac{1}{16}$

Таким образом, мы получили те же общие вероятности, как и ранее (см. стр. 15)*.

10. Если оба родителя содержат по 1 тождественной хромосоме (A_1), то вероятность образования гамет с этой хромосомой для каждого родителя будет $1/2(A_1)$, а вероятность образования зиготы $\frac{A_1}{A_1}$ будет равна $1/2 \times 1/2 = 1/4$.

Если оба родителя содержат по две тождественных хромосомы (A_1 и B_1), то вероятность образования гамет с обеими хромосомами (A_1B_1) будет равна $1/4 (A_1B_1)$, вероятность образования гамет только с хромосомой A_1 (без B_1) будет $1/2 - 1/4 = 1/4$, то же для хромосомы B_1 (без A_1) – $1/4$ и вероятность гамет без хромосом A_1 и B_1 будет тоже $1/4$.

Вероятность образования зигот с обеими тождественными *парами*** хромосом $\frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{B_1}$ будет $1/4 \times 1/4 = 1/16$;

Вероятность зигот с 1 парой тождественных хромосом (A_1 или B_1) будет

$$\frac{2}{16} \left(\frac{A_1}{A_1} \frac{B_1}{-} \right) + \frac{2}{16} \left(\frac{A_1}{-} \frac{B_1}{B_1} \right) + \frac{1}{16} \left(\frac{A_1}{A_1} - \right) + \frac{1}{16} \left(- \frac{B_1}{B_1} \right) = \frac{5}{16}$$

Вероятность зигот без пар тождественных хромосом будет

$$\frac{2}{16} \left(\frac{A_1}{-} \frac{B_1}{-} \right) + \frac{2}{16} \left(\frac{A_1}{-} - \right) + \frac{1}{16} \left(- \frac{B_1}{-} \right) + \frac{1}{16} \left(- - \right) + \frac{2}{16} \left(\frac{A_1}{-} - \frac{B_1}{B_1} \right) = \frac{9}{16}$$

Очевидно, вероятности будут распределяться по тому же закону, который указан на стр. 15^{3*} (это тот же вопрос, как в исслед[овании] 8 и 9 ^{4*}, но другое решение).

* См. пункт 8.

** Слова в предложении, выделенные курсивом, дописаны сверху.

^{3*} См. пункт 8.

^{4*} “9” дописано сверху.

11. Подведем **итоги** всему написанному:

а) Если скрещиваются две особи с 4-мя различными гомологичными хромосомами $\frac{A_1}{A_2} \times \frac{A_3}{A_4}$, то в результате длительного инбридинга вероятность получения

изохромосомной особи непрерывно растет, а вероятность получения гетерохромосомной особи непрерывно падает: $I_1 = 1/4 : 3/4$; $I_{11} = 10/11 : 1/11$ (прибл.) (иссл[едование] 5).

б) Если скрещиваются две особи с n *сортами** хромосом каждая, причем все $2n$ хромосом различны, то, вообще, число равновозможных комбинаций в F_1^* будет равно $4n$ (иссл[едование] 6).

с) При инбридинге $I_1(F_2)$ относительная вероятность того, что 2 случайно скрещенные особи из поколения F_1 , при $2n$ хромосомах каждая, окажутся сходными (или различными) по t хромосомам, будет $= C_{2n}^m$ (иссл[едование] 7).

д) При инбридинге $I_1(F_2)$ расщепление потомства идет по закону Менделевского расщепления, причем все одноименные группы (напр[имер], с 1 тождественной парой хромосом) объединяются в одну (иссл[едование] 8 или иссл[едование] 10).

12. Следует различать *систематический инбридинг*, когда он ведется с целью получить потомство по возможности изогенное (изохромосомное), от *факультативного** инбридинга*, когда скрещиваются две особи, среди предков которых имеются один, два или несколько общих предков.

13. Степень *систематического* и *факультативного*** инбридинга можно характеризовать числом, выражающим вероятность того, что особь, имеющая родителей с общим предком, не получит от них ни одной тождественной хромосомы. Это будет “коэффициент безопасности” инбридинга (стр. 3) [стр. 187 настоящего тома].

14. Пусть мы имеем особь с n парами хромосом $\frac{A}{a} \frac{B}{b} \frac{C}{c} \frac{D}{d}$ и т.д. От нее мы

имеем 2-х потомков-родоначальников двух рядов, которые через m поколений снова скрещиваются в *факультативном** инбридинге*. Какова вероятность, что потомок от этого скрещивания не получит ни одной тождественной хромосомы?

15. Если бы исходная особь (X) имела только одну пару хромосом $\frac{A_x}{a_x}$, то

она образовала бы гаметы $1/2A_x$ и $1/2a_x$; при скрещивании с другими особями получались бы потомки (F_1) строения $\frac{1}{2} \frac{A_x}{A_2}$ и $\frac{1}{2} \frac{a_x}{a_2}$; вероятность того, что обе

особи – родоначальники рядов (Y_1' и Y_1'') окажутся или обе строения $\frac{A_x}{A_i}$, $\frac{A_x}{A_j}$

или $\frac{a_x}{A_k}$, $\frac{a_x}{A_l}$, т.е. с *тождественными хромосомами** $P_1 = 1/2$ и вероят-

ность того, что обе особи – родоначальницы не получают тождественных хромо-

сом $\left(\frac{A_x}{A_i} \text{ и } \frac{a_x}{A_p} \text{ и т.п.} \right) P_0 = 1/2$; следовательно $P_0 = 1/2$ и $P_1 = 1/2 P \frac{0}{1/2 + 1/2}$.

* Выделенное курсивом дописано сверху.

** Первоначально было написано “случайного”, затем оно зачеркнуто.

Если бы особь (x) имела две пары хромосом $\frac{A}{a}$ и $\frac{B}{b}$, то образовывалось бы

4 рода гамет $1/4AB$, $1/4Ab$, $1/4aB$ и $1/4ab$ и вероятности получить две особи Y'_1 и Y''_1 , не имеющих общих хромосом, $P_0 = \frac{4}{16}^* = \frac{1}{4} = (1/2)^2$, имеющих по одной (какой-либо) общей хромосоме (A , a , B или b), и $P_1 = 8/16 = 2/4$ и вероятность по 2 общие хромосомы $P_2 = (1/2)^2$

$$P \frac{0}{(1/2)^2} + \frac{1}{2/4} + \frac{2}{(1/2)^2}$$

При трех парах хромосом у особи (X) мы бы имели соответственные вероятности

$$P_0 = (1/2)^3, \quad P_1 = \frac{3}{8}, \quad P_2 = \frac{3}{8} \quad \text{и} \quad P_3 = (1/2)^3.$$

При четырех парах хромосом у особи (X) мы бы имели соответственные вероятности

$$P_0 = (1/2)^4, \quad P_1 = \frac{4}{16}, \quad P_2 = \frac{6}{16}, \quad P_3 = \frac{4}{16}, \quad P_4 = (1/2)^4 \text{ и т.д.}$$

Резюмируя найденную закономерность, мы можем представить ее в следующем виде:

Вероятности $P_0, P_1, P_2, P_3, \dots, P_n$, того, что два потомка одной особи X с n парами хромосом в первом поколении будут иметь 0, 1, 2, 3, ... n тождественных хромосом: [Таблица Б]

Число тождественных хромосом у особей (Y'_1 и Y''_1)	0	1	2	3	4	5	6
У особи X пар хромосом (в первом поколении)							
1	1/2	1/2					
2	$(1/2)^2$	2/4	$(1/2)^2$				
3	$(1/2)^3$	3/8	3/8	$(1/2)^3$			
4	$(1/2)^4$	4/16	6/16	4/16	$(1/2)^4$		
5	$(1/2)^5$	5/32	13/32	10/32	5/32	$(1/2)^5$	
6	$(1/2)^6$	6/64	15/64	20/64	15/64	6/64	$(1/2)^6$
.....	...	...	...	...	...	...	...
n	$\frac{(1+1)^n}{2^n}$						и т.д.

16. Какова же будет вероятность того, что в следующем *аутбридном*** поколении (F_2) обе особи, стоящие в ряду предков инбридированной особи (Y'_2 и Y''_2) не будут иметь тождественных хромосом?

Пользуясь предыдущим анализом, это не трудно сообразить. Если исходная особь (X) имела всего 1 пару хромосом, то мы видели, что особи (Y'_1 и Y''_1) в половине случаев не будут иметь тождественных хромосом $P_0 = 1/2$, в другой половине случаев будут иметь по 1 общей (тождественной) хромосоме, т.е. строе-

* Дробь $4/16$ вставлена сверху.

** Слово, выделенное курсивом, вставлено сверху.

ния $Y'_1 = \frac{A_x}{A_1} \times \frac{A_x}{A_j}$ и $Y''_1 = \frac{A_x}{A_r} \times \frac{A_x}{A_t}$ * $P_1 = 1/2$. Очевидно, что в первом случае ($P_0 = 1/2$) и все последующие поколения не будут иметь общих хромосом, во втором же случае ($P_1 = 1/2$) вероятность, что оба потомка F_2 (Y'_2 и Y''_2)** получат тождественную хромосому, будет равна $1/2 \times 1/2 = 1/4$, а $3/4$ будет вероятность, что оба потомка (и все последующие) общих хромосом иметь не будут.

Итак, при одной хромосоме мы имеем P : [Таблица В]

	0	1	0	1
F_1	1/2	1/2	1/2	$(1/2)^1$
F_2	$1/2 + 1/2 \times 3/4$			
	7/8	1/8	7/8	$(1/2)^3$
F_3	$7/8 + 1/8 \times 3/4$			
	31/32	1/32	31/32	$(1/2)^5$
...	...	...	...	...
Y_m			$1 - (1/2)^{2m-1}$	$(1/2)^{2m-1}$

При 2-х хромосомах вероятность того, что обе особи Y_1 не будут^{3*} иметь тождественных хромосом $P_0 = (1/2)^2$; соответственно $P_1 = 1/2$ и $P_2 = (1/2)^2$ (см. стр. 26)*. При первом случае все дальнейшие поколения не будут иметь тождественных хромосом, во втором случае вероятности пойдут по схеме с 1 хромосомой, в третьем – с 2-мя тождественными хромосомами.

[Как же сложатся вероятности в поколении F_2 , в случае, если в поколении F_1 две особи Y'_1 и Y''_1 имеют по одной тождественной хромосоме: $Y'_1 = A/A_1$; $Y''_1 = A/A_2$?

Вероятность потомков от Y'_1 с хромосомой $A = 1/2$.

Вероятность потомков от Y''_1 с хромосомой $A = 1/2$.

Вероятность того, что и от Y'_1 и от Y''_1 сохранятся по потомку с хромосомой A_1 (т.е. с тождественной хромосомой) $P_1 = 1/4$, противоположная вероятность $P_0 = 3/4$.

Итак, в поколении F_2 вероятность отсутствия тождественных хромосом, при наличии одной тождественной хромосомы в поколении $Y_1 - P_0 = 3/4$ (см. стр. 27)^{5*}].

Как же сложатся вероятности в поколении F_2 в случае, если в поколении F_1 две особи Y'_1 и Y''_1 имеют по две тождественные хромосомы $Y'_1 = A/A_1B/B_1$ и $Y''_1 = A/A_2B/B_2$?

* Со слова “строение” до сноски написано сверху.

** $Y'_1 = \frac{A_x}{A_1}$; $Y''_1 = \frac{A_x}{A_2}$ $F_1(p_1 = 1/2)$; (примеч. автора)

$$F_2 = \frac{A_x}{A_1} \times \frac{A_3}{A_4} \rightarrow \frac{1}{2} \frac{A_x}{A} + \frac{A}{A} \quad p_{A_x} = \frac{1}{2}$$

$$\frac{A_x}{A_2} \times \frac{A_5}{A_6} \rightarrow \frac{1}{2} \frac{A_x}{A} + \frac{A}{A} \quad p_{A_x} = \frac{1}{2}$$

^{3*} Текст, выделенный курсивом, вставлен сверху.

^{4*} См. Таблицу Б.

^{5*} См. Таблицу В.

Особь Y_1' образует четыре различных гаметы с вероятностью $1/4$ каждая: $1/4AB + 1/4AB_1 + 1/4A_1B + 1/4A_1B_1$; то же особь $Y_1''' - 1/4AB + 1/4AB_2 + 1/4A_2B + 1/4A_2B_2$.

Вероятность того, что в поколении F_2 обе особи не будут иметь тождественных хромосом (AB и A_2B_2 ; AB_1 и A_2B ; A_1B и A_2B_2 ; AB_1 и A_2B_2 ; A_1B и AB_2 ; A_1B_1 и AB ; A_1B_1 и AB_2 ; A_1B_1 и A_2B ; A_1B_1 и A_2B_2) $P_0 = 9/16$;

вероятность того, что в поколении F_2 обе особи будут иметь по одной тождественной хромосоме (AB_1 и AB ; AB_1 и AB_2 ; AB и AB_2 ; AB и A_2B ; A_1B и AB ; A_1B и A_2B) $P_1 = 6/16$;

наконец, вероятность того, что в поколении F_2 обе особи будут иметь по 2 тождественные хромосомы (AB и AB) $P_2 = 1/16$.

В табличной форме можем полученные результаты выразить в следующем виде:

При 2-х хромосомах

$P \rightarrow$	0	1	2	хромосомы	0	1	2
F_1	1/4	1/2	1/4	=	1/4	1/2	1/4
F_2	1/4 +1/2 · 3/4 +1/4 · 9/16	1/2 · 1/4 +1/4 · 6/16	1/4 · 1/16	=	49/64	14/64	1/64
F_3	49/64 +14/64 · 3/4 +1/64 · 9/16	14/64 · 1/4 +1/64 · 6/16	1/64 · 1/16	=	(7/8) ²		
					961/1024	62/1024	1/1024 и т.д.
					(31/32) ²		

Сопоставляя эту таблицу с таблицей для одной общей хромосомы на стр. 27*, можем составить сводную таблицу**

Особь X		1 пара хромосом			2 пары хромосом					
Общих хромосом		0		1	0		1	2		
Поколение	F ₁	1/2	(1/2) ¹		(1/2) ²	1/2	(1/2) ²			
"	F ₂	7/8	(1/2) ³		(7/8) ²	14/64	[(1/2) ³] ²			
"	F ₃	31/32	(1/2) ⁵		(31/32) ²	62/1024	[(1/2) ⁵] ²			
"	F _m	1 - (1/2) ^{2m-1}	(1/2) ^{2m-1}		[1 - (1/2) ^{2m-1}] ²	...	[(1/2) ^{2m-1}] ²			
Особь X		3 пары хромосом				n пар хромосом				
Общих хромосом		0	1	2	3	0	1	2	3	n
Поколение	F ₁	(1/2) ³	3/8	3/8	(1/2) ³	(1/2) ⁿ	C _m ⁿ ... (1/2) ⁿ			
"	F ₂	(7/8) ³	147/8 ³	21/8 ³	[(1/2) ³] ³	(7/8) ⁿ	[(1/2) ³] ⁿ			
"	F ₃	(31/32) ³	...	...	[(1/2) ⁵] ³	(31/32) ⁿ	[(1/2) ⁵] ⁿ			
"	F ₄	[1 - (1/2) ^{2m-1}] ³	...	...	[(1/2) ^{2m-1}] ³	[1 - (1/2) ^{2m-1}] ⁿ	[(1/2) ^{2m-1}] ⁿ			
$\left(\frac{2^{2m-1}-1}{2^{2m-1}}\right)^n :$										

* См. Таблицу В.
 ** Текст в таблице, выделенный курсивом, вписан сверху.

Весь ряд вероятностей получается от разложения $\left[\frac{(2^{2m-1} - 1) + 1}{2^{2m-1}} \right]^n$.

Продолжая далее начатый анализ в случае наличия у особи X трех, четырех и т.д. до n пар хромосом, мы видели выше (стр. 25 и 26)*, что в поколении Y_1 вероятность наличия у двух особей этого поколения (Y'_1 и Y''_1) 0, 1, 2, 3 и т.д. до n тождественных хромосом идет по закону коэффициентов разложения бинома $((1 + 1)/2)^n$. В следующих поколениях $Y_2, Y_3, \dots, Y_n$ расщепление вероятностей наличия 0, 1, 2 и т.д. тождественных хромосом у потомков Y'_1 и Y''_1 пойдет по закону разложения бинома Ньютона

$$[1 - (1/2)^{2m-1} + (1/2)^{2m-1}]^n **.$$

В результате мы получаем вышестоящую таблицу, из которой самым важным и интересным является то, что *вероятность появления вполне гетерохромосомной пары особей* ^{3*} *при m парах хромосом у исходной X -особи через 1 поколение (Y_1) будет равна $(1/2)^n$, в поколении Y_2 $P_0 = (7/8)^n$, в Y_3 $P_0 = (31/32)^n$, в Y_4 $P_0 = (127/128)^n$ и т.д.; наконец, в общем виде в поколении Y_m $P_0 = [1 - (1/2)^{2m-1}]^n = [(2^{2m-1} - 1)/2^{2m-1}]^n$ (**Коэффициент безопасности инбридинга**) ^{4*}.*

Это будет мерой безопасности инбридинга (см. иссл. 23).

17. На стр. 125* дана таблица вероятностей получения изохромосомной или гетерохромосомной особи при систематическом инбридинге в течение 12 поколений в случае, если хромосомный набор состоит всего из одной пары хромосом. Пользуясь теоремой умножения вероятностей и фактом независимого распределения аллеломорфных хромосом при гаметогенезе, легко вывести соответствующие *вероятности для любого числа (n) пар различных хромосом и для любого поколения систематического инбридинга I_m* .

Пусть у исходных родителей мы имеем 2 пары нетождественных хромосом $A_1B_1/A_2B_2 \times A_3B_3/A_4B_4$. В F_1 все особи будут гетерохромосомными, т.е. $P_0 = 1$, $P_1 = 0$ и $P_2 = 0$ ^{6*} (см. иссл. 7 стр. 13)^{7*}. При инбридинге $I(F_1)$ число тождественных хромосом у *скрещиваемых особей*^{8*} будет колебаться от 0 до 4-х^{9*}, а появление особей поколения $I_1(F_2)$ с 0, 1 и 2 парами тождественных хромосом определится как совместное сочетание двух независимых событий для первой и для второй пары хромосом (см. иссл. 8 стр. 15)^{10*}. Этот принцип мы можем распространить и на следующие поколения I_2 и I_3 и т.д. и на большее число пар хромосом (3, 4, 5 и т.д. до n). Тогда мы получим следующую сводную таблицу вероятностей [см. стр. 207].

Вероятность любого числа *пар* (i)^{6*} тождественных хромосом при n *парах* хромосом^{11*} можно выразить формулой $C_n^i p^{n-i} q^i$, где p и q суть соотв[етственно] вероятности первого столбца (для одной *пары*^{6*} хромосом).

* См. стр. 204.

** Далее часть текста зачеркнута.

3* Текст со слова "появления" вписан сверху.

4* Текст, выделенный жирным шрифтом, написан на полях.

5* См. стр. 196.

6* Выделенное курсивом вписано сверху.

7* См. стр. 197.

8* Написано сверху.

9* Написано вместо "2-х".

10* См. стр. 198.

11* Далее следует зачеркнутое "Обозначая через i число тождественных пар хромосом".

	1 пара хром[осом]		2 пары хромос[ом]		
	p 0	q 1	0	1	2
$I_0(F_1)$	1	0	1	0	0
$I_1(F_2)$	3/4	1/4	$(3/4)^2$	6/16	$(1/4)^2$
$I_2(F_3)$	5/8	3/8	$(5/8)^2$	30/64	$(3/8)^2$
$I_3(F_4)$	8/16	8/16	$(8/16)^2$	128/256	$(8/16)^2$
$I_4(F_5)$	13/32	19/32	$(13/32)^2$	...	$(19/32)^2$
$I_5(F_6)$	21/64	43/64	$(21/64)^2$	...	$(43/64)^2$
$I_6(F_7)$	34/128	94/128			
$I_7(F_8)$	55/256	201/256			
$I_8(F_9)$	89/512	432/512			
$I_9(F_{10})$	144/1024	880/1024			
$I_{10}(F_{11})$	233/2048	1815/2048			
$I_{11}(F_{12})$	377/4096	3719/4096			
$I_{12}(F_{13})$	610/8192	7582/8192			

	3 пары хромосом...				n пар хромосом			
	0	1	2	3	0	1	2	... n
$I_0(F_1)$	1	0	0	0	1	0	0	0
$I_1(F_2)$	$(3/4)^3$	27/64	9/64	$(1/4)^3$	$(3/4)^n$			$(1/4)^n$
$I_2(F_3)$	$(5/8)^3$	$3 \cdot (5/8)^2 \cdot 3/8$	$3 \cdot (5/8) \cdot (3/8)^3$	$(3/8)^3$	$(5/8)^n$			$(3/8)^n$
$I_3(F_4)$	$(8/16)^3$			$(8/16)^3$	$(8/16)^n$	$C_n^i p^{n-i} q^i$		$(8/16)^n$
$I_4(F_5)$	$(13/32)^3$			$(19/32)^3$				
$I_5(F_6)$								
$I_6(F_7)$								
$I_7(F_8)$								
$I_8(F_9)$								
$I_9(F_{10})$								
$I_{10}(F_{11})$								
$I_{11}(F_{12})$								
$I_{12}(F_{13})$								

18. Общие расчеты интересно было бы проверить на эксперименте с дрозофилой, который можно поставить так [см. стр. 207 после табл. 1].

вывести линию, которая была бы гетерозиготна по 8 *рецессивным** генам, расположенным по одному по возможности в близких локусах (чтобы crossing-over не мешал) в каждой из 8-ми хромосом. Такая линия будет N^{**} по фенотипу, а переход в изохромосомное состояние той или иной хромосомы обнаружится в проявлении того или иного сигнального гена.

19. Выше мы рассмотрели коэффициент безопасности инбридинга в случае, если ряд потомков берет свое начало от *одного* общего предка X . Как же определится коэф[фициент] безоп[асности] в случае, если ряд потомков берет свое начало от *двух* общих предков (семьи) $X_1 \times X_2$?

В исследовании 5 (стр. 2)^{3*} мы уже видели, что при этом возможно в *поколении** $Y_1(F_1)$ четыре типа потомков, все, конечно, обладающие разными хромосомами, т.е. гетерохромосомными

* Выделенное курсивом дописано сверху.

** Нормальной (Normal).

^{3*} См. стр. 197.

$$A_1 / A_2 \times A_3 / A_4 \rightarrow F_1(1/4 A_1 / A_3 + 1/4 A_1 / A_4 + 1/4 A_2 / A_3 + 1/4 A_2 / A_4) \\ (X_1) \quad (X_2)$$

Итак, появление изохромосомных особей в $Y_1 = 0$; ($P_0 = 1$; $P_1 = 0$).

Если инбридинг произойдет уже в этом поколении, т.е. будет скрещивание брата с сестрой, то анализ этого скрещивания дан выше в исслед. 5 (см. стр. 2)*. В этом случае вероятность получения изохромосомной особи в $(I_1)^{**} P_1 = 1/4$, а получения гетерохромосомной особи $P_0 = 3/4$.

Как же будет обстоять дело, если инбридное скрещивание произойдет не между потомками Y_1 , а между потомками Y_2 , причем Y_2 получились от Y_1 путем аутбридинга (т.е. если мы имеем скрещивание между двоюродными братьями и сестрами), т.е. в поколении O_2 ?

При скрещивании вышеуказанных особей $Y_1(F_1)$ с какими-то посторонними особями A_x/A_x (символ A_x обозначает *различные* хромосомы A , не участвующие в дальнейшем инбридинге) мы получаем четыре группы потомков (Y_2).

$$\left. \begin{aligned} \frac{A_1}{A_3} \times \frac{A_x}{A_x} &\rightarrow \frac{1}{8} \frac{A_1}{A_x} + \frac{1}{8} \frac{A_3}{A_x} \\ \frac{A_1}{A_4} \times \frac{A_x}{A_x} &\rightarrow \frac{1}{8} \frac{A_1}{A_x} + \frac{1}{8} \frac{A_4}{A_x} \\ \frac{A_2}{A_3} \times \frac{A_x}{A_x} &\rightarrow \frac{1}{8} \frac{A_2}{A_x} + \frac{1}{8} \frac{A_3}{A_x} \\ \frac{A_2}{A_4} \times \frac{A_x}{A_x} &\rightarrow \frac{1}{8} \frac{A_2}{A_x} + \frac{1}{8} \frac{A_4}{A_x} \end{aligned} \right\} F_2 = O_1$$

Литература по инбридингу

1. East & Jones "Inbreeding and outbreeding" Philadelphia. 1919.
2. Jones "Genetics in plant and animal improvement" N-York. 1925.
3. Feaderley "Der Inzuchtproblem" Handbuch der Vererb-schaft B II. 1927.
4. Wright S. "Coefficients of inbreeding and relationship" Am. Nat. T. 58. 1922.
5. Wright S. "Mendelian analysis of the pure breeds of livestock. I The mesurement of Inbreeding and relationship." J. of Her[e]d. T. 14. 1923.
6. Wright S. "An approximate method of calculating coefficients of inbreeding and relationship from livestock pedigrees" J. of Agr. Research. T. 31 N 4. 1925.
7. Wright S. "Mendelian analysis of the pure breeds of livestock. II The Duchess family of shorthorns as bred by T. Bates" J. of Her[e]d. T. 14. N 9. 1923.
8. Wright S. "Idem, III The shorthorns" J. of Heredity T. 16, N 6. 1925.

* См. стр. 187.

** "в (I_1) " написано сверху.

ПЕРЕПИСКА

ПЕРЕПИСКА С РОДСТВЕННИКАМИ, УЧЕНИКАМИ, КОЛЛЕГАМИ

1.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

15 октября 1897 г.

Любезный Сережа!

Давно собирался писать тебе, да все дела мешали; за время поездки за границу их накопилось – хоть отбавляй, а тут подоспело еще земское собрание.

Как ты поживаешь? Напиши – как идут твои занятия по открытию настоящих курсов. Возвращаясь из за границы домой конечно не мог не думать о том, как складывается твоя судьба. Я опять повторяю, что не имею ни малейшего намерения толкать тебя на путь практической деятельности – раз ты не чувствуешь к тому призвания; да по правде сказать при таких условиях и не видел бы в этом большого толка. Я только полагаю, что в сфере умственного труда есть области несравненно более благодарные, чем та, к которой ты питаешь сейчас особое расположение и не скрою от тебя что то, что ты считаешь своим призванием – я не могу не считать продуктом совершенно случайных обстоятельств – знакомства, преподавателя, чтения и т.п. Посылаю тебе вырезку из сегодняшних “Русских Ведомостей”, касающуюся разрабатываемого сейчас в Петербурге вопроса о высшем техническом образовании. Я полагаю, что ежели бы ты пожелал себя готовить к занятию впоследствии кафедры по машиностроению – электротехники и т.п. – то все же путь к широкой практической деятельности не был бы перед тобою закрыт. Никто не знает, как может сложиться жизнь. Не могу сказать, что материальная обеспеченность должна быть единственным стимулом жизни, но полагаю, что известная материальная обеспеченность для счастья личного и счастья семьи – совершенно необходима. Так резко меняя свою профессию – ты, конечно, предпрещаешь и судьбу твоей будущей семьи. Своего разрешения готовиться в университет конечно не беру обратно – но считаю это очень трудно осуществимым, а главное не находящимся совершенно по своим результатам в соотношении с той массой труда и здоровья, которые пришлось бы затратить. Подумай обо всем этом хорошенько.

У нас дома все здоровы.

Коля очень старательно готовится к поступлению в школу.

Будь здоров.

Твой отец

С. Четвериков

На бланке товарищества Городищенской суконной фабрики Четверикова в Москве.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Лл. 5–6. Автограф.

*Москва**24 октября 1897 г.*

Любезный Сережа!

Твое письмо* я получил. Как ты мое так и я твое перечитал несколько раз, зная, что дело идет о судьбе человека, к тому же очень близкого и несомненно дорогого. Твое письмо вылилось у тебя несомненно очень сильным порывом и потому конечно искренно; в этом порыве ты не заметил, что оно приняло форму как бы протеста против исключительно матерьялистических веяний семьи, доходящих чуть не до предположений отрицания ею смысла и значения науки; и в этом ты глубоко не прав. Ежели я тебя всегда отсоветовал от карьеры естествоиспытателя – то совершенно не в силу отрицания науки вообще – и науки естествознания в частности – а потому, что я держался и держусь того мнения – что другие науки могут дать не меньшее нравственное удовлетворение мыслящему человеку, но вместе с тем и известное матерьяльное обеспечение, которому, как человек много больше твоего видевшего в свете – не могу не придавать большого значения. Ты говоришь, что и на учительское жалование в 100 р. можно жить, очень хорошо; а я тебе говорю, что это “нищета”, а ежели будет семья и выступят на сцену вопросы здоровья близких людей, вопросы воспитания детей – то это уже явится источником великих нравственных страданий. Тебя может быть поражало в моей жизни, что вопросы фабрики, торгового дела отодвигали как-бы на задний план другие интересы. Это несомненно, что жизнь моя сложилась односторонне, особенно в последнее время и я не отрицаю, что жизнь эта давала мало удовлетворения умственным запросам семьи. Но раз уж ты был со мною совершенно откровенен, то позволь и мне высказать тебе то, чего ты конечно до сих пор не знал. Когда твой дед, а мой отец, внезапно скончался на Городищенской фабрике – семья наша осталась нищими. Нечем было даже [мне] чем сполна заплатить долги. Мне было 21 год; я дал себе слово все силы свои употребить, чтобы восстановить дело и не дать пасть имени Четвериковых. С безграничным доверием пошли мне навстречу в этом стремлении – Степан Алексеевич Протопопов и Семен Владимирович Алексеев. Мне пришлось очень много работать – тем более, что нужно было воспитать брата Дмитрия Ивановича и выдать замуж сестру Катю. Городищенская фабрика стала на ряду первых фабрик России, но жертв матерьяльных она требовала гораздо больше, чем предполагалось. По сю пору только небольшая ее часть принадлежит лично мне; на остальную часть я имею лишь право тогда – когда рассчитаюсь с московскими банками за те займы, которые я должен был делать, ликвидируя дело после покойного отца. Из этого ты поймешь – что нет у меня нравственного права – думать о чем-либо ином – пока есть хоть копейка долга на моем праве владения Городищенской фабрикой. Умереть – не развязавши окончательно этого дела – и оставить своим детям в наследство эту работу – с этой мыслью я мириться никогда не мог. Условия работы делаются с каждым годом все тяжелее; естественно мне искать помощников и конечно прежде всего в своих детях. О том, что ты не имеешь охоты к практической деятельности, я видел давно; сознавал также, что такое сравнительно небольшое дело как Городищенское – технику с высшим образованием дает мало возможности прилагать свои знания – вот почему мне хотелось открыть тебе дорогу более широкую. Остается Ваня и Коля. Из Вани вырабатывается несомненно

* Это письмо не обнаружено.

очень дельный человек, но Ваня по недостаточности своего образования – едва ли может стать действительным Главварем дела, когда я закрою глаза. Повторяю опять, слишком беспощадны законы конкуренции. Вот почему так много надежд я связываю с Колею. Вот почему я просил тебя не сбивать Колю на свою дорогу; исполнение этого моего желания я считаю для тебя вопросом чести – по причинам, которые для тебя должны быть ясны и вышеписанным.

Что касается теперь лично тебя, то я прихожу к заключению, что твои занятия в техникуме в Митвейде являются пустою тратой времени; не вижу никакой надежды – чтобы [тот] год, на который я просил тебя отложить твое окончательное решение – мог бы перевоспитать тебя. Несомненно, что я дам тебе полную возможность окончить полный курс учения на том пути, который ты себе избираешь, точно также, пока я жив, и ежели ты сам не порвешь связей с семьею – я не допущу, чтобы действительная “нужда” коснулась тебя. Одно условие неизменное и безусловное, которое я ставлю: *только не Московский университет*. Причина очень проста и ясна: мама относится к твоему выбору карьеры гораздо более отрицательно, чем я; ежели есть какие-нибудь обязанности у человека, которым приличествует название “святые”, то именно для меня обязанность покоить маму – особенно после ее несчастья с глазами. Ежели твое пребывание в семье будет выражаться исключительно в том, что ты будешь выходить к обеденному столу и спать под одною общею кровлею с нами, то это не может не оскорблять нас, как оно неоднократно оскорбляло нас и теперь. Ежели это будет общение с семьею – как оно должно быть, то это несомненно повод к самым нежелательным столкновениям, которые никакой иной развязки, кроме разлуки, иметь не могут. Я же и мама мы слишком дорожим тем, чтобы сердечная связь твоя с семьею никогда не прерывалась. Обдумай все *хорошенько* и напиши на что окончательно решаешься.

Твой отец

С. Четвериков

На бланке Товарищества Четверикова.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Лл. 9–11. Автограф.

3.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

5 ноября 1897 г.

Любезный Сережа!

Письмо твое получил и отвечаю тебе немедленно...* слов, вполне понимая, что ты переживаешь сейчас тревожное время. Никакой речи нет о том, что семья смотрит на тебя как на урода, к которому нужно привыкать. Напротив, боязнь потерять тебя совсем для семьи заставляет нас желать, чтобы ты известное время был только в семье временным гостем, а не постоянным жильцом. Ничего не могу тебе сообщить сейчас более подробно; должен конечно о всем переговорить с мамой; во всяком случае в нашей привязанности к тебе и желании тебе возможной счастья, ты не можешь сомневаться. Цель настоящего попросить тебя – начертить хоть в общих чертах план твоих будущих занятий; для меня, откровенно скажу, это какая-то неразрешимая загадка. Я понимаю, что ты хочешь поступить в университет; но будет ли то русский или заграничный все равно без латинского и греческого языка поступление невозможно. По какой

* Слово не прочитывается.

срок ты думаешь осилить этикие *страшные* труды? Не забудь и об исполнении воинской повинности.

Жду от тебя [вестей]

Отец

С. Четвериков

На бланке Товарищества Четверикова.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 1-1 об. Автограф.

4.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

15 ноября 1897 г.

Любезный Сережа!

Получив твое последнее письмо я немедленно известил тебя телеграммой о моем согласии, чтобы ты оставил техникум. Послал я тебе телеграмму, потому что сам полагаю – раз этот поворот в твоей судьбе решен – каждый день должен быть использован. Я тебе не писал этого письма в тот день, так как хотел лучше собраться с мыслями; к сожалению, житейская сутолка не дала мне за эти два дня ни минуты свободной. Не знаю насколько понятно и последовательно выйдет это письмо; ежели чего не поймешь вполне – то, пожалуйста, скажи; – дело слишком важное.

Считаю совершенно бесцельным разбирать вопросы о перемене тобою своей карьеры по существу. Жребий брошен! Следовательно можно толковать только о том, как разобраться в этом вопросе. Тебя видимо очень огорчило условие поставленное мною, а именно жизнь во время учения везде, только не в Москве. Ежели я так долго не отвечал тебе по этому существенному вопросу – то только потому, что не мог не признать его первенствующей важности. Как ни тяжелы эти думы и рассуждения – но мы с мамой за эти дни продумали и проверили еще раз все доводы за и против и пришли к тому заключению – что изменить что либо в этом вопросе было бы непростительною слабостью – так как необходимость этого решения слагается сама собою и наше желание его изменить кроме еще большего горя впереди ничего не даст. Не столько умом сколько сердцем вникни в то, что я хочу тебе теперь разъяснить. Я и мама – мы убежденные приверженцы той среды, из которой мы вышли и в которой живем и действуем. Любя эту среду – мы не можем однако не видеть всех ее недостатков – недостатков тем более печальных, что велика ее сила и велико ее значение в деле развития страны. Один из самых существенных недостатков – мы видим в очень ограниченном числе интеллигентных людей в этом сословии, людей с широким горизонтом, воспитанных в чувствах гуманности и справедливости. Видеть хотя бы в одном из наших сыновей деятеля этого образца – да! В этом я и мама видим высшую награду и высшее удовлетворение в жизни.

Вот поэтому-то сейчас все наши надежды направлены на Колю. Дать ему возможно широкое образование, создать из него человека, который бы своею деятельностью, устным и печатным словом мог бы направлять дело развития промышленных сил своей страны на путь истинного прогресса – да это мечта – расстаться с которою значило бы отнять смысл у всей нашей последующей жизни.

Избрав себе иные идеалы – ты не можешь не относиться отрицательно к тому – во что мы верим и чем живем. Рознь во всем и рознь коренная – не может не ощущаться ежели жить общею семейною жизнью, а не той которой ты жил в семье и возврат к которой для нас также немислим.

Ты поклоняешься Дарвину; признай же за семьею право борьбы за сохранение “вида”; не забудь, что в семье есть два меньших члена, с совершенно не установившимися взглядами и убеждениями – мягкими как воск. Влияние твое, помимо твоего желания не может не идти в разрез с тем к чему стремится семья. Мама – полуслепая – я большею частью вне семьи с той страшной обузой о которой ты знаешь – нет! орудия борьбы слишком неравны. Жить и видеть, что в семье все идет в разлад – и это все в награду за всю нашу бесконечную любовь и заботливость, которую мы вложили в дело воспитания и создания семьи – нет, этой жертвы ты требовать не можешь! Я тебя настолько знаю и настолько в тебя верю – что конечно ни минуты не сомневаюсь – что ты не позволишь себе у нас за спиною письмами влиять на Колю в нежелаемом смысле. Я также уверен, что в твои приезды на вакансии*, когда конечно ты будешь встречен как самый дорогой, желанный гость, что в эти побывки ты сумеешь регулировать свои отношения к Коле так, чтобы грубым отталкиванием его от всякого общения с собою, не подливать масла в огонь, но с другой стороны не втягивать его в занятия, которые ничего кроме громадного несчастья в семье создать не могут. Совсем иная картина получается ежели бы ты продолжал жить в семье; при самом честном отношении твоем к вопросу о Коле – твои знакомые, твои интересы будут влиять помимо твоего желания; ничего кроме ряда самых фальшивых положений, ничего кроме горя и распада семьи – я из этого не предвижу.

Не знаю прочтешь ли, что пишу; руки дрожат; нелегко писать такие письма. Пойми, что я кроме понятных сожалений о несбывшихся мечтах – ничего против тебя не имею; люблю также искренно как любил раньше и ко всякому честному – убежденному чувству отношусь с уважением, но пожертвовать *по отношению последнего сына* что лелеял всю жизнь – этого я не могу.

Мой совет конечно тебе из Митвейде уехать; лучше всего основаться в Карлсруе или Штутгарте. Отличный климат, благоустроенные города и наверно масса первоклассных учителей. Приготовиться в 1 1/2 года может быть и можно – но труд должен быть очень сосредоточенный, осуществлять который я полагаю всего лучше возможно именно в такой обстановке.

На следующей неделе напишу тебе более подробно как бы советовал тебя устроить.

Твой отец

С. Четвериков

На бланке Товарищества Четверикова.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Лл. 2–4. Автограф.

5.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

24 ноября 1897 г.

Любезный Сережа.

Твое письмо я получил**; очень мне тяжело было его читать. Я полагал, что ты человек вдумчивый и проникнешься истинным смыслом моего письма. Ты как-то все только говоришь о своих правах и о том где тебе бу-

* Ваканции = Vakanz (нем.) = vacanze (фр.) – каникулы, отпуск.

** Письмо Сергея Сергеевича не сохранилось.

дет хорошо, где плохо. Неужели вопрос об *обязанностях* к семье – так никогда и не закрадывался тебе в душу? После того, как я действительно открыл тебе душу – ты пишешь, что в моих действиях видишь примитивный прием: “насилие”. Разве это можно было писать? Ты порвал со всеми традициями семьи, со всем, чем она живет и в чем видит свое призвание; тебе с несомненною любовью идут навстречу – мирятся с этими своими несбывшимися мечтами и дают тебе способы и возможности исключительно посвятить себя своему призванию. Причем семья тем самым совершенно отказывается от своих прав – видеть в тебе в случае какой-либо катастрофы как-то моей преждевременной смерти или чего подобного – поддержать в ее материальных нуждах – а ты видишь во всем только одно “насилие”. Потом, разве можно такие жгучие интимные отношения выносить на улицу? Корневы – хоть близкие родные, которым можно объяснить суть дела, а при чем тут Зимины? И возможное ли было, чтобы в одном и том же городе ты жил не только отдельно от семьи – но как ты пишешь, старался бы затеряться в миллионном народонаселении, чтобы семья не получала даже никакого намека на твое пребывание в том же городе; ведь это какая-то грубая насмешка; ты – стремящийся к своему – мы жалкие обскуранты, боящиеся даже прикосновения к тебе! Да разве это смысл моего письма? Прочти его еще раз.

Мне лично казалось, что изучение древних языков в Германии – имеет то громадное преимущество, что ты вместе с тем основанием только изучишь и немецкий язык; я полагал, что для той специальности, для которой ты себя готовишь, совершенно невысказанно закончить свое образование в России, а необходимо после ехать слушать немецких профессоров. Ежели же ты находишь, что это тебе не под силу – то я ничего не имею, чтобы ты поселился в каком-нибудь университетском городе в России. На вакансии – как писал ранее – мы рады конечно видеть тебя и твои иронизации насчет “гостя” тут совершенно не при чем; относимся к тебе гораздо проще и сердечнее.

Вопрос о жизни в Москве – считаю совершенно упраздненным – так как никаких таких причин и доводов, которые могли бы заставить ломать все в семье – не вижу. По общему отзыву один из лучших сейчас университетов в России – это Киевский. Я говорил Константину Павловичу* о том, что ты можешь быть поселишься в Киеве. Он просил тебе передать, что там у него есть между интеллигенцией – очень много близких ему знакомых; “передайте, пожалуйста, Сереже, – сказал К.П. – что я завалю его рекомендациями и уверен, что он будет везде отлично принят”. Киев город чрезвычайно благоустроенный и с великолепнейшим климатом. Вопрос о твоём здоровье – считаю вопросом тоже первостепенным и очень бы желал, чтобы он фигурировал как *единственная причина* твоего отъезда из Москвы. Вдумавшись, ты конечно поймешь, почему. Ежели собираешься немедленно выехать из Mittweide, то прошу тебя – Weisske за квартиру заплатить за весь декабрь. Передай Струве мой поклон и благодарность за их любезное отношение.

Твой папа

С. Четвериков

Приписка: “О дне приезда в Москву прошу телеграфировать”.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Лл. 7–8 об. Автограф.

* Неизвестное лицо.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Пертово

1 августа 1904 г.

Дорогой Сережа!*

<...>

Цены на хлеб поднялись чуть ли не вдвое (1 р. 40 к. за пуд) против обычных даже в эти месяцы. <...>

Из Пертовской волости множество крестьян взято на войну <...>. В настоящее время по всей России организованы “Губернские совещания”, обсуждающие новые законопроекты относительно “волостного суда”, “земельного устроительства”, “управления” и т.д. Дядя Леонид** тоже участвует в подобном совещании (в двух подкомиссиях его). Каждый день у нас с ним происходит чтение и обсуждение этих крайне интересных, широко охватывающих крестьянскую жизнь законопроектов. Мотивировки, обставленные статистическими данными и отзывами прежних губернских совещаний, которые сопровождают почти каждую статью, дают много интересного и ценного материала. Между прочим, новые проекты стараются по возможности облегчить крестьянам переход от общинного владения к подворно-участковому, причем крестьяне выселяются на отводимый им в одном куске надел и владеют им на правах почти полной собственности. <...>

Поклон Петру Петровичу, Анне Ивановне и Илье и спасибо им за взаимность.

Твой брат

Коля

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 189. Лл. 11–12 об. Автограф.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

25 апреля 1912 г.

Дорогой Сережа^{3*},

...Ну, а теперь целый ряд вопросов, если тебя только не затруднит ответить на них:

1) Выяснен ли вопрос об отъезде из Москвы на лето, когда и куда?

2) Так как нам может быть не придется свидеться в мае, то напиши, если есть что-нибудь, что надо сделать в Кашинцеве. Напр[имер], не осталось ли куколок в садках? Можно ли их вычистить?

3) Не знаешь ли ты название Московского математического общества (кружка?) и существуют ли в продаже его труды? Справляться об этом, само собой разумеется, не надо, напиши, если что сам случайно знаешь.

4) Если увидишь Ив[ана] Ивановича Кулакова^{4*}, напомни ему, пожалуйста, о взятых им книгах по математике. Ведь он, наверное, их не вернул?

5) Очень ли затруднит тебя добыть на лето (хотя бы на июнь) II и V тома Biometrika? Если это сопряжено с хлопотами, залогами и т.п., то Бог с ними – я

* Далее опущен текст о дождливом лете и возможных потерях урожая.

** О ком идет речь установить не удалось.

^{3*} Далее речь идет о книгах по энтомологии, купленных для брата у букиниста – 10 томов на 2 р. 50 коп.

^{4*} И.И. Кулаков – отец второй жены С.С. Четверикова Анны Ивановны Сушкиной.

свободно обойдусь и без них. Если же это сделать не трудно, напиши мне, могу ли я на них рассчитывать?*

⟨...⟩ У нас все стоят холода. Но бабочки появились уж давно. От 17–18 апреля в коробках у меня лежат ♂ и ♀ *Asteroscorpus*’ов.

Всего лучшего

Твой брат Коля

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 189. Лл. 15–16 об. Автограф.

8.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

10 февраля 1913 г.

Дорогой Коля!

Спасибо за открытку, Goldschmidt’a можешь мне не присылать сейчас; в случае нужды я всегда могу воспользоваться курсовым экземпляром. Ты так споро прочел его, и мне было бы очень интересно поговорить с тобой о том впечатлении, которое он произвел на тебя. Особенно интересно было бы твое мнение о первых главах: насколько он усвоил основные черты статистических исследований (вернее биометрических) и насколько основательна его критика их применимости? Нет ли здесь слишком слабого и поверхностного знакомства с самими методами?

С другой же стороны мне думается, что более или менее полное незнание или игнорирование чисто биологической стороны в биометрических работах несомненно должно нередко подрывать их значение. Поэтому мне очень интересно и твое впечатление от всей книги Goldschmidt’a. Сыграет она какую-либо роль в направлении твоих дальнейших работ или нет?

Ну как действует твоя новая “игрушка”, когда будут показывать ее в первый раз?

Что же касается оборота твоей открытки, предназначенной не для меня, то я передал ее по назначению. Асянка решила, что это ее портрет, когда она начнет читать Yule’s правда? И много смеялась на него. Yule’s она наконец получила в новом издании 1912 г.

Пока всего лучшего, Ася тоже очень кланяется.

Твой брат

Сережа

P.S. Нашелся первый том Лоренца: оказывается у Ив. Ив. Кулакова лежит штук 6 твоих книг и среди них 1) Лоренц I том, 2) Сельобос, 3) Озеров, Промышленный рост России и еще несколько других.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 138. Лл. 1–2. Автограф.

9.

ПРОФЕССОРУ О. ФОГТУ

Шардон

29 апреля и 5 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый г. профессор [Фогт]

Мой брат, Сергей Четвериков, только что написал мне из Москвы, что я могу обратиться к вам с просьбой переслать ему через Вас коллекцию бабочек, собранную здесь. Высылаю одновременно с письмом ящик с коллекцией на ней-

* Далее опущен текст о состоянии здоровья А.И. Сушкиной и падчерицы Аси.

ро-биологический институт Берлинского университета, не упоминая, однако, в адресе Вашего имени, что должно облегчить таможенную процедуру. Если Вам действительно удастся передать коллекцию моему брату, я была бы Вам в высшей степени благодарна.

Надеюсь, что эта просьба не очень Вас обременит.

С глубоким уважением

Мария Майкова (Четверикова)

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 35. № 11. Авторизованная машинопись.

10.

М.С. МАЙКОВОЙ

Берлин

5 мая 1925 г.

Милостивая сударыня!

Я получил и сегодня же переслал предназначенную для Вашего брата коллекцию бабочек. Надеюсь, что Ваш брат получит коллекцию в сохранности.

С нижайшим почтением [Фогт]

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 35. № 12. Перевод на русский язык с немецкого языка подлинников выполнен преподавателями кафедры немецкого языка ГГУ (НГУ)*.

11.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Шардон

10 ноября 1925 г.

Милые и дорогие Сережа и Коля!

Сегодня у меня большой и радостный день. Я не писал вам до сих пор насколько болезненно я переживал сознание, что в вашей, сверх ваших сил, трудовой жизни я, проработав 50 лет своей жизни в таком интенсивном труде, последние годы своей жизни должен провести в сознании, что не могу обеспечить вас ни на случай вашей старости, ни болезни. Сегодня все это изменилось. Дела Т[овариществ]а В[ладимира] А[лексеева] в Лондоне, благодаря всему тому, что я в него вложил, настолько окрепли, что оно признали** своим нравственным долгом отплатить мне обеспечением моих детей. Это дает мне возможность следующим образом устроить вашу жизнь.

Начну с того, что оказалось возможным отклонить ту помощь в £5, которую вы доньше получали, как имеющую форму какой-то милости, вне прямой зависимости с моим трудом. Мне это всегда было острым ножом. Взамен этого вы будете получать с 1 января 1926 г. по £200 в год каждый. Это даст вам возможность ликвидировать те службы, которые не имели связи непосредственно с вашими научными интересами и в первую голову тебе, дорогой Сережа, передохнуть в твоём перегружении себя, из-за прожитка, непосильной для твоего здоровья работой. *В этом вы не можете мне отказать.* Слишком тяжело все это я переживал. Я прошу дать мне формальное обещание, что эту мою просьбу вы исполните, дав этим мне возможность, с спокойным духом, дожить мне те немногие года, которые будут мне уделом.

Но это еще не все. Ежегодно будет вноситься каждому из вас на вклад в Т[оварищество] В[ладимира] А[лексеева] суммы в £300 – из 5%, которые также ежегодно будут вам прямо высылаться из Лондона, нарастая таким образом в

* Оба письма (9 и 10) даются на русском языке, оригиналы написаны на немецком.

** Так в тексте.

арифметической прогрессии. Все эти суммы не связаны с моей смертью, а будут продолжаться в том же размере и дальше вам или вашим правопреемникам. Кроме того, после моей смерти, как я вас уже извещал, вам будет поступать из Англо-Литовск[ого] О[бществ]а* по £108 ежегодно.

Весьма *возможно*, что к этим суммам с 1927 г. прибавятся еще небольшой дивиденд по акциям Т[овариществ]а В[ладимира] А[лексеева], переданных вам мамой. Это, вероятно, составит сначала по £100 в год каждому, постепенно возрастающая. Таким образом мы с мамой считаем все же вашу будущую жизнь более или менее обеспеченною. Зная вас хорошо, я вполне уверен, что вы будете продолжать жить скромной трудовой жизнью, и я не вправе вам давать каких либо в этом смысле советы. Но излишки вы всегда можете приводить в связь с вашими научными трудами, или расходовать на разумную помощь. Сообщаю тебе, Сережа, что я также повысил ту помощь, которую я оказывал Лелеше**. Она будет получать по £150 в год и сверх того будет ей создаваться капитал ежегодными взносами на вклад в Т[овариществ]а В[ладимира] А[лексеева] по £200.

С сегодняшнего дня я могу сказать: “Ныне отпускаеши раба твоего с миром”. Милые, дорогие мои; если бы вы знали как счастлив сегодня ваш отец. По вечерам с мамой, перебирая нашу жизнь, мы часто вспоминаем о том счастье, которое вы нам дали. Мы не помним ни одного случая, когда вы бы нас сколько-нибудь серьезно огорчили, как не помним, чтобы и мы относились к вам иначе, как не только с беспредельной любовью, но и с никогда неослабевающим уважением. Много ли на свете найдется таких семейных отношений?

Очень нас с мамой беспокоит, что не получали ответа на наш запрос о тебе, Сережа, здоровье. Если ты не воспользуешься теперь случаем его восстановить, то это будет слишком грешно с твоей стороны. Все мечтаем с мамой перед смертью вас все же всех повидать. Вопрос о расходах сейчас уже не существует. Нет того расхода, на который мы бы с мамой не пошли, чтобы только еще раз взглянуть на всех вас. Обнимаем с мамой вас всех.

Любящий и столь счастливый сегодня ваш старик отец^{3*}

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 14–14 об. Авторизованная машинопись.

12.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Chardonne S. Vevey

27 декабря 1925 г.

Дорогой Сережа!

Твое письмо^{4*} от 19/1 – сейчас получил. Меня с Мамой глубоко трогают твои сердечные, ласковые слова. Да! Воистину горе последних лет еще более сковали соединяющие нас узы. Одна теперь мечта увидеть всех вас. Жить видимо осталось так не много, что не хотелось бы уйти из мира сего, не осуществив этого.

Что касается денежных дел, то никак не могу разделить ваших опасений. Ведь это не спекулятивные сделки с валютой; и о какой *личной* опасности может идти речь? Может быть увеличится налоговое бремя, но не может же оно поглотить всю сумму. К тому же, как я писал Коле, Госбанк очень охраняет

* Мать С.С. Четверикова, ур. Алексеева, имела в Т-ве Владимира Алексеева, как и С.И. Четвериков, небольшой наследственный капитал. После обоснования фирмы в Лондоне они стали от Т-ва получать проценты.

** Лелеша – Елена Сергеевна Четверикова, дочь Сергея Сергеевича.

^{3*} Последняя фраза приписана от руки.

^{4*} Письмо С.С. Четверикова не обнаружено.

свои заграничные сношения и мало вероятно, чтобы он выступил донощиком. К тому же, прилагая “всероссийский” масштаб ведь это все-же “пустяки”. Первый платеж тебе будет произведен на счет Коли, о чем сегодня пишу в Лондон, но очень прошу все-же открыть в Госбанке свой счет; это уже необходимо, становясь и на вашу точку зрения, уменьшая наполовину размер переводимых сумм.

Ты вероятно получил нашу “семейную” фотографию. Николашка* нам с бабушкой большое утешение. Это необыкновенно хороший ребенок, красивый, крепкий, веселый и не по возрасту развитой. В нем (8 мес.) вес почти 25 рус[ских] фунтов, росту 1 ар[шин] 2 в[ершка], настоящий “Гвидончик”**. Очень поправились за последнее время и Маня. Вчера провели у нас весь день все втроем, хотя пришлось нести две версты Гвидончика при 2%^{3*} и сильной буре с снегом и дождем. По возвращении домой Маня телефонировала, что Гвидон всю дорогу спал непробудным сном и чувствует себя как нельзя лучше.

Получил от Аси 24* очень милое письмо. Рад, что и вам дано видеть в ней себе утешение. Не покидай мысли навестить нас в это лето с Асей. Это была бы нам с Мамой такая радость. Нужно сговориться насчет времени приезда, так как это лето собирается у нас гостить Наташа, но эти оба посещения легко координировать. Как я писал все расходы понятно наши.

Запрещение продажи елок, конечно ненужная жестокость, не только не достигающая намеченной цели, но только укрепляющая тоску об утраченном прошлом. У нас не было елки, но Маня своему малышу у себя устроила; но для этого он понятно еще слишком глуп, и не обращая никакого внимания на елку, гремушкой колотил Сашу по лицу.

Мы с Мамой целуем тебя и Асю. Скажи ей, что сухари ея понемногу с Мамой поедаем, ее вспоминая.

Любящий тебя отец

Очень прошу не откладывая в долгий ящик открыть себе счет в госбанке. Этим ты меня очень успокоишь. Время какие-нибудь час-два ты конечно найдешь.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 15–15 об. Авторизованная машинопись.

13.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

23 апреля 1926 г.

Христос Воскресе!

Дорогие Папа, Мама, Муся и Саня и маленький Николка!

⟨...⟩ не сердитесь на нас за такое долгое молчание. Про себя по крайней мере могу сказать, что это полугодие выпало на мою долю таким трудным, как кажется никогда не было. Или уж сил у меня становится меньше. Но потому, что прошлое полугодие я чувствовал себя так плохо, я запустил массу дел, особенно в университете, где мне было поручено читать в нынешнем году новый совершенно в университете курс Генетики, а я вследствие плохого самочувствия, не только не читал его до Рождества, а даже не имел возможности к нему хотя бы

* Николай Майков – старший сын Марии – сестры С.С. Четверикова.

** Домашнее прозвище внука Николая (из сказки о царе Салтане).

^{3*} Речь идет о температуре в 2°.

^{4*} Речь идет о падчерице Сергея Сергеевича А.П. Сушкиной.

слегка подготовиться. Поэтому, так как после Рождества я уже чувствовал себя значительно лучше, то пришлось начать курс, и вот все полугодие я варился буквально как в котле: какая-то сплошная судорожная лихорадка, когда каждую незанятую минутку приходилось отдавать подготовке курса и все-таки никогда не успевал его как следует подготовить. Особенно тяжело приходилось по воскресеньям, так как это был собственно единственный день, когда я мог более или менее без помехи готовиться, а лекции приходилось читать утром в понедельник. И тут уж приходилось сидеть всю ночь до полного изнеможения; но все-таки обыкновенно не успевал вполне подготовиться и конец лекции приходилось вольно импровизировать. Но слава Богу, сегодня я наконец кончил мои последние занятия в Университете, начинаются уже Пасхальные каникулы, и я, хотя еще и измученный, но уже предвкушаю наслаждение некоторого отдыха.

Ужасно огорчает меня то, что в нынешнем году не придется с вами повидаваться ... выезд из России в настоящее время затруднен свыше всякой меры и выражается не только в том, что заграничный паспорт сейчас объявлен в 200 рублей (это для командированных!), но и вообще его не выдают, и наш помощник директора, имея давно командировку, до сих пор не может получить паспорта, хотя начал хлопоты почти с Рождества.

Вообще настроение у нас снова какое-то скверное и нервное, снова ходят всевозможные, самые фантастические слухи, вызываемые главным образом страшной дороговизной и отсутствием на рынке товаров, иной раз самых необходимых. Так всю зиму я не мог купить себе калош и должен был ходить в каких-то старых рваных лыжах, потому что калошные магазины торговали шинами, клистирами, но не калошами. Так как я окончательно оборвался, то пришлось купить сукна на костюм, и знаешь, что пришлось платить за самое обыкновенное, посредственное сукно? Ведь не поверишь – по 24 р. за метр! И весь костюм с подкладкой обойдется мне чуть ли [не] в 200 рублей; а ничего не подделаешь, потому что ходить дольше в старом уже становилось совершенно невозможно. И только благодаря твоей громадной помощи мы не только существуем благополучно, но даже смогли несколько одеться и обуться, потому что оборвались все до последнего; бедная Ася днями сидела и штопала или латала наше белье, которое рассыпалось прямо на наших плечах.

⟨...⟩ Самое большое у нас новшество, это то, что у нас поселился новый жилец – Евг[ений] Евг[еньевич] Слуцкий, ученый, статистик, Колин друг и приятель. Поселился он у нас в столовой, и хотя стало еще теснее, но он настолько милый человек, что мы все охотно миримся с этим неудобством. Коля перетянул его из Киева, устроил его на хорошую службу. ⟨...⟩

Твой сын Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Лл. 1–3 об. Авторизованная машинопись.

14.

ПРОФЕССОРУ О. ФОГТУ*

Москва

3 июня 1926 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Я в большом долгу перед Вами и прежде всего должен перед Вами тысячу раз извиниться за то, что до сих пор ничего не ответил Вам на Ваше любезное письмо от 8.II.

* Письмо написано на немецком яз. Перевод сделан С.С. Четвериковым.

Ваше письмо пришло во время, когда я с головой ушел в разработку моего нового курса по генетике в нашем университете и у меня не было возможности ответить совершенно подробно на Ваше письмо, которое доставило мне большую радость, но одновременно и озаботило меня, так как я должен был отдать каждую свободную четверть часа моему курсу, и все же я не мог найти достаточно времени, чтобы разработать его полностью. Эта ситуация бесконечно мучила меня, и тем не менее я не мог выбраться из нее, так как в моей жизни еще не было столько работы, как в этом последнем семестре.

Несколько раз я начинал писать Вам письмо, но каждый раз оно застревало на середине и я не доводил его до конца. Кроме того, Вы дали мне такое трудное поручение, что я не знаю, как я могу выполнить его со спокойной совестью. Так как по сути дела среди моих учеников у меня нет молодого человека, который был бы добросовестным и натренированным в систематической работе энтомологом и одновременно имеющим предварительную подготовку в области генетики.

Мне пришло на ум, что среди всех моих знакомых русских ученых я знаю лишь одного человека, который, как я полагаю, мог бы полностью соответствовать Вашим требованиям: это г. Ф. Добржанский, чьи работы Вы, вероятно, знаете. Это как раз то, что Вы ищете: молод, хороший энтомолог и систематик, одновременно генетик, дельный работник и светлая голова. Но, к сожалению, он не мой ученик, и я не мог так сразу рекомендовать его Вам. Тем не менее я нашел возможность переговорить с ним в общих чертах об этом деле и получил от него принципиальное согласие, однако с таким существенным условием, которое делает невозможным все предприятие (дело). Он с величайшей радостью приехал бы к Вам, но он должен закончить для русской Академии Наук свою работу по генетике, за которую он получил денежную помощь, и это может произойти не ранее, чем в январе следующего года. Тем самым, как я понимаю, его кандидатура отпадает, и у меня остаются лишь мои ученики, среди которых, как я уже Вам говорил, ни один не может в полной мере соответствовать Вашим требованиям:

1. *Д.Д. Ромашов*, которого Вы немного знаете лично, по своей подготовке подошел бы лучше всего: он систематик-энтомолог и одновременно генетик, довольно одарен и как раз интересуется теми вопросами, на которые Вы указали в Вашем письме. Но в своей работе он никоим образом не является добросовестным и обладает значительной долей лени. Кроме того, он достаточно болезнен, очень избалован, его работоспособность достаточно низкая. Жизнь в Германии вряд ли быстро его обучит, если даже немецкий климат и действует на нас на русских в этом отношении чрезвычайно благоприятно. Откровенно говоря, я полагаю, что Вы хорошо сделаете, если отклоните эту кандидатуру, и таким образом у нас остается еще.

2. *С.Р. Царанкин*. Он имеет довольно хорошую предварительную общую и специальную подготовку – в области биологии (и генетики). К тому же он хороший друг Н.В. Тимофеева. Но я не могу утверждать того же о его систематической и энтомологической подготовке, так как он занимался энтомологией несколько лет совершенно поверхностно как любитель, а его исследования по систематике ограничиваются одной маленькой работой по систематике московских Psocidon, которая является собственно не более чем морфологическим анализом встречающихся под Москвой видов, без проникновения в более специальные вопросы систематики, таксономии или зоогеографии (систематические, таксономические или зоогеографические вопросы).

Но у него развит определенный вкус к систематическим работам, и, возможно, при благоприятных условиях он сможет довольно быстро вработаться в систематические исследования.

Насколько мне известно из письма г. Н.В. Тимофеева, Вы также решили пригласить г. С. Царапкина приехать в Германию, и я могу лишь присоединиться к Вашему желанию, так как в настоящее время я не знаю никого из своих учеников, кто мог бы соответствовать Вашим требованиям, даже если г. С. Царапкин, особенно по сравнению с г. Н. Тимофеевым, значительно уступает ему по таланту и блеску мышления.

Тем я хочу закончить свое письмо.

Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное приглашение приехать в Германию и посетить Ваш институт, но у нас в России сейчас выезд за границу (за рубеж) так сильно затруднен, что в этом году я должен оставить всякую надежду, несмотря на то, что я с величайшей радостью последовал бы Вашему любезному приглашению.

Моя жена и я просим Вас передать наш общий привет Вашей супруге и со своей стороны настоятельно прошу Вас еще раз простить меня за этот запоздалый ответ на Ваше любезное письмо.

Остаюсь преданный Вам

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 35. № 12. Авторизованная машинопись.

15.

М.С. ЧЕТВЕРИКОВОЙ

Хибинские горы (Лапландия)

16 августа 1926 г.

Дорогая, милая Муся!

Приближается день твоего рождения и мне хочется из этих далеких, своеобразных мест послать тебе и всей твоей семье мой искренний привет и поздравиения.

Ты вероятно знаешь, что “нелегкая” занесла меня вновь на эти суровые, угрюмые, неприветливые, но в то же время величавые и по-своему притягательно красивые скалы. Хотелось выкинуть что-нибудь необыкновенное, что бы сразу вышибло из измучившей меня за зиму колеи, и вот четверо нас собрались и поехали. Живем первобытной жизнью, спим на еловых ветках, варим на костре, охотимся и экскурсируем, и жизнь наполняется такими впечатлениями и мыслями, которые совершенно ничего не имеют общего с обычной московской обстановкой; а это-то и нужно. И поэтому мы все довольны, веселы и мужественны и терпеливо переносим все невзгоды жизни первобытного человека. А этих невзгод немало и горшая из всех — это отвратительная погода, которая нас до сих пор преследует. Дождь льет днями и ночами, бывает, что весь день он идет буквально без перерыва, и тогда мы все мокры, как куры после купанья. К этому же присоединяется еще жестокий холод, и сегодня ночью нам пришлось пережить нечто вроде снежного шторма, когда ветер рвал и трепал нашу палатку и бросал в нее полными пригоршнями острого снега. Мы почти не спали, стараясь как-нибудь согреться, жгли в палатке костер, и как огнепоклонники предавались культу огня. Кругом были расставлены и развешаны атрибуты культа: бесчисленное множество мокрых насквозь ботинок, туфель, кожаных курток, носков, портянок (pardon!) и прочих неназываемых и невыразимых

принадлежностей мужского и дамского (с нами Ася) туалета. И все-таки хорошо! Хорошо, когда выйдешь из палатки и перед тобой поднимает свою острую вершину Часно-горр (одна из главных гор), когда все время слышишь говор и пение горного потока, у которого мы стоим, когда всюду поднимают свои изумительно яркие головки всевозможные незнакомые нам цветы – эти радостные дети далекого севера. И когда видишь и чувствуешь всю эту дикую, не тронутую рукою человека природу, в ее естественном состоянии и естественном взаимоотношении составляющих ее элементов, тогда душу наполняет какое-то невыразимое, непередаваемое чувство красоты, которое так особенно обострено у естественника, для которого каждый цветок, каждая бабочка или мушка говорит понятным ему языком о своей жизни, о своих нуждах, радостях и чаяниях... И это тянет к себе, и это заставляет мириться, и даже находить особый аромат в этой полукультурной, полудикой жизни, которую мы сейчас ведем, где сам становишься как бы тоже членом этой дикой природы, почти такой же дикой, почти такой же беспомощной, как и другие твари. Нет, хорошо, хорошо, несмотря ни на что!

Еще и еще раз мой самый искренний привет тебе, Саше и Николаше! Целую крепко, крепко, и от души желаю как можно больше радости и счастья, счастья и радости!

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 1–2 об. Автограф.

16.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Звенигород

20 июля 1926 г.

Дорогие мои, ненаглядные детята Котка и Асяночка!

Приехал Гершензон. Очень доволен поездкой на Мурман.

Приезжал к нам Дубинин <...> мечтает работать у тебя. Произвел он на всех хорошее впечатление. <...>

Был у нас Николай Константинович, приехал в субботу, уехал в понедельник. <...> За границу не едет, а едет с 1 августа на Кавказ на две недели.

С[ергея] Ник[олаевича] Скадовского ждут между 30 июля по 2 августа. <...>

Кланяются вам и всем Евг[ений] Евг[еньевич] и Юл[ия] Ник[олаевна], оба начальства и Мария Полуэктовна.

Твоя Ася

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 328. Лл. 6, 7. Автограф.

17.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

18 ноября 1926 г.

Дорогой папа!

<...> Я все думал, что с нынешнего года, развязавшись с Политехническим музеем, я буду наконец себя чувствовать несколько свободнее. Но вышло иначе: все в связи с Тимофеевым пришлось предпринять следующую комбинацию. Чтобы дать ему возможность, в случае его решения приехать, безболезненно ликвидировать свои немецкие обязательства, а с другой стороны,

чтобы не ставить его в необходимость немедленно ссориться с Кольцовым, мне пришлось предложить ему и Кольцову следующую комбинацию: я на год принимаю на себя обязанности, которые предполагалось передать ему, с тем, что через год я добровольно освобождаю это место и в случае приезда Тимофеева передаю его ему, в противном же случае исподволь приискивают приемника. Таким образом я попал в еще худшее положение, чем в прошлом году, и теперь мне приходится каждую неделю ездить за 45 верст по ж.-д., да еще 6 верст на лошадях по убийственной дороге ... устаю больше прежнего. <...>

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Лл. 4, 5. Автограф.

18.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Шардон

15 декабря 1926 г.

Дорогие Сережа и Коля.

Хотя я вам об этом никогда не писал, но возможно, что вы стороной знаете, о том семейном разрыве, который состоялся между нами и Ваней. Причина та, что Ваня, узнав о предстоящей свадьбе Мани и предвидя, что выписанный им как работник Саша Майков вдруг очутится хозяином дела, не смог с этой мыслью примириться и чтобы расстроить свадьбу, не только нам с мамой, но всем общим знакомым стал распространять вести явно порочущия Майкова*.

Мы теперь прожили три года с Сашей и научились в нем ценить во всех отношениях безупречного человека, составившего счастье не только Мане, но и нам старикам. Таким образом, все распространяемое про него Ваней оказалось чистой клеветой. Охраняя свою кровь, я этого Ване простить не могу. "Четвериков" так поступить не мог. Мы настолько слились с Майковым в одну семью, что принятие Вани опять в семью могло бы состояться только при его примирении с Майковыми, на почве признания им своей вины перед Сашей и попутно и Мани. Зная характер Вани, лично на это надежды не имею.

Пишу о все[м] этом по следующему поводу: Сегодня Ваня прислал мне с мамой извещение, что он сочетался законным браком с той женщиной (полькой Юзефой Горска), с которой он жил в Сибири, и которую выписал потом в Швейцарию. Мы с мамой ответили ему пожеланием долгого и прочного счастья. Поводом к нашему примирению это, конечно, служить не может. Совершенно иное отношения ваши к Ване как к брату. Вот мне и кажется, что вам обоим, хотя общим письмом следовало бы пожелать ему счастья.

Любящий отец

[P.S.] Если напишите Ване, то он несомненно вам ответит с изложением мотивов своего действия. Отнеситесь к этому очень осторожно. Вы оба меня и маму настолько знаете, что разрыв с старшим сыном не мог быть недостаточно обоснованным.

Адрес его: Walchwil a/Zug Schweiz.

Из личного архива Г.В. Риле. Авторизованная машинопись.

* Так в тексте.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

24 января 1927 г.

Дорогой папа!*

<...>

Ты пишешь, что собираешься выслать мне некоторую сумму денег. Всячески умоляю тебя не делать этого сейчас, а только тогда, если я сам тебе об этом напишу <...> сейчас я обеспечен деньгами вполне, по крайней мере до осени <...>. Но зато у меня будет к тебе другая, очень большая просьба. Для моей работы в Институте совершенно необходим так называемый бинокулярный микроскоп. Правда, он стоит довольно много. Но раз ты пишешь, что я могу располагать некоторым количеством денег, то я бы предпочел истратить их на такую, мне совершенно необходимую вещь. По нашим правилам я не имею права выписывать непосредственно от фирмы, поэтому прошу заказать этот микроскоп для нашего института.

<...>

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Л. 8–8 об. Авторизованная машинопись.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

13 февраля 1927 г.

Дорогой папа!

<...>

Сейчас у меня большая мечта – выбраться наступающим летом за границу. Я уже предпринял в двух инстанциях хлопоты для получения командировки, тем более, что есть очень солидный повод: Международный съезд в Берлине по Генетике. Боюсь только, что очень трудно будет выхлопотать паспорт. Прошу командировку в Германию и во Францию и сильно надеюсь на возможность повидаться с тобой и может быть даже с Мусей. Только ужасно будет горько, что нельзя будет проехать к вам и повидаться с Мамой.

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Л. 9–9 об. Авторизованная машинопись.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Шардон

18 февраля 1927 г.

Дорогой Сережа!

Твое письмо сейчас получил. Произвело оно у нас форменный переполох. О том, что ты будешь за границей и чтобы тебя не повидать маме и Мане – об этом не может быть и речи. Сейчас уже наработано два проекта: Один (самый практичный) это в том, что ты имея визу во Францию, приедешь в Evian Les Bains на Женевском оз[ере] (во Фр[анцузской] Савое). Мы берем себе визу на

* Далее в тексте идет речь о падении отца и его больных ногах.

выезд во Францию (имеем Нанс[ен]овские паспорта*). От нас паромом это два часа езды. Evian Les Bains – большой курорт с хорошими гостиницами. Мы с мамой можем ночевать, а Маня говорит, что от своего будущего малыша на четыре – пять часов может отлучиться, пускай даже поорет, и с обратным паромом вернуться. Другой проект, куда более интересный, заключается в приезде твоём в пограничный с Францией город на том же Женевском озере *S' Gin-Golf*. Если окажется возможным без ночевки тебе выбраться за пограничную черту, то мы все могли бы приехать в *S' Gin-Golf* на моторной лодке, раз *Sankt Gin-Golf* прямо против нас на том берегу. Таким образом мог бы посмотреть на наше житье-бытьё и даже побывать у Мани. Нечего говорить конечно, что все это твоей кассы не коснется. Может от радости у всех нас и кружится немного голова.

Ты вероятно уже имеешь мое письмо с фактурой Цейсса, а может даже и получил самый микроскоп. Zeiss письмом очень извинялся, что задержались от-ветом.

Прилагаемую квитанцию Лоренца пожалуйста передай Коле и попроси известить об её получении.

С ногою неладно. Передвигаюсь с трудом и о времени, когда в Берлине бегал за покупками, вспоминаю, как о давнем хорошем прошлом. Меня профана цифра даже в 8000 одного семейства бабочек удивляет одинаково, как и с 0 больше.

Обнимаю вас всех.

Любящий отец

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 13. Авторизованная машинопись.

22.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

18 марта 1927 г.

Дорогой папа!

Наконец-то я могу сообщить тебе радостное известие: пришел высланный тобой бинокляр. Он уже стоит на моем рабочем столе, все части его в полной исправности и работать с ним прямо одно наслаждение. Не знаю как и благодарить тебя за него. Уж так давно мне хотелось его иметь, еще до войны я все мечтал о нем, а теперь для моей настоящей работы он совершенно незаменим. Большое, громадное тебе за него спасибо.

Приближается уже конец и весеннего семестра: уже я начинаю считать число оставшихся мне по обоим курсам лекций. И к своему большому удивлению и конечно еще большей радости замечаю, что в нынешнем году я к концу его чувствую себя неизмеримо лучше и бодрее, чем в прошлом году. Правда, устаю здорово, но все же почти не испытываю головных болей, мучивших меня беспрерывно прошлой зимой, пропал постоянный отвратительный вкус во рту, который изводил меня более года, и в общем чувствую себя хотя и усталым, но здоровым человеком.

Теперь все мои мечты сосредоточиваются на поездке за границу. Правда, это еще сможет осуществиться не скоро, так как я прошу командировку на август и сентябрь, когда будет съезд генетиков, но мысль о том, что мне удаст-

* Нансеновские паспорта – временные удостоверения личности, введенные для репатриантов и беженцев Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена; выдавались в 19–20-х гг. на основании специальных Женевских соглашений в 1922 г.

ся может быть свидеться со всеми вами все больше и больше заполняет мои мечты. Правда, пока дело с моей командировкой двигается из рук вон плохо: хотя я подал заявление уже месяц тому назад, но до сих пор нет ни ответа, ни привета, и хотя я регулярно захожу каждую неделю наводить справку, я получаю каждый раз один и тот же ответ: ничего не готово, заходите на следующей неделе, так как Ваше прошение еще не рассматривалось. Пока еще время есть приходится относиться к этому по возможности спокойно, хотя эта волокита начинает меня злить и поднимается желание устроить скандал, хотя отлично знаю, что этим не только ничему не поможешь, но только напортишь себе. Но я уже решил, что если увижу, что дело затягивается до опасных пределов, то плюну на всякую командировку и буду хлопотать о разрешении на выезд в частном порядке, хотя это и будет стоить и на много дороже. Во всяком случае решил добиваться всеми доступными способами. Что касается твоих планах* о возможности свидеться, то эти же планы были и у меня, но о подробном осуществлении их, я думаю, будет лучше переговорить тогда, когда самая поездка начнет осуществляться. Точно так же думаю лучше отложить всякие денежные вопросы, так как мне думается, что особых осложнений с этим не предвидится.

Приблизительно через месяц выезжает за границу Н.К. Кольцов, который думает пробыть там все лето, главным образом в Италии. У него уже имеется командировка и все нужные бумаги, и он бесконечно счастлив. Ведь ты конечно его помнишь – это сейчас мое самое главное начальство, с которым, кстати сказать, у нас самые дружественные отношения. Возможно, что он напишет тебе об одной своей просьбе, и я очень буду просить тебя, если это не будет слишком для тебя трудным, исполнить его желание.

У нас по-немногу начинается весна. Вчера был Григорий-грачевник, и хотя еще никто кажется не видал грачей, но наступление весны чувствуется кругом и всюду. Снег в Москве почти сошел [за городом его еще масса и кажется нет ни одной проталенки], с крыш капает, воробьи чирикают до изступления, словом наша настоящая, северная весна, которой у вас там наверно нет. Хорошо, ужасно люблю я именно это время.

У нас кажется назревает важное событие: Слуцкие наконец получили комнату и должны от нас уехать. Правда, они не очень торопятся, и несмотря на то, что это произошло дней десять тому назад, они все еще сидят у нас, но вчера наконец заявили, что съедут завтра, т.е. 19 числа. Откровенно говоря, мы все, кажется, этому до чрезвычайности рады, потому что, хотя они и очень милые, славные люди, но жить все время с чужими людьми в семье, когда нет уже совершенно никакой возможности побыть хоть минуточку одним, уж очень тяжело, особенно когда это тянется чуть ли не полтора года. Но все хорошо, что хорошо кончается, и приятно то, что все это кончается тихо, смирно, без неприятных, резких разговоров, и люди поняли что им следует уезжать после самых дружественных намеков.

Ася большая у нас несколько прихворнула. Собственно острой болезнью никакой не было, но просто сказываются года и расстроенное сердце. Доктор уложил ее в постель, продержал ее так две недели, теперь она уже ходит по комнате, а с будущей недели ей разрешено выходить снова на службу. У нее расширение сердца и склероз аорты, все вещи очень неприятные, никогда уже не проходящая и требующая постоянного за собой наблюдения. И вся беда может быть в том, что сама она не чувствует себя совершенно

* Так в тексте.

больной и поэтому ей страшно трудно внушить должную степень осторожности.

Пока всего, всего наилучшего, крепко, крепко и горячо целуем мы все и тебя и маму и всю Мусину семью. Как ея дела?

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Лл. 10–11 об. Авторизованная машинопись.

23.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

17 апреля 1927 г.

Христос Воскресе!

Дорогие Папа, Мама, Маня, Саня и Кукс,

Через неделю у нас Пасха, и так как вы, вероятно, празднуете ее по-православному, то мы все, все шлем вам наши самые горячія поздравленія со светлым праздником весны.

Сейчас у нас всех большое возбужденіе по поводу опубликованного вчера сообщенія* о состоявшемся примиреніи между Швейцаріей и нами. Неужели можно будет наконец приехать прямо к вам, не скитаясь по чужим городам? Насколько это примиреніе отразится на полученіи виз на въезд?

А пока с моими хлопотами дело идет из рук вон плохо. После бесконечнаго ряда посещеній нашего Наркомпроса, который должен был мне дать командировку на предстоящій международный съезд в Берлине, кажется окончательно выяснилось, что они мое прошеніе безнадежно затеряли, по крайней мере после целаго ряда отговорок и обещаній разыскать к следующему разу, последний раз они уже прямо заявили, что моего прошенія у них нет.

Самое трагичное в этом то, что все командировки уже распределены, и если даже вновь подавать прошеніе, то надежды на его удовлетвореніе нет почти никакой. Ты не удивляйся такой неряшливости наших учреждений: такія неожиданныя пропажи у нас скорее правило, чем исключеніе. И в конце концов я даже не очень рассчитывал на получение командировки, так как это связано с различного рода протекціями, которых у меня, конечно, нет. Придется хлопотать в частном порядке, что, конечно, гораздо дороже (паспорт стоит 200 р.), но в этом случае никаких разговоров не может быть о деньгах. Сейчас денег у меня много... Только бы получить визу в Швейцарію.

Все же остальное у нас идет по старому. После отъезда Слуцких у нас в квартире сразу стало необыкновенно просторно, и мы воздали хвалу Аллаху! Настроеніе у всех получилось самое мирное, радостное.

На этой неделе я, наконец, закончил чтеніе моих обоих курсов: и генетики и биометрии. Наконец-то могу вздохнуть свободно, и кажется за всю зиму первый раз сию за письмом с сознанием, что не отрываю минут от подготовки к лекціям и без безнадежнаго ощущенія, что все-равно не успею всего сделать. Теперь остаются только экзамены, но это уже для меня куда легче.

Ты пишешь, что весна у вас плохо продвигается. Но и у нас весна в нынешнем году идет как-то плохо. Чрезвычайно медленно, постепенно становится понемногу все теплее и теплее, но кажется ни одного дня не было такого, когда бы чувствовалось, что вот за этот день произошел окончательный перелом. Днем уже бывает тепло, градусов 6, а по ночам все время почти заморозки.

* Так в тексте.

В полях снега уже почти нет, хотя в лесу его еще порядочно, а половодья в нынешнем году совсем не было. Собираясь на Пасхе денька на два съездить в деревню, боюсь только, не задержало бы что-нибудь.

На днях был у нас Тимофей Анисимович; все еще держится, хотя и постарел за последнее время (зубов нет). Все служит в Кашинцеве, и нет-нет заглядывает к нам. В Кашинцеве, по его словам, хозяйство в порядке, строят новую конюшню [старая сгнила до основания] и вообще следят за ремонтом. И старик Лялька еще жив и до сих пор ходит на станцию.

Сегодня был у Лелюшки на ее новой квартире. Очень мне у них понравилось, и квартира хороша, а главное ужасно милыя у нея девчонки. Встретили меня очень радостно, моментально повели показывать все свои достопримечательности и на перебой рассказывали о всех своих делах и событиях. Вообще они живут очень хорошо, и я не знаю как благодарить судьбу, пославшую Леле такого мужа.

За последнее время мы все более или менее переболели гриппом. Он свирепствует у нас в Москве отчаянно, и хотя проходит он большей частью без последствий, но все-таки хворать им очень неприятно. Сейчас как-раз Ася (б) сидит дома больная, и кажется я тоже собираюсь свалиться. Да по такой весне это и не мудрено.

Ася (м) усиленно готовится к экзаменам и зачетам. Нынешнюю зиму она проработала очень добросовестно и сделала четыре доклада по разным предметам, при чем все они прошли очень хорошо. Глядя на нее только чувствуешь, как стареешь.

Ну, пока всего лучшего. Мы все, обе Аси и я еще раз горячо поздравляем вас всех с Праздником и крепко, крепко целуем. Сильно, сильно надеюсь теперь свидеться со всеми Вами.

Горячо любящий Вас всех

Сергея

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Лл. 12–13 об. Авторизованная машинопись.

24.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

8 мая 1927 г.

Дорогой папа,

Мы все, обе Аси и я, от всего сердца поздравляем всех вас с рождением нового внука. Это большая, большая для всех нас радость, и то, что все произошло благополучно, что Муся чувствует себя хорошо, а маленький Саня* кушает в свое удовольствие, все это только еще более усугубляет нашу радость. Дай бог чтобы ничего, ничего не омрачало вашу теперешнюю жизнь, чтобы новый человечек принес вам всем только радость и счастье!

После Пасхи у нас как-то чувствуется приближение лета. Настроение уже какое-то другое, идут приготовления к летним работам, строятся всевозможные планы. Да и работы, с окончанием университетских лекций, стало несколько меньше. После завтра Ася едет в Звенигород устраивать помещение для нашей колонии, а в половине мая, вероятно, и совсем начнут туда перебираться. Не знаю только, как устроится на лето моя личная жизнь: с одной стороны все мои ученики переселятся в Звенигород, да и Аси тоже, а с другой стороны боюсь,

* Александр – второй сын сестры С.С. Четверикова М.С. Майковой.

что хлопоты по заграничной поездке будут требовать моего постоянного присутствия в Москве. Сейчас подал снова все мои бумаги, обещали в конце мая дать ответ. Так как международный съезд генетиков, на который я прошу себе командировку, и на который мне очень хочется попасть, состоится лишь в двадцатых числах сентября, то я рассчитываю выехать в начале августа, и, после кратковременного пребывания в Берлине, попытаться увидаться со всеми вами. Надеюсь, что к тому времени отношения между “вами” и “нами” настолько наладятся, что можно будет получить визу. Сейчас же это, вероятно, невозможно.

У нас стоит ужасно холодная весна: несмотря на 8-ое мая до сих пор и признака нет зелени, хотя снег давным давно сошел. Я только-что на днях вернулся из поездки в Звенигород и несмотря на дождь и холод провел там два дня с большим удовольствием. А сейчас, несмотря на солнышко, холодный северо-восточный ветер все пронизывает насквозь.

А теперь о делах: получил ли ты письмо от Н.К. Кольцова? Вероятно оно тебя очень удивило и боюсь, что ты можешь быть недоволен предпринятыми мною шагами. Но в виду твоих многократных писем я подумал, что так будет лучше нам всем. Во всяком случае, если ты моим недоволен, то напиши мне об этом, и я найду способы исправить содеянное.

А теперь у меня к тебе еще очень большая просьба. Так как нам отсюда совершенно запрещено переводить деньги за границу торговым фирмам, а мне для моих работ очень нужно было выписать некоторое количество книг, то я буду очень просить тебя оплатить их согласно приложенной справке с указанием, что это производится оплата счета № 50747 на мое имя (S.S. Tshetverikov) от 9.IV.1927. Вообще, напиши мне, насколько ты считаешь допустимым подобного рода просьбы с моей стороны, или все-таки они доставляют тебе слишком много хлопот и лучше этого не делать. Дело в том, что мне еще очень хочется выписать книг рублей на 150, и если ты ничего не будешь иметь против этого, то я снова попрошу тебя их оплатить. Что же касается моих расходов по предстоящей заграничной поездке, то я рассчитываю, что она мне обойдется максимум рублей в 600, и этих денег мне должно хватить. Вообще, как ты знаешь, у меня с деньгами сейчас вполне благополучно, и это в значительной степени отражается благоприятно как на состоянии моих нервов, так и на работоспособности. И за все это большое, большое спасибо тебе!

На днях у нас начнется защита так наз. дипломных работ кончающими студентами, новинка, недавно введенная в русскую высшую школу и соответствующая приблизительно докторской работе немецких университетов. Впервые четыре моих ученика будут защищать свои работы, и понятно, что у них (а немножко и у меня) трясутся поджилки, хотя в общем работы настолько хороши, что нет никаких оснований ожидать неожиданных неприятностей. А после их окончания я непосредственно примусь за большую работу к моему заграничному докладу, которая должна явиться непосредственным продолжением той работы, которую я тебе присылал, и которая в общем была встречена очень сочувственно рядом наших крупнейших биологов (Северцевым, Сушкиным, Павловым и др.). Если эта работа выйдет приличной, то постараюсь перевести ее на европейский язык, по крайней мере многие на этом очень настаивают. На этом пока кончаю. Крепко, крепко целую вас всех и еще раз всех сердечно поздравляю. Ася (б) пишет отдельно.

Твой Сережа

25.

М.С. МАЙКОВОЙ

Москва

Середина 1927* г.

Дорогая Муся!

⟨...⟩ Сижу и мечтаю о том, чтобы выбраться к вам. Уж очень только сейчас неблагоприятный сложился момент для этого, и, как слышно, сейчас снова прекратили выдачу заграничных паспортов. И я боюсь даже начинать сейчас особенно хлопотать, т.к. получив отказ уже трудно будет добиться разрешения. Так как я все равно собираюсь ехать лишь в августе, то думаю, что лучше некоторое время переждать, пока все успокоится, и тогда начать более энергичные хлопоты.

В надежде на встречу

Твой брат Сергей

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Л. 1. Автограф.

26.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

12 июля 1928 г.

Дорогой папа!

⟨...⟩**

Чтобы купить себе обычные грубые штиблеты я должен был объехать чуть ли не всю Москву, был в 9-ти самых больших магазинах и только в 10-ом нашел более или менее подходящие. А главное то, что все магазины торгуют абсолютно тождественным товаром (стандартизованным).

⟨...⟩ Едем втроем: Асюшка, мой ученик Астауров и я. Думали побродить недели две, переходя все время с места на место, так чтобы захватить побольше площади.

Для тебя такое путешествие, вероятно, [не имеет ничего] привлекательно-го, а для нас оно имеет невыразимую прелесть: одни, не видя за все время ни одного человека, одни только вместе с природой ... хорошо. ⟨...⟩

Твой сын Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Л. 19. Авторизованная машинопись.

27.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

25 августа 1928 г.

Дорогой папа!

⟨...⟩

Я их^{3*} очень люблю и буду рад, что и ты с ними познакомишься. Кстати, они сейчас переживают очень мучительный момент: Кольцов требует их возвращения в Россию, а у Н.В. в Берлине отлично идут дела, там строится для него и под его наблюдением отдельная лаборатория и отношения его с его профессором прекрасны, так что ему бросать это все и чрезвычайно обидно и очень некорректно

* Датируется по содержанию письма; у сестры уже 2 сына, значит написано летом 1927 г., еще с буквой "i".

** Далее речь идет о подготовке С.С. Четверикова к отъезду в экспедицию в Лапландию.

^{3*} Речь идет о Тимофеевых-Ресовских. Адрес: Berlin-Steglitz, Fridrichsru-Platz 4^П, bei Fr. Bosse.

по отношению к своему начальству. А с другой стороны Кольцов ставит вопрос очень жестко, требуя немедленного его возвращения, и в противном случае угрожая порвать с ним всякие сношения. Мне писать ему отсюда о многом очень неудобно, а если бы ты смог дать ему какой-либо благоразумный совет (а главное честный выход), то сделал бы очень доброе дело. Потолкуй с ним по душам, он человек очень прямой и, хотя немного взбалмошный, но очень хороший. <...>

Крепко, крепко целую вас всех

Твой сын Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Л. 20–20 об. Авторизованная машинопись.

28.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

23 декабря 1928 г.

Дорогой папа!*

<...>

На станции** были большие дебаты по поводу расширения моего отдела (общей генетики); в конечном итоге решено открыть при нем шелководное отделение, предоставив мне для этого еще одного научного сотрудника. <...> Сейчас идут очень интенсивные исследования по наследственности овец: станция получила в свое распоряжение для опытов большое стадо в 2500 овец грубошерстных и 500 мериносовых баранов (в бывшей Донской области) и сейчас уже поставила в большом масштабе скрещивания для изучения наследственности качеств шерсти. Конечно первое время мы будем не улучшать, а, напротив, ухудшать шерсть, но надеемся, что лет через десять нам удастся не только выяснить основные законы наследования качеств шерсти, но и получить положительные практические результаты в виде новой породы, сочетающей в себе основные достоинства мериносов с некоторыми положительными свойствами грубошерстных овец (выносливость, меньшая жироплотность, лучшие мясные качества и т.п.). Во всяком случае опыт затевается грандиозный, какого еще не проводила ни одна страна. <...>

Горячо обнимаю

Твой сын Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 114. Л. 21. Авторизованная машинопись.

29.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

London S.W.7

11 июня 1929 г.

Многоуважаемый Сергей Сергеевич!

Вами еще больше 20 лет тому назад было выдвинуто понятие о “волнах жизни”^{3*} видов. В весьма сходном виде эта же идея выдвигалась Rof. Lefroy в лекциях и теперь двое из его учеников готовят книгу о естественных факторах контроля насекомых, причем специальное внимание уделено “закону волн” (“wave law”), который даже не формулируется. Как и следовало ожидать никакой ссылки на

*Далее С.С. Четвериков поздравляет с Рождеством и благодарит за подарки.

** Речь идет о Звенигородской биостанции.

^{3*} Работа С.С. Четверикова “Волны жизни”. Дневник Зоол. отд. Импер. Об-ва люб. естествознания, антропологии и этнографии, 1905 г. Т. 3, № 6. С. 106–111.

Вашу идею нет и я обращаю на это внимание авторов, которые просили меня просмотреть рукопись. Таким образом Ваша идея не останется не отмеченной.

Я просил бы, однако, если это еще возможно, прислать мне оттиск Вашей работы в Изв[естиях] Общ[ества] Люб[ителей] Ест[ествознания]. На эту тему, т.к. здесь в библиотеке нет этого тома Известий, и я даю сведения о Вашей работе по реферату в Р. Энтомологическое Обозрение. Если Вы печатали еще позднее на ту же или близкая темы, тоже попрошу прислать – я подбираю сейчас специальные данные по влиянию метеорологических факторов на насекомых (и по экологии вообще), и очень трудно не проглядеть русских работ, особенно появившихся за последнее время.

Искренне уважающий Вас

Б. Уваров (Mr. B. Uvarov)

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–1 об. Автограф.

30.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

*18 августа 1929**

⟨...⟩ Положение Сережи все без перемен и по-видимому будет так еще месяца 1½–2. Я довольно грустно смотрю на будущее и думаю, что придется нам уезжать, разрушать привычную работу, ломать всю жизнь и семью. ⟨...⟩ Нескольким раз я пробовала повидаться, но неудачно. Получила я два письма, второе более спокойное, чем первое. По временам нападают на меня приступы мрачного настроения, когда все в будущем кажется ужасным. ⟨...⟩ Начну теперь ходить в Институт работать в библиотеке. Потом Ася приедет, будет легче. ⟨...⟩
Ваша Ася

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 202. Лл. 5–8. Автограф.

31.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

12 октября 1929 г.

Дорогой мой, ненаглядный Котка, вот твоя Киська и в Москве, а Котки с ней нет. Не знаю, как буду жить здесь без тебя. Пикая тихонько, сплю плохо и чувствую сердце. А в Свердловске как хорошо было с тобой и сердцу лучше было. С местом в институте пока ничего не выяснили, т.к. штатов не дали на октябрь, говорят, что дадут на ноябрь. К концу октября выяснят окончательно.

Асянка сдала зачеты, перешла на четвертый курс и решила съездить к тебе перед началом занятий. С ней я посылаю все, что ты просил, кроме профсоюзного билета, о котором тебе расскажет Асянка. По просьбе дроздофильщиков посылаю тебе родословную по дикому наследию. Дроздофильщики говорят, что для всех них совершенно необходимо, чтобы ты как можно скорее написал работу по дикому наследию для “Успехов экспериментальной биологии”. У них есть что-то к печати, но ничего они не могут напечатать, пока ты не напишешь эту работу. У них многое тормозится тем, что статья о диком населении до сих пор не напечатана. С каждым годом ценность работы теряется и им обидно, что большая хорошая работа пропадает. Они очень плакались по этому поводу и

* С.С. Четвериков арестован и находится в Бутырской тюрьме.

просили написать тебе, что с величайшей охотой всячески тебе помогут: рисунками, таблицами, сводками, корректурой и т.п.

Сегодня все пришли проститься с Асей и передать тебе приветы. Все тебя очень любят. Ник[олай] Конст[антинович] младший* еще здесь, едет на днях. (...) Ник[олай] Конст[антинович] старший** все желает чтобы ты захотел ехать в Новосибирск. Там еще ничего не начато, филиал еще не открыт, а только получено принципиальное согласие открыть его. Жить пришлось бы в каком-нибудь совхозе, быть может за 100–300 верст от железной дороги. Я сказала, что ты не поедешь туда, а Ник[олаю] Конст[антиновичу] страшно хочется тебя туда протурить, заманивая огромным количеством материала для генетичес[еской] [работы] (стада рогат[ого] скота, овец и лошадей). Тогда еще труднее будет добраться до тебя и литературу переслать. Кроме того он написал в Тифлис, но пока ответа нет.

В библиотеке работала уже два дня. Котка, любимый, возьми меня к себе! Мне тяжело жить без тебя. Нам лучше жить вместе, поверь мне. Напиши мне с Асянкой обязательно.

Что вышло очень плохо – это то, что я не успела купить конфет. Пришлю посылкой. Калош посылаю две пары, чтобы тебе хватило, а то там скоро рвутся.

Как я, так и все мы опечалились, когда получили телегр[амму], а там, что у тебя с квартирой плохо. Как хорошо, что дело уладилось, только прочно ли? Не искать ли постепенно другую комнату? Напиши с Асей, что еще прислать (а может, привезти?) Статью о работах Haldane нашла, Коля говорит, что постарается исполнить поскорее твою просьбу.

Семена Сперis нашла. Пришлю их тебе или сама привезу.

Я живу надеждой скорее уехать к тебе. Я уже почти привыкла к Свердловску и с тобой мне было бы удивительно хорошо, мое солнышко! Но если надо, то буду здесь сидеть. Месяца два я вытерплю, вероятно. Только береги себя, не простудись. Вся будущность зависит от здоровья.

Какие отношения установились с квартирной хозяйкой? Хорошо ли тебе на этой квартире жить? Пиши все, все подробно. Не забудьте телеграфировать мне, как, хорошо ли доехала Ася. Я рада, что вы с ней повидаетесь.

Целую тебя всего, всего нежно и крепко. (...) Как чудесный сон прошла неделя с тобой. Милый, я хочу к тебе! Пиши же.

Целую еще и еще тебя крепко.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Л. 17–19. Автограф.

32.

С.И. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

7 ноября 1929 г.

Дорогой дедушка!^{3*}

(...) Обедает он в другой семье и обедом доволен. (...) Работает в местном музее Уральского края, в биологическом отделении, пока еще бесплатно, но возможно, что через некоторое время получит платную должность. Последнее

* Н.К. Беляев – лаборант и аспирант С.С. Четверикова. В 1937 г. был репрессирован и погиб в заключении.

** Н.К. Кольцов.

^{3*} Далее в письме говорилось о ссылке С.С. Четверикова в Свердловске и его бытовом устройстве: нашли комнату на двоих. Купили кровать, стол для работы, стол умывальный, шкафчик для белья, хозяйка дала круглый стол для чая, диванчик и два кресла. Довольно уютно. Семья тихая и, кажется, славная. Перегородка досчатая, щелястая.

время устраивал биологическую часть выставки Ямальской экспедиции 1928 г. к октябрьским торжествам. В музее отношение к нему очень хорошее. Познакомился с несколькими профессорами Политехникума и встретил у них сердечное отношение к себе.

Всего тяжелее то обстоятельство, что нет работы по его прямой специальности – генетике. Это сильно угнетает его. А самое главное – это тоска по семье. Он очень тяжело переносит одиночество. Я была с ним неделю, Асюшка ездила на три дня, и это внесло в его жизнь радость и облегчение, но тем большее чувствовал он одиночество после нашего отъезда. <...>

Ваша Ася

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 202. Лл. 9–9 об. Автограф.

33.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

14 ноября 1929 г.

Дорогой мой, ненаглядный*,
<...>

В университете на кафедру генетики насилу упросили Серебровского, который долго не соглашался. Практикум будет у него вести Гайсинович. Гершензон же приглашен читать курс генетики при рыбноводном отделе в Сельскохозяйственной академии. Везде только твои ученики, ни одно место не предлагают ученикам Серебровского, которых нет что ли у него?

В институте настроение неважное; идет сейчас чистка ячеек ГИНЗа, а нашу ячейку как будто обвиняют несколько в правом уклоне. Требуют проведения в работах диалектического метода. <...>

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Л. 28–29 об. Автограф.

34.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

5 января 1930 г.

Дорогой мой Коточка!
<...>

Быть может, удастся тебе в конце концов получить заработок и тогда ты возьмешь меня к себе. Лишь бы только так было, а все остальное приложится. Я лично никаких праздников, ни Нового года не чувствую, да и не признаю сейчас для себя.

<...> Вдруг я умру или ты. Как безумно, как горько будет жалеть тот из нас, кто останется в живых, что не меня послушались в устройстве настоящей жизни, а тебя. Лучше нуждаться, но жить вместе, чем обратно. <...> Меня еще не утвердили, т.к. наш заместитель директора ГИНЗа товарищ Ружейников неожиданно умер, и неизвестно, когда и кто будет другой. <...>

Я редко стала писать тебе, так как что-то устаю последнее время... <...>

* Далее в письме идет речь о посылке с оказией тетрадей, алфавитки, продуктов; о своих тревогах по поводу работы и состояния Сергея Сергеевича.

Есть в одном из последних №№ Nature интересное предварительное сообщение о результатах исследования кровяных групп у туземцев Австралии. Оказалось, у них преобладает вторая группа, как у северо-западных европейцев: англичан, норвежцев, шведов. Я просмотрю эту заметку внимательно и напишу тебе подробнее. Дней через 10–11 Асянка* уже сможет поехать к тебе. Какая она счастливая! <...>
Ася

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 54, 56. Автограф.

35.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

23 января 1930 г.

Дорогой мой, любимый,

<...>**

Умер Иван Григорьевич^{3*}. 14-го был еще жив, на ногах, говорил по телефону с некоторыми из наших, а 16-го от него осталась только урна с пеплом. <...>

Перед выборами в академии начался поход на Николая Константиновича. Борис Завадовский поместил большую статью^{4*}, довольно резкую, против него в “Известиях”. Говорят, он очень расстроен, но я его еще не видела. Просили тебе передать, что ректор Пермского университета говорил с заведующим Главпрофобра Вышинским о переводе тебя в Пермь в качестве генетика. Вышинский сказал, что если Пермский Университет окончательно решил, ... то он согласен сам возбудить перед ГПУ ходатайство о переводе тебя в Пермь. В каком положении находится дело, то это сейчас никто не знает. <...>

Есть у тебя одна брошюра Внуковск[ого] на русском языке – оттиск из Извест[ий] Томск[ого] ун[иверситета], 1926. Т. 76, № 2. С. 133–157, называется “Матерьялы к Lepidoptera Западной и Средней Сибири и сопредельн[ой] обл[аст]и Киргизского Края” <...> Я рада, что Ася едет к тебе <...>

Быть может, забыла я, что тебе прислать, ты напиши все поручения с Асей, я все сделаю. <...>

Твоя Киська

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 60–62 об. Автограф.

36.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

5 февраля 1930 г.

Дорогой, ... , радость моя!..

<...>

Были здесь ленинградские энтомологи и спрашивали, не захотел ли бы ты поехать в Туркестан на борьбу с вредителями, вероятно с саранчой. У них не хватает энтомологов. Если, говорили они, ты ничего не имел бы против, то они стали бы хлопотать, чтобы тебя перевели туда. Напиши мне об этом, т.к. надо им что-нибудь ответить. Я лично думаю, что из этого ничего не выйдет, и пожалуй, не огорчусь этим. <...>

* А.П. Сушкина, падчерица С.С. Четверикова.

** Далее идет текст письма о благополучном возвращении от мужа.

^{3*} Возможно, имеется в виду Коган И.Г.

^{4*} Б.М. Завадовский. “Дополнительные выборы в Академию наук СССР”. Известия, 1930, 18 января.

Скоро будет у нас новый замдир, Софья Сергеевна Елизарова, а Владимир Николаевич, должно быть, переводится на место заведующего генетическим отделом.

Сейчас выкинут лозунг: “кто не с нами, тот против нас”. <...>

Твоя Киська

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 65–66 об. Автограф.

37.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

15 февраля 1930 г.

Дорогой мой, ненаглядный мой!*

<...> Рассказывал этот [незнакомый] энтомолог, что Иван Николаевич Филиппев** начал или начнет хлопотать через Академию, чтобы тебя перевели в Ташкент на борьбу с вредителями. Мне лично проект этот не нравится по двум причинам. Во-первых, все московские энтомологи (ламаркисты) в этом году туда не едут, боятся, говорят, что опасно ехать вглубь страны на борьбу с вредителями из-за настроения местных жителей. Ленинградцы тоже боятся, так вот они решили [за] тебя похлопотать, т.к. тебе-де все равно выбора нет, куда пошлют, туда и поедешь. Не нравится мне их затея. Во-вторых, в Ташкенте живет Беляев, и если ты попадешь туда, то здесь, когда узнают, снова поднимут бучу, т.к. про Беляева все еще не забыли, недовольны, что он устроился в Ташкенте и не молчат об этом. Во всех смыслах лучше тебе не ехать в Ташкент, и я буду огорчена, если хлопоты их увенчаются успехом. <...>

Твоя

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 69–71 об. Автограф.

38.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

10 марта 1930 г.

Дорогой мой^{3*},

<...> Я прошла [чистку] на 4-й день и как будто хорошо. Смотр шел по определенному плану. Слабые места, т.е. места, встретившие наибольшую критику, это – евриеническая лаборатория, зоопсихологическая, опыты с гравиданом^{4*} д-ра Замкова и как будто лаборатория по исследованию крови. Но через весь смотр и в заключительном слове отмечено было, что наш институт стоит на очень большой научной высоте, высококвалифицированный научный институт. Отмечено было в заключительном слове, что он должен быть сохранен как научный теоретический институт, но должны быть внесены некоторые изменения. Во-первых, направление евриенической лаборатории должно быть в корне изменено, доминирующую роль должна играть социальная гигиена. Были по

* Далее в письме говорится о болезни брата Коли ангиной и о посылке в Свердловск с незнакомым лепидоптерологом из Уфы.

** Сотрудник ЗИНа, энтомолог. Действительный член РЭО с 1911 г.

^{3*} Опущена часть текста письма о ходе чистки аппарата в ИЭБ.

^{4*} Гравидан – фармакологический препарат, приготавливавшийся из мочи беременных женщин. Не используется.

этому поводу величайшие дебаты. Директор и еще один молодой евгеник-генетик защищали ту точку зрения, что настоящая наука, имеющая дело с генами, это – евгеника, а социальная гигиена имеет дело только с фоном и должна играть подсобную роль, но, конечно, они ничего не доказали.

Поговаривают даже, что возможно переведение евгенической лаборатории в Институт социальной гигиены, но это только слухи.

В лабораторию зоопсихологическую решено пригласить заведующего вполне полномочного. Говорят, что это будет Боровский, но опять-таки это только слухи. В этом вопросе поступила комиссия очень остроумно. Желая щадить директора до *maximum'a*, они не вынесли сурового приговора нашей зоопсихологичке, а решили открыть двери этой замкнутой лаборатории и пригласить сильного заведующего. Вывод ясен. Мину подвели вежливо и умно, – хвалю и за это!

Решено расширить лабораторию Филатова, как большого научного работника. Сказано было, что есть у нас в институте квалифицированные научные работники, которые могли бы сами быть заведующими в других институтах (лабораториях) и все гадают, кто же это? Директор думает, что Сер[гей] Ник[олаевич] Склад[овский], а мы думаем, что это Верочка Шредер. Решено влить в наш институт побольше молодых кадров. Видно было, что директора нашего ценят и значение института как научного (не прикладного) очень признают. В результате надо ждать некоторых перемен в лабораториях и лицах. Устали все чрезвычайно.

⟨...⟩ Новости еще у нас вот какие: с 9.III пришел к нам новый замдир – Софь[я] Серг[еевна] Елизарова, а Влад[имир] Ник[олаевич] переходит в заведующ[ие] генетической лаборат[ории]; потом Григ[орий] Осипович Роскин получил кафедру гистологии, о которой он так мечтал.

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 80–82 об. Автограф.

39.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

26 апреля 1930 г.

Дорогой мой Коточка, как тяжело мне было читать твое последнее письмо. Зачем, за что ты упрекаешь меня? Ты, совершенно очевидно, совсем не представляешь себе, даже отдаленно, как, в каких условиях мы здесь живем. Иначе ты все понял бы и никогда рука не поднялась бы у тебя написать упрек.

И я, и Коля измучены и физически и морально. Нам на самом деле не до праздников, в особенности без тебя и Аси. И все же мы бесконечно рады были, хотя и болезненной радостью и зайчику и слонику. Если ты думаешь, что наши душечки разошлись и мы уже плохо понимаем друг друга, то, полагаю, что ты ошибаешься. Я тебя прекрасно понимаю и чувствую всегда тебя всего. А если ты меня не понимаешь, то что же тут поделаешь? Моей вины тут нет.

⟨...⟩ Приеду, поговорим и снова найдем друг друга. А если не найдем, то ты, один ты будешь виноват в этом.

Вспомни, как отчаянно, как страстно сопротивлялась я жизни врозь.

Ты не принял никаких мотивов, ты настоял, чтобы я добивалась места, служила и хранила твою коллекцию. Ну и что ж? Я служу и храню ценою очень дорогою. Тяжела эта зима нам досталась, ох как тяжела! Ты говоришь, что ты постарел, а как же мы-то здесь постарели, верно уже лет на 20. И так устали.

Но зато коллекция твоя, которую ты ценишь дороже меня, совершенно цела. Но зато душенька моя опустошена и бесконечно, безумно устала.

⟨...⟩ ты к сожалению не знаешь и не понимаешь, *как мы живем сейчас и какую нервную и моральную нагрузку выдерживаем.*

И вины моей нет, если ты меня не понимаешь. ⟨...⟩*

В институте решили (в местном) брать отпуск всем сразу в июле месяце, чтобы можно было запереть институт. Поэтому мне отказали в майском отпуске. Хлопочу сейчас, чтобы дали по болезни. Не знаю, что выйдет из этого. Я так устала и так убита этим, что не могу даже пока говорить об этом. Знаешь, как человек застывает иногда от горя и молчит, сжав крепко губы. Вот так и я застыла и живу, сжав крепко все нутро. ⟨...⟩

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 101–103. Автограф.

40.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

11 июня 1930 г.

Дорогой ...

⟨...⟩

Когда я приехала**, то первый вопрос был о твоей работе по дикому населению *Drosophila*. Я сказала, что ты не заговорил о ней, и я не стала спрашивать, понимая, что ты писать не можешь. Никто не может понять, почему ты ее не заканчиваешь к печати. Страшно огорчились директор и Дмитруся^{3*}. Оказывается у последнего готова работа по дикому населению *Drosophila funebris*, но он не может ее печатать, не зная, что и как ты напишешь. Ты не даешь ему напечатать его работу и это совсем выводит его из равновесия, т.к. он жаждет опубликовать свой труд. Он все же явно больной человек, так как волнуется свыше меры. Директор так хотел узнать о твоей работе по *Drosophila*, что даже, вопреки обыкновению, зашел ко мне в библиотеку и посидел в кресле. Я ведь теперь совсем больше не захожу к нему и не обращаюсь к нему ни с какими делами.

⟨...⟩

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 108, 109 об. Автограф.

41.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

4 сентября 1930 г.

№ 34*

Дорогой мой, любимый

⟨...⟩

Пиши мне подробно, как с квартирой будет дальше. А как твой обед и стирка?.. ⟨...⟩

Как решил ты относительно статьи Fischer'a? Возьмешься ли перевести ее?

* Далее в письме – о посылке с продуктами и книгами.

** А.И. Сушкина навещала мужа в Свердловске неоднократно.

^{3*} Д.Д. Ромашов.

^{4*} Нумерация сделана автором письма в связи с тем, что письма часто не доходили.

Напиши об этом... Получил ли ты мою последнюю посылку? Хватит ли тебе пока сахарного песка? Пиши, когда сало будет подходить к концу, чтобы я вовремя могла прислать еще. <...>

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 130–131 об. Автограф.

42.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

24 ноября 1930 г.

Дорогой мой Коточка ...

<...> В институте жизнь идет по-прежнему.

<...> В этом году у нас своих аспирантов человек 8, да приезжих человек 7, так что оживление большое. В генетической лаборатории по предложению директора поставлена оригинальная работа. Директор, исходя из этого положения, что природа гена химическая и можно один химический реагент легко заменить другим, близким, предложил такой опыт: взять яички и личинок из чистой красноглазой линии, растереть их тщательно в кашу, прибавить эту кашу к корму и посадить на этот корм личинок из чистой белоглазой породы. И по его предположению должны бы выйти в некотором количестве красноглазые мухи. Поставили такой опыт и к общему удивлению генетиков получилось 4 красноглазых. Сколько будет белоглазых, неизвестно, т.к. мухи еще выходят. Что это? Ошибка в опыте, что ли, как думают некоторые, или это факт – пока неизвестно, т.к. явление это требует проверки и изучения. Теперь поставили скрещивание с сигнальными генами, проверят на наследственную передачу и т.п. Я напишу тебе о дальнейшем ходе опыта.

<...> Что-то нездоровится мне сегодня, как будто опять грипп.

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Л. 148–148 об. Автограф.

43.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

11 февраля 1931 г.

Дорогой мой

Сегодня был в институте генетический коллоквиум. Докладывал Косминский об интерсексуальности у шелкопряда, о своих несогласиях с Гольдшмидтом. Народу бывает порядочно, человек до 15, главным образом аспиранты. Из научных сотрудников бывают все евгеники, все цитологи, зоопсихологичка и я (не всегда). Директор тоже бывает, но не каждый раз; сегодня не был, может, потому, что болен гриппом. Руководителя настоящего нет, нет человека с большим знанием генетики и это сильно чувствуется. Разговоров бывает очень мало.

<...> А вчера была в институте большая научная конференция*, докладывал

* Конференция была посвящена итогам экспедиции сотрудников евгенической лаборатории ИЭБ в Среднюю Азию по исследованию эндемического зоба у населения.

д-р Николаев об эндемическом зобе Заравшана... Следующий большой доклад будут делать Комиссарук и Сахар[ов] о наследственности зоба. <...>

Думаю завтра выслать тебе Синнот и Денна* и Гайавату.

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 162, 163. Автограф.

44.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

21 марта 1931 г.

Дорогой мой Коточка!

<...> Сегодня купили тебе немецких книг и сладкого, но посылку запаковать уж не успели, придется отложить до следующего выходного дня.

<...> Тыпишешь, сомневаешься, сможешь ли снова войти в научную работу, лабораторную работу. Какое же может быть сомнение? Конечно, сможешь, т.к. навыки к лабораторной работе не проходят скоро. А держать себя на высоте в смысле знания литературы – это вполне в твоей власти. Журналы ты имеешь все почти. Я бы на твоём месте ни за что не стала бы загружать так свое время для заработка (ты ведь знаешь, что я всегда поддерживаю тебя), а больше читала бы, чтобы не отставать от текущей литературы. Ты мог бы быть в очень благоприятных условиях в смысле чтения в сравнении со всеми нами, но не знаю, почему ты сам разрушаешь эти условия. По-моему, ты делаешь большую ошибку, если не читаешь генетические работы, имея их под рукой. Брось какой-либо урок и освободи себе время. Я очень советую тебе. <...>

Будь же здоров, мой любимый...

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 170–171 об. Автограф.

45.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

27 марта 1931 г.

Дорогой мой ...

<...> У нас в институте предстоят, по-видимому, перемены. Я писала тебе, что наш институт вступил в соревнование с Тимирязевским институтом? Так вот с неделю тому назад было общее собрание вместе с Тимирязевским, на котором отчитывались в результатах. В научном отношении у нас все обстоит благополучно, но в одном пункте мы отстали. Тимирязевский институт за эти месяцы провел у себя борьбу с враждебными и чуждыми идеологиями, а наш институт нет, что нам и поставлено на вид. В ответной речи член нашей комячейки, признав этот пробел, заявил, что наш институт обязательно должен тоже провести такую борьбу, *при чем было сказано, что необходимо* просмотреть Евгенический журнал (который, между прочим, закончил свое существование), направление которого недопустимо. Кольцов же признан представителем буржуазной реакционной науки, а статьи некоторые в Евг[еническом] жур[нале] контрреволюционного направления. Потом в это же время, т.е. за ту же неделю было в

* Синнот и Денн – авторы учебника генетики.

Университете собрание биологов-матерьялистов, на котором новый директор Тимир[язевского] инст[итута] Токин делал доклад, в котором разгромил всех теперешних биологов с точки зрения их идеологии. Досталось и Серебровскому и Завад[овскому] и всем решительно, в том числе и Кольц[ову]. В ответных словах Серебр[овский] и Завад[овский] признали свои ошибки и заблуждения. Кольцов же сказал не особенно удачную речь; отвечал ему Баткис с жестокой критикой, в которой Ник[олай] Конст[антинович] назван контрреволюц[ионером] и чуть ли не вредителем. У меня создалось такое впечатление, что Ник[олай] К[онстантиновича] должны снять с директорства, что теперь при настоящих требованиях, при теперешнем направлении политики такой директор, как наш, является, конечно, поп-sens*. Как будто он не совсем это понимает, что меня страшно удивляет. Быть может, я ошибаюсь, но похоже на то, что и его и Марию Полуэкт[овну] непременно снимут с работы. И быть может не только их.

В Тимирязевском институте в результате этой борьбы сняты с работы 17 человек, в том числе все ламаркисты, Дубинин и другие, которых я не знаю. У нас должно произойти что-либо подобное. Когда только это будет? Теперь ли к весне, или осенью – неизвестно. Лучше бы уж скорее. Ходят еще слухи, что наш институт предполагают слить с Тимиряз[евским]. Вот какой кипучей жизнью мы живем во всех отношениях, работаем сейчас прямо бешеными темпами и устаем зато сильно. <...>

Наши евгеники, работавшие по зубу (Комиссарук, Сахаров и Николаев-хирург), предполагают ехать с весны на Урал поработать по зубу, но после приезда этого врача** [из Свердловска] решили сначала сами выяснить, что сделано и что можно сделать по зубу на Урале. С этой целью выяснения едет на днях в Свердловск наша Дора Зах[аровна] Комиссарук и смотря по результатам ее поездки решат и летнюю экспедицию. Пожалуйста, если этот врач явится к тебе, будь крайне осторожен.

<...> С Колей еще все то же, нового нет ничего пока^{3*}. Говорят, арестован академик П.П. Лазарев, да и много других.

Посылаю тебе часть новых журналов. <...>

На это письмо письменно никак не реагируй, пожалуйста, прошу.

<...>

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 172–175 об. Автограф.

46.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

22 апреля 1931 г.

<...> В институте должны произойти некоторые перемены. Сливают вместе некоторые лаборатории и всего будет три–четыре. Вместе соединяют генетическую, часть евгенической, зоологическую и цитологическую; потом сливаются экспериментальная хирургия с другой частью евгенической; остается без изменений лаборатория Скадовского; и соединяются лаборатории культуры тка-

* Бессмыслица (франц.).

** О враче, приезжавшем из Свердловска, в письме нет никаких сведений.

^{3*} Четвериков Н.С. арестован по делу Н.Д. Кондратьева.

ней и механики развития. Будут браться большие, актуальные и близкие задачам Наркомздрава темы. Всего в Институте будут разрабатываться коллективно 3–4 темы, например проблема рака, зоба, старения. <...>

Твоя ...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Л. 185. Автограф.

47.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

16 января 1932 г.

Родной мой, <...>*

<...> Из научных новостей сообщили мне о личном предложении на общем собрании ВИЖа Ал[ександра] Серг[еевича] Серебровского. Он предложил с целью скорее и легче продвинуть в широкие массы генетику заменить мало понятные иностранные термины – терминами русскими. Наприм[ер], “ген” от глагола “действовать” (активность) заменить термином “дей”, доминантный ген – “верходей”, рецессивный – “недей”, летальный – “лиходей”, а когда последний термин вызвал шумное веселье, то он предложил звать леталь – “смертенъ”; хромосома, значит, получается “дееносица”, аллеломорфы – “парняки”. Больше пока он еще ничего не придумал. Публика потешается, и будет ли его предложение иметь будущее, или так смехом и закончится, пока неизвестно. В Институте настроение мрачное и выжидательное. Соф[ья] Серг[еевна]** издала декрет по поводу того, чтобы в коридорах никто не останавливался с разговорами (говорят, это было направлено против Мар[ии] Лаз[аревны] Рохл[...]³), затем этим же декретом уволила от должности завхоза – партийца. [Декрет из Наркомздрава отменил декрет Софьи и восстановил завхоза].

<...> Через несколько дней появился от Наркома выговор директору и Соф[ье] Серг[еевне] за бесхозяйственность, за то, что давали другим учреждениям широко пользоваться оборудованием и реактивами, а затем особо выговор Соф[ье] Серг[еевне] за пристрастное (в плохом смысле) отношение к некоторым партийцам. <...>

У Николая Конст[антиновича] ни я, ни Ася еще не были. <...>

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Лл. 256–259 об. Автограф.

48.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Тобольск

1–2 сентября 1931 г.

Милый, дорогой мой Квакалька!⁴*

<...> Я как-нибудь поднажму, постараюсь заработать еще хоть 100 рублей в месяц. Мне думается, что тебе надо бы переломить себя и поступить на службу. Если же этого ты не сможешь, то – и это уж не предположение, а категориче-

* Далее в письме сообщается, что по приезде от Сергея Сергеевича Анна Ивановна три дня пролежала с гриппом.

** Елизарова.

³* Окончание фамилии не прочитывается.

⁴* Речь идет о поездке А.П. Сушкиной в экспедицию.

ское мое желание – ты по крайней мере не должен настаивать на продолжении ее службы. <...>

Гоняясь за коллекцией и за комнатой, жертвовать мамой – я не согласна, тем более, что комната за мной забронирована, коллекцию можно запереть в ней, мама выписываться не будет и будет временно наезжать... я главный финансовый якорь семьи. <...>

Твой Кваченок*

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 118. Лл. 2, 3. Автограф.

49.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Новгород

27 июня 1934 г.

Дорогой Сережа,

Теперь мое положение здесь определилось и я могу сообщить тебе, как сложились дела. Комнату я нашел здесь в первый же день, хотя и не без труда. <...> Паспорт я получаю трехмесячный, <...> но беда в том, что выехать из Новгорода я могу не иначе как с разрешения Ленингр[адской] Обл[астной] милиции. <...>

Я ... хочу попытаться связаться с Арктическим институтом**, ... что будет, то будет, попытаться не грех. <...>

Если бы мне удалось здесь устроиться со службой на месте, то я смог бы тут выдержать с год времени, но надежды найти работу здесь – мало, т.к. город прозябает едва заметной пульсирующей жизнью, и я сейчас что-то не вижу путей к поискам службы. Попытался отыскать единственного человека, к которому имею ходы, но он в таком же положении, как и я сам, разве только приехал раньше меня.

Добралась ли до тебя Асянка? Наша с ней встреча – на век не забудется. Только ее сильно измучили “чествования”^{3*}, да и в самом путешествии все было не так гладко, без задоринки, как об этом трубят в газетах. Нервы у нее потрепались не меньше моих.

Да, мне надо отдохнуть. Я это ощущаю по моим настроениям. Заниматься понемногу я могу: книжка Fisher’а идет довольно ходко, легче даже, чем когда ее читал в первый раз; да и другая (по метеорологии), над которой я работал один год тому назад, – пошла легко, так что мне даже чудно перечитывать те места, которые казались трудно понятными. Сейчас все идет как по маслу. Может быть и выкарабкаюсь! <...>

Крепко, крепко тебя целую

Твой брат Коля

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 189. Лл. 19–19 об. Автограф.

* Падчерица С.С. Четверикова – А.П. Сушкина.

** Будучи заключенным в Темниковских ИТЛ, Николай Сергеевич увлекся идеей поработать в Арктике, много читал об арктических экспедициях, климате, населении, растительности и т.д.

^{3*} А.П. Сушкина (Асянка) – участница похода по Северному морскому пути на пароходе “Челюскин”. Была награждена орденом Красного Знамени и совершила турне по ряду городов с рассказом об испытаниях, выпавших на долю путешественников.

Ташкент

8 октября 1934 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Очень неудобно после долгого молчания писать Вам письмо деловое да еще и преглупое к тому же. Хотелось бы написать Вам просто обыкновенное человеческое письмо, но я так и не собрался этого сделать. Софья Леонидовна, если Вы ее увидите, расскажет Вам о моем житье бытие (не очень веселом) подробнее, чем я сумел бы это сделать наспех.

“Деловое” же содержание моего письма вот каково.

Я попал в неудобное положение и прошу Вашей помощи, хотя она вряд ли осуществима. Утопающий хватается за соломинку.

Летом, примерно в середине июня, нам прислали в Институт бранные останки каких-то бабочек и коконов, собранные в степи под Ходжентом. Сообщили, что вся степь полна коконами этого “шелкопряда” и просили определить. К подобным вещам обычно бывает у промышленников наивный и ничем не обоснованный интерес. Они думают, что фауна бабочек Ср[едней] Азии совершенно не изучена и при таких находках подозревают, что открыли никому неведомые источники естественных производительных сил. Директор наш отдал этих бабочек мне и просил как-нибудь их определить. Я повозился сам. Мне показалось, что определил; потом положил их у себя на столе, где они долго валялись под стеклянным колпаком, а потом про них все забыли, включая и меня, и делу конец. Вдруг сегодня про них вспомнили и директор упрекает меня в том, что я поставил его в неудобное положение, т.к. пославшие донельзя интересуются результатами своего Befunde*. Понятное дело и от бабочек и от коконов след простыл и я не приложу ума, что делать и как удовлетворить людскую любознательность. Т.к. Вы знаете всех бабочек как свои пять пальцев, то я и решил написать Вам, чтобы выяснить вероятно ли мое определение или я попал заведомо пальцем в небо. Если попал пальцем в небо, то что это за ехидное насекомое может быть?

Все, что я помню: бабочки самки размером с самку тутового шелкопряда и на первый взгляд неопытного человека очень на них похожи (но пожелтее). Склад тела как у ночниц, также домиком складывают крылья. Окраска светло “желтоватая” (палевая что ли), вторая пара крыльев, помнится, потемнее. Через переднее крыло идет слегка более темная ломаная, размытая полоса примерно начинающаяся от середины переднего края и затем поворачивающая к корню. Усики обыкновенные с бородками как у ♀ *B. mori*. Кокон настоящий из шелковинок белый, очень тонкостенный, заплетен в веточках какой то степной травки, определить которую тоже было нелегко; вернее всего какая-то полынь, а может быть и нет. Цвет кокона грязно белый. Пупариум куколки черный.

Вот и все признаки; теперь приглашается лепидоптерологический Шерлок Холмс, чтобы расследовать дело.

Я, не очень вникая в подробности, полистал Филиппевский определитель (меня просили бабочек не раздирать) и успокоился на том, что это *Lasiocampa eversmanni* Ev. Во всяком случае, под диагноз это вроде подходит. Вашему энтомологическому сердцу больно конечно видеть у Вашего ученика такое пренебрежение ко всяким щетинкам, шипикам и прочим деталям, но ничего уж тут не

* Befunde – находка (нем.).

поделаешь – не до того было. Я очень бы просил Вас, Сергей Сергеевич, ответить, правдоподобное ли это определение. Если оно неправдоподобно, то где следует искать истину, в каком атласе можно увидеть изображение зверей, к которым подсудимый может относиться. И главное, если можно это как-нибудь устроить, прислать мне на выбор несколько экземпляров тех бабочек (каких-нибудь ненужных), на которых может упасть подозрение. Я надеюсь, что узнаю свою старую знакомую в лицо. Чувствую, что просьба моя не подходит под обычный модус определения насекомых, но очень прошу выручить меня, если есть хоть какая-нибудь возможность.

Завтра уезжает Софья Леонидовна нагруженная маринованной репой и виноградом. Очень грустно с ней расставаться, опять терять живую связь с Москвой. Но скоро надеюсь ехать в отпуск, к сожалению не на совсем. Присох я здесь крепко, никак не могу распрощаться с тутовым шелкопрядом. По этому поводу настроение у меня большей частью упадочное и будущее выглядит весьма мрачно.

Очень интересно, где Вы теперь работаете после ликвидации Учкомбова, к лучшему ли изменилась Ваша жизнь?

Передайте мой привет Анне Ивановне, Асе и Николаю Сергеевичу. Не знаю, скоро ли удастся их повидать.

Желаю Вам всего лучшего

Ваш Б. Астауров

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Лл. 1–2. Автограф.

51.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

1 февраля 1935 г.

Дорогой Сережа!

В Институте у С.Г. Левита – работаете пока что хорошо. Меня не тревожат и дают возможность заниматься спокойно. Плохо с помещением: после переезда с Калужской на Таганку Институт живет в тесноте, среди стука и сора плотницких работ.

Занимаюсь в Институте генетикой, “дома” же чаще сижу за математикой. С большим трудом одолел последнюю статью Halden’a, которая по сложности много труднее его первых выпусков. Сам же тружусь сейчас над двумя темами: 1. Способы получения *чистой линии* путем разных систем размножения и при применении отбора – частью пользуюсь выводами Haldane’a, но один случай разработал самостоятельно (отбор “линий” с уничтожением тех, которые дают чистых рецессивов), в качестве своего вклада считаю также то, что для характеристики результатов скрещивания и отбора – беру отношение гомозиготных доминантов к гетерозиготным вместо того, чтобы пользоваться, как обычно делают, процентом тех или других в популяции – это многое упростило в выводах. Сейчас займусь распространением своих формул (для отбора “линий”) на случай многих генов – в соответствии с принимаемым мною определением чистоты линии, как требующей многогенной гомозиготности (по всем генам, которые прямо или плейотропно могут влиять на изучаемый признак).

2. Вторая моя тема – вычисление вероятности больных среди тех или иных родственников пробанда* при некоторых усложняющих проблему обстоятель-

* Пробанд – проявляющий тот или иной наследственный признак индивид, для которого строится родословная с целью анализа характера наследования заданного признака.

ствах (учет концентрации гена, обуславливающего болезнь; неполного проявления доминантности; понижения плодовитости у тех, у кого болезнь явно проявилась). Эти вычисления в силу несимметричности условий приводят к крайне громоздким формулам (формула для дедушек с бабушками поперек листа не уместилась, – пришлось выписывать ее вдоль!!). Не знаю, удастся ли продвинуться дальше и выйдет ли вообще толк из всей затеи. Во всяком случае это хорошая подготовка к следующей аналогичной работе для рецессивов (с неполной или с излишней “проявляемостью”).

Очень плохо, что совсем некогда читать по общим вопросам генетики, как это можно было делать во Владимире. Вообще, отсутствие до сих пор своего угла мешает донельзя интенсивной работе. Хотя я и пользуюсь гостеприимством Марии Александровны и иногда удается проработать за ее письменным столом целый день сплошь, но это ведь все-таки работа урывками. А она-то еще удивляется, отчего я так занимаюсь, не вставая с места несколько часов!? <...>

Крепко тебя целую. Еще 2 1/2 месяца до “весны” осталось. Время летит не знаю как...

Твой брат

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 189. Л. 21–22 об. Автограф.

52.

И.И. ПУЗАНОВУ

Владимир

18 февраля 1935 г.

Дорогой Иван Иванович.

Подходит конец моему сроку... Если не произойдет никаких неожиданных осложнений, то через два месяца я уже смогу повидать Вас. Из наших попыток добиться этого раньше очевидно ничего не вышло. <...>

Остается ли в силе наша договоренность об этом с Вами? Ко мне поступает здесь целый ряд предложений, подчас весьма заманчивых, но я считаю себя связанным обещанием, данным Вам, а поэтому реагирую на них все отрицательно. Ну, а как обстоит дело с Вашей стороны, т.е. со стороны Вашего университета?

Очень буду Вас просить еще раз переговорить об этом с администрацией Вашего Университета, остаются ли в силе те условия, о которых Вы писали мне в прошлом году, т.е. персональная ставка 700 р. и квартира в три комнаты (для моей библиотеки и коллекции)?...

Искренне уважающий Вас

С. Четвериков

АРАН Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Л. 2–2 об. Автограф.

53.

И.И. ПУЗАНОВУ

Владимир

23 апреля 1935 г.

Дорогой Иван Иванович,

Как говорится, “человек предполагает, а кто-то другой располагает”. Так и со мной: предполагал освободиться 13-го с.м. и приехать к Вам, а кто-то другой предложил мне еще пожить во Владимире, пока до начала июня, а там еще будет видно, что дальше. Очень мне обидно и жаль, что обманываю Вас и Ваш Университет, но видите не от моей воли это происходит, а в силу стихийных об-

стоятельств. И совершенно ни за что не могу поручиться в июне: если разрешат, то непременно приеду к Вам, а может и не разрешат, ничего не знаю... Поступайте со мной, как знаете, ведь вот уже год, как Вы меня ждете, и всякое терпение у человека может лопнуть. Надеюсь, что до середины июня Вы еще никуда не уедете и стало быть, если смогу приехать, то еще застану Вас.

Живу пока все по-старому, в общем хорошо, если бы только не полнейшая оторванность от научного мира...

В конце мая буду ждать от Вас весточки, приезжать ли мне к Вам и, если приезжать, то в какие числа июня (после 4-го) это будет всего удобнее. Мой искренний привет Алексею Дмитриевичу.

Искренне Ваш

С. Четвериков

АРАН Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Лл. 3-4. Автограф.

54.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

28 апреля 1935 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Очень радуюсь тому, что скоро кончаются все Ваши сроки и Вы, по всей вероятности, сможете возвратиться в Москву. Из того, что сообщила Анна Ивановна, можно заключить, что препятствий к Вашей прописке на старой квартире не будет, а раз так, то я надеюсь, что Вы захотите вернуться и в нашу семью. Думаю, что принимать на себя административные обязанности по заведыванию лабораторией Вам не захочется, теперь эти обязанности более официальные и более обременительны, чем раньше. Но у нас есть возможность предложить Вам должность консультанта; это уже совсем независимое положение и я охотно принимаю по совместительству консультантство в таких учреждениях научно-исследовательского типа, куда на должность заведующего я не пошел бы. Обязанности консультанта сводятся к собственной научной работе и к той или иной консультативной помощи сотрудников*. У нас была хорошо сплоченная группа молодежи, интересовавшаяся эволюционными вопросами. Вероятно Вы особенно были бы полезны этой группе, потому что она за последний месяц понесла урон: А.Н. [Промптов], очень загруженный работой во втором Университете, где он имеет [спецкурс], ушел из нашего Института, Е.И. Балкашина отправилась в Алма-Ату, а бедный Д.Д. Ромашев снова сильно заболел: как будто новый приступ шизофрении**. Вы видите, что Вы будете у нас желанным гостем и заполните на ближайшее время тяжелый прорыв в работе.

Если Вам к осени захочется педагогической работы, то думаю, когда обживетесь, всегда можно будет найти курс энтомологии в каком-либо из ВУЗов. Ставка консультанта Вашей квалификации по-прежнему положенная ИЭБ – 400 руб. Выше ставки зав. отделом. Я надеюсь, что в скором времени все наши ставки будут повышены процентов на 50, а то ведь теперь и директор получает 450 р.

Надеюсь до скорого свидания.

Желаю всего лучшего

Ваш Ник. Кольцов

Ф. 1650. Оп. 1. Д. 143. Лл. 1, 2. Автограф.

* Так в тексте.

** Это вариант написания шизофрении.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Свердловск

3 октября 1935 г.

Многоуважаемый Сергей Сергеевич!*

<...>

Кстати, Вам вероятно уже известно, что клеветы Ваши начали сами попадать в яму, вырытую ими другим: “отбыли” Юлий Вермель (не знаю куда) и Борис Кузин (энтомологом в Караганду). Впрочем, хорошо, что хорошо кончается, здесь же конец будет “счастливый”, т.к. дело почти решенное, что он еще до января должен вернуться в М[оск]ву. Тогда же очевидно приедет и Юлий Вермель. Евг[ений] Серг[еевич] сидит благополучно в М[оск]ве. Оно конечно со стороны может показаться странно, что он здесь, но дело в том, что та-то пара, оказывается, провинилась не только и не столько в качестве апостолов Ламарка, сколько в разных благоглупостях.

Занялся серьезно *Microlepidoptera* <...> Очень жаль, что Ваши материалы по *Microlepidoptera* остались, по-видимому, навеки в Ваших записных книжках. Впрочем можно утешаться, что все тлен и прах**. <...>

<...> Фенолог работает с еще большим энтузиазмом и толст как телец упитанный. Археолог шесть месяцев тянет однообразную мелодию “Солнце всходит и заходит”. В парке культуры и отдыха ничего от великих проектов <...> А как старичок с россиячками?

P.S. Величковский ушел со службы – все равно, говорит, прогонят... Мантейфеля произвели чуть ли не в божество от науки.

Ю. Колосов

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 142. Лл. 1, 2. Автограф.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

3 июля 1938 г.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

<...>^{3*}

Основное, что нас интересует – это генетика и механика развития рисунка; для исследования последней мне удалось выработать некоторые хирургические методы. Б.Л. Астауров, о чем он Вам, насколько я знаю, уже писал, ищет объекта для партеногенеза^{4*}. И так как Ник[олай] Кольцов и Д.Д. Ромашов посоветовали мне обратиться к Вам за советом, какой объект выбрать, я и позволяю сделать это.

Заранее благодарен

Лопашов

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 147. Лл. 1–3. Автограф.

* Далее автор поздравил С.С. Четверикова с обретением свободы и возвращением в Москву.

** Далее автор пишет о бабочках и знакомых в Свердловске.

^{3*} Далее автор просит совета в выборе бабочек для генетических исследований, а также просит высказать мнение о бабочках, которые выбрал сам, спрашивает, где и у кого можно их достать.

^{4*} Партеногенез – развитие зародыша у девственной самки без участия сперматозоида из неоплодотворенной яйцеклетки.

Н.К. КОЛЬЦОВУ

Горький

28 декабря 1939 г.

Дорогой Николай Константинович!

Анна Ивановна и я от всего сердца и от всей души поздравляем Вас с Новым Годом и хотим только, чтобы он принес Вам и Марии Полиевктовне как можно больше душевного мира!

Большое Вам спасибо за Ваше душевное приветливое письмо. Простите, что не ответил быстрее: сейчас предэкзаменационная суматоха и не принадлежишь себе. Вот и сейчас пишу Вам из Университета, хотя уже 1/2 10-го вечера; только что кончились консультации, пятый экзамен по генетике. Начал его читать в 1924 г. осенью, а окончил в 1929 г. весной: пять учебных лет.

Гораздо труднее перечислить моих слушателей-учеников, а насчет их ученых званий и степеней я совсем профан. Но все-таки попробую:

1. Тимофеев-Ресовский (доктор?)	8. Гершензон (доктор)
2. Леля Тимофеева (Фрейтаг)	9. Дубинин (доктор)
3. Лиля Балкашина	10. Сидоров
4. Царапки	11. Ферри
5. Астауров (доктор)	12. Шапиро
6. Беляев	13. Рокицкий (доктор)
7. Ромашов	14. Цубина

Наверное есть еще, но сейчас никто не приходит в голову.

Зачем Вам эти сведения, Вы не пишете, а мне интересно...

Да, как все это вспомнишь, наши СООРЫ и все то время... как все это было давно, как много утекло воды. А хорошо было тогда! Несмотря ни на что верилось в светлое будущее...

Мои университетские дела идут в нынешнем году гораздо спокойнее, чем в прошлом. Кафедра работает, развивается, у меня новый сотрудник доцент по цитологии, растениеводству и частной генетике растений. Он ученик Карпеченко и в общем образованный человек. С дубовым шелкопрядом тоже дела *пока* идут не плохо. В январе здесь в Горьком созывается всесоюзное Собрание по селекции дуб[ового] шелкопряда. Обещают, что приедет сам Лысенко. Возможно, что в результате будет разгром нашей Станции, я во всяком случае к этому готовлюсь. А будет немножко жаль, т.к. в нынешнем году удалось добиться интересных результатов, особенно по селекции на нововольтинность.

Все ничего, только вот замерзаем! На улице вот уже шесть дней как стоят 20–25° морозы, а дома у нас 10–11 °С; это холодно! Дров нет, почти не топят, только у внучки в комнате электрической печуркой поддерживаем 15–16°.

А внучка растет на радость бабушке и дедушке. <...>

Искренне Ваш

С.С. Четвериков

АРАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 161. Л. 1–2 об. Автограф.

*Горький**1 декабря 1942 г.*

Дорогой Коля!

Давно уже получил твое письмо, но все руки не доходили тебе написать.

Сегодня первый день зимы... Какая-то она будет для нас?

Сию с Асей в нашей единственной комнате, т.к. другую комнату пришлось закрыть – там температура ниже 0°. Сидим вдвоем за столом, посреди которого тускло горит 7-линейная лампочка (керосиновая): с 10 часов утра выключено электричество и до сих пор (8 ч. вечера) света не дают. Только что принес ведро воды из водоразборной колонки (в доме вода тоже заперта), которая к счастью тут совсем близко. Сейчас сел тебе писать. Мы с Асей блаженствуем: первый раз вытопили центральное отопление и у нас в комнате термометр поднялся до 9 °С – для нас это тропики. Поэтому настроение несмотря на отсутствие света и воды – повышенное.

Ася сидит против меня и подсчитывает веса коконов моего шелкопряда, а я вот собрался писать тебе. <...> (конечно, сидим в фуфайках и шубах, но это пустяки, руки свободно держат перо, тело не дрожит от холода) <...>

В комнате у нас стоит – наша надежда и наше отчаяние.

<...> А сколько сейчас гибнет людей! Почти каждая неделя приносит весть о смерти то того, то другого знакомого. Вот и на днях узнал, что умер крупнейший русский цитолог Г.А. Левитский. Это для науки огромная, незаменимая потеря. А ведь он не был особенно стар, вероятно, при других условиях существования он бы еще прожил и проработал не один десяток лет. <...>

<...> Ты спрашиваешь историю возникновения моей работы с шелкопрядом. Дело в том, что, как ты знаешь, этот шелкопряд дает самое крепкое волокно, идущее на изготовление “парашютного полотна”. До сих пор этот шелк ввозился к нам из Китая и Японии. Отсюда тебе понятно стремление правительства избавиться в этом вопросе от иностранного импорта. С 1936 г. тысячи колхозов от Молдавии и до Башкирии, от Закавказья и до Воронежа были привлечены к выкормкам дубового шелкопряда. Но дело оказалось не так просто, как думали некоторые. Правда, ел китайский дубовый шелкопряд наш русский дуб отлично, но наш климат ему решительно не нравился. Поэтому то и дело получались срывы – шелкопряд болел,дох, замерзал, и выкормки проваливались.

И вот в начале 1937 г. ко мне в Горький приехала учен[ый] секретарь НКЗема М.С. Павельева с предложением взять на себя руководство работой по генетике и селекции дубового шелкопряда с тем, чтобы приспособить его к нашим условиям выкормок. Обдумав это предложение, я согласился, и вот так возник наш Опорный пункт по селекции дубового шелко[пряда]. Были отпущены средства, мы построили свою лабораторию и вот уже пять лет работаем. Главным источником неудач являлось то, что кит[айский] дуб[овый] ш[елко]пряд является бивольтинным, т.е. дает в год два поколения, из которых первое вьет свои коконы в июне-июле, а второе в сентябре-октябре. Вот второе-то поколение все и губит, потому что на родине шелкопряда в Китае и Японии сентябрь и октябрь – лучшие месяцы в году: сухие, солнечные, тихие, теплые..., а у нас в это время туманы, дожди, холода, сырость. Ясно, что шелкопряд чувствует себя плохо, останавливается в развитии, захварывает, часто совсем не успевает завить коконов и мерзнет. Как выйти из положения? Я мыслил это себе двумя диаметрально противоположными пу-

тями: или – вывести такую *скороспелую* породу, которая бы за наше короткое лето успела дать два поколения *до* наступления осенних дождей и холодов; или – вывести такую медленно развивающуюся породу, которая за наше лето давала бы не два, а всего *одно* поколение, то есть переделать шелкопряда из бивольтинного в “моновольтинного”. Над первой темой работала одна моя сотрудница, но у ней существенных положительных результатов не получилось (сокращение развития оказалось слишком малым), над второй же темой работал я сам и получил блестящие результаты: вчерне моновольтинная порода уже получена, и я мог телеграфировать правительству, что имею 5300 моновольтинных коконов. Это, конечно, еще пустяки, еще начало, но начало уже прочное. А если к этому прибавить, что по дошедшим до меня сведениям в нынешнем году вследствие холодного лета и рано наступившей осени погибли все осенние выкормки дуб[ового] шелкопряда, то моя моновольтинная порода осталась *единственным* племенным материалом в нашем Союзе и возможно, что на этой базе суждено возродиться нашему дубовому шелководству... Ведь правда интересно?*<...>

А какая у нею великолепная гусеница! Огромная, яблочно- или травяно-зеленого цвета, с большими выростами и бородавками синего цвета, усаженными звездчатыми волосками. У очень многих по телу разбросаны как бы капли (большие и мелкие) золота и серебра! А как они едят: войдешь в лабораторию, а в ней стоит хруст, будто в стойлах стоят лошади и жуют овес!...

Сейчас передо мной стоит задача консолидировать мою моновольтинную породу и повысить до возможного предела ее производственные показатели (вес кокона, шелконосность и т.д.), хотя и сейчас некоторые мои семьи намного превысили существующие стандарты.

Твои письма мы все читаем с величайшим интересом. Я стараюсь вникнуть в твои математические рассуждения и кажется улавливаю основные положения, хотя конечно моих математических предпосылок – явно не хватает. Во всяком случае твои отправные идеи мне очень ясны. Когда увидимся (а я твердо уверен, что это случится), ты конечно все это растолкуешь еще яснее.

Очень хочется знать подробнее про твою жизнь. Очень нас огорчило, что бытовые условия твои ухудшились. Сейчас, в переживаемое тяжелое время, эти бытовые условия приобретают огромное значение.

Какую ты получаешь зарплату? Есть ли возможность что-либо приобретать за деньги (картофель, молоко, масло, яйца и т.д.)? Есть ли возможность тебе подкармливаться? Как попал ты в Миасс, сам выбрал или тебя туда послали. Связан ли ты с Миассом крепко, или имеешь возможность при желании отсюда выехать? Пиши про себя все, все...

Ну, будь здоров! Как хочется с тобой повидаться! Верю, что это случится и может быть не так далеко. Буду ждать твоего письма. У вас тоже, конечно, зима, но надеюсь, что ты не мерзнешь, как мы...

Крепко, крепко обнимаю и целую

твой брат Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 138. Лл. 3–6 об. Автограф.

* Далее С.С. Четвериков писал о внешнем виде бабочек.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

*Горький**8 января 1943 г.*

Дорогой Коля!

Первого декабря я писал тебе, а несколько дней спустя перевел тебе небольшую сумму денег, которая случайно оказалась у меня свободной. Но от тебя до сих пор нет вестей, и нас с Асей это начинает сильно беспокоить. Самое простое предположение это то, что либо мое, либо твое письмо затерялось на почте, но в голову приходят и всякие другие предположения, что ты болен, уехал куда-нибудь и т.п. Поэтому шлю тебе эту открытку и очень прошу сейчас же ответить, хотя бы тоже открыткой, чтобы нам знать где ты и что с тобой.

От души поздравляем тебя с Новым Годом и шлем самые лучшие пожелания. Может быть этот год принесет нам всем больше радости, чем прошедший. Обнимаем и целуем крепко, крепко.

Твой

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 138. Л. 10. Автограф.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

*Миасс**24 января 1943 г.*

Дорогой Сереза!

Я только-только что 22-го собрался снова писать тебе, как пришла твоя открытка от 8/1. Наверное ты уже теперь имеешь от меня вести, так как после получения денег я уже два раза писал Асе и тебе. Последнее время почта задерживает корреспонденцию самым ужасающим образом: письма – из Свердловска, даже из Челябинска доходят до меня через 1 1/2–2 недели. А из Ташкента, например, приходится ждать ответ чуть ли не 1 1/2 месяца.

Я писал тебе до какой степени во время пришла твоя помощь. Благодаря ей я расплатился со всеми долгами и держу еще на руках достаточно денег, чтобы дожить до выплаты нам – служащим – нашей зарплаты, которую задержали на 3 месяца!

Когда ты получишь это письмо, январь месяц уже канет в вечность. Как нетерпеливо сейчас подгоняешь время, как далеки мы от Фаустовского: “Остановись мгновенье, ты прекрасно!” Мы здесь пережили волну холода, когда морозы доходили до –38 °С (и при этом дул сильный ветер с запада). Дошла ли эта волна и до вас?

Моя жизнь – очень однообразна и устойчива. Питание у нас опять улучшилось, появилась крупа и мясо (вместо колбасы). Некоторое разнообразие вносит хождение в гости – прежде всего к столь дорогим и близким мне – Васнецовым. Но на этих днях я завел здесь интересное знакомство с академиком А.Н. Заварицким. Он – петрохимик, но у нас нашлись общий язык и интерес в виду начатой им большой работы над породами и их химсоставом. Эта работа сильно напоминает те опыты по разработке системы видов и их группировке, которой и ты сам когда то занимался. Это – графическое решение задачи Heinke. Но так как Заварицкий хочет уложить семь признаков в один график, то дело сложилось графически достаточно сложно. Приходится иметь дело с криволинейными координатами. Сейчас я сижу и разбираюсь в возможных под-

ступах, считаясь с ограниченными возможностями счетной работы и с обширностью материала (несколько тысяч пород).

Ведомо ли тебе, что Желтый* работает над большой (не по объему, а по значению) диссертацией, которая в корне должна перевернуть классификацию силикатов путем отказа от того, чтобы основу ее искать в одном лишь химическом их составе (т.е. надо идти против традиций, укрепившихся после В.И. Вернадского).

В двух словах сообщу тебе о некотором успехе в своей собственной работе.

Если мы поставим явление А в зависимость от В и С, то это можно облечь в форму уравнения, сходного с уравнением регрессии

$$\sigma_A = m\sigma_B + n\sigma_C + v\sigma_R,$$

где σ_R – “ошибка уравнения”.

Вся колеблемость А раскладывается на части:

- 1) та, которая объясняется колеблемостью В;
- 2) та, которая объясняется колеблемостью С, поскольку остается такая часть А, которая не объяснима через В, но объяснима теми элементами С, которые в состав В не входят (поэтому С' вместо С);
- 3) та, которая остается необъясненной σ_R .

При этом учитывается, что у В и С есть общая часть колеблемости, которая не должна входить в учет дважды. Чтобы этого достигнуть мы (по произволу) относим ее целиком либо к В (как в данном случае), либо к С. Поэтому коэффициент корреляции А с В – общий (полный), а коэффициент корреляции А с С' – получается частный.

Но ведь возможно поступить и иначе: разделить общую часть между В и С по какому либо правилу (произвольно устанавливаемому в зависимости от целей исследования и удобств истолкования результатов). Мне удалось при помощи геометрического построения придать всей задаче чрезвычайно наглядную форму и затем решить ее при допущении чтобы получающиеся после деления общей части – коэффициенты корреляции оказались пропорциональными общим коэффициентам корреляции между А и В и между А и С. Получился новый тип частных коэффициентов корреляций, который я позволил себе окрестить термином – коэффициент вмененной корреляции.

Кроме того я напал на след очень существенного обобщения метода совокупной корреляции, но идти в этом направлении не позволяет отсутствие всяких книг. Сейчас я набрался нахальства и написал моему большому другу в Москву – З.М. Твердовой-Савицкой, чтобы она поискала по магазинам и выслала бандеролью то, что мне нужно. (Книги бандеролью идут.) Кто знает, как долго мне придется “спасаться” в Моем Миассе... Когда я сидел в кабинете Заварицкого – в обычной обстановке научной работы – кругом полки с книгами, стол завален таблицами, справочниками, корректурами... меня взяла такая зависть – сказать нет сил!

Мне здесь заниматься, читать для себя, писать письма становится все труднее и труднее. Мой ближайший начальник ненавидит всей душой всякое занятие наукой и стоит мне сесть за книжку или выложить на столе заветную тетрадь, как сейчас же находится работа по леспромхозу – часто совершенно не спешная – и раздается оклик: “Н.С., чем Вы заняты? А ну-ка перепишите эту таблицу”... И это ведь уже после окончания конторского рабочего дня. И уйти

* Желтый – домашнее прозвище двоюродного брата Сергея Дмитриевича Четверикова, геолога-петрографа МГУ.

мне некуда: дома нет огня, да и там столько народу, что нигде не пристроишься, как только на своей кровати. Ну что же делать, а я все таки добьюсь чего мне надо!

Крепко целую вас обоих. Береги Асю – чтобы мы все еще пожили в условиях человеческих.

Твой брат

Коля

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 189. Л. 22, 23 об. Автограф.

61.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Горький

12 декабря 1943 г.

Дорогой Коля!

⟨...⟩ Сейчас мы живем вот так: в нашей квартире жить стало невыносимо, сегодня там всего +2°, хотя еще не было на улице ни одного порядочного мороза. Ася совершенно не выносит со своим сердцем дыма, а как мы ни бились, наладить печурку без дыма не удалось, отопление же совершенно безнадежно выведено из строя. Пришлось искать пристанища у чужих. К счастью у одного нашего профессора (А.Д. Некрасова) временно на зиму освободилась одна комната (20 м²) и он пустил нас к себе. Вот мы и живем у него на бивуаке, не имея своего угла, имея для своих вещей один ящик в столе и пол-ящика в комод. А живем мы вдвоем с внучкой, которая очевидно проживет с нами всю зиму. Ася (средняя) все еще в Уфе, никак не выберется оттуда со своими вещами. Ее муж в Москве, но их квартира, по-видимому, не отапливается, по крайней мере, нет ни газа, ни воды, ни канализации... Когда-то все наладится... ⟨...⟩

А в университете тоже все время не топили, так что просидев там 6 часов, коченеешь до потери чувствительности. Работать тоже нельзя, а дела – дела выше маковки. Сейчас у меня на носу большой доклад о моей работе с шелкопрядом на Всесоюзном совещании по шелководству в Москве: поставлен на 22 с.м., требуют представить его в готовом для печати виде, а где могу я его писать?! Нет никакой возможности сосредоточиться, выделить себе необходимое время, тем более, что педагогическая нагрузка у меня огромная – 22 часа в неделю, а тут еще куча деканских дел ... голова идет кругом. Приходишь домой разбитый и усталый, и как подкошенный валяешься на постель. А по вечерам заседания, народ ... Вот так день за днем и проходит, уж и Новый Год не за горами.

Мои дела с шелкопрядом идут хорошо. В нынешнем году вся выкормка в целом дала 95,8% моновольтинных коконов (против 75,2% в прошлом году), в том числе 37 семей с 100% моновольтинности. Это уже почти чистая порода. Сейчас у меня на складе около 9500 коконов. Зато в других местах (в Куйбышеве, в Уфе) опять шелкопряда постигла неудача – прошла эпизоотия, “желтуха”, и уничтожила почти все выкормки.

Как бы наш НКТекстиль не махнул на дубового шелкопряда рукой, тогда пропала вся моя работа, а будет жаль, много потрачено труда и много сделано.

Как твои дела? Конечно, понимаю, что тяжело. Но как-то нужно дотерпеть. Война кончится уже скоро. К будущей зиме много изменится. Свободнее будет со службой, свободнее будет с переездами, тогда, наверное, удастся и увидаться и устроить себе более сносную жизнь. Все мы устали, а ты, конечно, особенно. Но что же поделать? Ужасно досадно, что застопорило и с твоей работой. Но я уверен, что и это пройдет, что представится возможность побывать у нужных

людей, все объяснить, все растолковать, а то ведь сам знаешь, что легче сказать “нет”, чем “да”. Конечно, твоя работа тебя сильно подбадривала, а сейчас жизнь складывается уныло и тускло. Но вспомним бессмертного Пушкина:

“Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло;
Все минует, все пройдет,
Что прошло, то будет мило...”*

А на теперешнюю нашу жизнь я смотрю как на переходное состояние, и так к ней надо относиться...

Ася сильно устает в нашем суматошном хозяйстве. Крошка** ужасно милый ребенок, но все-таки бабушка устает. И ей трудно жить, особенно с ее сердцем. Но и это надо как-то перетерпеть. Перемелется – мука будет. А пока только одна забота: сохранить силы, сохранить здоровье и вкус к жизни до лучших дней. А они придут, не могут не прийти! Целую тебя крепко, мой хороший, не сердись за долгое молчание. Мы оба крепко, крепко любим тебя и всегда помним. Ася крепко тебя обнимает.

Твой брат

Сергей

P.S. С большим удовольствием прочли мы твои путевые записки³. Хотя я и не бывал там, но очень живо представляю себе и место, а, главное, светлое душевное настроение...

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 138. Лл. 8, 9 об. Автограф.

62.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Горький

23 июня 1944 г.

Дорогой Коля!⁴*

...А мы живем помаленьку. Я сейчас совсем один: Ася перебралась на лето на шелководную базу (в 8 км от города) и там возится с шелкопрядом, а я остался в Горьком – сейчас экзаменационная страда, и я имею удовольствие быть председателем Государственной экзаменационной комиссии. Недавно экзаменовали два дня сряду с 9 ч. утра до 1/2 2-го ночи с перерывом на 1 1/2 часа. Можешь представить себе, до какого обалдения дошли и экзаменующиеся и экзаменаторы.

В общем же устаю изрядно, к тому же очень плохо с деньгами: зарплату получаем неаккуратно, по шелкопряду вот уже 1/2 года ничего не платят, словом живем не очень важно, ждем, когда поспеет собственная картошка.

Очень большую помощь оказывает мне с шелкопрядом Ася: если бы не она, то не знаю, как бы я вообще справился с моей работой. Мой прежний лаборант выбыл из строя, а сейчас найти достаточно квалифицированного работника вещь невозможная. А Ася переехала совсем на станцию и там взяла в свои руки все руководство выкормками, так что я сейчас могу бывать там даже через день, что при моей большой университетской нагрузке для меня очень важ-

* Стихотворение А.С. Пушкина, названное по первой строке: “Если жизнь тебя обманет”. БВЛ. Сер. 2. Литература XIX в. Изд. художественной литературы, М., 1977. С. 230.

** Речь идет о дочке падчерицы С.С. Четверикова Анне Виталь.

³ Речь идет о путевых записках Н.С. Четверикова по северо-западным областям России и некоторым монастырям. Место их хранения неизвестно.

⁴ Далее речь идет о болезни Н.С. Четверикова.

но. С шелкопрядом в общем дела идут средне – почему-то очень много грены, не дающей гусениц. Боюсь, что тут сказывается то, что вот уже шесть лет я работаю все с одним и тем же материалом, и начинает сказываться вредное действие тесного родственного скрещивания. Необходимо обновить кровь, а это в свою очередь затрагивает чистоту породы.

Мы пока продолжаем жить у проф. А.Д. Некрасова и вероятно так у него и останемся, т.к. это будет к взаимной выгоде. Жена у него умерла, он остался один как перст и для него наше присутствие и забота о нем Аси прямо спасение, а для нас его квартира, хотя и тесная, всего две комнаты вместо трех – но представляет ряд удобств, из которых главное – тепло зимой.

Но благодаря тому, что мы живем здесь на бивуаке, вещи и моя коллекция все еще на старой квартире, я нынешним летом совершенно не касаюсь моих бабочек, хотя до сих пор каждое лето аккуратно продолжал над ними работать. Но сейчас так устаю, что даже не тянет к ним, а по возвращении домой, особенно со Станции, ложусь и лежу пластом. И так день за днем. А уже весна прошла, прошло летнее солнцестояние, день начинает убывать, и в душу забирается осенняя тоска...

Только бы война скорее кончилась! Какая-то есть у меня маленькая надежда, что осенью она кончится. А там видно будет, как пойдет жизнь дальше.

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую! Поправляйся и не хворай! Как-нибудь надо вывозить воз на гору! Ася тебя тоже крепко целует.

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 138. Лл. 10–11 об. Автограф.

63.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Горький

20 октября 1944 г.

Дорогой Коля,

Опять давно-давно не писал тебе и очень давно не имею от тебя вестей.

...Как-то все обрывается наша переписка, а она очень нужна и мне, и, наверное, тебе: ведь все-таки легче живется, если знаешь, что где-то на земле есть человек, который о тебе думает...

Прежде всего о твоём переводе. Кое-чем я сумею тебе помочь (если не поздно). Слово *Fichte* по-немецки имеет два значения – может быть в зависимости от разных мест – *ель* и *сосна*. Раз в скобках прибавлено *Picea excelsa* – то ясно, что автор понимает под этим словом нашу обыкновенную *ель*. Другое, более определенное название для *ели* – *die Tanne*. *Kiefer* и *Fahre* определенно значат *сосна* (*Pinus silvestris*); *die Larche* – лиственница, как ты верно перевел. Слово *Arve* я не знаю, может быть и кедр, если у тебя есть для этого какие-либо указания. Хотя обычно кедр переводится словом *die Ceder*. *Seekiefer* – конечно, приморская сосна, *Weisstanne* – (не голубая ель), а *nuxma*. *Eberesche* – рябина (лист сложный, как у ясеня – *Esche*); *Haine* – граб (*Carpinus letulus*). Ну, вот кажется все названия, которые ставят тебя в затруднение.

Ну, как движается твой перевод?*

* Далее в письме Сергей Сергеевич просит брата спросить у энтомологов, не попадалась ли им на Урале *Erebia maurisius* Esp., описанная Esper'ом в 1800 (?) г. из "Umgebung von Katerinenburg" (Екатеринбург). Никто ее больше не находил на Урале. Три года искал этот вид под Свердловском – нигде не нашел. П.П. Сушкин не нашел его у Тургояка. Нет ли его у Миасса? Николай Сергеевич еще много находил в Кузнецком Ала-Тау.

⟨...⟩ Это очень характерная *Erebia*: она совершенно без глазков, но зато с рядом продолговатых красновато-желтых пятен между жилками (на месте перевязи) как на передних крыльях, так и на задних, как сверху, так и снизу. В диске передних крыльев (в срединной ячейке) размытое и к корню желтоватое пятно. ⟨...⟩

Если бы такая *Erebia* под Миассом нашлась, то это было бы в высшей степени интересно!

⟨...⟩ Ася (F_1) ждет сына. Конечно, нужна бабушка, и бабушка поехала, хотя и без особого энтузиазма. Обещала вернуться в первых числах ноября, но я что-то плохо в это верю*.

⟨...⟩ Окончательно переехал к Некрасову (пять машин с багажом, мебелью, коллекциями и т.д.). Всю библиотеку пришлось свалить в стенной шкаф (кроме бабочек).

Педагогическая нагрузка – 24 ч. в неделю + деканство. ⟨...⟩

Твой брат Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 138. Лл. 12–13 об. Автограф.

64.

Д.В. ШАСКОЛЬСКОМУ

Горький.

8 декабря 1948 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович,

Давно-давно получил Ваше письмо и вот все до нынешнего дня не отвечал. Не сердитесь на меня за это! Когда пришло Ваше письмо я был безумно завален работой: я читал новый для меня курс (специалистам): “Новейшие задачи и последние достижения генетики”. Вы представляете себе какую адскую работу приходилось мне проделывать, рыться в журналах русских и иностранных, все это прочитывать, перерабатывать и излагать так, чтобы это было и понятно, и интересно... Я был замучен в лоск, не спал ночи, голова трещала... При всем желании написать Вам я не мог урвать для этого и $\frac{1}{4}$ часа.

Сейчас моя жизнь качнулась в другую крайность: никаких лекций, никаких занятий, никакой работы вообще, свободен как ветер...

Далось мне это не совсем легко. 1-го сентября я получил увольнение из Университета, 10-го – с работы по Шелкопряду, на котором я работал 12 лет, а 13-го у меня сделался сердечный припадок (инфаркт), от которого я все-таки (к сожалению) поправился, хотя еще не совсем. Почти три месяца я пролежал в постели, не смея даже приподняться. Сейчас мне разрешено вставать часа на три–четыре, и вот я пишу Вам, сидя за столом.

Что-то Вы поделяваете, как живете? Я тоже не раз вспоминал Вас за все эти долгие годы. Если встречаетесь с Квасовым или переписываетесь с ним, передайте ему мой самый сердечный привет, у меня осталось о нем самое светлое воспоминание.

Не смею просить Вас написать мне, но если бы я получил от Вас несколько строк, Вы бы очень обрадовали и утешили своего старика-учителя.

Искренне любящий и уважающий Вас

С. Четвериков

Из личного архива проф. Н.М. Артемова. Автограф.

* Сергей Сергеевич далее пишет, что Ася-мама хочет оставить Асю-бабушку у себя на всю зиму. Последняя не хочет.

И.И. ПУЗАНОВУ

Горький

25 декабря 1950 г.

С Новым Годом, с Новым Счастьем!

Дорогие Иван Иванович и Евгения Николаевна!

Очень обрадовало меня ваше письмо и Ваш сонет*: большое, большое за них спасибо!

Вы совершенно правы, если завидуете мне. Как-то Метерлинк сказал: “le mal c’est le bien, que nous ne comprenons pas”**. На мне это сбылось полностью, и я часто думаю, что у нас сейчас мало людей таких счастливых, как я. Подумайте только – свободен как ветер, могу работать над тем, что тянет, работаю столько, сколько хочу и сколько могу, не знаю, что такое заседания и совещания, что такое планы и комиссии, словом не знаю никакой муры. Единственное мое горе – это то, что я слепну. Вижу все как в густом тумане, плохо различаю оттенки, синий и зеленый цвета, желтый и коричневый. А мне в моей работе с бабочками это так плохо!

Сейчас увлекаюсь “Крымской фауной чешуекрылых”. Уже вчерне обработал все мои материалы (вчера кончил). Мне известно 665 видов. Если принять общую емкость Крымской лепидоптерофауны в 1000 видов, то это равнехонько 2/3. Конечно, это очень еще мало, но все-таки кое-что на этом материале можно сделать. Мне обещают из Академии предоставить обширные материалы Н.Я. Кузнецова, кроме того А.М. Дьяконов очень любезно помогает мне. Ужасно хочется, прежде чем совсем ослепну, успеть закончить эту работу. А фауна ведь очень интересная! В связи с этим у меня к Вам, Иван Иванович, очень большая просьба. Вы ведь хорошо знаете Крым и ежегодно там бываете. 1) В Симферополе, в Краеведческом музее есть материалы по Крымским бабочкам; есть ли там кто-либо, кто бы мог дать о них хоть какие-либо сведения, например сличить мой список с музейным и т.п.? 2) Исключительно интересным местом по своей фауне оказался район Заповедника (быв. Космо-Демьянский монастырь); нет ли в Заповеднике каких-либо материалов по бабочкам? По-видимому буковый лес проник в Крым с севера из Средней Европы во время ледниковой эпохи и сохранился там со своей средневропейской фауной. Всего двухдневный сбор в этом районе дал сразу с десятка видов, не встреченных нигде более.

Спасибо за прекрасный сонет. Я ведь очень люблю эту форму, сжатую, четкую, образную {...} Что же касается “Галилея”, то все же очень лестное для меня сравнение с ним не совсем правильно, ведь мне собственно “каяться” не приходилось, а потому и ногой я не мог притопнуть. Ведь меня просто “ушли” без разговоров и объяснений. Поэтому так все благополучно для меня и кончилось: всего припадок инфаркта – четыре месяца полной лежки + два месяца полужежки и остаток в виде постоянной боли сердца при малейшем утомлении. А если бы со мной поступили, как с Галилеем, то мне бы, вероятно, пришлось предпринять путешествие – или очень коротенькое, по соседству с Анной Ивановной, или, напротив, довольно далекое, о котором еще покойник Плевел говорил: “дальше едешь – тише будешь...”. {...}

До свидания

Ваш С. Четвериков

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Лл. 5–6 об. Автограф.

* У проф. И.И. Пузанова много поэтических произведений. Они хранятся в АРАН. Ф. 1674. Д. 160. Лл. 160–582. Данный сонет посвящен С.С. Четверикову.

** Зло – это добро, которое мы не понимаем (фр.).

Горький

25 января 1951 г.

Дорогой Иван Иванович!

Большое Вам спасибо за Ваше любезное письмо и за те интересные и очень для меня ценные сведения, которые Вы в нем мне сообщаете. По получении Вашего письма я немедленно написал Ю.В. Аверину и уже имею от него ответ. Правда, вышло не совсем так, как я ожидал, но во всяком случае контакт есть, а дальше надо будет стараться использовать его до предела. Дело в том, что, как пишет Аверин, передача музейного материала в Филиал АН состоялась пока еще только на бумаге. Сами же материалы и все к ним относящееся продолжает храниться в Музее (пока филиал не представит натурою NN количества шкафов), и когда осуществится фактическая передача – неизвестно. Пока же Аверин обещал переслать мне имеющиеся у них важные сборы. И это уже хорошо, главное, что установился контакт.

Вы спрашиваете, читал ли я Вашу работу в “Известиях ГУ”? Конечно, читал и не только читал, но и штудировал, и собираюсь еще раз ее проштудировать, как говорят студенты, “от корки до корки”. В отношении *via pontica** Вы безусловно правы, и я уже в 1914 г. вскользь указал на это в своем автореферате о фауне *Lepidoptera* Старого Крыма (“Изв. М. Энт. О-ва”, т. 1), который Вам очевидно известен, т.к. Вы приводите данные из него в Вашей работе. От себя прибавлю вот еще что. Бабочки *не дают никакого* материала для *via caucasica***! Я довольно хорошо знаю фауну “Горного Кавказа – Главного хребта” (Теберда, Майкоп). И определенно утверждаю, что в фауне Горного Крыма нет *ни одного* представителя Горного Кавказа, хотя на Главном хребте Кавказа и имеется изрядное их количество! Зато связь с Закавказьем (Месхийский горст) очень яркая. Что же касается позднейших вселенцев, то кроме *via balcanica**** и *via austrorossica***** (западная) несомненно очень заметный элемент дает *via volgaturanica**, чрезвычайно характерно представленная особенно на Керченском п-ве и постепенно вклинивающаяся к западу, хотя еще на Ай-Петри кое-что из нее попадает. По-видимому, это один из позднейших путей, вероятно, в одно из межледниковий, когда Азовского моря еще не было или его очертания были иные, и когда Туранская фауна двинулась на запад, заселяя Заволжье (которое к этому времени окончательно освободилось от Апшеронского моря), через Волгу в Прикумские и Прикубанские степи, а оттуда и в Крым, на Керченский пол-ов.

И еще одна особенность Крымской фауны, о которой мне хочется Вас спросить. Южно-бережская и горная фауна заметно делится на восточную и западную. Пограничная полоса проходит приблизительно по Алушто-Симферопольскому шоссе. Из дневных бабочек я могу назвать два вида (*Leptidea duponchelii* Stgr. и *Thestor collimachus* Ev.), которые нередки (особенно первый) к востоку от этой полосы, и нигде не были встречены к западу от нее. То же можно указать еще для целого ряда ночных бабочек *Heterocera*. Обратно – затрудняюсь привести примеры, т.к. фауна восточной части все же исследована слишком слабо и возможно, что отсутствие в ней тех или иных видов из западного побережья

* Через Причерноморье (лат.).

** Кавказский путь (лат.).

3* Через Балканы (лат.).

4* Южно-русский путь (лат.).

5* Волго-туранский путь (лат.).

объясняется просто недостаточным исследованием. Чем объяснить такое деление? Не знаю, может быть, Вы скажете какие-либо свои соображения. Во всяком случае причина не геологическая (в узком смысле слова), а, вероятно, климатическая или связана с ледниковыми периодами. Кстати, что Вы знаете и что посоветуете прочесть (если есть) относительно того, как протекал ледниковый период в Крыму? Был ли нетающий снеговой покров на Яйле (ледника очевидно не было)? Судя по находкам северного оленя и песка, климат был достаточно “северный”, и, конечно, на Яйле вся “понтическая” фауна, равно как и “туранская” (если бы таковая уже существовала) должна была бы исчезнуть. Отсюда очевидно, что волго-туранская фауна проникла в Крым уже после последнего сильного (рисского) оледенения. Может быть, создавшиеся тогда условия и определили деление южно-бережской фауны на восточную и западную?

Дорогой Иван Иванович, простите, что я затрудняю Вас всеми этими вопросами. Но войдите в мое положение: я наконец “дорвался” до Крыма, до зоогеографии вообще, а ведь кроме Вас у меня нет ни души знакомой, с кем бы было можно поговорить на эти темы. Поэтому не судите слишком строго!..

Поздравляю Вас с именинницей! Сегодня Татьянин день – день нашей “Alma mater”! Как-то она празднует его – бедная?..” <...>

Искренно Ваш

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Лл. 7–8 об. Автограф.

67.

И.И. ПУЗАНОВУ

Горький

12 марта 1951 г.

Дорогой Иван Иванович!

Давно уже получил Ваше письмо*, а затем и оттиск Вашей работы о крымских моллюсках**. За то и за другое большое спасибо.

Значит и по моллюскам намечается это деление и границу Вы проводите в сущности там же, где и я (по ложине, по которой пролегает шоссе Симферополь – Алушта)! Замечательно. Жаль только, что Вы в этой работе только попутно касаетесь дробления фауны по станциям. <...> У бабочек некоторые Крымские станции чрезвычайно характерны и интересны. Я уже писал Вам об особенностях фауны сосновых лесов и буковых лесов. Но пожалуй самой интересной из известных мне станций, сохранившей наибольшее число древних обитателей, а часто и эндемиков (*Satyrus cuxinus Kuzn!*), являются каменные осыпи по южному склону Яйлы, где навалены груды камня и щебня, покрытые скудной растительностью с отдельными стоящими деревьями и кустами. Целый ряд видов попадался мне только на этой станции, и среди них *Leucanitis saissani Stgr.*, описанная с оз. Зайсана, найденная затем в Закавказье, но отсутствующая (не найденная?) в Малой Азии; монотипическая (очевидно очень древняя) *Epimecia ustula Frr*, распространенная по всему Средиземноморью от юж[ной] Франции до нижнего Поволжья, но отсутствующая (не найденная?) в Мал[ой] Азии и Закавказье; новенькая, эндемичная *Cidaria tauridata n.sp.* и еще ряд других форм.

* Письмо И.И. Пузанова не сохранилось.

** По-видимому, речь идет о статье “Своеобразие фауны Крыма и ее происхождение”. Уч. зап. Горьков. ун-та, 1949. В. 14. С. 5–32.

Ужасно жалею, что в свое время не провел на этой станции систематических сборов ночью на приманку, хотя, конечно, это было связано с некоторыми трудностями: тащиться и тащить все снаряжение целую ночь в горы, бродить там одному ночью с фонарем по каменистым глыбам, рискуя сорваться и переломить себе ногу, не говоря уже о жутком ощущении одиночества в темноте в горах. Всего один раз проделал я там ночной лов, и он дал интереснейшие результаты – целый ряд видов, которых я затем в Крыму больше не встречал*. <...>**

Искренне Ваш

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Лл. 9–10 об. Автограф.

68.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Ленинград

28 июля 1951 г.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич,

Вы, вероятно, удивлены моим долгим молчанием. Причина его в всеобщем летнем разъезде, из-за которого я не мог до сих пор выяснить некоторые формальные вопросы. Приехав в Ленинград, я застал Е.Н. Павловского уезжающим на два месяца в отпуск. Я передал ему Ваше письмо и изложил обстоятельства дела. Е.Н. вновь подтвердил заинтересованность ЗИНа в приобретении Вашей коллекции и, в случае Вашего согласия осенью намерен возбудить соответствующее ходатайство перед президиумом Академии. Исходя из знания средств, которыми располагает Академия, Е.Н. считает, что можно просить сумму порядка 15–20 тыс. Это, разумеется, лишь малая доля действительной стоимости булавок и коробок.

Отъезд Б.Е. Быховского задержал обсуждение возможной формы передачи коллекции. Лишь на днях мне удалось с ним встретиться. Основная трудность заключается в оформлении оплаты при вполне естественном Вашем условии – пожизненном сохранении коллекции при Вас для обработки. В последнем ЗИН, разумеется, заинтересован, т.к. научная ценность коллекции будет этим постоянно повышаться. Однако по бухгалтерским правилам всякая оплата возможна лишь при приеме материалов. Поконсультировавшись с рядом лиц и академическими юристами, Быховский считает возможным преодолеть эту формальную трудность и просил сообщить Вам возможные варианты, с тем чтобы знать Ваше мнение.

Первый. В случае получения от Вас юридически оформленной дарственной (с условием сохранения коллекции при Вас), ЗИН по своей инициативе сможет просить Академию о частичной компенсации в указанных выше пределах.

Второй. ЗИН мог бы приобрести у Вас (как фактическую покупку) часть материалов, в которых Вы лично менее заинтересованы (например, ватные сборы или иные материалы, которые Вы не намерены обрабатывать) с переда-

* После отъезда проф. А.Д. Некрасова в Москву.

** Далее идет речь о “Кавказской” теории Крымских гор. Сергей Сергеевич склонен был видеть общность Крымских гор с Понтийскими горами близ гор. Амазия. Там тоже “залысины” на вершинах, тянущиеся на многие километры с отдельными группами деревьев или кустов и с провальными ямами (карсты?), где держится снег или лед, откуда местные жители возят его летом на осликах в Амазию, как это делается с Яйлы в Алупку.

чей их ЗИНу. Остальная же часть может быть передана Вами на условиях, которые Вы сочтете нужными.

Не рискую лично советовать что-либо. Первый вариант, конечно, проще, но может быть менее надежен. Впрочем, все будет определяться, главным образом, наличием средств в Академии. Все же мне кажется, что юридическое оформление передачи коллекции в Академию было бы рациональным. Это не только позволило бы Академии платонически наблюдать за сохранностью коллекции, но просто обязало бы к этому и гарантировало бы сохранность материалов, по крайней мере пока существует ЗИН.

Очень желательно получить от Вас ответ по этим вопросам возможно скорее, с тем, чтобы к началу сентября, когда восстановится жизнь в Академии, можно было уже принять реальные шаги.

Извините, что так много пишу о вещах не очень интересных, но хотел изложить Вам положение достаточно подробно.

В ЗИНе все передают Вам привет. А.М. Дьяконов, вероятно, Вам уже писал. Посылочку с бабочками, которую я забыл взять с собой из Ленинграда, он перешлет с одним из аспирантов при случае.

Как Вы себя чувствуете. Пожалуйста, напишите, выполнил ли горсовет данные обещания, в частности в отношении поликлиники. Если Вам что-либо понадобится, то пожалуйста пишите мне, а в случае необходимости какой-либо поддержки от ЗИН адресуйте прямо к Е.Н. Павловскому.

Я не смог выполнить ден...* Вашу просьбу о книге Кожанчикова. В магазине ее нет, но обещали найти экземпляр. Если не найду, то пришлю Вам свой экземпляр (у меня их два). К сожалению, почти не бываю в Ленинграде, т.к. сижу в Петергофе, увязнув в экспериментальной работе. Занимаюсь влиянием света на *гонотрофические*** циклы комаров. Но работается плохо, не хватает рук и времени. Бабочек и гусениц собираю мало. Год бедный энтомологически, хотя погода в первую половину лета была исключительно хорошей; но с июля почти непрерывные дожди. На днях возвратились из Туркмении Кузнецов и еще одна сотрудница (очень способная), привезли интересные и обильные сборы из песков и предгорий.

У меня к вам большая просьба. Если Вас не затруднит, то при случае сообщите, пожалуйста, известные Вам находения хлопковой совки в северных частях ее ареала у нас (не считая разумеется Кавказа и Ср. Азии). Мой аспирант Горышин заканчивает диссертацию по экологии этого вида, но крайне мало удалось найти достоверных точек для оценки северных пределов ее распространения. Может быть Вы сможете помочь нам в этом.

К сентябрю вернусь окончательно в Ленинград и напишу Вам, что нового за лето в энтомологическом мире.

Передайте, пожалуйста, искренний привет Николаю Сергеевичу и Нине Константиновне^{3*}.

Желаю Вам всего доброго и прежде всего здоровья.

Искренне уважающий Вас

Данилевский^{4*}

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 132. Лл. 1–4. Автограф.

* Слово неразборчиво.

** Гонотрофический [от латинских слов *gonas* (половая клетка) и *trophe* (питание)] означает положительное влияние на функции размножения.

^{3*} Нина Константиновна – жена проф. Горелика; их квартира находилась на той же лестничной площадке, что и квартира С.С. Четверикова.

^{4*} Энтомолог, научный сотрудник ЗИНа. Вместе с А.Н. Загуляевым принимал и отправлял в Ленинград коллекцию бабочек С.С. Четверикова.

Т.Д. ДОБРЫНИНОЙ

*Горький**3 октября 1952 г.*

Дорогая Тата,

Получил твое письмо, которое, конечно, меня удивило и в то же время очень обрадовало. Давно-давно мы не видались и мало знали друг о друге.

Прежде всего о деле. К сожалению, в твоём сообщении есть очень крупная неточность: моя внучка Нелли действительно живет в Сибири, но не в Еланске, а в Бердске – это за 1000 км от Красноярска*, немного южнее Новосибирска. И она и ее муж работают радиоинженерами и, следовательно, едва ли могут чем-либо помочь Т...** Конечно, это очень досадно, очень бы хотелось как-нибудь его устроить... На всякий случай я ему напишу о положении вещей.

Спасибо большое за рассказ о себе и о твоих детях и внуках. Кое-что я в основном знал из сообщений брата Коли, из писем Кати (твоей сестры) и Мани Алексеевой. Кстати сказать, Коля сию минуту сидит за столом напротив меня и пишет свои нескончаемые переводы. Он приехал ко мне 1-го и прогостит дней десять. Живет он ничего в своем Владими́ре, правда, комнатка у него проходная, но он человек невзыскательный, а главное, хозяйка – интеллигентная (бывшая сельская учительница), живут они дружно, а это главное. Здоровье его нормальное и настроение гораздо спокойнее и лучше, чем было за последнее время в Александро́ве. Я только что сказал ему, что пишу тебе, и он просит передать тебе и Ал[ексан]дру Ал[екс]еевичу** сердечный привет. Теперь о себе. Ты пишешь, что уже бабушка, а знаешь ли ты, что я уже тройной прадедушка?! Два правнука живут в Сибири, в Бердске, а правнучка – Ленинградская. Старший правнук Сережа (в честь прадедушки) уже с прошлого года “школьник”, очень славный, очень самостоятельный, развитой и инициативный мальчуган. Другому правнуку – Гере (Георгий) 2 1/2 года, он еще плохо говорит, но в общем славный бутуз. Наконец, Милочка (Людмила) совсем еще крошка, ей всего 8 месяцев. Вот как время-то летит – старое старится, а молодое растет.

Ты спрашиваешь в письме о датах рождения и смерти “Кашинцевских”. Увы, Тата, память у меня стала старческая и я ей совершенно перестал доверять. А кроме того все это было давно, так давно! Посоветовался с Колей, но его воспоминания разошлись с моими, а потому предпочитаю ничего тебе не сообщать. Но где-то у меня в “недрах” должны храниться огромные листы, на которых моя мама (Мария Александровна) когда-то составляла родословное дерево всей семьи Четвериковых, Алексеевых и их родни. Там все эти сведения должны быть. Мне эта родословная ни к чему, никто моими предками и родственниками не поинтересуется, а раз тебе это интересно, то постараюсь разыскать эти листы и тогда переправлю их тебе.

Сам живу – не тужу. Пенсия у меня достаточная, живу никому не в тягость, никому не обязываюсь и спокойно жду неизбежного. Сколько хватит глаз – вожусь со своими коллекциями, веду обширную переписку, так время-то и течет незаметно. Самое большое мое горе – это мои глаза. Слепну я, правда, медлен-

* Слово не прочитывается.

** А.А. Добрынин – муж Т.Д. Добрыниной.

но, но вижу все хуже и хуже, почти не могу читать... Вот когда совсем ослепну, будет плохо. Ну, да надеюсь не дожить до этого. Был у лучших здешних врачей. Смотрели, смотрели – и ничего не увидали. Глаза, как глаза. Главное, утешили, что нет ни глаукомы, ни отслоения сетчатки. Один доктор сказал: “Лет на шесть Вам Ваших глаз еще хватит”. Ну, большего мне и не надо, вот только обидно, что не могу заниматься так, как бы хотелось. Еще в ясные, солнечные дни кое-как вижу, а как начнет хмуриться, поползут тучи, так и шабаш – ничего не могу разглядеть. На улице в сумерки натыкаюсь на людей, особенно на ребят, т.к. поле зрения сильно сужено...

А сердце мое, с тех пор как кончилась вся эта трепка нервов, – постепенно успокоилось и побаливает только, когда выхожу. А дома я чувствую себя совсем (почти) здоровым.

Целую тебя крепко, дорогая Тата, и от чистого сердца желаю тебе всего-всего лучшего. А главного спокойствия и здоровья! Передай, пожалуйста, мой привет Але[ксан]дру Ал[ек]сеевичу и всем твоим детям и внукам!

Всего хорошего!

Твой брат Сережа

Архив кабинета истории ИОГен РАН. Ф. С.С. Четверикова. Ф. 2. Д. 1. Лл. 1, 2. Авторизованная машинопись.

70.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

г. Пушкино Московской обл.

23 февраля 1953 г.

Дорогой Сергей Сергеевич! Опять я все лето путешествовал. Вернулся с Волго-Дона в декабре, где занимались лесопосадками. На днях напечатал фото*, что делал тогда у Вас. Посылаю Вам пока две штуки. Желаю Вам здоровья. Передаю поклон от жены и детей.

Алексея Дмитриевича** давно не видал. Все некогда. Он был недавно в санатории Абрамцево и скоро должен вернуться оттуда. Собираюсь к нему зайти.

Всего лучшего

И. Фортунатов

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 182. Л. 1. Автограф.

71.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

г. Пушкино Московской обл.

5 марта 1953 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!
Посылаю Вам еще три фото*. Желаю здоровья.
Передаю поклон от семьи.

И. Фортунатов

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 182. Л. 2. Автограф.

* Фотографии, о которых идет речь в письме, в фонде Четверикова не обнаружены.

** А.Д. Некрасов – проф. биофака ГГУ, пригласивший Четвериковых в 1943 г.

72.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

По Червленое Сталинградской обл.

25 апреля 1953 г.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Поздравляю Вас с 1 мая. Желаю здоровья. Работаю опять в экспедиции Академии Наук по облесению Волго-Донского судоходного канала им. В.И. Ленина. Передайте мой поклон Алексею Дмитриевичу.

Ваш

И. Фортунатов

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 182. Л. 3. Автограф.

73.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

1 октября 1953 г.

Дорогой Сергей Сергеевич,

Очень огорчен тем, что заставил Вас ждать моего ответа.

В день моего отъезда в Мещеры я успел получить Вашу библиотеку но не успел написать, полагая, что напишу в дороге и оказалось, что забыл Ваш адрес в Москве.

Сегодня по возвращении получил Вашу открытку и немедленно пишу.

Все пришло в полном порядке, как мне благодарить Вас за все это богатство!

От всей души желаю Вам здоровья.

Крепко Вас обнимаю и еще раз желаю здоровья

Всегда Ваш

Дубинин

P.S.: Мой самый теплый привет милому Николаю Сергеевичу

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 134. Л. 1. Автограф.

74.

И.И. ПУЗАНОВУ

Горький

25 декабря 1953 г.

Дорогой Иван Иванович!*

⟨...⟩ В общем мои дела неважные. Но больше всего меня удручают мои глаза – слепну и слепну все сильнее, никого не узнаю, едва читаю печатное (очень немного), рукописное же часто совсем не могу разобрать. Дни проходят однообразно-пусто.

Чувствую себя подчас очень одиноким. К тому же как-то сразу разъехались близкие мне друзья. Уехал Ал[ексей] Дм[итриевич]**, бросив меня на произвол судьбы, точнее на произвол управдома. Уехала Фанни Аркадьевна с Николаем Петровичем в Саратов. Варенька все-таки его доконала и теперь воцарилась на его кресле. Уехала и семья Гореликов, которого травил чуть ли не 1 1/2 года, так что он бросил все: и прекрасную квартиру, и дачу, и учеников, и лабораторию, и свою работу – только бы бежать из Горького. Сейчас он работает под

* Далее следует поздравление с Новым годом. и сообщение о здоровье.

** А.Д. Некрасов. См. письмо № 70 от 23 февраля 1953 г.

Москвой, живет в двух комнатухах (и то их ему только что дали), без домработницы, в 14 км от Москвы, осенью окруженный непролазной грязью – и бесконечно счастлив! Его жена изредка мне пишет и в каждом письме чувствует радость, что им удалось вырваться. Вот так-то мы и живем в Горьком.

В Университете, особенно на биофаке – *bellum omnium contra omnes**! К счастью, я почти не соприкасаюсь с ним. Единственный человек, который хоть изредка навещал меня – Андр[ей] Анд[реевич] Соболев (он теперь заведует кафедрой Ал[ексея] Дм[итриевича] и в то же время проректор по научной части), и тот что-то не показывается вот уже полгода.

Ну, что же еще хорошенького написать Вам про Горький? На место Ал[ексея] Дм[итриевича] наш управдом вселил ко мне некоего Агапова – может быть Вы помните эту фамилию немножко (в связи с кражей электроэнергии во время войны). На редкость отвратительная фигура – “шпик”, по отзывам людей, лучше его знающих. Вселился он с женой и сынишкой 7 лет. Оба последние еще приемлемы, а с ним я стараюсь встречаться как можно реже. Были у нас и крупные скандалы, а сейчас держим вооруженный нейтралитет. Только моя Дуся по временам крупно с ними скандалит...

Продолжаю с грехом пополам возиться с Крымскими бабочками, хотя по своей слепоте иногда их ломаю или делаю такие lapsus'ы, что самому становится жутко. Установилась довольно оживленная переписка с Симферополем, со ст[аршим] н[аучным] с[о]тр[удником] А.В. Богачевым (благодаря Вам!), и он время от времени шлет мне посылки с бабочками.

На этом пока кончаю. Еще раз сердечные поздравления Вам и Евг[ении] Ник[олаев]не! Всех и всяких Вам благ!

Искренне Ваш

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Лл. 11–12 об. Автограф.

75.

С.С. СТАНКОВУ

Горький

8 апреля 1954 г.

Дорогой Сергей Сергеевич,

Вчера я был у Татьяны Сергеевны**, и она мне сказала, что Вы спрашивали ее о том, какое впечатление произвело на меня Ваше письмо, напечатанное в “Правде”^{3*}.

Я не писал Вам потому, что не знал, как Вы отнесетесь к моему письму, не сочтете ли Вы его за навязчивость с моей стороны. Но, если Вы ничего не имеете против, охотно пишу Вам.

И прежде всего позвольте [мне] горячо, искренне, от всего сердца поблагодарить Вас!! Я все думал: неужели же я умру, так и не дождавшись правды, с позорным клеймом на нашей русской науке? Теперь я говорю: “Ныне отпускаеши”... Конечно, это начало конца!

Я слишком хорошо знаю Вас, дорогой Сергей Сергеевич, чтобы допустить мысль о том, что Ваше письмо было написано в “Правду” легкомысленно, не заручившись заранее согласием и поддержкой. А это в свою очередь является

* Крылатая фраза Гоббса: война всех против всех (лат.)

** Т.С. Станкова – дочь проф. С.С. Станкова.

^{3*} С.С. Станков. “Об одной порочной диссертации”. “Правда” 26 марта 1954 г.

гарантией, что Ваше письмо не останется гласом, вопиющим в пустыне, а получит дальнейшее развитие. Итак, жду продолжения!.. Ужасно жду!!

Ваше письмо написано очень хорошо: достаточно твердо и жестко, но в то же время вполне корректно. И бьет прямо в цель, мимо Дмитриева*...

Конечно, Вы нажили себе злобного и мстительного врага. Конечно, тень могущественного человека до сих пор его еще более или менее охраняет. Но живое всегда побеждает мертвое, и пока живое сильно, Вы можете спать спокойно.

С нетерпением жду продолжения! Правда, сейчас время не очень благоприятное: на очереди другие, более крупные дела – Женевское совещание, целинные земли и т.д. Но когда-нибудь дойдет очередь и до “Ефима”**.

Я жду ревизии – отдела Генетики АН, ВАСХНИЛ, а затем более или менее крупных перемещений “работников”. Поживем – увидим, только бы дожить, очень хочется!..

Еще раз огромное, преогромное Вам спасибо!!

Передайте, пожалуйста, мой привет Марии Федоровне!

Крепко жму Вам руку

Искренне преданный Вам

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 111. Л. 22 об. Отпуск машинописный.

76.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Горький

15 ноября 1954 г.

Дорогой брат Коля,

Деньги по этой Сберегательной книжке № 01.112 положены на твое имя. Чтобы их получить, тебе достаточно явиться в сберкасса № 7/098 (на ул. Пискунова) со своим паспортом.

Прошу тебя распорядиться этими деньгами следующим образом:

1. Пять тысяч (5000) рублей передай Дусе.

2. Оставшиеся деньги раздели ровно пополам, половину оставь себе, а другую половину посылай Мане Алексеевой каждый месяц по триста (300) рублей, пока не исчерпаются все деньги. Это мой обычный взнос. Спишись с ней и предупреди о порядке высылки и о времени, сколько месяцев ты будешь высылать. В общем – она знает. Ее адрес: п/о Кореиз (Крым), посел. Верхний Мисхор, Виногоградная ул., № 1. Марии Николаевне Алексеевой.

Вот и все... А пока целую тебя крепко-крепко и совершенно уверен, что ты все сделаешь, как я прошу.

Будь здоров! Твой брат

Сережа

“Две тысячи” переправлено на “Три тысячи” собственноручно С.С. Четвериковым 18 июня 1956 г.^{3*}

Из личного архива Г.В. Риле. Москва. Автограф.

* Дмитриев В.С. – протеже Т.Д. Лысенко, автор “порочной диссертации”

** Прозвище Лысенко Трофима Денисовича. Легко ассоциируется с собственным его именем.

^{3*} Позднее “Три тысячи” были переправлены еще раз на “Пять тысяч (5000) рублей” рукою С.С. Четверикова (Примеч. сост.).

Москва

15 ноября 1954 г.

Дорогой Сергей Сергеевич,
очень давно Вам не писал, – письменная связь трудное дело, – но никогда Вас не забывал.

Сейчас просто хочется порадовать Вас тем, что в Москве как будто меняется положение в области генетики.

Правда пока все еще находится в плоскости надежд и мечтаний, однако, приобретающих уже реальные формы и пытающихся воплотиться в действительность.

Во всяком случае 5.XI едва не была учреждена Президиумом АН СССР ленинградская лаборатория цитологии “на правах Института” (со штатом около 50 чел.) под директорством Дмитрия Николаевича Насонова. В составе ее должен был быть отдел “цитологии наследственности”, руководить которым Д.Н. предлагал мне (я не без внутренней борьбы отказался по ряду причин). Насонов взялся за это дело *по предложению* Президиума АН, персонально Топчиев и получил очень широкие полномочия как в области содержания работ и структуры учреждения, так и материальные. Дело велось независимо от деятелей биоотделения; было уже готово постановление президиума и вопрос стоял первым пунктом в повестке заседания. *В последнее мгновение* вмешались реакционные силы и Опарин устроил сцену президенту по поводу того, что нарушается принцип демократии и важный вопрос решается без учета биоотделения. Вопрос сняли с повестки дня и отложили, но *не отменили*. Насонов настроен решительно и не идет ни на какие компромиссы и дискуссии. Его лозунг создавать науку “без всякой липы, без заклинаний и оговорок”. Он и ленинградцы вообще очень много сделали, чтобы сдвинуть это дело с мертвой точки. В вопросах генетики в проекте поставлены все нужные точки над “i”.

Другая линия развития – вопрос об организации лаборатории экспериментальной генетики также “на правах института” под руководством Николая Петровича Дубинина. О необходимости оживить работу в области генетики Н.П. высказался на засед[ании] биоотделения еще весной. На это, спустя некоторое время, последовала реакция со стороны Опарина в виде предложения подать докладную записку. Она была подана, сперва в очень кратком виде, потом по предложению Опарина же подана была развернутая записка-проект. Это произошло 12.XI и в тот же вечер я видел Н.П. и знаю, как все обстояло (я, как и некоторые другие генетики, принимали в этих делах небольшое участие). Подробности писать трудно, но главное, что по приезде Опарина из Стокгольма в начале декабря записка-проект будет направлена на “деловое”, но не широкое обсуждение в биоотделении. Проект предусматривает штаты в 75 человек.

Здесь, значит, все идет по нормальным каналам, а не в экстраординарном порядке, как шло дело с лабораторией Насонова. Куда все это по нормальным каналам приплывет покажет, видимо, не очень отдаленное будущее.

Вот немного, что мне хотелось Вам сообщить. Я знаю по себе как омрачена была жизнь биологическими событиями. Последнее время появились многочисленные проблески (Вы, конечно, следили за Ботаническим журналом и читали статьи Пузанова в № 3 и 4* Бюллетеня Моск[овского] Общ[ества] Естест-

* “Бюллетень МОИП” за 1954 г. И.И. Пузанов опубликовал статью “Сальтомутации и метаморфозы”. См. Т. 59. В. 4. С. 67–79.

воиспыт[ателей]. Теперь появился еще один луч света и будем верить, что он не погаснет.

Жму Вашу руку и желаю сил, здоровья и бодрости.

Ваш Б.Л. Астауров

P.S. Очень бы хотелось с Вами повидаться. Не написал ничего о себе и своих. Живем со всячинкой, но пока без особенных несчастий. Старшая дочь Оля поступила на биофак вопреки моим протестам. Учится пока на заочном, хочет стать физиологом или биохимиком. Очень целеустремленная и увлекающаяся. Младшая – Наташа в третьем классе. Учится хорошо и вообще не могу жаловаться. Наталья Сергеевна здорова, хотя временами прихварывает, нервничает и устает. Я недавно перешагнул в свой 51 год, но, хотя не чувствую себя молодым и страдаю всякими недугами, как-то все еще не могу осознать, что я старик и даже не всегда ощущаю себя взрослым.

Нервы мои сильно [растрепаны] биологией. Малейший пустяк выводит из равновесия!

P.S.[S]. Несколько слов деловых, о которых чуть не позабыл.

Не можете ли Вы, Сергей Сергеевич, посоветовать мне, где смог бы я найти сведения о биологии *Theophila mandarina* s. *Bombyx mandarina*. Вот уже несколько лет я вожусь с разведением этой бабочки и много здесь неудач и неожиданностей.

Сейчас получил с Дальнего Востока свежую партию живого материала – собранных осенью кладок. Хочется освоить разведение и поставить опыты по межвидовому андрогенезу с *B. mori* (скрещивание идет довольно легко).

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Лл. 4–6. Автограф.

78.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

30 декабря 1954 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Поздравляю Вас с Новым Годом и с тем, что настоящая, подлинная генетика, цитология и экспериментальная эмбриология вновь узаконены. 28.XII принято постановление об организации лабораторий Насонова и Дубинина, а несколькими днями раньше меня провели заведующим лаборатории эксперим[ентальной] эмбриологии им. Д.П. Филатова.

Желаю здоровья и бодрости и чтобы Вы написали какую-нибудь статью.

Ваш Б. Астауров

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Л. 7. Автограф.

79.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

1 января 1955 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

(...) Хочу Вас порадовать конкретными новостями в науке, выкристаллизовавшимися после всяких предварительных, подготовительных стадий. 28.XII Бюро биоотделения по докладу Н.П. Дубинина приняло резолюцию: 1) Открыть в 1955 г. генетическую лабораторию в Москве под руководством Н.П. Дубинина и цитогенетическую лабораторию в Л[енинграде] под руководством Насонова, каждую со

штатом 15 человек, с дальнейшим расширением в Ин[ститу]ты. 2) Ду[бинину] и Нас[оно]ву в двухнед[ельный] срок представить план работ и штатное расписание. 3) Под руководством Дуб[инина] и Нас[онова] создать в АН бригаду для разработки 5-летнего плана развития генетики в СССР. Эта резолюция пошла в президиум АН, но именно там-то и прошли уже все предварительные стадии.

Это уже реальный принципиальный поворот, а не дискуссия Ботанического журнала. Все становится на свое место, мошенничество кончается.

Все-таки, Сергей Сергеевич, нужна Ваша биометрия, нужна еще больше, чем раньше. Ведь за это время уже успели “воспитать” поколение студентов, совершенно незнакомых с основами биологии. Правда, о преподавании в ВУЗ’ах, программах и пр. еще речи нет, но основное – перелом – есть. Надеюсь, что все дальнейшее тоже будет.

На Бюро биоотделения было много выступлений (не генетиков) за генетику. Энгельгардт требовал немедленного создания Ин[ститу]та генетики; Павловский приветствовал и пр. (я великолепно помню, как он сидел в Президиуме “исторической” сессии 1948 г., был глух и нем); кто-то говорил о перечеркивании позорных страниц последних лет развития биологии и пр. Лыс[енко] и его главные деятели не явились и были представлены лишь выступлениями Кушнера и секретаря парторганизации ин[ститу]та Лыс[енко]. Что-то пытался говорить Студицкий. Это заседание вызывает чувство настоящего удовлетворения.

Надеюсь, что в течение ближайшего времени закончится пересмотр дела Владимира Павловича*. Он будет реабилитирован и приедет. (...) Письма его неизменно бодры, он мечтает о научной работе, волнуется, что отстал, и понадобится полгода, чтобы все наверстать.

О том, что начисто реабилитирован Дм[итрий] Дм[итриеви]ч**, Вы, вероятно, знаете. Он, однако, пока не работает, продлевает буквально крестный путь для восстановления на работе, страшно измотался. Но сейчас все должно пойти легче.

Не могу удержаться, Сергей Сергеевич, чтоб не написать Вам о некоторых высказываниях, не нашедших официального оформления. На недавней конференции строителей им в докладе был дан совет – не брать пример с некоторых ученых, напр[имер] ак. Лыс[енко], необоснованные претензии которого очень дорого обошлись государству.

В конце ноября на конференции по лесоразведению в Москве Лысенко выступил с докладом и планом развития лесоразведения; в конце упомянул, что он переключается сейчас на теоретическую работу и что его сейчас не трогает, как и где будут сеять – на земле или на луне. Выступая в прениях два ответственных лица высказались: один выразил сожаление, что Лыс[енко] не переключился на теоретическую работу еще 8 лет назад, ибо это по одному только лесоразведению сэкономило бы пару миллионов рублей; второй, полностью предоставив Луну для деятельности Лыс[енко], сказал, что советскую землю портить мы ему больше не дадим. За план Лысенко голосовало 4 чел., за план лесоразведения Сукачева – больше 400 чел.

Все это достаточно симпатично. Надеюсь, что все будет хорошо. Еще раз хочу пожелать Вам, дорогой Сергей Сергеевич, всего, всего хорошего.

Астауров^{3*}

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Лл. 8, 8 об. Автограф.

* В.П. Эфроимсон.

** Д.Д. Ромашов.

^{3*} Подпись Астаурова тщательно вымарана чернилами.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

2 марта 1955 г.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Бюро Отделения Биологических наук Академии наук СССР поручило комиссии под моим председательством составить объяснительную записку по проблеме “наследственность”.

В связи с этим комиссия решила обратиться ко всем наиболее видным исследователям в Советском Союзе, работающим в области наследственности, с просьбой ответить на следующие вопросы:

- 1) Какие наиболее важные научные и производственные проблемы генетики и селекции считаете Вы необходимым разрабатывать в Советском Союзе в ближайшем будущем.
- 2) Какие работы по генетике и селекции ведутся в настоящее время лично Вами или под Вашим руководством.
- 3) Какие мероприятия Вы нашли бы необходимыми для дальнейшего успешного развития генетики в Советском Союзе.

Я буду Вам очень признателен, если Вы найдете возможным прислать ответ на перечисленные выше вопросы поскорее, так как срок, поставленный Бюро Отделения для завершения работы комиссии, крайне ограничен.

Член-корреспондент АН СССР

Н.П. Дубинин

Адрес: Москва, Б. Калужская, 33. Бюро Отделения биологических наук.

Председатель бригады по наследственности член-корреспондент АН СССР

Н.П. Дубинин.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 134. Л. 2. Авторизованная машинопись.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

г. Пушкино

13 марта 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Шлю Вам привет от всей нашей семьи. Дочки мои обе учатся и неплохо. Хотел Вам сообщить о научных новостях. В Ленинграде открывается лаборатория цитологии со значительным штатом, а в Москве лаборатория генетики. В ее организации принимает участие Н.П. Дубинин, который разослал запросы ряду специалистов с просьбой прислать свои соображения о желательной тематике. Кратко ответил и я.

Алексея Дмитриевича* вижу редко, хотя и скучаю по нему. Последний раз видел его в Университете на докладе академика Курсанова о поездке в Африку. Вчера я слушал доклад В.Н. Сукачева о поездке на лесной конгресс в Индию. На слонах они катались и в Гималаях были до высоты 3000 м.

Желаю Вам здоровья

И. Фортунатов

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 182. Л. 4-4 об. Автограф.

* Некрасов А.Д.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

г. Пушкино

28 мая 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Хочу сообщить Вам, что в Бюллетене Московского Общества Испытателей Природы, отдел биологии, том LX (1) за 1955 г. помещена статья Н.П. Дубинина на тему: "Об ошибках в вопросе происхождения видов".

В этой работе Н.П. Дубинин пишет: "Исходной работой, заложившей основы эволюционной генетики, послужило замечательное исследование С.С. Четверикова – "О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики", которая появилась в 1926 г. Эта работа пробила путь для родника новой области знания, который затем превратился в широкую и глубокую реку исследований советской, а затем и мировой науки." Мне приятно передать Вам такой горячий отзыв о Вашей работе и я делаю это даже предполагая, что Вы уже знаете о нем.

Я теперь живу домоседом и в экспедиции не езжу. Дочки растут и обе учатся музыке, старшая на пианино, а младшая на скрипке.

Я переболел воспалением легких, но уже поправился и с наслаждением выйду на работу.

Желаю Вам всего лучшего и передаю поклон от семьи.

И.К. Фортунатов

г. Пушкино Моск. области, Оранжерейная 9 кв. 1

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 182. Л. 5–5 об. Автограф.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

11 августа 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич, извините, что очень давно не писал.

Посылаю Вам свою работу*. Кажется, это первая экспериментальная работа по бескомпромиссной генетике за долгое время. В этом отношении она знаменательна. Она инкубировалась почти 8 лет!

Хочется мне этим воспользоваться случаем и послать Вам пожелание хорошего, бодрого самочувствия.

Хотелось бы мне с Вами повидаться!

Крепко жму руку и желаю здоровья.

Искренне преданный Вам

Б. Астауров

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Л. 9–9 об. Автограф.

Ю.П. КОРШУНОВУ

г. Горький

17 октября 1955 г.

Глубокоуважаемый Юрий Петрович.

Выполняю свое обещание и шлю Вам весь имеющийся у меня письменный материал по Rhopalocera*ам Крыма. Как видите, материал довольно объемистый.

* Установить название работы не удалось.

Дело в том, что несколько лет тому назад я сам начал работу по фауне Макро-лепидоптера Крыма, но быстро надвинувшаяся слепота помешала мне довести эту работу до своего окончания.

Эту работу я шлю Вам на правах рукописи* (in letteris)** с тем, чтобы Вы могли использовать ее так, как найдете для себя удобным и нужным. Такую же рукопись и на тех же правах я имею в виду переслать в Крымский Филиал Академии Наук УССР (Симферополь).

Желаю Вам полного успеха в Вашей интересной работе! Жму Вам руку
С. Четвериков

Из личного архива проф. Н.М. Артемова. Авторская машинопись.

85.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Ленинград

3 декабря 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич,

Сегодня, наконец, доставлены в ЗИН контейнеры с Вашей коллекцией. Все дошло *очень хорошо*. И в шкафах и в отдельных коробках все стекла целы; бабочки в полном порядке. Пока еще большая часть картонных коробок не распакована, поэтому не могу Вам описать все подробно. Но теперь я уже вполне уверен, что никаких повреждений не окажется. В этом меня убеждает следующий случай: один верхний пакет с картонными коробками был недостаточно плотно поставлен и в дороге терся об угол шкафа, так что угол верхней коробки в нем оказался помятым. Мы сразу распаковали эту связку и убедились, что все бабочки в ней (Даниловский материал) остались совершенно целыми, не пострадали даже усики. У меня теперь большой груз с души свалился. Признаюсь, до сих пор я далеко не был уверен в том, что все дойдет так хорошо. Теперь Ваша коллекция находится в дезинсекционной. К сожалению сами дезинсекционные камеры не рассчитаны на такой большой объем и процесс будет идти медленно. Начнем с систематической коллекции.

На всю работу потребуется не менее двух-трех недель. По мере поступления материалов наверх и их разборки придется, вероятно, часто к Вам обращаться за советами и разъяснениями.

Хотя я старался, по возможности, больше запомнить и записать будучи у Вас, но все же совершенно недостаточно ориентируюсь в Вашей коллекции. Надеюсь, Вас не затруднят слишком наши обращения.

Как Вы себя чувствуете? Помог ли Вам биомикин? Очень хотелось бы иметь о Вас известия. Мы здесь часто с Мих[аилом] Ал[ексеевичем]^{3*} и другими вспоминаем Вас и строим разные козни и проекты, отнюдь не пессимистические. Из этого следует, что немизантропы в солидном возрасте встречаются не так уж редко и я этим не огорчен.

Передайте, пожалуйста, мой самый искренний привет Николаю Сергеевичу и благодарность за ту большую помощь и заботу, которую он нам оказал.

Может быть мы с Лешей^{4*} и очень надоели Вам в Горьком, так уж простите нас. Я же всегда с особым чувством буду вспоминать Вас и Николая Сергеевича

* Эту рукопись Н.М. Артемов пытался найти в Крыму у Ю.П. Коршунова, но поиски оказались безуспешными.

** В письме, в рукописи (итал.).

^{3*} Рябов М.А.

^{4*} Алексей Константинович Загуляев.

и все время, проведенное в Горьком. Точно побывал в другом хорошем мире, от которого давно отвык в здешней суете. А ее здесь действительно избыток.

Приехав, сразу попал на совещание, посвященное Вашему крестнику – сибирскому шелкопряду. Вместо одного дня оно продолжалось три. Большую часть времени заняли пустопорожние “ученые” слова, но немало и интересного довелось услышать, заставляющего серьезно подумать. Дело в том, что за последние годы по всей Сибири – от Дальнего Востока до Урала, наблюдалось колоссальное размножение сибирского шелко[пряда]. В результате огромные площади леса повреждены и усыхают. Убытки очень велики и их трудно оценить. Самое удивительное, что эту вспышку “заметили” только два года назад, когда лес был поврежден на сотнях тысяч га. Удивительно, как можно было прохлопать это.

Причиной массового размножения, видимо, является необычно жаркая и сухая погода, наблюдавшаяся повсеместно в Сибири за последние годы. Сибиряки говорят, что климат за эти годы действительно очень резко изменился. Одним из следствий этого явилось ускоренное развитие шелкопряда, который, в большинстве, стал развиваться в течение одного года, вместо обычного прежде двухлетнего цикла. Кроме того, благодаря резкому уменьшению заболоченности почвы, видимо, улучшились и условия зимовки гусениц. О численности гусениц можно судить по следующим данным: на одном дереве обычно насчитывается по несколько тысяч гусениц, а в отдельных случаях число их достигает 120 тыс.! Во время яйцекладки в очагах, говорят, что хвоя бывала сплошь облеплена яйцами шелкопряда.

В общем картина грандиозная и неутешительная. Повреждались все хвойные, но преимущественно пихта, кедр и, в меньшей мере, лиственница.

Потребовалось специальное решение Совета Министров об организации борьбы с шелкопрядом. Широко (на сотнях тыс. га) применяется авиация, но пока еще нельзя сказать, что результаты достаточно удовлетворительные.

Несмотря на множество сказанных наукообразных слов, создается определенное впечатление, что мы еще ничего почти не знаем о сибирском шелкопряде. Надо много еще поработать для того, чтобы понять причины таких вспышек, не говоря уже о том, чтобы их предотвратить. Составлен обширный план исследований, в котором и мне немного придется участвовать. Пока гром не грянет – мужик не перекрестится. Просто удивительно – почему у нас так часто это наблюдается. Невольно задумываешься – как мы еще расточительны и не думаем о своих богатствах. Ведь если бы малую долю убытков, понесенных лесным хозяйством, уделять регулярно на организацию охраны леса и организовать хотя бы две – три опытные станции, то, вероятно, мы бы многое могли предвидеть и предупредить. К сожалению, так наз[ываемое] дело защиты растений у нас не только не улучшилось, но явно ухудшилось по сравнению с тем, что было 15–20 лет назад. В этом, конечно, виноваты сами энтомологи, допустившие повсеместно наблюдающуюся бюрократизацию исследований и практической работы. Все руководство перешло к чиновникам безграмотным в энтомологическом отношении. А сколько-нибудь знающие люди стремятся уклониться от организационной работы. Впрочем, оно и понятно.

Кончаю свою болтовню. В заключение посылаю Вам замечательное изречение Будды – эпиграф одной из работ Caradja и Meyrick’a [1935]*. “O Schmetterlinge! Ich danke euch, meine Meister: von euch habe ich mehr gelernt als aus den Schriften der Brachmanen”**. Надеюсь, Вам оно понравится. Мне жаль, что труд-

* Название работы установить не удалось.

** “О бабочки! Я благодарю вас, мои учителя: я многому научился от вас как из сочинений индийских мудрецов” (нем.)

но перевести его на русский (а немецкий я очень не люблю). Если сказать – “О, бабочки!” – звучит плохо; а слово – “мотыльки”, хотя и передает идею подлинника, но нарушает энтомологический смысл изречения.

Извините за длинное и бестолковое письмо.

От всей души желаю Вам здоровья и бодрости духа. Не поддавайтесь, Сергей Сергеевич, пессимизму, это у Вас бывает. Самый большой привет Николаю Сергеевичу. Все, буквально, шлют Вам приветы и добрые пожелания.

Искренне Ваш

Данилевский

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 132. Лл. 5–8 об. Автограф.

86.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

5 декабря 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич,

Сейчас в Москве случайно собрались некоторые Ваши ученики: Дмитрий Дмитриевич, Николай Владимирович, Борис Львович, Елена Александровна, Ася и я*. Собираясь вместе мы всегда вспоминаем с большой теплотой о Вас, нашем учителе. Все мы разошлись по разным дорогам, но всех нас объединяет старая школа и воспоминания счастливой молодости, когда все мы были вместе и жили как бы одной семьей.

Ваш дом был средоточием всей нашей семьи и мы всегда с благодарностью вспоминаем его, Вас и покойную Анну Ивановну, которая умела быть всегда молодой, такой же веселой, как мы. {...}

[Балкашина]

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 121. Л.1. Автограф.

87.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Горький

8 декабря 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич, пишем Вам от Аси, куда мы, Николай Владимирович, Леля и Лиля, зашли посидеть. Мы все собирались навестить Вас в Горьком, но на этот раз из этого ничего не вышло, так как дела задержали в Москве, а также дела требуют отъезда в Свердловск. Николай Владимирович недели через две опять должен будет съездить в Москву и тогда непременно заедет к Вам.

По здешним слухам общее положение дел идет вспять: скоро, по-видимому, можно будет опять заняться дрозифилой. Культуры уже выписывают из Германии и Англии. Начато дело по организации новой академической лаборатории Дубинина; продвигается это дело медленно, но, надо надеяться, верно.

Мы (Е.А. и Н.В. Т.-Р.***) организуем лабораторию биофизики в Свердловске, с отделением в Ильменском заповеднике. Об этой нашей новой лаборатории и работах, которые ведем, подробно напишем из Свердловска. Хотя популяционную генетику еще и не возобновили, но делаем кое-что занятное по экспери-

* Все они ученики С.С. Четверикова по ИЭБ.

** Елена Александровна и Николай Владимирович Тимофеевы-Ресовские.

ментальной биогеоценологии*, которую без труда можно будет увязать с возобновляемой генетикой. Надеемся, что комбинация биогеоценологии с популяционной генетикой будет истинным Четвериковским основанием для экспериментального изучения эволюционных механизмов. Нам, как будто, удастся уже создать своего рода биохимические “микрокосмы”, в которых можно экспериментально изучать миграцию элементов и их распределение между живыми и косными компонентами биогеоценоза; прибавление к сему точной популяционной динамики и популяционной генетики и создаст полный Четвериковский метод изучения механизмов микроэволюционных процессов.

Да здравствует Четвериков и его четвериковцы!

Дорогой Сергей Сергеевич! Очень хочется подробно и долго поговорить обо всяких вещах научных и ненаучных. Мы в восторге от того, что основное ядро дельных и хороших людей живо, работает и в любой момент готово возобновить интересные дела по биологии. Все тут мы встретились так, как будто не виделись в течение 2 – 3-х месяцев. И все мы такие же – только Лиля поседела, а Ася еще нет. Крепко, крепко целуем Вас. Сердечнейший привет Николаю Сергеевичу.

Ваши верные старые ученики (с молодой душой)

Леля Тимофеева-Ресовская

Лиля Балкашина

Ася

Н.**

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–1 об. Автограф.

88.

Н.В. ТИМОФЕЕВУ-РЕСОВСКОМУ

Горький

13 января 1956 г.

Дорогие Леля и Николай Владимирович!

Наконец-то брат вернулся из Москвы и я могу написать Вам настоящее письмо. Пишу вам сразу обоим, хотя вы и прислали мне отдельные письма. Но все, что я буду вам писать, имеет равное отношение к обоим.

Дорогой Николай Владимирович, Вы так хорошо и ласково пишете в своем письме, что “любили и любите меня больше всех”^{3*}, что мне от всей души хочется сказать Вам совершенно то же. Да, из всех моих милых, дорогих, любимых учеников – Вы всегда были и есть самый дорогой и самый мною любимый и близкий друг. Следя за Вашей работой, за Вашими докладами и выступлениями на конгрессах, я всегда всем существом радовался за Вас и гордился Вами. Конечно, Вы на несколько голов переросли своего старого учителя, но все-таки я всегда чувствовал в Ваших работах крохи и моего “я”.

Ваше коллективное письмо из Москвы^{4*} я, конечно, получил и перечитал его несколько раз с большим интересом. То, что в нем Вы пишете о планах Ваших будущих работ, меня живо заинтересовало, но признаюсь – я да-

* Биогеоценология – наука, изучающая биогеоценозы, т.е. однородные участки земной поверхности с определенным составом живых организмов и косных (атмосфера, солнечная энергия, характер почвы и т.п.) компонентов и динамическим взаимодействием между ними. Термин предложен В.Н. Сукачевым, как синоним экосистемы.

** По-видимому, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.

^{3*} В письме Н.В. Тимофеева-Ресовского от 28 декабря 1955 г. АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 177. Л. 2.

^{4*} См. письмо № 87.

леко не все понимаю. Прежде всего мне не ясно, на каких объектах Вы предполагаете проводить намеченную работу. Брат думает, что имеются в виду бактерии. Но ведь бактерии не имеют полового процесса (?), а потому я не представляю себе ясно, как их связать с чисто генетическими проблемами, и вообще мне многое в Вашем письме остается неясным и, конечно, очень бы хотелось переговорить с Вами лично. Само собою разумеется, что не только ради этого мне хотелось бы увидеться с Вами. Мне так бы хотелось обнять Вас обоих и крепко, крепко поцеловать! Ведь тридцать лет прошло с тех пор, как мы в последний раз виделись с Вами в Берлине, во время 5-го Генетического конгресса. Сколько было за это время прожито и пережито нами. Знаете ли Вы, что и я прожил в Свердловске ровно три года (в ссылке). Жил я на улице Мамина-Сибиряка в самом ее начале. А сколько пришлось Вам обоим перетерпеть, даже подумать страшно! И что случилось с Вашими глазами? Почему Вы потеряли центральное зрение? Не на почве ли дистрофии? У меня ведь тоже пропало центральное зрение, да и периферическое едва-едва теплится, и недалеко то время, когда я, вероятно, совсем ослепну. Надеюсь все же до этого не дожить. Сейчас я на пути к “выздоровлению”, т.е. встаю с постели часа на полтора каждый день, упражняюсь в ходьбе, но это дается плохо. Все-таки стараюсь!

Если Вы действительно собираетесь навестить своего старика-учителя, вы доставите мне огромнейшую радость. Вспомним с Вами прошлые дни, поговорим о будущем, хотя, должен признаться, что голова моя работает туго, многое позабыто, многое потеряло отчетливость, побледнела и фантазия. Большую часть своего времени лежу в постели и думаю свои думушки. Больше вспоминаю прошлое и редко заглядываю в самое недалекое будущее. Вы помните, вероятно, мое пристрастие к бабочкам. Сейчас вся моя коллекция в Ленинграде, в Институте зоологии Академии наук СССР. Обе мои библиотеки, и генетическая, и лепидоптерологическая уже увезены и переданы в другие руки: генетическая – Дубинину, лепидоптерологическая (собиралась 60 лет!) знакомому московскому лепидоптерологу*. Обе цепочки, приковывавшие меня к жизни, тем самым порвались, и я живу, как та старушка, которая изображена на картине (в Третьяковке) “Все в прошлом”**. Помните ее?

Большое Вам спасибо за присланные оттиски своих и Дубининских работ. Сначала я очень удивился последним, но потом сообразил, в чем дело. Конечно постараюсь при помощи брата познакомиться с Вашими работами, тем более, что они очень заинтересовали Н[иколая] С[ергеевича]. Ведь он работает сейчас в области дозиметрии радиоактивных веществ и соприкасается с Вашими темами. Он шлет вам обоим сердечный привет и пожелание удачи “в боях”, вам предстоящих.

Будьте же оба здоровы и счастливы, и я крепко надеюсь на свидание с вами. Это будет для меня большим праздником. Крепко, крепко жму вам обоим дружеские руки и, если позволите, также крепко целую!

Ваш всей душой и телом

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Лл. 1–2 об. Авторизованная машинопись.

* А.А. Бунделю.

** “Все в прошлом” – картина художника Василия Максимовича Максимова (1844–1911), члена Товарищества передвижников, мастера жанровой живописи.

*Горький**5 марта 1956 г.*

Дорогие мои Лёля и Николай Владимирович!

Ваше письмо от 27 февраля, адресованное на имя Николая Сергеевича, мы получили только вчера и, конечно, оба вместе его читали. А так как оно касалось меня не меньше, чем брата, то отвечаю вам за него на этот раз.

С разных сторон доходят до нас вести о Николае Владимировиче и его успехах в Москве. Меня это очень радует, хотя и понимаю, что это дается Николаю Владимировичу нелегко и сильно его утомляет. Но, сколько я слышал, его доклады производят очень сильное и благоприятное впечатление и на физиков, и на биологов, и даже на медиков. Ведь мы во многих отношениях совершенно оторвались на много лет от мировой науки, и Николай Владимирович своими выступлениями вносит свежую бодрящую струю в застоявшееся болото нашей науки. Конечно, и мне будет очень интересно повидать вас обоих и поговорить об очень многом; хотя должен признаться, что моя стариковская голова совершенно не переваривает всех этих атомных протонов-нейтронов и прочих “-онов” – всей этой электронной чехарды, изотопов и прочей атомной чертовщины, и если бы не два разрушенных города и сотни тысяч погибших человеческих жизней*, я был бы готов счесть все это сплошной мистификацией.

Теперь несколько слов о себе. Операция, о которой вы знаете, прошла совершенно благополучно, и я даже редко о ней вспоминаю. А так как у меня все равно нет сил поднимать что-либо тяжелое, то и с этой стороны все обстоит благополучно. Понемногу встаю с постели и привыкаю держаться прямо, на ногах, что дается нелегко и сопровождается сильными болями в области поясницы и крестца. Но я упорно тренируюсь и заставляю себя ходить, ни на что не опираясь. Не знаю, удастся ли приучить себя к ходьбе настолько, чтобы выходить на улицу.

С большим нетерпением, хотя и очень терпеливо, жду Вашего приезда; очень и очень хочется вас обоих повидать, хотя слово “повидать” и не совсем подходящее и лучше бы его заменить словами “почувствовать вас около себя”. Об очень многом хочется поговорить, очень многое хочется разузнать. Ведь мы с вами не видались с 1927 г. – это без малого тридцать лет, и я ничего почти не знаю о том, как эти тридцать лет прошли в вашей жизни, чего вы натерпелись от Гитлера и после него? И меня только удивляет, как Николай Владимирович сохранил до сих пор еще жизненные силы и энергию.

К Вам, Лёля, у меня еще будет специальный вопрос: в Вашем первом письме к нам** Вы писали, что были летом 1929 г. в Веве и там навестили моего отца, а в декабре того же года его уже не стало и, очевидно, Вы последний знакомый мне человек, кто видел отца перед смертью. Отец мой был незаурядный человек и очень, очень многим я был ему обязан в жизни. Память о нем мне очень дорога и хочется знать о нем все, что только возможно, (...) об этом Вашем посещении: как Вы попали в Веве, как разыскали отца, в каком состоянии его нашли, мог ли он еще бодро передвигаться, и, главное, о чем у Вас с ним был разговор? Рассказывал ли он Вам о своих опытах по выращиванию нежных южно-французских сортов фрукт^{3*}, водил ли он Вас показывать свой питомник,

* Речь идет о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

** Письмо не сохранилось.

^{3*} Так в тексте.

рассказывал ли Вам о своих детях и со своей стороны интересовался ли узнать от Вас про меня и про Анну Петровну и про время нашего знакомства в Москве? Ну, одним словом, постарайтесь припомнить все, все, все и все мне расскажите, потому что каждая мелочь мне очень дорога!

15 сего месяца брат Коля уезжает в Москву недели на две или даже больше, и я остаюсь в Горьком один с домработницей Дусей. Но когда бы вы ко мне ни прилетели – всегда можно будет приютить вас обоих у меня, хотя, может быть и без больших удобств. У меня, ведь, две комнаты и место для ночлега всегда найдется. Буду очень и очень вас ждать!

Николай Сергеевич шлет вам обоим свой самый сердечный привет; надеется, что его второе письмо также до вас дошло. Я же крепко целую вас обоих

Искренне любящий вас

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Лл. 3, 4. Авторизованная машинопись.

90.

Е.А. ТИМОФЕЕВОЙ-РЕСОВСКОЙ

Горький

1 мая 1956 г.

Дорогая Лёля. <...>

Я очень рад был узнать, что Николай Владимирович поехал в Новосибирск (1956) на совещание Западно-Сибирского отделения АН, где он встретится с Несмеяновым, Энгельгардтом и др[угими] академическими китами вне условий Москвы. Ведь Ник[олай] Влад[имирович] развил в Москве чрезвычайно кипучую деятельность и этим мог вызвать неудовольствие некоторых влиятельных особ. Ведь работать в наших условиях не так-то просто. Надо уметь лавировать между подводными камнями и рифами.

Продолжаю ждать Вашего прилета и не отчаиваюсь увидеть Вас у себя, обняться и расцеловаться.

О себе могу только сообщить, что с наступлением тепла и силы мои стали, хотя и медленно, но прибывать. Сейчас штурмую лестницу и приучаюсь подниматься на третий этаж, где находится моя квартира. Может быть на днях уже смогу выйти на воздух, конечно, не один, а в сопровождении брата Коли или домработницы Дуси. <...>

Искренне преданный Вам

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 394. Лл. 1, 2. Авторизованная машинопись.

91.

Н.В. ТИМОФЕЕВУ-РЕСОВСКОМУ

Горький

14 июня 1956 г.

Дорогой Николай Владимирович!

<...> Очень сочувствую Вам в Вашей болезни; ведь все эти нервные заболевания – ужасно мучительная вещь, и несчастная медицина перед ними совершенно беспомощна. Всей душой желаем и Вам и Лёле скорейшего выздоровления!

Очень ждем Вас в Горький. Силы мои уходят с каждым днем и кто знает, насколько их хватит. За последнее время несмотря на чудеснейшее лето, я все прихварываю и чувствую себя не очень важно.

Что касается [статьи] Н.В. Лучника, то Коля ее прочитает в ближайшие дни, хотя и сомневается, хватит ли его компетенции для того, чтобы составить о ней “ответственное” суждение. {...}

Коля привез из Москвы кой-какие ободряющие вести относительно генетики, но все же “улита едет, когда-то будет”^{*}.

Крепко вас обоих обнимаю и целую

Всей душой ваш

С. Четвериков^{**}

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Л. 5. Авторизованная машинопись.

92.

М.А. РЯБОВУ

Горький

18 июля 1956 г.

Дорогой Михаил Алексеевич,

Наконец-то пришло Ваше так долгожданное письмо! Ведь прошло почти два месяца, как я не имел от Вас вестей и чего, чего только не думалось мне за эти долгие месяцы; то мне казалось, что Вы захворали, и от этой мысли становилось очень и очень грустно на душе, то думалось, что Вы увлеклись работой и что Вам, как говорится, было не до писем и тогда это было бы очень и очень хорошо! И думы о Вас непрерывно переходили от пессимизма к оптимизму и еще вчера утром, перед получением Вашего письма я говорил брату: “Непременно напишем Михаилу Алексеевичу, что с ним такое?” Бесконечно рад, что Вы здоровы и полны энергии и интереса к своей работе!

В своем письме Вы пишете: “милейший Андрей Андреевич”^{3*} – меня это очень обрадовало; значит Вы находите его и приятным собеседником и хорошим человеком! Таким он кажется и мне и я уверен, что это впечатление от него нас с Вами не обманет...

Не так давно получил от него два письма^{4*}: одно перед отъездом из Москвы, – другое из Чкалова (Оренбурга). Едут впятером и как будто в хорошем настроении. Сейчас они уже, верно, шагают по Памиру. С чем то он вернется оттуда и чего интересного привезет? Я-то, к сожалению, этого не увижу; но если только будет возможность, он мне, конечно, обо всем подробно напишет.

О себе могу сообщить только, что мое самочувствие более или менее без перемен: топчусь на одном месте, день – лучше, день – хуже, но по крайней мере не замечаю, чтобы я заметно терял силы. Долго ли продлится такое состояние и к чему в конце концов приведет – известно одному Аллаху, по крайней мере, мой доктор упорно отмалчивается.

Ну, а теперь о бабочках.

Очень меня позабавила “загадка” о кладке яиц и о том, как Вы ее разгадали. Представлю себе, что такие шарады могут доставлять настоящее удовольствие, если они разрешаются так удачно, как Ваша. – Что же касается Кожанчиковских “определений”^{5*}, то ведь это грозит перейти в настоящее бедствие для ЗИНовских коллекций. При его “работоспособности”, ведь, он может вернуть вверх дном все материалы ЗИНа.

^{*} Имеются в виду выступления ученых, особенно физиков, против засилья Т.Д. Лысенко.

^{**} Далее автограф автора.

^{3*} А.А. Бундель.

^{4*} Переписку с А.А. Бунделем см. в следующем разделе книги.

^{5*} Речь идет о сотруднике ЗИНа Кожанчикове И.В., занимавшимся систематикой бабочек.

Несколько слов о “фото-кляксах” вместо фотографий гениталий. К сожалению, Вы во многих отношениях правы, но все же при умелом фотографировании можно давать превосходные фотографии. Возьмите, хотя бы, микрофотографии гениталий в работах Reverdin’a!

Но для этого, конечно, надо быть артистом своего дела, а не ремесленником. А ведь Академия наук для своей фотолаборатории могла бы подыскать подходящего человека! тем более, что даже плохая микрофотография дает кое-что, чего не может дать самый хороший рисунок. Поэтому я бы посоветовал давать одновременно и микрофотографию и штриховой рисунок, отмечая на последнем именно те детали, на которые надо обратить особое внимание.

Теперь несколько слов о жилковании. Вы, очевидно, неправильно меня поняли; прежде всего я ни слова не говорил о жилковании крыльев (в целом) у ночниц. Я прекрасно знаю, что в семействе Ночниц общее жилкование крыльев почти ничего не дает (за исключением разве важного деления на Trifidae и Quadrifidae. Ведь я писал Вам специально только про *добавочную ячейку*, над которой я сам никогда не работал, но которая, казалось мне возможным, могла бы давать в различных группах (а не в одной группе Agrotinae) заметные различия по величине, форме и строению.

От этих замечаний я перехожу к вопросу, в котором я, дорогой Михаил Алексеевич, очень решительно должен разойтись с Вами! Вы пишете: “есть и признаки вида и признаки рода (настоящего естественного рода...), а равно и признаки семейства. Жилкование относится к последним или почти исключительно к последним (как у Noctuidae, напр.)”*. Если только я Вас правильно понимаю, то Вы хотите этим сказать, что признаки различны *по достоинству*, т.е. другими словами – есть такие признаки, (как например жилкование), которые должны применяться при различении семейств, а другие (рангом ниже) для различения родов, а третьи – еще менее значительные – для видов и т.д. Но, дорогой Михаил Алексеевич, такой субординации признаков нет и быть не может. Возьмем для примера то же жилкование крыльев; конечно, Вы безусловно правы, что характер жилкования у Ночниц общий для всего семейства: тут он является семейственным признаком. Ну, а как будет обстоять дело, скажем, у лишайниц или хотя бы одного их рода Литозий? Тут, что ни вид, то свой особый тип жилкования: то есть добавочная ячейка, то нет ее; то – те или другие жилки отходят на общем стебельке, то – раздельно и т.д. и т.п. Ведь не утверждаете же Вы, что все эти виды надо развести по разным семействам?! Или возьмите шипики на голених, как у Ваших излюбленных Агротин. Тут они являются хорошим подсемейственным признаком (и родовым). А что же вы скажете про те случаи, когда несомненно близко родственные виды одни несут шипики, а другие – нет. (Например: *H. tepsellum* Hb. и *cribrellum* Ep.) некоторые виды из рода *Lumenitis* и друг.) Не станете же Вы на основании *одного* этого признака разносить их в разные роды?! Систематические группировки (виды, роды, семейства и т.д.) ни в каком случае не могут и не должны строиться на основании *одного или двух* признаков, а всякая *естественная*, а не *искусственная* группировка должна производиться на базе возможно большего (предельно большего) числа самых разнообразных признаков. Несоблюдение указанного принципа всегда приводило, приводит и будет приводить к *неестественным* группировкам, которыми так богата история систематики не только наших любимцев чешуекрылых, но и других групп. И при этом один и тот же морфологический признак в одних случаях войдет в характеристику семейства, в дру-

* Цитата из письма М.А. Рябова, которое не публикуется в данном издании.

гих – в характеристику рода, а в третьих – вида и т.д. и никаких “привилегий” у того или иного признака (семейственной, родовой и т.д.) *нет и быть не может*.

С большим интересом прочел то, что Вы пишете про самку *T. howardi*. Очень рад, что мой плохенький* экземпляр самки сослужил Вам такую хорошую службу. Теперь в коллекции ЗИНа этот вид будет представлен уже маленькой “серией”.

Не думаю, что Вы были правы, предполагая, что с продвижением на восток лов на приманку становится менее добычлив, скорее наоборот, я думаю, что он мог бы быть особенно богат в пустынях и полупустынях Средней Азии. Я припоминаю свои “колоссальные” уловы на полупустынных берегах озера Зайсан. Правда, летело не очень много видов, но *количественно* это было нечто потрясающее. Вообще, чем суше климат, тем лучше действует приманка, но даже высоко в горах, например на Клухорском перевале, у снега, приманка приносила мне редчайшие и интереснейшие вещи. Конечно, дорогой Михаил Алексеевич, Вы едва ли будете ловить на приманку, но для назидания другим, которым может быть Вам придется говорить, должен указать на некоторые особенности этого капризного способа лова. Очень большое значение имеет *качество* тех тряпок, которые пропитываются приманкой. Во-первых, они не должны быть белыми, этот непривычный цвет явно отпугивает некоторых ночниц, лучше всего тряпки темно-серые или из пеньковой мешковины. Во-вторых, тряпки должны *абсолютно потерять* свой собственный тряпочный запах; поэтому после своего изготовления они должны быть тщательно простираны и промыты в горячей воде. Но этого мало, даже такие тряпки при первом своем употреблении почти не дают результатов; надо вновь и вновь мочить тряпки в приманке и развешивать для просушки, пока они не станут совсем заскорузлыми и тогда в первую ночь прилетит одна бабочка, во вторую две, в третью три и лишь через несколько дней на тряпках появятся сотни ночниц. Вот этого не знают многие лепидоптерологи и жалуются на непригодность приманочного лова.

Наконец, о роде *Caradrina*!

С этим родом, как и со многими другими, ученые лепидоптерологи (в том числе и покойный глубокочитимый Н.Я. Кузнецов) натворили Аллах знает сколько чепухи. Между прочим, я думаю, что никто в ЗИНе (да и Вы, дорогой Михаил Алексеевич в том числе) не дали себе труда прочесть и вдуматься в Ошанинскую брошюру “Кодекс международных правил номенклатуры”. Поэтому “творчество” в области номенклатуры расцвело у нас пышным цветом.

Первый, самый главный грех: когда вырабатывались указанные правила номенклатуры Hampson, Jordan, Н.Я. Кузнецов и некоторые другие для установления родовой номенклатуры внесли следующее *формальное* (как они выражались) понимание *приоритета* при установлении “*типичного вида*” для данного рода. На том основании, что в списке видов рода первый вид был написан раньше второго и последующих, правом приоритета должно пользоваться первое видовое название и этот вид должен служить “типичным видом” для всего рода. Это предложение Комиссией по номенклатуре было *отвергнуто* – Международный номенклатурный конгресс установил следующий принцип: “типичным видом” рода должен служить тот вид, который раньше других (закон приоритета) будет указан самим автором рода или кем-либо другим как “*типичный вид*” для данного рода**”. Если такого указания не было, то род остается времен-

* Так в тексте.

** Тогда Hampson, Кузнецов и другие ничего лучше не придумали, как ввести свое предложение *вопреки воле Конгресса* явочным порядком, и тем, конечно, внесли в систематику невероятную путаницу, чего никогда им не простится. И внесенную ими путаницу Кожанчиковы продолжают усугублять все дальше и дальше. (Примеч. С.С. Четверикова).

но без “типичного вида” до тех пор, пока кто-либо такого “типичного вида” не укажет. Считать же первый поставленный в списке вид за “типичный” можно только в том случае, если это будет *специально оговорено* автором устанавливаемого рода.

Теперь в отношении рода *Caradrina*.

Сколько я помню, ни Оксенхеймер, ни Гюбнер при установлении данного рода никаких указаний на “типичный вид” не дали. Сколько я знаю, только Guenee в своей *Noctuidae* мира (помните: 1852 г.) впервые указал для рода *Caradrina* “типичный вид” (не помню какой). У Гене все виды, входящие в один род, помечены текущими номерами, причем все европейские виды помечены на полях звездочкой; среди этих европейских видов Гене всегда выбирал для рода вид, у которого под звездочкой помещалось еще слово *type*. К сожалению, мой Гене в Москве и я в данный момент этой маленькой справки дать не могу, но Вы сможете ее очень легко получить в ЗИНе. Во всяком случае, знаю только одно, что этот тип – настоящая *Caradrina* в нашем старом смысле и Штаудингера.

С момента установления типа рода оба названия связаны неразрывной связью. Тот род, в который будет отнесен (вместе с другими видами) “типичный” для *Caradrina* вид, должен носить родовое название *Caradrina* и никакие ухищрения Hampson’a, Н.Я. Кузнецова и иже с ними (в том числе и Кожанчикова) порвать эту связь не могут и все их изобретательство идет впустую.

Из вышеуказанного правила неразрывной связи родового названия с видовым “типичного вида” я знаю только два исключения, которые оба, очевидно, к роду *Caradrina* не применимы. Первое – когда впоследствии окажется, что “типичный вид” для данного рода был уже ранее выбран, как “типичный вид” для другого рода; тогда естественно более старое название получает приоритет над более молодым. Второе – если “типичный” для рода “вид” при дальнейших работах окажется принадлежащим другому ранее установленному роду, уже имеющему свой собственный (другой) “типичный вид”. Тогда более позднее родовое название переходит в синонимы к более раннему. Но по-видимому и этого для рода *Caradrina* нет.

Итак, да здравствует род *Caradrina*!!!

Пишу все это по памяти, но думаю, что ничего серьезного не напутал, и заранее прошу извинения за может быть скучную материю конца моего письма. Но ведь Вы сами просили у меня подробности по этому вопросу.

Кончаю это длиннущее письмо. Шлю сердечный привет Вашей жене, а Вам, дорогой Михаил Алексеевич, пожелания и здоровья и сил и интересной работы.

Всей душою преданный Вам

С. Четвериков

Архив кабинета истории ИОГен РАН. Ф. 2. Д. 15. Авторизованная машинопись.

93.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Кустанай

20 июля 1956 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Возвращаясь с летней сессии в качестве студента-заочника из Свердловска, мой сын Лев навестил Тимофеевых в Миасском заповеднике и привез от них Ваш адрес. Пользуюсь случаем поскорее написать Вам и выразить прежде всего мою глубокую признательность и благодарность Вам, как своему учителю. Наравне с О. Фогтом, с которым я в последние годы нашей совместной работы

очень сильно подружился, я считаю Вас своим единственным учителем и наставником и не только в биологии. Я сознаю, конечно, что среди Ваших учеников было много более талантливых, чем я, и даже м.б. я был самым неталантливым, но тем не менее мне хочется иметь право считать Вас своим учителем.

К моему глубокому сожалению я не могу сейчас предстать перед Вами и вместе с непосредственным выражением благодарности изложить свои достижения, о которых Вы, думаю, мало осведомлены. Я работал в последнее время там в области теории и методики дивергенции в применении их к систематике и эволюционному учению. Первое выступление по этому вопросу мною было сделано в 1938 г. на всемирном съезде энтомологов в Берлине и имело [хороший] положительный отзыв. Второе – на съезде маммологов тоже в Берлине, кажется, в 1942 г. и было встречено тоже с одобрением. Дальнейшие достижения в этой области мне не удалось довести до сведения компетентных лиц из-за начавшихся эксцессов войны и постигших меня в связи с этим несчастий, от которых я и до сих пор еще не вполне освободился.

Александра Сергеевна*, которая Вас очень любит и глубоко уважает, шлет сердечный привет. Я же, со своей стороны, целую руки Анны Ивановны, приветствую глубокоуважаемого Николая Сергеевича и желаю Вам всем сил и здоровья.

Ваш

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Л. 1. Автограф.

94.

Н.В. И Е.А. ТИМОФЕЕВЫМ-РЕСОВСКИМ

Горький

24 июля 1956 г.

Дорогие Леля и Николай Владимирович!

(...) Очень порадовало меня известие, что ваш плексит и неврит затихают и что спинка уже не так страдает, как раньше... И Ваша коленка, Лёля, лучше и все лучше в лучшем из миров.

Брат Коля хорошо знает те места, где вы сейчас обосновываетесь, и по его рассказам я стараюсь представить себе и чистую гладь Ильменского** озера и обступившие его высокие леса из сосны и лиственницы, а главное – простор и тишина! Как будет прекрасно, если вам удастся организовать там настоящий уральский научный центр и привлечь в него как можно больше крупных ученых – физиков и математиков. Ведь вопрос о биофизике сейчас не только стал в порядке дня, но и возглавляет весь дальнейший прогресс генетики.

Я все вспоминаю книжку Шредингера “Что такое жизнь с точки зрения физики” (переведенную на русский язык). Как ее встретили в штыки некоторые высокие круги! У нас в университете ее крыли, как говорится, “почем зря”, а бедному переводчику (А.А. Малиновскому) за нее влетело по десятое число. Сейчас все это стыдно вспомнить... А ведь в ней со всей четкостью была поставлена проблема биологической физики. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*^{3*}.

Вы пишете, что собираетесь оба навестить меня в сентябре. Мне *так хочется* повидать вас!! Я пишу “повидать”, хотя на самом деле это невозможно;

* Жена С.Р. Царапкина.

** Биостанцию Н.В. Тимофеев-Ресовский заложил на берегу оз. Большое Миясово.

3* Времена меняются и мы меняемся с ними (лат.).

уж я вас, мои дорогие, никогда больше не увижу, но хочется хотя бы услышать вас, ваши милые голоса и пощупать ваши руки и складки вашей одежды! Но сентябрь это ужасно далекий срок и на такие сроки вперед я уже не загадываю. Все мое “будущее” на расстоянии одной, максимум двух недель. <...>

Когда я утром просыпаюсь ото сна, то первая возникающая мысль – как сложится наступающий день, пройдет ли он благополучно или будут снова боли, боли и боли, и только бы не было *новых* болей. Я хотя и одеваюсь каждый день, но почти все время провожу лежа в постели и всякая перемена положения сопровождается острой болью.

Вы пишете, дорогой Николай Владимирович, что будете со мной советоваться и что мы наговоримся всласть. Увы! Я стал совсем плохой собеседник, мои стариковские мозги совсем отказываются служить и не воспринимают ничего, что требует хотя бы малого напряжения. Правда, я как будто еще не впадаю в старческое слабоумие (я этого не замечаю да и окружающие об этом не намекают). Но забывать я стал решительно все – не только имена и фамилии, но часто и отдельные факты или события, особенно все то, что случилось за последние двадцать лет. Забыл я наполовину генетику и понятия не имею о том, что в ее области творится за последние двадцать лет. А уж понять тут чего-нибудь моя голова решительно отказывается. Но узнать от Вас хотя бы о главнейших темах и направлениях исследований будет ужасно интересно.

Вы спрашиваете, получил ли я Вашу французскую работу*, которую Вы выслали в 1939 г.; нет, не получал и даже не знаю ее содержания. Ведь в 35-м г. я перешел на работу в Горьковский университет, а в 1937 г. переехала ко мне из Москвы Анна Ивановна, и с тех пор всякая научная связь с Москвой оборвалась. А в эти же годы умер Николай Константинович**. Конечно, мне было бы очень интересно узнать, что Вы в этой работе писали.

<...>

Целую вас обоих! Крепко любящий вас

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Л. 6, 7 об. Авторизованная машинопись.

95.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

10 августа 1956 г.

Милая, родная моя Муся!^{3*}

<...> У меня было 3 сердечных инфаркта – в 1946, 47 и 48 г. Первый – от переутомления, второй – в связи со смертью Аси, третий – в связи с моим увольнением из Университета.^{4*} <...>

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 4. Автограф Н.С. Четверикова.

* Наименование работы не упоминается.

** Н.К. Кольцов умер в 1940 г.

^{3*} Далее опущен текст бытового содержания, повторяющийся в ряде других писем.

^{4*} И в других письмах С.С. Четвериков связывает инфаркт миокарда 1947 г. со смертью жены. Как свидетель событий, могу внести поправку. Обострение стенокардии Анны Ивановны и инфаркт Сергея Сергеевича совпали по времени. Однако, будучи больным Сергей Сергеевич ухаживал за женой. В момент ее смерти он уже был ходячим больным, но из квартиры еще не выходил. (Примеч. сост.).

Горький

16 сентября 1956 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Ваше большое письмо от 11 с.м. я получил и говорю Вам за него большое спасибо. Очень интересны мне всегда бывают Ваши письма; так живо напоминают они мне моих дорогих любимцев и так близки и понятны мне возникающие у Вас вопросы! И как грустно мне, что мои слепые глаза оторвали меня от этой работы! и Грустно еще оттого, что я чувствую, как постепенно начинаю их забывать и как туман, сгущающийся перед моими глазами, начинает заволакивать в моей памяти прежде яркие образы; и мне становится все труднее и труднее представлять себе прежде так хорошо знакомые формы...

Постараюсь ответить на Ваше письмо, насколько в силах. Чтобы чего-нибудь не пропустить, буду держаться Вашего порядка.

Прежде всего о *Cybaida* и, в частности, о *Sarrohipas**. По-видимому, у нас сохранились лишь жалкие обломки какой-то очень древней и может быть богатой группы форм (может быть даже из одного семейства). Поэтому вероятно в ней немало монотипных родов. Но род *Sarrothripus*, по-видимому, богат видами сравнительно молодыми.

Я плохо представляю себе, как выглядит этот род теперь. Заняться им вплотную – не доходили руки, да и материала у меня слишком мало. Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы написали мне об этом роде так, как он Вам в настоящее время представляется. Все, что я о нем знаю, сводится к видам *S. revajana* Sc., *S. dilutana* Hb. (кажется, так), *S. asiatica* Krl. и вид (забыл название), описанный Ершовым. Но я уверен, что среди форм, относимых к первым двум видам, есть еще самостоятельные виды (см. специальную таблицу форм у Hubner'a – Tortricidae). В частности, меня интересует, какой вид (или виды) встречаются в Крыму. К сожалению, у меня, кажется, из Крыма, имеется всего один экземпляр (см. коробку с *Heterocera varia*).

Теперь о Pierce. Конечно, упоминаемой Вами его работы я не знаю, так как всякие мои сношения с заграницей прервались в 1937 г. Но я ясно себе ее представляю по его книге о мужских гениталиях, очевидно, выдержанной в таком же плане. Это великолепнейший пример и поучительнейший урок “дикого утверждения” (Ваши слова!), которое получается, если строят систему на основании строения одного или немногих признаков, взятых хотя бы из таких органов, как гениталии!

Дорогой Михаил Алексеевич! Позволю себе несколько распространиться на эту тему тем более, что знаю, что Вы в этом отношении не грешите. Я вовсе не хочу навязывать Вам свои взгляды, а хочется просто, чтобы Вы их знали.

Основное требование, которое я предъявляю к классификационной системе – это ее *естественность*. Система должна *сближать* те виды, которые по своему происхождению действительно тесно связаны и разъединять те, которые при некотором сходстве тем не менее давно уже дивергировали друг от друга. В основу своих воззрений я кладу то основное положение, *бесспорно* установленное генетиками, что одно и то же течение признака (мутация) может повторяться в давно уже разошедшихся формах (видах) совершенно независимо друг от друга. Поэтому сходство двух видов в каком-либо одном или очень немногих

* С.С. Четвериков в этом же абзаце и в письме от 28 октября 1956 г. этот род пишет так: *Sarrothripus*; в данном случае написание *Sarrohipas*, вероятно, следует считать опечаткой.

признаках, говорит нам лишь о возможной их генетической близости, но ни в коем случае не может утверждать этого безусловно. Само собой разумеется, чем больше будет таких совпадений в самых различных признаках, тем *вероятнее* будет действительно генетическая связь между рассматриваемыми видами. Отсюда естественный вывод: для построения естественной системы необходимо привлекать как можно больше разнообразных признаков, взятых из самых различных частей организма, и относящихся к самым различным проявлениям жизни организма (эмбриональные признаки, физиологические, экологические и т.д.). Сколько я знаю, Вы так и поступаете, привлекая, например, гусеничную стадию, а также строение самых разнообразных органов имаго (усиков, ножек, рисунка и т.п.). Пренебрежение этим положением и приводит к таким “диким утверждениям”, как отнесение *Brotolomia meticulousa* к Агротидам или к той “мешанине совершенно невероятной”, которую Вы приводите под названием *Gonopterinae*!!

Что же касается Вашего вопроса о положении *Naenia typica* и ее сближения с Агротидами, то по этому поводу я никакого своего мнения не имею. Самому мне такое сближение никогда в голову не приходило, и судить о нем я не берусь...

То, что Вы пишете о роде *Cucullia* – это все очень интересно. Замечу только, что если заходит речь о его дроблении, то придется, пожалуй, говорить не о двух родах, а о гораздо большем их числе. Если группа *verbasci*, на мой взгляд, достаточно однородна, то группа *umbratica* (в прошлом письме я, кажется, по ошибке назвал ее *asteris* – это старческий ляпсус) представляет собою достаточно разнородную мешанину, но, пожалуйста, не сочтите мое замечание за поощрение к дроблению рода *Cucullia*; мои слова надо понимать только “принципиально”. Вы пишете, что если дробить *Cucullia* по имаго*, то получается одна система, а если делать по гусеницам – то другая. Все это льет воду на мою мельницу. Дело в том, что эволюция имаго и гусениц шла двумя независимыми, раздельными путями и привела в конечном счете к двум различным группировкам. И, конечно, каждая из них, взятая в отдельности, будет односторонней, однобокой и только синтезируя их вместе, можно подойти к более или менее естественной группировке.

Еще несколько слов о роде *Caradrina*. Вы указываете тип рода (по Pierce’y) *S. Morphheus*. Что-то в этом роде маячит и у меня, в моей стариковской памяти; но ведь разрешить этот вопрос Вам ничего не стоит: надо только достать томик Guenee “*Les noctuerides*” 1852 г. Все-таки, сколько я знаю, до этой работы Гене никто из лепидоптерологов типов для устанавливаемых родов не приводил (я совсем не знаю стариков – англичан, но, кажется, и у них типы родов отсутствуют). Гене же, как я Вам уже писал, установил почти для всех известных ему родов типичные для родов виды, а потому при разрешении номенклатурных вопросов приходится танцевать от него, как от печки.

Поставлю на этом о бабочках точку.

С удовольствием прочел в Вашем письме, что Вы немного отдохнули во вторую половину лета: это пойдет только на пользу! Теперь надо только дожидаться возвращения Вашей жены и тогда Ваша жизнь потечет по своему спокойному обычному руслу. Вероятно, когда Вы получите это письмо, у Вас будет сидеть Андрей Андреевич Бундель. Передайте ему от меня привет! По-видимому, он привез очень много интересного с Памира, особенно из ночниц, со-

* Одна из стадий развития насекомых, характеризующаяся окончанием (завершением) морфологических изменений.

бренных им в количестве около 2-х тысяч. Как я жалею, что не могу сам на них взглянуть...

На этом кончаю. Крепко, крепко жму Вам дружескую руку и буду надеяться, что Вы найдете время и охоту снова черкнуть мне интереснейшее письмецо! Искренне Вам преданный

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 6–10. Авторизованная машинопись.

97.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

2 октября 1956 г.

Милая, дорогая моя Муся!

⟨...⟩* Одно из главных моих ощущений, придающих мне и бодрость и право на жизнь – это сознание того, что я ⟨...⟩ абсолютно никому не мешаю жить! Я имею ⟨...⟩ собственную “жилплощадь” и значит никого не тесню, никто мне не должен помогать (материально) и все что мне другие дают и хорошего и ласкового и внимательного – все это делается от чистого сердца, не по принуждению, ни по какому-либо обязательству.

Вот, Коля живет сейчас со мной, для меня это, конечно, величайшее благо, но я все время чувствую, что делает он это от чистой души, не потому, что он считал бы себя *обязанным* это делать, и это вносит в мою душу и радость жизни и спокойствие. Если бы он захотел вдруг от меня уехать (что, конечно, едва ли может случиться), то он может это сделать совершенно спокойно, зная, что я не останусь без физического ухода. Конечно, жестоко пострадает моя душевная жизнь, но от этого люди не умирают. ⟨...⟩

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 6–7. Авторизованная машинопись.

98.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Кустанай

2 октября 1956 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Давно собираюсь ответить на Ваше скорбное послание, которое я получил еще в середине августа, но все откладывал, все были другие неотложные и спешные дела, например, перемена квартиры и устройство при кустанайских условиях не легкое на новой квартире. Кустанай, 1-го мая, 74. Похворать тоже в нашем возрасте неотложное дело.

Меня и Александру Сергеевну очень сильно печалит Ваше болезненное состояние. Как-то не верится, что на одного человека может быть возложено столько испытаний и переживаний. Очень трогательно великодушное и братское отношение Николая Сергеевича. Если есть, несмотря на наше неверие, тот свет и возмездие за наши земные дела, то кого же сажать в рай? Я шлю Николаю Сергеевичу мой самый сердечный привет и пожелание здоровья, бодрости и многолетия.

* Далее опущен текст с сообщением о получении письма от М.С. Четвериковой, о домашних делах С.С. Четверикова, о визитах немногочисленных друзей.

Я все вспоминаю, Сер[гей] Сер[геевич], наше первое знакомство на Ваших лекциях по биометрике, первые занятия в организуемой Вами генетической лаборатории. Сейчас можно объективно и беспристрастно судить обо всем этом, и вот я думаю, что из проф[ессоров] Московского университета-биологов только Вам удалось – организовать настоящую школу, воспитавшую ряд талантливых генетиков. Объяснением этому является не только то, что Вы угадали направление в развитии биологии на ближайшие десятилетия, Алекс[андр] Сер[геевич] Серебровский, Филипченко тоже шли в этом направлении, однако, после них не осталось школы. Объяснением является, мне кажется, и Ваши безупречные личные качества, преданность науке, честность ученого, заинтересованность в работе учеников, я уже не говорю о чисто личных человеческих, т[ак] сказ[ать], домашних качествах. Поэтому все Ваши ученики и все, лично соприкасавшиеся с Вами, относятся к Вам с нескрываемым уважением и глубоким почтением, несмотря на увольнение в 48 г. из университета. То что обстоятельство заставили Вас “покатиться вниз”, вызывает только глубокое сочувствие.

Теперь немного о себе. Я тоже, если хотите, и уже второй раз после возвращения покатился вниз. После окончания работы на Урале, о кот[орой] Вы, наверное, знаете, я не по своей воле водворился с семьей в Кустанае в 1953 г., где долгое время не мог получить никакой работы. Только понемногу начинаю как будто подниматься: сначала я работал в промартели, потом получил работу в 10-летке в качестве учителя нем[ецкого] языка; в прошлом году преподавал биологию в зав[одской] школе. Единственным моим утешением было реферирование научных статей в реферативном журнале “Биология” Ак. наук. А Вы говорите о чтении лекций в Пединституте, нет! я еще до этого не дошел. Только вот беда – здоровье тоже пошатнулось... У меня какие-то мозговые явления – обмороки, переутомился что ли? По причине этих явлений мне пришлось в этом году бросить преподавательскую работу и хлопотать о пенсии. Какую пенсию мне могут дать? Вероятно рублей 200!

Осталось у меня одно невыполненное дело. В последнее время еще “там” я начал разрабатывать теорию дивергенции и некоторые стороны этой проблемы мне удалось, кажется мне, прилично исследовать и опубликовать в иностр[анных] биол[огических] журналах. При этом публикации встретили хороший прием среди ин[остранных] биологов. В настоящее время, несмотря на все препятствия, теория дивергенции в основном закончена. Сейчас я привожу весь материал в удобный для печати вид, в надежде, что мне удастся исследования о дивергенциях опубликовать. Хотя я совершенно не знаю, на кого мне сейчас опереться. Вот если бы Вы, или светлой памяти Николай Константинович были в Москве! Мне бы очень хотелось подробнее изложить Вам и Ник[олаю] Сер[геевичу] мою теорию дивергенции и выслушать Ваши мнения, но в одном письме это, пожалуй, затруднительно. Попытаюсь это сделать в следующем послании, если Бог приведет.

Еще немного о себе. У нас с Ал[ександрой] Сер[геевной] трое детей, на кот[орых] мы не смеем жаловаться. Две дочери Маргарита и Екатерина кончили Свердловский университет и преподают первая в техникуме в Кустанае, вторая в Челябинске в завод[ской] школе. Сын Лев кончает Сельхозинститут в Свердловске и начинает работать у Н.В. Тимофеева в УФАНе.

Преданный Вам

С. Царапкин.

P.S. А[лександра] Сер[геевна] шлет привет.

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Л. 2–2 об. Автограф.

Горький

28 октября 1956 г.

Дорогой Михаил Алексеевич.

Вот прошла уже неделя, как вернулся из Москвы брат, а я все не мог выбрать время Вам написать. Задерживали разные дела. Хотелось сначала прочесть Вашу работу 56 г., и кроме того два дня гостил у меня Тимофеев-Ресовский с женой; сейчас он у вас в Ленинграде, читает несколько докладов и может быть случайно Вы с ним встретитесь. Это – мой самый талантливый и любимый ученик, который намного перерос своего учителя. Мы не видались с ним 30 лет и поэтому наша встреча с ним была особенно радостной и волнующей. Но “свидеться” с ним нам так и не удалось: у нас с ним совершенно сходная слепота и ни я его, и ни он меня не могли разглядеть...

От Бунделя я на днях получил письмо после его возвращения из Ленинграда. О бабочках он ничего интересного не сообщает. Но меня очень встревожило его известие о том, что у него находят признаки лучевой болезни. Это – штука очень серьезная, а я боюсь, что Андрей Андреевич не обратит на нее должного внимания и запустит болезнь до недопустимых размеров.

Теперь несколько слов о бабочках. То, что Вы пишете о Карандринах очень интересно и со многим можно согласиться. Но, по-видимому, их систематика все еще находится в процессе становления и есть еще ряд не совсем выясненных вопросов. Очень было бы мне интересно, если бы Вам при случае удалось одним глазком просмотреть моих крымских Карандрин, нет ли там чего интересного, хотя я и не думаю этого.

Чрезвычайно заинтересовало меня то, что Вы пишете про *Sarothripus*. Мне совершенно незнакома упоминаемая Вами *S. cuneana* Patocka, что она из себя представляет? и известна ли она Вам *in natura*? и какая же *Sarothripus* встречается у нас в Крыму? Это безусловно не *gavajana* и не *asiatica*, это и не *degenerana* Hb-f, раз Вы пишете, что *degenerana* не спускается южнее Сарепты и Украины. Не будет ли она как раз *S. cuneana* Patocka.

Не могу обойти молчанием одного места Вашего письма. Вы пишете: “черт неадаптированных не существует”. С этим положением я никак не могу согласиться. Неужели Ваши многолетние и тщательные поиски видовых различий не привели Вас почти целиком к обратному заключению? И неужели Вы сможете указать адаптивное значение в настоящем или прошлом для корневого глазка у *Lycaena karus* Rott? – или смещение к корню глазка в седьмой ячейке задних крыльев у *Lycaena astrarche* Begit. или различия в форме почковидного пятна у видов рода *Agrotis* и т.д. и т.п.!!??... Нет, дорогой Михаил Алексеевич, никак не могу согласиться с Вашим утверждением, да и теоретически оно совершенно не необходимо. Ведь путей эволюции много, и многообразие дифференциальной эволюции далеко не охватывается адаптивными процессами.

Надвигается зима, а с нею и темнота. У Вас в Ленинграде еще более чувствительная, чем здесь в Горьком. Блекнут краски, стусеиваются оттенки и заниматься бабочками становится все труднее и труднее. Остается разве только “варить животики”. Вот уже год, как я расстался со своими коллекцией и библиотекой. Острая грусть разлуки понемногу сгладилась, хотя до сих пор я ловлю себя иногда на мысли, что надо пойти и взять тот или другой ящик с бабочками или с такой-то полки достать нужную книжку. Ну что же, всему приходит свой черед! На днях буду писать А.А. Бунделю. Вы, да он – единственные мои лепидоптерологические корреспонденты и ваши письма каждый раз уносят ме-

ня в далекий, уже закутывающийся туманом мир дорогих мне воспоминаний, а потому, если только у Вас хватит терпения, продолжайте хотя бы изредка мне писать и рассказывать о своей интересной работе. Пока же крепко жму Вам Вашу дружескую руку и прошу передать Вашей жене сердечный привет и поклон.

Искренне Вам преданный

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 11, 12. Авторизованная машинопись.

100.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

3 ноября 1956 г.

Дорогая, родная Муся!

<...>*

У меня есть хороший знакомый, тоже профессор, но сверх того еще и поэт**. Правда, не очень крупный, но несомненный, несомненный настоящий поэт, благословенный небом. Он написал стихотворение “Маски”, которое вот сейчас, когда я подхожу к неизбежному финалу, особенно созвучно моей душе. Прилагаю его тебе^{3*}.

Вот я сейчас тоже живу без маски, таков как я есть, и ни от кого ничего не скрываю, никому не стараюсь “казаться”, перебирая в своем прошлом все свои поступки и мысли и хорошие, и дурные, все свои проступки и прегрешения и произвожу переоценку всех ценностей. И мне хочется, чтобы и люди относились ко мне вот так же прямо и открыто, без всякой маски. Мне часто вспоминается одно маленькое событие, главным действующим лицом которого была матушка Ася. Ты может быть ее знала – кротчайшая, добрейшая и милейшая старушка. – Вечер, мы все сидим вокруг четырехугольного стола, над которым ярко горит висячая лампа; в прихожей слышен звонок и через две-три минуты до нас доносятся радостные восклицания матушки: “Сонечка, да как же это вы надумали, а я уж думала, что вы про меня забыли! Какая же Вы милая, хорошая, да как Вы похорошели! Как я Вам рада!! Проходите в гостиную, а я только распоряжусь насчет самовара”. Через одну-две минуты торопливыми мелкими шагами матушка проходит мимо нас и, делая энергичный жест рукой, шепчет вполголоса, но так, что мы все слышим: “А! Чтоб те тут совсем!” И смотрит на нас немножко насмешливыми, немножко лукавыми глазами. Словечко “тут” все самое ужасное, на что способно воображение матушки – и “паралик”, и “ни дна, ни покрышки”, и “провалиться” и т.п. Вот этого-то “тут” я сейчас особенно боюсь, боюсь больше, чем адова огня, больше, чем черт боится ладана. Но мне кажется, что в моих отношениях с моими близкими этого “тут” почти нету и это сознание придает мне бодрость, радость и право на жизнь.

Не так давно у меня была огромная радость. Меня навестил мой самый дорогой, самый любимый и талантливый ученик, которого я не видал почти ровно тридцать лет^{4*}. Ты можешь представить себе, какая это была радостная встреча! Но видеть друг друга мы все-таки не смогли: ведь я слепой и представь себе – он тоже слепой, как и я! Мы обнимались, целовались, ощупывали друг

* Далее опущен текст о письме М.С. Майковой и мыслях, навеянных этим письмом.

** Имеется в виду проф. И.И. Пузанов.

^{3*} Стихотворение “Маски” в АРАН отсутствует.

^{4*} Речь идет о Н.В. Тимофееве-Ресовском.

друга, гладили, а главное говорили, говорили, говорили целые два дня, с утра до вечера. Ведь он больше 25 лет прожил за границей, стал мировой величиной и перерос своего учителя на несколько голов. Он очень много рассказывал о своих встречах с крупнейшими учеными как Европы, так и Америки; исколесил эти страны вдоль и поперек. И все, что он рассказывал, было чрезвычайно интересно. Сейчас его буквально рвут на части, прося делать доклады как в Москве, так и в Ленинграде.. Ведь он человек новый, в курсе всех течений научной мысли, и всем хочется послушать, что же действительно сделано и делается в мировой науке. Много интересного услышал я от него и до сих пор обдумываю и продумываю то, что он мне рассказывал. <...>

Твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 8, 9. Авторизованная машинопись.

101.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

Не позднее 27 ноября 1956 г.*

Милая, дорогая моя Муся!

<...> А я? почти слепой, полуглухой, едва ползающий по своей квартире (из квартиры никуда, ни шагу), целыми днями прикован либо к постели, либо к большому очень удобному креслу, никого и ничего не вижу, редко кто меня навещает, если при мне говорят, то не разбираю – о чем; о том, что делается вокруг меня знаю только то, что мне расскажет Коля или Дуся. И вот долгими, долгими часами я бываю один на один с собой, живу в мире воспоминаний и дум. В будущее я боюсь заглядывать, дальше двух недель и редко месяца вперед я не думаю, да и то мне кажется лишь продолжением моего настоящего с теми же болями, с тою же слепотой и глухотой.

<...> Не помню, писал ли я тебе о судьбе этих бабочек и вообще всей своей коллекции. Сейчас они в Академии наук и конечно лучшего назначения ей не придумаешь. Мою же лепидоптерологическую библиотеку, большую (12 полок) я подарил одному моему хорошему и со мной очень дружному бабочнику – доктору хим[ических] наук. Вообще я раздал и раздарил все, что было у меня мало-мальски ценного и хорошего, так что сейчас после меня почти нечего будет делить. Свою хорошую генетическую библиотеку я тоже подарил одному из лучших моих учеников**.

<...> Если бы я был на вашем месте, я бы, конечно, поступил бы также: стал бы швейцарцем всем, всем, но только кроме “души”. Я очень живо представляю себе этих швейцарцев – “черствых, как прошлогодний хлеб”! И до чего же мне чужда эта “добродетель по обязанности”! И почему-то мне кажется, что среди европейцев всего ближе к нам русским – итальянцы. Правда, я их видел очень немного (я прожил у Бордигера^{3*} около месяца и видел только Северную Италию – Ломбардию); но мне итальянцы определенно полюбились; мне кажется, что и у тебя по отношению к ним сложилось хорошее, доброе чувство. <...>

Ну, а теперь перехожу к своей собственной персоне. Здоровье мое находится в status quo ante^{4*}: большая физическая слабость, совершенно старческая (во-

* Датируется по письму М.С. Майковой от 27 ноября 1956 г.

** Генетическая библиотека была передана С.С. Четвериковым акад. Н.П. Дубинину.

^{3*} Видимо, хозяин квартиры.

^{4*} Положение, существовавшее до определенного момента времени (лат.).

лочащаяся) походка и боли в области таза, то усиливающиеся, то слабеющие. А кроме того сильно мешает огромная паховая грыжа, которую хирурги отказываются оперировать, и не прекращающееся воспаление вен левой ноги, не позволяющее напрягать ногу при ходьбе. Прибавь к этому еще мою слепоту и глухоту и ты получишь слабое представление о той развалине, которую представляет собою твой брат. Хорошо еще, что как будто голова моя пока в порядке, и в детство я еще как будто не впадаю, хотя самому судить об этом довольно рискованно... Правда, по сравнению с весной, когда мне сделали операцию удаления желчных камней, я чувствую себя самое чуточку бодрее и сильнее: легче поднимаюсь с постели, легче повертываюсь с одного бока на другой и по временам предпринимаю прогулку по коридору в кухню; но дальше этого дело пока не подвигается. <...>

Горячо целую тебя и всех твоих чадов

твой Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 58, 58 об. Авторизованная машинопись.

102.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

21 января 1957 г.

“Une journée de Serge. Le logement”*

Дорогая, милая Муся!

Вот я опять пишу тебе и опять с большим опозданием и главная причина этому опять та же: третьего числа Коля уехал в Москву, а твое последнее письмо пришло утро 5-го! и лежало, пока Коля не вернулся; а тут случилось еще одно событие, которое задержало письмо еще на несколько дней – событие это – неожиданный приезд Аси-мамы**, прогостившей у меня пять дней. Ведь ты, вероятно, помнишь Асю еще совсем девочкой, а теперь она почти старуха: все лицо в морщинках, а главное сдало сердце, так что ей пришлось бросить службу и сейчас она хлопочет об инвалидной пенсии. Как все меняется! Мне очень жаль ее, ведь она была исключительно деятельным и подвижным человеком, а сейчас ей запрещены все усилия и при первой возможности она ложится. Что с ее сердцем – она или не знает, или не говорит, но у меня очень большое подозрение, что болезнь ее матери Аси-бабушки передалась ей по наследству. Очень, очень мне ее жаль, тем более, что у нее на руках трое детей и все “очень трудные”. Еще громадное ее счастье то, что у нее хороший и любящий муж Митя, который не щадя своих сил старается облегчить Асину жизнь, как только он умеет ...

Получили и твои фотографии, которые, естественно, вызвали громадный интерес не только у нас, но и у всех знакомых, которым мы их показывали; ведь мы так мало знаем, как живут люди в других странах и всякая такая фотография вызывает и вопросы и обсуждения. Передай, пожалуйста, от нас обоим самую искреннюю и сердечную благодарность всем, подписавшим новогоднее приветствие нам!!

Фурор произвели наклеенные на письма марки с бабочками, ведь у нас довольно сильно распространено среди мальчиков коллекционирование марок, а тут еще марки такие занятные, и к тебе обращаются многие, многие просьбы

* День Сергея. Жилище (франц.).

** Падчерица А.П. Сушкина.

присылать еще всяких марок (на конвертах), как с бабочками, так и других, если таковые существуют!

Ну, вот кажется исчерпались все мои “новости”, а дальше остается все тот же узенький, преузенький круг ежедневных мелких событий, которые и составляют всю мою “жизнь”. Боюсь, что это тебе будет скучно, а в то же время хочется еще с тобой поболтать.

Хочу описать тебе мой самый обыкновенный, будничный день. Конечно, интересного в этом мало, но сужу по себе – если бы ты написала бы мне, как час за часом проходит твой день, и я бы живо представил себе, как ты живешь, – мне это было бы в высшей степени приятно и “душевно”. Но ведь это – мне, беспомощному старику, а как тебе, живому человеку? Ну, ничего! даже если поскучаешь несколько минут, большой беды в этом не будет...

Значит прежде всего помни, что я (почти) совсем слеп, ни читать, ни писать не могу. Затем помни, что я уже наполовину глухой, а потому очень плохо ориентируюсь даже в том, что делается в квартире. Но все-таки голова еще работает, я держу хозяйство в своих руках и в своих руках держу все “кассы”. Перечислю их тебе вместе с их месячным бюджетом, чтобы ты имела представление, как мы живем. 1-ая) хозяйственная касса, включая жалованье Дусе*, ее страховку и “Котю” (четырехлопого) – 900–1000 руб.; 2) “квартирная” – 94 руб.; 3) “электрическая” – 20–25 руб.; 4) “аварийная” – на случай экстренной аварии и 5) “моя личная касса” – около 80 руб. Вот [так] складывается бюджет нашего хозяйства.

Как же проходит мой день? Просыпаюсь я между половина восьмого и восемью; в начале 9-го часа приходит Дуся и приносит мне умывание. Умываюсь я в постели, так как стоять нагнувшись над умывальником не выдерживают ноги и спина. После умывания Дуся подает мне (тоже в постель) мой кофе – большая (“мужская”) чашка кофе (натурального) с молоком и белый хлеб с маслом. Тут же у нас происходит с Дусей “генеральный совет”: намечается меню на весь день, намечаются покупки на рынке (Дуси), планируются стирка, мытье полов, различные поручения... – все это Дуся, выдаются деньги на расходы: в среднем по 10 руб. на человека за день. Дуся уходит на рынок, а часов в 10 – половина одиннадцатого приходит Коля и пьет свой утренний кофе. После этого начинается наш “трудовой” день... Утро бывает занято у меня или либо неприятной процедурой, связанной с полной атонией кишечника, либо мы пишем с Колей письма (как, например, сейчас), либо Коля занят своими делами, а я остаюсь с самим собой. Я одеваюсь и ровно в 12 часов сажусь под радиорепродуктор, слушаю проверку времени (12 часов), а затем т.н. “обзор центральных газет”, в котором дается наиболее важное содержание утренних столичных газет. Иногда слушаю после этого музыку, если эта музыка терпима, что, к сожалению, случается далеко не всегда.

Ровно в два часа Дуся подает нам обед – два блюда, а затем чай. Обеды самые простые: то постные, то скоромные, но мяса потребляем немного (за исключением Коти). Когда я с Дусей остаюсь один (а Коля в Москве), мы часто переходим на совсем постный стол: Дуся у нас очень богомольная и строго соблюдает все большие посты (Петровский, Рождественский и Великий).

После обеда начинается самое томительное время. Коля либо уходит по делам в “город”, либо что-нибудь читает, либо пишет, либо стучает на машинке или, наконец, клеит свои маски и что-нибудь шьет. В квартире тихо, а я либо лежу в постели, либо перехожу в вольтеровское кресло, а время ползет, ползет,

* Домработница.

как черепаха. Заполняю его чем могу, вспоминаю прошлое, думаю о смерти, вспоминаю всевозможные стихи на всех языках, вспоминаю романсы, всевозможные мелодии и тогда ни о чем не думаю. Но странно, ты наверно подумаешь, – скука, а вот я совсем этого слова не знаю. Ведь скучать можно от скучного дела, от скучной книги, от скучного общества или разговора (вроде того, как ты описываешь вечер Сочельника), ну а скучать от “пустого места” абстрактно по-моему невозможно.

Не буду писать тебе сегодня о том, о чем я думаю в эти часы...

Ровно в семь мы с Колей ужинаем – одно блюдо, часто сладкое (творог, разварная картошка, *armer Ritter** и т.д.). После ужина – чай, а в восемь – девять часов я уже совсем забираюсь в постель под свое теплое одеяло и с блаженством вытягиваю свои конечности. Коля мне обыкновенно читает газету, иногда какую-нибудь книгу, если подвернется интересная, а затем снова водворяется тишина.

Я живу в большой комнате (20 м²) и посередине этой комнаты стоит длинный четырехугольный обеденный стол, покрытый белой клеенкой – этот стол разделен пополам – “чистая”, на которой мы обедаем, а Коля работает, другая половина заставлена всевозможными письменными принадлежностями, пузырьками и т.п. мелочами. За этим столом и проходит в сущности весь наш день, а у Коли еще добрая половина ночи. Он как-то охотнее работает по ночам, а потому сидит с лампой до часу или двух, а иногда и дольше, а я тем временем часто засыпаю, хотя иногда полуночничая с ним до позднего времени, тихо вытянувшись под своим одеялом и опять думаю, думаю, думаю...

Изредка по вечерам ко мне заходят мои немногочисленные горьковские знакомые, тогда вечер проходит оживленнее и, хотя я многого из того, что говорится, не слышу, все же по мере возможности принимаю участие в разговоре. Особенно часто ко мне заглядывает соседка из соседней квартиры (№ 5), дама лет 45, чрезвычайно деятельная и энергичная, абсолютно “советская”, за что-то возлюбившая меня и принимающая в моей жизни горячее участие.

Ну вот, милая Муся, тебе и мой день. И так один день за другим, сегодня как вчера, завтра как сегодня, и день уходит за днем...

Прости меня, милая Муся, за эту скучную, старческую болтовню. Я все пытаюсь представить себе, какое лицо будет у тебя, когда ты будешь читать это письмо – мне все кажется, что оно у тебя сморщится в немножко грустную и немножко насмешливую гримасу. Ну, что же! Могу заверить тебя только, что еще настолько объективен, что заверяю тебя честным словом, не обижусь, если ты мне напишешь, чтобы я таких скучных писем больше не посылал.

А пока больше писать не буду, ведь кое-что надо оставить и для следующих писем.

Мы с Колей шлем в этом письме наш сердечный привет Шуре, всей семье Алексея, включая, конечно, и крошку Мари. Пусть она на радость своей маме побольше кушает и поменьше кричит!

А сейчас я еще и еще раз крепко тебя обнимаю и целую,
крепко тебя любящий

брат Сережа

P.S. О своем здоровье ничего не пишу, так как писать нечего: *Aller bleibt beim Alten***.

* “Бедный рыцарь” – смоченные молоком поджаренные ломтики белого хлеба.

** Все соответствует возрасту (*нем.*).

Зима у нас очень снежная, но зато очень мягкая. Прошли уже самые сильные морозы (рождественские, крещенские), а температура ни разу не падала ниже 20 °С. Дни становятся заметно светлее, а вместе с ними светлее становится на душе...

Целую!!

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 1–4. Авторизованная машинопись.

103.

М.А. РЯБОВУ

Горький

8 февраля 1957 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Ваше большое и как всегда очень интересное, бриофилиное письмо я получил уже довольно давно, но отвечаю на него только сегодня, так как брат Коля всего лишь три дня тому назад возвратился из Москвы и я получил снова дар речи (письменной).

Ваше письмо я прочел, вернее прослушал, два раза, а сейчас буду переслушивать в третий раз. Все, что Вы пишете о кавказских Бриофилинах, очень любопытно и отчасти неожиданно. Я никак не думал, что на Кавказе их найдется 13 видов! То, что это (*Bryoophila*) является сборным родом, было для меня ясным всегда, но только я думаю – это относится только к кавказским видам; всего же родов окажется еще больше...

Читая, (слушая) Ваши письма всегда испытываю чувство радостной зависти: радуюсь и дивлюсь Вашей работоспособности и кипучей деятельности! Всей душой желаю Вам еще много, много лет такой же содержательной и плодотворной работы.

А про себя сказать что-либо подобное никак не могу.

Правда, “из ума” как будто еще не выживаю, но память! память все больше отказывается служить. Все тусклее становятся образы, все расплывчатее становятся формы, все менее отчетливо становятся систематические сопоставления; поэтому не судите строго, если в моих письмах все чаще будут встречаться всевозможные ляпсусы; ведь у меня не осталось даже ни одной книги, по которой я бы мог подновить свои воспоминания...

Чрезвычайно любопытно то, что Вы написали о роде *Bryoophylopsis*; ведь если я правильно Вас понял, Вы относите этот род к *Sarothopus*, т.е. по существу к совершенно другому семейству, но, если я не ошибаюсь, ведь у *Sarothropidae* есть в жилковании крыльев какая-то разница от ночниц (*sensu stricto*)*.

Еще несколько слов о *Bryoophila*. Вероятно Бурсену было бы приятно получить одну-две штучки “*Bry[ophila] umovii*”**. В моей коллекции можно бы найти парочку старых экземпляров (для варки) из Даниловской коллекции (без этикеток), кажется даже в ящике “систематической коллекции”; кстати говоря, это, конечно, не *Bryoophila* и может быть не относится к *Bryoophili*’нам. В одном из томов “Ириса” (кажется двадцатых годов Пюнгелер описал и дал хорошую фотографию этой *umovii* с Тянь-Шаня (!) и, сколько я помню, установил для нее новый род и новый вид, который, по-моему, должен отойти в синонимы. Приходит на ум еще один вид; описанный Грэзером с Дальнего Востока (точно-

* В буквальном смысле (*лат.*).

** Слово – не читается, по-видимому, видовое название рода *Bryoophila*.

го названия не помню, как будто что-то вроде muscicolor или похоже). К какому роду отнес эту бабочку Грэзер, не помню.

Впоследствии В. Кожанчиков нашел ее под Минусинском, а в начале 1930-х гг. я поймал ее в Свердловске – на свет. Конечно, Кожанчиков описал ее под новым названием, не помню каким. Она очень красива, зеленого цвета с рисунком под лишай (см. мои черные коробки со Свердловским сбором или систематическую коллекцию). Подробно я ее не исследовал, но габитуально она близка к *imovii* и тоже с редуцированным хоботком. Все это, конечно, надо исключить из рода *Bryophila*.

Очень заинтересовало меня то, что Вы среди кавказских Бриофил упоминаете Гюбнеровскую *ravula*. В отношении к этому виду у меня имеются вот какие соображения. В Крыму самой обыкновенной *Bryophila* считается *ravula* Hb. В моих крымских сборах ее имеется штук двадцать или больше (см. синие коробки); но у меня возникают очень большие сомнения в правильности такого определения и я считаю крымских “*ravula*” за новый вид *Bryophila crimaea*. У меня, к сожалению, не было типичной европейской *ravula* Hb, так что я не мог произвести точного сравнения крымских экземпляров с европейскими (которые, конечно, очень похожи между собой), но меня заставляет считать крымскую *Bryophila* за отличный от *ravula* вид изучение их индивидуальной изменчивости. Абберативные формы “европейской” (типичной) *ravula* Hb отличаются развитием либо черных, либо зеленоватых чешуй (не помню сейчас их латинских названий), но о чисто желтых чешуях нигде не упоминается. У крымской же *Bryophila* личные отклонения (абберации) идут в сторону развития охряно-желтого рисунка в дорсальной части прикорневого и срединного поля. Помнится даже, что в моей систематической коллекции я такие желтоватые экземпляры выкрестил под названием *exserticulus*. Если Вы в свою посылку Бурсену кроме кавказских *Bryophila* допустите и других, то было бы в высокой степени интересно [и] любопытно показать ему и наших крымских “*ravula*” и заслушать его мнение. Повторяю, этих *Bryophila crimaea* можно найти в синих коробках крымской фауны в большом количестве (свежих и потертых).

Хочется сказать еще несколько слов о “роде”. Я очень рад тому, что в этом вопросе мы с Вами как будто не расходимся, но мне хочется еще конкретнее и нагляднее изложить перед Вами мою точку зрения. Конечно, основным требованием, которое мы предъявляем в настоящее время понятию “род”, заключается в его “естественности”, т.е. что род объединяет различные виды не по одному-двум каким-либо выхваченным признакам, а объединяет виды *родственные*, т.е. эволюционно наиболее близкие между собой. Графически эволюционное развитие органического мира мы представляем в виде генеалогического (родословного) древа; это представление настолько наглядно и настолько нам привычно, что едва ли требует разъяснения. Но что будет на этом дереве представлять собою “род”? Мы берем пилу и отпиливаем у дерева сук. Все виды, принадлежащие этому суку, будут *более родственны между собой*, чем с видами, расположенными на других ветвях. И мы с полным правом можем их объединить под одним родовым названием, но ведь мы можем перепилить сук не у самого места отхождения его у ствола, а на любом расстоянии от него, либо в середине, либо еще ближе к вершине, словом там, где нам это покажется всего удобнее и всегда отпиленная часть будет объединять некоторое количество форм более близких между собой, чем с другими формами того же сука. И мы имеем всегда полное право выделить эти родственные виды отдельного сучка, ветви, веточки и т.д. под особым родовым названием: все будет зависеть от на-

ших личных вкусов и взглядов, все будет до некоторой степени произвольным. “И ничего подобного в природе не существует” (Кювье)*.

Буду на этом пока кончать.

Буду ждать дальнейших Ваших писем и еще раз хочется порадоваться на Ваш кипучий и разносторонний интерес к вопросам систематики бабочек!

Скоро весна, скоро повеет теплый ветерок, скоро природа сбросит с себя свое теплое белое одеяло, заблестят ручейки, заблестят лужицы, заблестит солнышко и наша душа вновь запоеет свою весеннюю песенку.

Хорошо!! У меня это будет 76-ая весна. “Пора, мой друг, пора, покою сердце просит”...

Мой почтительнейший привет Вашей жене, а Вам самое крепкое и самое дружеское рукопожатие!!

Искренне Ваш

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. Лл. 13, 14. Авторизованная машинопись.

104.

М.А. РЯБОВУ

Горький

18 февраля 1957 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Ваше смятенное письмо от 11 февраля** я получил и спешу Вам ответить, так как брат через два дня уезжает в Москву и, вероятно, дней на 10–12 моя способность к переписке утрачивается. Все, что Вы пишете в Вашем письме о своем здоровье и здоровье Елизаветы Давыдовны (вернее о ваших болезнях), очень печально и я только надеюсь, что эти недомогания преходящи. Ведь как бы то ни было, дело продвигается к весне, даже в Вашем промозглом Ленинграде. У нас стало заметно теплее и светлее и по календарю через десять дней – конец зиме; начнутся капли, лужицы на тротуарах, купающиеся в них воробушки – ну словом все, что за 70 лет ежегодно радовало мое сердце...

То, что Вы пишете про свою работу, про свой “амок”^{3*}, про сделанное и еще предстоящее сделать – все это поразительно и замечательно; только бы не подорвало это Ваши силы!

Я очень хорошо понимаю Ваши затруднения с правильной, грамотной номенклатурой. Вы спрашиваете моего совета, но что же я могу Вам посоветовать? По-моему, здесь возможны только два пути: либо признать свое бессилие и покорно поплестись в хвосте у какого-либо из последних “путальщиков”, либо решиться самому вычистить всю эту Авгиеву конюшню и восстановить, наконец, правомерную, критически обоснованную систему. На первый взгляд последнее кажется непосильным мероприятием, а на самом деле – ведь это вовсе не так уж трудно. Когда-то я сам подумывал о том, чтобы засесть за такую работу, когда несколько разгрузюсь от обязательной службы; но недаром же говорится, что “бодливой корове Бог рогов не дает” и вместо намеченной работы я стал слепым стариком.

Ведь самое большое затруднение в подобного рода работе – это подбор необходимой литературы, но именно в этом-то отношении Вы в ЗИНе нахо-

* С.С. Четвериков приводит цитату, не указывая, откуда она.

** Ксерокопия письма в музее ННГУ отсутствует.

^{3*} Быть вне себя, в ярости, неостовствовать (англ.).

дитесь в наивыгоднейших условиях: к Вашим услугам не только богатейшая библиотека ЗИНа, но через нее Вы можете иметь всю литературу как в нашем Союзе, так и за границей. Правда, эта работа будет чисто книжная, но зато она даст возможность физически прочувствовать всю историю нашей науки и эту историю Вы будете ощущать “нутром”. А в основу этой работы должны лечь два очень простых правила, утвержденные международными номенклатурными конгрессами. Первое из них: *каждый род должен иметь свой типичный вид*, который и является ведущим при установлении родовых признаков. Во-вторых, родовое название раз употребленное, не может быть истреблено и *находится в неразрывной связи с принятым для данного рода “типичным” для него видом*. Другими словами, та группа видов, которая ближе всего к виду, служащему типом для рода, должна нести то же родовое название, как и “типовой” вид.

Соблюдение этих двух правил должно быть беспощадным; поэтому надо совершенно ясно и четко, раз навсегда покончить с той чепухой, которую внесли в номенклатуру Н.Я. Кузнецов, Хемпсон, Уоррен и И.В. Кожанчиков и вся их свита, упрямо проводивших *вопреки ясному постановлению* международного номенклатурного конгресса свое бессмысленное как формальное определение “типичного” вида для рода – первого вида в списке видов, включенных в новый род*.

Итак, прежде всего необходимо для всех существующих родов установить их типичные виды. По правилам номенклатуры, если автор, установивший новый род, не указал при этом “типичного” вида (а так обстоит дело у всех “стариков”), то любой автор имеет право наметить такой вид и этот вид является *обязательным* для всех последующих систематиков и получает полные права (приоритет, неразрывную связь рода и типичного вида и т.п.).

Как же мыслю я себе эту работу? Прежде всего надо добыть работу “стариков”: Ochseneimer, Treitschke, Hubner, Henrich Schafer, Lederer, Guenee** и т.д. Сколько я знаю, для своих родов они типичных видов не указывали (кроме Guenee). Таким образом, танцевать придется от последнего автора; у него и для ноктуид и для геометрид на полях против выбранных им видов напечатано словечко *typus*, другими словами, почти для всех старинных родов указаны виды, к которым они приурочены, для всех этих родов указанные Guenee “типичные” виды являются *обязательными*, и все другие виды, тесно группирующиеся около родовых “типов”, должны нести одно и то же родовое название.

Я уже писал Вам раньше, что объем рода – понятие чисто субъективное; один автор может сгруппировать вокруг “типичного” для рода вида – двадцать других видов, а другой автор – только два и оба будут правы, но сколько бы видов они не сгруппировали – все они должны нести одно родовое название, присущее “типовому” виду. А далее должна идти работа по выявлению новых родов, рассеянных во всех сводках и систематических работах новейших авторов, признание самостоятельности новых родов, перемещение одних видов из одного рода в другой и т.д. и т.п., что, по моему мнению, не должно представлять особенных затруднений, особенно если в работах или журналах имеются соответствующие регистры (реестры).

Дорогой Михаил Алексеевич, боюсь что все, что я сейчас написал, покажется Вам и скучным и давно знакомым. Мне только хотелось, чтобы эта, *чрезвычайно нужная* работа была проделана и таким безупречно-авторитетным ли-

* См. предшествующие письма С.С. Четверикова М.А. Рябову (от 18.07.56, 16.09.56, 8.02.57 и др.).

** Видные лепидоптерологи прошлых веков.

цом, как Вы! – На этом пока и кончу. Если паче чаяния у Вас возникнут какие-либо вопросы, то пишите, и чем могу постараюсь быть Вам полезным.

Шлю мой искренний привет Елизавете Давидовне, а Вам крепко, крепко жму дружескую руку.

Искренне Вас любящий

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 15, 16. Ксерокопия авторизованной машинописи.

105.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

28 марта 1957 г.

Милая, родная моя Муся!

(...) Хочется еще поболтать с тобой, хотя уж и так расписался на 4 страницы, но ведь это так редко бывает. А мир вокруг меня сжимается так тесно! ...

Недавно произошло событие, которое радостно всколыхнуло мою душу. Совершенно неожиданно для меня я получил извещение из Ленинграда о том, что я избран почетным членом Всесоюзного (прежде Русского) Энтомологического Общества, действительным членом которого я состоял многие годы.

Признаюсь откровенно, что не знаю, за какие мои заслуги мне оказана такая честь; ведь Общество существует почти сто лет и за эти долгие годы в почетные члены было избрано всего человек двенадцать. А вот я и очутился в среде этой почетной компании, и снова я оглянулся на прожитую жизнь с чувством некоторого удовлетворения.

(...) Ты пишешь, что не веришь в переселение душ; не верю и я; тут, значит, мы с тобой сходимся... Но во всяком случае твоя Искорка* остается строго индивидуальной, строго самой себе равной...

Вспомни Пушкина:

“И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлеть,
но... [ближе к милому пределу мне все б хотелось почивать]”**.

Вот в том то и дело, что есть какое-то “но”. Конечно, это “но” не то или не совсем то, о котором пишет Пушкин (“ближе к милому пределу и т.д. ...”). Но с этим “но” великолепно перекликается другое пушкинское двухстишие, которое ты, конечно, хорошо знаешь:

“Нет! – весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...”^{3*}

Вот это замечательно хорошо! – “Душа в заветной лире”! Вот это именно моя Психея! Это именно то, что остается от человека, когда мир навсегда для него закроется, а душа – Психея – продолжает жить и существовать в оставшейся заветной лире, и чем больше от человека остается после его смерти, тем богаче, тем глубже и содержательнее его Психея. Эта Психея

* Речь идет об основных душевных качествах, в том числе о внутреннем творческом горении, определяющих характер и образ жизни человека. Мария Сергеевна читала бесплатные лекции о Сибири, ее истории и значении для России, писала книгу о жизни и судьбе Иисуса Христа, анализировала факт его воскрешения с точки зрения современной медицины.

** Из стихотворения “Стансы”. Сочинения Пушкина А.С. М.: Изд. А.А. Карцева, 1887. С. 228–222.

^{3*} Из стихотворения “Памятник”, 1836. Стихотворения Пушкина А.С. М.: Изд. Художественная литература. 1983. С. 241.

будет дробиться на тысячи и сотни тысяч частичек и эти частички моей Психеи часто неведомыми запутанными путями будут проникать в Психеи других людей, будут с ними сливаться и будут их обогащать, и часто человек даже не будет знать, какими путями проникло в его сознание то или иное содержание его Психеи. И вот, когда я лежу и думаю, я подвожу итоги тому, что может дать моя маленькая Психейка будущему человеку, и когда я создаю, что все-таки что-то от меня останется, то душа испытывает и чувство радости и чувство успокоения. (...)

Брат

Сергея

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 12–15. Авторизованная машинопись.

106.

Е.А. И Н.В. ТИМОФЕЕВЫМ–РЕСОВСКИМ

Горький

11 апреля 1957 г.

Дорогие Лёля и Николай Владимирович!

⟨...⟩ Я сейчас живу в таком тесном мирке, что постепенно все дальше и дальше ухожу от жизни. Постепенно один за другим отпадают корреспонденты, и все уже и уже становится круг доходящих до меня вестей. Ну, что же! Это закон природы и роптать или сокрушаться об этом не приходится; но думаю об вас обоих очень часто и стараюсь представить себе обстановку вашей жизни, ваши дела и намерения.

Как вы теперь живете? Все ли у вас мирно и благополучно? Иногда меня вдруг охватывает безотчетная тревога, и я, зная нашу современную действительность, рисую себе всякие подводные камни и скалы, среди которых приходится вам плыть, но надеюсь, что это только в моем воображении. А чаще я представляю себе вас на озере Миассове, вижу покойные воды озера, обрамленного с трех сторон черной стеной леса, а на берегу его новые веселые постройки станции, а среди них вас обоих, вспоминающих бывшее звенигородское житье. ⟨...⟩

О себе ничего интересного сообщить не могу; состояние приблизительно все то же, что и было при вас, только слепну больше и больше, а сил становится все меньше и меньше. Тяну сколько могу. ⟨...⟩

События из научного мира доходят до меня лишь слабыми отголосками; они идут как-то стороной и реже и меньше задевают мою душу. Только что получил оттиск работы В.П. Эфроимсона*, помещенной в бюллетене Общества Испытателей Природы. Конечно, вы ее знаете, а при ней очень теплое, очень сердечное письмо, которое меня глубоко тронуло. Не знаю, помните ли Вы его лично, ведь это был единственный студент, осмелившийся стать на мою защиту, когда в 1929 г. началась травля меня. Много, много претерпел он, и тем ярче горит его безукоризненная честность! Читая эту работу я испытываю только глубокое сожаление, что так много времени, труда и сил затрачивается на опровержение всех тех нелепостей, которые нагромодились в нашей “научной” генетической литературе.

А как Ваши глаза, Николай Владимирович? Сохраняют ли они status quo ante, или все же постепенно ухудшаются? Ведь для Вас – еще полного сил и энергии – это трагедия в сто раз худшая, чем для меня, и часто, думая о Вас, я

* Эфроимсон В.П. “О роли эксперимента и цифр в сельскохозяйственной биологии”. “Бюллетень МОИП”. Отд. биол. 1956. Т. 61. В. 5. С. 83–91.

стараюсь представить себе Ваше душевное состояние, и какое это великое благо, что с Вами всегда Леля!! <...>

Искренне вас любящий

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Лл. 8–9 об. Авторизованная машинопись.

107.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

21 апреля 1957 г.

Дорогая, родная Муся!

<...> В одном из твоих писем ты пишешь в ответ на мой вопрос о твоих сыновьях, что они совершенно швейцарцы и только душа осталась у них русская. Но, дорогая Муся, ведь это же самое существенное, самое главное в человеке, самое содержание его “Я”. У тебя наверное нету стихотворения Алексея Толстого, не знаю, любишь ли ты его и помнишь ли короткое его стихотворение без заглавия, но которое я называю всегда “Русская душа”. На всякий случай я напому тебе по памяти и думаю, что не навру.

Русская душа

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, – так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Дай прочесть это стихотворение какому-нибудь “истинному” швейцарцу; он, вероятно, пожмет плечами, покачает головой и скажет: “*mais c’est donc une psychologie sauvage!*...”*

Sauvage так sauvage – не спорю, но эта *psychologie sauvage* мне в тысячу, в сотни тысяч раз ближе, понятнее и дороже, чем швейцарская *psychologie civilisée*** , отвешивающая добродетель на аптекарских весах, по пяти грамм на 8 франков; особенно предпоследняя строчка.

Ой, до чего же я не люблю (видишь, как я выражаюсь мягко!) эту добродетель не от души, а от разума! – где нет человека, нет душевного тепла, а есть прописная “мораль”, за которой прячется полнейшее бездушие, равнодушие и черствость...

Но иногда ко мне эта *psychologie sauvage* повертывается другой стороной, и я вижу ее вокруг себя в сотнях примеров действительно дикарской психологии. Сколько случаев бесчеловечной грубости, невнимания, отсутствия чести (это слово вообще как-то вышло из обихода, и я никогда не слышу его и не читаю), стопроцентного эгоизма, отсутствия каких бы то ни было моральных устоев вижу я вокруг себя, и думается, что в Швейцарии такие нравы невозможны, и не знаю, как примирить оба эти лица “русской души”, как сохранить “душу” и охранить от “грубости”? Все это для меня “проклятые” вопросы, о которых я ле-

* Но это же психология дикаря! (франц.).

** Психология цивилизованная.

жу и думаю и не вижу никакого просвета. Ты, может быть скажешь – это дело воспитания, но воспитывать можно только, имея под собою твердую моральную базу, а вот такой базы у нас и нет, а в результате “русская душа” бьется как рыба об лед. <...>

Очень, очень горячо любящий тебя

Брат Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 16–19 об. Авторизованная машинопись.

108.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Кустанай

23 апреля 1957 г.

Дорогой Сергей Сергеевич и
Многоуважаемый Николай Сергеевич !

Я давно уже получил Ваши дорогие для меня и милые письма, посланные Вами после Нового года и все читаю их и не могу начитаться. Как взгрустнется, вспомнится невозвратное прошедшее, вытаскиваю Ваши письма и читаю вновь, так они для меня утешительны.

Я давно уже собрался, лучше сказать собирался несколько раз ответить Вам на них, но одно обстоятельство, одно соображение, которое внушает мне Александра Сергеевна, останавливает меня. Она говорит мне: “что ты привязываешься, пристаешь к человеку, которому и без тебя тяжело жить”. И я соглашаюсь с ней. Мне хочется Вам совершенно откровенно сказать, что я ни в какой степени не буду на Вас в обиде, если Вы ограничитесь в ответе несколькими словами, если долго не ответите, если Вы пришлете только пустой листок лишь с Вашей подписью. Из этого я пойму, что Вы живы и буду радоваться. Александра Сергеевна очень любит и глубоко уважает Вас, Сергей Сергеевич. К Николаю Сергеевичу она питает глубокую симпатию и удивляется тому редкостному в наше время братскому житью, которое между Вами.

Я все вспоминаю дорогую и незабвенную для меня Анну Ивановну. Без Анны Ивановны не свершалось у нас ни одно событие ни в лаборатории, ни в СООРе, ни в торжественные дни или часы. Бывало на Звенигородской в воскресный день мы дуемся в городки перед террасой. Сергей Сергеевич выбирает самую тяжелую дубину и [наводит] ее на “бабушку в окошке”. Сейчас ударит, земля задрожит. А Анна Ивановна сидит неподвижно на лестнице и добродушно улыбается застывшей неподвижно улыбкой. Вспоминается мне также:

...Сударыня свет Анна
В тревоге и заботе,
Что муж ее желанный
Три дня торчит в болоте...*

Мне очень хочется также, Сергей Сергеевич, знать, что с Асей, где она, счастлива ли, работает ли на научной ниве?

О себе я сообщу кратко. Мое здоровье очень пошатнулось благодаря ослаблению сердечной деятельности, а также каким-то явлениям в головном мозгу, которое не могут объяснить здешние врачи. Я принужден был поэтому оставить всякую регулярную работу (педагогическую) и перейти на пенсию. Мне дают 750 руб. в месяц. Это, кажется, достаточно, но мне хотелось бы не на пен-

* Лабораторный фольклор.

сии, а работать в привычной обстановке, т.е. в биологической лаборатории, поскольку я еще в состоянии этим заниматься и меня интересует ряд проблем, кот[орые] мне хотелось бы еще подработать. Сейчас в состоянии здоровья немалое улучшение. Этому я обязан всецело заботе Александры Сергеевны. И я опять рвусь в лабораторию и даже в аудиторию.

В последнее время научно я работал в качестве референта для реферативного журнала “Биология”, директором которого В.В. Алпатов. Спасибо, он меня не забывает, и за этот год я написал больше 100 рефератов.

В настоящее время меня опять сильно потянуло к моему давнишнему привычному, к проблеме дивергенции. Мне очень хочется, Сергей Сергеевич, познакомить Вас и Николая Сергеевича с тем, что я наворочал и хочется услышать Ваше мнение об этом. Поэтому я пишу краткое реферативное сообщение о проблеме дивергенции для Вас. Оно будет примерно страниц 10–12...^{*} Когда оно будет готово, я сопровождаю его еще кратким объяснением.

Сейчас я и Александра Серг[еевна] поздравляем Вас и Николая Серг[еевича] с прошедшим нашим и надвигающимся 1 мая.

P.S. Сообщаю еще Вам о событии, совершившимся в нашей семье: мой сын Лев кончил Сельхозинститут и женился на инженере-путейце. Вот дела!

Любящий Вас обоих

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Л. 3–4 об. Автограф.

109.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Кустанай

27 июля 1957 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Наконец-то я собрался с духом, чтобы ответить на Ваше, как всегда трогательное и дорогое для нас письмо. Не обижайтесь за такое сильное промедление и не думайте, что это Александра Сергеевна удерживает меня от переписки с Вами. Я даже не понимаю, как могло у Вас создаться такое впечатление! Напротив, для Александры Сер[геевны], так же как и для меня, Вы являетесь не только самым близким и глубоко почитаемым человеком, но после Вашего последнего письма и нашим духовным отцом. Это усыновление мы с восторгом принимаем. Я только спрашиваю себя, достоин ли? Не писал я так долго пожалуй по обломовской привычке, потому что каждый день собирался писать и каждый раз какое-нибудь обстоятельство удерживало или заставляло отложить на завтра. Сегодня я с ужасом констатировал, что прошел весь июнь, что скоро пройдет и июль, а Ваше сердечное и родное письмо до сих пор остается без ответа. Сегодня я решил больше не откладывать.

Дорогой Сергей Сергеевич, скажу Вам прямо, что из всех моих университетских учителей Вы были и остались для меня самым близким. Будучи студентом, я интересовался многими вопросами. Я высоко чту Мензбира, Северцова, изящного, точного и милого Н.К. Кольцова (не буду перечислять всех), но перед ними у меня всегда возникал какой-то еще щенячий трепет и мне было бы трудно работать непосредственно у кого-нибудь из них. Только у Вас я заинтересовался генетикой и биометрикой и втянулся постепенно в науку. И я очень благодарен Вам за это возбуждение интереса к науке. Сейчас, когда мой жиз-

^{*} Далее одно слово не прочитывается.

ненный путь тоже приходит к концу, я могу высказать мое скромное убеждение, что, пожалуй, на свете и нет ничего более высокого, захватывающего и достойного, чем наука. Может быть еще искусство?! Вы действительно являетесь моим духовным отцом. Весь вопрос в том, насколько второе поколение генетиков достойно называться потомками первого. Говорю в первую очередь про себя самого. Вы пишете, что для Вас и лаборатория и кафедра потеряли четкость воспоминаний, но мне кажется, что для Вас должно быть отрадным сознание, что развитие генетики у нас в России почти всецело связано с Вами, что все видные наши генетики являются непосредственными Вашими учениками, что действительно в Вашей организаторской, педагогической и научной деятельности было много радостных моментов. Вот что важно, это сознание должно освещать Ваши закатные дни.

Мне очень бы хотелось изложить Вам и Николаю Сергеевичу свои достижения в области дивергенции. Всего проще было бы послать Вам уже напечатанные статьи, но, во-первых, их у меня нет (потеряны во время переселения на родину), во-вторых, эти отдельные высказывания еще не объединены общей идеей. Сейчас у меня как будто наклеивается печатание статей по дивергенции. Я хотел бы издать четыре статьи:

1. Изменчивость и дивергенция, 2. Мутация и дивергенция, 3. Селекция и дивергенция и 4. Систематика и дивергенция. Краткое конспективное рассмотрение этих вопросов я готовлю для Вас. Мне кажется, что вопрос* к генетике у нас в последнее время возрос и может быть мои статьи увидят свет.

Из этих статей Вы могли бы увидеть, что не стремление во что бы то ни стало взойти на кафедру или управлять лабораторией, а сознание, что в области дивергенции нужно бы сделать еще ряд работ, еще ряд опытов поставить и что никто пожалуй, сейчас этих работ делать не будет, да и не сможет. Мне бы очень хотелось узнать Ваше и Николая Сергеевича мнение о моих работах и о моем желании их продолжить. Подождем, когда Вы ознакомитесь с конспектом, подождем еще одно обстоятельство, а именно, мы с Сергеевной собрались в конце этого лета перебраться в Рязань, где живет моя сестра со своей семьей. Из Рязани нет большого труда добраться до Горького, где благоденствует мой брат. Я мечтаю свидеться с Вами в недалеком будущем.

Вы пишете о "Асе-маме". Я думаю, что трогательно ее любящий муж Митя это Митя К.? Как бы это ни было, передайте ей или им мой сердечный привет. Мне хотелось бы еще знать судьбу Н.К. Беляева: о других я кое-что слышал, а вот об нем ничего. А ведь он, во-первых, очень хороший человек, и, во-вторых, вдумчивый и старательный ученый.

С Фогтом нас в последнее время начало связывать очень многое и прежде всего то, что я стал объясняться по-немецки. Относительно дивергенции у нас с ним были длительные дискуссии. Кроме того, его очень заинтересовал мой анализ направленной изменчивости рисунка окраски у насекомых. Он находил много аналогичного в мозгу. Я отношусь к Фогту с большим уважением и считаю его очень своеобразным и талантливым человеком.

Да, несмотря на все трудности, все мои дети окончили ВУЗы и все сейчас на своих ногах. Я не могу сейчас пожаловаться ни на кого из них: все они с честью выполняют свои обязанности. В особенности Катерина и Лев стремятся к дальнейшему росту, но очевидно в этом их стремлении они будут встречать препятствия.

* Так в тексте.

Мы живем сейчас с Ал[ександрой] Сер[геевной] одни в отдельном домике. Лето у нас в этом году сносное, жаркое, перепадают дожди. Мы прямо благоденствуем. Удастся ли так и в Рязани.

Александра Сер[геевна] шлет Вам самый сердечный привет. А я присоединяю к нему свой.

Всегда Вас любящий

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Лл. 5–9 об. Автограф.

110.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Кустанай

28 июля 1957 г.

Напрасно Вы думаете, дорогой Николай Сергеевич, что мы с Вами лично не знаем друг друга. По крайней мере, я хорошо Вас помню лично. Я помню, что когда я бывал у Сер[гея] Сер[геевича] и незабываемая, милая Анна Ивановна любезно приглашала к столу на чашку чая, из двери в столовой направо от стола выходили и Вы со всегда серьезным и сосредоточенным лицом и почти всегда за столом начиналась какая-нибудь дискуссия на серьезную тему. Кроме того, я всегда смотрел на Вас с Сер[геем] Сер[геевичем] как на идеальное сочетание. Вместе с братом Вы представляли идеального биометрика, каким он должен быть на мой взгляд, но ни разу еще в действительности не реализовался. Из существующих биометриков, даже самых больших, одни больше математики-статистики, другие больше биологи-статистики. К первым относится напр[имер] Фишер и его ученики, ко вторым – Филипченко и наш дорогой Сергей Сергеевич. Мне лично очень не хватает математического образования как в понимании американских работ, так и в оформлении своих лично. Например, развивая принцип дивергенции, я встретился с необходимостью обосновать два критерия: первый – критерий генотипической идентичности, второй критерий принадлежности. Я обосновал их более биологически, чем математически, но требуется в равной мере то и другое. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому поводу и я надеюсь это мнение от Вас услышать. Да, дорогой Николай Сергеевич, мы с Вами одинаково попали под колесо и бесполезно провели несколько лет, а выбравшись на обочину дороги, с прискорбием констатировали, что жизнь уже прошла и что лучшие намерения и мечты не осуществимы. Таково реальное положение вещей!

Но и сейчас мне хочется сказать словами поэта: “Но не хочу, о други, умирать, я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”*. Вот например, меня очень интересует та проблема, которой Вы сейчас заняты, проблема мишени. Я думаю, что Ваши теоретические достижения очень быгодились мне для работы с вызыванием мелких количественных мутаций при помощи рентгена. Мой опыт облучения гомозиготной культуры *Dr[osophila] melanogaster***, кот[орый] мне удалось провести уже после возвращения, привел к очень интересным результатам, не только к прямой зависимости величины дивергенции от интенсивности облучения, но и к возможности, как мне кажется, квантирования эволюционного процесса. Вот здесь мне нужна Ваша теория мишени. Когда Вы позна-

* Стихотворение “Элегия”. Пушкин А.С. Избранные произведения в 2-х томах Изд. Худ. лит. М. 1968. Т. 1. С. 142.

** Так в тексте.

комитесь с моими результатами, хорошо бы было подискутировать по этому вопросу. Я очень надеюсь на это.

В конце этого лета мы переезжаем с Сергеевной в Рязань. Это произойдет, вероятно, после 15-го августа. По прибытии в Рязань и обосновании там я Вас немедленно извещу. Кроме того, я наверно успею до переезда закончить конспективное изложение дивергенции и послать Вам.

Я буду надеяться на скорое свидание с Вами. Очень сочувствуем мы с Алекс[андрой] Серг[еевной], что Вам приходится много времени тратить на хозяйственные досадные, но неустраимые хлопоты. По-моему за выполнение этих работ нужно сажать в рай.

Александра Серг[еевна] дружелюбно жмет Вашу руку, а я обнимаю.
Ваш духовный племянник

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Лл. 7–8 об. Автограф.

111.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

23 августа 1957 г.

Родная, дорогая Муся!

(...)* Я вижу, что круг твоих дел и интересов далеко выходит за тесные рамки семьи и, конечно, это меня радует.

В частности, ты пишешь, что в связи с Римом ты заинтересовалась первыми веками христианства, как и почему оно получило распространение, почему подвергалось жестокому гонению, почему проповеди теперешних миссионеров так непохожи на проповеди первых апостолов. Я не знаю, что из этого ты думаешь включить в свою лекцию; вообще же говоря, тема эта огромна и захватывает такие разнообразные стороны и человеческой души и социальных условий, что впору для большого философско-исторического курса. Мне думается, что много подходящих для тебя образов, художественных картин, эмоций и впечатлений мог бы тебе дать роман Сенкевича “Quo vadis”** Вероятно, ты его знаешь и, вероятно, он есть во французском переводе.

Кстати уж несколько слов о себе, как и подобает старику, целыми днями лежащему на спине и думающему свою думу. По твоей классификации я принадлежу к числу “безнадежных” атеистов, но это абсолютно не мешает мне относиться с величайшим уважением и вниманием к искренне и глубоко верующим людям, будь они православные или католики, магометане или буддисты, лишь бы только их вера исходила из глубины их души, а не была бы показной, формальной, бездушной. Я вполне признаю за каждым человеком право *по-своему* разрешать коренные задачи жизни и смерти, и, как не может быть и двух тождественных людей, так не может быть и двух совершенно тождественных решений этих вопросов, но в основном, главное направление в их решении зависит, с одной стороны, от наследственного строя “души”, а с другой стороны, от впечатлений, воспринятых в детстве и юности и, в конечном счете, ведь и я “верю” – верю в неограниченную силу человеческого разума, верю в то, что с каждым годом, с каждым веком область гос-

* Опущена часть письма, где речь идет о пропавших трех письмах от братьев.

** “Куда идешь?” (лат.)

подства разума беспредельно будет расширяться, а область чистой веры – будет суживаться.

Есть такое средневековое латинское выражение: “Credo quia absurdum”. В буквальном переводе это звучит совершенно нелепо: “Верю (в это), потому что (это) абсурдно”. В действительности же это выражение имеет глубокий философский смысл: “В это я *верю*, потому что это не поддается пониманию разумом”. Для меня эта область “непознаваемого” просто остается открытой. Другой заполняет эту пустоту своей “верой”, и если эта вера дает ему больше спокойствия и силы жизни, то для меня он абсолютно прав. {...}

Горячо любящий тебя

брат Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 22–24. Авторизованная машинопись.

112.

С.С. И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ

Рязань

15 октября 1957 г.

Дорогие Сергей Сергеевич и Николай Сергеевич!

Давно я не писал Вам и прошло уже довольно много времени. после получения Вашего последнего письма. За это время произошли некоторые изменения в нашей жизни, а именно перемена места жительства. Обе наши девочки, Рита и Катя, получили места преподавательниц иностранных языков в Рязанском педагогическом институте, а мы с Сергеевной приложили все старания и усилие перебраться поближе к родным местам. Хотя и с большим трудом, но мы нашли для себя небольшой коттеджик под самой Рязанью, состоящий из одной комнатки и кухоньки. Нам пока и достаточно: большая квартира и дорого стоит и ухаживать за ней нам старикам тяжело. Наш современный адрес: г. Рязань, Мервино, 1-й железнодорожный поселок, д. 26.

Пока еще не совсем обжились, главное неудобство состоит в том, что девочки живут отдельно от нас в самом городе и приезжают к нам не каждый день, только на несколько часов, когда свободны от занятий.

Мы сильно изменились и постарели за последнее время. Что касается моей Александры Сергеевны, то, несмотря на то, что она стала седенькая и сморщенная, она еще бодра духом и все дела делает сама. Я удивляюсь и преклоняюсь перед ней!

Вот со мной дело обстоит по-другому. Я, несмотря на бодрость духовную, не могу по состоянию своего здоровья выполнять тяжелые физические работы: сердце мое отказывается служить с прежней исправностью. Время от времени меня посещают какие-то нервно-сердечные припадки, которые укладывают меня дней на 10 в постель. Что это за припадки, еще не определили местные врачи.

Сам я определяю свое состояние как результат возраста и довольно-таки бурной жизни. Так или иначе, но мне очень бы хотелось привести в порядок все то, что мне удалось наделать. Хотелось бы мне услышать справедливый и объективный суд над своими работами, только выполнить это желание довольно трудно при современном положении вещей, при современном направлении научных интересов.

Очень бы мне хотелось услышать этот суд от Вас. Я как-то привык верить Вашей научной честности больше, чем какой-нибудь другой. Но связаться с Ва-

ми научно кажется мне сейчас очень трудно. Я даже не могу послать Вам [сепаратив]* моих последних исследований, т.е. у меня их не осталось ни одного. До сих пор я не могу получить своего архива, кот[орый] забрал у меня проф. I Московского медицинского института Анохин и увез в Москву.

Если бы можно было и если бы это доставило Вам удовольствие, я бы постарался приготовить для Вас два доклада по двум основным направлениям моих последних работ:

1. Анализ направлений изменчивости (евномия О. Фогта) у некоторых видов Coccinellidae.

2. Расхождение признаков, как основание эволюционного процесса.

Расхождение признаков изучалось мной у различных категорий генотипически однородных индивидуумов: у идентичных близнецов, на правой и левой половине тела билатерально построенных индивидуумов, у наследственно идентичных индивидуумов, полученных в результате селекции и инбридинга. Во всех трех случаях коэффициент дивергенции статистически одинаков. Мы получаем в руки критерий определения генотипической идентичности между отдельными индивидуумами.

Расхождение признаков, определяемое генотипом, изучалось на мелких систематических, внутривидовых категориях, на популяциях *Epilachna* и на расах и популяциях *Drosophila*. Здесь мной выработан критерий принадлежности.

Наконец, принцип дивергенции применен мной в анализе систематических категорий. С особенной полнотой изучены мной черепа больших кошек: львов, тигров, пантер и т.д. и найдены количественные критерии определения видов, родов и семейств у них.

Эту серию работ я заключил исследованием конечностей у антропоморфных обезьян в сравнении с подобными признаками у человека.

По возвращении на родину я работал в радиобиологической лаборатории над влиянием излучений на кроветворные органы.

Мне очень бы хотелось прочесть доклад на какую-либо из упомянутых тем, кроме последней, материалы для которой у меня отсутствуют. Лыщу себя надеждой, что я смогу приехать вскорости в Горький и навестить Вас!

Преданный Вам

С. Царапкин

Привет от Алекс[андры] Серг[еевны]

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Лл. 10–11 об. Автограф.

113.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

4 ноября 1957 г.

Дорогая, милая Муся!

(...) Кончились мои прогулки и сил стало меньше, и больше я привязан к постели. Постепенно тонус жизни ослабевает и я приближаюсь к тому состоянию, которое было два года тому назад, когда я чувствовал себя особенно слабым. Не прими, пожалуйста этих моих слов за то, что я “кисну” – я только не терплю никакой фальши, никакой лжи, хотя бы с благой целью. А всякое демонстрируемое “бодрое настроение”, когда на самом его нет, мне претит и вызывает гадливое чувство. К своему же состоянию я отношусь совершенно спокойно, и ес-

* Separate – отдельная часть целого (separation – разделение).

ли говорю Коле, что мне становится хуже (когда действительно становится хуже), то совершенно также я говорю ему, что мне становится лучше, когда боли несколько стихают и сил становится несколько больше и двигаться я могу свободнее. {...}

Очень грустные и печальные вести приходят от Мани Алексеевой из Крыма. Бедная, совершенно больная беспомощная старуха (моя ровесница) явно погибает и я не представляю себе, как бы ей можно было помочь, и в Крыму скоро наступит зима, а у ней до сих пор нет ни пылинки угля и возможности добыть его сокращаются с каждым днем. С ужасом представляю себе, как она будет страдать, когда начнутся зимние морозы, и она – одинокая, почти неподвижная, заброшенная будет чувствовать, как постепенно замерзает. Тут дело не в деньгах, деньги всегда бы нашлись, но нет около нее таких друзей, которые бы нашли способы ее охранить. А прежние источники угля иссякли. Ужасно, ужасно, ужасно жаль бедную...

брат Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 27–29 об. Авторизованная машинопись.

114.

М.А. РЯБОВУ

Горький

5 ноября 1957 г.

Дорогой Михаил Алексеевич,

Прошло порядочно дней, как я получил Ваше письмо и вот только сейчас могу Вам на него ответить. Ваше большое и очень содержательное письмо пришло вскоре после отъезда брата в Москву и вот только пару дней тому назад, как он оттуда вернулся. В Москве он заплатил очередную дань гриппу и провалялся там целых шесть лишних дней, а ведь без него никто Ваших писем читать не может, так они насыщены бабочками!

От Вашего письма чуть-чуть веет грустью, несмотря на общий его бодрый тон, и Вы уже чувствуете тяжесть прожитых лет и эта тяжесть понемногу съедает силы.

Дорогой Михаил Алексеевич, все это закономерно, а значит и благо; только вот не надо, чтобы это захватило Вас врасплох, как захватила меня врасплох моя слепота. Ведь какие были у меня замыслы, какие планы! И все это осталось мертвым, и часто я думаю о Вас. Ведь у Вас наработана целая гора, целый Эльбрус! Хватит ли у Вас времени и сил, всё это обобщить и объединить в одной работе? А если вдруг не хватит? Кому же достанутся все Ваши труды? Кто сможет их использовать и закончить Вашу работу? Неужели же всё это пойдет в архив и там потонет до “второго пришествия”?!

Ведь вот теперь, когда печатание Всесоюзного Обозрения наладилось и, вероятно, наладится регулярный выпуск томов “Трудов”, можно было бы опубликовать целый ряд Ваших работ, как отдельных глав будущей большой работы по ночницам Кавказа. Как бы это было красиво!: общее об’единяющее заглавие, отдельный подзаголовок, а дальше – обработанная со множеством рисунков с интересными выводами работа по тому или другому разделу фауны Кавказа. Ну, например, хотя бы – семейство Sarrotripidae или Deltoidae, не говоря уже об Agrotinid’ax и т.п. ...

Вы пишете, что Андрей Андреевич усиленно приглашает Вас в Москву; очень хорошо понимаю его: конечно, ему хочется узнать Ваше мнение о его работах по Памиру, получить от Вас и совет, и указание, и, может быть, похвалу.

Конечно, и для Вас побывать в Москве у него было бы интересно, но я понимаю и трудности, с которыми это дело связано, хотя при теперешних удобных способах передвижений эти трудности сведены до минимума. Но, очевидно, для Вас всякое нарушение обычного образа жизни вызывает протест, хотя, вероятно, в меньшей степени, чем, например, это чувствую я.

Очень интересно было мне узнать то, что Вы пишете о сборах Брандта. Конечно, работа о них совершенно необходима для всякой обработки кавказской и закаспийской фаун. Вы пишете, что хорошо бы откомандировать в Стокгольм В. Кузнецова для ознакомления с фактическим материалом; но тут есть, конечно, одно большое “но”: достаточно ли В. Кузнецов подготовлен для подобного рода поручений. В работе наших молодых лепидоптерологов в ЗИНе я вижу один крупный недостаток: они сразу засаживаются за одну какую-нибудь группу (например, листовёрток), не имея достаточно обширного и эрудированного представления о всей группе чешуекрылых; в результате получается узкая однобокая специализация без общего широкого кругозора, совершенно необходимого для настоящего музейного работника. Все-таки для нас – стариков – всякая частная обработка служила лишь способом углубления наших выводов и обобщений, а вот они (молодые специалисты) хотят идти обратным путем. Хорошо ли это? Как бы они так на полпути не застыли...

В Вашем письме Вы упоминаете о каком-то споре между мною и Андреем Андреевичем* “о признаках”. По правде говоря, я не совсем ясно понимаю, о чем идет речь. Собственно такого “спора” у нас как будто не было. Ведь, если речь идет о “видовых признаках”, то все сводится к тому, что каждый из нас говорил о разных вещах: для меня важно было найти возможно чёткое, совершенно об’ективное и конкретное определение *понятие* вида, что я и нашел в выражении “вид – свободно (потенциально) скрещивающаяся совокупность”. Андрей Андреевич же все добивается установления такого признака (-ов), которые давали бы право решать, имеем ли мы дело с отличным видом или только с формой одного и того же вида в каждом конкретном случае. На мой взгляд задача безнадежная, а потому бесцельная. Ведь это еще отзвуки (выражаюсь очень деликатно, можно было бы сказать гораздо грубее) старых Кузнецовских потуг, искавшего в строении полового аппарата (главным образом – мужского) такой “видовой критерий”.

Как прошло Ваше выступление на заседании Общества** с некрологом о А.М. Дьяконове? Ведь мы с ним были близко, дружески знакомы в течение ряда лет. Это был в высокой степени культурный, деликатный и скромный человек, горячо увлекавшийся чешуекрылыми и в особенности пяденицами. Много лет мы с ним переписывались и письма его всегда содержали много интересного и нового; эти письма я тщательно хранил, а сейчас передал их все А.А. Бунделю. Неожиданная, но спокойная его смерть глубоко меня поразила. А вот, что у него есть племянник-лепидоптеролог – тоже А. Дьяконов – этого я не знал и очень был этим удивлен.

Как видите, почти ничего не пишу о бабочках; их образы становятся все тусклее и тусклее, все с большим трудом нахожу к тому или другому названию соответствующий образ. Да, старость и слепота шаг за шагом разрушают мою память. Физически я себя чувствую средне, жаловаться на резкое ухудшение я не хочу, но и об улучшении не может быть речи.

* А.А. Бундель.

** Речь идет о РЭО.

Что Вы скажете о втором Спутнике? Воистину, изумительно и не думал я, что доживу до таких времён. Но только бесконечно жаль несчастную собачонку, как будто я слышу ее жалобный вой, ее стоны, ее безнадежное прислушивание к звукам, не идет ли кто ей на помощь. В старости я стал особенно жалеть наших бедных бессловесных зверушек.

Шлем Вам и Елисавете Давидовне наш теплый, сердечный привет.

Ваш

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 17, 18. Авторизованная машинопись.

115.

Н.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Рязань

27 ноября 1957 г.

Дорогой Николай Сергеевич!

Письма Ваше и Сер[гея] Сер[геевича] получил уже давно, около 12 с.м. Каждый день хочу ответить, но никак не соберусь с духом. То одно, то другое житейское обстоятельство. Да и ответить-то мне хотелось, как говорится, собравшись с духом, так много для меня интересного в Ваших сообщениях. На этот раз пишу Вам, дорогой Николай Сергеевич, потому что понимаю, как трудно Сер[гею] Сер[геевичу] самому непосредственно вникать во все проблемы. Кроме того я понял из Вашего письма, как далеко Вы вошли в интересы биологии. Надеюсь, что математика Вам нисколько не мешает, напротив, сильно помогает, по крайней мере в одной большой области биологии: изменчивости и генетики. Сам я всегда испытывал недостаток математического образования для истинного понимания и изображения явлений этой стороны биологии. Сергей Сергеевич даже в этом элементарном курсе статистики, кот[орый] мы подготовлены были слушать после окончания университета, дал мне лично очень много, и я буду всегда благодарен ему за это. Только понемногу я мог расширить и углубить свои знания в этой области, т.к. соответствующая литература отсутствовала. Для меня большую роль сыграла книга Fisher'a "Statistical methods for research worker"* Вы, конечно, ее знаете. В последнее время вышла небольшая книжечка ученика Fisher'a-Mather'a. К сожалению, я ее не имею и не знаю точно заглавие. Как жаль, что школа Fisher'a так долго не проникала к нам. В нашей отечественной литературе метод Fisher'a, на мой взгляд недурно, описан В.И. Романовским "Применение математической статистики в....** деле." Вы скажете: "А Слуцкий, а Чупров?" – У меня огромное уважение к этим именам. Несмотря на это, пользоваться их трудами я не могу... Признаюсь, глуп... не дорос... У Вас, Четвериковых, было замечательное сочетание: один брат биолог, а другой математик.

Начав писать 27-го прошлого месяца, я не смог окончить, т.к. был поражен гриппом, поднялась температура и полезла всякая чепуха в голову. Когда же я через несколько дней поправился, то должен был засесть за рефераты, кот[орых] я получил несколько порций, потому что одни пакеты слали на Кустанай, а другие на Рязань. Кустанайские пакеты я как раз получил в ноябре. Повторяю, что Все написанное Вами в письме о научных вопросах меня интересует в высшей степени. Во-первых, работа с гибридами двух видов Эвкалип-

* "Статистические методы для научных работников" (англ.).

** Слово не прочитывается.

та. Авторы пытаются “по трем признакам количественно охарактеризовать степень различия между отдельными группами”, они строят далее “некоторую функцию по тем же трем признакам, кот[орые] позволят отнести отдельную особь к одной из видовых или даже гибридных групп Эвкалипта”. Мне кажется, что авторы этого исследования могли бы еще успешнее (или лучше) точнее разрешить данные проблемы, если бы они работали не с тремя, а, скажем, с пятью, или еще лучше, с десятью признаками. Моя лично точка зрения следующая: каждая мутация (ген.) изменяет не один признак, а все признаки, и до некоторой степени все существо пораженного мутацией организма, т.к. каждый ген сидит в каждой клетке организма. Вопрос заключается в том, как влияет мутация, или ген на организм в целом. Для выяснения этого вопроса мною предпринято было исследование генотипически идентичных индивидуумов: близнецов, признаков на правой и левой половине тела у билатерально построенных организмов и у генотипически однородных, полученных путем селекции и изоляции. Исследование велось при помощи выработанного мною метода определения дивергенции многих признаков. Мною измерялось у человека 76, у хищных 86, у жу-желиц 118 т.д. признаков. Наверное, мой метод очень несовершенен. В то время, когда я выступил с ним в Гер[мании] до время войны, я встретил только слабые возражения неспециалистов. Я посылаю Вам с Сер[геем] Сергеевичем одну из работ, сделанную по методу определения дивергенции. “Die Hand des Menschen und der Menschenaffen”*. Работа печаталась и выполнялась во время войны и вероятно не лишена ошибок. Но помимо этого из нее можно получить представление об этом методе. Я просил бы Вас высказать откровенно Ваши соображения.

При помощи этого метода были исследованы три категории генотипически идентичных индивидуумов, упомянутые выше. Интересно, что у всех трех категорий степень расхождения признаков статистически одинакова и очень не высока, она колеблется в пределах +2% до +5%. Коэф[фициент] дивергенции у двуйцовых близнецов, а также у простых братьев и сестер сразу делает скачок и в среднем показывает около 8% и никогда не опускается ниже 6%. Этот скачок можно объяснить только влиянием генотипа. Далее коэф[фициент] див[ергенции] растет с уменьшением родства между индивидуумами, увеличивается также колебание его величины. Данные, полученные на человеческом материале, подтверждаются исследованием селекционированной линии *Drosophila*. На основании данных этих исследований я вывожу два критерия: 1. Кр[итерий] генотипической идентичности: если расхождение признаков двух индивидуумов не превышает вариант статистического расхождения тех же признаков на правой и левой половине тела у каждого из них, то индивидуумы генотипически идентичны. 2. Крит[ерий] принадлежности индивидуума к группе: если отклонения признаков данного индивидуума от средних значений признаков группы, выраженные в σ изменчивости каждого признака группы, колеблются в рамках $\pm 3\sigma$ (σ -квадратическое отклонение расхождения признаков, выраженных в σ), то индивидуум относится к этой группе. Метод Heineke, применяемый в биологии, является, собственно, критерием “наибольшего сходства”, но не принадлежности. Для последней необходимо определить границу принадлежит/не принадлежит, что я пытался дать в своем втором критерии.

Интересно, что отличные внешние условия не влияют на дивергенцию. Внешние условия изменяют величину организма. В этом отношении интересно еще одно исследование. Это количество клеточек в определенном участке

* “Рука людей и человекообразных обезьян” (нем.)

органа. Оказывается, что фенотипически крупные мухи отличаются от мелких мух, но одинаковых по генотипу величиной клеток, но не их количеством.

Генотипически крупные мухи отличаются от генотипически мелких количеством клеток, но не их величиной. Т[аким] об[разом] можно сделать вывод, кот[орый] нужно, конечно, еще проверить, дивергенция признаков идет параллельно, а м[ожет] б[ыть] за счет гетеродинамического размножения клеток. Во всяком случае, различные виды млекопитающих, сильно отличающихся по величине и по расхождению своих признаков, имеют одинаковые по величине клетки, одинаковый колич[ественно] строительный материал, но не одинаковые качественные свойства.

Проблема генетики человека вообще, а также книга, кот[орую] Вы переводите с Ардашниковым, меня очень интересует. Известите меня, когда она появится на свет, я постараюсь ее достать и проштудировать.

Я так много написал о том, чем когда-то была полна голова, что осталось мало места сказать несколько слов о себе и своих. Мы по-немножку начинаем привыкать к новым условиям. У нас очень плохо пока с квартирой. Обещают дать моим девочкам казенную квартиру в самом городе. Нужно сказать, что обе мои дочери доставляют мне много радости, хотя жизнь изломала их первоначальные и свободно избранные направления развития и деятельности.

Старшая дочь Маргарита начала учиться на медиц[инском] фак[ультете] в Бер[лине] у проф. Stive, но на Урале ей пришлось перейти на словесность и кончить филолог[ический] фак[ультет] Свердлов[ского] унив[ерситета]. Вторая дочь Екатерина обладает, на мой взгляд, превосходными способностями в различн[ых] направлениях в языкознании, в музыке. Очень интересуется мировой историей, и т.п. Обе они сейчас преподают нем[ецкий] яз[ык] в пед[агогическом] инстит[уте] Рязани. Сын Лев учился там во французской гимназии и чего только там не изучал, и несмотря на это был первым учеником. Здесь ему пришлось переучиваться. Во время войны он жил со школой в отрыве от нас и почти забыл род[ной] яз[ык]. На Урале он кончил Сельхозинститут, работает на биол[огической] ст[анции] УФАНа у Н.В. Тимофеева. Этой осенью он женился на нач[альнице] жел[езно]дор[ожной] станции из Кустаная. Сошелся с ней на почве спорта. Нам с Ал[ександрой] Сер[геевной] его Капа очень понравилась. Мы даже не думали, что такие еще бывают!

Я бы очень хотел сказать несколько слов Сер[гею] Сер[геевичу]. Мне хочется пожелать ему бодрости, проникнуться твердым убеждением, что Четвериковы – порода устойчивая и рассчитана на 100 лет.

Алекс[андра] Сер[геевна] шлет Вам обоим сердечный привет.

Ваш

Серг. Ром. Царапкин

АРАН. Ф. 1650, Оп. 1. Д. 183. Лл. 12–13 об. Автограф.

116.

ТИМОФЕЕВЫМ-РЕСОВСКИМ

Горький

25 декабря 1957 г.

С Новым годом!

⟨...⟩ Давно, давно не имею никаких сведений ни о вас, ни от вас. Как вы живете? Что поделяваете? Как прошло у вас лето? В курсе ли вы о том, что творится с генетикой в Москве? Только что получил оттуда вести, что в Общ[естве] исп[ытателей] природы академик Тамм прочел двух с половиной часовой

доклад под заглавием “Генетика и физика”, в котором пророчил в генетике близкую блестящую будущность. То Лысенко выступает со своими инсинуациями, то чашка весов снова перегибается на другую сторону. По-видимому, все же ее теоретический центр перемещается в Новосибирск. Крепко и дружески жму вам обоим руки.

Искренне вас любящий

С. Четвериков
Н. Четвериков

АРАН. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 373. Л. 10. Авторизованная машинопись.

117.

С.С. И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ

Рязань

31 марта 1958 г.

Дорогой Сергей Сергеевич и дорогой Николай Сергеевич !

Пишу сейчас Сергею Сергеевичу, а Николаю Сергеевичу напишу немного позднее.

Прежде всего должен перед Вами обоими извиниться, что так долго не откликнулся на Ваши дорогие для меня письма. Для извинения много можно найти извиняющих обстоятельств, но сам понимаю, что все они в отдельности и общей кучей недостаточны, чтобы оправдать перед Вами свое молчание. Скажу откровенно, должен был бы, но не сделал. Главное основание – мой психический разлад... Как подумаю, сколько бы нужно еще сделать, а условий подходящих нет!.. А время обладает свойством течь неудержимо – такое подлое! Одним словом, простите меня, постараюсь чем-нибудь заслужить извинение.

Дорогой Сергей Сергеевич! Ваше письмо не только меня обрадовало, но и удивило. Я уловил в нем того Сер[гея] Серг[еевича], который был моим учителем 30–35 лет тому назад. И вот я все думаю, что именно Сергей Сергеевич предугадал и начал не только в Москве, но, пожалуй, и во всей России, то новое течение в биологии, кот[орое] в настоящее время развернулось и широким фронтом охватило все области биологических наук. Мне вспоминается, что Сергей Сергеевич начал все с ничего, только, конечно, благодаря пониманию и сочувствию Николая Константиновича. По-моему, можно считать, что генетика в России создана Сергеем Сергеевичем, кроме, пожалуй, ботанической генетики. И все видные генетики являются в сущности учениками Сер[гея] Серг[еевича]. Так или не так?

Читая сейчас специальную литературу для реферативного журнала, я вижу, как широко та наука, о которой мы орали, собираясь вместе, охватила самые далекие участки биологии, напр[имер], наследование признаков ржавчинных грибов, множественные аллеломорфы генов ...^{*} групп. Это только к примеру.

Если бы не господин тов. Лысенко! Благодаря ему наша наука, кажется мне, сильно отстала на этом фронте.

Сейчас, мне кажется, очень не хватает Сергея Сергеевича с его критическим и уравновешивающим характером. Из теперешних генетиков я не вижу ни одного, способного выполнять эту функцию. Конечно, некоторых, напр[имер], Дубинина, я плохо знаю. Другие же, и не только генетики, боюсь, что про них поэт сказал: “Вы, жадною толпой стоящие у трона...”^{**}

^{*} Слово неразборчиво.

^{**} “На смерть поэта”. *Лермонтов М.Ю.* “Избранные сочинения”. М.: Художественная литература. 1987. С. 108.

Меня долго мучила совесть: Вы и Николай Сергеевич так подробно и благосклонно разобрали мою работенку с аффами*. И я очень благодарен Николаю Сергеевичу за здоровую критику методики определения коэф[фициента] дивергенции. Я очень многое хотел бы сказать Ник[олаю] Сергеевичу по поводу его замечаний, но для этого необходимо развиваемое мною представление индив[идуальных] признаков на основе мелких количественных наследственных изменений развернуть с самого начала. А это: исследование дивергенции у генотипически идентичных индивидуумов: 1 – у близнецов, 2 – признаки правой и левой половины тела, 3 – генотипическая идентичность в результате длительного инбридинга. Мой анализ показывает, что диверг[енция] во всех трех случаях минимальная и по величине одинаковая, от 3% до 5%.

Уже у двуйцовых близнецов коэф[фициент] див[ергенции] гораздо выше: от 5,5% до 9%.

Чем дальше родство, тем выше K [коэффициент] D [дивергенции].

При помощи полученных данных я строю два критерия: 1 критерий генотипической идентичности. Два индивидуума генот[ипически] идентичны, если КД их признаков не превышает КД признаков правой и левой половины тела каждого из них.

2. Критерий генотипической принадлежности: исследуемый индивидуум принадлежит генотипически к гомогенной группе. Если отклонения его признаков от средних значений группы, выраженные в σ группы показывают КД, кот[орый] я обозначаю γ , не превышает единицы. Пользуясь этими критериями, я попробовал повлиять на определенную инбридинговую, генотипически гомогенную культуру *Dr. melanogaster* лучами рентгена различной интенсивности = 500г, 1000, 2000, 4000, 6000г. К своему великому удивлению я получил определенный и прямой результат влияния лучей, т.е. в гомогенной среде появились сначала в небольшом, а потом сообразно с интенсивностью облучения все в большем количестве генотипически измененные индивидуумы, внешне отличающиеся только количественными, мерными признаками. Индивидуум, КД кот[орого] меньше единицы, считается неизменным и относящимся к основной группе. Индивидуум с КД больше единицы считается измененным. Чем выше КД единицы, тем сильнее генотипически изменен данный экземпляр.

Зависимость величины гетерозиготности индивидуума от высоты КД я выражаю при помощи кривой Пуассона. Первая группа дала узкий ряд изменчивости 0–1–2–3, второй 0–1–2–3–4–5, третий от 0 до 8 и т.д. Что здесь интересно, это: классовые промежутки, выраженные в σ_{div} , во всех случаях, во всех группах одинаковые и равняются $0,20\sigma_{div}$. Этот результат наводит на размышление и заставляет сделать предположение о не случайности одинаковости дискретных пуассоновских рядов в этом случае. Дальше начинается моя фантазия: нельзя ли найти определенную единицу дивергенций, т.е. эволюционного процесса.

Знаю, что обо всем том, что написал, нужно было бы подискутировать. Нужно было бы показать полученный опытом материал. С одной стороны, мне хочется показать весь материал Николаю Сергеевичу, а с другой, мне очень стыдно отнимать у него столько времени и столько усилий быть может, по поводу, не заслуживающему такого внимания.

Последнюю работу, кот[орую] здесь кратко описал, я недавно получил. Она была выполнена на Урале и находилась под казенным замком. Я пошлю Нико-

* Die Affe – обезьяна (нем.), здесь имеются в виду исследования на человекообразных обезьянах.

лаю Сергеевичу для просмотра работу с близнецами*, выполненную еще в Герман[ии] и эту последнюю Уральскую. Я просил бы его, ради бога, не стесняться, если они не заслуживают внимания. У меня же хотя и имеются различные сомнения, все-таки остается моя старая уверенность, воспитанная Сергеем Сер[геевичем], что эволюция шла путем дивергенции количественных признаков, в изменении кот[орых] повинны не альтернативные, а мелкие количествен[ные] мутации.

Для завершения этого направления в работе мне нужно было бы засесть в сравнительно-анатомический или в эволюционный или даже в антропологический музей с богатым материалом, выбрать наиболее удобную для дивергенционного анализа группу животных и вот начать мерить признаки у популяций, рас, видов, родов и т.д. Но как это сделать?.. Когда я гуляю в одиночестве и обдумываю, насколько возможна для меня такая работа, то волшебная фея, кот[орая] покровительствовала Золушке, мне нашептывает: поезжай в Москву, пойдй к директору музея и попроси его зачислить тебя служителем при музее, с предоставлением жилплощади и рабочего места. В академики, доктор, в кандидаты попасть трудно, но вот в служители при музее с правом научно работать...

Никому об этом не рассказываю, только Вам написал.

Вот с докладом на эту тему хочу поехать в Москву. Может быть Дубинин, или еще кто заинтересуется?

Желаю Вам Сер[гей] Сер[геевич] здоровья, бодрости и возможности радоваться на нашу прекрасную даму – биол[огическую] науку.

Александра Сер[геевна] очень просила Вам передать, что из всех наших московских генетиков-ученых она лучше всех помнит Вас, что привыкла уважать Вас и ставит высоко. Она сочувствует Вам в Вашем состоянии. Желает Вам бодрости и уверенности в том, что еще можно пожить и порадоваться на Свет Божий.

С почтением и любовью к Вам

С. Царапкин

P.S. Крепко жму руку Николаю Сергеевичу и шлю ему сердечные пожелания здоровья и благополучия. Скоро мы еще подискутируем. Дайте мне сойтись с духом!

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Лл. 15–18. Автограф.

118.

С.С. И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ

Рязань

30 декабря 1958 г.**

Дорогие Сергей Сергеевич и Николай Сергеевич!

Прежде всего я и Александра Сергеевна поздравляем Вас с наступающим Новым годом, а также с милыми воспоминаниями о детских и юношеских годах, когда Святки говорили о чем-то светлом и незабываемом.

* Нам не известно точно, о какой работе С.Р. Царапкина идет речь. Возможно, это работа по близнецам, изданная в период его работы в Германии: *Zarapkin S.R. Autonome variation der Merkmale des Individuums und Analyse der Divergencerscheinungen bei Zwillingen.-Zeitschr. menschl. Vererb. Konst.-Lehre. 1939. Bd. 23. S. 636–657.*

** В тексте письма опечатка: 1928 год. В этом году С.Р. Царапкин жил и работал в Берлине.

Получил от Вас, Николай Сергеевич, письмо с докладами, кот[орые] были сделаны на первом заседании по вопросу о применении математики в биологии. Большое Вам спасибо за заботу и за предостережение о возможном выступлении проф. Терентьева с критикой дивергенции. Оставляю за собой долг написать Вам по этому поводу более подробно. А сейчас хочу еще раз объяснить, что я виноват немного в том, что наша переписка иногда обрывается. Видите ли, мне не хочется затруднять Вас еще лишней обязанностью, т.к. я понимаю, что у Вас своих дел непочатый край. Кроме того я учитываю, что Вы обладаете двойным доминантным и гомозиготным генотипом добросовестности и порядочности. Первый ген Ч – это четвериковство; второй ген М – это математика. Итак, Вы имеете генную формулу ЧЧММ. А вот я двойной рецессивный гетерозигот и мой генотип МмБб, (Б – биология).

Я очень удивился и обрадовался, что Сергей Сергеевич интеллектуально не перестает работать и делает, что может при своем состоянии. Это прямо героизм. От всей души желаю Сергею Сергеевичу не сдаваться и в Новом году.

Мое решение посетить Вас неизменно, [растет] и крепнет. Только едва ли это можно будет осуществить в феврале. Я мечтаю о весне и лете.

Еще раз позвольте пожелать Вам здоровья, сил, бодрости и благополучия. Жму крепко все четыре Ваши руки.

Ваш

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Лл. 20–20 об. Автограф.

119.

С.С. И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ

Москва

7 февраля 1958 г.

Дорогие Сергей Сергеевич и Николай Сергеевич,

спешу подтвердить получение посылки и от всего сердца поблагодарить за все, – за доброжелательную готовность передать в наше пользование драгоценные для нас материалы, труд, связанный с их сбором и отправкой, разрешение использовать их в меру необходимости и по вашему усмотрению.

Я познакомился пока с материалами лишь очень поверхностно, но все же вижу, что для читающего курс в ВУЗе там есть много полезного и поучительного. Будем надеяться, что если не через мое, то через чье-нибудь еще (добросовестное и квалифицированное) посредство Ваш большой труд волеется в общее дело возрождения нашей биологии. <...>

Преданный и благодарный Вам

Б. Астауров

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Л. 11. Авторизованная машинопись.

120.

М.Я. РЯБОВУ

Горький

24 марта 1958 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Уже несколько дней назад я получил Ваше большое и очень интересное письмо. Все эти дни живу под его впечатлением, вернее – впечатлениями, так как одно сменяет другое. Вот когда я чувствую всю тяжесть потери зрения! Правда, брат мне читал Ваше письмо три раза и все три раза я слушал с максимальным

напряжением внимания, но разве “со слуха” можно уяснить и обдумать все, что написано?! И вот я могу говорить только об общих впечатлениях...

Первое впечатление, пожалуй, можно охарактеризовать словами – изумление и растерянность. Ну как же класть в основу основ признаки первого возраста гусениц и характер кормовых растений?!

А затем это впечатление сменилось протестом: ну мыслимое ли дело класть в основу основ характер *редуцированных* (Вы так пишете – редуцированных!) органов! Ведь, что такое редуцированный орган? Это орган, потерявший в течение милетического* развития когда-то присущие ему функции, ставший бесполезным, ставший пережитком. Это – червеобразный отросток человека, скрытые под кожей глаза протей и т.п. Ну разве мыслимое дело строить систему на таких пережитках?!

И вот наступает некоторое прояснение: действительно ли нефункционирующие передние ложноножки молодых гусениц могут быть названы редуцированными? Ведь это же органы *еще не функционировавшие*! Они ведь *“еще не функционировали”*, а не *“уже отфункционировали”*. Ведь, нельзя же, например, назвать волоски, пробивающиеся на верхней губе 16-летнего юноши, редуцированными усами? Или – начинающие набухать молочные железы 13-летней девочки – “редуцированным бюстом”?! Ведь дело заключается в том, что для маленькой, еще совсем легонькой гусенички вполне достаточно иметь две пары ложноножек, чтобы крепко держаться на субстрате и только когда гусеница станет массивной и тяжелой, на помощь ей для удержания ее на кормовом растении требуются дополнительные ложноножки, которые и развиваются из ранее заложенных зачатков. И в таком виде Ваш подход к установлению основных подразделений ночниц становится для меня вполне приемлемым.

Что же касается типа кормовых растений (древесных или травянистых), то тут, признаюсь откровенно, для меня вопрос остается совершенно неясным; тут очевидно замешена какая-то физиология, но сущность ее для меня совершенно непонятна. В чем дело? Почему один вид гусениц питается только березой, не ест дуба, другой поедает дуб, не трогая березы, а третий ест и то и другое? Вероятно, дело в каких-либо “белках”, но как, что и почему – для меня – книга за семью печатями.

И окончательное впечатление такое: все это чрезвычайно интересно и в общем и целом для меня вполне приемлемо, особенно в ожидании тех добавлений из морфологии (и физиологии?) взрослых форм и стадий куколки, которые Вы обещаетесь впоследствии добавить.

В частности, мне очень по душе то, что Вы ставите во главу угла *Scoliopteryx libatrix*. Это воистину чудная бабочка; ко всему тому, что Вы пишете о ней я добавил бы ее зимовку в стадии *imago* и ее ясно выраженную синантропность. Иногда в самый разгар зимы, вдруг из какой-нибудь щели вылезет эдакое чудище и бесшумным полетом пронесется под потолком и снова исчезнет где-нибудь в темном углу...

Но это во всяком случае не “пионер”, а “последний могикан” – за это говорит его циркумполярное распространение (ведь он встречается и в Северной Америке, а мой брат мне говорит, что он видал эту бабочку на Колыме – на широте Магадана)...

* Слово напечатано с ошибкой, 1-й буквой стоит “ы”, при перепечатке поставили “м”; но рядом с “ы” находится клавиша буквы “ф”; таким образом, вероятно, следует слово читать как “филетического”, иначе возникает бессмыслица.

Иван Иванович Четвериков (1817–1871) – дед С.С. Четверикова

Жилой дом
семьи Четвериковых
в дер. Канищево близ
Городищенской фабрики.
20-е годы XX в.

Фасад детского санатория
в Сокольническом парке
до революции

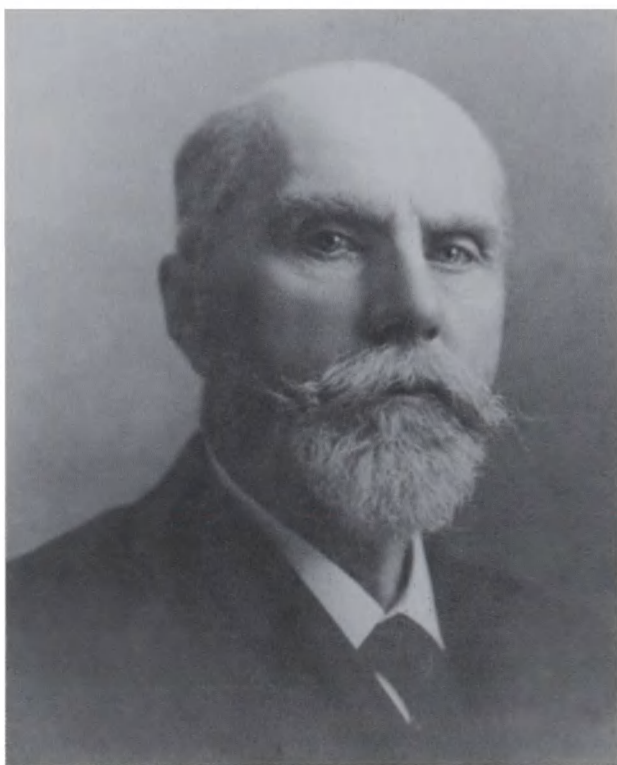
Городищенская сукновальная фабрика до 1917 г.

Дореволюционный дом, построенный семье одного из рабочих фабрики по проекту и с материальной помощью С.И. Четверикова. 1997. Фото Г.В. Рия

Сергей Иванович
Четвериков (1850–1929) –
отец С.С. Четверикова
Москва. 1874

С.И. Четвериков.
Москва. 1912 г.

Мария Александровна
Четверикова (ур. Алексеева)
(1855–1935) –
мать С.С. Четверикова
Шардон, Швейцария,
1930-е годы

Братья Сергей (слева)
и Иван Четвериковы.
Москва. 1886 г.

Мария Сергеевна
Четверикова (в замужестве
Майкова) (1893–1977) –
сестра С.С. Четверикова
перед отъездом в Швейцарию.
Москва. 1922 г.

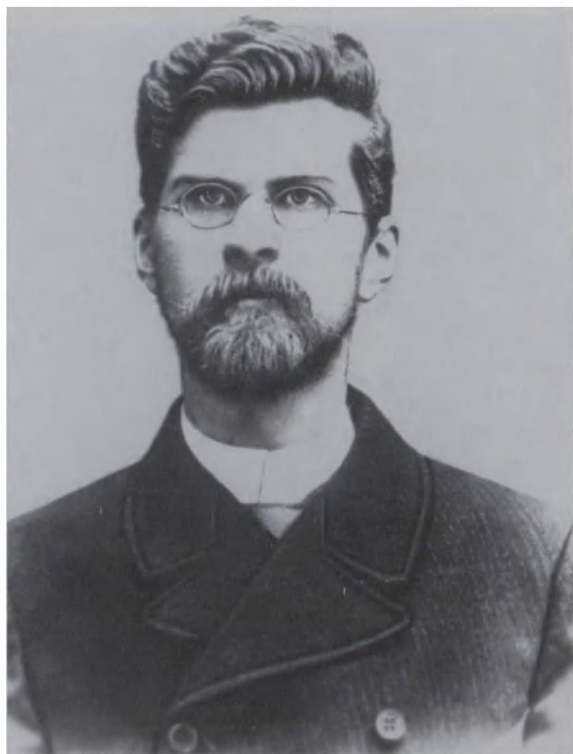
С.С. Четвериков с женой
Еленой Яковлевной
Пархоменко (1873–1963)
и дочкой Леночкой.
22 января 1908 г.

С.С. Четвериков.
Окончание реального
училища.
Москва. 1897 г.

С.С. Четвериков –
студент 1-го курса ИМУ.
1901–1902 гг. Москва.

С.С. Четвериков
в год окончания ИМУ
Москва. 1906 г.

Выпускной класс
реального училища.
Во втором ряду
четвертый слева
С.С. Четвериков.
Москва. 1896–1897 гг.

Владимир Павлович Зыков (1885–1913) приват-доцент ИМУ,
преподаватель реального училища Воскресенского

С.С. Четвериков
с П.П. Сушкиным,
его второй женой
Надеждой Николаевной
Поповой и ее подругой
(имя неизвестно). Москва.
Не ранее 1909 г.

С.С. Четвериков.
Преподаватель ВЖК. 1916 г.

Большой зоологический практикум естественного отделения I МГУ. Начало 1920-х г.
В центре второго ряда С.С. Четвериков.

С.С. Четвериков (сверху во втором ряду справа) среди коллег по ИЭБ
на Звенигородской биостанции. 1923–1925 гг.

С.С. Четвериков
на V Международном
конгрессе генетиков.
Потсдам. 1927 г.

Елена Сергеевна
Четверикова
(1903–1970) с мужем
Василием Ивановичем
Воздвиженским

Члены СООРа в ИЭБе. 1928 г. Верхний ряд слева направо: С.М. Гершензон, С.С. Четвериков, Б.Л. Астауров, Н.К. Беляев;
нижний ряд: Д.Д. Ромашов, А.Н. Промптов, А.И. Четверикова, Е.И. Балкашина

Беляев
Николай Константинович
Ученик С.С. Четверикова
и сотрудник ИЭБ.

V Международный конгресс
генетиков в Берлине (1927 г.).

Слева направо:
Н.И. Вавилов,
Г.Д. Карпеченко,
А.С. Серебровский,
С.С. Четвериков.

1-й съезд генетики, селекции, семеноводства, культурных растений и животноводства. Петроград. 10–16 января 1929 г.
За трибуной Ю. А. Филиппченко. С. С. Четвериков – за столом третий справа, академик Н. И. Вавилов – председатель съезда – в центре за столом, шестой справа.

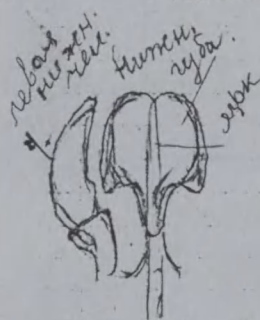
С.С. Четвериков в окрестностях Свердловска. Урал. 1930 г.

С.С. Четвериков с группой студентов Учкомбова. Владимир. Весна 1934 г.

28-33.

Слепень

нижняя челюсть:

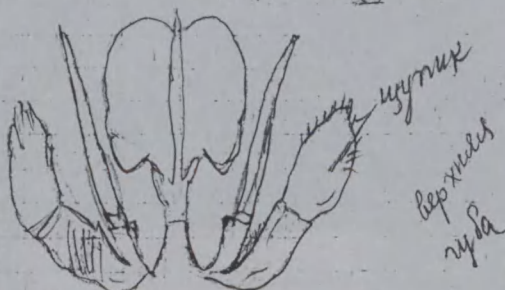
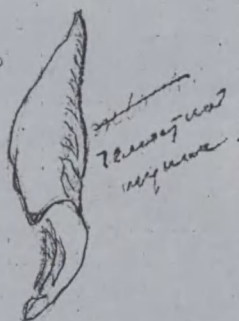
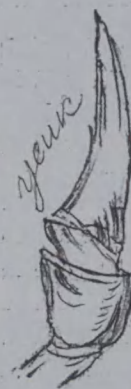
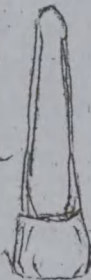

рис. сверху

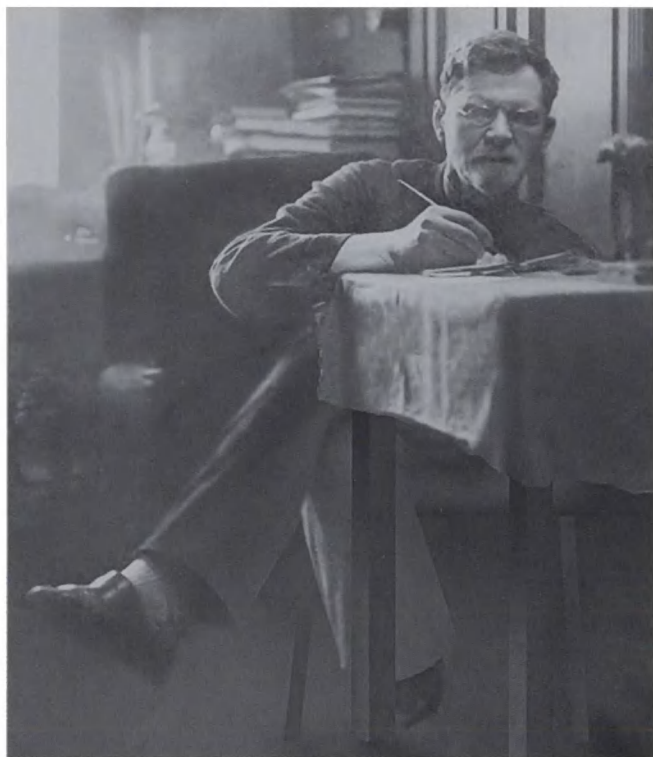
Верхняя и нижняя челюсти
отифероформированы и рассмот-
ренных на нижней челюсти нет.
Маль... С. Четвериков

Федоровская

Тетрадь контрольных работ
по энтомологии, Владимир. Учкомбов, 1933 г.

МГУ КП 1009/3
Музей ННГУ, п. 9 №5

С.С. Четвериков у себя дома.
Горький. 1936 г.

С.С. Четвериков с женой
Анной Ивановной.
Горький. 1936 г.

С.С. Четвериков в своем кабинете на биофаке ГГУ. Горький. 1938.
Фото Т.Е. Калининой.

Профессура биофака на Шелоковском хуторе. 1937 г.

Выпуск ботаников ГГУ 1937 г. с преподавателями. Первый ряд слева направо: профессор А.Д. Некрасов, С.С. Станков, ректор Л.А. Маньковский, С.С. Четвериков, И.И. Пузанов, Горький.

Юрий Петрович Мирюта,
доцент кафедры генетики ГГУ.
Горький. 1941 г.

Зоя Софроновна Никоро,
доцент кафедры генетики ГГУ.
Горький. 1940 г.

С.С. Четвериков, его жена Анна Ивановна и падчерица Анна Петровна Сушкина.
Горький. 1943 г.

Ботаники выпуска весны 1941 г. Слева направо. Первый ряд: Е. Николаева, С. Сергеев, профессор, декан С.С. Четвериков, профессор С.С. Станков, А.Д. Некрасов, Э. Пиковский, В. Дряхлова;
второй ряд: Т. Зорина, А. Долинин, С. Шмоткина, Л. Привалова, Т. Айзина, И. Пилленкевич, Н. Мартянова;
третий ряд: Г. Печенева, С. Честкина, В. Шварц, К. Кузнецова. Горький.

Выпуск геоботаников геофака ГГУ. 1943 г.

Профессор Пузанов И.И.
Горький. 1939 г.

Покровский Н.А. –
хранитель Зоологического
музея биофака ГГУ.

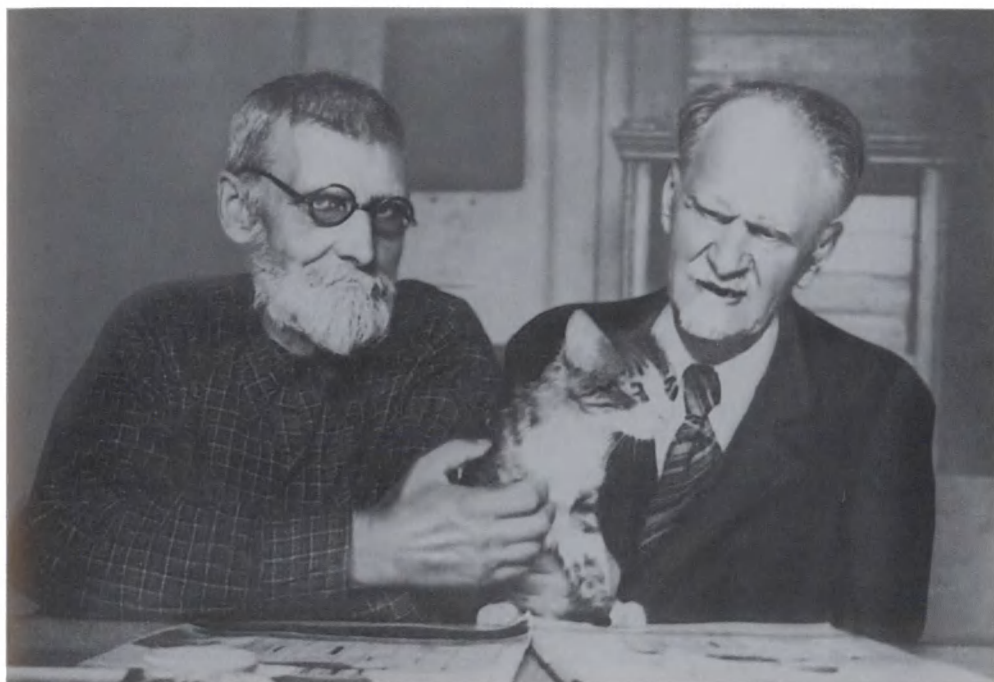
Профессор Бундель А.А.
1956 г.

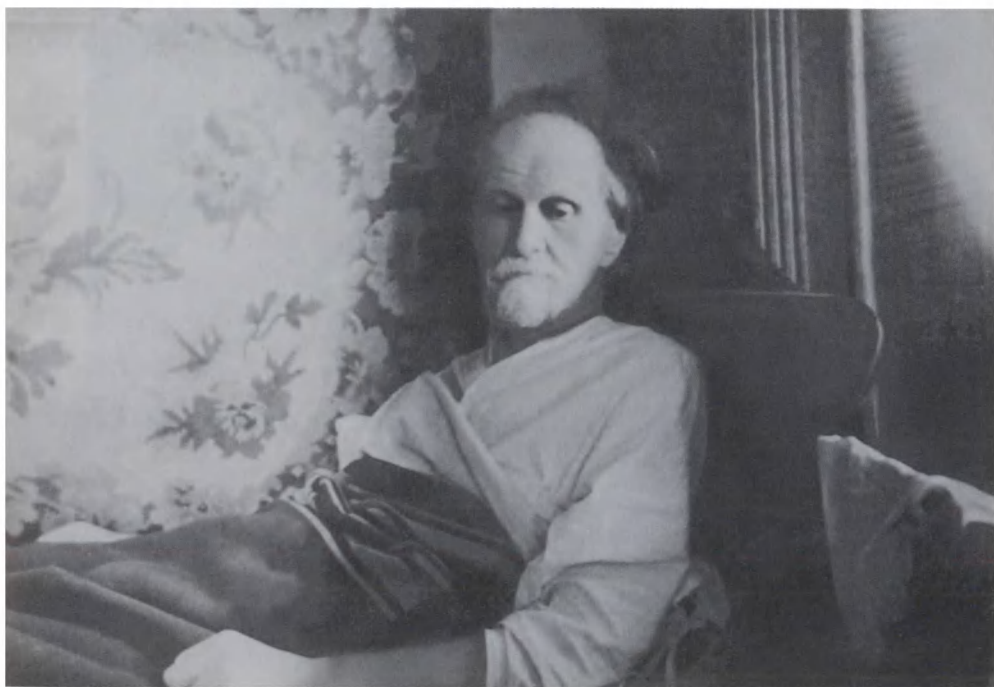
Н.В. и Е.А. Тимофеевы-
Ресовские.
Миассовская биостанция.
1962 г. Фото Т.Е. Калининой

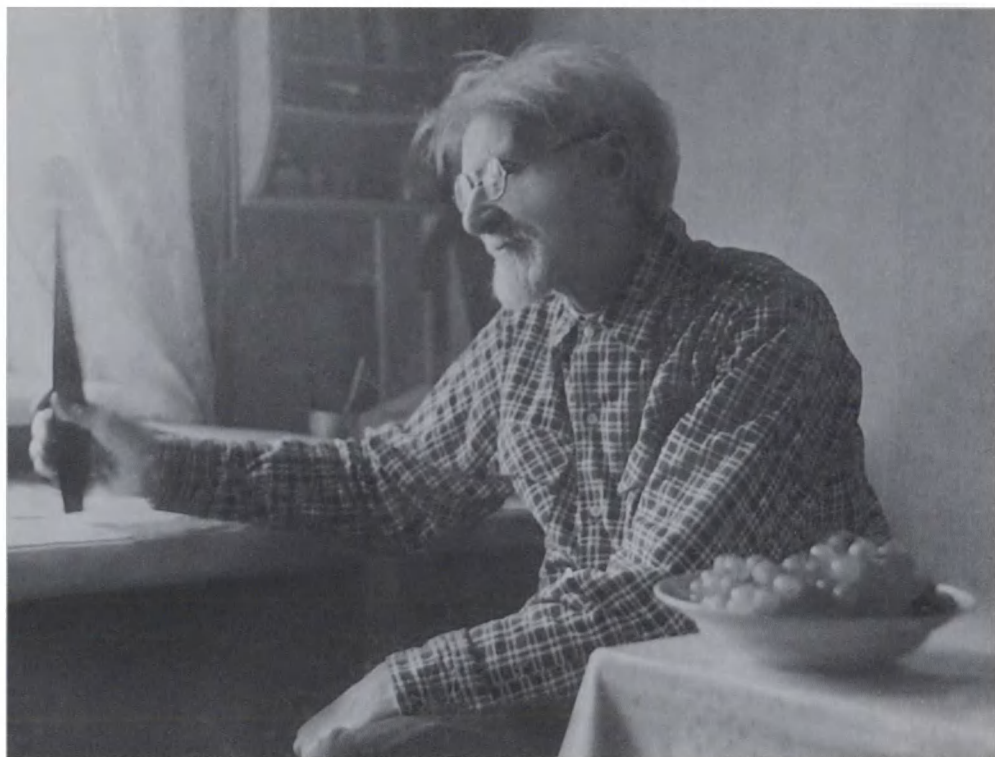
С.С. Четвериков и Т.Е. Калинина на прогулке возле дома. 1957–1958 гг.
Горький. Фото В. Сойфера.

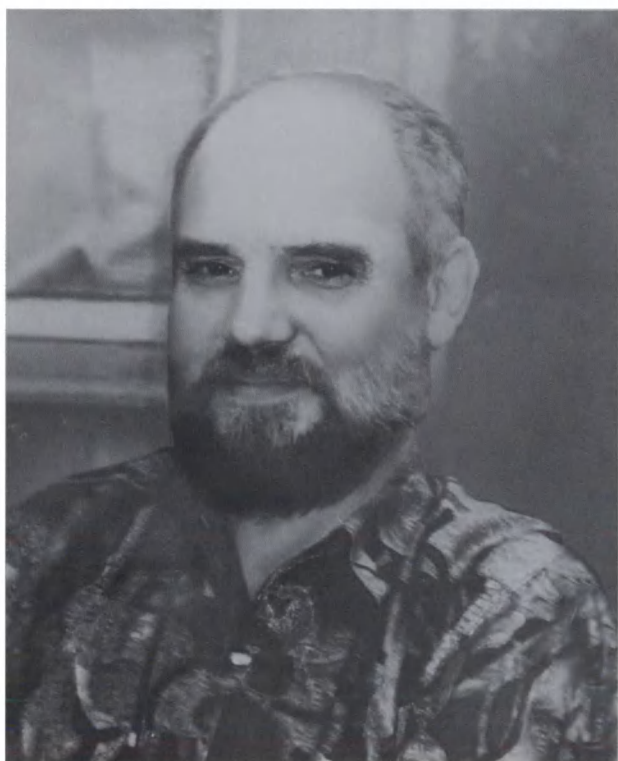
С.С. Четвериков и Н.С. Четвериков с кошкой Черепашкой дома. Горький. 1958 г.

С.С. Четвериков в постели. Горький. 1959 г. Фото А.А. Бунделя.

Н.С. Четвериков
в своей комнате. Москва. 1960 г.
Фото С. Калинина.

Г.В. Риле – геолог,
праправнук С.С. Четверикова.
Москва. 90-е годы XX в.

М.С. Майкова и Н.С. Четвериков в Haut-Bozon. М-т Pelerin. 1964.

Мемориал С.С. Четверикова после реконструкции в 1990 г. Горький.

Согласен я и с Вашим помещением *Calpe sarcusina* в отдельную группу рядом со *Scoliapteryx*. Конечно, и это пережиток давнего прошлого. Между прочим, мне что-то мерещится, что будто бы этот вид был найден где-то в Московской области, а впрочем может быть я и фантазирую...

Хочу еще добавить несколько строк по поводу *Eutelia*, имеющих самое непосредственное к Вам отношение. Ведь везде принято считать, что в нашей фауне имеется всего два вида этого рода – *adulatrix* Hb. *adoratrix* Stgr – оба эти вида встречаются нередко в Крыму. Вообще, это род чисто средиземноморский, но вот в семидесятых годах (если мне память не изменяет) Буадюваль описал из Сицилии (? кажется) третий вид – название не помню. С тех пор этот вид канул в Лету, никто никогда этого вида больше не встречал; надо сказать, что экземпляр, по которому Буадюваль описал свой вид, находился в крайне плачевном состоянии; стали предполагать ошибку в указании места поимки, стали подбирать среди тропических видов что-либо похожее на описание Буадюваля. Генэ, имевший в руках тип, дал его вторичное описание и раскрашенный рисунок...

И вот среди моих материалов нашелся экземпляр несомненно третьего вида из рода *Eutelia*. Экземпляр с черноморского побережья (Сочи?), т.е. имеет непосредственное отношение к Вам. Будет ли это Буадювалевский вид? Категорически ответить я не берусь; мой экземпляр плохо подходит к рисунку у Генэ, но этому рисунку очень доверять нельзя: во-первых, потому что этот рисунок сделан грубо, совершенно третьеразрядным художником (для удешевления издания, как об этом где-то упоминает Генэ), а, во-вторых, потому что рисунок сделан с совершенно испорченного экземпляра, где фантазии художника не было поставлено никаких границ. Во всяком случае, самый характерный признак, на который указывает Буадюваль (к сожалению не могу вспомнить детально в чем дело) имеется на моем экземпляре налицо. Вы найдете мой экземпляр в моей систематической коллекции и мне бы очень хотелось услышать Ваше мнение по поводу этой *Eutelia*; да и Вам, конечно, это должно быть достаточно интересно.

Ну вот и все, что имею сообщить Вам по поводу Вашей системы. Впрочем, вот еще какой вопрос: а как она сойдется с прежним (и несомненно в корне правильным) делением совок на *Quadrifinae* и *Frifinae*?

В первой части Вашего письма, где Вы пишете о многих новинках в сборах Андрея Андреевича и других, слышатся нотки отчаяния “Тяжко на все это смотреть и не знаю в чем выход”... А выход надо найти. Конечно, если мы будем ждать, когда все придет в полную ясность, когда не останется ни одного белого пятнышка, – то такого момента не дожидаться мне, а боюсь, не дожидаться и Вам; надо обнародовать *по частям*. Посмотрите на того же Bursin’a: он не ждет, пока обработает всю афганистанскую фауну, а пишет и печатает по мере текущей обработки; ведь, все-таки у вас в ЗИНе условия и возможности для работы и печатания наилучшие в нашем Союзе и при том громадном материале, который у Вас уже накоплен, я уверен, что очень многое можно было бы уже обнародовать. А там ... *feci quod potui**.

Правда, что все эти треснувшие потолки, нагроможденные друг на друга шкафы, заваленные проходы – все это мало способствует удобной, мирной работе. Но все это временное и преходящее и при добром желании всегда удается найти лазейку.

* Я сделал все, что мог (*лат.*).

То, что Вы пишете о коллекции Н.Я. Кузнецова, меня крайне удивило. Ведь сколько же лет я был с ним знаком самым дружеским образом и никогда не знал, что у него есть наколотые материалы (кроме Catocala) и всегда, когда речь заходила о каких-либо видах, он рылся в своих бумажных пакетиках...

Меня порадовало то, что Вы благоприятно пишете о возможных "номенклатурных упражнениях". Уверяю Вас, что это вовсе не такая безнадежно скучная работа и, если бы я был с глазами, я бы охотно в нее ввязался. Только вот что, дорогой Михаил Алексеевич: если Вы эту работу выполните, то *совершенно необходимо*, чтобы Вы ее опубликовали *in extenso**, а не просто в виде коротенькой схемы; надо, чтобы все новые или спорные места были достаточно ясно и подробно освещены, иначе эта номенклатурная канитель никогда не кончится!

Вот, пока на этом и кончу. Шлю привет Елизавете Давидовне, желаю Вам хорошей весны и всякой удачи в Вашей работе! А главное, здоровья, здоровья и здоровья!..

Искренне Ваш

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 19–21. Авторизованная машинопись.

121.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

5 апреля 1958 г.

Милая, дорогая Муся!

⟨...⟩ в Асе есть большие и серьезные недостатки, и самым большим из них является необузданное властолюбие. Эту черту она наследовала, конечно, от своей матери – Аси-бабушки, но у последней это властолюбие смягчалось и большим умом и большим тактом и деликатностью. А вот у ее дочери – Аси-мамы** последних-то качеств и не хватает, а потому ее поступки очень тягостно отражаются на окружающих (муже, детям и других). Но в душе своей Ася безусловно очень честный, по-своему любящий и добрый человек. Но только жить с ней вместе, по крайней мере мне так кажется, окружающим бывает тяжело.

Еще несколько слов о себе самом. Тут писать почти не о чем. Дожил до весны и сейчас нахожусь как бы на лезвии ножа: положение неустойчивое, а куда качнусь – неизвестно. Хочется надеяться, что с теплом и солнышком и со свежим воздухом снова начнут прибывать силы и я, скрипя и охая, протяну еще некоторое время, а может быть и не так, и силы мои, которые все время уходят и уходят, так и потекут с ручейками в Волгу. ⟨...⟩.

Очень, очень тебя любящий брат

Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Ф. 110. Лл. 32 об.–33. Авторизованная машинопись.

* Полностью, дословно (*лат.*)

** Ася-мама – падчерица С.С. Четверикова–А.П. Сушкина.

Н.В. ТИМОФЕЕВУ-РЕСОВСКОМУ

*Горький**15 апреля 1958 г.*

Дорогой Николай Владимирович!

Очень был обрадован оттиску Вашей последней работы*. Радость у меня тройная: первая и, конечно, самая главная – это то, что Вы живы, здоровы и по-прежнему ведете кипучую работу; радуюсь тому, что Ваша Миассовская станция не только продолжает существовать, но работает очень энергично. Это – первое. ...

Второе: очень растрогало меня-старика посвящение, которое Вы предположили работе, короткое, но тем более выразительное. Не хочу лгать, не хочу притворяться, не хочу разыгрывать деланного равнодушия; сейчас, стоя на пороге своей жизни, я жадно ищу оправдания ей; останется ли какой-нибудь след от меня, переживет ли душа мой прах; и вот такие появления признания хотя бы маленьких моих заслуг меня и волнуют и радуют. Спасибо, очень большое спасибо Вам, дорогой Николай Владимирович!!

И, наконец, третье: я так давно не имел от Вас вестей; до меня доходили смутные отрывочные вести о том, что Вы бывали в Москве, о том, что продолжаете работать несмотря на свое ослабленное зрение; но все это было через третьи инстанции, а от Вас все не было ни строчки. И в душу залезало сомнение, забирались гадкие мысли, что даже самые любимые и дорогие ученики начинают забывать меня – старика, что я сам себя пережил и не сумел вовремя убраться из жизни, и вот присылка Вашей работы снова внесла в мою жизнь успокоение и чувство радости жить. И за это тоже большое, большое Вам спасибо!!..

Вашей работы я не читал, она пришла только вчера вечером, а сейчас утро. Как тяжело я чувствую, что ослеп, что не могу сам ее прочесть, а могу только ее прослушать, а ведь прочесть самому или только прослушать – это, как говорил знакомый немец – “две большие разницы”. Но тут уж ничего не поделаешь и приходится покоряться своей судьбе; ведь я сейчас настолько уже ничего не вижу, что вода пером по бумаге не знаю, пишу ли я или нет! Берегите же всеми силами те остатки зрения, которые у Вас еще сохранились: потерять глаза – это очень большая горе!

⟨...⟩ сил становится все меньше и меньше; уже мне трудно продолжительное время сидеть хотя бы в мягком кресле, уже утомляет какой-нибудь часовой разговор с пришедшим навестить меня добрым знакомым. Ну да уж и пора – мне ведь уже 78 лет! ⟨...⟩

Ваш старый друг

С. Четвериков [автограф]

P.S. Вчера вечером я очень бегло “оглядел” Вашу работу и с нетерпением жду срока, когда смогу за нее приняться вплотную! По многим из затронутых вопросов у меня накопилось не только в мыслях, но и на душе всяческих соображений, не приведенных в порядок, не всегда грамотных, но настоятельно требующих ясного сознания. Ваша работа послужит толчком для пересыщенного раствора, чтобы вызвать процесс кристаллизации. Всего Вам самого наилучшего. Привет Елене Александровне.

Искренне и глубоко Вас почитающий

Николай Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Лл. 13–14. Авторизованная машинопись.

* Этой работы в архиве музея ННГУ нет. Можно предположить, что вместе со всей генетической литературой после смерти брата Н.С. Четвериков передал ее Н.П. Дубинину.

Н.В. ТИМОФЕЕВУ-РЕСОВСКОМУ

*Горький**24 апреля 1958 г.*

Дорогой Николай Владимирович

Пишу Вам это письмо по двум поводам: хочется поделиться с Вами впечатлениями от Вашей работы, а затем у меня есть к Вам “дело”, о котором речь будет дальше.

Сперва о Вашей статье*. Я прослушал ее с величайшим вниманием и, скажу прямо, – удовольствием: Как это, Николай Владимирович, пришло Вам в голову изложить ее в такой строгой догматической форме, тогда как сам материал является сугубо экспериментальным и эмпирическим. Но вышло это очень оригинально и совсем не плохо.

Теперь относительно содержания: конечно, кой-какие замечания и кое-какие небольшие несогласия можно было бы отметить, но в общем эти детали не портят картины в целом. Могу сделать, пожалуй, два серьезных замечания: во-первых, Вы совсем обходите молчанием “реализацию признака”, а ясное понимание этого процесса является фундаментальным камнем в понимании проявления или не проявления того или другого наследственного признака, а ведь отбор идет не по генотипу, а по реальным признакам.

Второе: Вы совсем обходите молчанием фенотипическую изменчивость, а ведь отбор строится именно по фенотипу, и это как раз то трудное место, которое сбивает с толку наших обывательских эволюционистов и приводит их в объятия ламаркизма. Вот в сущности и все мои главные замечания, и общее очень хорошее впечатление, оставшееся у меня от Вашей работы сохраняет полную силу...

Теперь о “деле”. Вы вероятно уже знаете, что на физико-математическом факультете Московского университета образовалась группа из четырех человек, глубоко заинтересовавшихся физической стороной наследственного процесса и решивших основательно усвоить физику и математику с тем, чтобы потом перейти к биологическим проблемам. Из этих четырех человек я знаю только одного – Сойфер Валерий Николаевич. Это бесспорно способный студент, а главное с энтузиазмом отдавшийся поставленной перед собой задаче; судьба его незаурядная: он уже перешел на четвертый курс Тимирязевской С-Х Академии, еще полтора года учебы, и он бы вышел агрономом. И вот человек от всего отказывается и после очень долгих и трудных хлопот добивается перехода на первый курс физико-математического факультета! При этом его лишают стипендии, а он все-таки добивается своего; других трех товарищей его я не знаю, но по отзыву Сойфера все они серьезные ребята, ясно видящие перед собой поставленную ими цель. Двое из них постарше, а кроме Сойфера на первом курсе учится с ним его товарищ, тоже из С-Х Академии, и вот у всех четверых студентов сейчас одна мечта, одно желание: попасть к вам в Миасово на летний семестр по генетике с тем, чтобы сразу в полной степени охватить всю проблему наследственности в целом. Не знаю, возможно ли это, и как Вы отнесетесь к подобного рода предположению: Вы меня очень обяжете, если сообщите мне о Вашем отношении к вышеуказанному вопросу; и если Вы найдете возможным удовлетворить их стремление (хотя бы частично), то на каких это условиях и какие необходимо для этого выполнить формальности. Со своей стороны я спишусь с Сойфером и его товарищами и направлю их по указанному Вами пути.

* См. письмо 123 от 15.04.58.

Ну, вот и все о “деле”. <...>

Про себя могу сказать только, что не уверен, хватит ли у меня сил по примеру прежних лет спуститься с третьего этажа на землю. Чувствую, что я очень ослабел и все мои болезни переносятся с каждым днем все труднее и труднее. <...>

Искренне Вам преданный “учитель и друг”

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Лл. 11–12 об. Авторизованная машинопись.

124.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

27 апреля 1958 г.

Дорогая, милая Муся!

<...> Пожалуй самым интересным и важным для меня было посещение меня двумя близкими мне людьми; у меня в Москве есть очень близкий мне человек, можно сказать – друг*, с которым я познакомился и сошелся на основе нашего увлечения бабочками. Это – профессор, доктор химических наук, человек лет пятидесяти с небольшим, который по-настоящему, серьезно увлекся изучением чешуекрылых, особенно из нашей Средней Азии, и вот уже восемь лет как каждый летний отпуск (два месяца) проводит в самых глухих, самых диких местах Памира, откуда привозит каждый раз по три-четыре тысячи бабочек, ловленных главным образом на свет. А в Москве каждую свободную минутку, попадающуюся между очередными “обязанностями”, он посвящает разбору и изучению собранных материалов. Последний раз в прошлом году он был у меня в октябре и вот, вдруг я получаю от него извещение, что он собирается приехать меня навестить и просит заранее купить для него обратный билет. Действительно утром 17 числа он уже был у меня, ровно 12 часов мы с ним пробыли вместе: за это время, конечно, наговорились и обсудили кучу интересных вопросов. Как обычно, он привез с собой целый ворох вкусных вещей (закусок, фруктов, шоколадных конфет, всего того, на что нашего нормального бюджета не хватает), а в 10 часов вечера он уже отправился в обратный путь. Скажу по совести, что этот визит меня крайне обрадовал и растрогал; ведь подумай только – человек провел две ночи подряд в поезде, потерял целый рабочий день, устал, не говорю уж о материальных расходах – и все только для того, чтобы провести со мной несколько часов! Такую дружбу не скоро найдешь. <...>

Искренне тебя любящий брат

Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 34–34 об. Авторизованная машинопись.

125.

Н.В. ТИМОФЕЕВУ-РЕСОВСКОМУ

Горький

1 июня 1958 г.

Дорогой Николай Владимирович

Бесконечно благодарен Вам и милой Елене Александровне за Ваше дружеское и сердечное письмо от 24 мая с.г. Я очень ждал его и грустил, что его не получал. <...>

* Речь идет о проф. А.А. Бунделе.

Спасибо Вам и за присланный “Сборник”. Конечно, я его еще не читал, и Коля только бегло познакомил меня с его содержанием. Как далеко шагнула экспериментальная биология за последние 10–15 лет! Как непохожа теперь эта научная область на то, что грезилось мне, когда я читал Вам мои курсы генетики и биометрии. Откровенно признаюсь, что все теперешнее – мне крайне чуждо и непонятно; (...) ведь за последние десять лет как я начал слепнуть, я совершенно потерял из виду общее направление в развитии нашей биологии, и до меня доходят лишь разрозненные и случайные ее фрагменты.

Сколько я мог ознакомиться с работами Сборника, то наибольшее внимание мое привлекают Ваши и Лучника работы по борьбе с лучевым поражением, а также Ваша с сотрудниками работа по радиостимуляции растений, где Вы высказываете свои соображения о механизме действия слабых доз. Если у нас хватит времени, то постараюсь подетальнее вникнуть в эти работы.

Что касается моих студентов, то по получении Вашего письма я немедленно отправил им копию той части Вашего письма, где Вы о них пишете. Мне доставит очень большую радость, если удастся пристроить их на лето в Миассове и если они проработают это лето именно под Вашим руководством.

Как-то при мысли об Вашей летней Миассовской станции невольно приходит на память наше звенигородское житье, и мне чудится, что душа Звенигорода вновь воскресает в Миассове. Так ли это?..

Еще и еще раз величайшее вам обоим спасибо и за приветливое, теплое письмо и за присылку интересного сборника.

Всей душой желаю вам полного успеха во всех многообразных ваших работах, трудах и заботах!

Искренне Вам преданный

С. Четвериков.

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Л.15–15 об. Авторизованная машинопись.

126.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

12 июня 1958 г.

Дорогая моя Муся!

(...) Твое последнее письмо к Коле пришло как раз в тот день, когда у меня температура подскочила до 39,7°, а в голове у меня все начинало путаться и твое письмо и всяческие фантастические события. Это не был ни грипп и никакая другая болезнь, несущая собственное наименование; очевидно – это было резкое обострение того воспалительного процесса, который сидит во мне вот уже три года и с которым ни один доктор ничего не может поделать. (...) меня тотчас начали накачивать каким-то синтомицином и меньше чем через двое суток температура упала до 36,2°! С тех пор я стал быстро поправляться и вот сегодня уже третий день, что я встаю и одеваюсь и постепенно перехожу на положение “здорового”. Все как будто бы ничего, только такие вспышки сопровождаются мучительнейшими болями, от которых хочется лезть на стенку. От прогулок (...) пришлось, конечно, отказаться...

(...) Большое спасибо тебе за присланную занятную задачу. (...) Мы оба – Коля и я – решили [ее] независимо друг от друга. При этом учти, что ведь я совсем слепой и не мог записать ни одной цифры и все числа мне пришлось держать в памяти, что в моем состоянии было не так-то легко. Ну, вот! Искомое число – 301! (...)

Очень интересуют и захватывают меня события, происходящие во всем мире. С большим нетерпением ловлю сообщения по радио и прочитываю (прослушиваю) газеты. <...>

Тебя любящий брат

Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 36–37. Авторизованная машинопись.

127.

М.А. РЯБОВУ

Горький

14 июня 1958 г.

Дорогой Михаил Алексеевич

Ваше письмо от 4-го июня с.г. я получил и, как всегда, прочел (прослушал) его с величайшим интересом. Ваше письмо выдержано в бодрых тонах, из чего я заключаю, что Ваша поездка в Москву Вам вреда не принесла, а, следовательно, несколько освежила Ваши впечатления. Если все будет хорошо, то Вы сделали очень большое, доброе дело тем, что навестили Андрея Андреевича. Ведь, в Москве он изнывает в полном одиночестве и только ваши краткие свидания в Ленинграде подливают чуточку масла в его лепидоптерологический светильник. С тех пор он прислал мне уже два письма и в каждом из них с чувством глубокого удовлетворения вспоминает Ваш приезд.

Как гром среди ясного неба поразило меня известие о неожиданной смерти Игоря Васильевича Кожанчикова и Дубинина*. Сколько я понимаю – оба скончались от первого же приступа инфаркта. Воистину – это грозное предупреждение всем живущим и особенно в связи с состоянием нервной системы и, конечно, сердца. Но первый толчок все же дает нервная система и какими мы бываем дикарями, когда говорим: “Ну, ничего. Поволнуется и успокоится”. И не знают притом, что каждое такое волнение тяжелым камнем ложится на наши нервы и накапливаясь приводит в конце концов к катастрофе. Много числилось за покойным Игорем Васильевичем всяких грехов, но... *de mortuis aut bene aut nihil*** . Кто же теперь будет его преемником в лепидоптерологическом отделе? Александр Сергеевич? Что-то у меня нет большой веры в его лепидоптерологические способности; он очень милый человек, но, как мне кажется, работает лепидоптерологом “без горения”.

Очень было мне приятно узнать от Вас о существовании в Крыму еще новой Агротид’ки – *pulvera* Hmp. Слегка еще помню ее. Помню как я возился с этой серой бабочкой, которая так подходит к *Xanthographa* и в то же время не является “*xantha*”. Значит и на этот раз мой “глаз” меня не подвел.

Сильно разогорчило меня Ваше “прохладное” отношение к новой (третьей) *Eutelia* с Кавказа. Вы как будто даже склонны считать ее за *Eutelia adalatrix*. На этот раз я, дорогой Михаил Алексеевич, позволю себе решительно с Вами не согласиться. Как сейчас помню, до какой степени меня поразил этот экземпляр в коллекции покойного Г.А. Пашина. Помню, как он бросался в глаза среди кучки настоящих *adalatrix*. Нет, дорогой Михаил Алексеевич, все-таки не поверю, чтобы мой “глаз” мог меня до такой степени подвести. Ведь такого скандала со мной за всю мою жизнь не случилось. Я все-таки решительно настаиваю на том, что рассматриваемый экземпляр является третьим хорошим видом для Кавказа.

* О ком идет речь, непонятно. Акад. Н.П. Дубинин скончался в 1998 г.

** О покойниках либо хорошее, либо ничего (*лат.*).

Иное дело вопрос о том, будет ли это Буадювалевская *E. blandiatrix* Bd.? Тут у меня, конечно, никакой уверенности нет, но уж очень заманчива романтика этого вопроса. Ведь представьте себе хорошенько: почти сто лет тому назад Буадювалю в руки попадает экземпляр, взятый, сколько помню, в Сицилии, экземпляр очень плохой, потертый и порванный, но Буадюваль сразу признает его за новый вид и описывает как таковой, а затем этот новый вид исчезает, его не находят нигде и кроме Буадювалевского экземпляра от него не остается следа. Вы пишете, что в коллекции ЗИНа Вы не нашли *blandiatrix*.

Собственно незачем было его и искать. Вот уже почти сто лет как *blandiatrix* считается “потерянным видом”; единственно Guene вновь описывает этот вид все по тому же Буадювалевскому экземпляру и при этом дает его рисунок, как он сам признает, неудачный. Где сейчас этот экземпляр я не знаю. Вместе с Буадювалевской коллекцией он попал к Шарлю Обертюру, а к кому он перешел после смерти последнего я не знаю; ведь коллекция Обертюра была распродана его наследниками по частям и кто купил Ноктуид – мне неизвестно. И вот, вдруг, на *Кавказском побережье* ловится новый вид *Eutelia*. При сличении этого экземпляра с описанием Guene вида *blandiatrix* наиболее существенные отличия от *adulatrix* совпадают, но рисунок подходит плохо. Но если бы это действительно оказался *blandiatrix*, подумайте, какая бы это была чудесная находка: сто лет искали и не могли найти этого вида и вдруг его находят – где же?! Вместо Сицилии – на *Кавказском побережье*!! Во всяком случае вопрос завязывается очень интересно... А что женские гениталии Вам не дали ничего особенного – то это меня мало смущает; ведь и в Вашей практике таких примеров был не один десяток.

Что касается *Hadena sordida* и *basilinea*, то то, что Вы об них пишете, крайне интересно не только с практической, но и общебиологической стороны. Нарушается какой-то элемент биотопа, и тотчас же на это эхом отзывается биоценозы подчас самые неожиданные; все на земле устроено прилажено друг к другу и стоит потянуть один кончик, как все здание начинает шататься и готово рассыпаться.

О себе могу сообщить, что и мне пришлось перенести некую “встряску”: совершенно неожиданно и сопровождаясь очень мучительными болями – температура вскочила до 39,7°, так что у меня даже в голове все начинало путаться; реальность и фантазия сплетались в запутанный клубок. Но каким-то совершенно чудодейственным средством (синтомицин) врачу удалось за сутки сбить температуру до 36,3°, и с тех пор мое здоровье пошло на поправку, так что вчера я начал даже выходить из дома. Пока кончаю и крепко, крепко жму Вашу руку!

Всегда Ваш

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 22, 23. Авторизованная машинопись.

128.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

25 июня 1958 г.

Дорогие Сергей Сергеевич и Николай Сергеевич!

Надо ли говорить как дороги мне полученные от Вас сердечные слова приветов и добрые пожелания!

Я получаю сейчас много искренних и горячих приветствий и поздравлений, так много и таких горячих, что я не ожидал, и чувствую, что не заслужил.

Среди всех этих приветствий Ваши самые мне дорогие, ибо если из меня что-нибудь вышло, то этим обязан я Вам и очень немногим Вам подобным, тем, кто меня учил своим достойным примером.

Поверьте, что это не слова, а чувства, идущие от самой душевной глубины. Желаю Вам здоровья и всего, всего лучшего; очень хочу и надеюсь Вас увидеть.

Искренне преданный Вам

Б. Астауров

P.S. Прошу обратить внимание на мой новый адрес (на конверте).

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 119. Л. 12. Авторизованная машинопись.

129.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

5 июля 1958 г.

Милая, дорогая моя Муся!

⟨...⟩ Известие о смерти Саши Руперти, конечно, было полной неожиданностью, хотя должен признаться, что оно не вызвало во мне большого горя. Ведь хотя мы с ним были двоюродные братья, но почему-то никогда никакой близости между нами не было, и насколько близки мы были к семье тети Сани, настолько далеки мы были от семьи тети Лизы.

⟨...⟩ сведения, которые мы получаем, чрезвычайно скудные, и мы знаем только то, что нам разрешается знать; не надо забывать, что все, что мы узнаем, что все картины, которые мы видим, даются нам в классическом освещении: солнышко светит из левого верхнего угла, а поэтому все тени ложатся в правую сторону, а перспектива соответствующим образом изгибается. С одним только я никак не могу согласиться: ты пишешь, что “советы французам тоже не подойдут, т.к. ... они страшные индивидуалисты и каждый готов основать новую партию, лишь бы не походить на соседа”. Вот в этой “анархии” и заключается самое слабое место французской демократии.

⟨...⟩ Не так давно у нас прошли выборы в Академию наук СССР. И вот оказалось, что один мой очень хороший ученик и друг (Б.Л. Астауров) единогласно прошел в члены-корреспонденты Академии. Это уже второй мой ученик, который прошел в Академию. Ведь ты понимаешь, что мое “педагогическое сердце” испытывает большую радость. Я думаю, что немного найдется профессоров, которые могли бы порадоваться на такой успех их работы; ведь такой “урожай” бывает не каждый год. ⟨...⟩

Твой брат

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 38–39. Авторизованная машинопись.

130.

М.А. РЯБОВУ

Горький

10 июля 1958 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Только вчера получил Ваше письмо и сегодня, как видите, уже отвечаю. Мой брат в ближайшее время собирается в Москву. Он уже прогуливается с железнодорожным билетом в кармане и я пользуюсь последней возможностью, чтобы Вам написать, иначе придется довольно долго ждать.

Прежде всего несколько слов о себе (чтобы отделаться). В общем, мое состояние приблизительно все одно и то же; правда, по сравнению с июлем прошлого года, я заметно больше ослеп, больше оглох и сил стало много меньше.

Но все это в порядке вещей и наползает так медленно и незаметно, что только сравнивая большие промежутки удается отметить кое-какую разницу. Лето у нас довольно пестрое: хорошие теплые, солнечные дни сменяются днями туч и дождей, когда термометр спускается до 10 °С. Когда погода позволяет, я все-таки спускаюсь со своего третьего этажа на землю и часа два сижу и прогуливаюсь по садику перед домом. Как видите, все идет своим чередом...

А теперь о более веселом – о бабочках, хотя и тут отчетливо чувствую свое старение, свою слепоту и полное отсутствие как бабочек, так и литературы о них.

Все, что Вы пишете о Вашей работе над индийскими совками, конечно, чрезвычайно интересно, но что это за материал? Как он к Вам попал? Что это – настоящие “индийцы” или “пограничники”? Если настоящие индийцы, то откуда? И зачем они к Вам попали? Ну и смелый же Вы человек, дорогой Михаил Алексеевич! На старости лет решиться на такую работу! Сужу по себе: я бы, вероятно, на это не решился. Хочется сказать несколько слов о Hampson'e. Вы пишете о нем с большим уважением и почетом, что он, конечно, вполне заслужил. Но мне представляется его работа совсем не так, как она, кажется, представляется Вам. Вам Hampson представляется талантливейшим кустарем-художником, который работал ну приблизительно так же, как работаете Вы – т.е. *сам* во всех деталях разглядывает каждый экземпляр, сам варит, сам клеит, сам... и т.д. А мне он рисуется совсем иным: это настоящий фабрикант-англичанин, у которого под началом 50 препараторов, 30 лаборантов, 20 ассистентов, которые все для него делают, а он сам, подобно богу Саваофу, парит над всем и только приводит в порядок весь тот колоссальный материал, который изготавливается ему его помощниками. Только при такой организации возможно было в кратчайший срок написать 15 томов его “каталога”. Ведь одному человеку это абсолютно не под силу.

И еще одно замечание: в Вашем письме по поводу работы Hampson* нет ни слова критики, а между тем работа Hampson'a вызывает у меня резкий протест. Конечно, как “каталог” эта работа заслуживает огромного признания и уважения, но как “система” она, на мой взгляд, совершенно неудовлетворительна. Hampson принадлежит, к сожалению, к тому типу новейших систематиков, которые вместо того, чтобы вдумчиво и всесторонне изучать возможность сближения разных групп *по всем возможным признакам* (как этому нас учили старики-классики), рубят топором по живому месту, кладя в основу своих систематических подразделений большей частью один какой-либо признак: ножки с шипами – в одну сторону, ножки без шипов – в другую, или – глаза голые – в одну сторону, глаза волосистые – в другую и т.д. В результате получается совершенно *неестественная* система, может быть пригодная для определения, но совершенно негодная для классификации (естественной!). А все-таки, конечно, надо сказать Hampson'у большое спасибо.

Два слова о Вашей работе, о кавказских Agrotinae**. Вы пишете “по-видимому с этим и следует покончить: исправить рукопись и подобрать рисунки”. Ну, а дальше что? Что же так эта рукопись и будет мирно покоиться, а затем попадет в архив ЗИНа, т.е. бух! в Лету!? Ведь это же никуда не годится!! Нет, дорогой Михаил Алексеевич, так Вы не поступите!..

Говоря об Euxoa christofi из Закавказья, Вы задаетесь вопросом о том, как можно объяснить некоторую близость закавказской фауны с фауной Нижнего Поволжья (Сарепта). Мне кажется, что кавказское побережье Кас-

* Hampson Y. 1903. Catalogue of the Lepidoptera Phalaenae in the British Museum. IV. London.

** Группа бабочек – “подгрызающие совки”.

пийского моря достаточно богато пустынными и полупустынными стациями, связующими оба сравниваемые района, чтобы сближение их фаун не казалось бы парадоксальным, но сближение это, вероятно, очень древнее (когда и очертания каспийского берега были, может быть, несколько иными) и в результате длительного периода времени в той и в другой фауне могли появиться и развиваться у одного и того же вида некоторые (подвидовые?) различия.

Перехожу к вопросу об *Eutelia blandiatrix*. Вы пишете “Нужно ждать кавказского или крымского “ хотя бы 100 лет! Никак не могу согласиться с Вами. Конечно, ждать самца к моей крымской самке было бы крайне интересно, но главный вопрос не в этом, а в том, что представляет собою третий *кавказский* вид рода *Eutelia*. А для этого лучше всего было бы сравнить мой экземпляр с типом Буадюваля. Весь вопрос в том, где и у кого этот тип сейчас находится. Кто купил ноктуид Обертюра (а следовательно и Буадюваля)? Если это лицо или учреждение, заслуживающее доверия, может быть можно было бы с ним списаться и обменяться фотографиями или просто послать крымский экземпляр для сравнения. Если же такое дело покажется слишком затруднительным, то остается только внимательно сличить крымский экземпляр с описанием *blandiatrix* у Буадюваля (которого я не знаю), а также с подробным и тщательным описанием этого вида по “*tiny*”, данному Guene в его *Noctuelites*. Результат такого сравнения должен быть зафиксирован до дальнейших находок этого вида.

Очень любопытно было мне узнать из Вашего письма, что редкая *Caradrina pseudopatina* была найдена на Крите и изучена там по многим экземплярам. Что это за дикий остров!? Ведь совершенно такая же история случилась и с крымской *Triphaena howardii* – тоже на Крите и тоже более обильно. Очевидно, это какой-то заповедный остров, на котором уцелели обломки очень древней фауны...

Очень был рад прочесть в Вашем письме теплый отзыв об Андрее Андреевиче и его супруге*. Я сам сильно к нему привязался и мне приятно было узнать, что и Вы так хорошо к нему расположены. Да, где то он сейчас? Какие берет пики и высоты и что нового и интересного добудет он на Дарвазе**? Места все, конечно, чрезвычайно интересные и еще очень слабо изученные, а потому оттуда всегда можно ждать интересных новинок. Но я всячески убеждаю его, что пора уже начинать серьезную обработку хотя бы отдельных групп или даже родов; а то я боюсь, что материал залежится и потеряет свою привлекательность. Ведь мы, русские лепидоптерологи, большей частью ужасные эгоисты, и если мы удовлетворили свою любознательность и получили при этом свою долю радости, то о других лепидоптерологах у нас и думушки нету, а ведь это очень нехорошо!! А Андрей Андреевич настоящий “коренной” лепидоптеролог со всеми его и хорошими и дурными сторонами. И сколько я знаю, из людей его поколения он один заслуживает это почетное наименование...

Как-то думаете Вы провести оставшееся летнее время? Будете все время сидеть в Ленинграде или все-таки подадитесь куда-нибудь in Freie^{3*}?

* Речь идет о супругах Бундель.

** Город Дарваза расположен в пустыне Каракумы. А.А. Бундель может быть проезжал через Дарвазу, но сборы А.А. Бундель производил гораздо восточнее в Алайских горах Памира вблизи рек Аму-Дарья, Вакш и многих малых речек.

^{3*} На свободу (нем.).

Шлю мой самый сердечный привет Елизавете Давыдовне и желаю вам обоим здоровья и всякого благополучия.

Искренне Вам преданный

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 24, 25, 26. Авторизованная машинопись.

131.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

27 июля 1958 г.

Милая, дорогая Маня.

⟨...⟩ Я каждый день спускаюсь с третьего этажа на землю и два часа провожу в садике перед домом, дышу “свежим воздухом” и делаю мой “моцион”, т.е. в четыре приема прохожу немножко меньше одного километра.

О том, что нас, конечно, больше всего волнует и тревожит, писать не буду. Замечу только, что, по-моему, самый острый момент миновал, когда безрассудство одного человека могло ввергнуть мир в бездну*.

Сейчас, на мой взгляд, обстановка становится спокойнее и разумнее и остроконфликтная ситуация осторожно, “на тормозах” спускается к спокойному уровню. Воздадим хвалу Судьбе! ⟨...⟩

Крепко тебя любящий брат

Сережа

⟨...⟩

АРАН. Ф. 1650. Оп.1. Д. 110. Лл. 40–41. Авторизованная машинопись.

132.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

7 августа 1958 г.

⟨...⟩ “Маленький принц” – вряд ли пойдет у Сережи, это ему далеко не по душе. Так, например, он совершенно не приемлет “Трех толстяков” Олеши. А все мои знакомые ребята от них в полном восторге, и я сам перечитывал эту вещь много, много раз. Интересно, что Леля ее очень ценит.

⟨...⟩ Последние дни с Сережей не совсем хорошо. Отказывается функционировать кишечник ⟨...⟩. Вот и сейчас Сережа лежит в кровати, совершенно исчерпав свои силы. То, что я стучу на машинке – это его не только не беспокоит, но даже усыпляет, вроде как колыбельная песня.

⟨...⟩ Беда мне с ним! Он никого не слушается, все делает по своему усмотрению, считая, что он один ВСЕ знает! Вот тут и сладь с ним!

⟨...⟩

Твой Коля

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 99. Лл. 44–47. Авторизованная машинопись.

* Речь идет о холодной войне и “черном чемоданчике” с кнопкой, запускающей атомную войну.

М.А. РЯБОВУ

Горький

17 августа 1958 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Какой Вы многогранный и разносторонний человек! Удивляюсь и восхищаюсь разнообразием Ваших интересов и тому, что эти интересы не являются простым разбрасыванием работы, а каким-то образом примыкают к Вашей основной тематике. В предпоследнем письме Вы писали мне о Ваших индийских чешуекрылых, а в последнем письме Вы уже в Северной Америке и находите там интересные и важные темы, а в конечном счете все это устремляется к основному центру – к Вашим кавказским ночницам.

Что касается работы Crumb'a, то, на мой взгляд, она мало что уточнила и установила, а многое перепутала и разрушила. Это я говорю не в укор ему, а только в назидание, что всякая систематика, базирующаяся на одном или очень немногих признаках, всегда заводит нас в тупик и сколько мы таких признаков берем, столько же получаем разных систем (вспомните кстати Hampson'a!!). Отсюда вывод: группировки – “подгрызающие совки”, “добавочный коготь” на передней ножке гусеницы и т.п., взятые в отдельности, заводят нас в тупики и только система, построенная на совокупности большого числа признаков, может навести нас на правильный путь. Но это, конечно, работа для Геркулеса... А другой вывод (дорогой Михаил Алексеевич, не обижайтесь на меня, ведь я в этом отношении неисправим) состоит в том, что дихотомические определительные таблицы в систематике не годятся – они либо заводят в тупик, либо приводят к самым неестественным группировкам. Ведь виды все же существуют в природе, и чем лучше мы ее познаем, тем больше познаем и видов; а то, что мы в этих видах не можем разобраться – вина не природы, а наша. Вина в грубости наших приемов, вина – недостатков нашей распознавательной способности. Конечно, куда легче поступать так, как поступал покойный Игорь Васильевич – свалить все в кучу и вбить осиновый кол в могилу с этикеткой: “Здесь похоронено человеческое неразумение!”... Ну пока довольно философствовать на эту тему.

Как Вы с Елизаветой Давидовной проводите лето? Очень порадовался тому, что Вы гуляете по садику и греетесь на солнышке, как антиора L. осенью... Для нас с Вами – это самое нужное и хорошее дело. Что же касается политических туч на горизонте, о которых Вы пишете, то сейчас, мне кажется, небо прояснилось и тучи умчались; тихонечко, полегонечку мы спускаемся на тормозах и можно надеяться, что этот спуск окончится благополучно, а впрочем, кто его знает. Судьбы наши в руке Божьей... и кого-то еще...

Только что от меня уехали А.К. Загуляев с женой, которые заезжали ко мне в Горький по дороге в Мелекес, где они предполагают пробыть время своего отпуска. Рассказывал он много интересного: и про свои китайские впечатления, и про дела в ЗИНе, и про то, как вообще течет жизнь в Ленинграде. Жену его Зину я “видел” в первый раз, услышал ее голос, пожал ей руку. Большое им обоим спасибо, что навестили меня, старика, и внесли большую струю разнообразия в мою, вообще говоря, монотонную жизнь. Рассказывал он немного и о своих сборах близ Жанна д'Арка, но ничего существенно нового, по-видимому, подметить не удалось, хотя сборы его при глубокой обработке могут дать какие-либо новые интересные факты.

Ведь вот, я смотрю на него: он несомненно серьезный работник, все глубже и шире вникает в систематику Tineid (sensu lato*), в его руках скопляется все новый и, безусловно, интересный материал и по-видимому все складывается так, что при существующей глубокой и сложной специализации в области систематики лепидоптер другой дороги нет, но в то же время возникает серьезный вопрос: ну, а как же будет с остальными подотрядами? Ну, скажем, А.С. Данилевский и В. Кузнецов берут на себя листоверток. Ну, а дальше? Кто же будет работать над другими подотрядами “микро”? Кто будет ведать и знать любимых Ваших ночниц, пядениц и даже Rhopalocera?

Очевидно, структура Зоологического Музея слишком жестка и неподатлива, а с другой стороны мы так обедняли энтомологическими силами, что я даже не могу себе представить, каким образом можно найти выход из создавшегося тупика...

Надо сказать Вам несколько слов о себе, хотя интересного в этом мало. Начиная с конца июня и до начала августа у нас простояла в общем прекрасная летняя погода – небо часто совершенно безоблачное, яркое, даже жаркое солнышко и ветерок “от слабого до умеренного”. Довольно много проводил часов в садике перед домом, немножко ходил, словом, набирался сил. Но в то же время года берут свое и я довольно часто прихварываю и мучаюсь разными своими болями, которые никак не хотят оставить меня в покое. А осень все надвигается и надвигается, все раньше и раньше зажигаем лампу, все длиннее становятся вечера и в душу закрадывается тоскливое чувство. И как это Пушкин мог любить осень? Не понимаю...

Сейчас брат со мной, в Горьком и обещает в ближайшее время пробыть со мной, а затем съездить в Москву только ненадолго – дней на 5–6. Постепенно мои горьковские знакомые начинают возвращаться из отпусков, а вместе с тем постепенно надвигается и “зимний стиль” жизни...

Пока кончаю. Шлю мой искренний привет Елизавете Давидовне и пожелание всякого благополучия! Поджидаю дорогого А.А. Бунделя – он прислал телеграмму, что к 20-му числу рассчитывает быть в Москве; с чем-то он приедет?..

Крепко, крепко жму Вам дружескую руку и шлю наилучшие пожелания!!
Искренне Ваш

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 27, 28. Авторизованная машинопись.

134.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

5 сентября 1958 г.

Милая, родная Маня!

⟨...⟩ Прилагаю к письму мою фотографию, снятую в начале минувшего июля. На ней ты увидишь меня под руку с одной очень хорошей моей знакомой Тамарой Калининой, когда мы возвращаемся с ней домой. Не думай, пожалуйста, что я постоянно гуляю под ручку с молодыми дамами – это довольно редкий случай!

⟨...⟩ И вот жизнь прожита и то, что тогда [в молодости] было для меня в будущем, то все перешло в прошлое и я сижу и подвожу итоги. Итоги небольшие,

* В широком смысле слова (итал.).

но уж так ли виноват в этом я? В том, что удалось сделать, есть кое-что и хорошее, а в том, что этого хорошего мало, вина лежит не столько на мне, сколько на Судьбе. И все-таки радует мысль, что уходя из мира, я все же что-то оставляю людям. (...)

Очень, очень тебя любящий брат

Сергея

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 42, 43. Авторизованная машинопись.

135.

И.И. ПУЗАНОВУ

Горький

6 сентября 1958 г.

Дорогой Иван Иванович

Вчера я испытал очень большую радость – получил от Вас письмо. Правда, радость эта не была неожиданной – Тамара уже побывала у меня по возвращении из Коктебеля и рассказала мне кое-что о Вас и о Ваших с ней встречах. Но ведь одно дело – услышать *о* Вас, и другое – услышать *от* Вас вести о том, как живете Вы с Евгенией Николаевной.

Как давно, давно мы не писали друг другу! Правда, я никогда не терял Вас совсем из виду; каждую осень, а иногда и чаще доходили до меня вести о Вас, Ваших путешествиях по Крыму, о выпускаемых Вами работах, о том, что Вы по-прежнему бодры и полны сил...

Не могу похвастаться тем же о себе. Из рассказов Тамары Вы, конечно, уже знаете о моем состоянии. Ведь мне уже 79-й год и червь болезней точит меня со всех сторон. И самый неприятный, хотя и не самый тяжелый – является моя слепота. Конечно, я слеп не абсолютно, но все же слеп настолько, что совершенно не могу обходиться без посторонней помощи; я не вижу не только того, что у меня под ногами, но не вижу и того, что находится передо мною на тарелке. Все, что я вижу – это светлые и темные пятна, без малейших деталей – темные силуэты с совершенно расплывшимися контурами. Иногда я принимаю тень предмета за самый предмет, или наоборот – предмет за тень, и тогда могу наткнуться на человека или на дерево....

(...) [На машинке пишет] за меня мой брат, который, как Вы, конечно, знаете от Тамары, живет со мной и ухаживает за мной как самая преданная няня и личный секретарь. Вот и сейчас я диктую, а он пишет.

Живу больше в области воспоминаний, в прошлом.

(...) К некоторому моему удивлению (и в то же время к величайшей моей радости) меня не забывают, и хотя меня изъяли из Москвы 30 лет тому назад, но все-таки меня там не забыли; а что меня особенно трогает и радует – что обо мне знает от стариков молодежь. Молодежь горячая, впечатлительная. ...

Так нынешним летом ко мне неожиданно приехала группа московских студентов специально с целью посмотреть на “Четвериковские мощи”, познакомиться, потолковать о злободневных вопросах, выслушать мои советы о том, над чем и как работать.

Конечно, я совершенно отстал от современной науки; ведь до меня доходят лишь обрывки новых научных направлений, и мне уже не под силу связывать старое и новое. Правда, я еще не теряю способность здраво мыслить, но все же голова работает не так, как прежде, мысли движутся со скрипом и я уже плохо схватываю их на лету; а кроме того, от *прослушивания* какой-либо работы, которую мне читает брат, до *прочтения* собственными глазами – дистанция ог-

ромного размера, и большей частью от прослушанного остается лишь общее впечатление.

Из моих горьковских друзей Тамара несомненно самый близкий мне человек: она принимает чрезвычайно деятельное участие в моей жизни и старается скрасить ее насколько только хватает у нее сил. Это очень хороший и сердечный человек, и я постоянно благодарю судьбу за то, что Она мне ее послала. Привезла она нам и Ваши “*вириши*”^{*}; по ним я вижу, что Ваши поэтические дарования не потускнели, а по-прежнему сверкают огоньками юмора. Но для меня было большой неожиданностью из Вашего письма узнать, что Трофим^{**} сумел-таки Вам отомстить, пускай хоть не очень больно, но все же неприятно. Генетический маятник все время раскачивается вправо и влево и за одним плюсом тотчас же следует минус. Когда же окончится эта нелепая канитель? Неужели же люди, которым бы надлежало это знать, не чувствуют, что своим нелепым поведением они не только компрометируют русскую науку, но компрометируют и весь строй, направляющий и управляющий нашей культурной жизнью. И ведь это не только у нас, в нашем Союзе, но еще и в гораздо большей степени за нашим рубежом, где, конечно, не “стесняются” ни в выражениях, ни в сравнениях. <...>

Знаете ли Вы, что у меня свято хранится тетрадь с переписанными ... Вашими стихотворениями. Особенно люблю я Ваше “Вдохновение”, а не “Подсознание”, как пишете Вы!

Крепко, крепко жму Вам обоим дружеские руки и всей, всей душой желаю всяческих благ!!

Искренне Вам преданный

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 382. Лл. 13–14 об. Авторизованная машинопись.

136.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

6 октября 1958 г.

Дорогая, милая Маня!

<...>

Я с полным уважением относился и отношусь ко всем формам и видам веры, если только эта вера есть душевный порыв, а не ханжество, ложь и лицемерие. Пускай, по-моему, Бога нет, но если “вера” дает душевный покой, дает силы в минуту душевной невзгоды, то такая вера для меня свята.

Физически я себя чувствую сносно, хотя силы тают и тают^{3*}.

<...>

А вот чем я был занят последние две недели, ты ни за что не догадаешься... Диктовал “Мои воспоминания”^{4*} – школьные годы и университет. Один мой знакомый здешний студент много раз приставал ко мне с этим предложением. Сначала я отнекивался, а потом больше из озорства решил попробовать. И представь себе – мне понравилось! Всколыхнулась память о многих событи-

* Стихи-сатира на Т.Д. Лысенко (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 160–161).

**Т.Д. Лысенко.

^{3*} Далее в письме говорится о занятиях Четверикова С.С. немецким языком с двумя ученицами: школьницей и преподавательницей вуза.

^{4*} Воспоминания С.С. Четвериков диктовал В.Н. Сойферу; впоследствии они были опубликованы в Ж. “Природа” (1974. № 2. 1980. № 5, № 11, 12).

ях, о всяких мелочах и личных переживаниях, и все это гораздо отчетливее, конкретнее, связаннее, чем бывало раньше. И вот мы засели за работу: я диктовал, а студент писал и получилась в конце концов довольно тяжелая рукопись – эдак страниц на полтора, правда очень размашистого почерка. В ней пять глав: 1. Школа и школьные годы. 2. За границей. 3. В Киеве. 4. Первый год в московском университете и 5. Всероссийский стачечный комитет (1904–1905 гг.).

⟨...⟩ А все-таки благодарю Судьбу за то, что она мне дала дожить до моих лет. ⟨...⟩

Очень тебя любящий брат

Сережа

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 44–45 об. Авторизованная машинопись.

137.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

6 ноября 1958 г.

Дорогая, милая Маня!

⟨...⟩ В своем письме ты пишешь много о своих лекциях и о полученных приглашениях на их прочтение. Ты тут высказала мысль, с которой я глубоко согласен. Часто в подобных выступлениях гораздо важнее то, как сказано, чем то, что сказано, и часто отдельные удачные сравнения или удачный оборот глубже западают в душу и оставляют более прочный след, чем самая умная мысль, но сказанная невпопад и без души. Мой долголетний опыт научил меня тому, что всякое публичное выступление хорошо тогда, когда оно идет от души и когда лектор умеет увлечься сам темой своего выступления, и мне думается, что ты сама это хорошо чувствуешь и что ты сама выбираешь такие темы, которые близки тебе по духу. ⟨...⟩

Последней сенсацией этих дней была бессмысленная, нелепая история с романом Б.Л. Пастернака* ⟨...⟩ Сам я этой вещи не читал и не видел, т.к. она в нашем Союзе не напечатана и судить о ней по существу я не в состоянии ⟨...⟩. Непонятно, как Шведская академия присудила за эту вещь Нобелевскую премию. Неужели же литература Запада так низко пала, что не нашлось произведения лучше, чем это убогое творение Пастернака.

Сейчас у меня появилось еще очень меня радующее дело. По настоянию нескольких московских студентов, интересующихся наследственностью (генетикой), я написал ряд замечаний и комментариев к моей основной генетической работе**, появившейся в свет еще в 1926 г., но тогда по приказу сверху совершенно замолчанной, как будто ни меня, ни этой работы не существовало. Теперь, когда запрет с нее снят, она всплыла на поверхность и многие ею заинтересовались. Но за минувшие 30 лет журнал, в котором она была помещена, почти исчез из многих библиотек и моя работа стала почти библиографической редкостью.

⟨...⟩ Московское общество испытателей природы согласилось переиздать мою работу вместе с комментариями и включить ее в тот же номер своих Бюл-

* Автор романа “Доктор Живаго” Б. Пастернак подвергся публичной травле со стороны советского руководства и некоторой части литературной общественности. За этот роман Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, от которой он был вынужден отказаться.

** “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”. Ж. Экспер. биологии. Сер. А. 1926. Т. 2. № 1. С. 3–51.

летеней (августовский), который будет посвящен столетию со времени появления в печати основного труда Ч. Дарвина “Происхождение видов путем естественного отбора”. <...>

Горячо тебя любящий брат

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 46–47 об. Авторизованная машинопись.

138.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

13 декабря 1958 г.

Дорогая, родная Маня!

<...> первым морозам по закону полагается быть в Николин день (19 декабря) – Никольские морозы, а ведь до Николы осталось еще больше двух недель. <...>

Мои уроки немецкого языка идут своим чередом. <...>

Хочу описать тебе обеих моих учениц, т.к. они являются наиболее близкими мне друзьями. Младшая – Наташа; ей еще нет двенадцати лет и в нынешнем году у ней начались уроки немецкого языка в школе. Она – высокая девочка и уже “полубарышня”, т.е. интересуется костюмами, всякими интересами взрослых, хотя дома по временам продолжает играть в куклы, обшивает их, укладывает спать и т.д. Она лучшая ученица в своем классе и несет целый ряд общественных обязанностей, так что бедная девчурка почти не имеет свободных полчасика, чтобы погулять или поиграть (она ко всему прочему еще учится музыке, что делает без всякого удовольствия) <...> все наше обучение идет исключительно по слуховому методу: либо я ей рассказываю что-либо по-немецки, а она должна переводить слышанное по-русски, и это она делает довольно успешно, либо я заставляю ее самое составлять по-немецки ответы на мою речь, что идет хуже. Но, в общем, за три месяца учебы, и принимая во внимание, что наши занятия начались на совершенно пустом месте, – все же я ее успехами доволен, несмотря на недовольные гримасы, когда я заставляю ее усваивать трудные для нее обороты...

Другая моя ученица – та самая, с которой я иду на фотографии под руку, уже немолодая (около 40 лет), мать взрослого сына – ассистент в Медицинском институте. Это очень хороший человек и, по-видимому, очень ко мне расположенный, и с которым я охотно делюсь своими мыслями и планами. Каждый раз, когда она ко мне приходит, я испытываю чувство удовольствия и через нее я главным образом узнаю о жизни и событиях в педагогическом мире Горького. Она большая любительница животных, особенно собак, и сейчас мы с ней читаем и переводим почтенную книгу о собаках и их друзьях. Она очень загружена по своей кафедре и всякими общественными поручениями, а потому может приходиться заниматься не каждый день, но все-таки старается побывать у меня как можно чаще, а теперь, когда Коля будет в Москве, ее посещения станут для меня особенно ценны. <...>

Сердечно тебя любящий брат

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 48–49 об. Авторизованная машинопись.

*Горький**5 января 1959 г.*

Дорогая, родная Маня!

⟨...⟩ У меня все время такое ощущение, какое должен испытывать человек, сидящий у кипящего парового котла, у которого крепко завинчен предохранительный клапан. Котел бурлит и ждешь, что вот-вот он разлетится на тысячу кусков и тебя обдаст кипящим паром. У меня какое-то чувство обреченности, с которым нет способов бороться, и где ты себя чувствуешь ничтожной крупницей в неумолимо надвигающемся вихре.

Часто приходят мне такие мрачные думы: ведь каждый вид животного или растения имеет свое начало и свой конец, период своего расцвета и период своего упадка, и человек в этом отношении не представляет исключения. И мне кажется по временам, когда читаешь или слышишь о всех этих необычайных открытиях и достижениях в области материальной культуры, что человечество уже достигло гребня жизненной волны и дальше уже подвигаться некуда. Сколько времени оно продержится на этом гребне? А за гребнем ждет неминуемый и неизбежный спад; как он пройдет, в каких формах осуществится? Пойдет ли он столетиями или несколькими неделями беспощадной атомной войны, конечно, никто предвидеть не может. Но когда думаешь обо всем этом, в душу закрадывается леденящий холод...

Что-то я “распессимистился”. Напишу лучше о чем-нибудь хорошем. Напишу, какое большое удовольствие доставили мне мои друзья некоторое время тому назад. Как-то в разговоре с одной моей хорошей знакомой пожаловался я на то, что совсем не слышу хорошей музыки. Вскоре она ушла, ничего мне по этому поводу не сказав, а через пару дней ко мне заходит моя и ее приятельница – Тамара и предупреждает, что ко мне готовятся гости “с музыкой”. Оказалось, что у моей знакомой есть так называемый “проигрыватель” и к нему ряд пластинок с концертами Клейбёрна. Не знаю, говорит ли тебе что-либо это имя? Но это замечательный пианист, завоевавший первое место в международном конкурсе молодых пианистов весной прошлого года. Ты легко можешь себе представить, что моей радости не было границ. Действительно, в назначенный вечер раздался звонок и ко мне сразу ввалились десять человек гостей. Привезли на санках проигрыватель и все собрались в моей небольшой комнатке, как говорится “в тесноте, да не в обиде”.

⟨...⟩ на меня игра Клейбёрна* произвела сильное впечатление... Весь вечер прошел весело, душевно, уютно... раздавался смех, шутки...вся публика разом около 12 ночи поднялась, и закутав проигрыватель в теплое одеяло, отправилась по домам**.

Искренне тебя любящий брат

Сергея

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 50–51 об. Авторизованная машинопись.

* Так в тексте. Правильно: Клиберн или Клайберн (Cliburn) Харви Лаван – американский пианист.

** Все пластинки, в том числе и Клиберна, Сергею Сергеевичу подарили студенты, купив их вскладчину.

М.А. РЯБОВУ

Горький

17 января 1959 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Как Вы, конечно, помните из надписи на конверте моего последнего письма, Ваше письмо от 28 декабря п.г. пришло ко мне как раз в тот момент, когда мое письмо к Вам (предыдущее) было написано и уже запечатано для отправки в Ленинград. Я не стал его задерживать, так как в Вашем письме ничего, требующего срочного ответа не было. А теперь, когда все праздничные и после-праздничные суматохи миновали, я с удовольствием возвращаюсь к Вашему письму...

Живем мы с братом все по-прежнему. Здоровьишко мое по-прежнему скрипит и трещит по всем гайкам, но я креплюсь и стараюсь не сдаваться. А я и не знал, что я старше Вас ровно на десять лет! Вот еще сколько Вам времени в Вашем распоряжении. Поэтому не будем унывать и впадать в грусть!

Что касается праздничных дней, то они прошли у нас в большом оживлении: перебивали у меня гости со всякими наилучшими пожеланиями и даже с замечательным подарком. Не знаю, как Вы, Михаил Алексеевич относитесь к музыке, а потому ничего подробнее писать Вам не буду. Я же вырос в музыкальной семье и очень тоскую, когда долго не слышу никакой хорошей музыки; слушать же ту какофонию, которую обыкновенно передают по радио под лже-названием музыки – нет никаких сил. Как-то я имел неосторожность пожаловаться некоторым моим друзьям на эту свою беду и вот через несколько дней ко мне в мою маленькую комнатку “втискиваются” десять человек гостей и вносят четырехугольный ящик – так называемый “проигрыватель”. Наспех устраивается импровизированная вечеринка с музыкой: меня “угощают” прекрасным концертом из произведений Листа, Рахманинова, Чайковского – все в исполнении – прекрасном! – Клейберна. Я был глубоко растроган и этот вечер и полученное удовольствие никогда, конечно, мною не забудется.

Но не подумайте, дорогой Михаил Алексеевич, что на этом все дело и кончилось. Прошло недели три и вдруг ко мне является три человека знакомых и ставят передо мной четырехугольный ящичек. Что же оказывается? Видя, какое громадное удовольствие мне доставила музыка вышеописанного вечера, мои друзья решили в складчину подарить мне новый проигрыватель!! Конечно, Вы можете себе представить, до чего меня все это растрогало. К проигрывателю было приложено несколько пластинок с самыми любимыми музыкальными вещами, а кроме того брат, где только может, покупает новые, так что программа концертов отличается большим разнообразием. Важно, конечно, и то, что и Коля находит в этих концертах большое удовольствие, а потому “заводит” с большой охотой...

А теперь вернемся к бабочкам. Все, что Вы пишете о своих исследованиях Hadenini, в высокой степени интересно и поучительно. Прежде всего отмечу, что полностью подписываюсь под выделением Leucanidae из настоящих Hadeni. Вспомните, что и старые мастера (например, Ледерер) отставляли Leucanid далеко от Hadenidae, но что меня поражает и что я не совсем могу себе представить – это выделение из Hadenini группы “крупных” Hadeni (если не соврал, то кажется группа Aplecta, куда относятся adveka, tincta, nebulosa) сюда же надо, вероятно, отнести и Vesperus Ev. Что их надо выделить в особую группу – с этим я вполне согласен, но чтобы совсем удалить их из Hadenini, с этим я еще никак не могу освоиться.

А то, что Вы пишете о том, что систематика по гусеницам часто расходится с систематикой *imago* – в этом нет ничего удивительного, так как личиночная фаза бабочек нередко продолжительнее имагинальной стадии и при этом часто протекает открыто, так что естественный отбор может “работать” по обоим фазам независимо одна от другой, создавая тем самым сложный переплет соотношений между родственными группами.

Очень был рад узнать из Вашего письма, что Вам все-таки удалось довести дело с Вашими рисунками до благополучного конца; только теперь, дорогой Михаил Алексеевич, совершенно обязательно довести Вашу работу до публикации, хотя бы в виде серии отдельных работ, если напечатание целой кавказской фауны ночниц является пока невозможным.

Что касается Ваших “мрачных мыслей”, то я в значительной степени сам их разделяю и по временам верчусь в постели, не будучи в состоянии отогнать этих черных пугал. Но в конце концов, что же мы тут можем сделать? Ибо все сие от нас не зависит! Время покажет, как будут разворачиваться дела и предвидеть сейчас даже то, что будет через полгода, никому не дано. Конечно надо быть начеку для того, чтобы вовремя крикнуть: “*saue qui peut!*”*

Через несколько дней жду приезда к себе в гости одного бабочника из Харькова (А.Е. Штанделя), о котором Вы едва ли что слышали, так как он занимается исключительно дневными бабочками. Вот уже более двух лет, как я с ним переписываюсь, но мы с ним никогда не встречались, и он решил, наконец, нанести мне визит, чтобы лично познакомиться. Он – доцент Университета (физик) и, судя по письмам, является довольно серьезным человеком, очень любящим свое “Hobby”. Все-таки наша семья хоть и слабо, но пополняется свежими силами. Многое будет зависеть от того, как сложатся дальнейшие обстоятельства...

Шлю мой сердечный привет Елизавете Давыдовне и желаю вам обоим прежде всего здоровья! Брат шлет свой сердечный привет.

Искренне Ваш

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 338. № 8. Лл. 29, 30. Авторизованная машинопись.

141.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

5 февраля 1959 г.

Дорогая, милая Маня!

⟨...⟩ О том чудесном подарке (проигрывателе), который я получил от моих горьковских друзей, я, помнится, тебе уже писал. Сейчас этот небольшой четырехугольный ящик является едва ли не самой большой радостью в моей теперешней жизни. Хотя я, казалось бы, готов был слушать его с утра до вечера, но мы им не злоупотребляем и “концерты” бывают раза два или три в неделю. Слушаем все классическую музыку: Баха, Бетховена, Шопена, Шумана, Листа и т.д. Мало у нас вокальной музыки. Коля не очень долюбивает пение, ⟨...⟩

Вот уже более двух лет, как я довольно деятельно переписываюсь с одним доцентом – физиком из Харькова... Наше знакомство завязалось на базе бабочек, а потом естественно перешло к более разнообразным вопросам; и вот мой

* Спасайся, кто может (франц.).

знакомый, наконец, не вытерпел: приехал ко мне из Харькова, чтобы взглянуть на старика, и прожил у меня пять дней. Он оказался интересным собеседником и у нас нашлось много тем, чтобы обменяться своими взглядами и впечатлениями. Конечно очень трогательно проявленное ко мне внимание, а при его очень скромных денежных возможностях – истратить на эту поездку более 250 рублей является подвигом...

Ты пишешь о книгах, которые читаешь, и останавливаешься особенно на “Повести о жизни” К. Паустовского. Эту повесть я ставлю очень высоко и вообще должен сказать, что считаю Паустовского крупнейшим писателем нашего времени. Впрочем “нашего времени” надо понимать условно, т.к. Паустовский всеми своими корнями принадлежит эпохе, давшей нам Короленко, Бунину, Куприна и некоторых других. {...}

Горячо тебя любящий брат

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 52, 53. Авторизованная машинопись.

142.

С.С. И Н.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ

Рязань

7 февраля 1959 г.

Дорогие Сергей Сергеевич и Николай Сергеевич!

Неожиданно у меня возникла мысль поехать в Ваш Горький. Я предполагаю выехать 11–2–59 из Рязани и прибыть в Горький в четверг 12.2. В Горьком живет мой брат Ник[олай] Ром[анович] Цар[апкин]. Я предполагаю остановиться у него.

Навестить Вас я намереваюсь в пятницу или субботу 13–14 февраля.

Намереваюсь, и сердце во мне трепещет при мысли, что опять увижу Вас! Так много было пережито... Так много у меня связано с именем Четвериковых!..

Надеюсь Вас застать обоих дома в полном здравии и благополучии. Сядем опять, как бывало прежде, за стол и будем говорить... говорить...

Я еду с дочерью Екатериной Сергеевной.

Александра Сергеевна, которая шлет Вам поклоны, к сожалению должна остаться дома.

Преданный

С. Царапкин

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 183. Л.21. Автограф.

143.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

5 марта 1959 г.

Милая, дорогая Маня!

{...} Я ровно целый месяц провалялся в постели (и сейчас еще лежу) : виноват все зловердный грипп “А-2”, который при моих 79 годах ухитрился осложниться легким воспалением легких и вот меня уложили, ставили банки, горчичники, пичкают всякой аптечной стряпней и т.п... можно было бы начать вставать, но врач, который меня лечит, осторожничают и велит еще полежать денька два...

⟨...⟩ вчера из Москвы вернулся Коля, куда он ездил на неделю и привез с собой целую гору пластинок для проигрывателя, и какие все вещи!! Семь Бетховенских сонат, его же скрипичный концерт, 7-ю симфонию... В общей сложности оказалось 35 пластинок. ⟨...⟩

Все, что ты пишешь про твои лекции и беседы* – очень мне по душе; мне кажется, что они дают много не только твоим слушателям, но и тебе самой, и что то, что делается на нашем Востоке, настолько грандиозно, что должно приковать к себе внимание не только у нас, но и в чужих странах. ⟨...⟩

Твой брат

Сергея

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 54–55 об. Авторизованная машинопись.

144.

М.А. РЯБОВУ

Горький

15 марта 1959 г.

Дорогой Михаил Алексеевич!

Давно не писал Вам, все как-то мешали обстоятельства либо пропадало настроение. Ваше письмо от 21 п.м. застало меня в Горьком одного, брат был в Москве и вернулся только 4-го числа. Чтобы покончить с собственной персонею, должен сообщить, что весь февраль и до начала марта прохворал проклятым гриппом. Врачи наслушали даже какое-то воспаление легких, но субъективно я ничего кроме небольшой температуры, большой слабости и небольшого опять кашля не ощущал. Сейчас я на положении выздоравливающего: температура почти всегда ниже 37,0° (что для меня старика все-таки многовато), я встаю с постели, хотя ноги плохо слушаются, но достаточно просидеть час, и я уже снова валюсь на боковую.

Очень огорчило меня то, что Вы пишете про свое здоровье. Вы приписываете это мерзкому ленинградскому климату.

Может Вы отчасти в этом и правы, но может быть это зависит и от других причин. Достаточно ли разнообразно Вы питаетесь? Ведь при таком мерзопакостном климате особенно важен правильный обмен веществ. ...

Начну новую страницу с самого существенного вопроса Вашего письма. Вы спрашиваете меня – как посоветую я Вам в отношении Вашей работы по ночницам Кавказа. Вы пишете о тех интересных результатах, которые Вами уже получены в отношении выяснения родов и их группировок, но впереди еще целый ряд вопросов, требующих разрешения, а для этого нужны еще материалы, нужны еще силы, нужно еще время. Дорогой Михаил Алексеевич! Простите, что я затрону некоторые неприятные вопросы, но о которых приходится и думать и говорить нам – старикам. Всем нам положен предел, его же не преjdeши, и мы, как биологи, должны спокойно смотреть на этот биологический закон и строить свою жизнь и свои планы с ним сообразуясь. Вот мне 79 лет, а я уже около 10 лет вынужден прервать всякую научную работу. Вы на десять лет моложе меня и может быть Ваш организм настолько силен и бодр, что у Вас впереди еще многие годы для Вашей работы. Но

* Речь идет о Сибири, как важнейшей части России, об истории ее завоевания, современном состоянии, значении, об освоении ее богатств.

строить свои планы все же приходится на короткие сроки, и вот возвращаясь к Вашему вопросу о кавказских ночницах, должен так ответить на Ваш вопрос: никогда ни одна крупная осуществленная работа не бывает и не может быть исчерпывающе закончена, и прежде всего надо подумать и позаботиться о том, чтобы сделанное уже не погибло, а явилось бы *живым* толчком для ряда дальнейших исследований; ведь, представьте себе, если к несчастью случится так, что Вы отойдете совсем от работы, никак не подготовив ее для опубликования; что же ждет ее в этом случае? Мне кажется, на этот вопрос существует всего один ответ – *архив ЗИНа*! Он же и Лета! Разве это не ужасно? Сколько я Вас знаю, дорогой Михаил Алексеевич, Вы в научной работе большой эгоист; я знаю, что Вы работаете не столько для своей “славы”, сколько Вам доставляет наслаждение самый процесс работы, те новые, подчас неожиданные результаты, которые при этом вскрываются и те новые пути, по которым течет Ваша исследовательская мысль. Но все-таки известный альтруизм необходим, он необходим и для Вас и Вы сами чувствуете, конечно, что совершенно необходимо, чтобы Ваши труды, Ваши мысли, Ваши бессонные ночи с Вами не умерли, а продолжали бы жить в умах и сердцах Ваших преемников. Вспомните Пушкина:

“Нет, весь я не умру,
Душа в заветной лире
Мой прах переживет
И тленья убежит”...*

А потому печатайте и готовьте к печати все из Ваших работ, что имеет тот или иной самостоятельный интерес. Печатайте и пока Вы живы, печатайте и после Вашей смерти и пусть человечество, а в первую очередь наши советские работники, будут черпать “вдохновение” из чтения Ваших работ. Раз уж Вы меня спрашиваете, как быть, то я могу посоветовать Вам только разбить свое рабочее время на две части: половину отдавая новым исследованиям, а другую половину – *оформлению своих работ для печати*.

Переходя теперь к тем конкретным результатам, которые Вы излагаете в Вашем письме в отношении группировок (больших и малых) кавказских ночниц, то они в высокой степени поучительны и интересны. Ведь малые группировки могут оказаться либо фрагментами от давнишней, третичной фауны, либо аванпостом внекавказских фаун, расширивших свои ареалы до пределов Кавказа. Во всяком случае все, что в этом отношении добыто Вами, несомненно является стимулом для дальнейших углубленных исследований, и приведенные Вами факты будят мысль и заостряют внимание на ряде новых вопросов. ...

Дорогой Михаил Алексеевич, простите меня за это многословие, но мне хотелось высказать Вам все по чистой совести, и мне всегда бывает грустно, когда я думаю о том, что Ваши интереснейшие исследования могут оказаться “в архиве”.

У нас с 1-го марта весна. Каждый день голубое небо, яркое и жаркое солнышко; днем термометр выше нуля, снег с крыш уже стаял, всюду журчат ручейки и ждем со дня на день прилета грачей. Вы, конечно, помните чудесную картину А.К. Саврасова? И это, конечно, самый любимый, самый радостный момент весны.

* Стихотворение “Памятник” А.С. Пушкина. 1836. Сб. стихотворений *Пушкина А.С.* М.: Изд. Художественная литература, 1983. С. 241.

Брат и я шлем самый сердечный привет Елизавете Давидовне и Вам с пожеланием прежде всего вам обоим здоровья! Крепко, крепко жму Вам руку
Искренне Вас любящий

С. Четвериков

Архив музея ННГУ. Ф. С. С. Четверикова. Д. 38. № 8. Лл. 31, 32. Авторизованная машинопись.

145.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

29 марта 1959 г.

Дорогая Маня!

(...) Коля уже писал тебе, что Владимир Ильич Ленин очень высоко ставил заслуги И.В. Мичурина. По мнению коммунистов, “в недрах народа” таятся неизведанные богатства талантов и даже гениев и что стоит только приоткрыть для них дверь, как наши “самородки” проявятся во всех областях науки и искусства. Вот к такому-то числу “самородков” принадлежал и И.В. Мичурин. Никто не будет оспаривать того, что Мичурин был в своем роде замечательный человек. Не имея почти никакого образования (он не кончил гимназии), почти не владея иностранными языками (он очень плохо читал по-французски, зная этот язык лишь по гимназическим урокам и самоучкой), Мичурин был очень далек от построения какой-либо законченной теории. Но это не помешало ему сделать ряд интересных опытов в области выведения новых сортов садовых растений. Все это повело к чрезвычайно противоречивой и часто пристрастной оценке Мичуринских работ как в области практического растениеводства, так и в области теоретических представлений о наследственности. Одни склонны считать его чуть ли не мировым гением, другие видят в Мичурине лишь талантливого и предприимчивого садовода, до известной степени (но только “до известной степени”) напоминающего, как тебе уже писал Коля, американского Бербанка. Что же касается *теоретических* построений И.В. Мичурина, то тут он ничего своего и цельного не создал, а от случая к случаю придумывал теоретические объяснения наблюдаемым фактам, мало заботясь о том, чтобы эти теоретические измышления имели какую-либо достаточную научную базу; этим объясняется и то, что в разных случаях он впадает в резкое противоречие самому себе. Так, например, в начале своей деятельности Мичурин очень увлекался теорией Грэя, который утверждал, что если *прививать* в морозостойкий подвой – привой, взятый с нежных (неморозоустойчивых) сортов южных фруктов, то можно вывести соответствующую породу, которая совместит в себе и морозоустойчивость подвоя и качества южных фруктов в привое. Но по прошествии нескольких лет, убедившись в беспочвенности такого рода попыток, Мичурин резко осудил и отверг теоретические измышления Грэя. Однако это отнюдь не помешало ему спустя опять несколько лет выступить со своей “знаменитой” теорией “ментора”, согласно которой, если привить в крону малоценного деревца (подвоя) побег (привой) от высокоценного сорта, то этот привой может “исправить” недостатки малоценного подвоя и, конечно, наоборот. И вся эта теория создавалась на основе *единственного* наблюденного Мичуриным факта!

Что касается научной генетики, то И.В. Мичурин относился к ней достаточно легкомысленно. В начале он ее окрестил “гороховой наследственно-

стью”, намекая на то, что первые законы наследственности были установлены Г. Менделем на опытах по скрещиванию гороха. По отношению к садовым растениям Мичурин считал, что эти гороховые законы к ним никакого отношения не имеют. Однако несколько лет спустя при описании нового вида яблони “Недзиевского” он спокойно перечисляет, какие из указанных им признаков могут передаваться по наследству на основе все тех же “гороховых законов”.

Как Коля уже указал, громадное количество выведенных Мичуриным новых сортов выведено им при помощи черенкования, т.е. *бесполом путем*, и путем размножения отводками, т.е. *вегетативным*. Таким образом, из огромного мичуринского материала лишь очень небольшое может быть использовано для решения тех или иных вопросов наследственности (генетики).

Благодаря высокой оценке, которую давал работам И.В. Мичурина Владимир Ильич Ленин, последний оказался очень удобным щитом, за которым можно было прятаться всяким “новоявленным теоретиком”, находившим в работах Мичурина подтверждение своим теоретическим измышлениям. После смерти Ленина к этому щиту прибавился второй, неизмеримо более могущественный щит, и, таким образом, в чисто теоретические научные споры вклинился уже момент политический, стоивший жизни нескольким крупным ученым и лишивший работы многие десятки, а то и сотни других. Всякий “инакомыслящий” объявлялся контрреволюционером, а его *теоретические* выводы – объявлялись запретными. Таким образом, как видишь, казавшийся таким теоретическим и чисто научным спор принимал характер “кровавой битвы” и фактически становился невозможным. Одно время после смерти Сталина казалось, что в этой области повеяло свежим ветерком, но это было совершенно обманчивым впечатлением, скоро к двум щитам прибавился третий, все упорнее защищавший все те же позиции, ибо речь здесь теперь идет не об идеях, а об людях, и лишь совсем недавно генетикам нелысенковского толка был дан новый предметный урок, в результате которого акад. Сукачев был изгнан из числа редакторов “Ботанического журнала” Академии наук СССР. Но все же надо отметить, что репрессии “инакомыслящим” за последнее время заметно смягчились и дышать стало чуточку свободнее. <...>

Очень тебя любящий брат

Сереза

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 110. Лл. 56–57 об. Авторизованная машинопись.

146.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Ленинград

24 мая 1959 г.

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Сергеевич!

В Ленинградском государственном ордена Ленина университете имени А.А. Жданова во исполнение приказа за № 338 от 30 марта 59 г. по Министерству Высшего Образования СССР проходило Второе Совещание по применению математических методов в биологии. В промежуток с 18 по 23 мая сего года состоялось 9 заседаний, на которых было заслушано 36 докладов и зарегистрировано более 500 человеко-посещений.

Среди участников Совещания были Ваши ученики, и Ваше имя неоднократно упоминалось в выступлениях. На заключительном заседании 23 мая 59 г. было единогласно принято постановление послать Вам слова приветия, как *старейшему биометрику нашей страны*. Нечего и говорить, что я выполняю волю совещания с тем большей радостью, что мне посчастливилось быть в числе первой группы Ваших слушателей в МГУ.

Тезисы Совещания высылаются отдельным пакетом. Еще раз передаю Дорогой Сергей Сергеевич, самые наилучшие пожелания от всех нас!

Председатель Оргкомитета Второго Совещания по применению математических методов в биологии

Проф. П.В. Терентьев

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 176. Л. 15. Авторизованная машинопись.

147.

Н.В. ТИМОФЕЕВУ-РЕСОВСКОМУ

Горький

26 мая 1959 г.

Дорогой Николай Владимирович!

Только что получил сведения из Москвы о том, что Academia Leopoldina присудила Вам почетную [плакетту] в память столетнего юбилея выхода в свет "Происхождения видов" Ч. Дарвина. Источник этих сведений достаточно солиден, и я от всей души радуюсь за Вас и поздравляю Вас с этим почетным отличием, тем более, что, как мне известно, такого отличия удостоился лишь ограниченный круг ученых, особенно деятельно зарекомендовавших себя в области разработки дарвиновских идей.

А вот сию минуту пришло письмо от П.В. Терентьева из Ленинграда о том, что у них с большим успехом состоялось второе совещание по применению математических методов в биологии: на 9-ти заседаниях было заслушано 36 докладов. Все это слышать было очень приятно моему стариковскому сердцу.

От всей души хочется поздравить дорогую Елену Александровну с этими добрыми вестями и пожелать вам обоим много сил и здоровья!

Искренне преданный Вам Ваш старый учитель и друг

С. Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 373. Л. 16. Авторизованная машинопись.

148.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Ленинград

29 мая 1959 г.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

С чувством большого удовлетворения и радости за Вас узнал я о присуждении Вам, пионеру в области эволюционной генетики, дарвиновской юбилейной медали Академии "Leopoldiana". Позвольте мне, одному из Ваших многочисленных учеников, от всей души поздравить Вас с почетной и заслуженной наградой. Я слушал Ваши лекции в 1929 г. и, помню, искренне восхищался ими.

Самые теплые поздравления просит передать Вам также Юрий Михайлович Оленов, много работавший по генетике популяций.

Хочется пожелать Вам побольше здоровья, а главное – как можно скорее увидеть новый расцвет в Советском Союзе генетики вообще и генетики популяций в частности. Я думаю, что ждать этого теперь уже недолго.

Искренне преданный Вам

В. Кирпичников

АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 140. Л. 1. Автограф.

149.

М.С. МАЙКОВОЙ

Горький

30 мая 1959 г.

Дорогая Муся!

(...) * Ты меня соблазняешь Швейцарской жизнью. Муся, дорогая моя! Мне было очень дорого то, что ты написала, дорого сочувствие твое и твое желание дать мне отдых и покой “на старости”. Мысленно я охотно “живу” в комнате, из которой (не говоря о САМОМ ГЛАВНОМ, о чем нет нужды писать) можно видеть “зверушек” лесных и горных... Только ведь уехать “насовсем” из СССР я все же не в состоянии. Я не хочу, чтобы между нами была какая-либо недоговоренность. Я, невзирая на все испытания (а может быть отчасти именно по их причине), душой стою за нашу жизнь со всеми ее особенностями. Вне ее я бы зачах, даже имея возможность отдалиться научной работе (чего я сейчас лишен – в Горьком). В нашем быту водворилась особая атмосфера житейской оголенной правды. Жизнь устанавливается теми слоями населения, которые когда-то жили в нужде и в тьме и не знали ни условностей этикета, ни даже правил вежливости. Жить вне таких условий – конечно, тяжело, так как никогда не знаешь, как будет реагировать твой собеседник или напарник по работе – никаких “правил” на это не имеется и всякое слово, всякое дело надо обдумывать ВСЕГДА и ТОЛЬКО по существу. Так жить трудно, но зато и интересно! Это “оголение” быта и нравов началось еще с войны 1914 г., его усилили “лагеря” – источники, как видишь, достаточно мутные, но что-то хорошее отстоялось, плесень сошла, мусть осела и осталась великая ПРАВДА так называемой “меньшей братии”, тех “униженных и оскорбленных”, которые стали “командовать парадом”. Много уродства, много мук, много грязи... но если нет иного пути, а его, по-видимому, и на самом деле нет, если творить новую жизнь всерьез! То надо мириться и с такой ценой счастья. Ведь, как-никак, а мы преодолели все преграды и теперь уже видим прямой путь перед собой. Моя жизнь все время шла зигзагами. Когда-то я работал в партии (в подполье) (знаешь ли ты об этом?), потом отошел и с головой окунулся в научную работу. Душой протестовал против тех насилий, которые и тогда, да и теперь, мне представляются излишними и даже вредными. Протестовал и не только душой. Попал на Потьму, где многое продумал и переоценил. Потом снова наука и снова – Колыма. Едва остался в живых, перенес все, что человек в состоянии перенести. У меня на левой руке рубец в виде подковки: это “урка” прокусил мне руку в драке за кусок хлеба, который он вырвал у меня из руки, когда я ел свой паек. Куда же дальше идти? Не могло это не оставить следа в душе. Но вот что удивительно: теперь я вспоминаю Колыму без боли и без омерзения. Я действительно пере-

* Ранее речь шла о получении от сестры письма, в котором она писала о последних днях жизни своих родителей.

воспитался (хотя совсем не так, как “предписано” законами лагеря) и чувствую себя более крепким и приспособленным к жизни. Я не знаю такой работы, перед которой я отступил бы, если только она не превышает мои физические силы. Более того, я научился *уважать* даже самый черный и, казалось бы, неразумный труд. Понял, что ясные мозги нужны на любом механическом труде. Понял я и цену жизни, так как на руках у меня умирали люди. Вместе с тем я стал очень суровым и в этом своем качестве заслужил (действительно заслужил!) упрек Сережи в том, что я “жестокий брат”. Да, я держусь твердо того мнения, что слова только портят дело, если последнее можно сделать без лишних слов. Я отвык от ласки и утерял понимание ее ценности. Я смеюсь над собой и Дусей: Дуся прыгает на задних лапках, а я бегаю на всех четырех! Так оно и есть и это изменить нельзя...

Недавно Сережа снова получил письмо из Галле, в котором подтверждается присуждение ему Дарвинской плакетты* (кроме Сережи, такая плакетта досталась лишь Тимофееву-Ресовскому) и содержится просьба прислать свое *sigillum vitae*, фотокарточку и некоторые другие сведения (об отзывах о работах). Сережа получил ряд телеграмм с поздравлениями, частью от лиц ему мало знакомых, но также пострадавших от лысенковщины.

У Лысенки была жестокая сшибка с физиками, после которой произошли ответственные разговоры в верхах и небосклон Трофима покрылся черными тучами. Последнее, чего он добился – это отставки Сукачева от поста редактора Ботанического журнала, где, однако, его заместил другой “антилысенковец”.

{...}

Вот я кончаю, а наверное еще многое и многое придет в голову, когда письмо уже будет запечатано. Ну тогда до следующего раза!

Ты знаешь, с кем мне было бы очень интересно встретиться? Это – с Эвелиной**!! Я ее, конечно, идеализирую, поскольку совершенно не знаю, но почему-то она мне представляется “истово-добросердечной”. Поймешь ли ты?

Привет Шуре^{3*}. Крепко обнимаю Алекса^{4*} и всех малышей.

Целую тебя крепко-крепко.

Твой брат Коть

АРАН. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 99. Лл. 82–85 об. Авторизованная машинопись.

150.

ТИМОФЕЕВЫМ-РЕСОВСКИМ

Горький

31 мая 1959 г.

Дорогие Елена Александровна и Николай Владимир!

Отвечаю Вам вместо брата, который настолько ослабел, что даже диктование письма ему часто бывает трудно. Спасибо Вам за поздравление и, в особенности за присылку списка награжденных, который брата очень интересовал. Вы, конечно, правы, недоумеваю, почему в список не включены та-

* Из русских ученых плакетту удостоились получить еще Н.П. Дубинин и И.И. Шмальгаузен; в мире – 18 ученых, из них 4 – русских; список хранится в архиве МОИП.

** Эвелина – жена младшего сына М.С. Майковой Александра, агроном по образованию, мать пятерых детей, красивая, трудолюбивая женщина.

^{3*} Александр Иванович Майков – муж М.С. Майковой.

^{4*} Алекс – уменьшительное от Александра, сына М.С. Майковой.

кие ученые как Сьюальд Райт, как Холден и Гексли. И почему в списке значится Р.А. Фишер, который, насколько мне известно, умер несколько лет тому назад? Неожиданностью было и то, что Г. Меллер оказался в Индиане, когда он, казалось, прочно обосновался в Эдинбурге. Эти мои недоумения несомненно следствие нашей общей неосведомленности о том, что творится на Западе*. {...}

А еще занятнее было бы изложить мои еретические дилетантские воззрения на проблему вида, в которой я существенно расхожусь с братом. Я давно заметил, что тот, кто знает какую-либо область лишь как “дилетант”, тот особенно охотно строит карточные домики спекулятивных концепций и с увлечением их излагает, хотя и получает должную и заслуженную “порку”...

В Горьком мое положение таково, что я не в состоянии вести сколько-нибудь продуктивную научную работу. Все же уход за слепым и очень ослабевшим братом требует непрестанного внимания, а те нерегулярные досуги, которые бывают, настолько “случайны” и неопределенны, что вести работу урывками невозможно. Единственное, что еще осталось – это реферирование разнообразных статей, присылаемых мне “Биологией”; однако их содержание очень часто бывает темно для меня, не знающего в должной мере генетики, и притом они так разношерстны по своему содержанию, что никакого представления об общем ходе работ в области математической разработки генетических вопросов все же не дает.

О той группе студентов-физиков, которая в прошлом лете работала в Миассове, я имею лишь самые поверхностные сведения. Знаю лишь, что она держится, как будто, крепко, но кто и как работает – этого я не ведаю.

О Трофиме дошли до нас вести из хорошего источника. Его последняя вылазка закончилась уходом Сукачева из редакции Бота[анического] Журн[ала], но его заместил один белорусский ученый (фамилии не знаю)**, несколько не менее враждебный “лысенковщине”. Все же Трофим затих! Это было вызвано его неудачей с физиками-академиками, где он встретил решительный отпор со стороны химика Семенова. Семенов же имел существенный разговор с министром Земледелия, после чего было решено Трофима “не подпускать” на пушечный выстрел к проблеме агрономии. Этим было бы обусловлено и запрещение ему выступать с докладом на XXI-м съезде КПСС.

Отчаянные письма пишет Иван Иванович Пузанов (знаете ли Вы его? Это зоолог, бывший прежде в Горьком, а ныне устроившийся в Одессе). Там в Одессе-маме продолжается разгул лысенковщины и травля инакомыслящих. Особенно отличается некий Иваненко.

Несколько слов о брате и его здоровье. Весной, перенеся грипп и воспаление левого легкого, он ослабел, но потом начал было поправляться и даже пытался выходить на нашу лестницу, подниматься для “моциона” на следующий этаж. Но потом брату стало снова очень плохо. У него полная атрофия кишечника и освобождение последнего происходит лишь при применении клизмы. Но тут начались осложнения. При напряжении брюшного пояса стали возникать болезненные явления: раздражение трахеи и отсюда сильный кашель, вызывающий удушье, иногда кашель заменяется безудержным чиханием, которое истомляет брата вконец. Процедуру приходилось

* Николай Сергеевич хотел бы сам на семинаре в Миассове изложить продолжение своей работы по корреляциям.

** О ком идет речь, установить не удалось.

прерывать по несколько раз, чтобы дать больному отдохнуть, ложась на бок. Все это вызывало панический страх перед самой процедурой, а последний еще более ухудшал положение. Вообще же все дело в нервной системе, так как сами органы – сердце и легкие – в полном порядке по свидетельству крупных терапевтов, выслушивавших брата. Я думаю, что брат сможет еще жить немалое время, хотя слепота и притупление слуха делают его жизнь мучительной. Все же большим утешением ему (да и мне!) служит музыка. У нас теперь имеется подаренный знакомыми “проигрыватель”, а я постарался подобрать хорошую дискотеку классической музыки, которую мы и слушаем почти ежедневно.

По делу “плакетты” брат получил извещение от Президента Академии еще в апреле, а теперь – от секретаря просьбу выслать “автобиографию” и карточку, а также отзывы о трудах. Последнее неосуществимо! <...>

Преданный Вам

Николай Четвериков

АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 372. Лл. 13–14 об. Авторизованная машинопись.

ПЕРЕПИСКА С А.А. БУНДЕЛЕМ*

1.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

27 июня 1950 г.

Глубокоуважаемый Андрей Андреевич!

Ваше любезное письмо меня чрезвычайно обрадовало, во-первых, потому, что нас – лепидоптерологов стало так мало, что каждый новый, свежий человек – это большое приобретение для нашей общей любимой науки, а, во-вторых, потому что вот уже 50 лет как я стою, можно сказать, во главе Московской лепидоптерофауны: у меня сконцентрированы все сведения об этой фауне, все новинки и добавления и Ваше сочувствие изучению этой фауны меня особенно радует. Будем и в дальнейшем поддерживать взаимную связь и осведомлять друг друга обо всем для нас интересном.

Ваши данные о *Pyrrhia exprimens* Wlk из Московской области крайне интересны. Ведь до сих пор был известен всего 1 экз. из Московской обл. (1878 г. Звенигородск[ий] у.). Ваше массовое нахождение этого вида на севере Московской обл. очень интересно и характерно. Этот вид был в большом количестве найден еще севернее в Новгородской губернии около с. Торбино. Очевидно, это таежный вид, встречающийся вокруг всего земного шара. Характерно и то, что Вы обнаружили его именно в тех частях Московской обл., которые, можно сказать, еще совсем не обследованы, и это сулит еще не одну интересную находку.

Теперь у меня к Вам будет след[ующая] просьба: если Вы так энергично и плодотворно исследуете фауну, то не разрешите ли Вы мне выслать Вам список тех видов, которые числятся Московскими, но которые я не встречал, несмотря на 40 лет очень интенсивного экскурсирования по Московской области. Может быть все-таки Вам что-нибудь из него встречалось. С своей стороны готов всем, чем только могу, помогать Вам как при определении Ваших сборов (не только московских), так и во всех могущих возникнуть вопросах. Все-таки у меня уже 55-летний опыт и одна из крупнейших коллекций в СССР. Пишите!

С искренним уважением

С. Четвериков

От души желаю Вам интересных и удачных сборов на Иссык-Куле. Интересные места!

Автограф.

2.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

13 октября 1950 г.

Глубокоуважаемый Андрей Андреевич!

Очень был рад Вашему письму. Я уже много раз подумывал о Вас и начинал уже побаиваться, что наша переписка оборвалась, едва начавшись.

* Все письма из личного архива вдовы А.А. Бунделя Киселевой Е.В.

Очень интересное путешествие Вы совершили. Четкальский хребет – это один из наименее обследованных уголков Средней Азии, и меня несколько не удивит, если привезенная Вами Лусапа действительно окажется новой. В этом отношении посещенные Вами места намного интереснее Иссык-Куля, который по “красотам природы”, вероятно, и выше, но который обследован вдоль и поперек. А о какой *Erabia* поминаете Вы в письме? Не будет это *Erabia mani kuznetzovi* Avin? Она у меня имеется как раз с Четкальского хребта. У меня есть очень небольшой сбор из этих мест и скажу прямо, что все, что я имел оттуда, было очень интересно. Конечно, чрезвычайно жалко, что Вам не удалось положить там на свет и вообще производить ночные сборы, потому что именно среди ночных бабочек можно ожидать оттуда очень много интересного и нового.

Кстати, Вы спрашиваете, какой лучше всего источник света для ночного лова. Лучшим источником света является, безусловно...*

С. Четвериков

Автограф.

3.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

21 января 1951 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Спасибо за новогодние пожелания. Надеюсь, что мою телеграмму Вы получили своевременно. Мне все-таки хотелось бы ограничиться в Новом году старым счастьем – не выйдет ли оно боком? Извините, что опять задержался с ответом – причина опять та же: рассаживал приход бабочек этого года и расправлял новые даяния Анатолия Васильевича**. На этот раз его сборы в марте-апреле в Байрам-Али и Репетеке. Какая специфическая и интересная фауна – личины, и, особенно, ночницы – *Synede*, [*Armede*], *Palpasuula* и прочие. Видите, я граблю, хотя иногда и испытываю угрызения совести от того, что не могу, хотя бы в десятой части, скомпенсировать полученное.

Дорогой Сергей Сергеевич, мне искренне и от всей души хочется прислать Вам и *mactinides*, и все, что найдется у меня интересного для Вас. Ведь я всего-навсего любитель и навсегда любителем и останусь; то, что у меня есть, никогда никакой серьезной научной обработке подвергнуто не будет – нет времени, нет знаний, нет литературы. Я очень люблю бабочек; они привлекают меня с эстетической стороны, как объект для тренировки в способности подмечать и распознавать, как звено, связывающее меня с природой, которую я люблю и по отношению к которой не могу быть только пассивным наблюдателем. При наличии воображения, массовый сбор вроде того, как дает мне А.В., почти заменяет мне поездку в эти места. Вообще, к сожалению, я, по-видимому, воспринимаю природу по двум каналам – через бабочек и через фотографический объектив. Кстати, если Вас интересуют какие-либо ландшафтные снимки или снимки мест сборов, то я с удовольствием их Вам вышлю. Еще одно лирическое отступление: своей любовью к бабочкам, кроме влияния отца (он был инженером-путейцем, и хотя в зрелых годах бабочками не занимался, но всегда их любил и поощрял в этом меня), я обязан Вам. Примерно 35 лет назад, в первых классах гимназии, у одного из приятелей я увидел календарь русской природы с

* Конец письма не сохранился.

** Московский лепидоптеролог-любитель А.В. Цветаев. Часть бабочек продал другим коллекционерам.

Вашей статьей о бабочках. Последняя произвела на меня сильное впечатление тем, что в ней указывалось на интерес и значение изучения бабочек, на важность реального знания их жизни в связях с природной обстановкой, краткие зоогеографические и фенологические сведения, позволяющие понять: почему в одних местностях вид делается редким, в других – обычным; почему, уезжая из Белгорода, где я жил, в августе-сентябре в Сочи, я ловил там виды, уже отлетавшие у нас в Белгороде, и пр. Конечно, в те времена я не знал ни слова зоогеографии, ни слова фенология, но Ваша статья, в отличие от скучного перечисления видов в атласах, указывала на значение и интерес дела, которое я любил, расширяя его за пределы только коллекционирования трупов.

Несмотря на все попытки откупить календарь у приятеля, мне это не удалось тогда. Заполучил его я лишь лет 20 спустя, уже в Москве, и до сих пор иногда я прочитываю вновь Вашу статью, чтобы оживить то впечатление, которое она произвела на меня в детстве. Кстати сказать, писания Николая Яковлевича Кузнецова всегда нагоняли на меня смертную скуку и я глубоко убежден, что он был чисто кабинетным ученым. Вы, его конечно, знали; интересно, справедливо ли это впечатление?

Итак, я Ваш должник, а потому мне бы не хотелось вносить в наше знакомство элемент меркантилизма, неизбежно связанный с обменом. Да кроме того, вряд ли у меня найдется более десятка видов, представляющих для Вас интерес. А с ними я расстанусь без скорби и слез. Особенно это относится к тем видам, которые я не могу определить. В 1948 г. я был при смерти, и меня очень беспокоила мысль, что то, что у меня есть интересного, погибнет без пользы (тогда я еще не был знаком с Анатолием Васильевичем). А у Вас это при всех обстоятельствах так или иначе войдет в фонд науки. Не знаю только, как познакомить Вас с тем, что у меня есть – ведь в определениях самого интересного я далеко не уверен. Это и мешает мне прислать Вам списки хотя бы того, что попало в этом году из *Heterocera*. Как и Вы, *Rhopalocera* я люблю меньше всего, но они легче и надежнее определяются. Если не будет труса, мора и проч., то я надеюсь постепенно проверить все свои определения у Анатолия Васильевича, но сколько времени это займет? Может быть, сфотографировать самое интересное и выслать Вам фотографии? Посоветуйте мне что-нибудь, пожалуйста.

Лирическое отступление заняло слишком много места; извините за него. Теперь перехожу к *Rhopalocera* Чаткола*. Относительно *Actias caesar*. У меня есть один экземпляр, купленный в 1945 г. у Штаудингера и определенный им как *caesar* (под такой общей этикеткой он стоял в ящике). На самом экземпляре этикетка: "*Rapn. actius* var. *Tianschan*". Совершенно схож с изображением у Seitz'a – может быть, несколько мельче (♂). Мой экземпляр с Чаткала в общем белее (просто свежее). Общий рисунок совершенно такой же, как у Штаудингеровского, но на передних крыльях предкраевая перевязь светлее (серее), пятно у заднего края несколько мельче и более угловатой формы. Серый край ("стекловидный") кончается у последней кубической жилки (у Штаудингера несколько заходит за нее), с внутренней стороны слегка волнистый, тогда как у немца в ячейках явно зубчатый. На задних крыльях предкраевые ячейки выражены яснее и явно стрелчатые (Λ). Глазчатое пятно у кост.** края крупнее, чем у немца, и имеет форму эллипса. Красные пятна – розовые, светлые, с белой серединой (у немца – светлокрасные). Отсаживая экземпляр у Штаудингера, я не списал автора. Составляя список для Вас, я поставил Gr. Gr. по Staudinger-

* Р. Чаткол – в Киргизской республике, истоки – на Таласском Алатау.

** Специальный термин.

Preis-Liste № 61 (1937 г.), где Parnassiinae даны по Bryk*, Tierreich, 65 (t. 52). В этом Preis-Liste caesar нет.

Pieris canidia palaearctica Stgr – неужели я написал *palaearctica*? Это явная описка. *Candia* с Чаткала совершенно такая-же, как я ловил в Арсланбобе и имею из Шахимордана: она гораздо больше похожа на *deda...ic***, чем на *candia* и почти точно такая, как изображена у Вейнгера. *Epinephele hiberis* Stgr светлее, чем у А.В. из Шахимардана: охристая, а не рыжая. Относительно *Ep. naubideusis* и *Hauberhauceri* я напутал – определенная А.В., как *naubidensis*, точно соответствует Вашим замечаниям масть, конечно, *naubideusis*. Похожая на *Hauberhauceri* определена А.В., как *Kirghisa* Alph., но ведь *Hauberhauceri* – форма от *Kirghisa*? У них только по два глазка снизу задних крыльев у анального угла.

С *Polygonia c-album* я, конечно, описался (неужели написал *c-album*?). Это конечно *interposita* Strg. *Polygonia undina* Gr. Gr. Я имею два экземпляра из Центрального Тянь-Шаня (р. Кикомерсы 1950–2000 м). обе пойманы П.С. Массажетовым^{3*}, одна 12.06.49, другая 12.06.50. *Undina* по окраске скорее желтая, тогда как *interposita* – огненно-рыжая. Форма крыльев у нее более спокойная и ближе к *c-album*; у *undina* с очень вытянутыми, острыми тонкими выступами, похожая на *egea* из Тифлиса. Не есть ли *undina* и *interposita* лишь сезонные формы?

Melitaea didyma с Чаткола отличается от других форм, имеющих у меня из Средней Азии. Она не крупная, ярко рыжего цвета ♂♂ и ♀♀ по окраске и размерам почти не отличаются между собой. *Melitaea* я ловил в Арсланбобе (Северная Фергана) в 1948 г. Они точно соответствуют рис. у Зейтца со скидкой на несовершенство литографической техники. Мои ярче и красивее. *Ala* – очень красивая бабочка.

Наконец, о *A. thaumas* Hb. и *A. alaina* Fil. В 1948 г. в Арсланбобе я поймал 3♂, отличающихся от *thaumas* и *asteon*. По окраске нижней стороны булав (целиком рыжая), я отнес ее к *A. asteon*, хотя никогда не слышал, чтобы она водилась в Средней Азии. Правда, по Яхонтову, *A. asteon* связана с известковыми почвами – именно с тем, что имеет место в Фергане. Экземпляры этого года вполне по внешнему виду схожи с Арсланбобскими; я их посадил вместе, но, правда, булаву еще не рассматривал. Короче говоря, это не *thaumas* и не *lineola*. Вернее всего и не *asteon*. Поэтому я поставил этикетку “*alaina* Fil”.

О любви Бутлерова к бабочкам я знал, и знал также, что его коллекция находится в Казанском университете. Будучи в эвакуации некоторое время в Казани, я пытался ее посмотреть. Но делалось такое столпотворение, что добиться чего-либо в университете было невозможно.

Дорогой Сергей Сергеевич, если Вас это не затруднит, то я просил бы Вас написать о *Microlepidoptera*, о московских бабочках и о наиболее удобном для Вас способе сообщить о своем наличии: фотографии, рисунки, вписания и т.п.

Андрей Бундель

Автограф.

* Bryk E. 1934. “Lymantriidae Junk’s Lepidoptera” 62[^] 3–342 “Tierreich” – ценник на различных животных для коллекционеров.

** Середина слова не прочитывается.

3* Массажетов П.С. – спутник А.А. Бунделя в экскурсиях по Центральному Тянь-Шаню.

Горький

20 апреля 1951 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Вот уже ровно месяц, как у меня лежит Ваше письмо без ответа. Простите великодушно! Причин этому было несколько. Прежде всего я стал что-то часто прихварывать: за 1 этот месяц два раза совсем выходил из строя. А затем была спешная работа: получил наконец бабочек из Симферополя (от филиала АН), которых надо было срочно обработать. Правда, бабочек немного, но почти все на вате, а с моими негодными глазами определения ватного материала – задача не легкая. Я уже не могу, как прежде, определять ночниц и пядениц по знанию, поэтому приходилось многие вещи размачивать и даже расправлять, а все это конечно отнимало столько времени и сил, что ни на что другое их не хватало. Зато в сборах из степной части Крыма и с Керченского полуострова оказалось очень много для меня нового и интересного. Между прочим, [есть] какая-то (к сожалению, в единственном числе и потерянная) *Lysaena* с Керченского полуострова, которую я затрудняюсь точно определить: по всему облику это *L. pylaon* F.d.w. (интереснейшее местонахождение!), но испод не беловатый, как у типа, а серый, как у *L. icarus* Ratt. Не знаю, что это такое? Аберрация? Подвид? Или совсем что-то новое. Есть новые для Крыма совочки, пяденицы, а из дневных крайне подозрительная *Pieris*; уж не *manni* – ли?

Большое Вам спасибо за сообщение о поимке в Московской области *Mamestra cavemosa* Ev. Это интереснейшая новинка, которая продвигает далеко на северо-запад распространение этого вида. Ближайшее известное мне местонахождение – Тула. Пользуюсь этим случаем, чтобы обратиться к Вам с большой просьбой (если она конечно Вас не затруднит). Вы уже знаете, что я в течение 33-х лет систематически изучал московскую фауну (и прибавлю, что до самого конца, почти ежегодно, находил какие-нибудь новинки). Но несмотря на это существует целый ряд указанных видов, которых я никогда не видал (московских экземпляров). Часть из этих указаний несомненно ошибочна, но часть ускользала упорно от моих поисков. Вот я и хочу просить Вас, если Вы где-нибудь в пределах Московской области встречали кого-нибудь из этих видов, то сообщить об этом мне. Для начала я посылаю Вам перечень *Rhopaloscega*, а если Вы откликнетесь, то последуют и остальные группы. Буду Вам очень и очень благодарен. На днях получил письмо от Анатолия Васильевича [Цветаев], где он описывает проектируемую с Вами экспедицию в Центральную Азию. Конечно, замечательно интересные места, только для такого маршрута два месяца маловато: ведь у Вас больше половины времени уйдет на передвижение; а когда же собирать?

Пишет мне А.В. также, что одно время Вы собирались с ним навестить меня в Горьком. Как бы это было чудесно! Мне очень хочется лично познакомиться с Вами! А все-таки может как-нибудь этот проект да осуществится?

Очень интересен присланный Вами небольшой список Чаткальских *Heterocera*. Особо надо отметить *Phragmatocia reticulata* Punz! (Если только это она?), затем *Archa kindermanni* Stgr., *Ar. intercallaris* Ev., *Syntomis* sp.?, *Cossid.* В свое время я повожился с нашими *Syntomis*-ами, и у меня стоят без названия 2 вида из Средней Азии с 1 пятном на задних крыльях. Интересно, что у Вас?

Поразительная весна в нынешнем году. Вы наверное уже побывали на экскурсии. Как я в былые времена любил эти экскурсии! Дышишь и не надышишься, в голове словно хмель от пьянящего весеннего воздуха, а тут с дороги слетает первый свеженький *Вреphas*! Ой, как все это хорошо! Ну вот, размечтался, а

теперь сижу дома, в четырех стенах... крепко-крепко жму Вам руку и от чистого сердца желаю Вам всего-всего хорошего!!

Искренне Ваш

С. Четвериков

P.S. Кстати, есть у Вас список бабочек Московской области? Если нет, то с удовольствием могу Вам его презентовать.

Список *Phoralocera*, указанных для Московской области, но мне оттуда неизвестных:

1. *Colias edusa* F VII. 20 – VIII. 15 (ст. ст.)
2. *Lycaena (argiades* Pall.) g. Ver. *Polysperchon* Berg.
3. *Lycaena hylas* Esp.
4. *Lycaena arion* L.
5. *Lycaena arcas* Roff.
6. *Nemcobius lucina* L.
7. *Apatura iris* L.
8. *Melitaea (aurunia) orientalis* H.-S.
9. *Melitaea (phoebe) aetherea* Ev.
10. *Melitaea (didyma) neera* F. d. W.
11. *Argunnis (euphrosyne) fignal* Hbt.
12. *Argunnis pales* L. (*typica*, *He arsilache* Esp.)
13. *Satyrus semele* L.
14. *Satyrus briseis* L. – Можайский у[езд].
15. *Bararge megaira* L.
16. *Coenonympha hero* L.
17. *Coenonympha (tiphon) isis* Thnbg.
18. *Spilothyris alceae* Esp.
19. *Spilothyris lavatherae* Esp.
20. *Hesperia corthami* Hb.
21. *Hesperia (alveus) tritillum* Hb. (? S.T.)

Автограф.

5.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

8 октября 1951 г.

Дорогой Андрей Андреевич,

Ваше письмо я получил лежа в постели: простудился, заразился и свалился с классическим гриппом. Сейчас это все уже в прошлом – я выхожу и все в порядке.

Знаете, что из Вашего письма мне больше всего было интересно и что мне больше всего понравилось? Это то, что Вы пишете мне про свою работу о люминофорах*... Вы почему-то думаете, что кроме бабочек меня ничто не должно интересовать. Совершенно напрасно, не даром я прожил на свете 71,5 года. Я искренне, от всей души порадовался за Вас. Ведь мне эта творческая радость тоже знакома, когда долго мучивший вопрос вдруг начинает проясняться, когда разрозненные, часто казавшиеся далекими и совершенно чуждыми друг другу факты начинают складываться вместе, прилаживаться друг к другу, как в игре "puzzle" (знаете?), и когда наконец родится новая мысль, никому еще неведомая, не приходившая никому в голову... Какие это минуты блаженства!! От всей души радуюсь Вашему успеху и горячо-горячо поздравляю...

* Название работы установить не удалось.

Вы спрашиваете меня, где я бывал, где экскурсировал? Вообще, или в Средней Азии? Если в Средней Азии, то по настоящему я там никогда не был, вернее зацепил ее лишь по самому краешку у Зайсана и на Тарбагатае. И как там любопытно: внизу, в Зайсанской котловине и на северном склоне Тарбагатая до нижней границы лиственного леса – Средняя Азия*, а выше, лес, альпийские луга – это настоящая Сибирь (Алтай)** – две резко обособленные фауны. Если же Вас интересует “вообще”, то мои главнейшие сборы следующие: 1) центральная Россия (Москов. обл. – 33 года + Владимир. обл. – 3 года); 2) Крым (7 раз, причем есть сбор круглогодичный – от июня до июля след. года); 3) Лапландия (3 лета); 4) Сред[ний] Урал – Свердловск – (3 года); 5) С.-з. Кавказ – Теберда (1 лето); 6) Тарбагатай (с V–IX). Кроме этого, конечно, целый ряд небольших сборов из разных мест нашего обширного Отечества.

Теперь, в связи с “пропажей” *Charltonius-a*. Вы наверное не читали моей статейки “Волны жизни”, которую я написал будучи еще студентом 1 курса³*. А если, как Вы пишете, Вам понравились мои беглые заметки в “Календаре Русской Природы”, то Вам должен прийти по душе и этот очерк. Хотя у меня осталось его всего три экземпляра, но я с удовольствием вышлю один Вам.

Очень мне хочется поближе познакомиться с Вами, но на это у меня очень слабая надежда. Все вы люди бесконечно занятые, связанные своей службой по рукам и по ногам, а я слишком стар и слишком болен, чтобы рисковать уезжать из Горького. Но может быть у Вас есть фотографии Вас и Екатерины Васильевны – пришлите их мне, хотя бы до обратной почты, чтобы ваши образы приняли в моем воображении более реальные, конкретные формы.

Сам я продолжаю маленькими, микроскопическими порциями мою работу над Крымскими бабочками. Получил недавно небольшую посылочку из Симферополя от филиала Акад. наук. В ней оказалось кое-что новое и интересное, между прочим (к сожалению сильно попорченная) великолепная ♀ *Luc[аена] рylaоп Fd.* сверху изсиня-черная, на зд. крыльях с широкой (более 1 мм) яркой, оранжево-красной полосой и с черными пятнами в голубом краевом поле! Красавица!

Ну, пока на сегодня довольно. Прошу передать мой искренний привет Екатерине Васильевне! И буду ждать от Вас весточки.

Всего-всего Вам наилучшего!

Искренне Ваш

С. Четвериков

Автограф.

6.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

10 октября 1951 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Получил сегодня Ваше письмо, а через два часа – оттиски. Очень Вам благодарен. Вашу статью⁴* прочитал с большим удовольствием. Мне кажется, что

* *Parnassius apollonius*, *Pieris leucodiae*, *Polygonia interposita*, *Melitaea ala*, *Arg[ynnis] pandorae*, *Sat[yrus] heydenreichi*, *Ep[iherhele] narica*, *Ep[ihephele] haberhaueri* и мн. др.

** *Parn[assius] phoebus intermedius*, *Par[nassias] clarius*, *Argynnis trigga annae*, *Ereb[ia] haberhaueri* и мн. др.

³* С датировкой работы – неувязка; работа называется “Волны жизни (из лепидоптерологических наблюдений за лето 1909 г.)”. Это лето – после окончания второго курса, перед началом третьего года обучения.

⁴* С.С. Четвериков. Основной фактор эволюции насекомых. Изв. Моск. Энтомологического о-ва. 1915. Т. 1. С. 111.

Ваша мысль совершенно правильна. В качестве подтверждения законности применения выводов учения о сопротивлении материалов к биологическим проблемам позвольте передать Вам рассказ одного из моих сослуживцев – врачей (работаю я в медицинском учреждении – Институте рентгенологии и радиологии). Перед войной он работал в Институте скорой помощи им. Склифосовского; один из его пациентов был инженером, преподавателем “сопромата” в МВТУ и попал туда с сложным переломом, принудившим его долгое время провести в больнице. Каким-то путем этот инженер стащил учебный скелет и, томясь вынужденным бездельем, промерив длины и толщины различных костей, рассчитал, в каких точках и каких именно костей наиболее вероятны переломы. Мой знакомый – врач познакомился с этими расчетами и был поражен тем, что статистика Института им. Склифосовского полностью подтверждала данные расчета. Они решили опубликовать совместную работу и расширить ее в дальнейшем, но война помешала этому, а в 1943 г. инженер погиб от несчастного случая.

На какой стадии эволюции произошло разветвление на два ствола – позвоночных и членистоногих? Насколько я вспоминаю курс зоологии беспозвоночных, который сдавал Г.А. Кожевникову в 1922 г. родоначальником обоих стволов следует иметь среди червей. Простите мою безграмотность, но правильно ли будет сказать, что среди Vertebrata наиболее близок к прародителю – червю Ланцетник, а среди Arthropoda – многоножки?

Впервые с понятием о “волнах жизни” я познакомился из книги Яхонтова (Наши дневные бабочки), а книги потом об этом мне не попадались. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы прислали мне Вашу работу для прочтения, я же обязуюсь вернуть ее Вам в полной целостности и сохранности. Мне хотелось бы послать Вам некоторые из своих работ, но не знаю доставит ли это Вам удовольствие?

Посылаю Вам список дневных и Heteropera за исключением Noctuidae и Geometridae. Я включил в него не только сборы в [Араме-Куиш]* и по Кизыл-Су (на этом участке пути я гнал нашего ишака и почти ничего не собирал), но и сборы на станциях по дороге до Ташкента (Cossidae), а также полученные в Сталинабаде от Потопольского. Числа 15-го будем производить с А.В.** сортировку наших совместных сборов на свет. Пока могу только сказать, что в Арам-Куиш, на цветах Eremurus’a мы собрали очень много экземпляров очень красивой Агротиды – *Estimaya junctimacula* Chr. Есть ли она у Вас?

Я, кажется, скоро обзаведусь Zeitz’om, о котором мечтал с юности: при содействии А[натолия] В[асильевича] договорился с И.Ф. Палшковым о приобретении его экземпляра. Вчера перевел деньги и рассчитываю получить книги к 7 ноября – дню моего рождения.

Дорогой Сергей Сергеевич, мы с Анатолием Васильевичем собираемся нагрянуть к Вам в Горький на 7 и 8 ноября. Но тут есть некоторые затруднения. Я должен уже 9-го быть на работе, если же опоздаю, то это грозит крупными неприятностями, т.к. у меня срочная работа по заданию Министра. Не могли бы Вы через кого-нибудь заказать за семь дней билеты на Москву на вечер 8-го? Кроме того, мы всегда проводили семейные праздники вместе с женой и, будучи оба суеверными, боимся в этот день расставаться. А достать номер в гостинице в праздничные дни будет невозможно. Нет ли у Вас каких-

* Название написано очень мелко и нечетко.

** Анатолий Васильевич Цветаев.

либо знакомых, где можно было бы (конечно, с оплатой) переночевать? Извините, что я Вас затрудняю этими вопросами, но мне очень хочется повидать Вас и показать Вам не только наши сборы этого года, но и сомнительных ночниц из прошлых сборов.

Посылаю Вам свою карточку и карточку жены. Я снят на месте нашей ночевки около Чатынды в долине Исфайрам на подъеме от Лангера к Тенгиз-бою. На заднем плане – гребень хр. Кичак Ялой, проходящего параллельно Алайскому хребту с севера. Не думайте, что я всегда выгляжу таким Робертом-Дьяволом; здесь я хулиганил, найдя перо грифа, воткнутое в шляпу. Этот участок пути довольно мрачен: здесь весной при прогонке скота в Алайскую долину падает до 15% поголовья от буранов и бескормицы. Вся дорога покрыта костями и объединенными трупами, на которых кормятся волки и грифы. Высота 3200 м. Жена снята на высоте 4200 м в верховьях Арам-Куардак, метров на 400 ниже и в километрах двух не доходя до последней точки, куда добирался Грумм-Гржимайло. На заднем плане Алайский хребет, удаленный от нас километров на 30 и отделенный от нас Алайской долиной, дно которой в этом месте лежит примерно на 1300 м ниже нас. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Андрей Бундель

Автограф.

7.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

28 декабря 1951 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Поздравляем Вас с Новым годом и Рождеством, как жаль, что Вы проводите праздники один, без близких. Мы с женой, за отсутствием потомства, устроиваем елку для себя – ставим в угол деревце, без всяких украшений, но в воду. Иногда оно даже раскрывает, в конце концов, почки – правда, это случается далеко не каждый год.

Как только проходит 22 декабря и день начинает прибывать, меня начинают беспокоить мечты о лете. Почти каждую ночь уже вижу во сне горы, снега и, конечно, бабочек. Вчера я позволил себе в первый раз развернуть карту и прикинуть возможные варианты поездки. Я уже писал вам о некоторых вариантах. Сейчас обдумываю два более подробно – от Гарма по долине Оби – Хингоу с экскурсиями на северный склон Дарвазского хребта, затем перевалить через Петра 1-го в районе Люлли-Харви или Гордан-и-Кафтар, выйти к Девсигру и оттуда снова в Сталинабад.

Второй гораздо легче и с точки зрения лепидоптерологической, вероятно, интереснее: от Таджикибада (возле погибшего в 1949 г. Хаита) вверх по р. Кабуд и далее по р. Дарай-Пин к месту стыка Гиссарского, Зеравшанского и Алайского хребтов.

Это одно из немногочисленных мест Ср[едней] Азии, где выходят щелочные (нефелиновые) породы. Вероятно, с ними должна быть связана специфическая флора, а, значит, и фауна насекомых. Буду Вам очень признателен, если Вы сможете мне указать литературу по фауне бабочек этих мест.

Уже месяца полтора, как я почти совсем забросил бабочек: писал отчеты по работам, которые закончились довольно удачно, а главным образом работал

над обзором по химии кристаллофосфоров для журнала “Успехи химии”. Пришлось посмотреть в подлинниках около двухсот журнальных статей и прочесть 6 или 7 объемистых монографий. Трудно себе представить, что это за хаотическое нагромождение опытного материала, в большинстве недоброкачественного и почти всегда – безыдейного.

Досадно видеть, как сомнительные положения отдельных работ без всякой критики вводятся в монографические обработки и получают широкое хождение. Особенно постарались некоторые наши москвичи. Читая их книги, не знаешь, с чем имеешь дело – с собранием легенд и мифов, или с точной наукой. Думаю, что, если редакция решится опубликовать мое писание, то наживу себе много недругов, пользующихся авторитетом. Поэтому приходится быть очень внимательным в аргументации и не впадать в полемический задор, к чему я очень склонен.

Если даже обзор мой и не напечатают, то он не пропадет даром и не останется в качестве литературной части к диссертации. К сожалению, аттестационная комиссия, работавшая в нашем институте, обязала меня защищать докторскую диссертацию в 1953 г. Меня это огорчает, т.к. я не вижу никакой необходимости тратить остаток жизни на приобретение побрякушек: лет 10 я еще свободно проживу [по старому], а на большее я не рассчитываю, т.к. для химика средняя продолжительность жизни не более 60 лет.

Сегодня, пока мыли пол, а я сидел, забравшись с ногами на диван, подсчитал наличие у меня *Rhopalocera*; оказалось:

Papilionidae – 33 вида, из них 20 *Parnassius* (один из нашей фауны, *imperator* из Кансу)

Pieridae – 51 вид (11 *Pieris*, 16 *Colies*; в определении *P. tadjika* (Памир) не уверен.

Datridae – 1 вид

Satyridae – 102 вида (*Erebia* – 26, *Saturus* – 20, *Epinephele* – 15, *Cacnonympha* – 13)

Nymphalidae – 91 вид (*Melitea* – 26, *Brenthis* – 14, *Argyrenis* – 14)

Libytheidae – 1 вид

Erycinidae – 2 вида

Lycaenidae – 109 видов (*Lycaena* 61)

Hesperiidae – 38 видов (*Hesperia* – 19)

Всего – 428 видов.

Как Вы считаете, какой это может составить процент от фауны *Rhopalocera* Союза? Насколько полно представлена наша фауна в Вашей коллекции по этой группе?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш

Андрей Бундель

Автограф.

8.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

12 января 1952 г.

Дорогой Андрей Андреевич,

Продолжаю мое письмо, и в первую очередь хочется самым искренним образом поблагодарить Вас за Ваше чрезвычайно любезное приглашение воспользоваться Вашим кровом в случае, если мне придется побывать в Москве. Для этого Вы даже предполагаете потревожить Екатерину Васильевну. Спаси-

бо, дорогой Андрей Андреевич, только едва ли мне придется воспользоваться Вашей любезностью: поездка в Ленинград – это только мечта, а глаза мои делаются все хуже, да хуже...

А теперь о Вашей докторской диссертации. В этом вопросе Вы безусловно не правы! Говорю это с тем большей решительностью и убежденностью, что сам я, когда мне было 40 лет, рассуждал точь-в-точь, как и Вы. Поэтому Ваша точка зрения мне понятна “до дна”. Но с тех пор я поумнел. Ведь эти рассуждения – чистейший идеализм и метафизика. Как будто Вы живете один на свете, вне времени и пространства, вне окружающих условий, вне среды. Таким идеалистом в свое время был и я. Но с тех пор я стал диалектиком и “материалистом” (“гони монету”).

Вот сейчас, если бы не мои несчастные глаза, я мог бы причислить себя к лику счастливейших людей в СССР. Подумайте, живу, как хочу, никому не в тягость, ни от кого и ни от чего не завишу, никому и ничем не обязываюсь и даже еще хоть чуточку, но могу облегчать существование другим! А все почему? Потому что в свое время я все-таки получил звание профессора и диплом д-ра Наук! А что бы я делал, если бы не имел того, что имею? Даже думать об этом не хочется...

Вот подумайте обо всем этом. Вы пишете, что в среднем химики живут 60 лет, и что Вы рассчитываете до тех пор сохранить свою работоспособность. Пусть так, и от души желаю Вам этого! Но меня, как биометрика, одна “средняя величина” не устраивает. Я сейчас же спрашиваю, какова колеблемость признака, каково его “среднее квадратическое отклонение”, его “ σ ”? Перед Вами живой пример – академик Зелинский, химик чистейшей воды, который учил меня (и Вас?), и тогда уже был с сильной проседью (это было с лишком 50 лет тому назад). Сейчас ему 90 лет, т.е. он на 30 лет отклонился от “средней”. Примем это отклонение за нормальное 3σ , тогда сред[нее] квадр[атическое] отклонение (σ) = 10 лет. А это значит, что с вероятностью $1/3$ (как видите, вероятность совсем не маленькая) Вы проживете более 60 лет, возможно до 70 лет, а с вероятностью $1/6$ (и эта вероятность не так уж мала) и более того, возможно и до 90 лет, как Зелинский, хотя тут уж вероятность очень маленькая. А к 60 годам Вам так осточертеют все эти планы, и годовичные, и трехгодовичные, и пятигодовичные, все эти комиссии, проверки, все эти ревизии, все это вечное недоверие, вся эта трепка нервов, что Вы с радостью махнете на все рукой, если только это будет возможно, и будете заниматься своей химией, своими бабочками так и столько, сколько запросит Ваша душа. Простите за эти длинные и скучные рассуждения. Но “мораль сей басни такова: коль хочешь пряник кушать, то утром, вставши ото сна, мамашу должен слушать”, т.е. другими словами – защитить как можно скорее свою докторскую диссертацию, а там – хоть трава не расти.

Меня ужасно удивило то, что Вы пишете про положение в химической науке. Я совершенно этого не думал и предполагал, что только в нашей несчастной биологии подобная неразбериха и толчение воды в ступе. И все это пустословие, все это переливание из пустого в порожнее прикрывается, как неприличная нагота фиговым листком “мичуринской науки”. Уродство и убожество мысли облекается в трескучую, шаблонную фразу, и чем больше треска, тем, значит, лучше... Грустно за русскую науку...

Искренне Ваш

С. Четвериков

Автограф.

Москва

27 января 1952 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Обычно Новый год у нас начинается спокойно: все отчеты сданы, времени впереди до новых отчетов много, можно немного полодырничать. Этот год у нас начался иначе – результатами прошлого года заинтересовалось начальство, и мы с первых же дней этого года работали с полной нагрузкой. Поэтому я не сразу ответил на Ваше большое письмо. Я все-таки надеюсь, что когда будет теплее, Вы решитесь на поездку в Ленинград и посетите нас.

Подумать только, что зима уже проходит и месяца через два уже появятся бабочки; в хорошие годы я ловил *Brephos*’ов 25 марта, а *Semioscape* и *Bistoretoponaria* – 2–3.IV. Чем дольше я живу, тем большее удовольствие доставляет мне каждая новая весна. Ваши статистические подсчеты меня мало убедили: мне кажется, Вы упускаете то существенное обстоятельство, что *Homo sapiens* быстро эволюционирует – к сожалению, в сторону сокращения продолжительности жизни. [Зелинского] от меня отделяет два поколения, моего отца (он родился в 1872 г.) и Вас – одно поколение. Получается по Лермонтову: были люди в Ваше время; могучее, лихое племя – богатыри, – не мы*. Среднюю продолжительность жизни моего поколения химиков определяют после моей смерти, и она, наверное, окажется ниже, чем в Вашем поколении, и гораздо ниже, чем в поколении Зелинского. Надо полагать, что в поколении наших детей положение может измениться.

Мои замечания о мифах и легендах относились не к химии в целом, а только к тому разделу ее, которым я занимаюсь: к химии люминофоров. Дело в том, что она в течение почти 90 лет, от Беккерель-отца и Ленарда, находилась в руках физиков (как это странно!). Не помню, кто говорил, что физики работают точными методами с грязными веществами, химики – плохими методами с чистыми веществами, а физико-химики (к которым принадлежу и я) работают плохими методами с грязными веществами. В науке о люминесценции кристаллофосфоров дело обстоит именно так. Правда, за последние годы дурные традиции классической немецкой школы Ленарда постепенно разрушаются и есть много прекрасных работ, однако они тонут в бездне научного и псевдонаучного хлама.

К счастью, сейчас наука вышла из-под власти чистого академизма. Надо сделать хороший люминесцентный прибор, и сделать его не один раз, а воспроизводить с теми же свойствами ежедневно, независимо от того, какой точки зрения держится на сей предмет тот или иной академик или *Herr Professor* Л-д etc**, а поэтому требуются точно установленные факты, хороший эксперимент и здравая теория. А до сих пор было так: была бы хороша теория, а если она не согласуется с фактами, то тем хуже для фактов: сознательно или бессознательно, факты фальсифицируются, хороший эксперимент заменяется плохим и во всяком случае полет фантазии и широта выводов далеко не соответствует достоверности и значимости опытного материала.

Каждый люминесценщик считает возможным иметь собственную точку зрения, понося и ошельмовывая чужие. Особенно за последние годы в этом на-

* Из поэмы Лермонтова Ю.М. “Бородино”. Библиотека всемирной литературы. Сер. 2. Литература XIX в. М.: Изд. Художественная литература. 1972. С. 128.

** Еtc – сокращение и так далее (*лат.* и *фран.*).

правлении постарался некий доктор Нильс Риль из фирмы Aner-Gesellschaft, человек безусловно способный, но совершенно лишенный какой-либо научной дисциплины. В общем же, борьба взглядов в люминесценции живо напоминает Гейневский диспут в Кордове между раввином и патером.

В середине февраля должна быть открыта дискуссия по книге одного моего приятеля. Думаю выступать и я, хотя заранее уверен, что это только умножит число моих недоброжелателей. Извините, пожалуйста, что я опять пишу Вам не то, что хотел, и отнимаю у Вас время. Все это результат работы над тем обзором, о котором я Вам писал*. Печатать его я, по-видимому, не буду: уже сейчас вместо заказанных мне двух листов он достиг 4,5, а к нему должно прибавиться еще не менее двух листов. Сокращать жалко, и пусть лучше он пойдет в фонд диссертации в качестве вводной части.

Приношу Вам глубокие извинения за путаницу с *Mesperia protheus* и *promatheus*, – не за сам факт сомнения, а за то, что действительно писал по памяти и напутал в номенклатуре. В обработке *Hesperiidae*, данной Mabilly у Seitz'a, к виду *staudingeri* Spr. в качестве форм относятся: *plurimacula* Christ., *proteus* Stgr, *prometheus* Stgr (nec Gr. Gr.!) и *epimetheus* Mob. Другим источником для справок по номенклатуре, которым я располагаю, является Preis Liste Штаудингера от 1937 г., где между *proto* O., *motanesked*...** и *almedobush*, с одной стороны, и *tisselluns* Hb, с другой, помещалось *staudingeri* Spr. с *V. epimetheus* и Mob. *Protheus* Stgr с *V. prometheus* Gr. Gr.

Итак, я допустил две ошибки: отнес *protheus* Stgr к *prometheus* Stor, а не к *Staudingeri* Spr. (если верить Mabilly), и приравнял *prometheus* Stgr к *prometheus* Gr. Gr. Я не имел времени до сих пор сходить в Общество Любителей и прочесть Gr. Gr., но дело не в этом. Я внимательно рассмотрел свой сомнительный экземпляр (он довольно сильно отличается от двух экземпляров, пойманных А[лексеем] В[асильевичем] [Цветаевым], но, вероятно, все же принадлежит к тому же виду) и сравнил его с моей *protheus* Stgr. и экземплярами, собранными мною в Арсланбобе.

Прилагаю Вам рисунки – они очень несовершенны, каюсь. Мелкие пятна переднего крыла у моего Арамуа в натуре гораздо ярче и, пожалуй, крупнее. Основными отличиями моего экземпляра от *protheus* – *staudingeri*, мне кажется, являются: форма крыльев (менее выпуклый внешний край, чем у *pr.-st.*) и наличие пяти белых пятен у вершины переднего крыла, а не трех. У всех, начиная с *proto* до *protheus* (о me...^{3*} сужу по рисунку у Зейтца) их три, так же как у *tesselluns* (у большинства моих экземпляров их три, а не четыре, как указывает Яхонтов). Кроме того, совершенно иной вид и расположение белых пятен в димольной части. Темные перемычки бахромки передних крыльев сверху (и снизу) почти вдвое уже белых перемычек, тогда как у *protheus* как раз наоборот. Очень характерны три желтовато (розовато)-белых штриха на коричном крае и светлые, сероватые мазки (немного) у основания крыла. Передние крылья коричневые с рыжеватым оттенком (молочного шоколада), у основания переходящие в беловато-оливковый из-за присутствия обильных седоватых волосков.

Перемычки бахромки на обоих крыльях светло-бурые, рыжеватые – светлее фона крыла. Задние крылья более темно-бурые, с седоватыми волосками у внутреннего заднего края. Бахромка по заднему краю рыжая. Предкраевые белые пятна на задних крыльях мелкие, но четкие; на передних крыльях в виде

* Речь, вероятно, идет об обзорной неопубликованной статье, написанной для ж. "Успехи Химии".

** Далее несколько букв не прочитываются.

^{3*} Слово не прочитывается.

слабо заметных просветлений фона. Нижняя сторона очень характерна – розовая с буроватым оттенком, только на верхних крыльях несколько более беловатая к заднему углу; на передних крыльях темно-бурые пятна оторачивают белые. Сравните мой рисунок нижней стороны с рисунком *prometheus* у Зейтца (т. 85d). Моя *Nesperia* по общему впечатлению более всего походит на изображение *antonia* у Зейтца (т. 86, в), если бы у последнего не было краевых белых пятен на передних крыльях, на задних они были бы втрое меньше, и общий тон был бы не серый, а коричневый. Нижняя сторона, конечно, совершенно отличается от *antonia*.

Экземпляры А[лексея] В[асильевича] имеют те же пять пятен у вершины переднего крыла, тон крыльев – бурый, несколько менее яркий, чем у моего, а величина и форма белых пятен в средней части крыла несколько отличаются от моего, однако, как мне кажется, в пределах возможных индивидуальных вариаций.

Что касается ноктуиды, то я писал Вам о ней, не посмотрев ни на ноги, ни на глаза. Вы совершенно правы – ни пушка, ни шипов нет. А[лексей] В[асильевич] нашел у себя на вате, в сборах, полученных от Пашина, еще один экземпляр этого вида, но происходящий с С[еверного] Кавказа, из окрестностей Кр[асной] Поляны (с Энгельсъяновской поляны, по дороге от Красной Поляны к оз. Кордывач). Таким образом, этот вид имеет широкую область распространения и связан с высокогорьем.

Очень жаль, что с литературой по *Microlepidoptera* так плохо. Ragordt'a бегло просматривал, но у меня остались впечатления, что это не полная обработка *Galleriinae*, *Cronibiinae* и *Phegitiinae**, а некоторая выборка – по какому принципу, сейчас не помню. Существуют еще обработки до рода (кроме *Pyrolididae*) в *Genera Insectorum* Wyttsmann'a, но этого издания в Москве, сколько мне известно, нет.

Мне как-то обидно стало за Hampson'a – и Вы относитесь к нему иронически, и Кожанчиков его ругает. Я не могу быть ценителем, но Hampson мил моему сердцу уже потому, что это была первая серьезная работа по бабочкам, с которой я познакомился после Ламперта и старого Берга. Hampson, по крайней мере, обработал около двадцати тысяч видов и как-никак, все все-таки танцуют от Hampson'a. Что же сами критики дали лучшего, чем Hampson? Корифей лепидоптерологической науки Кузнецов кроме бесчисленных редакций на чужие работы и десятка мелких оригинальных статей только и сделал, что двадцать пять лет корпел над своим компилятивным “Введением”. Я всегда считал и в своей работе придерживаюсь того правила, что критиковать я имею право только тогда, когда сам сделал лучше. Именно с этой позиции я и собираюсь выступать на дискуссии, о которой писал выше: я потому считаю глупостью чужие положения, что своей работой показал их несостоятельность и предлагаю другую, обоснованную фактами точку зрения. Не сердитесь на меня за неуважительный отзыв о критиках, но даже Белинский ничего не вызывал у меня никогда, кроме раздражения.

Возвращаюсь опять к lamentациям по поводу *Microlepidoptera* – их у меня накопилось довольно много – около 500 видов *Pyrolididae*, около 300 – *Tortricidae* и прочих около 300 видов. Что с ними делать? Отдать в Университет – жалко: мне они по крайней мере доставляют удовольствие, а там они пролежат лет тридцать под спудом, и когда наконец найдется лицо, интересующееся ими, от них останутся только рожки да ножки, как мы с А[лексеем] В[асильевичем] недавно обнаружили при просмотре сборов Федченко, обработанных Ершовым.

* За правильность прочтения слова *Phegitiinae* – не ручаемся, но в каталоге есть вид *phagae*.

Кстати, об Ваших материалах с хр. Петра Великого – речка Кара-Шура не на северном склоне, а на южном. Она представляет приток реки Шаками-Су, одного из истоков р. Оби-Хингоу. Начинается она немного восточнее перевала Гордап-Ч. Кафтар и течет на W-SW. Как раз в этом районе мы собираемся побывать будущим летом. Рассчитывать, что Сталинабадские собиратели посетят Дарваз и эти места, вряд ли можно. Собирают там Потопольский и Густман, но они тяжелы даже на такой маленький подъем и ограничиваются ближайшими окрестностями Сталинабада.

Дорогой Сергей Сергеевич, я перечитал написанное и очень им не доволен – оно имеет какой-то заносчивый тон, которого я вовсе не хотел ему придать. Вероятно, это потому, что готовясь в бой опасный на поприще люминесценции, я очень взвинтил себя. Ничего приятного для себя я из этого предприятия не ожидаю, но даже к пятидесяти годам я, по-видимому, не изжил в себе дон-кихотства и готов применить старинную технику прошибания стены собственным лбом. Поэтому извините меня; может быть, Вы найдете возможным высказать Ваше мнение о том, стоит ли дон-кихотствовать, или плюнуть на это и жить понемножку, стараясь ни с кем не ссориться, и смирять себя. Меня смущает то, что между Дон-Кихотом и унтером Пришибеевым один шаг. Хотя мы знакомы с Вами только по письмам, но я чувствую к Вам глубокое уважение и нелепидоптерологическая часть Ваших писем доставляет мне, пожалуй, наибольшее удовольствие. Отец мой давно умер и мне не от кого выслушать спокойное, основанное на осознанном жизненном опыте, беспристрастное суждение по вопросам, к которым я могу подходить недостаточно объективно. Еще раз извините меня за это письмо. Постараюсь в следующих письмах писать короче и держаться ближе к чешуекрылым. Катя просит передать Вам привет.

Ваш

Андрей Бундель

Автограф.

10.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

12 февраля 1952 г.

Дорогой Андрей Андреевич,

давно уже получил Ваше большое, хорошее письмо, а вот только сегодня отвечаю... Случилось это вот почему: только что я достал бумагу и расположился Вам писать вечером в воскресенье 3-го с.м., как раздался звонок – это из соседней квартиры меня зовут к телефону (у меня своего телефона нет, а в случае нужды звонят к соседям). Я беру трубку – говорит одна дама, моя большая приятельница – собственно, пожалуй, наиболее мне близкий человек во всем Горьком, моя бывшая ученица, дочь одного профессора. “Что мне делать? Муж лежит с высокой температурой (он ко всему туберкулезный), я сама тоже свалилась, больна, еле держусь на ногах, что делать с Наташей? (Это их маленькая 5-летняя дочка, моя большая приятельница)”. Никого близких у них здесь нет, кто бы мог взять Наташу, а она мечется от одной больничной кровати к другой, некому ее ни накормить, ни спать уложить... Естественно, что я предложил взять ее пока к себе.

И вот, в 9 часов вечера (3-го) Наташа водворилась ко мне, и мы прожили с нею до 9-го, т.е. почти целую неделю. Ужасно милое, ласковое, трогательное существо! Ни разу мы с ней не поссорились, ни разу мы не плакали, но зато, ко-

нечно, ничего и никого кроме Наташи для дедушки не существовало. Целый день, с 9 час. утра и до 10 ч. вечера непрерывно звенел ее голосок. Мы прочли с ней Лермонтовского “Демона”(!!), “Кавказского пленника”, “Руслана и Людмилу”. Все это она слушала с величайшим вниманием, постоянно требуя разъяснений. А потом я слышу Наташа сама в полголоса сочиняет стихи...

Ужасно хорошая крошка... Уставал я, конечно, очень, особенно сначала, и она требовала, чтобы дедушка ложился спать одновременно с ней, что я и делал охотно. А 9-го я сам захворал гриппом, пришлось спешным порядком водворять Наташу к родителям. К счастью ее мама начала поправляться (а отец до сих пор лежит с плевритом), так что уже кое-как, через силу, но может за ней присмотреть. Вот так и прошло время, а мне, как видите, было уже не до писем.

Возвращаясь к Вашему письму, к самому его концу, где Вы говорите о Дон-Кихотстве. Меня чрезвычайно тронуло, что Вы так просто, чистосердечно обратились ко мне по такому, в сущности, очень интимному вопросу, хотя, как Вы сами пишете, мы знакомы с Вами только по письмам. Постараюсь ответить Вам так же просто и чистосердечно. Боюсь, что Вы выбрали себе неудачного советчика. Дело в том, что я [занимался] сам Дон-Кихотством всю свою жизнь и последний раз (надеюсь, что “самый последний”!) в сентябре 1948 г., когда решительно отказался стать на колени и каяться в своих генетических грехах, а предпочел уйти (точнее, чтобы меня “ушли”) из университета и от работы с шелкопрядом, это после того, как я проработал в университете 42 года!* И знаете что, – я до сих пор не жалею, что так сделал... и если бы пришлось повторить, я бы снова взгромоздился на своего Россинанта. И хотя официально все (особенно партийцы) меня избегали и сторонились, как чумного, при случайных встречах, когда нас никто не видел, они же крепко жали мне руку и говорили (по-видимому, от души) разные хорошие вещи. А мои “трезвые” помощники, ползавшие на коленях и лизавшие ж..., я не хотел бы быть на их месте.

И вообще, у меня с Дон-Кихотом дело обстоит совсем не ладно. Я помню, когда я был еще совсем мальчишкой, лет 9–10, мне подарили детское переложение “Дон-Кихота Ламанчского”. И знаете ли, я горько плакал над этой книгой! Я горячо полюбил этого “рыцаря без страха и упрека”, и мне было бесконечно больно и обидно за него, что его выставляют в таком глупом виде, что над ним смеются. Я полюбил его всей своей тогда еще детской, чистой душевной, и эта любовь и нежность к Дон-Кихоту сохранилась во мне и до сих пор.

Вот видите, какого лицеприятного, пристрастного советчика Вы себе выбрали, а потому – *caveant consules***!

В заключение прибавлю только следующее. Когда я теперь оглядываюсь на прожитую жизнь и вспоминаю все свои Дон-Кихотства, знаете, мне не бывает совестно их вспоминать и краска стыда мне не бросается в лицо. А это мой главный критерий правильности поступков: “поступай всегда так, чтобы впоследствии, при воспоминании о них самому не было бы совестно, чтобы можно было о них другим рассказать”. Вот так-то, дорогой Андрей Андреевич, откровенность за откровенность...

Мне очень понравилось, что Вы заступились за Hampson'a! Это так хорошо, когда ученики добром вспоминают своих учителей. Но только я не совсем согласен с Вами, когда Вы пишете, что критиковать имеет право лишь тот, кто сам

* Стаж работы у С.С. Четверикова в университетах – около 24 лет, остальные годы: магистратура – 2 г., МВЖК – 9 лет, 6 лет ссылки, из последних – 3 года преподавания (более 15 лет); т.о. всего 39 лет.

** Будьте бдительны, берегитесь (*лат.*).

создал нечто лучшее. Конечно, это очень хорошо, если так, но скажите по-
вести, если Вам, скажем, подадут в ресторане бутылку портвейна “московского
разлива”, составленного из жженого сахара, водки, эссенции + n H₂O, неужели
Вы не имеете права сказать, что это “дрянь”, только потому, что Вы сами не из-
готовили лучшего? Ведь можете сказать? Вы не думайте, что я не ценю
Hampson’a. Он проделал огромную работу по ревизии ночниц всего света (не го-
ворю уже о его работе по Индийским Lepidoptera), и я постоянно им пользуюсь
в своей работе, но это не мешает видеть и слабые и дурные стороны его труда
и скептически относиться к {...}*

Автограф.

11.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

22 октября 1953 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Надеюсь, что длительный перерыв в нашей переписке заканчивается – Ни-
колай Сергеевич или уже дома, или скоро должен вернуться. Пока я имел о Вас
только сведения от М[ихаила] А[лексеевича] Рябова: Вы получили мое письмо
с оттисками, но прочесть их уже не успели.

В субботу я вернулся из Ленинграда (в 6.05 утра), в тот же день я пошел на
работу и сразу увяз в гущу всяких служебных дел. В Ленинград я отправился с
целью отказаться от работы в ГИПХе (Гос[ударственный] Институт Приклад-
ной Химии) – но ничего не вышло! А эти поездки – довольно утомительное де-
ло. Катя пилит меня страшно, принуждает меня заканчивать с Ленинградом. Де-
ло в том, что у меня обнаружили довольно далеко зашедшую “лучевую бо-
лезнь”. Это вещь неприятная и на поздних стадиях превращающая человека
в полную развалину. Единственная радикальная мера – это прекратить сопри-
косновение с излучением – т.е. переменить место работы. Паллиативные ме-
ры – как можно больше гулять на свежем воздухе и есть фрукты с витамином С.
Конечно, надо было бы бросать не Ленинград, а свой институт в Москве, но
этого сделать нельзя до утверждения меня в докторской степени и перехода на
кафедру по конкурсу. Но Вы, дорогой Сергей Сергеевич, не беспокойтесь за
меня – дело совсем еще не плохо, никаких необратимых изменений в организме
(и, главное, в кроветворных органах) у меня еще нет, а утверждение уже не за
горами.

У М[ихаила] А[лексеевича] был два раза, но никакими бабочными делами
не занимались – так только, поговорили о них. Я, наконец, кончил расправле-
ние летних сборов и вчера начал рассадку. До окончания ее могу лишь сооб-
щить Вам следующую любопытную вещь: на перевале Дузак в Шугнанском
хребте летают совместно *Callerebia manni* в форме, промежуточной с *Helos*
Gr. Gr. или *sunema Avinow*, – и в форме *kusnezovi*** *Avinov*, притом без всяких пе-
реходов! Что же это – два самостоятельных вида?

К сожалению, все мои экземпляры – самки, но все же попробую их потрошить.

Так как это мое письмо – пробный шар, долженствующий прощупать, воз-
вратился ли Николай Сергеевич, то пока заканчиваю, пора идти в “должность”.

Дорогой Сергей Сергеевич, обращаюсь к Вам с просьбой: напишите мне,

* *Paralasa kusnezovi* (Avinov, 1910) (Примеч. С.С. Четверикова).

** Конец письма утрачен.

пожалуйста, рекомендацию для вступления в Энтомологическое общество. Вторую дает Михаил Алексеевич. Это позволит пользоваться библиотекой общества и пополнить Вашу библиотеку фотокопиями.

Желаю Вам всего хорошего, крепко Вас целую.

Ваш

А. Бундель

Автограф.

12.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

Январь 1954 г.

Дорогой Андрей Андреевич,

Большое-большое Вам спасибо и за письмо, и за присланную с ним Вашу работу*. Она такая небольшая, что я рискну прочесть ее сам, может быть это и удастся, хотя и сомневаюсь, пойму ли я в ней что-нибудь. Но во всяком случае я из нее узнаю, в каком направлении работает Ваша научная мысль.

Ваше письмо было для меня *до чрезвычайности интересно*. Ведь я знал Вас до сих пор только как неумоимого путешественника, да как лепидоптеролога (но, как оказывается, – плохо). Теперь же Вы позволили мне заглянуть в Вас поглубже и узнать некоторые Ваши интересы и вкусы. И очень было мне приятно узнать, что в очень многом мы с Вами сходимся...

С очень и очень многим из того, что Вы мне писали, я вполне и безусловно согласен. Но кое в чем мы разошлись. Ну, да это и хорошо, а то ведь не было бы материала для дискуссии. Скажу прежде всего, что меня глубоко тронуло то, что Вы поставили тут же, рядом, Бетховена и И.С. Баха! Значит Вы не только любите музыку, но Вы ее хорошо знаете и очевидно мы с Вами воспринимаем ее сходным образом. Играете ли Вы на чем-нибудь, или, подобно мне, у Вас только “музыкальная душа”?

Очень живо, картинно, описываете Вы свою исследовательскую работу. Действительно, это похоже на фехтование с ловким, опытным противником. Как будто вот, нащупал уязвимое место, выпад!.. и отбитая шпага отлетает в сторону. Да, этот процесс, эта игра в экспериментальной работе мне хорошо знакома, она может увлечь. Когда я читал студентам мой курс генетики, помню, я целую двухчасовую лекцию посвящал экспериментальной работе Bridges’a по изучению явления, носящего название “non disjunction”.

И каждый раз я сам увлекался этой работой, и, кажется, увлекал и свою аудиторию. Представьте себе, пять раз для объяснения этого явления приходилось строить рабочие гипотезы. И четыре раза, путем подчас очень сложно и остроумно поставленного решающего эксперимента – *experimentum crucis* – делался выпад. Удар... и эксперимент отбит природой, шпага отлетела в сторону и вы снова стоите перед немым фактом. И только в пятый раз шпага пронзила противника по самый эфес. И как по мановению волшебного жезла, сразу встали на свое место целый ряд фактов, до тех пор не имевших себе объяснения и стало возможно предвидение того, что до тех пор еще не было известно!.. До чего это красиво...

И до чего я был доволен, когда Вы в Вашем письме подчеркиваете необходимость, обязательность еще другого элемента исследовательской работы –

* Название работы установить не удалось.

творческой фантазии! Вот это правильно, хотя мы часто склонны не то забывать, не то даже отрицать ее значение. Верно, без творческой фантазии нет движения вперед! Но вот тут у нас с Вами начнется расхождение. Ведь вот эта самая творческая фантазия и есть то, что можно назвать “вдохновением”. Правда, это слово затаскано, даже опошлено, но суть его остается живой правдой.

В своем письме Вы пишете: “Я как-то не верю в вдохновение – вспомните Леонардо-да-Винчи, Микельанджело, Бенвенуто Челлини, Баха, Бетховена и т.д. Где тут вдохновение?” К сожалению, я слишком плохо знаю их биографии (или автобиографии), чтобы прямо ответить на Ваш вопрос, но разве незнание доказывает несуществование? Если великий художник или мыслитель ничего не говорит о вдохновении, можем ли мы отсюда заключить, что он его не имел? Конечно нет! Но вот в частности о Бахе. Мне пришлось прочесть (на немецком языке) воспоминания о Бахе его жены, которая была немного моложе его (за аутентичность* я, конечно, не отвечаю). Особенно ярко запомнился мне следующий эпизод: Бах умирал. Около его постели непрерывно дежурили его родные и любимые ученики. Бах лежал с закрытыми глазами, у его ног, в кресле, дремал один из его учеников. Вдруг Бах широко открыл глаза и окликнул своего ученика: – “Скорее, скорее, бери бумагу и карандаш, и запиши, что я тебе продиктую. Я слышу** небесную музыку.” – Ученик стал быстро записывать, что говорил Бах. Бах продиктовал ему несколько тактов, потом замолк. Долго ждал ученик, когда Бах снова начнет диктовать, но так и не дождался. Бах лежал уже мертв. Так мы и не узнали, какую небесную музыку слышал Бах... Вот как творили настоящие творцы музыки! Да, они *слышали* новую музыку, а не выдумывали ее. И я уверен, что глухой Бетховен *слышал* свою 9-ю симфонию. Перечисляя великих художников, мыслителей, Вы не поместили среди них одного – Пушкина. Конечно, не потому, что Вы считаете его великим, а потому, что Пушкин прямо говорит о вдохновении.

Помните:

“Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...”^{3*}

Ну, как же можно после этого отрицать вдохновение?! Вы как будто противопоставляете вдохновению упорную, систематическую работу. Но ведь это неверно. Вдохновение не противоположно систематической работе, а они восполняют друг друга. Посмотрите, как много Пушкин работал над своими, самыми вдохновенными произведениями. Ведь не рисовался же он, когда писал о божественном глаголе. Вы упоминаете среди музыкантов и П.И. Чайковского. Сколько у него прекрасных вещей! Возьмите его лучшие оперы (Пиков[ая] дама, Евг[ений] Онегин), сколько в них великолепных арий, возьмите его балеты, его вальсы, его фортепианные вещи, струнный квартет, наконец его романсы (Средь шумного бала; Нет, только тот кто знал)! Правда, великий художник! И в то же время сколько у него хлама, бесцветных, вымученных вещей! Поставьте рядом: дуэт Ромео и Джульетты (особенно в исполнении Неждановой и Собинова – я готов слушать хоть целый день!) и его “Буря”. Небо и земля! Почему так? Ведь писал один и тот же человек, с одним и тем же талантом, с од-

* Аутентичность – достоверность (*франц.* – *authentique* – достоверный, подлинный).

** Именно слышу, а не придумал или сочинил (*Примеч.* Четверикова).

^{3*} Из стихотворения А.С. Пушкина “Поэт”, написанного в 1827 г. во время ссылки в Михайловском.

ной и той же работоспособностью, но одно – изумительно хорошо, а другое – так же изумительно скучно. Ответ, мне кажется, существует только один – дуэт вылился “из души”, а второе написано “по заказу”. Ну, а на “систематической, упорной работе изо дня в день” Вы дальше Глазунова, Мяковского и *tutti quanti** не уедете... Простите за это “музыкальное” отступление, но Вы при посредстве Баха внушили мне такое музыкальное доверие, что я не побоялся им (отступлением) Вам наскучить.

Так неужели же Вы никогда не испытывали того волнения, которое охватывает исследователя при возникновении новой, плодотворной, творческой фантазии, которая и называется “вдохновение”? Мне как-то трудно этому поверить по всему тому, что я о Вас знаю и как я себе Вас представляю. Просто, Вам это слово не по душе, и Вы отвергаете само слово, а не его содержание.

Про себя могу сказать, что я испытывал его в жизни несколько раз и, между прочим, тогда, когда писал свою работу: “Основной фактор эволюции насекомых”, которую я Вам посылал. Читали ли Вы ее? Возможно, что она произвела на Вас почти банальное впечатление, настолько все в ней обычно и просто. Но когда я ее писал, дело обстояло несколько иначе. Тогда в палеонтологии безраздельно господствовало “правило Копа (Cope)”, гласившее, что эволюция в животном мире всегда идет от мелких, недифференцированных форм к высокоспециализированным, крупным формам, после чего наступает вымирание. Это правило подтверждалось на десятках эволюционных линий, иллюстрировалось и на Стегоцефалах, и на Динозаврах, и на крупных млекопитающих... Вымерли и крупные насекомые, достигавшие гигантских размеров по сравнению с ныне живущими.

И вдруг мне пришла дерзостная “фантазия” вывернуть (для насекомых) “правило Копа” наизнанку: не от мелких, недифференцированных форм к крупным, а наоборот – от крупных “обобщенных” форм к мелким – высокоспециализированным. Помню глубокое волнение, которое охватило меня при этой мысли. Помню, как постепенно, шаг за шагом вскрывались все новые и новые подтверждения правильности этой мысли. Помню, как проснувшись среди ночи, я не мог уже больше заснуть, вскакивал, записывал наспех отдельные мысли, отдельные примеры и сопоставления. Помню, как далеко-далеко отошли куда-то дневные дела и заботы. “Когда томленье – дни, а ночи безо сна...” И последнюю ночь, когда я не раздевался, не ложился, а всю ночь, в один присест, написал к 8 ч. утра всю работу. Конечно, потом я ее дodelывал, ходил к знакомому инженеру и у него справлялся по “сопромату” о модуле трубки на изгиб и т.д., но основное было сделано в эту ночь.

Было ли в моей работе зернышко нового и интересного? Мне думается, что – да, и объективное доказательство этому я вижу в том, что пять лет спустя, абсолютно без моего ведома, моя работа появилась на английском языке**, снабженная отдельной меловой таблицей, изображающей *Meganeura maui* и *Aeschna grandis*, в Reports Вашингтонского Smithsonian Institution, что приблизительно соответствует нашим Известиям АН СССР. Потом я слышал через третье лицо очень лестный отзыв о моей работе со стороны крупнейшего американского энтомолога (Говарда). Неужели же Вы никогда ничего сходного не испытывали?

* Все до одного (*итал.*).

** The fundamental factor of insect evolution, Smithsonian Report for 1918. (D.C.). 1920. Publ. 2566. P. 441-448.

Возвращаюсь к Вашему письму. Меня ужасно огорчило и растревожило то его место, где Вы пишете о режиме своего времени. Дорогой Андрей Андреевич, не сердитесь на меня, ведь я старик и гождусь Вам в отцы, поэтому позвольте мне сказать Вам, что Вы делаете величайшую глупость и легкомыслие. То, что Вы делаете – это верный и прямой путь к неврастении! А неврастения не вылечивается, и это полная, или частичная потеря трудоспособности. Вспомните, какое громадное значение придавал сну, его правильному режиму И.П. Павлов. Я понимаю, в момент острой, напряженной работы можно и недоспать, даже совсем не спать ночь или даже две, но установить режим сна в 4–5 часов в течение длительного времени – это такое легкомыслие, которому я даже не подберу имени. Я умоляю Вас, дорогой Андрей Андреевич, послушаться [моего совета], если еще не поздно, бросьте это дело. [Спите столько,] сколько полагается здоровому организму – 7–8 часов, поверьте, то, что Вы потеряете во времени, Вы с лихвою наверстаете на качестве и интенсивности работы. Ведь и здесь оправдывается основное положение механики: то, что проигрывается во времени, выигрывается в силе, и наоборот. Если бы я только мог убедить Вас послушаться меня!..

Видели ли Вы моего брата, и объяснил ли он Вам причину, почему не мог быть у Вас 2 с[его].м[есяца], как обещал. У нас в семье большое горе: моя дочь потеряла левый глаз – его пришлось удалить, т.к. в нем начала образовываться раковая опухоль. Ужасно! И все это случилось как раз к Новому году...

Ну, а теперь несколько слов о бабочках.

Прежде всего, большое спасибо за разъяснение по поводу *Sat. eudinus*. Сказать по правде, у меня все время моя лепидоптерологическая душа была не на месте, хотя я думал, что Вы сами ловили эту бабочку в Бати-Лимане, а потому не мог заподозрить этикетку. Ну, теперь, слава Аллаху, все в порядке.

Сегодня закончу только Ваших *Noctuidae*, *Parnassi*-ев оставлю до следующего письма.

1. Типа *adusta*: определилась очень легко и быстро – это действительно *Crino adusta vicina* Alph. Между прочим, с ее определением случился следующий занятный курьез. Когда я в первый раз (еще больной) открыл Вашу коробочку и увидел эту бабочку, она показалась мне очень похожей на *Mamestra* (*sensu Ledereri*) (*Polia*) *genistae* Bkh. Когда я начал разбирать Ваших бабочек, то я первым делом начал “шарить” около этого вида, но ничего подходящего не нашел. Тогда я решил проверить род и к своему удивлению обнаружил голые глаза, а не покрытые волосками, как у *Mamestra*. Тогда я сунулся к *Hadena* (*Crino*) *adusta*, и тут сразу набрел на среднеазиатскую ее форму *vicina* Alph. Я по своей старческой беспамятности просто забыл о ее существовании, хотя она и сидит у меня в коллекции. Тогда я, чтобы окончательно проверить определение, полез в первоописание Алфераки (*Norae* XVII) и тут вдруг обнаружил (что тоже успел забыть), что Алфераки описал ее как *Mamestra* (*sic*!*) *vicina*, все время сравнивая ее с *M. genistae* Bkh. И указывая на их очень большое сходство! Лишь несколько лет спустя он признался в своей ошибке и отнес свою *vicina*, как подвид, к *Hadena* (*Crino*) *adusta* Esp. Это меня несколько утешило, т.к. я со своими слепыми глазами конечно мог наделать всяких ошибок, но Алфераки никто не может заподозрить в отсутствии глаза, а раз он тоже закатил ту же ошибку, как и я, то, очевидно, у *vicina* есть что-то напоминающее *M. genistae* Bkh.

2,3. Две другие совки, из которых одну Вы сближаете с *Delta*, а другую с *Antitype*, так и остались, и остаются неопределенными. Их нет у меня в коллекции, нет и в моей литературе (кончая 1938 г.). Всего вероятнее – это *nov. species*.

* Так (лат.).

Первая из них для меня несомненная *Trigonophora (Rhizotupe)*, а вторая, по-видимому, *Dryobota (Dryobotodes)*, похожая на *contermina* Gracs., но все же от нее отличная.

4. *Caradrina (Athetis) conjesta* Ld. Таджикистан, Кичи-карамук 7.8.53 – Пер[едние] к[рылья] почти одноцветно-серые, с слабым почковид[ным] пятном и коричневым оттенением перед волнистой линией. Не вижу никаких оснований, почему ее считать за форму от *Car. albina* Ev.

5. *Caradrina (Athetis) fergana* Stgr. ♂ Алтайская дол. 6.8.53; ♀ Таджикистан, уст[ье].р. Кичи-карамук 9.8.53. Довольно тонкотелая, серые пер[едние] крылья с черн[ыми] попер[ечными] пятнистыми линиями и очень сильно изломанной светлой волн[истой] линией на темном фоне. Не очень типичные экземпляры, но думаю, что определены верно. Посмотрите у своих экземпляров, не найдется ли среди них таких (типичных), у которых под почковидным пятном лежит еще большое размытое черное пятно.

6. *Caradrina (Athetis) falsines* Brahn, ♂ Алайская долина 5.8.53;

7. *Caradrina (Athetis) falsines* Levis Stgr. там же.

Первый экземпляр почти ничем не отличается от московских неделимых этого вида. Напротив, второй – очень резко выраженная форма (подвид?) *Levis* Stgr – светлее (желтее), почти без попер[ечных] полос и снизу без рисунка, одноцветно желтоватый.

На этом кончаю. Крепко жму Вам руку и очень хочу, чтобы все шло у Вас хорошо! Привет и поклон Екатерине Васильевне!

Искренне Ваш

С. Четвериков

Автограф.

13.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

17 февраля 1954 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Уже два раза брался за ответ на Ваше письмо, но все не нравилось, как получалось – то слишком длинно, то слишком резко. Я ведь ни с кем, кроме Вас, не переписываюсь (исключая деловую переписку) и уже двадцать пять [лет] не беседовал на темы, подобные возникшим в нашей переписке. За это время я писал только о термохимии, фазовых равновесиях, кинетических превращениях фаз, теплопроводности, фотохимии химической технологии, люминесценции и т.п. предметах, не способствующих выработке легкого эпистолярного слога.

Как странно, что в наши годы (мне – пятьдесят, Вам – семьдесят) нас еще увлекают рассуждения о том, есть ли вдохновение и что оно представляет. Я спросил об этом студентку третьего курса, ученицу моей жены. Кажется, она просто не поняла, в чем дело, о чем идет речь. Зато она может неограниченное время рассказывать о хождении на лыжах, способах крепления, разных номерах лыжной мази, и т.п. Ваши письма я всегда даю читать Анатолию Васильевичу, но ни предпоследнее, ни последнее он читать не стал, увидев, о чем идет речь. По-видимому, мы выглядим примерно так, как выглядел бы мамонт на фоне подмосковного пейзажа – там, где он разгуливал тысяч двадцать лет тому назад. Но я Вам очень благодарен за эти письма. Вы стали мне как-то гораздо ближе, чем раньше.

Разрешите же мне уточнить, как представляется мне “вдохновение”. Творческий процесс идет в среднем неравномерно – периоды творческого подъема

разделяются более или менее длительными промежутками. Во время этих промежутков совершается подготовительная к истинному творчеству работа – это периоды наблюдательные, аналитические. Творческие подъемы – это периоды синтеза накопленного в подготовительной стадии материала. “Вдохновение” или “божественный глагол” – это обостряющаяся в данный момент потребность в творческой работе. Промежутки между приступами “вдохновенья” – это периоды накапливания наблюдений, незаконченных обобщений, мыслей, не сложившихся в систему. И вот наступает момент, когда этот накопившийся под сознанием материал, вдруг прерывает обыденный ход работы, и выливается в новые, ясные представления. Если внимательно наблюдать за собой, то этот период подготовки всегда заметен. Но обычно люди погружены “в заботы суетного света”, и процесс этот совершается незаметно. Кроме того, творческая работа – вещь трудная и утомительная, поэтому иногда от нее уваливают – поэтому иногда “в заботы суетного света” погружаются малодушно. “Вдохновение” без подготовительной к нему стадии невозможно. К нему надо готовиться, как к встрече жениха в ...*. И желательно, чтобы подготовка к нему была сознательной; таковой и является упорная, систематическая работа, сознательно ориентированная в известном направлении. Вспомните Райского в Обрыве – что у него получилось? Человек, творящий в состоянии “вдохновения” общается [с] самим собой, а не становится выше себя. Результаты “вдохновения” тем больше, чем больше основательная работа, предшествующая вдохновению. “Вдохновение” не уличает человека в нормальном состоянии, оно только подытоживает его нормальную деятельность.

Признаться откровенно, мне очень не понравилось стихотворение Пузанова**. Что это такое – “То не мои стихи и не под силу мне: кто создал их, тот прозорливее, мудрее”. Что-то похоже на хлыстовское “накатил”. Это похоже на стихи (кажется, Галиной), на которые Рахманиновым написан романс – “Смотри, какой я слабый, бледный” – также неприятно звучит.

Служение музе, независимо от ее “специальности”, должно быть постоянным, а не совершаться экстатическими вспышками. Я позволю себе привести Вам одно стихотворение В. Брюсова, которое очень люблю – “К музе”^{3*}:

Я изменял и многому, и многим;
Я покидал в час битв знамена –
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.
Заслышав зов ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной –
Чтоб снова быть с тобой.
В тиши полей, под нежный шёпот нивы
Овеян теснотою тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вложить старался в стих.
Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе –

Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье
Чтоб рассказать тебе!
Когда стояла смерть в одежде черной
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.
Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.
Не знаю, жить мне долго или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной –
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной.

* Слово не прочитывается.

** И.И. Пузанов периодически дарил С.С. Четверикову тексты своих стихов, присылал их в письмах. По-видимому, Сергей Сергеевич познакомил с ними и А.А. Бунделя. В их переписке эти стихи не представлены.

^{3*} Полное название стихотворения “Поэт – музе”. В. Брюсов. Стихотворения и поэмы, Библ. поэта, Большая серия, Л.: Советский писатель. 1961. С. 352–353.

Между творчеством в области искусства изобразительного, лирической поэзии, музыки и точных наук, художественной литературы, эпической поэзии имеется существенное различие. Творец в первой области оперирует эмоциями – поэтому он культивирует в себе эмоциональность, богатство зрительных или музыкальных образов, отражающих его душевные движения. Поэтому музыку нельзя “сочинять”. И Бетховен и Бах прежде всего люди необыкновенного душевного богатства, которое облекается у них в единственно доступную для них форму выражения – в музыкальные образы потрясающей силы. Умиравший Бах не мог ни придумать, ни сочинить “небесную музыку” – он мог ее только слышать. Вы, конечно, знаете, как работал Бах – ежедневно в определенные утренние часы, считал, что занятия композицией – его обязанность, его служение Богу; так родились его прелюдии и фуги – результат кропотливой подготовки к занятиям с учениками. Но он был человеком с необычайно богатым внутренним содержанием, которого с избытком хватало даже на ежедневную эксплуатацию. Я совершенно согласен с Вами в оценке Глазунова и особенно Мясковского. Овладев путем ученья техникой композиционной работы, они остались все же пустышками. Двадцать семь симфоний Мясковского не стоят одной неоконченной симфонии Шуберта. Гений, т.е. настоящий человек с большим внутренним содержанием творит почти непрерывно – для него периоды подготовки к “вдохновению” могут быть очень невелики. А чем дальше творящий от гениальности, тем большие промежутки отделяют у него настоящие произведения одно от другого. Неудачи Чайковского, мне кажется, происходили от того, что его творческие способности были меньше его профессиональной работоспособности. Возьмите Гончарова – какими громадными промежутками разделены его превосходные произведения одно от другого.

Результаты разрыва между творческой способностью и продуктивностью видны не только в искусстве, но и в области точных наук. Оговорюсь, что под продуктивностью я имею в виду *opus*’ы, публикуемые для общего сведения. Хороший тон в творческой работе – не торопиться с публикацией и своей рукой уничтожать неудачное. Возьму в пример химического корифея из близкой мне области – Филиппа Ленарда. Работая в течение пятидесяти лет в области электроники и люминесценции, он проделал колоссальную экспериментальную работу и опубликовал колоссальное количество трудов. Отсутствие таланта, необходимого для освоения этого потока экспериментальных данных, диспропорция между работоспособностью и творческой способностью привели к тому, что сейчас, через десять лет после его смерти, имя его поминается главным образом при перечислении тупиковых путей научной мысли.

Вернусь еще раз к “вдохновенью”. Я уверен, что оно существует, но не в душе Пузанова или хлыстовского “накатил”, а как проявление в явной форме скрытой ранее (как “скрытая теплота”) подсознательной деятельности ума (наука) или чувства (музыка, поэзия). *Человек* в состоянии вдохновения (а не экстаза – правильно сделал Людовик XI, повесивший в Амьене 800 экстатических флагеллитов*) – остается самим собой только вследствие предыстории, обостряющей его восприимчивость, позволяющей разорвать пресс традиций и догмы, или дающий простор его способности анализировать, создающий новое, объективно ценное, никогда не сказанное другими.

* Флагеллиты = флагеллянты – беснующиеся. Братство XIII–XV вв. Люди, стремящиеся путем самоистязаний искупить свои грехи. *Брокгауз и Ефрон*. Новый энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. III. С. 1652.

Вот Вы описывали, как создавали свою работу “Об основном принципе”. Разве дело было не так? Обидно было бы предположить, что не вся Ваша предшествовавшая, будничная работа привела Вас к этим простым, но ясным и безусловно верным заключениям, а какое-то иррациональное, пузановское вдохновение?

В чем же состоит научная фантазия? В разрыве рамок, существующих воззрений и в попытке найти новые связи между точно установленными фактами – так, чтобы ни один из достоверных фактов не был забыт. В то же время научная фантазия указывает пути для ее же проверки – ставит под сомнение некоторые положения, считавшиеся доказанными, подсказывает эксперименты лишь для их низвержения и направляет к новым решающим экспериментам.

Непременной предпосылкой научной фантазии является наличие сомнения у исследователя, показывающего несовершенство принятых положений. Это, так сказать, деструктивная сторона научной фантазии. Конструктивная сторона более таинственна. Как создается новое? Мне кажется, что дело здесь в мысленной перетасовке фактов – до тех пор, пока среди непригодных сочетаний не обнаружится одно, открывающее путь в новое. Примерно так, как в приведенном Дарвином примере первого применения принципа отбора у греков – сначала были сотворены отдельные члены, которые стали соединяться между собой как попало. [Нежизне]способные сочетания погибли, уцелели жизнеспособные. Или как это происходит при кристаллизации расплавов; в расплаве постоянно происходят соударения молекул, однако взаимная ориентация сталкивающихся молекул случайна и не приводит к возникновению центра кристаллизации. Но, если [случайно] молекулы в момент соударения ориентированы так, что их элементы симметрии совпадают, то соударение ведет к образованию элементарного кристаллика, служащего в дальнейшем центром кристаллизации. Чем выше симметрия образующегося кристалла, тем менее склонность расплава к переохлаждению – расплавы веществ кубической и гексагональной систем (металлы, ионные кристаллы) почти не дают переохлаждения, широко распространенного в моноклинической и триклинной. Простите за этот слишком специальный пример. Творческая способность и состоит в том, чтобы не производить бесчисленных сочетаний, а выбрать минимальное число наиболее обещающих. По-видимому, в этом выборе есть свой принцип – простота. Всякая старая теория слабеет, чем больше стареет теория, тем больше она усложняется, и вот тут-то и приходит на смену или в продолжение ей новая и простая мысль. Простая только по виду. Позвольте привести Вам несколько примеров – к сожалению, не из Вашей области, в которой я слишком малограмотен.

В 1904 г. Макс Планк создал квантовую теорию. Как это случилось? После длительных, мучительных попыток вывести экспериментальные законы теплового излучения из классической термодинамики, ничего не давших. Выход был найден в исключительно простом, но небывало смелом положении: энергия может делиться не непрерывно, а на отдельные дискретные минимальные количества – кванты. Как возникла теория относительности? Майкельсон и Морлей, исходя из представления о свете, как передаче волн в эфире, попытались обнаружить для света явление Доплера, обусловленное движением земли. Они его не обнаружили.

Эйнштейн, оставляя в стороне вопрос о существовании эфира, допустил, что неудача Майкельсона зависела от того, что применявшийся им интерферометр укорачивался в направлении движения земли. А что получилось из этого простого и нелепого предположения? Вся теория относительности.

Томсон, а за ним Резерфорд 25 лет строили теорию строения атома. И ничего не получилось: как ни усложнялась атомная модель, их же собственные необычайные по изяществу опыты показывали ее несостоятельность. И вот двадцатипятилетний мальчишка Нильс Бор сразу решает дело, нахальнейшим образом порвав в своих трех постулатах с классической электродинамикой. Наконец, на наших глазах, в 1921 г. маркиз Де Бройль попытался согласовать неоспоримые экспериментальные факты – реальное существование электрона, как корпускулы, и дифракцию электронов, отражающихся от поверхности кристалла. Путь уже известен – отказ от традиций. И вот – рождается бредовая мысль – движущемуся электрону, да и вообще всякому движущемуся телу соответствует групповой пакет волн, движущихся где-то со скоростью, превышающей максимально возможную – скорость света.

Дорогой Сергей Сергеевич, простите за многословную болтовню, я Вас ею, конечно утомил. Все остальное отложу до следующего письма. В конце марта я смогу устроить себе три выходных подряд. Не разрешите ли Вы мне Вас навесить? Если да, то не могли бы Вы узнать через кого-нибудь адрес гостиницы и сообщить его мне, чтобы я мог заранее заказать номер. От Николая Сергеевича не имею никаких сведений, поэтому высылаю Вам бабочек посылкой. С нетерпением жду обещанных замечаний по Parnassius'am. Работа моя идет удачно. В среду 24 делаю доклад в Академии наук по одной из глав и приму неравный бой с оппонентами. Катя и я желаем Вам здоровья и бодрости.

Ваш

Андрей Бундель

Автограф.

14.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

24 февраля 1954 г.

Дорогой Андрей Андреевич,

Получил Ваше письмо – большое-пребольшое Вам за него спасибо!!

Признаться откровенно – я очень его ждал. И все гадал, какое оно будет. То мне представлялось, что Вы пришлете письмо на двух страничках, в котором “вежливо” поблагодарите меня за “очень интересное письмо”, то думалось, что Ваше письмо будет полно едких выпадов и саркастических замечаний, то... Но Вы ответили мне именно так, как мне хотелось, спокойно, внимательно, вдумчиво... и за это еще раз Вам большое, очень большое спасибо!

В общей сложности все (почти), что Вы мне написали, – совершенно верно, и я подписываюсь под Вашим письмом обеими руками. Есть у Вас, на мой взгляд, некоторая непоследовательность в отдельных местах, но все это уже не важно, и спорить об этом не стоит. Важно то, что Вы признаете существование “вдохновения”, как особого состояния творческой деятельности человека, и в то же время существование подсознательной работы человеческого мозга. На этом и можно поставить точку в нашей дискуссии. Но все же мне хочется сделать несколько дополнительных замечаний. Во-первых, почему я так горячо отнесся к этому вопросу? Да потому что “властители наших дум” никак не хотят понять, что человек – не заводная игрушка, а из первого Вашего письма мне показалось, что и Вы смотрите на дело приблизительно так же. Ведь для них человек – это заводной солдатик, которого можно завести, а потом – надавишь одну кнопку – он возьмет “на караул”, надавишь другую – возьмет “к ноге”, нада-

вишь третью – возьмет “на изготовку” и т.д. А человеческая мысленная работа куда сложнее, чем заводная пружинка. И вот благодаря такому недопониманию у нас гибнут сотни и тысячи талантов, а с другой стороны выплывают на поверхность, заполняют наши кадры, занимают руководящие места тысячи “пустышек”, как Вы их очень метко обозвали. А в результате – постепенная деградация целых областей искусства (худож. литература, музыка) и науки (статистика, биология...). Эта деградация идет не только сверху, со стороны “производителей”, а и снизу, со стороны “потребителей”. Падают вкусы, падает качество спроса, падает интерес. К сожалению, тот разговор, который был у Вас с ученицей Екатерины Васильевны и который Вы приводите в Вашем письме – это не исключение, а “тип”. Полнейшее – *теге à teге**, отсутствие высших интересов, запросов – к сожалению все это характерно и очень обычно.

Вы сравниваете в письме нас (т.е. себя и меня) с мамонтом, воскресшим под Москвой. Что же, я это сравнение принимаю и даже нахожу его очень (чрезвычайно) лестным. Ведь представьте себе, если бы это на самом деле случилось, что бы произошло? Сотни тысяч, нет, миллионы москвичей устремились бы куда-нибудь в Погонно-лосиный Остров посмотреть такое чудо. И сколько бы было разговоров, толков, сейчас же возник бы комитет по охране мамонта, сотни тысяч людей впервые бы задумались о том, что надо всемерно беречь и охранять природу. У И.И. Пузанова есть стихотворение под заглавием “Красота, которая уходит”. Ведь это тоже была бы такая “красота”. И очевидно мы с Вами тоже принадлежим к этой же категории “красоты...” Ну что же, пусть будет тип!..

Во-вторых, Вам очень нравится стихотворение Пузанова – *de gustibus non est disputandum***! С своей стороны замечу только, что ручаюсь за абсолютную его правдивость и глубокую честность. Рисовки тут нет и йоты. Человек именно так воспринимает свое душевное состояние, а дело Ваше соглашаться с ним или нет. Скажу только еще, что я однажды застал его именно в таком душевном возбуждении и, по правде говоря, был крайне изумлен.

В-третьих, спасибо Вам большое за присланное стихотворение В. Брюсова – “К музе”. Должен признаться, что я очень плохо знаю наших поэтов перелома веков. В это время я был как-то очень далек от поэзии. Стихотворение “К музе” я конечно читал, но основательно забыл, поэтому перечитал его раз десять. Оно мне нравится. Но только, дорогой Андрей Андреевич, по-моему Вы толкуете его как раз наоборот. В своем предисловии к этому стихотворению Вы пишете: “Служение музе, независимо от ее “специальности”, должно быть постоянным, а не совершаться экстатическими вспышками. Я позволю себе привести Вам одно стихотворение В. Брюсова, которое очень люблю: “К музе”. И далее следует само стихотворение. Из этого следует, что Вы считаете это стихотворение выражением “постоянного” служения музе, а не экстатическими скачками. Но тут Вы противоречите самому себе (в начале письма), где Вы совершенно правильно и четко пишете, что “творческий процесс идет в среднем неравномерно – периоды творческого подъема разделяются более или менее длительными промежутками”. Вот именно так. И если Вы вчитаетесь внимательно во вторую строфу стихотворения, то Вы сами убедитесь, что и Брюсов обращался к своей музе экстатическими вспышками: “Заслышав зов, ласкательный и властный, Я труд бросал, вставал с одра больной...” Разве это не перекликается полностью с Пушкинским “божественным глаголом”? И разве не ясно, что пока не раздастся “властный зов” Брюсов был “в заботах суетного света мало-

* Земля в земле (в франц.) – т.е. соответствует русскому выражению “один к одному”.

** О вкусах не спорят (лат.).

душно погружен”? А далее следует перечисление самых разнообразных, часто диаметрально противоположных обстоятельств жизни, когда вдруг раздавался “властный зов” и поэт бросал все и отдавался музы “чтобы снова быть с тобой”.

И пожалуй, еще лучше, чем с Пушкиным, поэт перекликается с чудесным стихотворением Лермонтова: помните?

“Не встретит ответа	Его я слышав,
Средь шума мирского	Узнаю повсюду;
Из пламя и света	Не кончив молитвы
Рожденное слово	На звук тот отвечу
Но в храме, средь боя,	И брошусь из битвы
Иль где я ни буду,	К нему я навстречу...”*

И наконец, в-четвертых, мне хочется рассказать Вам один автобиографический случай, когда подсознательная работа мозга и творческий опыт “вдохновения” сказались с изумительной ясностью и силой. Вы, конечно, знаете пяденичек *Eupithecia* – этих крошечных чертенят и дьяволиц, которые под скромной серенькой одеждой прячут тысячи огорчений, ошибок и всяких прочих неприятностей. Надеюсь, что Вы никогда не пробовали в них разбираться. Я 26 лет не решался к ним приступить и только в 1922 г. наконец решил, что надо же разобраться в накопленном материале. И вот я выколот их все в отдельные коробки, обложился каталогами, таблицами рисунков, описаниями и принялся за работу.

Легко выделилось около десятка видов, характерных, которых ни с чем смешать нельзя (*oblongata*, *linariata*, *venosata*, *pusillata*, *togata*, *strophobuta*, *succenturiata*, *sinuasaria* etc.), но после их отделения осталась серая куча, серая каша, серый хаос... Я пробовал в нем разобраться и так, и сяк, скалывал, раскалывал, сравнивал с рисунками, читал описания... Две недели пробился я с ними, так-таки ничего не сделал. Больше того, чем дольше я сидел, тем чувствовал, что больше путаю, больше дурею. Что, казалось, сделал сегодня, то завтра оказывалось никуда не годным. Я дошел до отчаяния, устал, стал нервничать... а серая масса так и осталась в куче. Наконец я дошел до отчаяния, чувствую, что это не по моим силам. Бросил, закрыл коробки расставил книги, а коробки поставил в дальний угол, чтобы не раздражали. Проходил мимо них с неприятным чувством, как проходил бы мимо человека, с которым крепко поссорился.

Так продолжалось несколько недель. Я старался на них не смотреть, о них не думать. Постепенно неприятное чувство от них стало ослабевать. Прошло недели четыре, и вдруг меня снова потянуло к коробкам с *Eupithecia*-ми. Сначала нерешительно открыл их, посмотрел на серую массу – ничего. Решил попробовать снова за них засесть. И вдруг – о чудо! Мои серые дьяволицы начали расплзаться: эти вверх, эти вниз, та направо, та налево, то в один угол, то в другой... Они рассаживались по порядку, четко, уверенно. Не прошло и двух-трех дней, как вся эта серая масса оказалась определенной, вся, до последнего экземпляра. Я до сих пор удивляюсь и не понимаю, что произошло. То, что несколько недель тому назад было мне совершенно не под силу, то тут совершилось легко и просто. И при этом ощущение полной уверенности, что все правильно. Как это случилось, что произошло? Ответить на эти вопросы я не берусь.

* Стихотворение называется “Есть речи – значенье темно и ничтожно” – по первой строчке, здесь не приведенной. Стихотворение 1839 г. Его можно прочесть в сб. стихотворений и поэм Ю. Лермонтова, БВЛ. М.: Художественная литература, 1979. С. 153.

По-видимому, только что в течение этих четырех недель в подсознании шла большая, своеобразная работа. В течение двух недель первоначальной работы через мой мозг прошли тысячи образов бабочек, рисунков, описаний. Все это сплелось в один бесформенный клубок, разобраться в котором было совершенно невозможно. И вот очевидно в течение четырех недель передышки все эти бесформенные впечатления и образы постепенно “упорядочивались”, приводились в соответствие друг с другом, становились на свои места. Но как в мозгу могли сохраниться четко все эти тысячи образов – это для меня совершенно непонятно. Но факт остается фактом: то, что при обычном “нормальном” состоянии мозга оказалось мне совершенно не под силу, то в состоянии возбуждения, “вдохновения” оказалось легко и просто.

Так с тех пор мои *Eupithecia* и стоят в том виде, как я их поставил тогда, в 1922 году, и я боюсь к ним прикасаться, т.к. снова чувствую неуверенность, страх перед этими маленькими, серенькими дьяволицами, хотя разбираться сейчас, когда уже создана порядочная коллекционная база, было бы гораздо легче.

Ну, ну, ну, кончаю, больше не буду. Я живо представляю себе Вашу скучающую физиономию... А только все это мне ужасно интересно!!...

Перехожу к Вашим *Parnassius*'ам. Вы прислали их мне три штуки: один ♂ с Алтая и 2 (♂ ♀) с Заалайского хребта. Что касается первого, то тут дело очень просто и ясно – это типичный экземпляр *Parnassius jacquemonti variabilis* Stich. Более того, это будет даже “*topotypus*”, т.к. *P.j. variabilis* описан Stich'ем с “Alpen von Osch”. Сколько я знаю, Ош лежит в равнине и около нет никаких “Alp”; ближайшие снеговые горы – это и будет Алайский хребет, откуда происходит и Ваш экземпляр.

Гораздо мудренее оказались Ваши Заалайские экземпляры. Сначала я подумал (отчасти загипнотизированный Вашим письмом, где Вы пишете о двух формах *P. jacquemonti* В.), что это будет *P.j. rubicundes* Stich. Но тут начались всяческие “но”. Прежде всего мне бросились в глаза усики – они изумительно правильно черно-белокольчатые, чем правильно, как ни у одного другого *Parnassius*'а и гораздо более четко, чем у *P.j. variabilis*. Тогда я догадался взглянуть в лупу на “роговую сумку” у ♀ и к своему удивлению увидел, что она совсем другая, чем у *P. jacquemonti* В.: киль длинный, но очень низкий. Значит, это не *jacquemonti* В! Но что же это такое?

Я обложился всей имеющейся у меня литературой [*Honrath* Н.1882; *Rhul* и. *Heyne* 1895; *Stichel* 1906; *Stichel* (Seitz) 1906; *Mem. Rom.* Т. IV и V – 1890 и 1889; *Verity* 1911; О.В. – *Haas* – “*Horae*” 1927] и начал штудировать. Путаница обнаружилась невероятная!* После длительного изучения я пришел к выводу, что лучше всех разобрался *Verity*: во-первых, он просмотрел очень большой материал, а во-вторых, он имел доступ в богатую коллекцию *Ch. Oberthur*'а, где хранятся типы как *P. jacquemani*, так и *P. eaphus*. Сначала я думал, что это какая совершенно новая, неожиданная форма *P. eaphus*. Особенно смущали меня усики, про которые (у *eaphus*) *Verity* пишет (р. 71): “усики довольно короткие и притупленные, с совершенно черной булавой, а нить усика очень четко окрашена кольцами черного и белого цвета, что одно уже является достаточным признаком, чтобы отличить этот вид от *jacquemani* В.” Но описание роговой сумки не совсем подходит к Вашей. Что же тогда Ваш *Parnassius*? Наконец я обратил вни-

* Кстати, исправьте грубый, искажающий смысл *Lapsus* у *Stichel* я (Seitz p. 29, снизу 9 строч.) – напечатано: “des O mit gekielter Legetasche [самки с заостренным плоским кармашком]...” должно быть “ohne” [без] gekielter Legetasche... Этот же *lapsus* повторен О.В. Наас-ом (*Horae*, p. 19, сврх. 19 стрч.). [“*Horae*” – название издания Всероссийского Общества Энтомологов]. (Примеч. С.С. Четверикова).

вание, *Verity* принимает не два, а три близких друг другу видов этой группы, выделяя, как самостоятельный вид *P. rhadius* Hens (под этим неверным названием).

Вот что он о нем пишет (р. 60): “Усики отчетливо кольчатые – черные и белые; крылья очень округленные... бахромка очень узкая, белая, перерезанная черными пятнами, и т.д. Роговая сумочка ♀ коричневого цвета, сильно сдавлена с боков, с очень длинным килем постепенно уменьшающимся кпереди, и не превышающим уровня самой сумки...” Вот все это хорошо подходит к Вашим экземплярам. Но как назвать Ваших бабочек? Как совершенно справедливо указал *Stichel*, название *rhadius* Hng. является почти синонимом с *jacquemonti* B. *Stichel* (1906) устанавливает две формы от *P. jacquemonti* B: *rubicundus* и *variabilis*. *Verity* (р. 104) считает их обеих за формы от *rhodius*, которого он специфически отделяет от *jacquemonti*. Но *variabilis* – несомненно форма от *jacquemonti* (по строению роговой сумки. Таким образом, в виде “*rhodius*” (по *Verity*) остается только одна форма – *rubicundus* Stich. Но поскольку сам “*rhodius*” Hng., как справедливо указал *Stichel*, является не тем, за что его обычно принимают (в том числе и *Verity*), а синонимом к *jacquemonti* B., то в этом виде (с длинным и низким килем у сумочки ♀) остается только форма *rubicundus* Stich., которая т[аким] обр[азом] становится видовым названием. Итак, по-моему, Ваши *Parnassius*-ы с Заалайского хребта должны называться – *Parnassius rubicundus* Stich (sp. prop.).

Таким образом, круг замкнулся, и мы вернулись к тому же, с чего начали, но только с других позиций. Все это, вероятно, Вам было скучно читать, мне же хотелось показать Вам, какими зигзагами шло определение.

В конце Вашего письма Вы пишете, что может быть в конце марта приедете меня навестить. Как бы было чудесно! Мне не только хочется повидать Вас, мне это прямо-таки необходимо! Что касается гостиницы, то в 5 мин. ходьбы от меня имеется очень хорошая гостиница “Россия” (набережная им. Жданова). Если Вы думаете приехать с Екатериной Васильевной, то там Вам можно хорошо устроиться, если же Вы приедете один, то хоть и плохо, но можно будет устроиться у меня – ведь Вы человек бывалый и ночевали, вероятно, и в худших условиях. Очень-очень буду ждать вестей от Вас!

Искренне Ваш

С. Четвериков

Было бы очень хорошо, если бы Вы сравнили сумку у ♀♀ *jacquemonti*, *epaphus* и *rubicundus* и написали мне Ваши впечатления.

Только что получил Вашу посылку; еще не вскрывал, но надеюсь, что все дошло хорошо. Спасибо!! (III.2).

Автограф.

15.

Е.В. КИСЕЛЕВОЙ И А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

8 мая 1954 г.

Дорогие Екатерина Васильевна и Андрей Андреевич,

Снова пишу вам обоим вместе, потому что вы оба продолжаете меня баловать, и даже не знаю уже как вас обоих и благодарить!

Вчера получил от вас книгу “Побежденные вершины”* и в ней статья Андрея Андреевича об Алае и Заалае. К сожалению, мои негодные глаза не позво-

* А.А. Бундель “По центральному Алаю и западной части Заалайского хребта”. В кн. “Побежденные вершины”. География. М. 1954. С. 66–93.

ляют мне оценить полностью всю панораму Алайского и Заалайского хребтов, но при помощи фантазии и воображения стараюсь воссоздать всю грандиозность этой картины. Вашу книжку я принимаю как подарок ко дню моего 74-го дня рождения, совпавшего как раз с вашим подарком.

Теперь отвечу на письмо Андрея Андреевича. Впрочем, еще нет. Хочу еще горячо поблагодарить вас обоих за прекрасное “motto”, которое вы написали на присланной книге! Как это дивно хорошо!

“И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!”

Когда я читаю эти строки, я так ярко, так глубоко чувствую то, что чувствует Дамаскин, что какая-то спазма начинает сжимать мне горло, и голос начинает прерываться. Можно ли было сказать лучше?! Спасибо вам, глубокое, сердечное спасибо!!

А теперь, Андрей Андреевич, перехожу к Вашему письму. Прежде всего меня очень встревожили два Ваши сообщения. Первое – это болезнь Екатерины Васильевны. Как ее здоровье, поправляется ли она? Я как-то так привык мыслить Вас вместе, что с трудом представляю себе что Вы здоровы, а Екатерина Васильевна – больна. Надеюсь, что болезнь ее не окажется серьезной и продолжительной. Во всяком случае передайте ей, пожалуйста, от всей души желаю ей скорого и полного выздоровления!

Другое – это относительно Вашей работы. Вы пишете, что “за последнее время я несколько ослабил нажим на диссертацию. Во-первых, в ней для меня уже все ясно, а во-вторых – я утратил душевное равновесие...” Вот это “во-первых” мне очень не по душе. Я прекрасно Вас понимаю – все ясно, все доказано, и как будто даже совестно писать о таких тривиальных истинах. Падает интерес, падает и охота работать...

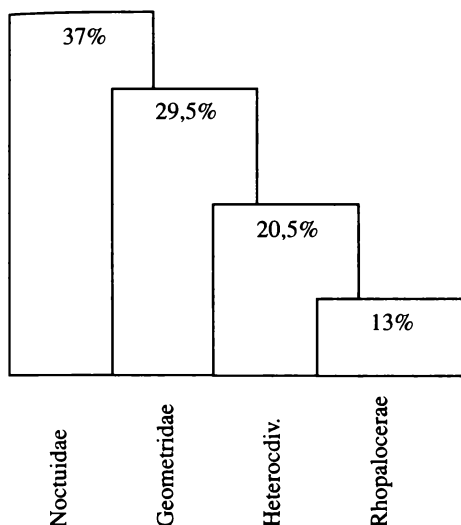
У меня перед глазами ужасный пример: доцент Горьковского университета четыре года работал над докторской диссертацией, провел всю экспериментальную часть и... так и не написал диссертации. Надо крепко взять себя в руки и заставить себя регулярно работать над оформлением! И тут ведь можно и должно найти для себя увлекательную работу. Диссертация должна быть написана увлекательно, как хороший роман! (Такие работы бывают, но редко). Надо много поработать над языком, над стилем. Помните французскую поговорку: “Le style, c’est l’homme”*. Надо отточить язык, сделать его четким, острым, как зуб Эфы, и все это нужно и увлекательно. Дорогой Андрей Андреевич, никак-никак не ослабляйте темпа работы, а бабочек – пока побоку!

Несколько слов о лапландцах. Вы удивляетесь, что в моих сборах так мало Noctuid. Конечно, я их порядочно повыбирал, но, вообще говоря, откуда же быть в Лапландии “ночницам”, если там нет ночи, если солнышко светит 24 часа в сутки!? Поэтому вообще состав лапландской фауны очень своеобразен. Если сравнивать его, ну скажем, с московской фауной, то получится такая поучительная картина:

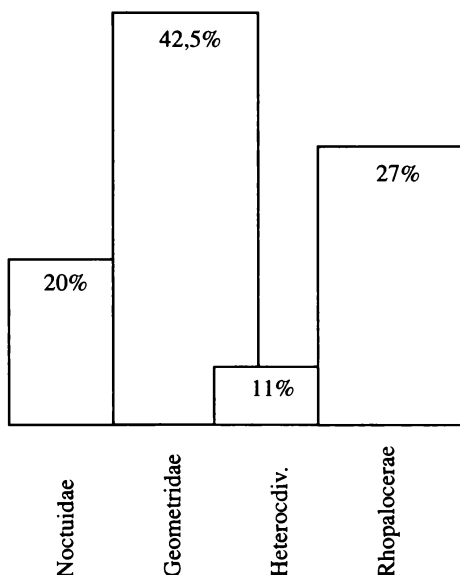
Сразу бросается в глаза резкое падение Гелиофобных групп (Heterocera excl. Noctuidae) и возрастание Фёбофильных (Rhopalocera и Geometridae). И особенно резко увеличивается удельный вес летающих при низком стоянии Солнца *Geometridae*.

* “Стиль – это человек” (франц.).

Московская фауна

Лапландская фауна

Anamogyna laetabilis Zest. Я, очевидно, выбрал всех. К большому сожалению, за время моего Свердловского отсутствия их сильно попортили *Troctes-bi*; собственно крылья остались целы, но эти чертенята обглодали все чешуйки и волоски с брюшка, так что брюшки стали безобразные, блестящие, коричневые. Все-таки при случае я Вам перешлю штучки 2 приличных.

Относительно “бесконечных” *Euphrosyne* имейте в виду, что это настоящий *finjal* Hbst. Наши московские экземпляры – это *nephele* H.S., а типичная *euphrosyne* L. летает на юге и в З.-Европе. Впрочем возможно, что Линнеевский экземпляр (тип) будет как раз *nephele* H-S. (из срд. Швеции), и тогда эту нашу обычную московскую надо будет считать типичной *euphrosyne* L., а З-Европейскую “*euphrosyne*” *auct. nec* L. выкрестить как-нибудь по-новому.

Не находите ли Вы очень большого сходства между *Orodemnias pun-geleri* O. В-Н и *Or. hibina* пов? (Интересно, какой окажется моя Тарбагатайская *Orodemnias*? К сожалению, она не расправлена, а я теперь боюсь расправлять, т.к. могу попортить). В сущности и величина, и общий *habitus*, и рисунок передних крыльев у них одинаковы. Только задн. крылья у *O. hibina* довольно темно-серые, а у *Or. pun-geleri* они почти белые с темными пятнами. Вы как будто спрашиваете моего согласия на то, чтобы ненужные Вам экземпляры передать Потопольскому. Но ведь эти бабочки я передал Вам в полное Ваше распоряжение и Вы поступайте с ними так, как найдете наиболее разумным.

Теперь об алтайских бабочках. Список 1.

1. Я совершенно убежден, что Ваш загадочный *Chrysophanus* – это *Ch. ther-samon alaicus* Gr.Gr. Другое дело – не окажется ли он просто *Ch. alaicus* Gr.Gr.? На это я ничего не могу ответить, возможно, что *genitalia* дадут ответ.

13. Абсолютно ни к чему мне известному не подходит. Вероятно *nov. sp. Bryophila nivea nov. sp.*

14. *Bryophila maconis* Ld.? sb sp., но ни в коем случае не *sordida* Stgr., которая bona species.

15. *Bryophila commixta* Warr. – по-видимому, она.

16. *Acronycta strigosa bryophiloides* Htm. Очевидно, эта форма, которая в З[ападной] Европе встречается как aber[atio]*, но уже в Румынии и, очевидно, далее на восток является главной формой. Интересно было бы знать, встречается ли типичная *strigosa* F. в Гиссаре?

26. *Epipsemmia imbellis* Stgr. Вас интересует, откуда Staudinger описал этот вид. У него сказано только: “aus der Provinz Samarkand”. Но это, конечно, означает только, что он получил посылку из Самарканда.

31? *Diastictis eilicrinaria* nov. sp. – Совершенно загадочная штука, но ни в коем случае не *Eilicrinia* (♂ с перистыми усиками, щупики длинные, выдающиеся и прижатые ко лбу). Написал в Ленинград, но не думаю получить оттуда разъяснения.

II список.

4. *Chrys. thersamon alaicus* Gr.Gr. см. I. (1).

5. *Chr. solskyi fulminans* Gr.Gr. ♂ ♀. При первой же возможности верну Вам оба эти вида, т.к. Вам они нужнее, чем мне.

14. *Dasychira nivalis* Stgr. Мне все-таки думается, что это отдельный от *faselina* вид.

15. *Neoris schenki* Stgr. f. *galceropa* Pung.

16. *Chersotis acutangula* Stgr.

17. *Ammogrotis thapsina* Pung. По-видимому, верно.

19. Несомненно *Pyralida*, вероятно один вид ♂ и ♀. Но определять ее не берусь, во-первых, из-за глаз, а во-вторых, потому что Среднеазиатские *Micro* еще абсолютно не изучены,

20. *Cidaria firmata* Hb. Очень интересная находка для Крыма.

22. *Acidalia cumulata* Alph.

23. *Rhodostrophia* nov. sp. По-видимому, новый вид, хотя Praut в 1926 году описал с хр. Петра Великого вид, который мне неизвестен.

24. *Scrodiomima crocallaria* Stgr. f. *pallida* – гораздо бледнее типичных особей.

25. *Phaselia* nov. sp. Я ничего подобного не знаю.

26 и 27 *Erannius*? *Occataria* Ersch. – думаю, что это будут ♂ ♂ к виду, описанному по бескрылой ♀. № 26 – очень бледный экземпляр, f. *pallida*.

28. *Tephroclystia extensaria* Ftt.

29. *Pulia* (Antitype) *canescens* Dup. ab. *asphudeli* Pmb.

30. *Catocala numphagoga* Esp.

31. *Zygaena kavrigini* Gr.Gr.

31a. *Zygaena kavrigini* Gr.Gr. ab. о таких экземплярах упоминает уже сам Грумм-Гржимайло, но не дает им особого названия. Не нашел я такого и в имеющейся у меня литературе, хотя совершенно уверен, что эта форма получила название (после работ Burgeff и др.). Она очень интересна, выглядит почти как другой вид.

32. *Zygaena cocandica* Ersch.

33. *Crino timida* Stgr. Как полагается, он, конечно, пропущен Warren-ом (Seitz).

Ну вот пока и все. На некоторое время придется прервать обработку Ваших интереснейших материалов, т.к. у меня совершенно стала Крымская работа. Но

* Отклонение (местная вариация) (лат.).

после Ваших деликатесов Крым кажется уже мало интересным. Давайте, примемся: Вы – за диссертацию, а я – за Крым! Хорошо? Еще раз горячий привет Екат. Вас.!

Крепко жму Вам руку и желаю всяких благ!

Ваш

С. Четвериков

Huropta tadzhika пов. ср. действительно не нуждается в комментариях!! Куда же годятся мои глаза?!

Автограф.

16.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

27 июня 1954 г.

Дорогой Андрей Андреевич,

Пишу Вам на машинке – простите! Сам я очень не люблю писем, писанных на машинке: машинопись всегда представляется мне безличной, бездушной, казенной, официальной. Но дело в том, что я стал [настолько] плохо видеть, что совершенно не вижу строчек на почтовой бумаге, не вижу только что написанной строчки, залезаю вкривь и вкось, ну словом, не могу писать чернилами. Грустно мне это конечно... Ну, да тут уж помочь ничем нельзя.

Очень огорчило и встревожило меня все то, что Вы пишете мне про здоровье Екатерины Васильевны. Действительно ведь карцинома и саркома косят в нынешнем году жизни направо и налево. Вот хоть в нашем доме за весну она унесла двух человек. И доктора перепуганы и готовы видеть в каждом “бобо” – рак. Оперируют направо и налево, нужно [– не нужно], все равно – режь!

Очень живо представляю себе душевное состояние Екатерины Васильевны, да конечно и Ваше, когда обнаружилась опухоль и когда продолжался период диагностики. Как это было ужасно – два месяца жить под висящим над головой на конском волоске Дамокловым мечом!! Одно уж это должно было истрепать вконец нервы и Вам и ей. Но сейчас, надо думать, Вы успокоились и только надо постараться, чтобы за лето и силы, а, главное, нервы пришли в порядок...

Я долго и с большим нетерпением ждал Вашего письма. Несколько раз даже порывался написать Вам “вне очереди”, но утешался мыслью о том, что Вы не пишете потому что работаете усиленно над своей диссертацией, а потому не надо Вам мешать и отвлекать в сторону. И я снова принимался ждать терпеливо Вашего письма. Я ведь очень люблю получать Ваши письма, читаю и перечитываю их по несколько раз и при этом обдумываю, что бы Вам ответить.

Итак, значит, Вы скоро уезжаете... Едете один, без Екатерины Васильевны! Я даже как-то не могу себе этого представить как следует. Так я привык думать о Вас вместе. Очень это грустно, и думаю, что Вам взгрустнется не раз в дороге. Но, очевидно, другого решения нет. И Екатерина Васильевна на все лето остается в Москве или под Москвой! Как ей это покажется непривычным и нехорошим, ей, каждое лето привыкшей к простору, горному воздуху, далеким панорамам гор и долин!.. Конечно, она будет очень занята, и это до известной степени смягчит необычность ее теперешней жизни, а все-таки сколько раз она втихомолку вздохнет о Заалайских вершинах!! А работать летом ей придется очень много и очень серьезно. Ведь это не шутка, подготовить 100-часовой курс, да еще Химической Термодинамики, да еще для такой требовательной аудитории, как Вы описываете... Позвольте мне, – старику и старому педагогиче-

скому волку, – дать Екатерине Васильевне один дружеский, практический совет. Если лектор хочет завоевать уважение, доверие и внимание своей аудитории, то главным условием для этого является то, что сам преподаватель должен знать гораздо больше того, что он читает на своих лекциях, и он должен умно, осторожно дать это почувствовать своей аудитории. А тогда все остальное приложится само собой... Сердечный поклон Екатерине Васильевне

Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

17.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

17 августа 1954 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Совершенно неожиданно для себя получил вчера из Москвы Ваше письмо. А я ведь был уверен, что Вы все еще в Средней Азии, все еще карабкаетесь по утесам и скалам, все еще собираете все новые и новые редкости. Почему Вы так быстро вернулись (менее месяца!)? Так входило это в Ваши планы или были какие-нибудь причины, что Вы поторопились? Ну, как бы там ни было, а я рад, что Вы дома, живы и здоровы, опять с Екатериной Васильевной, опять принимаетесь за свою диссертацию, а бабочки будут пока отдыхать...

Оба Ваши письма – одно из Кызыл-Орда, а другое из Таджикибада* я получил. Первое – большое, “смятенное”. Очевидно, Анатолий Васильевич нагнал на Вас зеленую тоску. Я думал написать Вам, по Вашем возвращении, длинное письмо по поводу Ваших сомнений – целую диссертацию – но теперь не делаю этого – во, первых, потому, что это очень задержало бы Вам письмо, а во-вторых, раз Вы собираетесь меня навестить, то представится возможность поговорить с Вами. Что же касается возможного Вашего приезда, то, Вы ведь знаете, что я всегда *очень* рад Вас повидать. Единственно что – это вопрос об обратном билете для Вас. Сейчас с билетами в Горьком очень трудно. Чтобы получить билет, надо идти за ним за неделю. Поэтому, если Вы только будете в состоянии наметить Ваш приезд заранее, то дайте мне знать (по крайней мере за неделю) на какой день Вам брать обратный билет. И если Вы собираетесь навестить старика – это будет очень-очень хорошо. И мы тогда с вами потолкуем обо всем и о “сборище трупов”, и о наших любимых лепидоптерах, и о науке, и о... ну обо всем!

Сейчас я снова принялся за свои Крымские сборы, которые я порядком запустил. Кое-как еще вижу, хотя заметно хуже, чем год тому назад. Боюсь и грущу, что это мое последнее лето, что я еще кое-что разбираю. Вот сию минуту вернулся с городской станции мой брат Николай, который гостит сейчас у меня. Билетов на 23-е число уже нет, достал только на 24-е (сейчас 17-е). Вообще август проходит у меня очень оживленно, несколько дней было таких, когда за обеденный стол (за которым я обедаю обычно в одиночестве) садилось сразу четыре человека. К счастью, соседняя квартира осталась на лето совершенно пустой, и мои гости “охраняли” ее с большим удобством и удовольствием. Сейчас все, кроме брата, уже уехали, а через неделю уедет и брат, а я снова перейду на положение одиночки.

* Город в районе долины севернее хребта Петра I.

Как Вы нашли Екатерину Васильевну? Как ее самочувствие? Большое-большое сердечное ей спасибо за ее дружественное письмо! Как хорошо я ее понимаю! Кто раз вкусил вольное житье под открытым небом, кто побывал на перевалах и ледниках, кто бродил по цветущим горным лугам, любовался синими горными озерами, над кем звездная южная ночь раскидывала свой звездный шатер – тому сидеть все лето хотя бы на даче – ужасно тяжело и грустно! Ну, на будущий год вы оба поедете вместе! Ведь так? И это скучное лето постепенно забудется.

Сейчас Вы засаживаетесь за писание диссертации. Не знаю, как Вы, а для меня писание всегда было источником радости и источником страданий. Иногда писалось легко: мысль работала так быстро, что рука совершенно не поспевала за ней. Удачные формулировки, меткие сравнения, острые возражения (но всегда вполне корректные) так и просились на бумагу. Вот такими днями (и минутами) надо очень дорожить. Иногда кажется, что тут особенного, позднее напишу не хуже. Это тяжелое заблуждение. Раз сгоревший порыв уже не возвращается и “потом” выходит всегда бледным, слабым, худосочным... Мы снова возвращаемся к теме о “вдохновении”... А бывают дни (и недели), когда ничего яркого не приходит в голову, мысли тянутся как неломанные макароны, путаются, скользят... И все, что написано в таком настроении, потом бракуешь и рвешь...

Ну довольно философствовать!

Итак, буду поджидать Вас, собственной персоной! А до тех пор может быть Вы урвете минуточку, чтобы черкнуть мне пару слов...

Еще раз прошу передать Екатерине Васильевне мой самый дружественный привет! И еще раз большое ей спасибо за письмо!

Желаю Вам всех и всяких благ!

Искренне Ваш

С. Четвериков

P.S. Мой брат шлет Вам и Екатерине Васильевне свой дружеский привет и говорит, что, читая Ваше письмо, искренне (по-хорошему) позавидовал Вам! Какие чудесные места Вы описываете!

Автограф.

18.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

9 января 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Сегодня, 9 января, в 2 часа пополудни я поставил последнюю точку в своей диссертации. Завтра начну правку текста в машинке и еще в январе рассчитаю доложить работу на ученом совете нашего института, чтобы после этого передать ее уже на защиту. Куда – не знаю: в Университет или в Менделеевский институт.

Ваше письмо, которое я с таким беспокойством ждал, получил 4-го, но не стал отвечать по обету – до окончания диссертации. Очень рад, что у Вас все благополучно, а я не выдержал, и 2-го позвонил Анне Петровне Сушкиной. Она сказала, что у Вас были сердечные боли, но теперь все в порядке. В тот же день зашел Николай Сергеевич и тоже подтвердил, что все благополучно.

Никто столько раз мне не напоминал о диссертации, как Вы. Поэтому я сдал ее в срок (опоздание на 9 дней – не в счет) до некоторой степени в пик у Вас. Хотя я и знаю, что Вы подкалывали мое самолюбие для моей же пользы, но все же было досадно – почему Вы сомневаетесь? Как с палочкой для сачка?

Ведь это беспрецедентный случай – сдать с опозданием всего на 9 дней! Даже как-то неловко и, пожалуй, немного неприлично. Завтра сообщу об этом моему другу и приятелю, Онисиму Юльевичу Магидсону. Он все уверял меня, что для написания диссертации надо год, так-де было у всех, работавших у него, докторантов. Под конец я немного выдохся – заключение всего на один печатный лист, писал 12 дней. Ведь все уже было обсуждено, раздроблено и написано в резюме глав. Но трудность была в том, чтобы слить в одно результаты исследования, проводившегося в четырех разных направлениях. Ведь ищали в одном исследовании, а мысль и работа идет несколькими параллельными путями во многих измерениях. И вот, спроектировать все в одну ось, не перепутать, не сделать неразберихи – оказалось сложнее, чем я думал. Но все-таки получилось так, как я хотел – не какая-то выдуманная “химия люминофоров”, а самая настоящая, хорошая химия, приложенная к исследованию люминофоров!

Вторую половину дня провел в самых приятных занятиях без всяких угрызений совести. Особенно было приятно, что и у Кати все кончается – вчера она принимала экзамен у первой группы (из четырех) и оказалось, что слушатели поняли и усвоили курс. Но, по-моему она слишком сложно экзаменует. Во всяком случае – 10 пятерок, 3 четверки и 7 троек.

Вместе с письмом от Вас получил еще посылку от Потопольского – тысячи полторы экземпляров, среди них чудесная *Axioreopa taiga*. Хотя это остатки от сборов, уже переданных им мне, но все же оказались еще новые виды, особенно занятные агротинки. *Dychagyris squalorum*, посланный Вам, от Потопольского из Бобово, 18 июля. Как это я опростоволосился и забыл подколоть этикетку! Посылаю для него*. Один матрасик со сбором от 14 ноября – всего штук 16 ночниц, но какие-то занятные. Совершенно мне неизвестна одна гесперикола – по-видимому, *Careharodus*. Я только приоткрыл пинцетом крылья и там что-то необыкновенное. Чтобы не сломать, поскорее оставил. Послезавтра буду ее рассматривать.

С октября, параллельно с диссертацией, расправил около 1700 экземпляров. Надо приостановиться с расправлением на два-три дня, и рассортировать. Но не было ящиков. Сейчас только сделал четыре штуки – торф подсохнет дня за два-три, и самое позднее в четверг буду рассказывать и комплектовать очередную посылку для Вас – если, конечно, Вы разрешите.

Уже третий час ночи и очень хочется спать. Поэтому описание последней посылки Потопольского отложу до следующего письма. Что отбирать для Вас – только то, что мне кажется интересным, или все виды подряд?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Андрей Бундель

Автограф.

* В рукописи в этот интервал слово не вписано автором.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

11 января 1955 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

От всей души, от всего чистого сердца поздравляю Вас! Только что получил Ваше письмо и радуюсь бесконечно! Это действительно подвиг – закончить докторскую диссертацию в намеченный срок. Крепко-крепко жму Вам руку и, если разрешите, – целую Вас! Ура!!!...

<...>

В своем письме ко мне Вы пишете: “Никто столько раз мне не напоминал о диссертации, как Вы. Поэтому я сдал ее в срок... до некоторой степени в пику Вам”. Ну что же, дорогой Андрей Андреевич, я с радостью принимаю от Вас эту “пику”. Только смею надеяться, что Вы не сочтете мои надоедания пустым желанием Вам досадить. Ведь если бы Вы и Ваша судьба (и Екатерины Васильевны) были бы мне совершенно безразличны, неужели стал бы я Вам надоедать.

А помните, еще в самом начале нашего знакомства, когда мы еще не знали друг друга и только изредка обменивались письмами, не помню уже по какому случаю зашла речь о Вашей работе и Вы начали разводить теорию, что Вам никакой диссертации не нужно, что Вы с Екатериной Васильевной и так живете хорошо, и что диссертация это одна проформа и т.д. и т.п. Помните? И с тех пор я все боялся, как бы к Вам не вернулось это совершенно никудашнее настроение. И всегда во мне жил страх, что почему-нибудь у Вас дело с Вашей диссертацией сорвется. Ведь мне известны случаи, когда почти написанная диссертация так и оставалась “почти”.

Еще раз приветствую Вас обоих! Всех и всяческих Вам благ! Крепко жму руку.

Искренне Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

3 сентября 1955 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше большое, обстоятельное и очень интересное письмо получил, за что Вам мое самое большое спасибо! Читал его мне брат Николай, т.к. самому мне прочесть его понадобилось бы несколько дней (если бы вообще мне удалось его прочесть): я стал совсем плохо видеть – ведь вот пишу Вам, а сам не вижу, чего пишу... Бабочки для меня закрыты уже навеки, и я их больше не смотрю.

Последнюю посылку (весеннюю) из Крыма вернул *обратно неопределенной*, хотя вещи там были, по-видимому, самые простые.

На днях хочу писать в Академию, чтобы забирали мою коллекцию. Вы советуете мне с этим не торопиться, но мне хочется сделать это поскорее: во-первых, чтобы это дело меня не тяготило, чтобы еще при жизни пристроить ее на место, а во-вторых, надо устроить брата по-человечески, а то он живет у меня на юру, спит на матрасике между столами на полу (как спали Вы) – но ведь так можно жить день-два, а постоянно так не годится. Вот разве Вы приедете, тогда что-нибудь еще посмотрите у меня, но когда это будет?...

Очень меня интересуют Ваши дела с диссертацией. Какие у Вас на этот счет планы и прогнозы. Шевелите Ваших оппонентов – чтобы не спали – волнушку нечего тянуть! Очень хочется послать Вам поздравительную телеграмму!

Что касается Вашего Памирского путешествия, то у меня такое впечатление, что это была только “глубокая разведка”. Сборы, по-видимому, не особенно обильные, не знаю, конечно, что дадут *Noctuidae*. Я целиком поддерживаю Ваше предположение насчет поездки будущего года: Не так гнаться за числом пройденных километров, как основательно пособирать в интересных и благоприятных местах – так, недельку-две на одном месте – тогда можно организовать и настоящий лов на свет и даже на приманку.

Продолжаю 6-го. С большим интересом познакомился я с Вашим списком *Heterocera diversa*. Не скажу, чтобы он был очень богат, но зато в нем есть интереснейшие вещи.

Искренне и всегда Ваш

С. Четвериков*

Дорогой Андрей Андреевич!

Пользуюсь концевой страничкой, чтобы послать Вам и Екатерине Васильевне самый душевный привет.

Вы уже знаете, что я прописался в Горьком. Но переезд окончательный сопряжен с передачей коллекции Академии. Это необходимо сделать не только для того, чтобы меня вселить. Сережа действительно не в состоянии обращаться с бабочками. Он никому, даже мне, не доверяет доставать, всаживать и высаживать бабочек, а для него все это не только мучительно – физически и морально, но приводит очень часто к катастрофам – то уронит коробок, то ткнет пальцами прямо в бабочек, то посадит одну на другую – в результате поломка, безуспешные попытки чинить и огорчение и раздражение бескрайное... С книгами брат еще возится и уткнувшись носом кое-как разбирает шрифт, тут и я иногда могу помочь, но все это уже – едва-едва по силам.

А вдвоем нам все-таки легче. По крайней мере, я имею возможность читать вслух и вечера проходят незаметно.

Посылаю две открытки: лестница снизу (летом) и сверху (ранней весной, в вечерние часы) – они дают представление обо всем entourage – и зелень, и Заволжские дали.

Ваш Нико[лай] Серг[еевич]

Авторизованная машинопись.

21.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

3 декабря 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Получил Ваше письмо и очень-очень обрадовался его бодрому тону; не вставайте слишком рано, чтобы не повредить себе опять, не торопитесь. Прежде всего, разрешите напомнить Вам, что все мои бабочки в полном Вашем распоряжении и, если Вы будете иметь возможность и снова захотите ими немало заняться, то в любое время они будут Вам доставлены. Правда, они зай-

* Письмо С.С. Четверикова, лично им подписанное, напечатано под его диктовку на машинке братом Н.С. Четвериковым, который от себя приложил последующую приписку к письму от 3 сентября 1955 г. см. № 20.

мут, вероятно, не больше 2/3 контейнера, но я уверен, что среди них найдется кое-что для Вас интересное. Очень благодарен Вам за напоминание о библиотеке – но не надо торопиться; ведь глазам Вашим может стать лучше и Вам могут еще понадобиться Ваши книги. Я бы никогда не простил себе, ежели бы Вам что-нибудь в них понадобилось, а их, по моей вине, не оказалось бы у вас под руками. Во всяком случае, обещаю Вам, что когда они переедут ко мне, то не будут лежать втуне, и я думаю, что мы с Вами опубликуем еще не одну совместную статью.

На этих днях я отправил Вам письмо, где, между прочим, просил вас дать мне рекомендацию для вступления в Общество испытателей. Если Вы найдете это возможным, то буду Вам очень благодарен. Это имеет непосредственное отношение к нашей статье о *Phragmatocisia** – Вы совершенно правильно писали в одном из прошлых писем, что печатать в Ленинграде не стоит, т.к. рецензентом будет Кожанчиков. То, что он готовит монографию по *Lossid'am* – меня не беспокоит – во-первых, потому что опубликована она будет еще не ранее, чем года через два, а во-вторых, потому что он наверняка просмотрит наших *agmena*, *magua*, и уж во всяком случае не разберется с *albila* = *feminimorpha* и *taneascospisa* = *terrata typica*. Как-то на днях я снова взялся за его *Agrotinae* и окончательно, и с полной ясностью убедился, какой это тупой и необязательный начетчик.

Еще ни одну зиму меня не томило так ожидание летней поездки. Может быть, причиной этому малый эффект от поездки этого года. Думаю пробраться на южный Памир – в Алигурский и Шикашимский хребты; это будет возможно только при условии получения пропусков. Если их не получим, то попробуем пробраться по Ванг через перевалы Дарвазского хребта; но это весьма сложное и даже опасное предприятие.

Могут быть и другие препятствия – моя защита откладывается до 5 января (есть такой химик – Н.И. Гаврилов, который чего-то начудил и заседание 16.XII будет посвящено вправлению ему мозгов); после этого мне необходимо делать операцию, т.к. швы у меня разошлись, образовалась большая грыжа и ехать с ней в горы опасно. Чтобы швы достаточно окрепли, надо выждать не менее четырех месяцев, да в больнице придется полежать около месяца. Оперировать будут в нашем же институте. Кроме того, с 26.VI по 30.VI будет в Тарту (Дерпте) Всесоюзная конференция по люминесценции, где мне надо быть и сделать два доклада. Наконец, я получил почетное и выгодное предложение консультировать по люминофорам в Ленинградском институте прикладной химии – самом крупном институте Министерства химии. Придется ежемесячно проводить в Ленинграде по 4–5 дней. Думаю использовать эти поездки и для установления связей с ЗИНом, и для ознакомления с хранящимися там типами нашей фауны, да и вообще с обработанными коллекциями. Кроме всего прочего, в 1956 г. у меня будет (уже есть сейчас) аспирант и я собираюсь ставить новые и трудные работы по получению и активизации полупроводниковых монокристаллов. Но, дорогой Сергей Сергеевич, не опасайтесь, что это не даст мне возможности заниматься бабочками. Все мое сердце принадлежит им и это гарантирует, что время для них найдется. Катины лекции подходят к концу. В этом году дело идет лучше, и она более довольна, и студенты занимаются с охотой и, что самое главное, приучаются к пользованию термодинамикой. На днях Кате предлагали аспирантский курс термодинамики в Институте цветных металлов, но она отказалась, т.к. и без того очень устает.

* Статья опубликована не была. Причины будут ясны из последующих писем.

Дорогой Сергей Сергеевич, желаю Вам всего хорошего. Напишите, как Ваши глаза. Можно ли Вам прислать рисунки гениталий (сделанные очень крупно). Катя тоже желает Вам всего наилучшего. Передайте, пожалуйста, привет Николаю Сергеевичу.

Любящий Вас

Андрей Бундель

Автограф.

22.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

20 декабря 1955 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Опять и опять наши с Вами письма перекрестились. Только что опустил в почтовый ящик письмо на Ваше имя, как на следующий же день получил Ваше последнее письмо, на которое Вам и отвечаю. Делаю это не только потому, что всегда рад побеседовать с Вами на “высокие” темы, но еще и потому, что брат Николай Сергеевич в скором времени собирается в Москву и наша с Вами переписка должна будет на некоторое время прерваться, так как ни прочесть Ваше письмо, ни тем более написать Вам уже будет некому.

О себе могу сообщить следующее: у меня сейчас определенный период улучшения и если за сегодняшний день ничего необычайного не произойдет, то завтра предполагаю сделать попытку встать с постели. Конечно, первоначально в микроскопических дозах. Хочется за время отсутствия брата окрепнуть и стать более подвижным. Ну, а теперь хочу ответить на Ваш главный вопрос.

Вы еще раньше писали мне, что Вас лично больше чем систематика видов интересует систематика родов и более высоких категорий. Конечно, интерес вполне законный. Вот я и хочу изложить Вам более подробно и обстоятельно мои взгляды на этот предмет, вовсе не претендуя на непогрешимость.

В качестве философского вступления к этому предмету остановлюсь на самих понятиях рода, подсемейства и т.д. Для меня все эти понятия высших систематических категорий, начиная от подрода, являются результатом абстрагирования наших представлений и существуют поэтому только в человеческом мозгу. Объективно, в природе, они не существуют. Как давно еще великий Жорж Кювье писал по этому поводу Паффену (правда основываясь на совершенно других еще до-дарвиновских понятиях): “...et rien de pareil n’ existe dans la nature”^{*}. Но по отношению к видам Кювье прибавляет: “Mais les espèces c’est autre chose”^{**}.

Виды – это реальность, существующая в природе независимо от познающего ее человека. Немцы определяют понятие вида одним словом: Paarungsgemeinschaft, что по-русски лучше всего передать словами “свободно (потенциально) скрещивающееся общество”. Если собрать воедино всех особей одного вида, способных между собой скрещиваться, то такая совокупность и составит систематическую категорию вида независимо от наблюдающего ее человека и столь же реальную, как понятие “лес” (совокупность деревьев), как понятие “поле” (совокупность отдельных растений ржи), как понятие “дождь” (совокупность падающих из тучи капель) и т.п.

^{*} “Ничего подобного не существует в природе” (франц.).

^{**} “Но виды – это другое дело” (франц.).

Чтобы сделать Вам еще более понятным абстрактный нереальный характер понятия рода, позволю себе иллюстрировать этот вопрос следующим небольшим чертежом:

Пусть чертеж представляет собой родословное дерево: от него отходят ветви, оканчивающиеся видами а, b, с, е, f, g. Ученый А, исследуя признаки этих видов, приходит к заключению, что пять верхних видов: а, b, с...f должны быть объединены в один род (X), а вид g, отщепившийся несколько раньше других, отличается от вышеуказанных пяти видов некоторыми признаками, позволяющими выделить его в другой род (Y). Другой ученый В, перерабатывая тот же материал, приходит к выводу, что вид g настолько все-таки близок к видам а, b, с...f, что отличающие его признаки лучше считать не за родовые, а за видовые, а поэтому он предлагает включить вид g тоже в род (X).

Таким образом, в одном случае границы рода (X) будут охватывать пять видов, а во втором случае – границы расширятся и охватят шесть видов. Что же Вы сможете возразить исследователю В? *De gustibus non est disputandum**, так как *объективных реально существующих* в природе границ рода, семейства и т.д. не существует.

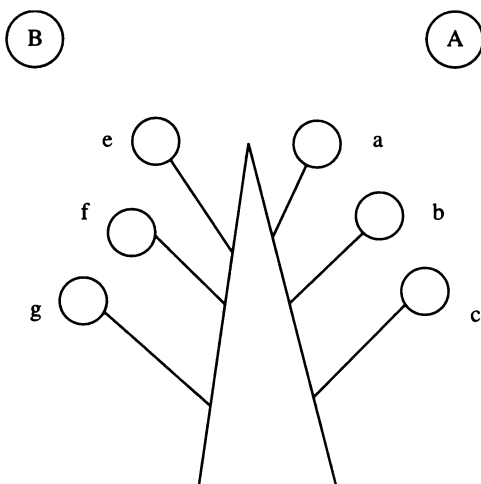
Что же касается принципов, долженствующих лечь, по моему мнению, в основу разработки систематических категорий рода, семейства и т.д., то я бы указал на следующие четыре:

1. Не существует специфических видовых, родовых, семейственных и т.д. признаков. Один и тот же признак в разных случаях может иметь и видовое (даже подвидовое) и родовое и т.д. значение. Например, если взять жилкование крыльев, то оно играет чуть ли не самую существенную роль в установлении высших систематических категорий и в то же время чрезвычайно изменчиво в семействе Лишайниц, где даже в пределах одного вида могут появляться и добавочные ячейки, и слияние жилок и ветвление их и т.д.

2. Одни и те же признаки могут появляться вновь (мутировать) многократно в течение исторического времени (в геологическом смысле). Поэтому наличие сходных признаков у разных видов еще не говорит об их обязательном близком родстве. Так, например, присутствие шипиков на голеньях одних видов бабочек и отсутствие их у других вовсе еще не говорит о кровном родстве первых, в отличие от вторых.

3. Так как изменение (мутирование) одних признаков происходит большей частью независимо от мутирования других, то признаки, говоря вообще, могут комбинироваться между собою свободным образом, и давать, таким образом, безграничное разнообразие комбинаций.

4. Так как мутирование протекает во времени (в геологическом смысле), то, говоря очень грубо приближенно, можно принять, что чем древнее расхождение двух форм, тем по большему числу признаков (мутаций) они будут друг от друга отличаться. Таким образом, наиболее родственные виды будут отличаться

* "Вопрос не подлежит обсуждению" (лат.).

ся друг от друга лишь по нескольким признакам, тогда как давно разошедшиеся виды будут отличаться по многим.

Итак, все эти системы (Хэмпсон'а, Уоррен'а, Кожанчикова и иже с ними) построенные на основе излюбленных ими двух, трех признаков являются насквозь искусственными, а потому абсолютно фальшивыми и не дающими никакого представления о действительном родственном взаимоотношении изучаемых видов, а потому по существу неприемлемыми.

Еще несколько слов по поводу женских и мужских признаков. Среди энтомологов довольно широко распространено представление (как у Вас), что женский пол является более “консервативным”, чем мужской. Лично я никак с этим не могу согласиться (как, конечно, не соглашаюсь и с противоположным мнением). По-моему, в каждом конкретном случае то самец эволюционирует дальше и быстрее, чем самка (возьмите, например, группу *Maturna* из Шашечниц), то наоборот – самка значительно изменяется, сильнее, чем самец (возьмите, например, *Психид*): какой громадный эволюционный путь должна была пройти самка, прежде чем из крылатой бабочки превратиться в червеобразный яйцевой мешок. Надо было потерять хоботок и щупики, надо было, вероятно в несколько этапов, потерять крылья, надо было потерять глаза, надо было потерять ножки, надо было потерять волосковый покров и т.д. и т.д. Все это – громаднейший эволюционный путь, который остался совершенно чужд самцу, более или менее сохранившему многие черты “древних” бабочек.

Из вашего письма явствует, что Вы очень довольны рисовальным аппаратом. Не знаю, какой у вас, а у меня есть Цейсовский рисовальный аппарат системы Аббе, который мне теперь совершенно не нужен и который я давно уже наметил передать Вам в качестве сувенира. Все поджидал Вашего приезда, но так как он откладывается *ad Kalendas grecas*^{*}, то сделаю это при первой удобной возможности.

Замечу только, что рисунок самый точный очень хорош в некоторых отношениях и передает то, что автор “хочет” видеть, а фотография – это документ, передающий то, что “видит” фотопластинка. Одно должно дополнять другое, тогда рисунок дает полный эффект.

С большим нетерпением жду Вашей диссертации и хорошо представляю себе то раздвоение души, которое Вы сейчас испытываете. Но все же когда-нибудь конец должен наступить и куда-нибудь – в рай или в ад – Вы наконец угодите.

Большой и искренний привет Екатерине Васильевне и пожелаю Вам обоим всего, всего хорошего.

Крепко жму Вашу дружескую руку!

С. Четвериков

Мой сердечный привет Вам обоим. Надеюсь, что Сережины дела достаточно прочно встали на путь поправления, и, в таком случае, мы в недалеком будущем увидимся.

Николай Четвериков

Авторизованная машинопись.

^{*} “До греческих календ” – т.е. никогда (*лат.*); по преданию это выражение употреблял император Август по отношению к несостоятельным должникам.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

20 декабря 1955 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Я дал зарок после получения Вашего письма от 15.12 подождать с ответом по крайней мере неделю, чтобы не замучить Вас окончательно потоком своих посланий. Но, как видите, пишу опять уже через три дня. Простите мое эпистолярное недержание. Но сейчас у меня особые причины. Вы всегда так интересовались моими диссертационными делами, что когда они вступили в последнюю фазу, я не могу Вас не уведомить об этом немедленно.

Наконец день защиты назначен и сегодня я отнес в редакцию “Вечерней Москвы” объявление о том, что 6 января в 4 часа в северной химической аудитории МГУ на Ленинских горах некий Бундель А.А. будет защищать диссертацию на соискание степени доктора химических наук.

Брошен жребий! Плыви, мой конь, чрез Рубикон!

Итак, теперь податься некуда – даже если бы и очень захотелось лезть в кусты! Это заключительная строка стихотворения В. Брюсова, которое я очень люблю настолько, что даже решаюсь написать Вам его полностью. Только, дорогой Сергей Сергеевич, если не будет Николая Сергеевича, чтобы его прочитывать, то сами Вы его не читайте – не утруждайте глаз. Так вот оно*:

Они кричат: за нами право!
Они начнут**: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!
Но вы, что сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, Сенат?
О вашем гневе нестерпимом
И камни улиц говорят!
Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой –
Когда при Вас Милон и Клодий^{3*}
На площадях вступают в бой!

Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я –
Вы, Рим отдавшие Помпею
Во власть секиры и копья!
Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же? Римских легионов
Значки – во храмах у парфян!
Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы – выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон^{4*}!

Нравится ли оно Вам? Юлий Цезарь – один из самых любимых мною людей, именно людей, а не героев. Читали ли Вы “Историю Рима” Момзона? Я люблю ее за то, что Момзон с такой же любовью относится к Цезарю, и часто ее перечитываю. Люблю также его биографию у Плутарха. И, конечно, люблю “Цезаря и Клеопатру” Шоу. Удивительно, что к человеку, жившему две тысячи лет назад, вполне подходит слово “джентльмен” – в самом современном смысле этого слова. И мне кажется, что Шоу правильно передал юмор Цезаря; он ведь чувствуется и в описании Плутарха. А вот Момзон, увлеченный грандиозностью деятельности Цезаря, пропустил эту человеческую черту в его облике. Я также очень люблю (особенно любил в юности) Александра Македонского. Но какая между ними разница! Цезарь – настоящий “европеец”, а от Александра так и разит Востоком; думается мне, что он гораздо более нам сродни, чем Цезарь. Впрочем, это конечно, патристический комплимент. В Александ-

* Стихотворение “Юлий Цезарь”, написано В. Брюсовым в 1905 г. Библиотека поэта. Большая серия. Стихотворения и поэмы. М. Советский писатель. 1961. С. 272.

** В оригинале: “Они кланут – ты бунтовщик”.

^{3*} Имена популярных римских народных трибунов (около 90-х годов до н.э.).

^{4*} Рубикон – река на границе между Италией и римской провинцией Цезальпинская Галлия.

ре меня теперь огорчает его слишком большая эмоциональность и неуравновешенность. И о нем хорошо сказал Брюсов: “То, что было невозможно, он замыслил, он совершил!”

Блеск фаланги македонской видел Ганг и видел Нил.
Будет вечно жить в потомстве память славных, страшных дел!
Жить в стихах певцов и в книгах, сын Филиппа, твой удел!*

И еще одна фраза” “Ты, врагов дрожащих – ужас, ты друзей смущенных – страх!” Ведь этого (последнего) о Цезаре не скажешь!”**

Извините меня, пожалуйста, за бомбардировку Брюсовскими стихами – сегодня больше не буду. Но что может быть лучше хорошей мысли, облеченной в блестящую словесную форму? Ведь в античном мире даже научные произведения писались в стихотворной форме – вспомните Лукреция Кара. Я его очень люблю тоже, но давно уже не читал, т.к. имевшиеся у меня три различных перевода (в трех изданиях) соседи использовали для отопления во время эвакуации, а с тех пор он не переиздавался и не попадался мне у букинистов. Представьте себе, что получилось бы, если свои творения Кожанчиков писал гекзаметром?

На днях я в первый раз в жизни был в Кремле. Хотелось бы написать Вам подробнее о том большом впечатлении, которое он на меня произвел, но и так я уже, наверное, Вам надоел. Все же не могу воздержаться хотя бы от нескольких слов. Больше всего меня поразила красота архитектурного ансамбля в целом. Чудесна Соборная площадь и особенно вид на нее с паперти Благовещенского собора. Хороша роспись соборов, но я пробыл там слишком мало времени, чтобы хоть сколько-нибудь в ней разобраться. В Успенском соборе за 450 лет нижние ярусы иконостаса и стенной росписи совсем почернели от дыма свечей; кое-где их расчищают и тогда как от солнечного света проявляются и оживают подлинныи краски. Роспись верхних ярусов и сводов сохранилась очень хорошо.

В Благовещенском соборе со стен и сводов в притворе [смыто] почти пять слоев позднейших и вскрыта его первоначальная роспись; она довольно хорошо сохранилась и даже без реставрации производит сильное впечатление. Особенно хороши свода – они все разбиты зелеными изгибами на медальоны в форме многогранников и в каждом из них какой-нибудь святой. Лики написаны так реалистично, что производят впечатление портретов. А вот стенная роспись – очень наивна. Особенно по-детски изображен пророк Иона, ныряющий в пасть крупного карася, по-видимому, художники не только не знали систематического положения китообразных, но и об морской ихтиофауне судили по населению подмосковных прудов. В том же Благовещенском соборе поразителен Георгий Победоносец XII века (на доске). Лицо и фигура переданы очень условно, но глаза – совершенно живые!

21.XII

Не смог вчера закончить письмо и это оказалось к лучшему, т.к. сегодня пришло Ваше от 20.12. Я очень рад тому, что Вам стало лучше. Не торопитесь только расставаться с постелью и не переутомляйтесь, вставши. Порадовало меня и содержание письма и объем. Сейчас не буду вступать в дискуссию по поводу проблем систематических – я еще не успел обдумать того, что Вы пишете,

* В. Брюсов. Стихотворение “Смерть Александра”. 1911. Стихотворения и поэмы. М.: Изд. Художественной литературы. 1987. С. 288.

** Там же.

но [все же] не смогу согласиться со всем, что Вы пишете. Ведь Вы не отрицаете возможности и необходимости установления родственных отношений между видами и построения известной системы этих родственных отношений? Это был бы агностицизм, губительный для науки. Также и в определении вида, как “свободно скрещивающегося сообщества” есть существенный изъян – это тоже абстракция, т.к. в подавляющем большинстве случаев нет никакой возможности практически использовать его для решения вопроса о том, принадлежат ли две разделенных географически формы к одному виду. Но все это я отложу до следующего письма.

А сейчас хочу сообщить Вам об одном “чрезвычайном происшествии”. Одновременно с Вашим письмом пришло еще одно – от кого бы Вы подумали? От Кожанчикова! Посылаю его Вам. Если по прочтении Вы его используете для каких-либо домашних нужд, то, мне кажется, это будет лучше для него применения. Мне в нем чувствуется что-то нестерпимо обидное. Этот дурак, по-видимому, думает, что все (так же, как и он сам) продается за деньги. Придется ему ответить, но довольно трудно будет удержаться от упоминания о каких-либо его родственниках. Вероятно, я отвечу ему что-нибудь в таком роде – Уважаемый И.В.! (черт его знает – Иван ли он, а тем более Васильевич или Владимирович!) Сергей Сергеевич Четвериков передал мне свою библиотеку с единственным условием – не разрознивать ее. Даже если бы этого не было, то я никогда не пошел бы на то, чтобы разрушать собранное человеком, которого я глубоко уважаю. Впрочем, последнюю фразу можно опустить – вряд ли это для него подойдет. Завтра, перед отправкой обоих писем, вложу в адресованное Вам копию ответа этому И.В. Но, дорогой Сергей Сергеевич, подумайте – не окажется ли кого-нибудь более достойного, чем я, кому бы Вы передали библиотеку? Не считайте только, что предложив ее мне, Вы себя связали словом.

Теперь о рисовальном аппарате. Спасибо, но не могу же я Вас грабить – тем более, что его можно купить. Я увидел его (не Аббе, но завода ОГПУ) в нашей патоморфологической лаборатории – они только что его купили, стоит он всего 234 р. Я сейчас же кинулся в магазин, но их уже не было. Вообще-то, оказывается, они, хотя и редко, появляются в продаже. Дорогой Сергей Сергеевич, я горжусь Вашим добрым ко мне отношением и совершенно уверен, что и Вы не заподозрите меня в каких-либо корыстных побуждениях. А потому позвольте мне Вас мысленно поцеловать в знак искренней любви и глубокого уважения.

Ваш Андрей Бундель

22.XII. 7.20

Дорогой Сергей Сергеевич! Утро вечера мудренее – вчера я был буквально взбешен глупым письмом Кожанчикова. Вот уж, действительно, когда говорят о черте, он показывает рога. Нет, где Кожанчикову писать гексаметром! Он и в эпистолярной прозе слабоват! Но сейчас я выспался (плоховато – т.к. лег в 2 и встал в 6), выпил ложку содержащей бром микстуры (подготовка к защите!) и более мирно смотрю на нахалов и дураков. Вот что я ему написал:

“Многоуважаемый Игорь Васильевич!

По ряду причин не могу пойти навстречу Вашему желанию приобрести каталог Hampson’a. Когда Вам случится быть в Москве, с удовольствием представлю Вам возможность пользоваться библиотекой Сергея Сергеевича.

Уважающий Вас

А.А. Бундель

Дорогой Сергей Сергеевич, если Ваша библиотека перейдет ко мне, то, вероятно, это огорчит многих. Я уже писал Вам, что приложу все силы к тому,

чтобы она не стояла в бездействии. Но говорю еще раз – не считайте себя связанным Вашим, сделанным мне, предложением и может быть Ваше мнение на сей предмет изменится.

Не думайте, что наша встреча откладывается надолго – я буду у Вас не позже, чем в конце февраля, после операции, а может быть, возвращаясь из Ленинграда, 15–16 января, поеду через Горький – чтобы хоть на несколько часов повидаться с Вами.

Еще раз всего хорошего. Надеюсь, что Николай Сергеевич, будучи в Москве, зайдет к нам.

Любящий Вас

Андрей Бундель

P.S. 22.XII. Дорогой Сергей Сергеевич! Заряд брома подействовал ненадолго: в 10.00 я порвал свой ответ Кожанчикову и уже заклеил конверт [со] следующей цидулей:

Уважаемый т. Кожанчиков!

Считаю Вашу просьбу о продаже книг Hampson'a каким-то недоразумением. Не можете же Вы предполагать, что Сергей Сергеевич, передав мне всю библиотеку, на составление которой он потратил много сил и забот – мог допустить мысль, что я буду ее распродавать?

А. Бундель

Не осуждайте меня за резкость – я думаю, что эта скотина понимает только палку.

Ваш Андрей Бундель

Автограф.

24.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

27 декабря 1955 г.

С Новым годом!

Дорогие Екатерина Васильевна и Андрей Андреевич!

Шлю Вам мои новогодние поздравления с самым искренним желанием, чтобы Новый наступающий 56-ой год принес Вам много, много радостей и удач и в первую очередь удачную защиту диссертации!

На этот раз наши письма, дорогой Андрей Андреевич, хотя и были оба начаты 20 числа, но не перекрестились, благодаря тому, что Вы свое письмо немножко задержали. Брат Николай Сергеевич завтра уезжает в Москву, дней на 10 – 14 и постарается побывать у Вас. Сейчас он устал со сборами, а потому это письмо будет очень коротеньким. В первую очередь бесконечно рад тому, что Ваша диссертация окончательно зафиксирована и состоится в сравнительно скором времени. Представляете себе, с каким нетерпением я буду ждать от Вас вестей! Во-вторых, все таки посылаю Вам с ним мой цейсовский рисовальный аппарат и надеюсь, что и Вы не захотите меня обидеть, отказываясь от него. Пусть он будет напоминать Вам обо мне каждый раз, как Вы будете его доставать. Кстати замечу, что на нем надет рейтер (моего изобретения) с двумя вогнутыми линзами. Это мое изобретение для близоруких глаз, которое Вам, конечно, не нужно, но пусть и оно едет к Вам. У меня еще старая модель с маленьким зеркалом, сказать по правде, я не знаю для чего нужно такое большое зеркало, как у новых моделей. Во всяком случае, для наших надобностей маленькое зеркало вполне достаточно.

Помните только, что столик для рисования должен быть поднят так, чтобы расстояние от глаза до него равнялось расстоянию ясного зрения (25–30 см). В-третьих, относительно наброска моих взглядов на систематические категории. Я вполне понимаю Вас, когда Вы пишете, что не во всем со мной согласны; иначе и быть не может, так как мои положения абсолютно ничем не подкреплены и не развиты. Если же Вас все-таки мои взгляды заинтересуют, то я с радостью готов поделиться ими с Вами в любом объеме вплоть до “диссертации” в несколько десятков писем по 8–12 страниц каждое! Конечно при условии, что Николай Сергеевич согласится терпеливо выстукивать на машинке то, с чем он сам не согласен.

В-четвертых, меня очень удивили (приятно) Ваши исторические отступления. Я за вами не знал такого “греха” и очень ему радуюсь: все это украшает нашу жизнь и дает ей более полное содержание. К сожалению, сам я не читал ни Момсена, ни Плутарха, а с Цезарем знаком почти только по его *Debellum gallicum** и очень об этом сожалею. Относительно же Брюсовского стихотворения ничего пока не скажу. При первоначальном чтении оно мне не очень понравилось, слишком жесткий язык и нет музыки стиха, что я очень ценю в поэзии; но возможно, если я еще и еще вчитаюсь в него, может быть мое впечатление и изменится. Итак, Рубикон перейден и уже отступление назад невозможно! Всей душой радуюсь этому!

Кончаю. Еще раз желаю Вам и Екатерине Васильевне счастливого Нового Года и крепко жму Вашу дружескую руку.

Искренне любящий Вас

С. Четвериков

P.S. Меня очень заняла история с письмом Кожанчикова. Все-таки у человека чего-то не хватает, а с другой стороны чего-то избыток. В нашей семье подобные выступления в шутку назывались *nahalite janpiante*; что касается Ваших ответов, то последняя редакция, конечно, самая удачная. Но абсолютно неудачна вторая (после принятия брома). Боюсь, что Вам и в будущем придется встретиться с попытками выманить у Вас ту или другую ценную книгу или работу. Убедительно прошу Вас для всех лепидоптерологов установить совершенно жесткое правило: ни одна книга или брошюра или оттиск из моей библиотеки не выпускается за порог Вашей комнаты. До знакомства с Вами я знал в Москве только одного лепидоптеролога, кристаллически честного – Георгия Афанасьевича Пашина, но он, к сожалению, умер и теперь я не знаю в Москве ни одной души, которой можно было бы доверить какую-либо книгу из Вашей библиотеки, не рискуя, что он ее зачитает. О ленинградцах я конечно знаю мало, но думаю, что и там положение не лучше.

И вот что еще: выкиньте за форточку Ваш бром! Кто Вы – мужчина или истерическая дама?! На примере ответов Кожанчикову видно, какое отрицательное действие оказывает бром на Вашу мозговую работу. Мысль течет вяло, спутано, язык не находит нужных слов и получается нечто из рук вон скверное. Если Вы хотите загубить Ваше выступление на защите, ну тогда пейте свой бром и плетите языком лапти. Если же Вы этого не хотите, то отправьте бром в то учреждение, откуда ему нет возврата, и будьте мужчиной, а не истеричкой. Вот Вам мой самый дружеский и самый настоятельный совет.

С.Ч.

Авторизованная машинопись.

* Ю. Цезарь написал две книги “Записки о галльской войне” и “Записки о гражданских войнах”. По-видимому, в данном случае речь идет о Галльской войне (*Debellum* – победа, *gallicum* – галльская).

Горький

18 февраля 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше письмо я получил вчера вечером и спешу на него ответить, чтобы застать Вас еще до возможной операции. Вполне разделяю Ваше отношение к хирургии и вместе с Вами вполне разделяю взгляд, что хирурги “единственная порода врачей, обладающая точным знанием и действительной, реальной возможностью помогать больным”. Я сам все 15 дней моего “операционного периода” провел среди оперированных легочных больных и наслушался и насмотрелся на больных, перенесших эту тяжелую операцию.

Если Вам делают операцию, то я очень бы советовал Вам не рисковать и не предпринимать в нынешнем году путешествий на Памир: это от Вас не уйдет и памирские бабочки никуда не улетят, а вот потерять здоровье и навсегда лишиться таким образом возможности предпринимать трудные путешествия – это вполне возможная вещь. Поэтому послушайте меня старика и проведите нынешнее лето где-нибудь в Каратегине, на одном месте! Вы убедитесь, что тщательный сбор на одном месте не только не уступает, а часто превосходит сборы, сделанные во время маршрута. Вспомните хотя бы мой тебердинский сбор, сделанный в течение двух месяцев и 21 дня и давший достаточно богатый результат.

Если Вы уедете в Ленинград и думаете побывать в ЗИНе, захватите, если возможно, коробочку с моляшками и передайте ее там Алексею Константиновичу Загуляеву. Что касается адреса М.А. Рябова, то вот он: Ленинград, 53, Съездовская линия, дом 29, кв. 7. Михаил Алексеевич Рябов.

Ну, а теперь несколько слов о генетике.

Конечно, не только одного письма, но и целого десятка было бы мало, чтобы достаточно полно и ясно ответить на Все Ваши вопросы, но общее впечатление от Вашего письма заставляет думать, что Ваше мнение о ней неправильно. Из всех биологических дисциплин генетика является *самой экспериментальной*; как она родилась на базе экспериментов Менделя по скрещиванию различных сортов горохов (менделизм), так она и до сих пор строится всецело на базе точных *планово задуманных* и строго анализируемых экспериментов. Эти эксперименты либо подтверждают уже установленные и предвидимые закономерности, либо дают иногда непредвидимые результаты и в таком случае являются исходным моментом для ряда новых экспериментов, значение которых выяснить наблюдающиеся аномалии и дать им новое теоретическое обоснование.

Так, на базе все новых и новых экспериментов растет генетическая наука и углубляется ее содержание. Объединяющим все великое разнообразие десятков тысяч генетических экспериментов является представление о существовании материального носителя наследственности – “гена”, который подобно “центру свечения” – “из логической абстракции становится реально существующим образованием”. Конечно, гена никто еще пока не видал (хотя возможно, что под электронным микроскопом его и видели, но пока его природы не признали), но, ведь, и химики наверное атомов не видели, а тем не менее на их реальности строится вся современная химия и больше того, современная ядерная физика.

В настоящее время в генетике ведется ряд тонких и остроумных экспериментов с целью глубже заглянуть в самое существо и строение гена и закономерные процессы в нем и под его воздействием протекающие в организмах. Не

даром некоторые генетики увлекаются аналогией между генетикой и химией и объявляют ген “атомом наследственности”. Правда, до последнего времени между атомом и геном была существенная разница, что атом представлялся неизменным и неделимым, а ген мог менять свою природу и свои реакции, но за последнее время атомная физика показала, что это различие не безусловно (изотопы).

Чтобы закончить письмо каким-либо конкретным примером, возьмем случай скрещивания чистопородной серой мыши с чистопородной белой, о которой я писал в прошлом письме*. Каждая мышь получает свои наследственные задатки (факторы) – гены от обоих своих родителей. Поэтому каждый признак живого существа определяется *взаимодействием* гена этого признака, полученного от отца, с геном этого же признака, полученного от матери; чтобы выразить эту двойственность принято в генетике изображать оба гена, относящиеся к одному признаку, и полученные от отца и матери, в виде дроби, у которой числитель изображает ген одного родителя (безразлично какого), а знаменатель – ген, полученный от другого родителя. Условно принято обозначать доминантные гены большими буквами, а рецессивные – такими же малыми. Как Вы помните, серый цвет у мыши доминирует над белым.

Таким образом, если для признака “цветности” (color) мы примем символом букву С, то чистокровная белая мышь будет иметь символ с/с, а чистокровная серая мышь будет иметь символом, соответственно, С/С. При образовании половых клеток (гамет) как у самца, так и у самки происходит расщепление генов каждого признака, так что ген от одного родителя уходит в одну половую клетку, а ген от другого родителя отходит в другую гамету. Таким образом, каждая половая клетка (яйцо и сперматозоид) несет всего-навсего по одному наследственному фактору (гену) от каждого признака; этот важнейший процесс образования половых клеток во всех деталях изучен под микроскопом (“цитология наследственности”). Только при оплодотворении – слиянии половых клеток самца и самки – восстанавливается двойная (зиготная) наследственная природа каждого признака.

В чистой породе серых мышей, имеющих генетический символ С/С, при расщеплении гамет образуются половые клетки, несущие ген С, при расщеплении гамет чистопородных белых мышей – с/с – образуются половые клетки с геном – с. Таким образом, при скрещивании серой мыши с белой будут получаться зиготы с геном С от одного родителя и геном с от другого (гибриды или “гетерозиготы”) строения С/с. Будут ли эти особи белыми или серыми? Присутствие гена С в ядре клетки обуславливает, при известных нормальных условиях развития организма, образование в клетке серых пигментов; напротив, в клетке, несущей несколько видоизмененный (относительно С) ген с, такая способность образовывать серый пигмент отсутствует. У гетерозиготных особей С/с наличие одной дозы С оказывается достаточным, чтобы вызвать появление окраски, и, таким образом, все гибридное поколение (F1) от такого скрещивания окажется окрашенным. При образовании гамет у этих гибридов (гетерозиготов) снова произойдет чистое расщепление генов, полученных от обоих родителей, т.е. гамет с геном С и гамет с геном с, в равных количествах.

Вот Вам задача: определить, какое получается потомство, если мы будем скрещивать гибридные особи между собой или будем скрещивать гибридных особей с чистыми рецессивами? Вот Вам первая, самая элементарная задача по Менделизму!

* В этом томе не публикуется.

Прибавлю кстати, что скрещивание двух гетерозиготных особей между собою принято обозначать так: $C/c \times C/c = ?$ А скрещивание гетерозиготной особи с чистой (гомозиготной) белой: $C/c \times c/c = ?$

Простите, если все вышеизложенное Вам покажется скучным и слишком элементарным, но я ведь не знаю, какой у Вас генетический фундамент, а Ваше последнее письмо заставляет меня думать, что Ваше представление о генетике в самой своей основе является неправильным. В генетике именно то и дорого, что наблюдается полное взаимодействие и слияние между теорией и экспериментом: теория строится на основе эксперимента, а эксперимент строится на основе теории.

Вышло довольно длинно и, боюсь, довольно скучно, но не сердитесь!

Сам я продолжаю понемногу и очень медленно поправляться, каждый день встаю, немного брожу, но большую часть времени пребываю в кровати, лежа с закрытыми глазами.

Шлю мой сердечный привет Екатерине Васильевне, а Вас крепко целую и всей душой желаю, чтобы ваша операция прошла блестяще и чтобы Вы в ближайшее же время почувствовали себя совершенно здоровым...

Всецело Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

26.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

24 февраля 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Где Вы и что с Вами? То ли Вы лежите в хирургической палате, то ли Вы гуляете по Ленинграду. Конечно, ни в том, ни в другом случае от Вас не может быть вестей, но это совершенно не мешает мне с величайшим нетерпением ожидать от Вас известий и терпеливо переносить их. Постоянно думаю о Вас и гадаю то на пальцах, то на кофейной гуще, но ни тут ни там ничего не получается: на пальцах выходит, что Вы в Москве, и уже оперировались, а на кофейной гуще, что Вы в Ленинграде и сидите в ЗИНе, знакомясь с его работниками, и где тут правда и где ложь – опять надо на чем-то гадать...

А все-таки буду бесконечно рад, когда получу от Вас хоть пару строк, писанных Вашим невозможным почерком!!

Сейчас же хочу обратиться к Вам с одним вопросом и одной просьбой. Первое (вопрос): ко мне обращаются некоторые знакомые лепидоптерологи, которых, увы!, становится все меньше и меньше, и которым я писал кое-что о Вас, с вопросом – нельзя ли им с Вами познакомиться при проезде через Москву или списаться с Вами; запрашивают Ваш адрес. Без Вашего разрешения я не могу этого делать. Разрешаете ли Вы? В частности, вчера получил с таким вопросом письмо из Куйбышева от некоего Николая Юлиевича Тиеф (*Notodonta tiefi* Brt., *Ciculia tiefi mihi* ect) – мой давний знакомый, собиравший много лет в Нижнем Поволжье и в окрестностях Чкалова. Разрешаете ли Вы?

Второе (просьба): когда будете у себя дома и будете в состоянии порыться в книгах, то прошу Вас в последних предреволюционных томах Русского Энтомологического Обозрения разыскать работу (чью?) о русской разновидности *Dicranura vinula* L – самцы с полупрозрачными передними крыльями*. Работа

* Имя автора статьи и описываемой им бабочки установить не удалось.

сопровождается хорошей фотографией, где засняты на расправилке самка и самец типичной формы и самец нашей русской. Если сможете разыскать эту работу, напишите мне как там названа эта русская форма и кто ее автор. Конечно, при условии, если это не отнимет у Вас слишком много времени.

Мое здоровье поправляется черепашными шагами, но все-таки поправляется. Радуют ясные солнечные дни, горячие солнечные лучики, которые совсем по-весеннему действуют как на настроение, так и на психику; а на дворе все еще держатся 15-ти градусные морозы и в то же время с крыш весело капает капель и висят сосульки. Будем поправляться вместе с Вами! Вызываю Вас на соревнование, хотя надеюсь, что Вы меня обгоните.

Мой сердечный привет Екатерине Васильевне, к которому присоединяется всей душой и мой брат. Вероятно и она волнуется от предстоящей (или уже прошедшей?) Вашей операции.

Всего, всего, всего Вам хорошего.

Всегда и весь Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

27.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

29 февраля 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Сию минуту только что получил Ваше письмо из больницы от 26 февраля (воскресенье) и хочется Вам ответить немедленно, хотя несколько часов тому назад отправил Вам очередную открытку. То, что у Вас поднималась температура до 38,5°, – это, сколько я знаю, нормальное явление после операции в брюшной полости; и у меня она подсакивала, хотя не так сильно. Надеюсь, что все у Вас войдет в норму раньше, чем получите это письмо.

А теперь несколько слов о генетике.

Вы совершенно правильно решили обе задачи и ставлю Вам за это круглое пять. Я бы прибавил еще плюс, если бы Вы догадались дополнить несколько Ваше решение. Ведь мы в этих задачах подошли вплотную к чрезвычайно важным в генетике понятиям. Вы решили задачу так:

$$C/c \times C/c = 25\% C/C + 50\% C/c + 25\% c/c$$

Ну, а как же будет выглядеть это потомство? Ведь особи C/C и особи C/c все будут серыми и только особи c/c будут белыми. Таким образом, по признаку цвета наше потомство распадется так: $\frac{3}{4}$ серых и $\frac{1}{4}$ белых или, обозначая это генетическими силами скрещивания,

$$C/c \times C/c = \frac{3}{4} C + \frac{1}{4} c,$$

где: символы C и c обозначают проявление признака.

Таким образом, скрещивание гетерозигота с гетерозиготом дает по генетическому строению или, как мы говорили, по генотипу расщепление: $\frac{1}{4}$ гомозиготных доминантов, $\frac{1}{2}$ гетерозиготов и $\frac{1}{4}$ гомозиготных рецессивов, а по наблюдаемому признаку расщепления: по фенотипу: $\frac{3}{4}$ доминантов и $\frac{1}{4}$ рецессивов. Это и есть знаменитое менделевское расщепление 3:1, которое проверялось на сотнях экспериментов и десятках тысяч особей самых различных как животных, так и растений и почти всюду совпадало с ожиданием. Если я пишу “почти”, то некоторые эксперименты, не соответствовавшие ожиданию, полу-

чали особое объяснение, иногда становились отправной точкой для ряда новых экспериментов, расширявших объем наших генетических знаний.

Конечно, вторая моя задача, совершенно правильно Вами решенная, дала по фенотипу расщепление один доминант к одному рецессиву и является одним из очень важных в генетике анализирующим скрещиванием, дающим возможность при помощи гомозиготного рецессива анализировать генотип доминантного фенотипа.

На этом пока и кончим наши “лекции и практические занятия” по генетике. Если Вас ваша любознательность подвинет к дальнейшему уточнению и углублению Ваших генетических представлений, то я, конечно, готов прийти Вам на помощь всем моим научным арсеналом, пока же боюсь Вас утомлять такими “высокими материями”.

Еще, еще и еще раз желаю Вам быстрее и полного выздоровления!!!

Привет Екатерине Васильевне!

Целую очень крепко!

Ваш С. Четвериков

Автограф.

28.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

4 марта 1956 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Вот я уже и дома – прибыл вчера около 15 часов; дома застал Ваши открытку и письмо от 29.02, хотел тут же ответить, но устал с непривычки и отложил поэтому писание на сегодня.

Все сошло пока благополучно – температура через два дня снизилась; по видимому, это была простуда, т.к. на операцию я пошел с чем-то вроде гриппа. Во всяком случае, заставили меня перенести полный курс лечения от пневмонии норсульфазолом, а для профилактики, с чисто хирургической стороны, всего искололи пенициллином и стрептомицином.

Животик мой выглядит на славу – как ворох пшеницы спелой у семнадцатилетней юницы. Сейчас у меня бюллетень до 13.III. Разрешается и даже рекомендуется ходить побольше – но, к сожалению, на улице гололедица, очень скользко, и мне приходится гулять только по комнате. Сейчас для моего шва опасны только большие и внезапные усилия – например, падение.

Итак, дорогой Сергей Сергеевич, то, что было запланировано на эту зиму – выполнено: 1) защищена диссертация; 2) установлена служебная связь с Ленинградом; 3) сделана операция. С последним этапом я запоздал примерно на 2 недели. Это сорвало февральскую поездку в Ленинград, но, я надеюсь, не скажется на летней поездке в Среднюю Азию. По всей логике вещей, среднеазиатская поездка должна быть удачной, ведь духам гор я принес в жертву около 400–500 г собственного живого тела в виде рубцовой ткани, вырезанной при операции. Оперировался-то я только из-за поездки, т.к., сидючи в местах культурных, я мог бы прожить вполне благополучно и с грыжей; а на Памире ущемление ее равносильно смерти.

Как только окончательно оправлюсь, начну делать закупки для поездки. Сейчас, сидя дома, под займусь бабочками и подготовкой докладов (3 шт.) к все-союзному совещанию по люминесценции*. Вчера, сейчас же по возвращении

* О своём выступлении А.А. Бундель написал Сергею Сергеевичу в последующих письмах.

домой, положил размачиваться Ваших дальневосточников – *Rhopalocera* и сегодня к вечеру надеюсь ими подзаняться.

Что касается генетики, то жду от Вас дальнейшего посвящения в тайны этой области. Пока остаюсь при прежнем своем недоверчивом отношении к ее содержанию. То, что Вы мне пока писали и рассказывали, относится к чисто формальной, арифметически счетной стороне дела.

В лучшем случае это (как и сами менделевские законы) можно рассматривать, как доказательство существования материальных носителей наследственности – но не более. Вы не ответили на вопрос, заданный в одном из прошлых моих писем – в чем же по существу разница между доминантным и рецессивными признаками? Пока что этим умением констатируются только данные наблюдения. Мне кажется, что это вопрос кардинальный для выяснения механизма действия гена – почему при наличии в одной и той же клетке генов “серого” и “белого” проявляется исключительно действие первого, проявляющееся в образовании темных пигментов, и совершенно не проявляется действие второго? Почему действие их не аддитивно* и не проявляется, например, в пропорциональном уменьшении активности “серого” гена у гетерозиготных особей?

Равным образом, почему и что иммобилизует ген “серого” в тканях, не связанных с продукцией пигментов? Ведь во всех клетках (кроме половых) данного организма присутствует весь набор генов, но проявляют свое действие по отношению к данному участку тела (данной ткани) только некоторые избранные гены?

Наконец, можно ли определить круг обязанностей гена? Сколько вообще материальных носителей наследственных свойств в ядре (число их не может быть бесконечно велико!)? Всего проще усвоить понятие о гене цветовыми признаками. А вот Габсбургская губа – признак наследственный! То же определялась особым геном. Значит, существуют гены “химизма” (пигментации) и гены “морфологического действия”? Какова роль генов в жизни организма? Вот у меня, по-видимому, ген шатена; почему он перестает действовать, когда я седею? Дорогой Сергей Сергеевич, полагаю, что все, что я Вам написал, окончательно продемонстрирует глубину моего невежества и отобьет у Вас желание к дальнейшему моему просвещению. Может быть, Вы скажете, что мне почитать, чтобы не обременять Вас такими скучными вопросами.

Крепко Вас целую, желаю Вам всего хорошего, сил, здоровья и бодрости. Надеюсь, что к 15.03 сумею выслать Вам для правки нашу статью по *Phragmo-toeci*’ям**. Передайте, пожалуйста, мой искренний привет Николаю Сергеевичу.

Любящий Вас

Андрей Бундель

Автограф.

29.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

12 марта 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

15-го числа брат уезжает в Москву до конца месяца и наша переписка с Вами волей-неволей замрет, так как кроме него никто не может читать Ваши

* Совместное действие (*additio* – прибавление, присоединение) (лат.). (*Addition* – дополнение, сложение) (немец.).

** А.А. Бундель настойчиво добивается совместной с С.С. Четвериковым публикации статьи по этой группе бабочек (*Phragmotociae*).

письма, а тем более на них отвечать. Поэтому пользуюсь последней возможностью Вам написать.

Ваше письмо с извещением о возвращении Вас к родным пенатам* и ларам** нас очень порадовало. Надеюсь и в дальнейшем дело с Вашим здоровьем пойдет так же успешно, как шло до сих пор. Мое выздоровление тоже движется понемножку вперед, хотя и черепашными шагами и, понятно, ни о каком соревновании с Вами не может быть и речи; только берегите себя всемерно и помните, что от Вашего полного выздоровления зависит вся ваша судьба, как памиролога!

В Вашем письме Вы задаете мне ряд интересных вопросов и просите меня продолжать инструктировать Вас по части генетики. Ваши вопросы все очень дельные и в то же время пестрые по содержанию и на одни из них можно было бы ответить Вам немедленно, а другие требуют для своего ответа достаточно глубокого понимания генетических законов; поэтому я откладываю Ваше письмо и Ваши вопросы до другого раза (но не в долгий ящик), а сейчас хочу посвятить Вас в основы другой очень близкой генетике науки – цитологии наследственности, теснейшим образом переплетающейся с генетикой.

Давно уже, как только стали применять для изучения строения клетки фиксирование и окрашивание, так обратили внимание на то, что в ядре клетки, подготовляющейся к делению, попадаются какие-то “окрашенные” тельца – *хромосомы*. С первоначала их принимали просто за сгустки белка, способные энергично вбирать в себя краску и потому *краситься очень интенсивно*; эти “сгустки” считали артефактами и не придавали им особого значения, но в дальнейшем оказалось, что эти хромосомы вовсе не случайные сгустки, а форменные тела (нити), характерные для каждого вида животного и растения, как по числу, так и по величине, так и по форме. При этом обнаружилось следующее любопытное обстоятельство: во всех соматических (телесных, неполовых) клетках каждый сорт хромосом представлен дважды (*диплоидный набор хромосом*); при наступлении же деления клетки и ее ядра каждая из хромосом самым тщательным и аккуратным образом расщепляется вдоль всей своей длины и каждая из таких половинок хромосом расходятся в разные дочерние клетки, где они превращаются в полные хромосомы, в точности повторяя число, размеры и форму материнских хромосом. Таким образом, в соматических клетках сохраняется из одного клеточного поколения в другое полный набор всех хромосом.

Однако, при образовании половых клеток (гамет) дело происходит иначе. Начинается оно с того, что парные хромосомы материнской клетки сходятся друг с другом, тесно прижимаются друг к другу, иногда даже переплетаются, словом *конъюгируют*. Таким образом, число хромосомных телец уменьшается ровно вдвое; затем каждая из получившихся половинок, в свою очередь, снова расщепляется вдоль, а каждая из получившихся половинок, в свою очередь, снова расщепляется вдоль, так что вместо одной конъюгировавшей хромосомы получаются как бы четыре более или менее тесно сплетенных хромосомных нитей (*тетрады*), что особенно хорошо видно на маленьких круглых хромосомах, где на месте одного шарика появляются четыре. Подчеркиваю еще раз, что таких тетрад в ядре получается в два раза меньше, чем было хромосом в материнской клетке.

* Пенаты – боги очага, охраняющие родной дом.

** Лары – боги, оберегающие дом, семью и всех, кто живет в доме и работает в поле (древний Рим).
Словарь античности. Изд. Прогресс, М.: 1989, перевод с немецкого.

Только после этого ядро приступает к делению, причем к разным полюсам отходят первоначально две нити, входящие в состав тетрады, остающиеся все время тесно сближенными между собой. В противоположность соматическим клеткам, где всегда после расщепления хромосом и расхождения их к дочерним ядрам наступает более или менее длительная фаза “покоя”, и хромосомы как бы более или менее исчезают из сферы видения, при образовании гамет такая стадия покоя после первого деления (*редукционного**) отпадает и разошедшиеся к противоположным полюсам наборы хромосом, каждая из которых состоит из двух нитей, снова расщепляются на отдельные нити и в свою очередь расходятся к разным полюсам (*эквационное деление***). Таким образом, из одной материнской клетки с половинчатым числом конъюгировавших хромосом получают четыре дочерних клетки (гамет) – каждая из которых содержит только по одной хромосоме каждого сорта (*гаплоидный набор*). Но подчеркиваю, что в каждой гамете все сорта хромосом будут представлены.

Теперь гаметы созрели и могут приступить к оплодотворению. При этом подчеркиваю, что каждая гамета (мужская и женская) несет полный набор *всех* хромосом, но представленных в одиночном количестве (гаплоидный набор), а не в удвоенном количестве, как в нормальных соматических клетках (диплоидный набор); их ядра сливаются в свою очередь и в образовавшемся таким образом *ядре оплодотворения* получается по одному полному набору мужских хромосом и одному полному набору женских, т.е. восстанавливается нормальное диплоидное число. Кстати замечу, что для удобства принято диплоидный набор обозначать через $2n$, тогда как гаплоидный набор будет просто n . Схематично этот процесс слияния ядер можно представить тогда так:

$$n\sigma + n\varphi = 2n.$$

Ну вот, дорогой Андрей Андреевич, Вам тема для размышления на предстоящий двухнедельный сезон молчания. Конечно, не в ущерб Вашим докладам на Всесоюзном Совещании по люминесценции, а, вместе с бабочками, – для отдыха. Если же все это Вам покажется чересчур скучным, то, конечно, плюньте на все это и вернемся к нашей обычной прежней тематике.

Мой самый сердечный привет Екатерине Васильевне. Боюсь только, чтобы она на меня не рассердилась за то, что я Вам забиваю голову всякими “генами и хромосомами”. Брат шлет Вам обоим свой привет и собирается во время своего пребывания в Москве Вас навестить.

Целую крепко-крепко

С. Четвериков

P.S. Брат завезет Вам маленькую посылочку для Алексея Константиновича Загуляева (ЗИН). А у Вас еще лежит для него же коробочка с бабочками – но все это абсолютно не спешно, может лежать хоть до будущего года. И еще к Вам маленькая просьба: я передал Вам крошечный сверточек с моими микро-расправилочками (с наклеенными стеклышками); едва ли они Вам пригодятся, и, если Вы надумаете, что они Вам будут не нужны, то переправьте их, пожалуйста, кстати тому же А.К. Загуляеву: ему они очень пригодятся.

* Редукционное деление дает у дочерних клеток уменьшение числа хромосом в ядре.

** Эквационное деление – уравнительное, в основном сходное с митозом, т.е. с делением ядра в первую фазу последнего с удвоением генов перед образованием дочерних клеток (М.Е. Лобаилов “Генетика”. ЛГУ. 1967. С. 33).

P.P.S. Вы так и не написали мне ничего относительно Н.Ю. Тиефа. Говорят, что “молчание – знак согласия”, а потому я принимаю Ваше молчание за согласие на то, чтобы послать ему Ваш адрес. Он человек скромный, не навязчивый и в то же время – очень преданный лепидоптерам человек, притом довольно хорошо в них разбирающийся. Уверен, что особенно Вам досажать он не будет, тем более, что его постоянное местожительство город Куйбышев (областной).

С.Ч.

Авторизованная машинопись.

30.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

15 апреля 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!*

(...) Что касается вопроса о “Гусях” Алфераки и о Звездном Атласе, право, затрудняюсь что-либо ответить Вам конкретное.

Здесь в Горьком они мне, конечно, совершенно не нужны. Если бы их можно было пристроить где-либо в Москве (букинисту, в частные руки – платно или бесплатно), то это был бы самый лучший исход, хотя затруднять Вас этим не решаюсь. Во всяком, случае жечь их в утиле жалко, так как издания хорошие и могли бы еще пригодиться.

Отвечу сейчас пока на один Ваш генетический вопрос, который давно уже вертится у меня на языке, но все как то не доходили руки.

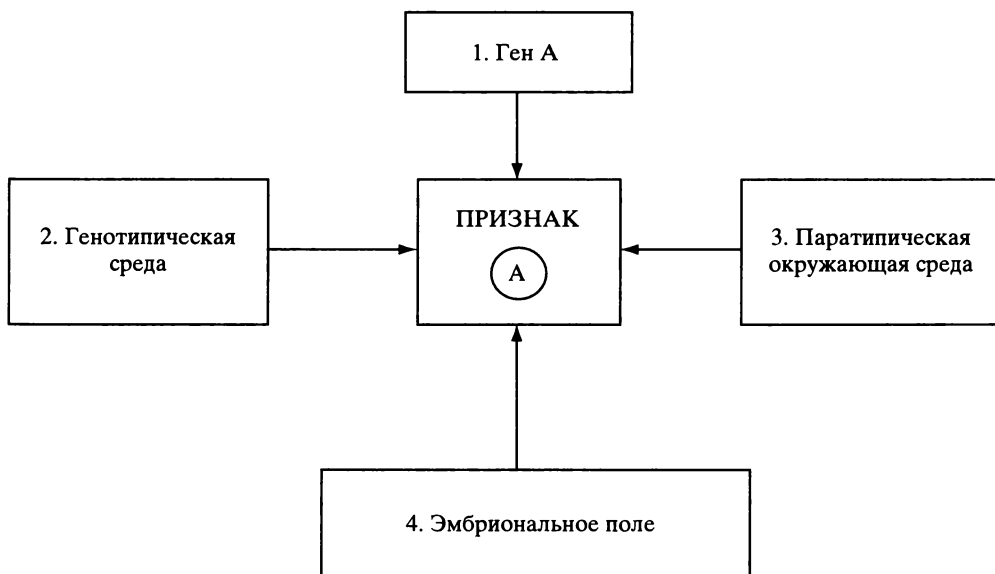
Говоря о серой окраске мышей или крыс, я указывал на то, что гетерозиготные по окраске особи (C/c) будут такие же серые, как и гомозиготные, окрашенные особи (C/C). Вы спрашивали, почему так? Казалось бы, должно было бы быть так, что гетерозиготные особи должны бы быть светлее, чем гомозиготные, так как в этом случае серая окраска передается только от одного из родителей, а не от обоих. Ваш вопрос совершенно не резонен и на него можно ответить лишь так, что все зависит от “силы” доминантного гена. Генетике известно множество случаев, когда дело обстоит именно так, как предлагаете Вы. Классическим примером этого служит растение *Mirabilis jalapa*. Это растение имеет два сорта: с ярко-пунцовыми цветами и белыми цветами. Если скрестить два таких растения между собою, то все гетерозиготное поколение (F_1) (Filial 1) имеет цветы розовые – промежуточной окраски между обоими родителями. При скрещивании двух таких гетерозиготных особей (или при самоопылении) получается второе дочернее поколение (Filial second) F_2 , которое дает расщепление приблизительно – $\frac{1}{4}$ пунцовых особей (C/C) + $\frac{2}{4}$ розовых особей, (C/c) + $\frac{1}{4}$ белых особей (c/c), т.е. расщепление по фенотипу окраски в точности соответствует расщеплению по генотипу. Отсюда следует, что для получения пунцовой окраски обязательно требуется две доли наследственного материала, а одна доля дает лишь половинный эффект. Очевидно, что в случае серых мышей ген окраски, привнесенный одним только родителем, обладает способностью вызывать в волосяных клетках образование такого количества пигмента, что мы нашим глазом не в состоянии отличить серую окраску гетерозигота от серой окраски гомозигота.

* Далее опущен абзац, в котором говорится о получении письма от А.А. Бунделя и о здоровье. Обсуждается вопрос о визите А.А. Бунделя в Горький в мае.

Весьма возможно, что если бы мы стали изучать окраску мышей при помощи какого-либо специального колориметрического прибора, то мы обнаружили бы некоторую разницу между гомозиготами и гетерозиготами, но наш глаз для этого груб. Дело обстоит примерно так же, как если бы мы взяли банку хороших густых чернил, отлили бы половину и добавили бы ее водой. И в том случае, взглянув на банку, мы не заметили бы разницы в ее окраске с тем, что было раньше.

В период “юности” генетики существовала очень простая и очень красивая теория “Присутствия и Отсутствия”. По этой теории разница между доминантом и рецессивом определялась тем, что у доминанта соответствующий ген (например, окраски) “присутствует”, а у рецессива этот же ген “отсутствует”. В настоящее время эта теория в ее первоначальном виде отставлена; соответствующий ген “присутствует” как у доминанта, так и у рецессива, но у рецессива по сравнению с доминантом имеется некоторая, внутримолекулярная перегруппировка, в результате которой воздействие гена на плазму клетки, его содержащей, изменилось и уже не вызывает образование пигмента.

Вообще же реализация признаков (его характер и сила) внутри клетки – вещь очень сложная и зависит от взаимодействия ряда факторов (причин). Эту зависимость я иллюстрировал на своих лекциях следующей довольно красивой схемой:

Боюсь, что многое в этой схеме останется для Вас непонятным. Но сразу ведь всего не объяснишь! Мне хочется только показать Вам, насколько сложна обстановка реализации признака и как важно для этого определенное состояние между всеми воздействующими на признак факторами. При нарушении влияния хотя бы одного из них характер и сила признака могут оказаться соответственно нарушенными.

Что же касается вашего вопроса о поседении волос в старости, то это проблема не генетическая, а физиологическая. Ведь седеют одинаково волосы как совершенно черные, так и шатеновые всех оттенков, равно как и белокурые. Это происходит вследствие отмирания пигмента клеток (от старости) и замещения их клетками, наполненными воздухом, который в отраженном свете и дает серебристо-белую окраску.

Пока на этом и кончим.

Когда состоится Ваше совещание по люминесценции (кажется в Таллине)? А сейчас Вы, наверное, в Ленинграде, а брат мой завтра уезжает в Москву и вся моя переписка снова замирает на неопределенный срок.

Привет и лучшие пожелания Екатерине Васильевне. Целую крепко!
Всей душой Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

31.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

7 мая 1956 г.

Воистину воскрес!

Дорогой Андрей Андреевич!

Сам не понимаю, как это случилось, что я так долго Вам не писал и не поздравил с наступающим праздником. Но вся эта неделя была какая-то такая сутолочная, а мои возможности писать письма все-таки очень ограничены и я дотянул мое письмо к Вам до сегодняшнего числа.

Очень был рад узнать, что Ваш “поход” на Оку был интересен и сошел удачно. Говоря по совести, я не был за Вас спокоен и слегка Вас поругивал за неосторожность, но все хорошо, что хорошо кончается. Места, о которых Вы мне пишете, я представляю себе очень живо. Правда, западную часть окского побережья я не посещал лично, а бывал в восточной части (Коломна – Белые Колодези), но очевидно ландшафт везде очень сходен и эта узкая полоска земли действительно интересна. Ведь тут одновременно сходятся и пойма большой реки и остепнение, надвигающееся с юга; а сверх того и выходы известняка, которые в московской области встречаются так редко.

Как перенесла поход Екатерина Васильевна? Не было ли ей трудно? И где и как Вы ночевали – под крышей или у костра?

Очень был рад узнать, что ваша последняя поездка в Ленинград прошла удачно, как в химическом, так и в лепидоптерологическом отношении. Так-таки Вы до сих пор не побывали в ЗИНе! Ну что ж, это дело от Вас далеко не уйдет. Я вполне согласен с Вами, в вашей характеристике работников ЗИНа. Правда, я совсем не знаю Владимира Кузнецова, насколько он серьезен и насколько предан науке, но настоящих преданных делу душой там только один Михаил Алексеевич. Из молодежи мне, как и Вам, всех больше нравится А.К. Загуляев. Вы совершенно верно отметили в нем большую дозу инфантильности, но это выражается в таких мягких чертах, что не мешает быть ему хорошим и преданным работником. Я ведь его помню еще московским студентом, когда он, подобно Вам, терпел муку от Е.С. Смирнова и ему удалось обосноваться в ЗИНе лишь после длительной борьбы с хорошо Вам “знакомым” И.В. Кожанчиковым.

Что же касается А.С. Данилевского, то он мне представляется типичным советским ученым, работающим свои 7–8 часов, а там – о работе и заботушки нет! Между прочим могу Вам сообщить, что он – прямой потомок А.С. Пушкина, его тетки: его бабушка была Мария Александровна, урожденная Пушкина.

Кстати, раз уже зашла речь о Данилевском – очень прошу Вас пока ничего ему не передавать и не пересылать; я написал ему о моем намерении, но пока ответа не имею и не знаю, как он к моему плану отнесется. Что же касается во-

проса о том, чтобы оставить Вам себе мой экземпляр Зайтца, а послать Данилевскому Ваш, то мне это, конечно, было бы очень приятно. Только имейте в виду, что мой экземпляр немножко дефектен: на одной из страниц пядениц вырван треугольный клочок, слегка захвативший и текст, это память о моей кошке – Черепашке!: задумав произвести на свет потомство она забралась в мой книжный шкаф и стала вытряхивать оттуда книжки, которые ей мешали.

Что же касается того, чтобы переплести заново Ваш экземпляр, то я не знаю, нужно ли это; но если Вы все-таки решите, что – нужно, то переплестать Зайтца надо, по-моему так: переплести отдельно четыре тома текста, а для таблиц устроить четыре “бювара” с откидными клапанами – ведь гораздо приятнее иметь при чтении текста перед глазами и соответствующую ему таблицу, чем каждый раз перелистывать том от текста к таблице и от таблицы к тексту. Да переплет таблиц – дело всегда очень сложное. Что же касается переправки Зайтца в Ленинград, то зачем же Вы хотите тащить сразу четыре тяжелых тома?!!! Ведь гораздо проще это сделать по почте в двух ящиках или, если уж Вам не хочется возиться с почтой, то переправлять Зайтца по одному тому; ведь спеха здесь нет никакого. Но во всяком случае прошу Вас не предпринимать ничего, пока не получите от меня определенного извещения.

Что касается переправки мне Шпулера, то прошу с этим обождать, так как я далеко не уверен, что мой знакомый, которому я предназначал эту книгу в подарок, будет продолжать свои занятия бабочками.

Вы спрашиваете меня: “удобно ли Вам, чтобы я приехал 27 мая?” Отвечаю Вам так же торжественно: “Очень удобно!!!” Мне только бесконечно жаль, что этот Ваш приезд продлится всего несколько часов и мы почти ничего не успеем ни переговорить, ни обсудить, да и Вы очень устанете за две ночи в вагоне. Но повидать Вас, конечно, для меня величайшая радость.

Очень заинтересовали меня книги Бергмана: я никак не ожидал, чтобы в ГДР можно было издавать такие не политические книги, как о бабочках. Интересен и подход к бабочкам Тюрингии, с довольно новой и трудной позиции ландшафтного распределения.

В одном из ваших предшествующих писем Вы спрашиваете моего мнения, какую Вам выбрать для себя тему и приводите их несколько штук? Дорогой Андрей Андреевич, что же я могу Вам посоветовать? Ведь Вы же сами доктор химических наук и, конечно, хорошо понимаете, что дело не в названии темы, а в том, чтобы тот или иной вопрос, та или другая проблема захватила Вас целиком от волос на голове до кончиков больших ногтей на ногах и если это случится, то всякая тема будет великолепна; должен только предостеречь Вас от таких громадных, неохватных тем, как, например, ревизия системы высших таксонометрических категорий какой-либо, даже незначительной группы. Ведь Вы стоите на совершенно правильной позиции, что для построения действительно “естественной”, (т.е. филогенетически правильной) системы надо привлекать все признаки, какие только могут быть использованы (морфологические, анатомические, физиологические, генетические, экологические и т.д.). Чтобы как следует обработать даже небольшую группу надо иметь по ней по возможности исчерпывающий материал, а кроме того неограниченный запас времени для работы. А создавать “ублюдка” типа Хемпсона или Кожанчикова – право не стоит.

Чрезвычайно удивило меня Ваше сообщение о нахождении в Германии *Mamestra (rectiua) Hadeni* texturata Alph. Признаюсь, что совсем забыл этот вид, не представляю его себе и не помню, где его описал Альфераки. В моей коллекции его не было. Знаете ли Вы его и каково Ваше мнение о возможности нахождения его в Тюрингии, т.е. в зоне таежных лесов? Лично мне что-то в это не верится.

Еще несколько слов о себе. Вчера, в день моего семидесятишестилетия и первого дня Пасхи решился спуститься по лестнице вниз и выйти на площадку перед домом. Конечно все это в сопровождении брата; там я посидел полчаса, подышал свежим воздухом, а потом с некоторым трудом снова забрался на свой третий этаж, так что пришлось принять порошок камфары, который очень быстро привел сердце в надлежащий вид. Хочу и сегодня повторить эту прогулку, тем более, что погода все время стоит чудесная – тепло и тихо, хотя по времени и пасмурно, а иногда даже накрапывает маленький дождичек. Как видите, не Вы одни тренируетесь перед летними походами...

Передайте от меня мой сердечнейший и почтительнейший привет Екатерине Васильевне и сообщите, как прошел у нее весенний семестр.

Крепко, крепко обнимаю и целую Вас, дорогой Андрей Андреевич! Огромное Вам и Екатерине Васильевне спасибо за роскошный подарок ко дню моего рождения!!! Только зачем Вы меня так балуете?! Спасибо, спасибо и еще раз спасибо!!!

Искренне любящий Вас

С. Четвериков

P.S. С возможным вашим приездом ко мне в мае вышел курьез. Брат, читая мне Ваше письмо, вернее расшифровывая его, прочел мне вместо “удобно” – “угодно ли”: такой тон вашего письма конечно меня чрезвычайно удивил и я счел себя обязанным ответить Вам столь же торжественно и учтиво, что “мне угодно”.

Простите за такое *qui pro quo**...

С.С.Ч.

P.P.S. *Mea culpa, mea maxima culpa***!

Я надеюсь быть в Москве после 25 мая и на всякий случай наведаюсь к Вам. Вашу посылку я брату привез и все не хотел отдавать до 6-го числа, но непреодолимые обстоятельства заставили вскрыть ее содержимое досрочно... Шлю Екатерине Васильевне и Вам мой самый душевный привет.

Николай Четвериков

Авторизованная машинопись.

32.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва.

13 мая 1956 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Ваше большое письмо меня очень обрадовало – особенно конец, где Вы пишете о том, что начали выходить на улицу. Жаль только, что погода плохая – по крайней мере, у нас холодно и дождливо, сегодня был заморозок. Сегодня мы с Катей были в районе Балашихи; лес еще едва просыпается, на березке только появились листья длиной не более 1,5 см. Все остальное еще не раскрыло почек (распустилась еще бузина и начинает *Sorbus aucuparia*).

В понедельник ночью (завтра) выезжаю в Ленинград, вернуться рассчитываю утром в воскресенье 20.05, чтобы прямо с поезда отправиться с Катей в лес. Пасху мы с Катей встречали в лесу около Тучкова на краю глубокого оврага, полного цветущей ивой. Всю ночь шел проливной дождь, но в палатке и спаль-

* Одно вместо другого, путаница (*лат.*).

** Моя ошибка, моя большая ошибка (*лат.*).

ных мешках было очень уютно. Сейчас усиленно готовимся к летней поездке – ведь осталось меньше двух месяцев. Собирается пока 6 человек, но даже если большинство и откажется, то мы с Катей поедem даже вдвоем.

На днях приходил племянник, приехавший на $\frac{1}{2}$ года в отпуск с берегов Индигирки (в 1200 км к северу от Магадана). Привез мне 8 бабочек, но есть интересные вещи: хорошей сохранности *Hyphoraia festiva* (Lapprvas) forma *lemnisceta* ♂, *Orodemnias turbans* ♀, занятных мелких и очень темных махаонов (не *oricutis* и не *Kamtschadalis*), *Ocneis magna*, *Hipperetus popilionaria*, *Scoliopteryx libatrix*. Очень занятно, что севернее 64° северной широты попались *Aporia crataegi* – мелкая, с густым белым опылением сверху и обильно припудренная черным на исподе задних крыльев. Вместе с нею *Melitea didyma* ♂, мелкий, похожий на Закавказских, но не имеющий ничего общего ни с *lathonigena*, ни с *polaris* Gr. Gr.

Я все поджидал письма от Тиефа; если будете ему писать, то сообщите ему, пожалуйста, мой адрес, что касается *Hadena texturota* Alf., то в последнее время она многократно ловилась в Западной Европе – в 1953 и 1954 гг. в Тюрингии у Bad Blankenburg, также под Прагой, в Венгрии и Австрии (Линез, Эннсталь), в Южном Тироле, Энгадине и Граубюнде. Определения принадлежат *Wukoche* и *Schawerda*, так что им можно доверять. Фотография *reticulata* и *texturata* у Бергманна (очень хорошие) дают возможность отличить оба вида, крайне похожие друг на друга. При беглом просмотре своих *reticulata* (из-под Москвы, с Исык-Куль и хр. Петра Великого), среди них я *texturata* не обнаружил.

Дорогой Сергей Сергеевич, Вы что-то прекратили свои письма – лекции по генетике. Для меня они были очень интересны, особенно последнее, где Вы затронули вопрос о существовании различия доминантных и рецессивных признаков. Вы указываете на примере серых и белых мышей по возможности (удивительного) проявления обоих признаков, которое ускользает от наблюдения из-за отсутствия количественной оценки степени серости. Мне кажется, что это Вы написали из снисхождения к моей серости. Если в отношении окраски, т.е. интенсивности пигментации, и можно было бы в иных случаях допустить такое положение, то как быть, когда дело идет о морфологических признаках, например, губе Габсбургов?

Крепко Вас целую. Передайте, пожалуйста, привет “переводчику” – Николаю Сергеевичу.

Ваш Андрей Бундель

Автограф.

33.

Е.В. и А.А. БУНДЕЛЯМ

Горький.

11 августа 1956 г.

Дорогие Екатерина Васильевна и Андрей Андреевич!

Только что получил Вашу телеграмму из Рошт-Калы и не могу удержаться, чтобы не написать Вам, хотя и знаю, что письмо придет слишком рано. Но и пусть оно лежит и дожидается Вашего приезда и пусть оно будет первым радостным приветствием Вас от Вашего друга!

Не знаю, кому из Вас двоих пришла эта сердечная мысль прислать упоминутую телеграмму, но я от всей души, от всего чистого сердца благодарю Вас обоих за вашу теплоту и заботу!! Спасибо Вам обоим, мои дорогие, любимые, милые друзья!!

Могу Вам теперь признаться, что я *очень и очень* (!!!!!) и даже во много раз больше, чем *очень и очень* тревожился за Вас. Когда Вы писали мне из Оша, что стоят страшные жары и что ждут со дня на день дождей, которых давно уже не было, то я уже тогда подумал о том, что эти дожди могут испортить Вам Ваше путешествие, а тут как раз, приблизительно через неделю, т.е. когда по моим соображениям Вы должны были бы быть уже в горах, в газетах промелькнуло известие о страшных ливнях, грозах, бурях и разрушениях, повлекших за собой человеческие жертвы, пронесшихся над Афганистаном; а если Афганистан, то, вероятно, и Памир.

И вот мне начали рисоваться самые ужасные картины: размытые тропы, снесенные мосты, обвалы и оползни, и вот в этом всеобщем хаосе пять маленьких фигурок, стоящие беспомощно среди гор, отрезанные и от селений, и от людей, и от всякой помощи... Эти мысли не покидали меня ни днем, ни ночью и мне все казалось, что и Вы в этом смятении вспоминаете обо мне; и с каждым днем тревога становилась все ярче, все сильнее. Я даже сам удивлялся тому, с какой силой я оказался привязан к Вам!

И вот пришла ваша телеграмма и с души свалился страшный камень, и я готов петь и танцевать и подпрыгивать до самого неба; жаль только, что ноги меня не слушаются и вместо танцев выходит одно старческое топтание на месте.

Теперь буду ждать от Вас более подробных вестей. Не знаю, удалось ли Вам собрать в нынешнем году что-нибудь, но это и неважно; важно то, что Вы возвращаетесь живыми и, надеюсь, здоровыми. Какими оказались Ваши спутники? Всегда ли они были на высоте положения? Ведь Вы двое – опытные туристы, а ведь они еще зеленая молодежь, но зато сколько, вероятно, будет интересных и захватывающих рассказов!

Ну, вот, и кончаю. Не знаю, восчувствуете ли Вы то душевное состояние, которое я сейчас переживаю и еще, и еще, и еще раз радуюсь за Вас и благодарю Вас за вашу милую телеграмму.

Горячо обнимаю Вас и целую! И да пошлет Вам Аллах всего-всего хорошего!

Ваш Четвериков

Авторизованная машинопись.

34.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

30 августа 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Спасибо Вам за Ваше обстоятельное и большое письмо, в котором Вы описываете первую половину вашего путешествия по Памиру. Все это, конечно, мне было очень интересно читать, хотя вероятно многое ускользнуло от моего внимания вследствие моих очень слабых знаний географии Памира; многие из упомянутых Вами названий мне ничего не говорят, а пользоваться картой я не могу: когда я смотрю на карту, то я вижу только хаос небольших пятнышек, розового или голубого цвета, закрывающих все поле зрения. Порадовался я очень вместе с Вами поимке *Parnassius charlstonius*'а и *Colias marco-polo* – я ведь знаю, как Вас манили к себе эти две редкости. Вообще должен признаться, что крайне удивлен и обрадован вашим нынешним уловом, а то все воображал, что Вы вернетесь с пустыми руками!...

Напишите мне, пользовались ли Вы в нынешнем году моим снаряжением (сачком, палкой, пинцетом и т.д.) или все это покоилось в качестве моих реликвий?

Только что снова перечел Ваше письмо, полное интереснейших описаний и впечатлений. Как я от всей души радуюсь за Вас и Екатерину Васильевну за то, что Вам удалось пережить столько волнующих своей новизной и красотой картин. И теперь, когда Вы сидите за расправилками и препарируете одну за другой Ваши находки Вы снова и снова переживаете эти волнующие впечатления. Как я радуюсь за Вас!

Очень интересно, какую это новость и великолепную Лицену Вам удалось найти? Конечно, прежде всего придется тщательнейшим образом перебрать кашмирские списки.

Возвращусь на несколько месяцев назад к вопросу о виде. Когда я Вам писал об этом перед самым вашим отъездом, то я не был уверен в том, что смогу продолжить эту тему после вашего возвращения, но сейчас я нахожусь приблизительно все в том же положении, как и два месяца тому назад и голова моя как будто еще в порядке.

Из вашего письма из Оренбурга я понял, что в принципе Вы соглашаетесь с моим подходом к пониманию этого термина. Если это так, то это конечно мне чрезвычайно приятно, но и в том письме и в одном из предыдущих Вы ставите вопрос, как же на практике подойти к применению этого понятия в систематике.

Нельзя же в самом деле каждый раз скрещивать новый вид с другими видами, ему близкими! Ну, конечно нельзя!! Такого рода скрещивание всегда останется как *ultima ratio**, к которой, как известно, обыкновенно не прибегают.

Но все же Ваш вопрос остается хотя и чрезвычайно важным, особенно для работника-систематика, но все же вопросом второстепенным. Даже если бы у нас не было никаких методов к его решению, все же научная значимость данного мною определения понятия вид не должна бы пострадать, и только мы должны были бы направить все свои усилия на то, чтобы *практически* разрешить возникший перед нами вопрос. К счастью для нас никаких таких особых “усилий” и не требуется; мы работаем и будем работать теми же методами, как работали и до сих пор, но только будем вкладывать в получаемые результаты другой генетический смысл.

Как и до сих пор основным методом обособления вида остается метод морфологического (и анатомического) сравнения. А к этому основному методу систематики постепенно прибавляются другие – вспомогательные: эмбриологическое сравнение, физиологическое (*serum*), генетическое (учение о мутациях), экологическое, географическое и т.д. Важно только то, что все эти методы подчиняются основному содержанию понятия вид, как *Paarungsgemeinschaft***.

На этом покамест поставлю точку. Радуюсь тому, что наша переписка возобновилась и что я чувствую вашу ко мне духовную близость!..

Шлю мой самый сердечный привет Екатерине Васильевне. Как она себя чувствует после всех пережитых передышек и перед началом учебной работы?

И у Вас, ведь, сейчас начинается горячее время, поэтому не очень тороплю Вас с ответом, но все-таки знайте, что каждое получение мною от Вас письма – это для меня большой праздник, который наполняет своим содержанием не один только день моего вынужденного безделья.

Шлю Вам, дорогой Андрей Андреевич, мои наилучшие пожелания, мои самые крепкие и дружеские рукопожатия и самый крепкий поцелуй!!

Весь и всегда Ваш!

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

* Последний решающий довод (*лат.*).

** Возможность сожителства, спаривания (*нем.*).

Горький

21 октября 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше письмо от 14 октября я получил, а через два часа после этого приехал из Москвы и брат Коля. В эту свою поездку он Вас не видал, хотя и стучался к Вам, но Вы были в это время в Ленинграде и ему так и не пришлось повидать Вас. А сейчас он снова приступил к исполнению “своих обязанностей”.

О себе могу написать, что продолжаю пребывать *in status quo ante**, только удручает все увеличивающаяся темнота. Часто вспоминаю Ваш приезд и все радуюсь, что удалось хоть еще раз повидать Вас. А завтра жду к себе тоже дорогого гостя: проездом из Свердловска в Москву ко мне должен заехать мой самый любимый, самый “знаменитый” ученик, который перерос своего учителя, по крайней мере, на две головы и теперь – мировая величина – Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (с женой – тоже моей ученицей). Мы с ним не видались почти ровно тридцать лет. Я представляю его себе еще совсем молодым, только что вступившим в научную жизнь, а теперь это уже седовласый старик и его жизнь сильно потрепала и унесла много здоровья, но все же он еще полон энергии и бодрости.

О бабочках напишу очень немного, а именно об *Agrotis nomas* Ersch. У Ершова была договоренность с Московским университетом, что “тип” он оставляет в коллекции университета, а каждый второй экземпляр (“котип”) он берет себе. Очевидно, что к нему попал и второй экземпляр *A. nomas* Ersch., а затем вместе со всей его коллекцией перешел в ЗИН. То, что Кожанчиков мог наврать – этому я готов охотно верить, хотя, имея перед глазами котип, надо быть для этого именно “Кожанчиковым”.

Получил письмо от Михаила Алексеевича Рябова; жалуется на Карадрин**, что уж очень слабы различия в строении гениталий и уподобляет их в этом отношении роду *Euxoa*. Буду ему отвечать, когда прочту присланную Вами работу 1956 года^{3*}.

Не выходит у меня из головы пропавшая Ледерерская работа. Ведь это о северо-персидских бабочках? Конечно, в картотеке она быть не могла – ведь там только карточки на оттиски и брошюры, а Ледерерская работа была у меня в рваном номере Ногае^{4*}. Когда-нибудь она да и найдется! Еще раз посмотрите ее в каталоге Фридлендера. Если она у меня была, то она должна быть там отмечена черточкой.

Что касается вашей *Lysaena icadium* Gr.Gr., то я готов охотно с Вами согласиться. Разобраться по гениталиям в группе *icagus* – по крайней мере нашими обычными приемами – дело безнадежное. А все таки это – *хорошие* виды, а отсюда соответствующая мораль: не будь узким “генитальщиком”!!

Пока кончаю. Шлю мой сердечный привет Екатерине Васильевне и буду ждать от Вас вестей о вашем посещении Ленинграда и что хорошего Вы там узнали.

Крепко-крепко целую!

Ваш С. Четвериков

* В прежнем положении (*лат.*).

** Карадрины – группа бабочек.

^{3*} В 1956 г. была опубликована одна работа С.С. Четверикова: Новый вид рода *Cuculia* Schrk (Lepidoptera, Noctuidae) из южного Приуралья // Энтомол. обозрение. 1956. Т. 35. № 4. С. 927–928.

^{4*} Ногае – издание Российского Императорского Энтомологического общества “Ногае” (Труды). Петербург. 1861–1900, тт. I–XXXIV.

Р.С. Вы мне говорили, что Нуждин где-то меня изругал. Но для меня это – величайшая похвала и мне очень хотелось бы прочесть, что он обо мне пишет. Коля в Москве не смог ничего об этом разузнать. Не напишите ли Вы мне, где это напечатано?

Авторизованная машинопись.

36.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

31 октября 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Давно получил Ваше письмо от 22 сего месяца и вот только сейчас представилась возможность Вам написать. Меня очень и очень тревожит то, что Вы пишете о своем здоровье. Это такая ужасная и трудная болезнь, к тому еще мало изученная. Конечно, Вам необходимо, как можно скорее бросать вашу работу на Солянке! Что же касается Ленинграда, то, конечно, эта работа утомительна и материально дает Вам немного. Что же касается научной стороны, то тут я мало компетентен. А скажу только одно: экономьте и берегите свои силы, не расходуйте их без нужды; ведь, они Вам очень понадобятся!...

Посылаю Вам просимое Вами обращение в ВЭО. Если найдете, что в нем что-либо неправильно или не так выражено, то исправьте и верните мне, а я вышлю Вам обратной же почтой исправленный экземпляр.

В моем прошлом письме я писал Вам, что жду дорогих гостей – Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского с женой. Действительно, они у меня были и прогостили два дня. Встреча была трогательной и радостной; ведь мы не видались без малого тридцать лет. Впрочем, слово “видались” здесь мало подходящее, так как и он и я, мы оба почти слепы. У него оказалась совершенно такая же слепота, как и у меня, и нам приходилось друг друга ощупывать, гладить рукой, а главное – слушать. Ведь за эти тридцать лет было столько событий, крупных перемен как в его жизни, так и в моей, что всего и не перескажешь в два дня. Ведь, он прожил в Берлине более двадцати лет, изъездил всю Европу и Северную Америку, встречался со всеми выдающимися генетиками и со многими другими крупными учеными, участвовал во всех международных генетических конгрессах и выступал с докладами во многих ученых обществах. Впечатлений масса!

Между прочим он сообщил мне один любопытный факт (если, конечно, чего-нибудь не напутал): в 1937 г. в Берлине был международный конгресс энтомологов*, на котором при открытии вместо полагающейся по узусу** *Prasidentsrede*^{3*} был зачитан... как Вы думаете что? – мой доклад “Основной фактор эволюции насекомых” (в переводе на немецкий язык)!! Вот так штука! Конечно, мне это очень лестно, если действительно все было так, как он рассказывал...

Должен признаться, что я порядочно устал, но зато запаса впечатлениями и сведениями на многие недели.

* Об этом факте, не подтвержденном документально, Сергею Сергеевичу рассказал Тимофеев-Ресовский. Н.М. Артемов в кн. “С.С. Четвериков” (соавт. Т.Е. Калинина) уточняет: речь идет о VII Международном конгрессе энтомологов, состоявшемся в 1938 г.; в материалах конгресса этот факт не описан. М., 1994. Наука. С. 83.

** *Usus* (лат.) – обычай.

^{3*} Речь президента при открытии конгресса (нем.).

Несколько слов о бабочках. Конечно, меня чрезвычайно интересует, что даст Вам хотя бы предварительная обработка ваших сборов и что будет особенно интересного. То, что Вы сообщаете о *Callerebia mani* D. – *Nicaille*. Если дальнейшие материалы не обнаружат чего-либо нового, то очевидно придется считать *S.m. Kusnetzovi* *iceros* Gr.Gr. и *S. Kusnetzovi* за разные виды. Ведь, на Памире такие штуки встречаются не первый раз: вспомните хотя бы *Vice species* (у *Satyrus*'ов) *Avinov'a*.

Брат Коля обещает прожить со мной в Горьком до второй половины ноября и на это время наша переписка с Вами может протекать нормально, т.е. наши письма будут разминаться друг с другом. Вот и сейчас я начинаю ждать каждый день письма от Вас, которое разминется с моим настоящим. Боюсь только, что Вы будете теперь так заняты, что Вам нельзя будет отдавать письмам ко мне так много времени, как это было раньше; но только помните: даже самое коротенькое Ваше письмо доставит мне очень длинную радость.

Позавчера писал М.А. Рябову, но от него ответ получу, конечно, не скоро.

Вот прошел год, как я расстался и с коллекцией и с библиотекой; понемногу улеглась горечь разлуки, чему много содействовало то, что и то и другое попало в хорошие руки. А все-таки по временам я и до сих пор ловлю себя на мысли, что следовало бы залезть в такой-то коробок и взглянуть на такую-то бабочку или достать с третьей полки левого книжного шкафа такую-то работу... Вот что значит привычка!

Итак, до свидания (хотя бы письменного). Мой самый искренний привет Екатерине Васильевне, а Вас, дорогой Андрей Андреевич, крепко обнимаю и также крепко целую.

Искренне любящий Вас

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

37.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

11 ноября 1956 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Благодарю Вас за поздравление и дружбу. По-видимому, из-за праздников письмо Ваше задержалось и я получил его только 9.XI. 7-го я был твердо уверен в том, что Вы обо мне вспоминаете. Выпил я всего два бокала шампанского – один за Вас, другой – за будущие путешествия (я как-то совсем разлюбил вино).

Сначала отвечу на вопросы Вашего письма, а потом уже немного о бабочках. Видите ли, “лучевая болезнь” не только у меня, но и по крайней мере у 70% моих сослуживцев. А все они – врачи; несмотря на это они довольно спокойно относятся к своему состоянию. А я рассуждаю так – уж если врачи не беспокоятся, то что же слишком беспокоиться мне? Правда, врачи, не связанные с нашим институтом, смотрят на дело иначе, но я мало с ними имею дела и вероятно поэтому не очень беспокоюсь. Пока единственный симптом, который я замечаю – это быстрая утомляемость на работе. Когда я нахожусь вне сферы действия излучения, то чувствую себя гораздо лучше – особенно, на воздухе. Вот и сегодня мы с Катей прошли больше 20 км без лыж по занесенному снегом лесу.

В моем намерении уйти совсем или, по крайней мере, перейти на полставки в Рентгенологическом ин[ституте] главную роль играет то, что мои сослужив-

цы по лаборатории, с которыми я связан многолетними дружбой и совместной работой, уходят к концу года – кто просто по возрасту, кто по состоянию здоровья. Поскольку они в последнее время были не очень работоспособны, я служил им опорой, а теперь это отпадает, и я чувствую себя свободным. Но чтобы уйти – надо по всем правилам, через конкурс, занять кафедру. Значит, надо ждать, пока меня утвердят в докторской степени в ВАКе, а они не очень торопятся! Ленинград мне бросать жалко, и там не соглашаются со мной расставаться. Но меня удовлетворяет такое положение, как сейчас – там у меня четыре работы, три из них очень ответственные, четвертая – аспирантская. Я приезжаю туда на пять дней в месяц, следовательно, на каждую работу могу уделить только 1 день в месяц! По ряду причин в промежутках между поездками я не могу снестись с ними ни по телефону, ни письмом. Когда я перейду на кафедру, то смогу всегда расположить работу так, чтобы наезжать к ним хотя бы дважды в месяц, а получая полную ставку в 6000 руб., можно всю ленинградскую оплату (2000 р.) истратить на дорожные расходы. И сейчас уже в финансовом отношении Ленинград дает очень мало – за вычетом налогов, займа и дорожных расходов остается всего около 600 руб.

Что касается пенсии, то Вы не вполне правы – она рассчитывается за последний год (12 месяцев) работы и не может превышать для меня 1200 рублей, что я получу и при теперешнем моем жаловании. Оставаясь на работе, я буду получать половину ее, т.е. 600 руб. Мне думается, что отказываться от них не стоит, т.к. в течение года это как раз составляет стоимость поездки на Памир для двоих. Помимо этого, характер у меня в отношениях с начальством непокладистый, и всегда приятно знать, что в любой момент можно плюнуть и уйти на заранее подготовленную позицию. А организовывать накопления мы с Катей как-то не умеем и на сберкнижках имеется ровно столько, сколько надо, чтобы их не закрыли.

Ни при каких обстоятельствах бабочек я не брошу. Когда я болел в 1940 г. и одной ногой уже стоял в потустороннем мире, то давал великие обеты – что буду делать, если останусь жив. Понятно, что все это были жертвы, чтобы умиловить провидение, но ни разу я не обещал и не подумал даже о том, что смогу дать обет отказаться от бабочек. Вообще, для чего же и жить, если откажешься от всего, что любишь? Вот с экспериментальной работой по люминофорам можно и расстаться, так как остается очень интересная и нужная работа, которой можно заниматься вполне и дома, да и в любом месте – это разработка термодинамики смешанных фаз (твердых), ими мне так или иначе, а пора уже заниматься. Не далее как вчера на кафедре меня [попросили] (я ведь там еще оформлен) принять руководство...*, направив их в интересующую меня сторону. И вот, для выяснения [природы] вопросов химии люминофоров, я думаю поставить там работы, на первый взгляд, совершенно не связанные с люминесценцией, именно – исследование равновесий в твердых растворах сульфидов тяжелых металлов и дать доказательство таким путем бертолидной природы люминофоров (бертолиды – это твердые соединения нестехиометрического состава).

Теперь немного о бабочках. Сейчас главная моя забота – загнать сбор этого года в основные ящики и этим разгрузить немного мой письменный стол и его окрестности. Сейчас ящики стоят всюду – на столе, под столом, на диване и стопкой вокруг стола. Пока рассадил по семействам и родам, и получилось следующее:

* Далее одно слово не прочитывается.

Всего в наличии 243 вида (вероятно, число их увеличится еще на десяток за счет *Bryophila*, *Agrotiinae*, *Athetis* и т.п.). Из них:

<i>Ropalocera</i>	— 64 вида
<i>Heterocera diversa</i>	— 18 видов
<i>Noctuidae</i>	— 117 видов,
из них <i>Agrotiinae</i>	— 48 видов,
<i>Athetis</i>	— 11 видов,
<i>Geometridae</i>	— 44 вида.

Вот список, поскольку его сейчас можно дать:

1. *Papilio machaon ladakensis* Moore – единственный экземпляр с самого S.W. Памира. Очень характерная, крупная форма почти без хвостиков. Авинов находил ее и в долине Ампура.

2. *Parnassius rhodius* = *rubicundus*? – а может быть, *jacquetonti*? Наиболее обильно попадает с 3200 м до 4500 м.

3. *P. charltonius*. Близок к *vaporosus* Avinow или *eoporalii* (из Чиндуадема) – но ни то, ни другое. Очень маленькие ♀.

4. *Pieris brassica* L. – явный синантроп; попадает только вблизи возделанных полей у кишлаков. Идет до 3500 м. На “целине” не попадалась. Должна была бы быть ssp. *Otonis* Riber – но в действительности не отличается от европейских второго поколения.

5. *P. rapae debilis* Alph. – вместе с *brassica*. Очень хорошо обособленная форма.

6. *P. tadjika* Gr.Gr. 1 ♂ вместе с предыдущей.

7. *Synchlora** *callidias*, переход к форме *Calora* Moore. Довольно редко на осоковых болотах. 3700–4300 м.

8. *Colias erate* Esp. и ♀ f. *pallida*. Довольно редки, только по р. Шах-дора на высоте не выше 3500 м. В 1954 г. в хребте Лепера 1-го была в июле даже на высоте 4500 м, летом даже над ледником!

9. *C. alpherakii* Gr.Gr. 3 ♀ сильно облетанные. 3500–3700 м, отличаются от типа хорошо развитой черной каймой передних крыльев, совсем не похожих на ♀ из Трансалае.

10. *C. marcopolo* gr.gr. – 2 ♀ зеленая и желтая. Чудесные бабочки! Летают на южном склоне Турнайского хребта, у оз. Турумтайкуль и на пер[евале] Каратум, на высоте 4000–4300 м. Летает вокруг карликовых островков на глинистых такырах (площадки растрескавшейся глины) очень низко над землей. Чисто горно-пустынный вид.

11. *Colias cocandica* Ersch. – 2 ♀, окрестности оз. Турумтайкуль. 4300 – на берегах, пропитанных водой склонах. В тех же условиях ловил ее в Трансалае, Алае и Чатколе.

12. *Colias aeolides* – 1 ♂ у Сарытама в Алайской долине, 3200 м.

13. *Colias eogene*, trans. ad f. *arida* – наиболее многочисленные, почти одни ♀ ♀ на сев[ерном] склоне Трансалае у Бордоты (3400 м) сильно облетанные. В центральной части Шугналского хребта (2700–4400 м) – свежие. Летают рядом с *marcopolo*, но в совершенно иной стаии – на влажных, болотистых, обильных травой луговинах. Часто *eogena* и *marcopolo* летают на расстоянии 100 м друг от друга, но ни та ни другие не покидают своей стаии.

Очень любопытна одна: цвет ее зеленый, как у *marcopolo*, но форма крыльев совершенно иная, ближе к *eogene*. Черная кайма широкая с расширенными

* Синоним – *Euchloe*.

зелеными пятнами по жилкам – тоже что-то среднее между обоими. На задних крыльях срединное пятно, большое, угловатое, как у *eogene* – но тоже зеленое, а не оранжевое. Нижняя сторона – в точности, как у *marcopolo*. Поймана вместе с *marcopolo*. Может быть, гибрид *eogene* × *marcopolo*? Авинову и Грумм-Гржимайло попадались изредка формы, названные Verity “*brunneaviridis*”, которую Авинов считает за гибрид *eogene* × *cocandica*. Однако, это не то, что у меня.

По рисункам Verity мой экземпляр, напоминает, пожалуй, больше всего *C[olias] syfanica*, но она описана Грумом с Куку-нора и Се-Чуань.

Дорогой Сергей Сергеевич, я Наверное Вас замучил. Простите. С нетерпением жду Ваших писем. Целую Вас крепко. Передайте, пожалуйста, привет Николаю Сергеевичу. Катя шлет Вам привет.

Ваш

А. Бундель

Автограф.

38.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

20 ноября 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

У меня лежат два Ваших не ответченных письма, если не считать открытки, посланной Вам еще до Вашего отъезда в Ленинград. Это письмо, я рассчитываю, Вы должны получить в день Вашего возвращения.

Я очень боюсь надоесть Вам моими пристаиваниями по поводу Вашей болезни, но она меня продолжает все время тревожить и беспокоить. Достаточно ли серьезно относитесь Вы к ней? Я расспрашиваю о ней всех моих знакомых, но никто не может сообщить мне о ней ничего достоверного и в моем воображении она становится все грознее и грознее. Напишите мне, предпринимаете ли Вы какие-либо серьезные меры, чтобы ликвидировать Ваше заболевание?

Как Вы себя чувствуете после поездки в Ленинград? Не слишком ли Вы устали от этих поездок? Дорогой Андрей Андреевич, пишите мне о себе как можно больше и подробнее!!

Что Вам написать о себе? Жизнь течет однообразно и почти так же однообразно состояние моего здоровья; впрочем могу сообщить, что я начал глотать таблетки пенициллина, которые совершенно (почти) устранили боль, мучавшую меня днем и ночью в течение последних двух месяцев; благодаря этому я стал гораздо лучше спать и чувствую себя несравненно бодрее, хотя пенициллин имеет скверное свойство, что не излечивает, а только обезболивает и как только прекращаешь прием пенициллина, так через два-три дня вся музыка начинается снова, но хорошо хоть то, что он дает передышку страданиям.

Брат на днях думает уехать в Москву, а потому не знаю, успею ли я получить от Вас весточку до его отъезда и, значит, “прочесть”, а мне очень интересно знать, как идут Ваши ленинградские дела и в Ленинградском физическом институте, и что Вам дала Ваша поездка в отношении бабочек. Что интересного слышали Вы от Михаила Алексеевича, и в каком положении находится Ваше вступление в члены Энтомологического общества?

Теперь несколько слов о Ваших бабочках. Все, что Вы об них пишете, мне крайне интересно, и с большим вниманием познакомился я с Вашим списком памирских *Pierid*. Вы не упоминаете в нем *Pieris nagi* (*Ochoenheimeri*). Неужели этот космополит не проник на Памир? В Вашем списке *Colias* Вы упоминаете вид *C. aecolides*. Что это за штука? В “наше время” я как будто бы такого назва-

ния не встречал. Что это: новинка – или ископаемый синоним? Удивляет меня также отсутствие столь широко распространенной в горах Средней Азии *C. hyale* (подвид *altai* Stgr. или что-то в этом роде). С большим нетерпением и интересом жду продолжения Вашего списка...

Буду ждать Ваших сообщений о Вашем первом докладе в Обществе испытателей природы в начале декабря, о котором Вы пишете в Вашем письме. Мне почему-то кажется, что Ваши доклады должны выходить интересными – Вы сами так интересуетесь и фактами, и результатами, и обобщениями, что этот интерес должен невольно передаваться аудитории. Единственно, чего можно опасаться – это то, что объем доклада окажется слишком громоздким и Вы рискуете его скомкать. Вспомните завет Ленина: “Лучше меньше, да лучше”.

Отвечу на Ваш вопрос о Тимофееве-Ресовском. Конечно, потеря зрения для него ужасный удар, но при его энергии к жизни он всячески старается его преодолеть. У него прекрасная и очень ему преданная жена (тоже моя ученица), которая все ему читает и пишет. Но, конечно, *заменить* глаза это не может. Да, места “не столь отдаленные” отняли у нас многие десятки талантов и может быть многие крупнейшие открытия, которые могли бы прославить нашу страну на весь мир...

Что касается новостей из области генетики, то я ничего Вам существенно сообщить не могу. Сейчас генетика подалась в сторону физики и био-физико-химии, в которой я лично ничего не смыслю. Для меня все эти нейтроны, протоны, позитроны и прочие “троны” пустые звуки без четкого содержания и откровенно признаюсь, что, когда я чувствую, как мои уши становятся все длиннее и длиннее и начинают хлопать, все мое лицо как две капли воды начинает походить на мордочку одного Вами любимого и уважаемого животного. Что в этой области сделано, до чего люди добрались – я совершенно не представляю, но чувствую, что в конечном итоге мы все же доберемся до того, что такое представляет из себя ген в физическом и химическом смысле и в чем сущность мутационной изменчивости.

Что-то начали в последнее время обо мне вспоминать; конечно, это дает мне очень большое удовлетворение. Было очень тяжело и грустно уходить из жизни с сознанием того, что от тебя ничего не остается и что твоя жизнь прошла впустую, не дав миру ничего. Но вот сначала за границей, а затем и у нас моя генетическая работа (которая имеется у Вас на руках) стала упоминаться большей частью с очень лестными эпитетами – “замечательная”, “прекрасная”, и даже “сделавшая эпоху”. Все это мне, конечно, очень приятно. Не подумайте, что во мне говорит тщеславие, я абсолютно далек от этого чувства. И я испытывал бы такую же радость, если бы при этом никогда мое имя не поминалось. Это даже и не славолубие, потому что и за славой я никогда не гонялся. Но в то же время *ужасно хочется* чтобы после смерти что-то от тебя осталось! Помните Пушкина:

“Нет, весь я не умру,
Душа в заветной лире мой прах переживет
И тленья убежит”...*

Ведь все-таки удивительная штука – эта “человеческая душа”. Ну, не все ли равно: будут ли меня вспоминать или нет, когда я исчезну для мира, а мир исчез-

* А.С. Пушкин. “Памятник”. (“Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”). 1836. Сочинения А.С. Пушкина. М.: Изд. А.А. Карцева, 1887. С. 269.

нет для меня?! А вот оказывается, что нет! Ну, что-то я расфилософствовался, простите!..

Большой и теплый привет Екатерине Васильевне. Как ее дела в нынешнем году? Надеюсь, что у нее все – и здоровье и работа идут благополучно.

Крепко, крепко Вас обнимаю и также крепко целую и всей душой и всеми помыслами желаю Вам успеха. А рюмку за Ваше здоровье седьмого числа я, как было обещано, выпил до дна. Это было в девять часов вечера. Почувствовали ли Вы это?..

Искренне Вам преданный всей душой!

Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

39.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

19 декабря 1956 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Наконец-то я сажусь за письмо к Вам. Сложилось все так, что почти весь этот месяц я писал, писал и писал – почти с самого возвращения из Ленинграда. К сожалению, это все были только отчеты, которых получилось около 7–8 печатных листов. Четыре отчета служебных и отчет для Географического общества о поездке этого года. Кроме того, пришлось напечатать около 200 фотографий – тоже для отчета. С субботы ежедневно часов по 7–8 сидел в Физич[еском] ин[сти]ту]те АН за составлением пятилетнего плана работ по люминесценции. Сегодня будет заключительное заседание, а ночью я уезжаю в Ленинград. Пробуду там до субботы включительно. Завтра вечером рассчитываю быть у М[ихаила] А[лексеевича], получил от него специальную пригласительную открытку.

Бабочками почти совсем не занимался – только иногда по вечерам расправлю 5–10 штук. Подготавливаю посылку Потопольскому из Ваших, привезенных Николаем Сергеевичем, бабочек (за которые большое спасибо!), обнаружил там кое-что интересное и оставил себе – несколько Ваших бабочек из Луцино и коробочку из Свердловска. Там оказалась целая серия *Catocala adultera* Men, один экземпляр *Agrotis speciosa*, которого я вижу впервые, и т.д.

Сбор Потопольского оказался не так уж интересен. Приблизительно на 80% он состоит из *Agrotis ypsilon*, *Mamestra trifolii** и *Delta peterseni*. Из хороших, но уже бывших ранее вещей, много *Ochropleura rana* Led** и *Pseudohadena laciniosa*. Самое эффектное, конечно, *Catocala lesbia*.

Вы спрашиваете о моей прошлой поездке в Ленинград и посещении М[ихаила] А[лексеевича]. Я был у него один раз; просидел целый вечер за разбором кародрин^{3*}.

Он отыскал среди них по крайней мере 10–12 видов, которые, по-видимому, окажутся новыми. Три экземпляра (единичные экземпляры) я оставил ему для наиделикатнейшего извлечения гениталий – по возможности без порчи.

В письмах он сообщает, что опять принялся за своих *Agrotinae*! Возможно, что они появятся в печати не в таком уже далеком времени.

Как-то на днях, когда я сидел в одиночестве над одним из очередных отчет-

* Современное название – *Argotis trifolii*.

** Современное название – *Ochropleura candelisequa rana* Led.

^{3*} Группа бабочек Carodrinae.

тов, в дверь постучались, вошла юная особа – совершенно мне неизвестная – и сообщила, что она – Ася. Только я хотел попросить каких-нибудь дополнительных сведений, как она сама сообщила, что является внучкой Сергея Сергеевича Четверикова. Она непременно хотела послушать рассказ о Памире, но я пригласил ее на доклад в Г[еографическое] О[бщество], а взамен попросил ее рассказать о ее собственной поездке в Гиссар, что она и выполнила без жеманства. Она очень милая и приятная особа, очень серьезного вида – но на самом деле еще совершенный младенец.

На мой доклад она пришла “вместе с мамой” – и, таким образом, я познакомился с Анной Петровной. К великому сожалению, доклад я сделал плохо, т.к. приехал на него прямо из ФИАНа, где просидел целый день и до смерти устал. Да и эпидиаскоп подвел – вместо экрана пришлось показывать на изнанке карты, довольно грязной и неровной. Так что если они будут справедливо выражать недовольство моим выступлением – то учтите, пожалуйста, эти смягчающие обстоятельства!

О бабочках пока напишу очень немного. Я достал у...^{*} Ледереровскую статью в *Horae* и сделал с нее фотокопию. Описание *Satyrus parthica* [Ld] в общем хорошо подходит к моим экземплярам с Шах-доры, но вообще оно сделано поверхностно и может подойти еще к дюжине форм сатиров этой группы. Он приводит и рисунок ♂ и ♀. Самец очень походит на моих ♂ ♂, самка же явно взята от *actaea*! Ледерер просмотрел в описании: 1) характерную острую форму крыльев, сразу отличающую от *parthica*. Она, правда, хорошо передана на рис. ♂. 2) отличие в характере срединной перевязи...^{*} задних крыльев (тоже заметнее на его рис. ♂) и 3) присутствие андрокония у самцов *parthica*! М[ихаил] А[лексеевич] Рябов, с которым мы об этом беседовали, указал, что у закавказских *parthica*, которых он имел в руках, тоже есть андроконий. Гениталии я еще не обрабатывал. Что же касается отсутствия *Vanessa urtica* в моих сборах с Восточного Памира, то нет ее ни у Грумм-Гржимайло, ни у Авинова, как нет крапивы на восточном Памире. Что же касается окрестностей Хорога, то, вероятно, она там найдется и в этом году мы с ней точно разминувшись.

Крепко Вас целую и шлю привет Николаю Сергеевичу.

Ваш

А. Бундель

Автограф.

40.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

26 декабря 1956 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше письмо, писанное перед отъездом в Ленинград, я получил и, как всегда, ему очень обрадовался. Спасибо.

Теперь Вы, вероятно уже вернулись в Москву и я пишу Вам, пока брат не уехал еще от меня. В самом начале января он дней на 10 собирается снова в Москву, и наша переписка с Вами опять затормозится.

На днях в моей жизни случилось следующее событие: я, кажется, писал Вам, что ко мне являлась группа студентов с просьбой ознакомить студенчество с современным положением в генетике; предложение, конечно, очень лест-

^{*} Слово не прочитывается.

ное, но и тогда уже мне показавшееся мало осуществимым, во-первых, по состоянию моего здоровья, а во-вторых, я сомневался в том, получают ли студенты на это разрешение от начальства. Так оно и вышло! Им было объявлено, что пусть слушают кого хотят, только НЕ Четверикова! Вместо меня студенты вызвали из Москвы в качестве лектора-математика Ал[ексея] Андр[еевича] Ляпунова, глубоко интересующегося как биологической, так, особенно, физической стороной проблемы наследственности. Он вполне в курсе важнейших работ в этой области и смог подойти к проблеме наследственности не с чисто биологической стороны, а как физик и математик, что было особенно важно, так как проблемой наследственности сейчас заинтересовались не только биологи, а даже пожалуй главным образом – физики и биохимики, и студенческая аудитория больше чем наполовину состояла из студентов физического и радиофизического факультетов. Сколько можно судить по словам самого лектора и по многочисленным запискам им полученным, – обе читанные им лекции прошли вполне удачно и, конечно, сильно всколыхнули гнилое болото Горьковского университета. Вечером А.А. Ляпунов (с супругой) обедали у меня, рассказывали много интересного и про студенчество и про “профессуру” как московского, так и других университетов. Мы от всей души выпили с ними и за процветание научной генетики и за наших настоящих генетиков, как стариков, так и их продолжателей, и весь этот вечер оставил после себя крайне приятное воспоминание. Между прочим А.А. Ляпунов рассказал об очень картинном отзыве в японском генетическом журнале о докладе Глушенко на симпозиуме в Японии, о котором он сам напечатал в Известиях (читали?). Пусть брат Коля расскажет Вам об этом при свидании.

Я рад Вашему знакомству с Асей-внучкой и ее Асей-мамой и очень хотел бы от них услышать о том, как им понравился Ваш доклад. К сожалению только, они обе пишут мне до крайности редко и я боюсь, что через два-три месяца, когда кто-нибудь из них соберется мне написать, то впечатление от Вашего доклада уже потускнеет. А жаль! Очень бы хотелось услышать беспристрастный отзыв, а Вам, дорогой Андрей Андреевич, я не очень верю в этом деле! В каком помещении состоялся этот доклад? В Большой Зоологической Университета?

Несколько слов о *S. parthica*. Напрягаю свою память и вот что в ней определенно всплывает: года три-четыре тому назад Вы прислали мне экземпляр Сатира, ловленного (если мне память не изменяет) в южной части Трансалая. Помню, что по этому поводу я довольно тщательно проанализировал группу Сатиров, близких к *actea-parthica*, и пришел к заключению, что в Трансалайских горах водится и форма *actea* (*alaica* Stgr., если не вру) и какая-то форма *S. parthica*. Помню, что по этому поводу сделал для Вас довольно большую выписку из Ледерера (*Ногae* т. IV). Не припоминаете ли Вы сами это? А из всего этого прежде всего следует, что у меня в руках была Ледереровская работа и что она где-то заблудилась в моей библиотеке, так как ниоткуда этой работы я иметь не мог. Не замаялся ли этот обрывок четвертого тома во время перевозки и не проскочил ли он к задней стенке шкафа. А за то, что он в моей библиотеке был – я ручаюсь! Очень вероятно (хотя утверждать этого наверняка я не могу), что под одним из Ваших экземпляров *S. parthica* подколота моя этикетка с определением. А что *S. parthica* отличный от *S. actea* вид, в этом я вполне убежден!

Надеюсь, дорогой Андрей Андреевич, получить от Вас весточку еще до отъезда брата в Москву и стало быть прочесть ее вовремя. А то мои “чтецы” читать Ваши письма не умеют и они лежат у меня на столе и только дразнятся (конечно письма, а не чтецы). Вы ни слова не пишете о членстве в ВЭО; продвигается ли это дело? А я даже не знаю, кто сейчас президент этого общест-

ва – Е.Н. Павловский? Если будете с ним говорить, то передайте ему от меня мой самый дружеский привет! И как Вы можете утерпеть до сих пор, чтобы не заглянуть в коллекции ЗИНа?! Неужели дурачества И.В. Кожанчикова могли так глубоко Вас задеть?

Солнце пошло на лето – зима на мороз. Какая она будет! Я что-то побаиваюсь больших морозов: страшно мерзну и коченею от холода – стариковская кровь не греет. Теперь надо ждать рождественских морозов, а за ними крещенских. Брррр, как холодно! Брат мне читает книжку про полярный поход Альбанова (спутника Брусилова) и от этого становится еще холоднее на душе.

Я и брат шлем вам обоим с Екатериной Васильевной наш сердечный привет и надеемся, что наша открытка поздравительная с портретом трех “красавиц”^{*} дошла к вам вовремя. Крепко, крепко жму Вам руку.

Крепко-крепко целую Вас!

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

41.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

27 декабря 1956 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Поздравляю Вас и Николая Сергеевича с Новым годом. Желаю Вам здоровья, сил и бодрости. Дни начали прибывать и хотя это еще и незаметно, но уже одно сознание этого радует – самое темное время миновало. Новый год – это самый любимый мой праздник; я люблю его даже больше мая, т.к. он полон надежд.

К концу 1956 г. все у меня как-то запуталось, и я жду от наступающего года разрешения многих своих жизненных проблем. Совершенно ясно, что мне надо уходить из Рентгеновского ин[ститу]та. Вот, по возвращении из Ленинграда мне дали бюллетень на 8 дней, и я посижу дома до 2.01 только затем, чтобы “отдохнуть” от института. Кровь моя не улучшается, а с прошлой весны непрерывно ухудшается. Но не так-то просто оборвать связи почти пятнадцатилетней давности. Чтобы сделать это без особого шума, нужен Deus ex machina^{**}. В качестве такового может быть либо утверждение в степени и уход по конкурсу (это обязательно) в Инженерно-экономический ин[ститут], либо уход на пенсию. Но и то, и другое задерживается – в ВАКе моя диссертация пролежала полгода и только в сентябре ее отослали на рецензию; следовательно, даже и торопить там еще нельзя. С пенсией дело решится в начале января – все мои сослуживцы ее уже получили без осложнений, но у меня сразу почти никогда ничего не получается, и я предвижу задержку еще минимум на месяц. А за это время меня могут нагрузить в институте новыми работами по заданию сверху и это все очень осложнит.

Большое удовлетворение мне дала поездка в Ленинград – я ехал туда с твердым намерением отказаться от работы в ГИПХе, хотя и было это очень огорчительно. Но ничего не вышло – там это вызвало такое искреннее огорчение,

^{*} Видимо, речь идет о поздравительной открытке к Рождеству.

^{**} “Бог из машины” (*лат.*), т.е. случайные подходящие обстоятельства для осуществления окончательной развязки события.

что это мне польстило. Дирекция совершенно меня обезоружила, предложив мне не ездить к ним, а направлять ко мне моих подопечных в Москву; если же по каким-либо причинам (плохое самочувствие) и это меня не устраивает, то пусть я отдохну квартал или больше – а это время будет оплачиваться на прежних основаниях. Что же мне оставалось сделать, как не порвать мое заявление об уходе?

Этот раз я пробыл в Ленинграде только три дня и две ночи. Один вечер я провел у Михаила Алексеевича – был приглашен на парадный обед и просидел у них до первого часа ночи. М[ихаил] А[лексеевич] показывал свои последние снимки (и их оригиналы) к Кавказским Агротиинам, читал выдержки из Вашего письма о роде *Miselia* и о понятии рода вообще. Мне кажется, что Вы не совсем правы; Вы, конечно, правы в том, что пределы рода устанавливаются субъективно. Неправы же, противопоставляя вид роду, приписывая первому реальное существование и отрицая его для рода. В определении вида, которое Вы давали и с которым я соглашался, есть слабое место; Вы говорите: “вид – это совокупность индивидуумов, потенциально способных к свободному скрещиванию”. Слово “потенциально” вносит тот же элемент субъективизма, который Вы усматриваете в понятии рода. В подавляющем большинстве случаев Вы не можете доказать экспериментом (а тем более наблюдением) реальную возможность “свободного скрещивания” географически и вообще территориально разобщенных индивидуумов; Вы вынуждены прибегать к экстраполяции и, следовательно, вносить элемент субъективизма. С другой стороны, род – это вчерашний вид, и если вид – реальный факт сегодня, то вид, давший начало роду, был реальностью вчера. Сегодня реальностью является общность крови у его потомков. Ведь детей данных родителей связывают реальные родственные отношения? Генеалогическое древо не есть только досужий вымысел, последовательно передающаяся кровь проявляется реально в наследственном сохранении признаков родоначальника – что мы видим ежедневно. Таким образом, родственные отношения реальны, понятия о роде и его пределах – субъективны, но немногим более субъективны, чем соответствующее понятие для вида.

Я, вероятно, надоел Вам своей дилетантской болтовней. Поэтому разрешите перейти к продолжению списка бабочек, собранных этим летом. Я в прошлом письме немного забежал вперед, написав о *Satyrus parthica* Led. Придется поговорить о нем еще раз несколько далее. Итак:

22. *Callerebia*[*Paralasa*] *mauni icelos Gr.Gr.* – эта форма отличается широкой и очень светлой перевязью на передних крыльях и белым краем задних – что делает ее похожей в полете на *S. stulta* или *S. parisatis**. Я ловил их в прошлом году на Волге. В Шухнани она распространена повсеместно, в июле – с 3200 м до 3800 м. На Дучах-доре, на высоте 3800 м вместе с нею *Callerebia*, очень схожие с *C. mouni kusnetzovi* Avinow из Чаткала. Никаких переходных форм нет. [Изучены] ♀ этой формы. По-видимому, *C. kusnetzovi* – *bono species*. Придется их распотрошить, хотя препарирование самой *Rhopalocera* у меня идет плохо. Думаю, что многообразие описанных форм от *mouni* из Средней Азии – недоразумение: вероятно, что разные виды, особенно это относится к *C. Jordana* Stgr. с Алая.

23. *Erebia radians* Stgr – Алайский хр[ебет], пер[евалы] Талдык (3600 м) и Бордаба в Трансал[ай].

* Оба вида *Satyrus* выделены в род *Hipparchia*; Guide of the Butterflies of Russia, 1997.М., v. I, p. 242.

24. *Pararge eversmani* Eg – Повсюду! Ужасно надоедает, идет до 3200–3300 м.

25. *Satyrgus heydenreichii* Led. – всюду в массе до 3600 м.

26. *S. briseis* – долина Гунта, 3000–3300 м. Довольно мелкая форма – не *fergana* и не *maracandica*.

27. *S. actea* (bryce?) – Всюду до 3300 м. Самка с большим развитием бурого цвета на передних крыльях, желтым [диском] их снизу и очень светлым буроватым исподом задних. Хорошее изображение ♀ у Ледерера под неправильным названием “*parthica* ♀” – у самцов из Хорога на передних крыльях *снизу* дым[?] *оранжево-желтый*, но крылья сохраняют свою округлую форму.

28. *S. parthica bona species* – единичными экземплярами на северном склоне Шугнанского хребта и в массовом количестве, уже довольно полетанные, на его южном склоне (Юбень, Бадом) 3300–3500 м.

29. *Sat. lehana* Моогэ – всюду, до 3700 м. На южном склоне Шурнемского хребта у Юбень, среди них попались две самки, очень напоминающие наших *S. telephassa*.

30. *Sat. alpherakii*. Avinow – чудесные бабочки, нередкие на высоте 3200–3700 м в Шугнанском и Шах-даринском хребтах. В прошлом году я видел их в Уонге* – на Медвежьем леднике. Безусловно, не имеют ничего общего с группой *regeli-hubneri*, гораздо ближе к *lehana* и даже к *alpina-guriensis* с Кавказа (Ваши ♀ ♂ из Теберды).

31. *Sat. regeli*?** – очень похож на *regeli* с Иссык-Куля, по перевязи желтоватые или желтые. Массовый вид, очень красивый. 3000–3700 м.

32. *Sat. boloricus* Gr.Gr. – или я уже писал Вам ранее, на мой взгляд не имеет никакого отношения к группе *regeli*. У Гр[умм] Гр[жимайло] вместо ♀ *boloricus* изображен ♂. ♀ настоящая очень похожа на ♀ формы *regeli* (?). Восточно-памирский вид.

33. *Epinephele davendra* – нижнее течение р. Шар-дара, Хорог. Очень светлые, часто с одним глазком на передних крыльях. Часто.

34. *E. capella* – один экз[емпляр]. ♀ по р. Шах-дара, у кишлака Барыз (3000 м). Несколько крупнее и светлее, чем ♀ с Гиссарского хребта (Андобский пер[евал]).

35. *E. cadusia* Led. – окрестности Ванкола на Гунте, 3100–3200 м. Не часто.

36. *E. amardea* Led. – хорошенькая бабочка, в большом количестве у Ванкола и в среднем течении р. Шах-дара.

37. *E. hilaris* Stgr – пер[евалы] Талдын и Сарыташ, Алайский хр[ебет].

38. *E. pulchella* Stgr – очень многочисленны в Шугнанском хребте на высоте от 3500 до 4500 м; связаны с Восточно-Памирским ландшафтом. Как уже пишет Авинов, вероятно, лишь форма *hilaris* – но хорошо от нее отличается.

Satyridae закончены. Продолжение – *Lycaenidae* – будет в следующем письме. Очень беспокоюсь, почему так давно нет от Вас писем – последнее письмо я отправил Вам по дороге на вокзал, когда отправлялся в Ленинград. Прошло уже 9 дней. Надеюсь, что у Вас все благополучно.

Крепко Вас целую и желаю всего хорошего.

Катя благодарит Вас за память и поздравляет Вас с Новым годом.

Ваш

А. Бундель

Автограф.

* Так в тексте.

** Современное название рода – *Karauasa*. Guide. M. 1997. V. I. P. 251.

Горький

1 января 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Крайне был поражен получить Ваш новогодний подарок! Дорогие Екатерина Васильевна и Андрей Андреевич, ну зачем вы это делаете?! Хорошо бы еще, если я был бы 16-летней барышней – ей это было бы, вероятно к лицу, а мне 77-летнему старику, да еще едва живому – мне как-то даже совестно! Но во всяком случае, Ваш неожиданный подарок* был мне несказанно радостен и приятен и позвольте мне от чистой души вас за него расцеловать – Вам Екатерина Васильевна – обе ручки, а Вам, Андрей Андреевич, – обе щеки....

Как полагается, наши письма опять разминулись – такая уж их судьба. В частности, меня интересует, вспомните ли Вы историю с *Satyrus parthica*, о которой я там вспоминаю, а теперь еще несколько слов о “философии”. В моем определении понятия вида Вас, очевидно, смущает слово “потенциально” и Вы уже не в первый раз возвращаетесь к невозможности экспериментально удостовериться в потенциальной способности к скрещиванию между двумя особями одного вида, взятыми из двух отдаленных географических местностей. Ну, да разве такой эксперимент действительно часто бывает нужен? Неужели же, чтобы удостовериться в *потенциальной* способности Матрены Егоровны из Краснодара вступить в брак с Максимом Мартыновичем из Архангельска и вместе с тем установить их принадлежность к одному виду *Homo sapiens*, необходимо их свести вместе и поженить? Конечно, в сравнительно редких случаях, как например, с *Callerebia*...** Gr.Gr. и C. kuznetsovi Avinov такая проверка на “скрещивание” была бы очень желательной и сильно облегчила бы работу систематика, хотя и в этом случае вопрос о *потенциальной* возможности или невозможности скрещивания может быть разрешен и другими косвенными методами (сравнительно-анатомическим и морфологическим исследованием, изучением эмбриональных фаз, физиологическими данными и т.п.). И все-таки я надеюсь, что если Вы еще разик внимательно продумаете мою аргументацию, то Вы согласитесь со мною в том, что *объективно существующая* категория “вид” и чисто субъективная существующая только в нашем мозгу как особая категория “род”, – два рода понятий принципиально отличных друг от друга, а потому и не подлежащих сопоставлению или соподчинению. Конечно, точное изучение границ, в пределах которых могут колебаться признаки одного и того же вида, – дело нелегкое и нередко приводящее к ошибкам (я нарочно употребляю слово “изучение”, а не “установление” границ, чтобы не было ни малейшего сомнения в том, что эти границы не устанавливаются исследователем и не зависят от усмотрения человека, а только изучаются им как существующие *вне* исследователя – объективно).

Еще два слова о генеалогическом древе. Конечно, это реальность, в этом Вы совершенно правы, но при установлении родственных (родовых и выше) категорий все зависит от того, где Вы своей умственной аналитической пилой вырежете ветку или кусочек ее, который Вы и назовете тем или иным родовым названием. Повторяю, тут никаких объективных законов быть не может и это дело исключительно Вашего субъективного вкуса. А кровное родство ведь

* Речь идет о посылке с изысканными продуктами, фруктами, конфетами и шоколадом, что очень трогало и смущало С.С. Четверикова.

** Двойное название вида написано от руки неразборчиво.

можно проводить не только до десятого, но и до сотого колена, и опять-таки тут никаких *объективных* мер и границ нет и быть не может. Ну, вот пока довольно пофилософствовали...

С большим интересом продолжаю знакомиться с Вашим списком собранных Вами в нынешнем году бабочек. Смущает меня только то, что хотя Вы и подчеркиваете, что этот список относится только к нынешнему лету, но Вы в нем нередко упоминаете такие местонахождения, как Алай и Заалайские горы, где, сколько я понимаю, Вы минувшим летом не были. Я понимаю дело так, что список-то включает в себя бабочек только нынешнего года, но в смысле распространения перечисленных видов Вы включаете в него и сборы прежних лет. Должен признаться, что то, что Вы пишете в письме относительно *S. parthica*, и меня совершенно сбивает с толка; память мне начинает изменять, я запутался, а выправить свои недоразумения не по чему. Вы пишете о самцах *астеа* с оранжевым диском на исподе передних крыльев, а мне почему-то помнится, что Ледерер указывает на этот оранжевый испод передних крыльев, как на характерный признак для *parthica*. Должно быть я все перепутал, а потому пристыженно замолкаю.

Присылаемые Вами списки собранных видов особенно в связи с подробными указаниями мест, где эти виды ловились, чрезвычайно интересны, а потому было бы очень жаль, если бы эти сведения так и оставались скрытыми в Ваших письмах. Мне думается, что Вам было бы самому приятно получить впоследствии все эти списки обратно в собранном виде. Вам бы несомненно они быгодились для дальнейших Ваших работ. Если это так, то я уже сейчас начну их сшивать вместе.

Коля собирается в Москву 3-го числа и, вероятно, уже скоро зайдет к Вам. Он хочет захватить с собой для Вас и остатки бабочьего “хлама” и клеенчатую сумку со всякой “писаниной”. Я спрашиваю Колю, есть ли в Вашей комнате печная топка. Он сказал, что кажется “Да!”, и я представляю себе как хорошо будет гореть весь этот привозимый к Вам хлам. Что же касается клеенчатой сумки, то повторяю, что всего рациональнее было бы весь материал по бабочкам, содержащийся в письмах, перевести на карточки, а сами письма сжечь. Может быть эти карточки послужили бы началом большого карточного каталога Вашей коллекции.

Кончаю! Сердечный привет Екатерине Васильевне, а Вас обнимаю и горячо целую.

А я (Коля) постараюсь застать Вас так, чтобы поговорить насчет “вида” в понимании С.С.!! – Н.С.Ч.

Преданный Вам

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

43.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

25 января 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Сегодня брат уезжает в Москву и наша бедная переписка снова замирает на 10–14 дней. А я уже давно не имею от Вас вестей и... соскучился. Все поджидал Вашего письма с минуту на минуту, но его нет и нет! Надеюсь, что ничего худого у Вас не случилось, а просто Вы замучились на трех Ваших службах...

Коля сообщил мне радостную весть: нашлась наша “пропавшая грамота”, сиречь обрывок IV тома Ногае со статьей Ледерера. Очень рад тому, что таким образом восстановлена “честь” бывшей моей библиотеки, а то ведь отсутствие этой работы ложилось на нее позорным пятном. Ну, все хорошо, что хорошо кончается!

Второе. Вы спрашиваете, что лучше: фотографии гениталий или их рисунки. В такой абсолютной форме ответить нельзя. Если бы можно было дать прекрасные фотографии вроде как в работе Reverdin о толстоголовках (см.!), то, конечно, такие фотографии лучше всяких рисунков. Ну, а если говорить о тех посредственных фотографиях, которые воспроизводят наше политискусство, то, конечно, хороший рисунок (типа Кузнецова) окажется гораздо более полезным, а будет лучше, если поместить фотографии на таблицах, а в тексте – дать соответствующий штриховой рисунок.

Третье. Я все часто думаю о том, чем мое определение понятия вида Вам не по душе и кажется, наконец, понял в чем дело. Ведь я, давая определение вида, как “свободно (потенциально) скрещивающегося сообщества” стремился дать в возможно краткой, но в то же время четкой и объективной форме определения самого *понятия* “вид”. А Вы, очевидно, ищите таких *признаков*, при помощи которых можно было бы безошибочно решить, относится ли данный экземпляр к тому или другому виду или нет. Но ведь это две совершенно различные задачи и вторая из них на мой взгляд является невыполнимой. Ну, и Слава Богу! А то что бы стали делать бедные систематики? А теперь пусть они покопаются и в строении усиков, и в строении гениталий, и рисунке и проч[ее] и прочее. Пускай поломают себе голову над тем, является ли найденные различия видовыми или подвидовыми, одним словом, пускай изучают самый объект, а не его название! На этом пока кончу.

Сейчас будем обедать, а там брату пора собираться в путь, а пусть это письмо помчится к Вам вестником, что на днях он к Вам заглянет. Все, что касается меня, он Вам расскажет, да и рассказывать-то нечего: все идет как шло. А все-таки очень грустно, что так долго не буду иметь от Вас вестей. Ведь, если Вы даже пришлете письмо, то без брата мне никто его прочесть как следует не сможет: прочтут из пятого в десятое, без латинских названий, часто с пропуском целых фраз, так что не всегда даже докопаешься до смысла.

Сердечный привет Екатерине Васильевне!

Крепко-крепко Вас целую!!

Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

44.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

6 февраля 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше очень большое и очень обстоятельное письмо от 22-го я получил. Получил я его ровно через четверть часа после отъезда Коли в Москву, и вот оно, бедное, лежало до Колиного возвращения, т.е. до вчерашнего дня. С тех пор я не имею о Вас никаких сведений, я уверен, что наши письма снова разминутся – но уж это такая их судьба! Я очень ждал возвращения брата и надеялся, что он мне привезет от Вас интересных новостей, но, увы! Оказалось, что он Вас дома

не застал, а побывать у Вас вторично он не смог, так как был чрезвычайно занят и очень торопился вернуться в Горький.

Буду отвечать на Ваше письмо и, чтобы не сбиться, буду отвечать Вам по пунктам – так, как оно написано.

Вы пишете, что у Вас был Щеткин и знакомился с Вашей коллекцией; очень мне интересно было бы знать, какое она на него произвела впечатление и какое впечатление произвел он сам на Вас в этот свой первый приезд. Мне думается, что, несмотря на некоторые свои недостатки, это настоящий серьезный лепидоптеролог, к тому же живущий в очень интересном районе, и с которым стоило бы поддерживать тесную связь. Это встряхнуло бы его, оживило бы как его, так и Вашу работу. Вот смотрите – уже вокруг начинает собираться актив лепидоптерологов, а Вы будете его знаменосцем.

Что касается транскрипции Phragmatoesia, то в предыдущем моем письме братом была допущена ошибка, которую я не заметил. Конечно, должно быть Phragmatoesia, а не Phragmatoaesia! Что же касается транскрипции Phragmatoesia, взятой Вами у Della Torge, то я не совсем уверен, является ли она оригинальной транскрипцией Newman'а или “исправленной”. Уж очень безграмотным выглядит этот дифтонг “ae”. Откуда ему было взяться? Ведь название Phragmatoesia складывается из двух корней – Phragmites (тростник) и edere (поесть). Откуда же могла взяться гласная “a” в дифтонге “ae”?! Было бы очень хорошо, если бы Вам удалось (через М[ихаила] А[лексеевича] Рябова) достать в библиотеке ЗИНа оригинальную работу Newman'а и справиться по первоисточнику, а не из третьих рук...

Что касается порядка наших фамилий, то пусть будет так, как хочется Вам. Ведь, в конце концов, это спор о “местничестве”, который был еще запрещен при Иване Грозном*, а в конце концов всякий, кто знает нас с Вами лично, по достоинству оценит и Вашу, и мою роль в нашем “труде”, а кто не знает, для того, ведь, это окажется более или менее безразличным. Вот видите, какой я уступчивый! Хотелось бы встретить такую уступчивость и с Вашей стороны...

Что же касается работы о Сатирах** и дальнейших Ваших работ, то об этом я выскажу свое мнение ниже.

Меня по-прежнему очень тревожит вопрос о Вашем здоровье; если я Вам об этом не пишу, то не потому, что об Вас не думаю, а потому, что пустыми советами и соболезованием беде не поможешь, а можно и надоесть. Но состояние Вашего здоровья меня *очень, очень, очень* беспокоит!!!

С большим интересом слежу за развитием Ваших отношений с В. Мурзиным. Кто знает, может быть и из него вырабатается настоящий исследователь!

Что же касается Н.Ю. Тиефа, то его зовут Николай Юлиевич, а адрес его (город Куйбышев) тот же, какой указан на конверте. Если Вы ему напишете, то он, конечно, с удовольствием откликнется, и если ему придется побывать в Москве, то он, конечно, заглянет к Вам.

И еще несколько слов о стихотворении Бальмонта. Конечно, оно глубоко по своему содержанию и трагизму. Но только при условии искренней и глубокой веры в Творца! Но без этой веры оно ведь теряет всякий смысл и поставленный Бальмонтом вопрос напоминает вопрос моей трехлетней правнучки: “Мама! Почему лошади бывают серые и коричневые, а голубых ло-

* Имеются в виду разногласия бояр об их расположении за общим столом или в рядах на официальных приемах у Ивана Грозного в зависимости от древности рода, важности должности и близости к царю.

** Сатиры (Satyrus) – род бабочек из сем. Satyridae.

шадей не бывает?”... Что же касается гиперэволюции органов (зубы махайродуса, рога сиватерия, клыки бабирусы и т.п.), то, может быть, Вы во многом и правы. Возможно, что нашим безграмотным предкам жилось спокойнее и вольготнее, чем их “разумным” потомкам, которым справа и слева грозят атомные и водородные снаряды, запускаемые со всех точек земного шара... Докладчика на первом заседании секции генетики, которого Вы подмочили (докладчика, а не доклад), звали В.Л. Рыжков – это не мой ученик и, говоря по правде, его фамилию я слышу первый раз и абсолютно не представляю себе о какой “генетике” вирусов он мог говорить. Слышал и о следующем заседании с докладом Прокофьевой-Бельговской (эта генетик мне хорошо знакома) и слышал, что ее доклад был очень интересен и вызвал оживленное обсуждение.

Что касается Вашего ознакомления с моими письмами к А.М. Дьяконову, то это вопрос довольно щекотливый: во-первых, в этих моих письмах Вы едва ли найдете что-либо для себя особенно интересное, а во-вторых, ведь Вы являетесь для Елизаветы Николаевны совершенно незнакомым человеком, и чтобы получить Вам доступ к письмам, хранящимся у Е.Н. Дьяконовой, придется вступить с нею в некоторую переписку и дать Вам соответствующую рекомендацию. Я ничего не знаю относительно намерений Елизаветы Николаевны в отношении коллекции и бумаг ее покойного мужа, не знаю, улеглось ли ее горе после внезапной смерти ее мужа, не знаю, в каком состоянии находятся бумаги после его смерти и не вызовет ли обращение к ней с просьбой новой волны горя и грусти. Мне думается, что с вопросом о моих письмах лучше будет обратиться тогда, когда поднимется вопрос вообще о судьбе лепидоптерологического наследства А.М. Дьяконова.

Теперь перехожу к объяснительной записке. Мне думается, что указать отличия зайсанской формы *Phragmatoecia castaneae* от типичной не так уж сложно и не требует большого материала; ведь различия цветовой (castaneae против sordidae aleides) можно дать даже на основании рисунка у Spuler'a и Seitz'a*, а кроме того, наверное, есть типичные castaneae в лепидоптерологической коллекции Московского университета. Возможно даже, что Вы могли бы выпросить там какой-либо безэтикетный плохенький экземпляр самки и отпрепарировать ее гениталии.

Конечно, нет никакой нужды давать вновь указание на половые различия (внешние) у *Phragmatoecia castaneae*, они общеизвестны.

Что касается названия моей зайсанской формы, то можно дать “географическое” название *Zaissani* (так будет правильная транскрипция), либо нейтральное, например, *confusa*, *pallida* и т.п., “Тарбагатай” не годится, так как в горах мне эта бабочка не попадалась, да и водиться ей там негде.

В связи с этой формой, чтобы оживить суховатый текст, можно остановиться на очень редком в систематике случае, когда данное автором описание новой формы полнее и лучше подходит не к тому виду, к которому оно отнесено автором, а к совершенно другому, как это случилось с *albida* Ersch. Кстати, в том месте, где Вы недоумеваете, как мог Ершов не заметить специфического отличия в форме крыльев между *albida* и *castaneae*, следовало бы указать, что это произошло, вероятно, потому, что типичные экземпляры, описанные Ершовым, не были расправлены, а потому характерная форма крыльев Ершовской *albida* оказалась незамеченной.

* Шпулер и Зейтц – авторы каталогов бабочек.

Перехожу к самому трудному пункту Вашего письма, п. 18 примечаний: об авторстве при названиях новых видов и форм. Дорогой Андрей Андреевич! Не хочу здесь объясняться Вам в любви, но Вы сами хорошо знаете о тех добрых чувствах, которые я питаю к Вам. Я также хорошо знаю и о тех добрых чувствах, которые Вы питаете ко мне и принимаю целиком все то хорошее, что Вы об них пишете в Вашем письме. Поэтому мне очень тяжело и грустно возражать Вам по существу, и выше Вы видели, как я готов был пойти на уступки Вашим желаниям. Но здесь в вопросе об авторстве я, к сожалению, никак не могу этого сделать.

Вы пишете, что “категорически возражаете” против моего пожелания, чтобы автором новых форм были Вы, а не мы оба. Я бы мог также “категорически” возразить на Ваше желание, но что бы тогда нам делать дальше? Взять по пистолету и повторить дуэль Онегина с Ленским?!.. Но как Вы знаете, я человек мирный и смирный и думаю, что между хорошими друзьями, какими мы с Вами являемся “нет таких спорных вопросов, которые не могли быть разрешены мирным путем”. Я понимаю все Ваши хорошие побуждения, на основании которых Вы настаиваете на моем авторстве при новых формах; я очень много об этом думал, много раз спрашивал свою совесть и она мне всегда отвечала отрицательно.

Дорогой Андрей Андреевич! В минуты жизни трудные, когда приходилось принимать то или другое решение относительно своего поведения, я всегда руководствовался одним правилом, которое мне никогда не изменяло. Прежде чем сказать “да” или “нет” я спрашиваю себя: пройдет сколько-то времени, все успокоится и тогда, если я спрошу себя сам – правильно ли я поступил? – и краска стыда мне не зальет лица, то значит мой поступок был правильным. И вот по поводу моего “соавторства” я представляю себе: пройдет сколько-то времени и какой-нибудь “Кожанчиков”, встретив меня, спросит: “Правда ли, Сергей Сергеевич, что под конец жизни Вы дошли до того, что начали описывать и устанавливать новые виды и формы не только не изучив их как следует, но даже никогда не видав глазами?” И я чувствую, как алая краска стыда мне бросается в лицо и я начинаю лепетать что-то несвязное. Неужели же, дорогой Андрей Андреевич, Вам хочется поставить меня в такое положение? Ведь для того, чтобы перед всем миром засвидетельствовать нашу дружбу и взаимное уважение, существует множество других поводов и способов, не поступаясь своими принципами. Еще и еще раз прошу Вас, дорогой Андрей Андреевич, продумайте мою просьбу хорошенько и пусть наша дружба и взаимное уважение станут еще крепче. И если Вы захотите совсем меня, старика, успокоить и утешить, то я очень Вас буду просить после каждого нового названия и перед пометкой “*nov. sp.*” поставить три буквы Bdl.!

И еще о наших дальнейших совместных работах. Я уже писал Вам в прошлом письме о том, что не могу согласиться на дальнейшее соавторство. Чтобы ввести Вас в писание лепидоптерологических работ, чтобы подчеркнуть преемственность Ваших и моих работ, мне кажется, что нашей работы о *Phragmatoecia* вполне достаточно. Хотя немножко, но все-таки я в этой работе Вам помог и это оправдывает мое соавторство; в дальнейших же Ваших намечающихся работах (о Сатирах, Карадринах и т.д.) я по существу уже ничем не смогу Вам быть полезен, а потому мое соавторство явится фикцией, чего моя совесть не позволяет*.

Конечно, если в моих письмах к Вам Вы найдете что-либо для себя полезное и интересное, я заранее даю Вам полное разрешение цитировать соответствующие места “*in litteris*”. Если я упоминал в своих примечаниях о *Phr. furica*

* Работа не была опубликована.

Gr.Gr., то не потому, что предполагал возможное сближение между нею и Вашими *algrigitalica* и *seratogina*, а для того, чтобы и у других читателей такой мысли о сближении не возникало. Поэтому было бы очень полезно подчеркнуть отличие Ваших форм от *furica* Gr.Gr.

И последнее – о Summary. Вы не соглашаетесь с моим предложением дать в Summary свободные таблички упоминаемых Вами видов и форм *Phragmatoecia*. Вы говорите, что это не подходит к обычному штампу Summary. Вполне с Вами согласен.

Но неужели же мы обязаны даже в Summary подчиняться какому-то штампу? Ведь буквальный перевод слова Summary будет “Сводка”, а чем же иным, как не сводкой, представленной в легко обозримой и удобной форме описанных Вами в тексте признаков видов и форм, являются подобные сводные таблички, где в ясно сопоставимых описаниях даны все те признаки, которые в разбросанном виде рассеяны во всей Вашей работе! Ну, дело Ваше! Хотите называйте “Сводкой”, хотите как-либо иначе. Дело не в слове, а в том, что такие таблички будут очень полезны и их следует дать!

Уф! устал... Чувствую, что многие фразы бессвязны, но надеюсь, что Вы все-таки их поймете.

Не браните меня, что так много отнимаю у Вас времени, но, как говорится, “взялся за гуж, не говори, что не дюж”!

Оба мы с братом шлем наши приветы Екатерине Васильевне и Вам, дорогой Андрей Андреевич!

Крепко жму Вам руку и крепко целую!

Всей душою Ваш

С. Четвериков

P.S. Я совершенно не помню, даете ли Вы указания, как отличать без вскрытия самок *albida* Ersch. от самок *castaneae* sb. nova? Ведь они чертовски похожи друг на друга и я даже не знаю на что смотреть...

Авторизованная машинопись.

45.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

20 февраля 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Получил Ваше письмо от 15 с.м. Я не хочу снова поднимать больной вопрос, о котором там идет речь; в конце концов каждый человек мыслит по-своему и на свой лад воспринимает события окружающего мира, а стричь всех под одну гребенку – это не в моих правилах. Замечу только, что, если назначение этого письма было – доставить огорчение и опечалить старика, который всегда относился и продолжает сейчас относиться к Вам с величайшей симпатией и любовью, то эту цель можно считать вполне достигнутой. Но, как говорится, “что написано пером, того не вырубишь топором” и сделанного воротить назад нельзя. Поэтому поставим на этом месте точку и, как говорил мой покойный отец: “Schwamm druber”*...

Еще несколько слов о соавторстве при названиях видов, подвидов и т.д. Всю минувшую ночь я напрягал память, чтобы вспомнить такой случай и ни *одного* такого случая вспомнить не мог. В случае соавторства двух исследователей вновь устанавливаемые виды и формы получают описания и названия, подпи-

* “Стирание губкой”, т.е. “снимаем вопрос с обсуждения” (нем.).

санные одним из авторов, то тем, то другим; так, в работе О. Staudinger und A. Bang-Haas одни из видов описаны и подписаны Штаудингером (без упоминания Банг-Хааза) другие подписаны Банг-Хаазом (без упоминания Штаудингера). J. Lederer в своих работах при описании новых видов, открытых Kindermann'ом, всегда оставлял при них фамилию "К по", не прибавляя уже далее своей фамилии...

Конечно, нетрудно представить себе и такой случай, когда после нового названия будут выписаны фамилии двух авторов; ведь случаи подобного "двойного отцовства" не так уж редки в человеческом общежитии, но, признаться откровенно, роль подобного фиктивного папаши при настоящем отце всегда казалась мне и несколько смешной и очень унижительной.

И зачем Вы в Вашем письме говорите о каком-то моем недоверии к Вам!? Ведь Вы же знаете, что это неправда. Неужели же только для того, чтобы оправдать себя перед самим собою?

Перейду на другую, более приятную тему. То, что Вы пишете про свои мечты о Памире, о льдинках в котелке для чая, о белой заиндевевшей росе, о потрескивании ледников, – все это мне и понятно и дорого по своим воспоминаниям; и стихотворение, которое Вы мне прислали, гораздо мне понятнее и созвучнее, чем предыдущее, но Вы не пишете, кто же его автор, а оно так близко сходится с памирским ландшафтом, что брат заподозрил, не являетесь ли Вы сами его автором?

Очень мне не нравится все то, что Вы пишете о своей работе и о своем здоровье; боюсь как бы вместо Памира Вас не пришлось бы поместить в санаторий. Все-таки при всем Вашем благодатном здоровье, силе и выносливости все же Вам уже за 50 лет, а неисчерпаемых сил у человека не бывает; и неужели же Вы не можете как-нибудь "разумнее" распорядиться своими занятиями и временем?

Большое Вам спасибо за присланные адреса Щеткина и Потопольского; пошлю им мою "лебединую песнь"*.

Привет Екатерине Васильевне, а Вам крепко жму дружескую руку.

Целую Вас крепко! И всех Вам благ!

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

46.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

27 февраля 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше письмо от 21 я получил. Оно написано в теплых и дружеских тонах и несколько успокоило мою разбушевавшуюся душу. Спасибо Вам!..

В нем Вы вновь возвращаетесь к вопросу о наших разногласиях, который, я думал, уже похоронен. Но раз Вы об нем пишете снова, то и мне приходится к нему возвращаться. Вы пишете о третейском суде** и в качестве арбитра пред-

* С.С. Четвериков намекает, что слабеет и не надеется, что сможет успеть еще длительно поддерживать переписку со своими корреспондентами.

** С.С. Четвериков отказался от соавторства в публикации статьи А.А. Бунделя по бабочкам группы *Phragmatoecia* по этическим соображениям. А.А. Бундель не может с этим смириться, он надеялся, что публикация, где соавтором будет знаменитый опальный и уже ослепший профессор, обрадует С.С. Четверикова. Шла эпистолярная полемика.

лагаете Михаила Алексеевича; но против Вашего предложения у меня возникают три резких возражения: первое – зачем втягивать в наш спор еще третье лицо, которое мы оба глубоко уважаем, но для которого несомненно роль судьи будет крайне тяжела и неприятна и, если он по своей деликатности сразу категорически и не откажется, то мы доставим ему ряд тяжелых и неприятных переживаний. А для чего?!

Второе – предлагаемый Вами третейский суд не может состояться еще и потому, что я-то лично принять в нем участие не могу, а третейский суд в присутствии лишь одной из сторон – уже не суд.

Третье – и самое главное! – За что же нас судить? За наше расхождение во взглядах и убеждениях? Ведь каждый из нас, очевидно, по-своему считает себя правым, и хотя бы десять судей вынесли свои решения, это не сможет нас *переперубедить*, так как *насилие* не есть убеждение. Поэтому мне лично кажется, что незачем затевать всю эту затею.

Читая Ваши последние письма, я вижу, что Вы меня *совсем, совсем* не поняли! Должно быть, или я так волновался, что не сумел ясно передать Вам свои мысли, или Вы как следует не вдумались в содержание моих слов; поэтому позвольте еще раз вернуться к нашему спору и на этот раз поставить уже все точки над всеми i, i.

Что для меня самое главное в любом научном исследовании? Это – *правда*!! Не “половинчатая правда”, которая часто бывает хуже открытой кривды, а настоящая полноценная, чистая и честная правда, не допускающая никаких кривотолков и никакой лжи вольной или невольной! Это всегда было так и останется до последнего мгновения моей жизни, какие бы обстоятельства ни складывались против меня. С этой мерой походил и подхожу я к Вашей работе о Phragmatoesia. Выдержит ли предлагаемая Вами *форма* этой работы указанное испытание? Представим себе обыкновенного читателя, не знающего лично ни Вас, ни меня. Он читает: “работа С.С. Четверикова и А.А. Бунделя”, никаких объявлений того, какое участие каждый из двух указанных авторов принимал в составлении этой статьи, не указано; какое предположение возникает у такого читателя? Ясно – оба автора принимали более или менее равное участие в написании работы. Будет ли это правдой? Конечно, нет! Ведь во всей работе нет ни одной строчки, написанной или продиктованной мною, и вся она целиком – от начала до конца – принадлежит Вам!! Зачем же мы будем обманывать людей, зачем будем допускать вольную или невольную ложь!?

И совершенно то же должен повторить я и относительно именования двух авторов при новоописаниях: и здесь наличие двух авторов вызовет у читателя представление, что мы оба принимали участие в составлении диагнозов и изучении особенностей каждого вида, но, ведь, и это будет неправда! Во всех этих описаниях нет ни слова, ни буквы, принадлежащей мне, и, значит, присутствие моей фамилии будет обманом и ложью.

Неужели могу я на это согласиться?! Я написал Вам в одном из предыдущих писем, что в своих ответственных поступках всегда руководствовался тем, чтобы поступать так, чтобы при воспоминании об этих поступках не приходилось краснеть *за себя*, не приходилось краснеть *за себя самого перед своей совестью*, не перед кем-либо чужим, даже (!) перед каким-нибудь “кожанчиковым”, что бы они ни говорили, а Вы пишете: “А вот на разных “кожанчиковых”, я попросту бы наплевал”. Как Вы *совсем, совсем* меня не поняли!! Ведь дело не в “кожанчикове” или Петрове или Сидорове, а дело в том, чтобы не испытывать *стыда* за свой поступок!!

Дорогой Андрей Андреевич, я знаю, что Вы подходите к спорному вопросу с совершенно других позиций, знаю, что своим предложением Вы хотели отметить и подчеркнуть нашу дружбу и ту любовь и уважение, которые мы питаем друг к другу, и в частности преемственность Вашей работы как моего ученика; все это я понимаю и сердечно ценю! Если бы я был зрячий, то, конечно, все могло бы быть так, как Вы хотите, но тогда я попросил бы Вас выслать мне все Ваши материалы по *Phragmatoesia*-ам, тщательно бы их изучил, тщательно бы проработал Ваши диагнозы, вероятно с ними бы согласился, а может быть и внес какие-нибудь дополнения и изменения, ну, словом, принял бы действительное, а не фиктивное участие в работе, но сейчас это невозможно...

Какой же найти выход и можно ли его найти? Мне кажется, что можно, и Вы сами указываете его в одном из Ваших последних писем:

Пускай вся работа о *Phragmatoesia* идет от Вашего имени. Это будет настоящая полнокровная чистая и честная *правда*. А то, что Вы сделали ее отчасти под моим влиянием и даже руководством – Вы можете указать в конце работы (как Вы об этом пишете), выразив мне в любой желательной для Вас форме и Вашу дружбу и Вашу признательность! И это будет тоже *правда*, и эта правда мне будет в сотни раз дороже той кривды, которая первоначально предполагалась.

Еще два слова о среднеазиатских Карадриках. То, что Вы пишете, что половина видов оказалась неопределенной, меня ни мало не удивляет: ведь это такой трудный род, за систематику которого никто не брался, а Средняя Азия с бесконечным разнообразием своих ландшафтов способна дать приют бесчисленному разнообразию видов. Но Вы ничего не пишете о том, как поддаются средне-азиатские виды определению по внешним морфологическим признакам, а не только по гениталиям. Вы, вероятно, не упустили из виду одну из последних работ И.Н. Филиппева о средне-азиатских ночницах, где он разбирает не то 5, не то 6 видов Карадрин.

Я совершенно уверен, что подобная же или еще более разительная картина получится, когда Вы доберетесь до *Bryophila*. Там непочатый край еще больший!..

(...)*

На прощанье два слова на стихотворение Бальмонта. Оно мне очень нравится и от него веет таким ароматом памирских высот, что я вполне понимаю и извиняю Колину ошибку! Я даже не предполагал, что Бальмонт мог подниматься до таких “высот”...

Чувствую себя не очень хорошо. Как будто ничего нет, а слабость, боли и вообще кислое состояние духа: приписываю это надвигающейся весне...

У нас стоят чудесные дни: ночью термометр падает до -10° , -12° °C, а днем – яркое солнышко, глубокое синее небо и весеннее настроение у воробьев и людей.

Сердечный привет Екатерине Васильевне, а Вам желаю больше всего и прежде всего здоровья, здоровья и опять здоровья!!! Оно меня все-таки все время очень тревожит и мне все время хочется думать о Вас так, каким Вы были в дни наших первых встреч: цветущим, сильным и жизнерадостным!..

На этом пока точка. В последнем письме Вы обещали написать мне большое письмо еще в субботу, 23-го числа. Сегодня – среда, (27-ое), но пока этого письма нет, а задерживать это письмо больше не хочется и опять, как всегда, наши с Вами письма разминутся. Ну что ж! такова их судьба.

* Далее опущена часть письма о погоде и самочувствии.

Пусть же будет все у Вас хорошо и давайте жить снова в мире и дружбе, как мы жили до сих пор, а если мы в чем-нибудь друг с другом не согласны, то будем улаживать спор дружески, помня, что нет большего греха, чем насилие над человеческой душой.

Позвольте же мне, дорогой Андрей Андреевич, на этом Вас крепко-крепко обнять и крепко-крепко поцеловать!

Весь и всегда Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

47.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

14 марта 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Только что получил Ваше письмо и спешу ответить с обратной почтой, пока еще со мной брат и я корреспондентно-способен. У брата билет уже в кармане, и скоро я недели на две останусь с одной Дусей. Чего-либо веселого о себе сообщить не могу: все тянется одна и та же волынка, а потому об этом замолкаю.

Очень меня порадовало Ваше сообщение, что Вы предпринимаете с Екатериной Васильевной небольшие прогулки на лыжах, а также то, что Вы решили снять на весну дачку, да еще в такой красивой, как Вы пишете, местности*. К сожалению я эти места, можно сказать, совсем не знаю, никогда не бродил там с сачком, а только проезжал мимо по железной дороге. Порадовался я и тому, что Вы собираетесь весну и начало лета интенсивнее пособирать московскую фауну, а главным образом тому, что Вы хотите производить лов на приманку. Очень интересует меня, как она Вам удастся. Помните все мои наставления! Не огорчайтесь первыми неудачами, а в случае чего, пишите мне и требуйте совета. Ведь я помню чудеснейшие ловы не только на сухом Тарбагатае, но и в подмосковных местах. Помню, как под Дмитровым я выиграл пари у Г.А. Кожевникова тем, что поймал на приманку за один вечер более 100 разных видов ночниц...

Немного радуюсь Вашему сообщению о том, что Вы перешли на полставки в Вашем Рентгенологическом институте, а почему же не совсем ушли из него? Я что-то после того, как узнал о Вашей болезни возненавидел этот институт и хотел бы, чтобы он провалился сквозь землю!**

Все, что Вы пишете о своих Карадринах, понятно, чрезвычайно интересно, но моя слепота все чувствительнее дает себя знать и зрительная память все слабее и слабее воспроизводит образы, но глаз не вернешь и вздыхать об этом бесполезно... Очень радует меня, что Вы сошлись с Михаилом Алексеевичем [Рябовым] на Карадринах – группа эта чрезвычайно трудная и работать над ней в одиночку было бы тоскливо. А тут Вы оба взаимно подогреваете друг друга и работа становится скорее и веселее.

Оттиск с моей статьей о новой Cusculia передаст Вам брат, когда будет у Вас; я еще никому не рассылал оттисков, потому что никак не могу добиться от ленинградцев имен и отчеств: В. Кузнецова, В.В. Петрова^{3*} и А.А. Штакель-

* Супруги Бундель в марте сняли комнату в д. Артемьево недалеко от Абрамцева к северу от Москвы на высоком берегу р. Сумер.

** Речь идет о лучевой болезни А.А. Бунделя.

^{3*} Можно полагать, что С.С. спутал фамилии В.В. Попова (1902–1960) с В.В. Петровым. О последнем сведений мы не нашли.

берга. Не хочется рассылать оттиски в разбивку, хочется все это сделать зараз, а для этого надо подписать все оттиски сразу. Надеюсь, что все это будет сделано, когда вернется брат.

У меня к Вам, Андрей Андреевич, вот такая просьба: брат передаст Вам небольшой пакет с моими материалами о крымских бабочках. Для Вас они представят мало интереса, а потому я списался с Ленинградом, чтобы присоединить мои материалы к материалам из Крыма Н.Я. Кузнецова и Герасимова. Если это Вас не затруднит, отвезите этот пакет в Ленинград и через Михаила Алексеевича направьте его в ЗИН – А.К. Загуляеву. Дело это не спешное, а потому выполнение его может быть отложено до любого удобного для Вас срока.

К этому пакету присоединяю еще совсем маленький сверточек. В нем содержится следующее: два энтомологических пинцета; если Вам они не нужны, то прошу передать один из них “на память” обо мне М.А. Рябову, а другой “от незнакомого дедушки” В. Кузнецову. Кроме пинцетов в сверточке находится маленькая коробочка с “клецками” для микро – эту коробочку прошу через М.А. Рябова передать А.К. Загуляеву. Наконец, у меня к Вам вот еще какой вопрос (пишу вопрос, а не просьба, так как просить Вас об этом у меня нет никаких оснований): в коричневом ящичке с инструментами, который я Вам передал, имеется широкая низенькая пробирочка, заткнутая пробкой, а в пробирке довольно большое количество специальных (без головок) булавочек для микро-“минуций”. Если Вы сами не предполагаете когда бы то ни было в будущем ими воспользоваться, то не сочтете ли более целесообразным тоже передать их в ЗИН, где в них огромная нужда, А.К. Загуляеву (через М.А. Рябова); но, конечно, это только в том случае, если *эти минуции Вам абсолютно не нужны*. В таком случае передайте уж туда и специальный пинцет для минуций – он – большой, грубый, с плоскими несколько согнутыми и прямо-обрубленными концами и грубой нарезкой.

Вот пока все! Буду ждать от Вас письмо числу к 25-му, когда может вернуться брат. Очень это скучно так долго ждать, но буду терпеть.

Сердечный привет Екатерине Васильевне. Крепко Вас обнимаю и целую.
Сердечно Вам преданный

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

48.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

15 апреля 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Очень давно не писал Вам и сам не знаю, почему так вышло; всему виной, вероятно весна, которая окончательно расслабила мои и без того негодные силенки. Как-то не хочется ничего делать, даже думать не хочется и целый день лежишь как чурбан...

Сначала несколько слов о Вашем письме еще от 28.III*. В нем Вы пишете о том, что два новых вида Карадрин, найденных Вами, уже описаны Boursin'ом

* В этом письме А.А. Бундель высказывал заботу о здоровье С.С. Четверикова, описывал поездку в Ленинград, где читал лекции по кристаллографии и люминесценции, говорил с возмущением о поведении Кожанчикова, который завидовал тому, что С.С. Четвериков свою лепидоптерологическую библиотеку подарил А. Бунделю, а не ЗИНу, рассказывал об интересном визите к М.А. Рябову.

уже в 1954 году; Вы пишете, что готовите для Boursin'a рисунки гениталий некоторых предполагаемых новых видов и при этом жалуетесь на Boursin'a, что "он имеет скверную, на мой взгляд, негодную привычку описывать все, присылаемые ему на определение, новинки". Дорогой Андрей Андреевич, может быть и к сожалению, но такова привычка вообще принятая среди систематиков, и посудите сами, какой был бы интерес специалисту возиться с чужими сборами, за что ему никто ничего не платит, ни деньгами, ни славой, и ведь ему остается только единственная компенсация в виде описания нового вида; а если Вам хочется это делать самому, то надо это делать раньше, чем посылать материал специалистам. При этом, конечно, есть довольно большая опасность вторично открывать Америку, но это зло не столь большой руки – попадете в синонимы, а вторичное описание какого-либо редкого вида никому не повредит, а только окажется полезным.

Вы уже не в первый раз упоминаете мне о какой-то замечательной *Ascopista** из окрестности Алма-Аты и мне приходит в голову: почему бы Вам не дебютировать в лепидоптерологической литературе небольшой работой примерно под таким названием: "Шесть новых видов ночных бабочек (*Heterocera*) из Средней Азии". Я уверен, что у Вас найдется материала не только для шести, но для гораздо большего числа новых видов. Там могли бы Вы описать Мурзинскую ночницу (*A. mursini*) и по Бурсеновскому "скверному" примеру присвоить экземпляр себе. А вероятно, ночничка занятная, раз она так Вас поразила...

Всей душой приветствую Ваш (к сожалению, очень медленный) отход от Рентгенологического института, очень бы хотелось самому послушать Ваш краткий курс; мне думается, сколько я Вас знаю, при Вашем четком мышлении он должен получиться очень ясным и доходчивым. По своему опыту знаю, во сколько раз "краткий" курс требует несравненно больше труда и умения, чем "длинный" – 200 часов, когда мысль может растекаться по древу, возвращаться вспять или уводить куда-то в сторону.

Теперь поподробнее о Вашей приманке. Ваша идея подготовить приманку, просушивая тряпки на чердаке, мне кажется очень остроумной при условии только, что Ваша приманка не привлечет там какую-нибудь эдакую здоровущую "Бабочку", которая выкинет ее в печку. Но что мне совсем не нравится – это состав Вашей приманочной жидкости. Зачем тут опять это пиво? Во-первых, я не уверен, что перед разливом в бутылки к нему не подмешивают какого-нибудь антисептика, прекращающего брожение, а главное, что же Вы будете делать с этим пивом где-нибудь на склонах или в ущельях Памира? Все равно ведь Вам придется переходить на какую-либо другую бродящую жидкость и по-моему это надо сделать с самого начала.

Я уже, кажется, писал Вам как-то, что для получения бродящей жидкости я в прежнее время пользовался сушеной клюквой с сахаром. Сейчас этого наверное нету (экстракт не годится), а в Крыму я широко пользовался просто сиропом от компота: фрукты съедал сам, а жидель ставил на брожение и приманка работала прекрасно; мне думается, что для Вас это наиболее подходящий материал. Сухих фруктов для компота и сахарного песка Вы можете запасти из Москвы сколько угодно, а на Памире будете варить себе компот, что будет вкусно и полезно. Очень хорошо делать, как и Вы, прибавлять в жидкость изюму. Не без успеха прибавлял я в приманочную жидкость и немножко сухих дрожжей. Всю приманку (и жидкость и тряпки) я держал всегда в большом широкогорлом

* Один из родов ночных бабочек (совок).

бидоне с хорошей, достаточно плотной крышкой; в этот бидон я запихивал мои тряпки и заливал их начавшим бродить компотом. И так возил их целый день; ночью расставлял, а утром опять складывал в бидон в остатки бродящей жидкости и доливал их этой же жидкостью сколько нужно. И так без перерыва приманка работала изо дня в день.

Теперь несколько замечаний о тряпках. Я уже писал Вам, что тряпки не должны быть светлыми, цвет суровой мешковины – лучше всего. О том, чем можно заменить мешковину я как-то никогда не задумывался, так как мешковина меня вполне удовлетворяла. Конечно, при очень большой сухости (в песках, на сильном сквозняке) приманка к утру отсыхает, но главный лов ведь бывает с вечера, когда приманка вполне работоспособна, а в крайнем случае слишком подсохшую приманку можно слегка sprysнуть водой.

Вы спрашиваете, не следует ли перед отправкой на Памир выстирать уже хорошо работающие тряпки. Зачем? Ведь это значило бы почти уничтожить всю подготовку тряпок и начинать почти с начала подготовку приманки.

Вы спрашиваете, каких ночниц можно ожидать на приманку ранней весной и сами перечисляете почти все, что может при этом встретиться. Ну, пожалуй, может попасться еще перезимовавшая *Scoliopteryx libatryx*, *griseovariegata* (*piniperda*), два–три вида *xilina*. Не помню, прилетают ли на приманку *Brachionycta nubeculosa*.

На этих днях получил весточку от А.И. Куренцова. Он жив и, по-видимому, работает, так как прислал мне свою работу о двух замечательных дальневосточных листовертках, помеченную 56-м годом. Эту работу, написанную обстоятельно и интересно, я шлю Вам с моим братом для присоединения к Вашей библиотеке...

Всегда Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

49.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

9 июня 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Вчера получил, наконец, Ваше долгожданное письмо, разошедшееся, как ему полагается, с моим письмом от вчерашнего же числа. Немедленно известил Вас об этом открыткой, которую, надеюсь, Вы уже получили. А сегодня ночью надумал написать Вам небольшое письмо из расчета, что до Вашего отъезда на Памир мы еще успеем раза два обменяться письмами.

Я бесконечно рад тому бодрому тону, который сквозит в Вашем письме, а потому пишу Вам сегодня о всяких бабочьих делах, не смущаясь страшной загрузкой Вашего внимания и Ваших сил, создавшейся перед отпуском. Если долго не получу от Вас ответа, то постараюсь не думать ничего плохо, а терпеливо ждать его.

Мысленно воображаю себе Вашу комнатушку, всю заставленную шкафами и 300 ящиками коллекции, и всюду – на полу, на столах, на диване – коробки с консервами, ящики, ботинки и прочая мура.

Радуюсь за Вас и Екатерину Васильевну и чувствую, как вас глубже и глубже захватывает лихорадка отъезда. Напишите мне как-нибудь Ваш предполагаемый маршрут. Не думаете ли Вы посетить какие-либо новые места?

А что делает Ваша приманка? Думаете ли Вы ее тащить с собой? И неужели повезете запас яблочного сока? Сколько же Вам для всего этого понадобится ишаков?... На эту тему в школьном календаре на завтрашний день помещена поучительная картинка, которую горячо рекомендую Вашему вниманию!..

Ну, а теперь о бабочках! В Вашем письме Вы затрагиваете очень интересные вопросы в связи все с тем же Подалирием. На меня напала охота ответить Вам *in extenso**, раз тема является такой интересной и удобной.

1) *Sinon Poda* (1774?) *contra podalirius L.* (1758). О том, что такое *sinon Poda*, ни у кого и никогда не возникало сомнений; это наш европейский “Подалирий”, описанный, если память не изменяет, из Южной Австрии (Трансильвании?); почему-то (не знаю почему) за типичную морфу принимается весенняя, как я уже Вам писал, более мелкая, более темная и с длинными волосками на лбу и на темени. Если память мне не изменяет, то позднелетнюю морфу (*m. aestiva*) (II ген.)** окрестили названием *zancleus*. Тут, значит, все ясно. А что ж такое *Papilio podalirius L.*, описанный последним^{3*} в 1758 г. в основном (10-м издании) его *Systema Natura*. – Смотрите том Линнея в Вашей библиотеке. Там, на странице...^{4*} сделана сноска, в которой дано очень коротенькое и несовершенно описание *Papilio podalirius*. Конечно, из этого описания ничего вразумительного для выяснения различий *P. sinon Poda* от *podalirius* не вычитаешь. Но там есть одно замечание, которое сразу же решает вопрос. В заключение Линней говорит: “*Hab. In Africa sept.*”^{5*}, но, сколько я знаю, в Северной Африке летает только тот вид (или форма) *podalirius*’а, который много позднее был выведен Дюпоншелем под названием *feisthamelii*. Таким образом, *последнее название (feisthamelii) является просто синонимом к типичному Подалирию Линнея и не может совпадать с sinon Poda*, как последнее принимают многие авторы, в том числе Verity до 19...^{6*} года, а также склонны принимать и Вы, дорогой Андрей Андреевич.

Блестящим подтверждением только что сказанного выше является ревизия самого же Verity типов дневных бабочек в коллекции самого Линнея, хранящейся в *Linnean Society – London*^{7*}. В этой коллекции под этикеткой *podalirius* сидит несомненный экземпляр “*feisthamelii*” с собственной этикеткой Линнея – *Africa sept.* (смотрите брошюру Verity в Вашей библиотеке).

2) *Species nov subspecies?* – Вы ставите в своем письме совершенно естественный, законный и даже неизбежный вопрос, почему следует рассматривать *P. podalirius L.* и *P. sinon Poda*, как два самостоятельных вида, причем ссылаетесь на соседнего махаона, у которого есть формы (подвиды), гораздо более отличные от обыкновенного типичного махаона, чем те различия, которыми различаются *P. podalirius L.* и *P. sinon Poda*.

Вопрос не только законный, но и необходимый. Я, к сожалению, ничего не знаю о различиях в строении гениталий, а потому вынужден опустить эту сторону вопроса. Все, что я знаю, сводится к следующему: в южной части Испании летают одновременно и совместно обе “формы” и *P. Sinon* и *P. Podalirius (feisthamelii)*. Но обе эти “формы” держатся обособленно, не смешиваясь и не

* Полностью (*лат.*).

** II ген = вторая генерация, второе поколение за лето.

^{3*} L. – Линней описал в 1758 г. эту бабочку в книге “Система природы” или “Естественная система”.

^{4*} Так в тексте – по-видимому, страниц Сергей Сергеевич вспомнить не смог.

^{5*} Обитает (обычен) в Африке в сентябре (*лат.*).

^{6*} Так в тексте.

^{7*} Линнеевское общество в Лондоне.

скрещиваясь друг с другом, и не давая переходных особей. При этом у той и другой формы существуют как весенняя, так и летняя морфы, отличные друг от друга (летняя форма *podalirius* L. кажется носит название *lotteri*). Таким образом, всплывает мое определение *понятия* “вид” и *podalirius* L. и *sinon* Poda каждая в отдельности образует *Paarungsgemeinschaft*, т.е. свободно скрещивающиеся (потенциально) совокупности, сиречь – виды. Каждый из этих видов имеет свой обособленный *Formentires*, представляющий собой параллельный, но не совпадающий ряд форм (морф).

3) *Papilio machaon* L.

В своем письме Вы указываете на махаона, с его бесчисленными формами и подвидами, чрезвычайно между собой различными, и задаете справедливый вопрос, почему же мы считаем все эти разнообразные формы за один вид *machaon* L., а гораздо менее различные *podalirius* и *sinon* за самостоятельные виды?

Вопрос – опять-таки более чем законный и естественный; подобный вопрос возникает у каждого вдумчивого систематика всякий раз, когда ему приходится сталкиваться с формами, схожими, но не тождественными. Вид или разновидность? Универсального ответа на этот вопрос нет и быть не может. Каждый конкретный случай надо решать самостоятельно и добрая половина систематической работы уходит на этот и подобные ему вопросы. Попробую изложить Вам *мое* понимание путей, какими можно подходить к решению указанного вопроса.

Очень большую роль отвожу я в этом деле так называемому “систематическому глазу”. Что это за “глаз”? Некоторые склонны видеть в нем какой-то особый “божественный” дар, другие, напротив, явно или тайно подсмеиваются над таким “глазом”. Но смеяться, по-моему, тут нечему.

Никто, самый талантливый систематик не родится с таким “глазом”; этот “глаз” вырабатывается у человека постепенно с ходом его систематических занятий, с углубленной и вдумчивой работой. С каждым годом, с каждым днем при занятиях систематикой перед нашим взором проходят десятки, а иногда и многие сотни экземпляров, принадлежащих к тому или другому виду; экземпляры эти сходны (один вид), но в то же время среди них подмечаются некоторые небольшие различия; эти различия проходят перед глазами, нигде не фиксируются, но в то же время где-то глубоко в нашем подсознании полученные впечатления накапливаются и постепенно, шаг за шагом в этом подсознании складываются представления о характере каждого отдельного признака, о среднем его значении (величине), и о тех отклонениях, которые данный признак может иметь от своего среднего значения в ту или другую сторону, не нарушая при этом понятия цельности вида. Геометрически мы можем сказать, что эти отклонения могут колебаться около своей средней с амплитудой в три квадратических ошибки (3σ). Мы, сами того не замечая, привыкаем судить о каждом признаке не только как о некоторой величине, но и как о некотором изменчивом явлении, и для каждого признака у нас является представление и об его устойчивости, и о его колеблемости и о том, в каких пределах эта колеблемость является нормальной. Вот это и есть то, что мы называем “систематическим глазом”. Это и создает неосознанную интуицию систематика.

Если то или другое отклонение настолько велико, что выходит за пределы трех квадратических ошибок, то такое отклонение нами отмечается особо и иногда фиксируется под тем или другим названием, как аберрация. Если в одном и том же экземпляре одновременно встречается несколько таких чрезвычайных отклонений признаков, то такой экземпляр останавливает на себе еще большее наше внимание и нередко фиксируется в наших описаниях.

Такая подсознательная оценка индивидуумов одного вида часто дробится в связи с тем, что перед нашими глазами систематика проходят формы, взятые из разных мест или условий существования. В одном месте средняя величина признака может быть такой, а в другом месте – другой, хотя бы своей средней величиной у этой другой формы признак не выходил бы за пределы “нормальных” отклонений. Чем больше таких несовпадающих своими средними величинами признаков у двух форм из различных местностей, тем больше становится очевидным, что эти формы разошлись, а потому заслуживают выделения в особый подвид, под особым названием. И опять-таки в громадном большинстве случаев такое заключение устанавливается интуитивно, “систематическим глазом”, и только уже потом, позднее мы стараемся оформить эти различия в соответствующих описаниях.

Иногда такие расовые различия выходят за пределы нормальной изменчивости вида, как мы это имеем, например, у *P. machaon* L. с его разновидностями *ladallensis* Stgr., *hyperscillates* и друг [их]. Тут нередко случается, что интуиция нам изменяет, а “систематический глаз” подводит. Именно тут возникают и споры и полемика, а иногда даже ругань (у особенно страстных). Что может нам тут помочь? Тщательное изучение колеблемости того или другого признака не только внутри каждой расы (подвида), но и между различными расами. На наш систематический глаз или, вернее, систематический такт накладывается новая обязанность: учитывать изменчивость не только между индивидами, но и между различными группами их; получается уже групповая изменчивость; тут должны учитываться не столько групповые различия (между группами), сколько возможность и фактическое осуществление переходных индивидуумов, которые связывают между собой по тому или другому признаку различные подвиды или формы.

Так, наши дальневосточные махаоны по своим размерам иногда почти или совсем не уступают японским *hypocrites*. Так же среди средне-азиатских махаонов встречаются особи с “намеком” на *ladallensis*. И все же мы (систематики) часто ошибаемся и теряем виды среди разновидностей или – наоборот, и все же наиболее надежным в этих случаях является мое определение понятия вид как *Paarungsgemeinschaft* и *sinon*, как мы это видели на примере *P. podalirius* и *sinon*.

Дорогой Андрей Андреевич! Простите меня старика за эту “систематическую” болтовню, но с кем же кроме Вас можно об этом побеседовать и знать, что Вы при этом не сморщите чересчур кислую гримасу. Возможно, конечно, что я поднаврал в названиях, но суть-то дела остается.

В своем письме Вы пишете всевозможные комплименты и моей стариковской памяти, и моему стариковскому уму, и моему стариковскому стоицизму. Дорогой Андрей Андреевич! Верю вполне Вашей искренности и Вашему доброму ко мне расположению, но смею Вас уверить, что дело далеко не так блестяще, как Вы пишете. Голова моя стала дырявой, из нее все вылетает, все сыпется, иногда доводит до горького смеха. Поверьте, я как-то несколько минут никак не мог вспомнить фамилию композитора, написавшего оперу “Евгений Онегин”! (Честное слово!).

На этом кончаю. Мы оба с братом шлем Вам и Екатерине Васильевне наши лучшие пожелания и приветы*. (...)

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

* Далее из текста письма опущен постскрипtum с продолжением анализа названия бабочки, которую мы называем *подалирием*.

Горький

6 ноября 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Давно не имею от Вас вестей и еще более давно не писал Вам (если не считать коротенькой поздравительной открытки). Наконец-то вернулся домой брат, который был у Вас в самом начале своего приезда в Москву и вот только что вернулся в Горький. В Москве он провалялся с гриппом 6 дней и не успел заглянуть к Вам перед отъездом. Да еще и сейчас он далеко не вполне оправился – убавились силы, обострились всякие неполадки в организме...

Вчера отправил письмо М.А. Рябову в ответ на его очень залежавшееся письмо. Несмотря на внешне бодрый тон в его письме чувствуются пессимистические нотки; это – старость! И по себе знаю, что ничего веселого она с собой не несет. Счастье еще, что он хорошо видит и хотя не спеша может работать. Я все уговариваю его начать печатать своих “ночниц Кавказа”, хотя бы по частям, по отдельным группам, по отдельным проблемам – то, что у него уже наработано и может быть опубликовано. Ведь ужасно будет жаль и обидно, если он совсем выйдет из строя и вся его громадная работа останется безпризорной и в конечном счете канет в Лету, т. е. попадет в архив. Ведь у него уже сделано очень и очень много.

Вы обещаете в Вашем последнем письме подробнее написать мне об впечатлении, полученном Вами от ЗИНа. Наконец то это совершилось! И конечно меня забирает нетерпение подробнее услышать от Вас о полученном впечатлении. При всех его недостатках (которых немало) ЗИН все же является центром нашей русской лепидоптерологии. Ведь одних *типов*, я думаю, в нем не менее пятисот: коллекция Эверсмана, Менетрие, Бремера, котиры Ершова, а затем следующее поколение – Алфераки, Грумм-Гржимайло, отчасти Христоф, и наконец их эпигоны* – Авинов, Кожанчиков (отец и сын), И.Н. Филиппьев e tutti quanti**. Я помню по себе, что мое первое впечатление от этой коллекции было очень сильное. Конечно, по-моему, покойник Н.Я. Кузнецов сильно испортил ЗИНовскую коллекцию тем, что слил (и при этом самым нелепым формальным путем) все оригинальные коллекции в одну общую и тем обесцветил характерные черты каждого автора; не знаю в каком виде коллекции сейчас после Кожанчиковского хозяйничанья; боюсь, что кузнецовская путаница кожанчиковской путаницей возведена в квадрат.

Надеюсь, что Ваш грипп наконец Вас покинул и что Вы в полном здравии, но с головой ушли в свою работу. Очень хочется узнать, что интересного Вы за это время раздобыли, сам я Вам про бабочек ничего не пишу, хотя и продолжаю, насколько хватает сил и памяти ими интересоваться. Как странно!: вот я почти ослеп, не вижу ни ясного контура, ни формы, ни рисунка и совершенно то же происходит с памятью. Казалось бы впечатления, закрепленные в памяти еще до наступления слепоты, должны, были бы сохраниться в ней в полной четкости и ясности, а на самом деле не так; вспоминая прежние образы я как будто смотрю на них теперешними слепыми глазами и в моей памяти все расплывается – и контуры и рисунки и окраска. Странно!

Что могу сказать Вам о себе? Живу все так же, все в том же положении, может быть чуточку убавилось сил. С ухудшением погоды стал реже и меньше гу-

* Деятели, задача которых – дальнейшее развитие идей и предприятий своих знаменитых предшественников (*греч.*) (МЭС, Брокгауз и Эфрон, СПб., 1902. Т. 3. С. 1924).

** И все до одного [последователи] (*итал.*).

лять, больше хочется остаться дома, сидеть в кресле или лежать, по-прежнему день мой складывается так: утром диктую письма (по одному в день), а вечером часов с восьми брат мне читает (в настоящее время интересно написанную автобиографию К. Паустовского “Повесть жизни”). И так день за днем.

Очень жду от Вас письма. Дорогой Андрей Андреевич, я так привязался к Вам, что Ваши письма стали для меня почти необходимостью; постоянно, постоянно вспоминаю и о Вас и об Екатерине Васильевне, которой шлю мой сердечный привет. Вот и сегодня, в день Вашего рождения (52 года?) мысль то и дело возвращается к Вам и мы с братом оба еще раз сердечно Вас поздравляем.

Я очень хорошо знаю, до какой степени Вы сейчас загружены работой, а потому не принимайте близко к сердцу мои настойчивые просьбы – ведь у меня 24 свободных часа в сутки, а у Вас 24 часа забитых работой до отказа! И я буду терпеливо ждать, но знаю, что в конце концов все-таки дождусь. А ведь возможно, что по установившемся у нас обычаю – вот сейчас, когда я пишу Вам, и Вы сидите за столом и пишете мне и наши письма снова разминутся где-нибудь около Владимира...

Ну, кончаю! Еще раз Вам обоим сердечные приветы!! Крепко-крепко Вас обнимаю и целую!

С. Четвериков

Дорогой Андрей Андреевич! Не сердитесь на меня, что я к Вам не забежал перед отъездом: последние два дня я боялся выходить, чтоб как-нибудь только дотянуть до поезда. Я знал, что оттягивать свое возвращение нельзя, ни в коем случае. Брата я застал в довольно плохом состоянии, но сейчас он снова приободрился, боли затихли и нервы успокоились. Сейчас все опять стало на свои привычные места! Привет Екатерине Васильевне.

Николай Четвериков

Авторизованная машинопись.

51.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

19 ноября 1957 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Получил Ваше письмо и, как видите, быстренько на него отвечаю, но это вовсе не значит, что и от Вас я так же быстро жду ответа. Ведь для меня эти письма приятное заполнение времени, а для Вас – каждое письмо – это оторванные драгоценные минуты... <...>*

Крепко, крепко обнимаю и еще крепче целую.

Всей душой Ваш

С. Четвериков

Р. S. Хотелось бы еще сказать пару слов о тифлисском Совещании**. Если судить только по Тезисам докладов, которые были переданы Вам братом, то Совещание было гораздо обширнее и интереснее, чем я это первоначально

* Далее опущен текст письма, в котором уточнялся день рождения А.А. Бунделя, обсуждались летние сборы бабочек и рекомендовалось, не откладывая, произвести их научную обработку.

** Тбилисское III Всесоюзное совещание энтомологов (октябрь 1957 г.) тепло встретило известие об избрании С.С. Четверикова почетным членом ВЭО (РЭО) Советом Общества. На совещании произошло бурное обсуждение методов борьбы с сельскохозяйственными и лесными вредителями.

предполагал. На мой взгляд затронуты были все основные проблемы энтомологии и борьбистская энтомология заняла в нем лишь свое подобающее место. Это я считаю очень большим плюсом. Другое дело – как соответствующие работы были преподнесены. Судя по письму Загуляева (который, правда, там не был), доклады были скомканы, проводились наспех, без всякого обсуждения. Но это уже промахи и недочеты организации. Конечно, возможно, что и научный уровень многих докладов был не на высоте. Но в будущем все это можно исправить. Важно то, что энтомология с коленок становится на ноги!

Объяснительная записка.

Дорогой Андрей Андреевич, посылаю Вам мои замечания и исправления нашей работы о *Phragmatoecia Newman*.

Ни в коем случае не считайте их для себя обязательными; я предлагаю их лишь Вашему вниманию. Самые поправки и дополнения под номерами приложены на отдельном листке, а здесь я лишь даю к ним объяснения. Читайте оба листка параллельно.

Объяснения

№ 1. Объяснение уже дано в моем предыдущем письме*.

№ 2. Сколько я знаю, официального географического названия “Туркестан” больше не существует и его приходится заменять названием “Средняя Азия”.

№ 3. Эти указания мест происхождения я считаю нужными, чтобы у читателя не создалось впечатления, что рисунки сделаны с типичных малоазиатских экземпляров.

№ 4. Вы ни словом не отмечаете разницы между типичной *Castaneae* и той формы этого вида, которая мною собрана на озере Зайсан в количестве свыше 30 экземпляров. Все экземпляры очень однотипны и бледного серовато-желтоватого цвета, так что каштановыми (*Castaneae*) их назвать никак нельзя. Окраска настолько отличная, что я долгое время считал эту форму за *albida* Ersch, пока Вы не доказали мне моей ошибки. Но во всяком случае – эта бледная, беловатая форма заслуживает того, чтобы ее выделить под особым названием, особенно ввиду того, что сходная беловатая окраска свойственна и ряду других среднеазиатских видов.

№ 5. Указанное дополнение желательно и для типичной *Phr. castaneae* Hb., так как в дальнейших описаниях Вы постоянно указываете на половой диморфизм.

№ 15. Надо было посмотреть тип *Phr. Roborovskii* в ЗИНе, а “гадать на кофейной гуще” – не следует.

№ 17. Непонятно! *Phr. Castaneae* – тупокрылая! Как же остроконечная *Phr. argemena* sp. n. может по форме удаляться от *Phr. albida* Ersch и приближаться к тупокрылой *Phr. castaneae* Hb. ???!

№ 18. Установление и описание данного вида также как и других новых видов и форм в настоящей работе полностью принадлежит А.А. Бунделю. Поэтому автором новых названий должен писаться только Bundel (Bdl.).

Андрей Андреевич! Чрезвычайно жалко, что Вы не познакомились с типами видов *Phragmatoecia*, хранящимися в ЗИНе. То, что Вы указываете для *Phr. karatagina* sp.n. кофейную, т.е. сравнительно общую окраску сверху и еще более темную снизу – невольно вызывает образ *Phr. furia* Gr. Gr. Нет ли между ними какой либо связи?

* Из предыдущего письма были опущены лепидоптерологические рассуждения.

А ниже на стр. 13–14 Вы устанавливаете новую форму alschiritalica от Phr. torrita Stgr., отличающуюся только более темной (“светло-коричневой”) окраской крыльев. Может быть она имеет какое-либо отношение к Phr. furia Gr.?

Все эти вопросы, которые возникают, но остаются без ответа.

Дорогой Андрей Андреевич!

В настоящее время в биологии (не знаю как в химии) устанавливается очень хороший обычай давать в конце работы так называемое Summary, Résumé. Выводы. Это Summary дает возможность не читая самой работы быстро охватить ее содержание и ориентироваться в ее результатах. Нечто в этом роде, но не полное даете и Вы на заключительной странице. Я бы *очень рекомендовал* все-таки дать в заключение сводные таблички признаков (отдельно для самцов и самок) по тому образцу, как я это делал для некоторых групп бабочек. Такие таблички очень облегчили бы обзор всех перечисленных Вами видов и дали бы указания, на описании каких именно видов или форм следует сосредоточить свое внимание. По моему мнению, было бы достаточно взять 7–8 признаков.

Крепко жму Вам руку и целую!

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

52.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

13 декабря [1957]

Дорогой Андрей Андреевич!

Вот наконец и на моей улице праздник – пришло Ваше такое долгожданное письмо. Ждал я его терпеливо и без лишней тревоги, так как Коля сообщил мне, что был у Вас и видел Вас в полном здравии и очень занятым.

Конечно, в Вашем письме больше всего встревожило меня известие о состоянии здоровья Екатерины Васильевны. Ведь она всегда производила на меня впечатление человека очень здорового и очень следящего за своим физическим состоянием. Да и по годам ей еще рано сдавать. Очень сочувствую ей и только крепко надеюсь, что ее сердечное недомогание явление случайное, не имеющее под собой глубокой почвы.

В связи с этим возникает вопрос, о котором и Вы мне пишете – вопрос о том, куда направиться летом, чтобы дать возможность Екатерине Васильевне провести свой отпуск в более благоприятной для сердца обстановке, чем обычно. Дорогой Андрей Андреевич, едва ли я могу здесь чем-либо Вам помочь; ведь Вы сами путешественник неизмеримо более опытный чем я, и места в нашем Союзе Вам известны не хуже, чем мне. Но все же один совет я себе позволю дать: я еще писал Вам об этом, когда-то давным-давно, а теперь повторю. Дело не в том, куда ехать, а в том, *как* путешествовать. Я всегда предпочитал и до сих пор думаю, что совершенно не следует передвигаться непрерывно с места на место, как это вошло у Вас в привычку, а выбрав подходящее место, обосноваться на нем подольше, неделю или две, организуя небольшие экскурсии во всех направлениях, а затем лишь выбрав новое, удобное место стоянки передвигаться туда и снова “обшаривать” его окрестности. Конечно, для *географа* это довольно неинтересный способ, но для фауниста-лепидоптеролога такой способ гораздо продуктивнее и в смысле количества сбора, а главное его полноты. Для

примера могу сослаться на мои Тебердинские сборы*, когда всего за один месяц, 20 дней – мне удалось сделать сбор, который Вы у меня видели, и дающий достаточно полную характеристику как по всей фауне в целом, так и распределению ее по вертикали и по станциям.

Перехожу к эпикурейцу – Рябову. Все-таки Вы не правы, когда утверждаете, что опубликование своей работы – дело второстепенное и в подтверждение правильности своего мнения указываете на то, что и я сам почти ничего не публиковал. Последний упрек бьет мне не в бровь, а прямо в глаз.

Но, дорогой Андрей Андреевич! Вспомните мою жизнь! Ведь я достиг лепидоптерологической “зрелости” только к 1914 г., к моменту моего выхода на научно-преподавательскую работу, к моменту опубликования моего доклада – “Основной фактор в эволюции насекомых”. Мне было тогда 34 года и впереди рисовался увлекательный путь работ и исследований. А что потом? Через три года началась революция и все планы, все мечты пошли прахом. Началась голодуха и погоня за куском хлеба для себя и семьи. Ведь приходилось работать в пяти учреждениях! Преподавание в университете, генетическая лаборатория Института Кольцова Н.К., заведование Аниковской генетической станцией Наркомзема (это в 40 километрах от Москвы), заведование Зоологическим отделом Политехнического музея и, наконец, заведывание Биологическим отделом Большой библиотеки того же музея!! Тут уж было не до публикаций лепидоптерологических работ. К этому времени я перехожу с энтомологических рельс на генетические. Мой энтомотологический курс по настоянию профессора Кожевникова у меня отобрали, Московское общество закрылось, а сам я возвращался с моих служб домой как выжатая мочалка. Месяцами не открывал я ни одной коробки с бабочками. С тупым равнодушием видел, как в них заводились вредители и плесень и только думал об одном, как бы ни о чем не думать.

Только в двадцатых годах понемножку прихожу в себя, стряхиваю с себя лишнюю службу, с головой ухожу в генетику и пишу свою главную работу – “О некоторых моментах...”. Бабочки оказались на втором плане, “для отдыха”. Но все-таки я об них не забываю; понемногу прихожу в себя и строю планы. Но вдруг, в 1929 г. снова все рушится: против своей воли оказываюсь в Свердловске. Снова оборвалась моя связь с наукой, с моими коллекциями, с генетикой. Снова было не до них: а там дальше три года во Владимире и новая попытка вернуться к лепидоптерам, но без коллекции, без литературы (все это в Москве), так сказать, на чистом месте. Работая над своим докладом “О методах объективной систематики”, где, применяя биометрические методы на примере листоверток, пытаюсь показать пути для решения вопроса о степени родства различных видов и родов между собой. Этот доклад я повторил дважды – один раз в Москве, другой раз в Ленинграде** и сейчас очень жалею, что не обработал его для печати и что он сгинул в водах Леты. А несомненно в нем было кое-что занятное. И, наконец, после Владимира мое Горьковское житье (с 1935 г.). Перетащил я в Горький свои коллекции, стал подготавливать свою “Крымскую лепидоптерофауну”. Сделал для этого довольно много; материалы собраны и в значительной степени обработаны, даже набросаны основные зоогеографические выводы. И все мечталось: выйду на покой и вплотную засяду за своих

* Сданы С.С. Четвериковым в ЗИН АН СССР.

** Доклад по биометрии состоялся в Москве на собрании членов Общества испытателей природы в марте 1929 г. Аудитория в Ленинграде, перед которой выступал С.С. Четвериков, нам неизвестна, возможно, это были сотрудники ЗИНа. В Горьком для членов Горьковского ОИП С.С. Четвериков сделал доклад о биометрии как основе систематики 17 сентября 1936 г.

крымчаков. Но, как видно, бодливой корове Бог рогов не дает: на покой-то я вышел и... ослеп. И окончательно рухнули все мои замыслы...

Ну, скажите же, дорогой Андрей Андреевич! Можно ли жестоко судить меня? Конечно, может быть кто-нибудь другой, более упорный, более цепкий все же на моем месте дал бы науке что-либо крупное. Ну, а я не сумел и ушел из жизни не дав и десятой доли того, на что чувствовал в себе силы... Конечно, Ваше замечание безусловно справедливо, но именно поэтому я и писал Вам и Михаилу Алексеевичу [Рябову], что не следует подражать моему дурному примеру... А все-таки некоторое снисхождение прошу мне оказать.

Теперь хочу остановиться на Вашем замечании, что по мнению М[ихаила] А[лексеевича] моя *Cucullia tiefi** оказывается синонимом к *C. generosa*. Признаюсь откровенно, это Ваше замечание меня удивило до чрезвычайности. Очевидно Михаил Алексеевич не удосужился внимательно прочесть мое описание *Tiefi*. Ведь в конце моей статьи я посвящаю довольно большой абзац указаниям на те признаки (многочисленные), которые отличают *tiefi* от *generosa* и которые никак нельзя признать за индивидуальные отклонения. Что-то не везет авторам со сведением моих новых видов в синонимы к старым; это началось еще с Петерсена.

Очень мне хочется, чтобы Ваш "торг" Зайтцем Вам удался. Не скупитесь! и приложите все свое дипломатическое искусство, чтобы уговорить владельца *Supplementum* к обмену, это сделает Вашу библиотеку много значительней, чем сейчас.

Позволю себе еще раз вернуться к вопросу о Вашей будущей летней поездке. Мне кажется, что Ваши предложения о Колыме, устье Лены и т.д., учитывая состояние здоровья Екатерины Васильевны, являются мало реальными. Все-таки условия жизни на Севере для человека, к ним не привыкшего, являются очень трудными и требующими большого напряжения сил того же сердца. Нет, дорогой Андрей Андреевич! На это моего благословения нет! И мне вообще как-то не по душе Ваше стремление [проехать] вдаль от Памира. Но уж если говорить о том, куда бы я сам лично поехал, то это – Забайкалье: район с богатой фауной и до сих пор почти не затронутой исследованием; боюсь, что Вы снова последуете моему дурному примеру. Ведь когда я вернулся с Тарбагатая, я был полон самых "благих намерений" – обработать эту фауну в связи с фаунами Алтая и Джунгарского Алатау. Но мои благие намерения потонули в мире новых фаун и новых сборов и так и пошли на мощение широкого пути в Ад.

На днях получил неожиданное письмо от новоявленного лепидоптеролога – некоего Кирилла Федоровича Седых из города Ухта, что на Печоре (Коми АССР). Между прочим, он запрашивает у меня адреса и имена лепидоптерологов, с которыми бы он мог связаться. Я ему ответил и на первом месте поставил Вас, не спросив на это Вашего разрешения. Надеюсь, что Вы за это не будете на меня в обиде. Между прочим, он тоже задал мне Ваш вопрос: куда поехать на лето? Интересуется он главным образом дневными бабочками. Бывал в ЗИНе и знаком с тамошними работниками.

Ну, буду кончать! Шлю самый сердечный теплый привет Екатерине Васильевне и самое искреннее пожелание полного здоровья. Вам же, дорогой Андрей Андреевич, крепко, крепко жму Вашу дружескую руку.

Крепко-крепко Вас целую и обнимаю!

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

* Бабочка рода *Cucullia* семейства Совок.

*Горький**19 мая 1958 г.*

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше большое и очень интересное “контрабандное” письмо я получил и дважды перечитал его с величайшим удовольствием; дважды вместе с Вами я грелся на солнышке в Ростове, дважды вместе с Вами радовался шуму морского прибоя, дважды перебирался по скользким бревнышкам через речку Мзымту, рискуя принять неожиданную и небезопасную холодную ванну, четырежды промокал с Вами до костей под дождем, дрожал от ночного холода и снова грелся на солнышке. Как все это хорошо!! И как все это похоже на сказку...

Теперь Вы опять в Москве, снова окунулись с головой и в педагогику и в администрацию, лишь изредка уделяя несколько минут нашим любимцам.

Я уже очень давно Вам не писал, но за это долгое время ничего вокруг и во мне не изменилось. Впрочем вру: вот уже около недели, как я стал спускаться из своей квартиры на землю и провожу час-полтора на площадке перед домом. По сравнению с прошлым годом чувствую до какой степени я ослаб. Уже с большим трудом и с остановкой обхожу нашу площадку кругом и пока на второй обход не решаюсь. С такими силами пожалуй мне бы до Хосты не добраться. Надеюсь только, что со временем и при надлежащем моционе кой-какие силы опять вернутся.

Как перенесла Ваше путешествие Екатерина Васильевна, как реагировало ее сердце? Как ее самочувствие в настоящее время? Ведь Ваша поездка была хорошим испытанием, и, если Екатерина Васильевна чувствует себя после нее хорошо, то можно только от всей души за нее порадоваться. Передайте ей, пожалуйста, от меня большой, большой привет!

Вы почти ничего не пишете о бабочках. Конечно, и мне писать Вам о них нечего. Ведь для меня все это в прошлом. Кроме Вас у меня еще три-четыре человека, с которыми я могу переписываться по линии бабочек. Конечно, самым интересным из них является Михаил Алексеевич Рябов. Что-то он сейчас поделяется в Ленинграде? Ведь, в Вашу последнюю поездку в Ленинграде Вы, наверное, его видели, а мне он что-то давно уже не писал, а Ваша попытка вытащить его в Москву так и не удалась? А жаль. Я уверен, что Ваша коллекция произвела бы на него большое впечатление.

Есть у меня еще один “заочник” – лепидоптеро-корреспондент: это доцент Харьковского университета (физик) Анатолий Евгеньевич Штандель. Чувствуется, что человек подходит серьезно к изучению чешуекрылых, что у него возникает ряд теоретических вопросов, в которых он старается разобраться собственными силами. Он недурно знает литературу и не только русскую, но и немецкую, и переписку с ним я поддерживаю с удовольствием...

У меня к Вам маленькая просьба. Помните, во время Вашего приезда ко мне, я вспомнил о своих определительных таблицах для Ацидалий и Евпитетий. Вы говорили, что Вы их нигде не видели, а мне было бы жалко, если бы они совсем пропали: все-таки труда на их составление я потратил немало; посмотрите их в бывшем моем Шпулере (текст), вероятнее всего они там и, если Вы их разыщете, то напишите мне, пожалуйста, об этом. Конечно, дорогой Андрей Андреевич, это дело не спешное, а так как-нибудь между другими делами.

Очень жалею, что брат не повидал Вас в Москве: Вы были в это время в Ленинграде, а потому он не мог привести мне от Вас никаких вестей. Сейчас он со

мной и пробудет, вероятно, около месяца. Пока он со мной мне все-таки живет-ся спокойнее и смотрю в будущее более уверенно.

Не так давно какой-то профессор из Москвы (фамилии не помню) приезжал в Горький и делал доклад о кибернетике главным образом с философской точки зрения. Не знаю, знакомы ли Вы с этой штукой и если знакомы, то насколько глубоко. Про себя могу сказать только, что абсолютно ничего в ней не понимаю, а потому никакого представления о ней не имею. Но среди научного мира и, особенно среди молодежи, его доклады возбудили большой интерес, а так как, по-видимому, его слушатели тоже мало что поняли, то, конечно, всяким толкам и пересудам нет конца.

На этих днях в девять часов вечера ко мне явилась целая группа в шесть человек, надеясь, что я им смогу помочь в понимании этой штуки – кибернетики*. Конечно, разочарование было очень большое, когда я им признался, что сам смыслю в ней меньше, чем они; ведь прочесть я ничего не могу, а в устной передаче получают какие-то разрозненные и перепутанные обрывки, связать которые в целое мой ум уже не в состоянии. Очень было бы мне интересно знать Ваше по этому поводу мнение. Жалко, что мне уже 78 лет и что я ослеп...

Здесь в Горьком весна только, только что началась. Березки стоят еще в зеленой дымке и травка только-только что пробивается из земли; весна стоит в общем холодная, хотя и равномерная. Вчера был исключительно теплый день (26° C), и вчера же прошла первая гроза. Ну, а какие Ваши планы насчет лета? Ведь Вам это уже необходимо решать сейчас и окончательно. Снова на Памир? Или в Забайкалье? Как же это Вы не добрали на Памире одного вида ночниц, чтобы получить круглое число в 250 видов?! Впрочем, я надеюсь, что если хорошенько порыться в Вашем материале, то этот сбежавший от Вас вид найдется...

Вот и все мои горьковские новости. Пишите, дорогой Андрей Андреевич, пока брат со мной, а то бывает очень жалко, когда Ваши письма приходят без него и должны ждать его возвращения, так как никто из других моих знакомых (кроме двух) Ваших писем читать не может. Всего, всего Вам обоим хорошего. Крепко жму руку и целую.

Искренне Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

54.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

24 июня 1958 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Кажется не писал Вам целую вечность! Но не потому, что за это время столько накопилось важных и интересных событий, а потому что памяти почти не за что зацепиться, а на душе уже беспокойное чувство – хочется написать Вам и еще

* Становление кибернетики как самостоятельной науки происходило в период интенсивной работы пожилого профессора на кафедре генетики, в деканате, на селекционной шелкопрядной станции, на фоне резкого ухудшения здоровья, смерти жены, нарастающего напора со стороны лысенковцев. Параллельно он сам перенес несколько инфарктов. Это не позволило проникнуть в суть новорожденной науки. Слепота и глухота окончательно выключили его из познания нового направления науки.

раз перед Вашим отъездом повидаться с Вами в своем воображении. Знаю, до какой степени Вы сейчас заняты, как Вам нет времени не только для задушевной болтовни, но и для нужных важных дел – совещаний, докладов, экзаменов, сборов и т.д. и т.п. Поэтому ни капли не обижусь, если мое письмо не встретит в Вашем сердце никакого отклика. Ведь я пишу сейчас не столько для Вас, сколько для самого себя – просто хочется побыть с Вами... Итак, до 3-го июля у Вас совещание по люминофорам*, а 4-го Вы уже в поезде и – addio mio caro**.

Впрочем я Вам соврал, когда написал, что за последнее время не было никаких событий. Очень меня порадовало известие о том, что мой хороший друг и ученик Б.Л. Астауров единогласно прошел в члены-корреспонденты Академии наук. Ведь это уже мой второй ученик прошедший в Академию! И, конечно, моему стариковскому сердцу – это радость и гордость. Вспоминаю я наши “СООР’ы”, о которых я, кажется, Вам когда-то рассказывал, но возможно Вы забыли. За эти СООР’ы я очутился в Свердловске и вся моя научная деятельность (и педагогическая) была сломана и втоптана в грязь. А именно эти наши СООР’ы сыграли главную роль в научном росте моих учеников и в подготовке их к самостоятельной исследовательской работе. Ну что же! Русская пословица говорит: “От сумы и от тюрьмы не отказывайся!”^{3*}, а все-таки какой-то след от моей жизни после меня останется...

В Ваших письмах Вы пишете о том тяжелом впечатлении, какое осталось у Вас от экзаменов как от заочников, так и обыкновенных “очников”. Кругом себя я сейчас все время слышу рассказы о том, как идут экзамены в самых разнообразных учебных заведениях, начиная от средней школы и кончая ВУЗами. И всюду и везде одна и та же печальная картина: чрезвычайно низкий уровень развития и совершенно архаический метод преподавания. Везде и всюду – и в школе, и в техникуме, и в ВУЗе все одно и то же: зубрежка, зубрежка и зубрежка!! Все берется только памятью, никакого научного логического мышления, никакой взаимосвязи и взаимопроникновения получаемых знаний. Перед экзаменами самое напряженное заучивание фактов, примеров и одна забота – донести эту нагрузку памяти до экзаменационного стола и как можно лучше выложить ее перед экзаменатором.

Конечно, есть отдельные студенты, которые сами собой при помощи чтения добиваются до осмысленного усвоения проходимых предметов, но таких студентов мало и они тонут в общей массе “дрессированных на свободе” товарищей. Все это очень печально, а главное печально то, что этот процесс “обескультуривания” идет крайне медленно, крайне постепенно, а потому для многих проходит незаметно. А когда мы спохватимся, будет поздно...

Дорогие Андрей Андреевич и Екатерина Васильевна! Мысленно представляю себе четвертое июля и Вас обоих, одетых по-дорожному и подходящих к вагону, в котором Вы проследуете до Андижана.

Как это хорошо, что Вам так удастся вырваться из сутолоки московской жизни на простор памирских гор! Хочется надеяться, что с первыми вздохами

* Совещание по люминофорам открылось 27 июня 1958 г. А.А. Бундель выступил с докладом (название нам неизвестно) в вечернем заседании; 29-го состоялся его главный доклад со спорным выводом (сущность его в письмах С.С. Четверикову не излагалась).

** Прощай, мой дорогой (*итал.*).

^{3*} В “Толковом словаре живого великого русского языка” В. Даля (1882), Т. 4, В. С. 360, это изречение имеет следующую редакцию: “От сумы да от тюрьмы не отрекайся” и “С сумой да с тюрьмой не бранись”. В книге “Ходячие и меткие слова”, Сборник русских и иностранных цитат, пословиц и поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М. “Тетра”, 1994, С. 299 оно звучит иначе: “От сумы да от тюрьмы не открестишься” (или “не отрекайся”).

чистого горного воздуха спадет с Вас и чувство усталости и чувство постоянного страха опоздать, и Ваша жизнь потечет по новому руслу уже хорошо знакомых Вам экспедиционных переживаний. Понятия не имею, как складывается нынешнее лето среди далеких памирских гор.

Вот и конец моему письму. Хочется надеяться, что наша регулярная переписка возобновится осенью после Вашего возвращения, а сейчас от всей души желаю Вам обоим счастливого пути и полной удачи! Будьте счастливы!!

Горячо Вас любящий

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

55.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

2 ноября 1958 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

В первых строках моего письма поздравляю Вас, дорогой новорожденный, со днем Вашего появления на свет, а дорогую Екатерину Васильевну – с новорожденным. Пишу это несколько раньше срока, потому что не знаю, где Вас ловить в будущем. Ведь Вы собираетесь куда-то лететь и искать Вас 6-го числа так же безнадежно, как ловить ветра в поле...

Сегодня ровно неделя, как Вы были у меня, и у меня тайная надежда, что наши с Вами письма вспомнят старую привычку и разминутся где-нибудь около Владимира. Все время вспоминаю о Вашем приезде с чувством величайшей благодарности и удовольствия, которое доставило мне свидание с Вами...

Дорогой Андрей Андреевич! Я все-таки хочу воспользоваться той огромной Вашей любезностью, которую Вы мне предложили в деле напечатания на машинке "Моих воспоминаний". Я об этом написал студенту Валерию Николаевичу Сойферу, у которого на руках сейчас находится рукопись этих воспоминаний и просил его в случае, если он [не] имеет каких-либо других более приемлемых для него планов, обратиться к Вам с этим делом. И вот еще какая к Вам просьба: я обещал Сойферу экземпляр моей генетической работы, хранящейся у Вас, поэтому когда В.Н. Сойфер явится к Вам, прошу передать ему мою работу. Как он сейчас меня извещает, Московское общество испытателей природы согласилось переиздать мою работу с необходимыми для того поправками и комментариями. Вот как совершенно неожиданно на 79-ом году моей жизни мое имя снова всплывает в печати.

Вот, дорогой Андрей Андреевич, и все мои новости и все мои дела. Продумываю все, о чем мы с Вами говорили, и никак не могу переварить Ваше заявление, что *Satyrus euxinus* Kuz. есть просто форма от *S. hyppolite* Hb. Моя старческая память ничего не может мне подсказать, но я твердо помню, что в былые времена, когда я прорабатывал кузнецовский вид, такого рода сближение казалось мне совершенно невозможным. Как немец бы сказал: *ausgeschlossen**. Уж скорее надо искать родственников в малоазиатских видах *S. miniszkhil*, *патигга* и других. Но все-таки я ничего, ничего не могу вспомнить, память совсем отказывается служить.

Сегодня у нас совершенно необычный для второго ноября день. С раннего утра – яркое летнее солнце и совершенно голубое небо. Температура утром бы-

* Исключено (нем.).

ла 0°, а сейчас +4°. Если и у Вас в Москве такая же погода, то вероятно Вы нынешний день проводите где-либо в лесу.

Коля собирается в Москву числа около 12-го и наверное зайдет к Вам. Сейчас у меня “каникулы”. Обе мои ученицы – большая и малая – забастовали на время праздников. Сейчас им не до немецкого языка. У каждой свои заботы, свои поручения. А пройдут праздники и жизнь войдет в свои берега. У Коли прибавилось еще одна взрослая ученица – тоже по немецкому языку и скоро к нашему дому придется прибить вывеску: “Вольная Академия иностранных языков”. А все-таки это придает жизни какое-то содержание и день течет более размеренно и организовано.

Итак, дорогой Андрей Андреевич, еще и еще раз сердечнейшим образом обнимаю и целую Вас и шлю Вам мое поздравление. Всем сердцем желаю, чтобы праздничные дни прошли у Вас интересно и удачно и чтобы погода Вас не подвела, и повторяю еще раз, что жду от Вас встречной весточки. Шлю Вам обоим мои наилучшие пожелания, к которым присоединяется и брат Коля.

Весь-весь Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

56.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

4 ноября 1958 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Ну как же это так!? Вчера вечером я получил от Вас письмо, которое ввергло меня в изумление и грусть! Вы такой деятельный, такой непоседа, такой тренированный – и вдруг эта “чиновничья” болезнь*? Конечно это неприятный сувенир от перенесенного тифа, нечто похожее на то, что случилось у меня с левой ногой, которую мне приходится бинтовать вот уже почти 60 лет после перенесенного брюшного тифа. Но Ваше положение неизмеримо хуже и как же Вы с такой “памяткой” рисковали путешествовать по Памиру без путей и дорог, в самых тяжелых условиях транспорта? Я никак не ожидал от Вас такого неблагодаризумия.

И что же теперь дальше? Очевидно нужна операция и это, конечно, окончательно выбьет Вас из колеи. И что это за напасть на лепидоптерологов! Ведь нечто похожее на Вашу болезнь терзает и А.Е. Штанделя, который вот уже два с половиной месяца летнего времени потратил только на то, чтобы подготовиться к операции, а впереди – сама операция и полная неизвестность того, что она принесет.

Очень, очень сочувствую Вам и жалею Вас и все-таки хочу надеяться, что этот скорбный случай не переведет Вас окончательно в разряд инвалидов.

На фоне всего этого Ваша неудача с проектированным полетом на Кавказ – сущий пустяк, но все-таки и это неприятно и еще больше усугубляется тягостность Вашего состояния. Очень сочувствую Екатерине Васильевне, которая должна переносить вместе с Вами все эти невзгоды!...

Большое Вам спасибо за сведения о бабочках, которые Вы сообщаете. С Вашего разрешения сообщу их Кириллу Федоровичу Седых, но, по правде говоря, сейчас под свежим впечатлением Вашей беды как то даже и думать о бабочках нет настроения.

* Имеется в виду геморрой.

Дорогой Андрей Андреевич, очень (Вы чувствуете до какой степени “очень”!) хочу, чтобы Вы поскорее, а главное – попрочнее поправились!!

Шлю Вам в этом письме вторично мое поздравление и все связанные с ним добрые пожелания. Может быть на этот раз поздравление и придет к Вам на завтрашний день!!

Хороший, дорогой Андрей Андреевич, очень прошу Вас не хворать! Жду от Вас добрых вестей!

И с этим добрым напутствием крепко, очень крепко Вас обнимаю! Прошу передать Екатерине Васильевне мой сердечный привет!

От всей души желаю Вам здоровья.

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

57.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

13 ноября 1958 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

У меня скопилось два (!) не отвеченных Ваших письма от 5-го и 8-го ноября, но это ни в коем случае не следует понимать так, что я мало о Вас думаю. Нет, дорогой Андрей Андреевич! Думаю о Вас постоянно и очень много. “... все-таки хорошо, что это случилось в Москве, а не где-нибудь в поездке...”*. Вот эта мысль постоянно приходит мне на ум с той самой минуты как я прочел о Вашей болезни! Да, на этот раз Судьба была к Вам на редкость милостива и благосклонна! Но знайте правило: не искушай Судьбу, а потому не будьте легкомысленны и не играйте своей жизнью.

Если в Вашем здоровье все останется как было, то всякие рискованные поездки на всякие памиры и тянь-шани Вам строгойше противопоказаны. Конечно, если Вы решитесь на серьезную операцию и она пройдет совершенно благополучно, тогда может быть еще, с разрешения врача, куда-нибудь не так уж далеко можно будет проехать. Но как видите, сама Судьба указывает Вам на то, что пора, наконец, вплотную засесть за обработку Ваших обширнейших материалов...

Из Вашего письма от 5-го числа наибольшее, пожалуй, удовольствие доставило мне Ваше сообщение о том, что В. Мурзин поймал в пределах Московской области *Heteropterus morpheus*. В течение более 30 лет я тщетно искал его в пределах Московской губернии, хотя был уверен, что он там должен водиться. Очень прошу Вас внести эту находку в переплетенный экземпляр *Primitiae*** со всеми относящимися к нему сведениями. В этот экземпляр *Primitiae* я заносил все становившиеся мне известными новинки и как же мало знаем мы нашу фауну! Как трудно исчерпать ее до дна! Ведь подумать только – дневная бабочка укрывалась от глаз в течение почти столетия.

Что касается *Syntomis rossica* Tur., то случай, описанный Вами, конечно очень курьезен, но не представляет из себя чего-либо загадочного. Конечно, Ваше толкование его совершенно правильно.

Очень приятно было от Вас узнать, что мой бедный многострадальный каталог Штаудингера почти приведен в порядок и скоро отправится к переплетчи-

* С.С. Четвериков цитирует слова А.А. Бунделя из его письма от 8 ноября 1958 г. В письмах от 5 и 8 ноября диагноз не назван. Письмо А.А. Бунделя, написанное в последних числах октября, отсутствует. Возможно, это было осложнение, связанное с его болезнью.

* Первые, первичные сведения (новинки), от *Primitivus* (лат.) – первичный.

ку. Если разрешите мне дать Вам добрый совет, то переплетите его в две книги – одна только мой каталог Штаудингера, а другая – мои вкладыши с дополнениями. Мой опыт мне показал, что слишком толстые книжки треплются быстрее тонких.

Ваше последнее письмо почти сплошь заполненное “дамскими сумочками”*, конечно, было для меня чрезвычайно интересно. Вы там упоминаете о моем давнишнем письме, касавшемся этой же темы. Да. Помню что-то в этом роде было. Но не представляю себе, как это письмо могло быть для Вас “очень полезным”, думаю, что тут вкралось большое преувеличение. Радуюсь, что Вы, наконец, уверовали в “сумочки” и, как видно из Вашего письма, очень внимательно и удачно разобрались в Вашем обширнейшем материале. Очень интересно было бы узнать, помогла ли Вам в этой работе таблица фотографий сумочек, данная в атласе Verity.

В частности, что касается трех загадочных самок, очень крупных и со своеобразной безкилевой сумочкой, то меня нисколько не удивит, если это действительно окажется новым видом *Parnassius*. Ведь все-таки это группа памирско-кашмирских парнассиев еще недостаточно и плохо изучена, а различные кряжи и хребты этих гор представляют неограниченные возможности для видообразования. Конечно, по одним сумочкам самок устанавливать новый вид рискованно, но неужели же никаких отличительных признаков ни в величине, ни в форме крыльев, ни в характере рисунка и других признаков установить не удастся?

Какое же громадное количество тем для написания Вами “Очерков памирской лепидоптерофауны”!...

У нас все еще продолжается прекрасная осень. Вот уже две недели как каждый день из чистого голубого неба ярко светит (хотя плохо греет) осеннее солнышко. Температура все время держится от 0 до -5°C , и это середина ноября! Все гадают о том, какая будет зима: одни пророчат теплую, другие – суровую и на эту тему можно фантазировать сколько угодно.

Я все в том же состоянии, в котором Вы меня видели.

Получил радостное известие от моего студента (В.Н. Сойфера) о том, что ему удалось пристроить для печати основную генетическую работу (“О некоторых моментах” и т.д.) в Бюллетенях Московского общества испытателей природы. Я написал к ней ряд замечаний и комментариев и ее обещали напечатать в специальном выпуске Бюллетеня, который выйдет в память столетия со дня опубликования “Происхождения видов” Ч. Дарвина. Этот номер Бюллетеня обещают выпустить в августе месяце: может быть я и доживу...

Мои уроки немецкого языка продолжают, хотя и менее интенсивно, чем это было до начала занятий в ВУЗах. Коля пока все еще со мной и собирается в Москву лишь в начале следующего месяца. Ну вот, кажется и все мои новости.

Брат и я шлем наши приветы и наилучшие пожелания Екатерине Васильевне и Вам и, конечно, в первую очередь желаем Вам, дорогой Андрей Андреевич, полного и всестороннего выздоровления!!

Крепко, крепко Вас обнимаю и целую.

Искренне Вам преданный

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

* Имеется в виду анализ и описания отпрепарированных половых органов самок (♀) различных видов бабочек с целью уточнения и подтверждения их классификации.

*Горький**2 декабря 1958 г.*

Дорогой Андрей Андреевич!

На этот раз пишу Вам не дожидаясь того “внутреннего беспокойства”, которое является у меня каждый раз, как стимул, для писания Вам. Очевидно, на этот раз мое письмо придет к Вам раньше, чем Вы ждете. Объясняется это тем, что брат в ближайшие дни собирается в Москву и тогда всякая моя переписка прервется недели на две, а то и больше. Так вот, я и собрался Вам написать, чтобы Вы не беспокоились и не сомневались...

Сегодня 2-ое декабря. И по календарю второй день зимы и невольно приходят на ум стихи А.С. Пушкина:

“Вот и зима. – Трещат морозы...”

а далее:

“Все чисто, все бело кругом...”*

Впрочем, и “трескучие морозы” и “блистательный ковер” это все целиком в моем воображении, так как в квартире у нас тепло, а того, что делается за окном, я все равно ничего не вижу...

Ну, Впрочем, довольно поэзии. Вернемся к прозаической реальности.

Прежде всего о Ваших бабочках. Я вижу, что несмотря на чрезвычайную загруженность Вашего времени, Вы все-таки находите возможным пускай медленно, но зато систематически продолжать Вашу обработку имеющихся у Вас сборов. Из того, что Вы пишете, я экстраполирую общее число памирских *Rhopalosoma* за 200 видов, – число более, чем достаточное для лепидоптерологической характеристики захваченного Вами района. Меня очень порадовали при этом Ваши слова про “обработку, о которой мы говорили”! Неужели же я доживу когда-нибудь до этого радостного дня?!

Что касается заведенного Вами Гроссбуха, то идея эта, конечно, очень хороша и заманчива. Боюсь только, что это предприятие очень громоздкое и потребует от Вас добавочно еще много времени; хватит ли его у Вас?

Порадовался я также очень Вашему успеху с докладом о Вашей последней экспедиции** и тем множеством цветных диапозитивов, которые Вам удалось вывезти из Памира. Как все-таки далеко шагнула техника фотографирования! Ведь в мое время о подобных фотографиях можно было только мечтать, как об осуществлении фантастического сна, а вот теперь все это у нас уже есть и доступно каждому мало-мальски опытному фотографу. От всей души желаю Вам дальнейших успехов в Ваших докладах и показах, и пусть эти чудесные фотографии привлекут к Памиру многих молодых друзей!

Конечно, мой брат постарается побывать у Вас и ему будет в высшей степени приятно и интересно посмотреть Ваши владимирские и суздальские фото. Ведь Вы знаете, что он “владимирский патриот” и ему несомненно доставит большую радость пересмотреть Ваши снимки, о которых Вы сами говорите, что они вышли у Вас и удачны и красивы.

Вы ни слова не упоминаете о состоянии Вашего здоровья, из этого я заключаю, что на время у Вас все улеглось. Но что грозит Вам в будущем? Что гово-

* С.С. Четвериков цитирует не точно: “И вот уже трещат морозы... Все ярко, все бело кругом...” А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Собр. Соч. в десяти томах. М., 1975. Т. 4. С. 80, 85.

** Экспедиция А.А. Бунделя для отлова бабочек в горах состоялась летом 1958 г. (через Сталинабад (ныне Душанбе) в Бадахшанскую АО Таджикской ССР).

рят врачи и что они советуют? Боюсь, как бы не сбылась русская пословица: гром не грянет – мужик не перекрестится.

Что касается меня и моего состояния, то о нем решительно писать нечего. Как Вы видели меня в октябре, приблизительно в таком же состоянии я пребываю в настоящее время. Сiju в четырех стенах и как умею провожу время. Конечно, очень волнуют меня наши внешние дела, но толку-то от этих волнений нет, так как никто нас об этом не спрашивает. А все-таки нехорошо...

Вернусь к бабочкам. Недавно получил опять письмо от Седых и снова в нем ряд лепидоптерологических вопросов. Конечно, мне очень трудно бывает отвечать на них, так как часто они носят совершенно неопределенный характер. Между прочим, он извиняется за “описку” относительно *Hesperia nobilis* Strg. и *orbifer* Hb. Помните? Оказывается вместо *orbifer* Hb надо читать *tesselum*.

Хороша “описочка”! Но что мне в его письме понравилось – это проект в недалеком будущем “семейной экспедиции”. Ведь у него три дочурки-погодки и младшая из них, как я себе представляю, лет пяти. И вот он проектирует всем семейством податься куда-нибудь на Север и там разбить палатку и впятером прожить лето, собирая в десять рук. Такой проект мне кажется вполне реальным...

Где-то в Вашем письме Вы упоминаете, что при рассадке Вашего последнего сбора Вы попутно проводите проверку определений и при этом Ваша библиотека (а не моя, как Вы пишете) все время в работе. Меня это, конечно, радует и, значит, все эти книжки и брошюры, в которые вложено немало труда и заботы, не стоят без дела и не пылятся. Мне это очень приятно!!

Еще несколько слов о Валерии Николаевиче Сойфере. Вы спрашиваете, что он за человек? Могу сказать, что он, несомненно, хорошо одарен от природы, очень энергичен и предприимчив, очень способен увлекаться, и может сам увлекать других. Но он, несомненно, сильно избалован, как матерью, так и товарищами, которые охотно признают его инициативность. По отношению ко мне я вижу с его стороны как глубокое уважение, так и большую преданность и, конечно, плачу ему тем же. Между прочим, это по его настойчивой инициативе я решился написать “Мои воспоминания”*, писание которых, в конечном счете, доставило мне большое удовольствие и в то же время всей тяжестью легло на его плечи, а Вам, дорогой Андрей Андреевич, огромное спасибо за Вашу помощь. По его же инициативе МОИП согласился принципиально переиздать мою работу (с комментариями), которую Вы знаете.

Шлю сердечный привет Екатерине Васильевне, а Вас крепко, крепко целую!!
Искренне Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

59.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

19 декабря 1958 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Вот и брат вернулся из Москвы, а я получил возможность снова писать Вам.

Получив Ваше письмо с предложением взять на себя правку рукописи “Мои воспоминания”, я сгоряча немедленно ответил Вам своим несогласием, а теперь все время мучаюсь сомнением, хорошо ли я сделал. Я, конечно, прекрасно по-

* Опубликованы в ж. “Природа”. 1974. № 2. С. 68–69; 1980. № 5. С. 50–55; № 11. С. 88–94; № 12, С. 76–85.

нимал и понимаю, что Вы сделали мне свое предложение, исходя из самых лучших, дружеских чувств, и что мое категорическое несогласие могло обидеть Вас. Но ведь, дорогой Андрей Андреевич, и мой категорический отказ тоже был продиктован самым дружеским к Вам расположением и нежеланием, чтобы Ваши силы и время расходовались на постороннее дело, служащее моему чисто личному удовольствию. Если моя открытка Вас немного обидела, то самым искренним и дружеским образом прошу Вас извинить меня и ни в коем случае не нарушать той искренней дружбы, которая нас до сих пор связывала...

Не знаю, был ли у Вас Сойфер, и отдали ли Вы ему рукопись и вообще в каком положении дело с нею. Что-то вокруг нее собрался такой клубок затруднений и дел, что мне по временам бывает даже неприятно о ней вспоминать, и было бы лучше, если бы ее совсем не было.

Перехожу к себе. Несколько дней тому назад я прихворнул какими-то спазмами в груди, которые меня душили и не позволяли вздохнуть полной грудью. Пришлось вызвать врача, который сказал, что это – спазматические сокращения кровеносных сосудов, прописал папаверин и еще чего-то, а, в общем, после пяти дней лежания боли почти нацело утихли и я сегодня собираюсь встать с постели. В остальном же все течет, как ему полагается, и я продолжаю понемногу потягивать Ваше “Токайское” и каждый раз, приставляя рюмку к губам, мысленно произношу: “За здоровье Андрея Андреевича!”...

О погоде ничего не пишу, так как очевидно то же и в Москве: сыкотно, пасмурно и темно. Ведь через четыре дня зимнее солнцестояние, а у нас в Горьком темнеет даже несколько раньше, чем у Вас в Москве.

Перехожу к бабочкам. Вы напрасно предполагаете, что я отрицательно отношусь к Вашему “гроссбуху”. Мне только думается, что его ведение отнимет у Вас очень много времени и так далеко недостаточного для Ваших бабочных исследований. Если же я ошибаюсь, то это тем более мне приятно, потому что такой “гроссбух”, как Вы правильно пишете, чрезвычайно облегчает как систематическую обработку, так и познание географического распространения имеющих у Вас видов. Несколько слов о *Lusaena* группы *isagus*.

Общее примечание. Не забывайте, что мне скоро минет семьдесят девять лет и что моя память выкидывает по временам самые фантастические выкрутасы.

Само собой понятно, что не имея ни материалов, ни рисунков, ни книг сказать что-либо существенное об этой трудной группе – вещь немыслимая. Но вот что всплывает неясными образами в моей памяти: кажется действительно А.В. Цветаев присылал мне Лицен из группы *isagus*; кажется, что-то там было близкое к форме *Kashkansis Moore*; вспоминается еще вот что: в *Second jarkent mission**, которая есть у Вас, Мур описал икароподобную Лицену дважды: сначала самку под названием *jarkandensis*, а затем самца под именем *Kashkarensis*; самец явно сильно полетанный, самка с сильно развитым голубым опылением. Вы приводите фразу Мура, относящуюся к самцу: “*allied to semiargus*”**. Эта фраза способна привести в смущение любого знатока Лицен. Я хорошо ее запомнил, но если Вы дадите себе труд прочесть внимательно описание *kashkarensis* и просмотреть соответствующий рисунок, то Ваше изумление достигнет вероятно своего наивысшего предела. Ведь ни в описании, ни на рисунке нет ничего похожего на нашего *semiargus* Rot! Я долго ломал себе голову, чтобы как-нибудь разобраться в этом деле, и пришел к следующему выводу: одно из двух – либо Мур напутал самым бессовестным образом, как это с ним не раз случал-

* Второе навязчивое (беспокойное) призвание (англ.)

** Близкий (родственный) с *semiargus*-ом (*semiargus* – видовое название).

лось, либо он выкопал (как это он тоже не раз делал) совершенно забытый и запутанный синоним, так что его *semiargus* нечто совсем другое, чем этот вид, который мы знаем под этим названием. Второе предположение мне кажется более вероятным и проверить его не трудно, пользуясь каталогом Штаудингера. Несомненно только одно, что его “allied to *semiargus*” принадлежит к группе *icarus*!

Не знаю, много ли я тут напутал, но это все, что мне припоминается. Мне припоминается еще очень тупой излом внешнего края передних крыльев у самцов *Kashkarensis* и я вполне склонен к тому, чтобы считать эту форму за самостоятельный вид. Что касается группы *Eroidea-venus*, то ничего заслуживающего внимания в моей памяти не сохранилось.

Я безусловно и целиком согласен с Вами в том, что Вы пишете про *Pol. interposita* и про *Pol. undina*. Это несомненно самостоятельные среднеазиатские виды. Меня только смущает Ваша фраза: “Обычная *P. egea* летает в июне на равнинах”. Я сам никогда типичных *egea* из Средней Азии не видал и у меня всегда было представление, что *undina* замещает там обычную *egea*. Вы пишете, что *P. undina* является ранне-весенней генерацией, а что же тогда представляет собою летнее поколение?

Получил от А.Е. Штанделя письмо, в котором он извещает, что в начале января проездом в Москву из Харькова собирается навестить меня и установить личное знакомство. Меня очень интересует, какое от него получится впечатление.

Вы продолжаете ничего мне не писать о состоянии Вашего здоровья, а также о здоровье Екатерины Васильевны, которая, по словам брата, сильно прихварывает. Пишите подробнее!

Я и брат шлем Вам обоим сердечный привет! Крепко, крепко Вас обнимаю и целую.

Искренне Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

60.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

28 января 1959 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Очень виноват перед Вами, что так давно не писал Вам, но тому были некоторые обстоятельства, сложившиеся в моей жизни. Сейчас передо мною лежат два Ваших последних письма – от 11-го и 21-го с.м. Отвечаю на них сразу.

Прежде всего, из них видно, до какой степени Вы загружены всякой учебной и ученой работой, и я только продолжаю удивляться, как хватает у Вас времени, сил и энергии заниматься чем-либо другим. Сейчас студенческие каникулы и хотя Вас это и не освободит, но все же до некоторой степени разгрузит от писания конспектов, отчетов, заключений и т.п. Вы ни звука не пишете о том, как Вы себя чувствуете и как здоровье Екатерины Васильевны. Хочется думать, что это признак того, что Вы оба чувствуете себя относительно здоровым, но все же, конечно, очень хотелось бы иметь письменное, за Вашей подписью “заключение”...

Теперь вот какие дела были у меня. Не помню, писал ли я Вам в последнем письме, что жду к себе гостей. Первой приехала ко мне моя внучка – Ася – приехала для того, чтобы готовиться к полукурсовым экзаменам, так как дома у

нее обстановка такая беспокойная и шумная, что работать совсем невозможно. Она приехала 8-го числа и уехала 14-го. Конечно, чтобы ей не мешать, пришлось на это время прекратить мою переписку, которая ведь связана с диктовкой. Позавчера мы получили от нее письмо, что сдала два последних экзамена (по биогеографии и гидрологии) оба на пять, что, конечно, для меня и брата очень радостно...

Вот тут то, как раз, и пришло Ваше письмо, но я почему-то не ответил Вам сразу, а через пару дней я получил письмо от некоего Анатолия Евгеньевича Штанделя из Харькова о том, что он собирается навестить меня в Горьком 21-го числа. Вы, конечно, знаете эту фамилию, знаете, что находился в переписке со Штанделем около двух лет, но до сих пор никогда еще с ним не встречался и, понятно, мне было очень интересно поближе с ним познакомиться. Он хотел прилететь из Харькова в Горький на аэроплане, однако, 21-го он не появился, не появился он также и 22-го и только 23-го, когда у нас стала пропадать надежда, что он прибудет, он вдруг появился у нас в квартире. Вчера он уехал в Москву и говорил, что непременно постарается побывать у Вас. Мне очень интересно, какое он произведет впечатление на Вас; я нарочно не хочу ничего писать Вам о нем, для того чтобы не создавать у Вас какого-либо предвзятого (в ту или иную стороны) представления. Если он действительно познакомится с Вами, тогда напишите мне, какое у Вас получится впечатление от его посещения.

Ну, а теперь о бабочках. Прежде всего меня очень порадовало то, что мои замечания по поводу *Lycaena kashkarensis* соответствуют тому, что об ней пишет Мур, а то я стал замечать за собой неприятное явление, что я сначала что-нибудь сфантазирую, я спустя некоторое время мне начинает казаться, что это не моя фантазия, а что так было и на самом деле. Так, например, ведь я никогда не был у Вас в квартире, но в моей фантазии совершенно отчетливо представил себе Вашу комнату и теперь не могу отделаться от впечатления, что я был у Вас, видел всю Вашу обстановку, смотрел с Вами бабочек и, хотя брат утверждает, что Ваша комната совсем не такая, какой я ее себе вообразил, но все же я все время живу под этим впечатлением. Вот то же бывает и с бабочками: воображу себе какой-нибудь вид, а через некоторое время уже мыслю, что я его где-то таким видел.

Очень меня радует, дорогой Андрей Андреевич, что во многих местах Ваших писем Вы все чаще и чаще ссылаетесь на первоописания и перворисунки, что Вы, например, досаждаете, что у Вас нет первоописания *Lycaena stoliezka* и т.п., а я вспоминаю наши первые беседы, когда еще Зайтц был для Вас непрекаемым авторитетом, и когда мне приходилось убеждать Вас в том, что для точного определения недостаточны ни цветистые атласы, ни "определенные" экземпляры чужих коллекций, а что определение надо вести по первоисточникам. Помните это время? А ведь возможно, что сейчас Вам кажется, что еще в пеленках новорожденного младенца Вы уже штудировали Штаудингера, Шпулера и прочих по их текстам и рисункам...

И меня очень тронуло то место Вашего письма, где Вы меня допрашиваете, почему я писал *kashkarensis*, не *L. jarkandensis*. Вы совершенно правы, мой дорогой учитель! А я как не выучивший урока школьник, пойманный за ухо, стараюсь выкрутиться. Почему? Я и сам не знаю. Может быть потому, что я тогда еще не был уверен в том, что название *jarkandensis* и *kashkarensis* являются синонимами, может быть потому, что в каталоге Штаудингера не выявлена точно синонимика *jarkandensis* и *kashkarensis*, может быть потому, что по "легкомыслию" не учел того обстоятельства, что *jarkandensis* описана двумя страницами

раньше, чем *kashkarensis*, но во всяком случае признаюсь, что Ваш вопрос совершенно законен и искренне признаюсь Вам, что очень этому радуюсь.

Из всего того, что Вы писали мне о формах группы *L. icarus*, мне далеко не все ясно. Происходит это, конечно, от того, что я не имею перед глазами ни одной из этих форм и ни одного их рисунка; в частности, ничего не помню о том экземпляре, который находится у А.В. Цветаева, и определенного мною как *kashkarensis*. Я очень хорошо помню еще Ваш экземпляр, определенный Вами как *L. huza* Gr. Gr. и прекрасно изображенная под этим названием на таблице Зайтца. Не помню определил ли я его точнее и за какой вид Вы его теперь считаете. Вы пишете будто бы я счел эту Лицену за простого *icarus*. Не знаю, как это могло случиться, но я с трудом могу представить себе подобную ошибку с моей стороны. Не подумайте, дорогой Андрей Андреевич, что я считаю себя непогрешимым Господом-Богом. Я очень охотно готов признать все свои ошибки и Ваш “систематический глаз” может быть много зорче моего. Очень бы хотелось посмотреть весь Ваш материал теперь, когда он в собранном виде, и мне думается, что на таком материале можно было бы уже более точно проработать всю эту среднеазиатскую группу видов *icarus*.

Как я жалею, что я ослеп и что не могу полюбоваться теми интересными новинками, которые Вы получили из Хорога из позднеосенних сборов. Я всегда был равнодушен к этим сборам и еще больше к ранне-весенним, которые, так сказать, уже на носу. Мохнатенькие, пушистые, часто без языка, часто с широкими усищами – до чего же они все особые и интересные! Как я себе представляю, у Вас накопился по этой группе большой материал, который содержит, во всяком случае, более 50 новых видов и который так и просится к скорейшему опубликованию, пока кто другой (например, Щеткин) не перебил его у Вас...

Абсолютно и совершенно согласен с Вами в той части Вашего письма, где Вы пишете об описании новых видов такими, с позволения сказать, лепидоптерологами, как И.В. Кожанчиков и некоторые ему подобные; это же абсолютная творческая бездарность, и Вы вполне правы, когда пишете, что над этим гнилым болотом ярко сияет звезда Штаудингера.

Очень интересует и умиляет Ваша работа над гроссбухом; только я не знаю его объема: включает ли он в себя только памирцев или вообще все содержание Вашей коллекции. Ведь в последнем случае нужно заводить какой-то СВЕРХ-ГРОСС-БУХ!*

Еще очень радует меня то, что Вы деятельно и упорно продолжаете пополнять *Вашу* библиотеку. Правда, эти пополнения часто носят особый отпечаток (фотокопий), но это ничуть не умаляет их ценности по существу, а пожалуй, придает библиотеке некоторую мобильность и жизненность. От души желаю Вам в этом деле дальнейшего успеха, и пусть Ваша библиотека останется навсегда “ведущей” не только для лепидоптерологов Москвы, но и других городов.

Итак, всего Вам хорошего, дорогой Андрей Андреевич. Передайте мой сердечный привет Екатерине Васильевне и позвольте мне крепко, крепко пожать Вашу руку и крепко обнять!!!

Всей душой Ваш

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

* Так в тексте.

*Горький**8 февраля 1959 г.*

Дорогой Андрей Андреевич!

Ваше письмо от 2 февраля с.г. я получил и оно меня очень порадовало и позабавило. Начну сразу со “старого хрена”. Не подумайте, дорогой, что я хотя одну сотую долю секунды мог бы на Вас обидеться. Мы оба с братом искренне и от души весело посмеялись этому новому моему титулу и даже познакомили с ним некоторых здешних моих хороших друзей, и теперь в подходящих случаях я охотно величаюсь этим новым титулом!...

Кстати [если] речь уже зашла обо мне, то после отъезда Штанделя* я не могу очень похвастаться своим здоровьем. У меня образовалась какая-то злостная атония кишок и пока обычные меры помогают плохо, а вызывать врача из-за такой ерунды не хочется; вот я и скис немного. Но в общем все это, конечно, пустяки, и надеюсь, что следующее мое письмо будет содержать вполне благоприятный отчет. Что же касается гриппа, то пока он милостиво обходит мои комнаты, хотя соседи по квартире один за другим валяются с ног.

Что касается Вашей характеристики Штанделя, то в общих чертах я с ней безусловно согласен. Наиболее существенная разница, пожалуй, в том, что на первое место у меня все-таки выдвигается сочувствие в его неудачной жизни. Сколько ни говорить, что он “рисуетсЯ своими несчастиями”, но фактов ведь не вычеркнешь, трагических и тяжелых фактов в его жизни было столько, что они могли бы сломать и не такого хилого человека, как Штандель. Ведь сосчитайте: жизнь в разоренном Харькове и затем немецкий плен; уход жены, о которой он до сих пор вспоминает, по-видимому, с болью; возвращение в разоренный Харьков, в котором погибли и его квартира и все имущество, два совершенно ничем не вызванных снятия со службы и лишения заработка только за то, что он был “возвращенец”; внезапная в несколько часов смерть второй жены, оставившей ему на руках (безработному) двух чуть ли не новорожденных младенцев – все это факты, которых не вычеркнешь ни из жизни, ни из облика человека, и хочется хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь заставить его изжить все это тяжелое прошлое, хочется согреть его и вниманием и лаской и участием... Все же остальные Ваши замечания совершенно справедливы, не думаю, чтобы из Штанделя, как лепидоптеролога (а может быть и физика) вышел большой толк; все это творенье крайне дилетантского стиля, и мне кажется, что у Штанделя, нет даже ясного представления о том, какие задачи и темы ставит перед собой современная систематика и фаунистика. В заключение же замечу только, что Вы за полчаса знакомства успели удивительно хорошо разглядеть человека.

Теперь еще несколько слов о Вашей болезни. Я постоянно вспоминаю о ней и вспоминаю с беспокойным чувством – не слишком ли легкомысленно Вы относитесь к ней? Мне кажется, что случай со Штанделем должен послужить Вам предостережением. Вот Вы все планируете маршрут Вашего будущего (летне-го) путешествия по Дарвазу** и ничего не планируете о путешествии по врачам и клиникам, а в моем больном воображении возникает картина – Вы далеко в горах и с Вами внезапный приступ такой, как случился с Вами осенью. Конечно, с Вами Екатерина Васильевна и все, что возможно сделать, будет сделано, но все же общая ситуация получается трагической и грозной...

* Штандель А.Е. проездом в Москву навещал С.С. Четверикова в январе 1958 г. (см. № 60).

** Дарваз – мало исследованная часть Памира, расположенная по течению реки Пяндж близ границы с Афганистаном.

Несколько слов о Кнуде Гамсуне – “Мистериях”*. К своему стыду должен сознаться, что никогда этой вещи не читал и даже не имею о ней никакого представления, если Вы мне ее пришлете, конечно, буду чрезвычайно Вам благодарен, но только если это не связано со сложными и трудно выполнимыми розысками “в джунглях”. У меня есть и другой источник и я без труда могу добыть эти “Мистерии”.

Перехожу к вопросу о типах и первоописаниях. То что Вы пишете в своем письме по этому поводу, совершенно справедливо и разумно, только в защиту энтомологов должен сказать, что идея об организации “типохранилища” в разных государствах давно уже носилась в воздухе и если бы не две этих несчастных мировых войны, то указанная Вами организация в той или иной форме давно бы существовала в главнейших государствах. В конечном счете, если только систематика бабочек не будет окончательно вычеркнута из научных проблем, то высказанная Вами идея, конечно, должна будет получить материальное оформление.

Вы пишете, что уже зарегистрировано Вами для Памира 441 вид! А ведь по моему расчету это еще только пол-фауны: впереди еще большая часть Ноктуид и все пяденицы! Пожалуй кончится тем, что Памир будет лучше обследован, чем Московская область!... Конечно, то что Вы ведете точный бухгалтерский (гросс-бух) учет прекрасное дело, только я удивляюсь как хватает Вас на все эти дела.

Уже недалеко то время, когда брат собирается ехать в Москву и тогда, конечно, постарается с Вами повидаться. Только бы мне к этому времени совершенно поправиться; уж очень я не люблю захварывать в его отсутствие. Это имеет для меня какое-то психическое значение; что бы со мной ни было, если я чувствую, что он копошится где-то недалеко от меня – у меня на душе становится спокойнее.

Как я уже Вам писал, у меня в комнате по временам устраиваются концерты – для меня это огромное наслаждение и радость; бывает даже так, что мы слушаем только вдвоем с братом, без посторонних.

Будьте же Вы все здоровы и бодры – Екатерина Васильевна и Вы, дорогой Андрей Андреевич! Уже солнышко начинает заметно пригревать и настраивать душу на весенние мотивы – “Весна света”, как пишет М. М. Пришвин. И солнышка у нас много, почти каждый день оно либо прорывается сквозь облака, либо спокойно светит с почти безоблачного неба. Что принесет нам весна? Стараюсь как можно меньше об этом думать, не могут же все эти люди сразу сойти с ума!!

Еще и еще раз всего Вам лучшего!!

Искренне и крепко Вас любящий

С. Четвериков

Плох стал мой старик!!**

Авторизованная машинопись.

62.

А.А. БУНДЕЛЮ

Горький

3 апреля 1959 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

Спасибо за письмо от 24 числа прошлого месяца. Из него вижу, как многогранны и разнообразны Ваши дела и связанная с ними работа. Конечно, от души желаю Вам в них полного успеха.

* “Мистерии” – роман К. Гамсуна, написанный в 1892 г. в неоромантическом духе. Переведен на русский язык с норвежского в 1910 г.

** Приписка Н.С. Четверикова, забывшего поставить свои инициалы.

Читая Ваше письмо Коля удивился: “Ни одного латинского названия?” Правда, даже как-то странно читать Ваше письмо “без бабочек”. Из Вашего письма мне не совсем ясно, для кого и для чего Вы составляете альбом эверсмановских и других типов, что это будет “уникум” – или же он будет размножен и станет доступным большему числу лиц? А вообще говоря, я конечно очень приветствую этот альбом. Давно уже пора ЗИНу повнимательнее отнестись к своему богатству типами.

Интересно, куда Вы направите свои стопы на праздники 1-го мая. Что пережил? – Украина или Армения?

С огорчением прочел, что сорвалась Ваша заграничная поездка*. Сейчас попасть за границу не так-то легко и просто, а потому всякая неудавшаяся попытка в этом направлении является огорчительной и приходится утешаться лишь тем, что авось подвернется какая-либо другая оказия, а в общем все-таки досадно.

Несколько серьезных слов относительно Вашего здоровья и Вашей грыжи. Я знаю, что человеку в 53 года незачем давать советов, которых он всего вероятнее слушать не станет, а все-таки хочу обратиться к Вам с добрым советом и личным опытом: Вы пишете, что у Вас образовалась паховая грыжа и что врачи советуют сделать немедленную операцию, а Вы хотите отложить это дело до осени. Лично я более чем хорошо знаком с этой проклятой штукой и знаю как она может отравить всю жизнь. А главное, эта мерзопакость обладает отвратительным свойством расти и иногда довольно быстро. Если врачи советуют сделать операцию сейчас, то надо ее делать! А ехать на Памир с грыжей – это значит безусловно рисковать и своим здоровьем (а может быть и жизнью) или же в лучшем случае сказать Памиру “прощай навеки”. Ведь нечто подобное было со мной. Я тоже отложил операцию, которую мог сделать, с весны на осень, а тут врачи сказали, что уже поздно: грыжа приняла такие размеры, что операция стала невозможной и вот я мучаюсь 15 лет и чувствую себя полным инвалидом. Гораздо лучше, если уж дело на то пошло, провести одно лето под Москвой, пофотографировать зубров в Окском заповеднике, половить там *Thecla spini*, *Hesperia tessellum* Hb** и других московских редкостей, чем рисковать стать на всю жизнь инвалидом. Ведь Вам на Памире, приходится поднимать и перетаскивать всевозможные тяжести, а при этом испортить себе грыжу нет ничего легче. Послушайтесь меня – старика и берегите свое здоровье, которое еще многим-многим очень нужно...

He отвечал Вам сразу по получении Вашего письма, потому что поджидал заключения врача на основании всевозможных анализов. Вчера заключение состоялось, но увы! никаких перспектив на улучшение оно не принесло. В общем мое самочувствие можно охарактеризовать так: внешне никаких угрожающих симптомов нет, но чувствую все увеличивающуюся слабость и температура держится все время около 37,0° (вместо нормальных 36,3°), что ясно говорит за то, что идет какой-то внутренний воспалительный процесс, который неуклонно сжигает мою жизнь. Врачи только руками разводят и ничего не умеют сделать и в конечном счете я предоставлен полному самотеку. Ну, что же! Скоро мне стукнет 79 лет и может быть пора...

Теперь о более веселом. 31 марта вечером я вдруг получаю письмо из Германии – большой солидный конверт из плотной бумаги, на котором стоит

* О предполагаемой поездке А.А. Бундель в предыдущих письмах С.С. Четверикову не писал, а передал эти сведения устно с Н.С. Четвериковым.

** В латинских названиях растений и животных обычно кроме родового и видового наименований указывают фамилию ученого, впервые описавшего этот вид. В данном случае, по-видимому, речь идет об известном немецком лепидоптерологе Hubner D.

штамп

Deutsche Akademie der Naturforscher*

Leopoldina

Halle/Saale

Коля высказывает предположение, что это какие-либо книжные каталоги. Но нет! Вскрываем конверт и оттуда вынимаем несколько печатных бланков и письмо на машинке, подписанное Президентом Академии наук. Письмо извещает профессора С.С. Четверикова, проживающего в Gorki an der Wolga**, о том, что в связи со столетием выхода в свет главного труда Дарвина “On the origin of species by means of natural selection”^{3*}, Германская Академия Натуралистов Леопольдина (на сто лет старше нашей Академии [наук] СССР) приняла решение устроить в Halle auf der Saale юбилейную неделю с рядом докладов, посвященных вопросам эволюции, генетики и прогрессу наших знаний в области естествоведения. При этом извещается, что 10 мая состоится годовичное собрание Академии, на котором будет сообщено о присуждении двух медалей и “Darwin-Plakette”. Последняя (по-видимому, нечто вроде диплома) будет присуждена всего однажды ограниченному числу ученых “die sich die Weiterentwicklung Darwin’scher Ideen in Bereiche der Evolutionforschung und in der ihr nabesteenden Bezirken der Genetik ein besonderes Verdienst erworben haben”^{4*}. Президент Академии извещает меня, что я включен в число этих “немногих”! Далее идет приглашение к присутствию на этом заседании и всякие и всякие анкетные вопросы. Конечно, с большим сожалением от этого последнего приглашения я должен был отказаться, но признаюсь совершенно чистосердечно, что присуждение мне Darwin-Plakette явилось для меня абсолютно неожиданным и более чем лестным. Стараюсь разобраться в своих чувствах, почему это событие меня так взволновало и обрадовало?

Что я – честолюбец? Конечно, мне оказана очень большая честь, я выдвинут на некоторую ступень выше многих других ученых эволюционистов и это выдвижение – это отличие несомненно доставляет мне удовольствие. Но будет ли это главное? Безусловно – нет. Если бы со мной рядом такое же отличие получили сотни или даже тысячи других ученых – это не только бы меня не огорчило, а напротив, чрезвычайно порадовало. Значит, здесь дело не только в честолюбии! Что я – “славолюбец”? О, безусловно нет! Если бы мне сказали, что через неделю моя фамилия будет везде вымарана (как это было после моей свердловской высылки), но работы мои останутся нетронутыми, то меня это очень мало бы огорчило. Что же в конце концов меня радует? И вот, копаясь в своей душе, я прихожу к заключению, что моя радость, главным образом, определяется тем, что я воскрешен из покойников, что мои работы, давно написанные, но все же почти не использованные, не умрут вместе со мной, и высказанные в них мысли и идеи способствуют правильному пониманию больших биологических процессов и невольно приходят на память две пушкинские строчки:

“Нет, весь я не умру,
– Душа в заветной лире
Мой прах переживет
И тленья убежит”...^{5*}

* Немецкая академия естествоиспытателей Леопольдина, Халль/Зааль, Южная Германия.

** Горький на Волге (нем.).

3* “Происхождение видов посредством естественного отбора”.

4* “Которые занимались дальнейшим развитием дарвиновских идей в области эволюционного развития и имеют особенно выдающиеся заслуги в области генетики” (нем.).

5* А.С. Пушкин. Стихотворение “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” или “Памятник”, 1836. “Стихотворения, поэмы, сказки”, Б.В.Л. М.: Изд. Художественная литература, 1977. Т. 39 (103). С. 36.

Это мои тощие брошюрки!

Ай, ай, ай!

И я радуюсь, что моя душа в моей лире тленья убежит.

Ну вот, дорогой Андрей Андреевич! Вот Вам и “событие” в моей жизни! Как видите, она течет хоть и в твердых берегах, но все же не так уж похожа на стоячее болото.

Я уже писал Вам в прошлом письме: Еутерпа* и ее подруги (музы музыки) прочно поселились в моей комнате и редкий день проходит без того, чтобы мы с Колей не помузицировали бы хотя бы немного. Иногда же мы устраиваем концерты с гостями, когда к нам собираются, как это было третьего дня, друзья и добрые знакомые послушать не радио-белиберду, а чудесные творения Баха, Бетховена, Чайковского... Вот и эта сторона моей жизни дает мне много наслаждения и радости.

Вы пишете про московскую весну. По-видимому, здесь в Горьком творится нечто схожее – и здесь весь март (да и начало апреля) стоят большей частью прекрасные весенние дни, снег тает на глазах.

“И воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят.
Они гласят во все концы:
“Весна идет, весна идет!”...”**

Очень жду, дорогой Андрей Андреевич, от Вас вестей. Так хочется быть ближе к Вам, участвовать в Ваших планах и думах – быть настоящим хорошим Вашим другом.

Мы с братом шлем Екатерине Васильевне наш сердечный теплый привет и желаем Вам обоим самого большого счастья и благополучия, а Вас, дорогой Андрей Андреевич, сверх того крепко, крепко обнимаю и целую.

Искренне Вас любящий

С. Четвериков

Авторизованная машинопись.

63.

С. С. ЧЕТВЕРИКОВУ

Москва

10 апреля 1959 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Спасибо за письмо, которого я ждал с нетерпением, т. к. очень о Вас беспокоился. Рад, что со здоровьем у Вас более или менее благополучно. Пришла весна, а почему-то переход от зимы к весне всегда сопровождается усилением недомоганий (черпаю эти сведения, помимо собственных наблюдений и впечатлений от работы в российском институте, из того календаря природы, где Ваша статья о бабочках). У нас сейчас новая волна гриппа и я ей отдаю назначенную дань. Уже четвертый день ползаю чуть живой. Настроение у меня в квартире не способствует благоприятному течению болезни. Но сейчас, по крайней мере, сделали новый потолок и [плиточную] выстилку пола. Пылища на всем страш-

* Одна из богинь музыки. Еутерпа (Евтерпа) входит в число олимпийских муз греческой мифологии. (Мифологический словарь. Гл. ред. Мелетинский Е.М. М. “Советская энциклопедия”, 1990 г. С. 369.

** Стихотворение Ф.И. Тютчева “Весенние воды”, 1830. Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой и др. “Избранное”. М. Изд. “Правда”, 1984. С. 63. В других изданиях иногда указывается дата написания – 1832.

ная и убрать ее невозможно. Пылесос наш работает почти непрерывно, но это какой-то Сизифов труд – только вынесу кучу мусора, и вновь все приходит в первоначальный вид первобытного хаоса.

От души поздравляю Вас с почетным присуждением Дарвинского диплома. Вот уж действительно, несть пророка в своем отечестве! Какая это удивительная вещь – каждая работа, наука вообще. Я помню, как сейчас, когда в студенческие годы впервые зашел в библиотеку Чичибабинской кафедры и стал перелистывать *Berichte**. Огромное число людей, как муравьи, по песчинке вкладывают наблюдения, опыты, мысли в одно огромное целое, называемое наукой. Но самое ценное, мне кажется, это то, что Ваши работы оценили своевременно и [они] оказали влияние на развитие науки. Помните, было не так давно, скорее, насаждалось, течение всюду отстаивать приоритет русских. И действительно, многое впервые было установлено русскими – однако осталось в безызвестности и никакого влияния на общее развитие науки не оказало. В этом есть глубокий трагизм [нашей] участи: сто лет никакого утешения. [Оценят] труды через много лет только его дальние потомки. Если случится так, то это лишь показывает, что они были никому не нужны. По-моему у Вас не так.

Вы спрашиваете, зачем мы с М[ихаилом] А[лексеевичем] фотографируем...** Не знаю, что ответить Вам. Я заинтересован в составлении атласа для собственных нужд, а М[ихаил] А[лексеевич], вероятно, использует их в своей***... ночниц. Во всяком случае, после того, как мы сделаем потребное для нас количество оттисков, я думаю передать негативы в ЗИН с соответствующей пояснительной запиской. Может быть, когда-нибудь и кто-нибудь ими там воспользуется. Очень жаль, что многие вещи уже сильно истерзаны, лишены брюшек и т. п. Снимать надо было до этого – однако, ЗИН-овцы ...³* до такой простой вещи [не] додумались, или, вернее, не удосужились организовать. А чего-бы, скажете, проще – ведь снимал же М[ихаил] А[лексеевич] каким-то ветхим аппаратом у себя на письменном столе. Весьма огорчительно, что везде и всюду наталкиваешься на глубокую недобросовестность.

Сейчас на меня свалилось еще одно, если не неприятное, то, во всяком случае, кропотливое дело, от которого я не смог отвертеться. Спрос на докторов превышает предложение: доктора [требуются] в большем количестве, чем защищается диссертацией. В Москве больше половины химических кафедр занято кандидатами. И вот мне присудили взяться за заведывание еще одной кафедрой – в Менделеевском институте. Отказаться было нельзя, т. к. это именно по моей специальности – по люминофорам. А мне больше всего хотелось бы сидеть дома, заниматься термодинамикой люминофоров и – бабочками! Довел грессбух до конца *Noctuid*! Пока зарегистрировано всего 748 видов + 3, т.е. 751 вид, из них совок – 446 видов, остались все геометриды; их 1400 штук по предварительному подсчету, не менее 100–120 видов. Вероятно, выше. [Осенью] не закончу. [?]

Желаю Вам здоровья и всего хорошего. Катя тоже. Целую Вас и Николая Сергеевича.

Ваш

А. Бундель

Автограф.

* Название немецкого научного журнала “Доклады” или “Сообщения”.

** Далее одно слово не прочитывается.

³* Далее не прочитываются два слова.

ВОСПОМИНАНИЯ

С.И. Четвериков

ВОСПОМИНАНИЯ
О СВОЕМ МАЛОЛЕТНЕМ СЫНЕ СЕРЕЖЕ
ИЗ СЕРИИ НОВЕЛЛ
“РАЗНЫЕ СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ МОИХ ДЕТЕЙ”,
НАПИСАННЫХ В ЭМИГРАЦИИ
(Шардон, Швейцария, 1923–1928 гг.)

Первая попытка в России авиации

Наш дом в Кашинцеве стоял на нагорном берегу реки Клязьмы, а на другом берегу стоит село Анискино с большой колокольней ея белой церкви. Второй сын Сережа в возрасте 4 лет увидел во сне, что он влез на балюстраду нашего прежнего балкона, расправил свои ручонки и тихо полетел по направлению Анискиной колокольни. Впечатление от сна было настолько ярко, что воспользовавшись в ранний час отсутствием няни в детской, он в рубашке выбежал на балкон, влез на перила, растопырил ручонки и – очутился в цветочной клумбе под балконом. К счастью, он себе ничего не повредил, но крику было достаточно.

Нерукотворный Спас

Мы сидели за утренним чаем, как вдруг объявился Сережа с головой, застрявшей в рамке своего суденышка, весь красный, не в силах освободить свою голову. С трудом, и только намылив всю голову и шею, удалось его высвободить из этого оригинального украшения. <...>

Справка никогда не мешает

Сережу трех лет няня уложила в кроватку спать. Но он все вертится и не засыпает. Няня и говорит ему: “Спи! Спи! Когда уснешь, прилетит твой ангел-хранитель, станет у твоей головки и будет тебя своими крылышками обмахивать”, на что Сережа уже засыпая спрашивает: “А он меня не уклюнет?”

Добросовестность – тоже добродетель

Сережа с самых ранних своих лет проявлял страсть к естествознанию. Вместо игры в мяч или лошадки, он занимался тем, что лазил по траве и близ луж наблюдал жизнь всяких букашек-таракашек, плавунцов и пр., почему к завтраку или обеду являлся всегда измазанным. Так как чистые штанишки полагались лишь два раза в неделю, то мама и говорит ему: “Прачка совсем не обязана сти-

рать твои пачканые штанишки не в черед, а потому потрудись ей каждый, в таком случае, раз платить по гривеннику.” Мама при этом рассчитывала на его скупость, которую он неизменно проявлял.

Вскоре возвращаясь из гостей мама, как всегда, зашла в детскую. У постели Сережи лежали сложенные его испачканные штанишки и на них лежал гривенник, а Сережа спал с улыбкой праведника.

Честь превыше всего

Ваня и Сережа, будучи еще совсем маленькими, как-то безобразничали за обеденным столом. Мама и говорит им: “Раз вы не умеете себя вести прилично, то отправляйтесь есть пирожное в прихожую”. Как раз в этот день было любимое пирожное – малиновый воздушный пирог. Изгнанники с плачем вышли из-за стола. Сережа куда-то немедленно скрылся. Его долго искали, пока не вытащили из под кабинетного дивана, под который он залез, не снеся сраму. Ваня же, обливаясь слезами, за обе щеки уписывал пирожное, прихватив и Сережину долю. <...>

Сконфуженный экспериментатор

Сережа еще с измальства проявлял стремление к разным исследованиям. Видя, как из посаженной горошины вырастает целая масса новых горохов, он решил испробовать – не случится ли того же с посаженными деньгами. Выбрав вечером местечко в саду близ детской, он закопал гривенник. К несчастью для него, это подметили Ваня и Митон, которые не могли отказать себе в удовольствии посмеяться над Сережей и, когда его уложили спать, они над посаженным гривенником водрузили хворостинку, увешав ее всю медными жетонами от какой-то детской игры. На другое утро Сережа первым долгом побежал осматривать свою плантацию. Первоначально раздалась возгласы радости, скоро сменившиеся плачем с воплем: “Все медные! Все медные!”.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 46. № 6. Авторизованная машинопись*.

Н.С. Четвериков

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ**

Мне вспомнился один детский анекдот. Брату было, наверное, лет семь-восемь. Дело в том, что наш дом в Кашинцеве стоял на горе и отец никак не мог добыть хорошей воды. Рыли шурфы то тут, то там. И вот один старый-старый колодец был под горкой. Я его хорошо сейчас помню. Он зарос ряской, сруб весь сгнил, кругом была сырость, вроде как болотце. Нам было запрещено подходить к этому колодцу строжайшим образом.

И вот однажды отец узнал, что брат был у колодца. Отец был вообще очень добрый человек, этого никто не будет оспаривать. Но иногда он всплывал. И вот тут он в большом гневе сейчас же сам побежал к этому колодцу и за уши оттащил брата. А тот визжал и кричал: “Я только инфузорию... Я только инфузорию...” Это было его первое страдание за науку.

* Перепечатка сделана и подписана автором С.И. Четвериковым – отцом С.С. Четверикова.

** Выступление Н.С. Четверикова перед сотрудниками библиотеки ГГУ в связи с 85-летием со дня рождения брата С.С. Четверикова в мае 1965 г.

Дело в том, что у нас был в руках микроскоп, не бог весть какой, в те времена хороших микроскопов не было, это было начало 90-х годов [прошлого века]. Но все же можно было разглядеть тубельку, например, и даже диатомовые водоросли рассмотреть. Вот отсюда инфузория и появилась.

Но брат не был таким уж заядлым биологом, даже когда он в шестом–седьмом классе учился. В это время в школе, в реальном училище Воскресенского, где мы оба учились (он как раз кончил, а я поступал), находился очень славный воспитатель Орлов, который потом был уволен по политической неблагонадежности. Он организовал кружок, которому очень благоволил наш инспектор – прекраснейший человек, Василий Иванович Воинов. Кружок занимался астрономией. У этого Орлова был самодельный телескоп, кружок собирался у него. И с большим увлечением проводились наблюдения над двойными звездами, туманностями, причем каждый раз точно рассчитывалось по звездной карте, где что можно найти и в данный момент удобно наблюдать. Кружок действительно имел большое воспитательное значение для всей группы. Брат был одним из его главных участников. Но интерес брата к биологии был сильно поддержан его преподавателем, который в это время работал у Воскресенского.

Это очень известный ученый – Зыков Владимир Павлович. Потом он известен своим исследованием планктона на Волге под Саратовом. Он приезжал к нам в наш дом (дачей мы его не называли никогда, это считали унижительным для нашего гнезда называться дачей). Он приезжал летом, гостил довольно долго. Все это вызывало очень доброе отношение со стороны отца и матери.

Когда брат окончил реальное училище, возник обычный вопрос: куда дальше? Отец был настолько поглощен заботами о фабрике, настолько загружен работой, что он искал себе, конечно, помощника. Старший наш брат Иван [по]шел на фабрику, но у него никаких способностей организаторских, за которыми гнался отец, не оказалось абсолютно. Он всегда участвовал непосредственно в самой работе, был, так сказать, запанибрата с рабочими. Но в то же время совершенно отсутствовала у него всякая широта взгляда на предприятие, коммерческие его цели, на организацию самой работы. Значит, надо было тащить второго брата – Сергея. А Сережа упирался: никак, ни за что. Но волею-неволей пришлось ему покориться. Отчасти из-за боязни слишком большого влияния на меня отправили его в Германию учиться в техникуме. Это было для него хуже каторги. Он был очень хорошо подготовлен по математике, много лучше немцев, так что он постоянно помогал своим товарищам справляться с учебной работой. Но все время тосковал, тосковал и по бабочкам и вообще по биологии. Его тетрадки, где он учился писать перьями Рондо, полны названиями: Папилио махаон, Папилио подалириус и т.д. Они у меня долго хранились, теперь уже все погибло. Он начал писать отчаянные письма отцу. настолько отчаянные, что отец задумался и в конце концов согласился на то, чтобы брат пошел своей дорогой. А какой дорогой? Надо было поступать в университет. В университет можно было поступить, только имея аттестат зрелости гимназии. В то время строго разделялись: гимназические школы, где учились греческому и латинскому языкам (греческий был в большом почете), и реальные училища, которое мы кончали, где преобладала математика.

Чтобы поступить в университет, нужно было сдать [экзамены] на аттестат зрелости при гимназии, причем не только по латинскому и греческому за все 7 или 8 лет, но и по всем гимназическим предметам. И опять брата удалили из Москвы, боясь, чтобы я также не вздумал бунтовать по его примеру. И он уехал в Киев. Там он устроился по своему вкусу. Сначала он жил в маленькой

полуподвальной комнатке, где была только одна кровать, стул и стол и больше ничего. И он всей душой привязался к этой такой простецкой жизни. Ему удалось найти очень хорошего преподавателя языков и он полтора года с азартом занимался латинским и греческим. Наконец, наступил срок, когда нужно было решать: или еще год оттягивать поступление в университет, или уже решиться пойти напропалую. Посоветовавшись с учителем, брат решил все-таки идти на экзамен. Экзаменов у него было чуть ли не 16, потому что он должен был сдавать на аттестат зрелости решительно все, больше, чем сами гимназисты, для которых целый ряд предметов отпадал уже. Пришлось ему все, даже закон Божий, начинать изучать с самых аздов.

У брата способности были великолепные, а главное – была прекраснейшая память. И он это одолел. Одолеть-то одолел, но вот латинский и греческий экзамены были назначены на конец экзаменационной сессии, и в это время брат почувствовал себя плохо, но все же он ходил: трещала голова, невероятно повысилась температура. На греческом языке – экстемпоре* надо было с русского переводить на греческий – он, собственно, провалился, получил двойку. Что же оказалось? Оказалось, что когда он вернулся с последнего экзамена в свою комнату (правда, он уже ее переменял, у него уже была хорошая комната), то повалился на постель и потерял сознание – у него начался сильнейший брюшной тиф. Вот в таком тифозном состоянии он заканчивал свои экзамены. Но с этой двойкой дело все же обошлось. Дело в том, что у него было прекрасно написанное русское сочинение. Настолько хорошее, что учитель русского языка его вслух читал как образцовое. И этот учитель заступился за брата и в конце концов уговорил учителя греческого двойку заменить на три с двумя минусами. И брат аттестат зрелости получил. Когда стало известно, что он лежит без сознания и у него страшнейшая температура, была дана телеграмма в Москву. И после того как он очнулся, мать сидела у его ног на постели. Хотя доктора сомневались, удастся ли ей, но она все-таки привезла его поездом в Москву. Его отходили. Но память тогда очень сильно пострадала. Хотя он до самого конца своей жизни, даже перед своей смертью, все-таки удивлял всех, его знающих, своей памятью.

Но так или иначе, брат поступил все-таки в университет. Обстановка для него была совершенно новой: тогда ведь это все было чинно-церемонно. Студент надевал новую форму, сбоку даже привешивалась шпага. В таком виде они являлись к ректору и должны были, с ним здороваясь за руку, представляться в качестве нового абитуриента.

Когда брат жил в Киеве, он занимался не только латинским языком, но и греческим. Все же интересы живые были у него очень сильны. И тянуло его не только к биологии, но и еще кое к чему. Он повадился ходить в книжный магазин Просяниченко. Это был небольшой магазин, но очень излюбленный студентами, потому что Просяниченко очень хорошо относился к своим покупателям, аккуратно выполнял все их заказы, и брат этим пользовался, поскольку деньги у него были. Кроме того, Просяниченко даже торговал нелегальной литературой. Делалось это, конечно, только для самых близких его знакомых, для друзей. И брат вскоре оказался в их числе. Там он познакомился с молодой студенческой публикой. Здесь ему открылись тайны марксизма, тайны, потому что тогда это действительно были тайны, потому что перевод “Капитала” Маркса был еще большой редкостью, да и был только один даниельсоновский перевод**,

* Extempore (лат.) – наспех.

** Перевод на русский язык “Капитала” К. Маркса Николай Францевич Даниэльсон выполнил в конце XIX в.

старинный, а перевод Струве тогда еще не появлялся. И вообще вся эта нелегальная литература, вплоть до прокламаций, так и ходила по рукам, но с большой осторожностью. Брат очень увлекся ею и это ввело его в курс социалистической пропаганды тогдашнего времени. И когда он поступил в университет, этот интерес его не оставил. Был создан кружок, в котором решили совершенно объективно обсудить все острые вопросы марксизма и социализма.

Кружок работал, я не знаю, долго ли, нет ли, но все же порядочно времени, дал возможность многим ознакомиться с этой литературой. Конечно, брат принимал участие в общественной жизни студенчества, а тогда эта общественная жизнь уже стала очень бурлить. Это было самое начало 1900-х гг. Разыгрался скандал в Киеве при министре Боголепове.

Сейчас точно я боюсь вам [рас]сказать историю этого дела, но кончилось это тем, что 198 студентов были отданы в солдаты. Боголепов придумал такую меру, которая никогда ранее не применялась. И это сразу же дало вспышку протеста в Ленинграде, тогда в Петербурге, в Казани, в Москве. Всюду начались очень сильные студенческие волнения. Брат был в первых рядах, несмотря на то, что он ораторским талантом не обладал, но как-то привлекал к себе людей, и личное влияние его было достаточно большим. Кончилось тогда это большой сходкой. После сходки всех студентов отправили в Манеж, продержали там двое суток. Курсистки тоже были в Манеже, так как принимали участие в сходке. Оттуда студентов отправили в Бутырки, но в Бутырках они сидели в условиях совершенно особых. Целый ряд больших камер были открыты, предоставлены в полное их распоряжение. Конечно, никаких мучений тюремных они не знали. Издавался “Бутырский Вестник”, даже шахматный кружок был, все, что хотите. Это длилось недели три, наверное, если не месяц. Потом 1904 г. наступил – японская война. Вы, наверное, знаете всю эту историю. В то время в университете существовал так называемый студенческий орган, нелегальная, но терпимая* организация студентов. Боголепов после этой истории был убит выстрелом Карповича.

Наступила пора доверия, как она тогда называлась. Генерал Ванновский, который ни малейшего представления не имел ни о каком образовании, оказался министром народного образования и при том министром умным: он убедил Николая II в том, что надо начинать с другого конца. Надо не жать студентов, а немножко довериться им, дать возможность свободно организовываться, дать некоторую свободу собираться на сходки. Все это, как Щедрин писал, в пределах возможности, в пределах законности, а потом, в конце концов – применительно к подлости. Но это уже дальнейшая история.

Но жизнь не ждала. 1904 г. – это был год уже начавшейся очень серьезной рабочей борьбы. Осень прошла под знаком митингов. Всюду они собирались. И не только с участием одних студентов, но и широких масс населения. Начались большие забастовки. Всеобщая железнодорожная забастовка. Был собран нелегальный, но совершенно открыто заседавший в Москве (в то время это было осуществимо) Всероссийский стачечный комитет.

Он сначала был железнодорожным, потом к нему примкнули представители от рабочих, а представителем от университета оказался брат. Он участвовал в заседаниях этого комитета. Это была его главная революционная работа, которую он проделал.

Первый курс брату не задался. Он совершенно не мог освоиться с новым способом учебы. Ему были рекомендованы толстые учебники, которые

* Так в тексте.

нельзя было наизусть выучить и даже прочесть было затруднительно. Он не умел с ними обращаться и, несмотря на все свое увлечение биологией, остался на первом курсе на второй год. В то же время он принимал очень горячее участие в комиссии по изучению московской фауны, в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Такое старинное общество было в Москве, где он выступил с рядом докладов.

К 1905 г. относится его первый значительный научный труд. Это доклад о “волнах жизни”. Вот тут бабочки дали ему основной материал. Вопрос стоял о том, что существуют года, когда вдруг какой-то вид начинает несудом* размножаться. Но вы сами, наверное, наблюдали, что иногда вдруг эти наши пиериды – белые бабочки, с весны появляются в таком количестве, что их просто видим на улице на каждом шагу. Потом, наверное, слышали об ужасных опустошениях непарного шелкопряда Лимантрия диспар. И борьба с ними была почти невозможна. Но потом на другой или третий год появляются болезни – чума какая-то – и гусеницы этого самого шелкопряда сами собой уничтожаются. В конце концов он становится даже редкостью. Вот такие явления, они очень заинтересовали брата. Он писал о них, читал этот доклад. Это было названо “Волны жизни” и термин этот более или менее принят. Его и сейчас употребляют.

Коллекция брата росла довольно усиленно, ограничение Богородским уездом было заброшено. Брат уже экскурсировал по Оке, в особенности по южным границам Московской области. Там были в то время большие заливные луга, известковая почва, совсем другая флора, чем в наших местах. Мы-то жили в 30 км севернее Москвы** (в сторону Загорска).

А потом была возможность поработать над бабочками в Крыму. Мать туда уезжала с моей сестрой, со мной и братом. И крымская фауна была изучена братом очень хорошо даже в те годы. Достаточно сказать, что мы экскурсировали настолько интенсивно, что на Ай-Петри (а мы жили у подножия его) мы с братом ходили один раз в два-три дня обязательно. Потому что там было очень интересно наблюдать постепенную смену бабочек, да и находки были там очень любопытные.

Потом брат уже после того, как женился (я не хочу вам рассказывать эту историю), жил в Старом Крыму не на Южном берегу, а на самом полуострове. Этот очень большой материал по Крыму потом был положен им в основу работы, к сожалению, так и оставшейся незаконченной. Он работал над ней очень долго – над рационализацией географического распространения бабочек в Крыму. Вопрос стоял очень любопытный: откуда взялась фауна бабочек в Крыму? Целый ряд видов связывают Крым с Закавказьем. В частности, на Ай-Петри были найдены такие виды. С другой стороны, около Алушты нашлось большое гнездо, где как бы сохранился, очевидно, самый изначальный состав фауны бабочек, сближающий Крым с южной Россией, в чистом виде, без примесей. По Крыму работали ведь очень многие. Кузнецов^{3*} там работал – у него была большая коллекция. Еще раньше другие лепидоптерологи работали. Брат собрал весь этот материал, причем критически проверил определения. А это была самая трудная часть. Но все-таки закончить дело так и не смог, потому что ослеп. Весь этот материал сейчас лежит в Ленинграде, в Академии, в

* Так в тексте.

** Кашинцево и Городищи расположены от Москвы к северо-востоку, а не к северу, но ехать следовало по Северной железной дороге до ст. Шелково, потом на лошадях 20 км к востоку (*Примеч. сост.*).

^{3*} Очевидно речь идет о Кузнецове Н.Я.

ЗИНе, в архиве. И очень досадно, что вряд ли кто-нибудь когда-нибудь за него опять примется.

Коллекция брата разрасталась за счет корреспондентов, в частности, сибирских. Сибирских собраний у него было довольно много. Я ему тоже помогал. Я в своей жизни очень много путешествовал – и добровольно, и недобровольно. Но при добровольных путешествиях всегда не забывал привезти брату то, что можно было в той обстановке, в которой мне приходилось ездить, добыть. У него были сборы из Минусинского уезда (от меня).

Потом брат был в экспедиции в Лапландии, когда работал в университете в Москве. Вместе со своими учениками организовал экспедицию в Хибины, правда, очень неудачно попал из-за погоды. Сборы были довольно мизерные. Но, по крайней мере, обстановку узнал. И снова поехал туда во вторую экспедицию. Похваляюсь, что мне здесь повезло. Я тоже в своих странствиях залетел туда, в Лапландию. На три дня ушел в горы, совершенно один, с сачком и морилкой. И за эти три дня набрал, пожалуй, больше, чем брат за две экспедиции. Просто повезло с погодой.

Но самая большая экспедиция, которую проделал брат, была экспедиция вместе с Петром Петровичем Сушкиным еще тогда, когда брат был студентом – в 1904 г. – на Табаргатай, за оз. Зайсан и дальше Табаргатая, к китайской границе. Оттуда была привезена очень большая коллекция. Сушкин занимался главным образом дневными, а брат интересовался больше всего ночными бабочками, особенно ночницами-совками. Вот так постепенно росла его коллекция, которую позже, когда брат уже ослеп и понял, что больше не сможет заниматься бабочками, он переправил в Ленинград. Коллекция эта содержала около 120 тысяч экземпляров. Когда ее внедрили в подобную же коллекцию Академии, она составила около 15%, т.е. она заняла очень большую часть.

Роман с бабочками этим у брата не закончился. У него есть еще одна очень большая заслуга, даже целых две. Во-первых, им была собрана прекраснейшая библиотека по бабочковедению. Библиотека, которая могла бы поспорить с академической. Он, не скупясь, тратил деньги и добывал самое ценное, что только можно было выписать из-за границы. Зайтцовский атлас* у него был. У него были мемуары Романовых**, где печатались основные работы по Кавказу. Вторая его заслуга в том, что брат сдружился и зажег полным огнем страсть к бабочкам у Андрея Андреевича Бунделя. Он сейчас живет в Москве. Бундель – химик по специальности, причем крупный, творчески работавший химик в этой области. Но рядом с этим страсть к бабочкам его покорила. Но какая! Он увлекся Памиром. И вот в прошлом году он, кажется, в 17-й раз побывал на Памире – именно специально с целью ловли бабочек. Его [Памира] заселение на бабочках можно было проследить – это та задача, которую Бундель себе ставил.

Вот, пожалуй, все, что я вам могу рассказать о бабочных увлечениях брата.

– Николай Сергеевич, скажите, где сейчас находится библиотека Вашего брата по бабочковедению?

* Albert Seitz, "Die Gros-Smelterlinge der Erde. Stuttgart", 1906. Die Palaearktischen, Tagfalter. Bd. 1. 1925. Bd. 26. (Регионы Африки). Все тома имеются в библиотеке ЗИНа РАН.

** Великий князь Николай Михайлович командовал Мингрельским и Дагестанскими полками на Кавказе. Увлечен коллекционированием бабочек и за время службы (он ушел в отставку в 1903 г.) написал восьмитомный труд о бабочках. *Memoires sur les Lepidopteres*. S.-Petersburg. T. I – 1886 г., T. VIII – 1901 г. Хранителем коллекции бабочек великого князя был известный энтомолог Алфераки. Тома имеются в ЗИНе РАН и в Нижегородской центральной областной библиотеке (*Примеч. сост.*).

– Она у Бунделя. Он ее передал Бунделю.

– А по генетике у Дубинина, да?

– Библиотека по генетике у брата тоже была порядочной. У него было много комплектов журналов. Когда брат перестал заниматься генетикой (генетику он как-то довольно быстро забыл, нужно сказать), он эту библиотеку передал Дубинину Николаю Петровичу. Она у него на квартире в Домодедове.

– Можно еще спросить? Вот скажите, как пришел Сергей Сергеевич от увлечения энтомологией к генетике? Естественный переход или что-то натолкнуло?

– Естественно, переход был. Так было предопределено судьбой самой. Когда он был еще в Киеве, до университета, он много читал по биологии, несмотря на свои занятия латинским языком. И тут интерес к наследственности преобладал над всем остальным. Это ведь было в 1899 г., до открытия менделевских работ. Тогда ведь еще не было настоящей генетики. Эти вопросы начали его смущать. А потом он очень много занимался дарвинизмом, тогда же, в Киеве начал заниматься. А от дарвинизма до генетики – один шаг. И в конце концов интерес к дарвинизму, общей теории эволюции и интерес к генетике у него слились. Он рано понял, что генетика является неотъемлемой органической частью общей теории эволюции.

Собственно, самая большая, крупная научная заслуга брата, мировая заслуга – это то, что он был первым пионером в этом деле, объединил дарвинизм с генетикой – это его работа 1926 г.* Материалом здесь послужили опять-таки бабочки, которых он знал досконально, поскольку был самым крупным лепидоптерологом в нашей стране. Конкретные наблюдения над бабочками во многом способствовали конкретизации его интереса к генетике.

А начал заниматься, я не могу сейчас сказать с какого года. Первое время, когда он закончил университет, это было в 1906 г., он стал преподавателем на Высших женских курсах**. Там он читал еще курс энтомологии. Но когда женские курсы, уже при советской власти, слились с Московским университетом, то тут он начал читать курс биометрии и генетики.

Сперва это называлось “Введение в систематику” (так это было по условиям тогдашней политики необходимо). Но потом это перешло в биометрию уже настоящую, и с такой биометрической подготовкой ему генетика открылась именно со стороны отношения к популяциям, то есть своей эволюционной стороной. И работа брата 1926 г., которую он написал, работая в институте Кольцова, осталась неизвестной ни у нас, ни за границей, так как журнал “Биология”^{3*} мало кто читал. Это было полной новинкой, что предпринял тогда брат, так что она пользовалась большим спросом только у его учеников. Правда, ученики у него хорошие были. И только через четыре года за границей появилась знаменитая работа Рональда Фишера. Как она называлась? “Генетическая теория наследственной селекции”^{4*}. Работа мало доступная. Она написана очень трудным языком. Фишер вообще писал чрезвычайно тяжело.

* О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Эксперимент. Биология. Сер. А. 1926. № 1. С. 3–54; № 4. С. 237–240.

** В 1906 г. С.С. Четвериков получил диплом лишь в декабре. Осенью 1907 г. он был оставлен на 2 года при кафедре проф. Мензбира для подготовки к профессорскому званию. Работать на МВЖК он стал лишь осенью 1909 г.

^{3*} Н.С. Четвериков неточно указал название журнала. Он назывался “Журнал экспериментальной биологии”. В те годы он пользовался большим авторитетом среди советских биологов.

^{4*} Н.С. Четвериков допустил оговорку: Фишер опубликовал “Генетическую теорию” естественной селекции (1932 г.).

Тогда же Сьюэл Райт начал заниматься этими вопросами, но все это было значительно [позже] после брата. Его работу открыли за границей сравнительно недавно. Теперь она переведена на английский язык. Брат сам перевел ее на английский язык, но напечатать ему не удалось. А напечатало ее американское философское общество. Вот эта работа в стенде есть у вас. Тем, кто интересуется вопросами эволюции, ее можно рекомендовать прочитать. Эта работа до сих пор не потеряла своего значения. Перед смертью у брата возник замысел эту работу перепечатать в сборнике в честь Дарвина, когда в 1959 г. минуло 100 лет со дня выхода “Происхождения видов”. Хотел напечатать МОИП, но тогда побоялись Лысенко, и работа осталась ненапечатанной. Но брат сделал некоторые поправки и добавления к ней. Теперь вопрос публикации возник вновь в Академии наук. Я знаю, что работа брата будет издана новым, вторым изданием, уже с его поправками*. Заботы об этом берет на себя Астауров, один из его лучших учеников, работающий над шелкопрядом Бомбикс мори, не над тем шелкопрядом, над которым брат работал, а над настоящим шелкопрядом, шелковичным.

– Извините, кто основные ученики у Сергея Сергеевича?

– У Сергея Сергеевича – основные ученики... Я просто по фамилиям перечислю, а потом расскажу, как это складывалось.

Тимофеев-Ресовский – конечно, наиболее талантливый и видный ученик. Его можно совершенно смело поставить в один ряд с Добржанским и с Мёллером, в качестве третьего мирового генетика. Сейчас он работает в Обнинске, но он почти потерял зрение, и работает, главным образом, глазами и руками своей жены – Елены Александровны (бывшей Фигнер**).

Учеником брата был очень талантливый Николай Константинович Кольцов^{3*}, только не старик Кольцов, который был очень известен, а молодой Кольцов – просто однофамилец, он погиб в Туркестане, и погиб он чуть ли не в лагере. Он тоже работал с шелковичным червем.

Также его учеником нужно считать Эфроимсона. Это очень интересный ученик. Когда брат работал у Кольцова, уже в это время была такая мода травить тех, которые слишком выдвигаются. Брат подвергся травле очень сильной у Кольцова в институте. Эфроимсон был единственный, кто открыто за него заступался. Сейчас Эфроимсон работает в Москве. Он главным образом работает над генетикой человека, но очень близко соприкасается, конечно, и с биологической генетикой, то есть теперешним новым течением, которое связано с кибернетикой. Оно называлось в шутку “крик и гам”. Крик – американец, был одним из пионеров этого дела. А наш Гамов это течение поддерживал как математик.

Ну кто же еще? Кого еще назвать?

Астауров, несомненно, очень крупный генетик. Он тоже сейчас жив, в Москве, член-корреспондент Академии наук. Наконец, Дубинин. Хотя Николай Петрович Дубинин как-то в стороне все время стоял. С братом он меньше других был связан. Также член-корреспондент Академии^{4*}. Он и сейчас держит-

* Статья С.С. Четверикова “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики” опубликована в Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1965. Т. 70. Вып. 4. С. 33–74.

** Н.С. Четвериков ошибался, девичья фамилия Елены Александровны была не Фигнер, а Фидлер. По-видимому она была из обрусевших немцев.

^{3*} Речь идет о Н.К. Беляеве, расстрелянном в 1937 г., он был двойным тезкой Н.К. Кольцова.

^{4*} С 1966 г. Н.П. Дубинин – академик АН СССР, так же как и Б.Л. Астауров.

ся особняком в Москве. Почему он такой, я не могу точно вам сказать. Но его обходят другие генетики. А между тем у Дубинина заслуг очень много научных. И он, вероятно, станет сейчас заместителем Лысенки* в качестве руководителя большого генетического института академии.

У брата был учеником Ромашов Дмитрий Дмитриевич. Он любопытен тем, что независимо от Запада сам открыл и разработал теорию, как тогда называлось, автоматических процессов в генетике, но правильно назвать генетических дрейфов, то есть таких генетических новообразований в эволюции, которые происходили случайно, независимо от естественного отбора. Это возможно тогда, когда возникают мутации, притом возникают не в одном случае, а в более-менее массовом. Отчего это происходит – трудно сказать, но в очень небольшой популяции. Тогда такая мутация может закрепиться и превратиться в новый вид независимо от отбора. Теория эта в высшей степени важная и существенная, потому что действительно эволюция идет не только путем естественного отбора. И Дарвин говорил, что он не считает отбор универсальным путем эволюции.

Кто же еще?

Елизавета Ивановна Балкашина (она была замужем за Ромашовым, но затем они разошлись). Она очень хорошо работала в Семиреченской области, заведовала там большим учреждением, вообще оправдала свою жизнь полностью.

Все эти ученики образовывали очень тесный кружок, который именовался СООРом. СООР – “совместное ование”. Такое шутовское название было принято вот почему. Кружок был так организован: он был очень интимным, собирались только несколько ближайших учеников брата, собирались просто за чайным столом, у нас, у брата на квартире. И посторонних на этот кружок не пускали совершенно. Чтобы стать членом СООРа надо было пройти закрытую баллотировку и единогласное решение. Одним голосом можно было кандидата отвести. Такой случай произошел с падчерицей брата – с маленькой Асёнской – Анной Петровной, которая тоже хотела участвовать в этом кружке, но нашелся кто-то, кто ее отвел. И, конечно, брат этому покорился совершенно без ропота. Занятия велись таким путем. Брат очень следил за иностранной литературой. И если появлялась какая-нибудь интересная статья на английском или немецком языке, она поручалась к докладу кому-то из участников семинара. При этом доклад предварительно очень строго прорабатывался самим докладчиком и братом. Брат чрезвычайно строго следил за тем, чтобы в докладе не было никаких отступлений от основной темы – это называлось проводить красную нить через доклад. И брат на этом чрезвычайно настаивал. Тем самым он действительно приучил всех участников семинара к четким, доходчивым и содержательным докладам, где все направлено на доказательство какой-то определенной мысли, одного вывода. Никаких отступлений в сторону не полагалось.

Вот этот самый СООР послужил причиной и первой репрессии против брата, когда его отправили в Свердловск. Об этом тоже мало на стенде сведений, может быть, надо рассказать. Кто-то написал донос на брата, донос, очевидно-таки, политический, достаточно серьезный. Его арестовали. Он просидел в Бутырках, недолго правда. А потом ему, так как ведь обвинение не могло быть доказано, просто дали билет. Какая-то девица, нарядно одетая, его провожала из Бутырок на вокзал. На вокзале предоставили возможность попрощаться, посидеть со всеми нами, с его учениками, с женой. Затем в вагон и, пожалуйста, в Свердловск.

* Н.С. Четвериков имеет в виду заместителя Лысенко в должности руководителя Института генетики.

Приехал он в Свердловск. Тогда этот город еще строился. Приняла его хорошо семья Колосовых. Брат был довольно беспомощным (виноваты, как всегда, жены: Анна Ивановна его избаловала). Но все-таки он так или иначе устроился. Кормился, конечно, кое-как, но Колосовы ему помогали. Недолго спустя его вызвали в Свердловске в госучреждение и предложили: “Не хотите ли быть нашим сотрудником?”. Как брат отреагировал на это, думаю, не стоит рассказывать. “Если не хотите, то что ж, Вам придется поехать немножко подальше. Примерно так до нижнего течения Оби, Березов и т.д.”. Брат говорит: “Что ж, воля ваша, ехать так ехать, как говорил попугай, когда его тащила кошка”. “Вы, – говорят, – отправляйтесь на вокзал и берите билет, кажется, до Тобольска, там можно было проехать по железной дороге, а дальше пароходом поедете”.

Брат пошел на вокзал, была большая очередь перед кассой. Встал в очередь. Постоял, около часа, даже больше, пожалуй. Наконец остался последний человек перед кассой, тогда к нему подходит агент и говорит: “Ну, довольно, идите домой, Вы остаетесь в Свердловске”. Очевидно, они получили директиву из Москвы по этому поводу более строгую. Вот такой эпизод с ним произошел.

Из города брат не мог отлучаться вообще, ему было запрещено, но все-таки он ловил бабочек в окрестностях. Бабочки его там занимали, но генетика сильно пострадала. Несмотря на то, что к нему приехала жена и, жизнь у него наладилась*. Ему были выписаны благодаря сестре, которая жила за границей (у нас есть младшая сестра, еще в 1922 г. уехала легально за границу с отцом), все ведущие генетические журналы – и американские, и английские. Брат мог бы заниматься генетикой, но у него такая природа, что он очень нуждался в благоприятной общественной обстановке для своих занятий: нужны были ученики, нужна была аудитория. И генетика у него там захирела. И не воскресла она даже потом, когда после трех лет Свердловска его снова на три года отправили во Владимир. Из Владимира с большим трудом его вытащили сюда к нам в Горький, где у него почва для занятия генетикой снова воскресла. Генетикой в Горьком он занимался, как вы знаете, хорошо.

– Николай Сергеевич, вот Вы говорили, что в статье Александра Федоровича Шереметьева есть какая-то неточность или упущения, которые несколько искажают смысл генетической теории?

– Вот я сейчас это и исправил. Одно упущение было то, что брат *переехал* в Свердловск. Он, конечно, не переехал – его “переехали”.

– Я не о том говорю. Вы говорили о том, что, когда он рассказывал о сущности генетической теории, то что-то было упущено или неправильно рассказано.

– Сейчас не могу точно рассказать содержание работы, это был 1926 г. По-видимому, речь идет о работе по слиянию генетики с теорией эволюции, с дарвинизмом. Но там очень большую роль брат уделил изоляции вновь образующегося вида. Если этот вид образовывался на сравнительно небольшом участке общей популяции, на таком участке, который был как-то изолирован или, если эта мутация биологически изолировала своих носителей от скрещивания с основной породой, тогда вид образовывался скорее, быстрее и легче. Это основная идея его была, которая в статье Шереметьева** упущена, хотя он перечисляет все основные моменты, которые тогда брат выдвигал в своей работе.

* Анна Ивановна навещала С.С. Четверикова в Свердловске, но жить продолжала в Москве.

** Шереметьев А.Ф. Крупнейший советский ученый С.С. Четвериков // Генетика. 1965. № 1. С. 204–205. Перепечатка статьи из университетской многотиражки “Горьковский университет”. № 12, 30 апреля 1965 г.

Это единственное, что я должен добавить. Не могу еще одно [не] сказать. Уже в самые последние годы, перед смертью, умер он 2 июня* (удар с ним случился 13 мая), а в апреле месяце брат получил извещение от старейшей Академии – Германской – так называемой Леопольдина, которая была основана, кажется, насколько я помню, в XVII в., извещение о том, что он удостоен особой почести, так называемой Дарвиновской планшеты. 1959 г. – это столетие выхода в свет дарвиновского труда. Тогда эта планшета, она имела вид не совсем медали, а четырехугольника, была присуждена 27 ученым мира**, которые наиболее способствовали развитию и упрочению учения Дарвина. У нас эту медаль получили четверо ученых: Иван Иванович Шмальгаузен, брат и два его ученика – Тимофеев-Ресовский и Дубинин. Но сам брат этой медали не видал.

– А где она сейчас?

– Эта медаль сейчас... Она была передана в Общество естествоиспытателей в Москве. И вручалась она в Москве 25 июля, т.е. через три недели после смерти брата. Приезжал президент Академии. Но в газетах была маленькая замечательная петитом. Тогда ведь царствовал Лысенко.

– Николай Сергеевич, кто Вы по профессии?

– Я по профессии – полная противоположность брату. Он очень сосредоточился в своей жизни. По бабочкам он был исключительный специалист, которому не было равных. Рябов, правда, был в Ленинграде, очень крупный. Теперь – Бундель. Но в свое время был брат на вершине. Не случайно, он был потом избран почетным членом Русского энтомологического общества.

А у меня жизнь пошла страшно пестро, специальности были такие: я так же, как и брат, взбунтовался в семье и не пошел по дорожке, которая мне указывалась отцом, и попал в Политехнический институт в Ленинграде, т.е. в Петербурге – это было в 1906 г. Но с 1-го же курса меня захватил Чупров Александр Александрович. Это имя вам, пожалуй, мало что говорит.

Александр Иванович Чупров был в Москве главным редактором “Русских ведомостей”, одним из основных работников земской статистики, обществовед. Но он разменялся в своей жизни на мелкую общественную деятельность, мелкую по сравнению с научной работой.

Сын его, увидев, что у отца не получается с научной работой благодаря тому, что он очень много времени отдавал работе общественной, пошел в противоположную сторону и в гимназические годы решил, что надо как-то к обществуведению применить математику. У него, у Александра Александровича, были прекрасные математические способности. И эту свою мысль он пронес через всю свою жизнь, а умер он не очень еще старым, 53-х лет. Окончив в Москве математический факультет, он переехал в Страсбург к Кнаппу. Кнапп – очень крупный германский обществовед, один из создателей государственной теории денег. И там Чупров приобрел все сведения по обществоведению, слушал лекции очень многих видных профессоров. Потом совсем молодым, лет в 30, он перебрался в Петербург и стал работать в Политехническом институте, который

* С.С. Четвериков умер 2 июля (а не июня) 1959 г. Н.С. Четвериков оговорился и по возвращении в Москву, проверив документы, написал Бруснигиной письмо с просьбой извинить его за допущенную ошибку (письмо хранится в музее истории ГГУ). Также и инсульт случился у Сергея Сергеевича не в мае, а в июне. (Примеч. сост.).

** Дарвиновскую плакетку (планшетта – произношение на французский лад) в мире получили всего 18, а не 27 ученых. Эта награда вручалась в Москве 25 июля 1959 г. (Примеч. сост.).

тогда только-только был основан в 1902 г. Этот институт был основан Сергеем Георгиевичем Витте, который не пожалел государственных средств. Это был чудеснейший институт, замечательный. Там было очень много технических отделений и, что замечательно, прежде всего кораблестроительное отделение. И очень большое место было уделено экономическому отделению. Туда были собраны все опальные профессора, те, кого Кассо выгнал из Московского университета, они все туда попали. Это были, главным образом, кадеты. Гессен был там, Постников – декан экономического факультета, Гампаров, Иванюков, Максим Максимович Ковалевский, Николай Иванович Кареев – это все были крупные ученые. Но старики уже отживали свой век и тон задавали молодые. В их числе был Чупров, который принял большое участие в самореорганизации института.

Он был статистиком-теоретиком, исключительно хорошо читал лекции. Я тогда увлекся теоретической статистикой и это увлечение держится во мне до сих пор. Но наряду с этим, просто в силу жизненных потребностей, пришлось отойти от любимого дела. Когда я вернулся с Колымы, где прожил пять лет, то в Москву сразу не попал. Меня взял под свое покровительство чудеснейший человек, московский врач, еврей Ардашников Соломон Наумович. Мы с ним очень сдружились, и он меня материально все время поддерживал. Я у него работал и года полтора нелегально жил в Москве. Конечно, милиция меня стала уже разыскивать, тогда пришлось волей-неволей прописаться в Петушках, но и оттуда меня выставили очень быстро. Тогда я перебрался в Александров, три года прожил там. Но опять меня милиция оттуда выставила. Потом я перебрался во Владимир, прожил там три года, и тут меня брат вытащил в Горький. И вот за время близкого сотрудничества с Ардашниковым, я работал по дозиметрии, т.е. по расчетной дозиметрии – это физически-геометрически-математические расчеты доз облучения больных раком. Пришлось заняться атомной физикой, и это сильно отвлекло меня от статистики. Совместно с Ардашниковым мы занимались переводом учебника генетики человека*. Он был поставлен на широкую базу генетики. Так что все эти вопросы доминирования, рецессивности, кроссинговера, закона Харди**, все это было в учебнике, даже немножко и математика там есть.

– А как называется этот учебник?

– Называется “Введение в генетику человека” Штерна. Курт Штерн.

– Перевод с английского?

– Да, он читал лекции в Америке и Лондоне.

– И вы перевели их на русский язык? Да?

– Да, перевел. Это большая книга – 50 листов.

– И видимо, всю жизнь Вы употребляли свое знание трех иностранных языков, кроме всех остальных?

– Ну, это вышло само собой. Немецкий я хорошо знал с детства, потому что у нас в семье многие говорили по-немецки, отец великолепно говорил по-не-

* В 1950–1960-х гг. Н.С. Четвериков совместно с С.Н. Ардашниковым участвовал в переводах на русский язык двух больших книг по медицинской генетике: “Основы генетики человека” К. Штерна. М.: Медицина, 1964; “Наследственность человека” Дж. Нилы и У. Шелла. М.: ИЛ. 1958. По недосмотру редакции фамилия Н.С. Четверикова как переводчика в последней книге не указана (*Примеч. сост.*).

** Закон Харди – математическая формула, определяющая относительно равновесное состояние генофонда популяции в лице определенного соотношения доминантных и рецессивных признаков.

мецки. Директор фабрики был немец, гувернантки, которые за нами ходили, все были остзейки – немки, так что немецкий и я, и брат знали совсем хорошо. Французский я тоже знал с детства, но значительно хуже. А вот с английским я столкнулся в Политехническом институте. Когда стал увлекаться статистикой, то ясно стало, что заниматься статистикой без знания английского языка просто невозможно, поскольку эта наука создавалась биологами Пирсоном, Гальтоном, Юмом в Англии. Переводов не было. Вот так мне и пришлось заняться английским языком. Итальянский язык я тоже немножко подзубрил. А недавно шведским пришлось заняться, но только это все я уже позабыл. Шведский просто потому, что вышел сборник трудов Чупрова, и там одну статью надо было со шведского перевести, пришлось немножко подзаняться, я и перевел эту статью.

– Просят рассказать о родстве ваших семей с семьями Алексеевых-Станиславских.

– Да, Станиславские в родстве с нами. Он нам приходится двоюродным дядей. Но мы его совершенно не знали. Я только один раз был у него по очень неприятному делу. Получил от него отказ. Я не хочу об этом рассказывать, мараť память, Бог с ним. Его брат, Владимир Сергеевич Алексеев, часто бывал у нас. Он потом был режиссером одной из студий московских, связанных с Художественным театром.

– Есть ли дети у Сергея Сергеевича?

– Есть родная дочь. Брат был два раза женат. Первый раз он женился в Кieve, совсем-совсем мальчишкой и долго скрывал свою семью. Потом в Москве пришлось все обнаружить. Тогда у него была маленькая Лёлька. Она сейчас уже бабушка, а я – прадедушка. А Ася – Анна Петровна – дочь Петра Петровича Сушкина. Так вышло, что и брат развелся со своей женой, и Петр Петрович должен был развестись со своей женой Анной Ивановной. Вот брат и Анна Ивановна составили семью, и Ася воспитывалась здесь у них.

– Она тоже биолог?

– Ася? Она, как бы это сказать... Ее специальность – птицы и рыбы, но орнитологией занималась недолго, поэтому главным образом – рыбы. Не собственно ихтиология, а питание рыб. Но она прежде всего путешественница. Это неугомонный человек совершенно. Сейчас ей уже более 60 лет, но она в этом году была на Верхоянском хребте, извольте радоваться. Там ее дочь работает – на Алдане. Так вот она поехала, полетела ее навещать, а оттуда, говорит, что близко уже, 300 км каких-то там до Верхоянского хребта. А это Оймякон – Верхоянский хребет, а Оймякон, вы знаете, это ведь полюс холода, где зимой бывает -72° . И вот она в -45° в середине апреля ходила 35 км на лыжах, надо было на какое-то стойбище ей. Черт ее знает! [Смех, реплики]. Это человек совершенно неугомонный!

Когда-то на Хибинах она на лыжах каталась, со скалы изволила свалиться прямо вниз головой. У нее потом были очень сильные беспорядки [со здоровьем], воспаление паутинной сети и т.д. На Мезени она была, там она пропала на лодке. Одна. У нее было, кажется, три пары весел с собой. Она не взяла с собой никакого питания, только маленький завтрак. И отправилась в ледоход по Мезени одна в лодке. Черт нес её! Для чего ей понадобилось это делать? Но ее чуть-чуть не вынесло в море, туда, на Моховец, это конец уже, кто на Моховец попадает, тот назад не возвращается. Но ее случайно по льдинам выручили рыбаки. У нее уже все весла были поломаны. Она на одном весле боролась. Но когда она вышла на берег, то оказалось, что эти рыбаки имеют на нее всякие нехорошие виды, так что ей пришлось потихоньку-потихоньку удрать от своих спасителей. Она отправилась пешком по тундре примерно в направлении, где

было ее село. Это было довольно далеко. Шла-шла – никакого села нет. Встречается ей старик с большой белой бородой. Она к нему: “Дедушка, где тут село?” “А чего ж ты, вот на холмик зайди и оттуда колокольню хорошо видно”. И правда, поднялась она, колокольню увидела. Пришла домой, рассказывает бабам. А те говорят: “Какой старик? У нас стариков таких нет и не было, это Николай Угодник тебя вывел”. Вот так она под покровительством Николая Угодника спаслась тогда. Она была на “Челюскине” во время его знаменитой экспедиции. Недавно она съездила в экспедицию на Гренландское море.

– Да, это особый человек.

– Что вас может еще заинтересовать, если не скучно?

– Нет.

– О работе брата на шелководческой станции. На так называемом опорном пункте. В Китае кроме обычного шелковичного червя культивируется Антрея пернии – это крупная, очень красивая рыжая бабочка с большими прозрачными глазками [на крыльях], вроде сатурнии. Она дает чесучу. Чесуча – это очень ценный материал для авиации, поэтому было очень важно эту бабочку акклиматизировать для нашей полосы. Но беда в том, что эта бабочка дает два поколения в году и второе поколение в виде гусениц образуется в ноябре месяце, поэтому ни выкормить, ни содержать его в наших условиях нельзя. В связи с этим каждый год надо весной заводить новое поколение грены. Брат задался целью изменить этот режим биологически. Это было можно сделать двояким способом: или ускорить развитие этих двух поколений так, чтобы можно было яички на зиму отправлять зимовать, или же уничтожить одно поколение, т.е. сделать из бивольтинной – моновольтинную породу. Первый путь оказался неосуществимым, а второй удался. За четыре года брату, благодаря тому, что он применял очень разумные генетические приемы вывода породы, удалось за четыре–пять лет достигнуть блестящих результатов. Блестящих в том смысле, что, во-первых, он получил доминантную мутацию моновольтинности почти сплошь всего населения, это около 99%. Таким образом была выведена чистая закрепленная порода, но имеющая некоторые недостатки: она легко поддавалась болезням – желтухе. Но это дело дальнейшего отбора. Причем были еще очень важные перспективы: она разводится на дубу. Дуб был кормом для гусениц. Но некоторые семьи были пересажены на березу и на березах смогли развиваться.

Но все это происходило перед 1948 г. Когда наступил 1948 г. – эта августовская знаменитая сессия ВАСХНИЛ. Брат, как вы знаете, был удален из университета и одновременно лишен заведования этой станцией, Опорным пунктом. Явились сторонники Лысенко: “Как были выведены? Генетика? По мorganизму-менделизму? Черт с ними! Не верим мы этой новой породе бабочек!” Смешали гусениц с дикими породами и начали воспитывать гусениц, т.е. устроили вольеры на свежем воздухе, тем самым добивались акклиматизации этой бабочки. Дубы были закрыты. И все погибло, конечно. Я видел эту картину. Года через четыре и от станции, и от строений не осталось ничего, ни бревнышка. Колхозы все растащили!

Вот этим дело и кончилось. А порода была нужная и важная. Брат даже орден получил за это открытие. А конец такой печальный.

– Николай Сергеевич! Большое Вам спасибо за интересный рассказ!

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 8. Авторизованная машинопись.

Запись фонограммы беседы Н.С. Четверикова с магнитофонной ленты сделала Ю.В. Шустикова (январь 1991 г.). Проверила и отредактировала Т.Е. Калинина.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ*

Первые воспоминания мои о покойном С.С. Четверикове относятся к весьма далекому прошлому – к бурному 1906 г., когда оба мы были еще студентами-естественниками Московского университета: я – совсем еще зеленым юнцом-первокурсником, Сергей Четвериков – вероятно, уже студентом четвертого курса¹. Я хорошо помню, как на одной из бурных студенческих сходов, среди ораторов крайних, порой анархических направлений, с более умеренным докладом, призывавшим студентов к единению с прогрессивно мыслящими профессорами, выступал высокий студент – близорукий блондин в очках и серой форменной тужурке. “Это – Четвериков, старшекурсник, – толкнул меня в бок мой сосед Борис Ильин-Какуев (ныне профессор Алма-Атинского мединститута) – он в лаборатории Мензбира работает... кажется, в каком-то родстве с К.С. Станиславским состоит.” И действительно, как я узнал потом, богатые фабриканты Четвериковы, отпрысками которых являлись несколько студентов², учившихся в Московском университете, состояли в близком родстве с еще более богатыми фабрикантами “канительщиками”³ Алексеевыми**, из среды которых вышел крупнейший артист и театральный деятель, прославившийся на весь мир под сценической фамилией Станиславского. Быть может, эти детали покажутся иному читателю излишними, но ведь С.С. Четвериков был, как известно, генетиком и, вероятно, сам интересовался вопросом, какими путями врожденная талантливость и трудоспособность, отличающая некоторые семьи, могут проявляться у их представителей в разных областях человеческой деятельности – практической деятельности, науке и искусствах... Дальнейшие мои встречи, пока еще очень мимолетные, относились к несколько более позднему времени. Пропутешествовав подобно Ленскому в течение двух семестров “под небом Шиллера и Гейне”, я лишь в 1908 г. снова перебазировался в Московский университет в лабораторию профессора Мензбира, проходя практикум по зоологии позвоночных под руководством приват-доцента П.П. Сушкина. В одной из лабораторий работала в качестве специалиста молодая жена Сушкина – Анна Ивановна, в недавнем прошлом студентка Высших женских курсов. Захаживал в лабораторию и С.С. Четвериков, успевший к тому времени окончить университет^{3*}, но увлекшийся изучением не птиц, а бабочек⁴. Впрочем, этой же страстью частично заразился и его бывший патрон – завзятый орнитолог П.П. Сушкин!

Из разговоров со старшими товарищами по лаборатории, да и самим П.П. Сушкиным, любившим беседовать со студентами, я узнал, что он с молодой женой и студентами, С.С. Четвериковым и его кузеном, совершили в 1904 г. экспедицию на оз. Зайсан и в горный массив Тарбагатай, а двумя годами раньше – в Минусинский край и Западные Саяны. Помимо птиц участники экс-

* В сокращенном виде воспоминания И.И. Пузанова были опубликованы в ж. “Природа”. 1991 г., № 10.

** Отец и дядя С.С. Четверикова были женаты на сестрах Алексеевых (*Примеч. Н.С. Четверикова*).

^{3*} В 1908 г. С.С. Четвериков готовился на кафедре М. Мензбира к профессорскому званию и работал над магистерской диссертацией (*Примеч. сост.*).

педии занимались изучением бабочек. Как раз ко времени моего поступления в лабораторию Мензбира вышла в свет большая работа по бабочкам Западного Саяна, написанная П.П. Сушкиным совместно с С.С. Четвериковым. Но в своей последующей исследовательской работе П.П. Сушкин не занимался специально бабочками, а С.С. Четвериков стал одним из крупнейших наших лепидоптерологов, и его богатейшая коллекция бабочек пользовалась среди энтомологов широкой известностью. В этот период и в последующие годы моего пребывания в Москве я неоднократно встречался с С.С. Четвериковым на заседаниях научных обществ, в лаборатории Мензбира и Зоологическом музее, но ближе с ним не сошелся – ведь он, окончив университет, целиком погрузился в изучение своих бабочек, которые меня специально не интересовали.

Я не могу не вспомнить о помощи, которую С.С. Четвериков оказывал нашему “студенческому кружку для исследования русской природы”, выступив на одном из его заседаний с конструктивным докладом на тему о том, как собирать, накалывать и расправлять бабочек. Аналогичные доклады были прочитаны и другими “благожелателями” кружка – доцентами Н. Кольцовым – о морских сборах, Б.М. Житкиным – о сборе и препарировке млекопитающих и т.д. Наглядные уроки С.С. Четверикова лично мне оченьгодились впоследствии при оформлении довольно богатой коллекции насекомых, особенно бабочек, собранных мной в 1912 г. на Цейлоне.

После путешествия в Северо-Восточную Африку, я вернулся на родину – в Крым и посетил в Кореизе проживающего там на даче с семьей своего учителя П.П. Сушкина, недавно получившего приглашение занять кафедру сравнительной анатомии в Харьковском университете. Просидев у Сушкиных почти весь вечер, у меня сложилось впечатление полного “семейного счастья” и мира. И сам Петр Петрович, и Анна Ивановна, и подрастающая маленькая Ася были в одинаковой степени веселы, милы и любезны.

Каково же было мое изумление, когда по приезде в Москву я узнал, что Анна Ивановна отказалась уехать вместе с мужем в Харьков, так как в Москве оставалась ее старая привязанность – С.С. Четвериков, с которым она сблизилась еще во время поездки на Тарбагатай. Короче говоря, она разошлась с П.П. Сушкиным и, оставив при себе Асю, сочеталась вторым браком с С.С. Четвериковым. Подобный разрыв был большим потрясением для П.П. Сушкина!

Однако довольно скоро дело уладилось, так как после развода П.П. Сушкин женился на своей бывшей ученице Н.Н. Поповой. О том, что между П.П. Сушкиным и С.С. Четвериковым сохранились добрые отношения, свидетельствует такой факт: на рождественские каникулы 1910 г. Сушкин приехал из Харькова в Москву и присутствовал на очередном заседании основанного им биологического кружка, состоявшемся в помещении библиотеки кафедры сравнительной анатомии. После заслушивания докладов я увековечил это посещение Сушкина на фотографии, где фигурируют все присутствующие – причем на первых местах у стола – П.П. Сушкин с молодой женой Надеждой Николаевной, а среди прочих членов биологического кружка и С.С. Четвериков.

И еще один пример: через много лет, в [1928 г.]* я встретился с С.С. Четвериковым в Москве при чрезвычайно грустных обстоятельствах. Возвращаясь из Ленинграда, на вокзале я встретил группу знакомых зоологов – москвичей, прибывшую встречать поезд из Кисловодска ... “В чем дело, Вячеслав Аверкиевич?” – спросил я В.А. Дейнегу, бывшего ассистента кафедры М.А. Мензбира.

* В оригинале опечатка – написано 1925 г.

“Да вот, Петра Петровича Сушкина гроб пришли встретить – он ведь 17 сентября на Минеральных водах от воспаления легких умер!” Стоит ли говорить, что я считал своим долгом присоединиться к группе встречающих прах скончавшегося в расцвете своей творческой деятельности ученого!

Среди встречающих был и С.С. Четвериков. Когда, наконец, поезд подкатил к перрону и из багажного вагона стали выгружать гроб, разыгралась сцена, которую я помню сейчас с необычайной яркостью: к группе встречающих привязался какой-то пьяный хулиган и стал сквернословить в адрес выгружаемых останков нашего учителя и друга. Вдруг из наших рядов решительными шагами выступил С.С. Четвериков, взял под руку хулигана и так властно прикрикнул на него, что тот беспрекословно дал увести себя с перрона.

После моего отъезда из Москвы в Крым, я кажется помимо встречи на вокзале, увиделся с С.С. Четвериковым в 1927 г., когда был участником третьего Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, состоявшегося в Ленинграде. Среди участников съезда был П.П. Сушкин, недавно вернувшийся из научной поездки в Соединенные Штаты, и С.С. Четвериков. В то время он несколько отделился от специальных занятий энтомологией и с головой ушел в изучение бурно развивающейся генетики, был сотрудником организованного Н.К. Кольцовым Института экспериментальной морфологии*. Характерная для него скрупулезная точность и хорошее знание математики позволили ему не только быстро войти в курс основных проблем теоретической генетики, но и сказать новое слово, так что С.С. Четверикова без всякой натяжки можно наряду с Бэтсоном, Гольдсмитом, Морганом, а из русских ученых – Н.К. Кольцовым, Ф. Добржанским, Н.В. Тимофеевым-Ресовским – считать одним из основоположников современной генетики на основе законов, открытых 100 лет тому назад Менделем.

На одном из пленарных заседаний С.С. Четвериков выступил с большим докладом “Об одном экспериментальном решении одной эволюционной проблемы”**. Эта “эволюционная проблема”, которой был посвящен доклад, была вековым, до сих пор еще дискуссионным вопросом наследования приобретенных организмом особенностей. Подобно большинству генетиков классической школы, Четвериков категорически отрицал возможность такого наследования и, подобно всем “неодарвинистам”, защищал свои взгляды с фанатичной страстностью.

Однако среди участников съезда были ученые и диаметрально противоположных точек зрения – среди них крупнейший ихтиолог, зоогеограф и географ Л.С. Берг, по широте и энциклопедизму знаний не имеющий соперников среди советских натуралистов. Еще сравнительно недавно (в 1922 г.) Л.С. Берг выпустил свою нашумевшую книгу “Номогенез”, в которой, отдавая должное Дарвину, все же отрицал творческую роль естественного отбора, но не сомневался в возможности наследования приобретенных признаков. Несмотря на богатство содержания и ряд ценных фактов и глубоких мыслей, высказанных в книге Л.С. Берга, она не принесла ему новых лавров; напротив, он подвергался нередко нападкам со стороны советских генетиков и вообще неодарвинистов.

Вероятно, поэтому Берг не играл руководящей роли на III зоологическом съезде, хотя и числился в составе оргкомитета; он не выступил с докладом ни на одном пленарном заседании, а лишь со сравнительно небольшим сообщением

* Не “морфологии”, а “биологии”.

** Более точное название: “Экспериментальное решение одной эволюционной проблемы”. Тр. III Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Л., 1927. С. 52–54.

на секции систематики, экологии и зоогеографии на частную, казалось, тему “О закономерностях в образовании форм у миног“, в котором, звучали явно антидарвинистические и “ногогенетические” нотки: так, Берг утверждал, что образование новых форм идет “путем закономерного развития скрытых (рецессивных) признаков, а не путем отбора случайных вариаций. Никаких случайных вариаций нет – все вариации predeterminedены – ногогенез!, отбор же лишь распределяет организмы по земной поверхности, играя роль географического фактора”.

За давностью лет я не помню точно, после какого именно доклада – Четверикова или Берга – между обоими учеными вспыхнула горячая стычка, которая по проявленной обеими сторонами страстности далеко выходила за рамки “парламентарной” дискуссии. Нападки Четверикова были так резки, что всегда сдержанный Берг только хрипел и яростно стучал по пюпитру кулаком!

Обе последние встречи показали мне, что С.С. Четвериков, столь мягкий и деликатный в общении, временами мог проявлять и недюжинный темперамент и решительность.

Прошло целых семь лет с тех пор, как я встретился с С.С. Четвериковым на проводах тела П.П. Сушкина. За это время я успел перебраться из Крыма в Горький, где с конца 1933 г. занял кафедру зоологии позвоночных и одновременно получил нагрузку – декана биологического факультета Горьковского университета. Лишь в 1931 г. университет был, в сущности, заново организован в составе лишь трех факультетов: физико-математического, биологического и химического. Когда я приступил к своим обязанностям декана, я имел дело со студентами второго и третьего курсов. Однако уже тогда возникла необходимость укрепления и расширения кафедры генетики, на которой пока что работали доцент З.С. Никоро и ее супруг – В.Э. Флесс, по специальности зоотехник. Энергичная З.С. Никоро, бывшая моей помощницей по деканату биофака, настойчиво советовала мне пригласить в качестве заведующего кафедрой генетики С.С. Четверикова как одного из крупнейших специалистов в области генетики. “Но ведь он выслан из Москвы, Зоя Софроновна, – возразил я, – вряд ли его пустят в Горький”. “Надо попытаться, ответила она, сейчас он уже из мест более отдаленных переехал во Владимир, где без особого воодушевления преподает в техникуме математику. Надо надеяться, что к переезду его в Горький препятствий не будет”. Я написал во Владимир Сергею Сергеевичу и, получил полное его согласие перебраться в Горький, так как во Владимире, по его подлинному выражению в письме от 28 апреля 1935 г., он “страдал от полной оторванности от научного мира”. Однако дело о переезде его в другой город встретило неожиданные препятствия со стороны “стихийных обстоятельств” и затянулось почти на целый год. Лишь в октябре* 1935 г. С.С. прибыл к нам.

О причинах высылки Четверикова из Москвы я знал лишь понаслышке: основной причиной был клеветнический донос какого-то научного работника, который обиделся на С.С. за то, что тот не питал к нему доверия, не приглашал на “чаепития”⁵ организованного им кружка, где собирались все ведущие генетики Москвы Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, В.В. Сахаров, П.И. Живаго. Доносчик придал такому бойкоту политическую окраску, и этого оказалось достаточно в первые годы возникновения пресловутого культа личности! Когда именно и куда был выслан С.С. я точно не помню, но подозреваю, что случилось это в самом начале установления у нас культа личности, т.е. около 1930 г. и С.С. был

С 1 сентября С.С. уже работал и получал зарплату.

сослан на Мурман и в Хибины⁶, о природе которых он впоследствии нам рассказывал.

Белика была радость нашей встречи со старым московским товарищем! Ведь и я, и профессор зоологии беспозвоночных А.Д. Некрасов учились в Московском университете одновременно с С.С. Четвериковым и прекрасно знали друг друга. Несмотря на то, что С.С. сразу же получил хорошую просторную квартиру в доме студенческого общежития на ул. Ульянова, жена его Анна Ивановна переехала в Горький из Москвы лишь в следующем 1936 г. Когда она окончательно обосновалась и обставила квартиру, стала приезжать из Москвы и дочь Анны Ивановны от первого брака Анна Петровна Сушкина, работавшая в ГОИНе в качестве ихтиолога, с маленькой дочкой, по семейной традиции тоже названной Асей. Не могу не отметить, что Анна Петровна, унаследовавшая от своего отца талант рисовальщика, искусно расписала стены комнаты, отведенной для маленькой Аси, даже стекла входной двери картинками, иллюстрировавшими детские сказки, которые ей читала бабушка. Совершенно естественно, что мы – три зоолога московской школы, Четвериков, Некрасов и я – особенно тесно подружились и собирались на квартирах моей или Некрасова на ул. Университетской (ныне Минина), или у Четверикова. Конечно, С.С. не замедлил перевезти в Горький и свою коллекцию бабочек (отчасти и других насекомых)⁷. Но не только его тесный рабочий кабинет, но и коридор довольно поместительной* квартиры были до самого потолка заставлены полками, в которых хранились его энтомологические сокровища.

В университете С.С. Четвериков быстро развернул преподавание на вверенной ему кафедре генетики, которая, по-видимому, стала одной из самых сильных генетических кафедр Советского Союза. Сам С.С. Четвериков читал основной курс генетики; для чтения курса цитологии наследственности приезжал из Москвы П.И. Живаго, известный специалист-кариолог, сотрудник созданного Н.К. Кольцовым Института экспериментальной морфологии [биологии]**, где до своей ссылки работал и С.С. Четвериков. Большой практикум и спецкурсы велись и читались доцентом З.С. Никоро и ассистентами В.Э. Флессом и И.Н. Грязновым, причем Флесс преподавал частную генетику и селекцию домашних птиц и млекопитающих, Грязнов изучал селекцию зеркального карпа в рыбоводных хозяйствах Горьковской области.

Через несколько лет С.С. Четверикову с сотрудниками удалось организовать на живописной поляне пригородного Кузнечихинского леска ферму для генетической работы над китайским дубовым шелкопрядом⁸ (*Antheraea pernyi*). Расположение фермы у опушки молодой дубравы обеспечивало бесперебойное питание подрастающим гусеницам. Насколько я могу судить, ферма, вверенная заботам супругов Никоро-Флесс, была поставлена на образцовую высоту; разумеется, ее регулярно посещал и заведующий кафедрой, хотя, чтобы добраться до нее Четверикову приходилось преодолевать довольно большой кусок дороги пешком или, проехав по Мызинскому шоссе на трамвае до Дубенок, идти через Кузнечихинский лес, или же идти прямо пешком из города Высоковским долом через Агрономический поселок. Кажется, Сергей Сергеевич предпочитал именно последний маршрут, более удобный для тех, кто жил в районе Университетской улицы.

* Так в тексте.

** После снятия Н.К. Кольцова с поста директора в 1938 г. ИЭБ передали из ведомства Наркомздрава в ведение АН СССР и затем переименовала в Институт экспериментальной морфологии.

Сергей Сергеевич принимал деятельное участие в научно-общественной жизни университета, особенно когда нам, бывшим москвичам, удалось добиться организации естественно-исторического общества в качестве филиала Московского общества испытателей природы (МОИП). Из прочтенных лично С.С. докладов мне особенно запомнился доклад о его работах в Лапландии, в районе Хибин, где он лично встречался с С.М. Кировым⁹, об изумительной энергии которого в деле организации апатитовых разработок и вообще оживления нашей далекой северной окраины он отзывался в восторженных выражениях. Другой доклад С.С. прочел о новейших достижениях генетики по его словам специально для того, чтобы “прочистить студентам, да и большинству преподавателей мозги”. Сохранив живой интерес к всестороннему изучению фауны СССР, С.С. ездил вместе со мной в 1936 г. на фаунистическую конференцию Академии наук [СССР], которая к тому времени уже перебазировалась из Ленинграда в Москву.

Будучи бывалым полевым натуралистом, С.С. в первое пятилетие своего пребывания в Горьком совершал экскурсии в природу, вооружившись энтомологическим сачком, морилкой и ботанизиркой. Иногда мы такие экскурсии совершали совместно со студентами. В эти годы С.С. был еще, несмотря на свой возраст, крепким и здоровым человеком; ходил он не то что быстро, а просто стремительно; чтобы не сбивать с ног прохожих, он, когда можно, предпочитал ходить по мостовой рядом с тротуаром. По-видимому, подобная привычка выработалась у С.С. в силу необходимости согрева себя быстрой ходьбой в зимние холода, так как он еще со студенческих времен принципиально не признавал [зимой] никакого верхнего платья, кроме летнего пальто. Как сейчас вижу его высокую фигуру в очках, высокой барашковой шапке, но в расстегнутом летнем пальто, быстро шагающим рядом с тротуаром, приводя в изумление незнакомых встречных.

Однако здоровье его сильно пошатнулось примерно к началу Отечественной войны. Возможно, что в связи с недостатком питания и исхуданием у С.С. образовалась грыжа, кажется, паховая, как это часто бывает, которую врачи почему-то отказались оперировать. Достаточно часто, особенно во время длительной прогулки на Шелкопрядную ферму, она давала себя знать жестокими болями; однажды, по словам С.С., он вынужден был сойти с дороги и лечь на мягкий дерн, где-то под деревом, чтобы дать несколько утихнуть болям... Вместе с тем дела у С.С. в университете прибавилось: его назначили деканом после сменившего меня еще в 1936 г. А.Д. Некрасова. При исключительной дотошности и добросовестности С.С. деканство отнимало у него очень много времени и сил, особенно в наступившие трудные военные годы: надо было, помимо университетских дел, обеспечивать семью питанием.

Интересно отметить, что ректорат ГГУ, несколько поздно спохватившись, лишь в январе 1943 г. выдвинул С.С. Четверикова на степень доктора биологических наук*.

Тяжелые годы войны особенно сильно сблизили нас всех – и меня, и Четвериковых, и А.Д. Некрасова, осиротевшего после ареста и высылки в 1937 г. его жены. Мы часто собирались друг у друга, отмечая становившимися все более и более скромными угощениями традиционные семейные праздники. Когда начались налеты на город вражеских бомбардировщиков и над всеми нами нависла

* Университет подавал прошение о присуждении С.С. Четверикову ученой степени д.б.н. еще в 1936 г. ВАК не утвердил. Лишь в 1945 г. ВАК утвердил С.С. Четверикова в ученой степени д.б.н. без защиты диссертации.

угроза смерти под развалинами дома, я стал писать свои мемуары, как бы желая зафиксировать этим для будущих поколений свое пребывание на этой земле. И вот, по мере того, как я заканчивал описание особенно интересных этапов моего жизненного пути – годы учения в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах, поход в Альпы – я их зачитывал перед аудиторией моих старших друзей; иногда читал А.Д. Некрасов с особенной любовью свои впечатления о посещении картинных галерей Флоренции и Парижа – он ведь был большой знаток и тонкий ценитель искусства. Иногда такие “мемуарные чтения” проходили у меня, но чаще на квартире у С.С. Четверикова. Когда я целиком ушел в изучение творчества моего излюбленного французского поэта Шарля Ле-Конта де Лиля и переводил на русский язык его стихи, я каждый новый перевод читал своим друзьям, как бы желая внести разнообразие в прозу мемуаров. Особенно остро реагировал на каждый новый удачный перевод С.С. Четвериков – большой любитель стихов. Чем больше затягивалась война, тем труднее становилось с продовольствием. Четвериковы иногда разнообразили свой стол борщом из лопухов, считая это блюдо очень вкусным. Я же приносил из Заволжских водоемов пресноводных ракушек-беззубок; обварив их и пропустив через мясорубку, я увеличивал питательность неизменной ячневой каши получаемым таким образом довольно безвкусным фаршем. Гораздо вкуснее был фарш из разного рода “непромысловых” птиц – грачей, ворон, даже мелких воробьиных. Иногда я угощал им гостей на наших семейных праздниках.

Но наиболее серьезным подспорьем к нашему скудному питанию был картофель. Очень многие сотрудники университета, в их числе и я, получили на территории ботанического сада участки, на которых культивировали картофель, а иногда и морковь. Однако оба моих старших товарища по занятости и старости лет картофелеводством не занимались, во всяком случае не перекапывали участков сами и больше зависели от возможности “наменять” картофель на какие-нибудь “тряпки” – белье или старую одежду где-нибудь в деревне.

В конце марта 1942 г. я совершил вдвоем с домработницей Четвериковых Тоней двухдневный картофельный поход в Заволжские села Колобово, Черную Рамень, Путьково, причем на обратном пути мы вдвоем тащили тяжело гружёные салазки через покрытую ледяными торосами Волгу. Другой такой поход совершила в конце января 1944 г., при участии той же Тони Анна Петровна Сушкина, приезжавшая на несколько дней навестить свою мать. Обе женщины тоже приволокли на салазках более ценного картофеля! Впрочем, к концу войны продовольственное положение научных работников Горького значительно улучшилось: мы стали получать хороший академический паек и даже были прикреплены к привилегированному ресторану “Интурист”.

Наше единение с Четвериковыми и А.Д. Некрасовым стало еще теснее, когда Четвериковы перебрались из общежития на квартиру А.Д. Некрасова. Это стало возможным лишь после того, как там освободились комнаты, которые в начале войны занимала дочь А.Д. Некрасова, Анна Алексеевна, с мужем Б.А. Покровским*, который работал в порядке стажировки режиссером в Горьковском оперном театре. Несмотря на то, что помещение, занимавшееся Четвериковыми в студенческом общежитии, было достаточно обширным, жизнь там имела ряд неудобств, поэтому С.С. Четвериков, согласовав вопрос с одиноким А.Д. Некрасовым, решил вместе с семьей перебраться в его квартиру и занять освободившиеся две комнаты. Переселение произошло в середине ноября

* Впоследствии он был режиссером Большого театра в Москве. Профессор ГИТИСа.

1943 г. По сути дела, Четвериковы заняли только одну комнату, вторая была до потолка загромождена колоссальными энтомологическими коллекциями. После этого переселения единение наше с семьей Четверикова стало еще более тесным. В сущности, мы помимо университета виделись почти каждый день или через один-два дня! В конце 1944 г. мы с С.С. выступали на заседании нашего общества естествоиспытателей, посвященном памяти академика М.А. Мензбира, с докладами о общем учителе.

Как ни странно, после победоносного окончания войны единение наше с Четвериковым стало как-то менее тесно. Правда, одно время между мною и С.С. произошло некоторое охлаждение на почве того, что я по командировке ректората уехал 14 июня 1945 г. на торжественную сессию Академии наук, посвященную 225-летию ее юбилею, правильнее сказать, победе над фашизмом! Сессия эта, состоявшаяся в Москве с выездом в Ленинград, затянулась на целых две недели, и, когда я к началу июля вернулся в Горький, то узнал, что С.С. Четвериков страшно кипятился по поводу того, что я уехал на столь долгий срок, не согласовав с ним дел по факультету и кафедре. Конечно, охлаждение по такому пустяковому поводу, правда свидетельствовавшее о том, насколько С.С. принимал близко к сердцу служебные дела, не могло продолжаться долго, но с окончанием войны весь наш уклад жизни все же изменился и мы меньше стали видеться с Четвериковыми. Я стал чаще отлучаться из города; в конце лета того же 1944 г. съездил на разведку в Одессу, решив перебраться из Горьковского университета поближе к морю. Летом же 1947 г. мы с женой окончательно решили перебраться в Одессу.

Переселению нашему предшествовала моя вторичная рекогносцировка, бывшая причиной того, что я не смог сказать последнего прости Анне Ивановне Четвериковой, которая скорпостижно скончалась ночью того самого дня 2 июня, когда я вылетел из Горького на самолете, попав при этом под Москвой в снежный шторм! Лишь вернувшись из Одессы в Горький, я узнал о смерти Анны Ивановны и о том, как прошли ее похороны.

Таким образом, в бывшей Некрасовской квартире остались жить два овдовевших старика! Вскоре мне пришлось расстаться навеки и с Сергеем Сергеевичем; перед нашим отъездом из Горького в августе университет устроил мне весьма теплые проводы, сначала в общеуниверситетском масштабе в присутствии ректора, потом в гораздо более интимной обстановке – на квартире у С.С. Четверикова и А.Д. Некрасова – провожал меня биологический факультет. Тогда мы расцеловались с Сергеем Сергеевичем последний раз в жизни!

Общение мое с Сергеем Сергеевичем продолжалось, но только в письменной форме, в сущности говоря, до самой его смерти, и я был хорошо осведомлен о всех перипетиях его жизни. Переписывались мы с ним довольно часто, и некоторые его письма были весьма интересны и душевны. Я тяжело переживал то, что он со всей искренностью сообщал мне в своих письмах и о чем мне писали наши общие ученики, в первую очередь, конечно, то, что после богатой последствиями сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ректор Мельниченко предложил проф. Четверикову либо отказаться от своих “идеалистических” взглядов на наследственность, либо распрощаться с университетом.

По дошедшим до меня слухам, С.С. с улыбкой ответил ректору, что если он даже “откажется” от своих взглядов, то научная общественность этому не поверит, ибо его по праву считают “одним из основателей” современной генетики. Однако в письме своем от 25 декабря 1950 г. С.С. писал, что его без всяких разговоров просто отчислили, что стоило ему сердечного инфаркта, после которого он четыре месяца выдерживал постельный режим и два месяца – полупо-

стельный, и до сих пор еще чувствует колотье в сердце. Впрочем, я больше склонен верить первой редакции, так как в последующих письмах описываемого периода С.С. весьма оптимистически объявил себя самым счастливым человеком на свете, так как ему-де не надо ходить ни на какие заседания, и он имеет полную возможность все свое время отдавать науке. Однако он умалчивал при этом о том, что очутился в крайне затруднительном материальном положении; как человек в личных делах крайне непрактичный, он не удосужился выхлопотать себе полную академическую пенсию и одно время существовал с братом Николаем Сергеевичем на 300 руб.¹⁰, которые [явились] первоначальной [персональной] академической пенсией. Лишь стараниями друзей ему удалось выхлопотать [академическую] пенсию в 1200 руб., полагающуюся кандидату биологических наук (дело о присуждении ему докторской степени, насколько я знаю, не получило движения)*.

Однако С.С. не на шутку принялся за свои научные дела и, в первую очередь, за приведение в порядок огромной коллекции бабочек. У меня завязалась с ним переписка по вопросам происхождения фауны Крыма, и он сообщил мне много важных и интересных фактов, касающихся географического распространения крымских бабочек, которых он был большим знатоком, так как много собирал их в Крыму на Южном берегу в Олеизе** и в предгорьях – в Старом Крыму. Однако, как ни спешил С.С., ему не удалось довести до конца ревизию своих коллекций вследствие прогрессирующего ухудшения зрения. Со стоическим хладнокровием ученого он писал мне в письме от 25 декабря 1950 г., что уже не может различать цветов – желтого и коричневого, синего и зеленого и это до крайности затрудняет работу со столь цветастыми бабочками!

В конце концов ему пришлось бросить эту работу и его драгоценная коллекция бабочек стала для него мертвым капиталом! Однако мертвым лишь в научном, но отнюдь не в финансовом смысле, так как ее можно было бы при желании продать за хорошие деньги. Желая помочь С.С., я в одно из своих посещений Зоологического института АН в Ленинграде завел разговор с энтомологами, что им представляется возможность приобрести для зоомузея великолепную коллекцию С.С. Четверикова и одновременно помочь в материальном положении этому заслуженному ученому – подлинному инвалиду науки, – поскольку долголетние работы его с лупой, вероятно, немало способствовали тому, что он, подобно ряду других энтомологов, например, П.П. Семенову-Тянь-Шанскому, почти потерял зрение. “Опоздали, Иван Иванович! – ответили мне – Сергей Сергеевич сам принес свою коллекцию в дар нашему музею!” Я не мог не вспомнить при этом известии язвительного замечания академика П.П. Сушкина в адрес Четверикова, который, по его словам, всегда отличался непрактичностью и не умел устраивать своих дел: “Для устройства своих дел нет ничего хуже, как происходить от миллионов”.

Безрадостными были бы последние годы жизни Сергея Сергеевича, если бы не заботы его отдельных горьковских учениц и приехавшего к нему на постоянное жительство брата Николая Сергеевича, по специальности экономиста. Прогрессирующая утрата зрения лишила С.С. возможности не только оперировать с лупой над бабочками, но и заглядывать в космос в сохранившийся у него прекрасный телескоп французской фирмы Барду. Любовь к астрономии была

* Вопрос о пенсии – см. документы и воспоминания юриста А.Н. Смысловой. Здесь память И.И. Пузанова дает сбой (*Примеч. сост.*).

** В тексте стояло наименование “Корениз”, Н.С. Четвериков его заменил на название “Олеиз”. Мы посчитали целесообразным принять поправку Н.С. Четверикова (*Примеч. сост.*).

еще одним пунктом, сближавшим меня с С.С.! Когда я жаловался, что имевшийся у меня телескоп той же фирмы, но с меньшим увеличением не позволяет мне разглядеть таких-то и таких-то двойных звезд, Сергей Сергеевич всегда любезно предлагал мне попользоваться его более мощным телескопом. А когда мы расстались, С.С. в письмах неоднократно звал посетить меня как-нибудь Горький, чтобы повидаться с друзьями, и в виде приманки обещал мне подарить свой телескоп. Увы! Я собирался это сделать и еще собираюсь, но я уже не застану в Горьком многих ушедших в вечность своих друзей, среди них и Сергея Сергеевича.

Прогрессирующая утрата зрения лишила Сергея Сергеевича возможности испытать еще один, несомненно, приятный и многозначительный момент его жизни – вручение ему почетного знака “Darwin-Plakette”, который Берлинская академия наук выпустила в 1959 г., в год столетнего юбилея опубликования “Происхождение видов” Дарвина, для награждения ученых, которые имели особые заслуги в деле продвижения и укрепления учения Дарвина. Показательно, что среди советских ученых эта “планшетта” была присуждена одному лишь профессору С.С. Четверикову¹¹, удаленному из Горьковского университета за верность этому учению! И хотя Сергею Сергеевичу было разрешено официально поехать в Берлин¹² для получения своей “планшетты” в торжественной обстановке, он не решился это сделать в основном потому, что при всем желании не мог ехать без сопровождения*.

Последние годы жизни С.С. Четверикова были очень печальны, несмотря на улучшившееся материальное положение и заботливый уход со стороны брата, друзей и учеников; зрение его ухудшилось настолько, что он не мог даже читать и писать; последние его письма, полученные мной, были написаны под его диктовку рукою брата. 2 июля 1959 г. Сергея Сергеевича не стало... Хотя он и дожил до того времени, когда заслуги его перед наукой были отмечены за рубежом во многих странах, и он не считался уже даже в Горьком столь одиозной фигурой, как в первые годы после вынужденного расставания с университетом, но ему не было дано Судьбой дожить до того светлого момента, когда на его родине спали путы, не дававшие развиваться генетике – той отрасли биологии, для разработки которой он в свое время сделал так много.

Теперь о заслугах С.С. Четверикова для развития [генетики] стало возможно говорить не только за границей, но и на его родине. Одним из доказательств широкого признания заслуг С.С. Четверикова служит тот факт, что в печатном органе МОИП, членом которого он был в течение полувека, наряду со статьями, посвященными 100-летию юбилею учения Менделя, печатаются старые статьи Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова “чтобы напомнить читателям о выдающихся произведениях генетической мысли в Советском Союзе”¹³. Более скромным, но идущим от души знаком искреннего уважения к памяти замечательного, стойкого в своих убеждениях ученого и старшего товарища по науке служат и эти строки^{3*}.

май 1965 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 17. Машинопись.

* Сергей Сергеевич не мог ехать никуда даже с сопровождением, он был уже постельным больным.

** Подлинное выражение в письме ко мне зам. директора Бюллетеней МОИП И.В. Цапкина. Будет напечатана известная статья С.С. Четверикова “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”. Журн. Эксперим. Биологии. 1926. Сер. А. Т. II, вып. 1. С. 3–54 (Примеч. И.И. Пузанова).

^{3*} После получения рукописи 19 мая 1965 г. Н.С. Четвериков и Т.Е. Калинина сделали свои замечания к воспоминаниям И.И. Пузанова (См. Комментарии).

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ

Я, один из еще живущих учеников Сергея Сергеевича, принимал участие в организованном им первом в мире исследовании генетического строения реально существующих природных популяций организмов. Как известно, результаты этой коллективной работы сотрудников под повседневным руководством Сергея Сергеевича, представлены в его знаменитой статье 1926 г., открывшей важнейшее новое направление в генетике – популяционную генетику, – которое затем стало быстро развиваться и дало основу современным представлениям о микроэволюции, т.е. эволюции, протекающей на довидовом уровне и ведущей к возникновению новых рас, подвидов и видов.

Но я не буду останавливаться на научных трудах Сергея Сергеевича. Моя задача иная. Я хочу поделиться своими личными впечатлениями о нем, как о педагоге и руководителе молодыми научными работниками. В этой деятельности Сергея Сергеевича очень ярко проявились такие черты, которые снискали уважение, любовь и благодарность его непосредственных учеников и всех, кому довелось его знать.

Впервые я увидел Сергея Сергеевича, когда студентом второго курса МГУ я стал слушателем читавшихся им курсов лекций по энтомологии и биометрии. Сергей Сергеевич был выдающимся лектором. Его лекции были тщательно продуманы до малейших деталей и насыщены материалом. Он не прибегал к каким-нибудь особым приемам красноречия, говорил просто, ясно, строго логично, и слушатели должны были со вниманием следить за каждой сказанной им фразой, боясь пропустить хоть что-нибудь, что могло помешать пониманию дальнейшего.

Усвоению материала студентам помогали отлично организованные практические занятия, которые вел сам Сергей Сергеевич, что обеспечивало полную согласованность лекционного материала с тематикой практических занятий. Практические занятия по энтомологии заключались в довольно подробном изучении морфологии представителей отрядов насекомых, изготовлении препаратов и их зарисовок. К последним Сергей Сергеевич предъявлял серьезные требования, так что к концу практикума все участники вполне прилично рисовали, что многим пригодилось в их дальнейшей работе. По курсу биометрии Сергей Сергеевич после каждой лекции давал слушателям задачи для решения их дома; потом проверял решения, отмечал на полях ошибки и ставил отметку, как школьный учитель. Могу с уверенностью сказать, что все, кто слышал лекции Сергея Сергеевича по биометрии, проникались убеждением о важности знания биометрии почти для всех разделов биологии, в особенности для понимания явлений изменчивости и видообразования. Это было очень важно – ведь в ту пору, в 1920-х г., большинство биологов считало возможным обходиться без точных количественных оценок, ограничиваясь такими расплывчатыми определениями, как “значительное сходство”, “заметные различия” и т.п.

Яркие впечатления у слушателей оставляли лекции по генетике, которые Сергей Сергеевич начал читать в 1925 г. Это был первый такой курс в МГУ (и второй в СССР – первый курс генетики незадолго до этого стал читать в Ленинградском университете Ю.А. Филипченко).

Сергей Сергеевич был не только выдающимся лектором, но и великолепным воспитателем, или, как теперь принято говорить, наставником начинающих молодых научных сотрудников. Он умел сплотить коллектив молодежи – студентов старших курсов и аспирантов, воодушевить их выполнением крупной научной задачи, которую он ставил перед ними, а затем повседневно следил за их работой и направлял ее.

Эти черты Сергея Сергеевича особенно рельефно проявились при проведении уже упоминавшейся мною организованной им, первой в мире, экспериментальной работы по изучению генетического строения природных популяций.

Работа эта началась весной 1925 г. на биологической станции Института экспериментальной биологии в Воронцах, близ Звенигорода, и велась там все лето, а затем продолжалась в этом же институте в Москве.

Исходя из своих теоретических воззрений о генетической неоднородности природных популяций, позже изложенных в составившей эпоху в генетике статье 1926 г. “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”, Сергей Сергеевич предложил своим молодым сотрудникам заняться изучением генетического строения природных популяций четырех видов дрозофил, встречающихся в подмосковных лесах.

Мы с энтузиазмом взялись за эту работу. Сергей Сергеевич поставил перед нами четкую задачу: от каждой пойманной и оплодотворенной в природе самки получить инбридингом по 10 культур второго поколения, т.е. в количестве, нужном для выявления всех видимых рецессивных мутаций, которые могли присутствовать в популяции в гетерозиготном состоянии; необходимо было проанализировать для выявления мутаций не менее 100 самок каждого вида.

Поставив задачу, Сергей Сергеевич поручил нам вполне самостоятельно решать ее; а затем на протяжении всей работы почти ежедневно знакомился с тем, как она идет у каждого участника. На этом этапе работы нас было четверо: Н.К. Беляев, Б.Л. Астауров, Е.М. Балкашина и я.

Первое, с чего пришлось начать, ловля диких дрозофил с помощью эскаустера* на расставленных приманках. Затем нужно было определить видовую принадлежность пойманных особей. У дрозофилы это не очень легко и нам пригодились знания, полученные на лекциях и практикумах по энтомологии. Было выбрано по четыре вида, встречавшиеся наиболее часто. Распределение их между собою было следующим образом: Н.К. Беляев взялся за изучение *D. phalerata*, Б.Л. Астауров – *D. transversa*, Е.И. Балкашина – *D. vibrissina* и я – *D. obscura*.

Тут мы столкнулись с серьезной трудностью. Личинки всех четырех видов живут на грибах. Изюмно-картофельно-агаровая питательная среда, которая применялась для лабораторного разведения *D. melanogaster* (вида, используемого американскими генетиками в своих работах и поэтому хорошо изученного), оказалась непригодной для культивирования выбранных нами видов. Попробовали варить среду из грибов или с большой примесью грибов – она быстро загнивала и личинки в ней гибли. Только после многих опытов, проводившихся Б.Л. Астауровым вместе со мною, удалось разработать такой рецепт питательной среды, на которой личинки наших грибных видов дрозофил развивались, хотя и довольно медленно. Но работа пошла. Результаты, полученные нами, полностью подтвердили теоретические соображения Сергея Сергеевича и были использованы им при написании вышеупомянутой статьи.

* Эскаустер – простое приспособление (из воронки, стеклянных и резиновых трубок) для засасывания мелких насекомых в пробирку.

На следующее лето к нам присоединился П.Ф. Рокицкий, ранее работавший в лаборатории А.С. Серебровского. Сергей Сергеевич послал меня с Рокицким на Северный Кавказ в Геленджик для ловли в природе *D. melanogaster*. Пойманных там оплодотворенных самок этого вида мы привезли в Москву и проведенный анализ данной популяции еще раз подтвердил взгляды Сергея Сергеевича на генетическую неоднородность рассматриваемой популяции, насыщенной рецессивными мутациями в гетерозиготном состоянии.

Позже в отдельных статьях мы напечатали результаты, полученные нами в работе с подмосковными видами дрозофил. Все наши результаты были подытожены Сергеем Сергеевичем в докладе, сделанном им на втором Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в 1927 г. в Ленинграде, а затем в том же году он повторил свой доклад на пятом Международном генетическом конгрессе в Берлине.

Несколько позже, в 1928 г. Д.Д. Ромашов стал исследовать генетическое строение природных популяций пятого вида дрозофил – *D. funebris*. А вскоре к нашей группе присоединился А.Е. Гайсинович, который обнаружил в природной популяции *D. phalerata* нарушение численного соотношения полов, изучил причины этой особенности и опубликовал полученные результаты в особой статье.

Постоянное внимание Сергея Сергеевича к проводимой нами работе по генетике природных популяций дрозофил обеспечивало то, что мы работали увлеченно и очень дружно. При этом никаких технических помощников у нас не было: всю вспомогательную работу, т.е. варку питательной среды и мойку большого количества посуды, мы выполняли по очереди сами, и нам казалось это вполне естественным, хотя нередко приходилось оставаться в лаборатории допоздна. От этих дежурств был освобожден только Д.Д. Ромашов, как самый старший из нас.

Дружной работе нашей группы несомненно способствовало то, что Сергей Сергеевич относился ко всем нам равно, у него не было любимчиков, а если и были, он этого не показывал. Ведь нередко случается, что в научных учреждениях шеф отдела или лаборатории явно выделяет кого-нибудь из сотрудников и особо покровительствует ему, что неизбежно приводит к конфликтам. Почти ежедневно Сергей Сергеевич подходил то к одному, то к другому из нас, знакомился с ходом работы, просматривал протоколы опытов, отмечал недостатки и советовал, как их устранить. В институте все мы работали в одной большой комнате, а летом – на общей крытой веранде дома в Воронцах, и то, что он говорил одному из нас, громко и четко, слышали все и это имело большое воспитательное значение. Сергей Сергеевич хорошо знал семейное и материальное положение своих сотрудников, знал, что некоторые из них существуют на студенческую или аспирантскую стипендию, в ту пору весьма скудные, и старался помочь им, добываясь какой-нибудь ставки в институте. Так, например, Б.Л. Астауров и я были зачислены препараторами и получаемая небольшая зарплата была хорошим дополнением к стипендии. В общем, Сергей Сергеевич живо интересовался бытом каждого из своих сотрудников; мы охотно делились с ним своими заботами и относились к нему не только как к научному руководителю, но и как к старшему другу.

Важным элементом в деятельности Сергея Сергеевича, как наставника молодых научных работников, был организованный им кружок, получивший за свои широкие научные споры название СООР (от слов “совместное ование”). Кружок имел цель – знакомить каждого из его членов с текущей мировой генетической литературой и экспериментальными работами ведущих генетиков

разных стран за период становления хромосомной теории наследственности, т.е. за предыдущее десятилетие. Заседания СООРа происходили каждую субботу в 7 часов вечера; собирались в квартире то одного, то другого участника; на протяжении всего заседания распивали чай и поглощали огромное количество бутербродов и яблок, покупаемых в складчину; вся обстановка была уютной, непринужденной.

На каждом заседании ставились один или два доклада по очереди всех членов СООРа. Библиотека [института] экспериментальной биологии, которой заведовала Анна Ивановна Сушкина (жена Сергея Сергеевича), была в то время наиболее богатой биологической литературой в стране. Кроме биологической литературы, издаваемой в СССР, эта библиотека получала около 50 названий зарубежных научных журналов и множество иностранных монографий. Сергей Сергеевич просматривал все новые поступления и выбирал из них те работы, которые по его мнению заслуживали обсуждения на заседаниях СООРа, и назначал, кто будет эти работы докладывать.

Реферировались почти исключительно иностранные работы, которых тогда было гораздо больше, чем работ, публикуемых в СССР. Докладчик должен был не только проштудировать реферируемую статью, но и критически проанализировать ее. При этом считалось очевидным, что каждый участник СООРа может реферировать работы, напечатанные на одном из трех языков – английском, немецком или французском; никаких отговорок Сергей Сергеевич не принимал. И в результате за несколько лет существования СООРа все мы выучились читать научную литературу на всех этих трех языках.

Тематика докладов на заседаниях СООРа была строго ограничена реферированием только генетических работ, изредка тех работ по теории эволюции, которые были близки к генетике.

Участниками СООРа были сотрудники лаборатории Сергея Сергеевича, затем Н.В. Тимофеев-Ресовский и С.Р. Царапкин до того, как они выехали на работу в Германию, еще Д.Д. Ромашов, В.В. Сахаров, П.Ф. Рокицкий, А.Н. Промптов. Из представителей старшего поколения, как правило, присутствовали видные цитогенетики из института Кольцова С.Л. Фролова и П.И. Живаго. Изредка приглашались А.С. Серебровский и Волоцкой (генетика человека).

Формального доклада не было, а было общее обсуждение реферируемого материала. Существенным правилом в СООРе было право любого члена останавливать и перебивать докладчика. Между докладчиком и его оппонентом часто возникали споры, и в этот спор включался третий и четвертый; те, кто сидел далеко и кому не было видно таблиц, вставали со своих мест и толпились около таблицы или доски. Страсти разгорались и в результате поднимался такой ор, что немалого труда требовало умение после каждого отступления вернуться к прерванной нити доклада.

Доклад должен был быть критическим разбором данной работы. От каждого докладчика Сергей Сергеевич требовал, чтобы он выделял и четко проводил основную мысль или мысли, которые составляли главный смысл и ценность обсуждаемого исследования.

Все выступающие должны были заблаговременно познакомить Сергея Сергеевича со своим докладом и учесть сделанные им замечания. Особое внимание обращалось на то, чтобы доклад был сжатым и чтобы его тема могла сразу завоевать интерес и внимание слушателей.

Сергей Сергеевич старался внушить слушателям необходимость воспринимать материал не догматически, а критически, дополнять слушание чтением литературы. В частности, он советовал нам прочитать книгу Моргана “Структур-

ные основы наследственности” и книгу Гольдшмидта “Механизм и физиология определения пола”, вышедшие в русском переводе в 1923 г., а также второе издание выпущенного в 1924 г., единственного в то время учебника генетики Ю.А. Филипченко. Кроме того, в 1928 г. он поручил мне перевести лучший в то время, зарубежный учебник генетики Синнота и Денна. Перевод этой очень хорошей книги, отредактированный Сергеем Сергеевичем, вышел только в 1931 г., когда Четвериков уже был в опале, поэтому написанное им предисловие было напечатано без его подписи, ее сняло издательство.

Хочу добавить, что на заседаниях СООРа обсуждались не только работы по генетике дрозофилы (их было большинство), но и работы по генетике, выполненные на других животных и высших растениях. После смерти Сергея Сергеевича писавшие о нем люди, в частности Б.Л. Астауров, кружок этот стали называть “Дрозсоор”, что ошибочно – при его жизни он назывался просто СООРом. Более поздняя приставка “Дроз” объяснялась тем, что его ученики старались подчеркнуть чисто научный характер этого кружка и отвести подозрения, что на заседаниях СООРа обсуждались и политические вопросы. Между тем, разговоры на политические темы совершенно не допускались Сергеем Сергеевичем. Я коснулся этого вопроса потому, что неумные, но чересчур ретивые противники Сергея Сергеевича пытались создать совершенно ошибочное впечатление, что СООР будто бы представлял собою чуть ли не тайное общество, на заседаниях которого якобы велись антисоветские политические разговоры. И хотя участники СООРа всячески старались бороться с такими инсинуациями, слухи эти, видимо, сыграли роль в том, что в 1929 г. Сергей Сергеевич был отстранен от преподавания в МГУ и выслан из Москвы.

В связи с этим я хочу вкратце остановиться на политических взглядах Сергея Сергеевича. Выходец из семьи крупного фабриканта и миллионера, Сергей Сергеевич еще в свои гимназические годы приобщился к чтению нелегальной литературы, с увлечением читал труды Маркса, Энгельса и Ленина. А став студентом Московского университета, Сергей Сергеевич посещал кружок, цель которого была основательное изучение марксистской литературы.

За участие в студенческих волнениях он вместе с рядом товарищей был арестован и некоторое время содержался в Бутырской тюрьме. Позже, уже на четвертом курсе, Сергей Сергеевич был послан представителем от студенчества во Всероссийский стачечный комитет, где вел активную общественную работу. В частности, комитет направил его для организации забастовки и ее проведения на стеариновом заводе в Лефортово.

В своих воспоминаниях об этом эпизоде Сергей Сергеевич писал: “Когда я пришел туда, там уже орудовал эсер, но справиться с ним не представляло труда. Я проводил там строго большевистскую линию, и рабочие сразу примкнули на мою сторону”. Дом, где заседал Всероссийский стачечный комитет, штурмовала полиция и воинские части. Артиллерийским обстрелом дом этот был разрушен, стачечники спаслись во внутреннем дворе по пожарным лестницам. Многие из них, в том числе Сергей Сергеевич и его брат [позднее – в 1906 г.] были арестованы и попали в тюрьму. Понятно, что Сергей Сергеевич, в отличие от многих представителей тогдашней интеллигенции, горячо приветствовал Октябрьскую революцию.

Возвращаясь к СООРу. Это была прекрасная школа. Благодаря талантливому руководству кружком Сергеем Сергеевичем, продуманному им выбору обсуждавшихся работ, мы были в курсе всех важнейших генетических исследований в разных странах, кроме того получали ясное представление о логике развития направлений генетики за предыдущий период ее истории. Сергей Сергее-

вич не разрешал нам пользоваться обзорами или реферативными изданиями; он считал необходимым, чтобы мы изучали генетику непосредственно по оригинальным сообщениям, что позволяло знакомиться с методами научной работы и логикой извлечения выводов из экспериментальных данных. Сергей Сергеевич учил вычленять из каждой работы самое существенное, главное, и критически анализировать прочитанное. Наконец, все мы, участники СООРа, научились правильно строить свои выступления, делать доклад безо всякой бумажки, укладываться в определенный срок, говорить четко и убедительно. Навыки, приобретенные в СООРе, сыграли важную положительную роль в последующей научной и педагогической работе каждого члена этого кружка.

Я рассказал о Сергее Сергеевиче, каким я знал его в течение пяти с половиной лет с 1924 до 1929 г., т.е. в период его наиболее плодотворной деятельности.

В заключение я хочу очень коротко рассказать об одной начатой Сергеем Сергеевичем, но не оконченной им работе, которую не упоминает никто из его биографов.

При Институте экспериментальной биологии существовала научная станция по генетике домашних животных, директором которой был Н.К. Кольцов, а фактическим руководителем – А.С. Серебровский. Эта станция, сначала помещавшаяся в селе Аникове возле Звенигорода, была позже переведена в бывший помещичий дом в Назарьеве, в окрестностях поселка Жаворонки по Белорусской железной дороге.

В 1920-е гг. генетика количественных признаков [оставалась]* почти неисследованной, а количественные признаки у них [субъектов сельского хозяйства] являлись наиболее важными в хозяйственном отношении. Сергей Сергеевич предложил организовать работу по изучению закономерностей наследования количественных признаков на дрозофиле, как объекте, на котором можно провести работу быстро и без особых затрат. Кольцов согласился, чтобы эта работа была проведена на Назарьевской станции. Сергей Сергеевич был привлечен к работе, но она была вскоре прекращена в связи с его высылкой из Москвы. Позже такую работу на дрозофиле с успехом провел П.Ф. Рокицкий.

Я упомянул об этой инициативе Сергея Сергеевича потому, что она показывала его желания связать свои исследования с запросами народного хозяйства. Позже это было реализовано в его прекрасных работах по генетике и селекции китайского дубового шелкопряда, выполненных им, когда он стал профессором Горьковского университета.

1997 г.

Второй экземпляр авторской машинописи С.М. Гершензона. Первый – в личном архиве д.б.н., проф. И.А. Захарова. Авторизованная машинопись.

АВТОРСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ВОСПОМИНАНИЯМ О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ**

Фрагмент 1

Дорогой Илья Артемьевич,

Хочу добавить к моим воспоминаниям о моем незабвенном учителе Сергее Сергеевиче Четверикове, которые я послал к Вам раньше. Расскажу Вам теперь, как Сергей Сергеевич руководил работой своих молодых учеников, ко-

* В квадратных скобках слова, вставленные в текст составителем.

** Авторские дополнения С.М. Гершензона высланы в письмах проф. И.А. Захарову.

тору он организовал для проведения первых в мире исследований генетического строения природных популяций дрозофил. Работа эта велась летом 1925 и 1926 гг. на биостанции “Воронцы”, принадлежавшей кольцовскому Институту экспериментальной биологии. Я буду тут писать главным образом о мелочах; возможно, они будут для Вас не интересны, но я о них нередко вспоминаю, они ведь были частью такой теперь от меня далекой моей юности.

Биостанция “Воронцы” помещалась в большом деревянном доме с мезонином; находилось это здание почти вплотную к берегу Москвы-реки, в нескольких километрах от станции железной дороги, связывающей г. Звенигород с Москвой, на участке, окруженном лиственным лесом. На нижнем этаже здания находились комнаты, в которых летом жили четвериковские ученики; там же была кухня. А две комнаты в мезонине занимали сам Сергей Сергеевич, его жена Анна Ивановна и ее дочь подросток Ася Сушкина.

Когда за несколько лет до нашего знакомства с Анной Ивановной, она развелась со своим мужем, петербургским профессором зоологии Сушкиным и вышла замуж за Четверикова, захватив с собою дочку Асю.

Вдоль наружных стен биостанции располагалась очень просторная, длинная и застекленная веранда, где мы, ученики Сергея Сергеевича, проводили свои опыты с четырьмя подмосковными видами дрозофил. Каждое утро Сергей Сергеевич спускался на эту веранду, интересовался как идет работа, давал советы.

В начале работа шла совсем плохо, потому что те четыре вида подмосковных дрозофил, с которыми Сергей Сергеевич предложил нам работать, отказывались размножаться на той питательной среде, на которой успешно размножалась *Drosophila melanogaster* – классический генетический объект. Мутантные линии этой мушки были в 1922 г. привезены в Россию из США Германом Мёллером, одним из ближайших сотрудников Томаса Моргана; и с тех пор сотрудники кольцовского института имели дело только с этим видом. Питательная среда для размножения *D. melanogaster* состояла из протертого вареного картофеля, изюма, агара и воды, но эта среда была совершенно непригодной для размножения подмосковных лесных видов дрозофил, которые все размножались в природе на грибах. И наша работа с этими видами дрозофил пошла хорошо только после того, как мы путем многих проб подобрали подходящую питательную среду. Этим делом занялись мы вдвоем с Б.Л. Астауровым; и нам удалось разработать рецепт питательной среды, на которой отлично размножались все четыре вида дрозофил, с которыми Сергей Сергеевич поручил нам работать. Эта новая питательная среда состояла из пропущенной через мясорубку сырой картошки, небольшой примеси сахарного песка, дрожжей, агара и воды; эту смесь нужно было выдержать в течение ночи в теплом месте, чтобы она основательно перебродила; после этого смесь нужно было довести до кипения и затем ее разливали по пробиркам, где она застывала.

В течение дня мы к Сергею Сергеевичу не поднимались, так как знали, что он почти все время был занят штудированием и конспектированием новейших английских пособий по биометрии; только 1,5 часа после обеда он дремал, лежа на диване.

Все обитатели биостанции питались тем, что готовила на кухне под присмотром Анны Ивановны, нанятая в соседней деревне девушка, ставшая у нас кухаркой.

Продукты привозились на биостанцию “марфобилем”, так мы в шутку прозвали запряженную кобылой телегу, управляемую бабой Марфой, жительницей соседней деревни, таким образом, подрабатывавшей. Провиант закупали в лавке, находящейся на станции той железнодорожной ветки, связывающей Зве-

нигород с Москвой, откуда лавка снабжалась продуктами. Кроме провианта “марфомобиль” привозил на биостанцию и керосин, нужный для заправки ламп освещения (электричество не было проведено); керосин был также нужен для двух керосинок на кухне, используемых, когда требовался кипяток, а дрова, снабжающие кухонную плиту, к этому времени за день выгорали, а плита уже остывала.

Улучшалось наше питание на биостанции тем, что довольно регулярно две бабы из соседней деревни приносили и продавали относительно недорого, молоко, яйца, иногда уже зарезанных и ощипанных кур, а также свежие овощи и, если имели, то яблоки, вишни, черешни и другие фрукты и ягоды.

Эти бабы насмешили нас, сказав, что они стали бояться приходить к нам под вечер, хотя это было время еще до захода солнца. Боялись потому, что якобы видели настоящего лешего на болоте мимо которого шла тропинка, по которой они шли из деревни на нашу биостанцию. Они сказали, что уже не раз видели этого лешего; это был высокого роста бородатый старик, бегавший и прыгавший по болоту, причем он размахивал длинной тонкой палкой, на конце которой болтался белый флажок. Явно, они сочли за лешего Сергея Сергеевича, охотившегося на ночных бабочек. А флажок на палке, которым он размахивал, был просто марлевым сачком; ведь Сергей Сергеевич был страстным лепидоптерологом, коллекционирующем мелких ночных бабочек. У него был собранный им большой музей, и насколько я знаю, он завещал после смерти отдать этот музей бабочек петербургскому Зоологическому музею; кажется, так и было сделано.

Наша группа учеников Четверикова очень усиленно работала, [выполняла] заданную нам работу по изучению генетического строения природных популяций четырех московских видов дрозофил; а летом 1926 г. к ним добавилось изучение этого же вопроса в природной популяции *Drosophila melanogaster*. Этих мух мы набирали в Геленджике, куда П.Ф. Рокицкий и я были командированы на несколько дней.

А на биостанции мы все трудились с утра до позднего вечера; хотя и устраивали для себя отдых: в послеобеденное время мы занимались часа полтора игрой в городки на свободной площадке перед зданием биостанции. Чемпионом в этой игре постоянно был Б.Л. Астауров. Кроме того, примерно раз в неделю Сергея Сергеевича с Анной Ивановной и нас приглашали на вечерний домашний концерт профессор С.Н. Скадовский и его супруга. Скадовские владели хорошим домиком, находившемся недалеко от биостанции, примерно на расстоянии 20 минут ходьбы. Скадовский заведовал в кольцовском институте отделом физико-химической биологии, а его ученики приезжали к нему на лето и немногие из них работали вместе с нами на той же застекленной веранде биостанции; но большинство учеников Скадовского кое-как устраивались поблизости от имевшихся в округе водоемов, обитателей которых они изучали.

Семья Скадовских, жившая в летнем домике, состояла из него, его жены и двух молоденьких дочерей. Жена Скадовского хорошо пела и имела довольно большой вокальный репертуар, преимущественно классический. На те вечера, когда Скадовские устраивали домашний концерт, из Москвы приезжала знакомая им пианистка, которая аккомпанировала на рояле песням и романсам, исполнявшимся женой Скадовского. А мы все, включая Сергея Сергеевича и Анну Ивановну, с наслаждением слушали музыку, находясь в большой комнате, где стоял рояль. А иногда, раз или два в месяц, на вечер к Скадовским приезжал из Москвы знаменитый певец Доливо-Добровольский и тогда вечерний концерт у Скадовских становился совсем великолепным. Доливо-Добровольский

пел преимущественно произведения Бетховена и Мусоргского и мы все получали истинное наслаждение.

А из нашей летней жизни на биостанции “Воронцы” всем ученикам Сергея Сергеевича на всю жизнь запомнились вечера, когда он собирал нас всех на веранде и читал лекции, на которых он обобщал результаты и нашей работы и приводил свои соображения о том, каким образом эти результаты смогут иметь очень серьезное влияние на развитие теории эволюции. Эти соображения затем вошли в его публикации, ставшие классическими и заложившие основы новому направлению в генетике – популяционной генетики.

Фрагмент 2

С.С. Четвериков был не только выдающимся ученым, но и чудесным педагогом и воспитателем научной молодежи. Он создал одну из первых отечественных школ экспериментальной генетики. Некоторые из его учеников вложили крупный вклад в развитие отечественной и мировой генетики. Свою педагогическую работу Четвериков начал в 1909 г. доцентом Московских высших женских курсов, где он читал лекции по энтомологии. Он продолжал их читать после революции в МГУ, кроме того там же еще курс биометрии, а с 1925 г. – генетики.

Я, тогда студент МГУ, был слушателем обоих этих курсов. Тогда я и познакомился с Сергеем Сергеевичем. Лекции его были блестящими по форме и содержанию, по богатству сведений про совсем тогда новые научные факты и обобщения. Эти лекции посещали не только биологи, но и студенты других специальностей физико-математического факультета, в который входило и биологическое отделение. Ведь в те годы в университете было вольное посещение лекций и студенты слушали только те курсы, которые преподавались интересно и на высоком уровне.

Важную роль в воспитании молодых генетиков играл организованный Четвериковым научный семинар, получивший название “СООР” (“совместное опра- ние”). Целью его было познакомить сотрудников отдела генетики кольцовского института с новейшими достижениями этой науки и критическое обсуждение статей, где эти достижения описывались. Этих сотрудников было в разные годы от восьми до десяти человек – молодые научные работники, аспиранты и студенты МГУ старших курсов, которые работали лаборантами. К последним принадлежали Б.Л. Астауров и я.

Почти всегда приходили двое молодых генетиков, работавших в других отделах института – В.В. Сахаров и А.Н.*... Кроме того, на заседание семинара приглашали известных ученых старшего поколения – директора института Н.К. Кольцова, генетика А.С. Серебровского, цитогенетиков С.Л. Фролову и П.И. Живаго. Вел заседания всегда сам Сергей Сергеевич, приходивший вместе с женой Анной Ивановной – библиотекарем института.

Семинар проходил с осени до весны еженедельно в вечерние часы, как правило, на дому у тех участников, каким позволяли квартирные условия (все жили в перенаселенных коммунальных квартирах). Вскладчину покупали хлеб, печенье дешевого сорта, колбасу или сыр. Ставили самовар, Анна Ивановна разливала чай, начинался доклад.

Библиотека Института экспериментальной биологии получала в те годы практически все мировые журналы, в которых печатались статьи (советских генетических журналов тогда еще не было), Сергей Сергеевич просматривал их,

* А.Н. Промптов.

отмечал наиболее интересные, раздавал участникам семинара для подготовки доклада – они должны были читать на трех наиболее распространенных в научных изданиях языках – английском, немецком и французском.

Всем участникам семинара разрешалось прерывать докладчика вопросами, замечаниями, несогласиями. Таким образом, заседание превращалось в совместное обсуждение темы. Часто оно было очень горячим, все орали (отсюда и название семинара – СООР). Организованный и руководимый Сергеем Сергеевичем Четвериковым научный семинар сыграл большую роль в [становлении] его школы советских генетиков.

Фрагмент 3

Весною 1929 г. ко мне домой явился (приехал на машине) представитель ГПУ и потребовал, чтобы я немедленно поехал с ним на Лубянку; это конечно напугало мою жену, хотя этот представитель заявил, что меня недолго задержат на Лубянке. Когда он привез меня туда и поднялся со мною в кабинет какого-то следователя на одном из верхних этажей этого здания, там я с удивлением увидел, что кроме следователя, хозяина этого кабинета, там находился Сергей Сергеевич. Я поздоровался, но следователь запретил мне говорить с Сергеем Сергеевичем, постучав для устрашения пистолетом по столу. Затем строго объявил, что сейчас он допросит меня; при этом предупредил, что я должен говорить только правду, а после окончания допроса отпустит меня домой, но строжайшим образом запретил кому-нибудь говорить о предстоящем сейчас допросе и о том, что я видел С.С. в помещении ГПУ. Затем он потребовал, чтобы я рассказал все, что говорил о политике Сергей Сергеевич при мне, либо на лекциях в МГУ, либо на заседаниях генетического семинара, а также спросил, происходили ли на этом семинаре какие-нибудь политические разговоры, в особенности антисоветского характера или восхваляющие заграничный политический строй в Западной Европе. Я ответил, что никаких политических разговоров на лекциях С.С. в МГУ или заседаниях генетического семинара при мне не было. Более того, С.С. требовал от всех участников семинара, чтобы на его заседаниях о политике не говорилось, только о генетике.

После этого мне был дан пропуск на выход из здания и я был отпущен домой. Было уже довольно поздно, подходящего транспорта поблизости не было и я был вынужден идти домой (с Лубянки до Плотниковского переулка на Арбате) пешком.

1997 г.

Оригинал – в личном архиве проф. И.А. Захарова. Авторизованная машинопись.

А.П. Сушкина

ПОЕЗДКА С.С. ЧЕТВЕРИКОВА НА ХИБИНЫ В 1926 г.

Летом С.С. Четвериков совершил небольшую лепидоптерологическую экспедицию на Хибины. В поездке участвовали Б.Л. Астауров, Н.К. Беляев и я. Экспедиция была рассчитана примерно на два месяца, в практически необитаемую горную страну, и все необходимое, включая продовольствие на этот срок, мы тащили с собой, что составляло изрядный груз.

Высадившись на ст. Имандра Мурманской ж.д., мы начали подниматься по долине р. Гольцовки (Йидичйок). Естественно, что при такой нагрузке и по трудному пути – берег бурной речки, несущейся по валунному ложу в таежной чаще – мы продвигались довольно медленно.

Первую ночевку устроили в междуречье рек Гольцовки и Меридиональной, у начала пологого склона конца массива Йидичвумчорр, в зоне тайболы (северная чахлая тайга). Здесь нас ждало первое приключение: запасшись продовольствием на два месяца, мы совершенно забыли про соль. Надо было идти за ней в Имандру. Устроили дневку. Вечером кое-как наглотались каши без соли, а наутро я с Астауровым пошли в обратный путь, а С[ергей] С[ергеевич] с Беляевым остались в лагере и, конечно, с удовольствием обследовали окрестности. К вечеру мы вернулись и на другое [утро] с полной нагрузкой двинулись дальше, вверх по долине р. Меридиональной, захватив с собой длинные еловые палки для палатки, которую собирались ставить уже выше зоны леса.

Дойдя до места впадения р. Часнайок (справа), поднялись немного по этой речке и в конце дневного перехода остановились на ее правом берегу у пологого склона Йидичвумчорра на границе березового криволесья и горной тундры. Здесь и организовали постоянный лагерь, поставили палатку.

Наш лагерь располагался на правом краю широкой долины, образованной реками Меридиональной и впадающего в нее Часнайка, в очень живописном месте. С боков долина была ограничена длинными массивами Йидичвумчорра (с севера, справа) и Юмечорра (с юга, слева). С востока ее замыкал мощный массив Часначорра, а на запад она была далеко открыта – до оз. Имандра.

Отсюда мы ежедневно экскурсировали в разных направлениях, собирая бабочек, а я, кроме того, охотилась на местных птиц. С.С. научил меня снимать шкурки и делать тушки. Осенью я передала собранную небольшую коллекцию птиц в зоомузей МГУ.

День распределялся так: первым поднимался дежурный (дежурили все четверо) и готовил обед. После обеда все расходились, а дежурный оставался около лагеря, бродил поблизости, собирал топливо для следующего дежурного, готовил к вечеру обед: обедали два раза – утром и вечером. Это очень удобно в походной жизни.

Мы, молодежь, конечно, стремились к дальним маршрутам, в горы. А С.С., сориентировавшись после нескольких дальних экскурсий, облюбовал ближние к лагерю пологие склоны Йидичвумчорра, покрытые горной тундрой. Мы в шутку называли эти места “вершина Четверикова, самая низкая в Хибирах”. Но, надо сказать, что сборы С.С. были, как правило, богаче наших.

Очень занятно было собирать насекомых на восточном склоне Часначорра, обращенном к долине Меридиональной и к Имандре. Этот довольно крутой склон был покрыт огромным снежником. На него западными ветрами наносилась масса насекомых. Мы забирались к верхнему краю снежника и сидя, как на салазках, стремительно катились вниз, собирая по пути справа и слева застрявших в снегу насекомых. Скатившись, забирались опять вверх и снова катились рядом с первым спуском. Весь склон был исчерчен параллельными бороздами наших спусков.

К вечеру, собравшись в лагере, плотно пообедав и немного отдохнув, забирались в большой полог (в палатке было два полога: маленький – мой и большой – для трех моих спутников) – и тут начиналось самое интересное: все доставали свои сборы и С[ергей] С[ергеевич] разбирал их и укладывал в коробку, попутно что-нибудь объясняя и рассказывая.

Так шли дни за днями, незаметно прошло время, и жалко было уходить... На всю жизнь запомнились живописные эти места, полуночное солнышко, комариные полчища и наша дружная жизнь с опытным, умным и добрым руководителем.

1987 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 23. Авторизованная машинопись.

З.Ф. Федоровская

ВОСПОМИНАНИЯ О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ В ПЕРИОД ССЫЛКИ ВО ВЛАДИМИРЕ (1932–1934 гг.).

В 1931 г. акционерному обществу по борьбе с вредителями сельского хозяйства при Наркомземе СССР (АБВ, потом ОБВ) было поручено организовать в г. Владимире учебный комбинат (вуз-техникум-рабфак) по борьбе с вредителями сельского хозяйства (Учкомбов).

Владимир был тогда районным центром Ивановской промышленной области (ИПО). Учкомбову был выделен ряд зданий: здание Педтехникума и Образцовой школы и ряд домов под квартиры преподавателям и общежитие студентов.

Учкомбов был организован на базе Отделения защиты растений московского сельскохозяйственного института и ленинградских техникума и рабфака. Учкомбов имел большой штат преподавателей, лаборантов, служащих. Кроме того, многие известные тогда профессора приезжали из Москвы и Ленинграда временно – на цикл лекций.

Лаборатории были хорошо оборудованы, очень быстро росла научная библиотека.

Профессор С.С. Четвериков читал лекции и проводил практические занятия и экскурсии со вторым и третьим курсами вуза в 1932–1933 и 1933–1934 учебных годах до расформирования Учкомбова 1 октября 1934 г.

Я поступила в вуз 1 октября 1932 г. Не удалось выяснить, читал ли Сергей Сергеевич [лекции] в 1931–1932 учебном году.

Я была на плодовощном отделении и Сергей Сергеевич на втором курсе (1933–1934 уч. год) читал нам курс энтомологии и проводил практические занятия, а студентам полеводческого отделения читал курс вариационной статистики (биометрию, биометод) и экологию насекомых. Курс энтомологии охватывал всю биологию и систематику насекомых. Мои конспекты частично сохранились, в них много зарисовок по строению насекомых, по эмбриологии, по признакам отрядов и семейств.

Читал лекции Сергей Сергеевич увлекательно, интересно, на высоком научном уровне. Мы тогда не знали, что Сергей Сергеевич был крупный генетик и воспринимали его только как энтомолога.

Мы, тогда еще мало искушенные в науке студенты, на его лекциях чувствовали себя приобщенными к большой науке, учились мыслить научно. Он заставил нас понять не только огромное практическое значение класса *Insecta**, но воспринять его как определенное звено в общем биологическом круговороте. Сергей Сергеевич всегда охотно отвечал на вопросы студентов, разъяснял непонятное, был приветлив, хотя внешне сдержан.

* Насекомых (*лат.*).

Запомнилась его высокая, немного нескладная фигура, быстрая и как бы устремленная вперед походка, сосредоточенная складка на лбу, неизменные очки в тонкой оправе, слегка беспорядочная шевелюра. Выдержанный, скромно одетый, малоразговорчивый, но внимательный, он сумел снискать к себе уважение и студентов, и преподавателей и оставил о себе добрую память.

По окончании учебного года наша группа (третья) уговорила Сергея Сергеевича сфотографироваться с нами в июле 1934 г.

1977 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 11. Авторизованная машинопись.

И.В. Жданова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.С. ЧЕТВЕРИКОВА ВО ВЛАДИМИРЕ В 1932 г.*

Многоуважаемая Зинаида Дмитриевна!

Выполняю свое обещание написать о владимирском периоде деятельности С.С. Четверикова. Хотя это очень мало, почти ничего.

Проф. С.С. Четвериков в начале тридцатых годов был преподавателем во владимирском Учкомбове (Учебный комбинат по борьбе с вредителями). На нашем курсе он читал (в 1932 г.) предмет, который назывался биометрией (приложение вариационной статистики к биологическим явлениям). Читал он и вел практические занятия живо и увлеченно, так что нам казалось, что это и есть его основная специальность. Сколько я помню, он тогда даже готовил какую-то работу в этом направлении, что-то вроде учебника.

Как преподавателя его отличал какой-то особый интерес к студенчеству, желание выделить индивидуальности, изучить каждого.

Вот и все сведения.

Уважающая Вас

И.В. Жданова

1977 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 24. Перепечатка автографа, выполненная З.Д. Федоровской.

И.Н. Грязнов

У ИСТОКОВ КАФЕДРЫ ГЕНЕТИКИ ГГУ

На кафедре генетики ГГУ я проработал более 45 лет, с 1932 г. до февраля 1978 г., исключая военные годы.

В 1932 г. на должность зав. кафедрой была приглашена Зоя Софроновна Никоро. Кроме нее были зачислены с 1 октября 1932 г. три аспиранта: Гусев С.Н., Павлов и я. Кроме того предполагалось, что на кафедре будет работать Костылев В., который заканчивал аспирантуру у Некрасова А.Д. на кафед-

* И.В. Жданова написала письмо-воспоминание по просьбе З.Д. Федоровской.

ре зоологии беспозвоночных. Он окончил университет раньше нас (в 1929 г.). Это был, несомненно, талантливый молодой человек. Он был первым из горьковчан, который начал работать с *Drosophila melanogaster*. Он заканчивал диссертацию по вопросу “Значение генетических нехваток (deficiency)”. Осенью 1932 г. с ним случилось несчастье: он заболел брюшным тифом и вскоре умер.

Осенью 1932 г. кафедра начала работать в составе трех аспирантов и руководителя, З.С. Никоро. В 1933 г. на кафедру был зачислен Флëсс В.Э.

В это время кафедра вела курс генетики с практикумом. Лекции читала З.С. Никоро, а практику вели аспиранты. Основным объектом учебно-научной работы была дрозофила. Кроме упомянутых товарищей на кафедре в 1932 г. работали лаборант Аня Маланова и препаратор (фамилии не помню). Сотрудники кафедры с 1932 г. работали над темой “Влияние мутации в половой изоляции дрозофилы”. До 1936 г. было опубликовано несколько коллективных работ под руководством З.С. Никоро в “Биологическом журнале”.

На первых этапах существования кафедры принимал участие в ее работе Д.Д. Ромашов, который вел семинар по проблеме “Эволюция и генетико-автоматические процессы” опираясь на только что опубликованные работы Дубинина Н.П. и Ромашова Д.Д. В семинаре принимали участие все сотрудники кафедры и студенты старших курсов.

На кафедру приглашались лекторы из Москвы. На факультете работал семинар под руководством А.Д. Некрасова по современным проблемам дарвинизма, который посещали все аспиранты факультета.

В 1935 г. поступил приказ Министерства высшего образования СССР об окончании сроков аспирантуры аспирантов кафедры генетики. Гусев С.Н. был назначен в Балашовский пединститут на должность старшего преподавателя, Павлов – в Чебоксарский пединститут на должность и.о. доцента, а я был назначен на должность ассистента кафедры генетики ГГУ.

В 1934 г. на должность заведующего кафедрой был приглашен С.С. Четвериков*. Приезд С.С. Четверикова внес в работу кафедры значительное оживление. Лекции по генетике С.С. Четвериков читал очень хорошо. В первый год его работы лекции посещались всеми сотрудниками кафедры. Очень ревниво он относился к посещению лекций студентами. Перед началом лекции старостам групп он раздавал списки, в которых они должны были отметить отсутствующих. Старостам невозможно было скрыть отсутствие студентов, т.к. С.С. Четвериков во время чтения лекции подсчитывал количество присутствующих и в перерыве сравнивал со списком. С.С. Четвериков на экзаменах спрашивал студентов очень строго, но справедливо. К сотрудникам был также требовательным. Кроме того, что он настаивал на присутствии на лекциях преподавателей, ведущих практику, он ввел обязательное правило в одной из групп курса: на занятиях должны были быть сотрудники кафедры, ведущих практикум в других группах. В свою очередь, он и сам посещал занятия одной из групп. Если преподаватель вел занятие не так, он вставал у доски и продолжал занятие. Правда, это случалось очень редко, так как преподаватель старался полностью скопировать заведующего кафедрой.

В 1935 г. на кафедру был приглашен для чтения курса цитологии профессор П.И. Живаго. Я проходил подготовку в его лаборатории для того, чтобы потом ассистировать П.И. Живаго. Он ездил читать лекции в университет до 1938 г. П.И. Живаго был прекрасным человеком и большим ученым, честным и прин-

* С.С. Четвериков действительно был приглашен в ГГУ в 1934 г. Но не смог приехать до лета 1935 г., пока не кончился трехлетний срок его ссылки во Владимир.

ципальным, когда дело касалось науки. Вспоминается один эпизод во взаимоотношениях С.С. Четверикова и П.И. Живаго. В эти годы П.И. Живаго разрабатывал проблему изменения кариотипов в онтогенезе. На основании своих исследований он пришел к выводу, что количество хромосом в кариотипе подвержено значительным изменениям. Эти данные вступали в противоречие с утверждением генетиков, что число и форма хромосом у данного вида постоянны. И вот на одном из заседаний кафедры произошел следующий разговор С.С. Четверикова с П.И. Живаго: “Петр Иванович, вы нам не портите студентов. Вы в своем курсе цитологии говорите, что число и форма хромосом в онтогенезе подвержены значительным изменениям у данного вида, а мы говорим студентам, что число и форма хромосом неизменны и излагаем это как закон”.

П.И. Живаго мгновенно преобразился: из добрейшего человека он превратился в человека жесткого и требовательного. Он встал, посмотрел на часы и заявил: “Сергей Сергеевич, сейчас на моих часах половина седьмого. Я успею еще зайти в гостиницу, уложить свои вещи и купить на вокзале билет до Москвы. Я в своих лекциях излагаю научные факты, а Вы считаете, что я порчу студентов”.

С.С. Четвериков, поняв, что перегнул палку, решил обратиться все в шутку, добавив затем: “Я думал, что мы найдем общий язык по этой проблеме”. Петр Иванович успокоился и сел на свое место. Больше они к этому вопросу на заседаниях кафедры не возвращались.

В 1937 г. на кафедру были зачислены два аспиранта; из окончивших университет студентов: Белов П.Ф. и Дроздов. В том же году на кафедре была организована лаборатория по селекции [китайского] дубового шелкопряда с целью получения моновольтинной расы дубового шелкопряда. Эту проблему взялся решить С.С. Четвериков, а З.С. Никоро начала работать по выведению бивольтинной [скоропелой] породы дубового шелкопряда*. Часто задают вопрос, была ли Четвериковым выведена моновольтинная порода. Одни отвечают на этот вопрос утвердительно, другие отрицательно.

Четвериков, действительно, получил группу животных с 95% моновольтинностью, но практического применения эта порода не нашла, так как была получена в условиях садкового выращивания при строго неизменной температуре, влажности и освещении. В природных условиях эта порода существовать не могла.

В 1938 г. на кафедру был принят доцент Мирюта для чтения курса цитологии и селекции растений. У меня резко сократились учебные поручения, и я был переведен на должность старшего лаборанта и получил поручение по выведению фонда дрозофилы. Из учебных поручений у меня осталось только небольшое количество часов по большому практикуму. Я вел раздел большого практикума по ацетокарминовой методике изучения гигантских хромосом у дрозофилы в слюнных железах (метод Пайнтера).

В 1940 г. я был назначен на должность ученого секретаря Ученого совета университета по защите диссертаций.

В мае 1941 г. я был вызван на военные сборы в г. Харьков, где меня застала война. Я был мобилизован в армию**.

1986–1987 гг.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 4. Авторизованная машинопись.

* Речь идет о выведении скоропелой разновидности бивольтинного дубового шелкопряда с ускоренным циклом развития, чтобы на зимовку в нашей климатической зоне оставалась куколка, а не гусеница. (Примеч. сост.)

** После войны И.Н. Грязнов вернулся на кафедру. В 1948 г. (и ранее) отстаивал позиции Т.Д. Лысенко и был зачислен ассистентом на кафедру дарвинизма.

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ С ПРОФЕССОРОМ С.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ НА ОПОРНОМ ПУНКТЕ ДУБОВОГО ШЕЛКОПРЯДА

В моей трудовой жизни мне посчастливилось несколько лет работать под руководством проф. С.С. Четверикова на организованном им пункте дубового шелкопряда. Работала я там с января 1947 по декабрь 1953 г.

В предвоенные годы я недолго работала на украинской шелкостанции в Мерефе научным сотрудником в секторе тутоводства. Работами руководила ученый секретарь ВАСХНИЛ М.С. Павельева. Со временем меня должны были перевести на должность заведующей вновь организуемого Опорного пункта в Минске, но осуществить это намерение не удалось, так как началась Великая Отечественная война.

В годы войны я работала в Горьковской области в подсобном хозяйстве завода им. Фрунзе по своей специальности – агрономом.

Когда проф. С.С. Четвериков узнал, что я имею небольшой опыт работы по шелководству, он пригласил меня на должность научного сотрудника на организованный им Опорный пункт дубового шелкопряда. Расположен он был в дубовой роще на территории Щелоковского хутора в очень живописной местности по берегу небольшого ручья. Для работы там был построен небольшой деревянный дом, в котором размещалась лаборатория и помещения для выкармли гусениц.

Всеми работами по селекции моновольтинной породы дубового шелкопряда руководил сам С.С. Четвериков. На пункте он бывал в летнее время почти ежедневно. Из сотрудников Опорного пункта, работавших в то время, я помню К.В. Мелешглед, П.Ф. Князевского. Штат был небольшой, все работы по выкармке мы выполняли своими силами, иногда нам помогали школьники.

Цель работы с дубовым шелкопрядом заключалась в создании пригодной для условий средней полосы [России] породы, дающей за сравнительно короткий летний период одно поколение. Второе направление работы состояло в том, чтобы вывести породу, которую можно выращивать на распространенной в нашей полосе березе. Обычно гусеницы дубового шелкопряда плохо поедают березовый лист. Нам немало труда пришлось приложить, чтобы вырастить гусениц на листьях березы. Пробовали выращивать и на листьях ивы, мака и других растений, но эти опыты не удались. Был очень большой отход гусениц в ранних возрастах при выкармке на этих растениях, и только на листьях березы удалось выкормить небольшую часть гусениц, которые послужили основой для создания новой породы, способной поедать березовый лист.

При создании моновольтинной породы С.С. Четвериков применял различные методы, в том числе отдаленную гибридизацию.

Профессора Четверикова после сессии ВАСХНИЛ упрекали в том, что он был менделистом, не признавал новых в то время методов отдаленной гибридизации. Я из своего опыта работы знаю, что он применял отдаленную гибридизацию. Знаю это потому, что он поручал мне поехать в Киев за материалом для гибридизации к большому ученому и специалисту по шелководству – Гершензону. От него я привозила коконы украинской породы дубового шелкопряда для того, чтобы потом производить скрещивание наших и украинских особей.

Выкормка гибридных форм требовала большой заботы об их сохранности. Мы производили выкормку и в лабораторных условиях – в помещении опорного пункта в садках – и на открытом воздухе в специальных корытах с кормом, но в этом случае нужно было охранять гусениц от истребления птицами и мы закрывали их сетками.хлопот было много. Но нам было легко работать с Сергеем Сергеевичем потому, что он очень внимательно относился к своим сотрудникам. Всегда, приходя на опорный пункт, интересовался жизнью наших семей, успехами детей.

В то трудное время нередко материально помогал тем, у кого была большая семья. Например, уборщицей на Опорном пункте работала Фрося. У нее было четверо детей и Сергей Сергеевич не только внимательно расспрашивал о здоровье ее детей, нуждах, но и материально помогал. Такое отношение к сотрудникам было нам дорого и может быть поэтому все работали с большим старанием, действительно “не за страх, а за совесть”.

На протяжении всей трудовой деятельности, в течение более 40 лет, у меня не было лучшего руководителя, чем Сергей Сергеевич. Я всегда с большим уважением к его памяти вспоминаю работу под его руководством. Он был очень строг как научный руководитель, требователен к точности записей научной документации, соблюдению всех его требований и указаний при выкормке гусениц. Все планы работы, схемы скрещиваний и порядок выкормок он всегда составлял сам и сам лично следил за точностью выполнения. Но требования Сергей Сергеевич всегда высказывал так уважительно и деликатно, что их нельзя было не выполнить. Каждого сотрудника он называл по имени и отчеству. Никогда не повышал голоса, даже если что-то в нашей работе его не удовлетворяло. Он терпеливо разъяснял, почему нужно сделать точно так, как он просил, чтобы ошибка не повторилась.

После августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) С.С. Четверикову недолго пришлось работать на опорном пункте. В 1948 г. его сразу же освободили от заведования, так как к его работе отнеслись с недоверием как к работе, основанной на ложных генетических основах. Мне пришлось временно принять дела по пункту. Материалы выведенной породы еще некоторое время продолжали культивировать, но уже на открытых площадках в условиях колхозов, где конечно не было большого внимания к этой работе.

Работами в то время руководил директор Уфимской опытной станции тов. Шимаев.

В 1953–1954 гг. Опорный пункт был ликвидирован и вся документация и живой материал в виде коконов, были сданы нами на Уфимскую опытную станцию. Материалы эти отвозила научный сотрудник Мелешина К.В.* Она тоже вспоминает добрым словом совместную работу с профессором Четвериковым.

Мы очень жалеем, что проводимая им работа по выведению новых пород дубового шелкопряда была так преждевременно прекращена.

1988 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 16. Авторизованная машинопись.

* Страницей раньше она упоминалась как Мелешглед К.В., по-видимому, по случайному недоразумению (см. воспоминания В.Д. Смирновой, где также упоминается Мелешина). (Примеч. сост.)

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕТВЕРИКОВ – ОДИН ИЗ ПИОНЕРОВ ДУБОВОГО ШЕЛКОВОДСТВА ШЕЛКОВОДЫ-ГОРЬКОВЧАНЕ

Часть 1*

Сергей Сергеевич Четвериков в молодые годы был страстным энтомологом, собирателем бабочек, наблюдения за которыми дали ему толчок к крупным генетическим обобщениям. Его по праву можно назвать “отцом” популяционной и эволюционной генетики.

В Горьковский период жизни и работы на биофаке ГГУ, с 1935 по 1948 гг., С.С. Четвериков увлекся прикладными задачами энтомологии – разведением и селекцией дубового шелкопряда.

В 1934-1935 учебном году один из студентов старшего курса биофака Петр Федорович Белов свою летнюю практику проходил в Закавказском институте шелководства у Н.К. Беляева, а затем прочитал студентам несколько лекций по генетике тутового шелкопряда. В 1936 г. он стал первым аспирантом С.С. Четверикова.

Эти годы совпали с началом развертывания в средней полосе Советского Союза дубового шелководства. Кокконы дубового шелкопряда давали ценное сырье для парашютного шелка.

В Москве в аппарате Главшелка работала М.С. Павельева**. Она была ученым секретарем ВАСХНИЛ, часто гостила в Горьком у своей сестры, знала окрестности города и, вероятно, рекомендовала дубраву Щелоковского хутора для строительства Опорного пункта, который должен был работать по тематике Главшелка.

Строительство горьковского Опорного пункта по селекции дубового шелкопряда началось в 1937 г.* Первым директором этого пункта стал Валентин Эмильевич Флесс, муж Зои Софроновны Никоро, заведовавшей кафедрой генетики ГГУ до приезда С.С. Четверикова. Проф. Четвериков был научным консультантом Опорного пункта, который подчинялся Главшелку НКЗ СССР.

Развитие дубового шелкопряда в нашей климатической зоне встречало определенные трудности: два поколения шелкопряда, зимующего на стадии куколки, не укладывались в вегетационный период развития дуба (второе поколение было обречено на гибель из-за недостатка корма), поэтому Главшелк ставил две задачи:

- 1) создать моновольтинную породу, дающее только одно поколение летнего сезона, и
- 2) ускорить развитие путем селекции на скороспелость.

С организацией Опорного пункта создавалась база для работы аспирантов кафедры генетики ГГУ.

Петр Федорович Белов, принятый в аспирантуру в 1936 г., выразил желание работать по стадийному анализу у дубового шелкопряда. Эту тему он, вероятно, выбрал под влиянием учения Лысенко о стадийном развитии растений.

* Автор благодарит В.А. Крылову за предоставленные ценные сведения о судьбе горьковского Опорного пункта, использованные при написании воспоминаний.

** Она оформляла мне направление в Мерефу на Укршелкостанцию в 1937 г. [М.С. Павельева была пом. нач. по науке Главшелка СССР]. (Примеч. авт.)

Аспирант приема 1937 г. Анатолий Дроздов собирался работать над плановой темой – выведение моновольтинной породы.

Доцент кафедры генетики З.С. Никоро начала селекцию на скороспелость.

Дроздов через год бросил аспирантуру и производственную тему “Селекция на моновольтиность” Сергей Сергеевич взял себе.

В декабре 1939 г. в Горьковском университете состоялся съезд по дубовому шелкопряду. Кроме представителей Главшелка НКЗ СССР приехали шелководы из Башкирии, с Пятигорской шелкстанции, с Украины. С докладами выступали проф. С.С. Четвериков, проф. С.М. Гершензон, другие шелководы. Доклады были опубликованы в сборнике “Селекция и акклиматизация дубовых шелкопрядов” [М., 1940 г.].

В 1940 г., после возвращения из Мерефы, где на Украинской научно-исследовательской станции шелководства я работала по селекции тутового шелкопряда, я поступила в аспирантуру к С.С. Четверикову и начала работать с дубовым шелкопрядом.

Сергей Сергеевич никакой темы мне не рекомендовал и я решила заниматься селекцией дубового шелкопряда на иммунитет к желтухе. Желтуха – опасная инфекция, враг шелководов, поэтому тема была очень актуальна. Аналогичную работу я уже проводила с тутовым шелкопрядом в Мерефе.

Для выполнения этой темы весной 1941 г. Сергей Сергеевич командировал меня и двух студенток* в Мерефу, где нас застигла война, пришлось срочно возвращаться в Горький. Опытный материал погиб и новую тему, посвященную проблеме вольтинизма у китайского дубового шелкопряда, пришлось выполнять на Опорном пункте в течение выкормочных сезонов 1942–1943 гг.

В.Э. Флэсс и З.С. Никоро к этому времени уже уехали в Курмышский район, где Зоя Софроновна работала зоотехником по племенному делу.

Сергей Сергеевич исполнял обязанности директора Опорного пункта. Всю техническую работу выполняла лаборантка Зинаида Епифановна Фроличева.

В конце 1943 г. на совещании шелководов в Москве, куда я ездила вместе с С.С. Четвериковым, он поставил вопрос о промышленном испытании породы, над созданием которой работал.

Ответ был получен только в апреле 1944 г., когда я уже работала (срок аспирантуры кончился) в Сельскохозяйственном институте. В полученной мною копии письма** из Главшелка сообщалось:

“Горьковский Опорный пункт восстановлен. И.о. директора назначен проф. Четвериков... Как ранее было договорено с С.С. Четвериковым, не возражаем против Вашей работы в этом году по весьма актуальной теме “Промышленное испытание выведенной породы горьковская моновольтинная № 1 на колхозных выкормках”.

Ваше зачисление подтвердите. <...>”.

Выкормка планировалась в Курмышском районе, но не состоялась из-за тяжелых условий военного времени.

Часть коконов (племенной материал) оказался в Мерефе, куда в 1944 г. переехала З.С. Никоро. Результаты проведенной ею экспериментальной выкормки были неудачны.

* Одну из них помню – Т.А. Мотрий (Медведева) (выпускница биофака 1941 г.). Она впоследствии работала директором школы-интерната в Горьком. (Примеч. авт.)

** Письмо хранится в личном архиве. (Примеч. сост.)

Другая часть была отправлена в Пятигорск, там после окончания войны и демобилизации работал П.Ф. Белов, первый аспирант Сергея Сергеевича Четверикова.

Еще в 1945 г. на горьковский Опорный пункт были приняты – по рекомендации М.С. Павельевой – в качестве старшего научного сотрудника Валентина Александровна Крылова, агроном по образованию, работавшая в 1940 г. в Мерефе на шелкстанции в секторе тутоводства, и Князевский, вскоре уволившийся. Вместо Князевского стала работать младшим научным сотрудником однокурсница Крыловой по агрофаку Клавдия Васильевна Мелешина.

В начале 1947 г. в Ленинграде состоялось совещание по дубовому шелкопряду*, на которое вместо С.С. Четверикова приехала В.А. Крылова, прочитавшая доклад, написанный С.С. Четвериковым.

В январе 1948 г. Петр Федорович Белов, посетивший С.С. Четверикова, писал о нем следующее: ... “Он очень интересовался подробностями испытания его породы. Кроме этого я рассказывал ему об опытах по светорегуляции вольтинизма. Он начал подыскивать возражения, которые были надуманными... В заключение сказал ему, что он уже не может не считаться с результатами моей работы, которую я собираюсь дотянуть до кандидатской... Тему диссертации одобрил.

...В конце беседы предложил взять от него материал для испытания, причем в любом количестве”. <...>

...“Анализируя для себя условия испытания породы в этом году, у меня есть опасения, что на будущий год будет 0% моновольтинных.

Некоторый период гусеничного развития я держал их под марлевыми колпаками, что создавало некоторое дополнительное затенение в ранних стадиях”...

На Киевском совещании П.Ф. Белов выступил с сообщением о своей работе, главным положением которой был установленный им факт: основным фактором в регуляции (экологии) вольтинизма дубового шелкопряда является продолжительность светового дня.

Из доклада Меляева, приехавшего из Манчжурии, стало известно, что японские ученые пришли к аналогичным выводам.

Петр Федорович был прав, когда писал в одном из фронтовых писем, что “...Все трудности работы по изучению вольтинизма в том, что трудно вести селекцию, не зная экологии, и трудно изучать экологию, не зная генотипических особенностей подопытного материала. Сейчас уже ясно, что в определении вольтинизма играют роль и наследственные и паратипические факторы, но как, когда и в какой степени”.

Петр Федорович продолжал работу с материалом Сергея Сергеевича. В начале 1949 г. он писал: ...“Четвериковский материал у меня частично сохранился (выделены лучшие семьи – до 50% диапаузирующих), буду потихоньку селекционировать”... А по окончании выкормочного сезона он сообщил: ...“Интересный результат я получил, селекционируя материал С.С. Четверикова. В этом году при ранней выкормке семьи дали от 30 до 90% моновольтинных коконов, в среднем – 50%. Об этом я сообщил Четверикову”.

В 1948 г., после снятия С.С. Четверикова с поста и.о. директора Опорного пункта, по распоряжению Упр[авления] шелка в Горький из Уфы приехал Ишмаев, и горьковский Опорный пункт был передан в подчинение Башкирской шелкстанции. Исполняющий обязанности директора Опорного пункта была назначена Крылова.

* На этом совещании присутствовали З.С. Никоро и П.Ф. Белов; их письма сохранились в архиве В.Д. Смирновой. (Примеч. сост.)

В 1949 г. В.А. Крылова вместе с доцентом кафедры генетики ГГУ А.Ф. Шереметьевым ездила выбирать место для промышленной выкормки породы, над которой работал профессор С.С. Четвериков. Выкормка проводилась в колхозе “Искра” Богородского района (председатель П.М. Демин) на ветках в корытах под открытым небом. Была организована защита от птиц. Эту выкормку приезжал смотреть проф. Б.Л. Астауров.

А в помещении опорного пункта на Щелоковском хуторе под руководством А.Ф. Шереметьева работали студенты.

В последующие годы промышленные выкормки проводились в Чувашии, в месте впадения в Суру реки Огневки под руководством К.В. Мелешинной, которая в 1953 г. была назначена и.о. директора Опорного пункта. Ей пришлось сдавать все материалы Башкирской шелкостанции после ликвидации горьковского Опорного пункта. В ведении Башкирской шелкостанции он находился пять лет (с 1948 по 1953 г.).

Я защитила кандидатскую диссертацию на тему “Роль факторов скорости развития в определении вольтинизма у китайского дубового шелкопряда” в Харьковском университете в 1947 г. Оппонентами были проф. С.М. Гершензон, З.С. Никоро, В.П. Эфроимсон, все они в то время занимались шелководством.

А в 1948 г. я получила авторское свидетельство на новую породу тутового шелкопряда “УС-1” – Украинская синтетическая. Я была признана соавтором, так как начатую мной работу продолжила Е.И. Казарова*. (Авторский гонорар я получала в течение 10 лет.)

На этом моя связь с шелководством прервалась, если не считать участия в экспедиции, возглавляемой доцентом кафедры дарвинизма МГУ М.А. Алексеевым. В 1949 г. экспедиция провела выкормку гусениц дубового шелкопряда на кустах ивы в Чувашии на одном из островов против поселка “Марининский посад”. Из-за плохой защиты значительная часть гусениц была уничтожена птицами, а выжившие оказались зараженными желтухой.

О том, какие последствия имела сессия ВАСХНИЛ 1948 г. для шелководов и генетиков, Петр Федорович Белов писал так: “...Могу поделиться некоторыми оргвыводами, сделанными после сессии. В Институте цитологии уволено 80 человек. Астауров пока остался. Институт реорганизуется, может быть список пополнится.

Интересно, что Дубинин вернулся в Москву за три дня до его увольнения. (...) Говорят, что всех уволенных будет направлять на работу отдел науки ЦК.

(...) С нашей станции Астауров уволен**. Выведен из комиссии шелководства ВАСХНИЛ. Кроме него выведены Четвериков, Папалашвили, Алпатов. Интересно, что ввели в состав этой комиссии Золотарева, Биркину, меня, Зализняка и Дергачева. По какому недоразумению введен ваш покорный слуга – не знаю.

Многие генетики на ходу меняют свой наряд. Кто кому поверит? Конечно, солиднее не делать этого. В конечном счете будет торжествовать истина.

(...) Что делается в Горьком? В каком состоянии кафедра и С.С. Четвериков?

В Ленинградском университете кажется закрыли генетическую специальность. В МГУ принято дополнительно 50 человек на мичуринскую генетику. Только не найдут заведующего кафедрой, так как никто не хочет браться за эту работу. Кафедра дарвинизма передана Презенту!*

* Мой консультант проф. МГУ П.А. Косминский вообще не упоминался как соавтор. Говорили, что немцы увезли его в Германию. (Примеч. В.Д. Смирновой)

** Б.Л. Астауров был научным консультантом Пятигорской шелкостанции. (Примеч. сост.)

В начале 1949 г. он сообщил ряд новостей о судьбах генетиков и своей работе: «В декабре был на совещании по разработке тематических планов в Москве. За свое отрицательное отношение к “промежуточным” выкормкам Золотарева впал в некоторую немилость “богини шелководства” Михайловой*. Пока ее гнев остается без оргвыводов. Попавшая также в немилость М.И. Пенязь уволена с Укршелкостанции.

В начале февраля был на совещании по дубовому шелкопряду южных районов СССР (в Харькове). Обсуждались новые инструкции, в том числе написанный мной проект по селекции. Встретились с Гершензоном и Ситько. Гершензон очень умело приспосабливается к новым условиям. Будет заниматься селекцией, используя в качестве исходного материала вновь завезенный импортный материал. Ситько также селекционирует, каждый год докладывает об успехах, но я пока их не вижу...

Никоро сейчас в Измаиле, Флэсс на Укршелкостанции, куда мне было предложено переехать, но я пока отказался...

Обстановка на Укршелкостанции не очень здоровая. Не особенно хорошая обстановка и у нас на Пятигорской станции» (...) (14 марта 1949 г.).

В 1950 г. П.Ф. Белов возглавил экспедицию в Приморский край за диким шелкопрядом, а по возвращении защитил диссертацию на тему: “Изучение стадийного развития китайского дубового шелкопряда с целью управления вольтичностью”.

В начале 1950-х г. П.Ф. Белов сообщал: “Ты, вероятно, знаешь, в каком плачевном состоянии находится дубовое шелководство, особенно в РСФСР... (...) Росшелк поставил в министерстве вопрос о снятии этой культуры с народно-хозяйственного плана.

Пришлось выдержать большой бой с его агрономами, закончившийся нашей победой, может быть временной. (...)”

Большой вред дубовому шелководству был нанесен приверженцами Лысенко, в частности Золотаревым, предложившим метод “промежуточных” выкормок. П.Ф. Белов, назначенный председателем экспертной комиссии, писал: “Из 52 колхозов – 36 не получили ни одного кокона, остальные также не выполнили этот низенький план (100 кг коконов с 1 кг грены, рассчитанный на 15% сохранность гусениц)”.

Промышленные выкормки дубового шелкопряда гибли от желтухи и других болезней, изучение которых велось недостаточно интенсивно.

В конце концов культура дубового шелкопряда была закрыта. В связи с этим прекратил свое существование и горьковский Опорный пункт, находившийся в ведении Башкирской шелкостанции.

П.Ф. Белов, работавший на Пятигорской шелкостанции, после закрытия сектора дубового шелкопряда в 1953 г. возглавил лабораторию болезней тутового шелкопряда. Ему удалось вывести породы тутового шелкопряда, устойчивые к желтухе и другим полиэдренным вирусам. Об этих работах Петра Федоровича писала центральная “Правда” в 1977 или в 1978 г.

Вот как он сам писал об этом в 1977 г.: “Живем и работаем по-старому. Начали штурм второй ступени иммунитета – комплексного ко всем видам полиэдренных вирусов (желтуха и кишечные).

В этом году я увековечил приоритет твой, Вера, и Косминского в селекции на иммунитет к желтухе в напечатанном докладе...

* Михайлова – начальник Главшелка.

Породы первого этапа работы (назвал Кавказ-1 и Кавказ-2) сейчас на испытании в Государственной комиссии. У них по два доминантных гена устойчивости к желтухе.

Начал возрождаться дубовый шелкопряд. В этом году я ездил в Луцк в качестве председателя экспертной комиссии по приему новой породы – моновольтинной. Разводят лесхозы. Н.Н. Синицкий после его закрытия пробивал стену равнодушия и, наконец, кое-чего добился. Какое терпение и упорство! 10 октября предполагаю оппонировать Н.Н. Синицкому на научно-техническом Совете МСХ СССР. <...> П. Белов”.

Итак, тридцать лет спустя после того, как С.С. Четвериков начал селекцию моновольтинной породы дубового шелкопряда на горьковском Опорном пункте, работа была вновь начата и доведена до конца за сотни километров от Горького!

Только ли “смутное” время виновато в этом?

Известный ученый, шелковод, профессор Н.К. Беляев говорил П.Ф. Белову в 1936 г.: “Первые 25 лет работы с дубовым шелкопрядом будут черновой работой”.

Предсказания Н.К. Беляева (он был учеником и соратником С.С. Четверикова в московский период его работы) полностью сбылись.

Но, как и многие выдающиеся генетики-селекционеры, он не дожил до торжества справедливости...

1986 г.

Часть 2*

[Занятия студентов в 1931–1932 гг. проходили в небольшой зоологической аудитории, из которой были двери в генетическую лабораторию и кабинет профессора А.Д. Некрасова].

Через зоологическую аудиторию студенты-генетики должны были проходить в маленькую комнатку, где едва помещались 18 человек. Здесь проводились занятия по физике (преподаватель В.В. Мурашев), по аналитической геометрии и основам высшей математики (преподаватель А.В. Воробьева-Обухова), по английскому языку (преподаватель Ландау), по анатомии сельскохозяйственных животных (преподаватель Б.С. Страхов).

В этой комнатке перед нами однажды появилась молодая женщина довольно оригинальной внешности, сказавшая: “Я – заведующая кафедрой генетики и селекции животных. Меня зовут Зоя Софроновна Никоро”. Мы, студенты, были несколько ошеломлены. Перед нами стояла худенькая женщина, рост которой, вероятно, уменьшался из-за наклоненного вперед туловища. Казалось, что она долго сидела согнувшись и не успела разогнуться. Прямые каштановые волосы, зачесанные назад под гребенку, висели около ушей длинными прядями. Резко очерченный нос и скулы делали бы лицо некрасивым, если бы не глаза: окаймленные густыми ресницами, с устремленным вверх взором, они излучали какое-то удивительное сияние. Голос был громкий, с отчетливой дикцией. Первые слова, написанные З.С. на доске: “генетика”, “биометрия”, первые имена: “Грегор Мендель, Френсис Гальтон, С.С. Четвериков”... Сергей Сергеевич Четвериков был охарактеризован как родоначальник русской генетической шко-

* Воспоминания составлены Л.А. Елкиной (ур. Симанской), выпускницей ГГУ 1937 г., цитированием отрывков из писем к ней В.Д. Смирновой. Отборка цитируемых писем сделана Т.Е. Калининой.

лы. Восторженное отношение Зои Софроновны к генетике, молодой перспективной науке, передавалось и нам – студентам.

Уже в конце первого курса многие из нас получили для ознакомления статьи по генетике в журналах на английском языке, и для каждого из нас у Зои Софроновны находилось время, чтобы проверить перевод и разъяснить непонятное.

Студентам, принятым на отделение “генетика и селекция” (специализация начиналась с первого курса), З.С. Никоро читала курсы биометрии, общей генетики, частной генетики овцы и кролика. Она руководила летней практикой на кроличьей ферме (на Щелоковском хуторе).

В штате кафедры был старший лаборант, должность которого исполнял Валентин Иванович Флёсс, муж Зои Софроновны (“Флёсик”, как она его называла).

У Зои Софроновны было три аспиранта: Романов, Гусев и Грязнов. Гусев помогал Зое Софроновне в проведении лабораторных занятий по генетике, а И.Н. Грязнов позднее руководил лабораторным практикумом по цитологии (лекционный курс читал приезжавший из Москвы П.И. Живаго).

В 1933–1934 учебном году биофак ГГУ получил здание бывшего Промышленно-экономического техникума в Комсомольском переулке. Здесь разместилась канцелярия, деканат биофака, кабинет ректора Маньковского. Кафедра генетики получила в свое распоряжение довольно большую комнату на первом этаже и две маленькие клетушки.

В большой аудитории на втором этаже профессор А.Д. Некрасов прочитал нам курс “Зоология позвоночных животных”, и мы явственно почувствовали, что “позвоночные” не входят в сферу его интересов: он рассказывал, постоянно обращаясь к конспекту. Зато позднее, на третьем курсе, Алексей Дмитриевич блистал своей эрудицией, излагая историю биологии и эволюционное учение.

В начале 1935 г. студентов-генетиков ожидало большое событие: приехал на должность заведующего кафедрой генетики Сергей Сергеевич Четвериков. Помню, как высокий, худой, немолодой человек в старомодных с золотой оправой очках вошел в аудиторию в сопровождении Зои Софроновны и сказал глуховатым голосом: “Здравствуйте, товарищи!” Улыбающаяся, счастливая Зоя Софроновна представила: “Вот ваш новый заведующий кафедрой генетики – Сергей Сергеевич Четвериков”.

Началась лекция, кажется, общей селекции (мы уже учились на четвертом курсе).

После очень ясных и доступных каждому лекций Зои Софроновны, которая повторяла все необходимые формулировки, манера чтений лекций Сергеем Сергеевичем нравилась далеко не всем. Его глуховатый голос звучал увлеченно и лицо выражало удовольствие. Он ничего не упрощал, не допускал никаких примитивных сравнений. Он был уверен, что мы знаем все необходимые термины, которыми оперирует современная генетика.

Наше общение с Сергеем Сергеевичем ограничивалось присутствием на его лекциях, а позднее – на большом генетическом практикуме, который вел он сам, также с большим увлечением. Казалось, что он разделяет радость открытия с каждым из нас.

Список работ, которые выполняли на большом практикуме индивидуально (по выбору студента), был составлен самим Сергеем Сергеевичем. Объектом работ была дрозофила. Я выбрала тему “Анализ летальных мутаций у дрозофила меланогастер, вызванных лучами Рентгена”. (Я осталась недовольна результатами, хотя работа была оценена “отлично”).

“Неужели в 1930-е годы при кафедре не было научного кружка? Этого быть не может!” – слышала я не раз. Но это действительно так! Никаких кружков при кафедре генетики в 1935–1937 гг. не было. А на заседании отделения МОИП ходили немногие студенты. И в то время Сергей Сергеевич там не выступал*.

* * *

Первым аспирантом Сергея Сергеевича Четверикова стал выпускник биофака ГГУ 1936 г. Петр Федорович Белов. Свою производственную практику Петр Белов проходил в Закавказском институте шелководства у Н.К. Беляева (московского ученика С.С. Четверикова), репрессированного в 1937 г. Зоя Софроновна Никоро много лет спустя характеризовала Белова как лучшего студента биофака.

Петр Федорович прочитал нам, студентам-генетикам четвертого курса, несколько лекций по генетике тутового шелкопряда.

Когда Белов решил поступить в аспирантуру при кафедре генетики, Сергей Сергеевич кроме официальных, устроил ему ряд неофициальных экзаменов, в том числе по математике, который принимал сам.

Начало аспирантуры Белова совпало с открытием горьковского Опорного пункта по селекции и акклиматизации дубового шелкопряда. Пункт находился в ведении Главшелка НКЗ СССР и им финансировался. Проф. Четвериков был назначен научным консультантом, а З.С. Никоро – старшим научным сотрудником (по совместительству). Аспирант Белов решил заниматься стадийным анализом развития у дубового шелкопряда, и Сергей Сергеевич этому не препятствовал.

Ни одному из своих аспирантов (в горьковский период у С.С. их было четверо: П.Ф. Белов, А. Дроздов, В.Д. Смирнова, Е.М. Владимирская) Сергей Сергеевич никакой темы для будущей диссертации не предлагал, считая, что тот, кто претендует на получение ученой степени, должен сам сформулировать научную проблему. Сергей Сергеевич говорил так: “С будущими учеными надо поступать, как со щенками: бросать их в воду. Который выплывает сам – тот и хорош”... Это звучало довольно грубо и жестко, но могла ли возникнуть без жесткого отбора всемирно известная плеяда учеников С.С. Четверикова московского периода?

Как относились к Сергею Сергеевичу его ученики-студенты? Уважали, конечно, все, но любили немногие. Он не мог и не хотел скрывать своей нетерпимости к тем, кто не обладал острым умом и живостью восприятия, не претендовал на хорошую оценку. В нем не было доброжелательности, за которую мы так любили А.Д. Некрасова..

П.Ф. Белов окончил аспирантуру в 1941 г. (без защиты диссертации) и летом того же года был зачислен научным сотрудником Украинской научно-исследовательской станции шелководства в Мерефе. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Был награжден рядом орденов и медалей. После демобилизации летом 1946 г. он начал работать заведующим сектором дубового шелкопряда

* Это не совсем соответствует действительности. С.С. Четвериков в первый же год работы в Горьком, как это следует из протокола заседания Горьковского отделения от 17 апреля 1936 г., выступил с докладом на тему “Опыт построения объективной системы организмов” [основные положения курса биометрии]. Кстати, активные, регулярные заседания МОИП начались только с приходом С.С. Четверикова в ГГУ. (*Примеч. сост.*)

Пятигорской шелкостанции и в 1950 г. в Киеве защитил кандидатскую диссертацию на тему “Изучение стадийного развития китайского дубового шелкопряда с целью управления его вольтичностью”.

С 1953 г. после ликвидации отделов по изучению дубового шелкопряда работал над выведением новых пород тутового шелкопряда, устойчивых к желтухе и другим болезням. Петр Федорович – автор новых пород тутового шелкопряда “Кавказ-1” и “Кавказ-2”. Смерть П.Ф. Белова, последовавшая в 1983 г., оборвала его творческие планы.

1993 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 18, 19.

М.М. Рудакова

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОДАХ СТУДЕНЧЕСКИХ И НАШИХ УЧИТЕЛЯХ

“Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю”.

Андрей Дементьев

Чем дальше идет время, тем больше возрастает интерес к годам прошедшим, к годам нашего студенчества и к нашим педагогам, профессорам, в особенности к личности С.С. Четверикова.

Мне посчастливилось получить высшее образование в стенах Горьковского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Училась я на биологическом факультете с 1935 по 1940 г.

Нам, студентам того времени, преподавали крупные ученые-биологи, каждый из которых оставил крупный след в науке, а некоторые даже стали основоположниками научных направлений и вошли в историю биологической науки нашей страны.

Историю биологии, дарвинизм и зоологию беспозвоночных читал нам проф. А.Д. Некрасов; зоологию позвоночных и зоогеографию – проф. И.И. Пузанов; морфологию и систематику растений, географию растений – проф. С.С. Станков; физиологию растений и биохимию – проф. Н.П. Красинский; генетику, биометрию, энтомологию – проф. С.С. Четвериков; методику преподавания естествознания – проф. А.И. Порхунув; эмбриологию – проф. В.В. Попов; анатомию человека – проф. Жданов; спецкурс по селекции растений – проф. ГСХИ С.С. Королев (работавший до Горького в Ленинграде в ВИРе). Перечень этот можно было бы продолжить, но из приведенных имен, я думаю, уже ясно, что мы – студенты довоенных лет – получали знания, как говорится, “из первых рук”, прикоснулись к науке в изложении подлинных энтузиастов научного поиска и поэтому сохранили о них память на всю жизнь.

В настоящее время все больше растет интерес к истории науки, к вкладу советских ученых. Растет интерес к личности профессора С.С. Четверикова и меня нередко спрашивают о нем, мне довелось на старших курсах учиться в группе, специализирующейся по генетике и селекции и мы занимались, готовили дипломные работы на кафедре генетики, которую возглавлял в то время проф. С.С. Четвериков.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о нем, как о лекторе, руководителе студенческого научного кружка, о научном руководителе пункта дубового шелкопряда и просто как о хорошем человеке, который оказал на меня влияние в студенческие годы и остался в памяти на всю жизнь.

О лекциях С.С. Четверикова

В университете С.С. Четвериков был известен как прекрасный, но своеобразный лектор. Мне довелось прослушать в его изложении общий курс генетики (вместе со всеми студентами нашего курса) и спецкурсы по генетике и биометрии или вариационной статистике, которые он читал для сравнительно небольшой группы студентов (10–20 человек), специализирующихся по генетике и селекции.

В чем же особенности его как лектора?

Во-первых, внешний облик лектора был очень своеобразен. Сергей Сергеевич обязательно читал лекции в черном сюртуке, в белой сорочке с узким черным галстуком. Он был высок ростом, очень прямо держался и был быстр в движениях. На правой руке всегда носил золотое обручальное кольцо, очки – в золотой оправе. Никто другой из профессоров так не одевался. Для людей старшего поколения памятно то, что в 1930-е г. все одевались очень просто. А тут мы выдели строгий “академический” стиль. Конечно, для студентов того времени это было необычным и вызывало особое внимание. Строгость костюма сочеталась с исключительной точностью и аккуратностью, а поэтому нельзя было опоздать на лекцию, быть невнимательным.

Во-вторых, необычным был сам ход лекции. На первой же лекции Сергей Сергеевич предложил нам задавать вопросы в любой части его лекции, если что-то окажется неясным, непонятным. (Прерывать лекцию вопросом не разрешал никто из лекторов, кроме Сергея Сергеевича). А у него это было принципиальное требование, методический прием, так как он считал, что нельзя двигаться дальше в усвоении нового материала, если кому-то из слушателей не все понятно.

Наши вопросы никогда не оставлял без ответа, а детально их разъяснял. А мы – студенты – никогда не злоупотребляли предоставленным нам правом и прерывали его лекцию только тогда, когда было действительно трудно и непонятно. Обычно слушали его лекции с большим вниманием и интересом, так как они требовали работы мысли, всегда были очень четки и доказательны.

Третья особенность его лекций оказалась в том, что увлеченные логикой изложения, доказательностью и новизной содержания, мы – студенты почти все брали “на слух” и очень мало “на карандаш”. Убедилась я в этом уже через несколько лет после окончания университета, когда сама была преподавателем в вузе (в ГСХИ). Как-то при подготовке к очередной лекции я решила обратиться к своим записям лекций по генетике, которые читал нам Сергей Сергеевич. И к своему удивлению обнаружила, что в них почти нет текста, а только генетические обозначения, формулы и расчеты. Почему так? Да потому, должно быть, что мы очень внимательно слушали, а записывали лишь то, что Сергей Сергеевич сам писал на доске. А все его изложения, комментарии были понятны, ясны и потому не записаны.

Помню, как увлеченно и последовательно читал лекции Сергей Сергеевич, не пользуясь никакими конспектами, а имел в руках только небольшой кусочек бумаги, по всей вероятности с кратким планом своей лекции. При изложении материала он большое внимание уделял доказательству каждого положения. Например, излагая менделевские закономерности передачи наследственных

признаков от родителей к потомству, он большое внимание уделил методике опытов Г. Менделя с горохом, тщательности подсчета результатов, точности опытов. Нам студентам, будущим специалистам-биологам, он стремился внушить необходимость внимательного изучения каждого избранного объекта, точного учета всех результатов опыта и важность применения математической обработки результатов экспериментов. Эти мысли о важности математической обработки результатов опытов пронизывали его лекции по курсу биометрии.

Излагая нам в курсе генетики результаты опытов с дрозофилой, он предвзвешенно останавливался на ценностях и удобствах этого объекта для генетических исследований, обращал наше внимание на то, что возможность получить в короткий срок многочисленное потомство позволяет проследить закономерности наследования на ряде поколений и сделать более достоверные выводы, чем при работе с другими объектами. Отмечал большую перспективность этого объекта для дальнейших генетических исследований. И действительно, дрозофила для биологических экспериментов не потеряла значение и до настоящего времени, пригодилась для космических исследований.

В то время только начинались опыты по изучению мутагенного эффекта рентгеновского облучения живых организмов. Сергей Сергеевич в своих лекциях говорил нам об этом, причем говорил не только об опытах американских ученых Г. Мёллера и Т. Моргана, но обращал наше внимание на то, что приоритет в этих исследованиях принадлежит русским ученым Г.А. Надсону и Г.С. Филлипову, проводившим такие опыты еще в 1926–1927 гг. Затем аналогичные опыты были продолжены А.С. Серебровским и Н.П. Дубининым в Биологическом институте им. К.А. Тимирязева.

Излагая нам проблему отдаленной гибридизации у растений, Сергей Сергеевич знакомил нас с генетическими работами по изучении полиплодии у отдаленных гибридов. Он высоко оценивал работы Г.Д. Карпеченко по изучению полиплоидных форм капустно-редечных гибридов, их цитогенетики.

Время показало, что Сергей Сергеевич не ошибся в своих оценках значимости этих цитогенетических исследований. Теперь работы Г.Д. Карпеченко стали своеобразным классическим примером получения экспериментальных полиплоидных форм и вошли не только в вузовские учебники по генетике и селекции, но даже в программы и учебники по общей биологии для учащихся 9–10 классов средних школ. {...}

В общем, надо сказать, что лекции Сергея Сергеевича давали нам знания с самого переднего края биологической науки того времени.

Совершенно новым направлением того времени была генетика популяций. Вопросы популяционной генетики уже тогда он излагал для нас очень ясно и доходчиво, конечно, на основе своих исследований, но как-то не акцентировал своего участия в исследовании этой проблемы. Работу С.С. Четверикова “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики” (изданной в 1926 г.), получившую впоследствии мировое признание среди генетиков и биологов, некоторые из нас прочитали уже после окончания университета. Теперь сущность этой работы профессора С.С. Четверикова изучается не только студентами биологических факультетов, но она введена в школьные программы и учебники. Так, в учебнике для 9–10 классов средней школы “Общая биология” под ред. чл.-кор. АН СССР Ю.И. Полянского, М., Просвещение. 1983. Гл. XI. Закономерности изменчивости. § 66. Генетика и эволюционная теория. Стр. 267, написано следующее: “Постоянно протекающий мутационный процесс и свободное скрещивание приводит к тому, что в пределах популяции накапливается большое количество внешне не проявляю-

щихся наследственных изменений (подавляющее большинство возникающих мутаций рецессивно). Эти важные для понимания хода начальных стадий эволюции факты были установлены советским ученым С.С. Четвериковым”.

После лекций проф. Четверикова было легко работать с учебником, готовиться к практическим занятиям и экзаменам. Новым учебником в то время был “Курс генетики”, написанный проф. Н.Н. Гришко и проф. Л.Н. Делоне (изд. Сельхозгиз, М., 1938).

Моя однокурсница Настя Овсянникова (позднее Анастасия Евлампиевна Захарова), учитель биологии в средней школе, рассказала мне недавно о своих впечатлениях от лекций Сергея Сергеевича по энтомологии, которые я не слушала. В то время приемы на биологический факультет были небольшие и поэтому на старших курсах специализирующихся по некоторым специальностям было немного (по три–пять человек). На спецкурс по энтомологии записалось только трое*. Однако проф. Четвериков не отказался читать спецкурс даже такой небольшой группе, так как всегда ценил интерес студентов к предмету и стремился его удовлетворить. Кроме трех студентов захотела прослушать этот спецкурс еще лаборантка кафедры зоологии беспозвоночных Н. Бронникова.

Несмотря на такую немногочисленную аудиторию проф. С.С. Четвериков читал спецкурс по полной программе, очень глубоко и серьезно и лекции показались студентам очень интересными и запоминающимися. Почти на каждой лекции по энтомологии Сергей Сергеевич применял своеобразный методический прием – много и очень хорошо рисовал на доске цветными мелками общий вид и детали строения насекомых и циклы их развития. Рисунки были прекрасной иллюстрацией к его увлекательным лекциям, а для студентов неожиданно раскрылся на этих лекциях художественный талант и методическое мастерство Сергея Сергеевича.

Незабываемое впечатление у Анастасии Евлампиевны осталось о тонкой наблюдательности Сергея Сергеевича, которая раскрывалась при характеристике насекомых, их образа жизни, повадок и особенностей того или иного вида. В этом Сергей Сергеевич предстал перед студентами как увлеченный натуралист.

Анастасия Евлампиевна после окончания университета почти 30 лет проработала учителем биологии в средних школах, вела уроки биологии у пятых–десятых классов и, как она вспоминает, нередко применяла на своих уроках методические приемы, усвоенные из лекций проф. Четверикова: рисовала на классной доске цветными мелками особенности строения не только насекомых, но и других животных и растений. И этот прием хорошо помогал ей сделать уроки более интересными, добиваться большего внимания и лучшей дисциплины.

Анастасия Евлампиевна в весенние и летние месяцы организовывала для своих учеников экскурсии природоведческого характера и даже дальние походы. Многие лекции Сергея Сергеевича по энтомологиигодились, так как помогали заинтересовать учащихся, выработать у них наблюдательность, бережное отношение к живому миру природы.

Известно, что Сергей Сергеевич собрал личную уникальную коллекцию бабочек. Иногда на лекциях по энтомологии он демонстрировал студентам некоторые экспонаты из этой коллекции. И хотя я не слушала его лекций по энтомологии, однажды он пригласил меня посмотреть его коллекционные сборы

* Группа студентов, просившая С.С. Четверикова прочесть им курс энтомологии, включала, кроме четырех студентов-энтомологов, также некоторых аспирантов и лаборантов (например, Л. Пономареву и Н. Бронникову). (Примеч. сост.)

чешуекрылых. Впечатление осталось незабываемое. По всей вероятности, таких редкостных, красивых бабочек теперь уже не найдешь даже в Красной книге. Знаю, что в последние годы жизни он передал эту коллекцию Академии наук СССР.

О научном студенческом кружке

При кафедре генетики ГГУ был организован студенческий научный кружок. Руководил работой студенческого кружка сам зав. кафедрой проф. С.С. Четвериков. Я знаю по своему дальнейшему педагогическому опыту, что в вузах нередко руководство кружками поручают преподавателям: в лучшем случае – доценту, а иногда и ассистенту. Проф. Четвериков сам руководил работой и мы – студенты очень охотно ходили на занятия кружка, так как было интересно приобщиться к самым острым, дискуссионным проблемам генетики и селекции. Он убеждал студентов в важности, ценности для практической селекции генетических и цитологических исследований и на занятиях кружка давал возможность студентам познакомиться с подлинниками научно-исследовательских работ русских и зарубежных генетиков.

Мы знакомились с генетическими и цитологическими исследованиями американских генетиков Моргана, Мёллера и др., с работами русских, советских ученых генетиков и селекционеров Н.И. Вавилова, И.В. Мичурина, Г.Д. Карпеченко, Ю.А. Филипченко, Н.П. Дубинина и др. В то же время он был сторонником честной, доказательной дискуссии между представителями разных направлений в науке и никогда не препятствовал студентам самостоятельно докапываться до истины. Наоборот, он поощрял серьезные научные интересы и в этом большую роль играли занятия в студенческом научном кружке.

Из нашей небольшой группы генетиков и селекционеров (10–12 человек) на занятия кружка ходили почти все. Особенно активны были Ваня Федосеев, Наташа Бархатова. Ваня Федосеев и Саша Ефимов интересовались дискуссионными проблемами, работами И.В. Мичурина, Т.Д. Лысенко и развитием практической селекции.

Было время, когда С.С. Четверикова упрекали как ортодоксального генетика, который и сам не признавал и студентам не давал возможности изучать противоположные точки зрения. Повторяю, что С.С. всячески поощрял студенческие научные интересы и не препятствовал им углубленно разбираться в интересующем вопросе. Саша Ефимов и Ваня Федосеев в соответствии со своими интересами были направлены на преддипломную практику на Украину в Селекционно-генетический институт. В то время там проводились большие работы по селекции пшениц новыми методами. Если я не ошибаюсь, Саша Ефимов проходил там практику под руководством известного селекционера по пшеницам Ф.Г. Кириченко.

Оба студента (А. Ефимов и И. Федосеев) привезли с практики интересный материал и докладывали на кружке. Оба они мечтали работать по окончании университета в области селекции и я уверена, что они внесли бы большой вклад в науку и сельскохозяйственное производство, если бы не война. Война зачеркнула их мечты.

Вернусь опять к занятиям нашего научного кружка. У меня в то время тоже был интерес к селекции растений, к вопросам онтогенеза и, в частности, изменчивости растений в онтогенезе. Сергей Сергеевич с учетом моих интересов однажды поручил мне сделать на занятиях кружка доклад по статье И.В. Мичурина о методе ментора, который тогда вызывал большой интерес и очень разные толкования. Доклад прошел хорошо. Мы долго его обсуждали, спорили.

Нам были очень интересны занятия в кружке. Для меня лично ценно и памятно то, что Сергей Сергеевич поддержал и направил мой интерес к вопросам онтогенеза и морфологической изменчивости у растений. С помощью С.С. Четверикова (он тогда был деканом биологического факультета) и профессора МГУ В.В. Попова (он читал у нас курс эмбриологии) меня направили на преддипломную практику в Москву в Лабораторию фитоморфогенеза АН СССР, которую возглавлял доктор биологических наук Н.П. Кренке. В его лаборатории я проходила курсовую и преддипломную практику и первые результаты своей работы тоже докладывала на нашем кружке.

В работах Н.П. Кренке и его лаборатории привлекало внимание Сергея Сергеевича то, что и сам Н.П. Кренке и его сотрудники стали применять цитологические и математические методы для изучения онтогенеза растений и феногенетической изменчивости в онтогенезе.

Таким образом на кафедре генетики и на занятиях научного кружка студенты под руководством профессора С.С. Четверикова имели возможность широко и разносторонне познакомиться с проблемами цитологии, генетики, селекции и других направлений биологической науки того времени, могли поразмышлять о перспективах развития науки. Участие в работе кружка способствовало развитию широкого кругозора и научного мышления у студентов. Сергей Сергеевич иногда делился с нами своими научными соображениями. Помню как однажды он рассказал о химизме наследственности и о химизме наследственных структур. Следует напомнить, что это происходило в 1939–1940 гг.

Рассуждая о материальных основах наследственности Сергей Сергеевич высказал предположение, что большое значение должны иметь азотосодержащие соединения и многое должно зависеть от так называемых “азотных радикалов”. На доске был изображен знак $\text{—N}\begin{smallmatrix} \diagup \\ \diagdown \end{smallmatrix}$. Далее пояснял он свою мысль: азот, будучи пентавалентным, обладает способностью присоединять различные химические группы и может давать большое разнообразие соединений, влияющих на особенности обмена веществ, т.е. влияющих на наследственные особенности организма.

Вспомнила я их значительно позднее, уже в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда стали широко публиковаться материалы о нуклеиновых кислотах ДНК и РНК, о роли азотных оснований в их составе. Предположение Сергея Сергеевича о роли, как он называл, “азотных радикалов” наукой подтвердилось: важная роль азотных оснований, нуклеотидов, входящих в состав нуклеиновых кислот и их роль, как материальных наследственных структур, была доказана. Но мысли по этому поводу Сергея Сергеевича Четверикова, высказанные в беседе со своими студентами, по-моему, опубликованы не были.

Хочется отметить, что студенты конца 1930-х г. имели большой интерес и даже своеобразную жадность к научным знаниям. Кроме кафедрального научного кружка мы – студенты – охотно посещали все заседания общества естествоиспытателей. На заседаниях этого общества можно было послушать как своих любимых университетских профессоров, так и приезжавших в наш город крупных ученых.

Наиболее запомнившиеся сообщения и научные доклады: проф. И.И. Пузанова о путешествиях на остров Цейлон, проф. А.Д. Некрасова о работе на неаполитанской биологической станции, проф. С.С. Станкова об изучении флоры Крыма, проф. П.К. Анохина по физиологии высшей нервной деятельности, проф. Н.П. Красинского о подборе газоустойчивых растений для городского озеленения. Многие из этих докладов иллюстрировались диапозитивами, гер-

барным материалом, натуральными образцами, а тематика их была бы актуальной и интересной и в настоящее время.

Я думаю, что занятия в кружке и посещение заседаний общества естествоиспытателей пробудили у нас интерес к научным проблемам на всю последующую жизнь.

О пункте дубового шелкопряда

Профессор С.С. Четвериков не только был заведующим кафедрой генетики в ГГУ, но и руководил научной работой по селекции дубового шелкопряда. Для этой работы был организован специальный, так называемый Опорный пункт дубового шелкопряда. Располагался он в живописном месте – в дубовой роще на Щелоковском хуторе. Теперь там зона отдыха, а в конце 1930–1940-х гг. это был обширный участок дубового леса, расположенный по склонам оврага, по дну которого протекал небольшой ручей. Через лес по берегу ручья пролегла пешеходная тропка от Анкудиновской дороги к деревне Кузнечиха. По правой стороне от ручья в небольшой долине стоял деревянный домик, окруженный дубовым лесом. В этом домике под руководством проф. Четверикова занимались выкармливанием дубового шелкопряда и проводилась селекционная работа по выведению его новых пород. Коллектив сотрудников, выполнявший работы, был небольшой. Я помню, что летом там работали З.С. Никоро, В.Э. Флэсс, В.А. Крылова, К.В. Мелешина и др.

Мне довелось бывать на пункте дубового шелкопряда и в студенческие годы и после окончания университета. В 1940-х г. я работала на кафедре селекции полевых культур в ГСХИ. У сельхозинститута в то время было три участка учебно-опытного хозяйства: один – около Кузнечихи, другой – около д. Анкудиновка и третий – на Щелоковском хуторе. Транспортных связей между участками не было и мы, преподаватели, лаборанты и студенты, часто ходили пешком с одного участка на другой. Я иногда тоже ходила через лес, мимо пункта дубового шелкопряда и заходила туда, если там был Сергей Сергеевич. Принимал он нас всегда очень приветливо, рассказывал о своей работе, показывал садки с гусеницами, объяснял как идет выкормка. Было интересно посмотреть на огромных красивых бабочек – Сатурний, а позднее – на гусениц разных возрастов. Гусеницы старших возрастов были огромные, зеленые, они с хрустом поедали свежие зеленые дубовые листья, быстро росли и затем окукливались. Кокон дубового шелкопряда представляли большую ценность, так как из них можно получить шелковую нить, обладающую большой растяжимостью и прочностью на разрыв.

Все мы с интересом и уважением относились к работе проф. Четверикова с шелкопрядом. В этой работе Сергея Сергеевича было два направления: одно – выведение моновольтинной породы, т.е. породы, которая давала бы за вегетационный период одно поколение и завершив свой цикл развития, хорошо перезимовала при нашем климате; другое – выведение новой породы или расы шелкопряда, способного поедать березовый лист. Больше известно первое направление работ Сергея Сергеевича, а меня заинтересовало второе. Объясню почему.

По мнению специалистов-ботаников северная граница дубовых лесов проходит на широте г. Горького. В Заволжье начинается зона хвойных лесов, т.е. таежная зона, где дубовых лесов уже нет. В окрестностях Горького есть несколько островков дубового леса и в том числе дубрава на территории Ботанического сада, дубовый лес около Щелоковского хутора и Колосовская дубрава около Сормова. Все эти места имеют природную и историческую ценность и не могут стать надежной кормовой базой для дубового шелкопряда. <...>

Поэтому Сергей Сергеевич поставил задачу: приспособить шелкопряд к другому виду корма, который произрастает в значительно большем количестве – выращивать его на березовом листе. Под руководством Сергея Сергеевича пытались вывести породу или расу шелкопряда, способного поедать березовый лист в течение всего периода развития. Такая тема была в то время у кого-то из студентов или аспирантов. Мне пришлось видеть садки и с дубовым листом и с березовым листом, где выкармливали гусениц. Небольшую часть гусениц удалось довести до окукливания на березовом листе, т.е. эта работа была близка к завершению. Жаль, что работы были спешно прекращены в 1948–1949 гг. Лет через 30 в газете “Сельская жизнь” мне встретилась статья, в которой описывалось, что в Белоруссии ученые в течение ряда лет проводят аналогичную работу, т.е. жизнь подтвердила, что эта тема была и осталась актуальной и до настоящего времени.*

На пункте дубового шелкопряда в летнее время нередко проходили экскурсии пионеров и школьников.

Из сотрудников Сергея Сергеевича, работавших на пункте дубового шелкопряда, в 1980-е г. мне довелось встретиться с В.А. Крыловой. Валентина Александровна работала в те 1930–1940-е г. научным сотрудником. Она сохранила самые светлые воспоминания об этом периоде своей работы под руководством профессора С.С. Четверикова. Она охотно рассказывала, что Сергей Сергеевич был очень строгим, требовательным руководителем и, в то же время, внимательным, душевным человеком. К своим сотрудникам он обращался только на Вы независимо от должности и возраста. Такое уважительное отношение к сотрудникам было стилем его руководства. Он никогда ни на кого не кричал, не ругал, даже голос не повышал, но все его требования и задания точно выполнялись. Сергей Сергеевич всегда был очень точен и аккуратен и требовал точности от своих сотрудников, особенно строго требовал точности в научной документации всех проводимых опытов с шелкопрядом.

Дома у Сергея Сергеевича

В период подготовки курсовой и дипломной работы, и по окончании университета, мне иногда приходилось бывать у Сергея Сергеевича дома, чтобы посоветоваться с ним по работе.

В годы нашего студенчества жил он в здании студенческого общежития на ул. Ульянова, а позднее (с 1943 г.) – на ул. Минина. Квартиру занимал небольшую в две–три комнаты, одна из них была занята шкафами и стеллажами с коллекцией бабочек.

В студенческие годы я приходила на квартиру к Сергею Сергеевичу по его приглашению с некоторой робостью, но принимал меня он очень приветливо, внимательно относился к моим вопросам и вообще дома был как-то проще, доступнее. Нередко после делового разговора было интересно поговорить с ним на другие темы. Иногда возникали разговоры о литературе. В то время мои познания, особенно в зарубежной литературе, были весьма скромные. Зашел как-то разговор о Лонгфелло. Сергей Сергеевич спросил меня, читала ли я “Песню о Гайавате”. Я, конечно, не только не читала, но и не слыхала ни о Лонгфелло, ни о “Песне о Гайавате”. И тогда он стал на память читать отрывки из этой песни. Читал он великолепно, с большим чувством и любовью к природе. Потом дал мне почитать эту книжку. Описания природы, жизни животных и добрых нравов людей, воспетых Лонгфелло, произвели на меня боль-

* О какой статье идет речь, установить не удалось. (Примеч. сост.)

шое впечатление и с тех пор “Песнь о Гайавате” стала одним из моих любимых произведений.

В другой раз я случайно оказалась у Сергея Сергеевича, когда к нему пришли посидеть вечером его друзья, наши любимые профессора А.Д. Некрасов, И.И. Пузанов и Н.П. Красинский. В домашней обстановке, они открылись с неожиданной стороны. Оказалось, что они большие знатоки и любители поэзии, а некоторые даже сами пишут стихи. Это было для меня большой неожиданностью. Помню, как читал свои стихи И.И. Пузанов. Особенно мне запомнился его венок сонетов о Крыме, написанный с большой любовью к крымской природе. Читал свои стихи и Н.П. Красинский. Его стихи были в другом стиле – несколько грустные, лирические. Запомнилось одно “Диким цикорием стою при дороге...”. Не знаю, были ли опубликованы их стихи, но жаль, если они не сохранились. А закончился этот интересный литературный вечер чаепитием и ужином традиционной в то время горячей картошкой.

Вот так скромно и интересно жили тогда университетские профессора.

В заключении хочется сказать, что память о Сергее Сергеевиче как об ученом, педагоге и просто хорошем человеке сохранилась у нас – его учеников. Он уважаем и почитаем горьковчанами. На могиле Сергея Сергеевича стоит памятник с барельефом работы известного горьковского скульптора Л. Кулаковой, которая тоже была студенткой университета. К 50-летию юбилею ГГУ в “Горьковской правде” под рубрикой “Гордость Горьковского университета” была опубликована статья Н.П. Дубинина “Основатель учения о генетике” (“Горьковская правда” от 10 марта 1968 г.).

Торжественно отметил университет юбилейную дату С.С. Четверикова в 1975 г. В честь столетнего юбилея Четвериковские чтения были проведены более скромно (1980 г.) – биологическим факультетом без приглашения ученых центральных НИИ и вузов.*

Наконец, теперь в Горьком есть улица в Советском районе, названная в память С.С. Четверикова. (Решение Горьковского городского Совета о переименовании 3-го [на карте Н. Новгорода – бывш. 2-го] Заярского проезда в улицу Четверикова опубликовано в “Горьковском рабочем” 14 июля 1977 г.).

Все эти знаки внимания к памяти профессора Сергея Сергеевича Четверикова вызывают чувство удовлетворения и гордости.

1985 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 9. Авторизованная машинопись.

* В 1990 г. университет отметил 110-летний юбилей со дня рождения С.С. Четверикова. “Четвериковские чтения” продолжались два дня. На торжественном заседании сообщения сделали сотрудники ГГУ, представители академических кругов Москвы и Ленинграда. Из Швейцарии были приглашены внучатый племянник Сергея Сергеевича Николай Майков с женой, который сделал четыре сообщения на различных факультетах ун-та и в НИПФ АН (Ин-т прикладной физики АН СССР, теперь РАН). Из Москвы и Подмосковья приезжали внучатые племянницы Т. и Н. Добрынины, и Л. Четверикова. Первые Четвериковские научные чтения состоялись в 1965 г. с большим докладом Н.П. Дубинина. В 2000 г. состоялись пятые Четвериковские чтения.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ

Запомнилась первая лекция по курсу общей генетики. Ее вступление, не дословно, но смысл такой; почему рождаются мальчики и девочки, телочки и бычки, курочки и петушки, почему похожи дети на родителей и дети между собой, а иногда непохожи... на эти и многие другие подобные вопросы может дать ответ генетика.

Первое впечатление – лектор не просто хочет, что бы мы все это поняли и усвоили, он нежно любит эту самую генетику. Итак, лекция за лекцией, все глубже, убедительнее, интереснее... Учебников по генетике было у нас мало, наиболее доступный из них – В.Ф. Натали. Хороший. Но после лекции Сергея Сергеевича казался немного суховатым. Мы предпочитали пользоваться записями лекций.

От лекций по общей генетике трудно оторвать практические занятия, которые проводила с нами Зоя Софроновна Никоро. Лекции и практикум были органически связаны и проводились на таком же высоком научном и педагогическом уровне. И тоже чувствовали мы любовь преподавателя к своему делу.

При этом ни Сергей Сергеевич, ни Зоя Софроновна не нянчились с нами, не натаскивали нас, не навязывали свои убеждения, а когда нужно было, были строги и требовательны. Очень много возможностей нам оставалось для самостоятельного решения тех или иных вопросов. В учениках они видели не “сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь”. Мне казалось, что Сергей Сергеевич слабому студенту мог помочь даже в том случае, когда он не обязан был это делать, а более сильному представлял справляться самому.

Лекции по биометрии. Тут уж нельзя было позволить себе расслабиться, каждое положение вытекало из предыдущего; можно было что-то зазубрить, просто запомнить, но вскоре становилось ясно – не то. В лекциях все было логично, последовательно, убедительно. И, пожалуй, самое ценное то, что нас учили не просто “обрабатывать” материал, определять сигму, коэффициент корреляции, коэффициент регрессии и т.п. величины, Сергей Сергеевич учил так, что мы как бы материально их ощущали. И только тогда чувствовали удовлетворение, когда именно могли прочувствовать, ощутить вес и значение терминов. Это запомнилось на всю жизнь. Исследования по биометрии совершенствовались, углублялись и в практической работе было необходимо применять статистические методы. Нередко приходилось наблюдать, как часть моих коллег довольствовались тем, что запоминали последовательность действий при обработке материала, не всегда вникая в сущность показателей.

Спасибо Сергею Сергеевичу и Зое Софроновне, они нас научили на всю жизнь докапываться “до доньшка”, если результаты не укладываются в ожидаемые параметры, искать ошибку. Ведь в таком случае может быть или ошибка, или открытие... Увы, в своих исследованиях я находила... ошибки.

Очень любили мы свою кафедру, помещение для практических занятий – “голубую комнату”. У каждого из нас было рабочее место, шкафчик с набором материала и инструментов. И нередко, бывало вечерами, приходили туда работать и не только отрабатывать практические занятия – что-то не успели в отведенные часы, что-то показалось нужным переделать, а иногда и просто позаниматься другими вопросами. Там было холодно, как и в других аудиториях и лабораториях (работали в пальто), но об этом я вспомнила, посмотрев на одну из

фотографий того времени в лаборатории. А просто вспоминается тепло, уютно, хорошо.

По вечерам на кафедре дежурили преподаватели. И мы могли к ним обращаться с вопросами не только по генетике. Не всегда легко (да и не всегда хотелось) делать переводы с немецкого языка на русский. И кое-кто из нас “эксплуатировал” по этому предмету наших преподавателей, может злоупотребляя их добротой.

Но было бы неправдой говорить, что все на кафедре мы видели только в радужном цвете. Может, избалованные такими учителями, как Сергей Сергеевич и Зоя Софроновна, мы излишне критически смотрели на лекции (и лекторов), читавших не столь увлекательно, как наши любимые. Материал преподаватель, конечно, знал, но излагал в труднодоступной форме. Да к тому же один эпизод “убедил” нас, что мы имеем дело с “несправедливым” человеком. А произошло вот что: на практических занятиях по цитологии мы делали препарат хромосом гигантских слюнных желез дрозофилы. У меня он не получался. Преподаватель подошел ко мне и сделал очень хороший препарат. А потом говорил другим: посмотрите, какой хороший препарат сделала тов. Бондаренко. Я краснела, бледнела, а в перерыв всем рассказала, что препарат сделала не я. Что это – несправедливость, согласились все мои товарищи. Ни Сергею Сергеевичу, ни Зое Софроновне об этом мы не “наябедничали”. Каковы были взаимоотношения между сотрудниками кафедры, мы не знали.

Нельзя умолчать о том, что в трудные для биологии и биологов времена после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., Сергей Сергеевич не только не отрекся от своих научных убеждений, а показал себя честным, стойким, принципиальным ученым.

Началась война, нас она застала в разных местах страны, на практике. Телеграммами отзывали нас и предложили сдавать госэкзамены без учебы на пятом курсе. Очень не хотелось расставаться с университетом, недоучившись. Нам казалось, что если мы сейчас нужны стране больше работниками, чем студентами, то можно послать нас, кто годен, на фронт, на рытье окопов. От этого будет больше пользы, чем от зубрежки “маршанции” (кто-то первый из нас употребил это словосочетание, и мы взяли его на “вооружение” для обоснования наших просьб). А позже, после окончания войны мы мечтали собраться и доучиться. Не хотели терять связь с университетом, с учителями. Зоя Софроновна и Сергей Сергеевич убеждали нас в целесообразности сдачи госэкзаменов и получения дипломов, уверяли, что с законченным образованием мы будем более полезны стране в такое время, а связь с университетом совершенно не обязательно терять, они всегда готовы оказывать нам помощь. Так оно и оказалось. Я уехала в Туркменскую ССР, обращалась и к Зое Софроновне и к Сергею Сергеевичу с вопросами (работала племенщиком на грензаводе и селекционером в суперэлитном хозяйстве по тутовому шелкопряду). Письма-вопросы не оставались без ответов. А когда в 1943 г. я хотела вернуться в Горький, Сергей Сергеевич предложил мне работу с дубовым шелкопрядом на опорном пункте в Марьиной роще и оформил вызов. Вернуться не пришлось, т.к. меня не пустили с той работы.

Приезжала в Горький летом 1946 г. будучи аспиранткой Одесского университета. Встретил меня Сергей Сергеевич очень хорошо, пригласил съездить с ним на опорный пункт в Марьину рощу, рассказал о своей работе с дубовым шелкопрядом. А она была у него интересная.

Навещала я Сергея Сергеевича в трудное время после 1948 г. Больной, почти ослепший, вначале и без пенсии (и без работы), стесненный и в квартире –

таким я увидела его в первое посещение. Главными “жильцами” в оставленных ему двух комнатах были ящики с коллекциями бабочек, между ними была втиснута узкая железная койка. Не придумав ничего лучшего, я стала носить ему сумки с продуктами. Зашла в университет, там работала моя сокурсница Н.С. Гудкова на кафедре зоологии позвоночных. Она мне сказала, что студентам и преподавателям не рекомендовали посещать опального профессора... В следующий мой приезд Сергей Сергеевич уже получал пенсию и не был стеснен материально. В этот раз я к нему обратилась с просьбой написать характеристику на одного из его учеников – В.П. Эфроимсона. Он сделал это с радостью. Когда мы поехали к нотариусу, чтобы заверить подпись Сергея Сергеевича на характеристике, он не позволил мне заплатить за такси. Было немного похоже на гордость своей материальной независимостью (наверно, были не очень приятны мои сумки).

Как о светлом событии того времени, он сообщил мне о статье С.С. Станкова в газете “Известия”, по-моему, она называлась “История одной диссертации”*. Я ее читала раньше. Радость Сергея Сергеевича была очень большой – увидел проблеск в “темном царстве”.

Кажется, в следующее посещение он подарил мне экземпляр стихотворения И.И. Пузанова “Ку-ку или последний скачок”. Я готова была записать его под диктовку, но он сказал, что напечатает его мне сам.

Рассказал о письме к нему (и к другим генетикам) Н.П. Дубинина** с вопросами, с чего следует начать возрождение отечественной генетики.

Больше Сергея Сергеевича я не видела.

1965 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 6. Автограф.

Т.А. Мотрий (Медведева)

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ

Высокий, аккуратный, в каракулевой шапке “пирожком”, в пенсне, распахнутом легком пальто, в утепленных галошах – ботах, с набитым портфелем подмышкой, высоко поднятой головой идет он летящей походкой по улице. Таким мне запомнился Сергей Сергеевич Четвериков, мой учитель в Горьковском университете.

Я поступила в Горьковский университет на биологический факультет с твердым намерением специализироваться по крупному пушному зверю. К экзамену по зоологии позвоночных, курс которой читал зав. кафедрой И.И. Пузанов, готовилась особенно тщательно, так как слышала, что он не очень “жалует” на своей кафедре студентов, имеющих по его предмету “3” или “4”. Сдала на “5”, да так, что на следующий день проф. Пузанов, не отвечавший ранее на мои “здравствуйте”, сам поздоровался со мной первый! Я была счастлива!

Но вот с нового полугодия нашему курсу стали читать новый предмет – общий курс генетики. Читал Сергей Сергеевич Четвериков. Но слово “читал”

* Статья С.С. Станкова была опубликована в “Правде” 26 марта 1954 г. и называлась “Об одной порочной диссертации”.

** См. письмо № 80 от 2.03.1955.

здесь не подходит. Это было не чтение и не преподавание, это был увлекающий слушателей рассказ о тайнах генетики. Изложение материала было четкое, доступное каждому студенту. Сергей Сергеевич прекрасно владел аудиторией, материал излагал красочно, речь его была крайне убедительна. Я была в восторге от его лекций, манеры изложения материала и вскоре изменила свое решение о специализации, без колебаний при распределении курса по специальностям записалась на кафедру генетики.

Следует еще добавить, что лекции С.С. Четверикова приходили слушать студенты других факультетов (тогда их было всего два: физико-математический и химический), исключительно для того, чтобы увидеть лекционное мастерство известного далеко за пределами Университета профессора.

Во всех его лекциях присутствовала любовь к своей науке, глубокая убежденность в правильности высказываемых мыслей. Это подтвердила вся его дальнейшая жизнь!

Мы сдавали спецкурс С.С. Четверикову, на четвертом курсе. Сидим у двери аудитории, в которой он принимает экзамен, дожидаясь вызова. Вдруг слышим какой-то шум, дверь распахивается и Сергей Сергеевич возмущенно говорит выходящему студенту, красному и смущенному: “У меня на экзамене шпаргалить!” Он сам был очень порядочным, принципиальным и от других требовал того же. К студентам относился очень внимательно, знал наши нужды и интересы. Когда один из студентов задумал оставить университет из-за тяжелого материального положения, Сергей Сергеевич посетил его на дому и горячо убеждал продолжать образование и получить специальность. Выхлопотал ему стипендию. Студент, Спицев Николай, остался и, успешно закончив учебу, получил диплом вместе с нами.

Помню, встретив меня в канун Нового года, С.С. Четвериков остановился, поздравил меня с наступающим праздником, пожелал мне успехов в учебе и счастья в жизни. Говоря это, Сергей Сергеевич пожал мне руку.

Война застала нас всех на производственной практике. Наши студенты были в различных местах Советского Союза и все через Министерство высшего образования получили вызовы, благодаря которым смогли приехать в родной город для досрочной сдачи госэкзаменов (мы не доучились год).

У меня по имеющимся оценкам выходил диплом с отличием при условии сдачи госэкзамена на “5”. Экзамен был сложный, состоял из нескольких дисциплин, готовиться не оставалось времени и я решила пока его не сдавать. С этим решением пришла к С.С. Четверикову посоветоваться. Сказала примерно так: «Сергей Сергеевич, я не смогу подготовить экзамен и сдать его на “5”, решила его сдавать после войны». Тогда все думали, что война вот-вот закончится. Выслушав меня, Четвериков ответил: “Сколько работаю, не помню, чтобы студент возвращался для сдачи госэкзамена. Жизнь закрутит. Советую сдавать”.

И как я была благодарна ему впоследствии за этот совет! Но вот наступил этот ответственный экзамен. За столом сидят все наши уважаемые профессора: И.И. Пузанов, А.Д. Некрасов, С.С. Станков, С.С. Четвериков и другие. Начинаю отвечать и вдруг вижу, что Сергей Сергеевич незаметными жестами мне подсказывает! Надо ответить “планктон” и он водит по столу рукой, надо ответить “жабры” и он барабанит себя по шее. Увидев это, я еще больше заволновалась. Заволновалась, боясь за всеми уважаемого профессора, вдруг его уловки заметят! Но все прошло благополучно. Я получила “4” и, следовательно, обычный диплом, который, кстати, и смотрели-то у меня один раз за всю мою работу. Но речь не о нем. Четвериков, который возмущался шпаргалками сту-

дентов, позволил себе помогать студентке, растерявшейся в первые суровые дни войны. Я думаю, здесь вновь проявилось его человеколюбие.

Вся наша группа генетиков выпуска 1941 г.* при встречах с глубоким уважением и любовью вспоминает своего профессора Сергея Сергеевича Четверикова. Каждому он был близок и дорог. К сожалению, война помешала нам продолжить его учение, лишь единицы смогли преуспеть в этой науке (например, Е. Бондаренко). Но где бы мы ни работали, память о замечательном человеке, учениками которого нам посчастливилось быть, мы сохранили и пронесли через долгие годы.

1986 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 15. Авторизованная машинопись.

Г.Т. Протасова

НЕСКОЛЬКО СТРОК О ЧЕТВЕРИКОВЕ С.С.

Прошло слишком много времени (более 40 лет), многие детали просто исчезли из памяти в житейских заботах, но отдельные эпизоды сохранились довольно-таки живо.

Я всегда восхищалась внешностью Сергея Сергеевича; каждый день он выглядел празднично. В отличие от других профессоров, работавших с нами, он носил не костюм, а фрак. Черные узкие брюки, черный фрак, черный галстук на белой рубашке... Золотое кольцо на правой руке... Позолоченная оправа очков... Седые волосы... Слегка шаркающая походка... Когда он разговаривал, то всегда смотрел в глаза, а туловище было слегка наклонено вперед. Говорил тихо, ровно. Сергей Сергеевич был очень тактичен, умел выслушать до конца, не перебивая.

Были у меня и письма Сергея Сергеевича, мы переписывались несколько лет, но я их не сохранила. Были трудные военные и послевоенные годы, дети, муж погиб... Я очень ценила Сергея Сергеевича, но не учла, что и письма такого человека, как он, могли бы быть тоже весьма ценными.

Помню лишь, что письма всегда были очень теплыми, душевными, всегда Сергей Сергеевич спрашивал об успехах милых крошек (так он называл моих детей).

Был такой интересный эпизод. Мы с мужем жили в маленькой комнате в университетском общежитии на ул. Ульянова. В этом же общежитии, но в другом крыле, жил и Сергей Сергеевич. Готовились к экзамену, кажется, по генетике. Встретился как-то вопрос, который мы с Володей (мужем) трактовали по-разному. Я была уверена в своей правоте и смело предложила пойти за разрешением к Сергею Сергеевичу. Долго переминались около двери, но все же вошли. Сергей Сергеевич был в пижаме и выглядел еще добрей. Он пригласил нас на чашку чая с вишневым вареньем и отказался слушать что-либо, пока мы не выпьем чая. Потом Сергей Сергеевич выслушал нас, пояснил сомнительное и все приглашал нас посидеть еще и заходить в будущем.

В будущем я пришла к Сергею Сергеевичу тогда, когда он был изгнан (его выражение) из университета.

* Осенний ускоренный выпуск.

В село, где я работала в школе, приезжали студенты-старшекурсники из университета, чтобы провести беседу о лженауке – генетике, вейсманистах-морганистах (после беседы с учащимися 9–10 классов студенты сказали, что во всех школах у них беседы шли очень гладко, а в “каком-то захолустье своими вопросами посадили в галошу”. Поинтересовались, кто преподает биологию?).

От этих студентов я узнала, что в университете генетика больше не преподается. Летом поехала по делам школы в Облоно и отыскала Сергея Сергеевича. Явилась с букетом цветов. Сергей Сергеевич был очень тронут и обрадован. (Вот после этого визита между нами и установилась переписка).

Сергей Сергеевич жил в квартире проф. Некрасова. Одну комнату почти целиком занимала коллекция бабочек (мировая!), во второй располагался Сергей Сергеевич, а в третьей Алексей Дмитриевич. (Некрасов был в отъезде и я спала в его комнате).

Долго разговаривали с Сергеем Сергеевичем. От него я узнала, что ему было предложено публично (кажется, в клубе Свердлова) отказаться от своих идей, признать ошибочность генетических принципов, тогда он будет оставлен в университете, в противном случае он должен покинуть университет и предоставляемую ему квартиру. Он выбрал последнее! Приютил его проф. Некрасов. Длительное время Сергей Сергеевич не получал и пенсии. Ему предлагали (не знаю кто) продать коллекцию бабочек, чтобы можно было бы жить, но он сохранил ее, а продавал что-то из вещей.

С интересными подробностями Сергей Сергеевич показывал мне свою лекцию и рассказывал, где и при каких обстоятельствах был приобретен тот или иной редкостный экземпляр.

Навещала Сергея Сергеевича я еще раза два. Однажды привезла ему шерстяные носки (он писал, что в квартире холодно), он был рад не столько подарку, сколько оказанному вниманию. Говорил, что ему пишет несколько человек из числа окончивших университет. Один из наших выпускников прислал письмо и предложил Сергею Сергеевичу какой-то микроскоп особо ценной конструкции (бинарный [бинокулярный] что ли, или я путаю), но Сергей Сергеевич отказался. Я уже и не помню всех вопросов, о чем мы говорили, но помню, что я расспрашивала Сергея Сергеевича об атомной энергии, о Лысенко. Сергей Сергеевич о Лысенко отзывался положительно, но сказал, что пока это еще не ученый, а практик. Чтобы стать ученым, нужно еще детально изучить труды предшественников и или продолжить их, или аргументировано опровергнуть.

Не знаю, нужно ли это, но с Т.Д. Лысенко я встречалась, когда была на практике на селекционной станции ВИРа “Красный пахарь” (под Ленинградом) в 1939 или 1940 г. Он приехал с Презентом, кажется (или с кем-то другим). Осматривал сад, расспрашивал о проводимой работе. Мы продолжали работу по скрещиванию антоновки обыкновенной с антоновкой Недзведского (краснолистная и красноплодная). Работа была начата еще при Пашкевиче, а у нас на грядке были всходы уже второго поколения. Мы радостно сообщили, что по окраске листьев расщепление почти 3:1 и интересно будет посмотреть на плоды.

Как только Денис Трофимович услышал такие слова, он еще больше рассердился (и до этого был злой, резкий, колючий какой-то) и со словами: “Ерунда! Подделали! Глупостями занимаетесь!” – все тыкал носком сапога в грядку. Мы пытались объяснить, что все семена были подсчитаны, но тщетно. Он ничего не хотел слушать, возмущался, а голос был хриплый, сапоги пыльные, рукава темно-голубой тенниски были вытянуты, на голове фуражка, через руку переброшен пиджак... А рядом... рядом стояли предобрейший, улыбающийся

высочайший специалист по косточковым растениям Федор Авксентьевич Крюков и руководитель нашей практики Тарасенко Григорий Георгиевич. Они были в белых костюмах, белых шляпах, говорили очень спокойно и тактично, не заискивали перед Т.Д. Нам было очень обидно, что Трофим Денисович не желал даже слушать, какой еще “ерундой” мы тут занимаемся.

Помню также, что с выведением дубового шелкопряда С.С. Четверикова поздравляли многие его бывшие студенты, в том числе Алексей Долинин.

Всегда уважительно и с восхищением о Сергее Сергеевиче говорила Нико-ро Зоя Софроновна. Вместе же с ними работал и Мирюта Юрий Петрович. Тогда он читал нам частную генетику и селекцию растений, а после войны работал в Киеве, был видным генетиком (их, ведь, мало осталось после изгнания из науки).

1986 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 11. Автограф.

П.А. Суворов

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОФ. С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ

Мое знакомство с С.С. Четвериковым состоялось в сентябре 1939 г., когда я приступил к работе доцентом кафедры ботаники биологического факультета Горьковского университета. От первой встречи с С.С. Четвериковым, который был тогда деканом биофака, осталось очень хорошее впечатление. Мне, как начинающему преподавателю, он обещал помогать в организации педагогического процесса. Неоднократно Сергей Сергеевич шел навстречу в изменении расписания занятий, более удобного для меня, так как приходилось иногда срочно выезжать в Москву или Горьковскую область по служебным, а иногда и личным делам.

За много лет работы на биофаке (я проработал 38 лет без перерыва) деканы факультета менялись, но лучшим деканом был, по моему мнению, С.С. Четвериков, который много времени уделял факультету и любил эту работу, как он сам однажды признался.

В общении с людьми С.С. Четвериков был внимателен и приветлив и всегда старался помочь им.

С.С. Четвериков был прекрасным лектором и докладчиком.

С начала войны и до декабря 1944 г. я жил в одной квартире с С.С. (в общежитии университета по ул. Ульянова) и занимал одну комнату в его квартире*. До марта 1944 г. я жил один, а потом вместе с сестрой, которая была эвакуирована из Можайского района Московской области, так как все село, в котором жила сестра, было сожжено немцами при отступлении в январе 1942 г. Семья С.С. Четверикова состояла из двух человек: С.С. и его супруги Анны Ивановны; у них была домашняя работница, так как Анна Ивановна по состоянию здоровья не могла выполнять всю работу по хозяйству. Время было тяжелое: общежитие не отапливалось, горячей, а часто и холодной воды не было. Приходи-

* Четвериковы переехали в квартиру А.Д. Некрасова в декабре 1943 г. В 1944 г. они забрали из общежития ГГУ свои вещи.

лось приносить снег с улицы и растапливать его на маленькой железной печке, которая была установлена в нашей комнате. За все время проживания в квартире С.С. Четверикова у нас были очень хорошие отношения; таких отличных соседей у нас больше не было, когда мы жили в других домах.

Супруга С.С. Четверикова часто давала нам советы по хозяйству, так как обладала большим опытом. Впрочем не одни мы пользовались ее консультациями, очень часто приходили к ней за советами по кухонным делам многие жительницы общежития. А.И. Четверикова, дочь состоятельных родителей, получила особую подготовку по хозяйственным и особенно по кухонным делам в молодости. Она была единственной дочерью у своих родителей. Для того, чтобы ей было жить веселее, они пригласили одну девушку-сироту, поселили ее вместе с дочерью и дали им хорошую подготовку по хозяйственным делам. Обе девушки поочередно дежурили на кухне и выполняли всю работу по приготовлению пищи и организации питания под руководством своих родителей, главным образом, матери. В результате обе девушки стали мастерицами по хозяйству, особенно по кухне. Во время войны, вследствие недостатка продуктов питания, к Анне Ивановне часто обращались многие жительницы общежития за советами – как приготовить то или иное блюдо с использованием трав, например, крапивы. Анна Ивановна была приятной собеседницей и частенько заходила к нам в комнату поговорить с нами.

Мы вспоминаем с сестрой время проживания в квартире Четвериковых, как самое лучшее. К сожалению, мы жили с Четвериковыми очень недолго: с марта по ноябрь 1944 г., когда получили комнату большей площади в коммунальной квартире в доме № 15 по набережной им. Жданова.

С.С. Четвериков много работал в области генетики и достиг выдающихся результатов. Помимо генетики он трудился над определением бабочек своих коллекций, а также сборов других лепидоптерологов. Этой работой он занимался вечерами дома и по выходным дням. Перед смертью С.С. Четвериков передал коллекцию бабочек Зоологическому институту Академии наук СССР.

1985 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 12. Авторизованная машинопись.

Ю.Г. Тринклер, О.К. Тринклер

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ

Осенью 1941 г., когда выпал первый снег, я впервые в своей жизни без ног шел по снегу на протезах. Почти около Комсомольского переулка, где тогда был биофак университета, я никак не мог преодолеть скользкую горку около ворот. Вдруг меня подхватил какой-то пожилой мужчина и легко втащил на эту горку. Сделав потом два шага вперед он обернулся и спросил меня:

– А Вы – Тринклер?

– Да, – ответил я.

– А я – Ваш декан! – и он ушел вперед. Это и было мое первое знакомство с Сергеем Сергеевичем.

Как декан, он проявлял необходимую требовательность к студентам. Но во мне он, очевидно, ценил упорство в стремлении быть студентом. В то тяжелое военное время очень серьезным вопросом было питание. И Сергей Сергеевич,

видя мое физическое напряжение при хождении, организовал для меня карточку на дополнительное питание.

Был случай, когда его доброжелательность даже удивила меня. На втором курсе, когда трамваи зимой 1942–1943 г. совсем перестали ездить, я пешком доходил до кровавых отеков на кулях и весной около двух месяцев не посещал занятия. Мне надо было сдавать систематику высших растений Сергею Сергеевичу Станкову, который знал меня еще мальчиком и даже перед поступлением в университет представил меня “юношей, у которого в генах заложена любовь к ботанике”.

Но при подготовке к этому экзамену у меня возникли две трудности. Во-первых, выбитый из колеи пропуском занятий, я недостаточно организовал свою подготовку. Но самое главное, – я столкнулся с необходимостью запоминать огромное количество данных. Раньше мне хватало моих прежних знаний – я прочитывал один раз учебник и сдавал на “отлично”. Тут я “потонул” в массе названий и понял, что на “отлично” я сдать не смогу. Я пришел в университет в день экзамена, но сдавать не на “отлично” тому, кто видел в моих генах любовь к ботанике, я не мог. Вместо С.С. Станкова я явился к Сергею Сергеевичу Четверикову (как к декану) и признался ему, что на “отлично” я не выучил, а на “хорошо” сдавать С.С. Станкову не могу.

Сергей Сергеевич внимательно выслушал меня, подумал ... и говорит:

– Пишите заявление!

– О чем? – спрашиваю.

– Что вы больны.

– Чем? – спрашиваю.

Он опять немного подумал: Расстройство нервной системы!

Так был отсрочен мой экзамен. Вскоре я сдал его на “отлично”, но случай этот запомнился мне на всю жизнь и в дальнейшем я научился, когда надо, запоминать с помощью карточной системы большое количество новых данных.

Еще в бытность студентом я часто приходил к Сергею Сергеевичу. Он дал мне прочитать в американском журнале статью Блексли и Эвери*. Это было первое сообщение о колхицине! Но в словаре я не нашел слова “axil” и, возвращая журнал, спросил его, что это за слово? Он нахмурился, посидел некоторое время с опущенной головой, а затем подпрыгнул и, засовывая правую руку под левую и вновь выдергивая ее, быстро заговорил: “Мышка-подмышка! Мышка-подмышка!”

Я сначала даже вздрогнул от неожиданности, но зато теперь уж всю жизнь я хорошо помню, что “эксиль” – это пазуха листа!

Сергей Сергеевич, как в те годы говорилось, был яркий морганист! (честь и хвала ему за это!). Но до господства Лысенко, его “печатный орган” (журнал “Яровизация” и в дальнейшем “Агробология”) отсутствовал в университетской библиотеке. Эти журналы были только на кафедре у Сергея Сергеевича! Восхитительно, он изучал не только то, чему верил, но и литературу своих ярых противников!

Я в то время получил клубни израстания на соцветиях картофеля и обнаружил изменчивость у растений полученных из них. Понятно, что годы своей молодости я сам не мог что-то объяснять и прослышал про статью в “Яровизации” о вегетативном расщеплении**. Вот из-за этой статьи я и пришел к Сергею Сер-

* Об индуцирующем полиплоидию действии колхицина.

** О какой статье идет речь, установить не удалось. Возможно автор имеет в виду статью Т.Д. Лысенко “Внутривидовое скрещивание и менделистский закон расщепления”.

геевичу. Он достал нужный журнал, поинтересовался, что я хочу читать и, узнав про эту статью, подпрыгнул на диване весьма высоко! Затем я прослушал “Лекцию” Сергея Сергеевича о нелепости “вегетативного расщепления”, после чего я получил журнал. Могу заверить читателей сего, что ни в одной моей печатной статье нет этого нелепого выражения!

Затем, уже при защите диплома, Сергей Сергеевич сказал, что моя тема интересна тем, что изучается переход через границу “вегетация-цветение”.

Беседы с Сергеем Сергеевичем часто носили душевный характер, и как-то он признался, что не боится смерти. Для меня, юноши в то время, вопрос о смерти был слишком далек, но теперь-то я понимаю, что ему приходилось думать об этом...

Последняя встреча с Сергеем Сергеевичем была уже в 1950-х гг. У меня в те годы была велоколяска, а Сергей Сергеевич уже начал слепнуть и поэтому ходил не по тротуару, а по дороге. Я, увидав, что он идет на меня, остановился, но он уже не видел и налетел на переднее колесо. Так мы встретились в последний раз.

Лекции Сергея Сергеевича были очень интересны, хотя о ДНК тогда еще никакой речи не было. Он умел в очень захватывающей форме рассказать о сложнейших генетических опытах. Помню, на экзамене я удовлетворил его какой-то каверзный вопрос и он в награду за мой правильный ответ рассказал, что другие студенты отвечали ему о пересадке blastopora! Он при этом очень добродушно и заразительно смеялся и пояснял: “Ведь blastopora – это дырка! Как же дырку можно пересадить? Пересаживали стенку blastopora!”

Но самым важным для меня в его лекциях было то, что я впервые в своей жизни услышал слово “ПОПУЛЯЦИЯ”!!!

В 1952 г. я защищал кандидатскую диссертацию о бессемянном омоложении картофеля. Защита прошла вполне успешно, так как академик Авакян (теоретик Лысенко) высказал сходные мысли о луке. Но я-то уже тогда понимал, что объяснение Авакяна полностью лишено разумности, ибо половые клетки и вегетативные почки на соцветиях образуются не из одних и тех же клеток. Поэтому еще до защиты, в 1949 г. я начал опыты по изучению развития картофеля. Эти опыты привели меня к выводу, что картофель, как поликарпическое растение в своем развитии проходит большой цикл развития, последним этапом которого является неизбежное старение. Поэтому наиболее радикальным способом борьбы с вырождением является перевод картофеля на новый большой цикл развития. А для этого его надо размножать семенами! Но сорта времени не были приспособлены к размножению семенами. И мне пришлось из физиолога растений превращаться в селекционера. Для поддержания гетерозиса* семена я получал гибридные. Число таких гибридных сеянцев увеличивалось с каждым годом и передо мною вырастал вопрос: что же это у меня за группа сеянцев? Это – не сорт и не клон, так как размножаются они половым путем. Вот тут-то я и вспомнил лекции Сергея Сергеевича – это у меня ПОПУЛЯЦИЯ!

Это слово появилось в печатной статье уже в 1961 г. Работа расширялась и углублялась. В общей гибридной популяции различались еще отдельные частные популяции. Поскольку задачей селекции является получение сортов с константными признаками, а это чрезвычайно длительная работа, то возник эпитет – динамическая. Так и установился термин, признанный теперь и Координа-

* Гетерозис или гибридная сила – повышение жизнеспособности и мощности гибридных организмов сравнительно с исходными чистыми родительскими линиями.

ционным Советом – динамическая популяционная селекция. Моя статья об этом имеется в сборнике “Культура картофеля семенами”, которую я подарил университетской библиотеке.

На этом связь с Сергеем Сергеевичем не кончилась. Акад. Н.П. Дубинин указывал, что для полной гомозиготации нужны тысячи генераций, а в нашей гибридной популяции резкие колебания многих признаков начали ослабевать уже после 10–15-ти генераций. И вот тут-то еще раз и выступил термин, обоснованный Сергеем Сергеевичем. Еще в 1926 г. в своей знаменитой работе, сделавшей его основателем популяционной генетики (“О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”), Сергей Сергеевич сформулировал идею генетического гомеостаза. Это помогло понять сложные процессы. Наши представления о генетическом гомеостазе опубликованы в 1984 г. (ж. “С-х. биология”. № 5. С. 109). Таким образом, я горжусь тем, что не только учился у Сергея Сергеевича Четверикова, но и мог использовать его идеи в своей работе!

Моя жена Ольга Константиновна, урожденная Малышева, тоже знала Сергея Сергеевича. Ниже я привожу ее воспоминания.

* * *

Я поступила в аспирантуру в ГГУ к проф. И.И. Пузанову в 1944 г., когда деканом биологического факультета был проф. С.С. Четвериков. Никогда не забуду доброжелательность и удовлетворение с каким отмечали мои ответы по специальности проф. И.И. Пузанов, проф. С.С. Четвериков и проф. А.Д. Некрасов [на госэкзаменах].

В 1947 г. И.И. Пузанов переехал в г. Одессу и мне, его аспиранту, приходилось материал своей диссертации пересылать в Крым. Наконец, работа была закончена, и необходимо было найти оппонентов. Оппонентами стали проф. Е.М. Воронцов и проф. С.С. Четвериков. Сергей Сергеевич сначала попросил ознакомиться с работой, а потом уже дал согласие на рецензирование. Работа была оценена хорошо, но Сергей Сергеевич отчитал меня за неправильные обороты в работе, поругал мой язык изложения. Это стало большим уроком для меня. Всю свою жизнь я пользовалась в работе его указаниями.

январь 1986 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11, № 13. Авторизованная машинопись.

В.И. Козлов

ВОСПОМИНАНИЯ О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ*

⟨...⟩

Я ушел на пенсию в 1980 г. На время моей жизни и на мои студенческие годы выпали такие события, которые у всех людей в нашей стране оставили глубочайшие следы. Конечно, я могу увлечься и наговорить лишнее, Вы записывайте все, а потом сами оставите, что нужно. Память стала не та, устал и разменял уже девятый десяток. Меня несколько раз записывала Тамара Ивановна, Юрий Федорович Шальнов записывал, студенты.

* Записано со слов В.И. Козлова проф. Т.Е. Калининой.

Я с детства любил природу, в школе был активным юннатом и потому я пошел в университет на биофак, на кафедру зоологии. Закончил учебу до войны, поступил в аспирантуру. В 1941 г. я должен был ее закончить, но тут началась война. В марте 1942 г. ушел на фронт. В январе 1943 г. при прорыве блокады Ленинграда получил тяжелое ранение. Вернулся из армии я в ноябре 1946 г. и пошел работать в университет. Но так как на кафедре зоологии свободных мест не было, я первые два года работал в ректорате. О первых послевоенных годах в университете я достаточно осведомлен, фактически ректорат тогда состоял из двух человек*: ректора Мельниченко и ученого секретаря университета Козлова. Проректоров не было. В 1953 г. Мельниченко перешел на факультет, а я – на кафедру зоологии позвоночных. Три года я совмещал должность ассистента и зав. музея зоологии. <...>

Что касается доцента Шереметьева, то я прошлое Шереметьева не знаю. Мы с ним были в очень хороших товарищеских отношениях, что называется, нет-нет да рюмку-другую выпивали вместе.

Во-первых, у меня о нем очень хорошее впечатление, несмотря на разницу в положении: я был беспартийным, а он – член партии, член парткома и декан. Деканом он был долго, но с перерывом. Перерыв связан с глупым случаем с его младшим сыном, который случайно в школьные годы поранил ножом девочку. Это послужило причиной, что отца сняли с должности декана. Сына чуть не отправили в колонию. В общем, раздули историю. Но потом Юра закончил школу и университет. <...> Александр Федорович Шереметьев приехал в Горький в 1947 г. после армейской службы в чине майора. Он был начальником штаба зенитно-артиллерийской службы. Сначала он был ассистентом на кафедре генетики. До войны он работал в Харькове на кафедре генетики, он не нижегородец. Начало знакомства я помню плохо. Видимо, довольно скоро Шереметьев стал деканом. Скорее всего, первые контакты у нас возникли во время переезда его на Пустынскую биостанцию. Сблизило нас то, что мы очень активно дебатировали по спорным вопросам генетики.

Ему было очень трудно как декану, приходилось лавировать. Мы с ним спорили и по этому поводу. Он был классический, формальный генетик по своему настрою и чистосердечно отстаивал позиции классической генетики. Он понимал, как и многие, что вслух об этом говорить нельзя. Время было такое. Вот, например, у него всегда были хорошие отношения с проф. Станковым. Пузанов человек был очень требовательный, прямой, даже резковатый. Но к Шереметьеву относился не критически, принимал его. А.Д. Некрасов, тоже придерживался принципов классической генетики. Но он был очень мягкий человек и ни с кем не спорил. Умница, высококультурный человек. Шереметьев был знаком со многими видными генетиками по Харькову: Лобашов и др. Самое существенное: шла борьба. Большинство переключилось на защиту лысенковцев.

Конкретно о себе: я, когда вернулся, мне нужно было продолжать диссертацию. Материал я собирал в Крыму. Но там еще бродили разрозненные банды немцев, татар и др. Таким образом, поехать в Крым было нельзя. Первая экспедиционная поездка ученых туда состоялась по направлению Наркомата, в группе был и проф. И.И. Пузанов. Эта группа была под охраной автоматчиков, поэтому мне продолжать полевую работу в Крыму было нельзя. Тогда мне Пузанов предложил работу морфологического порядка. Я начал работу. И настал такой момент, когда прошла в 1948 г. сессия ВАСХНИЛ. И начали всех крыть.

* Память подводит: проректором по науке ГГУ был проф. Воронцов Е.М., фамилию проректора по учебной работе уже не помню. (Примеч. сост.)

Это приняло такой широкий оборот, был созван городской партийный актив, на котором Мельниченко делал доклад. Он критиковал всех генетиков, прежде всего горьковских, конечно, и не прошел мимо моей темы: «Вместо того, чтобы заниматься селекцией домашних животных, они занимаются какими-то “темными духами”».

Шереметьев занял позицию отмалчивания. Он ни разу не выступил. Другие сотрудники, бывшие аспирантами С.С. Четверикова, начали поливать его всяческой грязью. Шереметьев этого никогда не делал. У него были основания, он не был учеником Четверикова, и поэтому ему легко было. А в частных разговорах он был возмущен поведением своих товарищей по кафедре, которые позволяли себе такие вот вещи. Например, они критиковали генетику на Совете. Он обычно говорил, что ни хрена они не знают эволюционного учения и “Происхождения видов” не читали, сукины сыны, а туда же суются со своим суконным рылом.

Многие товарищи критиковали некоторых своих коллег, которые посещали Четверикова. Четвериков тогда очень тяжело болел. Он был почти слепой. Я помню встречу с ним в гастрономе. Четвериков на ощупь пытался отсчитать деньги в кассу, я подошел к нему, поздоровался и он попросил меня набрать деньги. Я ему помог. Кстати говоря, зимой в любой мороз он ходил всегда в суконном пальто нараспашку, в мерлушковой шапке стремительной походкой.

Когда все это кончилось, машина пошла возвращаться в обратную сторону. Была опубликована работа в трудах Академии наук “Эволюция популяций и накопление признаков микроэволюционным путем”. Эта работа удостоилась большой золотой медали от АН ГДР*. Ее вручали Четверикову, когда он был уже в лежачем состоянии.

Я лично не был близок к Четверикову. Это довольно общительный человек и вел себя доброжелательно, и людей, которые его критиковали, не считал врагами. Расскажу такой случай. У нас защищал диссертацию сын арахнолога** Покровского. Покровский был друг Четверикова, он снялся [сфотографировался] с Четвериковым. И вот после защиты диссертации сын Покровского пригласил отметить защиту. И мы пришли на квартиру Четверикова (я, Воронцов, Перлова, его жена, Кузнецов, Шереметьев и др.). Они жили вдвоем с Некрасовым. Я помню, что С.С. Четвериков замечательно готовил по своему рецепту вареные стручки фасоли. Потом он начал разливать шампанское и произнес тост: “Вот вы здесь почти все мичуринцы, не признаете наших научных постулатов, но все мы с вами биологи. Все мы трудимся над одним и тем же. Никакие мы с вами не враги. Мы с вами соратники. И нам предстоит большая и длительная работа, прежде чем добьемся истины. Но я в свою веру верю, как верили старообрядцы, которых на кострах сжигали. Я от нее никогда не откажусь, и Вам советую такими же быть и всегда отстаивать свои принципы”. Вот такие он высказал пожелания, хотя буквально я, конечно, не помню. А позднее Воронцов резко, очень резко против генетики выступал. Потом, когда умер Сергей Сергеевич Четвериков, то Шереметьев первый проявил большую энергию по увековечению его памяти.

Похоронили Четверикова скромно, в самом дальнем левом углу кладбища, среди могил еле-еле отыскать. И вот Шереметьев взялся за дело: вместе с По-

* Работа С.С. Четверикова 1926 г. “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”. Плакетта Дарвина не была золотой. (Примеч. сост.)

** Арахнолог – ученый, изучающий пауков.

бережской Тамарой Исааковной с кафедры физиологии они стали собирать средства здесь и в Москве для установки памятника. Памятник решили заказать на заводе “Монумент-скульптура”. Но так как скульптуру там делать не захотели, тогда решили сделать барельеф. Поручили его сделать нашей выпускнице Л. Кулаковой. Она была скульптор, кончила Строгановское училище после войны, училась у Коненкова. Когда мы с Шереметьевым осматривали могилу на кладбище, то я сказал, что его здесь за крапивой и кустами никто не увидит. Надо сделать перезахоронение. Стали хлопотать о переносе захоронения в центр кладбища, возле дорожки. Начали с коменданта. Нашли место. У санэпидстанции я выяснил, что при определенном нажиме по срокам можно сделать перезахоронение. В Горсовет подали бумагу и я поехал к А.А. Соколову, председателю Горсовета. Ему предварительно позвонили из обкома. Когда он уразумел, в чем дело, то подписал разрешение. Произвели перезахоронение. Причем делал его один Шереметьев, я в это время болел. Дело осложнялось тем, что привезли этот камень-памятник и сбросили его с помощью крана через забор на старое место могилы. Оттуда его ни на каком транспорте нельзя было передвинуть, даже тележка не проходила среди могил. Через одного знакомого я нашел трест, который ремонтирует, облицовывает набережные, мосты, и гранитчика и поговорил с ним. Выпускник Московского университета Валерий Николаевич Сойфер, талантливый научный сотрудник Института общей генетики АН СССР, организовал очень энергичный сбор денег в Москве. Один памятник был утрачен, сделали другой. Снова собрали деньги*. Кулакова вычертила эскиз ограды.

Ограду поставили. Через Кулакову нашли человека, который отлил буквы на Ленинском заводе. Это все дело простояло довольно долго. Когда спрашивали какой-то, я не помню, юбилей, наверное 70-летие Четверикова, была здесь конференция, приезжал академик Н.П. Дубинин. Потом была какая-то годовщина, приезжал Астауров, который теоретически, не в прямом смысле, считал себя учеником Четверикова. Астауров был на митинге около этой ограды. И последнее, вот уже несколько лет прошло, ограду сняли и по-новому оформили, сделали гранитное покрытие и т.д. Говорят, что это сделали силами университета.

Шереметьев Четверикова никогда не хулил. Во-первых, не зная этого я не мог, во-вторых, я видел всегда воочию этих людей вместе при различных ситуациях, в-третьих, если бы Шереметьев имел что-либо к Четверикову и стал бы он так хлопотать по его перезахоронению, никто его ведь не поддерживал. Вся тяжесть кладбищенских дел пала на него. Деньги Побережская передала ему. Более того, у Шереметьева испортились отношения с Грязновым после того, как тот стал некрасиво говорить о Сергее Сергеевиче Четверикове еще при его жизни. Шереметьев резко осуждал Грязнова. Все разговоры о неприглядном поведении Шереметьева по отношению к Четверикову абсолютно неправомерны.

февраль 1993 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 46. № 3. Записано Т.Е. Калининю.

* Возможно, Владимир Иванович ошибается – никто из работавших на биофаке в те годы о втором сборе денег на памятник С.С. Четверикову не помнит. В Москве повторного сбора никто не производил. (Примеч. сост.)

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ПЕНСИОННЫХ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ С.С. ЧЕТВЕРИКОВА И ХЛОПОТАХ ПО НАЗНАЧЕНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПЕНСИИ*

В конце 1948 г. от своей знакомой, секретаря депутата Верховного Совета академика А.А. Андропова я узнала о том, что изгнанный из ГГУ профессор генетики Сергей Сергеевич Четвериков нуждается в консультации адвоката. После отбытия шестилетней административной ссылки в 1935 г. он был приглашен в университет, чтобы возглавить кафедру генетики и был изгнан из ГГУ в августе 1948 г. после знаменитой сессии ВАСХНИЛ.

Услышав о том, что он остался без пенсии и фактически без квартиры, я предложила Сергею Сергеевичу свою помощь, если он в ней нуждается. Через секретаря А.А. Андропова мы договорились о встрече на площади Минина у памятника.

В назначенный день мы уже сидели некоторое время на скамье напротив памятника Минину, когда на холме показались двое мужчин интеллигентной внешности. Один – широкоплечий, коренастый в рубашке-апаше – профессор А.Д. Некрасов, второй – очень высокий, астенического телосложения – профессор С.С. Четвериков. Сергей Сергеевич шел, низко опустив голову и глядя себе под ноги.

Когда они приблизились, секретарь поднялась навстречу и поздоровалась с А.Д. Некрасовым. Тот элегантно поцеловал ей руку и извинился за некоторое опоздание. Затем она представила профессорам меня в качестве очень опытного и необыкновенно работоспособного и целеустремленного юриста. После этого секретарь ушла, оставив нас одних.

В разговоре участвовал почти исключительно один Некрасов. Четвериков, по-прежнему сидел, на поднимая глаз от земли. Некрасов обрисовал обстановку и поставил три вопроса для консультации:

1) Сохранится ли за проф. Четвериковым жилплощадь (две комнаты), которую он занимает уже пять лет в квартире проф. Некрасова?

2) Как начать хлопоты о пенсии?

3) Какова может быть судьба опального профессора?

Уже вышел указ о том, что человеку, попавшему в политическую мельницу 1929–1937 гг., должны были вернуть все, что он потерял в связи с арестом**. Этот указ был известен лишь юристам и в системе МВД, широко он не разглашался.

Я попросила Алексея Дмитриевича собрать и передать мне все документы о службе Сергея Сергеевича, взяв на себя все хлопоты о его служебных делах.

Что касается жилья, то Четвериковы, занимая в квартире А.Д. Некрасова две комнаты, отдельного ордера не имели. Надо было срочно поделить квартиру, чтобы избежать осложнений. А.Д. Некрасов должен был срочно оформить документы о “самоуплотнении”, как это тогда было принято называть. Облег-

* Записано под диктовку А.Н. Смысловой проф. Т.Е. Калининой, методистом музея ННГУ, в сентябре 1997 г.

** В Собрании действующего законодательства СССР, Справочный том, кн. 1, изд. “Известия”, М., 1978, об этом указе мы сообщений не нашли. (Прим. сост.)

чающим моментом был тот факт, что супруги Четвериковы и их домработница проживали в квартире шестой год.

Можно было начать хлопоты и об имуществе, пропавшем в Москве после ареста Сергея Сергеевича в 1929 г., но только при условии, что изъятие вещей при аресте было оформлено официальным актом. Иначе право на их возвращение потеряно. Кроме того, было право на денежную компенсацию и возвращение сбережений, хранящихся в сберкассе.

“Мне жалко только бабочек” – промолвил Сергей Сергеевич. И посмотрел на меня внимательным, длительным, неподвижным взглядом. “Считает бабочек? Определяет их стоимость?” – подумала я. И вдруг: “А Вы – очень милая женщина!” – и поцеловал мне руку.

Несколько слов о внешнем облике Сергея Сергеевича. Астеник, интеллигентный и эрудит. Одет опрятно, но очень бедно, что было несовместимо с его ученостью, одаренностью, воспитанностью и званием. Взгляд пристальный и добрый. Смотреть на него было немного грустно.

В беседе Сергей Сергеевич был немногословен, скромен и вежлив. Длительных монологов не изрекал, был очень сосредоточен, хотя иногда в его глазах мелькала озорная искра. И быстро угасала. Голос звучал тихо и проникновенно.

В беседе участвовал, главным образом, Алексей Дмитриевич. Изредка Сергей Сергеевич вмешивался в разговор одним-двумя словами, но очень точными и емкими. Больше мы с ним практически не встречались, все переговоры я вела с Алексеем Дмитриевичем.

С оформлением пенсии трудностей не было.

Ходатайство о пенсии я начала с обращения к акад. А.А. Андронову, как к депутату Верховного Совета. Я просила его ускорить решение всех вопросов, связанных с судьбой С.С. Четверикова. Составила документы – ходатайства во все инстанции. Добилась приема у председателя горисполкома. Кроме Четвериковского дела у меня еще были хлопоты об улучшении жилищных условий родителей одного Героя Советского Союза, что облегчило обращение к первому лицу города.

Визит длился 40 минут. О судьбе проф. С.С. Четверикова руководителю города было уже известно.

С квартирными делами все решилось очень быстро.

Некоторое время спустя после встречи на пл. Минина я пришла в университет для получения у Алексея Дмитриевича собранных им документов для дальнейшей работы над поставленными передо мною задачами. Здесь я увидела С.С. Четверикова второй раз, но разговора между нами не было. Я выбрала послужной список С.С. Четверикова, включающий как штатную, так и договорную работу, а также совместительство. И все же стажа на полную пенсию не хватило, так как справки не были юридически правильно оформлены, отсутствовали заверяющие документы печати. А.Д. Некрасов взял на себя труд дооформить их в Москве. А пока была дана пенсия с учетом неполного трудового стажа.

Как известно, С.С. Четвериков непрерывно работал с декабря 1909 г. – по июнь 1929 г. и с сентября 1935 – по август 1948 г. Кроме того, он три года преподавал во Владимире, где отбывал ссылку. С 1 января 1951 г. (ошибка: с 1 января 1950 г.)* Сергей Сергеевич Четвериков стал получать полную академическую (профессорскую) пенсию в 1600 руб.

* Первое назначение персональной пенсии было произведено 7 июля 1949 г. в размере 300 руб. с выплатой с 1 мая 1949 г., второе состоялось 18 февраля 1950 г. с определением академической пенсии в размере 1600 руб. с выплатой с 1 января 1950 г. (Прим. сост.)

В 1953 г. после смерти И.В. Сталина я известила А.Д. Некрасова о только что вышедшем указе о реабилитации политически осужденных в годы репрессий. Некрасов отреагировал суховатыми словами: “Мы о нем знаем и в консультации больше не нуждаемся”. После этого разговора мы еще раз случайно встретились. Алексей Дмитриевич сделал вид, что меня не знает.

У меня же осталось от первой встречи с Сергеем Сергеевичем чувство, что он таит в себе какое-то горестное переживание. И почему-то мне казалось, что не будь во время нашей беседы рядом А.Д. Некрасова, то он бы кое-что высказал мне дополнительно к чисто формальным фактам. Но... между нами все время стоял А.Д. Некрасов.

Последнее, что мне удалось сделать в память Сергея Сергеевича Четверикова, произошло на Бугровском кладбище. Я встретила с Люсей Приваловой, которая училась у проф. Четверикова и много лет знала его как декана. Она бродила меж могил в поисках места захоронения С.С. Четверикова. Я проводила ее к могиле, исполнив этим свой последний долг перед его светлой памятью.

сентябрь 1997 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. № 20. Авторизованная машинопись.

Т.Е. Калинина

ВСТРЕЧИ С С.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ

ГОДЫ УЧЕБЫ

В 1936 г. я поступила на биофак Горьковского государственного университета. Я выбрала специальность “зоология”, в то время биологи выпускались из университета либо ботаниками, либо зоологами без указания более узких специализаций. И зоологи, и ботаники могли специализироваться как по физиологии и биохимии, так и генетике и селекции.

Надо сказать, что подбор преподавателей (профессоров, доцентов, ассистентов и аспирантов) на биофаке был на редкость удачным. Это были люди, горячо преданные науке и педагогической деятельности, глубоко уважающие друг друга и индивидуальность каждого студента. Я ни в каких ситуациях не испытывала подавления личности, не слышала неуважительных слов в свой адрес или унижительных “разносов”, даже когда и было за что.

Например: практические занятия по гистологии (может быть, сравнительной анатомии) на третьем и четвертом курсе проводились один раз в две недели по четыре часа с 9 часов утра. Таким образом, через неделю мы приходили в университет к 13.00. В одну из таких недель я с утра направилась в парикмахерскую, где сделала хорошую стрижку и маникюр. На биофак явилась в 12.00 и уже при входе, бросив взгляд на расписание, поняла, что перепутала недели (“чет” и “нечет”). В раздумье из раздевалки прошла в буфет, находившийся в фойе второго этажа, куда выходили двери трех зоологических аудиторий, музея и трех кафедр. Угрызения совести и некоторая рассеянность не снизили моего аппетита и я занялась стаканом кофе с пирожным. И вдруг... о, ужас!... из малой зоологической аудитории выходит преподавательница Шапошникова, которая вела с нами занятия. Увидев меня, она сначала окаменела и онемела от изумления, затем, оправившись, спросила что у меня случилось. Получив отчет

о парикмахерских делах, она махнула рукой на дверь рабочей комнаты и сказала: “Идите скорей в аудиторию, пока меня нет, а то ведь все взвоют, увидев Вас.” И никаких нотаций, никаких административных мер, никаких взысканий. Само собой подразумевалось, что я отработаю пропущенный материал. И так было на всех кафедрах.

Я не помню, кто был деканом биофака, когда я поступала в ГГУ. На первом курсе это был профессор А.Д. Некрасов, человек мягкий, интеллигентный, широко образованный. Но в начале 1938 г. его место занял профессор С.С. Четвериков, который зоологам читал курс общей генетики. Это был высокий, худощавый, пожилой человек с высоким, слегка лысеющим лбом и пристальным взглядом не улыбочивых глаз, несколько чопорный, немногословный, всегда внутренне собранный и внешне подтянутый.

С.С. Четвериков в любое время года, даже если было сыро или холодно, носил всегда одно и то же темное демисезонное пальто свободного покроя. Позднее он рассказывал, что в их неплохо обеспеченной семье (отец – владелец суковальных фабрик) сыновей (их было три брата) никогда не кутали, и хотя зимой у детей белье было теплое, шуб и ватных пальто им никогда не шили.

К студентам С.С. Четвериков всегда относился очень внимательно и уважительно, хотя за внешней суховатостью это не всегда чувствовалось. Никогда не забуду, как в первые годы после войны на биофаке учился молодой фронтовик, коммунист и отличник, ушедший на фронт 18-летним юнцом сразу после школы, а в университет пришедший после госпиталя (ранения и контузии). Это был веселый товарищ, активный общественник, обаятельный человек, невысокий, белобрысый и очень живой. Учился превосходно. Во время зимней сессии на втором или третьем курсе он неожиданно скончался от кровоизлияния в мозг. На похоронах Сергей Сергеевич под жестокой январской вьюгой все три километра до кладбища шел высоко возвышаясь над общей толпой своей непокрытой седой лысеющей головой и скорбным страдальческим лицом. Он всегда глубоко переживал страдания и горе молодежи.

Лекции С.С. Четверикова отличались свободным и четким изложением, которое достигалось не только глубоким знанием материала, но и тщательной подготовкой и отбором его, продуманностью плана и манеры изложения. Одним из принципов, который с первой лекции ввел Сергей Сергеевич, была просьба задавать вопросы сразу по ходу лекции, не оставляя их на конец, чтобы не возникало препятствий к пониманию последующего материала.

На лекциях мы всегда чувствовали, как тонко реагирует Сергей Сергеевич на наше настроение и восприятие лекции. Он очень любил, чтобы студенты не просто записывали материал, но и активно продумывали услышанное, усваивали предыдущий материал раньше, чем он перейдет к изложению следующих положений. Он искренне радовался, если обнаруживал, что студент не пассивен, что он самостоятельно мыслит, пусть даже критически. Так лично со мною несколько раз произошли такие случаи: увлекшись решением генетических задач по расщеплению признаков в потомстве гетерозиготных родителей и определением генетического состава популяций 5-го, 10-го или n -го поколения, Сергей Сергеевич иногда допускал на доске те или иные описки. Следя одновременно и за речью лектора, и за решением, записываемым на доске, я иногда улавливала ошибки математического или логического порядка, поднимала руку и обращала внимание Сергея Сергеевича на допущенные описки. Ведь, если их не исправить, результат задачи может оказаться искаженным. Как же начинали сиять глаза профессора, обнаружившего активное внимание со стороны аудитории и благодарящего за замечание. Инстинктивно я чувствовала,

что с каждым подобным событием Сергей Сергеевич относится ко мне все уважительнее.

Но еще раньше, чем мы прослушали курс общей генетики, я имела возможность убедиться, как неформально, как гуманно и творчески относится Сергей Сергеевич к процессу обучения студентов.

С первого курса я подружилась с препаратором зоомузея биофака Мазохиным Степаном Николаевичем, часто помогала ему обрабатывать тушки птиц и шкурки зверушек в промежутках между изучением очередного тематического раздела. Одновременно я была в хороших отношениях и с хранителем музея Николаем Александровичем Покровским, странноватым и даже чудаковатым стариком с копной седых кучерявых волос на голове и в лохматой бороде, поспартански одетым, страстно влюбленным в музейное дело и молодежь. Среди математиков и химиков он слыл страшилищем, который пулей выскакивал из музея, громовым голосом выгоняя с верхнего фойе заядлых курильщиков.

В одном из шкафов, где хранились коробки с тушками птиц, Покровский Н.А. держал общую тетрадь, почти нацело заполненную фамилиями студентов биофака, которые пользовались у него денежными кредитами. Кажется, не все возвращали ему свои долги, но он никогда о них не напоминал. Откуда он скопил оборотный “банковский” капитал, не знаю. Ведь должность Николай Александрович занимал лаборантскую. Во всяком случае, когда на пятом курсе мне немедленно понадобилось 500 р. (это были огромные деньги в те годы), я их получила без расспросов и оговорок от Николая Александровича в течение трех минут. Во время войны он умер от недоедания, пневмонии и туберкулеза.

В середине второго года обучения, в свободный от занятий час я сидела в музее на препаровальном столе за шкафами и болтала с Николаем Александровичем. Речь шла о том, что я родилась в Туруханске и была вывезена из Заполярья родителями в столь раннем возрасте, что совершенно не помню ни тундры, ни тайги, ни эвенков. Во время этого разговора в музей вошел Сергей Сергеевич. Внезапно появившись из-за шкафов, он спросил: “И Вы хотели бы побывать в Заполярье, а, может быть, и поработать там?” – “Конечно!” – воскликнула я. – “Ну, что ж... – раздумчиво произнес декан Четвериков, – посмотрим...” И затем стал выяснять какие-то служебные вопросы с Николаем Александровичем Покровским; а я ушла.

Через месяц меня пригласили в деканат. Там Сергей Сергеевич Четвериков подал мне письмо из Обдорска (Салехард), в котором его ученик по МГУ зоолог-охотовед, доцент, старший научный сотрудник Заполярной биостанции Сергей Дмитриевич Перелешин выражал согласие принять меня на летние три месяца в лабораторию по биологии песца с оплатой проезда и суточных из расчета оклада 500 руб. в месяц (оклада не платили, так как работа предполагалась временная и сверхштатная). Я запрыгала от радости. Декан С.С. Четвериков в связи с этой учебной командировкой освободил меня от обязательной месячной практики, которую студенты после второго курса проводили на биостанции ГГУ в заказнике Старая Пустынь на берегу системы озер реки Сережа. Сергей Сергеевич не боялся брать на себя ответственность за неформальные решения, хотя и отличался выраженной педантичностью и точным выполнением формальных служебных требований.

Экзамен по генетике (третий курс) зоологи сдавали Сергею Сергеевичу с некоторой робостью, замороженные его строгостью и педантизмом. Оказалось, что декан не такой уж и педант. Он внимательно, не перебивая, выслушивал студентов, взгляд был доброжелательным, уточняющие или вспомогательные вопросы он задавал мягко, без металла или раздражения в голосе. Мне лично

дополнительных вопросов он не задал, поставив “отлично”. Вслед за мной сдавал Жора Львов. Когда он вышел, то сказал мне, что моя оценка не объективна, так я отвечала не на тот вопрос, который был в билете. “Как так?” – удивилась я и он разъяснил: “В билете было: “Развитие генетики в России”, а ты рассказывала возникновение и развитие генетики вообще, а о российских генетиках – всего два слова”. Подумав некоторое время, я вынуждена была согласиться, что Львов прав. Но почему Сергей Сергеевич меня не поправил и не направил в более узкое русло развития генетической науки в России, я не знаю до сих пор.

Сергей Сергеевич отличался сдержанной, академичной, мягкой и деликатной манерой общения. Но это не мешало ему оставаться принципиальным и бескомпромиссным. В полемических дискуссиях он становился резким и даже саркастичным. Особенно это проявилось в дискуссии по проблемам лысенковских теорий на довоенном очередном заседании Горьковского отделения Московского общества испытателей природы.* В отличие от современных традиций (во всяком случае это касается общества физиологов, к которому я принадлежу), на эти заседания приглашались студенты первого–пятого курсов. Поэтому мы имели возможность близко знакомиться с научными проблемами того времени, с работами и взглядами наших учителей.

О предстоящей дискуссии по поводу работ и мировоззрений Т.Д. Лысенко все биологи были извещены заранее. Мы кинулись в библиотеки читать первоисточники. Тогда я впервые познакомилась с теорией стадийного развития в изложении автора и была удивлена его наблюдательностью и гениальной простотой решения некоторых практических вопросов агрокультуры. Теоретические же рассуждения показались наивными, не всегда обоснованными и надуманными.

На заседании Общества от лысенковцев выступил ассистент кафедры генетики Иван Николаевич Грязнов, от имени менделистов-морганистов основную дискуссию вел Сергей Сергеевич Четвериков. Выступали почти все преподаватели и многие студенты, особенно со старших курсов. Правда, детали этих выступлений у меня в памяти не сохранились. Но мои впечатления от лысенковских трудов и теорий впоследствии не изменились.

С.С. Четвериков работал деканом всю войну и после войны до 1947 г. Декан он был отличный, деятельность деканата была четкой и упорядоченной. В 1940 г. после двух лет работы С.С. Четверикова деканом на выпускном вечере студентов всех факультетов, на котором я присутствовала вместе с мужем (выпускником физико-математического факультета А.А. Каленовым) ректор ГГУ М.А. Шеронин, поздравляя присутствующих с окончанием университета, отметил чрезвычайно высокий уровень организации учебной работы биофака и пожелал дальнейших успехов и здоровья декану С.С. Четверикову, “лучшему из деканов ГГУ” и вообще лучшему из деканов, с которыми ему приходилось встречаться.

ГОДЫ ВОЙНЫ

Я окончила учебу в университете весной 1941 г. Из пяти госэкзаменов два или три мы сдавали уже после начала Великой Отечественной войны. А в понедельник – на второй день войны – мы сдавали Сергею Сергеевичу Станкову

* Все протоколы заседаний Горьковского отделения хранятся в архиве МОИП (Москва).

госэкзамен по ботанике. Профессор был печален и рассеян. Его сын уходил на фронт. Еще в воскресенье, после сообщения по радио о нападении немецкой армии на нашу страну, общежитие ГГУ забурлило и студенты целыми комнатами направились в военкомат. В военкомате им сказали, чтобы продолжали сдавать экзамены. Стране нужны специалисты. Когда возникнет необходимость призыва в армию, им об этом сообщат. А девушкам вообще строго заявили, чтобы они не в армию рвались, а на рабочие места – согласно полученному назначению, чтобы заменить мужчин, ушедших на фронт. Я не участвовала в этих походах в военкомат, хотя я была здорова, хорошо стреляла и неплохо тренирована физически. Сердце ныло, но на руках у меня был семимесячный сын, которого не могла оставить матери, поскольку она была тяжело больна.

После завершения последней экзаменационной сессии мы тихо разбрелись кто куда, без традиционных торжественных заседаний, банкета и веселья.

В августе 1941 г. я уехала зоотехником-селекционером в совхоз “Новый мир” Вадского района Горьковской области, а в ноябре – на Дальний Восток, где на авиазаводе работал мой муж. До 1946 г. с С.С. Четвериковым я не встречалась. В 1944 г. я написала ему о желании поступить в аспирантуру. В ответ пришло очень доброжелательное письмо, где он сообщал, что такая возможность есть и не надо бояться вступительных экзаменов, а наличие рабочего стажа является плюсом при поступлении в аспирантуру.

Все же я не решилась на этот шаг. Слишком велики были трудности материального и организационного порядка. Мы работали всю войну без очередных отпусков, для поездки через всю страну требовались деньги в сумме моих четырех месячных окладов, куда-то надо было пристраивать четырехлетнего сына, наконец, при 11-часовом рабочем дне было почти невозможно эффективно заниматься дополнительно подготовкой к экзаменам.

Одновременно я получила письмо от кого-то из однокурсников о том, что Сергей Сергеевич только что награжден орденом “Знак почета” за работу по выведению моновольтиной породы китайского дубового шелкопряда. Эта работа была начата еще до войны и имела оборонное значение, поскольку шелк, полученный из коконов бабочки мог быть использован для изготовления парашютов. Я была свидетелем самоотверженной работы сотрудников кафедры генетики (З.С. Никоро и В.Э. Флэсс) на первых этапах этих исследований и была искренне рада их успешному завершению. К сожалению, после разгрома отечественной генетики лысенковцами и лицами, поддерживавшими Т.Д. Лысенко, полученная раса бабочек была смешана с исходным материалом и погублена неграмотными в отношении генетики и экологии лицами в совхозах и колхозах. С изобретением синтетических волокон новые работы в этом направлении потеряли актуальность. Но как эксперимент, построенный на основе закономерностей классической генетики и соответствующего прогноза, он имел бы чрезвычайно важное значение, не будь уничтожены его результаты.

Как я уже говорила, Сергей Сергеевич Четвериков оставался деканом биофака все годы войны. В эти трудные годы проявились такие душевные качества его личности, о которых трудно было подозревать, наблюдая некоторую суховатость в обычных условиях общения. Все нижеследующее я пишу по просьбе бывшей аспирантки кафедры ботаники, моей однокурсницы Люси Приваловой, которая в годы войны была председателем профкома биофака. Мы, поколение людей, переживших военные невзгоды, знаем, какой трагедией оборачивалась для человека утрата по той или иной причине хлебных и продуктовых карточек. Особенно для учащейся молодежи, не приспособленной самостоятельно находить выход из подобного положения. Сколько подростков из ПТУ

заплатили за ротозейство своей жизнью! Узнав о подобном случае, Сергей Сергеевич приглашал Привалову отдавал ей как профоргу свою карточку и просил передать ее пострадавшему студенту. “Мы с женой старые люди. Мы проживем и на одну карточку. Для молодых недоедание опасно. Только никому не сообщайте об этом факте, пусть это будет помощь профорганизации”, – говорил он. И.Л. Привалова молчала до тех пор, пока я не попросила написать воспоминания о Сергее Сергеевиче Четверикове уже после его смерти. Писать она не хотела, а просто рассказала о наиболее ярко запомнившихся случаях, в которых проявилось отношение Сергея Сергеевича к студентам. Свой рассказ она просила включить в мои воспоминания. Теперь уже и Людмила Привалова ушла из жизни.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1946 г. Я впервые получила после окончания университета отпуск на две недели. Было что-то с легкими (сухой плеврит), и я с сыном через брата (военврача) получила разрешение вернуться в Горький в санитарном вагоне эшелона с демобилизованными бойцами-нижегородцами (1-й добровольческий полк) из пятой армии.

По приезде я тут же посетила биофак ГГУ. За исключением умерших Черневского и Покровского мои учителя все были на месте, и Сергей Сергеевич сразу же предложил мне поступить в аспирантуру или готовить кандидатскую диссертацию будучи на должности старшего лаборанта. Я запросила разрешение в Хабаровском крайздраве, а пока начала работать на кафедре физиологии человека и животных, которой заведовал доцент москвич Николай Михайлович Артемов, вторым доцентом была Тамара Исааковна Побережская (до войны – ассистент, у которой я проходила физиологический практикум). Ассистентом работала Тамара Александровна Шухгальтер. Когда проф. А.Д. Некрасов узнал, что на кафедре из четырех сотрудников три Тамары, он воскликнул: “Срочно необходимы три демона!” И правда, Н.М. Артемов – мягкий, деликатный человек – на роль демона никак не годился.

До 1947 г. я мало сталкивалась с С.С. Четвериковым. Кафедра, деканат, станция с шелкопрядами поглощали все его время. В моменты редких встреч он живо интересовался моими научными делами и всячески поддерживал идею об аспирантуре. Н.М. Артемов тоже полагал такое решение разумным. Но после “великого” сокращения штатов в августе 1946 г., когда были сокращены все вакантные должности учебно-вспомогательного персонала и ужесточены запреты на предоставление аспирантских мест лицам, не имеющим профессорского звания, это оказалось совсем не просто.

В 1947 г. я сдала аспирантские экзамены и по представлению деканата и ректората лично отвезла документы в Минвуз, но ... мы опоздали с запросом на аспирантуру на одну-две недели. Видя мое огорчение, начальник отдела аспирантуры участливо посоветовал мне не впадать в панику, пообещав зачислить на будущий год меня в аспирантуру по этим же документам без пересдачи вступительных экзаменов. На следующий год мы сделали своевременную заявку, но нашей кафедре аспирантского места не выделили.

Весной 1947 г. в университет спустили разнарядку для выделения достойных лиц, подготавливающих кандидатские диссертации, на получение Сталинских стипендий (1000 дореформенных рублей). Деканат представил ректорату документы на аспиранта-ботаника Б. Зефирова и меня. 2 июня после длительной

канцелярской волокиты документы ушли в Москву. И ... опоздали. Их следовало предоставить до 1 июня.

На следующий 1948 г. документы на Сталинскую стипендию были еще раз при участии Сергея Сергеевича Четверикова представлены. И я вместо лаборантских 400 руб. получила приличное для поддержания жизни своей и ребенка материальное обеспечение на полтора года. Можно было прекратить ночные бдения над учебными таблицами и иллюстрациями для кандидатских диссертаций (50 руб. – чертежный лист), сократить чтение популярных лекций для населения и полностью отдаться работе. Эта благодать длилась полтора года до декабря 1949 г.

За это время произошли грозные события и в личных судьбах и судьбе биологических наук.

В первых числах июня 1947 г. скончалась от ишемической болезни миокарда жена Сергея Сергеевича Анна Ивановна. Около двух месяцев они болели одновременно. Врач признался мне, что он больше боялся за Сергея Сергеевича, так как у него был инфаркт, притом – повторный. Диагноз тщательно скрывался, чтобы не вызвать панику. Анна Ивановна очень страдала, была капризна, совершенно не подымалась с постели и требовала, чтобы все гигиенические процедуры по отношению к ней производил только Сергей Сергеевич. Домработница Дуся* работала у них недавно, была неловка и причиняла Анне Ивановне дополнительные страдания. Человеком она была хотя и верующим, но лицемерным, с искусственно ласковым голосом, и не вызывала симпатии у искренних и умудренных жизнью людей. Могучий организм Сергея Сергеевича выдержал это испытание. И когда Сергей Сергеевич уже стал ходить и подолгу сидеть в постели и кресле (на улицу он еще не выходил), жена скончалась.

На биофаке была срочно создана похоронная комиссия, цель которой была – максимально освободить всеми глубоко уважаемого профессора от каких-либо хлопот и обеспечить постоянный надзор за его состоянием, чтобы срочно вызвать лечащего врача (кардиолог Н.Н. Иорданский) в случае повторного инфаркта или приступа стенокардии. Председателем комиссии был доцент кафедры генетики А.Ф. Шереметьев. При распределении работы между членами комиссии мне было поручено максимально возможное время проводить в квартире профессоров А.Д. Некрасова и С.С. Четверикова, обеспечивая наблюдение за состоянием и заботу о здоровье последнего.

Я старалась по возможности не мозолить глаза Сергею Сергеевичу и большую часть времени проводила с домработницей Дусей на кухне. Однако Сергей Сергеевич заметил мой маневр и частенько стал приглашать меня в свою комнату, беседуя о моей работе, расспрашивая меня о семье, о сыне и матери. На похороны Анны Ивановны из Москвы приехала ее дочь Анна Петровна Сушкина. Уезжая, она очень просила меня не оставлять своим вниманием овдовевшего Сергея Сергеевича, навещать его регулярно (один-два раза в неделю), проверять, меняет ли Дуся регулярно постельное белье, как кормит профессора, как содержит квартиру. Человек она новый и не вызывает у Анны Петровны особого доверия. А главная моя забота должна быть направлена на поддержание хорошего настроения у Сергея Сергеевича и смягчение острого чувства одиночества, которое он, без сомнения, будет теперь постоянно ощущать.

Я чувствовала себя несколько неловко: я всего лишь недавняя ученица, даже не генетик; при всем моем глубочайшем уважении к Сергею Сергеевичу я сомневалась, что мои визиты будут достаточно обоснованы и интересны для не-

* Мне неизвестны ни годы ее жизни, ни фамилия, ни отчество. (Прим. авт.).

го; мне-то будут очень интересны эти встречи, но навязывать свое общество профессору ... не будет ли это назойливо и бестактно?

Однако, Анна Петровна заверила меня в том, что, во-первых, ей больше не к кому обратиться с подобной просьбой; во-вторых, Сергей Сергеевич всегда ко мне очень тепло относился, а в последнюю встречу много хорошего говорил обо мне; и, в-третьих, он, без сомнения, всегда будет рад моим визитам, что ему, действительно, интересно со мной беседовать.

После отъезда Анны Петровны я заходила к Сергею Сергеевичу, по крайней мере, по субботам на вечерний час, и раз в один-два месяца писала Анне Петровне о его состоянии, здоровье, настроении. В отпуск я не уезжала, так как только-только подала документы на Сталинскую стипендию. Надо было форсировать исследования по вопросу о влиянии животных ядов на кровь теплокровных животных. Основные исследования велись на белых мышах. Часть опытов ставилась на собаках и кроликах. Работала без выходных и отдыха. Вечера, которые я проводила у Сергея Сергеевича, позволяли отвлечься от монотонности повседневных дел, обсудить результаты своих опытов, взглянуть на них взглядом постороннего человека. Эти вечера превращались в своеобразную традицию, полную для меня особого интеллектуального очарования. Сергей Сергеевич всегда был очень ласков, проявлял интерес к моим домашним делам. Иногда по его просьбе я приходила к нему с сыном Сережей, учеником начальных классов. С удивлением я констатировала, что у моего восьмилетнего сына полностью отсутствует тот комплекс почтительных чувств студента к профессору, который был у меня долгое время и создавал некоторое внутренне напряжение, заставлявшее смотреть на Сергея Сергеевича “снизу вверх”. Для сына это был просто добрый и мудрый, полный дружелюбного внимания, не лишенный юмора пожилой мужчина, начиненный интересными и неожиданными знаниями. Почтительность, идущая от понимания разрыва между уровнем интеллекта Сергея Сергеевича (и его брата Николая Сергеевича) и уровня ровесников и даже старшего поколения окружающих людей, придет к Сергею позднее, через десятилетия.

В августе 1948 г. в связи с окончанием сессии ВАСХНИЛ разверзлось небо: передачи по радио и все газеты были полны сообщений о перевороте в биологических науках, о победе Лысенко и его сторонников в давнем споре с генетиками-сторонниками менделизма-морганизма. Последние получили ярлык “формальных генетиков”, законы расщепления признаков в процессе воспроизводства потомства, открытые Менделем, объявлялись “лженаукой”, несовместимой с коммунистическим мировоззрением, преподавание генетики в вузах отменялось, все биологи должны были изучать “мичуринскую биологию”, в которой за фиговым листиком имени известного ученого-селекционера скрывалась эклектическая окрошка из плохо пригнанных друг к другу лысенковских умствований, его агрономических открытий и псевдореволюционной трескотни. Первая мысль была: этого не может быть! Это сон, гнусный неправдоподобный ... Где-то кто-то что-то недопонял, недоразобрался в ситуации, в фактах. Вторая мысль: а что же будет с Сергеем Сергеевичем?

Я бросилась к своему учителю и наставнику – Николаю Михайловичу Артемову. Он тоже был взвинчен и крайне озабочен. Уже вечерело. Внутреннее напряжение и растерянность требовали каких-то действий, решений. И мы направились к проф. Четверикову. По дороге мы в основном обменивались междометиями. Наконец, я вымолвила: “Но, ведь, это не надолго?” (хотя хотела сказать: “Но, ведь, эта неурядица не может существовать долго? Ведь, это скоро будет исправлено?”) Но Николай Михайлович вздохнул: “Я думаю, что это надолго!”

Я почти не запомнила содержание разговора с Сергеем Сергеевичем. Он уже был в курсе всех новостей, был несколько подавлен ожиданием грядущих событий. А меня давило какое-то чувство личной ответственности, ведь я была членом коммунистической партии, а все происшедшее, конечно, произошло не без ведома ЦК. Почему-то было стыдно.

А через несколько дней я зашла к Сергею Сергеевичу днем. Он выглядел спокойным, сказал, что все благополучно разрешилось: ректор ГГУ Мельниченко пригласил его к себе, они очень сдержанно объяснились и ректор, будучи уверен в принципиальности и убежденности научного мировоззрения Сергея Сергеевича, предложил ему подать заявление об увольнении по собственному желанию, дабы избежать аутодафе* на заседании Ученого совета университета. Ведь там ему будут предлагать отречься от “еретических” взглядов, которые он уже несколько десятилетий насаждал среди московских и горьковских генетиков и даже преподавал студентам. Сергей Сергеевич сказал, что он благодарен Мельниченко за то, что тот не стал его мучить требованиями, которые для Сергея Сергеевича были неприемлемыми, а просто отпустил его с миром. Правда, в устах А. Шварца (“От зари до зари”, ж. “Москва”, № 4. С. 187–197) по этому поводу приводятся некоторые подробности, о которых мне Сергей Сергеевич не рассказывал, в частности, о формулировке приказа об увольнении. Однако о своей благодарности Мельниченко он говорил впоследствии неоднократно.

О том, что Сергей Сергеевич начал получать пенсию лишь почти через полгода после увольнения, я узнала лишь после того, как он начал ее получать. Жил сам, содержал домработницу и даже помогал двоюродной сестре из сбережений, которые удалось сделать за предыдущие годы работы.

После нескольких дней освоения нового стиля жизни пенсионера (без пенсии) Сергей Сергеевич с головой погрузился в работу по упорядочению своей богатейшей коллекции бабочек: обновлял и уточнял этикетки, ремонтировал рассыпавшиеся от пересушки экземпляры, приклеивал под лупой усики и лапки, определял виды из сборов последних лет и т.д. Я по-прежнему заходила к нему один раз в неделю, чаще не получалось. В университете, не будучи ни генетиком, ни систематиком, я не очень была в курсе, как проходила чистка рядов и разоблачение менделистов-морганистов. Однако разговоры о сверх-самобичевании и сверхкритике в выступлении доцента А.Ф. Шереметьева слышала. В этих разговорах одобрения не ощущалось.

В сентябре 1948 г. после заседания Ученого совета ГГУ, на котором состоялось покаянное выступление Шереметьева, я при очередном визите застала Сергея Сергеевича в состоянии тяжелой депрессии. Сначала он мне ничего не говорил, отмалчивался, хмуро выслушивая мои “оживленные” рассказы о ходе экспериментов, в которых яды эфы и жаб испытывались на белых мышках, о забавных событиях в жизни студентов – физиологов, которые в той же комнате по вечерам выполняли свои дипломные и курсовые работы.

А через некоторое время уже без моих расспросов Сергей Сергеевич сказал мне, что доцента Шереметьева он очень любил и ценил, рассматривал как своего научного наследника, планировал, как будет ему передавать опорный пункт по дубовому шелкопряду и свои представления о ходе дальнейших исследований. Оберегая Шереметьева от неприятностей и возможных трагических последствий, которые могут последовать, если он будет сохранять принципиаль-

* Приказ об увольнении был подписан только 23 августа в день издания приказа по Министерству высшего и среднего образования и с ссылкой на последний, как обоснование для увольнения С.С. Четверикова. (Прим. авт.).

ные научные позиции, Сергей Сергеевич накануне Ученого совета порекомендовал Шереметьеву “валить всю вину” за теоретические установки в преподавании и научных исследованиях на Сергея Сергеевича, покаяться в “слепого подчинении” и не критичности, и тем сохранить себя в университете для продолжения работы, которая представляла теоретический и практический интерес для нашего государства. В это время моновольтинная порода дубового шелкопряда была уже получена и осуществлялась попытка приучить шелкопряда в качестве пищи использовать березовые листья. Уже имелись такие непривередливые семьи.

Доц. Шереметьев превзошел самого себя и облил Сергея Сергеевича на Ученом совете “ушатами помоев”. В детали Сергей Сергеевич не вдавался. Лишь сказал, что очень больно разочаровываться в людях, которых целые годы считал порядочными и неглупыми. В октябре 1948 г. у Сергея Сергеевича произошел очередной инфаркт. Я пришла к нему как раз во время визита доктора, которого пригласила к нему дочь проф. С.С. Станкова Таня Станкова. Это был очень квалифицированный и известный в городе кардиолог Николай Николаевич Иорданский. Он предупредил Сергея Сергеевича, что ему не рекомендуется не только вставать, но и разговаривать с посетителями, а меня – что мои визиты должны быть очень непродолжительными и ограничиваться монологами, которые не должны волновать профессора.

Я стала навещать Сергея Сергеевича, принося романы и повести Тургенева, к которым, я знала, он относился с большой нежностью (“Ася”, “Первая любовь” и др.). Я читала их малыми порциями, по полчаса, не заводя разговоров, которые бы требовали реплик от С.С. А доцент Шереметьев, встретившись со мною однажды в вестибюле биофака, отвел меня в уголок и попросил навещать регулярно С.С. и сообщать ему, Шереметьеву, о состоянии его здоровья. Он, мол, готов что угодно сделать для С.С., но только сам теперь он не может переступить порог его дома; для него двери этого дома навсегда закрыты. Совершенная подлость часто влечет за собою новые подлости и предательства. Шереметьев стал пить, часто, много и мерзко. И в моей судьбе он тоже впоследствии выступил в нелестной роли “злого духа”.

Об этой встрече я С.С. не рассказала. Для него Шереметьев умер.

В этот период большое внимание Сергею Сергеевичу уделяла его соседка, жена проф. Горелика Нина Константиновна Кожина. Она приходила к нему поболтать, приносила пирожки собственного изготовления и другие произведения кулинарного искусства, а главное – приглядывала за его бытом и состоянием здоровья. Иногда я встречала у С.С. проф. Майера Артемия Григорьевича. Он научил Сергея Сергеевича нескольким пасьянсам и С.С. часто развлекался этими карточными головоломками, приговаривая: “Если уж ты упустил момент своевременно умереть, то следует хотя бы своевременно научиться раскладывать пасьянсы. Учтите, Тамарочка, эту истину и то, что Артемий Григорьевич их знает множество”.

Прошло два месяца. С.С. еще большую часть времени проводил в постели, но уже повеселел, часто шутил, с интересом расспрашивал меня о сыне, маме, семье моего брата, интересовался ходом работы над кандидатской диссертацией. Как-то я рассказала, что мой брат Виктор, работавший хирургом в Институте восстановительной хирургии, согласился работать районным хирургом и главврачем в Работках и выехал туда вместе с семьей. И теперь у меня впервые в жизни будет отдельная комната и рабочий уголок. А так, до 30 лет я жила в проходных комнатах и занималась за обеденным столом. Я была счастлива: теперь я могу при желании изолироваться для работы, чтений и раздумий от семейных шумов и болтовни.

В 1950 г. я уехала со своей кандидатской диссертацией в Москву, где работала мл. н.с. в лаборатории ядовитых животных Института эпидемиологии и микробиологии им. Гамалея АМН СССР. Вернулась в Горький из-за отсутствия квартиры. Стала работать в медицинском институте.

Летом 1952 г. я отдыхала с сыном в Коктебеле (он страдал пневмониями и туберкулезной интоксикацией). Там мы нашли гусеницу бабочки “мертвая голова”, которая окуклилась у нас в садке. В Горьком я решила, что ее надо отдать в руки специалиста, так как я не знаю условий, при которых она может благополучно перезимовать. Поэтому я попросила сына отнести куколку Сергею Сергеевичу и написала ему коротенькую записку. Сергей вернулся переполненный впечатлениями: у Сергея Сергеевича живет его младший брат Николай Сергеевич, С.С. почти ослеп и плохо слышит, домработница Дуся была очень мила, просила навещать их. Сергей Сергеевич прислал мне привет, всяческие добрые пожелания, порадовался благополучной защите кандидатской диссертации, поздравил меня и приглашал заходить.

Я немного успокоилась за жизнь и настроение С.С.; около него, кроме Дуся, находится самый близкий для него человек, он не заброшен. Я знала, что в это время его постоянно навещают Таня Станкова с дочкой, которой С.С. и Н.С. с удовольствием помогали усваивать школьную программу и придумывали различные забавные занятия, расширяющие ее кругозор и воспитывающие ее личность; после моего отъезда в 1950 г. в Москву регулярным гостем С.С. был профессор Н.М. Артемов, увлекшийся сам и увлекший своих детей сбором коллекции бабочек. Не часто, но регулярно бывала у С.С. его ученица по университету – к.б.н. Мария Михайловна Рудакова, тоже пострадавшая во время лысенковского “путча” в биологии. У С.С. была обширная переписка с коллегами – профессорами Горьковского университета, покинувшими Горький, и с коллежниками чешуекрылых из других городов. Он не был заброшен. Но испытывал постоянную потребность в притоке “свежего воздуха” извне, постоянную неудовлетворенность от своей отстраненности от активной жизни.

Вскоре я познакомилась с Николаем Сергеевичем, человеком молчаливым и скромным. Мы мало с ним разговаривали, но очень быстро прониклись друг к другу доверием и симпатией. В тридцатых годах он дважды был арестован и несправедливо осужден, но не только сохранил внутреннее достоинство, но и общее доброжелательное отношение к людям. Когда впоследствии с ним познакомилась моя молодая дружба и товарищи сына, он рассказал о том, что дважды по пять лет провел в советских ИТЛ, а во время войны еще несколько лет в ссылке, которая оказалась не лучше магаданской каторги. Тогда ребята прямо задали ему вопрос, почему он не обзвизлся, не стал желчным и обидчивым после перенесенных несправедливостей (до революции он принадлежал к большевистской группировке студенчества, дважды был помещен в Бутырскую тюрьму, а тут...). Он ответил: “Я давно приучил себя не обижаться, иначе бы я не выжил. Ведь люди, как дети, сами не ведают, что творят. А разве можно обижаться на детей, если они нечаянно причинят боль или сожгут избу?”

Иногда я приходила к Сергею Сергеевичу с сыном, которому братья, как и Наташе, дочке Тани Станковой, охотно уделяли свое внимание, часто помогая ему в решении сложных математических задач. С Наташей Сергей Сергеевич переписывался, когда она уезжала из Горького. Письма его были очень содержательны, наполнены различными советами и рекомендациями, направленными на воспитание личности. К сожалению, Т.С. Станкова эти письма не сумела сохранить, отдав их без расписки (и даже не пересчитав их) в руки недобросовестных, практически незнакомых студентов, следы которых найти впоследствии не удалось.

Следом за моим сыном Сергеем, дом Четвериковых стали посещать наши общие с ним молодые друзья – студенты педагогического и медицинского институтов (Л. Воцинина, И. Никитина, Н. Колпикова, Н. Петурова, М. Габелев и др.). Их привлекала глубокая мудрость, благожелательность, высокая общая культура и, конечно, романтичность судеб братьев Четвериковых.

Помню, однажды за обедом Сережа заметил, что С.С. гречневую кашу ест вилок. “Сергей Сергеевич, а разве кашу тоже вилок надо есть?” – удивленно спросил он. Сергей Сергеевич, чуть подумав, ответил, что все, что можно взять на вилку, можно и даже нужно есть вилок.

На стене, напротив кровати, на которой лежал С.С., висела репродукция какой-то незнакомой мне картины, кажется, итальянского раннего Возрождения. Она постоянно привлекала мое внимание какой-то особой трогательной нежностью. Однажды я не выдержала и спросила у С.С. не Боттичелли ли автор этой картины. “Да, это Боттичелли, Вы правы, но откуда он Вам известен? Ведь вряд ли Вам о нем рассказывали в детдоме!” Я рассказала, как полюбила этого художника, купив пару репродукций его работ в нотном магазине на Свердловской улице и как затем прочтала о его творчестве и видела альбомы с репродукциями, купленными еще в первые годы советской власти Ниной Петровной Кречетовой, художницей и женой Сергея Дмитриевича Перелешина, дочерью актрисы О. Ермоловой, младшей сестры знаменитой актрисы М. Ермоловой. Она до революции с матерью, а после – с отчимом Петром Петровичем Петровым бывала несколько раз в зарубежных поездках. Кстати, П.П. Петров, воспитанник детского приюта, был талантливым инженером и одним из основателей Политехнического музея в Москве. В музее висит его портрет, выполненный Н.П. Кречетовой. Вот через общение с Ниной Петровной и посещение с нею московских художественных музеев и пришла ко мне привязанность к немногочисленным, но одухотворенным и поэтичным произведениям Боттичелли.

В апреле 1954 г. произошло весьма знаменательное событие: в газете “Правда” была опубликована статья профессора С.С. Станкова, который в это время работал уже в Московском университете. В статье подвергались жесткой научной критике безумные идеи Т.Д. Лысенко по поводу возможностей взаимопревращения видов различных растений и животных. Сергей Сергеевич, прочитав статью, засветился надеждой на скорое изменение положения в биологических науках и прекращение диктаторства Лысенко. Не откладывая в долгий ящик, С.С. продиктовал письмо проф. Станкову с выражением благодарности и удовлетворением его выступлением в печати.

В конце 1950-х гг. я начала работать по физиологии высшей нервной деятельности. Эксперименты требовали сложных хирургических операций на головном мозге собак. Гибель животных после этих операций у меня была очень большой. Я старалась оперировать очень тщательно, операции затягивались на шесть-восемь часов. Тогда я еще не понимала, что чем дольше открыт мозг, тем вероятнее развитие послеоперационного отека мозга и гибель животного. После такой операции я была измучена до последней степени.

Отношение ко мне со стороны С.С. всегда было заботливым и внимательным. Стоило мне появиться, как на меня обрушивались вопросы: обедала ли я сегодня? Не чрезмерно ли я сегодня утомилась? Не нуждаюсь ли в помощи в виде статистической обработки или переводов с английского или немецкого языков?

Когда после многочасовой операции декорткации собаки или кошки по дороге домой я навещала братьев Четвериковых, С.С. по моему осипшему, “севшему” голосу сразу же догадывался о глубокой усталости, начинал расспраши-

вать, чем я сегодня занималась, Николай Сергеевич молча исчезал из комнаты. Получив подтверждение своих подозрений, что у меня была очередная операция на собаке и я устала, С.С. громко кричал: – “Коля! Принеси Тамаре скамеечку под ноги и приготовь что-нибудь для нее поесть. И сделай чай или кофе покрепче! И послаще!” Николай Сергеевич не отвечал, но появлялся в дверях с тарелками, хлебом, салфетками, накрывал на стол, ставил мне под ноги скамеечку, бурча под нос: – “Раскричался! Без него не знаю, что должен делать! Раскомандовался!” А я наслаждалась каким-то особым покоем и уютом, снимавшем внутреннее напряжение и беспокойство за оперированное животное, что бывает только тогда, когда испытываешь заботу и понимание со стороны добрых и верных друзей.

Братья постоянно испытывали потребность быть полезными для окружающих и охотно оказывали им посильные услуги. В пятидесятые годы мне пришлось много переводить с немецкого о собаках и их содержании, болезнях и лечении аквариумных рыбок. Я читала циклы лекций по линии общества охраны природы по этому поводу, а с английского переводила статьи по своей научной теме. И вот, братья предложили мне свою помощь. Сергей Сергеевич стал переводить с голоса немецкие тексты, Николай Сергеевич – английские. Сам читать С.С. не мог, так как почти ослеп, слух был тоже ослаблен, но переводил легко, мне оставалось читать немецкий и записывать русский текст. А Н.С. сам читал и с листа переводил на русский, диктуя мне перевод. Несколько месяцев (а может полтора-два года) я приходила к ним со статьями и монографиями. Кроме записи переводов, я должна была контролировать и уточнять специальные обороты и терминологию.

Работа с С.С. шла более медленно, чем с Н.С., да и я больше утомлялась от необходимости постоянно повышать голос и часто повторять немецкие фразы, которые С.С. с первого раза не мог разобрать. Поэтому иногда, когда я приходила и С.С. спал, мы с Н.С. переводили и немецкие тексты. Очнувшись от дремы, С.С. мгновенно догадывался, что мы его обманули, и так возмущался нашим коварством, что нам приходилось оставлять наше “собачье” или “рыбье” занятие и утешать его, переходя к англоязычной физиологии или перенося мое рабочее место поближе к его постели. Приходилось иногда даже оправдываться, что нам просто не хотелось его тревожить, а английскую статью мы уже закончили. Он всегда ужасно обижался за обман и лишение его полезной работы.

Хотя зрение у С.С. было почти полностью утрачено (склероз сосудов, питающих зрительное яблоко и сетчатку и постепенная дегенерация зрительного нерва), С.С. за счет бокового (периферийного) зрения видел расплывчатые контуры предметов, как бы их тени. Он также различал яркости общей освещенности и даже крупные детали предметов. А однажды, когда я беседовала с ним, сидя рядом с постелью, он вдруг спросил: – “Извините, Тамара, скажите, Вы сегодня не в красной ли кофте?” Получив утвердительный ответ, С.С. обрадовался, как ребенок: “Подумайте-ка! Я вижу красный! Вот здорово!” Кажется, это был 1956 г.

К 1956–1957 гг. относится событие, которое чрезвычайно оживило жизнь Сергея Сергеевича. В зимние каникулы к нему зашел горьковчанин, студент ВАСХНИЛа Валерий Сойфер. Я присутствовала при его первом визите, хотя не помню, пришел ли он раньше меня или позже. Худощавый, полный молодого задора, очень эмоциональный молодой человек, он очень много рассказывал о том, что в Сельхозакадемии организовалась группа лысенковских оппонентов среди студенчества. Они не стеснялись вступать с Лысенко в теоре-

тические дискуссии, во время которых Лысенко вел себя очень миролюбиво, по-отечески журуя их за “некритическое доверие” к трудам буржуазного морганизма.

Откуда он получил адрес Сергея Сергеевича, я не поняла. Но, приехав на каникулы к матери, он решил его навестить. В следующий раз он пришел не один, с товарищем, тоже студентом. Летом Валерий также навещал С.С. Однажды пришел с фотоаппаратом и сфотографировал С.С. несколько раз: в постели, за обедом, и на улице, когда мы с Сергеем Сергеевичем вышли на прогулку около дома.

В следующем зимнем сезоне* С.С. предупредил меня, что Сойфер опять в Горьком, что он (С.С.) хочет для него и его друзей (или друга?) прочесть лекцию; если у меня есть желание, то я тоже могу придти; он назвал дату и часы лекции. Зная, что моя домашняя молодежь проявит живой интерес к такому событию, я получила разрешение привести три-четыре человека.

В назначенное время в комнату С.С. набилось человек восемь. С.С. был сдержан и собран. Николай Сергеевич повесил на стену цветную таблицу, которую он нарисовал по указаниям Сергея Сергеевича (к сожалению деталей изображенного я не помню). И С.С. прочитал очень четко продуманную и не менее четко изложенную лекцию по теме о причинах неправильных выводов, которые могут возникнуть при неправильно построенном анализе объективных экспериментальных данных. К сожалению, я не конспектировала этой лекции, не ожидая, что ее содержание будет обладать таким общеметодологическим характером, думала, что она будет узко специальной, генетической. В целом в ней говорилось о том, что, если в результате экспериментов, особенно биологических, обнаруживаются отдельные факты, не укладывающиеся в предполагаемую схему или даже противоречащие первоначальным теоретическим построениям, их ни в коем случае нельзя отбрасывать и исключать из анализа и статистики. Такие данные необходимо изучать, пока не найдется причина их несоответствия ожидаемому. В таких “исключениях” иногда скрываются закономерности, которые могут перевернуть все первоначальные предположения.

Как я узнала потом, эта лекция была повторена для более солидной публики, в частности, ее слушал проф. Артемов Николай Михайлович (или наоборот, наша лекция была повтором).

Летом 1957 г. я заболела мигрирующим тромбофлебитом. Ноги страшно отекали, наливались тупой болью и неимоверной тяжестью. Четвериковы ничего не знали о том, куда я запропастилась, и уже только осенью я зашла к ним, чтобы объяснить причины исчезновения. Сергей Сергеевич страшно всполошился, узнав о моем заболевании. Он рассказал, что сам переболел тромбозом вен ног после тифа, когда ему было 19–20 лет. После этого всю свою жизнь он страдает венозной недостаточностью и может передвигаться только с забинтованной ногой. Меня изумило это сообщение прежде всего тем, что мне было известно об его участии в большом количестве экспедиций натуралистов, сопровождающихся длительными пешими переходами. Даже в нашем университете он постоянно и много ходил пешком. Оказывается, каждое утро он, не спуская ноги с кровати, бинтовал ее эластическими бинтами от лодыжки до паха.

С.С. попросил брата принести его запасные эластические бинты и подарил мне два из них, взяв слово, что я тоже буду ежедневно бинтовать ноги. Кроме

* Мне кажется это был январь–февраль 1957 г. (Примеч. авт.)

того, он посоветовал мне купить запасные бинты и ходить только с забинтованными ногами.

На другой день, забинтовав ноги, я почувствовала себя рожденной заново: ни тяжести в ногах, ни чувства бесконечной усталости. Я бинтовала ноги в течение пяти-шести лет, за исключением жарких летних месяцев. С благодарностью я вспоминаю участие и рекомендации Сергея Сергеевича. Более того, я сама давала подобные советы знакомым, заболевшим тромбофлебитом, и даже спасала некоторых из них от оперативного вмешательства.

В 1950-х г. я была свидетелем приезда к С.С. иногородних собирателей бабочек. В частности, я помню Андрея Андреевича Бунделя, доктора химических наук из Москвы. Я уже говорила, что с 1952 г. увлекся сбором бабочек и Н.М. Артемов. Они ходили на ловлю бабочек всей семьей. С.С. подарил Николаю Михайловичу несколько книг (“Физиология обывденной жизни” Люиса, “Наше ничтожество” Миша), несколько бабочек (среди них “мертвая голова”), домик для вскармливания гусениц, несколько расправилок, ящики для ватных сборов, ватники с бумагами, на которых сохранились надписи с датами, по которым можно восстановить, где и когда точно побывал в 1924 г., находясь в Восточном Казахстане от Усть-Каменогорска до Зайсана.

Однажды, когда я находилась в командировке в Москве, к С.С. приезжал Тимофеев-Ресовский. Четвериковы очень сожалели, что я не познакомилась с этим талантливым, незаурядным человеком. С.С. говорил, что это был самый талантливый и работоспособный из его учеников, самый любимый. И он не обманул ожиданий своего Учителя. По рассказам Елены Александровны – жены Н.В. Тимофеева-Ресовского – я узнала, что он стал членом Берлинской Академии наук, хотя в Союзе не имел ни дипломов, ни званий, так как был исключен из университета с третьего или четвертого курса*. У него оказался ряд долгов по предметам первых курсов, которые он даже не сдавал, так как усердно занимался наукой. К моменту исключения из МГУ он уже был известным ученым. По рекомендации Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова его пригласили возглавить в Германии генетический отдел Института мозга. Это были 1920-е годы.

Николай Владимирович, сомневаясь, как лучше поступить, пошел на прием к М.И. Калинин, и тот, познакомившись с ситуацией, посоветовал Н.В. принять предложение, объяснив, что, не имея диплома, “он никогда на родине не получит таких отличных условий для работы” (слова Елены Александровны).

С Н.В. Тимофеевым-Ресовским я познакомилась уже после смерти С.С. в 1962 г., когда с письмом Николая Сергеевича я приехала на Миассовскую биостанцию и гостила там две недели. Его уважение к С.С. было безграничным.

Ослепший, почти оглохший Сергей Сергеевич много размышлял о состоянии биологической науке. Однажды он сказал мне: “Лысенко и лысенковцы обвиняют нас – генетиков – в узости и ограниченности наших взглядов на механизм наследственности. Мы якобы отрицаем значение цитоплазмы в развертывании наследственных качеств. Какой абсурд! Все наследственные качества, обусловленные геномом, развертываются в конкретных условиях индивидуаль-

* В воспоминаниях *О.А. Чернова* в кн. “Н.В. Тимофеев-Ресовский”. 1993. М.: Наука. С. 87–88, рассказывается, что в 1923 г. было принято решение, что все студенты, поступившие в университет в 1919–1920 гг. и не сдавшие экзамены за первые курсы, подлежат отчислению из университета (“чистка” рядов). До этого решения посещение лекций и сроки сдачи экзаменов определялись самими студентами. И хотя Н.В. Тимофеев-Ресовский поступил в университет в 1917 г., он попал в число исключенных.

ного организма. При этом могут происходить и происходят мутационные изменения в наследственных структурах ядерного вещества. И, конечно, никакие влияния на ядро не могут осуществиться, минуя цитоплазму, которая при этом является, естественно, не пассивным проводником, она включается в этот процесс всеми своими свойствами и обменом веществ. Иначе и быть не может!”

Теперь я уже не могу поручиться за абсолютную точность выражений, но за точность смысла – ручаюсь. Это убедило меня, что все последующие годы вслед за знаменитой сессией ВАСХНИЛ Сергей Сергеевич, хотя и не заводил со мною специальных генетических бесед, постоянно размышлял о теоретических проблемах генетики. Его мышление упорно возвращалось к анализу его научных позиций, к поиску возможных ошибок в своих убеждениях, критическому пересмотру основных генетических постулатов. По этим проблемам сама я разговоров с С.С. не начинала, боясь разбередить глубокие психологические травмы и вызвать обострение его заболеваний.

В марте 1959 г. Сергей Сергеевич получил от Берлинской академии “Леопольдина” приглашение принять участие в торжественном международном форуме биологов-эволюционистов, посвященном столетию со дня выхода в свет дарвиновского “Происхождения видов”.

Николай Сергеевич при мне прочитал это письмо, дал его в руки Сергею Сергеевичу, а потом сел за машинку и напечатал под диктовку брата ответ с благодарностью и сообщением, что по состоянию здоровья С.С. приехать в Берлин не сможет. Сергей Сергеевич был печален.

Николай Сергеевич, будучи “глазами и ушами” своего брата, почти никогда не писал от руки, всегда на машинке. Он считал свой почерк неудобочитаемым и, будучи пианистом, быстро освоил “слепой” метод работы на машинке. В то же время он выработал у себя своеобразный, бисерный, полупечатный почерк и писал очень четко и разборчиво. В его написании букв просматривалось что-то от древнеславянской письменности. В пристрастии к машинописи просто проявилась еще раз его всегдашняя забота о том, чтобы никому не доставлять излишнего беспокойства, не затруднить, не вызвать чувства досады.

В начале 1959 г. мы с сыном и группой наших молодых друзей решили подарить Сергею Сергеевичу электропроигрыватель и набор пластинок классической музыки. Братья не очень любили слушать вокальное исполнение, но с наслаждением слушали по радио симфоническую и инструментальную музыку, особенно фортепьяно и скрипку, предпочитая классику. За пластинками я поехала в Москву, где ученик С.С. Четвериков С.Д. Перелешин радостно присоединился к нам и добавил денег на подарок. Перед майскими (или новогодними?) праздниками группой в шесть–семь человек мы навестили Четвериковых, поднесли подарок и поставили пластинку с “Грезами любви” Листа в исполнении Вана Клиберна. Наступила благоговейная тишина. С.С. лежал на спине с закрытыми глазами. Через несколько мгновений из под ресниц С.С. покатались слезы. Мы были потрясены и музыкой и реакцией Сергея Сергеевича. Впоследствии после смерти брата Николай Сергеевич забрал наш подарок с собой в Москву, собрал очень большую коллекцию пластинок и каждый четверг устраивал их прослушивание на квартире у мужа родной дочери С.С. – Елены Сергеевны Воздвиженской, сохранив эту традицию и после ее смерти. С мужем Елены Сергеевны он был очень дружен до последнего дня своей жизни. Елена Сергеевна была больна лейкозием и умерла, кажется, от ангины.

Николай Сергеевич всегда очень тепло относился к Елене Сергеевне, считая ее несправедливо обиженной отцом после его развода с ее матерью и женитьбы на А.И. Сушкиной. Все свои отцовские чувства С.С. перенес на дочь

Анны Ивановны – А.П. Сушкину. Николай же Сергеевич всю жизнь переписывался с Еленой Сергеевной и ее детьми. Дети приезжали в Горький навестить С.С. и Н.С. Внук (муж внучки) – кажется геолог – приезжал к деду после возвращения из длительной командировки в Китай. Он привез ему в подарок китайскую вазу красного лака, которую после кончины С.С. Николай Сергеевич перед отъездом в Москву подарил мне.

В последние годы жизни С.С. у него сменились соседи. А.Д. Некрасов, который когда-то пригласил С.С. с Анной Ивановной в свою квартиру, как теперь говорят, в порядке самоуплотнения, переехал жить в Москву к дочери. В его комнату университет поселил семью Агаповых, глава которой работал в административно-хозяйственном аппарате ГГУ инженером-электриком. Уехал последний из друзей и коллег по работе в университете, единомышленник, человек высокой культуры. Замена была неадекватной. Отношения с новыми соседями были прохладными. Охватившее Сергея Сергеевича чувство одиночества скрашивалось только присутствием брата.

В середине июня 1959 г. я забежала после работы к Четвериковым. С.С. отдыхал после обеда, в последнее время он очень ослаб и по несколько раз в день нуждался в полном отдыхе. Николай Сергеевич принимал меня в комнате, где раньше располагалась коллекция бабочек, а теперь разделенные шкафами ютились Н.С. и Дуся. Дуси дома не было и мы спокойно беседовали в закутке, сидя прямо на кровати. За окном небо как-то очень быстро затянулось тучами и началась сильная гроза с ливнем. После очередного громового удара Н.С. вдруг весь как-то напрягся, вытянулся, прервал разговор и застыл. – “Что с Вами?” – спросила я. – “Брат!” – воскликнул он и бросился в другую комнату. Я – за ним. Сергей Сергеевич лежал на спине в какой-то неловкой позе, лицо его было перекошено, он что-то пытался сказать, но язык не слушался. Глаза полузакрыты. Левая рука слегка шевелилась, правая была неподвижна и холодна. Николай Сергеевич остался у постели брата, а я бросилась за доктором Н.Н. Иорданским, благо он жил в двух кварталах от С.С. Николай Николаевич был дома и мы очень быстро оказались у С.С. Доктор подтвердил, что у С.С. кровоизлияние (или тромбоз?) в головном мозге.

После этого я заходила к С.С. почти ежедневно. Через три-четыре дня речь у него восстановилась, но он часто впадал в забытие и бредил. Во время этого заболевания Сергей Сергеевич рассказывал мне о своих бредовых идеях и иллюзиях. Были в них две главные темы: война и смерть.

О смерти: “Я умер. К подъезду подан траурный катафалк, собрались люди, все в черном. А меня все не выносят и не выносят. Это меня страшно нервирует: пора, пора, кто же это задерживает вынос?” У постели на стене висел старинный гобеленовый коврик с розами. Рассказывая о своем бреде, С.С. иногда останавливался и, показывая на коврик, вдруг начинал бормотать: “Вот, они уже здесь, а меня все еще не приготовили... Ну, что же это ... это же неприлично в конце концов ... Все уже готово, а я все еще здесь... Скорее же, скорее...” А через пару секунд, осмысленно взглядывая на меня: “Это Вы, Тамара? Вот так все время: то все нормально, то – бред! Фантастика!”

Вторая тема: “Знаете, Тамара, что чаще всего мне снится? Война! Причем – атомная! Будто бы Горький и Москва уничтожены взрывом атомных бомб, заводы, мосты разрушены. Все эвакуируются. Это трудно: вокзалы и дороги разрушены. Мы с братом все же как-то выбираемся в Ленинград, а оттуда на корабле – в Париж! И я твердо знаю, что Вы находитесь в Париже, хотя и не с нами, но в том же эшелоне беженцев. Но ведь Вы даже не знаете французского языка! Как же Вы найдете отель? И есть ли у Вас для этого деньги? Я тереб-

лю Николая, велю ему немедленно разыскать Вас и привести к нам в гостиницу. Сердце разрывается от тревоги и беспокойства. Вы – в беде, это я точно чувствую. Москва разрушена! Какое горе! А жив ли Ваш сын? Где Вы? Что с нами будет? Что будет с миром? Какой это кошмар для всех – атомная война! И вот мы вас ищем, ищем... Надо нам всем быть вместе, тогда может быть будет легче и спокойнее. Но я чувствую, что Вам плохо и одиноко... От беспокойства нечем дышать, сердце, кажется, выскакивает из груди. Вот... вот... опять война! Это ужасно! Это атомный взрыв!.. Эти разрушения!..” Я беру руку Сергея Сергеевича в свои руки, глажу ее, приговаривая какие-то успокаивающие слова. И снова глаза С.С. становятся осмысленными, сознание возвращается к нему, он облегченно вздыхает: “Как хорошо, что Вы – рядом, и нет никакой войны. А я вот так, – забавно, не правда ли? – то впадаю в бред, то лежу и анализирую эти бредовые картины”. Усмехается: “Скучать некогда, все время занят”.

Через несколько дней после начала заболевания Сергея Сергеевича Николай Сергеевич посвятил меня в свои тревоги: у Сергея Сергеевича все эти дни не очищается кишечник и не отходит моча. Врачи скорой помощи ничем не хотят помочь: необходим прокол мочевого пузыря через стенку живота троакаром, а они не имеют права проводить хирургические операции на дому. Я попробовала сама пригласить “скорую помощь”, но результат был тем же.

Решила обратиться к аспиранту-фармакологу, который жил в том же доме и подрабатывал на скорой помощи. Отказ. Вспомнила, что в этом же доме живет семья моей однокашницы по университету Веры Шварц, и сестра ее – Таня – работает хирургом в 5-й больнице. Она оказалась на работе. Помчалась к ней (телефона у Четвериковых не было). Таня согласилась, что положение критическое и пообещала придти к Сергею Сергеевичу с инструментами, как только закончит дела в больнице. Я вернулась к Четвериковым и вместе с Николаем Сергеевичем стала ждать доктора. Она пришла часов в семь вечера. Пока шла операция, я сидела в комнате у Николая Сергеевича. Когда Таня ушла, Николай Сергеевич сказал мне, что мочевого пузыря был на грани разрыва.

Через несколько дней остро встал вопрос об освобождении кишечника, который не откликался ни на какие медикаменты. Кто-то из докторов посоветовал пригласить медсестру – специалиста по удалению каловых камней, она приходила без меня. Когда я пришла, Сергей Сергеевич был без сознания, а Николай Сергеевич – в отчаянии: операция оказалась дико болезненной, Сергей Сергеевич кричал и стонал, даже потерял сознание. Николай Сергеевич подозревал повторный инсульт. Так оно и оказалось. Через несколько дней Сергей Сергеевич скончался, не приходя в сознание. Николай Сергеевич еще долго казнил себя, подозревая, что вмешательство оказалось слишком грубым и ускорило смерть брата.

Но между двумя медицинскими процедурами к Сергею Сергеевичу пришло радостное известие из Берлина: в числе 18-ти ученых, имеющих особые заслуги в развитии эволюционных идей Дарвина, профессор С.С. Четвериков награжден специальной медалью – Дарвиновской планшеттой. Сергей Сергеевич был в полном сознании. Он спокойно выслушал текст письма, зачитанный братом, но лицо его осталось печальным. Лишь несколько утвердительных покачиваний головой показали нам, что он все слышал и все понял, но радости не испытал. Признание пришло слишком поздно.

Университет в лице проректора по учебной работе Н.В. Кузнецова (биолога) вначале не пожелал принять участие в похоронах. Пришлось обратиться в партком. Лишь после вмешательства парткома проректор Н.В. Кузнецов, зоолог, ученик С.С. Четверикова, дал согласие выделить машину, обеспечить ор-

кестр и создать похоронную комиссию. Из членов комиссии помню только доц. Т.И. Побережскую, которая 10 лет тому назад из-за моих визитов к больному профессору пыталась создать в коллективе биофака мнение о моей политической неблагонадежности. Впоследствии именно она возглавляла в университете мероприятия по наблюдению за могилой, установке памятника и мемориальной доски, и вообще вела себя так, будто никогда не сомневалась в приемлемости взглядов и личности С.С. Четверикова.

Деньги для надмогильного памятника я собирала на протяжении полутора–двух лет. Подписные листы и деньги передавала доц. Суворову. Памятник решили заказать талантливому скульптору, окончившей с нами биофак ГГУ, хорошо знавшей Сергея Сергеевича Людмиле Федоровне Кулаковой. Как раз в это время мы помогли ей перебраться из Братска в Горький. Она с восторгом согласилась выполнить этот заказ. А университет пообещал изыскать дополнительную сумму для оплаты работы.

Работа над памятником затянулась на несколько лет. Был разработан макет мемориала в пластине. Кулакова отвезла его для утверждения в Москву. Было получено положительное решение*.

После смерти брата Н.С. Четвериков перебрался в Москву.

Приехав однажды в Москву я навестила Николая Сергеевича и узнала, что к нему обратились из ГГУ с просьбой о разрешении на перезахоронение праха Сергея Сергеевича Четверикова на другое место, расположенное ближе к центральному входу кладбища, чем то, на котором он покойся. Как я поняла, эта идея была предложена Т.И. Побережской и Л.Ф. Кулаковой**. Основание: на новом месте могилу С.С. будут чаще посещать, чем в углу, отдаленном от входа на 400–500 м. Я возмутилась, вблизи от входа на кладбище площади для захоронения использованы с максимальной плотностью, и это означало полную невозможность реализовать тот прекрасный план и проект мемориала, который утверждался в Центральном совете союза художников в Москве. А сам памятник из серого гранита затеряется среди тесно обступавших захоронение других могил. Но мой протест опоздал на сутки, накануне Николай Сергеевич отослал официально оформленный документ с согласием на перезахоронение. Когда я вернулась из командировки, перезахоронение было уже совершено.

Как и можно было ожидать, место оказалось крохотной площадкой, зажатой между соседними могилами, во втором ряду от аллеи. Загороженная площадка была так тесна, что о месте для захоронения Николая Сергеевича (как он планировал) не могло быть и речи. Не было даже места для скамеечки и зеленых посадок.

С памятником тоже произошел конфуз. В 1971–1972 гг. Л.Ф. Кулакова наконец сделала отливку поясного портрета Сергея Сергеевича в бронзе. Оставалось укрепить его на глыбе гранита. Поторопившись завершить затянувшиеся расчеты с университетом, Людмила сдала бронзу Т.И. Побережской, а та, не подумав о завершении работ, быстренько отвезла (или поручила отвезти) бронзу на кладбище. Там же, по случаю зимнего времени, поставили профиль С.С. в снежок у кладбищенской ограды, где он простоял до весны недалеко от первоначального места захоронения. Весной кладбищенские работники, производя весеннюю уборку территории, сдали его в металлолом. Совершенно непонятно, почему его не догадались сдать на хранение в кладбищенское управление или на склад университета до появления возможности монтажа его на граните. На сча-

* Памятник впоследствии был выполнен не по макету. (Примеч. авт.)

** Позднее доц. В.И. Козлов рассказал мне, что эту идею предложил он. (Примеч. авт.)

стве форма еще не была разрушена и Людмила Федоровна через год сделала вторую уменьшенную отливку, которая и была помещена на полагающееся ей место. А в мае 1973 г. состоялось официальное открытие памятника при большом съезде гостей и с научной конференцией (“Четвериковские чтения”).

Николай Сергеевич ежегодно приезжал в Горький для ухода за могилкой брата. Останавливался он всегда у меня. Навещал он также соседей по квартире в доме № 5 по ул. Минина и Татьяну Сергеевну Станкову с ее дочкой Наташей. В 1973 г. Н.С. скончался, был кремирован, урну поместили в могилу брата. В 1977 г. меня пригласила в гости много слышавшая обо мне от Николая Сергеевича сестра Н.С. и С.С. Четвериковых Мария Сергеевна Майкова, проживавшая вблизи города Вэве на берегу Женевского озера. Через три месяца после моего визита она скончалась, а через год умер ее муж. В 1981, 1984 и 1989 г. меня приглашал в гости их старший сын, проживавший в Цюрихе, инженер-электрик. Возвращаясь, я каждый раз привозила различные материалы, касающиеся жизни и деятельности членов семьи Четвериковых. Эти материалы, в том числе и фотодокументы, мною были переданы в архивы Института цитологии и генетики СО АН СССР и Академии наук (в Новосибирске и Москве соответственно). Кроме того, значительное число документов было передано мною в Кабинет истории генетики Института общей генетики АН СССР и музей Горьковского университета.

1987–1988 гг.

Оригинал воспоминаний хранится в архиве музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 35. № 1. Авторизованная машинопись.

И.Ф. Жимулев

О ЗАХОРОНЕНИИ С.С. ЧЕТВЕРИКОВА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Отход генетики, да и общества в целом от лысенковщины происходил на моих глазах. Это был мучительный и очень медленный процесс. Главная причина состояла в том, что можно очень легко одним приказом отменить лысенковщину как идеологию, как систему преподавания в вузах, как догму, которой необходимо следовать, изменить сознание людей, проживших всю жизнь при Сталине и Лысенко, совсем не просто. Обычно бывает так, что вся основная наука делается в столице и революции происходят в ней же, оставляя без внимания происходящее в провинции. Поэтому после размышлений я принял предложение И.А. Захарова записать то небольшое, что знал о Четверикове, точнее о той, посмертной части его биографии, т.е. о незаметной, неторопливой и довольно трудной работе по восстановлению его светлого имени и признанного места в науке, хотя бы в одном из уголков России. Записки эти о событиях, происходивших во время перехода от лысенковщины к нормальной науке, и увиденных глазами студента провинциального университета. Конечно, тогдашний Горьковский, ныне Нижегородский государственный университет – это не провинция в научном и культурном смысле, да и немногие вузы России могут гордиться тем, что в их стенах работали такие ученые как Четвериков. И все же...

Четвериков появился в г. Горьком в 1935 г. (сразу после истечения срока ссылки во Владимир), после того как его бывшая аспирантка Зоя Софроновна

Никоро, заведовавшая в то время в Нижегородском университете кафедрой генетики, пригласила Сергея Сергеевича в этот вуз, уступив ему свое место. Четвериков приглашение принял, но, по словам Зои Софроновны, до конца жизни не мог поверить, что такой широкий жест мог быть сделан исключительно из чистых побуждений и постоянно ожидал какого-то подвоха.

В 1948 г., после августовской сессии ВАСХНИЛ, ректор Горьковского университета профессор А.Н. Мельниченко, который гордился личной дружбой с Лысенко (по крайней мере, это он рассказывал нам, студентам), получив директиву из Москвы, предписывавшую увольнение Четверикова, подписал соответствующий приказ, а кафедру Четверикова занял сам и возглавлял ее до 1983 г.

В 1948 г. на кафедре работали З.С. Никоро, Ю.П. Мирюта, ставший впоследствии крупным советским генетиком, И.Н. Грязнов, преподававший цитологию, а также вернувшийся из армии, геройски сражавшийся в годы войны А.Ф. Шереметьев, поступивший в аспирантуру к Четверикову. Сразу после того, как был уволен их профессор, под угрозой потери партбилета Грязнов и Шереметьев отrekliсь от генетических воззрений и от Четверикова, потому и остались на кафедре. Грязнов до 1970-х гг., возможно, искренне полагал, что генетика не совсем правильная наука. Что до Шереметьева, то он всю жизнь воспринимал факт этой измены как личную трагедию, вплоть до смерти в 1973 г. По-видимому, поэтому, когда я появился на кафедре и заинтересовался хромосомами, которые у Мельниченко были предметом запретным, Шереметьев, будучи уже деканом биофака, оказывал мне полную и всестороннюю поддержку, и только благодаря ей, я смог выжить на этой кафедре и заниматься изучением хромосом. Именно поэтому А.Ф. Шереметьев стал инициатором всех событий по реабилитации С.С. Четверикова в Нижнем Новгороде.

Впервые имя Четверикова я услышал осенью 1967 г., когда уволился с авиационного завода и перешел на дневное отделение биофака ГГУ. Это было время, когда после снятия Хрущева в 1964 г. руководство СССР перестало поддерживать лысенковщину, и генетикам показалось, что наступила оттепель. Возможно, в Москве она и наступила.

В Горьком группа студентов третьего и четвертого курса (всех я не знаю, помню только, что одной из них была Аида Филипповна Назарова – староста факультетского кружка генетики, другой – Наталья Ивановна Левая, и у них был старший лидер – доцент мединститута Калинина Тамара Евгеньевна) обратилась в Министерство высшего образования с просьбой открыть в Горьковском университете специализацию по генетике, т.е. фактически переоткрыть кафедру, занимаемую до 1948 г. С.С. Четвериковым, и одновременно реабилитировать Четверикова. Совершенно удивительно, но некоторые непостижимые вещи в то время все же случались. Из Москвы пришел положительный ответ, и ректор университета (не помню его фамилии) своим приказом открыл специализацию по генетике. По этому приказу планировалось передать для новой кафедры часть территорий, оборудования и преподавательских ставок с кафедры экологии и дарвинизма, возглавляемой А.Н. Мельниченко. Но этого однако не произошло и, как потом выяснилось, кафедру генетики не открыли, по-моему, до сих пор. Тем не менее, все уже знали: в нашем университете долго работал ссыльный профессор С.С. Четвериков – основоположник генетики популяций. Среди студентов нашего курса царил энтузиазм, многие захотели стать генетиками, настоящими вейсманистами-морганистами, а А.Ф. Шереметьев, работавший в то время на кафедре у Мельниченко, уже читал генетику на самом современном уровне по вышедшему учебнику М.Е. Лобашова. Видимо, было ему не-

легко, поскольку непосредственным его начальником по кафедре являлся Мельниченко.

Назарова и Левая, привлеченные лекциями Шереметьева, сами пошли специализироваться на кафедру Мельниченко и активно зазывали нас, студентов второго и третьего курсов. Как мне объяснил А.Ф. Шереметьев, процесс образования новой кафедры долгий, и если хочешь заниматься генетикой, то лучше не ждать появления новой кафедры, а идти на старую – к Мельниченко. Я этому совету внимал и пошел туда, а многие ребята, которые хотели стать генетиками, решили, что не стоит рисковать и разошлись по другим кафедрам, благо, что в этом университете были сильные коллективы ботаников, зоологов, физиологов и биохимиков. Мои друзья-однокурсники были преданы науке, все они интересовались достижениями в любой области биологии. Помню, по аудиториям передавали из рук в руки только что вышедшую книгу Д.Д. Уотсона “Двойная спираль”, которую мы читали запоем на всех лекциях подряд.

Я не помню, кто инициировал процесс реабилитации Четверикова. Хотели поставить его бюст, повесить мемориальную доску у входа в здание биофака, а самое главное – перезахоронить на кладбище в месте, удобном для посещения.

Однажды летом, после окончания третьего курса А.Ф. Назарова сказала мне, что хочет показать мне место захоронения С.С. Четверикова. Ада Назарова и ее сокурсники – члены кружка генетики в течение года перед этим поддерживали контакт со скульптором Л.Ф. Кулаковой, стараясь помочь ей в изготовлении надгробного памятника. Мы пошли на центральное в Горьком Бугровское кладбище и там она показала мне могилу, расположенную в самом дальнем углу среди нечистот, битых бутылок и мусора. О том, что это могила Четверикова, свидетельствовала крышка от консервной банки, на которой с помощью гвоздика и молотка была выбита неровная надпись: “Профессор С.С. Четвериков”. Эта крышка была прибита гвоздем к деревянному столбику на могиле.

В то время где-то, видимо в Москве, существовал комитет по увековечению памяти Четверикова, организованный генетиками СССР (я не знаю, кто в него входил, кроме З.С. Никоро, с которой я разговаривал об этом весной 1970 г., когда приезжал в Новосибирск на студенческую конференцию). Уже было решение о перезахоронении Четверикова в центральной части кладбища, были собраны деньги на гранитный памятник, были привезены две плиты, опущенные с помощью автокрана через изгородь кладбища и положенные около могилы. Одновременно необходимо было получить разрешение от родственников и Советских властей на эксгумацию останков. Разрешение от брата Четверикова, жившего в Москве, было получено А.Ф. Назаровой и ее друзьями – В. Корбманом и А. Золотницким, а из райисполкома это разрешение получил я, с этим никаких проблем не было. Нужно было найти место для новой могилы, извлечь останки из старой и перезахоронить их.

Место на кладбище для нового захоронения нашли наши доценты А.Ф. Шереметьев и П.А. Суворов. Группа студентов, моих друзей: два Валерия – Сорокин и Гальченко, три Владимира – Макаров, Мартынов и Ткаченко, Самуил Аратен, Евгений Лобков и я должны были перевезти две каменные надгробные глыбы из угла в центр кладбища. Однако, когда мы попытались сделать это, возникли непреодолимые препятствия. Если маленький камень мы, поднатужившись, все-таки сумели доставить на новое место, положив его на большие деревянные сани, сложенные из толстых бревен, то большую плиту, несмотря на все усилия, ни приподнять, ни даже сдвинуть мы не смогли. Это было сделано значительно позже с помощью автокрана, водитель которого нашел какие-

то тропинки среди могил и огромных деревьев старого кладбища и смог перевести большую плиту точно к месту нового захоронения.

В сентябре 1969 г., имея все разрешения на руках, мы перенесли прах Четверикова в новую могилу. Руководство кладбища выделило двух могильщиков, которые в мгновение ока раскопали старую могилу, перекидали без всякого почтения в новый гроб все, что осталось: череп, кости, скрюченные кожаные ботинки и ремень. После этого все та же группа студентов, участвовавшая во всех этих операциях, понесла гроб, обтянутый красной материей, к новому месту захоронения. По иронии судьбы это случилось как раз в те часы и минуты, когда проф. Мельниченко читал лекцию о теории эволюции студентам четвертого курса, каковыми мы все являлись. Лекции он обычно начинал словами: “Генетики не понимают...”.

Гроб опустили в могилу, засыпали ее. А.Ф. Шереметьев и я сходили в ближайший магазин, купили две бутылки непонятного цвета и вкуса вина, хорошо известного в те времена под названием “бормотухи”, распили его все вместе на могиле, помянув таким образом Сергея Сергеевича.

Весной 1971 г. эта наша деятельность получила продолжение. К тому времени могила оставалась сиротливой и неухоженной. Не было ограды, не были перевезены плиты памятника и все это по самой банальной причине – из-за отсутствия денег. Как я уже упоминал, перезахоронение проводили на общественных началах и деньги, собранные среди генетического сообщества Советского Союза (или, по крайней мере, мне так казалось, когда я смотрел на эту ситуацию глазами студента). И вот весной некоторая сумма вновь появилась. К этому времени скульптор Л.Ф. Кулакова – бывшая аспирантка Четверикова – закончила изготовление чугунного барельефа на могильный памятник. Это был огромный – до полутора метров шириной – барельеф. Его привезли на грузовике на кладбище, и тут выяснилось, что он совершенно не подходит к постаменту из-за больших различий в размерах.

Дело в том, что по первоначальному проекту на могиле должна была быть установлена стела с большой вертикальной широкой плитой внизу, к которой должен был крепиться барельеф. Однако деньги, необходимые для строительства, в полном объеме не собрали. Пришлось ограничиться просто вертикальной плитой, да еще узкой, примерно в 60 см шириной, на которой это чугунное изваяние совершенно не смотрелось. Наши доценты посмотрели на все это и, решив, что барельеф слишком велик, оставили его у входа на кладбище, а кладбищенское начальство на другой же день увезло его на свалку завода “Вторчермет”. Когда спохватились, решив, что этот барельеф можно было бы установить в фойе биофака или у парадного входа в здание, было уже поздно.

Кулакова устроила по этому поводу нашим начальникам колоссальный скандал, размеры и эмоциональный накал которого я еще не мог оценить, пока не ощутил его на себе лишь на другой день. Шереметьев и Суворов отправили меня на свалку, чтобы я срочно нашел эту отливку. Едва приехав туда, я понял всю тщетность моих усилий. Огромная территория, едва ли не в один км², была завалена горами металла, по которому ездили бульдозеры, автокраны, погрузчики и прочая техника.

Я попробовал обратиться к мастеру, принимающему металлолом, с просьбой показать, куда сгружали металлолом два дня назад. Он только посмеялся надо мной, широко разведя руками в сторону груд металла, и я уехал ни с чем.

Тогда у Шереметьева и Суворова родилась новая идея: сделать маленький барельеф, но уже из бронзы. Задача состояла в том, чтобы уговорить Кулакову на новую работу. Доценты не рискнули показаться ей на глаза и отправили меня: де-

скасть, ты не принимал решения выбрасывать барельеф и, вообще, ты студент. Мастерская Кулаковой находилась в конце бывшей Краснофлотской улицы (ныне Ильинка) в здании разрушенной церкви. Едва успев войти и объяснить причину моего приезда, я вынужден был замолчать на долгих четыре часа, пока она объясняла мне, какие мы нехорошие люди: вандалы, варвары, тупицы и недоучки, как мы погубили произведение искусства. Она была права. Я свою задачу понимал просто: сидел на табуретке, поджав ноги, и слушал. Когда мне казалось, что напор ее иссякал, я пытался заводить разговор, нельзя ли все сделать снова. К концу четвертого часа Кулакова, устав ругаться, взяла лист бумаги и быстрыми штрихами нарисовала силуэт небольшого барельефа. Этот эскиз ныне хранится в Нижегородском областном краеведческом музее, а тогда я с удовольствием и облегчением одобрил ее замысел. Позже на памятнике был укреплен барельеф, сделанный именно по этому наброску. Еще через месяц мне предстояло ехать на армейские сборы, у могилы все еще не было ограды и даже не было идей, как ее сделать. Те же самые ребята, студенты теперь уже пятого курса, посидев в общезитии и устроив мозговую штурм, решили сделать невысокую ограду и огородить ею памятник как можно шире. Пока мы спорили, один из студентов, Володя Макаров, умевший хорошо рисовать, быстренько сделал эскиз ограды, который после одобрения Шереметьева и Суворова, я отвез на металлический завод. Не обошлось и здесь без приключений: заказ потеряли. Через два дня мне надо было уже уезжать в Ковровские летние лагеря, а работа не продвигалась. Меня снова послали на завод. Я вручил директору новые эскиз и заказ. Он пообещал, что через неделю они начнут его выполнять, раньше никак не получалось, так как на заводе что-то перегорело и он был полностью отключен от электроэнергии. Прямо из военных лагерей, захав всего на несколько часов домой, я поехал в Новосибирск поступать в аспирантуру. Около года я ничего не слышал об этой истории, пока весной 1972 г. А.Ф. Шереметьев не прислал мне в Новосибирск письмо с просьбой о новой сумме денег. З.С. Никоро быстро собрала деньги и перечислила их. После этого А.Ф. Шереметьев и еще один замечательный человек с биологического факультета – доцент-зоолог В.И. Козлов завершили все работы. Потом Александр Федорович пригласил меня на открытие памятника. В мае 1973 г. в Горький съехались генетики, имена которых составляют гордость нашей науки: академики Б.Л. Астауров, П.Ф. Рокицкий, а также З.С. Никоро и многие другие. Была научная конференция. Б.Л. Астауров сделал доклад о С.С. Четверикове, потом все собрались на кладбище у его могилы.

Сейчас на стене у центрального входа в здание университета, в котором находится биофак, висит небольшая бронзовая мемориальная доска, извещающая, что здесь работал великий генетик – С.С. Четвериков.

Описанные здесь трудности достаточно оправданны, так как имели как бы двойное измерение: психологическое, связанное с тем, что в те времена никому особенно не нужно было восстанавливать доброе имя С.С. Четверикова, и техническое – ведь тогда пытались построить довольно серьезное сооружение на могиле. Жаль, что в итоге получился лишь обычный могильный памятник, каких на Бугровском кладбище множество.

Однако и другие, значительно более легкие дела, давались с большим трудом. Приведу два примера.

В конце 1960-х гг. А.Ф. Назарова и Н.И. Левая загорелись желанием повесить портрет С.С. Четверикова в одной из комнат на кафедре А.Н. Мельниченко, но натолкнулись на сильнейшее сопротивление заведующего. Проявив огромную настойчивость и посетив несколько раз партком университета, портрет они все-таки повесили.

Другой пример. В 1970 г. исполнялось 90 лет со дня рождения С.С. Четверикова. Будучи после отъезда А.Ф. Назаровой в Москву старостой студенческого научного кружка при кафедре, я решил сделать доклад о Четверикове. Планы работ студенческих кружков утверждали на заседаниях кафедр. И вот в начале зимнего семестра во время этого утверждения, в ситуации, не предвещавшей никакой угрозы, А.Н. Мельниченко заявил буквально следующее: “Очень хорошо, что будет рассказано о С.С. Четверикове, но вот только нужно ли делать доклад о каком-то отдельном ученом в тот год, когда вся страна будет праздновать 100-летие со дня рождения В.И. Ленина”. И предложил мне вместо доклада о Четверикове сделать доклад о В.И. Ленине. Должен сказать, что в эту минуту я буквально вспотел. В стране шел какой-то шабаш славословия Ленину и отказ мог иметь вполне очевидные последствия. Поэтому, подумав немного, я предложил, чтобы доклад о Ленине сделал сам А.Н. Мельниченко как крупный ученый, профессор, чл.-корр. ВАСХНИЛ. Мельниченко, подумав, предоставил эту возможность А.Ф. Шереметьеву. Александр Федорович заявил, что в этом семестре у него несколько спецкурсов, и попросил сделать И.Н. Грязнова доклад. Предложение, как огненный шар, перелетало из одних рук, обжигая их, в другие, пока, наконец, не достигло ассистента В.И. Родионова, который мог сделать доклад на любую тему и прочитать любой спецкурс. Он и согласился. Кончилось тем, что доклад о Ленине не состоялся, а свой – о Четверикове – я сделал.

* * *

И небольшая информация для тех, кто собирает документы о жизни С.С. Четверикова. После окончания университета у меня хранились кое-какие материалы, так или иначе касавшиеся Четверикова. В 1991 г. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник организовал экспозицию, посвященную политическим репрессиям в Нижнем Новгороде. В эту экспозицию я и передал несколько фотографий С.С. Четверикова (сохранившиеся копии некоторых фотографий прилагаются к данным воспоминаниям), письма Е.А. Тимофеевой-Ресовской, З.С. Никоро, Е.И. Балкашиной о С.С. Четверикове, а также упомянутый выше эскиз надгробного барельефа, сделанный Л.Ф. Кулаковой. Удивительным экспонатом могла бы стать крышка от консервной банки с фамилией Четверикова, снятая с могильного столбика во время эксгумации останков. Осенью 1969 г. я, подержав ее в руках, с чувством облегчения от того, что худшее в биографии С.С. Четверикова уже позади и что через час-другой он будет перезахоронен в новом месте, отбросил ее как можно дальше в траву. Видимо, не было понимания историзма, я не мог подумать, что именно этот предмет стал бы поразительным свидетельством отношения ушедшего политического режима к людям, составляющим гордость страны.

Послесловие

В кратком письме от Тамары Евгеньевны Калининой, полученном мной в октябре 1999 г. после публикации первой версии этих воспоминаний в Вестнике ВОГИС № 8, 1999, говорится:

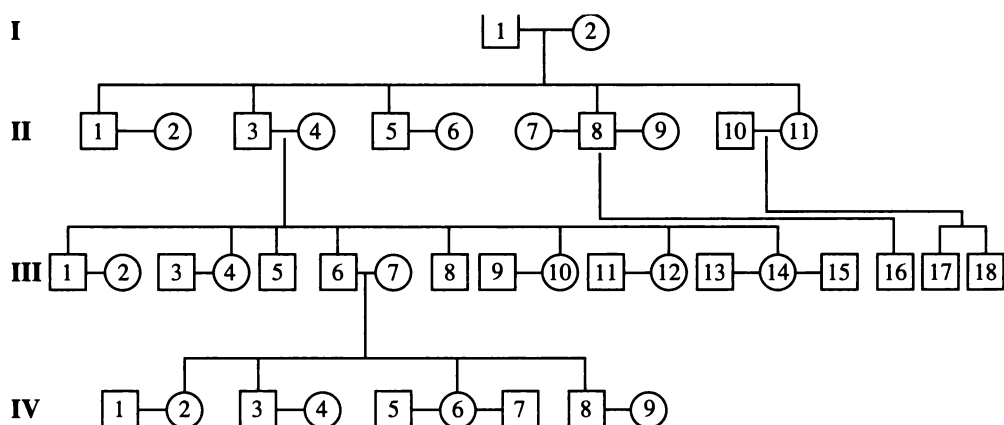
Захоронение Сергея Сергеевича Четверикова приобрело современный вид в 1990 г., когда отмечали 110 летний юбилей его рождения. По инициативе и под руководством заведующего музеем Нижегородского Государственного университета Т.И. Ковалевой при участии биологического факультета проведены

юбилейные чтения памяти С.С. Четверикова. В них принимали участие д.б.н. А.П. Акифьев, член-корреспондент РАМН Иванов В.И., зам. директора Института генетики РАН И.А. Захаров (г. Москва). На юбилейные чтения приезжали родственники С.С. Четверикова: Николай Александрович Майков – сын сестры Сергея Сергеевича (из г. Цюриха), приезжали из Москвы три племянницы Сергея Сергеевича и один внучатый племянник. В могиле С.С. Четверикова было произведено захоронение урны с прахом его брата Н.С. Четверикова, и на передней стенке памятника прикреплена доска с именем и датами жизни и смерти Н.С. Четверикова. Реконструкция мемориала осуществлена за счет средств университета, проект мемориала – эскиз – выполнен художником Г.И. Красильниковой (в тот период она работала художником музея университета), озеленение памятника осуществлено сотрудниками ботанического сада ННГУ.

Приложение

РОДОСЛОВНАЯ ПРОФ. СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА ЧЕТВЕРИКОВА

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ

I 1: Василий Никитич Четвериков (1730–1785)

2: Авдотья Степановна Четверикова (серед. XVIII в.–I пол. XIX в.)

II 1: Андрей Васильевич Четвериков (1768–1830)

2: Прасковья Ивановна Сабатова (1788) – жена Андрея Васильевича Четверикова

3: Иван Васильевич Четвериков – большой (1775–1852)

4: Аграфена Михайловна Шаламова (1787 – после 1858) – жена Ивана Васильевича – большого

5: Илья Васильевич Четвериков (1781–1832)

6: Прасковья Семеновна – жена Ильи Васильевича Четверикова

7: – первая жена Ивана-меньшого, мать 5-х детей

8: Иван Васильевич Четвериков – меньшой (1782–1842)

9: Клеопатра Филипповна – вторая жена Ивана-меньшого, мать 7-х детей

10: ... – Михайлов – муж Арины Васильевны Четвериковой

11: Арина Васильевна Четверикова (1806–1839)

III 1: Дмитрий Иванович Четвериков (1804 – после 1850)

2: Софья Ивановна Варенцова – жена Дмитрия Ивановича Четверикова

3: Дмитрий Петрович Сырейщиков – муж Веры Ивановны Четвериковой

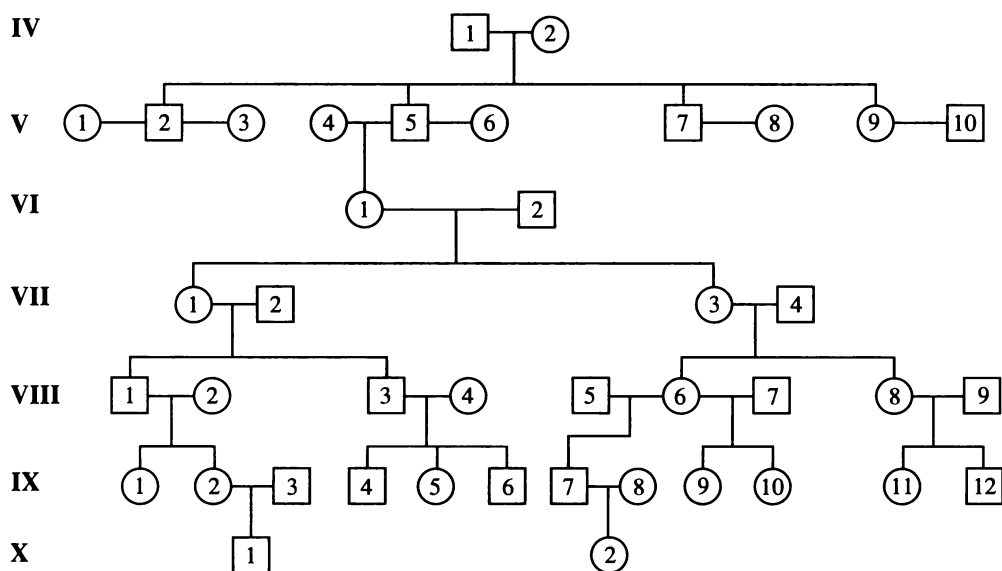
4: Вера Ивановна Четверикова (1808–?)

5: Николай Иванович Четвериков (1813–1854). Холост

- 6: Иван Иванович Четвериков (1817–1871) – потомственный дворянин
 - 7: Анна Дмитриевна Самгина (1831–1880) – жена Ивана Ивановича Четверикова
 - 8: Семен Иванович Четвериков (1819–?). Холост
 - 9: Н.П. Крестовников – муж Александры Ивановны Четвериковой
 - 10: Александра Ивановна Четверикова (1822–?)
 - 11: Н.П. Агеев – муж Марии Ивановны Четвериковой
 - 12: Мария Ивановна Четверикова (1824–?)
 - 13: А.В. Назаров – первый муж Елены Ивановны Четвериковой
 - 14: Елена Ивановна Четверикова (1825–?)
 - 15: ... – второй муж Елены Ивановны Четвериковой
 - 16: Дмитрий Иванович Четвериков – сын Ивана меньшего*
 - 17: Иван Михайлов*,
 - 18: Василий Михайлов* – сыновья сестры Ивана-большого Арины
- IV**
- 1: Степан Алексеевич Протопопов – муж Марии Ивановны
 - 2: Мария Ивановна Четверикова (1849–1923)
 - 3: Сергей Иванович Четвериков (1850–1929) – отец Сергея Сергеевича Четверикова
 - 4: Мария Александровна Алексеева (1856–1935) – жена Сергея Ивановича
 - 5: И.Дм. Стахеев – первый муж Екатерины Ивановны Четвериковой (1854–1883)
 - 6: Екатерина Ивановна Четверикова (1856–1918)
 - 7: Л.В. Кареев – второй муж Екатерины Ивановны
 - 8: Дмитрий Иванович Четвериков (1858–1910)
 - 9: Александра Александровна Алексеева (1863–1912) – жена Дмитрия Ивановича Четверикова

* Племянники жили, воспитывались и учились в семье Ивана Васильевича Четверикова большого наравне с собственными детьми

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ С.С. ЧЕТВЕРИКОВА

СЕМЬЯ И ПОТОМКИ

IV 1: Сергей Иванович Четвериков

2: Мария Александровна Алексеева

V 1: Екатерина Александровна Пельтцер (1878–1962) – жена Ивана Сергеевича

2: Иван Сергеевич Четвериков (1875–1945)

3: Юзефа Горска – вторая жена Ивана Сергеевича

4: Елена Яковлевна Пархоменко (1878–1938) – первая жена Сергея Сергеевича

5: Сергей Сергеевич Четвериков (1880–1959)

6: Анна Ивановна Кулакова-Сушкина (1882–1947) – вторая жена Сергея Сергеевича

7: Николай Сергеевич Четвериков (1885–1973)

8: Вера Алексеевна Северина (1886–1929 или 1934)

9: Мария Сергеевна Четверикова, по мужу – Майкова (1893–1975)

10: Александр Иванович Майков (1899–1979) – муж Марии Сергеевны

VI 1: Елена Сергеевна Четверикова (1903–1970)

2: Василий Иванович Воздвиженский (1895–1981) – муж Елены Сергеевны

VII 1: Елена Васильевна Четверикова-Воздвиженская, по мужу – Риле (1924–1987)

2: Валентин Карлович Риле (1922–1985) – муж Елены Васильевны

- 3: Ирина Васильевна Четверикова-Воздвиженская, по мужу Загорье (1924 г.р.)
- 4: Борис Абрамович Загорье (1922–1976)

VIII 1: Сергей Валентинович Риле (1945–1995)

- 2: Светлана Константиновна Риле, урожденная Колобова (1948 г.р.)
- 3: Георгий Валентинович Риле (1950 г.р.)
- 4: Елена Борисовна Риле, урожденная Воробьева (1950 г.р.) – жена Георгия Валентиновича Риле
- 5: Владимир Герасимов (1952 г.р.) – первый муж Людмилы Борисовны Загорье
- 6: Людмила Борисовна Загорье, по первому мужу Герасимова (1952 г.р.)
- 7: Владимир Ярош (1960 г.р.) – второй муж Людмилы Борисовны Загорье
- 8: Елена Борисовна Загорье, по мужу – Палкина (1960 г.р.)
- 9: Владимир Палкин (1953 г.р.) – муж Елены Борисовны Загорье

IX 1: Елена Сергеевна Риле (1970 г.р.)

- 2: Наталья Сергеевна Риле (1973 г.р.)
- 3: Денис Октавиевич Толстихин (1973 г.р.) – муж Натальи Сергеевны Риле
- 4: Дмитрий Георгиевич Риле (1970 г.р.)
- 5: Евгения Георгиевна Риле (1972 г.р.)
- 6: Николай Георгиевич Риле (1985 г.р.)
- 7: Дмитрий Владимирович Герасимов (1973 г.р.)
- 8: Инна Лазаревна Мармер (1972 г.р.) – жена Дмитрия Владимировича Герасимова
- 9: Мария Владимировна Ярош (1983 г.р.)
- 10: Ксения Владимировна Ярош (1991 г.р.)
- 11: Анна Владимировна Палкина (1984 г.р.)
- 12: Андрей Владимирович Палкин (1988 г.р.)

X 1: Роман Денисович Толстихин (1996 г.р.)

- 2: Анастасия Дмитриевна Герасимова (1997 г.р.)

КОММЕНТАРИИ

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ

ГОДЫ УЧЕБЫ (1892–1909)

1.

С.С. Четвериков в реальном училище поражал педагогов своей феноменальной памятью и отличными успехами в учебе, продолжавшейся четыре года. Аттестат об окончании училища, кроме официальных лиц, подписали 15 преподавателей и два священника.

2.

Желая получить в дальнейшем высшее образование, Сергей Четвериков остался в реальном училище дополнительно еще на один год для более углубленного изучения школьных предметов.

3.

Справка является краткой выпиской из аттестата зрелости и представляет собою заверенную копию, выданную С.С. Четверикову из личного дела, хранившегося в архиве ИМУ. В аттестате сообщается о 10 учебных дисциплинах, в то время как С. Четвериков сдал 18 экзаменов. Это свидетельствовало о том, что многие экзамены объединялись в одну дисциплину. Так, математика включала арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию и математическую географию; русский язык и литература – объединились в одну оценку, древние языки, как и иностранный язык, оценивались по два экзамена в одной оценке.

4.

Первый год обучения С.С. Четверикова в ИМУ сопровождался бурными событиями в студенческой среде: волнениями по поводу направления 183-х киевских студентов в солдаты за вольнодумство. Сергей, зараженный общим возмущением и протестом, присоединился к студенческим сходкам и митингу в феврале 1901 г., за что и попал в Бутырскую тюрьму.

5, 6.

Согласно приказам ректора ИМУ [ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 232. Д. 31. Л.25] участники беспорядков 23 февраля 1901 г. получили осуждение и наказания: от выговора до исключения из числа студентов. Приказы-подлинники подшиты в специальные журналы и подписаны руководителями ИМУ, списки студентов – без подписей – приложены к прика-

зам. Студент С.С. Четвериков получил выговор с предупреждением. Студенты других учебных заведений, в том числе слушательницы ВЖК, поддерживавшие студенческие демонстрации, среди них жена С.С. Четверикова Е.Я. Пархоменко, были арестованы и высланы из Москвы на родину. По документам, которые представлены в дальнейшем, очевидно, что ссылка Е.Я. Пархоменко продолжалась недолго: в 1903–1904 гг. она училась на III курсе ВЖК. [ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 9. Лл. 30а, 83].

Имеются документы, подтверждающие, что после первого ареста Сергея Четверикова (1901 г., Манеж–Бутырки) он дал обещание не нарушать в будущем правила поведения студентов и был допущен к занятиям в университете.

“Из списка студентов – участников беспорядков зимы 1901 г., допущенных к продолжению учебы в Московском университете.

[Список участников беспорядков II и III группы, давших подписку подчиняться всем университетским правилам].

[В числе студентов естественного отделения 2-го семестра]:

№ 87 Четвериков Сергей.

19 апреля 1901 г.”

[ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 232. Д. 49. Лл. 46–48].

7.

Сергей Четвериков был включен в группу медиков, допущенных к повторной сдаче экзаменов по физике и органической химии. Эти дисциплины он должен был сдавать еще зимой. Однако программу обучения на первом курсе он решил повторить в 1901–1902 учебном году. Были ли им сданы экзамены по физике и органической химии в мае 1901 г., нам неизвестно. В его личном деле [ЦИАМ] об этом сведений не имеется.

8, 9.

Напомним, что в феврале 1906 г. братья Сергей и Николай Четвериковы были арестованы. За отсутствием улики через несколько недель Сергей был отпущен домой; Николай был судим, исключен из ИМУ и отсидел в Бутырках восемь месяцев. Из-за ареста и заключения С. Четвериков не успел написать сочинение до государственных испытаний. Его ходатайство о допуске к государственным испытаниям поддерживала кафедра зоологии ИМУ.

В марте 1906 г. Сергей Четвериков занимался на 7-м семестре четвертого курса. Это значит, что после экспедиции с проф. П.П. Сушкиным на Тарбагатай он зиму 1904–1905 г. посвятил обработке собранных материалов и повторил на следующий год последние семестры обучения, как это было на 1-м курсе. Таким образом, вместо четырех Сергей Четвериков учился в ИМУ шесть лет. Как это следует из документа [ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 10], государственные экзамены (испытания) в ИМУ в 1906 г. были платными. С С. Четверикова было взыскано 20 руб. на вознаграждение экзаменаторов и другие расходы испытательной комиссии.

10.

Государственные испытания состоялись в марте-мае 1906 г. Сергей Четвериков сдал 12 экзаменов – на отлично. И, хотя сочинение еще не было представлено, госкомиссия вынесла решение присудить ему диплом I степени и выдать последний после представления сочинения.

В диплом выпускника естественного отделения ИМУ вносились 11 текущих экзаменов (они делились между зоологами и ботаниками) и 7 государственных испытаний, кроме того 7 дополнительных, из которых один – по выбору экзаменуемого [ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 462. Д. 2261. Т. 1. Лл. 3, 35. Подлинники]. Для лиц, претендующих на диплом I-й степени, необходимо было представить сочинение. Поэтому диплом С.С. Четвериков получил лишь в декабре 1906 г.

Как все дворянские дети, С.С. Четвериков с детства был приписан к воинской части, в которой должен был служить после окончания учебы в университете. Но в связи с отложением срока получения диплома была отсрочена и явка на воинскую службу.

Ходатайство С.С. Четверикова об отсрочке явки в полк было поддержанно попечителем Московского учебного округа.

“Сообщение от попечителя Московского Военного округа г. коменданту 12 гренадерского Астраханского полка Императора Александра III об отсрочке выдачи свидетельства об окончании Университета Сергею Четверикову от 25 августа 1906 г.

Господину Командиру 12 гренадерского Астраханского полка Императора] Александра III

Канцелярия Поп[ечителя] Моск[овского] Учебн[ого] Окр[уга] по распоряжению Нач[альника] Окр[уга] вследствие прошения Сергея Четверикова ч[есть] им[ею] Уведомить Вас, М[илостивый] Г[осударь], что означенный Четвериков выдержал в текущем году установленные испытания в Физико-Матем[атической] Испыт[ательной] К[омиссии], по отделению ест[ественных] наук при И[мператорском] М[осковском] Ун[иверсите]те и временное свидетельство о выдержании испытаний ему будет выдано по представлению им сочинения.

Подписал Попечитель Канцелярии Е. Михайлов; Скрепил: столоначальник Азоров.”

Документ на бланке: Министерство Народного просвещения. Попечитель военного округа.

Пометы: Дело 4/5 Четвериков, ест[ественник] 1906 г. № 18303.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 398. Л. 4. Заверенная копия.

12–17.

С.С. Четвериков диплом об окончании ИМУ получил в декабре 1906 г. и сразу же в сентябре 1907 г. при поддержке проф. М.А. Мензбира стал хлопотать об оставлении его при кафедре зоологии и сравнительной анатомии для подготовки к профессорскому званию. После согласия ректора ИМУ и Попечителя Московского учебного округа при положительном медицинском заключении студенческого доктора Н.Д. Лебедева С.С. Четвериков был оставлен при кафедре зоологии и сравнительной анатомии ИМУ на два года без получения стипендии или иного содержания.

ГОДЫ РАБОТЫ И ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ (1909–1959)

Высшие женские курсы Герье (1909–1919)

К сожалению, нам удалось найти лишь небольшое количество документов, относящихся к этому периоду жизни и работы С.С. Четверикова. Фотография 1918 г. перед переводом ВЖК во II МГУ, где присутствуют и профессора и слушательницы курсов, имеет столь неважное качество, что мы посчитали невозможным представить ее в книге.

20.

Данный документ позволяет уточнить дату зачисления С.С. Четверикова на работу в качестве лаборанта на кафедру зоологии, руководимую проф. Н.К. Кольцовым. Приглашение на работу было ему сделано Н.К. Кольцовым.

Как показывает ведомость на выдачу зарплаты, к работе на ВЖК С.С. Четвериков приступил в октябре 1909 г., по-видимому, в середине месяца (первая выдача зарплаты – 4 ноября – 150 руб., а аванс за ноябрь – 100 руб.).

Тридцатилетний С.С. Четвериков уже известный энтомолог и лепидоптеролог. Официальное извещение из Петербурга об его избрании действительным членом Русского энтомологического общества подчеркивает уважение к молодому преподавателю МВЖК. Рекомендации С.С. Четверикову были даны А. Семеновым, Н. Кузнецовым и В. Мазарским 11 октября 1910 г.

В начале 1918 г., как и отец, С.С. Четвериков в д. Новая Слобода вступает в крестьянскую общину. Можно предполагать, что неясность относительно будущего МВЖК (назревало решение об их ликвидации), побудила Сергея Сергеевича предпринять шаги для обеспечения существования своей семьи на случай безработицы.

По данной ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам II МГУ за январь 1919 г. можно видеть, во-первых, что С.С. Четвериков числился в этом вузе штатным профессором и, во-вторых, что он начал работать в нем с января 1919 г., т.к. в предыдущем 1918 г. его имя фигурировало лишь в документах МВЖК. Приказа о превращении Женских курсов в университет мы не искали, т.к. этот факт является общеизвестным. Кстати, проф. Н.К. Кольцов, зав. каф. зоологии ВЖК и II-го МГУ, проходил по ведомостям, как штатный профессор медицинского, а не физико-математического факультета, хотя кафедра зоологии была одна и та же.

I МГУ (1909–1929)

При слиянии естественного факультета МВЖК с соответствующими кафедрами I МГУ в связи с уже имеющимися в последнем зоологическими кафедрами для коллектива Н.К. Кольцова была создана кафедра сравнительной зоологии с большим зоологическим практикумом, где профессору С.С. Четверикову была предоставлена должность самостоятельного преподавателя.

В пункт 13 личного листка научного работника вкралась небольшая ошибка: С.С. Четвериков вместе с Н.К. Кольцовым был переведен на естественное отделение физмата I МГУ уже в ноябре 1919 г. С.С. Четвериков, очевидно, не придавал этому факту существенного значения. В платежных ведомостях за ноябрь и декабрь 1919 г. во II МГУ фамилии Четверикова и Кольцова вычеркнуты.

В пункте 16 о начале научной деятельности С.С. Четвериков указывает 1904 г., летом которого он принял участие в экспедиции на Алтай под руководством П.П. Сушкина. К этому моменту он, будучи студентом, уже имел 7 печатных работ лепидоптерологического содержания и несколько научных выступлений перед студентами и преподавателями – естественниками.

В пункте 19 С.С. Четвериков скромно говорит о 18 публикациях (к 1923 г.). Более тщательный анализ, проведенный проф. Н.М. Артемовым, установил, что к этому сроку Сергей Сергеевич имел уже 24 публикации [см. *Н.М. Артемов, Т.Е. Калинина* “Сергей Сергеевич Четвериков”, М.: Наука. 1994. С. 147–148].

По-видимому, С.С. Четвериков в 1923 г. еще недооценивал свою раннюю работу “Волны жизни” [Дневник Зоол. отд. Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1905. Т. 3, № 6. С. 106–111]. Высказанные в этой работе мысли подспудно зрели у С.С. Четверикова и были оформлены далеко идущими выводами в работе 1926 г., заложившей основы популяционной генетики, и эволю-

ционными представлениями современной биологии. “Волны жизни” – это первая и существенная ступень к дальнейшему развитию эволюционного учения Дарвина. Поэтому эту работу С.С. Четвериков по праву мог включить в 1923 г. в число своих важнейших публикаций.

25.

Анкета и личный листок научного сотрудника заполнены рукою С.С. Четверикова. Хотя на анкете нет даты, есть основания полагать, что документ заполнялся позднее личного листка. Однако в графе научная деятельность Сергей Сергеевич написал “1909 г.”, а в личном листке – “1904”. По-видимому, в анкете он имел в виду начало преподавательской, а не научной деятельности.

В графе “Список ученых трудов” С.С. Четвериков указывает работу 1926 г. Значит анкета заполнялась позднее. В графе “Читаемые курсы и выполняемая работа” он пишет о чтении курсов генетики, биометрии и энтомологии. В то же время, в других документах (см. № 27) говорилось, что с 1925 г. Сергей Сергеевич курс энтомологии уже не вел, но организовывал чтение и лабораторные занятия по генетике. Видимо, при заполнении официальных документов он иногда отступал от своего обычного педантизма и допускал неточности и описки, полагая эти анкеты пустой формальностью.

В графе “Социальное происхождение” С.С. Четвериков осторожно пишет “трудо-вая интеллигенция” вместо указания на то, что вышел из купеческой буржуазной среды. Здесь, очевидно, проявилась явная осторожность и боязнь попасть в число гонимых в те времена слоев населения (он и так был лишен гражданских прав).

Что касается научной деятельности, то отнесение ее начала к 1909 г. совершенно неправомерно. Уже на первом курсе ИМУ С.С. Четвериков занимался изучением беспозвоночных (гидры) и сделал сообщение в студенческом научном обществе. За время учебы он опубликовал 10 научных работ, т.е. начало научной деятельности следует относить к 1901 г.

26.

Охранное свидетельство, выданное С.С. Четверикову 18 августа 1924 г. от имени совета РЭО, свидетельствовало о высоком авторитете С.С. Четверикова как лепидоптеролога. Из переписки с отцом, находившемся в эти годы в Швейцарии, известно, что коллекция бабочек включала около 8000 экземпляров. Через 30 лет коллекция, сданная в ЗИН АН СССР, содержала около 120 тыс. бабочек.

27.

Из программы курса генетики (предположительно 1925–1926 гг.) мы представили лишь несколько пунктов, чтобы показать читателям тот научный уровень, с которого С.С. Четвериков впервые приступил к чтению курса генетики студентам естественного отделения физико-математического факультета I МГУ.

28.

Письмо доцента I МГУ С.С. Четверикова написано в день публикации в газете “Известия” 7 сентября 1926 г. некролога по поводу смерти Каммерера и попыткой диффамации С.С. Четверикова. Проведенная по просьбе проф. Н.К. Кольцова экспертиза почерка выявила, что написана поздравительная открытка не С.С. Четвериковым. Однако круги от этого клеветнического поступка явно непорядочного человека расходились еще много лет. Вряд ли этот факт мог быть забыт несправедливо опороченным талантливым ученым. В качестве примера одного из таких “эхо” приводим высказывание ботаника Бориса Александровича Келлера, акад. АН СССР и ВАСХНИЛ (не дословное извлечение): В моей записной книжке “Генетика” приведено сообщение пре-

зидиума Коммунистической академии по поводу самоубийства Каммерера, напечатанного в свое время в “Известиях”. В этом обращении упомянуто поздравление с выражением злобной радости по поводу самоубийства Каммерера. Под письмом значилось имя проф. Четверикова. Позднее выяснилось, что проф. Четвериков не имеет ничего общего с письмом и подпись с его именем подложна.

Я выражаю глубокое сожаление и очень прошу у проф. Четверикова извинения за то, что повторил невольную ошибку.

20.VIII.1933

Академик Б. Келлер

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Лл. 75, 76. Фотокопия с рукописи.

Немногие осмелились поднять голос в защиту С.С. Четверикова. Одним из них был директор ИЭБ Н.К. Кольцов. В день публикации Комакадемией некролога о Каммерере он тут же написал письмо в редакцию “Известий”.

7 октября 1926 г.

К письму в редакцию С.С. Четверикова

Когда я прочитал в сегодняшнем № 231 “Известий” за подписью президиума Коммунистической академии: “Памяти проф. Каммерера”, я ни на минуту не допускал мысли, что “проф. Четвериков”, приславший академии “поздравления с самоубийством Каммерера” и преподаватель физмата I-го МГУ Сергей Сергеевич Четвериков – превосходный ученый и честнейший человек – могут оказаться одним и тем же лицом. Благодаря любезности председателя научно-исследовательской секции естественных и точных наук Комакадемии О.Ю. Шмидта я познакомился с указанной открыткой за подписью “проф. Четвериков” и убедился, что ее почерк нисколько не похож на почерк С.С. Четверикова. Для чести профессорского звания хотелось бы думать, что эта открытка не более, как глупая мистификация кого-нибудь неразборчивого в средствах шутника. Но если бы действительно нашелся в ученой среде какой-нибудь проф. Четвериков, позволивший себе возмутительное издевательство над свежей могилой своего собрата по науке, то от своего имени и от имени своих товарищей по университету я заявляю, что подобному профессору не место в нашей среде.

Профессор I МГУ

Ник. Кольцов

Прошу газеты, перепечатавшие статью “Памяти проф. Каммерера”, напечатать и наши письма.

ГАНО. Ф. 377. Оп. 8-а. Д. 97. Л. 75. Авторизованная машинопись.

На следующий день оба письма были опубликованы.

29.

Просьба Н.К. Кольцова о возложении обязанностей заведующего лабораторией большого биологического практикума на С.С. Четверикова на время своего отсутствия свидетельствовала о глубоком уважении к эрудиции и добросовестности своего давнего коллеги. К концу года С.С. Четвериков будет утвержден доцентом.

30.

Хотя в предыдущем документе С.С. Четвериков имел звание доцента, фактически его утверждение произошло в ГУСе лишь 18 декабря 1927 г., когда его срок работы в МГУ составил более 7 лет, а общий стаж преподавания в вузе – 17 лет. Не являлись ли причиной задержки повышения в звании С.С. Четверикова, уже имевшего до 1919 г. звание профессора, те политические гонения, которые открыто начались в 1926 г. и завершились его арестом и лишением возможности работать преподавателем вуза в 1929 г.

Над С.С. Четвериковым сгушалась атмосфера недоверия и недоброжелательности. После семи лет самоотверженной работы (по совместительству) в ИЭБе под руководством того же администратора – проф. Н.К. Кольцова, что и в I МГУ, возникла необходимость предъявить письменное свидетельство о его работе в I МГУ с 1 ноября 1919 г. и подтвердить пребывание на кафедре М.А. Мензбира для подготовки к профессорскому званию в течение двух лет (24 сентября 1907–24 сентября 1909 г.).

Невероятно, но именно в период наиболее активных нападков на С.С. Четверикова, носящих политическую окраску, московский губизбирком восстанавливает доцента Четверикова, потомственного дворянина, в избирательных правах. Правда, извещение об этом поступает ошибочно не по адресу его фактического проживания, а по месту работы в ИЭБе по совместительству.

В августе 1929 г. доцента С.С. Четверикова без суда и следствия выслали из Москвы (арест – 4 июня), а 13 сентября Правление МГУ исключает его из списка преподавателей, 9 октября – из числа научных работников I МГУ.

ИЭБ НАРКОМЗДРАВА (1922–1929)

С 1922 по 1924 г. супруги Четвериковы работали в ИЭБе без вознаграждения, причем Сергей Сергеевич руководил всеми исследованиями по генетике и биометрии, а Анна Ивановна заведовала институтской библиотекой, подбирала литературу для генетической группы, вместе с мужем занималась биометрической обработкой результатов экспериментов.

Отчет С.С. Четверикова о работе генетической группы по изучению мутационного процесса в природных популяциях дрозофил за июль–август 1924 г., кроме результатов работы, показывал, в каких условиях приходилось проводить исследования, с какими трудностями сталкивались молодые ученые в плохо приспособленных условиях для проведения экспериментов (отсутствие термостатов и стандартных кормовых смесей для подмосковных видов плодовых мушек).

План работы аспирантов и научных сотрудников в генетическом отделе составлен лично С.С. Четвериковым с присущей ему добросовестностью и педантичностью. Он выделял вопросы углубленного изучения генетики для лиц с медицинским образованием и специализирующихся в области экспериментальной генетики. В группу на лето часто включались преподаватели школ и вузов для повышения их общебиологической эрудиции.

Из отчета за последний квартал 1924 г. можно видеть, как развивались генетические исследования группы Четверикова после завершения работы на Звенигородской биостанции. Показан объем проделанной работы, например, количество произведенных измерений, дополнительных внеплановых наблюдений и т.д.

40.

Ведомость по заработной плате совместителей – сотрудников ИБЭа, по-видимому, связана с учетом подоходных налогов.

41.

Автобиография С.С. Четверикова (*Curriculum vitae*) помещена в общее дело с биографиями других сотрудников ИЭБа. Следует отметить в ней некоторые неточности:

1) В 1909 г. Сергей Сергеевич был принят на ВЖК ст. лаборантом. Лишь после разработки лекционных курсов по энтомологии и биометрии его перевели сначала на должность ассистента, затем – профессора.

2) Кроме поездки на хребет Тарбагатай в 1901 г., С.С. Четвериков участвовал в экспедиции проф. П.П. Сушкина на Тарбагатай и оз. Зайсан в 1904 г.

3) В Лапландии С.С. Четвериков побывал два-три раза (1921–1928 гг.).

4) К 1925 г., как установил проф. Н.М. Артемов, С.С. Четвериков имел не 17, как он пишет, а 24 печатные работы.

42.

Одновременно с автобиографией С.С. Четвериков представил список своих публикаций (на 19 марта 1925 г.). В списке отсутствовали следующие работы:

1) *Lepidoptera*. Труды студенческого кружка исследователей русской природы Московского Университета, 1903. Т. 1. С. 216–222;

2) *Lepidoptera*. Отчет экспедиции Русского географического об-ва, 1904. С. 92;

3) *Lepidoptera* Минусинского уезда Западного Саяна в западной части Урянхайской степи [П.П. Сушкин, С.С. Четвериков // Тр. Русского энтомологического об-ва, 1907. Т. 38];

4) Список *Lepidoptera* // Список растений и животных окрестностей Глубокого озера. 1907, ч. 2. С. 401–402 [Тр. Ихтиологического отделения Русс. об-ва акклиматизации животных и растений; VI];

5) Предисловие // Изв. Моск. энтомот. о-ва, 1915. Т. 1. С. 111;

6) Предисловие // Изв. Моск. энтомот. о-ва, 1922. Т. 1, № 1. С. 3–4;

7) Магистерская диссертация “Анатомия водяного ослика” (1911. 132 с.) была опубликована под названием “Материалы по анатомии водяного ослика (*Asellus aquaticus* L.)” в книге: С.С. Четвериков. Проблемы общей биологии и генетики. Новосибирск. СО “Наука”. 1983. С. 84–169.

43.

Обращение ИЭБ в правление ГИНЗа о переводе С.С. Четверикова на должность ст. ассистента созрело лишь к маю 1927 г. в то время как он в должности лаборанта в течение пяти лет руководил одним из крупнейших в стране генетическим отделением.

44.

Хотя С.С. Четвериков работал с группой генетиков ИЭБа всего четыре года, материал, собранный коллективом, оказался столь интересным и важным, что заслуживал обнародования на Международном форуме. Он открывал неизвестные до того времени важнейшие причинно-следственные связи между дарвиновским представлением об эволюции и мутационной изменчивостью. Поэтому ИЭБ включил С.С. Четверикова в список ученых для участия на V Международном конгрессе генетиков в Берлине в 1927 г.

45.

Дело “Сведения и переписка по личному составу” содержит самые разнообразные по содержанию документы от списка сверхштатных сотрудников и их научных тем до ходатайств о командировках и сведений о штатных сотрудниках, в том числе С.С. Чет-

верикове. В данном случае публикуется перечень сотрудников, бесплатно работавших под руководством С.С. Четверикова. Для полного представления об объеме работы, выполняемой С.С. Четвериковым, следует указать, что кроме лиц, перечисленных в списке, под руководством С.С. Четверикова работали П.А. Кислинский, К.А. Головинская (аспиранты 1925, 1926 гг.), Н.К. Беляев – единственный штатный лаборант, откомандированные в Берлин супруги Н.В. и Е.А. Тимофеевы-Ресовские и С.Р. Царапкин.

46.

ИЭБ обращался с просьбой о командировании С.С. Четверикова на съезд зоологов в декабре 1927 г. для информации об отечественных исследованиях механизма возникновения и эволюции новых видов живых организмов, проводимых в генетической группе ИЭБа. Конгресс в Берлине состоялся, и русские генетики выступили на нем с триумфом.

В отчете за вторую половину 1927 г. Н.К. Кольцов подчеркивал, что за 10 лет прогресс генетики в нашей стране достиг больших высот, выведя СССР на второе место в мире после Америки. В тексте представлены два абзаца отчета, имевшие отношение к генетическим исследованиям в ИЭБ. За 10 лет генетическому отделу принадлежали 149 публикаций.

[АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 50. Лл. 26–39].

Из отчета следовало что все сотрудники С.С. Четверикова интенсивно печатались, и опубликовали за отчетный период (1927 г.): Н.В. Тимофеев-Ресовский – 4 работы, Д.Д. Ромашов – 3, Промпов – 2, Живаго – 2 и (2 подготовлены к печати), Е.И. Балкашина – 1 (2 подготовлены к печати), Н.К. Беляев – 1 (2 подготовлены к печати) и т.д.

47.

Документ свидетельствует о высокой оценке С.С. Четверикова как сотрудника отдела прикладной зоологии политехнического музея.

48.

В пятилетнем плане за 1929–1934 гг. по отделу генетики ставилась задача оставаться на высоте современного генетического анализа. Предполагалось увеличить количество штатных сотрудников. Все говорило о большом авторитете отдела генетики и его руководителя С.С. Четверикова, который был отлучен от руководства генетическими исследованиями в виду ареста.

49.

Осенью 1929 г. С.С. Четвериков арестован и выслан из Москвы. ИЭБ вынужден заново формировать штатную часть генетического отделения – ставка заведующего и должность лаборанта (Н.К. Беляев после ареста шефа уехал из Москвы). Временное руководство генетическими работами взял на себя директор ИЭБ проф. Н.К. Кольцов. Документ представляет собой рукописный подлинник без подписи директора, вместо его личной подписи слова “Директор ИЭБ”.

Осенью руководство генетическими исследованиями было передано заместителю директора ИЭБа В. Лебедеву, которому пришлось представить отчет о работе за 1928–1929 гг. Текст отчета мы приводим полностью.

Таким образом, отчет за 1928–1929 гг. занявшего должность зав. генетическим отделением ИЭБа проф. В. Лебедева представляет собою замечательный документ. Генетическое отделение признавалось основным теоретическим отделением ИЭБа, а арестованный по политическим обвинениям и высланный из Москвы С.С. Четвериков и работы, им руководимые, получили блестящую характеристику. Чисто теоретические исследования генетической группы глубоко анализировались и сопоставлялись с практи-

ческими проблемами сельского хозяйства и медицины. Следует учесть, что В. Лебедев всего две недели назад получил должность заведующего генетическим отделением. Весь отчет демонстрирует его широкую эрудицию и глубокие чувства чести, гражданского долга и личного уважения к С.С. Четверикову.

Представляем текст отчета проф. В. Лебедева о генетическом отделении полностью:

В структуре И[нститута] Экс[периментальной] Био[логии] Генетическое отделение является основным теоретическим отделением.

1) Всестороннее изучение человека как биологической единицы не мыслимо без подхода к нему с двух точек зрения: изучение воздействия всех внешних влияний на ход жизненных проявлений и его развития, с одной стороны, и изучение внутренних свойств семей биологической единицы, являющейся результатом всей его предшествующей эволюции, с другой. В то время, как главнейшим содержанием огромного большинства научных учреждений, в частности, медицинских, является всесторонний подход именно по первому пути, изучение организмов во втором отношении, если не считать морфологии, анатомии, физиологии и др. дисциплин, хотя и имело место, но почти совершенно не касалось одной из существенных сторон, именно изучения факторов наследственности. Последнее не могло иметь место до последних десятилетий, пока не создалась возможность подойти к нему с точки зрения экспериментального метода и приложения статистической методики (теории вероятностей).

Однако необычайная сложность проблемы по целому ряду причин делает совершенно безнадежным непосредственное решение задачи и создает абсолютную необходимость изучения и постановки основных проблем явления наследственности, общих для всех организмов от растения до человека на других разнообразных объектах, из которых наилучшим надо признать мушку *Drosophila*. Изучение явления наследственности представляется одним из главнейших путей всей работы и[нститута] биологии и наличие твердой теоретической базы должно быть основной предпосылкой.

2) Являясь до самого последнего времени одним из самых мощных отделений института, Генетическое отделение во всех своих работах как за два года, так и раньше целиком следовало своим задачам. Стержневой темой прежнего периода являлось изучение т.н. популяций *Drosophila* в целях доказательства, что живой массив каждой группы организмов содержит в себе в скрытом виде неисчерпаемый запас различнейших новых свойств, полезных и вредных, которые и закреплены в потомстве, если они оказались бы желательными для человека.

3) Все плановые темы отделения имеют увязку с основными задачами Наркомздрава прежде всего в том отношении, что они представляют наиболее реальный подход к такому краеугольному вопросу современной медицины, каким необходимо считать учение о конституции.

Необходимо, впрочем, отметить, [что выполняемые исследования] в большей, и часто уже в практической, форме могут находить приложение в отношении сельскохозяйственных и других полезных животных (шелкопряд и др.). Параллелизм с работами других отделений места не имел.

4) Система выполнения работ носила ясно выраженный характер коллективизма; план и распределение работ производилось совместно. Работы нынешнего и отчасти прошлого года, являвшиеся детальными разработками частных случаев, вытекавших из общей стержневой темы, носили более индивидуальный характер. Общее руководство и спайка работы в полном объеме осуществлялась бывшим заведующим Четвериковым. Последний период общее руководство проводилось дир[ектором] ин[ститута] Н.К. Кольцовым.

Основным, долженствующим иметь огромное теоретическое значение и практические последствия, результатом, является достигнутое совместно с генетиками Коммунистической Академии внедрение генетического метода в сознание достаточного количества врачей как старой, так и в особенности новой формации. С другой стороны, постольку поскольку значительная часть работ посвящалась изучению т.н. феногенетики, т.е. выяснению вопроса проявления наследственных качеств при различных услови-

ях внешней среды, эти работы должны иметь значение в вопросах изучения огромного числа человеческих заболеваний не наследственных по существу, но теснейшим образом связанных с так называемым наследственным предрасположением (туберкулез, эндемический зуб и мн[огое] др[угое]).

До сего времени штатный состав был явно недостаточным – один заведующий и один лаборант. Значительное количество весьма ценных работ и исследований, имеющих всеобщее признание среди европейских и американских ученых, основывалось на умелом руководстве и хорошей подготовке аспирантов ГУСа. Имевшая место единственная командировка б[ывшего] зав[едующего] Четверикова на Международный съезд генетиков в Берлине дала возможность еще более укрепить авторитет генетиков [России]. Имеющаяся в штатах должность завед[ущего] отд[елением] принята мною лишь две недели назад, вакантная должность лаборанта будет замещена в ближайшее время. Имею совместительство в качестве научного работника и заместителя заведующего генетическим отделом КЕПС (Комиссия по изучению производительных сил) Академии наук.

Консультативная работа широко проводилась дир[ектором] и[нститу]та проф. Н. Кольцовым. Большую роль отделение выполняло в деле повышения квалификации лиц, командированных с периферии.

Зав. ген. отд. проф.

В. Лебедев
5.04.30

(АРАН. Ф. 570. Оп. 1–1928–1933 гг. Д. 23. Лл. 50, 51. Подлинник.)

ССЫЛКА (1929–1935)

О пребывании С.С. Четверикова в свердловской ссылке мы не могли найти никаких документов, кроме одной фотографии и переписки с женой. В архивных документах г. Свердловска никаких данных о пребывании С.С. Четверикова в этом городе не было.

50–51.

Относительно Владимирской ссылки: то в личных бумагах С.С. Четверикова были найдены три справки о его трудовой деятельности в учебных заведениях г. Владимира, а две его слушательницы в 1932–1934 гг. любезно предоставили нам свои воспоминания (см. “Воспоминания”).

Два года С.С. Четвериков работал в качестве доцента в Учкомбове, где преподавал энтомологию и биометрию.

В 1934–1935 учебном году в сельско-хозяйственном техникуме С.С. Четвериков преподавал математику. Дополнительных сведений об этом периоде ссылки мы не получили. Данное учебное заведение – сельскохозяйственный техникум и рабфак – возникло после расформирования Учкомбова. Для С.С. Четверикова работы по специальности не нашлось, и ему пришлось преподавать в нем математику.

ГГУ (1935–1948)

52.

Справка, находящаяся в архиве РАН, выдана С.С. Четверикову по окончании Владимирской ссылки для оформления на работу в ГГУ архивом МГУ (из дела Совета Московского университета 1935 г. за № 640).

53.

Профессорская учебная нагрузка на биофаке ГГУ во 2-м семестре 1935–1936 учебного года, как показывает приведенный приказ ректора, колебалась от 312 часов лекций до 170 часов как проректора по учебной работе и дополнялась работой с дипломниками, что примерно соответствует современной нагрузке учебной работой профессорско-преподавательского состава.

54.

“Народный институт системы ОБВ Наркомзема” – один из вариантов наименования “Учкомбова”.

55–56.

В первый год работы в ГГУ Совет Университета поставил вопрос об утверждении С.С. Четверикова в ученой степени доктора биологических наук. Письменного ответа на это представление от ВАКа в архиве ГГУ (ННГУ) мы не нашли.

57.

Премирование проф. С.С. Четверикова руководством университета в первый год его работы в ГГУ свидетельствовало о высокой оценке его знаний, педагогической и организационной работы.

58.

С началом работы в ГГУ С.С. Четвериков включился в общественно-просветительскую деятельность, обещая прочесть в Университете выходного дня для населения три научно-популярные лекции на генетические темы.

59.

По окончании первого (1935–1936) учебного года директор ГГУ Л.А. Маньковский обращается с просьбой об утверждении в должности декана биологического факультета С.С. Четверикова. Письменного ответа на эту просьбу директор не получил. Деканом С.С. Четверикова не утвердили. Видимо, арест и ссылка продолжали оказывать влияние на его судьбу.

60.

В первый семестр 1936–1937 учебного года нагрузка у сотрудников кафедры генетики была несколько меньше, чем во втором семестре предыдущего года. Ассистентская нагрузка ниже, чем в современных вузах.

61.

Если летом 1936 г. С.С. Четвериков дал принципиальное согласие на организацию Селекционного пункта по дубовому шелкопряду, то уже в октябре Наркомзем поставил практическую задачу подготовки высококвалифицированных кадров для русского шелководства путем организации аспирантуры, в частности, в Горьковском университете.

6–8 июля 1938 г. Н.К. Кольцов был командирован в г. Горький для знакомства с состоянием работы на шелководной селекционной станции, организованной в специально построенном в 1937 г. деревянном домике на Щелоковском хуторе близ города. В отчете для комиссии по шелководству при ВАСХНИЛе Н.К. Кольцов дал обоснование для проведения селекционной работы по выведению моновольтинной породы

китайского дубового шелкопряда, который в исходном состоянии бивольтинности не выдерживал климатических условий средней полосы России (богатой дубовыми рощами).

Для разведения шелкопряда на открытом воздухе “необходимо в ближайшее время построить большой навес, защищающий выкормки от дождя, с защищенными сетками для охраны от птиц сторонами. (...), а также обеспечение водоснабжения и проводка электрического освещения являются насущной потребностью станции”. (...)

Из отчета Н.К. Кольцова мы видим, что административно-управленческий персонал состоял из директора, бухгалтера-инкассатора, рабочего-сторожа и технички (4 единицы).

Научный персонал включал научного руководителя (профессор ГГУ), 2 старших научных сотрудника, 3 младших научных сотрудника (аспиранты), 1 старшего лаборанта, 1 младшего лаборанта (всего 8 единиц).

(...) “В настоящее время я ходатайствую также о включении в систему ВАСХНИЛ Горьковской станции для работы по дубовому шелкопряду (...), в настоящее время завелование (...) находится в руках, насколько мне известно, дельных работников и большинство работников имеет достаточную квалификацию”.

Акад. Н.К. Кольцов

АРАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 94. Л. 4.

62.

Приказ о командировке С.С. Четверикова на академическое совещание по зоологическим проблемам свидетельствовал, что он, согласившись работать по селекции китайского дубового шелкопряда, не переставал интересоваться теоретическими проблемами биологии.

63.

Приказ директора ГГУ от 8 декабря 1936 г. позволяет определить дату (10–12 декабря 1936 г.), когда С.С. Четвериков практически начал готовиться к организации селекционных исследований по китайскому дубовому шелкопряду.

64.

Утверждение проф. С.С. Четверикова членом комиссии по проверке выполнения плана научной работы биологическим факультетом позволило ему войти в курс исследований всех кафедр биофака.

65.

Предполагаемое строительство университетского городка, расширение площадей кафедр и увеличение приема абитуриентов потребовало разработки проектов новых помещений. Один из таких проектов, разработанный Сергеем Сергеевичем, опубликован в книге. Проект и строительство осуществлены не были. После войны, когда строительство было начато, кафедра генетики ГГУ (после 1948 г.) уже не существовала. Нет ее в Нижегородском университете им. Н.И. Лобачевского и в настоящее время.

66.

Планы учебной работы кафедры генетики на 1937 и последующие годы дают читателю представление о содержании и объеме знаний, которые получали студенты, специализирующиеся по генетике и селекции. Расчет кадров произведен по расширенному варианту, предусмотренному строительством нового здания биофака.

67.

Четвериков С.С., занимая должность профессора и зав. кафедрой, вместе с рядом других коллег получал по договоренности с Наркомпросом персональный оклад в 700 руб. Однако персональные оклады должны были заново утверждаться, по-видимому, ежегодно. Первое обращение Совета ГГУ по поводу утверждения персональных окладов было отправлено в ноябре 1936 г. Очевидно, оно не удовлетворило наркомпросовские инстанции.

68.

Весь отчет о состоянии научной работы на биофаке ГГУ в 1936 г. написан рукой С.С. Четверикова. Он имеет большую текстовую часть с анализом тематики по каждой кафедре и хода выполнения исследований. Мы даем лишь выборку о работе руководимой проф. С.С. Четвериковым кафедры генетики и селекции. Большинство тем – переходные с окончанием в 1937 г. Значит, проверка состояния научной работы и отчет выполнены в конце 1936 г. – в начале 1937 г.

69.

В архиве спецчасти собраны документы, не предназначенные для разглашения. С.С. Четвериков вместе с другими крупными учеными – Андроновым, Пузановым и Дьячковским характеризовались как люди, не способные идти на компромисс со своими убеждениями, не боящимися быть в оппозиции с парткомом.

70.

Письмо из Управления высшей школы Наркомпроса сообщало о движении документов, поданных ректором ГГУ, с ходатайством об утверждении С.С. Четверикова в ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации. С.С. Четвериков проработал в ГГУ 2 года.

71.

Приказ по ГГУ от 16 января 1938 г. о зачислении в штат Четверикова Сергея Сергеевича и.о. зав. каф. генетики и селекции, наконец приобретало официальный статус через 2,5 года работы его в данной должности. В выписке из приказа допущена опечатка: вместо “по биологическому” машинистка напечатала “по химическому факультету.” Естественно, что на химфаке никогда не было кафедры генетики и селекции, на которой работал С.С. Четвериков.

72.

И.о. директора ГГУ (после ареста проф. Л.А. Маньковского) проф. В.Д. Семенов в январе 1938 г. ввел проф. С.С. Четверикова в состав Совета ГГУ впредь до утверждения ВКВШ (§ 4 приказа) наряду с другими профессорами биофака.

73.

ВАК решением от 5 февраля 1938 г. утвердила С.С. Четверикова в ученом звании профессора, но не присудила докторскую степень, а лишь ученую степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Напоминаем, что в 1911 г. он защитил магистерскую диссертацию, а во II МГУ служил штатным профессором. Политическое недоверие продолжало преследовать талантливого ученого и педагога.

75.

В характеристике С.С. Четверикова, как члена Совета ГГУ, в архиве документов спецчасти допущены грубые описки: С.С. Четвериков во Владимир был сослан на три года, а не на три месяца; кроме того, до Владимира он был сослан на три года в г. Свердловск.

76.

С.С. Четвериков проработал в ГГУ уже почти три года, но 3 марта 1938 г. и.о. директора проф. В.Д. Семенов подал в Управление Высшей школы Наркомпроса просьбу об утверждении его в должности зав. кафедрой генетики и селекции ГГУ, хотя в приказе ректора от 5 января 1938 г. он был утвержден в.и.о. зав. кафедрой. Почему? Недоверие к представлению, сделанному в 1935 г. арестованным в январе 1938 г. Л.А. Маньковским? Во всяком случае, действие непонятное и вневременное.

77.

В ВКВШ при Наркомпросе представлен список членов Совета университета, составленный, по-видимому, еще в 1935 г. Нами сделана выборка из списка только профессоров – биологов, составленного и поданного в 1938 г. Непонятно почему не подсчитан педагогический стаж Четверикова (24 года: 9 лет МВЖК + 9 1/2 I МГУ + 3 во Владимире + 2 1/2 г. в ГГУ, 1 г. во II МГУ).

78.

Аспирантский отчет Белова П.Ф. еще раз продемонстрировал, как ответственно относится проф. С.С. Четвериков к подготовке своих учеников, вникая во все частные вопросы выполнения плана учебы, строго спрашивая за небрежную работу не только с аспирантов, но и с преподавателей, которые с ними работали.

79.

Доклад декана на Совете биофака 14 мая 1938 г. о научно-исследовательской работе кафедр, планы которых прошли рецензию в Москве и в целом одобрены.

80.

Приказ по ГГУ от 11 июля 1938 г. знакомит нас с остаточными явлениями дискриминации С.С. Четверикова – оклад его наименьший среди заведующих кафедрами – кандидатов наук (Черневский А.Н. – 1300 р., Четвериков – 1200, хотя имел вдвое больший трудовой стаж).

81.

План научных исследований в январе 1939 г. на ближайшие четыре года подписан А.Д. Некрасовым и представлен в научную часть ГГУ от его имени. Фактически в это время обязанности декана уже исполнял С.С. Четвериков, но... Наркомпрос упорно отказывался его утверждать.

На кафедре генетики практически все силы были сосредоточены на разработке темы по выведению новой популяции китайского дубового шелкопряда.

82.

Из отчета А.Д. Некрасова об учебной работе за 1 семестр 1938–1939 учебного года выбран материал, касающийся кафедры генетики. В период разгара дискуссии лысенковцев с “менделисто-морганистами” комсомольцы, воодушевленные напористостью и

обещаниями Лысенко в два–три года озолотить наше государство, проявляли повышенный интерес к сущности его [Мичурина–Лысенко] “учения”. Вопрос был перенесен на Совет университета. Травля набирала силу.

83.

Педантичность С.С. Четверикова иногда ему изменяла: вместе с другими профессорами биофака им пришлось представлять в дирекцию расчеты потребных штатов на 1939–1940 г. лишь после специального порицания в приказе со стороны ректора М.А. Шеронина. Через день подробный расчет учебной нагрузки кафедры генетики был представлен в ректорат (28 июня 1939 г.) и включал более полутора десятков пунктов – образец честного и скрупулезного планирования учебной работы на кафедре.

84.

Приказ ректора от 16 июля 1939 г. о комплектовании состава конкурсной комиссии на биофаке в связи с объявленным конкурсом на должность доцента – селекционера сельскохозяйственных культур. Документы поданы генетиком-селекционером Юрием Петровичем Мирюта. На кафедре доцентской вакансии не оказалось. Чтобы принять в штат Ю.П. Мирюта, Зое Софроновне Никоро тактично было предложено отдать свою доцентскую ставку, а самой перейти на 0,5 ставки ассистента кафедры и 0,5 ставки старшего научного сотрудника Опорного пункта по шелкопряду. Зоя Софроновна согласилась на этот вариант, материально она немного проигрывала. Она понимала, что наличие кафедрального сотрудника-селекционера растений снимает ряд проблем с приглашением лекторов со стороны. Побочным следствием явилось напряженно-недоверчивое отношение к ней доцента Мирюта. Этот честный человек не мог поверить в абсолютное бескорыстие Зои Софроновны: сначала отдала должность зав. кафедрой проф. С.С. Четверикову, а теперь отдала ему, Мирюте, доцентство.

Не доверял “бескорыстию” З.С. Никоро и сам Сергей Сергеевич, впоследствии это было причиной ее увольнения из ГГУ. Она при этом сохранила глубокое уважение к С.С. Четверикову как к человеку и ученому.

85.

Летом 1939 г. С.С. Четвериков, несмотря на большую загрузку работой на Опорном пункте, участвовал в приемной комиссии университета. Плохо работать он не умел. В результате – благодарность ректора.

86.

Комиссия по шелководству ВАСХНИЛа и Главшелк Наркомзема периодически созывали совещания по исследованиям шелкопряды, на них регулярно бывал и С.С. Четвериков, в том числе с отчетами о ходе и результатах своей селекционной работы на Опорном пункте.

87, 88.

Студенты, аспиранты и лаборанты кафедры зоологии беспозвоночных добились согласия С.С. Четверикова прочесть им курс энтомологии и обратились за соответствующим разрешением к ректору университета. Разрешение было получено и оформлено в виде приказа от 22 октября 1939 г.

89.

План НИР кафедры генетики и селекции включал солидные разработки по селекции китайского шелкопряды, рассчитанные на 1940 и ряд последующих лет, в которых

участвовали почти все сотрудники и аспиранты кафедры. Четвериков С.С. уже числится деканом, хотя приказа из Наркомпроса о его утверждении в этой должности в ГГУ еще не поступало. Управление университетов Наркомпроса в письме ректору ГГУ от 9 февраля 1940 г. утвердило план научных исследований кафедр биологического факультета на 1940 г., сделав предварительно анализ плана исследовательских работ и ряд замечаний. План работ по кафедре генетики как теоретического, так и прикладного характера был одобрен. Однако отмечалось что в представленном варианте “тематика кафедры генетики (...) недостаточно отвечает задачам критического пересмотра ряда положений генетики, поставленным перед соответствующими кафедрами совещанием, созванным редакцией ПЗМ в октябре 1939 г. и статьей “За передовую науку”... [газета “Правда”, декабрь 1939 г.]. Наступление лысенковщины продолжалось.

[ГАНО. Ф. 377. Оп. 6. Д. 163. Л. 39. Подлинник].

90, 91, 92.

С 15 мая 1940 г. проф. С.С. Четвериков официально занимал должность декана.

93.

Отчет о научно-исследовательской работе кафедр биофака за последний квартал 1940 г. представляет собою тетрадь, заполненную мелким почерком лично С.С. Четвериковым. Мы приводим лишь материалы, касающиеся непосредственно кафедры, руководимой проф. С.С. Четвериковым.

94.

Академик ВАСХНИЛ, член-корреспондент АН СССР Н.К. Кольцов в 1940 г. скоропостижно скончался от инфаркта, по всей видимости, наступившего в результате многолетней политической травли и изгнания его с директорской должности из созданного им в 1917 г. ИЭБ. Именно Кольцов пригласил С.С. Четверикова сначала на кафедру зоологии МВЖК, затем руководителем генетических работ в ИЭБ и преподавателем на кафедре зоологии и в лаборатории большого зоологического практикума. Защищая доброе имя С.С. Четверикова в 1926 и в 1929 г., хлопотал о его освобождении после ареста, приглашал работать в ИЭБ после ссылки... Кольцов сыграл одну из решающих ролей в определении судьбы С.С. Четверикова. Жена Н.К. Кольцова на другой день после смерти мужа покончила жизнь самоубийством.

95.

Отчет проректора по научной работе К. Новосельцева за 1940 г. для представления в НКЗ СССР свидетельствовал об успешной исследовательской работе кафедры С.С. Четверикова по селекции китайского дубового шелкопряда. Теоретические разработки Сергея Сергеевича по биометрии и труд по чешуекрылым были фактически прекращены.

96.

Политическая учеба охватывала всех членов коллектива университета: вспомогательный персонал, студентов и преподавателей. Первые две группы ограничивались политинформациями; последние самостоятельно и более глубоко изучали различные политические проблемы. По-видимому, возможность включения в военные действия против Советского Союза стран восточно-азиатского региона сделала актуальной проведение теоретической конференции. С ведущим докладом “Роль Тихоокеанского бассейна в мировой экономике” выступил проф. С.С. Четвериков. Конференция включала преподавателей всех трех факультетов (биофака, химфака, физмата).

Столкновение между профессором С.С. Четвериковым и его бывшей аспиранткой В.Д. Смирновой, окончившей аспирантуру без защиты диссертации, произошло без свидетелей. Причиной бурной реакции Сергея Сергеевича явилось, по-видимому, предложение ученицы занять должность зав. Опорным пунктом, которую уже два года занимал ее руководитель. Причем с Наркомземом она якобы уже договорилась и с их стороны возражений не последует. Сергей Сергеевич после активных действий со стороны молодых сотрудников по его дискредитации в 1926–1929 гг., приведших к катастрофе его научной и педагогической деятельности, настороженно относился к деятельным, напористым, пусть даже талантливым коллегам, особенно, если чувствовал, что мешает в чем-то их карьере. Этим, очевидно, объясняется бурная реакция Сергея Сергеевича на предложение ученицы. Обычно предельно выдержанный, воспитанный человек взорвался. В архивах мы не нашли никаких следов заявления В.Д. Смирновой. Выговор был вынесен профессору без предварительной с ним беседы.

Характеристика на проф. С.С. Четверикова написана в конце 1944–начале 1945 г. в связи с оформлением документов для ВАКа с ходатайством о присуждении ему степени доктора биологических наук без защиты диссертации.

Текст доклада, сделанный проф. С.С. Четвериковым на VII Пленуме Комиссии шелководства ВАСХНИЛ, в архивах обнаружить не удалось. Опубликован он не был. Однако за исследования китайского дубового шелкопряда и выведение его моноовольтичной расы Четвериков С.С. был награжден в 1944 г. орденом “Знак Почета”.

Автобиография С.С. Четверикова написана 29 января 1945 г. В ней С.С. Четвериков описывал логический путь, который привел его от энтомологии-фаунистики к эволюционизму, генетике и биометрике. Некоторые приводимые им даты не точны. Так, курс лекций по генетике он начал читать в 1925, а не в 1924 г. (см. Автобиографические данные в форме “В” научного сотрудника 1 МГУ, № 25). Тогда же он передал курс энтомологии другому преподавателю.

Докладная записка декана биофака С.С. Четверикова ректору ГГУ о неблагополучии с преподаванием биохимии и физиологии растений в связи с длительным заболеванием проф. Н.П. Красинского – пожалуй, единственный случай, когда он официально обращался за помощью к ректору, будучи не в состоянии разрешить сложившуюся ситуацию. Следует отметить, что с проф. Н.П. Красинским его связывали уважительные и дружеские отношения.

9 июня 1945 г. по представлению Горьковского и Московского университетов С.С. Четвериков был утвержден доктором биологических наук без защиты диссертации. Ему было 65 лет.

В первых числах ноября 1945 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета о введении нагрудного значка для лиц, закончивших курс обучения в университете. Текст выступления по радио ректора ГГУ А.А. Яковлева и декана биофака проф. С.С. Четверикова представляет собою расшифрованную стенограмму, хранящуюся в

пачке документов ректора [ГАНО. Ф. 377. оп. Д. 2250]. Документы не пронумерованы. Мы приводим лишь выступление проф. С.С. Четверикова, указывая произвольную нумерацию для его документов.

104.

Второй инфаркт вынудил С.С. Четверикова в апреле 1947 г. подать ректору прошение об отставке с должности декана биологического факультета. Это произошло за много недель до выздоровления. Даже через месяц (в первые числа июня) он только вставал с постели, выход из квартиры был под запретом врачей.

105.

Из программы по курсу “Общая генетика и селекция” выбраны только несколько пунктов, объясняющих возможность несоответствия наблюдаемого в эксперименте расщепления признаков основным законам, открытым Менделем.

106.

Как и в предшествующих случаях, из отчета по НИР биологического факультета ГГУ за I квартал 1947 г. нами выбран раздел, касающийся кафедры генетики. Кроме работ по селекции дубового шелкопряда, сотрудники кафедры исследовали также мутагенный эффект температурных и химических факторов, ставя кафедру под удар лысенковцев, занявших к тому времени большинство руководящих должностей в биологических науках. Это сообщение являлось ответом на запрос от 5 июня 1947 г., по-видимому, поступивший от ВКВШ Министерства просвещения.

107.

После заседания кафедры генетики по изучению приказа Министра высшего образования СССР В. Кафтanova от 24 ноября 1947 г. проф. С.С. Четвериков написал докладную записку на имя ректора ГГУ проф. А.Н. Мельниченко о своем решении существенно пересмотреть программы всех читаемых курсов. Насыщение курсов марксистско-ленинской философией, подчеркивание, “где только это возможно”, правильности диалектического подхода, критика недиалектических “неправильных” теорий – все это звучало несколько наивно. Однако в тексте С.С. Четверикова присутствовали обязательные в те годы ссылки на труды И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко. Вместе с тем упомянуты имена таких генетиков и селекционеров, как Н.И. Вавилов, Г.Д. Карпеченко, Г.К. Мейстер. Последний был арестован еще в 1937 г., а Н.И. Вавилов и Г.Д. Карпеченко – в 1940 и 1941 гг. С.С. Четвериков, разумеется, не мог знать о гибели этих ученых, но то, что они были репрессированы как “враги народа”, должно было быть ему известно. Включение их имен в ряд выдающихся русских ученых свидетельствовало о научной принципиальности и гражданской смелости С.С. Четверикова.

108.

План повышения идейно-политического уровня сотрудников, обсужденный и утвержденный на заседании кафедры генетики и селекции 7 мая 1948 г. – еще одно свидетельство отказа С.С. Четверикова от разделения научно-учебной работы коллектива и политических проблем, характеризующего ранние этапы его работы с будущими биологами и генетиками (1920-е г.). Как показывает июньский отчет декана биофака ГГУ Д.С. Аверкиева, лекции Сергея Сергеевича, работа семинаров и студенческих кружков были насыщены политико-воспитательным содержанием и неустанно утверждали приоритет русской науки (июнь 1948 г.).

Увольнение С.С. Четверикова из Горьковского университета было предрешено после первой его беседы с ректором ГГУ проф. А.Н. Мельниченко сразу после августовской сессии ВАСХНИЛ. С.С. Четвериков после публикации материалов и решений этой сессии решительно отказался от публичных покаяний и отказа от своих генетических воззрений, а А.Н. Мельниченко предупредил его о возможности увольнения. Решающим фактором оказался приказ В. Кафтанова от 23.VIII.1948 г. за № 1208 с перечнем лиц, подлежащих увольнению, в первую очередь как неисправимых представителей менделизма-морганизма. Проф. С.С. Четвериков был включен в этот список.

Приказ № 204 ректора ГГУ от 6 сентября 1948 г. издан до проведения заседаний Советов биофака и ГГУ с целью придания соответствующего направления в обсуждении решений сессии ВАСХНИЛ, правительственных и партийных руководящих органов.

Совет университета по поводу обсуждения итогов августовской сессии ВАСХНИЛ заседал 15, 18 и 24.IX. Ругали генетику, проф. Четверикова, постановку идейно-воспитательной работы на всех факультетах; Шереметьев А.Ф. и Грязнов И.Н. отреклись от своего научного руководителя... Первоначальный вариант стенограммы заключал 300 страниц.

Приводим небольшой фрагмент из решения Совета ГГУ 15–18 сентября 1948 г.

«...» “Ведь в течение 13 лет в стенах университета подвизался один из давних и законченных представителей вейсманистско-менделеевско-морганистского направления проф. С.С. Четвериков, который с университетской кафедры свободно и широко пропагандировал реакционную идеалистическую и мистическую теорию вейсманизма-морганизма, не встречая организованного отпора в стенах университета и особо со стороны работников биологического факультета. Более того, в течение ряда лет, до мая 1947 г. проф. Четвериков был деканом биологического факультета, что давало ему возможность использовать свое административное положение для пропаганды вейсманизма-морганизма и задержать развитие в стенах университета мичуринской советской биологической науки. Совет университета со своей стороны допустил грубейшую ошибку, подержав выдвигание заядлого вейсманиста-морганиста Дубинина в чл.-кор. АН СССР.

Ректор ГГУ

проф. А. Мельниченко

ГАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 473. Лл. 103, 104. Машинопись. Подлинник.

На заседаниях Совета ГГУ по поводу сессии ВАСХНИЛ обязаны были присутствовать *все* преподаватели. Велся список присутствующих. В списке есть и фамилия ассистента каф. зоологии В.И. Козлова. Он был свидетелем отречения А.Ф. Шереметьева и от генетики и от С.С. Четверикова. Впоследствии он стал уверять, что доцент А.Ф. Шереметьев *никогда* не говорил ничего плохого о своем шефе. А Сергею Сергеевичу выступление Шереметьева вызвало третий, очень тяжелый инфаркт, приковавший его к постели на длительное время.

Последнее сентябрьское заседание Совета университета, посвященное итогам августовской сессии ВАСХНИЛ, состоялось 24 сентября 1948 г. На нем было принято решение, закрепленное к исполнению приказом ректора А.Н. Мельниченко № 228 от 29 сентября того же года. В приказе, кроме предписания обязательного исполнения решения Совета ГГУ всеми подразделениями университета, содержится значительное по объему славословие “мичуринской” биологии и осуждение реакционной и антинаучной, бесплодной и вредной, разгромленной в процессе классовой борьбы социализма и капитализма вейсманистско-морганистской генетики.

Тему о выведении породы китайского дубового шелкопряда, пригодной для использования в центральной России, поручили доц. Шереметьеву с использованием методов “воспитания” по Лысенко. Моновольтинная порода, полученная проф. Четвериковым, перестала существовать.

ИЗГНАНИЕ. ЖИЗНЬ НА ПЕНСИИ

111.

С.С. Четвериков не позаботился по достижении 60-летнего возраста об оформлении пенсионных документов, пока находился на службе в университете. После увольнения в августе 1948 г. из университета и Опорного селекционного пункта С.С. Четвериков оказался без материального обеспечения. Больной, он вынужден был содержать домработницу и материально поддерживать кузину, проживающую в Крыму. Через А.Д. Некрасова он обратился к опытному юристу А.Н. Смысловой. Документы и ее воспоминания воспроизводят события, связанные с решением этой проблемы. Первое извещение о пенсии не облегчило жизнь тяжело больного старика.

112.

Второе извещение о пенсии, определенной С.С. Четверикову как профессору в 1600 руб., – прямой результат хлопот А.Д. Смысловой.

113.

В 1953 г., по-видимому, по инициативе руководства энтомологического отделения ЗИНа АН СССР С.С. Четвериков получил от Президента АН СССР акад. А.Н. Несмеянова охранное свидетельство на его богатейшую энтомологическую (главным образом, лепидоптерологическую) коллекцию.

114.

Через четыре года С.С. Четвериков получает извещение о том, что он, как старейший ученый, энтомолог и организатор Московского энтомологического общества избран почетным членом Всесоюзного энтомологического общества. Это известие положительно отразилось на его настроении и физическом состоянии.

115.

Мы не имеем письма из Академии Леопольдина с сообщением С.С. Четверикову о его награждении памятной “Дарвиновской плакеттой”. Предоставляем читателям лишь фотографии плакетты и соответствующего диплома.

ЭПИЛОГ. РЕАБИЛИТАЦИЯ

116.

Письмо Верховного суда РСФСР от 21 февраля 1989 г. поступило в ответ на заявление о реабилитации С.С. Четверикова от лиц, готовящих публикацию книги о жизни и деятельности С.С. Четверикова (по инициативе Н.М. Артемова). Заявление было написано после того, как на наше предложение к падчерице С.С. Четверикова обратиться в Верховный Суд РСФСР был получен отрицательный ответ: человек умер, не стоит беспокоить память о нем.

Ответ на наше заявление пришел в Институт истории естествознания и техники АН СССР и был передан сотруднику этого института д.б.н. В.В. Бабкову, который переслал нам ксерографическую копию документа. Позднее мы выяснили, что в институт поступило два документа, о втором из них (протокол Совещания по реабилитации) В.В. Бабков нас не известил. Позднее документ был получен и мы приводим его в настоящем томе.

Начав работу над книгой о С.С. Четверикове для издания в серии “Научное наследство” РАН, мы через Нижегородский университет обратились к Федеральной службе безопасности с просьбой прояснить вопрос о причинах высылки С.С. Четверикова из Москвы в 1929 г. В ответ поступила серия документов, которые представлены читателям этой книги (№№ 117–122).

117.

Первым документом из архива ФСБ явилось подробное письмо заместителя начальника архива А.Т. Жадобина, обращенное к ректору ННГУ проф. А.Ф. Хохлову.

118.

Ордер на арест проф. С.С. Четверикова был выписан в день ареста 4 июня 1929 г.

119.

Анкета арестованного заполнена рукой С.С. Четверикова. На вопрос 15 (место работы и должность) С.С. пишет о первом месте работы – Высшие Женские Курсы, а в графе “должность” указывает “ассистент”, в то время как он был принят лаборантом, а в 1918 г. в ведомостях за 1918–1919 гг. на получение зарплаты числился уже “штатным профессором”, читавшим курс энтомологии.

120.

Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 июля 1929 г., где С.С. Четверикову предписывалось свободное проживание, кроме столичных городов и еще 12 пунктов СССР и Уральской области, на три года, (с прикреплением).

16-го августа того же года заседанием Особого Совещания предыдущее решение было отменено и заменено административной высылкой в г. Свердловск на три года.

121.

Однако в апреле 1932 г. в связи с приближением окончания ссылки в Свердловске С.С. Четверикову дополнительно в течение трех лет было запрещено проживание во всех столичных городах, в пограничных республиках, а также в г. Свердловске.

122.

В 1989 г., благодаря нашему обращению, Верховный суд РСФСР полностью реабилитировал Сергея Сергеевича за отсутствием состава преступления.

Гражданская реабилитация состоялась в 1940–1945 гг. в период работы профессора в ГГУ. Она выразилась в его утверждении деканом биофака ГГУ, награждении орденом “Знак Почета”, утверждении в ученой степени доктора наук. Август 1948 г. все перечеркнул. Однако признание мировой научной общественностью его заслуг перед наукой в 1959 г., организация в Горьком научных Четвериковских чтений, появление журнальных и газетных статей о профессоре генетики С.С. Четверикове означали его реабилитацию и как ученого.

НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ

1.

Текст доклада на бумаге удлиненного формата, использовавшийся в начале XX в., отпечатан на пишущей машинке со старой орфографией, и не сопровождается личной подписью С.С. Четверикова. По-видимому, данный текст представляет собою копию (второй экземпляр) расшифрованной стенограммы доклада С.С. Четверикова. Стиль речи, характер и содержание изложения подтверждают принадлежность этого доклада Сергею Сергеевичу Четверикову. Рукопись была передана братом С.С. Четверикова Н.С. Четвериковым проф. Б.Л. Астаурову незадолго до своей смерти вместе с другими материалами.

Как следует из заголовка, лекция была прочитана перед сотрудниками Сельскохозяйственного института опытного дела, созданного в Москве в 1921 г. при Наркомземе РСФСР. В 1921 г. 15–25 июня состоялся VII Всероссийский съезд по сельскохозяйственному опытному делу. В 1922 г. в Петрограде был организован Государственный институт опытной агрономии при том же управлении, и московский институт прекратил свое существование. Ленинградский институт существовал до 1930 г.

2.

Этот доклад – продолжение работы, опубликованной студентом С.С. Четвериковым еще в 1905 г. (“Волны жизни”, Дневник Зоол. отд. Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1905. Т. 3, № 6. С. 106–111); в 1924 г. Сергей Сергеевич сделал доклад для студенческого кружка естествоиспытателей о явлениях “волн жизни” в животном царстве и отдельных популяциях, а также их значения для видообразования.

3.

Важнейшая проблема генетики – происхождение и сущность мутационной изменчивости. Этим вопросам была посвящена лекция С.С. Четверикова 21 марта 1929 г. для слушателей – членов МОИП. Опубликованная нами рукопись представляет собою расширенный план прочитанной лекции.

4.

Сергей Сергеевич Четвериков охотно взял на себя обязанность чтения лекций в цикле “Лекции университета выходного дня” для трудящихся Сорновского района г. Горького. Одна из этих лекций на тему “От чего зависит пол человека и животных” сохранилась в архиве музея ННГУ в виде расширенного плана-конспекта.

В лекции последние достижения генетики, цитологии и медицины изложены в форме, доступной для широкого круга слушателей.

5.

Полный текст рукописи содержит три неполных школьных тетради, исписанных С.С. Четвериковым мельчайшим почерком (до 45 строк на странице) на 23 листах с двух сторон. Фиолетовые чернила местами выцвели или расплылись, поэтому отдельные слова прочитать невозможно. Дата была поставлена только на третьей тетради: “1947 г.”

Особый интерес у нас вызвала первая тетрадь, в которой представлена программа курса с указанием учебных часов по каждой теме. Два листа (четыре страницы) содержали список отрядов и семейств, представленных исключительно на латыни без авторских комментариев. Поэтому, посчитав этот список не представляющим интереса для читателей – не энтомологов, мы его опустили при публикации первой тетради, сохранив материал лекции на пяти машинописных страницах.

Вторая тетрадь посвящена лабораторной и полевой практике студентов. Она содержит в основном систематическое перечисление видов насекомых. Из этой тетради мы приводим четыре последние страницы рукописи (в машинописи это с 17 по 20 стр.), считая, что приводимый в них материал отражает скрупулезность С.С. Четверикова при планировании предстоящей своей и студенческой работы.

В третьей тетради на шести листах содержатся списки отрядов, семейств и их представителей, определенных в процессе полевой студенческой практики. Все названия даны в латинской номенклатуре. Поэтому они имеют значение лишь для специалистов-энтомологов. Их специальная публикация может иметь значение также для экологов, изучающих изменение состава энтомофауны под влиянием социально-экономических изменений в Горьковской (Нижегородской) области.

Публикуемый материал позволяет увидеть, что в преподавании, казалось, бы такой частной дисциплины как энтомология, С.С. Четвериков остается генетиком-эволюционистом и органическим вводит в свой курс представление о роли массовой изменчивости в пределах популяции для ее развития.

К разработке лекционного курса прилагается список рекомендованной литературы, в основном до 1940 г. При этом используется также опыт, полученный во время преподавания во Владимирском Учкомбове (1932–1934 гг.).

Интересна история обнаружения этой рукописи: она была найдена совсем недавно (в 1990-е гг.) в архиве доцента кафедры зоологии беспозвоночных Н.Д. Перловой, сданном ее дочерью спустя несколько лет после смерти Наталии Дмитриевны в музей ННГУ. По-видимому, в 1947 г. после кончины жены и второго инфаркта С.С. Четвериков не только ушел в отставку с поста декана, но и отказался от чтения курса энтомологии, передав его энтомологу Перловой Н.Д., узкому специалисту по цикадам, оставив за собой заведование кафедрой, курс генетики и руководство Опорным пунктом по селекции шелкопряда.

6.

Перед началом работы по селекции дубового шелкопряда в 1937–1938 гг., в дубовой роще Щелоковского хутора (пригород г. Горького) был выстроен деревянный домик для лаборатории и подвал с ледяным охлаждением (открыт Опорный пункт).

В отчете полно и ярко демонстрируется объем исследований, строгость, глубина и содержательность анализа экспериментальных данных. Автор широко использовал общепризнанные в наши дни, но мало применяющиеся до 1950-х г. методы математической статистики для получения достоверных выводов по опытным данным.

О добросовестности и ответственном отношении проф. С.С. Четверикова к порученному делу свидетельствуют не только его отчетные доклады, но и стремление привлечь к обсуждению и критическому анализу результатов опытов коллег по биофаку университета. Организованное не без участия Сергея Сергеевича при университете Горьковского отделение МОИП на своих занятиях регулярно заслушивало сообщения о ходе и результатах экспериментов, проводившихся на Опорном пункте. С.С. Четвериков чрезвычайно скупно публиковал свои труды. Однако за 13 лет работы в университете он 11 раз выступал с докладами на заседаниях отделения МОИП, из них 7 докладов было посвящено различным этапам работы по селекции шелкопряда. 25 и 26 декабря 1945 г. на научной конференции ГГУ и МОИП он сделал два доклада: “Результаты селекции по весу коконов и их оболочки у дубового шелкопряда” и “Березовая порода китайского шелкопряда”. Насколько нам известно, в 1947 г. обобщающий доклад на Всесоюзном совещании в Ленинграде включал подробный анализ результатов двух последних направлений работы. Сам Сергей Сергеевич еще не оправился после инфаркта, и доклад в Ленинграде вместо него зачитала научный сотрудник Опорного пункта В.А. Крылова. В труды конференции тезисы не были включены, а рукопись с текстом сообщения бесследно исчезла. Во всяком случае, поиски в архиве ВАСХНИЛ остались безрезультатными. Таким образом, зарегистрированные в протоколах вы-

шеназванных научных заседаний эти два направления селекционной работы Четверикова с шелкопрядом и воспоминания бывших сотрудников – единственные свидетели былого существования этих интереснейших направлений научных экспериментов.

Данные за два года начальных этапов исследований по получению моновольтинной расы китайского дубового шелкопряда (1938–1939 гг.) в 1983 г. были опубликованы в книге: С.С. Четверикова “Проблемы общей биологии и генетики” [СО АН СССР. Новосибирск. Наука. С. 239–246]. Данная публикация включает результаты работы фактически за четыре года, хотя мы не изменили первоначального названия статьи, данного автором (“Итоги трех лет...”).

7.

Доклад о дубовом шелкопряде в Горьковском отделении общества испытателей природы на заседании был сделан в 1943 г. Эта работа представляет собою очень краткие тезисы последнего научного доклада Сергея Сергеевича Четверикова. По существу, это утверждение, что уже можно говорить о создании моновольтинной породы дубового шелкопряда, и слушателям подробно было рассказано как и с каким эффектом проводилась селекционная работа.

8.

План вводной лекции С.С. Четверикова дает основные понятия, которыми должен свободно манипулировать каждый грамотный селекционер. Авторство установлено по графоаналитической экспертизе внесенных в машинописный текст поправок, а также внесенных рукою С.С. Четверикова греческим и латинским терминам.

10.

Мысли по поводу инбридинга

В архиве С.С. Четверикова сохранились три ученические тетради с рукописным текстом, озаглавленным “Мысли по поводу инбридинга”. Время написания этой рукописи неизвестно, вероятно, она была составлена тогда, когда проводилась работа по селекции дубового шелкопряда, в процессе которой использовался инбридинг (близкородственные скрещивания). Характер рукописи показывает, что она писалась “для себя”, для того, чтобы яснее представить генетические последствия близкородственных скрещиваний, и ее публикация не предполагалась.

Работа выполнена арифметическим методом, без использования специального математического аппарата. Существенного научного значения она в связи с этим не имеет, но представляет большую историческую ценность, так как наглядно показывает тот метод, который использовал С.С. Четвериков, решая теоретические проблемы популяционной генетики. Здесь публикуется содержание первой и второй тетради.

ПЕРЕПИСКА С.С. ЧЕТВЕРИКОВА

ПЕРЕПИСКА С РОДНЫМИ, УЧЕНИКАМИ И КОЛЛЕГАМИ

В настоящем томе мы приводим лишь избранную переписку С.С. Четверикова, благодаря которой можно познакомиться с этапами жизни профессора, чертами его характера, убеждениями и увлечениями. Выбор был сложный и получился, без сомнения, достаточно субъективным, и, если у читателя возникнут критические замечания, мы будем благодарны.

В этом разделе мы остановимся на характеристиках адресатов и корреспондентов Сергея Сергеевича.

Сергей Иванович Четвериков – отец С.С. Четверикова; мы приводим 9 его писем (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 11, 12, 18, 21) и 10 – от С.С. Четверикова отцу (№№ 13, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 26, 27, 28), охватывающих период от 1897 г. до конца 1920-х гг. В письмах перед нами вырисовывается кристально честный, любящий и преданный детям отец, трагически и одиноко переживавший отчуждение сыновей, не пожелавших унаследовать семейное дело и посвятить себя предпринимательской деятельности. Он с достоинством нес жизненный крест, утешаясь преданностью дочери и своей необходимостью для обеспечения жизни жены и трех сыновей.

В его воспоминаниях и эссе он – русский патриот, много размышлявший о судьбе родины, о развитии промышленности в России, об обязанностях русской эмиграции в отношении своей родины. Рукописи хранятся в архиве РАН и музее ННГУ в виде ксерокопий.

Письма от брата **Николая Сергеевича Четверикова*** (№№ 6, 7, 49, 51, 60) и от С.С. Четверикова брату Николаю (№№ 8, 58, 59, 61, 62, 63, 76). Количество писем невелико, но они охватывают почти все возрастные периоды жизни брата Николая: от молодости до старости. В каждом письме предстает открытая перед старшим братом душа: доверие, уважение, уверенность во взаимопонимании, прослеживается широкая эрудиция не только в области математики, но и биологических проблемах, интерес к искусству, терпение и доброта.

Не случайно к ослепшему и оглохшему брату приехал именно Николай и помогал ему вплоть до кончины.

Сергей Сергеевич Четвериков в своих письмах брату описывает свое житье и работу в военные годы (угарная “буржуйка” – коптилка, не дающая тепла, чай из растительных сборов, сердечные приступы Анны Ивановны, шелкопрядные дела и т.д.). Непонятно, переписывались ли братья, когда Николай Сергеевич находился в Магаданских ИТЛ. Кажется, нет. Николай Сергеевич ничего не знает о работах по селекции шелкопряда, которые начались в год его ареста (1937 г.), и в своих письмах Сергей Сергеевич отвечает брату, проживающему уже в Миассе, на вопрос о том, как начались селекционные работы с шелкопрядом.

Переписка С.С. Четверикова с **сестрой Марией** (в замужестве **Майковой**) продолжалась с момента отъезда ее с родителями за границу и до смерти Сергея Сергеевича. Ранних писем не сохранилось. С начала активных репрессий против интеллигенции (1936–1937 гг.) и во время войны переписка прерывалась. Она восстановилась лишь с середины 1950-х гг., когда братья Николай и Сергей Четвериковы послали письмо сестре по старому адресу. Адрес не изменился. В дальнейшем обмен новостями и рассказами о текущей жизни уже не прекращался. После смерти Николая Сергеевича Мария Сергеевна обменивалась письмами с Т.Е. Калининой и даже приглашала ее в Швейцарию к себе в гости. Занималась она фермерством и внуками. Умерла Мария Сергеевна в 1977 г. от стремительно наступившей старости. Здесь мы представляем 23 письма Сергея Сергеевича к Марии Сергеевне (№№ 15, 25, 100, 101, 102, 105, 107, 111, 113, 121, 126, 129, 131, 132, 134, 136, 137, 138, 139, 141, 143, 145, 149).

* Многие письма Н.С. Четверикова были адресованы не брату, а его жене А.И. Сушкиной.

Анна Ивановна Сушкина, вторая жена Сергея Сергеевича Четверикова с 1909 г., написала мужу сотни писем в период его ссылки. Урожденная Кулакова, в первом браке – жена профессора зоологии П.П. Сушкина. Окончила МВЖК Герье, работала в ИЭБ на сверхштатной должности заведующей библиотекой и помогала Сергею Сергеевичу в биометрических исследованиях. Опекала братьев Четвериковых во время арестов (Николая в Темниковских ИТЛ, Сергея – в Свердловске и Владимире). Самоотверженно посылала им деньги, одежду, продукты и книги, регулярно навещала их. Николай Сергеевич всего два раза разрешил приехать к нему в лагерь из-за плохих условий ночлега. К Сергею Сергеевичу она ездила почти ежемесячно, а когда сама не могла навес- тить мужа, к нему ездили другие родные и друзья.

В письмах Анны Ивановны (приведены 19 писем: № 16, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48) можно проследить перипетии Института Н.К. Кольцова в 1930-е годы: интриги, кадровые перестановки, начало серьезного политического давления на самого Кольцова и его научное направление, а также психологическое состояние адресата, который оказывается не в силах перенести тяжелый шок от ареста и ссылки, не в состоянии продолжить творческую научную работу.

Письма Сергея Сергеевича жене не сохранились.

Терентьев Павел Викторович постоянной переписки с университетским преподавателем не вел. Одно-два письма по серьезным поводам. Так, в письме № 146 от 24 мая 1959 г. он сообщает, что группа учеников С.С. Четверикова – участников второго совещания по использованию математических методов в биологии – поручила Павлу Викторовичу, как одному из инициаторов, сообщить Сергею Сергеевичу о гордости своим учителем, который впервые в России ввел преподавание на естественном отделении МГУ курса биометрии, и счастья быть его первыми слушателями.

Фогт Оскар (Voigt) – немецкий невролог-морфолог, возглавлявший Институт мозга в Берлине. Он был членом-корреспондентом РАН (1924). Приглашал русских ученых в Германию для проведения исследований по генетике (в частности, Н.В. Тимофеева-Ресовского с женой и С.Р. Царапкина). Обмен письмами с Фогтом (письмо № 14) касался обсуждения кандидатур из отделения С.С. Четверикова в ИЭБе для командировки в Берлин для работы по генетическим проблемам. Сестра С.С. Четверикова, проживавшая в 1920-х гг. в Швейцарии, собирала для брата бабочек и пересылала их через Фогта в Россию.

Астауров Борис Львович – один из талантливейших учеников Сергея Сергеевича. Он был избран в члены АН СССР (1958) уже после восстановления генетики как науки. Основатель исследований по теории и практике селекции тутового шелкопряда, изучал проблему регуляции пола. Основатель и главный редактор журнала “Онтогенез”. Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, с 1967 г. – директор Института биологии развития. Мы приводим его 7 писем С.С. Четверикову (№№ 50, 77, 78, 79, 83, 119, 128), в которых обсуждались серьезные проблемы общего состояния генетики в СССР, поднимались серьезные вопросы экспериментальной генетики и т.п. После смерти С.С. Четверикова Астауров Б.Л. принимал участие в судьбе Н.С. Четверикова.

Иван Иванович Пузанов вступил в переписку с С.С. Четвериковым после отъезда в 1947 г. из Горького в Одессу, где возглавил кафедру зоологии позвоночных. Приводимые нами 7 писем Сергея Сергеевича (№№ 52, 53, 65, 66, 67, 74, 135) к Ивану Ивановичу наполнены обсуждением важных зоогеографических вопросов, обменом идеями о происхождении причерноморской флоры и фауны и еще раз свидетельствуют о глубоких знаниях обоих профессоров в области эволюции животных, зоогеографии, путей миграции животных и т.д.

Мы приводим несколько писем **Игоря Константиновича Фортунатова** С.С. Четверикову. Их немного, всего 5 (№№ 70, 71, 72, 81, 82). Адресаты не были близки, но этот селекционер плодовых деревьев был сыном близкого друга Н.И. Вавилова. Учился и работал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. После августовской 1948 г. сессии ВАСХНИЛ работал в Институте лесного хозяйства (1951–1981 гг.). Письма его – лаконичные и практически деловые.

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович и его жена Елена Александровна (ур. Фидлер), ученики С.С. Четверикова по МГУ и ИЭБ. Связь между ними прервалась в 1929 г. в связи с арестом Учителя и долго не восстанавливалась, так как Тимофеевы отказались вернуться в страну из Германии, зная, что на родине им грозила тюрьма или даже смерть. Затем возвращение домой было осложнено ВОВ. Старший сын Николая Владимировича, Дмитрий, был казнен как участник антигитлеровского сопротивления в апреле-мае 1945 г. В этом же году Николай Владимирович был выслан из Берлина в Россию и помещен в ИТЛ Уральской области. Вместе с ним переживали тяжелые годы жена и младший сын. Ученый с мировым именем сумел за период “отсидки” создать НИИ и коллектив научных сотрудников из числа заключенных ИТЛ. Освободившись, Н.В. Тимофеев-Ресовский остался в Свердловске, а для летних натурных и лабораторных исследований выбрал труднодоступный участок заповедного леса на северном берегу оз. Большое Миассово. Там были построены лабораторный и жилые корпуса, завезено оборудование и создан центр генетических и эколого-радиологических исследований. Переписка с С.С. Четвериковым возобновилась именно в эти годы. В 1956 г. Николай Владимирович и Елена Сергеевна приезжали навестить своего старого Учителя. Этот визит – наиболее яркое событие в тяжелые годы жизни больного Сергея Сергеевича.

Составитель данного тома Т.Е. Калинина посетила Тимофеевых-Ресовских. Горная дорога из Миасса на биостанцию была абсолютно неблагоустроенной, завалена валунами, с глубокими выбоинами и корнями хвойных деревьев. Калинина испытала все препоны поездки на открытой полуторатонке: при падении со скамейки на лежащих на полу кузова молодых ученых и аспирантов, она чуть не выколола одному из них пальцами оба глаза; после поездки на своем теле обнаружила массу синяков, а правая половина живота была багровосиняя.

После вопроса, почему с помощью гостей не благоустроить этот путь в Рай, Тимофеев-Ресовский ответил: “На нашей полуторке стоит двигатель от пятитонки, а начальство нас навестить не может на своих легковушках. Работаем спокойно, без ревизоров. Что еще нужно для счастья?”

Мы приводим практически все письма Сергея Сергеевича к Николаю Владимировичу за 1950-е г. (№№ 88, 89, 90, 91, 94, 106, 116, 122, 123, 125, 147, 150). Письма показывают большую душевную близость и взаимную любовь этих двух незаурядных ученых. Первая публикация писем С.С. Четверикова и Н.В. Тимофеева-Ресовского осуществлена в книге *В.В. Бабкова и Е.С. Саканян. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М.: Памятники исторической мысли. 2002. 672 с.*

Рябов Михаил Алексеевич – старый друг С.С. Четверикова по лепидоптерологическим исследованиям. Переписка между ними существовала еще до войны. С.С. Четвериков очень ценил Михаила Алексеевича за его преданность бабочкам, тщательность проработки каждой детали коллекционных материалов. Рябов М.А. работал в Дагестане, был репрессирован за связь с иностранными учеными. После войны работал в ЗИНе АН СССР. Из обширной корреспонденции мы приводим лишь 12 писем С.С. Четверикова к М. Рябову (№№ 92, 96, 99, 103, 104, 114, 120, 127, 130, 133, 140, 144). В своих письмах Сергей Сергеевич обсуждает в основном проблемы систематики чешуекрылых, методики определения частных видов, подвидов, зоогеографических вопросов и уделяет небольшое внимание и здоровью.

Письма **Сергея Романовича Царапкина** С.С. Четверикову. Сергей Романович – ученик С.С. Четверикова по ИЭБ, член СООРОВ. Именно его рекомендовал Сергей Сергеевич для работы (см. № 14 от 3 июня 1926 г.) в ответ на запрос Фохта. Командировка в Берлин в Институт мозга затянулась, как и у Тимофеевых-Ресовских, а по возвращении на родину он был репрессирован и оказался в ссылке в г. Кустанай. Осенью 1957 г. он переехал в г. Рязань, где и скончался в 1960 г. Здоровье талантливого ученого было серьезно подорвано. В письмах он обсуждал ряд научных генетических проблем, которые серьезно занимали его внимание (9 писем: №№ 93, 98, 109, 110, 112, 115, 117, 118, 142).

Остальные корреспонденты представлены одним-двумя письмами, как правило, делового содержания. Так, приведены два письма (№ 85, № 68) **Александра Сергеевича Данилевского**, написанные по поводу приема от Сергея Сергеевича и безвозмездной пере-

дачи в ЗИН его огромной коллекции бабочек, собиравшейся более 60 лет. Два письма чл.-корр. АН СССР, позднее академика, **Николая Петровича Дубинина** посвящены двум важным событиям: передаче ему С.С. Четвериков всей генетической части библиотеки (№ 73 от 1.X–1953 г.) и приглашению принять участие в составлении перспективного плана развития генетики и селекции в Советском Союзе после официального признания права на существование этих наук (поставлены № 80).

Интересно письмо С.С. Четверикову профессора зоологии в лондонском Музее истории природы **Бориса Петровича Уварова** (№ 29 от 11 июня 1929 г., через неделю после ареста С.С. Четверикова), который пытался восстановить приоритет Сергея Сергеевича по основным проблемам эволюции, которые были поставлены Четвериковым в работе 1905 г. “Волны жизни”.

Николай Константинович Кольцов и С.С. Четвериков всегда были единомышленниками и друзьями. Н.К. Кольцов до известной степени опекал своего ученика по ИМУ, он обеспечил его работой по окончании университетского обучения на своей кафедре на МВЖК. Он предоставил Сергею Сергеевичу широкое поле научной деятельности и научной инициативы, гордился его успехами и открытиями, самоотверженно защищал, когда начались политические нападки и арест, посещал С.С. Четверикова вместе со своей женой в местах ссылки и т.д.

Неудивительно, что в год окончания срока ссылки Сергея Сергеевича он снова пытался прийти к нему на помощь и предложил ему место в своей лаборатории (№ 54 от 28 апреля 1935 г.). Но С.С. отказался от этого предложения, от ИЭБа, от Москвы и уехал на кафедру генетики в Горький. Раны 1929 г. еще кровоточили.

Постоянной переписки между акад. Н.К. Кольцовым и Сергеем Сергеевичем, по-видимому, не было. В 1939 г. (№ 57) С.С. Четвериков писал Н.К. Кольцову о своих учениках в И МГУ и ИЭБ; о том, что он ожидал от лысенковцев разгрома шелкопрядной станции и внутренне готов к такому повороту событий.

Валентин Сергеевич Кирпичников – ст. н. сотр. ИЭБа – по-видимому, тоже не состоял с С.С. Четвериковым в постоянной переписке. Четвериков всегда ценил своего бывшего коллегу по ИЭБу, классического и принципиального генетика. В.С. Кирпичников поздравил его с почетной наградой – плакеттой Дарвина, считая себя одним из учеников Сергея Сергеевича (№ 148 от 29 мая 1959 г.).

В переписке представлено также одно письмо от лепидоптеролога из Свердловска **Юрия Колосова**, подробных сведений об этом корреспонденте мы не имеем. По-видимому, это старый знакомый Сергея Сергеевича, так как знает изнанку “четвериковской травли” в 1929 г., упоминая имена коллег по ИЭБу (Ю. Вермеля и Б. Кузина) – противников Четверикова С.С.

Лопашов Г.В. (№ 55 от 3.X.1935 г.) – сотрудник ИЭБ, обращается к С.С. Четверикову, уже профессору ГГУ, с просьбой проконсультировать его по научно-исследовательской работе, касающейся морфогенеза у бабочек (№ 56 от 3 июня 1938 г.).

Адресат С.С. Четверикова – **Шаскольский Дмитрий Владимирович** – слушатель его лекций в И МГУ. Работал в 1930-х гг. в ИЭБе. Приведенное письмо проф. С.С. Четверикова (№ 64 от 8.02.1948) – ответ на письмо Шаскольского. Оно свидетельствует о напряженном творческом труде 68-летнего ученого, осваивавшего новые лекционные курсы после двух инфарктов накануне достоянной сессии ВАСХНИЛ, которая послужила причиной изгнания его из университета и третьего инфаркта миокарда.

Татьяна Дмитриевна Добрынина – в семье “Татака”, “Тата” – одна из самых близких С.С. Четверикову двоюродных сестер. Письменная связь использовалась ими крайне редко, т.к. брат Николай Сергеевич почти ежемесячно приезжал в Москву из Горького. Письмо № 69 от 3.X.1952 г. содержало в основном чисто семейные сведения. Дочери Татьяны Дмитриевны унаследовали от матери интерес к генеалогии семьи Четвериковых, Наталья Александровна Добрынина продолжает собирать и пополнять семейный архив. Она много помогала нам в получении новых сведений в исследовании родословного древа семьи, поддерживала связь с теми членами семьи Четвериковых, которые оказались за границей.

Письмо, отправленное С.С. Четвериковым 8 апреля 1954 г. (№ 75) – ответ на опубликованное в “Правде” письмо **Сергея Сергеевича Станкова**, озаменовавшее офици-

альный поворот правительственных кругов СССР от безоговорочной поддержки практической и теоретической деятельности Т.Д. Лысенко. Этот факт внушил оптимизм и надежду не только ученым – представителям биологических наук, но и широким слоям общественности.

Нам мало известно о харьковском лепидоптерологе **Юрии Петровиче Коршунове**. В данное время, кажется, этот энтомолог работает в системе СО РАН в Новосибирске. По-видимому, С.С. Четвериков высоко ценил его как специалиста, доказательством чего служит тот факт, что 17 октября 1955 г. (№ 84) Сергей Сергеевич переслал ему все материалы по макролепидоптерам Крыма на правах рукописи, второй экземпляр которой он отправил в Крымский филиал АН УССР в Симферополь. Письмо об этом нам предоставил из личного архива проф. Н.М. Артемов, который приложил немало тщетных усилий, чтобы разыскать списки крымских бабочек, составленные С.С. Четвериковым, почувствовавшим безнадежную потерю зрения и невозможность работать со своей коллекцией.

Балкашина Елизавета Ивановна – одна из преданнейших и талантливых учеников С.С. Четверикова по ИЭБ. Аспирантка Н.К. Кольцова на кафедре I МГУ; научными исследованиями занималась в ИЭБ под руководством С.С. Четверикова. Работала также научным сотрудником в генетическом отделе КЕПСа. В 1935 г. уехала из Москвы в Среднюю Азию, где весьма плодотворно работала в НИИ.

Она приняла активное участие в написании в Москве коллективного письма 8 декабря 1955 г. Сергею Сергеевичу от его учеников (№ 86 и № 87), полное дружеских чувств и преданности. Вместе посетить С.С. Четверикова в Горьком им так и не удалось.

ПЕРЕПИСКА С А.А. БУНДЕЛЕМ

325 писем (175 – А.А. Бунделя, переданные ему Н.С. Четвериковым после смерти брата, и 150 – С.С. Четверикова) были переданы в 1988 г. женой покойного А.А. Бунделя Е.В. Киселевой по доверенности составителю настоящего тома Т.Е. Калининной через проф. Н.М. Артемова для использования с обязательством их возврата.

А.А. Бундель – ученый химик, д.х.н., профессор, зав. кафедрой в Институте тонкой химической технологии им. Д.М. Менделеева. Одновременно он серьезно увлекался лепидоптерологией и коллекционированием бабочек. После его смерти коллекция, переданная вдовой Е.В. Киселевой в ЗИН РАН, насчитывала около 100 тыс. экземпляров. Член Географического общества А.А. Бундель вместе с женой и близкими друзьями совершил 20 экспедиций на Памир и Тянь-Шань, собирая бабочек не только в долинах, но и на высоте до 4500 м. Его интересовали проблемы зоогеографии Центральной и Восточной Азии.

Переписка между двумя учеными началась в 1950 г. и продолжалась до конца жизни С.С. Четверикова. Первое письмо в представленной переписке датировано 27 июня 1950 г. Но было еще несколько более ранних писем, к сожалению, не сохранившихся.

Сергей Сергеевич Четвериков в лице А.А. Бунделя нашел талантливого, широко образованного собеседника и друга, близкого себе по интеллекту. С годами дружба только крепла. А.А. Бундель считал С.С. Четверикова и другом, и учителем, проявлял о нем большую заботу – при ежегодном посещении, балуя опального профессора дефицитными в то время для Горького продуктами питания.

При знакомстве с перепиской видно, что письма из чисто консультативных постепенно становились более открытыми, с описанием событий жизни, отношения ученых к науке, преподаванию, взглядов на жизненные и научные проблемы.

Составитель представил читателям только незначительную часть переписки – всего 63 письма.

В работе с письмами использовались ксерокопии, выполненные на бумаге плохого качества. К тому же часть писем была написана мелким почерком зелеными или светло-фиолетовыми чернилами, что затрудняло чтение. Поэтому полный текст представлен лишь в небольшом числе писем. К сожалению, из-за особенностей почерка А.А. Бунделя некоторые слова в его письмах остались неп прочитанными. Вместо них были вставлены и заключены в квадратные скобки наиболее близкие по смыслу слова.

Не будучи специалистами в лепидоптерологии, мы могли допустить и, вероятно, делали ошибки в написании латинских названий бабочек – предмета увлечения обоих авторов. Для самоконтроля были использованы не только вузовские учебники по энтомологии, но и солидные специальные издания, такие как работы Zeitz'a, Staudinger'a и др. Однако полностью исключить наличие ошибок мы не можем. За оказанную большую помощь в этой работе мы благодарны д.б.н., ст.н.с. ЗИНа А.К. Загуляеву.

Большинство латинских названий бабочек не имели русских наименований, поэтому в подстрочных примечаниях их переводы отсутствуют. Систематика бабочек, представленная в письмах, относится к середине прошлого века и в ряде случаев может не соответствовать современной классификации.

Глубокую признательность составитель выражает племяннице Е.В. Киселевой д.б.н., ст.н.с. Института океанологии им. П.П. Ширшова Ларисе Анатольевне Пономаревой, которая приложила много сил, чтобы внушить Е.В. Киселевой доверие к Т.Е. Калининной и позволить работать с письмами.

ВОСПОМИНАНИЯ

С.И. Четвериков

ВОСПОМИНАНИЯ О СВОЕМ МАЛОЛЕТНЕМ СЫНЕ

Сергей Иванович Четвериков – либерально настроенный общественный деятель, музыкально одаренный человек, председатель Товарищества Владимира Алексеева, владелец сукновального производства и ряда мануфактур для своего высококачественного товара. Выехав в Швейцарию в 72-летнем возрасте с больной полуслепой женой, незамужней дочерью и усыновленной племянницей-инвалидом, он посвятил свой досуг написанию общественно-политических статей, воспоминаний о своей жизни и родине, детях.

Мы включили в эту главу те заметки, которые касаются С.С. Четверикова. Эти крошечные новеллы рисуют образ малыша впечатлительного, самолюбивого, активно ищущего ответы на вопросы, которые ставит перед ним жизнь, когда ему было всего-навсего три-пять лет от роду. Любознательность, легкая увлекаемость, определенная практичность определили в дальнейшем черты личности будущего ученого.

Н.С. Четвериков

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ

Это рассказ Н.С. Четверикова коллективу фундаментальной библиотеки Горьковского университета. Четвериков был приглашен заведующей библиотекой Галиной Владимировной Бруснигиной. Она отыскала в хранилищах областной библиотеки им. Ленина сохранившиеся после 1948 г. некоторые труды С.С. Четверикова, включила их в фонды университетской библиотеки и тем самым заложила основы для Четвериковского фонда в созданном позднее музее истории ГГУ. После смерти С.С. Четверикова Г.В. Бруснигина приняла от Николая Сергеевича часть его личной библиотеки, оставшейся после передачи генетической литературы Н.П. Дубинину и лепидоптерологической – А.А. Бунделю.

Рассказ о С.С. Четверикове состоялся в мае 1965 г., когда Николай Сергеевич приехал из Москвы для ухода за могилой брата, а Бруснигина организовала выставку фотографий, трудов и материалов о жизни Четверикова в связи с 85-летием со дня рождения.

Кто выполнил магнитофонную запись, нам неизвестно. Включение записи произошло после начала рассказа Николая Сергеевича, и первые фразы его неизвестны. Вопросы по ходу беседы задавала как сама Г.В. Бруснигина, так и другие слушатели.

И.И. Пузанов

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ

Воспоминания И.И. Пузанова о С.С. Четверикове были опубликованы в 1991 г. в журнале “Природа” № 10 д.б.н. Бабковым В.В.

Но, несмотря на это, мы посчитали необходимым представить эти воспоминания в настоящей книге. Причин несколько:

I. Воспоминания о проф. Четверикове И.И. Пузановым написаны в 1965 г. по личной просьбе Т.Е. Калининой, и при получении материалов они были распечатаны на машинке и разосланы в ряд архивов и некоторым частным лицам. Н.С. Четвериков – брат Сергея Сергеевича – нашел ряд неточностей в тексте, которые были зафиксированы и переданы вместе с оригиналом в музей ГГУ (ННГУ).

При знакомстве с В.В. Бабковым ему также была вручена копия наших замечаний. Но при публикации воспоминаний в журнале “Природа” поправки в текст И.И. Пузанова были внесены от имени В.В. Бабкова.

II. Из текста воспоминаний В.В. Бабков сделал ряд купюр, не согласовав своего решения с нами, хотя речь шла о публикации от имени трех лиц (проф. Н.М. Артемовым были также сделаны дополнительные замечания, которые к настоящему времени утрачены).

III. В оригинальных документах награда С.С. Четверикова в честь 100-летия издания “Происхождения видов” называется плакеттой, а не “планшеттой”, как это безосновательно делают некоторые авторы, хотя по-русски перевод звучит одинаково – дощечка, пластиночка; величина: 90 × 125 × 1,7 мм.

IV. Реабилитация С.С. Четверикова произошла по инициативе Н.М. Артемова и Т.Е. Калининой. По совету одного из бывших сотрудников КГБ к участию в этом процессе был привлечен В.В. Бабков. Он организовал письмо от дирекции Института истории техники и естествознания РАН, где работает. В институт пришло сообщение о реабилитации С.С. Четверикова из-за отсутствия состава преступления. В.В. Бабков оставил себе подлинник документа и прислал нам ксерокопию. Об истории получения документа при публикации воспоминаний он умолчал.

V. В сводной статье, в подписях под фотографиями и даже в поправках к рукописи И.И. Пузанова встречается ряд неточностей.

Все это дало нам основания для публикации полного текста рукописи И.И. Пузанова и комментариев к ней Н.С. Четверикова и Т.Е. Калининой.

Замечания Н.С. Четверикова к воспоминаниям И.И. Пузанова.

1. В 1906 г. С.С. Четвериков учился на третьем курсе университета.

2. Потомков богатых Четвериковых было двое: С.С. Четвериков и Сергей Дмитриевич Четвериков – его двоюродный брат, петрограф, минеролог.

3. Следует читать не “канительщики”, а “золотоканительщики”.

4. С.С. Четвериков начал заниматься бабочками не по окончании университета, а с 1895 г.

5. Речь в действительности идет не о “чаепитиях”, а о неофициальных, но регулярных научных заседаниях строго замкнутого кружка ближайших учеников Сергея Сергеевича. На этих заседаниях, прозванных СООРа́ми (“совместные ора́ния”), происходило подчас весьма оживленное и даже бурное реферирование и обсуждение новейших работ по генетике. Если кто-либо посторонний желал попасть на СООР, требовалось единогласное решение всех участников СООРов на допуск его к участию. Это правило выполнялось строго и нелицеприятно. Так, не была допущена к участию в СООРах даже приемная дочь С.С. Четверикова А.П. Сушкина. Однако отказ в допуске на заседание одной из сотрудниц биофака МГУ окончился для С.С. Четверикова трагически. Ее муж, посто-

янный участник СООРОВ, обиделся и, подогреваемый мелочной и мстительной женою, написал на С.С. Четверикова клеветнический донос*.

6. На Мурмане и в Хибинах С.С. Четвериков был в научных экспедициях со своими учениками. Выслан же из Москвы он был в 1929 г. без суда в г. Свердловск на три года, а затем в г. Владимир также на три года.

7. Другие “насекомые” – это случайно попавшие в коллекцию С.С. Четверикова несколько десятков экземпляров. Кроме бабочек, С.С. никакими другими группами насекомых не интересовался.

8. Китайский дубовый шелкопряд имел две генерации в год, в силу чего в условиях нашей холодной зимы он не мог выжить. В течение шести лет С.С. Четверикову удалось вывести моноvoltинную (“одноурожайную”) породу, которая давала шелк очень высокого качества и переносила зиму в стадии куколки. За эту работу С.С. получил правительственную награду. Впоследствии, после вынужденной отставки Сергея Сергеевича в 1948 г., эта ценная порода была смешана с исходным материалом и тем самым уничтожена.

9. С.С. Четвериков встречался не с Кировым, а с А.Е. Ферсманом.

10. Фактически материальную помощь брату Сергей Сергеевич начал оказывать только после получения академической пенсии (1600 рублей с I.1950 г.).

11. “Darwin – Planschette” была вручена четверым русским ученым: И.И. Шмальгаузену, Н.П. Дубинину, Н.В. Тимофееву-Ресовскому и С.С. Четверикову. Всего же эти медали по земному шару были присуждены 27 ученым, способствовавшим творческому развитию учения Дарвина**.

12. Сергей Сергеевич не получал разрешения на такую поездку, так как с самого начала отказался от нее из-за тяжелого состояния здоровья, о чем сообщил в Берлин после получения приглашения от Германской академии натуралистов “Леопольдиана”. Вручение же “планшетт” русским ученым производилось президентом этой академии в Москве 25 июля через три недели после смерти Сергея Сергеевича. Однако Сергей Сергеевич знал об этой награде, так как официальное извещение о ней было получено за несколько дней до его кончины.

Май 1965 г.

Архив музея ННГУ. Ф. С.С. Четверикова. Д. 11. Лл. 1–3.

С.М. Гершензон

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ

С.М. Гершензон – ученик С.С. Четверикова, член СООРОВ, написал свои воспоминания об учителе в 1997 г. по просьбе зам. директора по научной работе ИОГен РАН И.А. Захарова. К этому времени он (Гершензон) остался единственным живым учеником Сергея Сергеевича периода его работы в ИМГУ и ИЭБе.

Рукопись поступила к нам из С.-Петербурга от проф. А.К. Загуляева, которому, ее передала дочь проф. С.М. Гершензона, обнаружив данный текст при разборе архива

* То, что Н.С. Четвериков определил как донос, на самом деле было подложной открыткой, написанной якобы С.С. Четвериковым с выражением радости по поводу самоубийства австрийского ученого-ламаркиста П. Каммерера. Открытка была послана в Комакадемию. По-видимому, автором был не коллега Сергея Сергеевича, честный человек и уважаемый ученый, а его оскорбленная жена. Не желая пачкать память крупного ученого, фамилии его и его жены не упоминаю. В 1965 г. я в этой истории еще не разобралась и не могла поправить Николая Сергеевича (*Примеч. Т.Е. Калининой*).

* Позднее проф. Н.М. Артемов нашел список награжденных в архиве МОИП: ученых, получивших Дарвиновскую плакетту, было 18. Ошибка, допущенная в 1960-х г., иногда повторяется и в наши дни (*Примеч. Т.Е. Калининой*).

скончавшегося отца. Эта рукопись текстуально совпадает с воспоминаниями о проф. С.С. Четверикове, ранее присланными Сергеем Михайловичем Гершензоном проф. И.А. Захарову. Незадолго до смерти эти воспоминания были дополнены фрагментами, адресованными И.А. Захарову. Дополнения также приведены в данной книге.

А.П. Сушкина

ПОЕЗДКА С.С. ЧЕТВЕРИКОВА НА ХИБИНЫ В 1926 г.

Анна Петровна Сушкина – дочь академика П.П. Сушкина и падчерица С.С. Четверикова. Окончила биологический факультет МГУ, ихтиолог, участница многих научных экспедиций (в том числе на ледоколе “Челюскин”) и вообще заядлая путешественница. Именно о ней вспоминает Н.С. Четвериков в рассказе о брате.

Несмотря на просьбы Н.М. Артемова, Анна Петровна написала только воспоминания о поездке с отчимом на Хибины в 1926 г. Рассказ занимает всего 2,5 страницы, но и из него видны некоторые качества С.С. Четверикова – учителя: предоставление самостоятельности молодежи, бескорыстное стремление поделиться с учениками своими знаниями и навыками.

З.Д. Федоровская

ВОСПОМИНАНИЯ О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ В ПЕРИОД ЕГО ССЫЛКИ ВО ВЛАДИМИРЕ 1932–1934 г.

Зинаида Дмитриевна Федоровская – жительница г. Владимир и ученица С.С. Четверикова по Учкомбову. Она прошла у него курсы энтомологии, биометрии и экологии насекомых на втором и третьем годах обучения. Ее воспоминания полны уважения к личности учителя и его методике преподавания. В 1970-х г. она работала педагогом в средней школе. Дальнейшая ее судьба неизвестна. В тексте книги дана ксерокопия страницы из тетради З.Д. Федоровской с ее рисунками и автографом С.С. Четверикова.

И.Н. Грязнов

У ИСТОКОВ КАФЕДРЫ ГЕНЕТИКИ

Отношения Ивана Николаевича Грязнова с Сергеем Сергеевичем складывались сложно: он был ламаркистом и сторонником Т.Д. Лысенко. Взглядов своих не скрывал, в диспутах активно отстаивал позиции Лысенко. С.С. Четвериков никогда не позволял себе неуважительных отзывов в адрес оппонента. Но жилось им рядом явно неуютно. Видя дружеские отношения между И.Н. Грязновым и З.С. Никоро, С.С. Четвериков невольно относился к ним с некоторым недоверием и опаской. Это послужило причиной увольнения З.С. Никоро.

В.А. Крылова

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ С ПРОФЕССОРОМ С.С. ЧЕТВЕРИКОВЫМ НА ОПОРНОМ ПУНКТЕ ДУБОВОГО ШЕЛКОПРЯДА

Валентина Александровна Крылова – единственный сотрудник Опорного пункта по селекции дубового шелкопряда, от кого мы смогли получить воспоминания о С.С. Четверикове как научном руководителе этих исследований. Она была свидетелем развала и гибели научной лаборатории, в которую Четвериков вложил так много сил и творче-

ской инициативы. В 1947 г. по состоянию здоровья он не мог поехать в Москву с отчетным докладом о работе с шелкопрядом. Прочсть доклад он доверил В.А. Крыловой. Черновик обнаружить мы не смогли. А чистовой экземпляр Валентина Александровна оставила в ВАСХНИЛе для публикации. Однако в сборнике его не оказалось. В архиве ВАСХНИЛ его тоже не нашли. По-видимому, после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. труды классических (“формальных”) генетиков и селекционеров были уничтожены.

В.Д. Смирнова

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕТВЕРИКОВ – ОДИН ИЗ ПИОНЕРОВ ДУБОВОГО ШЕЛКОПРЯДСТВА. ШЕЛКОВОДЫ-ГОРЬКОВЧАНЕ

По окончании ГГУ некоторое время Вера Дмитриевна Смирнова работала на шелкостанции Мерефа на Украине, а в 1940 г. поступила в аспирантуру на кафедре С.С. Четверикова, выбрав темой для кандидатской диссертации исследование устойчивости китайского дубового шелкопряда к заболеванию инфекционной желтухой – проблемой для всех, работающих в области шелководства.

Энергичная, напористая, с блестящей памятью и высокой работоспособностью, Вера Дмитриевна оказалась свидетелем становления кафедры генетики и селекции, а затем – очевидцем исследовательских работ на горьковском Опорном пункте по селекции китайского дубового шелкопряда.

Воспоминания представлены двумя частями: первая посвящена характеристике и развитию горьковского шелководства. Вторая же является выборкой из писем Веры Дмитриевны, посвященных кафедре генетики, ее руководителю – проф. С.С. Четверикову, организации учебы и работы в коллективе будущих генетиков и селекционеров. Письма адресовались однокурснице ботанику Людмиле Анатольевне Симанской, в замужестве – Елкиной, и незадолго до ее смерти были собраны, перепечатаны, переплетены и сданы на хранение в архив музея ННГУ.

Г.Т. Протасова

НЕСКОЛЬКО СТРОК О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ

В воспоминаниях Галины Тихоновны Протасовой имеются неточности и ошибки, но не имеющие существенного значения. Так, например, она говорит, что “он носил не костюм, а фрак”. Фактически же С.С. Четвериков никогда не носил фрака в период работы в ГГУ.

Вторая неточность: проф. А.Д. Некрасов предложил супругам перезимовать в его квартире еще в 1943 г. (у него было две свободных комнаты), так как в общежитии, где Четвериковы имели квартиру, зимой температура колебалась от –3 до +2 °С. Жена Четверикова, больная стенокардией, тяжело переносила такой холод в доме, болезнь обострялась. В 1948 г. вопрос о выселении Сергея Сергеевича даже не поднимался.

П.А. Суворов

ВОСПОМИНАНИЯ О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ

Петр Андреевич Суворов проработал рядом с С.С. Четвериковым 13 лет. Кроме того, он занимал в общежитии ГГУ на ул. Ульянова комнату в том же отсеке, где находилась квартира Четвериковых. Досадно, что его воспоминания о профессоре, которого он регулярно навещал после разгрома генетики, занимают всего 2,5 страницы. Архив П.А. Суворова не был сдан в университет после его смерти. Поэтому многое в

его одинокой жизни и даже докторская диссертация осталось недоступным для изучения. Незвестной осталась сумма, собранная нами в качестве добровольных взносов на памятник С.С. Четверикову. П.А. Суворов завел специальную сберкнижку для денег, которые Т.Е. Калинина и В.Н. Сойфер ему сдавали вместе с подписными листами.

Особенно ценным, как нам кажется, в рукописи Петра Андреевича является подтверждение мнения ректора ГГУ, высказанное в 1940 г., о том, что проф. С.С. Четвериков является “лучшим из лучших деканов” университета.

Ю.Г. Тринклер

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЧЕТВЕРИКОВЕ

Юрий Густавович Тринклер после окончания биофака ГГУ поступил в аспирантуру на кафедру биохимии и физиологии растений. Потеряв в юности обе ноги, он испытывал большие трудности. Несмотря на это, он успешно защитил диссертации, сначала кандидатскую, затем – докторскую. Преподавал в ГСХИ, увлекся проблемой омоложения и селекцией новых сортов картофеля; в качестве экспериментальной базы использовал семейный садовый участок. Полученные им новые гибридные сорта картофеля, размножающиеся семенами, получали высокую оценку на ВДНХ.

В.И. Козлов

ВОСПОМИНАНИЯ О С.С. ЧЕТВЕРИКОВЕ

Дружеские отношения В.И. Козлова с А.Ф. Шереметьевым мешали ему объективно судить о роли последнего в судьбе С.С. Четверикова. На наш взгляд, искажена оценка выступлений А.Ф. Шереметьева на Советах биофака и университета. Доцент А.Ф. Шереметьев на этих совещаниях выступал с покаянием, критиковал основные положения “формальной генетики”, объявил многолетнюю работу своего шефа С.С. Четверикова по селекции шелкопряда как не приведшую к каким-либо положительным результатам. Такое заявление было неожиданным после получения профессором правительственной награды именно за хорошие результаты. Через три недели С.С. Четвериков слег после третьего инфаркта.

Воспоминания В.И. Козлова впервые приоткрыли нам завесу над решениями и событиями, сопровождавшими перезахоронение тела Четверикова на новое место.

Замечания к воспоминаниям В.И. Козлова, написанные проф. Н.М. Артемовым и проф. Т.Е. Калининой.

(Мы позволили себе выпустить несколько абзацев, где излагаются вопросы, не имеющие отношения к жизни С.С. Четверикова.)

<...>

5. Шереметьев А.Ф. выступал против теоретических положений и результатов экспериментов С.С. Четверикова с дубовым китайским шелкопрядом на Совете биофака и расширенном Ученом совете университета 6 и 15 сентября 1948 г. Об этом есть запись в стенограмме протокола. Можно было бы думать, что Владимир Иванович отсутствовал на этих заседаниях, если бы не списки присутствующих, где под № 70 есть его личная подпись.

6. Заголовок работы С.С. Четверикова В.И. Козлов воспроизводит не совсем точно, но сущность проблемы передает правильно.

7. Медаль, которой был награжден С.С. Четвериков, называется “Дарвиновская плакетта”. Она отлита не из золота, а из какого-то серовато-желтоватого сплава. При жизни проф. Четвериков плакетту Дарвина не видел, он лишь получил извещение о награде от Немецкой академии наук естествоиспытателей “Леопольдина” за несколько дней до смерти.

8. Не совсем ясно, когда группа преподавателей посетила С.С. Четверикова; видимо, это произошло в 1947 г. или в первой половине 1948 г. После августовской сессии ВАСХНИЛ супруги Воронцовы С.С. Четверикова не навещали и при встречах – не здоровались.

9. Вызывает сомнение, что именно доц. Шереметьев был инициатором увековечения памяти С.С. Четверикова, даже на похоронах он не присутствовал. По-видимому, он вместе с В.И. Козловым и Т.И. Побережской был организатором перезахоронения. Нам неизвестны факты о том, что А.Ф. Шереметьев и Т.И. Побережская собирали средства на памятник С.С. Четверикову. В Горьком деньги собирала Т.Е. Калинина, а в Москве – В.Н. Сойфер; на хранение деньги с подписными листами сдавались доценту П.А. Суворову.

Возможно, Т.И. Побережская собирала деньги на вторую отливку профиля Четверикова взамен утраченной барельефной металлической доски. Нам об этом *ничего* не известно, и сотрудники биофака тех лет о таком факте не помнят.

11. Изготовление памятника с самого начала при участии Т.Е. Калининой было поручено выпускнице ГГУ, скульптору Л.Ф. Кулаковой. Было разработано несколько вариантов. Остановились на высоком куске гранита с горельефным поясным портретом С.С. Четверикова на полированной поверхности. Но он был реально выполнен как барельеф. Летом камень поставили, а готовый барельеф был оставлен зимой на кладбище без присмотра на несколько месяцев, и весной был сдан рабочими на переплавку. В.И. Козлов свидетельствует, что сама металлическая доска по размерам не подходила к гранитному камню. Мне кажется, что он ошибается. Впоследствии Л.Ф. Кулакова сделала лишь медальон с портретом профиля С.С. Четверикова. О памятнике в виде скульптуры даже разговоров не было, с самого начала был задуман гранит и металлическая доска на нем.

А.Н. Смылова

О РАБОТЕ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ПЕНСИОННЫХ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ С.С. ЧЕТВЕРИКОВА И ХЛОПОТАХ ПО НАЗНАЧЕНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПЕНСИИ

Смылова Антонина Николаевна известна как энергичный юрист высокой квалификации, с большим опытом юридической работы. Она приняла с чувством удовлетворения предложение поделиться своими воспоминаниями об участии в хлопотах по назначению Сергею Сергеевичу пенсионного обеспечения.

Для получения рукописи Т.Е. Калинина навестила А.Н. Смылову на дому. Рукописи не было. Антонина Николаевна рассказала о событиях 1948 г., и под диктовку был записан ее рассказ. Затем после редактирования и перепечатки он был отнесен автору на подпись. Поправок не было. Авторизованная рукопись хранится в фонде С.С. Четверикова в архиве музея ННГУ.

И.Ф. Жимулев

О ЗАХОРОНЕНИИ С.С. ЧЕТВЕРИКОВА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Жимулев Игорь Федорович, будучи студентом, увлекся генетикой и специализировался по классической генетике на кафедре дарвинизма, руководимой академиком ВАСХНИЛ А.Н. Мельниченко, активным сторонником идей Т.Д. Лысенко. Молодого энтузиаста поддерживал доцент той же кафедры А.Ф. Шереметьев. В памяти И.Ф. Жимулева сохранились малоизвестные факты, связанные с перезахоронением Сергея Сергеевича.

В настоящее время Игорь Федорович заведует лабораторией в ИЦиГ СО РАН, профессор Новосибирского университета. Свои воспоминания он прислал заместителю директора по науке ИОГен РАН проф. Захарову, зная, что в ИОГен существует кабинет истории генетики. И.А. Захаров передал их нам для публикации в данном издании.

Рисунок барельефного профиля С.С. Четверикова, о котором пишет автор, нам передан не был.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН	Архив Российской академии наук
БСЭ	Большая советская энциклопедия
БЭС	Большой энциклопедический словарь
ВАК	Высшая аттестационная комиссия
ВАСХНИЛ	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина
ВИР	Всесоюзный институт растениеводства
ВКВШ	Всесоюзный комитет высшей школы
ВНИРОХ	Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства
ВОВ	Великая отечественная война
ВС Рабпрос	Всероссийский совет работников просвещения
ГАНО	Государственный архив Нижегородской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГГУ	Горьковский государственный университет (ННГУ)
ГИНЗ	Государственный научный институт народного здравоохранения
ГИПХ	Государственный институт прикладной химии
ГПИ	Государственный педагогический институт
ГПУ	Государственное политическое управление
ГПФ	Главпрофобразование Наркомпроса РСФСР
ГСХИ	Горьковский сельскохозяйственный институт (академия)
ГУС	Государственный ученый Совет
ЗИН	Зоологический институт РАН (АН СССР)
ИМУ	Императорский московский университет
ИОГен РАН	Институт общей генетики РАН
ИОХ	Институт органической химии
ИТЛ	Исправительно-трудовой лагерь
ИЦиГ СО РАН	Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН (АН СССР)
ИЭБ	Институт экспериментальной биологии
КЕПС	Комиссия по изучению естественных производительных сил России
КУНИ	Комитет по управлению научными исследованиями
МВЖК	Московские высшие женские курсы (то же ВЖК)
МГУ	Московский государственный университет
МОИП	Московское общество испытателей природы
МСХ	Министерство сельского хозяйства
НКВД	Народный Комисариат внутренних дел
НКЗ	Народный Комисариат земледелия
ННГУ	Нижегородский Государственный Университет
ОГПУ	Объединенное Государственное Политическое Управление
ОС	Особое совещание

ПЗМ	Под знаменем марксизма (журнал)
РЭО	Русское энтомологическое общество
СО АН СССР (РАН)	Сибирское отделение АН СССР (РАН)
Учкомбов	Учебный комбинат по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства Наркомзема. Он же – Народный институт системы ОБВ (отдела борьбы с вредителями)
ФЗУ	Фабрично-заводское управление

* * *

ак. (акад.)	академик
асс.	ассистент
в.и.о.	временно исполняющий обязанности
г.	госпожа, господин
д.б.н.	доктор биологических наук
д.х.н.	доктор химических наук
д.с.-х.н.	доктор сельскохозяйственных наук
доц.	доцент
зав. каф.	заведующий кафедрой
зав. лаб.	заведующий лабораторией
к.б.н.	кандидат биологических наук
к.и.н.	кандидат исторических наук
лаб.	лаборант
М.г.	Милостивый государь
м.н.с.	младший научный сотрудник
проф.	профессор
п.г.	прошлого года
ст. асс.	старший ассистент
ст. лаб.	старший лаборант
ст.н.с.	старший научный сотрудник
с.м.	сего (настоящего) месяца
с.г.	сего (настоящего) года
чл.-корр.	член-корреспондент

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авакян А.А. (1907–1966) – агробиолог, теоретик Т.Д. Лысенко, член-кор. АН СССР, акад. ВАСХНИЛ 539
- Аверин Ю.В. – энтомолог, сотрудник зоологического музея в Симферополе (1950-е гг.) 260
- Аверкиев Д.С. (1889–1961) – декан биофака ГГУ, зав. каф. морфологии и систематики растений (1950) 594
- Авилов С.А. (р. 1957) – зоолог-систематик; коллекционер бабочек
- Авинов А.Н. – известный лепидоптеролог и зоогеограф, коллекционировал бабочек Средней Азии, Индии, Памира и других восточных регионов 421, 424, 428, 446
- Агапов 267
- Агеев Н.П. – секретарь сената и министр внутренних дел в 1900 г. 23
- Азоров – столоначальник канцелярии Московского военного округа в 1906 г. 578
- Акимов Г.В. – зав. канцелярией И МГУ в 1927 г. 62
- Акифьев А.П. – генетик, выпускник биофака ГГУ, сотрудник ИОГена АН СССР (РАН), д.б.н., проф. 571
- Алексеев В.С. – брат К.С. Алексеева-Станиславского, кузен жены С.И. Четверикова и близкий друг их семьи 217, 218, 484
- Алексеев М.А. – доц. каф. дарвинизма МГУ 516
- Алексеев Н.А. (1841(52?)–1893) – брат жены С.И. Четверикова и дядя С.С. Четверикова. С 1885 г. – городской голова г. Москвы, председатель Тов-ва Вл. Алексеева. В 1893 г. застрелен неким Андриановым – психически больным в Госдуме 15, 16, 18, 19, 22
- Алексеева М.Н. (1880–1974) – двоюродная сестра С.С. Четверикова, дочь Н.А. Алексеева 15, 39, 264, 268, 311
- Алехин А.А. (1892–1946) – юрист по образованию, чемпион мира по шахматам (1920–1940 гг.). С 1921 г. жил во Франции 23
- Алпатов В.В. (1898–1979) – биолог, эволюционист, теоретик биологии; активный антилысенковец. Шелковод; выведен из комиссии по шелководству ВАСХНИЛ после августовской сессии 1948 г. В 1955 г. подписал коллективное письмо в Президиум ЦК КПСС в числе других биологов (письмо “трехсот”) 305, 516
- Алфераки (Alferaki) С. (1850–1898) – зоолог-энтомолог. Окончил ИМУ. Хранитель коллекции бабочек великого князя Николая Михайловича Романова 372, 408, 411, 446, 477
- Альбанов В.И. (1881–1919) – штурман российской арктической экспедиции Г.Л. Брусилова на шхуне “Св. Анна” (1912–1914). Сохранил выписки из судового журнала. Спасен экспедицией Г.Я. Седова 426
- Андреев К. – декан естественного отделения физико-математического факультета ИМУ (1906) 51, 52
- Андронов А.А. (1901–1952) – физик, проф., зав. каф. теоретической физики, затем зав. каф. теории колебаний и автоматического регулирования радиофизического факультета ГГУ. Акад. АН СССР 88, 94, 102, 544, 545, 589
- Анохин П.К. (1898–1974) – физиолог, проф., зав. каф. физиологии Горьковского мед-института, акад. АМН СССР, акад. АН СССР. Основные научные исследования посвящены изучению нейрофизиологических механизмов высшей нервной деятельности. Один из создателей нейрокибернетики 310, 526
- Аратен 567
- Ардашников С.Н. – врач, генетик человека, радиобиолог, друг и коллега Н.С. Четверикова по Медико-генетическому институту, где он работал до 1938 г. 39, 40, 314, 319, 483
- Артемов Н.М. (р. 1908) – д.б.н., проф., историк науки. Лепидоптеролог – любитель. Изучал физиологические механизмы различных животных ядов и их лечебного воздействия 5, 36, 38, 40, 43, 45, 100, 117, 142, 183, 258, 274, 417, 551, 553, 556, 558, 560, 579, 583, 596, 605, 607, 609, 611

- Астауров Б.Л. (1904–1974) – ученик и последователь С.С. Четверикова, участник СО-Оров. С 1935 г. работал в ИЭБ. С 1967 г. – директор Института биологии развития АН СССР. Акад. АН СССР. Разработал методы получения партено- и андрогенетического потомства у тутового шелкопряда 5, 6, 31, 32, 38, 65, 66, 68, 70, 71, 77, 79, 103, 106, 142, 145, 231, 245, 249, 250, 270, 271, 273, 276, 319, 320, 329, 330, 454, 479, 497, 498, 500, 502–506, 516, 543, 569, 598, 602
- Ауци Д. 157
- Бабков В.В. – д.б.н., ст.н.с. Института истории естествознания и техники АН СССР (РАН) 5, 34, 117, 596, 607
- Балкашина Е.И. (1899–1981) – зоолог, сверхштатный сотрудник генетического отделения (1921), Затем ст. препаратор ИЭБа, сотрудник генетического отдела КЭПС. В 1935 г. уехала из Москвы в Среднюю Азию 6, 31, 32, 65, 66, 70–72, 76, 79, 248, 250, 276, 277, 480., 497, 570, 584, 605
- Бальмонт К.Д. (1867–1942) – русский поэт-символист 432, 438
- Банг-Хааз (Band-Haas) – лепидоптеролог 380, 436
- Бархатова Н.Н. (р. 1916) – выпускница биофака ГГУ 1940 г., затем сотрудник станции переливания крови в Горьком 562
- Баткис – обвинял Н.К. Кольцова в антисоветчине, считая обоснованным его увольнение с поста директора ИЭБ (по письму А.И. Четвериковой от 27.III.1931) 242
- Батюшков П.Н. 14
- Бауман Н.Э. (пс. Грач) (1873–1905) – деятель русского революционного движения, с 1890-х гг. большевик 29
- Бах И.С. (1685–1750) – немецкий композитор и органист 391, 469
- Бах А.Н. (1857–1946) – биохимик, акад. АН СССР. Создатель и директор Института биохимии АН СССР (1946). Акад.-секр. отделения химических наук АН СССР (1939–1945) 369, 370, 375
- Беккерель А.С. (1788–1878) – физик, занимался фосфо- и флюоресценцией, термоэлектрическими явлениями. Член Парижской АН 363
- Белинский В.Г. (1811–1848) – литературный критик и революционный демократ 365
- Белов П.Ф. (1914–1983) – выпускник и аспирант (1937–1940 гг.) каф. генетики и селекции ГГУ. Занимался анализом стадийности в развитии китайского дубового шелкопряда. После аспирантуры работал на Кавказе под руководством ученика С.С. Четверикова Н.К. Беляева 92–95, 98, 100, 510, 513, 515–517, 520, 521, 590
- Беляев Н.К. (1899–1937) – генетик, ученик Н.К. Кольцова, участник СООров. Подвергался травле по политическим мотивам. В 1928 г. ушел из ИЭБ, занимался шелкопрядами в Среднеазиатском и Закавказском институтах шелководства, изучал вопросы гетерозиготности природных популяций и фенотипические признаки бабочек. В 1937 г. арестован и расстрелян 6, 32, 65–68, 70, 71, 79, 106, 125, 234, 237, 250, 306, 497, 505, 506, 513, 518, 520, 584
- Бербанк (Burbank) Л. (1849–1926) – американский селекционер, выведший большое количество новых сортов плодовых и ягодных культур 346
- Берг Л.С. (1876–1950) – географ и биолог, акад. АН СССР. Проф. ихтиологии и гидрологии МСХИ, проф. каф. физической географии Петербургского университета. Один из организаторов Географического института в Петрограде. С 1940 г. – президент Географического общества. Разработал учение о ландшафтах и развил учение В.В. Докучаева о природных зонах. Работы по ихтиологии, климатологии и палеоклиматологии, геологии, почвоведению 488, 489
- Бергман – немецкий энтомолог, издатель книг о бабочках 411, 413
- Бетховен Л. ван (1770–1827) – великий немецкий композитор XVIII–XIX вв. 341, 343, 369, 370, 375, 469, 503
- Бианки 157
- Биркина Б.Н. – энтомолог, шелковод. Введена в комиссию шелководства ВАСХНИЛ после августовской сессии 1948 г. Занималась дубовым китайским шелкопрядом (1940–1950 гг.) 516
- Блейсли (Блексли) А.Ф. (Blakeslee) (1874–1954) – американский ботаник и генетик. В 1943–1949 гг. директор Генетической станции колледжа им. Смита в Нортхемптоне. Изучал генный баланс, хромосомные мутации, видообразование на дурмане. Вместе с А.Дж. Эйвери открыл полиплоидогенное действие алкалоида колхицина (1937) 61, 538
- Богачев А.В. (1909–1977) – лепидоптеролог; работал по фауне Средней Азии как энтомолог широкого профиля 267
- Богданов-Катьков Н.Н. – энтомолог, специалист по сельскохозяйственной энтомологии 157
- Боголепов Н.П. (1846–1901) – проф. римского права; ректор ИМУ (1883–1887; 1891–1893). Министр народного просвещения (с 1898 г.) 475

- Бондаренко Е.Ф. (1918–1994(94?)) – выпускница ГГУ 1941 г., окончила аспирантуру Одесского университета, работала под руководством ученика С.С. Четверикова С.М. Гершензона. К.б.н., научный сотрудник-селекционер шелкостанции Мерефа (Украина) 40, 530–532, 534
- Бор Н.Х.Д. (Bohr) (1885–1962) – выдающийся датский физик, создатель первой квантовой теории атома, участвовал в разработке основ квантовой механики. Иностраный член АН СССР. Лауреат Нобелевской премии (1922) 377
- Боровский 238
- Бостанжогло 23
- Боттичелли С. (Botticelli) (1445–1510). Настоящее имя Алессандро Филіппі (Filiperi) – живописец Раннего Возрождения (Италия) 557
- Браве О. (Bravais) (1811–1863) – кристаллограф, член Парижской АН. Проф. Политехнической школы. Основоположник геометрической теории кристаллов 140, 141
- Брайцев И.Р. (1870–1947) – проф. Варшавского политехнического института, эвакуированного в Нижний Новгород в 1916 г. Зав. каф. математики ННГУ. Первый декан физико-математического факультета ННГУ. 87, 88
- Брандт Ф.Ф. (1802–1879) – зоолог, акад. Петербургской АН. Организатор и директор Зоологического музея Петербургской АН. Проф. Медико-хирургической академии в Петербурге (1857–1869). Основные работы – по систематике, палеонтологии, сравнительной анатомии и зоогеографии позвоночных. Коллекционер-лепидоптеролог 312
- Брем (Brehm) А.Э. (1829–1884) – немецкий зоолог. Автор книги “Жизнь животных” (1863–1869 гг.). Участвовал в организации зоопарков в Гамбурге и Берлине 157
- Бремер Ф.Г. (1892–1982) – бельгийский физиолог и врач, любитель-лепидоптеролог 436
- Бриджес К. (Bridges) (1889–1938) – американский биолог-генетик, член национальной АН США. Ученик и сотрудник Т.Х. Моргана. Разрабатывал вопросы хромосомной теории наследственности 148, 369
- Бродигер – хозяин дома в Северной Италии, где жил С.С. Четвериков 293
- Бронникова Н. – лаборант каф. зоологии беспозвоночных в ГГЦ (1940-е гг.) 97, 524
- Брусилов Г.Л. (1884–1914?) – лейтенант Российского флота. В 1912–1914 прикладывал Северный морской путь из Атлантического в Тихий океан на шхуне “Св. Анна”, которая была затерта льдами. 426
- Бруснигина Г.В. (1920–1977) – зав. библиотекой ГГУ. В начале 1960-х гг. начала собирать труды С.С. Четверикова и материалы о нем 43, 482, 606, 607
- Брюллов К.П. (1799–1852) – русский живописец, проф. Петербургской академии художеств
- Брюсов В.Я. (1873–1924) – русский поэт, проф. и ректор Высшего литературно-художественного института. Основоположник русского символизма 374, 378, 395, 396, 399
- Буадюваль – коллекционер бабочек (Сицилия) 321, 322, 328, 329, 332
- Будреева А.Х. – гувернантка детей С.И. Четверикова 18
- Бундель А.А. (1904–1976) – химик, кристаллограф, люминесцентист. Работал в Институте тонкой химической технологии им. Менделеева. Коллекционер бабочек 25, 40, 44, 278, 280, 288, 290, 311, 312, 322, 326, 328, 332, 335, 352–470, 478, 482, 560, 605, 606
- Бунин И.А. (1870–1953) – русский писатель. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Лауреат Нобелевской премии 342
- Бурсен (Bonsin) Шарль (вторая половина XIX в.) – энтомолог, лепидоптеролог. Исследователь бабочек Южной России, Малой и Восточной Азии 297, 298, 322, 440, 441
- Бутлеров А.М. (1828–1886) – химик-органик, общественный деятель, проф. Казанского и Петербургского университетов. Коллекционер бабочек. Коллекцию сдал в Казанский университет 355
- Быховский Б.Е. (1908–1974) – зоолог и паразитолог, акад. АН СССР, директор ЗИНа АН СССР (1962). Акад.-секретарь отделения общей биологии АН СССР. Член комиссии по проверке работы Лысенко в “Горках Ленинских” 262
- Бэтсон У. (Bateson W.) (1861–1862) – английский биолог, морфолог, один из основоположников генетики. Иностраный член АН СССР. Ввел понятие “генетика”. Противник ламаркистских идей о наследовании приобретенных признаков 61, 111, 488
- Вааген (Waagen) – использовал термин “мутации” в палеонтологических исследованиях (1869) 145
- Вавилов Н.И. (1887–1943) – ботаник, генетик, растениевод и географ. Создатель современных научных основ селекции, учения о центрах происхождения культурных

- растений. Акад. АН СССР, АН УССР, президент ВАСХНИЛ (1929). Директор Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (позднее ВИР), генетической лаборатории АН СССР (позднее Институт генетики), президент Всесоюзного географического общества. Член многих иностранных Академий наук. Репрессирован и погиб в Саратовской тюрьме 42, 111, 525, 594
- Вайберг 8, 12
- Ванновский П.С. (1822–1904) – генерал, военный министр (1881–1897), министр народного просвещения (1901–1902). Проводил политику ужесточения дисциплин в ВУЗах 475
- Вейсман А. (Weismann) (1834–1914) – немецкий зоолог и эволюционист. Один из основателей неodarвинизма 128
- Величковский В.А. – биолог, зоолог 249
- Вендровский В.Д. (1906–1938) – генетик. Окончил МГУ (1929). Работал в ИЭБ. Основное направление исследований – цитогенетика и эволюция пола. Репрессирован и расстрелян 125
- Верити (Verity) – автор атласа бабочек 380, 381, 421, 443, 458
- Вермель Е. – аспирант ИЭБ 249
- Вермелер Ю. – гистолог, цитолог, ламаркист. Один из оппонентов С.С. Четверикова в конце 1920-х – начале 1930-х гг. 249, 604
- Вернадский В.И. (1863–1945) – естествоиспытатель, общественный деятель, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеохимии, гидрогеологии, создатель ряда научных школ; акад. Петербургской АН, президент АН Украины (1939) 30
- Весновская Г.Ф. в 1989 г. прокурор 124
- Вильсон Э. (Wilson) (1856–1939) – американский зоолог, цитолог. Исследовал значение половых хромосом в определении пола. Друг Н.К. Кольцова 148
- Вильямс В.Р. (1863–1939) – почвовед, акад. АН СССР, АН БССР, ВАСХНИЛ. Один из основателей агрономического почвоведения. Разработал травопольную систему земледелия 78, 113, 114
- Винтер – секретарь ректора ГГУ в 1930-е гг. 82, 83
- Виталь А.А. (р. в конце 1930-х гг.) – дочка падчерицы С.С. Четверикова А.П. Сушкиной 462, 489
- Витте С.Г. (1849–1915) – граф, министр путей сообщения и финансов. Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы 483
- Витсман (Wyttsmann) опубликовал книгу “Genera Insectorum” 365
- Владимирская Е.М. (р. 1921) – аспирантка С.С. Четверикова (1944–1947). Ассистент на каф. генетики Киевского университета (зав. каф. проф. С.М. Чершензон) (1948). Позже доцент 520
- Воздвиженский В.И. (1895–1981) – инженер-гидроэнергетик. Муж Е.С. Четвериковой (с 1923 г.) 22, 27, 229, 574
- Воинов В.И. – инспектор реального училища Воскресенского 473
- Волоцкой М.В. – антрополог, эвгеник 499
- Воробьева-Обухова – преподаватель по аналитической геометрии и основам высшей математики в ГГУ в 1931–1932 гг. 518
- Воронцов Е.М. (1899–1971) – зоолог-орнитолог, проф., д.б.н., и.о. директора и проректор по научной работе ГГУ с 1946 г. Зав. каф. зоологии позвоночных с 1947 г. 540, 541, 542, 612
- Воскресенский К.П. – владелец частного реального училища 25, 47, 48, 74, 81, 104, 473
- Вощинина Л. (р. 1936) – студентка ГПИ, преподаватель русского языка и литературы в школах Горьковской области и Минска 557
- Вукохе (Wukoche) – лепидоптеролог 413
- Вышинский А.Я. (1883–1954) – советский государственный деятель, юрист, дипломат; 1925–1928 гг. – ректор МГУ; 1928–1931 г. – член коллегии Наркомпроса, зав. Главным комитетом по профессиональному образованию (Главпрофобр); 1935–1939 гг. – прокурор СССР. С 1949 г. – министр иностранных дел СССР. Акад. АН СССР 65, 236
- Габелев М.В. – студент ГПИ, преподаватель русского языка и литературы в Донецкой обл. 557
- Гаврилин К.Е. – член Верховного суда РСФСР (в 1989 г.) 124, 125
- Гаврилов Н.И. – химик 391
- Гайсинович А.Е. (1906–1989) – генетик и историк науки 76, 235, 398
- Галина 374
- Гильтон Ф. (1822–1911) – английский антрополог, психолог, генетик; один из основателей эвгеники и биометрии; двоюродный брат Ч. Дарвина 111, 128, 129–131, 133, 134, 184, 484, 518
- Гальченко В. 567
- Гамов Г.А. (1904–1968) – физик-теоретик. Учился и работал в России, в 1934 г. эмигрировал в США. Разработал теорию альфа – и бета – распада, выдвинул гипотезу “горячей Вселенной”. Сделал первый расчет генетического кода 479

Гампаров – 483

Гамсун (Hamsun) К. (1859–1952) – наст. фам.

Педерсен – норвежский писатель, неоромантик, индивидуалист 466

Гаусс (Gauss) К.Ф. (1777–1855) – немецкий математик, астроном, геодезист, почетный член Петербургской АН 184

Гейне Г. (Heine) (1797–1856) – немецкий поэт и публицист, романтик 364, 486

Гейнеке Фр. (2-я половина XIX в.) – зоолог, статистик, биометрик. Автор классического изучения географических рас сельдей математическими методами 135, 137–139, 314

Геккель (Haeckel) Э. (1834–1919) – немецкий биолог – дарвинист. Основные научные работы посвящены филогенезу растений и животных, зоологии беспозвоночных. Сформулировал биогенетический закон о связи онто- и филогенеза 128

Гексли (Huxley) Т.Г. (1825–1895) – английский естествоиспытатель, президент Лондонского королевского общества. Врач. Работал по зоологии и сравнительной анатомии, антропологии, палеонтологии и эволюционной теории. Соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения 350

Гене (Guénée) (1809–1890) – лепидоптеролог 284, 288, 300, 322, 329, 332

Гераклит Эфесский (Темный) (535–470 гг. до н.э.) – греческий натурфилософ 126

Герасимов О.П. – лепидоптеролог 440

Герасимова – делопроизводительница 89

Гершензон С.М. (1906–1998) – генетик, ученик С.С. Четверикова по ИЭБ (с 1925 г.), акад. АН УССР. Зав. каф. генетики и дарвинизма Киевского университета, позднее – зав. сектором молекулярной биологии и генетики АН УССР. 5, 6, 31, 32, 34, 44, 77, 79, 106, 223, 235, 250, 496–450, 511, 514, 516, 517, 608, 609

Герье В.И. (1837–1919) – историк, организатор и руководитель МВЖК (1872). Проф. всеобщей истории Московского университета (1868–1904). Член Госсовета (1907) 27, 29, 30, 55, 602

Гессен И.В. (1866–1943) – лидер партии кадетов, адвокат, депутат 2-й Госдумы (1907). Опальный проф. ИМУ. Белоэмигрант. С 1921 г. – издатель “Архива русской революции” 483

Гинер 157

Глазунов А.К. (1865–1936) – композитор, дирижер, проф. Петербургской консерватории. Эмигрировал в 1928 г. 371, 375

Глушенко И.Е. (1907–1987) – генетик, селекционер, акад. ВАСХНИЛ, поддерживал взгляды Лысенко; заведовал лаб. в Инсти-

туте генетики АН СССР (1941–1965) и институтах ВАСХНИЛ 425

Гоббс (Hobbs) Т. (1588–1679) – английский философ 267

Говард (Howard) Э. (1850–1928) – английский градостроитель, социолог и энтомолог – любитель 371

Говорухин В. – студент МГУ (1923–1926 гг.), слушатель лекций С.С. Четверикова “Введение в теоретическую систематику” 106

Головинская К.А. – аспирантка С.С. Четверикова (1925–1926), сотрудница ИЭБ 584

Гольдсмит Р. (1878–1958) – немецкий зоолог и генетик. Директор отдела генетики в Биологическом институте Кайзера Вильгельма в Берлине. Проф. Калифорнийского университета в Беркли. Занимался генетикой пола 148, 216, 240, 488, 500

Гончаров И.А. (1812–1891) – русский писатель мастер реалистической прозы 375

Горелик Г.С. (1906–1953) – физик-теоретик, д. физ.-мат. н., проф. МФТИ 40, 94, 263, 266, 555

Горохова З.Н. (р. 1908) – ботаник, выпускница ГГУ 1937 г. 114

Горска Ю. – жена И.С. Четверикова 224

Горышин Н.И. – энтомолог, сотрудник ЛГУ 263

Горький М. (1868–1936) – наст. имя и фамилия Пешков А.И. – русский советский писатель и общественный деятель; основоположник литературы социалистического реализма 32

Грезер (Грэзер) – энтомолог, лепидоптеролог 297, 298

Грей (Gray) (1810–1888) – американский ботаник, иностранный член Петербургской АН. Пропагандист учения Ч. Дарвина 345

Гришко Н.Н. (1901–1964) – ботаник, генетик и селекционер, акад. АН УССР, директор Института ботаники АН УССР (1939–1944), основатель Центрального республиканского ботанического сада АН УССР 524

Грумм-Гржимайло Г.Е. (1860–1936) – путешественник, зоолог, естествоиспытатель, геолог, географ, этнограф, энтомолог, коллекционер бабочек. Исследовал Памир, Тянь-Шань, Монголию, Китай, Туву. Открыл много видов бабочек и географических природных образований 384, 421, 424, 428, 446

Грязнов И.Н. (1906–1993) – аспирант З.С. Никоро (1932–1935), затем лаборант и ассистент С.С. Четверикова. Придерживался идей Т.Д. Лысенко 38, 84, 88, 94–96, 99, 101, 111, 490, 508–510, 519, 543, 549, 566, 570, 595, 609

- Гудкова Н.С. (р. 1918) – зоолог, выпускница биофака ГГУ 1941 г.
- Гуммермах – физик, математик 319
- Гусев С.Н. – аспирант З.С. Никоро на каф. генетики (1932), ст. пр. Балашовского пединститута 508, 509, 519
- Гусев В.А. (1912–1980) – аспирантка, доц., зав. каф. биохимии и физиологии растений. Декан биофака ГГУ 85, 87, 104
- Густман – собиратель бабочек для продажи 366
- Гюбнер (Хюбнер) Ж. (Hubner J.) (1761–1826) – лепидоптеролог, автор определителя бабочек 284, 287, 298, 300, 467
- Дамаскин Иоанн (680–780) – богослов, писатель, подвижник. Автор церковных песнопений 382
- Дамперт – 157
- Данилевский А.С. (1911–1969) – доц. каф. энтомологии ЛГУ (1945–1951), зав. каф. (с 1955 г.), декан биол.-почвенного факультета ЛГУ (1966), д.б.н., проф., н.с. и зав. отделом чешуекрылых ЗИНа АН СССР; вместе с А.К. Загуляевым принимал и отправлял в Ленинград коллекцию бабочек С.С. Четверикова 276, 333, 410, 603
- Даниэльсон П.Ф. (1844–1918) – экономист, представитель легального народничества 474
- Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник учения об эволюции органического мира. Иностраный член Петербургской АН 7, 26, 41, 83, 106, 117, 18, 127, 129, 134, 184, 213, 338, 348, 349, 376, 458, 468, 470, 479, 480, 482, 488, 495, 542, 563, 580, 596, 604, 608
- Двухшерстов – начальник управления Высшей школы в 1937 г. 89
- Де Бройль Луи (de Broglie) (1892–1987) – и Морис (1875–1960) – французские физики. Занимались рентгеновской спектроскопией, ядерной и атомной физикой. Создатели квантовой механики. Лауреаты Нобелевской премии (1929). Иностранцы члены АН СССР 377
- Дегтярева – лаборант и секретарь каф. генетики и селекции ГГУ (1948) 111
- Дейнега В.А. – зоолог, асс. на каф. Мензбира I МГУ, член МОИП 487
- Делла Торре (Della Torre) – лепидоптеролог 432
- Делоне Л.Н. (1891–1969) – цитогенетик, растениевод, проф. и зав. каф. Харьковского сельскохозяйственного института (1933–1948), научный сотрудник Украинского института растениеводства, генетики и селекции (с 1946). Впервые получил радиационные мутанты зерновых культур 524
- Демин П.М. – председатель колхоза “Искра” Богородского района Горьковской области 516
- Денн Л.К. (р. 1893 – ?) – американский генетик, член национальной АН США. Проф. Колумбийского университета (1928–1962). Исследовал распределение генов в популяциях человека и животных, мутации млекопитающих. Автор (соавтор Синнот Э.В.) учебника по генетике. Член Норвежской АН 241, 500
- Денисов Н. – ученый секретарь ВАК в 1945 г. 107
- Дергачев – энтомолог-шелковод 516
- Державин А.Н. (1878–1963) – ихтиолог, акад. АН АЗССР. В начале 1930-х гг. был сотрудником ИЭМ 111
- Де Фриз Г. (De Vries) (1848–1935) – голландский ботаник и генетик. Преподаватель Амстердамского университета (1878–1918). Первым предложил термин “мутация” и осуществил экспериментальное изучение эволюционного процесса. Повторно открыл законы Менделя (1900). Иностраный почетный член АН СССР 145
- Добжанский (Добжанский) Ф.Г. (1900–1975) – русский и американский генетик. Работал на каф. генетики Ленинградского университета (1924–1927). С 1927 г. жил и работал в США. Работы – в области энтомологии, генетики. Наиболее последовательно смог реализовать творческую программу С.С. Четверикова, выполнив классические исследования природных популяций дрозофил. Член Лондонского королевского общества, Германской Академии Леопольдина, Шведской АН и др. 34, 106, 221, 479, 488
- Добрынин А.А. – муж Т.Д. Четвериковой (1897–1982), кузины С.С. Четверикова 264, 265
- Добрынина Т.Д. – см. Четверикова Т.Д.
- Добрынина Н.А. (р. 1942) – дочь Т.Д. Добрыниной (Четвериковой), преподаватель химии в МГУ 43, 529, 604
- Добрынина Т.А. (р. 1922) – дочь Т.Д. Добрыниной (Четвериковой) 43, 529
- Доливо – Добровольский – певец 503
- Долинин А. – выпускник ГГУ 1941 г., генетик 38, 536
- Доплер (Доплер) К. (Doppler) (1803–1853) – австрийский физик и астроном, член Венской АН. Открыл явление изменения частоты колебаний (звуковых и оптических) при движении источника колебаний и наблюдателя относительно друг друга (эффект Доплера) 376

- Дроздов А.П. – выпускник биофака ГГУ 1937 г., аспирант С.С. Четверикова 33, 94, 95, 163, 510, 514, 520
- Дряхлова В. – выпускница биофака ГГУ 1941 г. Ботаник, школьный педагог, методист 520
- Дубинин Н.П. (1907–1998) – генетик; акад. АН СССР, РАН. В И МГУ слушал лекции С.С. Четверикова. Аспирант А.С. Серебровского; зав. отделом генетики ИЭБ (1932–1948). Участвовал в дискуссиях с лысенковцами 1936 и 1939 гг. В 1956 г. организовал лабораторию радиационной генетики Института биофизики АН СССР, директор ИЦиГ СО РАН (1957–1960 г.), директор ИОГен АН СССР (1966–1981) Основные работы в области общей и эволюционной генетики, радиационной генетики, индуцированного мутагенеза 6, 31, 34, 103, 106, 223, 242, 250, 266, 269–273, 278, 293, 316, 318, 319, 323, 349, 478–480, 482, 509, 516, 523, 525, 529, 532, 540, 543, 595, 603, 606, 608
- Дьяконов А.М. (1886–1956) – энтомолог-лепидоптеролог, ст. сотрудник ЗИН. Действительный член РЭО с 1912 г. Собирал бабочек в Крыму, в Сибири и Приморье 259, 263, 312, 433
- Дьяконова Е.Н. – жена лепидоптеролога А.М. Дьяконова 433
- Дьячковский С.И. (1894–1949) – д.х.н., зав. каф. неорганической химии ГГУ, декан химфака (1936), зав. каф. коллоидной химии (1949) 87, 88, 589
- Елизарова С.С. – зам. директора ИЭБ (1930) 237, 238, 243
- Елкина (Симанская) Л.А. (1911–1997) – выпускница биофака ГГУ, ботаник, работала в Никитском ботаническом саду; во время ВОВ была вывезена на работы в Германию; по окончании войны осуждена на 10 лет за сотрудничество с немцами. Переписывалась со многими однокурсниками и некоторыми преподавателями 518, 521, 610
- Ермолова М.Н. (1853–1928) – известная русская актриса 557
- Ермолова О. – младшая сестра М.Н. Ермоловой 557
- Ершов Н.Г. (?–1897) – лепидоптеролог. Вместе с А. Фильдом издал каталог чешуекрылых Российской Империи (1864) 365, 416, 433, 446
- Ефимов А. (р. 1916) – селекционер, генетик, выпускник биофака ГГУ (1940) 38, 525
- Жадобин А.Т. – заместитель нач. Центрального архива ФСБ РФ в 1994 г. 119, 597
- Жданов А. – попечитель Московского учебного округа 53, 54
- Жданов Д.А. (1908–1971) – проф. Горьковского мединститута; читал курс анатомии человека в ГГУ (1935–1943), акад. АМН СССР 521
- Жданова И.В. – выпускница Учкомбова в Владимире, слушала курсы энтомологии и биометрии у С.С. Четверикова (1932–1934) 35, 36, 508
- Железнов В.Я. – преподаватель политэкономии в Киевском университете 26
- Живаго П.И. (1883–1948) – цитолог, участник СООРОВ. Читал почасовые курсы на каф. генетики в ГГУ. Работал в МГУ (до 1942 г.), в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР. Основные научные работы посвящены изучению тонкого строения клеточного ядра. Установил кариотип коров, коз, овец 32, 65, 84, 489, 490, 499, 504, 509, 510, 519, 584
- Жимулев И.Ф. (р. 1947) – генетик, член-кор. РАН, зав. лаб. ИЦиГ СО РАН, проф. Новосибирского университета. Основное направление научных исследований – генетика и цитогенетика дрозофилы 565–571, 612
- Житков Б.М. (1872–1943) – зоолог, эколог, охотовед, биогеограф 75, 487
- Житковы – семья талантливых специалистов и ученых (писатели, биологи и др.) 23
- Завадовский Б.М. (1895–1951) – физиолог, эволюционист. Акад. ВАСХНИЛ, проф. биологии Комуниверситета. Зав. каф. дарвинизма Московского пединститута им. В.П. Потемкина. Основатель и директор (с 1922 г.) Биологического музея им. Тимирязева. Член Германской академии естествоиспытателей Леопольдина. Основные научные работы посвящены физиологии желез внутренней секреции, вопросам дарвинизма и эволюции животных 236
- Завадовский М.М. (1891–1957) – акад. ВАСХНИЛ, зав. кафедрой I МГУ, проф. и зав. кафедрой II МГУ. Один из организаторов ВИЖ. Основные научные работы посвящены биологии индивидуального развития и физиологии животных 103 236
- Заварицкий А.Н. (1884–1952) – геолог, петрограф, петрохимик. Акад. АН СССР 253
- Загуляев А.К. (р. 1924 г.) – энтомолог-систематик, микролепидоптеролог. Сотрудник ЗИНа АН СССР с 1951 г.; проф. В середине 1950-х гг. принимал лепидоптерологическую коллекцию С.С. Четверикова и занимался ее анализом. 44, 117, 263, 274, 333, 400, 407, 410, 440, 448, 606, 608

- Зализняк – энтомолог–шелковод; после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. введен в комиссию шелководства СХА СССР 516
- Замков К. – врач, сотрудник ИЭБ 237
- Захаров И.А. (р. 1934) – генетик, член-кор. РАН 12, 44, 187, 501, 505, 565, 571, 608, 609, 612
- Захарова (Овсянникова) А.Е.(р. 1918) – окончила биофак ГГУ в 1940 г. Преподаватель школы 524
- Зейтц А (Зайтц) (Zeitz) (1860–1938) – немецкий энтомолог. Автор многотомного атласа бабочек “Die Groß – schmetterlinge de Edre”, Stuuatgart, 1906, “Plarenarktischen Tagfalter”, 1906, № 1, 1–380; 1925, Ив. 16 – Регионы Африки 354, 358, 364, 365, 380, 384, 411, 433, 451, 463, 464, 477, 606
- Зелинский Н.Д. (1861–1953) – химик, акад. АН СССР. Проф. и зав. кафедрой МГУ. Президент МОИП. Организатор ИОХ АН СССР (1935) 30, 362
- Зефилов Борис Михайлович – окончил биофак ГГУ по специальности морфологии и систематики растений в 1940 г. 551
- Золотарев Д.Ю. – нач. Главшелка (1937) 516, 517
- Золотницкий А. 567
- Зыков В.А. – планктонолог; доц. ИМУ. Преподавал физическую географию и естественную историю в реальном училище Воскресенского 25, 473
- Иваненко – активный антилысенковец 351**
- Иванов В.И. – академик РАН 571
- Иванова Е. – секретарь ИЭБ в 1927 г. 76, 77
- Иванов И.И. (1844–1912) – историк, экономист, публицист 483
- Ильин – Кукуев Б. – студент ИМУ (1905–1906 гг.) 486
- Иогансен (Johannsen) В.Л. (1857–1927) – датский биолог – генетик, иностранный член-кор. АН СССР, проф., ректор Института физиологии растений Копенгагского университета (1917). Один из основоположников современной генетики. Ввел понятие “ген”, “генотип” и “фенотип” (1909) 61, 130–133
- Иордан (Jordan) Г.Ж. (1877–1943) – голландский любитель-лепидоптеролог, физиолог, член Нидерландской АН 283
- Иорданский Н.Н. – терапевт-кардиолог 552, 562
- Ишмаев А.М. – директор Башкирской шелкозаводской 166
- Каблуков И.А. (1857–1942) – физико-химик, преподаватель ИМУ, почетный член АН СССР 25
- Казанский – энтомолог; работал над проблемой биологической защиты растений 142
- Казарова Е.И. (серед. XX в.) – работала по тутовому шелкопряду, создатель расы “УС-1” в соавторстве с В.Д. Смирновой 516
- Каленов А.А. (1911–1988?) – физик металлов, выпускник ГГУ 1940 г. 549
- Калинина Тамара Евгеньевна (р. 1919) – физиолог, в конце 1930-х гг. слушала в ГГУ курс генетики С.С. Четверикова, ассистент ГМИ, ныне д.б.н., проф., пенсионер 5, 42, 45, 117, 335, 336, 417, 485, 495, 518, 540, 544, 546–566, 570, 579, 601, 603, 605–607, 611, 612
- Каммер П. (Kammer) (1880–1926) – австрийский зоолог 61, 62, 105, 580, 581
- Кара-Мурза С.Т. – зам. директора Института истории естествознания и техники (1989) 119
- Кареев Н.И. (1850–1931) – историк, член-кор. Петербургской АН, почетный член АН СССР. Преподавал в Петербургском политехническом институте (1907–1912) 483
- Карпеченко Г.Д. (1899–1941) – генетик-цитолог. Окончил Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева, стажировался в Калифорнийском университете в Беркли. Приглашен Н.И. Вавиловым для организации в ВИРе лаборатории генетики в Детском Селе (г. Пушкин). В 1931 г. организовал и возглавил кафедру генетики растений в Ленинградском университете. Участник дискуссий с лысенковцами в 1936–1939 гг. В 1941 г. был арестован и расстрелян. В исследованиях по отдаленной гибридизации показал роль полиплоидии в преодолении бесплодия отдаленных гибридов 111, 250, 523, 525, 594
- Карпович П.В. (1874–1917) – эсер-террорист. Помощник Е. Азефа. Застрелил министра просвещения Боголепова (1900) 475
- Касл У.Э. (Castl) (1867–1962) – американский зоолог, проф. Гарвардского и Калифорнийского Университетов. Генетик животных (концепция доминантности и рецессивности). Первый использовал в экспериментах плодную мушку дрозофилу. Член Американской академии искусств и наук 61
- Касс Л.А. (1865–1914) – юрист, министр народного просвещения (1911–1914) 30, 483
- Кафтанов С.В. – министр высшего образования СССР (1930–1940-е гг.). В 1948 г. отдал приказ об увольнении сотен биологов из учебных заведений 90, 110, 112, 594, 595
- Квасов А. – доц. кафедры философии ГГУ 258

- Келлер Б.А. (1874–1945) – ботаник-эколог, акад. АН СССР, ВАСХНИЛ. Директор Главного ботанического сада АН СССР (с 1936), возглавлял Туркменский филиал АН СССР 580
- Кетле (Quetelet) Л.А.Ж. (1796–1874) – бельгийский математик, один из создателей научной статистики, автор “социальной физики” (1835) и “антропометрии” (1871). Астроном, метеоролог, социолог. Член Бельгийской АН 184
- Киндерманн (Kindermann) – лепидоптеролог 436
- Кипарисов Г.П. (1915–1945) – зоолог, выпускник биофака ГГУ 1937 г. Асс. на каф. зоологии позвоночных у проф. И.И. Пузанова. В период ВОВ раненый попал в плен, пропал без вести 37, 97
- Кириченко Ф.Г. (1904–1988) – известный селекционер, акад. ВАСХНИЛ. Работал по выведению новых сортов пшениц во Всесоюзном селекционно-генетическом институте на Украине. Создал озимую высокоурожайную твердую пшеницу для степной зоны земледелия 525
- Киров (Костриков) С.М. (1886–1934) – известный общественно-политический деятель. Член ЦК РКП(б), член Президиума ЦИК СССР. Убит в Ленинграде (1934) 491
- Кирпичников В.С. (1908–1991) – генетик, эволюционист, специалист по генетике и селекции рыб. Ученик С.С. Четверикова и Н.К. Кольцова. С 1932 по 1941 гг. работал в ИЭБ и одновременно во ВНИИ прудового и рыбного хозяйства и других учреждениях, связанных с рыбным хозяйством и в Зоологическом институте АН СССР (1946–1948). С 1973 г. – сотрудник Института цитологии АН СССР. Принимал активное участие в борьбе с лысенковщиной 348, 604
- Киселева Е.В. – химик, преподаватель вуза, жена проф. А.А. Бунделя 25, 40, 44, 5352–358–361, 366, 373, 377, 381, 382, 385–392, 394, 398, 399, 402–404, 407, 410, 412, 413, 415, 416, 418, 419, 421, 423, 426, 428–431, 435, 436, 438–440, 442, 445, 447–449, 451, 452, 454–458, 460, 462, 464–466, 469, 470, 605, 606
- Кислинский П.А. – аспирант С.С. Четверикова (1925–1926)
- Кленкина – студентка – энтомолог ГГУ (1943–1944) 97
- Клиберн (Cliburn) Харви Лаван (1934) – американский пианист 340
- Клодий Пульхер П. (93–52 гг. до н.э.) – римский народный трибун 394
- Кнапп Г.Ф. (1842–1926) – крупный немецкий экономист и статистик, один из создателей государственной теории денег 482
- Князевский П.Ф. – сотрудник Опорного селекционного пункта по дубовому шелкопряду при ГГУ 511, 515
- Ковалева Т.И. (р. 1948) – доц. кафедры истории России и краеведения исторического факультета ННГУ, организатор и директор музея ГГУ (ННГУ), почетный работник Высшей школы РФ, действительный член Академии гуманитарных наук, лауреат премии Нижнего Новгорода 43, 45, 570
- Ковалевский М.М. (1851–1916) – историк, юрист, социолог, акад. Петербургской АН, преподаватель экономического факультета Петербургского политехнического (технологического) института. Проф. Московского и Петербургского университетов 483
- Коган И.Г. 236
- Кожанчиков И.В. (1904–1958) – сотрудник и зав. отд. чешуекрылых энтомологического отдела ЗИНа (АН СССР) 263, 281, 283, 284, 298, 300, 328, 333, 365, 391, 394, 396, 397, 399, 410, 411, 416, 426, 434, 440, 446, 464
- Кожевников Г.А. (1866–1933) – энтомолог. С 1904 г. проф. и директор зоологического музея ИМУ. Организатор Косинской биостанции близ Москвы 32, 50, 358, 439, 450
- Кожина Н.К. – физик, жена проф. Горелина Г.С. 555
- Козлов В.И. (р. 1914) – выпускник биофака ГГУ. Аспирант, фронтовик, затем ассистент, к.б.н., доц. каф. зоологии позвоночных ГГУ. Зав. зоомузеем. Ученый секретарь ГГУ 540–543, 564, 569, 595, 611
- Колосов Ю.М. – лепидоптеролог 249, 481, 604
- Колпикова Н.С. (р. 1936) – студентка филфака ГПИ, затем преподаватель в школе 557
- Кольцов Н.К. (1872–1940) – биолог, зоолог, член Петербургской АН член-кор. АН СССР, акад. ВАСХНИЛ. После окончания ИМУ стажировался в Италии, Франции, Германии. До 1918 г. – проф. ВЖК и в Народном университете А.Л. Шанявского. 1917–1938 гг. – организатор и директор ИЭБ (АН СССР). Работал по экспериментальной цитологии, физико-химической биологии, теоретической цитологии, физико-химической биологии, теоретической генетике. Создал принципиальную схему строения хромосом. Подвергался многолетней политической травле

- 5, 6, 29, 30, 31, 32, 37, 62, 73, 78, 101, 111, 147, 223, 224, 227, 230–232, 234, 236, 241, 242, 248–250, 290, 305, 316, 450, 579, 486, 488–490, 495, 501, 504, 560, 578–582, 584–588, 592, 602, 603, 605
- Кольцова (Садовникова) М.П. (1882–1940) – зоолог, жена и сотрудница Н.К. Кольцова 32, 62, 223, 242, 249
- Коммисарук Д.З. – сотрудница ИЭБ. Работала по эндемическому зубу 242
- Кондратьев Н.Д. (1892–1938) – экономист, создатель теории больших циклов конъюнктуры. Директор Института конъюнктуры при Наркомфине. Репрессирован по делу “Трудовой крестьянской партии”, реабилитирован посмертно 34, 242
- Коненков С.Т. (1874–1971) – скульптор, член АХ СССР; народный художник СССР 543
- Коп (Соре) Э.Д. (1840–1897) – американский зоолог и палеонтолог, проф. Пенсильванского университета, член Национальной АН США. Основоположник неоламаркизма (1872) 371
- Корбман В. 567
- Коренман И.М. – доц., зав. каф. аналитической химии. Декан химфака ГГУ (1932–1940) 93
- Королев С.И. (1894–1946) – растениевод-селекционер; работал у Н.И. Вавилова, потом в Горьковском С.-х. институте и на каф. генетики и селекции на биофаке ГГУ. Занимался селекцией зерновых культур 521
- Короленко В.Г. (1853–1921) – русский писатель, публицист, общественный деятель. Почетный акад. Петербургской АН, РАН. Активно выступал в защиту крестьян, против произвола, против смертной казни 342
- Коршунов Ю.П. – энтомолог. В настоящее время работает энтомологом–лепидоптерологом в системе СО РАН 273, 274, 605
- Косминский П.А. – аспирант МГУ, сверхштатный сотрудник ИЭБ у С.С. Четверикова в 1920-е гг. Выступил против С.С. Четверикова и Н.К. Беляева, обвиняя их в антисоветизме. Работал по шелкопряду 240, 516, 517
- Костылев В. (?) – 1932) – в 1929 г. работал в ГГУ, аспирант на каф. зоологии у А.Д. Некрасова 508
- Котов Н. – репетитор, готовил к поступлению в реальное училище Н.С. Четверикова 18
- Красильникова Г.И. – художник музея ННГУ в 1990 г.; сделала эскиз мемориала С.С. Четверикова 571
- Красинский Н.П. (1896–?) – проф. кафедры биохимии и физиологии растений биофака ГГУ 37, 39, 81, 407, 262, 521, 526, 529, 593
- Красносолнцев Б. (возможно, псевдоним) – автор статьи, направленной против С.С. Четверикова и Н.К. Кольцова
- Кренке Н.П. (1892–1939) – ботаник, д.б.н., проф., зав. отд. фитоморфогенеза в Московском биологическом институте им. К.А. Тимирязева, затем зав. лаб. морфологии развития растений АН СССР. Создал теорию циклического старения и омоложения растений 526
- Кречетова Н.П. (1888–1973) – художница, член МОСХа. Дочь актрисы О. Ермоловой 557
- Крик (Crick) Ф.Х.К. (р. 1916) – английский биофизик, работал в области молекулярной биологии, показал пространственное расположение атомов в молекуле ДНК, установил основные принципы генетического кода (модель Уотсона–Крика). Работал в университете Кембриджа и Лондона, в Политехническом институте Нью-Йорка, член АН США, Германии. Лауреат Нобелевской премии (1962) с Уотсоном и Уилкинсом 479
- Крумб (Crumb С.) (начало и середина XIX в.) – американский энтомолог, коллекционер и систематик бабочек 334
- Крылова В.А. – научный сотрудник Опорного пункта по селекции китайского дубового шелкопряда 511–513, 515, 516, 527, 528, 599, 609, 610
- Крыловы – разветвленная семья, из которой вышли талантливые ученые в различных отраслях знаний: Крылов А.Н. (1863–1945) – кораблестроитель, механик, и математик, акад. Петербургской АН, РАН, АН СССР; Крылов А.П. (1904–1981) – геолог, акад. АН СССР и др.
- Крымский С.И. 20
- Крюков Ф.А. (1869–1960) – плодovод, работал в ВИРе (с 1925). Автор ряда монографий по плодовым растениям
- Кузин Б.С. (1903–1973) – энтомолог, систематик, д.б.н., ламаркист. Выступал против С.С. Четверикова 249, 604
- Кузнецов В.И. (р. 1929) – д.б.н., проф., энтомолог – систематик, лепидоптеролог, гл. н.с. и зав. отделением чешуекрылых ЗИ-На 311, 333, 410, 439, 440
- Кузнецов Н.В. (1914–1987) – выпускник ГГУ 1937 г. Зав. каф. зоологии позвоночных (1963–1969), декан биофака ГГУ (1965) 542, 563
- Кузнецов Н.Я. (1873–1948) – лепидоптеролог; проводил сборы бабочек в Крыму; в 1933 г. обращался к С.С. Четверикову во

- Владимир за консультацией по определению гусениц 259, 263, 283, 284, 300, 322, 354, 365, 440, 446, 476, 579
- Кузьминых И. – зам. председателя ВАК в 1945 г. 107
- Кулаков И.И. – московский купец, отец А.И. Сушкиной – второй жены С.С. Четверикова 30, 215, 216
- Кулакова А.И. (Сушкина) – см. Четверикова А.И.
- Кулакова Л.Ф. (1918–1999) – окончила биофак по специальности зоология. Преподавала в средней школе. Добровольно ушла на фронт, воевала в Партизанском крае Смоленщины. После ВОВ окончила Высшее художественное училище в Москве, стала скульптором 40, 529, 543, 564, 565, 567–570, 612
- Кукрыниксы (псевдоним по первым слогам фамилий), творческий коллектив советских графиков и живописцев: Купринов М.В.; Крылов П.Н.; Соколов Н.А. 32
- Куприн А.В. (1870–1938) – русский писатель, после 1917 г. – в эмиграции; в 1937 г. вернулся в СССР 342
- Купчинский – управляющий делами I МГУ в 1927 г. 62
- Куренцов А.И. (1896–1975) – зоолог, энтомолог 442
- Кушнарева Г.Ф. 20
- Кювье (Cuvie) Ж. (1769–1832) – французский зоолог, член Парижской АН, работал в области сравнительной палеонтологии и систематики животных; создал теорию катастроф для объяснения исторических фактов смены флоры и фауны на Земле 127, 299, 392
- Кюри-Складовская М. см. Складовская-Кюри
- Лазарев П.П. (1878–1942) – физик, геофизик, биофизик, акад. АН СССР 242
- Ламарк (Lamarch) Ж.Б. (1744–1829) – французский естествоиспытатель, член Парижской АН 127
- Ламперт (Lamperte) – автор трудов по чешуекрылым 365
- Ландау – преподаватель английского языка в ГГУ в 1931–1932 гг. 518
- Ларикова 78
- Лебедев В.Н. (1882–1951) – с 1920 г. лаборант, затем ст. ассистент, зав. Звенигородской генетической станции. В сентябре 1929 г. после ареста С.С. Четверикова назначен будучи зам. директора ИЭБ Н.К. Кольцова зав. генетическим отделением 65, 76, 77, 584–586
- Лебедев Н.Д. – доктор медицины, студенческий врач ИМУ в начале XX в. 53, 578
- Лебедев Н.Н. (1892–?) – преподаватель физмата ГГУ в 1937–1938 гг. 93
- Лебедев П.Н. (1866–1912) – физик, основатель первой в России школы физиков. Проф. ИМУ. Исследовал электромагнитные колебания различного происхождения 30
- Левая Н.И. – студентка ГГУ 566
- Левит С.Г. (1894–1938) – медик, физиолог, генетик. Сотрудник лаб. А.С. Серебровского. Организатор кабинета наследственности и конституции человека в Медико-биологическом институте (1930), изучал генетику болезней человека, развивал методы медицинской генетики. В 1937 г. репрессирован и расстрелян 246
- Левитан И.И. (1860–1900) – русский живописец – передвижник. Создатель “пейзажа настроения” 21
- Левитский Г.А. (1878–1942) – ботаник и цитолог, член-кор. АН СССР, в 1925 г. по приглашению Н.И. Вавилова переехал из Киева в Ленинград, где организовал в ВИ-Ре лабораторию цитологии. Участвовал в дискуссиях с лысенковцами в 1936 и 1939 г. Разрабатывал проблему изменчивости и эволюции хромосом, определил понятие “кариотип”. В 1941 г. был арестован и скончался в тюрьме 251
- Ледерер (Lederer F.) – лепидоптеролог XIV в. 300, 340, 416, 424, 425, 428, 430, 431, 436
- Леконт де Лиль Шарль (181–1894) – французский поэт, общественный деятель-республиканец, член Парижской АН. 492
- Ленард (Lenard) Ф.Э.А. (1862–1947) – немецкий физик. Лауреат Нобелевской премии (1905). Политический взгляд: нацист 363, 375
- Ленин (Ульянов) В.И. (1870–1924) – основатель Советского государства (1917–1924) 20, 22, 27, 266, 346, 422, 500, 570
- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер 370
- Лермонтов М.Ю. (1814–1841) – великий русский поэт 316, 363, 367, 379
- Лэфрой Р. (Lefroy) – английский энтомолог 232
- Линней (Lenné) Карл (1707–1778) – шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира, первый президент Шведской АН, иностранный почетный член Петербургской АН (1754) 443
- Лист А.Г. – гувернер детей С.И. Четверикова 18

- Лист (List) Ференц (1811–1886) – венгерский композитор, пианист, дирижер 340
- Лобашов М.Е. (1907–1971) – генетик, проф. Ленинградского университета. Написал первый после 1948 г. учебник “Генетика” (изд. 1963, 1967) 541, 566
- Лонгфелло (Longfellow) Г.У. (1807–1882) – американский поэт-романтик 528
- Лопашов Г.В. (р. 1912) – проф., специалист в области биологии развития. С 1933 по 1980 г. работал в ИЭБ и созданных на его основе институтах. В последнее время – сотрудник Института биологии гена РАН 249, 604
- Лоренц (Lorenz) Конрад (р. 1903) – австрийский зоолог, один из создателей этологии. Лауреат Нобелевской премии (1973, совм. с Н. Тинбергеном и К. Фришем) 216
- Лотси (Lotsy) Ян Паулус (1867–1931) – нидерландский ботаник. Выдвинул концепцию “эволюции путем гибридизации и комбинации неизменных генов” (1916) 111
- Луканов П.П. – член Верховного суда РСФСР в 1989 г. 119, 124, 125
- Лучник Н.В. (1922–1993) – генетик-биофизик, сотрудник Н.В. Тимофеева-Ресовского, радиобиолог, открыл явление репарации радиационных повреждений 281, 327
- Лущенко А.Е. – овцевод из Новосибирского академгородка 20
- Лысенко Т.Д. (1898–1976) – агроном, акад. АН УССР 95, 110–113, 250, 271, 280, 316, 336, 337, 347, 350, 351, 479, 480, 482, 485, 510, 513, 517, 525, 535, 538, 549, 550, 553, 557, 558, 560, 565, 566, 591, 594, 595, 604, 609, 612
- Львов Г.Н. (1908–1943) – зоолог, выпускник ГГУ 1941 г. Погиб на фронте 549
- Людювик XI (1423–1483) – из династии Валуа. Король Франции с 1461 г. 375
- Ляпунов А.А. (1911–1973) – математик, членкор. АН СССР. Труды по теории множеств, кибернетике, математической лингвистике. Поддерживал генетиков 319, 425
- Ляпуновы – семья талантливых ученых: математик и механик, акад. Петербургской АН А.М. (1857–1918); языковед-славист, акад. АН СССР. Б.М. (1862–1943); композитор, пианист, дирижер С.М. (1859–1924); математик А.А. (1911–1973) 23
- Магидсон О.Ю. – друг и товарищ по работе А.А. Бунделя 388
- Мазарский В. – лепидоптеролог 579
- Мадер (Mather) 313
- Мазохин С.Н. (1888–1969) – таксидермист музея зоологии ГГУ 548
- Майер А.Г. (1905–1950) – окончил МГУ, с 1939 работал г. в ГГУ 40, 102, 157, 555
- Майкельсон (Michelson) А.А. (1852–1931) – американский физик, иностранный членкор. и почетный член АН СССР. Изучал скорость света, спектры, длины волн и др. Президент Национальной АН США. Лауреат Нобелевской премии (1907) 376
- Майков А.А. (ср. 1927) – младший сын М.С. Четвериковой, родился в Швейцарии. Фермер 22, 350
- Майков А.И. (1900–1979) – муж М.С. Четвериковой. Учился в Нижегородском кадетском корпусе 22, 219, 223, 224, 228, 350, 574
- Майков Н.А. (1925–1995) – старший сын Майковых. Инженер-электротехник 22, 219, 223, 529, 571
- Майкова (ур. Четверикова) М.С. (1893–1977) – сестра С.С. Четверикова 17, 18, 22, 24, 34, 217, 219, 222, 225, 226, 228, 229, 231, 233–235, 286, 289, 292–296, 301, 302, 308, 310, 323, 326, 327, 330, 333, 335, 365, 374, 601, 337–339, 342, 343, 346, 348, 365, 374, 376, 481, 601
- Макаров 567
- Мак-Кинг (Mc Clung) (1870–1946) – американский зоолог и цитогенетик, изучал хромосомный аппарат у насекомых и механизм определения пола 148
- Максимов В.М. (1844–1911) – живописец-передвижник 278
- Маланова Е.К. (1896–?) – преподаватель немецкого языка в ГГУ (1936–1950 гг.) 509
- Машиновский А.А. (1909–1996) – медик, генетик. Работал с 1934 в эволюционной бригаде, организованной в ИЭБ Д.Д. Ромашевым. С 1965 г. читал курсы генетики во 2-ом МГМИ. Основные работы – в области медицинской генетики, проблем эволюции, математической биологии и кибернетики. Последние годы работал в Институте биологии развития АН СССР 285
- Малышева О.К. (1917–1999) – в замужестве – Тринклер 540
- Мамин-Сибиряк Д.Н. (1852–1912) – русский писатель-реалист 278
- Мантейфель П.А. (1882–1960) – зоолог, охотовед 249
- Маньковский Л.А. (1900–?) – зав. каф. философии и директор (1931) ГГУ. Репрессирован (1938–1944). Затем работал зав. каф. философии в одном из северо-западных университетов России 37, 81, 83, 84, 85, 87–89, 519, 587, 589, 590
- Марков А.И. – проректор ГГУ по учебной работе в 1930–1940-е гг. 107

- Массагетов П.С. – спутник А.А. Бунделя в экскурсиях по Центральному Тянь-Шаню. Коллекционер бабочек-любитель 355
- Марк (Marx) Карл (1818–1883) – основоположник научного коммунизма 19, 26, 27
- Мартынов 567
- Медведева (Мотрий) Т.А. – см. Мотрий
- Мейстер Г.К. (1873–1938) – растениевод-селекционер. Возглавлял Саратовскую опытную селекционную станцию, зав. каф. генетики и селекции Саратовского с.-х. института. Вице-президент ВАСХНИЛ (1935–1937). Занимался межвидовой гибридизацией, получил перспективные гибриды пшеницы и ржи. Репрессирован в 1937. 111, 594
- Мелешглед К.В. – см. “Мелешина К.В.” 511
- Мелешина К.В. – сотрудница С.С. Четверикова по Опорному пункту селекции китайского дубового шелкопряда. Перевозила уцелевшего на Опорном пункте шелковичного червя на Уфимскую (Башкирскую) Опытную шелководческую станцию 512, 515, 516, 527
- Мёллер Г.Дж. (Muller H.) (1890–1967) – американский генетик. Лауреат Нобелевской премии (1946), член-корр. АН СССР. Привез в ИЭБ для генетиков (С.С. Четверикову) около 20 чистых генетических линий дрозофил. Сотрудник Института генетики АН СССР 1933–1937 гг. Участвовал в дискуссии с Лысенко в 1936 г. Впервые получил индуцированные радиацией мутации у дрозофилы 33, 61, 146, 147, 350, 479, 502, 523, 525
- Мельниченко А.Н. (1904–1998) – ректор ГГУ (1946–1952). Зав. каф. экологии и дарвинизма, акад. ВАСХНИЛ. Теоретические взгляды близки к лысенковским 110, 112–115, 493, 541, 542, 554, 566–570, 594, 595, 612
- Мендель Г.И. (1822–1884) – чешский натуралист, открыл законы наследственности 8, 12, 127, 346, 495, 518, 522, 523, 553, 594
- Менетрие Е. (XIX в.) – составитель каталога бабочек 446
- Мензбир М.А. (1855–1935) – орнитолог, зоогеограф, сравнительный анатом, проф. ИМУ с 1878 г., ректор ИМУ (1917–1919). Акад. АН СССР 29, 30, 52, 54, 81, 104, 305, 478, 486–488, 493, 578, 582
- Метерлинк М. (1862–1949) – бельгийский драматург, поэт 259
- Микеланджело Б. (Michelangelo) (1475–1564) – итальянский скульптор, живописец, поэт, архитектор 370
- Милон (95–85 гг. до н.э.) – римский народный трибун 394
- Мирюта Ю.П. (1905–1976) – генетик, цитогенетик. Окончил аспирантуру в ВИРе у Г.Д. Карпеченко. С 1940 г. – доц. ГГУ (каф. генетики). С 1944 г. – зав. каф. генетики в Одесском с.-хоз. институте, доц. Одесского университета. 1957–1966 гг. – ст.н.с. ИЦиГ СО АН СССР. 1966–1976 г. – зав. лаб. генетики Украинского института земледелия ВАСХНИЛ. Основные направления исследований – генетика пола у растений, гетерозис, научные основы селекции с/хоз. растений 33, 98, 99, 100, 101, 510, 536, 566, 591
- Митрополит Филарет 14
- Михайлов Е. – попечитель канцелярии Московского военного округа (1906–1907 гг.) 578
- Михайлова – начальник Главшелка Наркомзема до ВОВ 517
- Мичурин И.В. (1855–1935) – биолог, селекционер, почетный член АН СССР, акад. ВАСХНИЛ. Коллекционер и создатель новых сортов плодовых и ягодных культур. Его питомник в 1934 г. был реорганизован в Центральную генетическую лабораторию ВАСХНИЛ 95, 110, 111, 113, 114, 346, 347, 525, 591, 594
- Молдзиевский Б.К. – проф. естественного отделения II и I МГУ, и.о. ректора II МГУ (1919)
- Моммзен Т. (Момзон) (Mommsen) (1817–1903) – немецкий историк, автор книги “Римская история”. Депутат ландтага и рейхстага 395, 399
- Морис – см. Де Бройль
- Морган (Morgan) Т.Х. (1866–1945) – американский биолог. Создатель хромосомной теории наследственности. Директор биологической лаборатории Калифорнийского технологического института в Пасадене (1928–1945). Почетный член АН СССР, лауреат Нобелевской премии (1933) 33, 146, 488, 499, 502, 523, 525
- Морлей (Морли) (Morley) (1852–1931) – разрабатывал учение о свете 376
- Мороховец Л.З. (1848–1918) – физиолог и историк медицины, проф. ИМУ. Разрабатывал метод хронофотографии 30
- Мотес К. (Motes K.) – президент немецкой академии естествоиспытателей Леопольдина в 1959 г.
- Мотрий (Медведева) Т.А. (р. 1918) – окончила биофак ГГУ в 1941 г. 514, 532–534
- Мур С. (Moore) (1913–1982) – американский биохимик, член национальной АН США. Изучал ферменты, установил структуру рибонуклеазы. Лауреат Нобелевской премии (1972) 461

- Мурашов В.В. – преподаватель по физике в ГГУ в 1931–1932 гг. 432, 518
- Мурзин В.С. – физик, начинающий лепидоптеролог, коммерсант 457
- Мусоргский М.П. (1839–1881) – русский композитор 504
- Мяковский Н.Я. (1881–1950) – композитор, педагог, народный артист СССР, доктор искусствоведения 371, 375
- Навашин С.Г. (1857–1930) – ботаник, цитолог и эмбриолог, акад. РАН, АН СССР, АН УССР. Преподавал в Тбилисском, Киевском и Петербургском университетах, возглавлял Биологический институт в Москве (1923–1929), заведовал Цитологической лабораторией АН СССР (1929–1930). Открыл двойное оплодотворение у покрытосеменных растений (1898). Заложил основы кариологии 111
- Надсон Г.А. (1867–1939) – крупнейший русский микробиолог, акад. АН СССР. Известен открытием генетического эффекта ионизирующей радиации (1925 г.) и другими работами по изменчивости микроорганизмов. Основатель школы микробиологии в СССР, организатор и первый директор Института микробиологии АН СССР (1934–1937 гг.). Репрессирован (1937) и расстрелян (1939) 147, 523
- Назарова А.Ф. – генетик. Выпускница ГГУ, в дальнейшем работала в ИОГен АН СССР 566, 567, 569, 570
- Нансен (Nansen) Фритьоф (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики, почетный член Петербургской АН (1898). Лауреат Нобелевской премии Мира (1922) 226
- Наполеон Б. (Napoléon I) (1769–1821) – французский государственный деятель и полководец. Первый консул Франц. республики (1799–1804), император (1804–1815) 185
- Насонов Д.Н. (1895–1957) – цитофизиолог, член-кор. АН СССР, акад. АМН СССР, директор ИЭМ АМН СССР (1948–1950), создатель и директор Института цитологии АН СССР 269, 270, 271
- Натали В.Ф. (1890–1965) – биолог, ученик Н.К. Кольцова, член АПН РСФСР. Научный сотр. ИЭБ 530
- Нежданова А.В. (1873–1950) – певица, народная артистка СССР, доктор искусствоведения 370
- Нейман М.П. (1898–1967) – выпускник Ленинградского университета, д.х.н., проф., зав. каф. физической химии ГГУ (1939). По его инициативе создан Институт химии при ГГУ 102
- Некрасов А.Д. (1874–1960) – проф. зоологии, сравнительной анатомии, дарвинист, историк науки. Зав. каф. общей зоологии беспозвоночных и дарвинизма Нижегородского, затем Горьковского университета. Декан биофака ГГУ (1936–1938 гг.) 37, 39, 81, 93–85, 87, 88, 90, 92–96, 255, 257, 262, 264, 266, 267, 272, 289, 291–293, 508, 509, 518–521, 526–529, 553, 535, 536, 540, 541, 544–547, 551, 552, 562, 590, 596, 610
- Несмеянов А.Н. (1899–1980) – химик-органик, основатель научной школы по химии элементов-органических соединений. Акад. и президент АН СССР (1951–1961) 116, 280, 596
- Никитина И.В. (р. 1936) – студентка ГПИ, впоследствии – канд. филос. наук, зам. директора по науке Горьковского (Нижегородского) литературного музея им. М. Горького и музея-квартиры М. Горького 557
- Николаев О. – эндокринолог, научный сотрудник лаборатории евгеники ИЭБ. Врач-хирург. Изучал распространение эндемического зоба 241, 242
- Николаев Я.Н. (1908–1976) – физик, асс. каф. теории колебаний, доц., директор ГИФТИ (1953–1965), декан радиофака ГГУ 89
- Никоро З.С. (1904–1984) – генетик-селекционер; окончила Ленинградский с.-х. институт, ученица Н.П. Дубинина. До 1935 г. – зав. каф. генетики и селекции ГГУ. В 1958 г. была приглашена Дубининым в ИЦиГ СО АН СССР. Занималась селекцией крупного рогатого скота, генетикой популяций, биометрией 33, 35, 37, 39, 83, 84, 88, 94, 95, 98, 100, 489, 490, 508, 509, 513–520, 527, 530, 531, 536, 550, 566–568, 570, 591, 609
- Новосельцев К.А. (р. 1910) – химик; с 1936 г. – доц. и зав. лаб. физической химии. Декан химфака. Проректор ГГУ по научной работе (1939). Переведен в Высшую дипломатическую школу (1942). Работал в МИДе 101, 102, 592
- Нуждин Н.И. (1904–1972) – генетик и радиобиолог, лысенковец, член-кор. АН СССР. С 1935 г. работал в Институте генетики АН СССР 417
- Ньюман (Newman) – лепидоптеролог 432, 448
- Обертюр (Oberthür) Ш. (1845–1924) – энтомолог-лепидоптеролог 328, 332, 380
- Озеров 216
- Оксенгеймер Ф. (Ochsenheimer F.) (1765–1822) – актер, любитель-лепидоптеролог 284
- Олеша Ю.К. (1899–1960) – русский советский писатель 322

- Опарин А.И. (1894–1980) – биохимик, акад. АН СССР, акад.-секретарь отделения биологических наук (1948–1955) АН СССР. Поддерживал Лысенко. Один из организаторов и директоров (с 1946 г.) Института биохимии АН СССР 269
- Орахешвили М.А. 84
- Орлов – воспитатель в реальном училище Воскресенского. Занимался с учащимися астрономическими наблюдениями. Был уволен как политически неблагонадежный 473
- Ошанин В. – лепидоптеролог, автор книги “Международные правила номенклатуры” 283
- Павельева М.С. – выпускница горьковского Сельскохозяйственного института. В 1937 г. помощник начальника по науке Главшелка СССР. Ученый секретарь Наркомзема, ученый секретарь ВАСХ-НИЛ. В начале трудового пути – руководитель шелкостанции Мерефа 251, 511, 513, 515
- Павлов – аспирант З.С. Никоро (1932). С 1935 г. доцент Чебоксарского пединститута 508, 509
- Павлов И.П. (1849–1936) – физиолог, акад. АН СССР, создатель учения о высшей нервной деятельности человека и животных, ввел принцип изучения организма как единого целого. Лауреат Нобелевской премии (1904) 230, 372
- Павловский Е.Н. (1884–1965) – зоолог, паразитолог, акад. АН СССР, АМН СССР, зав. каф. Военно-медицинской академии. Директор ЗИНА с 1942 г. Президент географического общества. Основатель учения о природной очаговости болезней человека 25, 262, 263, 271, 426
- Павловцев П. – начальник отдела кадров, затем начальник ВКВШ, ученый секретарь ВАК (1938) 88
- Пайнтер Т. (1859–1969) – цитолог, разработал метод обнаружения хромосом в слюнных железах личинок двукрылых 510
- Палшков И.Ф. – энтомолог, продал каталог Зейтца А.А. Бунделю 358
- Папалашвили Г.М. – генетик. Выведен из комиссии шелководства ВАСХНИЛ после сессии 1948 г. Проф., зав. кафедрой Тбилисского университета 516
- Пархоменко Е.Я. (1873–1963) – первая жена С.С. Четверикова, из украинских мелкопоместных дворян. Педагог в начальной школе 27, 574
- Пастернак Б.Л. (1890–1960) – русский советский писатель. Присуждена Нобелевская премия в 1958 г. за роман “Доктор Живаго”, от которой он отказался. Переводчик Шекспира, Гете, Верлена и грузинских поэтов 337
- Паустовский К.Г. (1892–1968) – писатель, мастер лирической прозы 342, 447
- Пашин Г.А. (1878–1955) – зоолог, энтомолог-лепидоптеролог, собиравший бабочек для продажи коллекционерам. Участник создания Московского энтомологического общества 365, 399
- Пенязь М.И. – сотрудник Украинской шелкостанции. В 1948 г. после сессии ВАСХ-НИЛ уволена с работы 517
- Перелешин С.Д. (1900–1960) – зоолог, ученик С.С. Четверикова по I МГУ, доц. Инта охотоведения и пушного хозяйства. Слушал лекции С.С. Четверикова по генетике и биометрии в I МГУ 548, 557, 561
- Перлова Н.Д. (1907–1979) – энтомолог, доцент каф. зоологии беспозвоночных ГГУ (1947) 542, 599
- Петерсен К.М. (1828–1881) – математик. Один из учредителей Московского математического общества 451
- Петров В.В. – см. Попов В.В.
- Петров П.П. (1850–1926?) – инженер-технолог, один из организаторов Политехнического музея (Москва) 557
- Петурова Н. – врач-терапевт 557
- Пиерс Ф. (Pierce) – английский лепидоптеролог. В 1909 г. издал книгу по анализу гениталий ночных бабочек Британии “The Genitalia of the group Noctuidae of the Lepidoptera of the British Islands” 287, 288
- Пирсон К. (Pearson K.) (1857–1936) – биолог, евгеник, статистик, в 1902 г. выпустил книгу “Биометрия”. Пытался вместе с Гальтоном решать биологические проблемы как математические задачи 8, 184, 484
- Планк М.К.Э.Л. (Planck) (1858–1947) – немецкий физик, основоположник квантовой теории, иностранный член-кор. Петербургской АН, почетный член АН СССР. Лауреат Нобелевской премии (1918) 376
- Плеве В.К. (1846–1904) – министр внутренних дел при Николае II, шеф отдельного корпуса жандармов (1902–1904). Крайний реакционер. Убит эсером Е.С. Созоновым 259
- Плеханов Г.В. (1856–1918) – деятель русского и международного социал-демократического движения, философ, пропагандист марксизма 27
- Плутарх (ок. 46–ок. 127) – древнегреческий историк, философ и писатель 355, 399
- Побережская Т.И. (1915–1980) – к.б.н., доц. каф. физиологии человека и животных

- ГГУ. Участвовала в организации захоронения и перезахоронения С.С. Четверикова 543, 551, 564, 612
- Покровский Н.А. (1881–1943) – хранитель фондов зоомузея ГГУ (ННГУ) 542, 548, 551
- Покровский Б.А. (р. 1912) – проф. ГИТИСА, режиссер в Горьковском оперном театре (1937–1943), режиссер Большого театра в Москве (1968) 492
- Полетаев О.П. – член Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в 1994 г. 124, 125
- Полянский Ю.И. (1904–1993) – зоолог, член-кор. АН, зав. каф. в Ленинградском педагогическом институте и ЛГУ. Зав. лаб. и зам. директора Института цитологии АН СССР. Труды по протозоологии, паразитологии, теоретическим проблемам эволюции, цитологии 42, 523
- Пономарева Л.А. (р. 1917) – гидробиолог, выпускница биофака (1940) и аспирантка ГГУ по каф. зоологии беспозвоночных (1944). Работала в Карской экспедиции, во ВНИРО, в Институте океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР. Племянница жены А.А. Бунзеля Е.В. Киселевой 97, 524, 606
- Попов В.В. (р. 19003). Окончил МГУ в 1925 г. До 1934 г. – ст. н. с., зав. отделом Института морфологии. С 1934 г. – по совместительству доц. кафедры гистологии и эмбриологии в ГГУ. С 1937 по 1942 гг. – проф., зав. каф. биофака ГГУ 39, 92, 439, 521, 526
- Попова Н.Н. – вторая жена проф. П.П. Сушкина 487
- Порхунов А.И. (1873–1944) – профессор-совместитель, читавший курс методики преподавания естествознания на биофаке ГГУ в 1930–1940 гг. 521
- Поспелов В.П. (1872–1949) – энтомолог, лепидоптеролог, акад. АН УССР. Директор Института энтомологии и фитопатологии АН УССР (1946). Занимался биологической защитой растений, общей и экспериментальной энтомологией. Редактор журнала “Энтомологический вестник” 141, 157
- Постников В.Е. (1844–1908) – экономист, статистик, проф. ИМУ 483
- Потопольский – коллекционер и продавец бабочек 366, 383, 388, 423, 436
- Правдина Ю. (р. 1912/1914) – ст. лаб. каф. беспозвоночных ГГУ (1939–1940) 97
- Презент И.И. (1902–1969) – философ, акад. ВАСХНИЛ, сподвижник и идеолог Т.Д. Лысенко 516, 535
- Преображенский С. – секретарь Совета ИМУ 53, 55
- Привалова Л.А. (1919–?) – окончила биофак ГГУ в 1941 г. Ботаник, фитогеограф 546, 550, 551
- Пришвин М.М. (1873–1954) – русский советский писатель 466
- Прокофьева-Бельговская А.А. (1903–1984) – цитогенетик, член-кор. АМН СССР. Работала в Лаборатории (и Институте) генетики АН СССР. Изучала политенные хромосомы дрозофиллы. Зав. лаб. кариологии ИМБ АН СССР, лаб. цитогенетики человека в Институте морфологии человека АМН СССР, участвовала в организации Института молекулярной генетики АМН СССР. Возглавляла исследования по проблемам общей организации и репликации хромосом, по медицинской цитогенетике 433
- Промптов А.Н. (1898–1948) – зоолог-орнитолог, сотрудник ИЭБ в Генетическом отделении (с 1918). После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. научный сотрудник у Л.О. Орбели. Занимался генетикой птиц. Открыл мутагенное действие УФ лучей. Покончил жизнь самоубийством 6, 32, 68, 77, 79, 248, 499, 504, 585
- Просвяниченко – владелец книжного магазина в Киеве 474
- Протасова Г.Т. (р. 1918) – окончила биофак ГГУ в 1941 г. Генетик-селекционер. Преподавала биологию в селах Горьковской области 534–536, 610
- Протопопов С.А. – муж сестры С.И. Четверикова Марии, старшина Московского купеческого сословия 18, 23, 210, 573
- Пузанов И.И. (1885–1971) – зоогеограф, антрополог, путешественник, поэт; д.б.н., проф. зав. каф. зоологии позвоночных в Горьковском и Одесском университетах. Автор многих антилысенковских стихотворений и критических статей 36, 37–39, 81, 84, 85, 87, 88, 90, 92, 96, 102, 247, 259–261, 266, 269, 292, 336, 351, 374, 375, 378, 486–495, 521, 526, 529, 532, 533, 540, 541, 589, 602, 607
- Пузанова Е.Н. – жена И.И. Пузанова 259, 267, 336
- Пушкин А.С. (1799–1837) – великий русский поэт 256, 301, 344, 370, 378, 379, 410, 422, 459, 468
- Пюнгер – лепидоптеролог 297
- Рагордт (Ragordt) – энтомолог 365
- Райт С. (1889–1988) – американский генетик, один из основоположников современной популяционной генетики. На стр. 350 его имя написано искаженно (Сьюальд) 11, 350, 479

- Рахманинов С.В. (1873–1943) – русский композитор, пианист, дирижер 21, 340, 374
- Реверден (Reverdin J.) Ж. (1842–1929) – лепидоптеролог. Занимался, главным образом, толстоголовками. Известный хирург 281, 431
- Резерфорд (Rutherford) Э. (1871–1937) – английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома. Почетный член АН СССР, директор Кавендишской лаборатории и проф. Кембриджского университета (с 1919 г.). Лауреат Нобелевской премии (1908) 377
- Рейтер 157
- Риле В.К. (1922–1985) – муж внучки С.С. Четверикова Е.В. Воздвиженской. Радиоинженер. Был выслан из Москвы в Горький (1946–1947), жил у С.С. Четверикова. Затем его выслали в Бердск (1947–1957) 28, 574
- Риле Г.В. (р. 1950) – правнук С.С. Четверикова, геолог 17, 21, 43, 575
- Риле (Воздвиженская) Е.В. (“Нелли”) (1924–1987) – внучка С.С. Четверикова 574
- Риле К.-Бертольд (1885–1966) – из швейцарских и прибалтийских немцев. Отец мужа Воздвиженской Е.В., дважды был репрессирован (Горький–Караганда) 28
- Риль Нильс – химик-люминесценщик 364
- Родионов В.И. – ассистент биофака ГГУ 570
- Рокицкий П.Ф. (1903–1977) – генетик и селекционер животных. Ученик С.С. Четверикова по ИЭБ, акад. Белорусской АН, зав. каф. зоологии позвоночных Белорусского университета, зав. лабораторией теоретической генетики Института генетики и цитологии АН БССР. Основное направление исследований – генетика и генетические основы селекции, радиационная генетика млекопитающих. Автор учебника “Генетика” (1932), учебника по биометрии (1962). Создал учение о поле действия гена 5, 6, 31, 32, 77, 79, 250, 498, 499, 501, 503, 569
- Романов И.Д. – аспирант З.С. Никоро (1931–1932 уч. г.) 519
- Романов Н.М. – геолог, проф., доктор геологических наук, зав. каф. геологии ГГУ 96
- Романов Н.М. (1852–1919) – великий князь. Любитель – лепидоптеролог; имел личную коллекцию бабочек, собранную в Центральной и Южной России 477
- Романовский В.И. (1879–1954) – математик, автор книги “Применение математической статистики в экспериментальном деле”, акад. АН Узб. ССР 313
- Ромашов Д.Д. (1899–1963) – систематик-энтомолог и генетик, работал в генетическом отделении ИЭБа у С.С. Четверикова, аспирант МГУ. Один из основателей учения о генетико-автоматических процессах в популяциях. В 1932–1933 гг. вел семинар “Эволюция и генетические процессы” на каф. генетики в ННГУ. Работал в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, в Институте биофизики АН СССР 6, 32, 34, 65, 67, 68, 70, 72, 79, 106, 221, 248, 250, 271, 276, 480, 498, 499, 509, 584
- Роскин Г.И. (Г.О.) (1892–1964) – цитолог и гистолог, сотрудник гистологической лаб. ИЭБ, зав. каф. цитологии и гистологии I МГУ, зав. ряда лабораторий АН СССР. Развивал гистохимическое направление в цитологии 62, 77, 238
- Рудакова М.М. (р. 1918) – ботаник, генетик (ученица С.С. Четверикова), выпускница ГГУ 1940 г., аспирант и асс. каф. генетики и селекции растений Горьковского с.-х. института. Потеряла работу после августовской сессии ВАСХНИЛ, преподавала в Институте повышения квалификации учителей в ГГУ, позже – доцент каф. основ организации сельского хозяйства ВПШ. Научные интересы: селекция растений, растениеводство, история науки (школа Н.И. Вавилова) 40, 45, 521–529, 556
- Ружейников – зам. директора ГИНЗа в 1930 г. 235
- Руперти С.А. – кузен С.С. Четверикова со стороны Алексеевых. Покончил жизнь самоубийством в 1958 г. Мать – Елизавета Алексеева, эмигрировала с семьей после революции 329
- Русакевич Л. – зам. зав. отдела пенсий Министерства социального обеспечения РСФСР 116
- Рыжков В.Л. (1896–1977) – вирусолог, членкор. АН СССР. Учился и работал в Харькове. Зав. каф. ботаники Симферопольского пед. института. С 1933 г. – зав. каф. общей биологии и генетики Харьковского университета. С 1936 г. – в Институте микробиологии АН СССР и в Институте вирусологии АМН СССР. Занимался генетикой пола и теоретической биологией. Труды по вирусным заболеваниям растений 433
- Рябов М.А. (1895–1962) – крупный лепидоптеролог. Сотрудник ЗИНа. Член РЭО с 1916 г. 274, 280, 284, 287, 291, 297, 299, 300, 311, 320, 328, 330–333, 340, 341, 344, 345, 368, 369, 400, 410, 416, 418, 423, 424, 427, 432, 437, 439, 440, 446, 450, 452, 470, 482, 603
- Рябова Е.Д. – жена М.А. Рябова 299, 300, 313, 323, 333, 345

- Северина В.А. (1896–1934) – жена Н.С. Четверикова. Преподаватель математики 16, 574
- Саврасов А.К. – русский живописец, передвижник. Один из родоначальников русского реалистического пейзажа 344
- Садовских С. – сотрудник оперативного отдела ОГПУ, производивший арест С.С. Четверикова 120
- Садовских С.Н. – директор биостанции (1920-е гг.) 30
- Самгина А.Д. – бабушка С.С. Четверикова со стороны отца
- Саканян Е.С. – один из авторов книги “Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский” 2002 г. 603
- Сахаров В.В. (1902–1969) – генетик, работал в ИЭБу Н.К. Кольцова, член СООРов. Один из основоположников учения о химическом мутагенезе. Занимался проблемами цитологии, гистологии и эмбриогенеза, явлениями полиплодии у растений. Проф. Московской с.-х. академии им. К.А. Тимирязева. Работал в фармацевтическом институте, Институте биофизики АН СССР, ИОГен АН СССР, Институте биологии развития АН СССР 32, 242, 489, 499, 504
- Северцов А.Н. (1866–1936) – зоолог, акад. АН СССР, АН УССР. Занимался сравнительной анатомией и эмбриологией позвоночных, эволюцией животных. Создал отечественную школу морфологов-эволюционистов. Проф. Юрьевского, Киевского, Московского университетов. В 1930 г. организовал и возглавил лаб. эволюционной морфологии и экологии животных (с 1935 г. – Институт эволюционной морфологии животных) АН СССР 113, 230, 305
- Седых К.Ф. – лепидоптеролог из г. Ухта (Коми АССР). Любитель. Собирал бабочек на Кавказе и в северных районах России 451, 456, 460
- Семашко Н.А. (1874–1949) – государственный и партийный деятель, врач, акад. АМН и АПН РСФСР. Нарком здравоохранения (1918–1930) 32
- Семенов А. – лепидоптеролог 579
- Семенов В.Д. (1893–1917?) – проф., зав. каф. общей биологии Горьковского мед. института. После ареста Л.А. Маньковского некоторое время исполнял обязанности директора ГГУ 90–92, 94, 589, 590
- Семенов Н.Н. (1896–1986) – физик, акад. АН СССР. Один из основателей химической физики. Лауреат Нобелевской премии (1956). Создал общую количественную теорию цепных реакций 351
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. (1827–1914) – географ, путешественник, почетный член Петербургской АН. Учился в университетах Германии, Швейцарии, Италии и Франции. Работал в области биологии растений и животных (беспозвоночных). В его честь названы многие хребты, ледник, пики и горы на Аляске, Тянь-Шане, Шпицбергене. Вице-председатель Русского географического общества, председатель РЭО 56, 61, 494
- Сенкевич Г. (1846–1919) – польский писатель, почетный член Петербургской АН. Лауреат Нобелевской премии (1905) 308
- Сергеев С. (р. 1914) – выпускник биофака ГГУ 1940 г. 38
- Серебровский А.С. (1892–1948) – генетик, член-кор. АН СССР, акад. ВАСХНИЛ. В 1930 г. основал каф. генетики в МГУ. С 1921 по 1928 г. работал в ИЭБе по проблемам общей генетики, генетики и селекции животных; сформулировал идеи о размерности генов и их делимости. Создал учение о геногеографии. Основатель генетической школы. Ввел понятие “генофонд”. Участвовал в дискуссиях с лысенковцами 1936 и 1939 г. 7, 30, 32, 235, 242, 243, 290, 489, 498, 499, 501, 504, 523
- Сеченовы – крупнейшие ученые (физиолог Иван Михайлович (1829–1905)), врачи (одна из первых женщин-врачей М.А. Сеченова-Бокова (1839–1929)), литераторы и просветители 23
- Сидоров Б.Н. (1908–1980) – генетик. Окончил МГУ. Ученик С.С. Четверикова и А.С. Серебровского. Работал в Московском зоотехническом институте, Биологическом институте АН СССР, в ИЭБ, в Якутском филиале АН СССР, в Институте биофизики АН СССР, в ИОГен АН СССР, в ИБР АН СССР. Исследования в области цитогенетики животных и растений, тонкой структуры генов, гетерозиса, полиплодии и др. 250
- Синицкий Н.Н. – занимался разведением дубового шелкопряда (в т.ч. моновольтинного) в лесхозах 518
- Синнот Э.В. – американский генетик, автор (соавтор Денн Л.К.) известного учебника по генетике (русс. издание 1930 г.) 241, 500
- Ситько – селекционер, шелковод 517
- Скадовский С.Н. (1886–1962) – гидробиолог, гидрофизиолог, сотрудник, позже проф. и заведующий кафедрой гидробиологии МГУ 223, 238, 242, 503
- Скадовская Л.К. – жена С.Н. Скадовского 503

- Склодовская-Кюри (Skłodowska-Curie) Мария (1867–1934) – физик и химик, один из создателей учения о радиоактивности, иностранный член Петербургской АН (1907) и почетный член АН СССР (1926). Лауреат Нобелевской премии (1911). Исследовала радиоактивное излучение, ввела термин радиоактивность 42
- Слущкий Е.Е. (1880–1948) – математик, статистик, экономист и поэт. Один из создателей современной теории случайных функций. Друг Н.С. Четверикова. Ученик А.А. Чупрова 220, 227, 228, 313
- Смирнов Е.С. (1898–1977) – энтомолог, лamarкист 410
- Смирнова А.Д. (1904–1992) – доц. каф. ботаники ГГУ
- Смирнов В.Д. – д.б.н., выпускница ГГУ (1937), аспирантка каф. генетики и селекции биофака ГГУ (1940–1944). Асс. каф. физиологии с.-х. института (Горький), доц. проф. и зав. каф. анатомии и физиологии ГПИ 102, 512–518, 520, 521, 593, 610
- Смылова А.Н. (р. 1913) – юрист 39, 494, 544–546, 596, 612
- Собинов Л.В. (1872–1934) – певец, народный артист РСФСР 370
- Соболев А.А. (р. 1904) – зоолог-гельминтолог, проф., зав. каф. зоологии позвоночных и проректор ГГУ по научной работе (с 1952). Позднее выехал во Владивосток 267
- Сойфер В.Н. (р. 1936) – генетик и историк науки. Работал в Московском институте атомной энергии им. Курчатова, в ИОГен АН СССР, в Институте прикладной молекулярной генетики ВАСХНИЛ (ныне Институт сельскохозяйственной биотехнологии). В 1988 г. эмигрировал в США. В настоящее время акад. РАЕН, иностранный член Нац. АН Украины, проф., д.физ.-мат.н., директор Лаб. молекулярной генетики университета Дж. Мейсона 40, 324, 336, 455, 458, 460, 461, 543, 558, 559, 611, 612
- Сорока О.В. – зам. Генерального прокурора СССР (в 1989 г.) 124
- Сорокин В. – 567
- Стакан Г.А. – овцевод из Новосибирского академгородка 20
- Сталин (Джугашвили) И.В. (1878–1953) – руководящий деятель КПСС и советского государства 111, 546, 565
- Станиславский К.С. (1863–1938) – ур. Алексеев, артист, режиссер, педагог, теоретик театра, народный артист СССР 23, 484, 486
- Станков С.С. (1892–1962) – проф., зам. директора по учебной работе, зав. каф. систематики растений, создатель ботанического сада ГГУ, зав. отдела ботаники Никитского ботанического сада. Труды по флоре Крыма и Горьковской области 37, 39, 81, 84, 85, 87, 88, 90, 93, 96, 97, 107, 267, 521, 526, 532, 533, 538, 541, 549, 555, 557, 604
- Станкова Н. (р. 1947) – внучка С.С. Станкова. Окончила химфак ГГУ 40
- Станкова Т.С. (р. 1919) – дочь С.С. Станкова, Окончила биофак ГГУ (1942), зав. лаб. по грунтам в Атомэлектропроекте. Пенсионер 40, 267, 555, 556, 565
- Стивенс Н.М. (Stevens) 148
- Страхов – Б.С. – преподаватель анатомии с.-х. животных в ГГУ в 1931–1932 гг. 518
- Струве П.Б. (1870–1944) – политический деятель, философ, экономист, историк; акад. Петербургской АН (1917). Кадет. Один из лидеров белого движения. В 1920 г. эмигрировал во Францию 214, 475
- Суворов П.А. (1902–1990) – д.б.н. доц., каф. ботаники ГГУ, специализировался по систематике и географии грибов 40, 536, 537, 564, 567–569, 610–612
- Сукачев В.Н. (1880–1967) – ботаник, географ, лесовод, акад. АН СССР. Создатель отечественной геоботанической школы. Один из основателей биогеоценологии и учения о филогенезе. Гл. редактор (1946–1958) “Ботанического журнала”. В 1958 г. снят за антилысенковские публикации. Основатель и директор Института леса АН СССР (1944–1959) 271, 272, 277, 347, 350, 351
- Сушкин П.П. (1868–1928) – зоогеограф, сравнительный анатом, палеонтолог. До 1909 г. – проф. ИМУ, позднее Харьковского и Таврического университетов. Акад. АН СССР. С 1921 г. зав. отделом ЗИН АН СССР, с 1927 г. акад.-секретарь отделения физико-математических наук АН СССР. Увлекался лепидоптерологией 27, 104, 213, 215, 257, 477, 484, 486–489, 494, 577, 579, 583, 602, 609
- Сушкина А.П. (1906–1994) – падчерица С.С. Четверикова. Гидробиолог и ихтиолог. Ученица А.Н. Северцова (1866–1936). Участница ледового дрейфа на “Челюскине” 27, 32, 35, 121, 216, 219, 220, 223, 229, 233, 234, 236, 238, 243–255, 258, 280, 294, 304, 306, 323, 387, 424, 425, 480, 484, 485, 487, 489, 492, 502, 505–507, 552, 553, 562, 607, 609
- Тамм И.Е. (1895–1971) – физик-теоретик, основатель научной школы, акад. АН СССР. Член Научного совета по генетике и селекции АН СССР (1957). Лауреат Нобелевской премии (1958) 315

- Тарасенко Г.Г. (1906–1941) – окончил Ленинградский с.-х. институт. Аспирант ВИРа. Занимался культурой плодовых растений в Сибири. Сотрудник селекционной станции ВИРа “Красный пахарь”. Погиб на фронте 536
- Твердова-Савицкая З.М. – математик, ученица и друг Н.С. Четверикова 254
- Терентьев П.В. (1903–1970) – зоолог, доц., проф., зав. каф. зоологии позвоночных биофака ЛГУ. Один из организаторов совещания по применению математических методов в биологии 319, 347, 348, 602
- Тиеф Н.Ю. – давний корреспондент С.С. Четверикова, а затем Бунделя. Лепидоптеролог-любитель 402, 408, 413, 432
- Тимирязев К.А. (1843–1920) – известный основоположник русской научной школы физиологии растений и публицист. Член-кор. Петербургской АН. Преподавал в Петербургском и Московском университетах. Открыл закономерности фотосинтеза в растениях. Популяризатор научных знаний, дарвинист 30, 111, 113, 114
- Тимофеев-Ресовский Н.В. (1900–1981) – биолог, биофизик; ученик и разработчик идей С.С. Четверикова. Работал в ИЭБ, с 1925 по 1945 гг. – директор отдела генетики и биофизики в Институте мозга (Берлин). В 1947–1955 гг. – в ИТЛ НКВД на Урале. В 1955 г. научный сотрудник и руководитель отдела в Институте биологии Уральского отделения АН СССР. После 1964 г. – работал в Обнинске в Институте медицинской радиологии, был научным консультантом Института медико-биологических проблем. Акад. Германской и Итальянской АН. Награжден Дарвиновской плакеттой, получил Кимберовскую премию по генетике 5, 6, 32, 34, 65–67, 68, 70, 72, 147, 221–223, 231, 250, 276, 277, 279, 280, 284–286, 290, 291, 302, 315, 319, 323, 324, 326, 348–350, 416, 417, 422, 479, 482, 488, 499, 560, 584, 602, 603, 608
- Тимофеева (Тимофеева-Ресовская) Е.А. (1898–1975) – биолог, генетик, друг, жена и участница всех исследований Тимофеева-Ресовского 6, 32, 34, 65–67, 70, 72, 250, 276, 277, 279, 280, 284, 285, 302, 303, 315, 324, 326, 348, 350, 416, 417, 422, 479, 560, 570, 584, 602, 603
- Тимофей Анисимович – служащий имения Четвериковых в Кашинцеве 229
- Ткаченко 567
- Токин Б.П. (1900–1980) – эмбриолог, работал в Биологическом институте АН СССР, в Томском университете, в ИЭМ АМН СССР, с 1949 – зав. каф. эмбриологии ЛГУ. Изучал проблемы онтогенеза животных. Ввел понятие фитонцидов. Критик научных исследований А.С. Серебровского, Н.К. Кольцова, И.П. Павлова, Б.М. Завадовского, Н.И. Вавилова и др. 242
- Толстой А.К. (1817–1875) – граф, писатель, поэт-лирик и сатирик, член-кор. Петербургской АН (1873) 303
- Томсон (Thomson) 377
- Топчиев А.В. (1907–1962) – химик-органик, акад. АН СССР, член Президиума АН СССР (1954), главный ученый секретарь (1949–1958). С 1958 г. – вице-президент АН СССР, директор Института нефтехимического синтеза АН СССР 116, 269
- Трейчке Г. (Treitschke) (177?–1842) – австрийский энтомолог 300
- Третьяковы С.М. (1834–1892) и П.М. (1832–1898) – купцы, коллекционеры живописи, передавшие безвозмездно свою коллекцию Москве. Основатели Третьяковской галереи 23
- Тринклер Ю.Г. (1923–1996) и О.К. (1917–1999) – супруги, окончившие биофак и аспирантуру в ГГУ, селекционер – д.б.н., зоолог – к.б.н., работали в Горьковском с.-х. институте и ГПИ 537–540, 611
- Тубалкайн – преподавательница английского языка в ГГУ 93
- Тургенев И.С. – русский писатель 555
- Уваров Б. – зоолог, проф., эмигрировал в Англию до 1914 г. Член РЭО с 1910 г. 233, 604
- Ульянин – зоолог-энтомолог-лепидоптеролог (конец XIX в.) 145
- Умнов А.А. – лепидоптеролог, действительный член РЭО с 1911 г. 144
- Уоллес А.Р. (Wallace) (1823–1913) – английский натуралист-зоолог, дарвинист 128
- Уоррен Р.П. (Warren) (1905–1989) – американский писатель, критик, любитель бабочек 300, 384, 394
- Уотсон Д.Д. (Watson) (р. 1928) – американский биохимик, член Национальной АН США, с 1968 г. – директор лаборатории в Колд-Спринг-Харборе. Вместе с Криком и М. Уилкинсом создал модель структуры ДНК (1953) 567
- Уэльс – см. Уоллес А.Р. 83
- Фабр 157
- Фадеев В.П. (1902–1966) – проф., зав. каф. истории КПСС ГГУ (1937–1966) 109
- Фадеева А.С. – краевед, зав. библиотекой санатория МИД 17, 19
- Фауст – герой немецких народных легенд и произведений мировой литературы и искусства, символ человеческой тяги к знанию 253

- Федоровская З.Д. – ученица С.С. Четверикова по Учкомбову (г. Владимир). Позже – педагог средней школы 35, 36, 507, 508, 609
- Федосеев И. (р. 1915) – выпускник биофака ГУЦ (1936)
- Федченко А.П. (1844–1873) и жена О.А. – путешественник, зоо- и фитогеограф, этнограф, энтомолог, паразитолог. Жена – ботаник 365
- Ферри Л.В. (1906–1944) – член СООРОВ, ученик С.С. Четверикова в ИЭБ. Занимался структурой гена. Арестован, сослан в Томскую область, где преподавал и вел исследования по энтомологии. Покончил с собой 32, 250
- Ферсман А.Е. (1883–1935) – минералог и петрограф, геохимик, географ и путешественник. Крупный ученый и популяризатор научных знаний 608
- Филатов Д.П. (1876–1943) – гистолог, зав. эмбриологической лабораторией ИЭБа. Работал в Институте сравнительной анатомии, в МСХИ. Позднее руководил лаб. механики развития в ИЭБ, зав. лаб. экспериментальной эмбриологии в Институте экспериментального морфогенеза МГУ, зав. каф. эмбриологии МГУ. Один из основателей экспериментальной эмбриологии СССР 23, 238, 270
- Филиппов Г.С. – вместе с Г.А. Надсоном изучал мутационную изменчивость у грибов под влиянием радиационных воздействий 523
- Филиппченко Ю.А. (1882–1930) – генетик. Первым в России начал читать в Петербургском университете курс генетики (1913). Создал каф. генетики и экспериментальной зоологии (1919), первую в стране лаб. генетики АН СССР (1930), преобразованную в Институт генетики АН СССР (1933). Автор ряда учебников по генетике 57, 290, 307, 496, 500, 525
- Филиппьев И.Н. (1889–1940) – энтомолог, действительный член РЭО с 1911 г. Занимался насекомыми-вредителями сельского хозяйства. Последние годы – научный сотрудник ЗИНа, работал в МГУ, хлопотал о переводе ссыльного С.С. Четверикова в Ташкент 156, 157, 237, 245, 438, 446
- Фишер (Fischer) Р. (1890–1962) – английский статистик и биометрик, генетик, член Лондонского королевского общества, проф. Лондонского и Кембриджского университетов. Занимался теоретической статистикой и теорией эволюции, создал методы картирования хромосом. Один из создателей математической теории популяционной генетики 11, 106, 110, 239, 307, 313, 319, 350, 478
- Флэсс В.Э. (1904–1990?) – зоотехник, муж З.С. Никоро 88, 94, 95, 98, 100, 489, 490, 509, 513, 514, 517, 519, 527, 550
- Фохт (Фойхт) (Voigt) О. (1870–1959) – немецкий невролог-морфолог, проф., иностранный член-кор. АН СССР. Директор Института мозга Общества кайзера Вильгельма (1919–1936). Энтомолог-любитель 216, 217, 220, 284, 306, 309, 602
- Фортуноватов И.К. (1909–1987) – учился и работал в ГСХА, после августовской сессии ВАСХНИЛ – в Институте лесного хозяйства. Сын близкого друга Н.И. Вавилова. Селекционер плодовых деревьев 262, 265, 266, 272, 273, 602
- Фридлендер М. (Friedlander) – лепидоптеролог, опубликовал каталог бабочек 416
- Фриш 157
- Фролицева З.Е. (1894–1995) – сотрудник Опорного пункта по селекции дубового шелкопряда ГГУ 170, 514
- Фролова С.Л. (1884–?) – окончила МЖВК, зав. лаб. зоопсихологии ИЭБ, зам. дир. ИЭБ Н.К. Кольцова 32, 65, 68, 499, 504
- Хаас О. (Haas) – см. Банг-Хааз О.
- Хемпсон (Hampson) – см. Хэмпсон
- Хансен А. (Hansen) (1887–1975) – американский экономист
- Хансон (Hanson) – изучал действие рентгеновских лучей
- Харди Г.Х. (Hardy) (1877–1947) – английский математик, проф. Кембриджского и Оксфордского университетов; занимался теорией чисел, теоретической генетикой, теорией функций, член-кор. АН СССР, почетный член АН СССР 8, 12, 483
- Хенинг 148
- Хемпсон 300
- Хижняк В.А. – селекционер, получал пырейно-пшеничные гибриды, полиплоиды 111
- Холдейн Дж.Б.С. (Haldane) (1892–1964) – английский генетик, биолог, физиолог. Один из создателей математической теории генетики популяций. Ввел понятие о генетическом грузе. Занимался философией естествознания и проблемой происхождения жизни. Почетный иностранный член АН СССР, член Лондонского королевского общества, проф. Лондонского университета (1933–1957)
- Холодовский 11, 157, 234, 246, 350
- Хохлов А.Ф. (р. 1945) – окончил физфак ГГУ (1967). Ректор ГГУ, проф., зав. каф. физики твердых тел 119, 597
- Христоф – коллекционер бабочек, сдавший свои сборы в ЗИН АН СССР 446

- Хэмпсон (Hampson) – английский энтомолог, автор каталога бабочек "Catalogue of the Lepidoptera Phalaenae in the British Museum", 1903, London 283, 284, 300, 331, 333, 365, 367, 368, 394, 397, 398, 411
- Хюбнер Д. (Hubner) – см. Гюбнер Д.
- Цапкин И.В. – зам. директора издательства "Бюллетеней МОИП" 495
- Царапкин Л.С. – сын С.Р. Царапкина, сотрудник Миассовской биостанции УФАИ 284, 290, 305, 306, 315
- Царапкин Н.Р. – зам. каф. гистологии Горьковского (Нижегородского) мединститута, проф., доктор наук 343
- Царапкин С.Р. (1892–1960) – ученик и последователь С.М. Четверикова, член СО-Оров, выехал в Берлин вместе с Тимофеевым-Ресовским в Институт мозга. По возвращении был арестован. После лагерей и ссылки жил и умер в г. Рязани 6, 21, 32, 65, 66, 68, 70, 72, 221, 222, 250, 285, 289, 290, 304, 307–310, 315, 319, 320, 459, 584, 602, 603
- Царапкина А.С. – жена С.Р. Царапкина 319, 343
- Царапкины М.С. и Е.С. – дочери С.Р. Царапкина 15, 343
- Цветаев А.В. – москвич, любитель-коллекционер бабочек 353–356, 358, 364, 365, 373, 386, 461, 464
- Цезарь Гай Юлий (Gaius Yulius Caesar) (100–44 до н.э.) – диктатор и полководец Римской империи 394, 399
- Цинин Н.В. (1898–1980) – ботаник, генетик-селекционер, акад. АН СССР, ВАСХ-НИЛ. С 1945 г. – директор Главного ботанического сада АН СССР. Вице-президент ВАСХНТЛ (1938–1948) 111
- Цубина М.Г. – сотрудница С.С. Четверикова по ИЭБ 250
- Цюрупа А.Д. (1870–1928) – государственный деятель. Нарком продовольствия (1918). С 1925 г. – нарком внешней и внутренней торговли СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР 22
- Чайковский П.И. (1840–1893) – русский композитор, крупнейший симфонист, музыкальный драматург и лирик 340, 370, 375, 469
- Чаплыгин С. – директор МЖВК в 1909 г. 55, 56
- Челлини Б. (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир и писатель 370
- Челяпов – зав. отдела ВУЗов Наркомпрос 63
- Черневский А.Н. (1893–1942) – доц., зав. каф. физиологии животных ГГУ, представитель школы П.К. Анохина 94, 551
- Четвериков А.В. (1768–1830) – старший сын В.Н. Четверикова 13, 571
- Четвериков А.Д. (1886–1941) – кузен С.С. Четверикова. Умер от истощения в ссылке 17, 28
- Четвериков В.Н. (1730–1781) – родоначальник московской линии Четвериков (прапрадед С.С. Четверикова) 13, 572
- Четвериков Г.В. (1761–1825) – двоюродный прадед С.С. Четверикова 13
- Четвериков Д.И. (1908–1984) – внучатый племянник С.М. Четверикова 17, 28
- Четвериков Д.И. (1858–1910) – брат С.И. Четверикова, совладелец Городищенской фабрики 573
- Четвериков И.В. (1775–1852) – прадед С.С. Четверикова ("большой") 13, 14, 572, 573
- Четвериков И.В. (1781–1832) – сын В.Н. Четверикова (прапрадеда) 13, 572
- Четвериков И.В. (1782–1842) – двоюродный прадед С.С. Четверикова ("меньшой") 13, 14, 572, 573
- Четвериков И.И. (1817–1871) – дед С.С. Четверикова. Заслужил звание потомственного дворянина 13, 14, 18, 210, 572
- Четвериков Н.И. (1811(?)–1854) – брат И.И. Четверикова 572
- Четвериков Н.С. (1885–1973) – младший брат С.С. Четверикова. Математик, статистик 13, 15, 16, 17, 21–23, 26–29, 34, 35, 39–41, 145, 209, 210, 212, 213, 215–220, 224, 226, 234, 237, 238, 242, 244–247, 263, 264, 266, 268, 274, 276–281, 285, 288, 290, 293–295, 304–307, 309–311, 313, 316–320, 323, 326, 327, 329, 330, 333, 339, 341–343, 345, 346, 350, 351, 368, 372, 377, 386, 387, 389, 390, 392, 394, 395, 398, 399, 403, 405, 407, 410, 412, 413, 416–421, 423–426, 430, 431, 435, 436, 438–440, 445, 447, 449, 453, 456, 458–460, 462, 466, 467, 469, 470, 472–485, 494, 495, 553, 556–558, 560–565, 567, 571, 574, 577, 598, 601, 602, 604–609
- Четвериков С.И. (1850–1929) – отец С.С. Четверикова 13, 15, 16, 18–26, 28, 43, 209–214, 217–220, 223–225, 228, 233, 471, 472, 573, 574, 601, 606
- Четвериков Д.С. (1872–1972) – кузен С.С. Четверикова – геолог-петролог, проф. МГУ 250
- Четверикова А.А. (1863–1912) – жена Д.И. Четверикова (ур. Алексеева) 573
- Четверикова А.С. (XVIII–XIX вв.) – прапрабабушка 13, 572
- Четверикова (Михайлова) А.В. (1806–1839) – дочь прапрадеда С.С. Четверикова 14, 572
- Четверикова М.А. (ур. Алексеева) (1856–1935) – мать С.С. Четверикова 15, 16, 22, 23, 27, 211–213, 218, 219, 225, 226, 228, 264, 472, 476, 573

- Четверикова А.И. (ур. Кулакова) (1881–1947) – вторая жена С.С. Четверикова 27, 30, 32–35, 65, 66, 68, 70, 77, 121, 215, 216, 227, 229–231, 233, 235–245, 247, 250, 251, 253, 255–259, 276, 285, 286, 294, 304, 307, 323, 481, 484, 486, 487, 489, 493, 499, 502–504, 536, 537, 552, 561, 562, 574, 582, 601, 602
- Четверикова Е.Д. (1899–1972) – кузина С.М. Четверикова 17, 264
- Четверикова Е.С. (в замужестве Воздвиженская) (1903–1970) – дочь С.С. Четверикова (Лёля, Лелёшка – в семье отца) была широко образована, знала европейские языки 22, 27, 28, 218, 229, 484, 561, 562, 574
- Четверикова М.И. – трактирщица. По ошибке вместо нее в 1919 г. арестовали жену С.И. Четверикова 22
- Четверикова М.С. (1893–1977) – см. Майкова М.С.
- Четверикова Н.Д. (1902–1974) – племянница С.С. Четверикова, удочеренная его отцом после смерти родителей 16, 22
- Четверикова Т.Д. (1897–1982) – кузина С.С. Четверикова, в замужестве – Добрынина 264, 265, 604
- Чичибабин А.Е. (1871–1945) – химик-органик, акад. АН СССР (1928). Проф. каф. органической химии Московского высшего технического училища (до 1930). Эмигрировал во Францию 470
- Чупров А.А. (1874–1926) – русский теоретик статистики. Член-кор. Российской АН (1917). Читал курс статистики в Петербургском политехническом институте. Эмигрировал в 1917 г. 29, 313, 482–484
- Чупров А.И. (1842–1908) – экономист, публицист, главный редактор “Русских Ведомостей”. Член-кор. Петербургской АН (1887). Содействовал развитию земских статистических исследований в России. Отец А.А. Чупрова 482
- Шаверда (Schawerda) – автор определителей бабочек 411
- Шалыганова О.Н. – асс. каф. ботаники ГГУ, помощник декана биофака (1930–1940-е гг.) 37, 97, 99
- Шальнов Ю.Ф. – историк, сотрудник музея ГГУ 541
- Шапиро Н.И. (1906–1987) – генетик. В 1920-е гг. работал в ИЭБ, затем – доц. МГУ. Ученик С.С. Четверикова, участник СООРОВ. Работал у А.С. Серебровского в МГУ. Уволен из МГУ в 1948 г. В 1963 г. организовал в Институте молекулярной генетики лаб. генетики соматических клеток, которой руководил до 1987 г. Изучал мутационный процесс у дрозофилы, занимался радиобиологией, возглавлял исследования по генетике соматических клеток 32, 250
- Шапошникова – преподаватель биофака ГГУ в 1930-е гг. 546
- Шарп 157
- Шаскольский Д.В. (1908–1990) – был сотрудником ИЭБа. Окончил биофак МГУ в 1930 г., слушал лекции С.С. Четверикова по генетике 258, 604
- Шванвич 157
- Шварц С.С. (1919–1976) – зоолог, акад. АН СССР, работал в Уральском научном центре АН СССР (1946). С 1955 г. возглавлял Институт экологии растений и животных АН СССР. Исследовал проблемы популяционной биологии и экологии 554
- Шварц В.Ф. (р. 1917) – альголог, выпускница ГГУ 1941 г. 563
- Шварц Т.Ф. – хирург, сестра В.Ф. Шварц 563
- Шевелев Л.К. – зам. директора ГГУ (1938) и и.о. директора после ареста Л.А. Маньковского 89, 90
- Шереметьев А.Ф. (1916–1973) – генетик. С 1946 г. – доц. каф. генетики ГГУ (зав. каф. проф. С.М. Четверикова). С 1948 г. – доц. каф. дарвинизма. Декан биофака (1952–1972) 39, 111, 481, 516, 541–543, 552, 554, 555, 566–570, 595, 611, 612
- Шеронин М.А. (р. 1902) – выпускник ННГУ (1930) и ректор ГГУ (1938–1943) 96–100, 549, 591
- Шестаков 157
- Шиллер 486
- Шимаев – директор Уфимской опытной станции по шелководству 512, 515
- Шиндерман (р. 1916) – студент-энтомолог ГГУ 97
- Шмальгаузен И.И. (1884–1963) – зоолог и морфолог, сравнительный анатом. Акад. АН СССР и АН УССР. Зав. каф. сравнительной анатомии. Директор Института эволюционной морфологии АН СССР. Работал в Зоологическом институте АН СССР. Почетный член германской АН и Академии зоологии в Агре (Индия). Награжден золотой медалью им. И.И. Мечникова и Дарвинской плакеттой. Основные работы посвящены эволюционной морфологии, экспериментальной зоологии, филогении животных, эволюционному учению и биокibernетике 349, 482, 608
- Шмиденект 157
- Шопен (Chopin) Фридерик (1810–1849) – польский композитор и пианист 341

- Шоу (Shaw) Д.Б. (1856–1950) – английский писатель 395
- Шпулен (Spuler) – автор каталога бабочек 411, 433, 452, 463
- Шредер В.И. (р. 1897) – биолог, д.б.н., проф., зав. лаб. ИЭБ (1925–1931), зав. лаб. физической химии клеток и тканей Института цитологии, гистологии, эмбриологии АН СССР (1938–1947), зав. лаб. Института морфологии животных АН СССР (1947–1957), ст.н.с. Института морфологии животных (1957–1963) 238
- Шредингер Э. (1887–1961) – австрийский физик, биофизик, один из основателей квантовой физики. Проф. ряда европейских университетов, директор основанного им Института высших исследований. Иностранный член АН СССР. Лауреат Нобелевской премии (1933). Впервые сформулировал проблему расшифровки генетического кода 285
- Штакельберг А.А. (1897–1975) – энтомолог. Зав. отделом энтомологии и лабораторией систематики зоологического музея ЗИНа, почетный президент Всесоюзного энтомологического общества. Член РЭО с 1916 г. 61, 439
- Штандель А.Е. (?–1970-е гг.) – физик, доц., зав. кафедры физики в Харьковском университете. Лепидоптеролог-любитель. Сбирал бабочек преимущественно в Средней Азии 341, 452, 456, 462, 463, 465
- Штаудингер (1880?–1965?) – крупный лепидоптеролог, составитель каталога палеоарктических бабочек и давший имя многим найденным им видам (Stgr.) 284, 354, 364, 384, 436, 457, 458, 462–464, 606
- Штекер Д.Г. (1921–1942) – сын двоюродной сестры С.С. Четверикова Е.Д. Четвериковой 17
- Штерн К. (Stern) (1902–1918) – зоолог, генетик, автор книги “Генетика человека”, перевел книгу на русский язык Н.С. Четвериков. В 1933 г. эмигрировал в США, работал в Калифорнийском университете в г. Беркли. Награжден Кимберовской премией по генетике. Основные работы посвящены изучению мутации генов и кроссинговера у дрозофилы, цитогенетике человека 483
- Штихель (Stichel) – лепидоптеролог 380, 381
- Шумен (Schumann) Роберт (1810–1856) – немецкий композитор 341
- Шухгалтер Т.А. – сотрудник каф. физиологии человека и животных ГГУ 551
- Шеголев Г.Г. – начальник управления университетов, преподаватель I МГУ (1920-е гг.) 100
- Щеткин Ю.Л. (1919–1995?) – лепидоптеролог, систематик и географ 432, 436, 464
- Щуко В.А. (1878–1939) – архитектор, театральный художник, коллекционер бабочек Сибири 144
- Эвери О.Т. (1877–1955) – микробиолог и биохимик. Установил роль ДНК в передаче наследственной информации (1944) 538
- Эверсман Э.А. (1794–1860) – российский зоолог и путешественник; известный коллекционер бабочек, описавший ряд видов. Член-кор. Петербургской АН 446
- Эйнштейн (Einstein) А. (1879–1955) – физик-теоретик, иностранный член-кор. АН СССР, иностранный почетный член АН СССР. Создатель теории относительности 376
- Экзюпери (Saint-Exupery) А. (1900–1944) – французский писатель, летчик 24
- Энгельгардт В.А. (1894–1984) – биохимик, акад. АН СССР, акад. АМН СССР, сотр. Биохимического института Наркомздрава СССР, проф. каф. биохимии Казанского университета и Казанского медицинского института, Ленинградского и Московского университетов. Одновременно заведовал рядом биохимических лабораторий, в т.ч. был создателем и директором Института молекулярной биологии АН СССР (с 1959 г.); в 1955–1959 гг. акад. – секретарь Отделения биологических наук АН СССР. Один из основоположников отечественной молекулярной биологии 271, 280
- Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895) – один из основоположников научного коммунизма, друг и соратник К. Маркса 500
- Эфроимсон В.П. (1908–1989) – генетик. Работал в ИЭБ, затем в Закавказском института шелководства Наркомзема СССР, в московском Медико-биологическом институте СССР. С 1961 г. по 1968 г. – в московском Институте вакцин и сывороток, затем в НИИ психиатрии Минздрава РСФСР. С 1976 г. – научный консультант Института биологии развития СССР. Последователь и ученик С.С. Четверикова. Открыто выступал в защиту С.С. Четверикова в период его травли (1926–1929). Докторскую диссертацию “Проблемы генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда” за-

щитил в 1947 г., лишен степени в 1948 г., вновь получил её в 1962 г. Дважды был репрессирован в 1932–1935 гг. и 1949–1955 гг. Реабилитирован в 1956 г. 21, 31, 271, 302, 479, 516, 532

Юм Д. (Hume) (1711–1776) – английский философ, историк, экономист. Агностик 484

Якобсон Г. – лепидоптеролог 157

Яковлев А.А. (1884–?) – ректор ГГУ (1943–1945) 102, 103, 104, 107–109, 593

Яхонтов А.А. (1856–1956) – член РЭО, педагог и коллекционер бабочек. Автор статей и книг по зоологии методического характера, в том числе книги “Наши дневные бабочки” 144, 358, 364

Della Torre см. Делла Торре
East 208
Hampson Y. 283, 330
Jones 208

Iordan 283
Reverdin см. Реверден
Pierce F. см. Пиерс Ф.
Wright S. см. Райтс 208

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕТВЕРИКОВ – ПЕДАГОГ, ЭНТОМОЛОГ, ГЕНЕТИК	5
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА ЧЕТВЕРИКОВА. ЕГО ЖИЗ- НЕННЫЙ ПУТЬ	13
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	43
ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ.....	46
Годы учебы (1892–1909).....	46
Реальное училище. Гимназия (1892–1900).....	46
Естественное отделение физико-математического факультета Император- ского московского университета (ИМУ) (1900–1906)	48
Подготовка к профессорскому званию в ИМУ (1907–1909)	52
Годы работы и жизни на пенсии (1909–1959).....	55
Высшие женские курсы Герье (1909–1919).....	55
I МГУ (1919–1929)	57
ИЭБ Наркомздрава (1922–1929)	65
Ссылка (1929–1935)	80
ГГУ (1935–1948).....	80
Изгнание. Жизнь на пенсии (1948–1959).....	115
Эпилог. Реабилитация	117
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ	126
Стенограмма доклада “Математические перспективы современной систематики и биологии”, прочитанного для сотрудников сельскохозяйственного института опытного дела.....	126
Доклад “О трансгрессиях и регрессиях видов” на семинаре научных сотрудников ИЭБ	142
Развернутый план доклада “О происхождении и сущности мутационной изменчи- вости”, прочитанного в МОИПе	145
Конспект лекции “От чего зависит пол человека и животных” из цикла “Лекции выходного дня” для жителей Сормовского района г. Горького	148
Развернутый план лекционного и практического курсов по энтомологии для студентов биологического факультета ГГУ, специализирующихся по зоологии беспозвоночных	149
Годовой отчет Горьковского Опорного пункта по селекции дубового шелкопряда за 1941 оперативный год.....	161

Тезисы доклада о дубовом шелкопряде в Горьковском отделении Общества испытателей природы	183
Расширенный план вводной лекции для студентов ГГУ, специализирующихся в области генетики и селекции. Теоретические основы селекции. 1947–1948 уч.г.	184
Из “завещания” С.С. Четверикова. Каким должен быть доклад	186
Мысли по поводу инбридинга	187
ПЕРЕПИСКА	209
Переписка с родственниками, учениками, коллегами	209
Переписка с А.А. Бунделем	352
ВОСПОМИНАНИЯ	471
<i>С.И. Четвериков</i> . Воспоминания о своем малолетнем сыне Сереже из серии новелл “Разные случаи из жизни моих детей”, написанных в эмиграции.....	471
<i>Н.С. Четвериков</i> . Воспоминания о брате.....	472
<i>И.И. Пузанов</i> . Мои воспоминания о Сергее Сергеевиче Четверикове	486
<i>С.М. Гершензон</i> . Мои воспоминания о Сергее Сергеевиче Четверикове.....	496
<i>А.П. Сушкина</i> . Поездка С.С. Четверикова на Хибины в 1926 г.	505
<i>З.Д. Федоровская</i> . Воспоминания о С.С. Четверикове в период его ссылки во Владимире в 1932–1934 гг.	507
<i>И.В. Жданова</i> . О деятельности С.С. Четверикова во Владимире в 1932 г.	508
<i>И.Н. Грязнов</i> . У истоков кафедры генетики ГГУ.....	508
<i>В.А. Крылова</i> . Воспоминания о работе с профессором С.С. Четвериковым на Опорном пункте дубового шелкопряда.....	511
<i>В.Д. Смирнова</i> . Сергей Сергеевич Четвериков – один из пионеров дубового шелководства. Шелководы – горьковчане.....	513
<i>М.М. Рудакова</i> . Воспоминания о годах студенческих и наших учителях.....	521
<i>Е.Ф. Бондаренко</i> . Воспоминания о Сергее Сергеевиче Четверикове	530
<i>Т.А. Мотрий (Медведева)</i> . Воспоминания о профессоре С.С. Четверикове.....	532
<i>Г.Т. Протасова</i> . Несколько строк о С.С. Четверикове	534
<i>П.А. Суворов</i> . Воспоминания о проф. С.С. Четверикове	536
<i>Ю.Г. Тринклер, О.К. Тринклер</i> . Воспоминания о Сергее Сергеевиче Четверикове	537
<i>В.И. Козлов</i> . Воспоминания о С.С. Четверикове	540
<i>А.Н. Смылова</i> . О работе по оформлению пенсионных документов для С.С. Четверикова и хлопотах по назначению академической пенсии	544
<i>Т.Е. Калинина</i> . Встречи с С.С. Четвериковым	546
<i>И.Ф. Жимулев</i> . О захоронении С.С. Четверикова в Нижнем Новгороде	565
ПРИЛОЖЕНИЕ	572
РОДОСЛОВНАЯ ПРОФ. СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА ЧЕТВЕРИКОВА	572
КОММЕНТАРИИ	576
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	613
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	615

Научное издание

**СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
ЧЕТВЕРИКОВ**

**ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ.
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ.
ПЕРЕПИСКА. ВОСПОМИНАНИЯ
(Научное наследство; Т. 28).**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научное наследство”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Н.М. Александрова*
Художественный редактор *Е.А. Быкова*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 19.07.2002

Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 52,7 + 2,7 вкл. Усл.кр.-отт. 56,0. Уч.-изд.л. 57,7

Тираж 350 экз. Тип. зак. 3440

Издательство “Наука”

117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-002766-9

9 785020 027664

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:**

Естественнонаучное наследие декабриста П.И. Борисова.
(М.: Наука, 2002. – (Науч. наследство; Т. 29).
ISBN 5-02-002767-7

В книге впервые публикуются научные труды декабриста П.И. Борисова, главный среди которых, “Орнитологическая фауна Восточной Сибири” с описанием и рисунками птиц. Все они сделаны с натуры во время его пребывания в ссылке. Работы П.И. Борисова, талантливого натуралиста и одаренного художника, позволяют понять философские взгляды декабриста, познаться с размышлениями о развитии природы.

Эта книга о жизни, творчестве и беспримерном мужестве декабристов.

Для биологов, экологов и всех интересующихся историей науки.

Никитишен В.И.

Плодородие почвы и устойчивость функционирования агроэкосистем / В.И. Никитишен; [Отв. ред. В.Г. Минеев] – М.: Наука, 2002.

ISBN 5-02-002751-0

В монографии обобщены результаты многолетних исследований автора, освещающие эколого-агрохимические аспекты воспроизводства почвенного плодородия, оптимизации минерального питания культурных растений и формирования высокопродуктивных агроценозов в условиях длительного применения удобрений на серых лесных почвах ополья Центральной России. Обосновано представление об экологически сбалансированном круговороте веществ как определяющем условии функционирования агроэкосистем в адаптивной земледелии.

Для почвоведов, агрохимиков и агроэкологов, специализирующихся в области изучения плодородия почв.

Корякин В.С.

Федерик Альберт Кук, 1865–1940. – М.: Наука, 2002. –
(Науч.-биограф. лит.).
ISBN 5-02-022730-7

Герой этой книги на рубеже XIX–XX столетий первым зимовал в Антарктике. Первым достиг высочайшей вершины Северной Америки, и также первым побывал у Северного полюса, а, возможно, и на нем самом. Однако его заслуги не были признаны, а сам он был оклеветан и несколько лет провел в тюрьме по ложному обвинению. Только после его смерти постепенно стало выясняться, что все, что раньше люди (включая некоторых ученых) принимали за заведомую ложь, действительно имеет место в высоких широтах.

Эта книга о месте исследователя в современном обществе и о признании обществом его заслуг.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах: Международная переписка. Т. V. 1936–1937. – М.: Наука, 2002.

ISBN 5-02-006409-2

В V том включены письма Н.И. Вавилова и зарубежных корреспондентов к нему за период 1936–1937 гг. Это годы обострения дискуссий в биологии, нападок на школу генетиков и Всесоюзный институт растениеводства со стороны Т.Д. Лысенко. Н.И. Вавилов отстранен от должности президента ВАСХНИЛ, уезжают из СССР приглашенные на работу иностранные ученые (Н.И. Мюллер и др.), переносится на 1938 г., а затем запрещается проведение в СССР VII Международного генетического конгресса. Но, как видно по переписке, Н.И. Вавилов с неиссякаемой энергией продолжает работу по сбору коллекций растений (экспедиции на Кавказ, Украину), по сбору зарубежного опыта в генетике и селекции, по руководству двумя институтами, по организации строительства института генетики в Москве.

Для биологов широкого профиля, работников сельскохозяйственной науки, лиц, интересующихся историей биологической науки.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”**

Магазины “Книга–почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7-б; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22

142292 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (1 код 277) 3-38-80

443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65

199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74, факс (3472) 24-46-94

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g23.relcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

WWW. AK-Book. naukaran.ru

По вопросам приобретения книг

просим обращаться также

в Издательство по адресу:

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90

тел. факс (095) 334-98-59

E-mail: initsiat @ naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru
